РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 2. ФЕВРАЛЬ 1901 ГОДА №. 2.

НА ПОРОГѢ ДВАДЦАТАГО ВѢКА.

Девятнадцатое столѣтіе окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего можетъ ожидать этотъ классъ отъ начавшагося двадцатаго вѣка?

Девятнадцатое столѣтіе ознаменовалось поразительнымъ развитіемъ техники. Производительныя силы цивилизованныхъ обществъ приняли въ теченіе этого столѣтія огромные, небывалые размѣры. Ихъ ростъ естественно велъ за собою ростъ общественнаго богатства. Но быстро растущее богатство цивилизованныхъ странъ не устранило существовавшей въ нихъ бѣдности. Напротивъ. Небывалое развитіе производительныхъ силъ явилось новымъ факторомъ ея увеличенія. Это очень мѣтко указано и хорошо объяснено нѣкоторыми членами англійской королевской коммиссіи, назначенной для изслѣдованія причинъ застоя промышленности и торговли (Trade Depression). Въ особой запискѣ, которая вошла составною частью въ „Заключительный Докладъ“ (Final Report) коммиссіи, эти члены говорятъ, что, вслѣдствіе роста производительныхъ силъ, кореннымъ образомъ измѣнились условія существованія цивилизованныхъ обществъ: прежде главная трудность заключалась для нихъ въ рѣдкости и дороговизнѣ предметовъ необходимости и удобства; а теперь она состоитъ въ томъ, что — благодаря развитію машиннаго производства — людямъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ своей силы (т. е. пролетаріямъ), все труднѣе становится найти заработокъ, а слѣдовательно, и средства къ жизни.

Это значитъ, что борьба за жизнь въ цивилизованныхъ обществахъ XIX-го вѣка становилась тѣмъ труднѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ болѣе росли ихъ производительныя силы, т. е. чѣмъ болѣе увеличивалась матеріальная возможность изгнанія изъ ихъ среды бѣдности и связанныхъ съ нею страданій.

Бѣдность порождалась избыткомъ. Это противорѣчіе, на которое указывалъ еще геніальный Фурье, перешло неразрѣшеннымъ въ двадцатый вѣкъ. Его устраненіе составитъ главнѣйшую общественную задачу этого послѣдняго.

Чѣмъ труднѣе и ожесточеннѣе становилась борьба за существованіе въ цивилизованныхъ обществахъ XIX-го вѣка, тѣмъ болѣе увеличивались для отдѣльныхъ членовъ этихъ обществъ шансы нравственнаго паденія и даже полнаго нравственнаго одичанія. Ихъ преступность росла въ общемъ гораздо быстрѣе, чѣмъ ихъ населеніе, при чемъ въ числѣ осужденныхъ все болѣе увеличивался процентъ рецидивистовъ, наглядно показывая этимъ полную несостоятельность тѣхъ мѣръ, которыя принимались цивилизованными обществами для своего нравственнаго оздоровленія.

Такимъ образомъ, если ростъ производительныхъ силъ порождалъ бѣдность тамъ, гдѣ онъ могъ бы создать невиданное прежде матеріальное довольство, то онъ же, затрудняя борьбу за существованіе и усложняя общественную жизнь, — велъ къ умноженію нравственныхъ страданій и нравственной испорченности тамъ, гдѣ онъ могъ бы — устранивъ искушенія экономической борьбы за жизнь — дать сильнѣйшій толчокъ нравственному облагороженію цивилизованнаго человѣчества.

Это противорѣчіе тоже не было разрѣшено XIX-ымъ вѣкомъ и тоже цѣликомъ перешло въ XX-ый.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и безкорыстные защитники капитализма, несомнѣнно, что увеличеніе трудности борьбы за жизнь и это умноженіе шансовъ нравственной испорченности означаетъ ухудшеніе быта рабочихъ. Въ этомъ отношеніи XIX-ый вѣкъ былъ для нихъ неблагопріятенъ.

Но онъ былъ чрезвычайно благопріятенъ для нихъ въ другомъ отношеніи. Онъ далъ имъ — или, по крайней мѣрѣ, ихъ передовой, наиболѣе чуткой и развитой части — то, что для нихъ важнѣе всѣхъ матеріальныхъ благъ и безъ чего невозможно коренное улучшеніе ихъ участи: ясное сознаніе непримиримой противоположности ихъ интересовъ съ интересами эксплуататоровъ и твердое убѣжденіе въ томъ, что освобожденіе рабочихъ должно и можетъ быть дѣломъ самихъ рабочихъ.

Подобно тому, какъ XVI, XVII и XVIII-ое столѣтія ознаменовались освободительнымъ движеніемъ буржуазіи, XIX-ый вѣкъ былъ вѣкомъ освободительнаго движенія рабочаго класса. Въ этомъ заключается главнѣйшая отличительная черта его культурной исторіи и драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, переданное имъ XX-му вѣку.

Но между освободительнымъ движеніемъ буржуазіи и освободительнымъ движеніемъ пролетаріата есть существенная разница. Освободительное движеніе буржуазіи совершалось въ пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплуатацію человѣка человѣкомъ, а только измѣнило ея форму. Освободительное движеніе рабочаго класса совершается въ пользу огромнаго большинства, и его торжество на всегда положитъ конецъ эксплуатаціи однихъ людей другими. Вотъ почему побѣда пролетаріата будетъ въ то же время осуществленіемъ самаго высокаго изъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, до которыхъ додумалось цивилизованное человѣчество. Побѣда рабочаго движенія, которому многіе — умышленно или по недоразумѣнію — приписываютъ лишь узкія, грубыя, „желудочныя“ цѣли, будетъ въ дѣйствительности величайшимъ торжествомъ нравственнаго идеализма.

Но между борющимся пролетаріатомъ и его великой цѣлью стоитъ свирѣпый и близорукій эгоизмъ высшихъ классовъ, которые чувствуютъ себя прекрасно при теперешнемъ общественномъ порядкѣ и въ лучшемъ случаѣ могли бы добровольно согласиться лишь на нѣкоторыя частныя его передѣлки. Благодаря этому свирѣпому и близорукому эгоизму не мало крови рабочихъ пролилось въ XIX-мъ вѣкѣ и, вѣроятно, не мало прольется ея и въ XX-мъ. И противъ этого эгоизма пролетаріатъ имѣетъ лишь одно средство: объединеніе своихъ силъ ради завоеванія политической власти. Когда рабочій классъ тѣмъ или инымъ путемъ добьется политическаго господства, тогда консервативное упорство эксплуататоровъ разобьется о революціонную энергію эксплуатируемыхъ, и тогда будутъ устранены указанныя нами противорѣчія, унаслѣдованныя XX-мъ в. отъ XIX-го; царство капитализма будетъ окончено; начнется эпоха соціализма.

Двадцатый вѣкъ осуществитъ лучшія, радикальнѣйшія стремленія XIX-го вѣка. Но какъ ни твердо увѣрены мы въ побѣдѣ пролетаріата, какъ ни ясно видимъ мы стоящую передъ нимъ великую цѣль, мы не хотимъ обманывать ни самихъ себя, ни нашихъ читателей. Мы вовсе не думаемъ, что насъ ждетъ легкая побѣда. Наоборотъ, мы хорошо знаемъ, какъ тяжелъ путь, лежащій передъ нами. Насъ ожидаетъ на немъ много частныхъ пораженій и тяжелыхъ разочарованій. Не мало въ теченіе этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тѣсно связанныхъ единствомъ одинаковыхъ стремленій. Уже теперь въ великомъ соціалистическомъ движеніи обнаруживается два различныхъ направленія, и, можетъ быть, революціонная борьба XX-го в. приведетъ къ тому, что можно будетъ mutatis mutandis назвать разрывомъ соціалдемократической „Горы“ съ соціалдемократической Жирондой.

Но каковы бы ни были трудности, пораженія и разочарованія, ожидающія революціонный пролетаріатъ въ его борьбѣ, — его окончательное торжество не можетъ подлежать сомнѣнію. За него ручается какъ общій ходъ соціальнаго развитія въ цивилизованномъ мірѣ, такъ и — въ особенности — развитіе той производительной силы, которую Марксъ назвалъ самою важною изъ всѣхъ: самого рабочаго класса. Соціалистическій идеалъ все глубже и глубже проникаетъ въ среду пролетаріата, развивая его мысль и удесятеряя его нравственныя силы. Людямъ, борющимся во имя этого идеала, буржуазія уже въ настоящее время можетъ противопоставить лишь голое насиліе, да безсознательность нѣкоторой — правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но безсознательность уступитъ мѣсто сознанію, передовые рабочіе подтолкнутъ отсталыхъ, и тогда... тогда буржуазіи останется развѣ уже „непротивленіе злу насиліемъ“, потому что на сторонѣ революціонеровъ будетъ тогда также и физическая сила.

Такъ обстоитъ дѣло на Западѣ. А что сказать намъ о нашемъ отечествѣ? Россія далеко не такъ богата и далеко не такъ образованна, какъ западно-европейскія страны. Но и въ ней общественное развитіе не прошло безслѣдно для соціализма, и въ ней XIX-ый вѣкъ завѣщаетъ XX-му драгоцѣнное наслѣдство: зародышъ соціалдемократической рабочей партіи. Историческая обстановка несомнѣнно очень благопріятна для быстраго развитія этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна можетъ и должна учиться у другихъ, ее опередившихъ, то соціалистическая Россія можетъ и должна многому научиться у западно-европейскихъ соціалистовъ. Самый главный и ничѣмъ незамѣнимый урокъ, даваемый намъ всей исторіей западно-европейскаго соціализма, заключается въ томъ, что въ каждой данной странѣ ближайшія задачи и тактика рабочей партіи опредѣляются дѣйствительными общественными отношеніями этой страны. Забывать объ этихъ отношеніяхъ, руководствуясь общими положеніями соціализма, значитъ покидать почву дѣйствительности. Намъ, русскимъ соціалдемократамъ, необходимо помнить, что XX-ый вѣкъ ставитъ передъ нами такую политическую задачу, которая съ большею или меньшею полнотою уже рѣшена на Западѣ; у насъ во всей красѣ цвѣтетъ то самодержавіе, о которомъ западно-европейскіе люди знаютъ только по наслышкѣ. Разрушеніе самодержавія безусловно необходимо для успѣшнаго и правильнаго развитія нашей партіи. Если между западно-европейскими соціалистами и ихъ великой цѣлью стоитъ эгоизмъ имущихъ классовъ, то между нашей зарождающейся партіей и западно-европейской соціалистической семьею стоитъ, подобно китайской стѣнѣ, самодержавный царь съ его полицейскимъ государствомъ. Но нѣтъ такой стѣны, которую не могла бы разрушить человѣческая энергія. Русская соціалдемократическая партія возьметъ на себя иниціативу борьбы съ абсолютизмомъ, и она нанесетъ ему смертельный ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ тѣхъ элементовъ, на которые давитъ теперь тяжелое, неуклюжее зданіе неограниченной монархіи.

Политическая свобода будетъ первымъ крупнымъ культурнымъ завоеваніемъ Россіи XX-го вѣка.

РАБОЧІЙ КЛАССЪ И „РУССКОЕ ЗНАМЯ“.

У насъ принято придавать слишкомъ мало значенія тому злу, которое вноситъ въ народную жизнь подлая реакціонная печать, одна лишь пользующаяся свободой говорить то, что ей надо, въ то время какъ на всякое честное слово надѣтъ цензурный намордникъ. Мы всѣ, конечно, ненавидимъ „Свѣтъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Новое Время“ и подобные органы печати, но мы обыкновенно ненавидимъ въ нихъ только представителей враждебныхъ намъ классовъ, — дворянства, буржуазіи, чиновниковъ. Намъ не всегда ясна та вредная роль, которую играетъ эта печать въ дѣлѣ затемнѣнія народнаго сознанія, въ смыслѣ отвлеченія все растущихъ въ народѣ чувствъ возмущенія и протеста въ сторону такой борьбы, которая можетъ только вредить народнымъ интересамъ. У насъ сложилась привычка смотрѣть на сознаніе рабочихъ массъ, какъ на какую-то чистую доску, на которой „жизнедѣятельность“, борьба вырисовываетъ надлежащія идеи, которыя агитатору нужно только привести въ извѣстный порядокъ. Началась массовая борьба съ капиталистами, зародился въ массахъ протестъ — этого достаточно, чтобы ручаться за правильное развитіе сознанія массъ. Началась массовая экономическая борьба, — и можно быть спокойнымъ за то, что рабочая мысль шагъ за шагомъ освободится отъ всего наслѣдія вѣковъ, отъ всей лжи одолѣвшихъ ее предразсудковъ. Пусть-де только агитаторъ обуздаетъ свой пылъ, пусть не спѣшитъ нести массамъ все то, что онъ знаетъ: пусть ограничится яснымъ формулированіемъ того, что уже безсознательно чувствуется массой. Не насилуйте рабочую мысль, кричатъ намъ съ разныхъ сторонъ, не спѣшите разъяснять рабочимъ массамъ тѣ вопросы, пониманіе которыхъ имъ еще чуждо, не говорите о политическихъ вопросахъ, когда масса начала только бороться за насущный кусокъ хлѣба, не спѣшите говорить о соціализмѣ, когда еще не вездѣ понята необходимость борьбы за сокращеніе рабочаго дня. Жизнь сдѣлаетъ свое, говорятъ эти совѣтчики, будетъ время, и эти хорошія вещи станутъ умѣстны, надо только „медленнѣе спѣшить“, не забѣгать впередъ.

На дѣлѣ оказывается, жизнь не медлитъ. Оказывается, что жизнь-то много сложнѣе, чѣмъ это представляютъ себѣ проповѣдники медленнаго поспѣшанія. Оказывается, что эта жизнь, создаваемыя ею классовыя противорѣчія не только расчищаютъ сознаніе рабочихъ массъ, но подчасъ и засоряютъ, затемняютъ его: если эта жизнь извѣстными сторонами облегчаетъ агитатору просвѣтительно-революціонную работу, то другими сторонами, напротивъ, затрудняетъ ее, нагромождая на его пути новыя препятствія. Оказывается, что на выработку сознанія и чувствъ массы вліяетъ не одна лишь обстановка фабричнаго труда, не одни только отношенія рабочихъ къ капиталисту; оказывается, что вся та вредная реакціонная политическая проповѣдь, которою занимается извѣстная часть легальной печати, тоже входитъ въ ту „жизнь“, которая является школой воспитанія рабочей мысли. Тѣ стороны жизни, которыя вліяютъ на сознаніе массъ развращающимъ образомъ, вѣчно развиваются, и каждый шагъ въ распространеніи въ народѣ грамотности, каждое возрастаніе умственныхъ запросовъ рабочаго люда ведетъ за собой, при современныхъ политическихъ условіяхъ, увеличеніе той порціи нравственнаго яда, который несутъ въ среду читателей „Новое Время“, „Свѣтъ“ и имъ подобныя литературныя клоаки.

Въ городѣ Харьковѣ существуетъ „патріотическая“ газета „Южный Край“, которая издавна стоитъ въ первыхъ рядахъ реакціонной печати. Этотъ достойный товарищъ „Московскихъ Вѣдомостей“ получилъ монопольное право воспитывать сознаніе харьковскаго обывателя: въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 20 лѣтъ правительство упорно отказываетъ кому бы то ни было въ правѣ издавать другую газету въ Харьковѣ. Такимъ образомъ, „Южный Край“ имѣетъ возможность, не встрѣчая возраженій, сѣять въ умахъ читателей вражду къ полякамъ, нѣмцамъ и т. д. Извѣстно, что въ рабочемъ классѣ все болѣе распространяется чтеніе мѣстныхъ газетъ. Падая на благопріятную почву вѣковыхъ предразсудковъ, сѣмена „патріотической“ печати даютъ плоды. Съ такимъ плодомъ мы хотимъ познакомить читателей.

Этой осенью на громадной пенько-прядильной и канатной фабрикѣ у станціи Новая Баварія подъ Харьковомъ произошелъ пожаръ, послѣ котораго администрація стала массами увольнять рабочихъ, не взирая на то, что многіе изъ нихъ были выписаны въ Харьковъ изъ владимірскаго района. Возникло, конечно, сильное недовольство, выраженіемъ котораго явилась слѣдующая, распространенная въ концѣ сентября гектографированная прокламація:

„Братцы! Долго-ли еще мы будемъ терпѣть польское иго? Долго-ли мы будемъ подчиняться хамамъ Коммеру, Вильгу, Іоннзибургу, Мухарскому и всѣмъ негодяямъ, высасывающимъ изъ насъ всѣ соки! Неужели, братцы, вновь поляки завладѣли Малороссіей, и вся кровь, пролитая русскими за покореніе Польши, окажется пролитой даромъ? Довольно они насъ мучили, довольно несправедливо штрафовали, глумились, надсмѣхались надъ нами. Наши права растоптаны ногами поляковъ, но мы должны ихъ защищать. Терпѣть ужь больше не въ моготу. Всѣ мы на пожарѣ работали, одежу жгли, руки уродовали, рисковали своей жизнью, а поляки, наши голубчики, папиросы покуривали, посмѣивались, чайкомъ да пивомъ забавлялись. Мы тушили, работали, а намъ и горло промочить не дали! А послѣ что? Имъ награда, а намъ разсчетъ! Хороши хозяева!!! Вѣдь въ Польшѣ поляки не принимаютъ русскихъ на свои фабрики. Зачѣмъ же у насъ полякамъ даютъ преимущества и плата имъ больше, и награда, а насъ какъ дураковъ неспособныхъ выставляютъ? Мы не противъ царя идемъ, а противъ враговъ Россіи. И полиція, и жандармы спасибо не скажутъ, когда узнаютъ, что поляковъ здѣсь выдвигаютъ, а своихъ тѣснятъ. Не намъ однимъ приходится бороться со своими директорами: не разъ ихъ уже въ мѣшки сажали и по двору такъ катали, да и другія расправы бывали, и на тотъ свѣтъ ихъ отправляли.

„Собраться намъ надо, братцы, поговорить ладкомъ, да обсудить, какъ намъ проучить всю эту польско-жидовскую сволочь!

„Будемъ дѣйствовать дружно! Впередъ, братцы!!! Побольше храбрости, и русское знамя снова гордо взовьется на нашей фабрикѣ!!! Долой поляковъ!!! Впередъ на борьбу и побѣду!!!“

Бѣдные рабы капитала! Почувствовавъ потребность бороться противъ своего врага, они хватаются за его же оружіе, за его же языкъ, за тѣ самыя идеи, которыя приспѣшниками капитала вносятся въ сознаніе рабочихъ. Бѣдные рабы! Они вѣчно слышатъ, вѣчно читаютъ о „русскомъ знамени“, которое гордо развѣвается надъ милліонами порабощенныхъ русскимъ царемъ иноплеменниковъ, и они захотѣли почувствовать себя въ счастливомъ положеніи побѣдителей, захотѣли потребовать и себѣ часть плодовъ этой побѣды. На каждомъ шагу представители буржуазіи устраиваютъ свои гешефты, играя на „патріотической“ струнѣ: русскіе фабриканты требуютъ и получаютъ право грабить весь народъ во имя интересовъ „русской промышленности“. Подъ знаменемъ „Россія для русскихъ“ разные слои буржуазіи добиваются права оттѣснять своихъ польскихъ, еврейскихъ и иныхъ инородческихъ соперниковъ въ дѣлѣ расхищенія народнаго достоянія. Мудрено-ли, что и кое-какимъ рабочимъ пришло въ голову воспользоваться этимъ славнымъ знаменемъ, чтобы во имя русскаго дѣла протестовать противъ грабительскихъ выходокъ капитала.

Бѣда лишь та, что то, что буржуазіи здорово, пролетаріату смерть. Буржуа можетъ себѣ позволить въ погонѣ за наживой натравлять одинъ народъ на другой, сѣять національную вражду, — только для того, чтобы подъ шумокъ красивыхъ фразъ о русскомъ знамени урвать процентъ-другой барыша. Пролетаріатъ не можетъ себѣ позволить этого, не можетъ потому, что вся его надежда на улучшеніе жизни въ солидарности, въ единеніи всѣхъ рабочихъ безъ различія національностей, и все, что сѣетъ рознь между разными народностями, мѣшаетъ дѣлу этой солидарности, тормозитъ рабочее движеніе. Вы хотите, господа, выѣхать на томъ, что не противъ царя вы идете, а противъ „враговъ Россіи“, на покореніе которыхъ русскіе цари положили не мало крови русскаго народа (и цѣлое море крови этихъ самыхъ „враговъ“). Да, вы правы: поляки, а вмѣстѣ съ ними финляндцы, евреи, армяне, балтійскіе нѣмцы, — все это „враги Россіи“, т. е. той Россіи, которая живетъ и жирѣетъ вашимъ трудомъ, вашимъ кровавымъ потомъ, которая правитъ и издаетъ законы, которая строитъ свое благополучіе на вашей нищетѣ, на вашемъ безправіи, на вашемъ невѣжествѣ. Но вѣдь и вы сами, вы, недовольные своей долей, рабочіе, вы вѣдь тоже „враги“ этой Россіи; вѣдь вы точно такъ же, какъ поляки и прочіе по-

коренные народы, составляете того „внутренняго врага“, противъ котораго держатъ на готовѣ милліонъ штыковъ, котораго бить и колоть по первому приказу начальства обязываетъ солдатъ военная дисциплина. Только полгода прошло со времени тѣхъ майскихъ дней, когда на улицахъ Харькова вамъ былъ данъ наглядный урокъ того, что вы сами становитесь „врагами Россіи“, какъ только начинаете добиваться своихъ законныхъ правъ; только нѣсколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ ваши братья, признанные „внутренними врагами“ Россіи, пошли въ Вятскую губернію за то, что въ майскіе дни мужественно стояли за рабочее дѣло. Теперь же вы думаете перейти въ лагерь царя, полиціи и жандармовъ, чтобы, ставъ вмѣстѣ съ ними подъ „русское знамя“, устроить свои дѣла на счетъ „враговъ Россіи“, такъ же, какъ и вы рабочихъ, поляковъ? Плохой разсчетъ, позорная надежда! Враждуя со своими братьями-рабочими и сближаясь со своими врагами, правителями и эксплуататорами, становясь подъ ихъ залитое кровью и грязью патріотическое знамя, вы только увеличиваете ихъ силу, которая завтра же обратится противъ васъ, какъ противъ самыхъ опасныхъ, самыхъ заклятыхъ „враговъ Россіи“, той Россіи, которая правитъ, издаетъ законы и грабитъ рабочій классъ.

Да, это вѣрно, что послѣ пожара въ „Новой Баваріи“ русскихъ разсчитали, а поляковъ нѣтъ. Но это объясняется вовсе не любовью директоровъ къ полякамъ-рабочимъ. О нѣтъ! Они бы и этихъ разсчитали съ удовольствіемъ. Дѣло просто въ томъ, что, создавая въ Харьковѣ новое производство, капиталисты должны были выписывать рабочихъ издалека, изъ владимірскаго округа и изъ Польши. Владимірецъ пошелъ на чужбину безъ всякихъ разговоровъ, а польскій рабочій договорился сначала о достаточно высокой заработной платѣ и обезпечилъ себя контрактомъ такъ, чтобы его не могли разсчитать въ любую минуту, когда онъ станетъ ненужнымъ, какъ бросаютъ лимонъ, изъ котораго выжаты всѣ соки. Польскіе рабочіе оказались болѣе предусмотрительными и болѣе требовательными, чѣмъ русскіе. И этому удивляться нечего. Вѣдь польскій пролетаріатъ долгой и упорной борьбой двухъ десятилѣтій добился у себя на родинѣ и высшей платы, и болѣе короткаго рабочаго дня, и лучшаго обращенія, и — какъ ни плохо все еще его положеніе — все же съ нимъ не рѣшатся поступать такъ безцеремонно, какъ поступаютъ съ его русскимъ собратомъ. Польскій рабочій только справедливо пользуется плодами тѣхъ тысячъ подчасъ кровавыхъ жертвъ, которыя онъ положилъ на дѣло своего освобожденія, точно такъ же, какъ и бельгіецъ, противъ котораго тоже поднимается иногда безумная вражда непросвѣтленныхъ еще сознаніемъ южно-русскихъ рабочихъ. Принесите рабочему дѣлу такія же жертвы, боритесь, и тогда вы подниметесь на ту же ступень, на которой теперь стоитъ польскій рабочій. Но не разжигайте себя завистью, глядя на его лучшія условія труда! Дѣлая это, вы, можетъ быть, ухудшите его положеніе, но свое-то вы погубите, вырывъ непроходимую пропасть между собою и другими рабочими, у которыхъ съ вами одно общее дѣло, и истощивъ свои силы въ братоубійственной войнѣ на потѣху буржуазіи.

Идите къ польскимъ рабочимъ со словомъ братскаго союза и взаимнаго уваженія, признайте справедливость затаенной въ ихъ груди горькой обиды, понесенной отъ варварскаго покоренія; признайте за польскимъ народомъ право искать себѣ свободы отъ всякаго гнета; откажитесь отъ всякой солидарности съ той Россіей чиновниковъ, поповъ и капиталистовъ, которая считаетъ поляковъ „врагами отечества“, и тогда вы найдете въ польскихъ товарищахъ братскій откликъ, тогда они пойдутъ рука объ руку съ вами на борьбу за рабочее дѣло.

Недостаточно призывать рабочія массы къ борьбѣ за улучшеніе ихъ жизни: политической и соціалистической агитаціей необходимо просвѣщать ихъ сознаніе и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ успѣхъ той вредной политической проповѣди, которою развращаютъ народную массу легальная и буржуазная печать. Если бы мы вздумали ограничиться одной только пропагандой экономической борьбы за ближайшія требованія, мы рисковали бы тѣмъ, что на ряду съ ростомъ возмущенія противъ капитала въ пролетаріатѣ укоренились бы тѣ вѣковые политическіе предразсудки, которые вѣчно питаются вліяніемъ высшихъ классовъ, воздѣйствующихъ на народное сознаніе съ высоты престола, съ церковнаго амвона, со школьной кафедры, военной дрессировкой и могучимъ орудіемъ печатнаго слова.

САМОДЕРЖАВІЕ И ЗЕМСТВО.

Русская исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ представляетъ непрерывную лѣтопись реакціи. Когда былъ убитъ Александръ II, Александръ III, по совѣту Побѣдоносцева и Каткова, рѣшилъ противопоставить геройскому революціонному движенію народовольцевъ неуклонную защиту самодержавія всѣми, даже самыми звѣрскими и глупыми средствами. Онъ преуспѣлъ въ своей борьбѣ съ русской революціей: его тактика встрѣтила поддержку въ имущихъ классахъ общества, въ дворянствѣ и крупной буржуазіи, а силы революціонной организаціи, не опиравшейся на рабочій классъ и разстроенной цѣлымъ рядомъ неудачъ, изсякли въ самый рѣшительный моментъ. Счастливо раздѣлавшись съ террористическимъ движеніемъ, Александръ III сталъ давить все то, что хотя бы только въ будущемъ могло быть опасно самодержавію. Всего опаснѣе, рядомъ съ печатью и университетомъ, въ этомъ отношеніи должны были показаться органы мѣстнаго всесословнаго самоуправленія — земства. Земства, учрежденныя въ 1864 г. и урѣзанныя въ 1890 г., не получили никакихъ политическихъ полномочій и задачъ. Но, какъ органы мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, они всегда были заинтересованы въ томъ, чтобы отстаивать независимость свою отъ чиновничества, которое всячески стремилось связать ихъ по рукамъ и ногамъ. Крупное политическое значеніе земства заключалось и заключается въ его сравнительной независимости отъ власти чиновниковъ. Земству въ кругѣ его вѣдомства нельзя приказать дѣлать то-то и то-то, поступать такъ, а не этакъ. Правительство, напр., желаетъ, чтобы школы содержало только духовное вѣдомство, между тѣмъ какъ земство по закону имѣетъ право учреждать школы, и запретить ему этого прямо нельзя до тѣхъ поръ, пока не будетъ отнято у него право ассигновать деньги на народное образованіе и вообще заботиться о немъ. Но правительство всячески постаралось затруднить земству всякое дѣло, доступное ему по закону. По послѣднему земскому положенію 1890 г. губернаторъ имѣетъ право пріостановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ собраній, если онъ сочтетъ его незаконнымъ или несоотвѣтствующимъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающимъ мѣстные интересы. Окончательное рѣшеніе о томъ, законно-ли пріостановленное губернаторомъ постановленіе земства принадлежитъ Сенату (когда губернаторъ или министръ признаетъ постановленіе незаконнымъ) или Комитету Министровъ (когда постановленіе признается несоотвѣтствующимъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или явно нарушающимъ мѣстные интересы). Такимъ образомъ, судьба всѣхъ постановленій мѣстныхъ людей зависитъ отъ одобренія царскихъ чиновниковъ. Это выдумали министры Александра III. Прежде, при Александрѣ II, самостоятельность земства была нѣсколько больше: тогда, по крайней мѣрѣ, за министрами и губернаторами не признавалось права рѣшать вопреки мнѣнію земскихъ людей, въ чемъ состоятъ мѣстные интересы Миргородскаго или Коломенскаго уѣзда. Николаю II и его министрамъ, которые въ самыхъ робкихъ пожеланіяхъ и вѣрноподданническихъ просьбахъ земствъ въ 1895 г. усмотрѣли чуть-что не открытый бунтъ противъ самодержавной власти, показалось мало и тѣхъ стѣсненій, которыя наложилъ на земство Александръ III. Они выдумали и выдумываютъ еще новыя. Въ прошломъ году у земства отнято и всецѣло передано чиновникамъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, т. е. всѣ заботы о снабженіи населенія хлѣбомъ въ неурожайные и голодные годы. Земское завѣдываніе этимъ дѣломъ показалось неудобнымъ чиновникамъ и главнымъ изъ нихъ — министрамъ, потому что земства не желали молчать о народной нуждѣ въ голодное время, а правительство, у котораго всегда есть деньги на пушки, ружья и полицію, вовсе не желаетъ широко отпускать денегъ на то, чтобы народъ не пухъ отъ голода. Въ прошломъ же году особенно блюдущіе полновластіе чиновничества министры: Внутреннихъ Дѣлъ Сипягинъ и Финансовъ Витте (самый умный и самый безстыжій изъ всѣхъ министровъ) вопреки мнѣнію большинства Госуд. Совѣта, которое еще не окончательно потеряло стыдъ, — подбили царя бросить русскому земству новое бревно подъ его колеса. Отнынѣ земство не будетъ имѣть право увеличивать свои смѣты и налоги больше, какъ на 3% въ годъ. Сдѣлано это для того, чтобы помѣшать земству спокойно устраивать школы, библіотеки, больницы, заводить врачей и т. д.: на 3% не разгуляешься. Правительство, которое боится земства, потому что оно — какъ ни какъ — состоитъ изъ болѣе или менѣе независимыхъ, нечиновныхъ людей, не желаетъ, чтобы земство своею полезной дѣятельностью укрѣплялось, становилось необходимо и любо населенію. Кромѣ того, есть такіе дворянчики, которымъ смерть не хочется платить на школы и больницы, полезныя исключительно крестьянамъ. Эти дворянчики, пользующіеся отъ правительства разными подачками и готовые всегда кричать царю „ура“ и подлизываться къ губернатору, очень много шумѣли о томъ, что земство разоряетъ ихъ въ пользу крестьянъ, и приставали къ правительству съ тѣмъ, чтобы оно избавило ихъ отъ якобы обременительныхъ земскихъ платежей. Этимъ вѣрнымъ слугамъ царя нужно было бросить новую подачку: ради нихъ, между прочимъ, урѣзали и безъ того постылое земство.

А главное: правительство, т. е. чиновники съ царемъ во главѣ, боится земства! Неровенъ часъ, придетъ время, и земскіе люди заговорятъ снова, какъ они говорили уже и прежде, о томъ, что Россіи раньше всего и главнѣе всего нужна свобода. Вѣдь, думаютъ себѣ министры и царь, если въ государствѣ будетъ не все обстоять благополучно, напр., рабочіе начнутъ не на шутку волноваться, поляки и финляндцы перестанутъ все сносить, захотятъ вернуть свои прежнія права, то отъ земствъ, пожалуй, не отдѣлаешься грубымъ окрикомъ, какъ въ 1895 г., когда молодой царь обругалъ пріѣхавшихъ его поздравлять старыхъ земцевъ за то, что они почти униженно просили его о законности и вниманіи къ земству. Въ неспокойныя минуты — а ихъ не могутъ не ждать царь и его министры — не весело имѣть у себя на шеѣ 34 земскихъ собранія. Такой шумъ можетъ пойти по землѣ русской что царю и министрамъ станетъ жарко въ Петербургѣ. Правительство желаетъ все держать въ рукѣ, чтобы не только теперь, но и никогда, даже черезъ сто лѣтъ ни одна душа не смѣла пикнуть, чтобы на все рѣшительно бралось одобреніе царя, т. е. въ сущности его чиновниковъ. А если русскіе люди (хотя бы только одни состоятельные землевладѣльцы, изъ которыхъ почти исключительно, къ сожалѣнію, до сихъ поръ состоитъ русское земство) научатся думать и дѣйствовать немножко по своему, начнутъ мѣстныя дѣла, дѣйствительно, сами устраивать, то они постепенно совершенно отобьются отъ рукъ. Заведя школы и библіотеки, они научатъ кое-чему народъ, научатъ хотя бы читать, а человѣкъ, который умѣетъ читать, можетъ быть наученъ всему, можетъ даже сдѣлаться... соціалистомъ и революціонеромъ.

Вотъ почему на борьбу правительства противъ земства русскому рабочему и русской соціалдемократіи нельзя смотрѣть равнодушно. Мы должны быть за все, что хоть сколько-нибудь идетъ противъ самовластія чиновниковъ, т. е. противъ самодержавія царя.

Правительство скрутило теперь земство по рукамъ и ногамъ. Но въ своемъ торжествѣ оно обнаглѣло и стало бѣситься съ реакціоннаго жира. Ему мало того, что сдѣлано: оно теперь думаетъ крѣпкую думу, какъ бы либо совсѣмъ упразднить, либо до тла выхолостить земства, чтобы не только теперешніе земцы, но и ихъ сыновья и внуки и правнуки вѣчно помнили, что Николай II разъ навсегда запретилъ русскимъ людямъ мечтать о конституціи и вѣрноподданнически намекать, что законность и свобода лучше произвола и рабства. О подкопахъ подъ русское земство, главную роль въ которыхъ играетъ министръ финансовъ Витте, мы поговоримъ въ другой разъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая драма въ Якутскѣ. О Калашниковской исторіи еще мало кто знаетъ въ Россіи. И не мудрено: она разыгралась на далекомъ сибирскомъ сѣверѣ, въ той проклятой якутской глуши, куда заноситъ людей не ихъ собственная добрая воля, а неистовство и самодурство царскаго произвола. Вѣсти оттуда идутъ цѣлыми длинными и долгими мѣсяцами, — и человѣкъ успѣетъ истлѣть въ могилѣ, прежде чѣмъ мы узнаемъ о его смерти.

И надъ Иваномъ Калашниковымъ уже давно сибирскія мятели нанесли курганъ снѣга, а мы только теперь, только черезъ полгода, получили сообщеніе объ его ужасной кончинѣ...

Иванъ Калашниковъ — бывшій матросъ Добровольнаго флота. Не съ самаго рожденія онъ сталъ дышать морознымъ воздухомъ Якутки. Раньше, до 1894 г., онъ живалъ въ одесскомъ теплѣ. Это былъ человѣкъ, по отзыву его товарищей, въ высшей степени даровитый; съ природнымъ умомъ въ немъ соединялось широкое развитіе; мало того: это былъ человѣкъ, всей душой чувствовавшій горечь существованія русскаго рабочаго люда, тяготу жизни въ горячо любимой имъ Россіи. Это былъ природный борецъ за благо и счастье трудящихся классовъ. Капиталисты гнетутъ работниковъ, цари всѣми силами поддерживаютъ капиталистовъ, — значитъ, съ тѣми и съ другими трудящіеся классы должны вести непрестанную борьбу. А для этого они, эти классы, должны быть сознательны и организованы. Это ясно понималъ Иванъ Калашниковъ и отдалъ всю свою твердую волю, кипучую энергію, всѣ свои знанія и всю свою жизнь на дѣло развитія самосознанія рабочихъ и на организацію ихъ. Работалъ онъ, главнымъ образомъ, среди своихъ товарищей-матросовъ. Развивая самосознаніе рабочихъ — книжкой и словомъ, — организуя ихъ, — кружками и стачками, — онъ совершалъ преступленіе противъ россійскихъ царскихъ законовъ. Наши законодатели съ короной на головѣ и образками короны на пуговицахъ и эполетахъ отлично знаютъ, что нужно всѣми силами мѣшать распространенію самосознанія рабочихъ. Тюрьмой, Сибирью, каторгой, если надо и смертью — нечего церемониться!

Калашниковъ, именно, принадлежалъ къ такимъ „лиходѣямъ“, которымъ ненавистно порабощеніе рабочаго люда. А поэтому онъ и былъ сосланъ на 10 лѣтъ въ самыя отдаленныя мѣста Восточной Сибири (Нижне-Колымскъ) вмѣстѣ съ другими (Нахамкисомъ, Цыперовичемъ и проч.) за то, что они создали въ Одессѣ первую серьезную соціалдемократическую организацію рабочихъ.

Вы представьте себѣ только, что значитъ ссылка въ Якутскую область. Это все равно, что закопать живого въ могилу. Оторвать умнаго, сознательнаго человѣка отъ людей, тѣхъ самыхъ людей, благу и счастью которыхъ онъ намѣренъ отдать всю свою

ФЕЛЬЕТОНЪ

ИСКОРКИ.

Машина свистнула, запыхтѣла, зашипѣла — и сдвинулась съ мѣста, и поползла... потомъ пошла все скорѣй и скорѣй. Въ послѣдній разъ крикнулъ что-то съ платформы грубый начальническій голосъ, послѣдній разъ мелькнули въ окнахъ электрическіе огни станціи, и поѣздъ вошелъ въ темную, безпросвѣтную осеннюю ночь и сталъ углубляться въ нее все дальше и дальше, пошелъ все быстрѣе и быстрѣе...

Степанъ откинулся на спинку своего мѣста и такъ и вперился глазами въ темноту. Такъ же мрачно и скверно было и у него на душѣ, — чего ужъ хуже и мрачнѣе.

Кругомъ въ вагонѣ народъ уже укладывался, слышались послѣднія сонныя фразы, кое-кто похрапывалъ даже; но Степану было не до сна. До сна-ли тутъ, Господи?! Послѣ эдакого-то дня? Такого тяжелаго дня не приходилось еще переживать Степану. Чего только не было, Господи?! И брань, и тюрьма, и нагайки! И за что?!

И передъ глазами его задвигалась и зашумѣла снова, точно онъ сейчасъ видѣлъ ее, огромная толпа на дворѣ фабрики. „Нѣтъ, не согласны! Хозяина намъ, хозяина!“ И видитъ онъ снова передъ собою грузную фигуру хозяина, шепелявящаго что-то съ крыльца фабрики заплетающимся языкомъ, не своимъ голосомъ; и вылощенное, румяное лицо фабричнаго инспектора, который твердитъ что-то о законности, плавно поводя рукой въ воздухѣ.

— Поступайте только вы по закону, и все по закону будетъ. Становитесь на работу!

— Да, какъ-же, по закону! Это по закону развѣ, чтобъ средь зимы расцѣнки мѣнять? Говорите вы о законѣ-то много... Какъ уговоръ былъ, такъ пусть и будетъ, — и основа чтобъ не гнилая! А такъ не пойдемъ, не согласны! кричали рабочіе. А мастера промежъ народу шныряютъ, уговариваютъ. И Фомка-подлецъ тутъ-же вертится, улещиваетъ, увѣщаетъ: „Братцы, братцы!“ Глаза-то подлые такъ и бѣгаютъ, выискиваютъ, гдѣ кто громче говоритъ. Эхъ, нѣтъ хуже своего врага, никого нѣтъ хуже Іуды предателя! Какъ развернулся Степанъ, какъ закатилъ ему въ ухо... Тутъ ужъ посыпались на него съ разныхъ сторонъ, кто во что гораздъ... Не уйти бы мерзавцу живымъ, кабы казаки не подоспѣли, кабы не нагайки ихъ...

И какъ сейчасъ зазвучалъ въ ушахъ Степана свистъ нагаекъ. Онъ весь задрожалъ съ ногъ до головы, и кровью налились его глаза... И видитъ онъ снова, какъ врѣзывается въ безоружную толпу конный отрядъ съ шашками, съ нагайками, какъ онъ давитъ, мнетъ ее... И видитъ онъ исполосованное нагайкой худое женское лицо и то злое, тупое, лицо сытаго звѣря, которое даетъ ужасныя приказанія... И въ глухомъ стонѣ всей подавшейся назадъ, обезумѣвшей отъ страха толпы звенитъ въ его ушахъ всего явственнѣе какой-то рыдающій дѣтскій голосокъ...

— О, черти! Нѣтъ на васъ управы! У васъ и власть, и законы! Вы на насъ и лестью, и плетью!..

Степанъ подался впередъ и глухо застоналъ. Застоналъ и оглянулся. Но кругомъ въ вагонѣ все было тихо; почти всѣ спали, никто не слыхалъ его. И опять крѣпко сжавъ руки на груди, уставился онъ въ окно.

Тамъ все было уныло и мрачно; безконечно раскинулась передъ нимъ необъятная, пустынная равнина, и тяжело нависло надъ ней безпросвѣтное хмурое небо; тамъ и сямъ печально бѣжали назадъ одинокія, темныя деревца... Степанъ глядѣлъ, и тоска охватывала все сильнѣе и сильнѣе его сердце...

А вѣдь ничего не было бы, не пришлось бы ему и другимъ мчаться теперь въ разные далекіе углы Руси-матушки, и добились бы своего, кабы держались дружно, кабы стали всѣ на томъ, что порѣшили. А то, какъ стали по одному вызывать:

— Ты на работу пойдешь?

— Я по старому расцѣнку... какъ всѣ...

— Выдать ему разсчетъ. А ты пойдешь?

— Я... какъ всѣ.

— Выдать разсчетъ.

Такъ и стоять бы всѣмъ на одномъ. Всѣхъ бы не разочли. Работа, небось, спѣшная. А то:

— Я... что же... Я, коли начальство велитъ...

— Я... какъ начальство...

И пошли, и пошли всѣ, — бараны! Сами опять въ петлю полѣзли. А кто стоялъ твердо, тѣхъ забрали и разослали. Со всѣми ничего бы не подѣлали, — и расцѣнокъ оставили бы. „Бараны, одно слово, бараны!“ пробормоталъ сквозь стиснутые зубы Степанъ и еще ближе придвинулся къ окну.

Ночь, казалось, сгустилась еще темнѣе, и мѣста кругомъ пошли еще безлюднѣй и глуше. Точно по пустынѣ какой ѣдетъ Степанъ... А столбы все мелькаютъ и мелькаютъ, а поѣздъ все бѣжитъ и мчитъ Степана все дальше и дальше.

— Даль-то какая, Господи! И не знаетъ онъ тамъ никого. Еще голодомъ насидишься. Скоро развѣ работу найдешь? Замерло сердце у Степана, и съ тоской опустилъ онъ руки.

Вдругъ слабый, быстрый свѣтъ мелькнулъ передъ окномъ. Это искорка вылѣтѣла изъ паровоза, потомъ опустилась на снѣгъ и потухла. Мала была искорка и слабъ былъ ея свѣтъ, а все же еще темнѣе стало вокругъ, когда она потухла. Да какъ же и не потухнуть-то, Господи? Вѣдь все снѣгъ и снѣгъ кругомъ, а она слабенькая такая.

Вотъ вторая летитъ, тоже сейчасъ же тухнетъ, еще одна, другая... Покружившись немного, онѣ падали и тухли, — и тьма послѣ нихъ становилась еще чернѣе. И сердце Степана сжималось тоскливо, когда онъ видѣлъ, какъ тухнетъ огонекъ за огонькомъ, и жадно слѣдилъ онъ глазами за долѣе другихъ носившейся въ воздухѣ искоркой и точно свѣтлѣе было у него на душѣ, пока крошечный огонекъ этотъ кружился у него передъ глазами.

— Вишь, крошечныя какія, а свѣтятъ тоже, думалъ онъ, все слѣдя за ними. Слабенькія онѣ только, рѣдкія... и мало ихъ, такъ мало! Какъ людей настоящихъ мало на свѣтѣ, подумалъ онъ, и еще больнѣе защемило сердце. Вотъ тьма и охватила и надвинулась со всѣхъ сторонъ такъ безпросвѣтно и ужасно. И глотаетъ и тушитъ она всякую искорку, которая смѣло летитъ въ пространство, — такая маленькая и безсильная, и несетъ свой слабенькій, свой недолгій свѣтъ. Тьма душитъ ее и царитъ опять надо всѣмъ безраздѣльно. Много, много свѣту надо, чтобы всю эту тьму покорить, чтобы жилось свѣтлѣе и лучше людямъ на свѣтѣ: что могутъ сдѣлать тутъ маленькія искорки? Только разнесутся вѣтромъ въ разныя стороны и потухнутъ, погибнутъ... А вокругъ все такъ же сѣро и безпросвѣтно, какъ было, останется.

И что-то подступило точно къ горлу Степана, и на душѣ стало еще тоскливѣе.

— Вишь, сыпятся на снѣгъ-то какъ! Девять, десять, считалъ онъ машинально искры. Потухнетъ, и будто ея и не было. Такъ же и мы всѣ!

И онъ думалъ о старомъ Матвѣичѣ, который еще смолоду разные такіе виды видывалъ, и о больномъ Петрухѣ съ его впалой грудью, у котораго семья малъ-мала меньше, и о Николаѣ, надъ которымъ причитала такъ горько его старая мать... Эти-то свой народъ, эти не выдадутъ, грудью станутъ, да разнесло народъ кого куда и остался все народъ сѣрый да робкій... А эти, настоящіе-то, за то, что

жизнь, — и бросить его на безлюдье... Отрѣзать отъ жизни того, кто полонъ жажды этой самой жизни и швырнуть въ снѣжную пустыню... Человѣка съ глубокимъ интересомъ наблюдающаго за наростаніемъ въ жизни правды и справедливости, заслать въ тридесятое царство наблюдать, какъ хлопья снѣга образуютъ одна за другою громадныя снѣжныя горы... Человѣка, который весь горитъ желаніемъ протаптывать новыя дороги въ жизни, закинуть въ непроходимую тайгу, закопать въ ледъ и снѣгъ. Такъ закопать, чтобы онъ жилъ, не живя и не умирая, стоналъ безъ всякой надежды, чтобы стонъ его донесся до Россіи, проклиналъ царскій произволъ, зная, что проклятье такъ же замерзнетъ на морозномъ воздухѣ Якутки, какъ замерзаютъ въ немъ птицы.

Ужасная жизнь! Какъ долженъ истерзаться, измучиться человѣкъ, обреченный на такое существованіе! Есть-ли въ этомъ человѣкѣ, заброшенномъ въ снѣжную пустыню, хоть одно неизболѣвшееся мѣсто? Онъ весь — муки и страданія, онъ весь — боль и раны, напряженные и ноющіе нервы. Человѣкъ все время находится въ такомъ возбужденномъ состояніи, что на оскорбленіе, отъ какой бы мрази и пакости оно ни шло, онъ долженъ отвѣтить гораздо рѣзче, чѣмъ человѣкъ съ неистрепанными нервами.

Нѣкая мразь и пакость нанесла Калашникову оскорбленіе, и онъ заплатилъ за нее своею жизнью.

28-го іюня 1900 г. черезъ Нижне-Колымскъ шелъ паузокъ съ почтой. Калашниковъ подъѣхалъ къ нему на лодкѣ и спросилъ казаковъ, нѣтъ-ли ему письма. Въ отвѣтъ на это земскій засѣдатель Ивановъ, бывшій на паузкѣ, сказалъ какую-то грубость: царскій слуга, надо полагать, былъ въ плохомъ настроеніи духа и счелъ для себя возможнымъ сорвать свое неудовольствіе на ссыльномъ. Ивановъ — человѣкъ, у котораго никогда не было за душой ничего, кромѣ мерзости и пошлости, никогда не молившійся иному богу, кромѣ бога наживы, вдругъ ни съ того, ни съ сего оскорбляетъ человѣка, свою жизнь положившаго за други своя! Калашниковъ не стерпѣлъ и, не обращая вниманія на то, что кругомъ Иванова были казаки, бросился съ лодки на паузокъ; зачѣмъ онъ бросился, онъ, вѣроятно, и самъ бы не могъ сказать себѣ: можетъ быть, плюнуть въ лицо царскому лакею, можетъ быть, и убить его даже — можно-ли разсуждать въ такую минуту! По распоряженію Иванова, Калашниковъ былъ связанъ, и на него со всѣхъ сторонъ посыпались удары чѣмъ попало и куда попало, а самъ Ивановъ принялся топтать ногами связаннаго „врага". Когда „врагъ" былъ доведенъ до полнаго безчувствія и избитъ до полусмерти, его сбросили назадъ въ лодку, и теченіе рѣки какимъ-то чудомъ доставило его на берегъ. Черезъ два дня Калашниковъ застрѣлился. Все это время онъ ходилъ сумрачный, ничего не ѣлъ и не пилъ, — что было доказано судебнымъ вскрытіемъ трупа — и, наконецъ, не выдержалъ, не снесъ побоевъ какого-то Иванова, который и на человѣка похожъ только потому, что у него есть руки, чтобы хапать и драть, и ротъ, чтобы жевать нахапанное...

Ссыльные товарищи потребовали слѣдствія. Ивановъ былъ вытребованъ исправникомъ и явился въ Нижне-Колымскъ 20-го августа. 14-го сентября его встрѣтилъ на улицѣ товарищъ Калашникова Ергинъ, окончившій петербургскій университетъ. Онъ шелъ на охоту*) и несъ ружье, заряженное картечью. Увидѣвъ Иванова, онъ спросилъ его, что у него произошло съ Калашниковымъ; земскій засѣдатель и на этотъ разъ отвѣчалъ дерзостью, и Ергинъ, всей душой изболѣвшійся за участь товарища, весь проникнутый чувствомъ мести, сознательно или безсознательно — гдѣ ужъ тутъ выяснять — щелкнулъ курком и убилъ Иванова. Дѣло происходило въ городѣ около полиціи; на выстрѣлъ сбѣжались царскіе наемники и, отдавая имъ себя подъ арестъ, Ергинъ сказалъ: Я убилъ засѣдателя.

Ергинъ, по словамъ знавшихъ его въ Петербургѣ, — человѣкъ очень добродушный; трудно бы и предположить даже, что онъ можетъ кого-либо убить.

Самая жизнь, якутская, проклятая жизнь заставляетъ людей прибѣгать къ кровавой расправѣ, не позволяя имъ раздумывать, выгодна-ли мѣна недолюдка Иванова на подлинныхъ людей, людей въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Это уже не первая исторія въ Якутскѣ. Ихъ было уже нѣсколько, если не въ такомъ родѣ, то очень схожихъ. Да и вообще въ Россіи... Чего-чего только не было на нашей несчастной родинѣ! Чего только не приходилось переживать такимъ, какъ Калашниковъ, за то, что душу свою, всѣ силы свои, разумъ, чувство и волю они несутъ на служеніе рабочему дѣлу. За это ихъ постигаетъ царская расправа! И послѣ этого находятся еще такіе доброжелатели рабочихъ, которые говорятъ, что не надо бороться съ царскимъ произволомъ!

Кровь убитыхъ и замученныхъ товарищей призываетъ къ борьбѣ съ царскимъ насиліемъ, безъ словъ говоритъ, что безъ этой борьбы вся Россія превратится въ кладбище, что лучшія наши силы, наши Калашниковы, изгибнутъ въ далекихъ снѣгахъ въ то самое время, когда они такъ нужны рабочему дѣлу...

Организуйтесь, товарищи, проникайтесь сознаніемъ, и всѣми силами, всѣми средствами боритесь противъ царя! Съ вами не только всѣ живые борцы за свободу и счастье трудящихся классовъ, но и тѣни борцовъ, замученныхъ царскимъ произволомъ.

* * *

Вышеприведенное сообщеніе о потрясающей драмѣ въ Якуткѣ дополняемъ еще слѣдующими данными:

Нѣсколько дней спустя послѣ избіенія Калашникова, съ нимъ встрѣтились Ергинъ и Яновичъ, отправлявшіеся на охоту. Калашниковъ былъ страшно разстроенъ и о происшедшемъ не упомянулъ ни слова. При немъ была берданка; онъ говорилъ, что идетъ на охоту. Немного погодя, невдалекѣ, раздался выстрѣлъ. Яновичъ бросился по направленію къ выстрѣлу и нашелъ Калашникова уже умирающимъ и при немъ записку, въ которой онъ обвиняетъ Иванова въ своей смерти...

Негодяй Ивановъ, этотъ „цивилизованный" якутъ, говорятъ, былъ раньше секретаремъ полиціи въ Верхоянскѣ.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія объ этихъ новыхъ жертвахъ русскаго правительства.

Александръ Александровичъ Ергинъ — арестованъ въ СПБ. лѣтомъ 1896 г., по дѣлу „Лахтинской" типографіи и „Группы Народовольцевъ". Приговоренъ къ двумъ годамъ Креста (съ зачетомъ предварительнаго заключенія) и 8 годамъ ссылки въ Восточную Сибирь. Сосланъ въ Колымскъ, худшее мѣсто на земномъ шарѣ.

Любовь Владимировна Ергина (урожденная Лазарева), жена его, по тому же дѣлу сослана была въ Колымскъ на 6 лѣтъ.

Иванъ Михайловичъ Калашниковъ — вольный штурманъ. Арестованъ въ Одессѣ въ январѣ 1894 г. (по дѣлу Нахамкиса, Цыперовича и др.). Поступивши матросомъ на пароходъ, велъ живую пропаганду среди матросовъ и кочегаровъ. Арестъ и ссылка прервали его горячую революціонную дѣятельность. До привлеченія своего къ одесской рабочей организаціи склонявшійся къ анархическимъ взглядамъ, онъ сдѣлался къ 1893 г. убѣжденнымъ соціалдемократомъ и много поработалъ въ матроскомъ мірѣ, гдѣ пользовался большой популярностью. Сосланъ (послѣ полуторагодичнаго одиночнаго заключенія) въ іюлѣ 1895 г. въ Колымскъ, гдѣ и погибъ такъ неожиданно.

Миръ праху твоему, товарищъ! Одесскіе матросы, помните-ли вы вашего пылкаго Ваню?

Изъ Сибири пишутъ: Вновь арестованъ Бычковъ, говорятъ, по распоряженію Деп. Полиціи, который давно разыскивалъ „политическаго" Бычкова. Въ послѣднее время онъ проживалъ и сидѣлъ (по дѣлу Махайскаго) въ тюрьмѣ, какъ мѣщанинъ Бычковъ, имѣющій видъ на жительство по всей матушкѣ Руси...

Въ Вилюйскѣ, въ концѣ сентября или въ октябрѣ былъ сдѣланъ обыскъ у Розенблюма, по распоряженію изъ Иркутска; такъ какъ у него ничего не оказалось, а найти что-нибудь надо было, — ибо тщательно искали, — то взяли какую-то тетрадку и послали въ Иркутскъ (вѣроятно, подыскиваютъ хвостикъ къ дѣлу Махайскаго).

Въ августѣ на паузкахъ прибыло сюда три человѣка: Гольдманъ, наборщикъ типографіи „Рабочее Знамя", взятый въ типографіи въ Бѣлостокѣ, посланъ въ Намскій улусъ, на 5 лѣтъ; Полякъ, наборщикъ, взятъ въ типографіи „Рабочей Газеты" въ Екатеринославѣ, ѣдетъ въ Верхоянскъ на 6 лѣтъ; туда же ѣдетъ и Лузинъ на 5 лѣтъ, за анархическіе якобы взгляды. Зимой должны быть товарищи Поляка, назначенные въ Колымскъ и Верхоянскъ. Съ дѣломъ Поляка связаны и одесскіе аресты, во всемъ этомъ винятъ одессита Гандера, котораго называютъ провокаторомъ.

Праздникъ мракобѣсія. 1-го декабря мѣстная газета „Южный Край" съ большимъ торжествомъ отпраздновала 20-лѣтіе своего существованія. Ве теченіе 20 лѣтъ эта газета стояла въ первомъ ряду ревнителей самодержения, православія и порабощенія народа. Издатель ея — Юзефовичъ, еврей, принявшій православіе и сдѣлавшій своей спеціальностью травлю поляковъ, евреевъ, малороссовъ и всякихъ другихъ инородцеевъ. Личность достаточно грязная, чтобы считаться „уважаемымъ дѣятелемъ" въ той части русской печати, представителями которой являются Грингмутъ („Моск. Вѣд."), Суворинъ, Пятковскій („Наблюдатель"), Комаровъ, кн. Мещерскій и т. п. рыцари „истинно-русскаго направленія". Личность довольно грязная, чтобы пользоваться заслуженнымъ довѣріемъ властей, которыя, ненавидя мало-мальски честное печатное слово, умѣютъ цѣнить газету, какъ орудіе развращенія публики. Свое благоволеніе къ „Ю. Краю" правительство проявило въ прошломъ году, даровавъ ему освобожденіе отъ предварительной пензуры, которой подчинены всѣ провинціальныя газеты. Еще болѣе важную услугу оказываетъ правительство „Юж. Краю", систематически отказывая въ разрѣшеніи кому бы то ни было издавать въ Харьковѣ другую газету. Харькову — одному изъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ городовъ — правительство велитъ довольствоваться одной, съ позволенія сказать, газетой. „Вы — намъ, а мы — вамъ", — вотъ боевой лозунгъ шайки, владѣющей Россіей.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что юбилей „Юж. Края" превратился въ праздникъ всѣхъ ревнителей мракобѣсія. Отецъ Іоганнъ Кронштадскій и харьковскій архіерей послали свои привѣтствія, какъ представители церкви, исполняющей въ дѣлѣ развращенія народнаго сознанія ту же роль, какую выполняетъ печать гг. Юзефовичей*). „Моск. Вѣд." и имъ подобныя изданія привѣтствовали своего достойнаго собрата. Губернаторъ и прочія губернскія власти поздравляли юбиляра, такъ холопски служащаго дѣлу самодержавія вотъ уже 20 лѣтъ. Нѣсколько профессоровъ выразили свое уваженіе Юзефовичу отъ имени той „науки", которая продаетъ себя тѣмъ, у кого въ рукахъ ордена, чины, жирные оклады и пенсіи. Харьковское купечество послало привѣтственный адресъ вѣрному защитнику капиталистической эксплуатаціи.

Но въ наши дни общественное чествованіе считается даже у реакціонеровъ неполнымъ, если въ немъ не принимаетъ участіе „простой народъ". И чествованіе Юзефовича также не обошлось безъ умилительной картины поднесенія адресовъ и подарковъ отъ рабочихъ гнуснѣйшему врагу рабочаго класса. Наборщики „Юж. Края" поднесли Юзефовичу икону и адресъ, въ которомъ говорилось, что онъ для своихъ рабочихъ не хозяинъ, а отецъ родной. Другой адресъ поднесли разсыльные, третій — общество тружениковъ печатнаго дѣла въ Харьковѣ, устроившее спеціальное собраніе для чествованія Юзефовича и поднесенія ему иконы же. Очевидно, жалкія филантропическія подачки богатаго издателя „Юж. Края" стяжали ему у нѣкоторыхъ типографщиковъ въ Харьковѣ славу „друга рабочихъ". Къ несчастью, нѣкоторое разстройство въ ходѣ социалдемократической агитаціи въ Харьковѣ, вызванное непрекращающимися арестами, не дало возможности мѣстнымъ товарищамъ открыть глаза типографщикамъ на значеніе того чествованія, въ которомъ они приняли участіе по своей безсознательности.

Вечеромъ 1-го декабря въ помѣщеніи редакціи „Юж. Края" былъ назначенъ парадный обѣдъ съ участіемъ губернатора и иныхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Къ назначенному времени около помѣщенія редакціи собралась толпа преимущественно студенческой публики. Множество экземпляровъ „Южнаго Края" подверглось торжественному разодранію передъ редакцией; студенты подряжали извощиковъ, привязывали экземпляръ гнусной газеты къ хвосту лошади и пускали ее вскачь „чествовать" доблестный органъ печати. Появились не менѣе почтенные чествователи юбиляра — собаки, обернутыя въ номера „Юж. Края". Толпа передъ редакцией все росла. Стали раздаваться крики: „Долой Юззфовича, долой продажную прессу!" Въ окна редакціи полетѣли камни, а затѣмъ черезъ образовавшіяся бреши стали залетать въ столовую, гдѣ обѣдали важные господа, пузырьки съ сѣрнистымъ водородомъ и иными пахучими веществами. Обѣдъ былъ испорченъ, и знатные гости стали потихоньку улепетывать изъ неблаговонной редакціи. Достойный юбиляръ трижды просилъ губернатора вызвать казаковъ, которые подъ конецъ и явились, но толпа уже расходилась. Говорятъ, Юзефовичъ подалъ доносъ на губернатора, обвиняя его въ преступномъ невмѣшательствѣ въ демонстрацію.

На другой день на Сумской улицѣ (передъ редакцией) громадная толпа смотрѣла, какъ стекольщики и маляры уничтожали слѣды вчерашняго блестящаго чествованія юбилея ревнителя „самодержавія, православія и народности".

Юбилей Н. К. Михайловскаго. 14-го ноября только-что истекшаго года литературный Петербургъ отпраздновалъ сорокалѣтіе писательской дѣятельности Николая Константиновича Михайловскаго. Отпраздновалъ, можно сказать, при закрытыхъ дверяхъ, потому что злополучной нашей печати циркулярно было предписано не занкаться объ этомъ событіи. Молчать по приказанію начальства — привычное дѣло для русскаго писателя. Стерпится — слюбится, говоритъ пословица. Русскій писатель притерпѣлся до такой степени, что готовъ слюбиться даже съ русской цензурой и покорно нести ея гнетущее ярмо!

Какъ бы то ни было, однако, чествованіе состоялось — со множествомъ застольныхъ рѣчей и тьмою прочитанныхъ адресовъ. Въ числѣ поздравлявшихъ были и марксисты, и наличность марксистскихъ привѣтствій обратила на себя вниманіе: самъ „виновникъ торжества" поспѣшилъ упомянуть, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ своего журнала, о лестномъ титулѣ „честнаго

---

*) Въ это время бытъ летъ гусей.

*) Передъ самымъ юбилеемъ „Юж. Край" помѣстилъ проповѣдь преосвященнаго Амвросія, въ которой обличались дешевыя народныя чайныя, устраиваемыя обществами трезвости. „Не видимъ-ли мы въ нихъ тлетворный духъ соціализма?" вопрошалъ архіерей, сокрушенно прибавляя: „Дай Богъ, чтобы мы ошибались".

стояли за товарищей, должны теперь собачью жизнь вести.

Двадцать, двадцать-одна... Ухъ, сразу кучкой вылетѣли. Степанъ сбился и потерялъ счетъ, засмотрѣвшись на красивую полоску, которая пронеслась игриво и быстро мимо окна. А вотъ еще и еще!

Искорки полетѣли теперь веселѣе. Онѣ появлялись уже не по одной, а по нѣсколько заразъ, и не робко, какъ прежде, скользили онѣ въ воздухѣ, а летѣли довольно долго прямо и смѣло и тухли уже не такъ скоро. Но теперь Степанъ и не замѣчалъ, какъ онѣ тухли. Потому что, когда относилась вѣтромъ далеко въ сторону и опускалась на снѣгъ одна, то передъ глазами его мелькали уже еще двѣ, три, пять, еще красивѣе и больше, и не успѣвалъ онъ замѣтить, когда потухнутъ эти, какъ летятъ опять новыя и новыя.

И точно не темна стала ночь, не такъ скучна и пустынна снѣжная равнина при быстрыхъ и веселыхъ огонькахъ; теперь полныхъ потемокъ уже не оставалось; все сколько-нибудь кружатся бойко и весело искорки, и Степанъ, слѣдя за ними, забываетъ окружающій мракъ. Развлекаютъ онѣ его точно, и на душѣ его точно не такъ уже тоскливо, и мысли въ головѣ кружатся тоже побойчѣе.

— Ну, что-жъ! не въ лѣсъ, чай, ѣдетъ. Вездѣ нужны руки, Богъ дастъ, не пропадетъ. Работникъ онъ хорошій, не пьющій. Небось, и тутъ, хоть давно на него косились и мастеръ-подлецъ доносилъ, что онъ-де „народъ мутитъ", а все же сквозь пальцы глядѣли, жалѣли отослать. А потомъ — онъ одинъ, а одна голова, извѣстно, „хоть бѣдна, да одна". Какъ это не прокормиться? Вотъ у Семена и ребята на шеѣ, а держался молодцомъ. Насупился только темнѣе ночи, а жаловаться не сталъ. „Чортъ, молъ, съ вами! Хоть подохну, не покорюсь!" Вонъ онъ какой, Семенушка-то! А вѣдь, когда пришелъ Семенъ на фабрику, совсѣмъ онъ не понимающій и смирный былъ, да и въ толкъ взять не могъ, какъ это не покоряться, когда начальство велитъ. Тогда почитай что съ однимъ Матвѣемъ Степанъ и душу отводилъ. А потомъ и сталъ народъ подбираться. Какъ разскажешь все, что къ чему и какая причина, такъ и твердятъ: правда твоя, молъ, правда! Потому у всѣхъ наболѣло, и глаза только надо на ихъ жизнь открыть. Какъ послушаютъ, идутъ опять: разскажи, молъ, про вчерашнее; дай книжечку, чтобы про это, про самое. И какъ это ему давеча почудилось, что всѣхъ разогнали!? Нѣтъ, и Тимофей свой человѣкъ, какъ на гору положиться можно, и Василій — парень настоящій; да и еще кой-кто найдется. Всѣхъ не вышлешь, всѣ крупинки самымъ чистымъ рѣшетомъ не выловишь! Небось, остались на разводъ!

Усмѣшка мелькнула на губахъ Степана и распрямился онъ. А искры за окномъ все мелькаютъ и мелькаютъ, и все больше и больше становится ихъ. Теперь Степанъ не только не успѣваетъ слѣдить, какъ онѣ падаютъ и тухнутъ, но и забылъ какъ-то, что онѣ должны и упасть и потухнуть. Онѣ носятся теперь передъ его глазами, вѣчно свѣтлыя, вѣчно живыя и такія смѣлыя, что смотрѣть становится весело и свѣтлѣетъ на душѣ. Вотъ и еще, и еще цѣлая пляшущая кучка разсыпалась въ разныя стороны; вотъ еще цѣлый рядъ пролетаетъ свѣтлой полоской и, кажется, оставляетъ еше за собой нѣкоторый свѣтъ на небѣ. А на далекомъ снѣжномъ пространствѣ, почти что куда хватаетъ глазъ, разносятся яркіе огоньки и садятся направо, налѣво, цѣлыя стаи ихъ кружатся и подпрыгиваютъ, прежде чѣмъ сѣсть на снѣгъ, а на нихъ налетаютъ, сталкиваясь и спѣша, другія и другія. Онѣ оживили собой всю эту мрачную картину; и такое неустанное и бодрое идетъ у нихъ движеніе, что смотрѣть любо, и глазъ не отведешь.

— Вотъ также и на землѣ будетъ, когда людей настоящихъ станетъ больше, думаетъ Степанъ, слѣдя съ восхищеніемъ за догоняющими, за обгоняющими одинъ другой огоньками. Когда вотъ эдакъ же пойдетъ впередъ за лучшею долей, за счастьемъ, да вотъ эдакъ же дружно двинутся, не по одиночкѣ, а кучками, толпами, — и смѣло, смѣло!.. Когда скажутъ себѣ, что тьма лишь потолѣ страшна, пока сидятъ въ ней присмирѣвъ и уныло, что подъ сильнымъ движеніемъ, подъ смѣлымъ натискомъ она разлетится и исчезнетъ, что она можетъ безслѣдно потушить только слабыя, одинокія искорки, и не устоять ей передъ общимъ и дружнымъ свѣтомъ, — тогда... Уфъ, какъ хорошо! даже громко промолвилъ Степанъ, когда широкая блестящая полоса изъ милліона искорокъ пронеслась вдругъ стремительно и побѣдоносно, освѣтивъ, какъ заревомъ, небосклонъ. Тогда добьются, тогда всего добьются, и будетъ тогда на землѣ и свѣтъ, и правда, и счастье, — да, и счастье!

А народу настоящаго все больше и больше нарождается, даже и на его глазахъ. За однимъ идутъ жадно слушать другіе, за тѣми еще и еще. И кто понялъ, тотъ можетъ, разъ-другой оробѣетъ, разъ-другой промолчитъ, но назадъ ужъ не пойдетъ, — нѣтъ! И мысль та, разъ засѣвши, все глубже и глуже забираться станетъ, пока онъ не сдѣлается совсѣмъ своимъ человѣкомъ. Главное — унывать не надо, останавливаться не надо. Вездѣ, гдѣ люди, тамъ теперь и нетъ, и зло, и неправда, вездѣ надо глаза открывать на это, вездѣ дѣло есть!

И бодрая улыбка играла уже на губахъ Степана, когда онъ все съ тою же жадностью слѣдилъ за искрами. Онъ видѣлъ себя на новомъ мѣстѣ, онъ заводилъ тамъ новыхъ друзей, онъ поднималъ ихъ на новую борьбу за лучшую долю рабочаго люда. И заводилъ онъ ужъ все не по прежнему, а лучше, незамѣтнѣе, прочнѣе. И дѣло все шло уже не зря, а дружно, толково, смѣло...

А искры вылетали уже цѣлыми снопами, и нельзя было порой разсмотрѣть въ нихъ отдѣльныхъ искорокъ, такъ тѣсно, такъ плотно, цѣлыми полосами неслись онѣ; и полосы эти становились все шире и ярче, все ослѣпительнѣе.

— Вотъ такъ, шепталъ въ восторгѣ Степанъ. Главное, чтобы такъ тѣсно, грудь съ грудью, плечо съ плечомъ; цѣлыми ратями, одна за другой, безъ конца!.. Тогда не потушатъ, тогда не задавятъ. Тогда ужъ вся сила будетъ у насъ, у насъ, — рабочаго люда! И сами добьемся мы для себя свѣтлой зари новой жизни и новаго счастья!..

Теперь счастливая улыбка не сходила уже съ лица Степана; слабая краска выступила на его щекахъ и восторженно глядѣли его большіе глаза на разстилавшуюся за окномъ картину.

А она была дѣйствительно дивно хороша. Громадные снопы свѣта неслись въ разныя стороны, то разсыпаясь цѣлымъ каскадомъ искорокъ, то заливая чуть не полъ-неба цѣлыми потоками свѣта. Куда дѣвалась вся мрачность, все безлюдье окружающей картины? Она вся наполнилась жизнью, и движеніемъ, и свѣтомъ. И свѣтъ этотъ все росъ, все распространялся, все проникалъ во всѣ глухіе, во всѣ темные уголки, и все побѣдоносно заливалъ собою... И смѣло, и непрестанно мелькали въ глазахъ яркія, бойкія искорки.

— Хорошо, хорошо! шепталъ беззвучно, со счастливой улыбкой Степанъ.

Онъ очнулся лишь отъ какого-то толчка. Поѣздъ остановился у большой станціи. Это и былъ тотъ губернскій городъ, гдѣ надо было выходить Степану. Онъ взялъ свой узелокъ и бодро, энергичными шагами, пошелъ при чуть брезжившемъ разсвѣтѣ зимняго утра по улицамъ незнакомаго, далекаго города.

противника", поднесенномъ ему нѣкоторыми изъ этихъ поздравителей.

Пользуясь случаемъ, попытаемся и мы охарактеризовать наше отношеніе къ юбиляру-писателю. Г. Михайловскій родился подъ счастливой звѣздой: первые литературные шаги его были обвѣяны бодрящимъ воздухомъ нашего ренессанса, а расцвѣтъ этой дѣятельности пришелся на революціоннѣйшую изъ эпохъ въ жизни русской интеллигенціи. Онъ далъ этой эпохѣ свою личность, и не однажды на страницахъ „Отеч. Записокъ" возвышался голосъ „профана", какъ выраженіе чувствъ и думъ интеллигента-разночинца, интеллигента-соціалиста... И съ этой самой поры литературное имя его сіяетъ отраженнымъ свѣтомъ героическаго времени: семидесятые годы воздали сторицей тому, кто когда-то принесъ имъ лучшую часть своего яркаго дарованія; они сплели его имя со своимъ и прикрыли присущимъ имъ обаяніемъ, прикрыли до такой степени, что долго читатель-другъ не замѣчалъ и не могъ замѣтить, что онъ потерялъ своего писателя. Между „крайней лѣвой" и старымъ любимцемъ ея постепенно назрѣвалъ разрывъ: молодое поколѣніе 90-хъ годовъ, истомившись въ годину реакціи, искало разрѣшающаго слова, готовое отдаться тому, кто сниметъ съ него бремя сомнѣній. А въ отвѣтъ лишь звучали либерально-минорныя рѣчи, безъ вѣры, безъ силы, безъ страсти, — во истину мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій. Когда же молодежь услыхала, наконецъ, будящій призывъ и хлынула въ рабочую массу, когда все живое потянулось къ свѣту новаго ученія, у стараго писателя не шевельнулось въ груди ничего, кромѣ злобной насмѣшки, и ненавидящее перо его писало лишь приговоры...

Мы — русскіе соціалдемократы — чтимъ заслуженнаго писателя, но въ наше отношеніе къ нему невольно примѣшивается горечь: до сихъ поръ онъ былъ — ослѣпленный противникъ, нашъ строгій и несправедливый судья.

Изъ Саратова пишутъ, что полиція заарестовала тамъ адресъ Н. Михайловскому, подписанный пятью тысячами человѣкъ. Адресъ былъ выставленъ для подписыванія въ земскомъ книжномъ складѣ; туда явился полицмейстеръ съ цѣлой аравой приставовъ и околодочныхъ и спросилъ, гдѣ находится адресъ. Завѣдующій складомъ спросилъ: „Вы желаете его подписать?" — Нѣтъ, арестовать! былъ отвѣтъ; по приказанію губернатора.

Переговоры по телефону съ губернаторомъ не помогли, и адресъ былъ увезенъ.

Саратовскій делегатъ на банкетѣ въ честь Михайловскаго вышелъ на эстраду съ пустымъ портфелемъ въ рукахъ и показалъ его публикѣ. Раздались аплодисменты и смѣхъ.

„Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся!"

Прекращеніе „Сѣв. Курьера". 22-го декабря, на совѣщаніи четырехъ министровъ, постановлено „совершенно прекратить" изданіе газеты „Сѣверный Курьеръ".

Правительственное сообщеніе обходитъ молчаніемъ мотивы этого запрещенія. Оно, какъ водится, лаконично, не тратитъ словъ по пустому; какъ всякій декретъ, говоритъ: такъ рѣшено, и баста! — и предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ молча проглотить преподносимую пилюлю. И публика... проглотитъ, конечно, эту пилюлю, какъ проглатывала она уже не разъ и не такія пилюли! Проглотить тѣмъ легче, что у нея до сихъ поръ не принято бережно обращаться съ печатнымъ словомъ и считать его своимъ кровнымъ достояніемъ...

Вольную, дѣйствительно вольнолюбивую общественную мысль нельзя запретить, какъ птицу въ клѣткѣ, нельзя задушить въ объятіяхъ цензуры: она найдетъ себѣ пути черезъ всѣ затворы и отомститъ за поруганную честь...

Для нашего общества, для всей нашей демократіи дѣло чести — найти выходъ изъ настоящаго позорнаго положенія: если такіе безобидные органы, какъ „Сѣв. Курьеръ", не терпятся болѣе въ средѣ нашей печати, значитъ — дѣло печати окончательно проиграно, въ ней нѣтъ мѣста живому общественному слову, значитъ — мы пришли къ дилеммѣ: il faut se soumettre, ou se démettre — либо отдаться на волю врага („сила ломитъ и соломушку..."), либо уйти..., но уйти на широкое поле свободной, не знающей цензурной барщины печати и тамъ поднять кличъ, призывая живыхъ, будя уснувшихъ. Господа — выбирайте!

Одесса. Одесская либеральная и радикальная публика, подобно публикѣ многихъ другихъ городовъ, собралась чествовать юбилей Н. К. Михайловскаго. Былъ составленъ довольно радикальный адресъ, собрано около 1500 подписей. Мѣстный всемогущій паша, градоначальникъ Шуваловъ, распорядился арестовать этотъ адресъ, что и было сдѣлано. Во главѣ подписей подъ адресомъ красовались подписи городского головы Зеленаго и начальника порта контр-адмирала Перелешина. По этимъ примѣрамъ можно видѣть, въ какой средѣ, между прочимъ, собирались подписи. Тѣмъ болѣе ярко выступаетъ тотъ фактъ, что нахальный, беззаконный поступокъ Шувалова не вызвалъ никакого протеста. Дѣтушки скушали, ложки утерли, сказали спасибо. И эта дряхлая, трусливая, смиренно выносящая всякое оплеваніе буржуазная „интеллигенція" смѣетъ высокомѣрно относиться къ пробуждающемуся рабочему движенію, смѣетъ упрекать въ „узости" соціалдемократовъ, возлагающихъ свои революціонныя надежды на пролетаріатъ, передовой слой котораго уже теперь стоитъ безконечно выше либеральной интеллигенціи по степени гражданскаго мужества и готовности дать отпоръ тѣмъ, кто попираетъ его права. Сознательные одесскіе рабочіе глубоко возмущены трусливымъ поведеніемъ одесской „интеллигенціи" въ дѣлѣ съ Шуваловымъ. Вообще градоначальникъ старается превзойти своего дикаго предшественника, адмирала Зеленаго, въ дѣлѣ самодурства и беззаконія.

Недавно произошла такая исторія. Въ редакцію „Одесскаго Листка" репортеръ доставилъ замѣтку о томъ, что одинъ изъ одесскихъ городовыхъ оказался бѣглымъ каторжникомъ.

Въ силу установившагося въ Одессѣ (конечно, незаконнаго) порядка, это извѣстіе, какъ относящееся къ внутренней жизни полицейской святыни, должно было, кромѣ общей цензуры, пойти на просмотръ полицейскаго управленія. Въ полицейскомъ управленіи его, конечно, сочли невозможнымъ напечатать. Казалось бы, и дѣлу конецъ. Но нѣтъ, это было только начало. Поздно вечеромъ въ редакцію является полицейскій и требуетъ завѣдущаго отдѣломъ. Ему отвѣчаютъ, что завѣдующій спитъ. Полицейскій уходитъ и является черезъ нѣкоторое время съ такимъ заявленіемъ: „на основаніи положенія объ усиленной охранѣ градоначальникъ приказываетъ разбудить такого-то" (буквально). Ну, разъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, то, конечно, русскій „интеллигентный" обыватель готовъ хоть самъ себя разложить и высѣчь. Завѣдующій пробуждается на основаніи положенія объ усиленной охранѣ и, подвергшись допросу полицейскаго, уже на основаніи своей собственной подлости и трусости (говорятъ, этотъ господинъ тоже когда-то что-то имѣлъ общаго съ „идеями") называетъ полицейскому имя репортера, который доставилъ опасное для государственнаго порядка извѣстіе о томъ, что среди просто негодяевъ въ одесской полиціи служитъ одинъ, уже побывавшій на каторгѣ. Немедленно является полиція на квартиру къ репортеру, котораго не застаетъ дома. Среди суматохи, вызванной полицейскимъ нашествіемъ, плача жены и дѣтей, приставъ ложится на кровать репортера, чтобы подождать его возвращенія. Когда репортеръ явился, ему сначала пришлось выдержать солдатскую ругань пристава, а затѣмъ, когда онъ отказался назвать имя полицейскаго, отъ котораго узналъ полицейскій секретъ, его посадили въ отдѣльную комнату подъ присмотромъ нѣсколькихъ городовыхъ съ угрозой, что если не назоветъ до утра имени давшаго свѣдѣніе, то будетъ препровожденъ за рѣшетку. Кончилось тѣмъ, что репортеръ назвалъ какого-то полицейскаго изъ охраннаго отдѣленія.

Воинственный градоначальникъ не прочь отъ покровительства рабочему классу. Для тѣхъ рабочихъ, которые склонны сами себѣ помогать, Шуваловъ озабочивается пріисканіемъ казенной квартиры съ рѣшетчатымъ окномъ, на тѣхъ же, которые готовы довѣрчиво ждать помощи свыше, онъ не прочь простереть милостивую руку начальства. Въ этомъ году среди ремесленниковъ и отчасти строительныхъ рабочихъ возникло артельное движеніе. Былъ приглашенъ извѣстный фигляръ артельнаго дѣла, г. Левитскій, и дѣло — казалось — наладилось. Получены субсидіи, добыто разрѣшеніе начальства, и нѣсколько артелей торжественно открыли свои дѣйствія. На открытіи присутствовали всевозможныя власти съ Шуваловымъ во главѣ. Шуваловъ провозгласилъ тостъ за всероссійскаго султана Николая, господа артельщики отвѣчали тостами за одесскаго султана Шувалова. Просвѣщенный султанъ выразилъ надежду, что путемъ организаціи артелей рабочіе улучшатъ свое положеніе и освободятся отъ эксплуатаціи. Онъ не прибавилъ (такъ какъ это само собой подразумѣвалось), что тѣ рабочіе, у которыхъ нѣтъ средствъ устроить артели, за всякую попытку инымъ путемъ улучшить свое положеніе и освободиться отъ эксплуатаціи, будутъ имѣть удовольствіе разговаривать съ полицейскими властями не на торжественномъ обѣдѣ, а въ тюремной камерѣ. Однимъ словомъ, артели начали свое существованіе подъ благословеніемъ не только русскихъ бернштейніанцевъ, но и законнаго начальства. Слава о нихъ пошла далеко. Газета „Сѣверный Курьеръ" отмѣтила это свѣтлое явленіе въ особой корреспонденціи, а г. Левитскій высоко поднялъ свою голову и очень гордится тѣмъ, что не одни лишь крестьяне, но и городскіе рабочіе прибѣгаютъ къ нему для организаціи артелей. Только одесскіе сознательные рабочіе не раздѣляютъ общихъ чикованій по поводу артелей. Имъ пришлось очень скоро увидѣть, какое значеніе могутъ имѣть артели для рабочаго движенія. Увѣровавъ въ устроеніе своего благополучія мирнымъ путемъ взаимопомощи, артельщики сейчасъ же стали во враждебное отношеніе къ рабочему движенію. Одна артель поставила правиломъ, что ея члены не могутъ участвовать въ нелегальномъ движеніи. Какъ же! Иначе подведутъ артель. Пропаганда улучшенія положенія рабочихъ путемъ артелей столкнулась съ пропагандой улучшенія положенія рабочихъ путемъ классовой борьбы...

Невинные интеллигенты — устроители артелей — позаботились ввести въ ихъ уставъ воспрещеніе принимать наемныхъ рабочихъ. Но — погони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. А при капиталистическомъ производствѣ природа каждаго хозяйственнаго предпріятія, — будь оно артельное, все равно, и хоть бы его устраивали самые благочестивые святоши, — состоитъ въ томъ, чтобы не упустить благопріятнаго момента, когда случится найти хорошій сбытъ своимъ продуктамъ; а для того, чтобы съумѣть справиться съ большими заказами, надо имѣть въ своемъ распоряженіи запасъ новой рабочей силы. Но какъ добыть эту новую рабочую силу? Принять въ артель новыхъ членовъ и дѣлиться съ ними барышами? Это не такъ-то пріятно, да и накладно: когда экстренные заказы будутъ выполнены и наступитъ въ дѣлахъ затишье, каждый лишній пайщикъ будетъ означать уменьшеніе барышей старыхъ членовъ. А чтобы это избѣжать, самое простое средство искать свѣжую рабочую силу тамъ, гдѣ ея всегда вдоволь — на рынкѣ труда. Но вѣдь по уставу наемныхъ рабочихъ въ артели не полагается. Но если нельзя нанимать рабочихъ, то можно принимать учениковъ: и дешевле и спокойнѣе. И вотъ одесская артель портныхъ уже пошла по этой торной дорогѣ. Всякаго ей успѣха!

Но вотъ бѣда: едва только артели, затѣянныя въ цѣляхъ освободить рабочихъ отъ эксплуатаціи такъ, чтобы воды не замутить, стали освобождать своихъ собственныхъ членовъ отъ работы путемъ эксплуатаціи учениковъ, какъ одесскій градоначальникъ, насытившись дѣятельностью соціальнаго реформатора, вновь вспомнилъ о роли полицейскаго наблюдателя. Артели — оно, конечно, спокойно, а все-таки... какъ ни какъ, а смахиваетъ на вольныя мысли. И вотъ, по слухамъ, державный одесскій султанъ уже распорядился: чтобы „у него" новыхъ артелей не возникало. Такъ вотъ какое положеніе: съ одной стороны, лестно нѣкоторымъ дѣятелямъ создать „рабочее движеніе", которое не пришло бы въ столкновеніе съ существующими порядками; а съ другой — чѣмъ болѣе скромное общественное дѣло затѣвается, тѣмъ проницательнѣе гг. Шуваловы откапываютъ въ самомъ нереволюціонномъ дѣлѣ слѣды „вольнаго духа". Что тутъ подѣлаешь?

Въ октябрѣ мѣсяцѣ одесскій Комитетъ Партіи распространилъ на механическомъ заводѣ Литовскаго прокламацію съ призывомъ къ борьбѣ противъ предполагавшагося удлиненія рабочаго дня, за лучшее обращеніе и за удаленіе мастера. Прокламація вызвала прекращеніе работъ, и въ результатѣ было немедленное удовлетвореніе требованій, даже нѣкоторое сокращеніе рабочаго времени. Вскорѣ послѣ того была распространена прокламація на кожевенномъ заводѣ; наѣхали жандармы, но ничего не узнали о „подстрекателяхъ". Въ октябрѣ же была однимъ лицомъ распространена собственная прокламація среди служащихъ конки. Распространитель былъ арестованъ и, просидѣвъ три недѣли, выдалъ того, кто ему помогалъ въ изготовленіи прокламаціи.

Въ октябрѣ же была распространена въ 3000 экз. прокламація Комитета по поводу бывшаго лѣтомъ еврейскаго погрома, разъясняющая рабочимъ вредъ, приносимый національной враждой интересамъ рабочаго класса.

19-го ноября въ Кишиневѣ арестовано 6 рабочихъ, а 17-го ноября тамъ же въ больницѣ умеръ отъ тифа возвратившійся недавно изъ Сибири Наумъ Лившицъ. Покойному было около 25 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже вынести много преслѣдованій за преданность соціалдемократическому дѣлу. По ремеслу слесарь, онъ еще въ ремесленномъ училищѣ въ Вильнѣ занимался соціалистической пропагандой и стоялъ во главѣ протестующихъ противъ безобразій, царящихъ въ этомъ учебномъ заведеніи, устроенномъ еврейской буржуазіей. За избіеніе училищнаго шпіона Лившицъ былъ въ 1895 году исключенъ изъ училища. Онъ сталъ заниматься пропагандой въ кружкахъ саморазвитія рабочихъ въ Вильнѣ, а затѣмъ переселился въ Бѣлостокъ съ цѣлью содѣйствовать возникшему тамъ соціалдемократическому движенію. Въ Бѣлостокѣ онъ продержался недолго. Въ февралѣ 1896 г. онъ былъ арестованъ по обвиненію въ держаніи конспиративной квартиры и гектографированіи воззваній. Послѣ полутора лѣтъ тюремнаго заключенія Лившицъ былъ сосланъ на три года въ Восточную Сибирь. При пересылкѣ его и его товарищей (Гожанскаго, Любови Айзенштадтъ и столяра Сегаля) черезъ Вильну, мѣстные рабочіе устроили демонстрацію.

Окончивъ срокъ ссылки, Лившицъ возвращался съ горячимъ желаніемъ возобновить революціонную дѣятельность. Его очень возмущала эволюція нашей легальной марксистской литературы. „Слѣдуетъ сорвать маску съ гг. Струве и Тугана", писалъ онъ съ дороги изъ Сибири"*). Ему не долго пришлось поработать. Изъ Вильны, куда онъ вернулся изъ ссылки, его выслали, а въ Кишиневѣ, гдѣ онъ перебивался грошевыми заработками, онъ схватилъ тифъ, сведшій его въ могилу. Въ лицѣ покойнаго рабочее движеніе теряетъ истиннаго революціонера, пролетарія съ головы до ногъ.

На „великой Сибирской магистрали" (письмо изъ Сибири). Какъ присмотришься къ здѣшней „обывательщинѣ", такъ даже диву даешься, „чѣмъ тутъ люди живы?" Сверху до низу всѣ охвачены сѣрой лихорадочной сутолокой, всѣ самымъ жестокимъ образомъ, такъ или иначе, расплачиваются за скромный кусокъ хлѣба. Все желѣзно-дорожное общество рѣзко распадается на два слоя — верхъ и низъ, вся желѣзно-дорожная жизнь — на двѣ эры: постройка и эксплуатація. „Постройка!" Вы, навѣрное, не можете себѣ представить, читатель, что означаетъ это слово для чиновника желѣзно-дорожнаго вѣдомства! Нѣкоторое таинственное движеніе высшихъ „дѣловыхъ" сферъ, порой даже нѣкоторое „мановеніе" свыше, — и въ газетахъ появляется замѣтка о благодѣтельномъ значеніи той или другой линіи, о будущемъ подъемѣ отечественной промышленности или усиленіи средствъ отечественнаго „кулака". Образуется комитетъ по постройкѣ съ высокими, но весьма не возвышенными персонами во главѣ, пускаются въ ходъ старыя знакомства, и вотъ на полѣ дѣйствія является испытанная свора старыхъ жел.-дорож. волковъ, всевозможныхъ „закаленныхъ" въ бояхъ хищниковъ-путейцевъ, инженеровъ-подрядчиковъ, а кругомъ нихъ ретиво и игриво несутся „молодые да ранніе" инженерики, приживальщики, техники, всяческіе господа члены желѣзно-дорожной профессіи „своихъ". Всѣхъ интересуетъ вопросъ, кто будетъ „самъ", кто будетъ господиномъ, начальникомъ работъ. Какое ликованіе, когда обнаруживается, что „самъ" — обыкновенно это такъ и бываетъ — любитъ пожить, но не мѣшаетъ жить и другимъ. Въ дикой мѣстности разбиваются станы всей небольшой, но честной компаніи, дѣйствія открываются и... берегись народные милліоны! Да, но вѣдь вездѣ могутъ найтись честные люди, вездѣ могутъ произойти скандалезныя обличенія? Но во-первыхъ, г. начальникъ работъ можетъ собственной властью выслать такого обличителя изъ предѣловъ „ввѣреннаго ему района" (дѣло инженера Юговича съ инженеромъ Линевичемъ), а во-вторыхъ, честныхъ людей буржуазнаго мірка такъ легко обойти! Мало-мальски „приличный", „законный" окладъ, а главное — побольше на него черновой технической работы, voilà tout. Везетъ тогда такая честная кляча и ужъ по сторонамъ не оглядывается — прямо таки физически не до того. А по сторонамъ дѣло кипитъ. На ровномъ мѣстѣ воздвигаются насыпи, и однако, дѣйствительная величина уклоновъ и подъемовъ весьма отличается отъ номинальной, красующейся на путевыхъ табличкахъ. Линія пути выписываетъ невѣроятные зигзаги, объяснить которые можно исключительно желаніемъ строителя пройти мимо даннаго твердаго грунта черезъ данное зыбкое болото. Цѣлые города, въ родѣ напр., Томска, неисповѣдимыми путями остаются въ сторонѣ отъ главной линіи... Каковы доходы гг. построечныхъ воротилъ, видно хотя бы изъ того факта, что такія мелкія сошки, какъ счетоводы, получающіе менѣе ста рублей мѣсячнаго жалованья, разъѣзжаютъ во время постройки на рысакахъ, проигрываютъ свыше нѣсколькихъ тысячъ въ одинъ вечеръ въ карты. Оффиціально, напр., извѣстно, что одна окраска моста въ 200 саж. длиной обходилась около 10.000 руб.! Въ наиболѣе глухихъ мѣстечкахъ устраиваются прямо оргіи: въ Нижнеудинскѣ, напр., для одной дамы полусвѣта устроили (буквально) ванну изъ шампанскаго! Завѣдующій тамошнимъ построечнымъ участкомъ нѣкій инженеръ Бертановичъ, за три года постройки нажилъ состояніе и купилъ на берегу Чернаго моря имѣніе въ 140.000 р. стоимостью. Въ Томскѣ старшины мѣстнаго клуба должны были оффиціально заявить гг. построечнымъ инженерамъ, что входъ „женамъ" ихъ возбраняется, такъ какъ своимъ поведеніемъ онѣ скандализируютъ мѣстное общество... Ну, развѣ не справедливо городъ Томскъ обойденъ магистралью?...

А вотъ еще поучительный фактъ: бывшій построечный начальникъ движенія на Средне-Сибирской жел. дор., нѣкій г. Люде, вошелъ въ стачку съ богатымъ томскимъ купцомъ Фуксманомъ, и въ результатѣ получился слѣдующій странный рядъ явленій: на дорогѣ чрезвычайная нужда въ товарныхъ вагонахъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ строжайшихъ приказовъ касательно избѣжанія „простоя" такихъ вагоновъ, а въ Томскѣ цѣлая флотилія ихъ терпѣливо дожидается по цѣлымъ мѣсяцамъ распоряженія г. Фуксмана. За то, когда г. Фуксманъ соизволитъ „погрузиться", то его вагоны почему-то идутъ въ первую очередь, идутъ со всѣми поѣздами, нарушая всѣ правила движенія... Въ концѣ концовъ г. Люде „неудобно" стало служить на Сибирской жел. дор. Идетъ разъ знакомый ему чиновникъ по улицѣ гор. Томска, а мимо него ѣдетъ рѣченный г. Люде. Узналъ, остановился и крикнулъ при „свѣтѣ дня", въ присутствіи посторонней публики, такую знаменательную тираду: „Здравствуйте, г. Х. Поздравьте, назначенъ начальникомъ движенія на манджурскую жел. дорогу, и знаете-ли, тамъ „контроля" нѣтъ!"

Въ результатѣ всякая постройка оставляетъ цѣлое море перерасходовъ, и по сибирской дорогѣ еще совсѣмъ недавно должна была прокатиться коммиссія, съ тайнымъ совѣтникомъ Михайловымъ во главѣ, для изслѣдованія того, куда дѣлись двадцать милліоновъ рублей свыше опредѣленной нормы. Шикарная коммиссія преблагополучно прослѣдовала отъ Питера до Иркутска и обратно, и все обстоитъ по прежнему.

Недавно въ СПБ. Лѣсномъ Институтѣ произошелъ слѣдующій случай. Одинъ изъ студентовъ долго искалъ работы и, не находя ничего подходящаго, помѣстилъ въ газетѣ объявленіе, гдѣ настоятельно просилъ какого-либо заработка. На другой день онъ получаетъ письмо, гдѣ его приглашаютъ въ назначенный день въ трактиръ Палкина. Онъ долженъ держать въ рукахъ книгу, субъектъ, желающій съ нимъ переговорить, будетъ также съ книгой въ рукѣ. Студентъ беретъ какой-то техническій учебникъ и отправляется къ Палкину. Тамъ онъ видитъ въ углу какого-то господина, который держитъ въ рукахъ брошюру о „Соціализмѣ въ Россіи". Они заговариваютъ, и незнакомецъ сразу переходитъ на вопросъ о рабочемъ движеніи въ Россіи. Онъ вытаскиваетъ изъ кармана цѣлую кучу нелегальныхъ брошюръ и между прочимъ спрашиваетъ студента, не можетъ ли тотъ передать деньги въ Красный Крестъ. Студентъ отвѣчаетъ, что онъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ послѣдняго, но въ Институтѣ у нихъ ходитъ по аудиторіи всегда столько листковъ, что онъ сможетъ найти способъ для передачи денегъ. „Хорошо, отвѣчаетъ незнакомецъ, теперь я вамъ, конечно, не могу дать этихъ денегъ — я васъ совсѣмъ не знаю, но впослѣдствіи, когда мы съ вами познакомимся, я буду вамъ передавать деньги, какъ свои собственныя, такъ и моихъ знакомыхъ, жертвуемыя для этой цѣли."

Они разстаются, сговорясь встрѣтиться на завтра въ томъ же мѣстѣ, чтобы переговорить о работѣ, предлагаемой незнакомцемъ.

На завтра студента таинственно проводятъ въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ вчерашній незнакомецъ предстаетъ передъ нимъ... въ формѣ жандармскаго офицера!! Тщательно заперевъ дверь на замокъ, онъ обращается къ студенту съ предложеніемъ сдѣлаться шпіономъ за вознагражденіе въ 50 руб. въ мѣсяцъ. „Но, предупреждаетъ онъ, если вы откажетесь отъ моего предложенія, знайте, что нашъ разговоръ долженъ остаться въ тайнѣ! Въ противномъ случаѣ вы тотчасъ же будете исключены изъ Института, высланы изъ Питера, и мы всюду распространимъ, что вы — шпіонъ. Намъ повѣрятъ — будьте покойны!"

Игнорируя всѣ угрозы, студентъ категорически отказывается и отправляется прямо въ Институтъ, гдѣ разсказываетъ студентамъ обо всемъ происшедшемъ. Ему вполнѣ вѣрятъ, и делегація тотчасъ же отправляется къ директору. Директоръ обѣщаетъ не только не позволить исключить студента, но и поѣхать къ Мин. Внутр. Дѣлъ и переговорить съ нимъ, чтобы къ его студентамъ не смѣли обращаться съ подобнаго рода предложеніями... Студенты страшно возбуждены и едва-ли позволятъ выполнить хоть одну изъ угрозъ жандарма надъ своимъ товарищемъ... А между тѣмъ не дремлютъ и жандармы. На дняхъ я встрѣтилъ одну курсистку, которая заявила мнѣ: „что вы! всѣ говорятъ, что этотъ вашъ студентъ — шпіонъ!"

Изъ Кишинева. ... „Въ теченіе послѣдней недѣли наши обыватели были сильно заинтересованы однимъ небывалымъ въ лѣтописяхъ Кишинева событіемъ, которое порядкомъ взволновало здѣшнее сонное царство. Дѣло въ томъ, что въ ноябрѣ 1900 г. среди бѣла дня были арестованы 8 рабочихъ, у которыхъ найдено было много нелегальной литературы. Черезъ недѣлю, къ всеобщему удивленію, они были выпущены на свободу. Если тутъ нѣтъ какой-либо западни, то нужно признать поведеніе жандармовъ очень тактичнымъ. Было установлено, что арестованные

---

*) Приводя это мнѣніе покойнаго товарища, редакція считаетъ необходимымъ замѣтить, что на жизненной сценѣ, въ отличіе отъ театральной, маску носятъ иногда вслѣдствіе искренняго заблужденія. Конечно, общественный вредъ заблужденія отъ этого нисколько не уменьшается.

рабочіе не имѣли никакой связи съ интеллигентами. Поэтому было вполнѣ разумно не раздувать дѣла, чтобы не взбудоражить здѣшней молодежи, которая, пожалуй, при иномъ оборотѣ дѣла могла бы легко придти къ заключенію, что не только въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ да еще въ нѣсколькихъ городахъ, но и въ самомъ Кишиневѣ существуютъ нѣкіе „элементы", способные къ воспріятію всякаго рода идей. Продержи жандармы этихъ рабочихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, и распространенію этого вывода былъ бы данъ сильный толчокъ. Впрочемъ, все это однѣ гипотезы. Тутъ есть много страннаго: такъ напр., эти обыски среди бѣла дня. Двинулись „синіе мундиры" въ походъ, по словамъ обывателей, чуть-ли не въ 9 час. утра, и вернулись, забравъ 8 военно-плѣнныхъ и значичельное количество революціоннаго оружія, въ 5 час. вечера".

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка на прохоровскихъ рудникахъ (на Донцѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Юзовки).

Стачка началась изъ-за пониженія заработной платы. 15-го сентября было заявлено, что черезъ двѣ недѣли плата будетъ понижена, и 3-го октября на рудникѣ N 10 вспыхнула стачка, которая затѣмъ распространилась и на другіе рудники (всего забастовало до 800 человѣкъ). Одновременно съ пониженіемъ заработной платы было объявлено, что отмѣняются артельщики. Артельщики были посредниками между рабочими и конторой и иногда наживали съ рабочихъ до 200 рублей въ мѣсяцъ. Эти артельщики (12 человѣкъ) принимали также дѣятельное участіе въ стачкѣ.

3 октября утромъ на рудникѣ N 10 рабочіе остановили машину, на которой рабочихъ спускаютъ въ шахту, открыли краны отъ сигнальныхъ гудковъ и направились къ дому директора рудника, Бартновскаго, и вызвали его для переговоровъ. Невдалекѣ стояла толпа женщинъ и дѣтей, семьи рабочихъ, ожидая исхода переговоровъ. Между тѣмъ изъ конторы съ Юзовскаго завода была немедленно вызвана по телефону сотня казаковъ. Подъѣхавшіе казаки, не разбирая дѣла, бросились на толпу женщинъ и дѣтей и стали хлестать ихъ нагайками. Рабочіе побѣжали на помощь семьямъ. Въ это время подоспѣли рабочіе съ другихъ шахтъ, съ N 27 и Мищенскаго; началась свалка; рабочіе разгромили контору, повыбрасывали всѣ бумаги, били окна служащихъ, квартиры которыхъ находились рядомъ съ конторой. Разгромъ продолжался съ утра цѣлый день. Рано утромъ съ поѣздомъ пріѣхали казаки изъ Таганрога и Мокеевскаго завода съ казачьимъ начальникомъ Калуницкимъ; согнали рабочихъ въ сарай, и тамъ пропустили всѣхъ рабочихъ (человѣкъ 300) сквозь строй. Нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ удалось спрятаться въ больницѣ и на станціи Мушкетово. Казачьи отряды расправлялись съ рабочими два дня, затѣмъ 300 человѣкъ рабочихъ угнали въ Таганрогъ, а остальные (человѣкъ 50) были спущены на работу въ шахты. Казачій отрядъ поѣхалъ затѣмъ на N 27 (около Юзовки); тамъ казачій начальникъ допрашивалъ рабочихъ, отыскивая зачинщиковъ, при чемъ билъ ихъ кулаками въ лицо. Казаки разъѣзжали по улицамъ и хлестали нагайками прохожихъ. Когда казаки ѣхали съ N 10 на N 27, имъ попалась толпа рабочихъ, только-что нанявшихся и получившихъ изъ пріемной удостовѣреніе о годности къ работѣ. Калуницкій набросился на толпу съ крикомъ: „вы бунтовать, мошенники!", и началась экзекуція. Когда послѣ экзекуціи выяснилось, что эти рабочіе въ стачкѣ не участвовали и только-что нанялись на работу, казачій начальникъ сказалъ: „это вамъ, сукины дѣти, пусть будетъ авансомъ!" На остальныхъ трехъ рудникахъ рабочихъ не били, а только хватали и отправляли въ Таганрогъ въ тюрьму. Въ N 10 два человѣка были захлестаны до полусмерти. Полицейскій судебный слѣдователь отъ имени жандармской власти заявилъ врачу, что если онъ выдастъ имъ свидѣтельство объ истязаніи, то онъ будетъ высланъ въ 24 часа. Одного рабочаго, котораго подозрѣвали въ томъ, что онъ останавливалъ гудки, изъ больницы отправили въ Таганрогъ больного. (Послѣ стачки при больницѣ былъ пожаръ и во время пожара сгорѣла одежда больныхъ; врачъ не хотѣлъ дать больничной одежды для отправки въ Таганрогъ; тогда слѣдователь заявилъ, что отправитъ рабочаго въ Таганрогъ нагишемъ). На N 27 было взято 18 человѣкъ, которыхъ выдала артельная кухарка, подслушавъ ихъ разговоръ.

Результаты: на N 10 плата была понижена (на 15—20 коп. въ день), на остальныхъ рудникахъ осталась прежняя. Недѣли черезъ двѣ послѣ стачки жандармскій начальникъ объѣзжалъ всѣ рудники и требовалъ (въ вѣжливой формѣ) отъ инженеровъ принятія и на поверхностныя и на подземныя работы „агентовъ", которые и были приняты. Мотивировали тѣмъ, что считаетъ стачку дѣломъ рукъ интеллигенціи.

* * *

„Южный Рабочій" (ном. 3, ноябрь 1900 г.), сообщая о вышеописанной забастовкѣ, добавляетъ: „Такія забастовки становятся все чаще и чаще. По всему району глухой ропотъ Усиливается эксплуатація, растетъ недовольство, и, быть можетъ, вскорѣ мы будемъ свидѣтелями грандіознаго движенія стотысячной арміи шахтеровъ".

Москва.

Въ сентябрѣ 1900 г. Московскій Комитетъ Росс. С. Д. Р. П. выпустилъ гектографированную прокламацію „Memento" (помни). Прокламація указываетъ, что старый вопросъ „Что дѣлать?" постоянно встаетъ среди учащейся молодежи и что отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ основателями научнаго соціализма, Марксомъ и Энгельсомъ. Прокламація совѣтуетъ молодежи „съ большою осторожностью относиться къ современнымъ критикамъ марксизма", „въ особенности же къ такимъ удивительно неудачнымъ критическимъ опытамъ, каковъ, напр., опытъ Эд. Бернштейна", и зоветъ на борьбу противъ „унизительнаго безправія всего нашего общества". „Пусть ростетъ и крѣпнетъ союзъ пролетаріата съ лучшей частью интеллигенціи!"

Либава.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года арестовали въ Либавѣ трехъ сторожей тамошней тюрьмы за соціалистическую пропаганду и распространеніе соціалистическихъ брошюръ среди арестантовъ тамошней центральной тюрьмы. При обыскѣ ихъ, на дворѣ находящихся, квартиръ нашли въ самомъ дѣлѣ латышскія соціалистическія брошюры. Донесъ на нихъ одинъ изъ тюремныхъ надзирателей. (Читатель, можетъ быть, еще помнитъ небывалое событіе, когда въ городѣ Либавѣ въ маѣ 1899 г., во время всеобщей стачки, и городовые отличились: они тоже забастовали 5-го мая и послали депутацію къ полицмейстеру съ просьбой возвысить ихъ скудное жалованье [12 р. 50 к.] на 5 р. Первыхъ трехъ делегатовъ полицмейстеръ сейчасъ прогналъ безъ всякихъ разговоровъ. Но когда на другой день появилась вновь депутація, состоящая уже изъ шести городовыхъ, то онъ согласился возвысить жалованье на 3 руб.). Нѣсколько позже арестовали двухъ городовыхъ, которыхъ тоже обвиняютъ въ содѣйствіи соціалистической пропагандѣ. Всѣхъ пять соціалистовъ отправили въ митавскую тюрьму, гдѣ они и до сихъ поръ сидятъ.

Оперирующій нынѣ въ Либавѣ и быстро прославившійся своею дѣятельностью жандармъ Вонсяцкій (польскій ренегатъ и выкрестъ), извѣстенъ былъ литовцамъ уже тѣмъ, что, будучи жандармскимъ поручикомъ въ Сувалкской губ., сѣялъ тамъ несчастія между литовцами и нѣсколько сотъ семествъ разорилъ, выславъ многихъ изъ родины, уморивъ въ тюрьмѣ или обративъ ихъ въ инвалидовъ. Это — грубый варваръ, не отличающійся умомъ и лишенный „благородныхъ" чувствъ. Не будучи въ состояніи раскрыть что-нибудь, онъ началъ обыски и аресты въ Литвѣ на основаніи принципа: „считаемъ полезнымъ". На этомъ основаніи были арестованы извѣстные Вонсяцкому латыши. Погромъ литовцевъ въ Литвѣ принялъ необъятные размѣры. Вонсяцкій всякаго литовца признаетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій политическимъ преступникомъ. Шпіонство сдѣлалось эпидеміей. Пьяницы и проч. получили предлогъ существовать, получая вознагражденіе отъ Вонсяцкаго. Они открыто сознаются въ своей профессіи и требуютъ дани отъ обывателей. Даниловичъ, не вознаградившій шпіона Турскаго, былъ арестованъ и сидитъ до сихъ поръ: ему было подброшено на квартиру поддѣльное письмо. Обыски были у всѣхъ литовцевъ, признающихъ себя таковыми. Арестовывали за устройство легальныхъ спектаклей (Янулайтисъ и Мотирдъ), брали гимназистовъ (Бѣлецкій) и пр. Корреспондентъ сообщаетъ намъ (отъ декабря прошлаго года) списокъ 45 пострадавшихъ лицъ, прибавляя, что имена многихъ арестованныхъ неизвѣстны.

Харьковъ.

Мѣстный Комитетъ Рос. С.-Д. Рабочей Партіи въ прокламаціи „Ко всѣмъ харьковскимъ рабочимъ" еще разъ обращаетъ вниманіе на безправіе русскаго народа, выразившееся съ особенной наглядностью въ преслѣдованіяхъ за 1-ое мая въ Харьковѣ. Но обыски и высылки, тюрьма и ссылка не остановятъ движенія. „Комитетъ цѣлъ и невредимъ. Помирить насъ съ неправдой удалось еще меньше. Наоборотъ, дикія преслѣдованія зажгли въ насъ еще болѣе сильное пламя ненависти къ нашимъ угнетателямъ". „Какъ намъ не протестовать, какъ не бороться? Давно и вездѣ кипитъ эта борьба. Это вѣковая борьба двухъ враждебныхъ міровъ: труда и свободы съ одной стороны, эксплуатаціи и гнета съ другой. Безъ этой борьбы не добыто ни одно улучшеніе въ положеніи порабощеннаго народа. Сколько горя и слезъ, сколько страданій и человѣческихъ жизней стоитъ эта борьба. Сколько благородныхъ борцовъ за свободу томилось напр., въ подземельяхъ парижской Бастиліи сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Не даромъ томились они: ихъ кровью была куплена свобода Франціи. Каждая жертва наносила роковой ударъ власти королей-тирановъ, и теперь во Франціи рабочій классъ можетъ свободно вести борьбу за свое окончательное освобожденіе. То же повторилось и въ другихъ странахъ. Только у насъ еще осталась варварская власть царя-деспота. Только у насъ царскій тронъ еще покоится на порабощеніи голоднаго народа, въ которомъ рушится всякое пробужденіе сознанія. Только у насъ возможно заточеніе въ тюрьмы десятковъ и сотенъ интеллигентовъ и рабочихъ за малѣйшее стремленіе къ свободѣ. Такъ намъ-ли отказаться отъ борьбы, намъ-ли бояться жертвъ? Нѣтъ, товарищи, русскіе рабочіе уже доказали свою способность къ дружной борьбѣ. Окажемся же и мы достойными своихъ товарищей. Поклянемся выставлять новыхъ борцовъ на смѣну выбывшихъ изъ строя товарищей, будемъ бороться до конца, пока не побѣдимъ, пока отъ дружнаго напора объединенныхъ рабочихъ не рушатся наши Бастиліи, не разлетится въ прахъ ярмо деспотизма. А въ минуты преслѣдованій будемъ вспоминать знаменитаго ученаго Галлилея: когда угрозами и пытками невѣжественные попы, казалось, уже сломили упорство его и думали, что вотъ онъ откажется отъ своего ученія о движеніи земли вокругъ солнца — Галлилей, къ ужасу своихъ учителей, бросилъ имъ въ лицо свое знаменитое: „А она все-таки двигается.

Товарищи! насъ преслѣдуютъ за то, что мы достойно отпраздновали день 1-го мая. Такъ начнемъ же теперь готовиться къ еще болѣе достойному празднованію слѣдующаго 1-го мая. И когда наступитъ свѣтлый праздникъ рабочаго класса, бросимъ нашимъ тиранамъ въ лицо смѣлое: „А она все-таки двигается!"

* * *

Здѣсь не прекращаются аресты. Особенно много взято 5-го и 14-го декабря, большей частью рабочихъ. Изъ фамилій извѣстны: Маковскій (инженеръ), Сильвестровъ (привезенъ изъ Риги), Гайденко, Поляковъ, Бѣлиновъ (раб.), Григорьевъ, Богдановъ, Скрипникъ, Курилко (оба во второй разъ, рабочіе). Изъ арестованныхъ въ октябрѣ многіе вывезены въ уѣздныя тюрьмы: Поповъ, Кожевниковъ, Бобровскій, Шумовъ и др. — въ Изюмъ, д-ръ Левинъ — въ Богодуховъ; большинство же рабочихъ отправлено въ тюрьму у станціи Печенѣги (знаменитый въ 70 гг. „харьковскій централъ").

Безработица, какъ мы указываемъ ниже, распространяется все шире, и къша хтерамъ присоединятся, если осуществится предположеніе „Южнаго Рабочаго", сотни тысячъ другихъ рабочихъ. Пусть припомнятъ они тогда эти знаменательныя слова царскаго слуги, бившаго неповинныхъ рабочихъ: „Это вамъ авансы, сукины дѣти!" Пусть направится это движеніе безработныхъ противъ этого дикаго, безчинствующаго и насильничающаго правительства, пусть потребуютъ отъ него, чтобы оно отказалось отъ своего самовластья и созвало народныхъ представителей.

* * *

Безработица становится все сильнѣе, и свѣдѣнія о ней приходятъ отовсюду. Въ „Южн. Рабочемъ" (ном. 3-ій, ноябрь 1900 г.) пишутъ: „Въ Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Маріуполѣ, Юзовкѣ и другихъ мѣстахъ — вездѣ сокращеніе работы, увольненіе рабочихъ десятками и сотнями, вездѣ ужасы нужды, и призракъ голодной смерти встаетъ въ рабочихъ поселкахъ... Заработная плата упала до послѣдней степени: дѣло дошло до того, что на всемъ югѣ почти нигдѣ не вырабатываютъ аккорда... Въ Юзовкѣ отмѣнены ночныя работы (раньше работа производилась безостановочно въ три смѣны). Происходитъ постепенное увольненіе рабочихъ небольшими партіями... Въ Николаевѣ общее число уволенныхъ доходитъ до 2000 человѣкъ, въ Маріуполѣ — до 600. Въ особенно широкихъ размѣрахъ происходитъ увольненіе въ Екатеринославѣ: нѣкоторые заводы, какъ напр., вагонныя мастерскія Франко-Русскаго Общества пользуются этимъ случаемъ, чтобы замѣнить боевой и сознательный составъ своихъ рабочихъ покорными сермягами. Даже въ жел. дор. мастерскихъ работы сокращены болѣе, чѣмъ на половину, причемъ проектированная правительствомъ постройка новаго пути Екатеринославской дороги по случаю войны съ Китаемъ отмѣнена". Въ Петербургскомъ „Рабочемъ Листкѣ" (ном. 4, декабрь 1900 г.) читаемъ: „Сотнями выгоняютъ наши „кормильцы" и „поильцы" рабочихъ за ворота, на холодъ и голодъ. Какъ тѣни ходятъ по улицамъ наши безработные товарищи съ Волынки, гдѣ одну смѣну разсчитали, отъ Паля, гдѣ половина ночной смѣны не работаетъ, отъ Кенига, съ Малой Охтенской ткацкой, отъ Шаво, отъ Торнтона и др... Заработки почти на всѣхъ фабрикахъ понижены на 20-30 проц. У Торнтона ткачи вырабатываютъ отъ 6-8 руб. въ мѣсяцъ, у Максвеля женщины — 3-4 руб., мужчины — 8-11 руб., у Паля поденщики получаютъ 20 коп. въ день и т. п." Про Костромскую губернію и про Шуйско-Ивановскій фабричный районъ газеты сообщаютъ, что многія фабрики сократили производство и распустили половину или треть рабочихъ, а оставшимся убавили плату на 30 проц. Увеличиваются воровства и грабежи. Орѣхово-Зуево переполнено толпами пришлымъ изъ разныхъ мѣстъ безработныхъ, ютящихся по всевозможнымъ конурамъ и страшно бѣдствующихъ въ ожиданіи какого ни на есть заработка.

Безработица фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, голодовка крестьянъ — вотъ съ чѣмъ вступаетъ Россія въ XX-ое столѣтіе! А министръ финансовъ въ докладѣ о росписи на 1901 годъ (мы надѣемся еще вернуться къ этому докладу) говоритъ о „благопріятныхъ результатахъ для нашего государственнаго хозяйства" и выражаетъ надежду, что „затрудненія нашего денежнаго рынка преходящи". Министра занимаетъ „дороговизна капиталовъ": капиталистамъ трудно доставать деньги на приносящія имъ прибыль предпріятія. Капиталисты безъ прибыли, — вотъ въ чемъ главное „затрудненіе", а вовсе не въ томъ, что милліоны рабочихъ и крестьянъ безъ хлѣба и безъ работы. „Европейскіе рынки придутъ въ равновѣсіе сами собою" — успокаиваетъ г. Витте. А рабочіе перемрутъ сами собой! развѣ они имѣютъ право жить, если ихъ работа не можетъ приносить прибыли капиталистамъ?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ.

(Продолженіе.)

Положеніе меньшинства англійскихъ рабочихъ несомнѣнно улучшилось за послѣдніе 50—60 лѣтъ. Но этого никакъ нельзя сказать о тѣхъ милліонахъ рабочаго люда, которые теперь, какъ и прежде, получаютъ совершенно нищенскую, „голодную" заработную плату. Не говорю уже о тѣхъ милліонахъ, которымъ приходится обращаться къ частной и оффиціальной „благотворительности", чтобы только не умереть съ голоду. Арміи босяковъ, оборванцевъ, бродягъ, бездомныхъ нищихъ, не имѣющихъ даже постояннаго ночлега, не исчезли съ англійской почвы; онѣ продолжаютъ существовать, непрерывно пополняясь новыми рекрутами. А отъ періодической безработицы и чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня (сверхурочные часы) страдаютъ даже и многіе изъ рабочихъ организованныхъ. Это въ хорошее время. А въ періоды острыхъ промышленныхъ застоевъ члены рабочихъ союзовъ десятками и даже сотнями тысячъ ходятъ безъ работы, перебиваются пособіями отъ своихъ организацій и истощаютъ такимъ образомъ ихъ богатыя кассы. Главныя завоеванія этихъ организацій на почвѣ экономической борьбы относятся къ тому времени, когда англійская промышленность пользовалась монополіей сбыта во всемъ мірѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ рядомъ съ Англіей на всемірномъ рынкѣ начали конкуррировать новыя промышленныя страны, ея организованному пролетаріату приходится больше всего напрягать свои силы уже на то, чтобы только отстоять свои старыя завоеванія, чтобы удержаться хоть на томъ уровнѣ, котораго онъ достигъ въ то доброе старое время, когда промышленныя издѣлія Англіи не встрѣчали конкурренціи на всемъ земномъ шарѣ. О дальнѣйшихъ улучшеніяхъ путемъ борьбы съ предпринимателями мудрено мечтать, когда и достигнутымъ уже грозитъ опасность.

Но и своего теперешняго, непрочнаго и далеко уже не очень блестящаго положенія организованное меньшинство англійскаго пролетаріата достигло въ значительной степени на счетъ большинства неорганизованныхъ массъ, путемъ систематическаго, настойчиваго вытѣсненія изъ тѣхъ отраслей труда, въ которыхъ организаціи его господствуютъ, рабочихъ, не получившихъ соотвѣтствующей профессіональной подготовки. Нѣкоторые союзы принимаютъ въ члены и допускаютъ на работу только такихъ рабочихъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обучались предварительно данному ремеслу. Такимъ образомъ, большія массы наиболѣе бѣднаго чернорабочаго люда искусственно выбрасывались на мостовую или обрекаемы были работать гдѣ попало, при самыхъ скверныхъ условіяхъ. Обученные и организованные рабочіе достигали своей цѣли — нѣкотораго улучшенія своего положенія — цѣной ухудшенія участи десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, не имѣвшихъ возможности пріобрѣсти опредѣленное ремесло или профессію. Одна часть пролетаріата, меньшая, создавала себѣ привилегіи на счетъ большинства своихъ братьевъ; небольшое возвышеніе организованнаго меньшинства куплено было въ значительной мѣрѣ цѣной сравнительно еще большаго приниженія или удержанія въ прежнемъ жалкомъ состояніи огромной части остальной рабочей массы.

Неужели же, однако, — спроситъ, быть можетъ, читатель — столь прославленные рабочіе союзы Англіи совсѣмъ таки не принесли пользы ея пролетаріату? Надлежащимъ, разностороннимъ образомъ отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ нѣкоторымъ можетъ казаться. И не съ этой цѣлью написаны были предыдущія строки. Я только хотѣлъ отмѣтить и подчеркнуть, что въ области непосредственныхъ, осязательныхъ улучшеній въ жизненныхъ условіяхъ рабочихъ массъ результаты рабочаго движенія въ Англіи, въ окончательномъ итогѣ, не выходятъ изъ рамокъ того, что достигнуто соціалдемократіей въ другихъ передовыхъ странахъ Европы. При сравнительной оцѣнкѣ результатовъ англійскаго рабочаго движенія и современнаго соціалдемократическаго необходимо принимать въ разсчетъ, кромѣ того, на что выше указано было, тотъ фактъ, что послѣднему приходится въ нѣкоторыхъ странахъ собственными силами, шагъ за шагомъ, отвоевывать у государственной власти такія общенародныя права, какія въ Англіи завоеваны были совмѣстными усиліями разныхъ классовъ, вслѣдствіе чего ея современныя рабочія организаціи давно уже пользуются этими правами, какъ готовымъ наслѣдіемъ прошлаго. Да и не въ области частныхъ улучшеній лежитъ центръ тяжести результатовъ рабочаго движенія. Самымъ важнымъ и существеннымъ изъ нихъ для Англіи я считаю образованіе огромной организованной силы внутри пролетаріата. Но настоящее историческое значеніе этой силы остается пока въ скрытомъ состояніи, не проявляется наружу и не проявится до тѣхъ поръ, пока она будетъ направляться, главнымъ образомъ, не общеклассовыми, а частными, эгоистическими интересами отдѣльныхъ, сравнительно привилегированныхъ группъ пролетаріата. Рабочія организаціи на материкѣ Европы значительно слабѣе ремесленныхъ союзовъ Англіи. Но за то дѣятельность ихъ одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетаріата, независимо отъ профессіональныхъ, племенныхъ и даже государственно-національныхъ различій и перегородокъ; свои частные, мѣстные и профессіональные интересы и минутныя выгоды онѣ подчиняютъ общимъ, основнымъ, международнымъ интересамъ освобожденія пролетаріата во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ этомъ — великая заслуга соціалдемократіи и въ успѣхахъ ея на пути объединенія рабочихъ массъ въ сознательно-классовую международную армію пролетаріата — лежитъ центръ тяжести достигаемыхъ или уже достигнутыхъ ею результатовъ.

„Соціализмъ, справедливо замѣтилъ одинъ русскій писатель, только тогда сдѣлался великой исторической силой, когда ему удалось, понявъ призваніе рабочаго класса, стать его наукой и вѣрой."*) Но кто разъяснилъ и разъясняетъ рабочимъ ихъ историческое призваніе, какъ класса? Никто иной, какъ соціалисты, или точнѣе, соціалдемократы. И если справедливо, что въ знаніи — сила, то очевидно, что сила рабочаго класса должна заключаться, главнымъ образомъ, въ знаніи своей исторической задачи и средствъ къ ея осуществленію. А если такъ, то мы имѣемъ полное основаніе сказать, что и самъ пролетаріатъ становится міровой, исторической силой лишь по мѣрѣ того, какъ онъ въ своихъ освободительныхъ усиліяхъ проникается и сознательно руководится ученіями соціалдемократіи, составляющими науку, объ условіяхъ, путяхъ и средствахъ его полнаго и окончательнаго освобожденія. Стало быть, ростъ общественной силы рабочаго класса и ростъ исторической силы соціализма, т. е. соціалдемократіи, составляютъ два неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ явленія или, вѣрнѣе, одно и тоже явленіе, разсматриваемое съ двухъ сторонъ. Успѣхи соціалдемократіи должны измѣряться прежде всего распространеніемъ ея ученій и вліяніемъ въ рабочихъ массахъ. Но, съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе онѣ вліяютъ на мысль и образъ дѣйствій этихъ массъ въ ихъ усиліяхъ улучшить свое положеніе, тѣмъ сознательнѣе онѣ выступаютъ противъ своихъ эксплуататоровъ, тѣмъ меньше ошибокъ онѣ дѣлаютъ, тѣмъ цѣлесообразнѣе выбираемые ими пути и средства для борьбы съ господствующими классами и тѣмъ, слѣдовательно, больше приближаются онѣ къ конечной цѣли рабочаго движенія: къ полному освобожденію рабочаго класса путемъ завоеванія имъ государственной власти. Ростъ всемірно-историческаго значенія и силы пролетаріата сливается, такимъ образомъ, съ успѣхами международнаго соціалдемократическаго движенія. Успѣхи послѣдняго являются масштабомъ для измѣренія перваго.

Съ этой точки зрѣнія попытаемся разсмотрѣть въ слѣдующей статьѣ результаты международнаго соціалдемократическаго движенія.

---

*) По поводу Петербургской стачки, „Работникъ" ном. 3—4.

ОТДАЧА ВЪ СОЛДАТЫ 183-хъ СТУДЕНТОВЪ.*)

11-го января въ газетахъ опубликовано правительственное сообщеніе отъ Мин. Народнаго Просвѣщенія объ отдачѣ въ солдаты 183-хъ студентовъ кіевскаго университета „за учиненіе скопомъ безпорядковъ". Временныя правила 29-го іюля 1899 г. — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся въ исполненіе менѣе, чѣмъ черезъ полтора года послѣ ихъ изданія, и правительство точно спѣшитъ оправдаться за примѣненіе невиданной карательной мѣры, выступая съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ, не жалѣя красокъ на изображеніе студенческихъ злодѣйствъ.

Злодѣйства одно другого ужаснѣе. Лѣтомъ — общестуденческій съѣздъ въ Одессѣ съ программой организовать все русское студенчество для выраженія всякаго рода протестовъ по поводу явленій академической, общественной и политической жизни. За эти преступныя политическія цѣли всѣ студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но броженіе не утихаетъ, а растетъ и настойчиво обнаруживается во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Студенты хотятъ свободно и самостоятельно обсуждать и вѣдать свои общія дѣла. Ихъ начальство, — съ тѣмъ бездушнымъ формализмомъ, которымъ искони отличается русское чиновничество — отвѣчаетъ мелкими придирками, доводитъ недовольство до крайнихъ размѣровъ и невольно наталкиваетъ мысль не погрязшей еще въ тинѣ буржуазнаго прозябанія молодежи на протестъ противъ всей системы полицейскаго и чиновническаго самовластья

Кіевскіе студенты требуютъ удаленія профессора, занявшаго мѣсто уѣхавшаго товарища. Начальство противится, доводитъ молодежь до „сборищъ и демонстрацій" и... уступаетъ. Студенты собираютъ сходку для обсужденія того, почему возможны такія гнусности, какъ изнасилованіе двумя бѣлоподкладочниками одной дѣвушки (такъ гласитъ слухъ). Начальство приговариваетъ главныхъ „виновниковъ" къ — карцеру. Тѣ отказываются подчиниться. Ихъ увольняютъ. Толпа демонстративно провожаетъ на вокзалъ уволенныхъ. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректоръ. Являются вице-губернаторъ и начальникъ жандармскаго управленія съ отрядомъ солдатъ, окружившихъ университетъ и вошедшихъ въ аудиторію, и — приглашаютъ ректора. Студенты требуютъ — вы думаете, можетъ быть, конституціи? нѣтъ, они требуютъ, чтобы не примѣняли наказаніе карцеромъ и приняли обратно уволенныхъ. Участниковъ сходки переписываютъ и распускаютъ по домамъ.

Вдумайтесь въ это поразительное несоотвѣтствіе между скромностью и безобидностью студенческихъ требованій — и переполохомъ правительства, которое поступаетъ такъ, какъ будто бы топоръ былъ уже занесенъ надъ опорами его владычества. Ничѣмъ такъ не выдаетъ себя наше „всемогущее" правительство, какъ этимъ переполохомъ. Лучше всякихъ „преступныхъ воззваній" оно показываетъ этимъ — показываетъ всякому, имѣющему глаза, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать, — что оно чувствуетъ себя совершенно непрочнымъ и вѣритъ только въ силу штыка и нагайки, охраняющихъ его отъ народнаго возмущенія. Искушенное опытомъ десятилѣтій, правительство твердо убѣдилось въ томъ, что оно окружено горючимъ матеріаломъ, что достаточно малѣйшей искорки, достаточно протеста противъ карцера, чтобы зажечь пожаръ. А если такъ, то понятно, что расправа нужна примѣрная: отдать въ солдаты сотни студентовъ! „Фельдфебеля въ Вольтеры дать!" — эта формула нисколько не устарѣла. Напротивъ, XX-му вѣку суждено увидѣть ея настоящее осуществленіе.

На многія мысли и сопоставленія наводитъ эта новая карательная мѣра, новая своей попыткой воскресить давнымъ давно отжившее старое. Поколѣнія три тому назадъ, во времена Николаевскія, отдача въ солдаты была естественнымъ наказаніемъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ всему строю русскаго крѣпостного общества. Дворянчиковъ отдавали въ солдаты, чтобы заставить ихъ служить и выслуживаться до офицера въ отмѣну вольности дворянства. Крестьянина отдавали въ солдаты какъ въ долголѣтнюю каторгу, гдѣ его ждали нечеловѣческія пытки „зеленой улицы" и т. п. Но вотъ уже болѣе четверти вѣка, какъ у насъ существуетъ „всеобщая" воинская повинность, введеніе которой прославлено въ свое время, какъ великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ воинская повинность, несомнѣнно, есть демократическая реформа: она порываетъ съ сословностью и вводитъ равноправность гражданъ. Но если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, развѣ могла бы тогда отдача въ солдаты служить наказаніемъ? И если правительство превращаетъ воинскую повинность въ наказаніе, не доказываетъ ли оно этимъ, что мы стоимъ гораздо ближе къ рекрутчинѣ, чѣмъ къ всеобщей воинской повинности? Временныя правила 1899 г. срываютъ фарисейскую маску и разоблачаютъ азіатскую сущность даже тѣхъ нашихъ учрежденій, которыя всего больше походятъ на европейскія. Въ сущности, у насъ не было и нѣтъ всеобщей воинской повинности, потому что привилегіи знатнаго происхожденія и богатства создаютъ массу исключеній. Въ сущности, у насъ не было и нѣтъ ничего похожаго на равноправность гражданъ въ военной службѣ. Наоборотъ, казарма насквозь пропитана духомъ самаго возмутительнаго безправія. Полная беззащитность солдата изъ крестьянъ или рабочихъ, попираніе человѣческаго достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тѣхъ, у кого есть вліятельныя связи и деньги, — льготы и изъятія. Неудивительно, что отдача въ эту школу произвола и насилія можетъ быть наказаніемъ и даже очень тяжелымъ наказаніемъ, приближающимся къ лишенію правъ. Правительство разсчитываетъ въ этой школѣ обучить „бунтовщиковъ" дисциплинѣ. Не ошибется-ли оно въ своемъ разсчетѣ? Не будетъ-ли школа русской военной службы военной школой для революціи? Конечно, не всѣмъ студентамъ подъ силу пройти полный курсъ такой школы. Однихъ сломитъ тяжелая лямка, погубитъ столкновеніе съ военными властями, другихъ — слабыхъ и дряблыхъ — запугаетъ казарма, но третьихъ она закалитъ, расширитъ ихъ кругозоръ, заставитъ ихъ продумать и прочувствовать ихъ освободительныя стремленія. Они испытаютъ теперь всю силу произвола и угнетенія на собственномъ опытѣ, когда все ихъ человѣческое достоинство будетъ поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія фельдфебеля, способнаго зачастую умышленно поглумиться надъ „образованнымъ". Они увидятъ, каково на дѣлѣ положеніе простого народа, они изболѣются за тѣ надругательства и насилія, которыхъ ежедневными свидѣтелями заставятъ ихъ быть, и поймутъ, что тѣ несправедливости и придирки, отъ которыхъ страдаютъ студенты, это — капля въ морѣ народнаго угнетенія. Кто пойметъ это, тотъ выйдетъ изъ военной службы съ Аннибаловой клятвой борьбы вмѣстѣ съ передовымъ классомъ народа за освобожденіе народа отъ деспотизма.

Но не меньше жестокости новаго наказанія возмущаетъ его унизительность. Правительство дѣлаетъ вызовъ всѣмъ, въ комъ осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавшихъ противъ произвола студентовъ простыми дебоширами, — въ родѣ того, какъ оно объявило ссыльныхъ рабочихъ-стачечниковъ — людьми порочнаго поведенія. Взгляните на правительственное сообщеніе: его пестрятъ слова: безпорядокъ, буйства, безчинства, беззастѣнчивость, разнузданность. Съ одной стороны, признаніе преступныхъ политическихъ цѣлей и стремленія къ политическимъ протестамъ; съ другой — третированіе студентовъ, какъ простыхъ дебошировъ, нуждающихся въ урокахъ дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнѣнію, симпатіи котораго къ студенчеству очень хорошо извѣстны правительству. И единственнымъ достойнымъ отвѣтомъ на это со стороны студенчества было бы исполненіе угрозы кіевлянъ, устройство выдержанной и стойкой забастовки всѣхъ учащихся во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ требованіемъ отмѣны временныя правила 29-го іюля 1899 года.

Но отвѣтить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сдѣлать изъ этого происшествія нѣчто гораздо большее, чѣмъ чисто студенческую исторію. Правительство обращается къ общественному мнѣнію, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издѣваясь надъ всѣми освободительными стремленіями. И всѣ сознательные элементы во всѣхъ слояхъ народа обязаны отвѣтить на этотъ вызовъ, если они не хотятъ пасть до положенія безгласныхъ, молча переносящихъ оскорбленія рабовъ. А во главѣ этихъ сознательныхъ элементовъ стоятъ передовые рабочіе и неразрывно связанныя съ ними соціалдемократическія организаціи. Рабочій классъ постоянно терпитъ неизмѣримо большее угнетеніе и надругательство отъ того полицейскаго самовластія, съ которымъ такъ рѣзко столкнулись теперь студенты. Рабочій классъ поднялъ уже борьбу за свое освобожденіе. И онъ долженъ помнить, что эта великая борьба возлагаетъ на него великія обязанности, что онъ не можетъ освободить себя, не освободивъ всего народа отъ деспотизма, что онъ обязанъ прежде всего и больше всего откликаться на всякій политическій протестъ и оказывать ему всякую поддержку. Лучшіе представители нашихъ образованныхъ классовъ доказали и запечатлѣли кровью тысячъ замученныхъ правительствомъ революціонеровъ свою способность и готовность отрясать отъ своихъ ногъ прахъ буржуазнаго общества и идти въ ряды соціалистовъ. И тотъ рабочій недостоинъ названія соціалиста, который можетъ равнодушно смотрѣть на то, какъ правительство посылаетъ войско противъ учащейся молодежи. Студентъ шелъ на помощь рабочему, — рабочій долженъ придти на помощь студенту. Правительство хочетъ одурачить народъ, заявляя, что стремленіе къ политическому протесту есть простое безчинство. Рабочіе должны публично заявить и разъяснить самымъ широкимъ массамъ, что это — ложь, что настоящій очагъ насилія, безчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластье полиціи и чиновниковъ.

Какъ организовать этотъ протестъ, это должны рѣшить мѣстныя соціалдемократическія организаціи и рабочія группы. Раздача, разбрасываніе, расклейка листковъ, устройство собраній, на которыя были бы приглашаемы по возможности всѣ классы общества, — таковы наиболѣе доступныя формы протеста. Но было бы желательно, чтобы тамъ, гдѣ есть крѣпкія и прочно поставленныя организаціи, была сдѣлана попытка болѣе широкаго и открытаго протеста посредствомъ публичной демонстраціи. Хорошимъ образчикомъ можетъ служить харьковская демонстрація 1-го декабря прошлаго года передъ редакціей „Южнаго Края". Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремленіе къ свѣту и свободѣ, восхваляющей всѣ звѣрства нашего правительства. Передъ редакціей собралась толпа, которая торжественно предавала разодранію номера „Южнаго Края", привязывала ихъ къ хвостамъ лошадей, обертывала въ нихъ собакъ, бросала камни и пузырьки съ сѣрнистымъ водородомъ въ окна съ кликами: „долой продажную прессу!" Вотъ какого чествованія по истинѣ заслуживаютъ не только редакціи продажныхъ газетъ, но и всѣ наши правительственныя учрежденія. Юбилей начальственнаго благоволенія празднуютъ они лишь изрѣдка, — юбилея народной расправы заслуживаютъ они всегда. Всякое проявленіе правительственнаго произвола и насилія есть законный поводъ для такой демонстраціи. И пусть открытое заявленіе правительства о расправѣ со студентами не останется безъ открытаго отвѣта со стороны народа!

*) Номеръ былъ сверстанъ, когда появилось правит. сообщеніе.

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕПТИЛІЯ.

Намъ сообщаютъ (ручаясь за достовѣрность извѣстія), что „Сѣв. Курьеръ" закрытъ по настоянію департамента полиціи. Редакціи этой газеты ставятъ въ вину, что она, якобы, принимала участіе въ организаціи недавно бывшей въ театрѣ г. Суворина демонстраціи противъ гнусной и пошлой пьесы гг. Крылова и Литвина (Ефрона). Конечно, ужасное „преступленіе" требовало примѣрнаго возмездія, и Департаментъ Полиціи не преминулъ поспѣшить со своею местью: онъ прихлопнулъ злополучную газету, благо четыре министра, чинящихъ судъ и расправу надъ нашей печатью, всегда готовы оказать ему такого рода „товарищескую" услугу. Врагъ былъ истребленъ... но „побѣдитель" запачкался кровью: нами только-что получено извѣстіе о попыткѣ издателя „Сѣв. Курьера", князя В. В. Барятинскаго, покончить съ собой самоубійствомъ... Русское правительство можетъ занести теперь въ свой формуляръ еще одну новую жертву — кровавый трофей безславной побѣды!

Въ нашей печати одинъ только г. Суворинъ долженъ чувствовать себя именинникомъ. Благодаря хлопотамъ его полицейскихъ друзей, ему невозбранно дано развращать русскую публику — и со сцены, и со страницъ своей газеты. Монополистъ печатнаго слова, онъ возвышаетъ свой голосъ, когда вокругъ царитъ вынужденное молчаніе, и храбро бросаетъ свои обвиненія въ лицо скрученнымъ противникамъ. Такъ было въ позапрошломъ году послѣ достопамятнаго избіенія студентовъ, то же самое повторяется и теперь — послѣ кіевскаго приговора. „Новое Время" (см. ном. отъ 14-го января) проливаетъ крокодиловы слезы надъ этими жертвами „крѣпостного" безправія, чтобы тѣмъ искуснѣе пустить шипъ по змѣиному и очернить пострадавшую молодежь. Оно кричитъ: „это варварство!" — и кому кричитъ? Не бюрократіи, оказавшейся достойной Аракчеева, а тому самому студенчеству, надъ которымъ какъ разъ вершится приговоръ, поражающій своей „азіатчиной".

Русская демократія должна изыскать средство проучить беззастѣнчиваго публициста, да такъ проучить, чтобы впредь не повадно было — этой правительственной рептиліи!

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ предъидущемъ номерѣ „Искры" мы сообщили, что на содержаніе постояннаго международнаго соціалистическаго секретаріата каждая изъ восьми великихъ націй должна внести по 1000 франковъ. Такъ значилось въ нѣмецкомъ отчетѣ о конгрессѣ. Теперь намъ прислали печатный листокъ за подписью членовъ исполнительнаго бюро, извѣстныхъ вождей бельгійской соціалдемократіи Ансееля и Вандервельда (и секретаря Сэрви). Изъ листка видно, что десять главныхъ націй вносятъ по 800 франковъ, а остальныя — и въ томъ числѣ Россія — по 200 франковъ, около 80 руб. на наши деньги.

Съ января настоящаго года въ Штутгартѣ, у извѣстнаго издателя Г. Дитца будетъ выходить научно-политическій журналъ „Заря", издаваемый и редактируемый нѣсколькими русскими соціалдемократами, при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засуличъ. Вполнѣ солидарная съ нами во взглядахъ на теоретическіе и тактическіе вопросы русской соціалдемократіи, редакція „Зари" будетъ выполнять часть той программы, которая изложена въ опубликованномъ нами, одновременно съ ном. 1 „Искры", заявленіи „Отъ редакціи". Въ первый номеръ „Зари" входятъ, между прочимъ, статьи: Г. Плеханова: „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба"; К. Каутскаго: „Воспоминанія"; Старовѣра: „Что случилось?"; Г. Плеханова: „Критика нашихъ критиковъ. Ст. I, ч. I. Нѣчто о философкихъ упражненіяхъ г. Струве"; Н. Рязанова: „Замѣчанія на программу Раб. Дѣла"; Бывалаго: „О старомъ и новомъ"; А. Б.: „Чему учитъ Харьковская маевка?"; Г. Плеханова: „Четырнадцатое декабря 1825 г."; В. Засуличъ: „Борьба въ тюрьмѣ" и др.

Письма, рукописи и деньги на это изданіе можно направлять изъ за границы на адресъ Дитца (J. H. W. Dietz Verlag. Stuttgart), изъ Россіи — къ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ связи съ „Искрой", и тѣми способами, какими ведутся сношенія съ „Искрой".

Вышелъ третій номеръ „Южнаго Рабочаго" (ноябрь 1900 г.). Обширный и разносторонне составленный, номеръ производитъ особенно хорошее впечатлѣніе тѣмъ революціоннымъ духомъ, тѣмъ широкимъ пониманіемъ задачъ соціалдемократіи, которое обнаруживаетъ редакція. Передовая посвящена военнымъ судамъ въ Варшавѣ и заканчивается горячимъ призывомъ „готовиться къ рѣшительному бою", „открыто заявлять о нашей ненависти къ произволу самодержавія и непоколебимой рѣшимости покончить съ нимъ". Обстоятельно и интересно написаны статьи объ экстренномъ съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, о безработицѣ, о нашихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ рабочимъ, о В. Либкнехтѣ. Прекрасный фельетонъ „Мститель" и цѣлый рядъ корреспонденцій съ юга Россіи. Привѣтствуемъ отъ души изданіе нашихъ южныхъ товарищей и желаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ и дальнѣйшихъ побѣдъ надъ полиціей и жандармами.

Вышли два выпуска „Соціалдемократической рабочей библіотеки", ном. 1: „Отъ редакціи" (брошюра, излагающая принципы и основные взгляды редакціи) и ном. 2: „Трансваль и Китай. Двѣ рѣчи Кейръ-Гарди и Либкнехта" (Типографія „Рабочей Библіотеки" 1900 г.). Наряду съ „Южн. Рабочимъ" это новое издане свидѣтельствуетъ, что узко-экономическое направленіе не можетъ удовлетворить русской соціалдемократіи, что ростетъ и крѣпнетъ протестъ не только противъ направленія „Рабочей Мысли", но и противъ того эклектическаго направленія, которое пытается занять середину между „экономизмомъ" и революціонной соціалдемократіей. „Необходимо развивать и воспитывать массу политически — справедливо говорятъ авторы первой брошюры, — т. е. научать не только понимать значеніе ближайшихъ политическихъ требованій, но и понимать значеніе политической борьбы въ широкомъ смыслѣ слова... Наше правительство — врагъ его (рабочаго) уже какъ самодержавное правительство, какъ форма власти, съ которой рабочій вообще не можетъ ужиться, такъ какъ она можетъ быть только деспотичной... Способствовать созданію знающихъ пропагандистовъ и убѣжденныхъ агитаторовъ..., усиленію интенсивности рабочаго движенія и освободительнаго движенія Россіи вообще... вотъ цѣль ‚Рабочей Библіотеки'". Нѣкоторыя положенія брошюры кажутся намъ неправильными, напр., что „россійской буржуазіи пока ничего не остается желать", что „буржуазіи дарована у насъ нѣкоторая, хотя и жалкая, политическая свобода", но мы не думаемъ, чтобы дѣло шло о серьезномъ разногласіи съ установившимися взглядами русскихъ соціалдемократовъ. Хочется вѣрить, что мы стоимъ на порогѣ новаго подъема нашего движенія и что оно съумѣетъ теперь возвыситься до пониманія и до осуществленія его великой исторической роли.

СПБ. Союзъ Борьбы, Комитетъ С.-Д. Р. П., издалъ четыре „Рабочихъ Листка" (ном. 1-4, ноябрь-декабрь 1900 г.), напечатанныхъ въ собственной типографіи и подписанныхъ „Комитетомъ рабочей организаціи". Отмѣченная нами въ предыдущемъ номерѣ двойственность направленія новой программы СПБ. Союза отражается и на этихъ листкахъ. Пожелаемъ нашимъ петербургскимъ товарищамъ окончательно освободиться отъ традицій „Рабочей Мысли", пожелаемъ передовымъ рабочимъ столицы скорѣе освободиться отъ предразсудка, что руководить рабочимъ движеніемъ долженъ непремѣнно комитетъ рабочей организаціи въ отличіе отъ комитета соціалдемократической партіи, что группы интеллигентовъ-соціалистовъ суть только „исполнительныя группы" при рабочихъ кружкахъ. Рабочее движеніе только тогда въ состояніи будетъ достигнуть своей освободительной цѣли, когда передовые рабочіе станутъ убѣжденными соціалдемократами и активными дѣятелями революціонныхъ организацій, когда они добьются не обособленія отъ соціалдемократической революціонной интеллигенціи, а, напротивъ, тѣснаго союза съ ней.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Мы получили письмо ссыльнаго рабочаго, который проситъ редакцію отъ лица нѣсколькихъ товарищей издать сборникъ о пріемахъ жандармовъ при слѣдствіи и о правилахъ, какъ держаться на допросахъ. За границей вышла недавно брошюра товарища В. Бахарева: „Какъ вести себя на допросахъ", идущая на встрѣчу „назрѣвшей", по справедливому замѣчанію рабочаго, „потребности". Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ мы надѣемся подробнѣе поговорить объ этой брошюрѣ и о поднимаемыхъ ею вопросахъ.

Сообщаемъ всѣмъ товарищамъ, оказавшимъ поддержку нашему изданію, что избранный нами способъ сношеній, представляющій на первый взглядъ многія неудобства, оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ. Если соблюдать всѣ мѣры предосторожности, матеріалы доставляются скоро и аккуратно. Просимъ корреспондентовъ: 1) сообщать всѣ и всякіе листки и прокламаціи съ добавленіемъ по возможности подробностей о распространеніи ихъ, а также всѣ мѣстныя изданія и циркулирующія рукописи; 2) сообщать о всякомъ представляющемъ общественный интересъ происшествіи немедленно, никогда не откладывая впредь до полученія подробностей или составленія особыхъ описаній и т. п., никогда не стѣсняясь передавать голый и сырой фактъ; 3) сообщать извѣстное не только изъ непосредственныхъ наблюденій, но и по разсказамъ или вѣстямъ изъ другихъ мѣстъ, чтобы редакція могла своевременно принять мѣры къ посылкѣ своихъ агентовъ и т. п.; 4) изыскивать способъ, какимъ бы редакція могла сноситься съ каждымъ корреспондентомъ; 5) собирать для передачи редакціи всѣ интересныя мѣстныя изданія и отдѣльныя номера мѣстныхъ газетъ; 6) оговаривать съ полной точностью желаніе, чтобы матеріалъ былъ преданъ гласности лишь на такихъ-то и такихъ-то условіяхъ или безъ всякихъ измѣненій и т. п.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 3. АПРѢЛЬ 1901 ГОДА № 3.

BIBLIOTHÈQUE DE LA GUERRE MUSÉE

БУРНЫЙ МѢСЯЦЪ.

Русское общество теперь уже должно было убѣдиться въ томъ, что реакціонная дерзость самодержавнаго правительства не имѣетъ никакихъ предѣловъ — кромѣ активнаго революціоннаго сопротивленія гражданъ, что политическая дряблость управляемыхъ только питаетъ безумное стремленіе управляющихъ стереть съ лица земли все, что хоть отдаленно напоминаетъ о правѣ, о законности, о свободѣ. Безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, въ силу одного только ненасытнаго стремленія упразднить всѣ зародыши самодѣятельности населенія, правительство повело противъ послѣдняго аттаку по всей линіи: походъ на Финляндію, походъ на народную школу, походъ на земство, походъ на печать, походъ на университеты. Въ конецъ развращенное слабымъ отпоромъ русскаго общества, правительство дерзнуло, наконецъ, бросить ему въ лицо одинъ за другимъ два дерзкихъ вызова: насильно бросить въ казарму двѣ сотни юношей, виновныхъ въ нарушеніи порядка въ университетѣ, и торжественно осудить популярнѣйшаго писателя, всемірную славу Россіи. Безуміе угнетателей часто оказываетъ услуги дѣлу свободы. Правительство Николая II захотѣло окончательно задушить русское общество, оно вызвало первый взрывъ революціонной бури. Высказанное нами въ прошломъ номерѣ пожеланіе, чтобы рабочіе пришли на помощь студентамъ въ поднятой ими борьбѣ противъ правительства, осуществилось ранѣе, чѣмъ насъ успѣли обругать за него тѣ, кто въ подобныхъ стремленіяхъ готовы усмотрѣть „народовольческія“ затѣи, недостойныя представителей рабочаго движенія. Въ рядѣ крупныхъ демонстрацій въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Бѣлостокѣ русскіе рабочіе самымъ недвусмысленнымъ образомъ показали, что готовы плечо о плечо съ революціонными элементами „общества“ активно бороться противъ гнета самодержавія. На обѣ безумныя выходки зарвавшагося правительства — отдачу студентовъ въ солдаты и торжественное отлученіе Толстого — пролетаріатъ громко отвѣтилъ выраженіемъ своей солидарности и съ „бунтующими“ студентами, и съ отлученнымъ писателемъ.

Активное участіе рабочихъ въ политическихъ демонстраціяхъ бурнаго мѣсяца придало имъ совершенно особое значеніе и открыло новую эпоху въ русской исторіи. Печать всѣхъ странъ Западной Европы отмѣчаетъ этотъ историческій фактъ. Теперь отъ политической зрѣлости русскаго общества будетъ зависѣть, съумѣетъ ли оно понять этотъ фактъ и извлечь изъ него всѣ практическія слѣдствія, сумѣетъ ли оно усилить, опираясь на мощь пролетаріата, революціонный размахъ своей борьбы съ азіатскимъ самодержавіемъ и проявить достаточную энергію не только въ оборонѣ, но и въ прямомъ нападеніи на ненавистный строй. Борцамъ за свободу теперь уже не позволительно опасаться, что они останутся одиноки въ своей борьбѣ, что они не найдутъ поддержки въ народныхъ массахъ. И организованный пролетаріатъ получилъ теперь право надѣяться, что „общество“ пойметъ, наконецъ, политическій смыслъ ведущейся имъ борьбы и что оно признаетъ первенствующее политическое значеніе рабочаго движенія въ современной Россіи.

Для насъ, соціалдемократовъ, событія, имѣвшія мѣсто въ февралѣ и мартѣ, имѣютъ особое значеніе. Ими, надо надѣяться, окончательно рѣшенъ практически терзавшій въ послѣдніе годы нашу партію споръ о томъ, можетъ ли нашъ пролетаріатъ въ данное время вести политическую борьбу, или можетъ ли такая борьба возникнуть иначе, какъ непосредственно на почвѣ стачечнаго движенія. Мы — сторонники революціонной политической борьбы пролетаріата — можемъ торжествовать: русскій пролетаріатъ доказалъ своимъ близорукимъ друзьямъ правоту той точки зрѣнія, которую мы отстаивали. Помимо своихъ руководителей*), пролетаріатъ ринулся въ бой, когда увидѣлъ, что радикальная часть общества готова не на шутку помѣряться съ правительствомъ. Этого факта уже нельзя замолчать, съ нимъ придется считаться волей-неволей, и русская соціалдемократія должна будетъ поставить въ основу своей практической дѣятельности это явное стремленіе рабочихъ массъ принять активное участіе въ освободительной борьбѣ всей русской демократіи; она должна будетъ сдѣлать это, если не пожелаетъ остаться за бортомъ, если не пожелаетъ передать своего права на руководство движеніемъ пролетаріата другимъ политическимъ силамъ.

Но участіе русскаго пролетаріата въ общей освободительной борьбѣ будетъ тѣмъ плодотворнѣе для его классовыхъ интересовъ, для его конечныхъ цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для интересовъ демократической свободы, чѣмъ сознательнѣе будутъ бороться политически рабочія массы, чѣмъ самостоятельнѣе будутъ онѣ проводить въ общемъ политическомъ движеніи свою политику. Если для всѣхъ недовольныхъ элементовъ русскаго общества въ начавшейся борьбѣ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, объ обузданіи невыносимаго полицейскаго самодержавія, то для пролетаріата въ его классовыхъ интересахъ, въ интересахъ его конечныхъ цѣлей и въ интересахъ непосредственнаго улучшенія его положенія необходимо низверженіе самодержавія и основаніе свободной демократіи, обезпечивающей пролетаріату легальную защиту его классовыхъ интересовъ. И первый долгъ русской соціалдемократіи въ ея будничной работѣ — дать такое политическое воспитаніе пролетаріату, чтобы въ критическіе моменты, какими являются переживаемые нами дни, онъ сумѣлъ ясно и рѣзко выразить въ общемъ хорѣ недовольныхъ эту свою ноту. Надо признать, что съ этой точки зрѣнія событія февральскихъ и мартовскихъ дней наглядно показали, что нашей партіи еще много осталось работать въ указанномъ направленіи. И остается пожелать, чтобъ она немедленно и повсюду съ удвоенной энергіей приступила къ этой благодарной работѣ.

Тѣ же событія показали соотвѣтствующіе недостатки и нашей организаціи. Приспособленныя къ пропагандѣ и повседневной агитаціи, наши организаціи не пригодны еще къ тому, чтобы руководить массовыми демонстраціями, благодаря чему послѣднія много теряютъ въ силѣ и оформленности. Событія, подобныя только-что пережитымъ нами, конечно, случаются не часто; но во 1-хъ, надо ожидать, что они будутъ становиться все чаще; а во 2-хъ, какъ бы они ни были рѣдки, партія должна быть готова къ нимъ, чтобы всегда съумѣть съ наименьшей затратой жертвъ добиться наибольшихъ результатовъ. При лучшей организаціи никакія полицейскія ухищренія не помѣшали бы рабочимъ явиться въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто; при лучшей подготовкѣ организованныхъ силъ толпа не оказалась бы такъ безпомощной, когда войска стали подвергать ее избіенію. При надлежащей организаціи удалось бы всѣ протестовавшія массы сконцентрировать въ одномъ пунктѣ и разсѣянную въ одномъ мѣстѣ толпу собрать въ другомъ. При наличности такой организаціи можно было бы въ ходѣ манифестаціи направлять вниманіе толпы на новые и новые поводы для выраженія своего протеста и на каждый актъ произвола и насилія властей отвѣчать актомъ революціоннаго насилія противъ, скажемъ, правительственныхъ зданій или органовъ мракобѣсія. Однимъ словомъ, чтобы бороться съ правительствомъ на площадяхъ и улицахъ, наша партія должна реформировать свою организацію. Но та же реформа организаціи необходима и для выполненія болѣе широкой агитаціонно-политической работы.

На массовые народные протесты царское правительство отвѣтило мѣрами кроваваго насилія, избіеніемъ и убійствомъ безоружныхъ людей, опубликованіемъ плана военной кампаніи противъ непокорнаго населенія крупныхъ центровъ (см. циркуляръ Сипягина отъ 12-го марта). Тысячами жертвъ правительство попытается, конечно, отомстить за то, что оно пережило въ эти дни, за позорный побѣгъ царя изъ своей столицы въ день 4-го марта, за освистаніе его высочайшаго намѣстника въ Москвѣ. Всѣми этими мѣрами правительство не сможетъ залечить той глубокой, кровью сочащейся раны, которую оно получило въ эти дни. Какъ бы ни бѣсновалась впредь реакція, того, что сдѣлано, она не не отниметъ у революціи, — она не уничтожитъ состоявшагося сближенія между радикальной интеллигенціей и народными массами на почвѣ революціонной борьбы, она не отниметъ у народа той революціонной выучки, которую онъ пріобрѣлъ въ этотъ мѣсяцъ, она не сможетъ погасить ярко блеснувшаго въ эти дни общаго сознанія того, насколько непримиримо враждебны, безконечно чужды другъ другъ два столкнувшихся міра — старая Россія, міръ казацкой нагайки и полицейскаго насилія, міръ ханжей святѣйшаго Синода, мечтающихъ о кострахъ для еретиковъ и ихъ сочиненій, міръ продажныхъ ученыхъ, и продажной печати, защищаемыхъ отъ народа вооруженной силой, и міръ свободной мысли и пролетарскаго энтузіазма, молодая, рвущаяся къ свѣту и свободѣ Россія. А потому, какіе бы новые удары ни ждали въ ближайшемъ будущемъ борцовъ за свободу, какъ бы ни казалось тягостно могущее наступить затишье послѣ только-что разыгравшейся бури, намъ не придется падать духомъ, не придется сомнѣваться въ будущемъ нашего дѣла. Ненавистныя цѣпи, сковывающія молодую Россію, уже надорваны; еще рядъ героическихъ усилій, и онѣ разлетятся въ прахъ. Какъ бы ни повліяли на массу новыя реакціонныя мѣры правительства, мы смѣло можемъ смотрѣть въ лицо будущему и обратиться къ товарищамъ со словами поэта:

Пускай же сгущаются мракъ и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поетъ,
Вѣрь въ молодость, вѣрь въ ея силу и счастье,
Зови ее словомъ отважнымъ впередъ.

*) Только въ Харьковѣ и особенно въ Кіевѣ соціалдемократическія организаціи активно содѣйствовали вовлеченію рабочихъ въ демонстраціи послѣдняго времени.

РАБОЧАЯ ПАРТІЯ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Минуло сорокъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ. Вполнѣ естественно, что наше общество съ особеннымъ одушевленіемъ празднуетъ день 19-го февраля, — день паденія старой, крѣпостной Россіи, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояніе. Но не надо забывать, что въ хвалебныхъ рѣчахъ празднующихъ наряду съ искренней враждой къ крѣпостничеству и всѣмъ его проявленіямъ есть масса лицемѣрія. Насквозь лицемѣрна и лжива та оцѣнка „великой“ реформы, которая стала у насъ ходячей: „освобожденіе крестьянъ съ землей при помощи государственнаго выкупа“. А на самомъ дѣлѣ это было освобожденіе крестьянъ отъ земли, потому что отъ тѣхъ надѣловъ, которыми втеченіе вѣковъ владѣли крестьяне, были сдѣланы громадныя отрѣзки, а сотни тысячъ крестьянъ были совсѣмъ обезземелены — посажены на четвертной или нищенскій надѣлъ. На самомъ дѣлѣ, крестьяне были ограблены вдвойнѣ: мало того, что у нихъ отрѣзали землю, ихъ заставили еще платить „выкупъ“ за оставленную имъ и всегда бывшую въ ихъ владѣніи землю, и притомъ выкупная цѣна земли была назначена гораздо выше дѣйствительной ея цѣны. Сами помѣщики десять лѣтъ спустя послѣ освобожденія признавались передъ правительственными чиновниками, изслѣдовавшими положеніе сельскаго хозяйства, что крестьянъ заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкупъ за личное освобожденіе, крестьянъ все же не сдѣлали свободными людьми: ихъ оставили на двадцать лѣтъ временно-обязанными, ихъ оставили — и они по сію пору остаются — низшимъ сословіемъ, подлежащимъ розгѣ, платящимъ особыя подати, не смѣющимъ свободно выйти изъ полукрѣпостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться въ любой мѣстности государства. Не о великодушіи правительства свидѣтельствуетъ наша крестьянская реформа; напротивъ, она является величайшимъ историческимъ примѣромъ того, до какой степени изгаженымъ выходитъ всякое дѣло изъ рукъ самодержавнаго правительства. Подъ давленіемъ военнаго пораженія, страшныхъ финансовыхъ затрудненій и грозныхъ возмущеній крестьянъ, правительство прямо-таки вынуждено было освободить ихъ. Самъ царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобожденіе, правительство сдѣлало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность „обижаемыхъ“ крѣпостниковъ; правительство не остановилось даже передъ такой гнусностью, какъ подтасовка людей, призванныхъ осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны изъ числа дворянъ же! Мировые посредники перваго призыва были распущены и замѣнены людьми, неспособными отказать крѣпостникамъ въ объегориваніи крестьянъ и при самомъ размежеваніи земли. И великая реформа не могла быть приведена въ исполненіе безъ помощи военныхъ экзекуцій и растрѣливанія крестьянъ, отказывавшихся принимать уставныя грамоты. Неудивительно, что лучшіе люди того времени, сдавленные цензурнымъ намордникомъ, встрѣтили эту великую реформу проклятьемъ молчанія...

„Освобожденный“ отъ барщины, крестьянинъ вышелъ изъ рукъ реформатора такимъ забитымъ, обобраннымъ, приниженнымъ, привязаннымъ къ своему надѣлу, что ему ничего не оставалось, какъ „добровольно“ идти на барщину. И мужикъ сталъ обработывать землю своего прежняго барина, „арендуя“ у него свои же отрѣзныя земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлѣба голодающей семьѣ — на лѣтнюю работу. Отработки и кабала — вотъ чѣмъ оказался на дѣлѣ тотъ „свободный трудъ“, призвать на который „божіе благословеніе“ приглашалъ крестьянина манифестъ, составленный попомъ-іезуитомъ.

А къ этому помѣщичьему гнету, сохраненному благодаря великодушію создававшихъ и осуществлявшихъ реформу чиновниковъ, прибавился еще гнетъ капитала. Власть денегъ, придавившая даже, напр., французскаго крестьянина, освобожденнаго отъ помѣщичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революціей, — эта власть денегъ всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрѣпостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенныхъ благодѣтельной реформой, и на наемъ земли, и на покупку тѣхъ нищенскихъ продуктовъ фабричной промышленности, которые стали вытѣснять домашніе продукты крестьянина, и на покупку хлѣба и проч. Власть денегъ не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась въ пролетаріевъ, меньшинство выдѣляло кучки немногочисленныхъ, но цѣпкихъ кулаковъ и хозяйственныхъ мужиковъ, прибиравшихъ къ рукамъ крестьянское хозяйство и крестьянскія земли, составляющихъ кадры нарождающейся сельской буржуазіи. Все пореформенное сорокалѣтіе есть одинъ сплошной процессъ этого раскрестьяниванія, процессъ медленнаго, мучительнаго вымиранія. Крестьянинъ былъ доведенъ до нищенскаго уровня жизни: онъ помѣщался вмѣстѣ со скотиной, одѣвался въ рубище, кормился лебедой; крестьянинъ бѣжалъ отъ своего надѣла, когда только было куда бѣжать, даже откупаясь отъ надѣла, платя тому, кто соглашался взять надѣлъ, платежи съ котораго превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысячъ умирали отъ голода и эпидемій во время неурожаевъ, которые возвращались все чаще и чаще.

Такъ стоитъ дѣло въ нашей деревнѣ и сейчасъ. Спрашивается, въ чемъ искать выхода и какими средствами добиваться улучшенія участи крестьянина? Отъ гнета капитала мелкое крестьянство можетъ избавиться, только примыкая къ рабочему движенію, помогая ему въ его борьбѣ за соціалистическій строй, за превращеніе земли, какъ и другихъ средствъ производства (фабрикъ, заводовъ, машинъ и пр.) въ общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкаго хозяйства и мелкой собственности отъ натиска капитализма значило бы безполезно задерживать общественное развитіе, обманывать крестьянина иллюзіей возможнаго и при капитализмѣ благосостоянія, разъединять трудящіеся классы, создавая меньшинству привилегированное положеніе на счетъ большинства. Вотъ почему соціалдемократы всегда будутъ бороться противъ такихъ безсмысленныхъ и вредныхъ учрежденій, какъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, круговая порука, запрещеніе свободнаго выхода изъ крестьянской общины и свободнаго пріема въ нее лицъ какихъ-угодно сословій! Но нашъ крестьянинъ страдаетъ, какъ мы видѣли, не только и даже не столько отъ гнета капитала, сколько отъ гнета помѣщиковъ и отъ остатковъ крѣпостничества. Безпощадная борьба противъ этихъ путъ, неизмѣримо ухудшающихъ положеніе крестьянства и связывающихъ его по рукамъ и ногамъ, не только возможна, но и необходима въ интересахъ всего общественнаго развитія страны, ибо безысходная нищета, темнота, безправіе и приниженность мужика кладетъ на всѣ порядки нашего отечества отпечатокъ азіатчины. И соціалдемократія не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбѣ. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, во внесеніи классовой борьбы въ деревню.

Мы видѣли, что въ современной русской деревнѣ совмѣщаются двоякаго рода классовыя противоположности: во первыхъ, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторыхъ, между всѣмъ крестьянствомъ и всѣмъ помѣщичьимъ классомъ. Первая противоположность развивается и растетъ, вторая — постепенно ослабѣваетъ. Первая — вся еще въ будущемъ, вторая — въ значительной степени уже въ прошломъ. И несмотря на это, для современныхъ русскихъ соціалдемократовъ именно вторая противоположность имѣетъ наиболѣе существенное и наиболѣе практически важное значеніе. Что мы должны пользоваться всѣми представляющимися намъ поводами для развитія классового самосознанія въ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, что мы должны обратить вниманіе поэтому на переселеніе въ деревню городскихъ рабочихъ (напр., механиковъ, занимаемыхъ при паровыхъ молотилкахъ и т. п.), на рынки найма сельскохозяйственныхъ рабочихъ — это понятно само собой, это аксіома для всякаго соціалдемократа.

Но наши сельскіе рабочіе еще слишкомъ крѣпко связаны съ крестьянствомъ, надъ ними слишкомъ еще тяготѣютъ общекрестьянскія бѣдствія и поэтому общенаціональнаго значенія движеніе сельскихъ рабочихъ никакъ не можетъ получить ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ. Наоборотъ, вопросъ о сметаніи остатковъ крѣпостничества, о вытравленіи изъ всѣхъ порядковъ русскаго государства духа сословной неравноправности и приниженія десятковъ милліоновъ „простонародья“, — этотъ вопросъ уже сейчасъ имѣетъ общенаціональное значеніе, и партія, претендующая на роль передового борца за свободу, не можетъ отстраниться отъ этого вопроса.

Признаніе бѣдствій крестьянина сдѣлалось теперь (въ болѣе или менѣе общей формѣ) почти всеобщимъ, фраза о „недостаткахъ“ реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Нашъ долгъ указывать на то, что эти бѣдствія происходятъ именно отъ классового угнетенія крестьянства, что правительство — вѣрный защитникъ классовъ-угнетателей, что не помощи отъ него, а избавленія отъ его гнета, завоеванія политической свободы должны добиваться тѣ, кто искренне и серьезно хочетъ коренного улучшенія положенія крестьянъ. Говорятъ о чрезмѣрной высотѣ выкупныхъ платежей

о благодѣтельной мѣрѣ пониженія и пересрочки ихъ правительствомъ. Мы скажемъ на это, что всѣ эти выкупные платежи — не что иное, какъ прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбленіе крестьянъ помѣщиками и правительствомъ, не что иное, какъ дань крѣпостникамъ за освобожденіе ихъ рабовъ. Мы выдвинемъ требованіе немедленной и полной отмѣны выкупныхъ платежей и оброчныхъ сборовъ, требованіе вернуть народу тѣ сотни милліоновъ, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворенія аппетитовъ рабовладѣльцевъ. Говорятъ о малоземельи крестьянъ, о необходимости государственной помощи для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Мы скажемъ на это, что именно благодаря государственной помощи — помощи помѣщикамъ, разумѣется, — крестьяне лишились въ такой массѣ случаевъ необходимѣйшей для нихъ земли. Мы выдвинемъ требованіе вернуть крестьянамъ тѣ отрѣзки, посредствомъ которыхъ продолжаетъ держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на дѣлѣ тотъ же крѣпостной трудъ. Мы выдвинемъ требованіе учредить крестьянскіе комитеты для исправленія тѣхъ вопіющихъ несправедливостей, которыя надѣлали по отношенію къ освобождаемымъ рабамъ учрежденные царской властью дворянскіе комитеты. Мы потребуемъ учрежденія судовъ, которые бы имѣли право понижать безмѣрно высокую плату за землю, взимаемую помѣщиками благодаря безвыходности положенія крестьянъ, — судовъ, передъ которыми крестьянинъ имѣлъ бы право преслѣдовать за ростовщичество тѣхъ, кто заключаетъ кабальныя сдѣлки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будемъ стараться всегда и по всякимъ поводамъ разъяснять крестьянамъ, что люди, говорящіе имъ объ опекѣ или помощи отъ современнаго государства — либо дурачки, либо шарлатаны и худшіе враги ихъ, что крестьянству нужно прежде всего избавленіе отъ произвола и гнета власти чиновниковъ, нужно прежде всего признаніе ихъ полной и безусловной равноправности во всѣхъ отношеніяхъ со всѣми другими сословіями, полной свободы передвиженія и переселенія, свободы распоряженія землей, свободы распоряженія всѣми мірскими дѣлами и мірскими доходами. Самые обыденные факты изъ жизни любой русской деревни могутъ дать всегда тысячи поводовъ для агитаціи во имя указанныхъ требованій. Эта агитація должна исходить изъ мѣстныхъ, конкретныхъ, наиболѣе назрѣвшихъ нуждъ крестьянъ, но не останавливаться на этихъ нуждахъ, а неустанно расширять кругозоръ крестьянъ, неустанно развивать ихъ политическое сознаніе, указывать на особое мѣсто, занимаемое въ государствѣ помѣщиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавленія деревни отъ висящаго надъ ней гнета произвола и угнетенія — созывъ народныхъ представителей, низверженіе самовластья чиновниковъ. Нелѣпо и вздорно утвержденіе, будто это требованіе политической свободы недоступно сознанію рабочихъ: не только рабочіе, пережившіе годы прямой борьбы съ фабрикантами и полиціей, постоянно видящіе произвольные аресты и преслѣдованія лучшихъ изъ ихъ рядовъ, не только эти зараженные уже соціализмомъ рабочіе, но и всякій толковый крестьянинъ, хоть сколько-нибудь задумывающійся надъ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя, въ состояніи будетъ понять и усвоить, за что борются рабочіе, усвоить идею земскаго собора, освобождающаго всю страну отъ всевластія ненавистныхъ чиновниковъ. И агитація на почвѣ непосредственныхъ и наиболѣе насущныхъ нуждъ крестьянства только тогда будетъ въ состояніи исполнить свою задачу: — внести классовую борьбу въ деревню, — когда съ каждымъ разоблаченіемъ того или другого „экономическаго“ зла она съумѣетъ связать опредѣленныя политическія требованія.

Но спрашивается, можетъ-ли соціалдемократическая рабочая партія внести въ свою программу требованія подобныя вышеуказаннымъ? Можетъ-ли она взять на себя агитацію въ крестьянствѣ? Не поведетъ-ли это къ тому, что мы разбросаемся и направимъ въ сторону отъ главнаго и единственно надежнаго русла движенія наши революціонныя силы, и безъ того столь немногочисленныя?

Такія возраженія основаны на недоразумѣніи. Да, мы непремѣнно должны внести въ свою программу требованія объ освобожденіи нашей деревни отъ всѣхъ пережитковъ рабства, требованія, способныя вызвать въ лучшей части крестьянства если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочаго класса. Мы сдѣлали бы ошибку, если бы стали отстаивать мѣры, способныя задержать общественное развитіе, или искусственно оградить мелкое крестьянство отъ роста капитализма, отъ развитія крупнаго производства, но еще болѣе гибельна была бы ошибка, если бы мы не съумѣли воспользоваться рабочимъ движеніемъ для распространенія въ крестьянствѣ тѣхъ демократическихъ требованій, которыхъ не исполнила реформа 19-го февраля 1861 г. благодаря ея искаженію помѣщиками и чиновниками. Включить такія требованія необходимо для нашей партіи, если она хочетъ встать во главѣ всего народа на борьбу съ самодержавіемъ*). Но такое включеніе вовсе не предполагаетъ, чтобы мы стали звать активныя революціонныя силы изъ города въ деревню. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ боевые элементы партіи должны стремиться къ городамъ и фабрично-заводскимъ центрамъ, что только промышленный пролетаріатъ способенъ на безповоротную и массовую борьбу противъ самодержавія, что только этотъ пролетаріатъ способенъ вынести на своихъ плечахъ такія средства борьбы, какъ устройство открытой демонстраціи или постановка правильно выходящей и широко распространяемой народной политической газеты. Не для того, чтобы отозвать изъ города въ деревню убѣжденныхъ соціалдемократовъ, не для того, чтобы приковать ихъ къ деревнѣ, должны мы внести въ свою программу крестьянскія требованія, — нѣтъ, а для того, чтобы дать руководство для дѣятельности тѣмъ силамъ, которыя не могутъ найти себѣ приложенія иначе, какъ въ деревнѣ, для того, чтобы использовать для дѣла демократіи и политической борьбы за свободу тѣ связи съ деревней, которыя въ силу обстоятельствъ имѣются у немалаго числа преданныхъ соціалдемократіи интеллигентовъ и рабочихъ, и которыя по необходимости расширяются и растутъ вмѣстѣ съ ростомъ движенія. Мы давно уже переросли ту стадію, когда мы были маленькимъ отрядомъ добровольцевъ, когда весь запасъ соціалдемократическихъ силъ исчерпывался кружками молодежи, поголовно „ходившихъ къ рабочимъ“. Наше движеніе располагаетъ теперь цѣлой арміей, арміей рабочихъ, затронутыхъ борьбой за соціализмъ и за свободу, — арміей интеллигентовъ, принимавшихъ и принимающихъ участіе въ движеніи и разбросанныхъ уже въ настоящее время по всѣмъ концамъ Россіи, — арміей сочувствующихъ, съ вѣрой и надеждой взирающихъ на рабочее движеніе и готовыхъ оказать ему тысячи услугъ. И передъ нами стоитъ великая задача: организовать всѣ эти арміи, организовать такъ, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетныя вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары, а преслѣдовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линіи, травить самодержавное правительство вездѣ, гдѣ оно свѣтъ угнетеніе и пожинаетъ ненависть. А развѣ возможно достигнуть этой цѣли, не занося въ многомилліонную массу крестьянства сѣмена классовой борьбы и политическаго сознанія? И не говорите, что такое занесеніе невозможно: оно не только возможно, оно уже происходитъ, оно идетъ тысячами путей, ускользающихъ отъ нашего вниманія и нашего воздѣйствія. Оно пойдетъ неизмѣримо шире и быстрѣй, когда мы съумѣемъ дать лозунгъ для такого воздѣйствія и выкинемъ знамя освобожденія русскаго крестьянства отъ всѣхъ остатковъ позорнаго крѣпостного права. Приходящій въ города деревенскій людъ и теперь уже съ любопытствомъ и интересомъ присматривается къ непонятной для него борьбѣ рабочихъ, и разноситъ вѣсть о ней по всякимъ захолустьямъ. Мы можемъ и должны добиться того, что это любопытство стороннихъ зрителей будетъ смѣняться если не полнымъ пониманіемъ, то хотя смутнымъ сознаніемъ того, что рабочіе борятся за интересы всего народа, будетъ смѣняться все большимъ и большимъ сочувствіемъ къ ихъ борьбѣ. А тогда — день побѣды революціонной рабочей партіи надъ полицейскимъ правительствомъ будетъ приближаться съ нежданной-негаданной для насъ самихъ быстротою.

*) Проэктъ соціалдемократической программы со включеніемъ вышеуказанныхъ требованій составленъ уже нами. Мы надѣемся послѣ обсужденія и переработки этого проэкта при содѣйствіи Гр. Осв. Тр. опубликовать въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ проэктъ программы нашей партіи.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Подавляющее значеніе за послѣдніе мѣсяцы пріобрѣло у насъ студенческое движеніе и народныя демонстраціи во многихъ городахъ. Приводимъ описанія этихъ событій, составленныя на основаніи около ста сообщеній, присланныхъ въ редакцію „Искры“. Мы шлемъ горячую благодарность всѣмъ корреспондентамъ, а также лицамъ, присылавшимъ намъ всяческіе листки и матеріалы, и усердно просимъ ихъ продолжать и расширять свое сотрудничество.

С.-Петербургъ.

Хронику событій за февраль и начало марта приходится начать съ того правительственнаго сообщенія (11-го января) объ отдачѣ студентовъ-кіевлянъ въ солдаты, которое мы отмѣтили въ ном. 2 „Искры“. Наши указанія, что это не чисто студенческій вопросъ, что онъ долженъ вызвать массовую студенческую забастовку и демонстраціи съ участіемъ всѣхъ классовъ общества и рабочими во главѣ ихъ, оправдались въ полной мѣрѣ.

Протестъ противъ отдачи студентовъ въ солдаты быстро разгорался въ петербургскомъ студенчествѣ. Въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній — рядъ сходокъ. Принимаются резолюціи объ устройствѣ обструкціи, о требованіи отмѣны временныхъ правилъ. Напр., такое требованіе предъявили 25-го января представители организованнаго петербургскаго студенчества (университета, высш. женскихъ курсовъ, институтовъ: горнаго, лѣсного, электротехническаго, путей сообщенія, женск. медицинскаго, рождественскихъ курсовъ, военно-медицинской академіи, академіи художествъ). Ссылаясь на временныя правила и на пущенныя уже въ ходъ (въ Казани) нагайки, они грозили правительству, что оно „разбудитъ нашихъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, какъ разбудило уже часть народныхъ массъ — рабочихъ“. Выходитъ масса листковъ и бюллетеней. Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей перечисленіемъ всѣхъ этихъ листковъ, доставленныхъ въ редакцію. Отмѣтимъ двѣ характерныя черты: съ одной стороны, нѣкоторое уныніе и угнетенное настроеніе студенчества, многіе представители котораго запуганы азіатскимъ наказаніемъ. „Право, темнѣе времени не помню, душно стало“, сообщаетъ одинъ корреспондентъ отъ конца января, послѣ того какъ участь 183 кіевскихъ студентовъ раздѣлили 27 петербургскихъ. „Настроеніе такое удрученное, такъ запуганы всѣ, что теперь что хочешь дѣлай, все пройдетъ безъ возраженій“. Борьба между радикальнымъ студенчествомъ („обструкціонистами“, т. е. стоявшими за стачку и обструкцію) и „благоразумными“, стоявшими за подчиненіе и не желавшими рисковать своей буржуазной карьерой, обострялась иногда до того, что грозили облить другъ друга кислотой и т. п. Начальство старалось разжечь этотъ расколъ, взывая въ своихъ объявленіяхъ къ „серьезнымъ умамъ“, приглашая студентовъ быть „скромнѣе“ (объявленіе попечителя спб. учебнаго округа, Сонина, отъ 6-го февр.). Студенты, не мирящіеся съ раболѣпствомъ, отвѣчали горячимъ протестомъ противъ „Боголѣпова и Ко“, провозглашали: „Впередъ, товарищи, полно молчать! Помните, что приговоръ исторіи страшнѣе и ужаснѣе приговора ‚временной‘ коммиссіи“ (Бюлл. ном. 6-ой, отъ 6-го февраля). Другая черта — ростъ сочувствія къ студентамъ среди тѣхъ, кому не грозила отдача въ солдаты и среди общества вообще. Студенты военно-мед. академіи на сходкѣ 30-го января единогласно рѣшаютъ подать петицію объ освобожденіи отданныхъ въ солдаты студентовъ, о предоставленіи права сходокъ. Слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ на сходкѣ 3-го февраля предлагаютъ забастовать, горячо протестуютъ противъ „Временныхъ правилъ“. Ходитъ по рукамъ гектографированное письмо за подписью „мать“, клеймящее, съ одной стороны, произволъ Побѣдоносцевыхъ, Сипягиныхъ, Боголѣповыхъ, дошедшихъ до безсмысленной, наглой жестокости, — съ другой стороны, унизительное молчаніе „русскаго общества, умѣющаго только терпѣть, молчать и трепетать“. Распространяется стихотвореніе студента „Тогда и теперь“ (1-го февр.; 1899—1901), зовущее на борьбу, возмущающееся малодушіемъ массы, позволяющей обращать храмъ науки въ „тюрьму, въ казарму для солдатъ“. Унывавшіе студенты боялись вѣрить въ свои силы, не зная, что возбужденіе и духъ борьбы проникаетъ и въ другіе классы общества.

Правительство не могло, конечно, не видѣть, что броженіе ростетъ. Аресты слѣдовали за арестами, тюрьмы переполнялись. По дѣлу объ умѣренной „вѣрноподанной“ петиціи царю объ отмѣнѣ „Временныхъ правилъ“ взяли извѣстнаго историка, писателя Милюкова. Обыски были у многихъ писателей. „Обычныхъ“ арестовъ въ ночь съ 9 на 10 февраля было до 50. Необходимо добавить, что политика правительства начала уже проявлять признаки шатанія: ни то подавлять, ни то идти на уступки, или, вѣрнѣе, обмануть уступками. Послѣднее выразилось — правда, очень слабо — въ проводахъ новобранцамъ-студентамъ, устроенныхъ военнымъ министромъ, который жалъ руки всѣмъ этимъ низшимъ чинамъ, говорилъ имъ ободряющія рѣчи и просилъ въ случаѣ какихъ-либо затрудненій обращаться къ нему. Читатели благоволятъ сопоставить съ этимъ помѣщаемую ниже корреспонденцію изъ Пскова.

Возбужденіе усиливалось. Реакціонная печать („Гражданинъ“, „Моск. Вѣдомости“) только подливала масла въ огонь, доказывая съ отвратительнымъ лицемѣріемъ Іудушки, что въ отдачѣ студентовъ въ солдаты нѣтъ ничего жестокаго, что эта мѣра свидѣтельствуетъ о попечительности правительства, желающаго отечески исправить легкомысленныхъ юношей... Можно себѣ представить, какимъ издѣвательствомъ надъ лежачимъ и связаннымъ противникомъ звучали такія рѣчи! Но лежачіе стали подниматься, а связаннымъ помогла развязать себѣ руки улица.

14-го февраля раздался выстрѣлъ П. В. Карповича, сразившій ненавистнаго министра нар. просвѣщенія Боголѣпова. Всѣ сочувствовали Карповичу, и когда, напр., директоръ женскихъ курсовъ, Раевъ, съ группой профессоровъ поспѣшили выразить сочувствіе умирающему Боголѣпову, — группа курсистокъ выпуска 1893 г. выпустила листокъ (отъ 21-го февраля), клеймящій „карьерные разсчеты“ и „низкій поступокъ“ раболѣпства передъ „гнуснымъ дѣятелемъ“.

Въ широкой публикѣ усиленно заговорили о повтореніи революціоннаго террора. Но, — какъ совершенно справедливо замѣтилъ „Злободневный Листокъ“ (СПБ., тип. „Свободной Русской Прессы“, ном. 2, отъ 2-го марта), „этотъ взглядъ представляется совершенно ошибочнымъ. Живая исторія не знаетъ заученыхъ дословныхъ повтореній... Теперешній нашъ самодержецъ — чего, какой идеи онъ является воплощеніемъ?! Развѣ это не простой подставной предсѣдатель правленія бюрократическаго предпріятія?.. Задача теперь... не въ томъ, чтобы уничтожить этотъ „мѵропомазанный штемпель“ (листокъ говоритъ, что самодержецъ напоминаетъ собой каучуковый штемпель съ буквами „быть по сему“), а въ томъ, чтобы взять его изъ рукъ бюрократіи въ свои руки“. Понятно само собою, что для осуществленія такой задачи настоятельно необходимо политическое дѣйствіе массы. И вся революціонная работа послѣднихъ лѣтъ, шедшая подъ знаменемъ соціалдемократіи, естественно толкала мысль передовой учащейся молодежи на планъ уличной демонстраціи, планъ привлеченія къ протесту (путемъ его расширенія) всѣхъ классовъ общества вообще и рабочихъ въ частности. Однимъ изъ выраженій этой мысли явился февральскій листокъ, изданный кассой взаимопомощи студентовъ спб. университета и напечатанный въ тип. „Союза Борьбы“. „Рѣшеніе университетскаго вопроса — справедливо писали авторы — надо искать въ рѣшеніи болѣе широкаго и неотложнаго вопроса — вопроса о расширеніи политическихъ рамокъ для русской общественной жизни... Насильникамъ надо противопоставить силу... А эта сила уже ростетъ, ее выдвигаетъ сама жизнь, въ ней лежитъ залогъ лучшаго будущаго. Быстро расползается она по странѣ, охватывая ее все цѣпче и крѣпче, грозная, пока безсознательная. Но пробудись въ ней сознаніе — и конецъ абсолютизму, конецъ замаскированному рабству“. А какое же лучшее средство расширенія университетскаго вопроса и пробужденія сознанія въ грозной народной силѣ, какъ не вынесеніе протеста на улицу, передъ толпу народа? И планъ устройства открытой демонстраціи былъ принятъ вожаками движенія.

Рѣшено было собраться къ Казанскому собору 19-го февраля. По разсчетамъ иниціаторовъ, въ манифестаціи должно было участвовать свыше 2000 человѣкъ студентовъ и курсистокъ. Впрочемъ, съ 17 на 18 число было арестовано 26 чел., въ томъ числѣ шесть человѣкъ „делегатовъ“ съ печатными воззваніями относительно манифестаціи, такъ что увѣренность въ исполнимости этой послѣдней сильно пошатнулась, и манифестація была отмѣнена. Тѣмъ не менѣе 19-го февраля къ Казанскому собору пришло чел. 200-300 (по другимъ свѣдѣніямъ до 400) учащейся молодежи. Часть ихъ зашла въ соборъ, а часть расположилась на скамейкахъ около собора. Когда въ церкви ничего интереснаго не оказалось, всѣ вышли на улицу и, соединившись съ толпой, которая сохраняла выжидательное положеніе возлѣ собора, повернула на Невскій. Въ это время масса конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ оцѣпили толпу манифестантовъ и слѣдовали съ нею вдоль по Невскому. Толпа шла съ пѣніемъ Марсельезы („Вставай, поднимайся, рабочій народъ!“). Около зданія думы конные полицейскіе врѣзались въ толпу демонстрантовъ съ очевиднымъ намѣреніемъ свернуть шествіе въ переулокъ (между думой и милютинскими рядами). Молодежь, прижатая къ зданію думы, стала отталкиваться отъ напиравшихъ полицейскихъ, а тѣ, ничто же сумняшеся, пустили въ ходъ кулаки и стали наносить жестокіе удары направо и налѣво. Собравшаяся публика кричала городовымъ: „вы не имѣете права бить!“, а тѣ отвѣчали: „намъ приказано“. Толпа демонстрантовъ состояла, главнымъ образомъ, изъ женщинъ-рождественокъ и медичекъ. Раздался отчаянный крикъ. Эту дикую сцену изъ окна думы наблюдало нѣсколько человѣкъ (въ томъ числѣ и городской голова Леляновъ) и выражали свое сильнѣйшее негодованіе противъ полиціи, а съ одной изъ барышенъ, наблюдавшей оттуда же за всѣмъ происходившимъ, случилось острое помѣшательство. „Дѣвицъ до того били, сообщаетъ одинъ корреспондентъ, что гостиннодворскіе прикащики стали заступаться за нихъ. Среди публики многимъ дѣлалось дурно“. Неслись вопли, крики: „бьютъ, бьютъ!“ Посторонней публики около демонстраціи собралось около 5-6 тысячъ. Вмѣшалась толпа. Грозило очень крупнымъ побоищемъ. Въ это время явился градоначальникъ Клейгельсъ и попросилъ (сначала было „потребовалъ“, но вслѣдствіе протеста толпы долженъ былъ требованіе свести на вѣжливую просьбу) войти во дворъ. Тутъ во дворѣ демонстранты были переписаны. Часть студентовъ, стоявшихъ внѣ цѣпи, пыталась присоединиться къ демонстрантамъ, но Клейгельсъ, пропустивъ человѣкъ пять, отказался затѣмъ отъ такого опаснаго пріема. На заявленіе молодежи, что ее били, Клейгельсъ выразилъ недовѣріе къ этому факту („моя-де полиція не дерется“) и жалобу принять отказался, предоставивъ пострадавшимъ искать законныхъ путей для выраженія своего протеста. Всѣ переписанные и многіе изъ окружавшихъ отправились въ ближайшій участокъ и тамъ требовали составить протоколъ. Въ концѣ концовъ составили жалобу на дѣйствія полиціи и отправили ее съ какимъ-то студентомъ медикомъ къ прокурору. Какъ говорятъ, Клейгельсъ призывалъ къ себѣ этого медика и далъ ему понять, что жалобы на полицію никогда ни къ чему не приводятъ (примѣръ-де тому эпизодъ въ исторіи 1899 года). И дѣйствительно, прокуроръ, сначала любезно выслушавшій жалобу отъ студентовъ, потомъ измѣнилъ свой тонъ: вы, говоритъ, бунтовщики, и вашу жалобу я направилъ къ градоначальнику. Разсказываютъ (по другой версіи), что Клейгельсъ принялъ заявленіе о дѣйствіяхъ полиціи, и въ отвѣтъ прочиталъ мѣсто изъ одной русской книжки, въ которой описывается, какъ бьютъ полисмэны въ Англіи манифестантовъ. Маленькое различіе упустилъ г. Клейгельсъ между свободной Англіей и безправной Россіей: то, что въ Англіи бьютъ за нарушеніе порядка публикой, а въ Россіи бьетъ нарушающая порядокъ полиція.

Вотъ еще выдержка изъ сообщенія лица, бывшаго очевидцемъ событія: „Выходя 19-го февраля изъ Казанскаго собора, чтобы отправиться домой, я увидѣлъ, что площадь передъ соборомъ съ лѣвой стороны окружаетъ отрядъ городовыхъ и конныхъ жандармовъ... Около милютиныхъ рядовъ я замѣтила, что сзади появились околодочные, которые стали загораживать троттуаръ; какой-то прохожій выразилъ неудовольствіе, что ему преграждаютъ дорогу. Оглянувшись, я увидѣла, что околодочный, любезно склонившись и указывая на виднѣвшуюся впереди толпу учащейся молодежи, спросилъ съ ироніей: „Къ какой партіи вамъ угодно примкнуть, къ той или къ этой?“ Этотъ наглый вопросъ, конечно, принуждалъ всякаго просто приличнаго человѣка сдѣлать рѣшительный выборъ. Не зная, кто именно составляетъ „ту партію“, но во всякомъ случаѣ не желая „примкнуть“ къ партіи полиціи, я, не оглядываясь больше, поспѣшила присоединиться къ идущимъ впереди. Едва я ихъ достигла, какъ сзади и сбоку уже вплотную подступилъ отрядъ городовыхъ, которые шли ровными рядами. Передніе скрестили на груди руки и выставили впередъ локти, а вся масса отряда дружнымъ натискомъ двигалась на толпу. Когда же дальнѣйшее движеніе сдѣлалось почти немыслимо, началась кулачная расправа. Не измѣняя общаго положенія рукъ, городовые поднимали сжатый кулакъ правой руки, сгибая руку въ локтѣ и снова разгибая ее, опускали кулакъ прямо передъ собой, не разбирая, куда и на что онъ попадаетъ; движеніе кулаковъ было правильно, одновременно, равномѣрно; въ этомъ былъ виденъ выработанный методъ, чувствовалась организованная система кулачнаго натиска. Ни негодующіе крики студентовъ: „не смѣть трогать женщинъ“, ни посинѣвшія отъ давки лица съ выкатившимися глазами, ни возможность катастрофы передъ огромными зеркальными стеклами магазиновъ — ничто не останавливало непрерывнаго, безобразно жестокаго натиска городовыхъ“...

Этотъ первый опытъ манифестаціи показалъ, что сочувствіе публики обезпечено студенчеству, выступающему противъ произвола царскаго самодержавія, — и въ то же время онъ показалъ, отъ какихъ причинъ зависитъ сравнительная неудача 19-го февраля. Отсутствіе революціонной организаціи сказалось на томъ, что демонстрацію на половину отмѣнили, и не всѣ о ней знали. Отсутствіе рабочихъ обусловило сравнительно малое число присутствовавшихъ: демонстрація не могла получить характера народной схватки съ полиціей: никто не позаботился о томъ, чтобы на ряду со студенческими требованіями были выставлены болѣе широкія требованія. Всѣмъ этимъ объясняется, что настроеніе революціоннаго Петербурга послѣ 19-го февраля было двойственное: съ одной стороны, сознаніе, что путь демонстрацій — единственно вѣрный путь, съ другой — неувѣренность въ успѣхѣ. На 28-ое февраля — день юбилея газеты „Чего изволите“ (Новаго Времени) — была назначена демонстрація въ Эртелевомъ переулкѣ... Группа иниціаторовъ особымъ листкомъ приглашала почтить достойнымъ образомъ 25-тилѣтній юбилей почтеннаго Алексѣя Сергѣевича Суворина, съ успѣхомъ возводившаго въ принципъ безпринципность, сдѣлавшаго блестящую карьеру на подхалимствѣ и лакействѣ передъ правительствомъ. Демонстрація не удалась, и опять-таки по тѣмъ же самымъ причинамъ. Полиціи собралось больше, чѣмъ молодежи. Шпалерами стояли по всему Литейному, Мало-Итальянской. Толпу раздѣлили на части и разогнали. Часть была переписана. Говорятъ, весь переулокъ былъ усыпанъ обрывками „Новаго Времени“. Такимъ образомъ, и эта неудача демонстраціи была относительной: извѣстный результатъ былъ несомнѣнно достигнутъ. Чтобы убѣдиться въ

этомъ, достаточно прочитать слѣдующую картинку, набросанную однимъ изъ участниковъ празднества: „Итакъ, Суворинъ имѣлъ огромный матеріальный успѣхъ. Его оба сына стали также участвовать въ редакціи газеты, и за династіей Суворина обезпечено владычество. Я слышалъ пѣніе діакона, слышалъ привѣтственныя рѣчи, на которыя старикъ Суворинъ отвѣчалъ рукопожатіемъ или поцѣлуемъ въ щеку ораторовъ. Пили шампанское. Я стоялъ вблизи окна и смотрѣлъ на улицу. И что-же? Отряды конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ снуютъ по короткой улицѣ. Человѣкъ 60 стоитъ около дома. Я заинтересовываюсь. На противоположной сторонѣ улицы я вижу небольшую кучку студентовъ, громко смѣющихся и жестикулирующихъ. Теперь-то мнѣ стала понятна эта овація со стороны полиціи. Петербургскіе студенты не ладятъ съ Суворинымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ одномъ изъ своихъ остроумныхъ „маленькихъ писемъ", два года тому назадъ, шутя отнесся къ студенческимъ безпорядкамъ и осудилъ ихъ. Повидимому учащаяся молодежь по своему хотѣла почтить юбиляра: кошачьимъ концертомъ, битьемъ стеколъ и т. п. маленькими шутками. Черезъ нѣкоторое время я оставилъ гостепріимный домъ, въ которомъ шампанское лилось сегодня рѣкой. Эртелевскій переулокъ охранялся полиціей, а студентовъ не было видно. Съ обоихъ концовъ, со стороны Бассейной и Итальянской, улица была оцѣплена. На Бассейной жандармскій офицеръ разъѣзжалъ на конѣ передъ цѣпью городовыхъ. Никого не пропускали. Въ честь Суворина было вызвано по меньшей мѣрѣ 200 полицейскихъ, которые, видно, очень были довольны. Я спросилъ перваго попавшагося толсяка-надзирателя, снабжены-ли его молодцы нагайками, и онъ многозначительно улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ. „Милая овація въ честь Суворина!" говорилъ я себѣ мысленно, продолжая путь. Въ это время явился всемогущій генералъ Клейгельсъ, чтобъ самолично смотрѣть за порядкомъ. Кругомъ не видать было ни одного студента, но полиція стойко и храбро оставалась на мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ, нѣсколько сотъ студентовъ и студентокъ съ различныхъ сторонъ направились къ Эртелевому переулку, но разошлись, увидавъ, что онъ оцѣпленъ и что полицейскіе съ нагайками охраняютъ царство Суворина, какъ грозный архангелъ врата рая".

Нельзя не выразить сожалѣнія по поводу бездѣйствія соц.-дем. „Союза Борьбы" въ СПБ., Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар. Позволительно-ли было соц.-дем. не откликнуться на студенческое движеніе, не обратиться къ рабочимъ съ разъясненіемъ его, не призывать рабочихъ на демонстрацію противъ правительства Клейгельсовъ и Боголѣповыхъ. Очевидно, здѣсь сказались печальные плоды той пропаганды, которая такъ усердно велась въ СПБ. послѣдніе два-три года: съ одной стороны, „экономисты" усердно приглашали „не забѣгать впередъ" противъ неразвитыхъ массъ и ничего не дѣлали для развитія революціонной организаціи и политическаго воспитанія рабочихъ. Съ другой стороны, столичные „критики" и „бернштейніанцы" играли на руку „экономистамъ" своимъ „разносомъ" ортодоксальнаго марксизма.

Бездѣятельность соціалдемократіи не могла не отразиться на движеніи, которому не была обезпечена поддержка со стороны организованныхъ передовиковъ рабочаго класса. Цѣлый рядъ сообщеній говоритъ о духѣ унынія и безнадежности. „Настроеніе тяжелое — пишутъ, напр., отъ 2-го марта — никто какъ-то не надѣется на хорошій исходъ". Къ счастью, событія въ Харьковѣ и Москвѣ, описываемыя нами ниже, подняли духъ и въ СПБ. „Какъ только въ Питерѣ стали извѣстны харьковскія событія — пишетъ одинъ корреспондентъ — началось волненіе среди студентовъ". „Московскія и харьковскія событія, сообщаетъ другой, сильно подогрѣли утихнувшее было возбужденіе среди молодежи". Мы ясно видимъ здѣсь, какъ массовое участіе рабочихъ въ демонстраціи, характеризующее происшествія въ Харьковѣ и Москвѣ, вдохнули новую жизнь въ движеніе интеллигентной молодежи и побудили ее къ болѣе рѣшительнымъ и революціоннымъ дѣйствіямъ, составившимъ эпоху въ народномъ движеніи противъ самодержавія.

Новая демонстрація была первоначально назначена на 3-е марта, день суда надъ Карповичемъ. Но такъ какъ судъ былъ отложенъ (очевидно, не только вслѣдствіе смерти Боголѣпова, но и изъ опасенія народной демонстраціи), то демонстрацію перенесли на 4-ое марта. Печатная прокламація „Ко всѣмъ!" отъ имени „Совѣта союза объединенныхъ землячествъ и студенческихъ организацій", помѣченная днемъ двадцатилѣтней годовщины убійства Александра II, 1-мъ марта 1901 г., заявляла, что „полицейскій режимъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта... Протестъ живой части общества противъ мракобѣсія правительства, противъ собственнаго безправія и рабства... начинаетъ выходить на реальную почву... студенческіе протесты нашли себѣ, наконецъ, поддержку и сочувствіе среди разныхъ слоевъ общества. Мы... выступая на защиту попранныхъ правъ человѣка и на борьбу за нихъ на общественно-политическомъ поприщѣ, обращаемся ко всѣмъ слоямъ общества".

Четвертое марта, навѣрное, долго будутъ помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество.

Всѣ знали о демонстраціи и, послѣ событія 19-го февраля, не дѣлали себѣ иллюзій, знали, на что идутъ. „Настроеніе молодежи было подавленное; вечеромъ въ субботу, прощаясь съ знакомыми и товарищами, молодежь произносила свое „до завтра, до?" такимъ тономъ, точно она шла на то, на что она и пошла въ дѣйствительности! Одна дѣвочка-курсистка молила: „Господи, хоть бы мнѣ утромъ захворать завтра", — и всетаки пошла. Со всѣхъ сторонъ было это томленіе передъ „завтра", и суббота тянулась такъ мучительно долго, такъ много переслушалось и перевидѣлось, такъ много передумалось за это наканунѣ".

Ровно въ 12 часовъ въ воскресенье изъ собора, который былъ полонъ народу, всѣ демонстранты вышли на паперть. Вся площадь передъ соборомъ представляла море головъ. Нелегко было опредѣлить число демонстрантовъ: показанія очевидцевъ различны и восходятъ отъ 3-хъ тысячъ до 15-ти. Сюда не входитъ, конечно, масса публики посторонней, окружавшей со всѣхъ сторонъ демонстрантовъ. „Зрителей была масса — пишетъ одинъ корреспондентъ — несравнѣнно болѣе, чѣмъ демонстрантовъ". Былъ пущенъ шаръ и подняты на площади два знамени, бѣлое и красное (послѣднее поднято было, какъ сообщаетъ одинъ корреспондентъ-очевидецъ, рабочими). Надписи на знамени гласили: „Долой временныя правила!" Была, говорятъ, и надпись съ требованіемъ свободы слова. Одинъ технологъ (по другому сообщенію, лѣсникъ) сталъ говорить толпѣ рѣчь. Онъ изложилъ нынѣшнее положеніе вещей, указалъ на ненормальность существующаго режима, на необходимость измѣнить русскій политическій строй и закончилъ словами: „Да здравствуетъ законность, долой временныя правила!" Публика выражала свою солидарность криками: „ура", „согласны" и т. п. Продолжалось это недолго, но зрѣлище было внушительное. Въ публикѣ разбрасывались тучи прокламацій, въ разныхъ концахъ читались вслухъ листки. Зрители — главнымъ образомъ, сочувствующіе — совсѣмъ придвинулись къ демонстрантамъ. Порядокъ былъ полный и „сначала — сообщаетъ очевидецъ — дѣло шло почти по европейски".

Но „европейскій стиль смѣнился русскимъ удивительно быстро". Очень скоро послѣ того, какъ выкинутъ былъ флагъ, проѣхалъ въ коляскѣ Клейгельсъ. Онъ съ улыбкой оглядѣлъ публику, пересѣлъ на лошадь и — далъ знакъ. Открыли ворота сосѣднихъ домовъ — и массы полиціи и войска окружили соборъ. На площадь выѣхала кавалькада казаковъ на крупныхъ горячихъ лошадяхъ и прямо поѣхала на середину. „Толпа хлынула въ разныя стороны, — пишетъ одинъ корреспондентъ — частью къ Невскому. Казаки повернулись фронтомъ къ собору. Толпа сжалась къ собору. И пока толпа тѣснилась, казаки плотной линіей двинулись впередъ. Не было никакихъ намековъ на переговоры съ толпой, ни увѣщенія; никто не слышалъ даже простого предупрежденія объ аттакѣ или предложенія разойтись. Да и уйти было некуда — сзади былъ соборъ — и некогда: все дѣло произошло такъ быстро, что не было времени одуматься. Казаки ѣхали съ нагайками въ рукахъ; когда толпѣ нельзя было отступать и сжиматься, они подъѣхали вплотную и разомъ начали хлестать всѣхъ, кто былъ передъ ними. Крупные рыжіе кони прямо грудью давятъ людей, горячатся, встаютъ на дыбы, а здоровенные казаки съ тупыми, звѣрскими лицами, перегнувшись впередъ, размахиваютъ нагайками, и слышно только какое-то щелканье". „Эсаулъ скомандовалъ ,въ нагайки!' — пишетъ другой — и самъ первый ринулся, показывая примѣръ своимъ подчиненнымъ; со всего размаха онъ ударилъ перваго попавшагося студента, который покачнулся и упалъ. За эсауломъ двинулся вахмистръ, нанося удары и правой рукой и лѣвой, хватая за шиворотъ студентовъ и бросая ихъ подъ ноги. Сотня послѣдовала за ними. Сначала все стихло, всѣ какъ будто бы не вѣрили, что бьютъ нагайками совершенно беззащитныхъ людей. Страшный голосъ нарушилъ тишину: какая-то женщина упала въ истерикѣ. Отрѣзанная и отгороженная частью казаковъ публика рыдала, кричала, но помочь не могла. Свистали нагайки, стучали дубины городовыхъ по головамъ несопротивлявшихся, оцѣпившихъ студентовъ. „Да не можетъ быть! крикнулъ находившійся въ толпѣ полковникъ, что это бьютъ нагайками; это стукъ копытъ по мостовой". Молча раздвинулась публика, и полковникъ очутился лицомъ къ лицу съ расправой. Въ ужасѣ полковникъ схватился за голову и, какъ безумный, побѣжалъ по улицѣ. Между тѣмъ студенты, окруженные со всѣхъ сторонъ, противъ входа въ колонны стали отступать къ Казанскому собору, гдѣ въ это время какъ разъ совершалось богослуженіе и священникъ выносилъ св. дары. И вотъ, у выхода изъ церкви, между колоннами, гдѣ написано: „Грядый во имя Господне!" совершался послѣдній актъ гнуснѣйшаго насилія. Свистѣли нагайки, подъ ударами которыхъ студенты падали рядъ за рядомъ. Слышался свистъ и трескъ обрушившихся на головы дубинъ. Казакамъ отданъ былъ приказъ отступить, и за дѣло принялись спѣшившіеся. Не знаю, что было лучше: казаки хоть въ кровь разбивали, а городовые на смерть били; били прямо по лицу и головамъ. Одному упавшему съ разбитой головой студенту, видно, наступили на шею, онъ страшно бился и хрипѣлъ, очевидно, въ предсмертной агоніи. Толпой овладѣла паника, и она бросилась въ храмъ. Озвѣрѣли и студенты, выломали перила. „Коли бить, такъ на смерть". Самозащита удесятерила ихъ силы, и городовые принуждены были отступить. Страшно становилось за человѣка, когда онъ доведенъ до безумія невозможностью что-либо противопоставить ударамъ дубины, кромѣ рукъ. Одинъ изъ наиболѣе свирѣпыхъ городовыхъ съ налитыми кровью глазами, съ громадной дубиной, оступился о лежащаго студента. Къ городовому подлетѣлъ студентъ-медикъ, мелькнулъ въ воздухѣ обломокъ оглобли, и рухнулъ городовой. А въ соборѣ между тѣмъ городовые били смертнымъ боемъ несчастныхъ курсистокъ, думавшихъ найти защиту у священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы останавливать съ крестомъ въ рукахъ эту бойню, заперлись въ алтарѣ. Городовые хватали курсистокъ за волосы и били ихъ объ стѣны головами. Туда ворвались студенты и высвобождали несчастныхъ избиваемыхъ. Одинъ технологъ, отрѣзанный отъ этой кучки казаками, пытался прорваться сквозь цѣпь; наконецъ, видя, какъ подъ опустившейся дубиной упалъ его братъ и брызнула не то кровь, не то мозгъ, сошелъ тутъ же съ ума".

Понятно само собой, что каждый очевидецъ могъ разсказывать только о небольшой части сцены, видѣнной имъ непосредственно. Мы считаемъ необходимымъ, поэтому, привести еще нѣсколько разсказовъ.

...„Въ толпу врѣзались городовые, которые дрались шашками, не вынутыми изъ ноженъ. Этими шашками они, однако, такъ били, что въ концѣ половина дралась только кусками. Многіе студенты повырывали нагайки, отломали куски шашекъ и защищались ими. Это была подготовленная, организованная бойня; о ней долго будутъ помнить. Въ самый разгаръ бойни меня столкнули съ паперти внизъ, и я упалъ на какого-то человѣка, который, очевидно, тоже упалъ сверху. Въ это время внизъ съ паперти сносили убитаго студента. Когда я подбѣжалъ къ нему, онъ еще хрипѣлъ. Мы съ однимъ студентомъ разорвали на немъ рубашку, стали натирать ему грудь снѣгомъ, голову также терли, но онъ у насъ на рукахъ весь задрожалъ и вытянулся; черезъ нѣсколько минутъ лицо совершенно потемнѣло; весь онъ какъ-то закостенѣлъ. Послѣ этого мы всѣ, спихнутые внизъ, могли опять подняться наверхъ. Въ это время конница наѣхала и съ задней стороны собора. Массѣ, сбитой съ паперти, избитой нагайками и шашками, некуда было дѣваться; ее стала топтать конница. Я самъ видѣлъ, какъ конница наѣхала на медика, который передъ этимъ былъ сваленъ городовымъ, который его, уже лежачаго, билъ шашкой; на моихъ же глазахъ наѣхали на какую-то очень прилично одѣтую барышню, на какого-то не то кучера, не то крестьянина. Въ это время я самъ получилъ ударъ и упалъ безъ чувствъ. Очнулся въ скверѣ, на снѣгу, среди хлопотавшей около меня публики. Этимъ я избѣжалъ ареста. — Рабочіе на площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лѣстницу собора, и этими кусками дерева дрались изъ послѣднихъ силъ. Рабочихъ на площади было, однако, сравнительно мало, такъ какъ съ ночи рабочіе районы были оцѣплены войсками, и рабочіе не могли въ большомъ количествѣ попасть на площадь; попала на площадь лишь небольшая часть, живущая въ городѣ".

„Крикъ стоялъ такой, — пишетъ одинъ очевидецъ — что за нѣсколько кварталовъ слышно было. Какая-то курсистка крикнула что-то налѣзавшему на нее казаку; тотъ поднялъ ее за волосы и поволокъ; потомъ ее замяли лошадьми. Кто она? Можетъ быть, та самая, что хотѣла захворать тифомъ. Часть народа бросилась было сперва въ соборъ, думая дать многимъ пріютъ и не дать казакамъ возможность оцѣпить остальныхъ: но въ соборѣ могли помѣститься немногіе, и публика сама стала выходить оттуда, когда показались раненые, которыхъ вносили въ соборъ товарищи же. Это еще больше подлило масла въ огонь. Между тѣмъ въ другія двери стали входить полицейскіе и выдавливать публику изъ собора съ такой силой, что сходить съ паперти уже нельзя было: кто прямо валился, а кто успѣвалъ еще соскочить съ паперти (вы знаете, вѣдь она выше роста человѣческаго) и либо падалъ и на него валились другіе, либо его счастливо подхватывали свои же, либо онъ попадалъ въ руки полицейскихъ, которые его избивали. Убитыхъ четверо навѣрно; троихъ изъ нихъ подмяли лошадьми и ужъ лежачихъ добивали. Били кого попало и куда попало; хватали за волосы, волокли; женщины тамъ были безъ шляпъ, растерзанныя. Полиція сама хватала студентовъ и сбрасывала съ паперти на встрѣчу стоявшимъ внизу полицейскимъ, которые ихъ били".

„Казаки били нагайками всѣхъ, кого могли достать, — сообщаетъ одна курсистка — первой упала какая-то старушка, вышедшая изъ церкви; въ толпѣ были дѣти... Вотъ нѣсколько студентовъ снесли съ паперти лѣсника, которому шашкой попало по шеѣ. На мой взглядъ онъ былъ мертвъ. Страшный вопль раздался вокругъ... Въ полицію полетѣлъ градъ каменьевъ, комковъ снѣга; ихъ бросали студенты, мастеровые и мальчишки. Шашка съ одной стороны, — почти безоружная толпа, съ другой... Вотъ вывели одного медика съ разбитой головой; посадили на извощика и увезли нашу курсистку, — все лицо въ крови, смотрѣть страшно. Горняку одному здѣсь же перевязали голову: вся въ крови. Знакомый универсантъ подошелъ: черезъ все лицо багровыя полосы отъ нагайки. У другого горняка черезъ носъ и обѣ щеки шрамъ. Перечисляю всѣхъ, кого видѣла собственными глазами".

„Два господина подвели курсистку, которая была почти въ обморокѣ, къ священнику собора (я его знаю) съ просьбой отвести дѣвушку въ безопасное мѣсто, гдѣ бы ей дали пить. Служитель Бога отвѣчалъ съ свирѣпымъ видомъ: „я не помогаю бунтовщикамъ!" — я это самъ слыхалъ. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ мерзавецъ, смѣясь, разговаривалъ съ нѣсколькими пьяными жандармскими офицерами посрединѣ площади, очищенной отъ публики кавалеріей".

Другая корреспондентка, пришедшая на площадь Казанскаго собора около 12 часовъ, пишетъ, между прочимъ: „Справа отъ себя я услышала особый звукъ хлестанья и щелканья и увидѣла казаковъ въ красныхъ шапкахъ, которые шли рядомъ (читатель припомнитъ, что пріѣхавшіе на лошадяхъ казаки потомъ спѣшились) и били нагайками вправо и влѣво. Ударъ пришелся по платью курсистки, которая стояла за два человѣка отъ меня, и слѣдующій ударъ долженъ былъ пріійтись на меня, такъ какъ казаки надвигались на меня. Противно и унизительно было ожидать этого удара сдавленному въ толпѣ человѣку, бороться тутъ было невозможно. Но въ это время толпа наперла и подняла меня на паперть. Тутъ не было еще красныхъ шапокъ, онѣ были ниже. Но толпою меня оттѣснили вправо, т. е. къ лѣвой сторонѣ, къ лѣвой колоннадѣ, и тутъ я увидѣла безобразную сцену на паперти. Казакъ хлестнулъ какого-то студента безъ шапки, хлестнулъ разъ-другой по головѣ, студентъ упалъ; тогда трое казаковъ наклонились надъ нимъ и били его нагайками. Затѣмъ вдругъ все стихло, и пронесся шопотъ: убитъ. Видно было, какъ несли что-то, виденъ былъ верхъ кареты внизу у лѣвой колонны. Говорятъ, его положили въ карету и увезли, но я уже не видала его. Толпа напоромъ снова придавила меня къ правой колоннадѣ, къ двери собора. Все время былъ визгъ, крикъ: „бьютъ!", хлестъ нагаекъ. Тутъ раздался крикъ: „въ соборъ!", но пошли-ли въ соборъ, я не видѣла. Видѣла только, что двѣ-три красныя шапки вошли въ дверь собора, и слышала крикъ. Я думала, что бьютъ въ соборѣ. Но, говорятъ, тамъ не били, и теперь я думаю, что казаки занесли туда раненаго. Меня выперли на правую колоннаду, по которой я побѣжала къ Невскому, чтобы посмотрѣть, свободенъ-ли выходъ. Увидѣвъ, что да, я бросилась назадъ и стала звать всѣхъ за собой, чтобы соединиться съ товарищами на Невскомъ... Толпа человѣкъ въ 25 пошла за мной, но мы встрѣтили двухъ страстно возбужденныхъ медиковъ, которые крикнули: „къ товарищамъ, „которыхъ бьютъ!", и мы снова всѣ бросились назадъ. Тамъ уже позади колоннады продолжали бить нагайками. На самой колоннадѣ я видѣла четырехъ городовыхъ, которые гонялись за медикомъ и, поймавъ его, сбросили съ колоннады внизъ на камни, но онъ вскочилъ и убѣжалъ. Тогда эти же городовые съ звѣрскими лицами стали давить технолога, котораго тоже скинули внизъ. Что съ нимъ было, не видѣла... Въ другихъ мѣстахъ шла борьба и съ городовыми, которые шашками въ ножнахъ били. Многіе видѣли совершенно избитыхъ людей, лежавшихъ безъ движенія. Городовые нападали по нѣскольку человѣкъ на одного, сбрасывали и били".

Не подлежитъ, такимъ образомъ, никакому сомнѣнію, что это была организованная, подготовленная бойня. Власти предусмотрительно приготовили даже заранѣе 50 каретъ Краснаго Креста для раненыхъ. Эти кареты пріѣхали вмѣстѣ съ казаками. „Были такія сцены: — сообщаетъ „Злободневный Листокъ", ном. 3, отъ 5-го марта — нѣсколько городовыхъ держатъ студента, а казакъ хлещетъ его нагайкой"*). Хоть и мало, а досталось все же и полиціи: казацкій офицеръ получилъ ударъ по головѣ и сейчасъ же свалился. Жандармскій офицеръ былъ тяжело раненъ и упалъ съ лошади. Нѣсколько городовыхъ и казаковъ были ранены.

Несомнѣнно, демонстрація представила бы изъ себя не простое избіеніе народа, а сраженіе съ народомъ, еслибы соціалистическія и соціалдемократическія группы и кружки обратились съ спеціальной прокламаціей къ рабочимъ, организовали разсылку делегатовъ къ нимъ и сообщеніе вѣстей съ поля сраженія, организовали мѣстыя демонстраціи по окраинамъ, частью для отвлеченія полиціи, частью для того, чтобы не оставлять въ бездѣйствіи тѣхъ, кто никакъ не могъ попасть на Казанскую площадь. Къ несчастію, петербургскіе соціалдемократы оказались, какъ уже замѣтили, не на высотѣ задачи (отчасти вслѣдствіе распространенія среди нихъ экономизма и бернштейніанства, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе массовыхъ проваловъ незадолго до событія). Но рабочіе всетаки были на демонстраціи и, кромѣ того, рабочіе — что особенно важно — шли на демонстрацію, но были задержаны войсками. Ни съ Нарвской заставы, ни съ Шлиссельбургскаго тракта рабочихъ не пустила полиція: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацію рабочую массу, при чемъ произошла схватка, въ которой многіе были ранены. Другой корресподентъ тоже сообщаетъ, что былъ рядъ стычекъ съ казаками. „Рабочіе — пишетъ одинъ корреспондентъ — опоздали на демонстрацію вслѣдствіе пріостановки конки (конечно, умышленной). Они пришли пѣшкомъ на Петербургскую сторону только къ 6 час. вечера". „У Нарвской заставы — пишетъ другой — стояли четыре роты солдатъ и не пускали рабочихъ".

Сочувствіе публики къ студентамъ обнаруживалось не разъ и самыми различными способами. Варварское избіеніе возмущало всѣхъ. „Какой-то молодой офицеръ (кажется, гвардеецъ) — сообщаетъ очевидецъ — весь блѣдный выскочилъ впередъ и крикнулъ: „стой!" казакамъ. Казачій офицеръ подъѣхалъ къ нему недовольный, они оба заспорили — не знаю о чемъ. Офицеръ-гвардеецъ буквально скрежеталъ зубами и крикнулъ: „Ну, это мы еще посмотримъ!"; казакъ всетаки отъѣхалъ (неясно, отъѣхалъ-ли казакъ назадъ или отъѣхалъ, чтобы продолжать избіеніе). Изъ публики слышались крики: „Долой нагайки, что вы дѣлаете, негодяи?"

Что дѣйствія полиціи возмущали даже весьма высокопоставленныхъ лицъ и вызывали ихъ вмѣшательство, это доказываетъ сообщеніе нашихъ газетъ, что „Государь Императоръ объявляетъ строгій выговоръ члену государственнаго совѣта, генералъ-лейтенанту князю Вяземскому, за вмѣшательство въ дѣйствія полиціи при прекращеніи уличныхъ безпорядковъ". Нельзя не поблагодарить правительство за опубликованіе этого выговора, показывающаго всѣмъ и каждому солидарность царя съ градоначальникомъ, казаками и городовыми.

Демонстрація кончилась тѣмъ, что полицейскіе, избивъ массу народа, стали окружать и арестовывать отдѣльныя группы: оцѣпляли, записывали и загоняли во дворъ учетнаго банка, въ Казанскую часть, во дворъ Гостиннаго Двора. Зацѣпили, говорятъ, кучку военныхъ, человѣкъ шесть и повели тоже. Одно уже шествіе оцѣпленныхъ группъ (иногда тысячи въ двѣ) выходило порядочной демонстраціей.

Какъ долго продолжалось побоище, — трудно опредѣлить. Но волненіе на Невскомъ продолжалось до вечера. „Вокругъ собора стояли конные отряды, вдоль троттуаровъ — цѣпь полиціи и казаковъ. Иногда собиралась кучка студентовъ, вступала въ перебранку или кричала: „Долой нагайки!" Казаки и полиція дѣлали аттаку, оцѣпляли кучку и уводили. По временамъ отряды выѣзжали на троттуаръ и медленно проѣзжали вдоль, сметая публику, и затѣмъ какимъ то маневромъ оттѣсняя ее въ одну изъ поперечныхъ улицъ; но какъ только отрядъ повертывался назадъ, толпа снова заливала троттуаръ. Улицы, ведущія къ собору, и ближайшія поперечныя улицы съ другой стороны Невскаго были заняты отрядами. То и дѣло патрули проѣзжали по улицамъ". „Казаки — сообщаетъ другой очевидецъ — разъѣзжали по Невскому до 11-го часа вечера, и еще публика была тамъ".

Правительство могло торжествовать побѣду. Что оно не было увѣрено въ ней, видно изъ того, что царь обратился въ бѣгство и ускакалъ со всей своей семьей въ Царское Село. Уѣзжая, онъ сказалъ, говорятъ, чтобы бунтъ былъ во что бы то ни стало, какими угодно средствами усмиренъ и что больше ему ни до чего нѣтъ дѣла. Какъ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ,

---

*) Нельзя умолчать, что въ этомъ живомъ и интересномъ листкѣ есть звучащая либеральной фальшью фраза: „Полиція не можетъ допускать уличныхъ демонстрацій — это понятно. Развѣ нельзя было оцѣпить всѣхъ собравшихся и переписать ихъ или арестовать?"... Что „нельзя допускать" выхода гражданъ „скопомъ" на улицу, процессій и рѣчей къ публикѣ, это „понятно" только съ точки зрѣнія людей, привыкшихъ къ политическому безправію и рабству. И если полиція дошла (не въ первый и не въ послѣдній разъ) до избіенія и убійства гражданъ, протестовавшихъ противъ этого рабства, то надо призывать не полицію къ тому, чтобы она мирно оцѣпляла, записывала и арестовывала, а — народъ къ тому, чтобы онъ поднялся весь на борьбу съ полиціей, чтобы на гнусную расправу съ беззащитной молодежью и женщинами онъ отвѣтилъ расправой съ царскимъ правительствомъ.

Клейгельсъ поступалъ по этому именно рецепту, да и выговоръ Вяземскому показываетъ, что отношеніе царя было именно таково. Клейгельсъ прехладнокровно распоряжался побоищемъ и въ заключеніе — по свидѣтельству „Злободневнаго Листка“ (ном. 3) громко произнесъ: „достойно же мы ихъ встрѣтили!“ Одинъ старый писатель, удерживая полицію отъ звѣрства, былъ сшибленъ съ ногъ, и его ударили по лицу. Когда онъ, увидѣвъ Клейгельса, спросилъ его, зачѣмъ допускаютъ подобныя вещи, тотъ отвѣтилъ: „А зачѣмъ вы сюда попали?“ Вечеромъ Клейгельсъ телеграфировалъ въ Царское Село: „Бунтъ въ С.-Петербургѣ усмиренъ“.

Извѣстно изреченіе, что бунтъ есть неудавшаяся революція, а революція — удавшійся бунтъ. Демонстрація 4-го марта не была, конечно, ни бунтомъ, ни революціоннымъ возстаніемъ, но правительство — надо отдать ему справедливость — сдѣлало съ своей стороны все возможное, чтобы расширить и углубить ея значеніе, удесятерить „подавленіемъ бунта“ всеобщее недовольство и тѣмъ приблизить въ громадной степени моментъ, когда подобныя демонстраціи станутъ дѣйствительно опаснымъ и вовсе не осужденнымъ на неудачу „бунтомъ“.

Можно-ли подвести итогъ жертвамъ 4-го марта? Въ данный моментъ мы въ состояніи сообщить лишь очень неопредѣленныя данныя. Число убитыхъ опредѣляютъ въ 6-8 чел. Называютъ студентовъ-медиковъ Анненскаго и Тимофеевскаго, говорятъ, что не найденъ студентъ Могилянскій, убитъ лѣсникъ Дон(ц)овъ, студентъ Петерсъ, студентка Забіякина (кажется), лесгафтистка Бѣляева*). О томъ, чтобы пересчитать раненыхъ, не можетъ быть и рѣчи: извѣстно, что изъ писателей ранены Струве, Пѣшехоновъ (сброшенъ съ лѣстницы), Анненскій. Къ убитымъ и раненымъ прибавились арестованные, число которыхъ опредѣляется (по нѣкоторымъ сообщеніямъ) до 1050 чел.: 252 въ Литовскомъ замкѣ, 339 курсистокъ въ Спасской части, затѣмъ въ Василе-Островской, въ Коломенской, Казанской, въ Пересыльной тюрьмѣ, и въ Крестѣ на Выборгской сторонѣ. Взяты, между прочимъ, писатели Струве и Туганъ-Барановскій.

Таковы приблизительныя данныя о павшихъ въ бою. Настроеніе Петербурга — напряженное, „электрическое“. Ожидаютъ новыхъ демонстрацій. „Не пьемъ, не ѣдимъ какъ слѣдуетъ“ — говорилъ 7-го марта одинъ очевидецъ побоища. Правительственное сообщеніе (опубликованное 6-го марта въ газетахъ) поразило своей ложью даже людей высшаго общества, и тамъ готовится(?) заявленіе о возмутительныхъ дѣйствіяхъ полиціи 4-го марта и о лжи правительственнаго сообщенія. Что общество не высшее возмущено до глубины души, это доказываетъ письмо 45 литераторовъ (къ которымъ потомъ присоединилось еще 34 писателя, подписавшихъ, какъ и предъидущіе, свои фамиліи) къ редакторамъ русскихъ газетъ и опубликованное въ заграничныхъ газетахъ. Русскія газеты не рѣшились, конечно, напечатать этого письма, и оно распространялось по рукамъ. Въ немъ выразилось негодованіе по поводу этого звѣрскаго, заранѣе подготовленнаго избіенія, по поводу вынужденнаго молчанія печати, по поводу отчаяннаго положенія страны, отданной въ полное распоряженіе кулакамъ и нагайкамъ. Что касается до петербургскаго общества вообще, то оно поголовно было освѣдомлено о событіи 4-го марта и сочувствовало демонстрантамъ. „Чтобы обѣлить себя — сообщаетъ одинъ корреспондентъ — полиція, черезъ участки, по всей вѣроятности, распустила слухъ, будто избіеніе вызвано тѣмъ, что студенты позволили себѣ курить внутри собора, стоять въ немъ въ шапкахъ и вообще надругались надъ святыней. Этотъ маневръ возвратилъ ей сочувствіе кухарокъ — и только. Остальная публика частью не повѣрила полиціи, частью распросами на мѣстѣ убѣдилась въ противномъ и, къ чести ея, если не выразила прямого сочувствія студентамъ, то порицала полицію. На частныхъ квартирахъ состоялись засѣданія, на которыхъ были выработаны петиціи министру внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ подписаны и поданы“. Замѣтимъ, что и реакціонная печать подхватила эту полицейскую ложь о безчинствѣ студентовъ въ церкви. Кто именно безчинствовалъ въ соборѣ — ясно изъ приведенныхъ выше описаній.

На студенчество впечатлѣніе этой демонстраціи было огромное. До нея многіе студенты института путей сообщенія, гражданскихъ инженеровъ, лѣсного, в.-медицинской академіи относились скептически къ студенческимъ безпорядкамъ, а теперь было единодушно рѣшено во всѣхъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прекратить посѣщеніе лекцій. И не только студенты, но даже всѣ профессора отказываются теперь читать лекціи. По двумъ сообщеніямъ, происходятъ уличныя демонстраціи около тюремъ, и полиція не въ силахъ справиться съ демонстрантами.

Царское правительство, видимо, испытываетъ нѣкоторое колебаніе. Преемника Боголѣпову не назначаютъ, и въ обществѣ упорно говорятъ, что экстренный совѣтъ министровъ, собравшійся 4-го марта въ Царскомъ Селѣ. постановилъ не примѣнять дальше „Временныхъ правилъ“. Съ другой стороны, правительство выпускаетъ лживое и невѣроятно наглое сообщеніе о „безпорядкахъ“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, — приводя въ восторгъ реакціонную печать прямотой и твердостью тона, — царь объявляетъ выговоръ Вяземскому, министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовываетъ циркуляръ (отъ 12-го марта) съ критикой дѣйствій полиціи при уличныхъ безпорядкахъ и съ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ расправляться. Министръ требуетъ большей „быстроты и рѣшительности“, министръ недоволенъ „медлительностью властей“, министръ вынужденъ признать (бѣдняжка!), что „безпорядки“ представляли изъ себя „подготовлявшіяся заранѣе демонстраціи“, противъ которыхъ недостаточны „слабыя увѣщанія“. Противъ „скопищъ, не желающихъ разойтись“, пытающихся оказывать сопротивленіе, противъ лицъ, которые начнутъ „произносить рѣчи“, — необходимо „безотлагательное примѣненіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ“, отличающихся „въ высшей степени энергическимъ характеромъ“. Особенно доволенъ г. министръ казаками: „своевременный вызовъ каваллеріи“ — вѣщаетъ онъ въ назиданіе всѣмъ чинамъ полиціи и въ поученіе всѣмъ россійскимъ вѣрноподданнымъ — „не исключительно въ цѣляхъ употребленія оружія“ (читай: въ цѣляхъ употребленія нагаекъ; слогъ г. министра такъ же тяжелъ, какъ удары казацкихъ нагаекъ) „представляется иногда весьма соотвѣтственнымъ и желательнымъ“.

Мы усердно совѣтуемъ всѣмъ читать и перечитывать этотъ интереснѣйшій циркуляръ. Это — настоящій планъ кампаніи, планъ военныхъ дѣйствій правительства противъ народа, начавшаго выносить на улицу свой протестъ и свое возмущеніе.

Давайте же и мы, соціалисты, вырабатывать и осуществлять свой планъ кампаніи, планъ военныхъ дѣйствій народа противъ правительства. Пусть будетъ этотъ планъ разсчитанъ не на единичный и случайный ударъ, а на систематическую, упорную борьбу.

Петербургскіе рабочіе, помните о майской демонстраціи! Помните о людяхъ, убитыхъ, раненыхъ и арестованныхъ 4-го марта: эти люди возстали противъ вашего злѣйшаго врага, противъ полицейскаго самовластія, которое держитъ русскихъ рабочихъ и весь русскій народъ въ угнетенномъ, униженномъ, безправномъ состояніи. Петербургскіе рабочіе, помните о майской демонстраціи, постарайтесь дать надлежащій отвѣтъ правительству звѣрства и насилія!

* * *

P. S. Эти строки были уже написаны, когда мы получили свѣдѣнія о событіяхъ послѣ 4-го марта. Свѣдѣнія эти вполнѣ подтверждаютъ данную выше оцѣнку дѣятельности мѣстныхъ соціалдемократовъ, не выпустившихъ ни одного листка къ рабочимъ. Послѣ 4-го марта только соединенныя группы „Соціалистъ“ и „Рабочее Знамя“ выпустили воззванія къ спб. рабочимъ, приглашая на демонстрацію 11-го марта. Собраніе студенческихъ делегатовъ высказалось противъ демонстраціи: тутъ сказалось, съ одной стороны, то, что лучшія силы радикальной молодежи были разбиты 4-го марта, съ другой — вліяніе слуховъ, что „Временныя правила“ примѣняться не будутъ. „Союзъ Борьбы“ былъ тоже противъ демонстраціи, и она была отмѣнена. Такимъ образомъ, либерально-умѣренная часть интеллигентной молодежи и „экономически“ настроенная часть соціалдемократовъ оказались, какъ и слѣдовало ожидать и какъ давно предсказывали противники „экономистовъ“ и „критиковъ“, — на одной сторонѣ и пересилили понесшихъ громадный уронъ соціалдемократовъ-революціонеровъ. Но рабочіе — это особенно отрадно отмѣтить — не послушались все же рѣчей успокоенія. Настроенные революціонно, они массами шли въ городъ въ воскресенье 11-го марта, заполняли улицы и съ минуты на минуту ждали призыва къ борьбѣ. А борьба грозила не шуточная, потому что всѣ силы петербургской полиціи и мѣстныхъ частей войска были мобилизованы и готовилась, по всѣмъ слухамъ, стрѣльба въ народъ. Долго ждали рабочіе и, наконецъ, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентовъ и умѣренныхъ соціалдемократовъ за ихъ робость и бездѣятельность. Рабочіе заявили о своей готовности къ борьбѣ, и пусть послужитъ одиннадцатое марта еще новымъ урокомъ и предостереженіемъ для петербургскихъ соціалдемократовъ.

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, сообщеніе о томъ, что были убитые, опровергается.

Москва.

Въ Москвѣ въ теченіе всего января въ университетѣ происходило броженіе подъ вліяніемъ извѣстій о Пет. и Кіевскихъ событіяхъ. Большинство несомнѣнно было запугано угрозой отдачи въ солдаты и его было трудно расшевелить. 19 января появилась гектографированная прокламація „Что дѣлать“ за подписью „Московскіе товарищи“, призывавшая студентовъ не слѣдовать примѣру трусливаго общества. Прокламація приглашала къ забастовкѣ съ предъявленіемъ требованій „возврата всѣхъ товарищей“ и отмѣны „временныхъ правилъ“. 29 января состоялась сходка 317 студентовъ въ Актовомъ залѣ. Приглашенный ректоръ отказался явиться „по болѣзни“. Сходка рѣшила послать депутацію къ ректору съ требованіемъ освобожденія отданныхъ въ солдаты кіевлянъ и отмѣны „временныхъ правилъ“, присоединивъ сюда обычныя студенческія требованія: возвращенія устава 63 года и права сходокъ. Участники сходки были переписаны, а ректоръ отказался говорить съ депутаціей. На 3 февраля была назначена вторая сходка. Явившись въ университетъ, студенты нашли всѣ двери запертыми. Толпа студентовъ пошла по Никитской улицѣ съ пѣніемъ студенческихъ пѣсенъ. Къ толпѣ присоединились любопытные, а полиція отнеслась къ демонстрантамъ совершенно равнодушно, не вмѣшиваясь въ ихъ шествіе. При неорганизованности и случайности демонстраціи, такое отношеніе полиціи поставило студентовъ въ недоумѣніе; они не знали, что дѣлать и мало по малу разошлись. Всѣ переписанные на сходкѣ 29 января студенты были преданы суду университетскаго начальства.

Постановленная сходкой 29 января забастовка не была примѣнена. Масса студенчества не пристала къ движенію. 2 февраля появилась прокламація „Исполнительнаго Комитета объединенныхъ землячествъ и организацій въ измѣненномъ составѣ“, которая засвидѣтельствовала „неуспѣхъ забастовки“, вслѣдствіе присутствія въ университетѣ узко-консервативнаго элемента“. Принявъ мѣры къ созыву новой сходки, „Исполнительный Комитетъ“ объявилъ 19 Февряля, что по произведенному подсчету число желающихъ назначенія сходки достигло 917, и назначилъ собраніе на пятницу 23 февраля въ 12 часовъ дня во дворѣ передъ актовымъ заломъ университета.

Сходка 23 января явилась поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ московскихъ событій. Съ одной стороны, полученныя изъ Петербурга и Харькова извѣстія о демонстраціяхъ 19 февраля и о жестокостяхъ, произведенныхъ полиціей и казаками, вызвали болѣе сильное возбужденіе въ болѣе широкихъ кругахъ студенчества; съ другой стороны, вѣрный союзникъ русской революціи — правительственная администрація — постаралась вынести студенческое движеніе на улицу и тѣмъ придать ему значеніе политическаго событія первостепенной важности.

О событіяхъ 23 февраля намъ пишутъ:

„23 февраля съ 12 часовъ дня на Моховой стала собираться толпа народа и часамъ къ двумъ народу набралось такъ много, что улица была заперта. Городовыхъ и жандармовъ масса. Еще больше публики. Студенты Петровской академіи, межевого института и масса курсистокъ. Техниковъ почти нѣтъ. Часть студентовъ находится во дворѣ, но большинство ихъ видно на улицѣ. Никакого крику и скандаловъ нѣтъ. Полиція замѣчательно вѣжлива. Со всѣхъ сторонъ летятъ прокламаціи. Педеля изъ-за угла записываютъ тѣхъ, кто кажется имъ подозрительнымъ. Помощниковъ инспектора не видно. Простоявъ нѣкоторое время на улицѣ и во дворѣ, студенты и курсистки рѣшили войти въ залъ. Число сходчиковъ было, какъ говорятъ, до 600; изъ нихъ до 103 курсистокъ. Когда сходка состоялась, жандармы окружили университетъ и оттѣснили толпу. Часть студентовъ отказалась разойтись и была отправлена въ манежъ. Кромѣ того кучки студентовъ то и дѣло забирали въ манежъ, но на нихъ смотрѣли сквозь пальцы и большинству удавалось удрать. Вообще отношенія между студентами и полиціей довольно мирныя. Студенты смѣются и объявлютъ приставамъ, что они (т. е. пристава) дѣйствуютъ скопомъ, городовые просятъ студентовъ собрать имъ „на чай“, такъ какъ они несутъ лишнюю обязанность Мальчишки изъ Охотнаго, видя оживленіе, догадываются, что вѣроятно пріѣхалъ царь. Полиція проситъ постороннихъ разойтись. Какой-то рыжій съ длинными волосами субъектъ пользуется особой привилегіей у околоточныхъ; нѣкоторые догадываются, что это шпіонъ и просятъ удалить его, что поневолѣ и приходится сдѣлать. Настроеніе приподнимается все выше и выше. Наконецъ, сходка заканчивается и появляется полотенце съ огромной надписью, навѣрное не знаю какой, или „обструкція“ или „отмѣна временныхъ правилъ“. Впрочемъ эта надпись скоро была убрана самими студентами. Рѣшено послать депутатовъ къ ректору и попечителю, но такъ какъ они ихъ навѣрное не примутъ, то предпринять цѣлый рядъ уличныхъ демонстрацій. Требованія: возвратить кіевскихъ солдатъ, отмѣнить „временныя правила“ и требовать устава 63 года. Послѣ этого полиція окружила всѣхъ сходчиковъ и забрала въ манежъ. Теперь самое эффектное: по пути въ манежъ толпа студентовъ прорываетъ цѣпь городовыхъ и вырываетъ человѣкъ 50 сходчиковъ. Когда „бунтовщики“ были заперты въ манежъ, туда же былъ загнанъ цѣлый полкъ солдатъ и конныхъ жандармовъ. Публика и не думала расходиться, а стояла до поздней ночи.“

Въ манежѣ арестованные отказались назвать полиціи свои фамиліи. Были приглашены педеля установить личность задержанныхъ. Вскорѣ послѣ того полиція предложила заключеннымъ раздѣлиться на группы по 50 человѣкъ и отправиться подъ конвоемъ: мужчинамъ въ пересыльную тюрьму, а женщинамъ — по домамъ. Свистки, смѣхъ и крики были отвѣтомъ на это предложеніе. Оберъ-полицмейстеръ Треповъ пригрозилъ не давать заключеннымъ пищи, пока не согласятся идти въ тюрьму. На заключенныхъ эта угроза не подѣйствовала и они заставили дать себѣ 200 хлѣбовъ и поставить самоваръ. Пищи этой оказалось недостаточно. Вообще содержались заключенные въ манежѣ отвратительно. Вотъ что пишетъ одинъ изъ заключенныхъ:

„Не дали даже соломы для спанья и спать пришлось на мерзлой голой землѣ. Воздухъ въ манежѣ отъ присутствія нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и 300 лошадей (насъ охраняло 1500 человѣкъ войска и 300 казаковъ) сталъ такой спертый, что со многими начали дѣлаться судорожные припадки. Все это мы сообщили окружавшей манежъ громадной толпѣ народа и тѣмъ сдѣлали изъ любопытныхъ — манифестантовъ.“

И дѣйствительно, народная толпа приняла живѣйшее участіе въ студентахъ. „Когда студентовъ вывели изъ университета, чтобы вести въ манежъ, громкое „ура“ огласило всю площадь. Кричали не только студенты, но и посторонніе (рабочіе, дѣвушки и т. д.). Тысячная толпа не расходилась до самаго вечера.“.

Пока въ манежѣ полиція вела пререканія съ заключенными, вокругъ манежа „собиралась все большая и большая толпа. Полиція и конные жандармы ничего не могли съ ней сдѣлать. Только прибывшій полкъ солдатъ помогъ разогнать толпу и многихъ разсадить по участкамъ“.

Подъ вліяніемъ разсказовъ сидящихъ въ манежѣ о томъ, что тамъ дѣлается, толпа стала приходить въ возбужденіе, начались отдѣльныя стычки съ полиціей и вслѣдъ за тѣмъ стали появляться кареты скорой медицинской помощи. Въ толпѣ слышались требованія выпустить заключенныхъ и „солдаты должны были взять ружья на перевѣсъ, чтобы удержать бушующую массу.“

Въ ночь на 24 февраля полиція произвела массу обысковъ.

24 февраля студенты опять собрались на сходку къ университету; но ихъ не пустили. Къ 12 часамъ на площади собралась толпа въ двѣ тысячи человѣкъ. „Въ часъ дня толпа, состоявшая уже не изъ однихъ студентовъ, перешла къ манежу, гдѣ сидѣли заключенные наканунѣ. Толпа стала требовать, чтобы ее пустили въ манежъ. Изъ манежа выскочилъ отрядъ солдатъ и началъ бить прикладами. Съ другой стороны прискакавшій отрядъ казаковъ съ полковникомъ во главѣ сталъ давить толпу лошадьми. Въ отвѣтъ раздались крики негодованія. Мастеровые свистѣли въ свистки, освобождали арестованныхъ студентовъ, громко ругали полицію. Часть толпы пошла по направленію къ Тверскому бульвару до генералъ-губернаторскаго дома, смявъ стоявшую тамъ цѣпь городовыхъ. Появились казаки и разогнали толпу. Вечеромъ толпа демонстрировала передъ домомъ оберъ-полицмейстера. Вечеромъ опять площадь передъ манежемъ была запружена народомъ. Среди нея была масса фабричныхъ и мастеровыхъ. Къ 11 часамъ ночи группа мастеровыхъ бросилась съ крикомъ къ дверямъ манежа, выломала наружныя двери, но за тѣмъ была оттѣснена. Подъ напоромъ казаковъ толпа побѣжала мимо манежа, разбивая стекла. Бившихъ стекла арестовали (трехъ человѣкъ), но толпа ихъ отбила.“ При этой свалкѣ казаки дѣйствовали усердно нагайками. Толпа была разогнана и часть ея снова собралась у стараго университета, но оттиснутая къ Тверской, съ пѣніемъ прошла до генералъ-губернаторскаго дома и была разсѣяна. Остатки ея собрались около театра и съ пѣніемъ прошлись по Петровкѣ. У редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ были конные жандармы и охраняли ее. Толпа, двигавшаяся по Тверской, состояла, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ; изъ нихъ, по слухамъ, арестовано до 280 человѣкъ. Въ ночь на 25 февраля сидѣвшихъ въ манежѣ студентовъ подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ тюрьму.

Въ воскресенье, 25 февраля, возбужденіе достигло высшей степени и десятки тысячъ народа приняли участіе въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ. Въ первый разъ Москва видѣла такое массовое проявленіе народнаго протеста. Съ утра стали собираться толпы у университета. Послѣ полудня большая толпа, въ числѣ которой были рабочіе Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару съ пѣніемъ. На серединѣ Тверского бульвара встрѣтились казаки. Толпа устроила баррикаду изъ бульварныхъ скамеекъ и задержала натискъ казаковъ, мчавшихся во весь опоръ. Громкимъ свистомъ и ругательствами толпа выражала свое презрѣніе казакамъ. Вдругъ раздались крики, что сзади толпу оцѣпили городовые. Толпа ринулась назадъ и прорвала цѣпь городовыхъ, причемъ происходило цѣлое побоище. Толпа отбивала тѣхъ, кого полиція пыталась задержать, и не болѣе десятка лицъ осталось въ рукахъ полиціи. Наконецъ, полиціи удалось разсѣять толпу. Въ теченіе всего дня громадныя толпы, состоявшія преимущественно изъ рабочихъ, демонстрировали по улицамъ, особенно по Лубянкѣ, по Тверскому бульвару, Мясницкому и Никитскому. Приводимъ письмо одной корреспондентки, бывшей очевидцемъ одной изъ такихъ демонстрацій около 4 часовъ дня. „. . . Мы дошли до Кузнецкаго моста, гдѣ намъ представилась чудная картина: весь Кузнецкій мостъ до Лубянки былъ залитъ сплошной массой народа почти исключительно фабричными и мастеровыми, незначительнымъ количествомъ студентовъ и массой уличныхъ мальчишекъ; вся эта толпа свистала, кричала „ура!“, размахивала платками и бросала шапки; но, какъ ураганъ, налетѣли жандармы, которые разбили толпу на нѣсколько группъ, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здѣсь было арестовано нѣсколько студентовъ, толпа бросилась ихъ отбивать, избила пристава и, когда онъ спрятался въ ресторанъ, разбила въ послѣднемъ окна. Здѣсь публика увидѣла Л. Н. Толстого (это было какъ разъ въ день появленія въ газетахъ его отлученія отъ церкви); толпа устроила Толстому овацію и съ криками „ура, Левъ Николаевичъ!“ проводила его по Рождественкѣ, гдѣ по его просьбѣ усадила на извощика. Я вышла на Цвѣтной бульваръ, который былъ усѣянъ народомъ; полиція старалась разбивать толпу на маленькія кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее въ переулки, но толпа, уменьшаясь на одномъ мѣстѣ, выростала, подобно головѣ гидры, вдвое большемъ количествѣ въ другомъ.“

Другой очевидецъ пишетъ: „Въ 4 часа я подошелъ къ Тверской. Театральная площадь была вся залита толпой, буквально залита. Толпа двигалась по Тверской къ дому генералъ-губернатора. Прискакавшіе казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проѣздъ, оттуда на Кузнецкій. Надо вамъ сказать, что толпа проявляла удивительно дисциплинированность. Она не разбѣгалась при видѣ городовыхъ и казаковъ, а встрѣчала ихъ единодушнымъ гиканьемъ, свистомъ и ругательствами. Она или слѣдовала единодушно указаніямъ вожаковъ („сплотись! направо! впередъ!“), которые всегда находились изъ среды интеллигентныхъ рабочихъ (студенты почти совсѣмъ не принимали участія), или ясно давала знать свое несогласіе съ вожаками и заставляла ихъ перемѣнять направленіе. На Неглинномъ казаки разъединили толпу на 3 части. Я имѣю свѣдѣнія только про первую часть, другія совершали демонстраціи по другимъ улицамъ. . . Первая часть двинулась къ политехническому музею, гдѣ ожидалась сходка студентовъ, но потомъ повернула по направленію къ Мясницкой. Каждаго студента, котораго толпа встрѣчала, она привѣтствовала киданіемъ шапокъ, криками сочувствія и приглашеніемъ присоединиться. Въ случаѣ согласія (которое, кстати, бывало очень рѣдко) толпа поднимала его на „ура“, апплодировала и т. д., а въ противномъ случаѣ она провожала его смѣхомъ и свистомъ... Приставовъ, даже отдѣльно идущихъ, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своихъ постовъ. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но если мальчики позволяли себѣ разбивать фонари, толпа не пускала ихъ, причемъ раздавались крики: „потомъ будутъ писать про насъ, что мы просто буянили“, „все равно съ насъ потомъ налогами сдерутъ“ и т. д.

„Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульваръ. Тутъ она все росла и росла, и когда была недалеко отъ Тверского (одинъ бульваръ отдѣлялъ), народу было не меньше 8000 чел. Студентовъ было, можетъ быть, нѣсколько человѣкъ, — не больше Передъ редакціей „Моск. Вѣдомостей“ толпа остановилась. Рабочіе рѣшили разрушить редакцію. Но тутъ прискакали казаки и городовые. Казаки съ нагайками и пиками разъединили толпу на четыре части, а городовые начали избивать (въ буквальномъ смыслѣ слова) отдѣльныхъ лицъ изъ толпы, замѣченныхъ какъ вожаковъ. Толпа забрасывала снѣжками и льдинами козаковъ, заставила офицера уѣхать на самый задъ, но городовые, подъ защитой казаковъ, буквально избивали толпу, встрѣчая, положимъ, и хорошій отпоръ. На Тверской улицѣ и Страстной площади въ воздухѣ стоялъ свистъ отъ нагаекъ. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. Въ этотъ же день былъ устроенъ кошачій концертъ передъ домомъ генералъ-губернатора. Во дворѣ дома ген.- губернатора до сихъ поръ день и ночь сидитъ масса казаковъ и городовыхъ. Въ воскресенье же толпы ходили и по другимъ улицамъ. Около университета цѣлый день стояла тысячная толпа“.

Третій очевидецъ разсказываетъ: „Рабочіе (ремесленники) довольно энергично сочувствовали студентамъ. На толпу въ 6-8 тысячъ человѣкъ приходилось 100-150 студентовъ, управлявшихъ этой толпой, сдерживать каковую было крайне трудно. Полиція такъ прямо трепетала въ воскресенье“.

Еще въ одномъ сообщеніи читаемъ: „По Трубецкой площади шла толпа около 7000 чел., причемъ пѣла пѣсни, а впереди несли красное знамя, конечно, довольно примитивное, сдѣланное, говорятъ, изъ рубашки“, а въ другомъ сообщеніи такъ описывается воскресная манифестація у дома ген.-губернатора: „Въ его окна летѣли яблоки и апельсины, мальчики свистѣли въ заранѣе имъ розданные свистульки; концертъ былъ такой, что великій князь думалъ, что наступила революція“. Толпа кричала: „Да здравствуетъ князь Ходынскій“. „Всѣ имѣвшіяся въ Москвѣ войска, полиція, жандармы, казаки ничего не могли подѣлать съ манифестантами. На аттаку казаками публики послѣдняя отвѣтила на Тверской баррикадами; кое-гдѣ появились и революціонныя знамена. Войскамъ были розданы боевые патроны, но пустить ихъ въ дѣло не рѣшились“. До трехъ часовъ ночи толпы рабочихъ ходили по улицамъ (по свѣдѣніямъ нашего корреспондента, въ пяти мѣстахъ происходили эти демонстраціи), мѣстами били фонари, стекла и полицію. На Мясницкой, послѣ драки съ полиціей, до 300 человѣкъ арестовали, загнавъ во дворъ дома Стахѣева. Втеченіе вечера толпы студентовъ и рабочихъ ходили къ дому Толстого привѣтствовать отлученнаго синодомъ борца за свободу совѣсти. Толстой говорилъ народу рѣчь. По имѣющимся свѣдѣніямъ онъ отозвался съ сочувствіемъ о студенческой забастовкѣ, рекомендовалъ настойчивость въ начатой борьбѣ и сообщилъ, что, какъ ему извѣстно, въ высшихъ сферахъ склонны отмѣнить „Временныя правила“.

Въ слѣдующіе дни волненіе продолжалось. Чрезвычайныя мѣры, принятыя полиціей (въ томъ числѣ масса арестовъ на дому, произведенныхъ жандармами) воспрепятствовали новымъ демонстраціямъ. Въ понедѣльникъ 26-го февраля произошло еще столкновеніе толпы съ полиціей въ Охотномъ ряду: въ борьбѣ съ полиціей студентамъ помогали охотнорядцы, эти искони прославленные защитники „престолъ-отечества“. Переходъ этой части московскаго населенія на сторону политическаго протеста представляетъ весьма знаменательный фактъ. Ужъ если охотнорядцы готовы содѣйствовать политической борьбѣ, то можно надѣяться, что недалеко то время, когда въ ней примутъ участіе и наши „экономисты“. Благодаря усиленнымъ полицейскимъ мѣрамъ, не удалась въ Москвѣ демонстрація, назначенная на 4-ое марта. Военная сила не допустила повторить событія 23-26 февраля. Были отдѣльныя столкновенія съ полиціей, немало демонстрантовъ арестовано.

25-го февраля появилось удивительное воззваніе студенческаго „Исполнительнаго Комитета“, настоятельно приглашающее студентовъ не участвовать въ уличныхъ демонстраціяхъ, такъ какъ, дескать, надо приберечь силы для проведенія „обструкціи“ въ университетѣ. Студенты-де добились уже выраженія симпатіи публики, а потому дальнѣйшее участіе ихъ въ демонстраціяхъ нежелательно. По вѣрному замѣчанію одного изъ корреспосдентовъ, „Исполнительный Комитетъ“ проявилъ въ данномъ случаѣ „дикое непониманіе“, стремясь искусственно съузить движеніе, расширившееся далеко за предѣлы студенческой борьбы. Г.г. сторонники „только студенческаго“ движенія наивно вообразили, что народная толпа манифестировала, жертвуя собой и подвергаясь расправамъ солдатъ только для того, чтобы показать сочувствіе студентамъ, повліять на правительство и удалиться сейчасъ со сцены, предоставивъ далѣе студентамъ чинно улаживать свои университетскія дѣла. Г.г. представители „Исполнительнаго Комитета“ испугались развитія студенческаго протеста въ политическое движеніе и пожелали поставить его опять на профессіональную почву, что на самомъ дѣлѣ только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость!

Но и эта либеральная половинчатость представится недосягаемо высокой политической мудростью, если ее сопоставить съ поведеніемъ московскихъ профессоровъ, выпустившихъ 27-го февраля свое гнусное воззваніе, о которомъ мы подробнѣе говоримъ ниже. Въ отвѣтъ на это посланіе появились двѣ прокламаціи студентовъ: одна въ Москвѣ, другая въ Кіевѣ. Московская написана довольно умѣренно и блѣдно; кіевская гораздо сильнѣй.

Какъ бы то ни было, готовое замереть движеніе московскихъ студентовъ ожило, войдя въ соприкосновеніе съ „улицей“. Улица придала ему ту силу, которой ему недоставало, она усилила его вліяніе на равнодушную часть студентовъ. Московскія высшія учебныя заведенія, наконецъ, стали, и начальство и не пытается примѣнять къ студентамъ-стачечникамъ „Временныя правила“.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, студенческое движеніе, выйдя на улицу и вызвавъ наружу протестъ широкихъ слоевъ городского населенія (главнымъ образомъ, пролетаріата), неожиданно послужило поводомъ къ революціоннымъ событіямъ. Въ „сердцѣ Россіи“, въ первопрестольной столицѣ народная толпа открыто выражала свою ненависть къ администраціи, освистала высшаго представителя власти. Въ твердынѣ русскаго самодержавія представитель царствующей фамиліи вынужденъ лѣсомъ штыковъ и пикъ защищать свой дворецъ отъ нападеній рабочаго люда. Въ благочестивой православной матушкѣ-Москвѣ тысячи рабочихъ привѣтствовали великаго борца противъ православнаго мракобѣсія, только что преданнаго анафемѣ первосвященниками православной церкви. Господствующему порядку нанесена глубокая рана въ самое сердце, онъ потерпѣлъ серьезное нравственное пораженіе. Революціонное пламя лизнуло своими языками обомшѣлыя стѣны самыхъ неприступныхъ его твердынь, и близокъ день, когда эти твердыни безпомощно рухнутъ.

Харьковъ.

Съ возобновленіемъ занятій послѣ рождественскихъ каникулъ передовая часть харьковскаго студенчества проявила лихорадочную дѣятельность, стремясь сплотить массу учащихся на почвѣ протеста противъ расправы со студентами въ Кіевѣ и Петербургѣ. Организація университантовъ и технологовъ выпускали почти ежедневно по нѣскольку листковъ, перепечатывая прокламаціи, появившіяся въ другихъ городахъ, пытаясь сообщить массѣ студентовъ возбужденіе, царившее уже въ Петербургѣ и въ Кіевѣ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца эти попытки были безплодны. Только въ Ветеринарномъ Институтѣ студенты выражали готовность забастовать, если другія учебныя заведенія приступятъ къ дѣйствію. Въ Технологическомъ и особенно въ университетѣ настроеніе было подавленное. Страхъ объялъ массу студентовъ. Было немало случаевъ позорнаго дезертирства съ поля битвы: многіе студенты медлили возвращаться послѣ каникулъ въ Харьковъ, другіе спѣшно брали отпуски (которые, кстати сказать, инспекція давала очень охотно) и безъ оглядки удирали изъ Харькова, ссылаясь передъ товарищами на мнимое извѣстіе объ опасной болѣзни родителей и т. п. предлоги. Назначавшіяся сходки совершенно не удавались или были слишкомъ малолюдны, чтобы постановить рѣшеніе. Университетская инспекція совершенно истомилась въ напряженномъ ожиданіи, чѣмъ кончится эта канитель, такъ что даже просила студентовъ рѣшить разъ навсегда, будетъ забастовка или нѣтъ.

Изъ массы распространенныхъ въ этотъ періодъ листковъ отмѣтимъ крайне пылко и краснорѣчиво написанное воззваніе „Союзнаго Совѣта“ и „Организаціоннаго Комитета студентовъ-технологовъ“ съ эпиграфомъ изъ Горькаго: „О смѣлый соколъ! въ бою съ врагомъ истекъ ты кровью...“. Воззваніе призывало на сходку и выставляло требованія: отмѣну „Временныхъ правилъ“ и возвращенія 183 осужденныхъ кіевлянъ.

4-го февраля „Союзный Совѣтъ“ выпустилъ „открытое письмо“ къ профессорамъ, извѣщая о томъ, что на 5-ое февраля назначена забастовка, и приглашая профессоровъ не читать лекцій.

За это время распространены двѣ революціонныя прокламаціи. Первая — отъ „Центральнаго Комитета Русской Соціалдемократической Партіи“; другая — отъ недавно образовавшейся партіи „соціалистовъ-революціонеровъ“.

Назначенная на 5-ое февраля студенческая забастовка не состоялась въ виду полнаго равнодушія массы студентовъ. Въ воззваніи, помѣченномъ 8-мъ февраля 1901 г., „группа студентовъ харьковскаго университета“ обращается съ горькимъ упрекомъ къ студентамъ, не поддержавшимъ движенія, и къ профессорамъ, которые „не ушли изъ храма науки, послѣ того какъ въ немъ была обнажена солдатская шашка“. Заканчивая словомъ ободренія пострадавшимъ товарищамъ, которые остались одинокими въ борьбѣ, воззваніе выражаетъ надежду на то, что „черезъ нѣсколько лѣтъ соберется съ силами честное студенчество и снова подымется, быть можетъ, не одиноко“. Такимъ образомъ, застрѣльщики студенческаго движенія потеряли всякую надежду на организацію борьбы на чисто-профессіональной, узко-студенческой почвѣ.

Но, оставшись изолированной въ учебныхъ заведеніяхъ, радикальная часть учащейся молодежи не сложила оружія и воспользовалась первымъ представившимся поводомъ для того, чтобы вынести свой одинокій протестъ на улицу. А на улицѣ этотъ протестъ сразу принялъ общенародный и, слѣдовательно, политическій характеръ, и улица, откликнувшись на него, придала ему удесятеренную силу.

Студенты рѣшили устроить демонстрацію у собора въ день 19-го февраля, по поводу сорокалѣтія освобожденія крестьянъ. По этому поводу распространены двѣ прокламаціи отъ организаціи технологовъ и ветеринаровъ. За нѣсколько дней до этого дня нѣкоторыя рабочія группы обратились къ мѣстному комитету Рос. Соціалдем. партіи съ просьбой распространить на заводахъ листокъ по поводу сорокалѣтія реформы. Гектографированный листокъ былъ составленъ и распространенъ (часть задержана полиціей). Одновременно другая соціалдемократическая организація, харьковскій „Союзъ Борьбы“ распространилъ подобное же печатное воззваніе. Рабочіе, такимъ образомъ, были подготовлены. Къ сожалѣнію, студенты не послушались совѣтовъ устроить демонстрацію вечеромъ, когда и рабочіе, и служащая интеллигенція болѣе свободны. Къ двѣнадцати часамъ дня небольшая группа студентовъ собралась въ соборѣ. Выйдя изъ собора, студенты направились къ университету и запѣли „Дубинушку“. Немедленно всѣ ворота и входы въ университетъ были заперты. Тогда студенты въ сопровожденіи уже многочисленной публики направились внизъ по Университетской улицѣ съ пѣніемъ. Въ виду малочисленности собравшихся демонстранты хотѣли-было расходиться, когда на нихъ налетѣли казаки и, разсыпая удары нагайками направо и налѣво, окружили человѣкъ 40-50 студентовъ. Къ этому времени публики набралось уже много, въ томъ числѣ мастеровые. Нѣкоторые изъ нихъ пытались прорвать цѣпь казаковъ, но безуспѣшно. Удары плетьми сыпались безпощадно. Били, не разбирая, очень жестоко. Побоище произвело потрясающее впечатлѣніе на публику: дамы падали въ обморокъ, съ однимъ изъ студентовъ начался эпилептическій припадокъ. Арестованныхъ повели въ часть по Никольской площади. Масса публики слѣдовала за ними и окружила часть, куда были введены задержанные студенты. Черезъ нѣкоторое время казаки незамѣтно обошли толпу съ тылу и оцѣпили еще человѣкъ 60 студентовъ и четыре дамы.

Слухъ объ арестѣ студентовъ распространился по городу и, начиная съ шести часовъ, публика стала собираться по Сумской улицѣ около театра, въ разстояніи одного квартала отъ помѣщенія части, куда были отведены студенты. Скоро раздалось пѣніе „Дубинушки“. Въ шесть часовъ изъ двора части выѣхали казаки и поскакали къ театру. Публика встрѣтила ихъ шиканьемъ и свистомъ. Толпа заполнила троттуары и мостовую. Движеніе экипажей по этой части Сумской прекратилось. Около театра казаки оцѣпили человѣкъ 70 студентовъ и направились съ ними къ части, сопровождаемые публикой. Въ семь часовъ веч. къ театру прибыла съ барабаннымъ боемъ рота пѣхоты. Къ этому времени публикѣ стало уже извѣстно, что рабочіе паровозостроительнаго завода направились къ мѣсту сборища. Часть ихъ (равно какъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ) была оцѣплена и задержана, другіе обошли мѣсто демонстраціи и позже вечеромъ неожиданно хлынули въ значительномъ количествѣ на площадь передъ театромъ. Сюда же явились рабочіе мелкихъ харьковскихъ заводовъ и ремесленники. Къ ночи студенты и вообще интеллигенція терялись уже среди рабочихъ. Толпа пѣла „Марсельезу“, „Дубинушку“, „Волю“ и другія пѣсни. Во время пѣнія внезапно изъ двора редакціи „Южнаго Края“ налетѣлъ на толпу отрядъ казаковъ и безъ всякаго предупрежденія пустилъ въ ходъ нагайки. Били даже женщинъ, стоявшихъ на троттуарѣ и смотрѣвшихъ на толпу. Многіе были при этомъ ранены. Народъ подался, но рабочіе бросились къ изгороди сквера и, разломавъ ее, вооружились дрекольемъ. Весьма активную роль при этомъ играли мальчишки. Одинъ изъ нихъ выкинулъ на длинномъ шестѣ красное знамя, которое было смято бросившейся въ его сторону полиціей. Казакамъ данъ былъ приказъ обнажить шашки, что они и сдѣлали. Позже уже били и шашками плашмя. Толпа все наростала, пѣніе не прекращалось, въ отдѣльныхъ мѣстахъ произносились рѣчи, которыя было трудно разслышать за неумолчнымъ шумомъ толпы. Въ теченіе всего вечера (до полуночи) тамъ и сямъ происходили набѣги казаковъ на толпу и схватки ея съ царскимъ воинствомъ. На площади казаки еще стѣснялись нѣсколько, но если аттакованная толпа бросалась въ разсыпную по прилегающимъ улицамъ, то казаки, преслѣдуя бѣглецовъ, подвергали ихъ варварскому избіенію. Толпа кричала казакамъ: „вонъ отъ насъ, азіаты!“ Раздался голосъ: „Бить Юзефовича“ (редактора знаменитаго „Южнаго Края“), и толпа, какъ одинъ человѣкъ, бросилась къ редакціи, но была отбита казаками. Чувствовалось отсутствіе организованнаго отряда, который оформилъ бы демонстрацію и придалъ ей болѣе стройный видъ. — Къ ночи, наконецъ, удалось войскамъ очистить Сумскую улицу. О впечатлѣніи, произведенномъ на населеніе демонстраціей, и о внѣшнемъ ея видѣ намъ пишутъ, между прочимъ: „Необходимо отмѣтить, что толпа все время вела себя благопристойно, хотя „солидная“ публика ожидала, что рабочіе начнутъ бить стекла въ магазинахъ, задирать прохожихъ и т. п. Ничего этого не было и въ поминѣ... Весь Харьковъ только и живетъ тѣмъ, что „происходило на Сумской“. По самымъ захолустнымъ улицамъ слышны разговоры простого народа на тему о причинахъ столкновенія. Всѣ въ одинъ голосъ называютъ годовщину освобожденія крестьянъ: „Нашихъ дѣдовъ били сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда крѣпостные были, теперь студенты объ этомъ вспомнили, и вотъ ихъ теперь бьютъ“... Купцы ругали казаковъ: „Шли бы лучше на нѣмцевъ воевать, чѣмъ на своихъ, чтобъ васъ“... и т. д.

Очевидцы разсказываютъ такую сценку во время столкновенія. Толстый лабазникъ сказалъ: „мерзавцы студенты!“. Услыхавъ это, дюжій рабочій растолкалъ толпу и съ крикомъ: „ага, мерзавцы!“ на глазахъ сочувствующей публики поколотилъ почтеннаго буржуа.

Арестованныхъ (до 200 человѣкъ) освободили 23-го февраля, кромѣ 18 студентовъ и бывшаго офицера Ильинскаго, которые, по словамъ губернатора, замѣшаны въ политическія дѣла. Въ университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ началась забастовка.

Послѣ демонстраціи Харьковскій Комитетъ Россійской Соціалдемократической Партіи выпустилъ подробную прокламацію къ обществу, въ которой разъясняетъ смыслъ происшедшихъ событій. Отмѣтивъ историческое значеніе перваго выступленія массы русскихъ рабочихъ на путь открытаго выраженія политическаго протеста, Харьковскій Комитетъ привлекаетъ вниманіе „политически зрѣлыхъ слоевъ русскаго общества“ къ рабочему движенію, какъ къ главной политической силѣ, способной сокрушить самодержавіе. Прокламація заканчивается приглашеніемъ содѣйствовать всѣми средствами политической организаціи рабочаго класса. Можно только привѣтствовать эту попытку харьковскихъ товарищей использовать происшедшія событія въ интересахъ политическаго воздѣйствія соціалдемократіи на всѣ борящіеся съ правительствомъ элементы.

Мы очень сожалѣемъ, что этотъ обзоръ событій намъ приходится закончить указаніемъ на новый примѣръ политическаго недомыслія нашихъ либеральныхъ союзниковъ. Въ прокламаціи, изданной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дня 19-го февраля и подписанной „товарищами-студентами“, мы встрѣчаемъ трогательный разсказъ о томъ, какъ угнетенные насиліями правительства, харьковскіе студенты пожелали перенестись въ свѣтлое прошлое, о которой имъ говорилъ день 19-го февраля, и пошли молиться за „Царя-Освободителя“, каковое ихъ благонамѣренное пожеланіе казаки наградили нагайками. Смѣемъ увѣрить г.г. харьковскихъ студентовъ, что власть царской нагайки будетъ длиться надъ ними тѣмъ дольше, чѣмъ болѣе они будутъ коснѣть въ нелѣпой вѣрѣ въ равныхъ „царей-освободителей“, все царствованіе которыхъ залито кровью „освобожденныхъ“ крестьянъ и борцовъ за блага крестьянства. Весь смыслъ чествованія дня 19-го февраля недовольными элементами исчезаетъ, если его превратить въ чествованіе памяти того царя, который и въ крестьянской реформѣ, какъ и во всей своей политикѣ, показалъ себя орудіемъ класса эксплуататоровъ въ ихъ стремленіи заново закабалить по неволѣ освобожденный народъ. Чествовать день 19-го февраля, какъ начало освобожденія Россіи отъ ея общаго закрѣпощенія, безусловно слѣдуетъ, но мы бы совѣтовали въ этотъ день крѣпче помнить не о никогда не существовавшихъ царяхъ-освободителяхъ, а о тяготѣющихъ до сихъ поръ надъ нами царяхъ-угнетателяхъ. Еслибы харьковскіе студенты-либералы больше думали о послѣднихъ, они не употребили бы въ своемъ листкѣ нелѣпой фразы о томъ, что ихъ били нагайками „вопреки запрету молодого царя“. Не говоря уже о томъ, что такого запрета вовсе не было, мы спросимъ васъ, гг. студенты, а какъ вы себя почувствуете, если васъ изобьютъ завѣдомо по желанію „молодого царя? Или въ этомъ случаѣ боль отъ удара нагайкой покажется вамъ болѣе пріятной?

Кіевъ.

Самымъ характернымъ въ ходѣ студенческаго движенія въ Кіевѣ является рѣзкая борьба между радикальной частью студенчества и буржуазно-консервативными элементами, тормозившими движеніе и выступавшими довольно рѣшительно и сплоченно. Этимъ элементамъ удалось дважды (въ январѣ и срединѣ марта) провалить въ политехникумѣ предложеніе о присоединеніи къ забастовкѣ; имъ же удалось въ университетѣ не допустить до „безпорядковъ“ въ теченіе всего февраля и половины марта. Въ свою очередь передовая часть студенчества выступала здѣсь радикальнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ напр., воззваніе группы „независимыхъ обструкціонистовъ“, выпущенное въ началѣ движенія, и прокламація „Союзнаго Совѣта“ по поводу убійства Боголѣпова, выражающая полное сочувствіе Карповичу.

Еще 31-го января Кіевскій Комитетъ Россійской Соціалдемократической Партіи распространилъ печатное воззваніе ко всѣмъ рабочимъ „по поводу студенческихъ безпорядковъ“, въ которомъ разъяснялось политическое значеніе студенческаго протеста. Когда въ Кіевъ дошли извѣстія о петербургскихъ, московскихъ и харьковскихъ демонстраціяхъ, Кіевскій Комитетъ взялъ на себя иниціативу такой-же демонстраціи въ Кіевѣ и особымъ воззваніемъ пригласилъ рабочихъ явиться въ воскресенье 11-го марта въ 12 часовъ дня на Крещатикъ. Демонстрація, въ которой участвовали и студенты, прошла блистательно. Колоссальная толпа рабочихъ (говорятъ до 15 тысячъ) стройно двигалась по Крещатику съ краснымъ знаменемъ и съ пѣніемъ „Марсельезы“. Никакихъ крупныхъ столкновеній съ властями не произошло. Подробности этой замѣчательной демонстраціи сообщимъ, когда будемъ располагать достаточно провѣренными свѣдѣніями о ней. Здѣсь же ограничимся поздравленіемъ кіевскимъ товарищамъ, оказавшимъ своимъ смѣлымъ шагомъ великую услугу нашей партіи. Пожелаемъ, чтобы организованные товарищи въ другихъ мѣстахъ въ ближайшемъ будущемъ проявили такую же революціонную энергію и пониманіе тактики, соотвѣтствующей дѣйствительнымъ интересамъ русскаго пролетаріата.

* * *

Студенческое движеніе перекинулось и въ остальные университетскіе центры: въ Казань, Томскъ, Ригу, Юрьевъ, Варшаву (ветеринарный институтъ), Одессу. Въ Одессѣ арестовано до ста человѣкъ, въ Казани нѣсколько десятковъ (отчасти по рабочему дѣлу), въ Ригѣ тоже. Всѣ учебныя заведенія закрыты по распоряженію министерства до Пасхи. Надѣемся въ слѣдующемъ номерѣ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія.

* * *

Въ прокламаціи отъ 17-го марта Кіевскій Комитетъ такъ описываетъ демонстрацію: „День 11-го марта. Улицы заполнены народомъ. Подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ, прерываемыхъ криками „ура“, строго-спокойно двигаются тысячныя толпы демонстрантовъ; здѣсь сошлись всѣ, безъ различія профессій, пола, возраста, національностей, — ремесленники, фабрично-заводскіе и чернорабочіе, мужчины и женщины, старики и подростки, русскіе, поляки и евреи. На всѣхъ лицахъ одушевленіе, въ глазахъ — восторженный порывъ къ свѣту и справедливости, страстное желаніе жить, жить такъ, какъ жить подобаетъ человѣку, а не придавленному рабу. — Это не бурная вспышка, не безформенный бунтъ, движимый слѣпой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движеніе къ инымъ порядкамъ, къ новой жизни, основанной на началахъ свободы, равенства и справедливости. Въ одухотворенности — его мощь. Въ организованности — залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Товарищи! Намъ предстоятъ еще долгіе годы упорной борьбы, но мы владѣемъ теперь сильнымъ оружіемъ — массовымъ протестомъ, демонстраціей. При каждомъ новомъ злоупотребленіи царскаго правительства мы будемъ громко протестовать противъ беззаконія во имя человѣчности и справедливости“.

Казань.

О демонстраціи въ Казани пишутъ: „11-го марта здѣсь была демонстрація, правда скромная. Но все же другіе города могутъ сказать: „даже Казань!“ Если бы не предусмотрительность полиціи, она носила бы другой характеръ. Еще наканунѣ были оцѣплены два главныхъ завода и дамба, соединяющая городъ со слободой, такъ какъ боялись, что придутъ рабочіе. И они, дѣйствительно, приняли бы участіе, если бы не эта предусмотрительность. Были попытки прорвать цѣпь, но безуспѣшно; какъ говорили (это еще не провѣрено), многіе рабочіе (до 60 чел.) избиты. Должны были принять участіе булочники и ремесленники. Но въ ночь на 11-ое арестовано до 40 булочниковъ на сходкѣ, гдѣ они порѣшили 11-го забастовать и присоединиться къ демонстраціи. На главной улицѣ было много студентовъ и публики. Не успѣли они еще соединиться и съорганизоваться, какъ налетѣла конная и пѣшая полиція и оцѣпили почти безъ предупрежденія и безъ разбору около 150 чел. Простояли часа два. Пропѣли весь репертуаръ пѣсенъ. Было нѣсколько попытовъ прорвать цѣпь, но силъ было мало. До избіенія не дошло, хотя случаи насилія, какъ всегда, были. Затѣмъ пришли войска(!) и съ помпой отвели арестованныхъ въ часть. Теперь нѣкоторыхъ выпустили, часть переведена въ пересыльную тюрьму, часть въ частные номера, нанятые для того полиціей“.

Псковъ.

Отданныхъ въ солдаты петербургскихъ студентовъ препроводили почти всѣхъ (только троихъ отправили въ Ямбургъ) въ Псковъ для предварительнаго обученія дисциплинѣ, недѣли на четыре, послѣ чего предполагается разсортировать ихъ по разнымъ мѣстамъ. Многіе изъ присланныхъ страдаютъ физическими недостатками (много, напр., съ совершенно слабымъ зрѣніемъ, одинъ паралитикъ и т. д.); между ними много несовершеннолѣтнихъ (20-ти лѣтъ, а есть даже 19-ти и 18-ти лѣтъ). Сначала положеніе студентовъ было сравнительно сносно. Офицеры при первой встрѣчѣ отнеслись къ нимъ хорошо, но объявили, что будучи людьми подначальными, они обязаны будутъ относиться къ нимъ, какъ къ простымъ радовымъ, не допуская никакихъ льготъ и привилегій. Скоро, однако, положеніе студентовъ существенно измѣнилось къ худшему, что было вызвано распоряженіемъ какого-то казацкаго генерала, пріѣзжавшаго для ревизіи. Студентамъ запрещено было брать обѣды изъ офицерскаго собранія и приказано было довольствоваться изъ общаго котла. Отлучки въ городъ были затруднены, и даже свиданія другъ съ другомъ стали очень нелегкимъ дѣломъ. Изданъ былъ приказъ, предписывавшій ближайшему начальству студентовъ и даже сол-

датамъ говорить студентамъ „ты“, при чемъ предупреждалось, что нарушеніе этого правила повлечетъ за собой строгое наказаніе. Студентамъ запрещено было отвѣчать на вопросы не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ относительно всего того, что имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ ихъ недавнему прошлому. Въ городъ начали отпускать съ большимъ трудомъ: подъ присмотромъ такъ называемыхъ дядекъ, и притомъ только до девяти часовъ вечера. Особенно непріятны отношенія къ студентамъ низшаго военнаго начальства ихъ: унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей, ихъ дядекъ и т. д. Дѣло въ томъ, что за всякій дефектъ у студентовъ-солдатъ отвѣчаютъ ихъ дядьки и учителя: если студентъ не по всѣмъ правиламъ искусства застегнулъ поясъ, подъ арестъ садятъ дядьку; если онъ не такъ шагнулъ, какъ желательно какому-нубудь командиру, — опять-таки отвѣчаетъ дядька. И вотъ эти дядьки, совершенно терроризированные, болѣе чѣмъ косо смотрятъ на первоисточникъ своихъ страданій, т. е. на пришельцевъ. Къ этому нужно еще прибавить, что отсутствіе точной регламентаціи взаимоотношеній между опальными солдатами и остальнымъ военнымъ міромъ даетъ громадный просторъ для элемента личнаго усмотрѣнія и вообще для произвола не только офицерскихъ чиновъ, но и фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и другихъ мелкихъ сошекъ, такъ что нерѣдко постоянный надзоръ и, такъ сказать, каторжный режимъ опредѣляется усмотрѣніемъ этихъ послѣднихъ. Въ общемъ, однако, главный тонъ задаетъ полковой командиръ, такъ что въ разныхъ полкахъ положеніе студентовъ различно. Они размѣщены здѣсь въ трехъ полкахъ: въ Иркутскомъ, Енисейскомъ и Омскомъ, не болѣе двухъ человѣкъ въ ротѣ. Особенно тяжело положеніе студентовъ въ Омскомъ полку, командиръ котораго, Даниловъ, успѣлъ уже „прославиться“ своимъ чисто азіатскимъ отношеніемъ къ студентамъ. Изъ страха передъ нимъ со студентами обращаются грубо и тѣ изъ полковой іерархіи, которые въ глубинѣ души ничего не имѣютъ противъ нихъ. Непріятности для студентовъ начались здѣсь съ самаго дня ихъ пріѣзда. На первомъ же смотру омскій полковой командиръ произнесъ передъ всѣмъ полкомъ рѣчь, въ которой предупредительно напоминалъ имъ, что студенты — простые рядовые, и потому нечего обращать вниманіе на ихъ образованіе. „Ваше образованіе немногаго стоитъ“, заявилъ онъ имъ. „Вы должны забыть о своемъ прошломъ и должны сдѣлаться настоящими солдатами... Съ васъ сняли штатское платье, — теперь мы вышибемъ изъ васъ штатскій духъ... Къ вамъ ѣздятъ, о васъ соболѣзнуютъ: на дняхъ мать одного изъ васъ явилась ко мнѣ и говорила, что хочетъ выписать сюда отца. Передайте вашимъ роднымъ и другимъ посѣтителямъ, что имъ пріѣзжать совершенно не зачѣмъ... Въ казарменной жизни нѣтъ ничего ужаснаго, поэтому нечего и соболѣзновать“.

Черезъ нѣсколько дней въ полку случилась экзекуція: проштрафовавшагося солдатика должны были наказывать розгами: напрасно студентъ той роты, которая должна была присутствовать на экзекуціи, хотѣлъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклониться отъ ужаснаго зрѣлища: позаботились о томъ, чтобы онъ былъ какъ можно ближе къ омерзительной сценѣ.

На второмъ смотру одинъ изъ студентовъ омскаго полка, Теріанъ, благодаря слабой мускулатурѣ правой руки, не могъ долго продержать ружья въ горизонтальномъ положеніи. Командиръ полка, заподозривъ студента въ притворствѣ, вырвалъ у него ружье, толкнулъ и, обозвавъ „негодяемъ“, велѣлъ посадить его, (конечно, и дядьку тоже) подъ арестъ. Черезъ нѣсколько минутъ, очевидно, сознавъ, что онъ хватилъ черезъ край, псковскій бурбонъ приказалъ „разслѣдовать“ это дѣло и отмѣнилъ арестъ студента. Медицинское освидѣтельствованіе показало, что студентъ дѣйствительно не можетъ держать долго ружья.

Вообще положеніе студентовъ-солдатъ, если имѣть въ виду только здѣшнихъ, очень тягостное. Ихъ человѣческому достоинству приходится страдать на каждомъ шагу. Всѣ они въ одинъ голосъ утверждаютъ, что иное заключеніе было бы раемъ сравнительно съ солдатчиной.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ они бодры и не унываютъ. О себѣ они неохотно даже распространяются и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ вѣстей изъ разныхъ концовъ Россіи: идутъ-ли вслѣдъ за ними товарищи, просвѣтляется-ли темный горизонтъ русской общественной жизни?...

Неужели большинство русскихъ офицеровъ не возмутится позорнымъ клеймомъ, накладываемымъ на нихъ поведеніемъ Данилова?

Въ хронику общественныхъ протестовъ.

Рядъ возмутительныхъ беззаконій царскаго правительства заставилъ, наконецъ, протестовать наше буржуазное общество. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ факты, свидѣтельствующіе о политическомъ пробужденіи русскаго общества.

Съ февраля стали собирать по всей Россіи подписи подъ либеральной петиціей царю по поводу студенческихъ волненій. Петиція говоритъ противъ знаменитыхъ „временныхъ правилъ“, клеймитъ политику Боголѣпова и заканчиваетъ просьбой „оказать довѣріе общественному мнѣнію“ и призвать общество къ „свободному и благотворному участію въ дѣлахъ родной страны“. По сообщеніямъ корреспондентовъ, подписи подъ петиціей собираются ходко. Послѣ великаго избіенія 4-го марта, эта петиція была опубликована въ англійской газетѣ „Times“ съ указаніемъ, что она исходитъ отъ нѣкоторыхъ профессоровъ и сенаторовъ.

Побоище 4-го марта послужило поводомъ къ цѣлому ряду протестовъ. Какъ извѣстно изъ газетъ, членъ государственнаго совѣта, ген.-лейтенантъ князь Вяземскій на самомъ мѣстѣ побоища мужественно протестовалъ противъ полицейскихъ безобразій, за что удостоился высочайшаго выговора. Пустъ утѣшится князь Вяземскій, — передъ судомъ исторіи и общественнаго мнѣнія это царское обруганіе почетнѣе, чѣмъ всѣ знаки царской милости, заработанные имъ на службѣ самодержавію. Намъ пишутъ, что сверхъ того Вяземскій высланъ за границу.

Немедленно послѣ побоища 45 литераторовъ составили свое извѣстное заявленіе, безпощадно клеймящее царское правительство, намѣренно совершившее гнусную бойню. Позднѣе къ этому заявленію присоединилось еще 34 литератора. Заявленіе это, разосланное въ редакціи газетъ, опубликовано въ заграничной и подпольной печати.

9-го марта „Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“ уполномочилъ свой комитетъ подать министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе о совершенныхъ въ день 4-го марта надъ членами Союза насиліяхъ. То же заявленіе было подано и министру юстиціи съ приложеніемъ просьбы объ ускореніи пересмотра законовъ о печати, дѣлающихъ невозможнымъ для печати спокойнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ предотвращать событія, подобныя мартовскимъ. Сверхъ того, Союзъ просилъ впредь до этого пересмотра „снять запретъ, препятствующій обсужденію въ печати вопросовъ о причинахъ студенческихъ волненій“.

Въ отвѣтъ на эти заявленія комитетъ „Союза писателей“ получилъ такую бумагу отъ 12-го марта: „По распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ... Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей закрытъ, о чемъ объявляю комитету для свѣдѣнія и соотвѣтствующихъ распоряженій“.

7-го марта заслуженный профессоръ Института Путей Сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлелюбскій подалъ градоначальнику Клейгельсу подробное заявленіе о происшедшей 4-го марта бойнѣ. Бѣлелюбскій указываетъ на то, что вопреки заявленію „Правительственнаго Вѣстника“, „грубая сила въ лицѣ казаковъ и городовыхъ дѣйствовала безъ предупрежденія“. Переходя затѣмъ къ „временнымъ правиламъ“, послужившимъ причиной безпорядковъ, Бѣлелюбскій приглашаетъ Клейгельса исправить случившееся „по недоразумѣнію“, испросить у царя отмѣну „временныхъ правилъ“ и освободить всѣхъ арестованныхъ. За это обращеніе къ петербургскому пашѣ Бѣлелюбскій высланъ изъ столицы. Поведеніе этого стараго профессора особенно выигрываетъ при сравненіи съ поведеніемъ тѣхъ университетскихъ профессоровъ, которые сами участвовали въ совѣщаніяхъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты.

12-го марта извѣстный академикъ А. С. Фамицынъ внесъ въ Академію наукъ „предложеніе“ такого рода. Указавъ на то, что пунктъ 61 устава Академіи позволяетъ академику въ свободное время заниматься другими дѣлами, „соотвѣтствующими его званію“, почтенный академикъ поднимаетъ вопросъ, какія занятія слѣдуетъ считать соотвѣтствующими высокому званію академика. „Несовмѣстимою со званіемъ академика представляется мнѣ дѣятельность въ качествѣ попечителя Н. Я. Сонина. Какъ извѣстно, Н. Я. Сонинъ состоитъ во главѣ „особаго совѣщанія“ — судилища надъ молодежью. Подъ всѣми административными распоряженіями Н. Я. Сонинъ подписывается не только въ качествѣ попечителя, но и какъ ординарный академикъ, что можетъ подать поводъ лицамъ, не близко знакомымъ съ дѣломъ, къ ошибочному заключенію о причастности Академіи къ административной дѣятельности академика Сонина“. А. С. Фамицынъ заканчиваетъ утвержденіемъ, что „дѣятельность академика Сонина въ качествѣ попечителя не соотвѣтствуетъ ни достоинству Академіи, ни званію ординарнаго академика“ и приглашаетъ Академію высказать свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Рѣшеніе Академіи намъ еще неизвѣстно.

Поздравляемъ петербургскаго попечителя, академика Сонина съ публично полученной пощечиной. Можно желать только успѣха попыткамъ дѣйствовать на зарвавшихся опричниковъ самодержавія выраженіемъ общественнаго презрѣнія.

Наконецъ, отмѣтимъ опубликованное 14-го марта заявленіе очевидцевъ „звѣрскихъ дѣйствій полиціи 4-го марта“. Заявленіе утверждаетъ, что „правительственное сообщеніе о поведеніи публики и учащейся молодежи завѣдомо лживо“. Отмѣчая всю лживость разсказа о мнимомъ безчинствѣ студентовъ въ соборѣ, очевидцы утверждаютъ, что „Клейгельсъ устроилъ учащейся молодежи ловушку“. Со словъ самихъ казаковъ очевидцы заявляютъ, что офицеры наканунѣ внушали рядовымъ, что студенты хотятъ убить царя, а потому ихъ надо бить безъ пощады, и что утромъ 4-го марта полицію и казаковъ напаивали водкой. Послѣ описанія самого избіенія заявленіе кончается такимъ призывомъ: „Общество должно рѣшительно, единодушно протестовать всѣми средствами противъ полицейскаго террора и избіенія своихъ дѣтей. Оно нравственно обязано требовать отмѣны „временныхъ правилъ“, требовать строгаго разслѣдованія событій 4-го марта..., требовать суда надъ Клейгельсомъ, какъ человѣкомъ, совершившимъ преступленіе съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“.

Посмотримъ, съумѣетъ-ли общество не успокоиться до тѣхъ поръ, пока всѣ эти требованія не будутъ удовлетворены, и не продать своихъ святыхъ правъ за первыя іезуитски-кроткія слова „съ высоты престола“.

Гражданскій подвигъ мужей науки.

Русская публика привыкла ничему не удивляться, однако и ее поразило воззваніе московскихъ профессоровъ къ студентамъ, появившееся 26-го февраля въ „Русскихъ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ якобы отъ имени 72 профессоровъ, бывшихъ въ засѣданіи Совѣта Университета, на которомъ это воззваніе обсуждалось. На самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ изъ письма нѣсколькихъ профессоровъ, полученнаго позже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, это произведеніе принято всего 57 профессорами, — цифра во всякомъ случаѣ почтенная. Жрецы науки позорно молчали, когда правительство сдало кіевскихъ и петербургскихъ студентовъ въ солдаты, хотя не могли не знать, что этотъ актъ долженъ будетъ вызвать студенческіе безпорядки; они не отвѣтили на эту гнусность правительства единственно достойной мѣрой — коллективнымъ выходомъ въ отставку. Но когда протестъ охватилъ массу студентовъ, когда онъ завоевалъ сочувствіе общества, когда народная масса въ Харьковѣ и Москвѣ вступилась въ дѣло студентовъ, московскіе профессора вылѣзли изъ своихъ уютныхъ кабинетовъ и выступили открыто въ роли защитниковъ порядка, коварно задумавъ внести расколъ въ студенческую среду. Подъ личиной заботъ о бѣдныхъ студентахъ они предостерегаютъ противъ тѣхъ подстрекателей, которые „запутываютъ и намѣренно ухудшаютъ и безъ того нелегкое положеніе“ студентовъ, которые „навязываютъ вамъ новое(!), несвойственное студенту слово и дѣяніе — ‚забастовка‘“ и проч. въ томъ же духѣ. Призывая студентовъ вернуться къ занятіямъ, профессора берутся тогда „содѣйствовать“ приведенію въ порядокъ университетскихъ дѣлъ. Все это и многое другое изложено Суворинскимъ тономъ, представляя по истинѣ Іудушкино пустословіе. Само собою разумѣется, что своимъ воззваніемъ профессора ничего не пожали, кромѣ всеобщаго презрѣнія, выразившагося въ рѣзкихъ листкахъ московскихъ, кіевскихъ и харьковскихъ студентовъ.

Политически-мыслящей части студенчества этотъ гнусный документъ долженъ былъ открыть глаза на то, какую нравственную порчу вноситъ въ храмъ науки самодержавный режимъ, какъ убиваетъ онъ въ профессорской средѣ всякую гражданскую порядочность. Выставляя требованіе возстановленія устава 1863 г., имѣющее, между прочимъ, цѣлью нравственное оздоровленіе профессорской среды, студенты должны понять, что каждый политическій режимъ создаетъ свои университетскіе порядки, и режимъ Побѣдоносцевыхъ и Боголѣповыхъ неминуемо связанъ съ теперешнимъ строемъ университетской жизни. Вотъ почему чисто профессіональная борьба студентовъ за лучшіе университетскіе порядки должна стать политической борьбой за общую реформу нашего общественнаго строя.

Профессорская среда отвѣтила на студенческій протестъ гнуснымъ нападеніемъ съ тылу, попыткой оклеветать лучшую часть студенчества и внести въ нее расколъ. А народная масса поддержала студентовъ и придала ихъ движенію политическое значеніе. Пусть убѣдятся студенты, что только соединившись съ этой массой, только присоединивъ свой частный протестъ къ общему протесту рабочаго класса противъ источнника всего нашего общественнаго зла и всякой нравственной заразы, они станутъ дѣйствительной силой. Пусть явятся въ день 1-го мая поддержать требованія рабочихъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ присланную намъ В. И. Засуличъ статью, которая, мы надѣемся, будетъ содѣйствовать правильной постановкѣ въ нашихъ революціонныхъ кругахъ вновь выплывающаго вопроса о террорѣ.

ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

Правительство затѣяло борьбу со студентами, безполезную и безсмысленную даже съ точки зрѣнія усовершенствованія самодержавія и выростило изъ этой борьбы такое широкое политическое броженіе, какого никогда еще не переживала Россія. Въ самомъ дѣлѣ: студенческія волненія длятся уже 40 лѣтъ, въ теченіе всего пореформеннаго періода. Правительству давно пора бы привыкнуть къ мысли, что, что бы ни выдѣлывало оно съ университетами, силошь спокойнаго студенчества ему не дождаться. А съ другой стороны, тотъ же сорокалѣтній опытъ долженъ бы доказать правительству, что одни чисто студенческія волненія большого зла ему не причинятъ. Всѣ привыкли къ тому, что студенты періодически волнуются, а ихъ за это исключаютъ и высылаютъ; благоразумнѣе, казалось бы, быть въ этой области консервативнымъ.

Трудно объяснить „Временныя правила“ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ намѣренія и здѣсь, какъ вездѣ, приблизиться по возможности къ дореформеннымъ порядкамъ. Студенческихъ волненій при Николаѣ I не было, а если бы они были, студентовъ непремѣнно отдавали бы въ солдаты: — надо попробовать отдавать.

Правда, послужившія поводомъ къ этой реформѣ волненія 1899 г. были единодушнѣе, чѣмъ когда-либо, но вѣдь и нагайки, пущенныя въ ходъ противъ искусственно собранной мирной толпы студентовъ, тоже были сравнительно новы и совершенно неожиданны. Во всякомъ случаѣ, кіевская сходка, къ участникамъ которой впервые примѣненны жестокія „Правила“, ничѣмъ не выдавалась изъ ряда безчисленныхъ сходокъ, тянущихся съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ.

Но если кіевляне только воспользовались своимъ естественнымъ правомъ сходокъ, отъ котораго никогда не отрекалась лучшая часть студенчества, то приговоръ надъ ними сдѣлалъ всѣ дальнѣйшіе протесты обязательными, а слѣдовательно, и неизбѣжными. Ихъ требовалъ законъ, писанный въ совѣсти, въ сердцѣ каждаго человѣка. Ихъ требовало чувство солидарности — самое элементарное и въ то же время самое основное, самое необходимое общественное чувство. Его не приходится внушать людямъ; оно само собою вспыхиваетъ всюду, гдѣ коллективность сталкивается съ враждебной силой. Оно при всякихъ волненіяхъ проявляется у крестьянъ, у рабочихъ, — не только у организованныхъ, борящихся рабочихъ, а у первыхъ попавшихся, при первомъ же столкновеніи съ хозяевами. Чтобы истребить въ себѣ это чувство, нужно долголѣтнее упражненіе въ его подавленіи, надо много софизмовъ, много резонирующей трусости, называемой „практической мудростью“, о которой съ такимъ справедливымъ презрѣніемъ говорится въ нѣкоторыхъ студенческихъ прокламаціяхъ.

У студентовъ нѣтъ этой мудрости и быть не можетъ по той простой причинѣ, что, къ счастью, она не передается по наслѣдству, а въ каждомъ поколѣніи пріобрѣтается личнымъ упражненіемъ.

„Бросить въ такую минуту товарищей, полныхъ довѣрія къ намъ, — нельзя! Это нечестно, безсердечно!“ Эти простыя слова одного изъ московскихъ студенческихъ воззваній выражаютъ непосредственное чувство всякаго честнаго и не безсердечнаго человѣка. Оно шевелилось, навѣрное, и у большинства студентовъ, сперва колебавшихся присоединяться къ протестующимъ товарищамъ. Новые приговоры, новыя жестокости, усиливая чувство, вели къ новымъ и новымъ протестамъ.

Что протесты будутъ, знали всѣ, знало, конечно, и правительство; совершая свою жестокость надъ кіевлянами, оно не могло не знать, что впереди предстоитъ неопредѣленная, какъ лавина растущая масса жестокостей. И на все это предстояло молча и сложа руки смотрѣть нашему образованному обществу, доведшему себя долголѣтнимъ упражненіемъ въ подавленіи всякаго помысла объ активномъ вмѣшательствѣ въ общественную жизнь до полной, казалось бы, атрофіи всякой дѣятельной энергіи. Но на этотъ разъ правительство задѣло такія чувства, которыя нельзя заглушить никакимъ упражненіемъ, заставило многихъ сказать себѣ то, что такъ хорошо выразила одна „мать“ въ лежащемъ передъ нами открытомъ письмѣ, отвѣчающемъ на вопросъ: „Кто виноватъ?“

„Виноваты мы, отвѣчаетъ она. Мы безропотно живемъ безъ того, безъ чего немыслимо существованіе мало-мальски культурнаго общества: безъ свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища. Этой нашей безропотности надо подыскивать унизительное для насъ оправданіе: мы не дозрѣли до всего этого... Но нѣтъ оправданія нашему молчанію и покорности тамъ, гдѣ мычитъ и протестуетъ даже животное... Человѣкъ, прежде чѣмъ взять щенка или котенка, оглядывается, гдѣ собака или кошка. Побѣдоносцевы не оглядываются, имъ не съ чѣмъ считаться. Кого бояться? Общества? Они знаютъ ему цѣну, презираютъ и плюютъ на него. Правы-ли они? Да! Тысячу разъ да! Мы — хамы, рабы, лакеи, мы заслужили все это; мы заслужили и то, что наши дѣти могутъ намъ бросить... свое проклятіе за ихъ загубленныя молодыя жизни: они будутъ правы“.

Это — крикъ невыносимой боли, и трудно усомниться въ томъ, что эту боль раздѣляютъ очень многіе, а понимаютъ всѣ, не запродавшіе разъ на всегда своего языка полиціи.

Въ этой атмосферѣ боли и злобы, мучительнаго бездѣйствія и молчанія выстрѣлъ студента Карповича, пожертвовавшаго собою за то, чтобы отомстить за товарищей, не могъ не вызвать самаго горячаго, всеобщаго сочувствія. Когда ничѣмъ нельзя помѣшать совершающемуся на глазахъ злодѣйству, чувство мести становится самымъ законнымъ общественнымъ чувствомъ.

Но студенческій протестъ, все разростаясь, сломалъ, наконецъ, окружавшую его полицейскую стѣну общаго молчанія и бездѣйствія. Съ одной стороны, онъ вышелъ на улицу*), и улица въ лицѣ рабочихъ и разношерстнаго городского разночинства встрѣтила протестующее студенчество съ самымъ горячимъ сочувствіемъ и съ полной готовностью раздѣлить съ ними, гдѣ возможно, предназначенныя для него нагайки.

Съ другой стороны, протестъ поднялся вверхъ и заставилъ, наконецъ, зашевелиться и заговорить такія сферы нашего образованнаго общества, которыя встрѣчали всѣ предыдущія контръ-реформы однимъ лишь „благороднымъ молчаніемъ“. Въ первый разъ правительство наткнулось на громкое негодованіе противъ одного изъ своихъ мѣропріятій, выраженное значительнымъ большинствомъ всѣхъ слоевъ населенія, хоть что-нибудь знающихъ объ этомъ мѣропріятіи, и въ первый разъ никакія свирѣпости, ни нагайки, ни аресты не въ состояніи водворить обычнаго молчанія. Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ такое-же безсиліе не-

---

*) Въ Москвѣ собственно сама улица въ лицѣ рабочихъ, безъ зова и безъ сговора, вышла на защиту студентовъ, загнанныхъ въ манежъ за сходку въ стѣнахъ университета. Двадцать-три года тому назадъ московская улица (въ частности мясники), избивъ толпу студентовъ, была возведена за это Катковымъ въ представительницы „русскаго народа“, отвѣтившаго, будто-бы, этимъ избіеніемъ на „скандалъ, устроенный петербургской либеральной интеллигенціей“. Теперь московская улица изъ „представительницъ народа“ будетъ, конечно, разжалована. Она сама стала болѣе, чѣмъ „либеральной“, и если бы полиціи и удалось подыскать сколько-нибудь пригодныхъ мясниковъ, рабочіе имъ даже и шевельнуться не дали бы, такъ какъ не особенно пугались даже казаковъ и жандармовъ. Реакціонная пресса продолжаетъ, однако, громить студентовъ отъ имени народа, очевидно, деревенскаго, не высказавшаго своего мнѣнія о „Временныхъ правилахъ“. Это самая наглая и очевидная клевета на крестьянъ. Они не высказались и не выскажутся просто потому, что не знаютъ, въ чемъ дѣло. Но и деревенскіе парни, деревенскіе отцы и матери, представивъ себѣ своихъ дѣтей отданными въ солдаты, безъ очереди, не смотря на болѣзни, на несовершеннолѣтіе, отданным за то, что собрались на сходку обсудить свое дѣло, за то, что не захотѣли „выдавать своихъ“, нашли бы, что это несправедливо. А если бы они узнали затѣмъ, что невинно наказанные студенты должны жить въ казармѣ, какъ зачумленные, что противъ нихъ возстановляютъ остальныхъ солдатъ, а имъ запрещаютъ хоть слово сказать въ свою защиту, многія бабы расплакались бы отъ жалости и всѣ нашли бы, что это лютыя, живодерскія „правила“. Что это такъ, знаетъ и само правительство. Зачѣмъ же иначе возмутительное запрещеніе отвѣчать на вопросы какъ офицеровъ, такъ и обмундированныхъ мужиковъ?

сомнѣнно чувствуетъ спеціальное вѣдомство, занятое истребленіемъ нелегальной рабочей прессы и организацій. Все это продолжаетъ существовать и множиться, не смотря на безпрерывные аресты, во много разъ превышающіе самыя крупныя облавы 70-хъ и начала 80-хъ гг., такъ что иной разъ и сажать-то некуда. Но эта безуспѣшная борьба съ ростомъ сознанія и объединенія рабочаго класса шла до сихъ поръ гдѣ-то глухо, глубоко и далеко, такъ что для Европы, для почтенной чистой публики и даже для самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ подъ картиной русской жизни, — если смотрѣть на нее, хорошенько прижмуривъ глаза, — продолжала красоваться надпись: „на Шипкѣ все спокойно". Теперь надпись сорвана, и „Временныя правила", по всему вѣроятію, будутъ отмѣнены. Ужъ слишкомъ непріятно и невыгодно для правительства продолжать доказывать и себѣ самому и всему міру, что оно успѣло такъ раздражить широкіе слои сознательнаго населенія, что у нихъ страхъ прошелъ, что они предпочитаютъ рискъ всякихъ каръ повиновенію.

Писатели, внесшіе свои имена въ почетный рядъ подписей подъ свидѣтельскимъ показаніемъ всему міру о звѣрствахъ у Казанскаго собора, говорятъ, что ихъ ужасаетъ будущее страны, отданной на жертву кулакамъ и нагайкамъ, а намъ ихъ мужественное заявленіе кажется однимъ изъ признаковъ того, что лучшее будущее гораздо ближе, чѣмъ можно было думать мѣсяцъ тому назадъ. Они говорятъ далѣе, что давно уже лишены возможности исполнять свой долгъ передъ родиной, но въ ту минуту, когда они писали свое заявленіе, они его выполняли. Весь вопросъ въ томъ, заснутъ-ли снова силы, разбуженныя примѣненіемъ „Временныхъ правилъ", или сохранятъ разъ пріобрѣтенную энергію.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ Россія снова вступила въ эпоху подъема несравненно болѣе широкаго, чѣмъ закончившійся 20 лѣтъ тому назадъ, но и теперь успѣхъ этихъ освободительныхъ потугъ можно считать обезпеченнымъ лишь въ томъ случаѣ, если вся освободительная работа не будетъ сброшена на плечи однихъ только передовыхъ слоевъ рабочаго класса и революціонной молодежи, если въ этой работѣ примутъ то или иное посильное участіе всѣ враги различныхъ видовъ нагайки.

Но рядомъ съ вѣстями, говорящими о громадномъ расширеніи политическаго движенія, намъ попадаются на каждомъ шагу также сообщенія о томъ, что въ „публикѣ", среди „мирныхъ либераловъ", „простыхъ обывателей" слышатся теперь надежды, предсказанія и пожеланія, чтобы возобновился снова „терроръ", которымъ закончилось революціонное движеніе 70-хъ годовъ. Это говоритъ, повидимому, о томъ же самомъ широкомъ возбужденіи, и тѣмъ не менѣе укрѣпленіе такихъ надеждъ имѣло бы, по нашему мнѣнію, противоположную тенденцію: съуживать, а не расширять поле борьбы.

Единичные акты самопожертвованія, какъ выстрѣлъ Карповича, не исходящіе ни отъ какой организованной силы, не могутъ сосредоточивать на себѣ общественныхъ надеждъ. На нихъ нельзя разсчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выраженіе общаго озлобленія и боли, вызываемой особенно ненавистными проявленіями самовластья. Предумышленные, конечно, со стороны дѣйствующихъ индивидуумовъ, они инстинктивны, не предумышленны со стороны солидаризирующихся съ ними общественныхъ элементовъ, которые своимъ неудержимымъ, горячимъ сочувствіемъ признаютъ эти дѣйствія за выраженія своего накипѣвшаго чувства. Такіе выстрѣлы не могутъ замѣнять собою въ умахъ сочувствующихъ какой-бы то ни было другой освободительной дѣятельности.

Нѣчто совершенно иное представляетъ собою терроръ, входящій въ программу организованной группы въ качествѣ способа борьбы за свободу и представляющійся окружающей террористовъ сочувственной средѣ путемъ къ освобожденію. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящій моментъ такой терроръ, если бы на немъ начали сосредоточиваться общественныя надежды, не только не усилилъ бы освободительнаго движенія, а наоборотъ, ослабилъ бы его.

Не потому, конечно, почему Бисмарку оказались выгодными покушенія Геделя и Нобилинга, а полиція Наполеона III хлопотала по временамъ о примѣрныхъ заговорахъ. Наполеону нужны были предлоги для введенія тѣхъ или иныхъ „временныхъ постановленій"; Бисмарку не удалось бы безъ покушеній провести черезъ рейхстагъ исключительные законы. Но Россія и такъ живетъ подъ всевозможными чрезвычайными, исключительными и временными постановленіями, и за долгій періодъ такой подавленности общественнаго настроенія, какой только можетъ пожелать любой деспотизмъ, ни одно изъ ненавистнѣйшихъ „временныхъ правилъ" не было отмѣнено, а всѣ тѣ учрежденія, какими только дорожили русскіе люди не полицейскаго образа мыслей, подверглись изуродованію и уничтоженію. Русскимъ нечего охранять и нечего терять, кромѣ цѣпей. Если объ этомъ еще могъ быть вопросъ въ 60-хъ годахъ, то ужь никакъ не теперь.

Терроръ кажется намъ неподходящимъ въ настоящій моментъ способомъ дѣйствія не самъ по себѣ, а по своему неизбѣжному психическому вліянію на окружающую среду.

Врагъ русской свободы, котораго нужно убить прежде всего, при которомъ не помогутъ никакія убійства, это — сохраненіе предписаннаго правительствомъ молчанія и бездѣйствія, это — повиновеніе такимъ приказамъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться законами, а лишь враждебными мѣропріятіями правительства противъ той растущей части россіянъ, которая по его же собственному убѣжденію не можетъ не желать его европеизаціи.

Такими мѣрами борьбы, а не законами, являются всѣ указы и приказы относительно печати, собраній, союзовъ, преподаванія и ученія. Лѣтъ 30-40 тому назадъ эта борьба противъ роста сознанія и объединенія россіянъ, противъ развитія въ нихъ самодѣятельности и энергіи была чувствительна почти исключительно лишь людямъ, получившимъ среднее образованіе; теперь она ведется противъ всего рабочаго класса и въ значительной степени распространяется на крестьянъ, посредствомъ всякихъ препятствій распространенію и улучшенію школъ, сельскихъ библіотекъ, народныхъ чтеній, путемъ нелѣпыхъ каталоговъ и преслѣдованія сельскихъ учителей. Сломить широкимъ и всестороннимъ неповиновеніемъ всѣ эти рогатки, настроенные правительствомъ между потребностями его подданныхъ и ихъ сознаніемъ, съ одной стороны, и между самими подданными, съ другой, должно быть, не можетъ не быть первымъ шагомъ по пути къ освобожденію. Чѣмъ большее число россіянъ отброситъ рогатки, тѣмъ легче и безопаснѣе будетъ становиться всестороннее сопротивленіе насиліямъ правительства. Но для этого необходимо, чтобы исчезло очень распространенное мнѣніе, что „не стоитъ рисковать по пустякамъ", необходимо убѣжденіе, что въ дѣлѣ разрушенія созданныхъ правительствомъ преградъ политическому сознанію и объединенію его подданныхъ нѣтъ пустяковъ, а нужно и важно все, что вопреки насилію создаетъ гласность, создаетъ свободную печать, тайные политическіе союзы и подготовленныя всѣмъ этимъ политическія манифестаціи, громкія заявленія объединяющейся общественной воли.

Во всемъ этомъ каждый шагъ, каждое дѣйствіе такъ же необходимо, какъ необходима для жизни организма каждая капля обращающейся въ его жилахъ крови. Послѣдній рѣшающій моментъ освобожденія не дѣлается, онъ обыкновенно случается, но эта случайность подготовляется и становится неизбѣжной вслѣдствіе развившейся, вопреки всѣмъ рогаткамъ активности, энергіи общества, его волѣ стать свободнымъ*).

Вотъ этому-то широкому развитію общественной активности и энергіи терроръ не только не содѣйствуетъ, а по самому существу своему не можетъ не ставить психологическихъ препятствій, если онъ представляется путемъ къ освобожденію и начинаетъ сосредоточивать на себѣ общественныя надежды.

Терроръ несомнѣнно очень волновалъ все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волненіе, самодовлѣющее, не толкающее къ дѣйствію, сродни эстетическому волненію, вызываемому великими художественными произведеніями. Иной либеральный обыватель могъ плакать отъ умиленія передъ геройствомъ террористовъ, но его собственной жажды дѣятельности и способности къ риску это не увеличивало. Между героями и имъ была пропасть. Дѣйствующими террористами по самой сути дѣла могли быть лишь очень немногіе, исключительные по своей энергіи, безстрашію, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатлѣнія, производимаго ихъ дѣлами, заставляла блѣднѣть и терять привлекательность всѣ другія дѣла, начавшіяся казаться „пустяками". Вся активность, вся энергія сосредоточились въ горсти героевъ, духъ борьбы не разливался въ ширь по мѣрѣ ея заостренія, а находилъ исходъ лишь въ сочувствіи, въ вѣрѣ въ „Исполнительный Комитетъ": онъ освободитъ.

При такомъ направленіи общественной энергіи не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться нѣкоторымъ психическимъ разстройствомъ, произведеннымъ терроромъ въ правительствѣ, такъ какъ ужъ этого-то ни въ какомъ случаѣ не могла сдѣлать нелегальная организація террористовъ. А съуженіе революціоннаго подъема, какъ бы ни было сильно обостреніе, само по себѣ вело къ его истощенію. Передача борьбы за освобожденіе въ руки горсти героевъ, какой бы сверхчеловѣческой силой они ни обладали, не только не вредитъ самодержавію, а сама является слѣдствіемъ чувствъ и понятій, унаслѣдованныхъ отъ самодержавія. Его вѣрные слуги обязаны думать, что всѣ дѣла родной страны, ея законы и учрежденія зависятъ всецѣло отъ высшаго начальства, — въ принципѣ отъ одного человѣка, — а остальные подданные могутъ по собственной иниціативѣ только „ура" кричать. Но если сторонники свободы, предоставляя ея завоеваніе горсти героевъ, оставляютъ за собою лишь то же самое „ура" въ глубинѣ души или въ разговорѣ съ пріятелями, — развѣ это не наслѣдіе самодержавія?

А съ другой стороны, мнѣ вспоминается одинъ разговоръ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" между Иваномъ и Алешей. Иванъ спрашиваетъ брата, можетъ-ли онъ допустить, чтобы люди, если бы для ихъ счастья нужно было „замучить одно только крохотное созданьице, одного ребеночка", могли согласиться на это. Алеша отвѣчаетъ, что на это согласиться нельзя.

Отвѣтить утвердительно на вопросъ Ивана, сказать, что „счастье" (или избавленіе отъ длящагося бѣдствія, называемаго самодержавіемъ) стоитъ страданія, съ полнымъ правомъ могутъ всѣ тѣ, но только тѣ — не правда-ли? — кто себя ставитъ рядомъ съ „ребеночкомъ", кто на себя готовъ взять долю и работы, и риска, и страданія, коли понадобится. У героевъ-террористовъ было много поклонниковъ, но имъ однимъ досталось не только все дѣло, но и все страданіе. Еще счастливы были тѣ, кого казнили немедленно, но что вынесли остальные, которыхъ годъ за годомъ замучивали въ Шлиссельбургѣ! Ихъ порѣдѣвшіе остатки и теперь еще доживаютъ тамъ у могилъ замученныхъ товарищей...

Хорошо, если бы всѣ, кому хочется теперь возобновленія террора, спросили себя: что будутъ они дѣлать во время террора и гдѣ будутъ во время расплаты за него?

* * *

Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ терроръ зародился на почвѣ безнадежности разбудить крестьянъ. Для многихъ изъ террористовъ онъ былъ лишь оружіемъ отчаянія, заставляющаго отдавать жизнь за то только, чтобы, по выраженію Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающаго своими петлями тѣло Россіи.

Въ настоящій моментъ русскимъ людямъ, желающимъ стободы, нѣтъ никакихъ причинъ отчаяваться. Нужно только, чтобы всѣ сторонники свободы, всѣ враги нагайки поняли, что на этотъ разъ побѣда возможна, если всѣ они примутъ въ борьбѣ то или иное посильное участіе, что нечестно и безсердечно смотрѣть на борьбу сложа руки, что — съ ними или безъ нихъ — она пойдетъ своимъ чередомъ — къ побѣдѣ, если всѣ захотятъ ей содѣйствовать, — къ новымъ „восьмидесятымъ годамъ", къ новому (временному, конечно) торжеству спокойствія, царствовавшему на Шипкѣ, если общая задача будетъ свалена на плечи одного отборнаго передового отряда.

В. Засуличъ.

*) За послѣдніе полтора вѣка такія же рогатки противъ „просвѣщенія" и объединенія своихъ подданныхъ строили всѣ пережившія себя правительства континентальной Европы, и всюду онѣ заранѣе опрокидывались стремившимся къ свободѣ населеніемъ. Чуть не вся литература французскаго „просвѣщенія" печаталась въ Голландіи и, не смотря на сжиганіе книгъ и на Бастилію, жадно читалась во Франціи. Меттерниховская Австрія почти перестала читать книги, не запрещенныя австрійской цензурой. Вся континентальная Европа первой половины девятнадцатаго вѣка кишѣла тайными обществами отъ сравнительно умѣренныхъ до самыхъ крайнихъ.

И у насъ за послѣдніе годы рабочіе имѣютъ свободную печать, въ ихъ средѣ не прерываются организаціи. Все это еще далеко не совершенно и оставляетъ желать очень многаго относительно какъ качества, такъ и количества, но страхъ передъ запрещенной начальствомъ книжкой убитъ безвозвратно, и спросъ на нее во много разъ превышаетъ удовлетвореніе. Когда волнуются студенты, и они тоже создаютъ свою гласность бюллетеней, свои комитеты. Если наша широкая интеллигентная публика обыкновенно обходится безъ свободной печати, то причина этого заключается лишь въ недостаткѣ активности и энергіи. Развитіе популярной рабочей литературы встрѣчаетъ задержки въ простомъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ. Такихъ задержекъ не могла бы встрѣтить литература, въ которой нуждалась бы несравненно болѣе зажиточная интеллигентная публика. Если такой литературы нѣтъ, то только потому, что потребность въ ней еще не переросла привычной трусости и инерціи.

Посвящается читателю-другу.

„Паче всего люби родную литературу, и званіе литератора предпочитай всякому другому" — писалъ Салтыковъ, умирая, своему сыну.

Мы сказали бы такъ: превыше всего ставь достоинство и честь свободной человѣческой рѣчи и, любя родную литературу, званіе революціонера предпочитай всякому другому.

Исторія печатнаго слова въ Россіи — скорбная исторія безконечныхъ поношеній и утонченнаго издѣвательства. Въ самодержавномъ застѣнкѣ неустанно пытали и пытаютъ музу русскаго писателя — „эту блѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную музу". И если порой — въ кои вѣки — ей легче становится жить и вольготнѣй дышать, то лишь потому, что гдѣ-то раздалось — властно и страстно — революціонное „слово и дѣло" Обратитесь къ прошлому: въ „вольностяхъ" „Современника" и „Русскаго Слова", въ цензурной реформѣ 1865 г. вы услышите явственный звонъ герценовскаго „Колокола". И если въ 1880-1881 гг. на литературу нежданно пахнуло мимолетной „весной", то знайте — это народовольческая когорта самоотверженныхъ пронеслась блестящимъ, но скоро меркнущимъ метеоромъ по темному небу русской дѣйствительности.

Куда же оно скрылось, это вѣщее слово, гдѣ обаяніе подполья? Не подлежитъ сомнѣнію — въ наше смутное время тревожныхъ ожиданій и колеблющихся надеждъ революціонеръ — не въ фаворѣ, его дѣйствіе происходитъ за кулисами исторической сцены, не слышимое и не видимое большою публикой, и слово его не гудитъ, сзывая свободныхъ духомъ людей

Какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ!

Сѣрое время, мелкіе люди, — еще недавно слышался ропотъ. Какой-то историческій антрактъ: былое завершилось катастрофой, грядущее сбирается съ силами. Бродятъ стихіи, вершится кротовая работа, но когда же, когда настанетъ моментъ, и тайное сдѣлается явнымъ, и вялость антракта уступитъ мѣсто героизму всероссійской трагедіи.

Намъ, русскимъ соціалдемократамъ, не мѣшало бы призадуматься надъ доносящимся ропотомъ. Правые вчера, мы можемъ оказаться виновными завтра и, не ставъ рулевыми движенія, захлебнуться въ его бурныхъ волнахъ.

Дѣти мрачной годины, мы вышли когда-то на работу при брезжущемъ свѣтѣ едва занимавшагося утра. Все спало вокругъ или бормотало съ просонья, когда мы начали строительство. Камень за камнемъ возводили мы зданіе, крѣпили фундаментъ и, нащупывая каждый свой шагъ, проторяли дорогу, подвигаясь впередъ, къ увѣнчанію нашего зданія.

Вмѣстѣ съ грудой разбитыхъ иллюзій, намъ досталась въ наслѣдье отъ прошлаго память о тѣхъ, чья...

Пѣснь безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла...

Тѣни погибшихъ стояли передъ нами, и немолчно звенѣло въ ушахъ: слава застрѣльщикамъ, первымъ борцамъ, увлекающимъ массы и вдохновляемымъ ими. Но за то — горе тѣмъ, кто замкнется въ кружкахъ, изойдетъ въ партизанскомъ геройствѣ. Ихъ встрѣтитъ — сдержанный шопотъ либеральныхъ похвалъ, и проводитъ въ могилу — лобзаніе Іуды. Въ рѣшительную минуту рабъ выдастъ героя и юркнетъ въ свою теплую нору... Становитесь въ шеренги великаго войска, стройно и въ ногу идущаго къ цѣли. Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ: воинствующій пролетаріатъ постоитъ за себя, отомститъ свои жертвы...

Русская жизнь — аморфное цѣлое, надъ которымъ паритъ духъ наглаго хищника и самодержца-бюрократа. Въ атмосферѣ еле тлѣющаго сознанія и сознающаго себя безсилія протекалъ — медленно, но вѣрно — процессъ кристаллизаціи новаго общественнаго элемента. Конечно, стороннему наблюдателю (изъ породы строгихъ критиковъ) видны были однѣ неприглядныя формы и сѣрыя краски процесса: какая скука, какая проза! Копейка на рубль — и это лозунгъ!..

И въ то самое время, какъ платоническій любовникъ революціонной эстетики будировалъ растущее движеніе, соціалдемократу было по горло работы — въ лабораторіи русской революціи. Такъ много мелкой, невидной, но засасывающей работы, что не всегда удавалось ему, когда нужно, взглянуть за стѣны своей лабораторіи. Его глазъ, прикованный къ одному мѣсту и обостренный въ уловленіи деталей, становился порой близорукимъ и терялъ общественную перспективу. Но эта бѣда была полубѣдой до тѣхъ поръ, пока безысходный, казалось, застой мертвилъ все живое, лучъ сознанія пробирался ползкомъ въ обывательскія головы, и каждый „сверчокъ" на Руси зналъ только „шестокъ", дарованный ему — отъ начальства. Тогда лабораторія была — цѣлый міръ, самодовлѣющій и цѣльный.

Положеніе стало инымъ, лишь только забродило кругомъ. Свистъ казацкой нагайки дѣйствительнѣе краснорѣчивыхъ рѣчей и сознательнѣй пѣнія — любой революціонной сирены. Пробивъ толстую кару равнодушія, онъ „ударилъ по сердцамъ съ невѣдомой силой" и всколыхнулъ обывательскую трясину. Вопросъ о „правахъ человѣка и гражданина", политическій вопросъ всталъ — ярко и неотразимо — передъ пестрой толпой негодующаго люда. Онъ всталъ передъ студентомъ, забритымъ въ солдаты; передъ рабочимъ, пришедшимъ платить свой долгъ молодежи; передъ писателемъ, наказаннымъ за то, что въ немъ заговорилъ голосъ чести; передъ всѣмъ тѣмъ народомъ, не желавшимъ безстрастно созерцать человѣческую бойню и за это — избитымъ. Онъ всталъ — и взвалилъ на соціалдемократа тяжелую ношу. Кому много дано, съ того много и спросится. Годами слагавшейся соціалдемократіи дано то, чего не имѣетъ никто — въ средѣ русской оппозиціи: даны элементы организаціи. Придя къ перекрестку, на которомъ сошлись многообразные пути общественнаго движенія, соціалдемократія должна учесть свой балансъ и подвести итогъ пріобрѣтенному. Окажется-ли она на высотѣ положенія, вровень отвѣтственному моменту переживаемой исторіи? Въ ея рукахъ безцѣнное орудіе — пресса, — заостренное и отточенное на зло самодержавно-чиновной кликѣ. Передовой пролетаріатъ эмансипировалъ себя отъ цензурной указки, ему надлежитъ понести теперь эту свободу и другимъ — въ среду всѣхъ недовольныхъ. А для это надо — усовершенствовать орудіе, приведя его въ соотвѣтствіе съ усложненной задачей, — надо умѣть вонзать ножъ анализа во всѣ изгибы дѣйствительности, надо умѣть отражать многогранность ея — подъ своимъ угломъ зрѣнія. Готова-ли къ этому соціалдемократія?

Газетное дѣло — хоровое дѣло, оно спорится въ рукахъ не солистовъ, а запѣвалъ подхватывающаго хора. И плохо придется пѣвцу-писателю, который не услышитъ за собой согласной поддержки хористовъ-читателей. Читатель-другъ, читатель-сотрудникъ необходимый устой писателя: болѣетъ одинъ, хвораетъ другой, страдаетъ все цѣлое. Какъ Салтыковъ молилъ когда-то читателя: другъ, защити! такъ и теперь соціалдемократу-писателю приходится взывать: другъ, помоги, вперяй свой пытливый взоръ во все живущее и неси свободному станку сконцентрированную боль, подслушанный стонъ, страдальческій крикъ твоей родины. Шире кругозоръ, надо вдаль учиться смотрѣть!

И только тогда, когда соціалдемократія во всеоружіи подойдетъ къ узловому пункту исторіи, раздастся опять давно забытое вѣщее слово, и революціонера будутъ чтить на Руси всѣ тѣ, кому дорого имя — свобода!

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Царское утѣшеніе безработнымъ. Безработица на югѣ все растетъ. Какъ сообщаетъ корреспондентъ „Новаго Времени", къ 15-му января только въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ насчитывалось около десяти тысячъ безработныхъ. Въ началѣ же февраля, когда надежды углепромышленниковъ на улучшеніе дѣлъ не оправдались, число безработныхъ „стало увеличиваться не по днямъ, а по часамъ". Какъ сообщаетъ корреспондентъ упомянутой газеты, „для болѣе точнаго выясненія причинъ безработицы" екатеринославскій губернаторъ гр. Келлеръ созвалъ въ Горловкѣ съѣздъ „изъ освѣдомленныхъ лицъ, близко стоящихъ къ горнозаводской промышленности". Но, вѣроятно, для того, чтобы съѣздъ не доискался слишкомъ „точно" дѣйствительныхъ причинъ безработицы, графъ Келлеръ сказалъ передъ открытіемъ его: „При проѣздѣ Его Величество Государь Императоръ изволилъ выразить увѣренность, что уменьшеніе производительности фабрикъ, заводовъ и каменноугольныхъ копей должно считать заминкой въ производствѣ, но никакъ не кризисомъ, и что заминка эта временная". Утѣшьтесь, безработные! Его Величество увѣрено, что вы голодаете не по причинѣ промышленнаго кризиса, а только по случаю „заминки"! Это великое утѣшеніе. Когда въ 1891-92 гг. голодало 40 милліоновъ крестьянъ, правительство воспретило употреблять слово „голодъ", замѣнивъ его „недородомъ". Это обстоятельство не помѣшало крестьянамъ помирать отъ голоднаго тифа. Но рабочіе, въ отличіе отъ крестьянъ, умѣютъ отвѣчать на голодовку не только смертью, но и бунтами. Вотъ почему, не довольствуясь замѣной слова „кризисъ" болѣе успокоительнымъ „заминка", правительство, въ лицѣ графа Келлера, приняло мѣры къ очищенію Екатеринославской губерніи отъ безпокойной толпы безработныхъ, особенно неудобной передъ первымъ мая, или, какъ выражаются либеральныя „Русскія Вѣдомости", „приняло мѣры къ облегченію нужды". Именно, графъ Келлеръ предложилъ всѣхъ уже разсчитанныхъ рабочихъ и тѣхъ, которые будутъ разсчитаны до 14-го марта, перевезти безплатно на мѣста родины. Мѣра эта принята съѣздомъ. Говоря проще, отъ безработицы царское правительство помогаетъ рабочимъ безплатной высылкой ихъ на родину, гдѣ они могутъ безпрепятственно голодать, никого не смущая своимъ видомъ и не вызывая опасеній о нарушеніи общественнаго порядка. Будьте спокойны, безработные! Его Величество увѣрено, что это только „временная заминка"; по окончаніи ея капиталисты гостепріимно пригласятъ васъ обратно, а торговцы живымъ товаромъ — подрядчики — охотно снабдятъ васъ деньгами на — уже платный — обратный проѣздъ съ мѣста родины!

Бѣлостокъ. 4-го марта Бѣлостокъ былъ въ первый разъ свидѣтелемъ большой уличной демонстраціи — хоронили еврейскаго щетинщика Высоцкаго, умершаго отъ чахотки. Въ похоронной процессіи приняло участіе до двухъ тысячъ человѣкъ. Гробъ былъ украшенъ красной лентой съ еврейской надписью: „соціалисты — борцу за свободу". На главной улицѣ, Николаевской, по которой направилась процессія, запѣли революціонныя пѣсни. Около тюрьмы къ пѣснямъ присоединились возгласы: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ!" День былъ праздничный, и на улицахъ замѣчалось необычное оживленіе. Большая толпа примкнула къ процессіи и проводила ее до самаго кладбища, за нѣсколько верстъ отъ города. Жандармерія и полиція растерялись и не знали, что дѣлать. На кладбищѣ были произнесены революціонныя рѣчи. Въ одной изъ нихъ упоминалось, между прочимъ, и объ убійствѣ Боголѣпова. Отдавъ послѣдній долгъ товарищу, всѣ съ пѣніемъ повернули назадъ къ городу. Только тогда полиція рѣшилась, наконецъ, вмѣшаться и сдѣлала попытку разогнать собравшихся. Произошло небольшое столкновеніе, и былъ арестованъ одинъ рабочій. Въ городѣ только и рѣчи, что о демонстраціи. Впечатлѣніе сильнѣйшее. Сочувствіе всѣхъ круговъ на сторонѣ рабочихъ.

Николаевъ. На прошлой недѣлѣ (15-го или 16-го марта) въ нашемъ коммерческомъ порту произошла стачка рабочихъ, занятыхъ нагрузкой зерноваго хлѣба на иностранныхъ пароходахъ. Грузовые рабочіе формируются отчасти изъ босяковъ или лицъ, не нашедшихъ себѣ заработка; немало лицъ изъ мѣстнаго населенія занимаются этимъ дѣломъ съ ранней молодости. Обыкновенно рабочіе нанимаются подрядчиками, у которыхъ работаютъ по цѣлымъ годамъ и которые, благодаря этому, сильно наживаваются, а нѣкоторые составили себѣ очень изрядныя состоянія. Нанимаются рабочіе черезъ прикащиковъ въ трактирахъ часа въ три утра и работаютъ до поздняго вечера съ небольшимъ перерывомъ для завтрака и часовымъ отдыхомъ для обѣда. Плата поденная колеблется отъ 1 до $2^1/_2$ рублей, иногда лѣтомъ доходя въ горячую пору до 3-4 руб. Разсчетъ производится въ трактирѣ въ тотъ же или на другой день, при чемъ не обходится довольно часто безъ обмана въ видѣ недодачи слѣдуемыхъ по условію денегъ, которыя распредѣляются по карманамъ прикащиковъ или самого подрядчика.

Работа очень тяжелая. Мѣшки въ 5-8 пудовъ приходится снимать съ повозки себѣ на плечи, нести ихъ въ согнутомъ положеніи по сходнямъ на протяженіи 7-8 саж. и на высоту 2-3 саж. и затѣмъ ссыпать зерно въ трюмъ, не спуская съ плечъ мѣшка. Работа на солнцѣ и подъ непогодой крайне однообразная и утомительная и въ добавокъ причиняющая болѣзнь глазъ и легкихъ массой пыли, которая сыплется съ мѣшковъ. Всю зиму у насъ не было грузки. Лишь на прошлой недѣлѣ появилась работа срочная. Бергъ, самый крупный изъ подрядчиковъ, получилъ предложеніе представить 300 чел. рабочихъ. Онъ нанялъ ихъ по 1 р. 20 к. въ день. Началась работа, но вдругъ около полудня всѣ бросили работу, собрались на площади около пристани, и здѣсь начались разговоры о томъ, что слѣдуетъ увеличить плату до двухъ рублей (вѣдь добились же марсельскіе, почему же и намъ не попытаться — говорили рабочіе), работать только до гудка (до 6 час. вечера), наемъ и расплату производить не въ трактирахъ, а на пристани. Требованія эти были устно предъявлены самому подрядчику Бергу. Тотъ сначала прикинулся непонимающимъ, а потомъ сталъ всячески застращивать рабочихъ, но тѣ не поддавались. И подрядчику въ виду срочности грузки ничего не оставалось какъ уступить. Но онъ, конечно, не могъ имъ простить своей уступки. Возмущенный упорствомъ рабочихъ, онъ обратился за содѣйствіемъ къ полиціи. И на другой день чуть свѣтъ на пристани появились чины, которые начали было усовѣщать рабочихъ, но, видя ихъ стойкость, оставили ихъ въ покоѣ. Тѣмъ временемъ рабочіе, имѣя въ виду угрозу Берга выписать рабочихъ изъ другихъ городовъ, рѣшили не допускать конкурренціи, и въ случаѣ, если бы появились конкурренты, предложить имъ работать на тѣхъ же условіяхъ, иначе не допускать ихъ къ работѣ. Выбрали старосту, который распредѣлялъ бы работу, устанавливалъ бы очередь, наблюдалъ бы за исполненіемъ условій. Рабочіе придумали было еще больше повысить заработную плату. Узнавъ объ этомъ черезъ своихъ прикащиковъ, подрядчикъ Бергъ попробовалъ воздѣйствовать вновь на рабочихъ, но услыхалъ отъ одного изъ нихъ: „вѣдь вамъ, очевидно, выгодно, если вы уступили". Тутъ подрядчикъ совсѣмъ потерялъ терпѣніе. Понимаете, говоритъ онъ, онъ мнѣ сказалъ: вамъ выгодно — и „очевидно". Это „очевидно" не давало ему покоя, давило его, и онъ рѣшилъ облегчить себя въ кабинетѣ жандармскаго управленія. Полковникъ принялъ большое участіе въ его горѣ. Бергъ указалъ какъ на виновника всего этого на рабочаго Половинкина, котораго рабочіе выбрали въ старосты. Жандармскій полковникъ не заставилъ себя долго просить, и Половинкинъ 18-го марта былъ арестованъ, а затѣмъ отправленъ на родину въ Тверскую губернію. Но дѣло все-таки продолжается. Рабочіе получаютъ по два рубля въ день, нанимаются на пристани и работаютъ только до свистка. А очередь они сами между собой распредѣляютъ.

Изъ Иваново-Вознесенска намъ пишутъ: 18-го января у насъ на Бакулинской фабрикѣ было маленькое столкновеніе съ завѣдующимъ фабрикой Грязновымъ и помощникомъ фабричнаго инспектора Капица. Поводомъ послужило частое задержаніе заработковъ, далѣе пониженіе расцѣнковъ, вызванное введеніемъ новыхъ сортовъ ткани, грубое обращеніе и частые штрафы. Всѣ переговоры съ г. Грязновымъ не привели ни къ чему. На наше требованіе, чтобы расцѣнки при выработкѣ новыхъ сортовъ ткани были немедленно вывѣшены, что иначе рабочіе рискуютъ вмѣсто обычныхъ 15-18 руб. вырабатывать всего руб. семь въ мѣсяцъ, Грязновъ отвѣтилъ довольно вызывающе: „Ну, и будете работать за 7 руб., коли не дамъ больше". Тогда мы потребовали къ себѣ помощника фабричнаго инспектора. На это Грязновъ отвѣтилъ съ ироніей: „Вызывайте и помощника; все равно, будетъ по моему". Въ тотъ же день пріѣхалъ помощникъ фабричнаго инспектора, который при видѣ громаднаго числа собравшихся рабочихъ пришелъ въ ярость и набросился на насъ съ пѣной у рта. Конечно, мы, рабочіе, этого не испугались и заявили ему объ обязанностяхъ фабричнаго инспектора и о томъ, чтобы онъ разобралъ дѣло по существу. Выборные (чел. 15) предъявили Капицѣ такія требованія: 1) своевременная выдача заработной платы; 2) уровнять заработокъ на новой работѣ такъ, чтобы общій мѣсячный заработокъ не понизился: уничтоженіе товара „саручи", какъ очень вредно отзывающагося на здоровьи рабочихъ; 3) сокращеніе штрафовъ, чтобы штрафы налагались исключительно за небрежность; 4) болѣе наблюдать за чистотой отхожаго мѣста и улучшить гигіеническія условія; 5) удалить завѣдующаго (онъ же и мастеръ) за очень дурное отношеніе къ рабочимъ. Все это помощникъ инспектора записалъ, давъ отвѣтъ въ уклончивой формѣ — молъ, поговорю объ этомъ съ хозяиномъ фабрики, а вы ступайте работать. На другой день мы напрасно ожидали помощника въ назначенное время, — онъ не явился и пришлось опять вызывать его. На этотъ разъ помощникъ инспектора уже не кричалъ на насъ, какъ наканунѣ, а старался втолковать рабочимъ покорность и рабское подчиненіе хозяину и его завѣдующему Грязнову, ибо это, молъ, требуетъ законъ. „По закону вы не имѣете права жаловаться и требовать отъ хозяина поступковъ, которые онъ находитъ для себя нежелательными. Вы должны принять тѣ расцѣнки, которые онъ вамъ предлагаетъ, а кто не желаетъ, пусть заявитъ разсчетъ и пусть не мѣшаетъ работать другимъ". Относительно штрафовъ помощникъ инспектора сказалъ, что на нашей фабрикѣ штрафуютъ совсѣмъ мало, что на другихъ фабрикахъ штрафуютъ гораздо больше; отхожее мѣсто тоже прекрасно, и если и есть грязь, то онъ, инспекторъ, видѣлъ еще болѣе грязныя и худшія; завѣдующій Грязновъ, по словамъ помощника инспектора, оказался очень хорошимъ человѣкомъ. На это рабочіе отвѣтили ему, что если онъ не уберетъ отъ нихъ Грязнова, то они сами постараются сдѣлать это. — Такъ отнесся къ нашимъ требованіямъ приставленный правительствомъ защитникъ рабочаго класса. Но рабочіе стояли на своемъ и цѣлую недѣлю почти ежедневно вызывали помощника инспектора, что послѣднему очень надоѣло. Въ концѣ концовъ г. Капица принялъ самыя суровыя мѣры противъ рабочихъ, и хотя рабочіе указывали ему, что онъ помощникъ фабричнаго инспектора, а не полицейскій чиновникъ, онъ все-таки призвалъ полицмейстера, который явился съ казаками. Кончилось все же тѣмъ, что удовлетворили часть рабочихъ требованій, уплатили по старому расцѣнку по день заявленія и дали нѣкоторыя обѣщанія.

* * *

Мы можемъ посовѣтовать товарищамъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ такими фабричными инспекторами, какъ Капица, бойкотировать ихъ, т. е. отказываться объяснять имъ свои свои жалобы, указывая на ихъ полицейскій образъ дѣйствій. Капиталисты давно завели обычай сообщать своимъ собратьямъ списки тѣхъ рабочихъ, которые уволены за непокорный нравъ, для того, чтобы ихъ никуда не принимали. Поступайте такимъ же образомъ, товарищи, и обращайтесь къ собратьямъ по труду на другихъ фабрикахъ съ предложеніемъ не имѣть дѣла съ г.г. Капицами, которымъ рабочіе должны объяснять, что они поставлены не полицейскими, а наблюдателями за исполненіемъ законовъ фабрикантами. Такой же образъ дѣйствій рекомендуемъ по отношенію къ полицмейстерамъ, которые являются съ казаками туда, гдѣ и въ поминѣ нѣтъ какихъ-либо безпорядковъ. Отказывайтесь объясняться съ полиціей о своихъ нуждахъ и заявляйте, что объ этомъ будете разговаривать съ чинами инспекціи (тѣми, которые захотятъ вести себя какъ инспектора, а не какъ полицейскіе) только тогда, когда полиція уберется во свояси. Если полиція не уйдетъ, совѣтуемъ въ подобныхъ случаяхъ поступать такъ: прекратить всякіе разговоры о своемъ недовольствѣ и работать спокойно, пока полиція не удалится, а когда она это сдѣлаетъ, снова браться за свое и вызывать инспекцію. Въ заключеніе добавимъ, что русскіе рабочіе только тогда добьются того, чтобы фабричная инспекція исполняла свой долгъ, когда инспектора, какъ всѣ другіе чиновники, будутъ зависѣть не отъ министровъ, какъ теперь, а отъ выбраннаго всенародно и всѣмъ государствомъ управляющаго Земскаго Собора (парламента) и когда рабочіе будутъ имѣть свободу собраній и печати, чтобы всенародно клеймить и держать въ уздѣ рьяныхъ лакеевъ капитала, какъ разные г.г. Капицы.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Петербургскій „Комитетъ Рабочей Организаціи" продолжаетъ издавать свой періодическій „Листокъ". Намъ доставлены номера 5-8. Содержаніе этихъ листковъ носитъ на себѣ слѣды критическаго момента, переживаемаго петербургскими рабочими, какъ и рабочими большей части Россіи. Безработица и общій застой въ производствѣ должны были необходимо отозваться полной пріостановкой того стачечнаго движенія, которое до сихъ поръ составляло главное основаніе дѣятельности нашихъ мѣстныхъ организацій, опредѣляя собой и содержаніе ихъ агитаціи. Передъ фактомъ повсемѣстнаго общаго ухудшенія положенія рабочихъ массъ и массовой безработицы совершенно блѣднѣютъ факты частныхъ столкновеній труда съ капиталомъ, поглощавшіе до сихъ поръ главное вниманіе нашихъ товарищей-практиковъ. Пришлось направить агитацію на основные вопросы положенія рабочаго класса, на вопросы о классовой борьбѣ въ цѣломъ, о ея конечныхъ цѣляхъ и ближайшихъ общихъ задачахъ русскаго рабочаго движенія. Такимъ образомъ, сама жизнь вынуждаетъ практическихъ дѣятелей партіи стать на путь такой агитаціи, которая исходитъ изъ основныхъ моментовъ классового положенія пролетаріата и освѣщаетъ въ сознаніи массъ историческій смыслъ ихъ соціальной борьбы. Издаваемые „Комитетомъ Рабочей Организаціи" листки въ этомъ отношеніи носятъ характеръ, совершенно отличный отъ того, какимъ отличались прокламаціи „Союза Борьбы" за послѣдніе два-три года.

Само собою разумѣется, что все наше сочувствіе на сторонѣ такой широкой агитаціи. Но мы полагаемъ, что та тактика, которой въ настоящее время старается держаться „Комитетъ Рабочей Организаціи", умѣстна и необходима не только въ моменты кризиса, но что она должна опредѣлять содержаніе агитаціи, ведущейся всякой мѣстной организацией, въ моменты расцвѣта промышленности такъ же, какъ и въ періодъ застоя. Только такая широкая и принципіально выдержанная тактика, постоянно ведущая передовымъ отрядомъ рабочаго движенія, способствуетъ соціалистическому и политическому развитію рабочихъ массъ. Напротивъ, тактика, которой держались до сихъ поръ петербургскіе товарищи изъ „Союза Борьбы", тактика, всецѣло обусловленная частными столкновеніями рабочихъ съ капиталистами на почвѣ частныхъ вопросовъ профессіональнаго характера, должна была сдѣлать какъ самыя массы, такъ и ихъ передовой отрядъ — организованныя группы — неподготовленными къ твердой и рѣшительной агитаціи, ставшей очевидной для всѣхъ необходимостью въ моментъ общаго кризиса.

Именно объ этой неподготовленности с.-петербургской организаціи къ успѣшному организаціонному использованію условій, созданныхъ для рабочаго класса безработицей, и свидѣтельствуютъ листки петербургскаго „Комитета". Мы видимъ несомнѣнное стремленіе освободиться отъ узости исключительно стачечнаго движенія, вкоренившагося въ петербургскихъ дѣятеляхъ за послѣдніе годы. Чувствуется, что мысль рвется за эти тѣсные предѣлы въ поискахъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы. И въ то же время замѣчается, что люди не выяснили самимъ себѣ достаточно твердо, какія средства борьбы примѣнимы въ настоящее время для русскаго пролетаріата.

Въ первыхъ листкахъ мы замѣчаемъ одинъ голый призывъ рабочихъ массъ къ организаціи, причемъ ближайшія цѣли этой организаціи формулируются еще въ старомъ духѣ „Раб. Мысли" — борьба съ капиталистами путемъ стачекъ за лучшія условія труда въ данной отрасли. Въ листкѣ ном. 5 (декабрь 1901 г.), объясняя рабочимъ невозможность стачки во время промышленнаго застоя, „Комитетъ" предлагаетъ рабочимъ организоваться и переждать, пока наступитъ новый подъемъ промышленности (почему-то ожидавшійся послѣ рождественскаго праздника), чтобы тогда устроить всеобщую стачку. При этомъ предполагается выставить самыя разнообразныя требованія отъ сокращенія рабочаго дня до улучшенія санитарныхъ условій труда и отъ „правъ устраивать потребительныя лавки" до свободы стачекъ, союзовъ и собраній.

Въ листкѣ ном. 6 (январь 1901 г.) „Комитетъ", предвидя возможность продленія безработицы, указываетъ рабочимъ на другое средство борьбы, пригодное и во время застоя — манифестація, о которой подробнѣе говорится въ ном. 7, причемъ ясно поставлено уже основное политическое требованіе рабочаго класса — „право участія въ составленіи и изданіи законовъ и въ управленіи государствомъ при посредствѣ своихъ выборныхъ". Но этотъ призывъ къ манифестаціи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ совѣтами, которые „Комитетъ", слѣдуя ученію „Раб. Мысли", давалъ въ своихъ первыхъ листкахъ. Тамъ онъ, призывая къ стачкѣ, отвергалъ всякую публичную демонстрацію, ссылаясь на знаменитый отзывъ Клейгельса о томъ, что онъ справится съ 10.000 рабочихъ, вышедшихъ на улицу, и ничего не подѣлаетъ противъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ, сидящихъ по домамъ.

Такимъ образомъ, „Комитетъ петербургской организаціи", повидимому, отражаетъ въ своей агитаціонной литературѣ тотъ ходъ развитія, который прошло сознаніе петербургскихъ рабочихъ массъ въ теченіе періода промышленнаго кризиса. Но передовой организаціонный отрядъ рабочаго класса не можетъ ограничиться такою ролью пассивнаго выразителя пониманія только вовлеченныхъ въ движеніе массъ. Онъ долженъ стоять на высотѣ пониманія всего рабочаго движенія въ цѣломъ, и только въ этомъ случаѣ онъ можетъ играть активную роль въ руководствѣ движеніемъ массъ. Онъ долженъ неустанно и неумолчно излагать массамъ соціалдемократическую программу, пропагандировать и примѣнять всѣ пригодныя для движенія тактическіе пріемы и каждый критическій моментъ долженъ его заставать готовымъ къ дѣйствію.

Еслибъ петербургскій „Комитетъ" приступилъ къ своей дѣятельности вполнѣ вооруженнымъ въ этомъ отношеніи, если бы, прежде всего, въ періодъ, предшествовавшій его возникновенію, среди рабочихъ С.-Петербурга выработалось болѣе глубокое пониманіе основныхъ задачъ нашего движенія, несомнѣнно, что его политическая агитація за прошедшую зиму привела бы къ болѣе замѣтнымъ результатамъ. Тогда бы и политическій кризисъ, вызванный студенческимъ движеніемъ и такъ удачно совпавшій съ кризисомъ экономическимъ, не засталъ бы врасплохъ авангардъ петербургскихъ рабочихъ и послѣдній съумѣлъ бы стать во главѣ тѣхъ рабочихъ массъ, которыя приняли участіе въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ 20-го февраля и 4-го марта и придать участію этихъ массъ болѣе сознательный характеръ.

Листокъ ном. 8, изданный ко дню 19-го февраля, выгодно отличается отъ всѣхъ прочихъ какъ яркостью изложенія, такъ и серьезностью политической мысли. Пожелаемъ „Комитету Петербургской Рабочей Организаціи" поскорѣе оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ жандармеріей и усиленной принципіально выдержанной агитаціей наверстать то, что упущено петербургскимъ рабочимъ движеніемъ въ періодъ нераздѣльнаго господства въ немъ „экономистовъ" „Рабочей Мысли".

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что „Комитетъ" выпустилъ прокламацію по поводу демонстраціи 4-го марта, въ которой петербургскіе рабочіе призываются примѣнять этотъ способъ борьбы за политическую свободу.

Вышедшій въ мартѣ ном. 4 „Южнаго Рабочаго" — такое же отрадное явленіе въ нашей нелегальной печати, какъ и ном. 3, имѣвшій громадный успѣхъ повсюду въ Россіи. Всѣ статьи, написанныя на самыя разнообразныя темы, проникнуты однимъ и тѣмъ же строго выдержаннымъ направленіемъ; какъ соціалистическія, такъ и политическія цѣли движенія подчеркиваются при разсмотрѣніи каждаго вопроса. Передовая статья призываетъ южнорусскихъ рабочихъ къ активной политической борьбѣ посредствомъ манифестацій и всеобщей стачки и заканчивается приглашеніемъ готовиться къ майскому празднику. Живо написанная статья „Кто виноватъ" (почему падаетъ заработная плата на южнорусскихъ заводахъ) подводитъ итоги развитію южнорусской промышленности за послѣднее десятилѣтіе, закончившемуся кризисомъ, и разсматриваетъ, какъ отразился этотъ ходъ развитія на рабочихъ. Статья о неприкосновенности личности въ Россіи призываетъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ „за лучшую долю рабочихъ, за освобожденіе деревни отъ послѣднихъ цѣпей рабства, за побѣду свѣта надъ мракомъ и невѣжествомъ, за свободу, равенство и братство народовъ". Отмѣтимъ, что статьи на такія темы — новое, очень симпатичное явленіе въ нашей рабочей печати. Статья „XIX-ый вѣкъ" даетъ сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно полно составленный обзоръ соціальной эволюціи въ протекшемъ вѣкѣ. Весьма богатъ отдѣлъ корреспонденцій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый типъ агитаціонной печати, созданный „Южнымъ Рабочимъ", подвергнется многимъ нападкамъ. Мы совѣтуемъ южнымъ товарищамъ не смущаться этими нападками и продолжать свое дѣло, такъ какъ они стоятъ на вѣрной дорогѣ. Совѣтуемъ имъ не вѣрить, будто бы ихъ газета по серьезности содержанія не соотвѣтствуетъ уровню пониманія русскихъ рабочихъ массъ, совѣтуемъ не обращать вниманія на требованіе стать „доступнѣе". На сколько мы знаемъ, „Юж. Рабочій" пользуется большимъ успѣхомъ среди рабочихъ, которые, очевидно, о своей способности понимать политическую литературу держатся нѣсколько иного мнѣнія, чѣмъ ихъ друзья — интеллигенты извѣстнаго толка.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено редакціей „Искры": Отъ Монаха 1500 р., отъ Ф. Я. У. 150 р., отъ его пріятеля 200 р., однимъ изъ петербургскихъ представителей „Искры" собрано 387 р. 50 к. (Ежемѣсячные взносы: Л. Г. Я. за я. ф. м. 18 р., М. А. П. за я. ф. 20 р., Т. О. за я. ф. м. 9 р., П. О. за я. ф. м. 9 р., Х. О. за м. 3 р., - - - за м. 1 р, черезъ Ч. за м. 75 р.. Леля за м. 5 р., сборъ 53 р., тоже 34 р., тоже 15 р., W. 75 р., Т. И. 10 р., Т. И. 5 р., участники манифестаціи 4-го марта 25 р., Бб. 11 р., за литературу 15 р., тоже 4 р. 50 к. Всего приходъ 387 р. 50 к., расходъ 17 р., деньги еще не получены). Изъ Манчестера 19 р. (2 ф. ст.).

Въ кассу организаціи „Искры" поступило съ 1 сент. 1900 г. по 1 марта 1901 г.: изъ Кіева 35 р., изъ С. 10 р., изъ П. 15 р. 20 к., изъ Харькова 3 р. 25 к., изъ Сибири 50 р. (въ томъ числѣ отъ „Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и активному дѣлу" 41 р.), съ Кавказа 25 р., изъ М-вы черезъ П. 40 р., изъ СПБ. 440 р. 30 к. (черезъ М. 284 р. 10 к., трудовыя 26 р. 20 к., А. Б. и М. 90 р., черезъ Я. 15 р., черезъ Т. 25 р.) Итого 618 р. 75 к.

Редакція „Зари" проситъ насъ напечатать, что ею получено: изъ Парижа 350 фр. (въ томъ числѣ 325 фр. отъ пар. гр. сод. и 25 фр. отъ стараго народовольца), изъ Америки черезъ Аксельрода 250 фр., изъ Женевы отъ организаціи „Соціалдемократъ" 150 фр.

2аЗб. Все получаемъ. Спасибо. Пишите.

Отложены, по недостатку мѣста, статьи „Самодержавіе и финансы", „Самодержавіе и земство" и „Иностранное обозрѣніе".

Типографія „Искры".

BIBLIOTHEQUE DE LA GUERRE MUSEE

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 4. МАЙ 1901 ГОДА № 4.

СЪ ЧЕГО НАЧАТЬ?

Вопросъ: „что дѣлать?“ за послѣдніе годы съ особенной силой выдвигается передъ русскими соціалдемократами. Рѣчь идетъ не о выборѣ пути (какъ это было въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ), а о томъ, какіе практическіе шаги и какъ именно должны мы сдѣлать на извѣстномъ пути. Рѣчь идетъ о системѣ и планѣ практической дѣятельности. И надо признать, что этотъ основной для практической партіи вопросъ о характерѣ и способахъ борьбы остается у насъ все еще нерѣшеннымъ, возбуждаетъ все еще серьезныя разногласія, обнаруживающія прискорбную неустойчивость и шатаніе мысли. Съ одной стороны, далеко еще не умерло „экономическое“ направленіе, старающееся обкарнать и съузить работу политической организаціи и агитаціи. Съ другой стороны, по прежнему гордо поднимаетъ голову направленіе безпринципнаго эклектизма, поддѣлывающагося подъ каждое новое „вѣяніе“, не умѣющаго отличать запросовъ минуты отъ основныхъ задачъ и постоянныхъ нуждъ движенія въ его цѣломъ. Какъ извѣстно, такое направленіе свило себѣ гнѣздо въ „Рабочемъ Дѣлѣ“. Его послѣднее „программное“ заявленіе — громкая статья подъ громкимъ заглавіемъ „Историческій поворотъ“ (ном. 6 „Листка Раб. Дѣла“) — особенно наглядно подтверждаетъ сдѣланную характеристику. Еще вчера мы заигрывали съ „экономизмомъ“, негодовали по поводу рѣшительнаго осужденія „Раб. Мысли“, „смягчали“ Плехановскую постановку вопроса о борьбѣ съ самодержавіемъ, — а сегодня мы уже цитируемъ слова Либкнехта: „Если обстоятельства измѣнятся въ 24 часа, то нужно и тактику измѣнить въ 24 часа“, мы уже говоримъ о „крѣпкой боевой организаціи“ для прямой аттаки, для штурма на самодержавіе, о „широкой революціонной политической (вотъ ужъ какъ энергично: и революціонной и политической!) агитаціи въ массѣ“, о „неустанномъ призывѣ къ уличному протесту“, объ „устройствѣ уличныхъ манифестацій рѣзко (sic!) политическаго характера“ и проч. и т. п. и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствіе по поводу того, что „Раб. Дѣло“ такъ быстро усвоило выдвинутую нами уже въ первомъ номерѣ „Искры“ программу созданія крѣпкой организованной партіи, направленной на завоеваніе не только отдѣльныхъ уступокъ, но и самой крѣпости самодержавія, но отсутствіе у усвоившихъ всякой твердой точки зрѣнія способно испортить все удовольствіе.

Имя Либкнехта „Раб. Дѣло“, конечно, пріемлетъ всуе. Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-ниб. спеціальному вопросу, тактику проведенія какой-нибудь детали партійной организаціи, а измѣнить не только въ 24 часа, но хотя бы даже въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна-ли вообще, всегда и безусловно боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ. Смѣшно ссылаться на различіе обстановки, на смѣну періодовъ: работать надъ созданіемъ боевой организаціи и веденіемъ политической агитаціи обязательно при какой-угодно „сѣрой, мирной“ обстановкѣ, въ періодъ какого-угодно „упадка революціоннаго духа“ — болѣе того: именно при такой обстановкѣ и въ такіе періоды особенно необходима указанная работа, ибо въ моменты взрывовъ и вспышекъ поздно уже создавать организацію; она должна быть наготовѣ, чтобы сразу развернуть свою дѣятельность. „Измѣнить въ 24 часа тактику“! Да для того, чтобы измѣнить тактику, надо прежде имѣть тактику, а если нѣтъ крѣпкой организаціи, искушенной въ политической борьбѣ при всякой обстановкѣ и во всякіе періоды, то не можетъ быть и рѣчи о томъ систематическомъ, освѣщенномъ твердыми принципами и неуклонно проводимомъ планѣ дѣятельности, который только и заслуживаетъ названія тактики. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ: намъ говорятъ уже, что „историческій моментъ“ выдвинулъ передъ нашей партіей „совершенно новый“ вопросъ — о террорѣ. Вчера „совершенно новый“ былъ вопросъ о политической организаціи и агитаціи, сегодня — вопросъ о террорѣ. Не странно-ли слышать, какъ люди, до такой степени не помнящіе родства, разсуждаютъ о коренномъ измѣненіи тактики?

Къ счастью, „Раб. Дѣло“ не право. Вопросъ о террорѣ совершенно не новый вопросъ, и намъ достаточно вкратцѣ напомнить установившіеся взгляды русской соціалдемократіи.

Принципіально мы никогда не отказывались и не можемъ отказываться отъ террора. Это — одно изъ военныхъ дѣйствій, которое можетъ быть вполнѣ пригодно и даже необходимо въ извѣстный моментъ сраженія, при извѣстномъ состояніи войска и при извѣстныхъ условіяхъ. Но суть дѣла именно въ томъ, что терроръ выдвигается въ настоящее время отнюдь не какъ одна изъ операцій дѣйствующей арміи, тѣсно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а какъ самостоятельное и независимое отъ всякой арміи средство единичнаго нападенія. Да при отсутствіи центральной и слабости мѣстныхъ революціонныхъ организацій терроръ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Вотъ поэтому-то мы рѣшительно объявляемъ такое средство борьбы при данныхъ обстоятельствахъ несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ, отвлекающимъ наиболѣе активныхъ борцовъ отъ ихъ настоящей, наиболѣе важной въ интересахъ всего движенія задачи, дезорганизующимъ не правительственныя, а революціонныя силы. Вспомните послѣднія событія: на нашихъ глазахъ широкія массы городскихъ рабочихъ и городского „простонародья“ рвутся къ борьбѣ, а у революціонеровъ не оказывается штаба руководителей и организаторовъ. Не грозитъ-ли при такихъ условіяхъ уходъ самыхъ энергичныхъ революціонеровъ въ терроръ ослабленіемъ тѣхъ боевыхъ отрядовъ, на которые только и можно возлагать серьезныя надежды? Не грозитъ-ли это разрывомъ связи между революціонными организаціями и тѣми разрозненными массами недовольныхъ, протестующихъ и готовыхъ къ борьбѣ, которыя слабы именно своею разрозненностью? А вѣдь въ этой связи единственный залогъ нашего успѣха. Мы далеки отъ мысли отрицать всякое значеніе за отдѣльными героическими ударами, но нашъ долгъ — со всей энергіей предостеречь отъ увлеченія терроромъ, отъ признанія его главнымъ и основнымъ средствомъ борьбы, къ чему такъ сильно склоняются въ настоящее время очень и очень многіе. Терроръ никогда не можетъ стать заурядным военнымъ дѣйствіемъ: въ лучшемъ случаѣ онъ пригоденъ лишь какъ одинъ изъ пріемовъ рѣшительнаго штурма. Спрашивается, можемъ-ли мы въ данный моментъ звать на такой штурмъ? „Раб. Дѣло“, повидимому, думаетъ, что да. По крайней мѣрѣ, оно восклицаетъ: „Стройтесь въ штурмовыя колонны!“ Но это опять-таки усердіе не по разуму. Главная масса нашихъ военныхъ силъ — добровольцы и повстанцы. Постояннаго войска есть у насъ лишь нѣсколько небольшихъ отрядовъ, да и тѣ не мобилизованы, не связаны между собой, не пріучены строиться въ военныя колонны вообще, а не то, что въ штурмовыя колонны. При такихъ условіяхъ для всякаго, кто способенъ обозрѣть общія условія нашей борьбы, не забывая о немъ при каждомъ „поворотѣ“ историческаго хода событій, — должно быть ясно, что лозунгомъ нашимъ въ данный моментъ не можетъ быть „идти на штурмъ“, а должно быть: „устроить правильную осаду непріятельской крѣпости“. Другими словами: непосредственной задачей нашей партіи не можетъ быть призывъ всѣхъ наличныхъ силъ теперь же къ аттакѣ, а долженъ быть призывъ къ выработкѣ революціонной организаціи, способной объединить всѣ силы и руководить движеніемъ не только по названію, но и на самомъ дѣлѣ, т. е. быть всегда готовой къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умноженія и укрѣпленія военныхъ силъ, годныхъ для рѣшительнаго боя.

Урокъ февральскихъ и мартовскихъ событій такъ внушителенъ, что врядъ-ли можно встрѣтить теперь принципіальныя возраженія противъ такого вывода. Но отъ насъ требуется въ настоящее время не принципіальное, а практическое рѣшеніе вопроса. Требуется не только уяснить себѣ, какая именно организація, для какой именно работы необходима, — требуется выработать извѣстный планъ организаціи, чтобы къ постройкѣ ея могло быть приступлено со всѣхъ сторонъ. Въ виду неотложной важности вопроса мы рѣшаемся, съ своей стороны, предложить вниманію товарищей набросокъ плана, подробнѣе развиваемаго нами въ подготовляемой къ печати брошюрѣ.

По нашему мнѣнію, исходнымъ пунктомъ дѣятельности, первымъ практическимъ шагомъ къ созданію желаемой организаціи наконецъ, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацію, — должна быть постановка общерусской политической газеты. Намъ нужна прежде всего газета, — безъ нея невозможно то систематическое веденіе принципіально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитаціи, которое составляетъ постоянную и главную задачу соціалдемократіи вообще и особенно насущную задачу настоящаго момента, когда интересъ къ политикѣ, къ вопросамъ соціализма пробужденъ въ наиболѣе широкихъ слояхъ населенія. И никогда не чувствовалось съ такой силой, какъ теперь, потребность въ томъ, чтобы дополнить раздробленную агитацію посредствомъ личнаго воздѣйствія, мѣстныхъ листковъ, брошюръ и пр. той обобщенной и регулярной агитаціей, которую можно вести только при помощи періодической прессы. Врядъ-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространенія) газеты можетъ служить наиболѣе точнымъ мѣриломъ того, насколько солидно поставлена у насъ эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной дѣятельности. Далѣе, намъ нужна именно общерусская газета. Если мы не съумѣемъ и пока мы не съумѣемъ объединить наше воздѣйствіе на народъ и на правительство посредствомъ печатнаго слова, — будетъ утопіей мысль объ объединеніи другихъ, болѣе сложныхъ, трудныхъ, но за то и болѣе рѣшительныхъ способовъ воздѣйствія. Наше движеніе и въ идейномъ и въ практическомъ, организаціонномъ отношеніи всего болѣе страдаетъ отъ своей раздробленности, отъ того, что громадное большинство соціалдемократовъ почти всецѣло поглощено чисто мѣстной работой, съузивающей и ихъ кругозоръ, и размахъ ихъ дѣятельности, и ихъ конспиративную снаровку и подготовленность. Именно въ этой раздробленности слѣдуетъ искать наиболѣе глубокихъ корней той неустойчивости и того шатанія, о которыхъ мы говорили выше. И первымъ шагомъ впередъ по пути избавленія отъ этого недостатка, по пути превращенія нѣсколькихъ мѣстныхъ движеній въ единое общерусское движеніе должна быть постановка общерусской газеты. Наконецъ намъ нужна непремѣнно политическая газета. Безъ политическаго органа немыслимо въ современной Европѣ движеніе, заслуживающее названіе политическаго. Безъ него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать всѣ элементы политическаго недовольства и протеста, оплодотворить ими революціонное движеніе пролетаріата. Мы сдѣлали первый шагъ, мы пробудили въ рабочемъ классѣ страсть „экономическихъ“, фабричныхъ обличеній. Мы должны сдѣлать слѣдующій шагъ: пробудить во всѣхъ сколько-нибудь сознательныхъ слояхъ народа страсть политическихъ обличеній. Не надо смущаться тѣмъ, что политически обличительные голоса такъ слабы, рѣдки и робки въ настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примиреніе съ полицейскимъ произволомъ. Причина — та, что у людей, способныхъ и готовыхъ обличать, нѣтъ трибуны, съ которой бы они могли говорить, — нѣтъ аудиторіи, страстно слушающей и ободряющей ораторовъ, — что они не видятъ нигдѣ въ народѣ такой силы, къ которой бы стоило труда обращаться съ жалобой на „всемогущее“ русское правительство. И теперь все это измѣняется съ громадной быстротой. Такая сила есть, это — революціонный пролетаріатъ, онъ доказалъ уже свою готовность не только слушать и поддерживать призывъ къ политической борьбы, но и смѣло бросаться на борьбу. Мы въ состояніи теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенароднаго обличенія царскаго правительства; — такой трибуной должна быть соціалдемократическая газета. Русскій рабочій классъ, въ отличіе отъ другихъ классовъ и слоевъ русскаго общества, проявляетъ постоянный интересъ къ политическому знанію, предъявляетъ постоянно (а не только въ періоды особаго возбужденія) громадный спросъ на нелегальную литературу. При такомъ массовомъ спросѣ, при начавшейся уже выработкѣ опытныхъ революціонныхъ руководителей, при той сконцентрированности рабочаго класса, которая дѣлаетъ его фактическимъ господиномъ въ рабочихъ кварталахъ большого города, въ заводскомъ поселкѣ, въ фабричномъ мѣстечкѣ, — постановка политической газеты есть дѣло вполнѣ посильное для пролетаріата. А черезъ посредство пролетаріата газета проникнетъ въ ряды городского мѣщанства, сельскихъ кустарей и крестьянъ и станетъ настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, однимъ распространеніемъ идей, однимъ политическимъ воспитаніемъ и привлеченіемъ политическихъ союзниковъ. Газета — не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее можно сравнить съ лѣсами, которые строются вокругъ возводимаго зданія, намѣчаютъ контуры постройки, облегчаютъ сношенія между отдѣльными строителями, помогаютъ имъ распредѣлять работу и обозрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ. При помощи газеты и въ связи съ ней сама собой будетъ складываться постоянная организація, занятая не только мѣстной, но и регулярной общей работой, пріучающей своихъ членовъ внимательно слѣдить за политическими событіями, оцѣнивать ихъ значеніе и ихъ вліяніе на разные слои населенія, вырабатывать цѣлесообразные способы воздѣйствія на эти событія со стороны революціонной партіи. Одна уже техническая задача — обезпечить правильное снабженіе газеты матеріалами и правильное распространеніе ея — заставляетъ создать сѣть мѣстныхъ агентовъ единой партіи, агентовъ, находящихся въ живыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, знающихъ общее положеніе дѣлъ, привыкающихъ регулярно исполнять дробныя функціи общерусской работы, пробующихъ свои силы на организаціи тѣхъ или иныхъ революціонныхъ дѣйствій. Эта сѣть агентовъ*) будетъ остовомъ именно такой организаціи, которая намъ нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное раздѣленіе труда; достаточно выдержанной, чтобы умѣть при всякихъ обстоятельствахъ, при всякихъ „поворотахъ“ и неожиданностяхъ вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы умѣть, съ одной стороны, уклониться отъ сраженія въ открытомъ полѣ съ подавляющимъ своею силою непріятелемъ, когда онъ собралъ на одномъ пунктѣ всѣ силы, а съ другой стороны, чтобы умѣть пользоваться неповоротливостью этого непріятеля и нападать на него тамъ и тогда, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія. Сегодня передъ нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентовъ, демонстрирующихъ на улицахъ большихъ городовъ. Завтра встанетъ, можетъ быть, болѣе трудная задача — напр., поддержать движеніе безработныхъ въ извѣстномъ районѣ. Послѣзавтра мы должны оказаться на своемъ посту, чтобы принять революціонное участіе въ крестьянскомъ бунтѣ. Сегодня мы должны воспользоваться тѣмъ обостреніемъ политическаго положенія, которое создало правительство походомъ на земство. Завтра мы должны поддержать возмущеніе населенія противъ того или другого зарвавшагося царскаго башибузука и помочь — посредствомъ бойкота, травли, манифестаціи и т. п. — проучить его такъ, чтобы онъ принужденъ былъ къ открытому отступленію. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной дѣятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединимъ свои силы на веденіи общей газеты, то такая работа подготовитъ и выдвинетъ не только наиболѣе умѣлыхъ пропагандистовъ, но и наиболѣе искусныхъ организаторовъ, наиболѣе талантливыхъ политическихъ вождей партіи, способныхъ въ нужную минуту дать лозунгъ къ рѣшительному бою и руководить имъ.

Въ заключеніе — пару словъ во избѣжаніе возможнаго недоразумѣнія. Мы говорили все время только о систематической, планомѣрной подготовкѣ, но мы отнюдь не хотѣли этимъ сказать, что самодержавіе можетъ пасть исключительно отъ правильной осады или организованнаго штурма. Такой взглядъ былъ бы нелѣпымъ доктринерствомъ. Напротивъ, вполнѣ возможно и исторически гораздо болѣе вѣроятно, что самодержавіе падетъ подъ давленіемъ одного изъ тѣхъ стихійныхъ взрывовъ или непредвидѣныхъ политическихъ осложненій, которыя постоянно грозятъ со всѣхъ сторонъ. Но ни одна политическая партія, не впадая въ авантюризмъ, не можетъ строить своей дѣятельности въ разсчетѣ на такіе взрывы и осложненія. Мы должны идти своимъ путемъ, неуклонно дѣлать свою систематическую работу и, чѣмъ меньше будемъ мы разсчитывать на неожиданности, тѣмъ больше вѣроятія, что насъ не застанутъ врасплохъ никакіе „историческіе повороты“.

*) Понятно само собой, что такіе агенты могли бы работать успѣшно только при условіи полной близости ихъ къ мѣстнымъ комитетамъ (группамъ, кружкамъ) нашей партіи. Да и вообще весь намѣчаемый нами планъ осуществимъ, конечно, лишь при самой активной поддержкѣ комитетовъ, которые не разъ дѣлали шаги къ объединенію партіи и которые — мы увѣрены — добьются этого объединенія не сегодня, такъ завтра, не въ той, такъ въ другой формѣ.

САМОДЕРЖАВІЕ И ФИНАНСЫ.

Покуда русская жандармерія, усердствуя въ борьбѣ противъ крамолы, переполняетъ тюрьмы, русское правительство само подтачиваетъ основы абсолютизма. Центръ этой разрушительной дѣятельности — министерство финансовъ.

Господинъ Витте недавно хвастался передъ Европой тѣмъ, что въ Россіи нѣтъ парламента и что, поэтому, могущественное правительство можетъ поступать по произволу, не считаясь ни съ какой оппозиціей. Но не считаясь съ политической оппозиціей, русское правительство тѣмъ болѣе принуждено считаться — съ настроеніемъ биржи. Какая зависимость болѣе унизительна и болѣе связываетъ: зависимость отъ избранныхъ представителей народа или зависимость отъ фирмы Ротшильдъ и отъ французскихъ банковъ? Подпись царя-самодержца не имѣетъ на денежномъ рынкѣ никакой силы, если она не подкрѣплена подписью потомковъ Мейера Амшеля Ротшильда.

А биржа именно потому и относится такъ недовѣрчиво къ русскому правительству, что оно не подлежитъ никакому парламентскому контролю. Буржуазія Западной Европы знаетъ по собственному долгому опыту, что только отчетность передъ парламентомъ можетъ пролить полный свѣтъ на финансовое положеніе государства. Да и какъ, напр., нѣмецкимъ капиталистамъ довѣрять публикаціямъ русскаго министерства финансовъ, когда они знаютъ, что въ Пруссіи отъ 1821 до 1848 г. на ряду съ публиковавшимися бюджетами существовали тайные, разнившіеся отъ первыхъ на многіе милліоны! Вѣдь даже отъ каждаго акціонернаго общества требуется публичная отчетность: оно обязано публиковать свой балансъ, его правленіе стоитъ подъ контролемъ избраннаго комитета и т. д., — такъ какъ же не требовать контроля надъ финансами государства, оперирующаго тысячами милліоновъ, имѣющаго самые многоразличные, количественно легко поддающіеся измѣненіямъ источники доходовъ и расходовъ? Потому и не довѣряютъ.

Эту связь между кредитоспособностью государства и парламентаризмомъ нашему правительству не разъ приходилось чувствовать. Наглядный примѣръ — денежная реформа. Лѣтъ 15, начиная съ 1884 г., казна копила золото. Всякими правдами и неправдами собрала она большую сумму, воспользовавшись въ особенности французскими конверсіями. Затѣмъ перечеканили монету, сдѣлавъ изъ двухъ полуимперіаловъ три, иначе говоря, объявили банкротство: платили за рубль 66 коп. Увеличивъ номинальную стоимость золотой монеты, нетрудно было уничтожать кредитные билеты, которыхъ и такъ былъ большой излишекъ. И вотъ, наконецъ, было достигнуто громадное покрытіе кредитныхъ билетовъ золотомъ. Къ концу 1897 г. въ казначействѣ и государственномъ банкѣ было 1315 мил. рублей, а кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи всего 930 мил. Положеніе, казалось бы, чрезвычайно солидное. Въ Германіи, Франціи, даже въ Англіи соотношеніе между запасомъ золота и обращеніемъ кредитныхъ билетовъ гораздо

менѣе благопріятно. Но какъ только былъ введенъ обязательный обмѣнъ на золото, золото стало исчезать изъ государственнаго банка. Течетъ золото, какъ изъ дыры въ мѣшкѣ, и ничѣмъ его нельзя удержать. Начиная съ 1897 г. уничтожили на 369 мил. рублей кредитныхъ билетовъ, а золота ушло изъ государственнаго банка около 600 мил., если даже не считать золота, пріобрѣтеннаго за это время правительствомъ. Запасъ золота къ 16-му января 1901 г. былъ всего только 738 мил., т. е. онъ былъ уже почти на 170 мил. меньше, чѣмъ осенью 1892 г. во время страшнаго голода. Если считать на старую валюту, то у насъ уже опять образовался долгъ по кредитнымъ билетамъ въ 140 милліоновъ, т. е. столько выпущено бумажекъ безъ покрытія золотомъ. А золото все уходитъ, цѣлыми вагонами увозятъ его за границу. Понятно, поэтому, что самъ Витте сталъ сильно безпокоиться, до того даже, что заявляетъ объ этомъ публично. Въ своемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1901 годъ онъ свидѣтельствуетъ, что это „неблагопріятный фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія". Чтобы объяснить такое явленіе, онъ ссылается на общія причины стѣсненія денежнаго рынка. Но не объяснилъ онъ вотъ чего: въ то время, какъ въ другихъ государствахъ уменьшенію золотого запаса эмиссіонныхъ банковъ, т. е. увеличенію количества золота въ обращеніи соотвѣтствуетъ увеличеніе обращенія банковыхъ знаковъ, что вполнѣ понятно, разъ общая потребность въ деньгахъ увеличилась, у насъ какъ разъ наоборотъ — золото уходитъ, а кредитки возвращаются въ банкъ. Не смотря на то, что количество кредитныхъ билетовъ противъ прежняго уменьшено на полмилліона, въ кассѣ государственнаго банка накопляется кредитныхъ рублей больше, чѣмъ когда бы то ни было. Въ настоящее время отъ 10 до 20 проц. всѣхъ кредитныхъ рублей находятся въ кассахъ государственнаго банка, количество до монетной реформы совершенно небывалое. Значитъ, публика требуетъ не просто денегъ, а требуетъ — золота.

Цѣль монетной реформы — обезпечить денежное обращеніе кредитныхъ билетовъ по установленному курсу; межъ тѣмъ оказывается, что золотой размѣнъ вообще вытѣсняетъ кредитки изъ обращенія. Конечно, банкъ старается пустить бумажки опять въ ходъ, а онѣ возвращаются обратно въ обмѣнъ на золото — въ публикѣ становится золота все больше, въ банкѣ все меньше. Если не задержать этого процесса, то, очевидно, золото изъ банка совершенно исчезнетъ. Весь разсчетъ правительства былъ въ томъ, что въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, установится опредѣленное соотношеніе между количествомъ золота и количествомъ кредитокъ въ обращеніи; запасъ золота нуженъ былъ бы тогда только для того, чтобы покрывать временныя отклоненія отъ нормы. Почему же въ Россіи эффектъ получается совсѣмъ другой? Да потому, что въ денежномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ важенъ моментъ довѣрія; а такъ какъ довѣріе къ финансовымъ операціямъ русскаго правительства равняется нулю, то и оказывается тенденція свести находящіеся въ обращеніи кредитные билеты на нуль. Золото въ рукахъ — это обезпеченіе, кредитные же билеты — вексель на правительство, а векселю какая цѣна? Сегодня рубль за рубль, а завтра, по указу Его Императорскаго Величества, которому не приходится считаться съ парламентарной оппозиціей, за рубль полтину! Удивительно-ли послѣ этого, что купцы предпочитаютъ золото?

Положеніе министерства финансовъ чрезвычайно затруднительное. Введя золотую валюту, оно приняло на себя обязательства передъ Европой. Отмѣнить теперь золотой размѣнъ значитъ окончательно погубить кредитъ. А не отмѣнить, — гдѣ взять золото? Нуженъ заграничный заемъ. А такъ какъ новый заемъ до крайности необходимъ, то г. Витте въ своемъ докладѣ съ необыкновеннымъ много- и пустословіемъ распространяется о томъ, что занимать деньги не слѣдуетъ. Кому это онъ пыль въ глаза пускаетъ, неизвѣстно, можетъ быть, Николаю II, но только европейскую публику ему на этотъ разъ обмануть не удалось. Западноевропейскія газеты въ теченіе прошлаго лѣта неоднократно сообщали о неудачныхъ попыткахъ русскаго министерства финансовъ заключить заемъ. Извѣстно, что Витте съ этой цѣлью ѣздилъ два раза въ Парижъ, а его финансовый агентъ Ротштейнъ за тѣмъ же въ Нью-Іоркъ. Увы, напрасно! Банки ставятъ невозможныя условія. Но если уже и французскій денежный рынокъ закрывается передъ царскимъ правительствомъ, такъ куда же броситься? Лондонская биржа уже давно держитъ себя въ сторонѣ отъ русскихъ займовъ, берлинская закрылась въ 80-хъ гг. и затѣмъ, хотя небольшими количествами и покупаетъ русскіе займы, но въ общемъ воспользовалась конверсіями, чтобы сплавить русскія цѣнности въ Парижъ. Такъ гдѣ же взять золота?

А заемъ нуженъ, ой, какъ нуженъ! Безъ займа, вмѣсто того, чтобы пополнять кассы банка, казначейство само тащитъ изъ нихъ золото. Текущій счетъ казначейства въ государственномъ банкѣ уменьшился противъ прошлаго года болѣе, чѣмъ на 250 мил. рублей. Обыкновенно банковый счетъ казначейства въ началѣ года — приблизительно до конца февраля — увеличивается, а теперь онъ уже съ середины января идетъ на пониженіе: 8-го января было 307½ мил. руб., 16-го уже только 291, противъ прошлаго года на 266 милліоновъ меньше. Таможенный доходъ понизился, сахарный тоже. А главное, доходъ питейный и отъ винной монополіи находятся въ очень сомнительномъ положеніи. Хотя выкурка вина противъ прошлаго года къ 1-му декабря 1900 года была выше всего на милліонъ ведеръ, но спиртныхъ запасовъ было больше на 7 мил. вед., — значитъ, застой въ продажѣ вина. А между тѣмъ кабацкій доходъ — главная опора русскаго бюджета. Но какъ же потребленію водки не уменьшиться, когда по деревнямъ голодъ? Однако же, не смотря на голодъ, съ мужиковъ подати выколачивали: съ удѣльныхъ еще къ 1-му ноября собрали больше годового оклада, съ государственныхъ больше девяти десятыхъ оклада, а съ бывшихъ помѣщичьихъ три четверти. Высасываніемъ послѣднихъ соковъ изъ мужика, спаиваніемъ народа да хищническимъ хозяйствомъ на желѣзныхъ дорогахъ только еще и пополняютъ кассы казначейства.

Да и то наличныхъ денегъ давно ужъ не хватаетъ. Остаются невыполненными изъ года въ годъ смѣтныя назначенія обыкновеннаго бюджета. Отъ 1-го января по 1-ое ноября 1900 года было истрачено 120 мил. рублей по смѣтнымъ назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, а по чрезвычайному бюджету 63 мил. А такъ какъ къ 1-му января 1900 г. было по крайней мѣрѣ на 300 мил. рублей остатковъ, то, слѣдовательно, еще и послѣ 1-го ноября 1900 г. осталось невыполненныхъ расходовъ по назначеніямъ отъ 1-го января 1899 года и предыдущихъ лѣтъ 117 милліоновъ! Сколько осталось невыполненнымъ изъ бюджета 1900 года, неизвѣстно, но, судя по всему, навѣрное не мало. Къ тому же были экстренные, неожиданные расходы. Витте отчисляетъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ на дальнемъ востокѣ, 62 м. рублей. Однако же онъсамъ заявляетъ, что этимъ далеко не исчерпываются понесенныя потери. Сумма поставлена маленькая, чтобы не отягчать бюджета. Но платить-то вѣдь все-таки придется! Между тѣмъ военные расходы еще не закончены, они продолжаются и теперь, и сумма ихъ ростетъ со дня на день. А сколько растеряно да разграблено вслѣдствіе пріостановки въ постройкѣ сибирской желѣзной дороги! Вообще на постройку этой дороги больше денегъ нѣтъ. Въ прошломъ году на сооруженіе дороги и на покупку подвижного матеріала ассигновано было 70 мил. рублей, а въ нынѣшнемъ 10! А тутъ еще голодъ въ Сибири, дороговизна на хлѣбъ! Голодъ вообще требуетъ отъ правительства затратъ. Дать умереть мужикамъ, съ кого же послѣ этого подати брать? Сейчасъ 5½ мил. ассигновали. А какъ-то еще къ веснѣ будетъ?

Въ прошломъ году, отъ конца февраля до начала октября, банковый счетъ казначейства понизился на 230 мил. Если въ нынѣшнемъ году повторится то же самое, то отъ денежныхъ запасовъ казначейства въ банкѣ останутся какихъ-нибудь 50 или 60 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это увеличитъ отливъ золота изъ государственнаго банка. Золотой размѣнъ связалъ казначейство съ государственнымъ банкомъ неразрывными узами, и вотъ общими усиліями готовится двойной кризисъ: финансовый и денежный!

Развѣ только опять удастся сдѣлать заемъ! Уже много лѣтъ главная опора русскаго самодержавія — республиканская французская буржуазія. Допустимъ, что и на этотъ разъ удастся вывернуться, но все же положеніе становится все болѣе затруднительнымъ. Если сосчитать чистые государственные расходы Россіи, то почти треть изъ нихъ уходитъ на уплату процентовъ по займамъ. 275 мил. рублей въ годъ платежей по займамъ! Передъ этимъ все остальное отодвигается на задній планъ, остаются невыполненными самыя насущныя государственныя потребности, ужъ не говоря о культурныхъ задачахъ. Куда же это ведетъ? Отвѣтъ даетъ — Турція. Парламентаризмъ или политическое разложеніе и рабство передъ биржей — такова дилемма!

САМОДЕРЖАВІЕ И ЗЕМСТВО.

Въ ном. 2 „Искры" мы уже указали, что душой правительственныхъ плановъ, направленныхъ на полное упраздненіе земства, является министръ финансовъ статсъ-секретарь Витте. Въ 1889 году онъ выступилъ съ обширной запиской, въ которой, возражая противъ предложеннаго бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ введенія земскихъ учрежденій въ Западномъ Краѣ, доказываетъ, что сохраненіе сколько-нибудь независимаго мѣстнаго самоуправленія несовмѣстимо съ поддержаніемъ самодержавія. Земство должно быть либо прямо упразднено, либо совершенно подчинено бюрократіи. Земству — развиваетъ г. Витте — необходимо присуще стремленіе получить политическое значеніе, изъ органа мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія стать независимымъ и равноправнымъ съ монархомъ органомъ государственной власти. Другими словами, земство есть зародышъ народнаго представительства, конституціи. Этотъ зародышъ очень слабъ, еле замѣтенъ, но въ немъ таятся зачатки опаснаго для самодержавія будущаго, и потому земство подлежитъ политической казни. Г. Витте оставляетъ неяснымъ, желаетъ-ли онъ прямо отсѣчь голову земству или готовитъ ему медленную смерть, но во всякомъ случаѣ земство должно пасть. Ясно, чтб ненавистно въ земствѣ такимъ представителямъ самодержавной бюрократіи, какъ Витте. Ненавистна имъ его независимость, теперь скрытая или дающая себя знать въ неопасныхъ для самодержавія мелочахъ, но въ критическій моментъ могущая прорваться сразу и найти себѣ въ земскихъ учрежденіяхъ организованное орудіе.

Любопытно и въ высшей степени знаменательно, съ какимъ вниманіемъ верховные стражи самодержавной бюрократіи ловятъ каждое проявленіе земской независимости, какъ тщательно они доискиваются политическаго смысла въ каждомъ, даже самомъ робкомъ, шагѣ и заявленіи земскихъ людей. Въ этомъ вниманіи выражается у однихъ ясное сознаніе, у другихъ смутное, еще безотчетное чувство, что пышное зданіе бюрократическаго произвола подточено изнутри, что самодержавная бюрократія исчерпала свои силы и исполнила всѣ свои историческія задачи; что для того, чтобы сохранить свою позицію, ей нужно быть всегда на чеку. Историческія силы, враждебныя самодержавной бюрократіи, настолько выросли, что стоитъ представителямъ ея зазѣваться для того, чтобы потерять равновѣсіе и начать катиться по наклонной плоскости къ мѣсту, на которомъ явственно начертана зловѣщая надпись: конституція.

Для характеристики этого положенія вещей мы приведемъ изъ записки Витте нѣкоторыя мѣста, посвященныя уясненію политической роли преобразованнаго по положенію 1890 г. земства. Конституціонныя стремленія земства, какъ извѣстно, выразились болѣе или менѣе ярко въ эпоху народовольческаго террора, въ концѣ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Охарактеризовавъ земскую агитацію этой эпохи и выяснивъ ея значеніе, г. Витте ставитъ вопросъ: исчезла-ли съ изданіемъ положенія 1890 г. политическая тенденція земствъ, ихъ стремленіе къ участію въ законодательной дѣятельности?" Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Витте напоминаетъ объ „адресахъ, поданныхъ по случаю восшествія на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора, адресахъ, въ которыхъ довольно ясно сказалось прежнее, но затаенное нынѣ стремленіе земства выйти изъ сферы мѣстныхъ дѣлъ, ему предоставленныхъ". „Всѣ адреса, поданные земствами въ 1894-95 гг. не были результатомъ случайнаго увлеченія мимолетной идеей; они были прямымъ слѣдствіемъ удобнаго, по ихъ мнѣнію, момента для выраженія все той же мысли земцевъ о необходимости добиться участія въ законодательствѣ и центральномъ управленіи. Эта мысль, несомнѣнно, не умерла еще въ средѣ земской и по нынѣ, да по самой природѣ вещей и не можетъ умереть". Красноречивое указаніе на это — по словамъ г. Витте — имѣется въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ тверского губернатора, который указалъ, что „борьба съ земской оппозиціей составляетъ тяжелую задачу мѣстной администраціи и что отъ предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество" (sic!) для выполненія конфиденціальныхъ циркуляровъ мин. внутреннихъ дѣлъ о предметахъ, которыхъ земскія учрежденія не должны касаться". Г. Витте рѣшительно отвергаетъ завѣренія мин. внутреннихъ дѣлъ, будто послѣ земскаго положенія 1890 г. „исчезъ даже призракъ политическихъ стремленій". „Политическая тенденція — заявляетъ г. Витте — съ основанія земскихъ учрежденій до самаго послѣдняго времени то подавлялась, то снова воскресала, но несомнѣнно что ею отмѣчена 35-тилѣтняя исторія нашего земства". Министръ финансовъ смѣется надъ утвержденіемъ г. Горемыкина, будто „всѣ конституціонныя стремленія земствъ сводились къ пустой шумливой оппозиціи губернскому начальству нѣсколькихъ крикуновъ и политикановъ въ немногихъ уѣздахъ. Это говорится либо неискренно, либо по незнакомству съ „разнороднымъ и богатымъ секретнымъ матеріаломъ, который имѣется въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ". Если даже просто подсчитать всѣ тѣ земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущеніи ихъ къ участію въ законодательствѣ, то получится не нѣсколько уѣздовъ, а не менѣе половины всѣхъ

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Кое-что о террорѣ. Какъ иногда люди „поворачиваютъ".

По словамъ „Раб. Дѣла", переживаемый нами „историческій моментъ выдвинулъ также передъ нашей партіей совершенно новый (курсивъ нашъ) вопросъ. Выстрѣлы Карповича и Лаговскаго и сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ молодежи и всѣхъ(?) революціонныхъ элементовъ, ясно показываетъ, что бѣлый терроръ царскаго правительства снова, съ неотвратимой силой закона природы, создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ". „Рабочее Дѣло", въ виду этого, приглашаетъ „наши партійныя организаціи" сообща рѣшить вопросъ о своемъ отношеніи къ террору.

Вопросъ о террорѣ, столь „новый" для „Раб. Дѣла", далеко не новъ для русской соціалдемократіи.

Въ началѣ 80-хъ годовъ громадное большинство русскихъ революціонеровъ было увѣрено въ томъ, что политическая борьба въ Россіи возможна только въ видѣ террористической борьбы заговорщической партіи. На чемъ была основана эта увѣренность? На неудачѣ предшествовавшихъ попытокъ русскихъ революціонеровъ вызвать широкое революціонное движеніе народа помощью пропаганды и агитаціи въ его средѣ. Мы знаемъ теперь, что было причиной этой неудачи. Тѣ народныя массы, къ которымъ обращались революціонеры семидесятыхъ годовъ (крестьянская масса), не представляли собой силы, способной на революціонную борьбу съ существующимъ строемъ. Тотъ же классъ, который такой силой могъ бы стать — пролетаріатъ — былъ еще слишкомъ незрѣлъ, а программа русскихъ революціонеровъ того времени не позволяла использовать и той степени революціоннаго развитія, которую пролетаріатъ уже достигъ. Съ другой стороны, движеніе либеральныхъ слоевъ „общества" тогда, какъ и теперь, не могло вообще представить самостоятельной революціонной силы. Поэтому революціонная партія естественно склонялась къ мысли о совершеніи политической революціи собственными силами, помощью единственно доступнаго кучкѣ заговорщиковъ средства — политическаго террора. По мысли революціонеровъ того времени систематическій терроръ долженъ былъ разстроить правительственную организацію (дезорганизовать правительство), ослабить обаяніе его власти въ глазахъ недовольныхъ, но не способныхъ къ революціонному движенію слоевъ населенія, запугать правительство и принудить его къ уступкамъ. Само собой разумѣется, что эта цѣль могла быть достигнута тѣмъ легче, чѣмъ болѣе проявлялось бы въ рѣзкихъ формахъ недовольство разныхъ слоевъ населенія. Поэтому народовольцы очень цѣнили всякое общественное движеніе и особенно надѣялись на движеніе рабочихъ. Но во всякомъ такомъ проявленіи общественнаго движенія массъ они видѣли только вспомогательную силу, способную усилить дезорганизацію правительства, главные же удары его организаціи должна была наносить заговорщическая борьба, въ которой терроръ былъ главнымъ средствомъ.

Надежды террористовъ, какъ извѣстно, не оправдались, и революціонная мысль должна была вернуться къ идеѣ народнаго движенія, какъ единственной силы, способной сломить организованную силу государства. Но это не было простымъ возвращеніемъ къ народническимъ идеямъ 70-хъ годовъ. Подвергнувъ критическому пересмотру всѣ основанія народнической и народовольческой программы, революціонная мысль въ лицѣ группы „Освоб. Труда" нашла основной рычагъ революціоннаго развитія въ процессѣ развитія классовыхъ противорѣчій и вызываемой ими классовой борьбы и основную силу русской революціи — въ пролетаріатѣ, въ единственномъ классѣ, способномъ создать общенародное политическое движеніе и повести успѣшную борьбу за политическую свободу и соціализмъ.

Русская соціалдемократія выросла и развилась въ борьбѣ съ тѣмъ направленіемъ русской соціально-революціонной мысли, для которой всякая политическая борьба въ Россіи сводилась къ террору. Какъ удивились бы, узнавъ о „новизнѣ" вопроса о террорѣ для соціалдемократовъ „Раб. Дѣла" тѣ народовольцы 80-хъ и 90-хъ годовъ, которые на почвѣ именно этого вопроса остались за флагомъ въ борьбѣ съ русскими соціалдемократами! Какъ посмѣются, узнавъ объ этой „новизнѣ", тѣ петербургскіе рабочіе, которые въ началѣ 90-хъ годовъ выработали свое политическое міровоззрѣніе въ борьбѣ съ народовольческимъ направленіемъ, въ борьбѣ, практическій смыслъ которой сводился къ вопросу: терроръ или политическое движеніе пролетаріата?

Въ то время, какъ народовольцы не видѣли въ Россіи другихъ средствъ активной политической борьбы, кромѣ террора, примѣняемаго заговорщической партіей, соціалдемократы доказывали, что, развивая и организуя классовую борьбу пролетаріата, они содѣйствуютъ выработкѣ изъ него такой политической силы, которая въ извѣстный моментъ сможетъ рядомъ активныхъ нападеній на государственный строй расшатать его и вынудить или взять съ боя уступки народнымъ требованіямъ.

Первая часть поставленной себѣ соціалдемократами задачи была выполнена. Широкой волной разлилось по Россіи рабочее движеніе, идеи классовой борьбы проникли во всѣ слои пролетаріата, соціалдемократія стала единственной сильной революціонной партіей, отъ старыхъ революціонныхъ направленій не осталось почти и слѣда. И что же? Въ тотъ самый моментъ, когда ей предстояло, повидимому, перейти къ организаціи систематической активной политической борьбы съ существующимъ строемъ, — въ этотъ самый моментъ въ средѣ русскихъ соціалистовъ, въ томъ числѣ и среди рабочихъ, вновь возникаютъ симпатіи къ террору, какъ орудію политической борьбы, и для многихъ соціалдемократовъ вопросъ о террорѣ выплываетъ, какъ „совершенно новый" вопросъ. Гдѣ кроется причина этого страннаго явленія?

Ее не трудно увидѣть. Ростъ террористическихъ стремленій въ русскомъ революціонномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ идетъ параллельно съ тѣмъ упадкомъ революціоннаго настроенія русской соціалдемократіи, который замѣчается съ 1898 г., по мѣрѣ развитія въ ней „экономическаго" направленія и „критики марксизма". Соціалдемократическое движеніе, уже достигшее той высоты развитія, на которой оно пыталось сложиться въ политическую партію съ опредѣленной политической задачей ближайшаго будущаго, начинаетъ видимо падать, размѣниваться на частности. На мѣсто вѣры въ близость рѣшительной битвы съ самодержавіемъ выступаетъ увѣренность въ томъ, что для очень долгаго періода дѣятельность борцовъ рабочаго движенія можетъ сводиться только къ будничной борьбѣ за частичныя улучшенія положенія рабочаго класса, на мѣсто убѣжденія въ первенствующей роли, которую русскій пролетаріатъ долженъ играть въ общенародной борьбѣ съ самодержавіемъ, становится молчаливое признаніе того, что пролетаріатъ можетъ только своей чисто экономической борьбой расшатать существующій строй, производить въ немъ болѣе или менѣе значительный „безпорядокъ", активно же работать надъ его преобразованіемъ должно либеральное „общество". Это убѣжденіе легло въ основу программы извѣстнаго „credo", программы, которая далеко не является такимъ продуктомъ недомыслія отдѣльныхъ лицъ, какимъ его хотѣло представить „Раб. Дѣло", но выражаетъ наиболѣе рѣзко логическіе выводы изъ взглядовъ, ставшихъ популярными среди очень многихъ товарищей. Исключительно-экономическая практика соціалдемократовъ обусловливаетъ переносъ политическихъ задачъ современности на либеральную интеллигенцію (см. Аксельродъ, Письмо въ ред. „Раб. Дѣла").

Но не всѣмъ дано принизить свое политическое міровоззрѣніе до вѣры въ революціонныя способности русскаго либерализма. Тѣ, кто не могъ возложить всѣ свои политическія надежды на либеральное общество, тѣ революціонеры, которые не способны были самодовольно углубиться въ агитацію по поводу „копейки на рубль", но которые въ то же время заразились моднымъ

земскихъ губерній. Но если ознакомиться съ содержаніемъ ходатайствъ и принять во вниманіе, при какихъ условіяхъ и какими мѣрами предотвращались подобныя же заявленія въ другихъ губерніяхъ, то станетъ довольно ясно, что земское движеніе въ пользу земскаго собора много серьезнѣй „пустой шумливой оппозиціи губернскому начальству". „Во главѣ движенія шли, конечно, вожаки („крикуны и политиканы", какъ ихъ характеризуетъ министръ внутреннихъ дѣлъ), но если за этими „политиканами" такъ дружно шло огромное большинство самыхъ благородныхъ, самыхъ благонамѣренныхъ земцевъ, то не служитъ-ли уже одно это доказательствомъ, что въ самой постановкѣ земскаго дѣла что-то неладно, что въ немъ есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоотвѣтствіе всему государственному строю, и что надо серьезно подумать прежде, чѣмъ переносить земскія учрежденія на обильныя всякими политическими броженіями окраины". „Движеніе, проявившееся въ земствахъ послѣ введенія въ дѣйствіе закона 1890 г.", являясь „болѣе мягкимъ по внѣшней формѣ", „по внутреннему своему содержанію" представляется г. Витте „болѣе знаменательнымъ, чѣмъ даже рѣзкое движеніе 1879-1883 гг." Г. министръ финансовъ указываетъ на то, что „закономъ 1890 г. земству дана сословная окраска, усиленъ въ собраніяхъ правительственный элементъ, что въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства и земскіе начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжаетъ тѣмъ не менѣе проявлять политическую тенденцію, то надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься" (курсивъ нашъ).

Да, надъ этимъ слѣдуетъ призадуматься и намъ, рѣшительнымъ противникамъ самодержавія. Сыскъ о политической неблагонадежности земства, ежедневно, такъ сказать, по обязанностямъ службы практикуемый министромъ внутреннихъ дѣлъ и его слугами-губернаторами, и тотъ же сыскъ, единовременно произведенный съ затратой „ученаго аппарата" министромъ финансовъ въ объемистой запискѣ, доказываетъ неопровержимо, что правительство боится и вынуждено бояться всякой, даже самой умѣренной и еле замѣтной оппозиціи. Этотъ страхъ съ поразительной ясностью обнаруживаетъ внутреннюю слабость самодержавно-бюрократическаго произвола, гнетущаго Россію. А тѣ мѣры, которыя самодержавной бюрократіи подсказываетъ этотъ страхъ, мѣры окончательнаго упраздненія всякой тѣни общественной самодѣятельности даже имущихъ классовъ изобличаютъ и для самаго слѣпого взора всю отвратительную гнусность этого отжившаго режима.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Нашъ первѣйшій и злѣйшій врагъ — самодержавіе — сильно только своимъ физическимъ и техническимъ превосходствомъ надъ нами. Но оно поражено неизлѣчимой внутренней слабостью и осуждено на смерть своей собственной гнусностью. Что будетъ съ самодержавіемъ, когда передъ нимъ окажется не только „мягкая" оппозиція „сословно-бюрократическаго земства", но встанетъ во весь ростъ революціонная соціалдемократія, и раздастся „желѣзная поступь" собравшихся по ея зову русскихъ рабочихъ батальоновъ? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы „мягкія" рѣчи и скажите приличествующее случаю рѣзкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дѣло не станетъ.

Долой самодержавную бюрократію!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Студенческія волненія. — Назначеніе Ванновскаго. Послѣ выстрѣла Карповича и уличныхъ демонстрацій правительство заговорило со студентами по новому. Дѣйствіе „временныхъ правилъ" пріостановлено, и на мѣсто убитаго Боголѣпова приглашенъ ген. Ванновскій. Въ рескриптѣ, данномъ на его имя, перепуганный царь говоритъ о необходимости вложить „сердечное попеченіе" въ дѣло воспитанія юношества. Сердечное попеченіе — это можно! отвѣчаетъ вымуштрованный генералъ и тотчасъ же отдаетъ „приказъ" по своему вѣдомству: чтобы въ 24 часа всѣ прониклись сердечнымъ попеченіемъ!

Россійскія газеты не замедлили возликовать по случаю этихъ „сердечныхъ" фразъ. Возликовали одновременно и либеральныя газеты, и органы мракобѣсія. Первые ликуютъ и объясняютъ: сердечное попеченіе — это означаетъ ослабленіе казарменнаго режима въ университетахъ, отмѣну „временныхъ правилъ", дарованіе студентамъ и профессорамъ свободы самоуправленія. Реакціонныя газеты ликуютъ и возражаютъ: сердечное попеченіе — это значитъ: огражденіе студентовъ отъ тлетворнаго вліянія разныхъ лжеученій и собственныхъ увлеченій, усиленіе отеческаго надзора за студентами, воспитаніе юношества въ духѣ православія и самодержавія, избавленіе университета отъ разночинской бѣдноты, вносящей въ среду благовоспитанной молодежи сѣмена грубыхъ чувствъ недовольства... И обѣ стороны обличаютъ другъ друга въ ложномъ толкованіи прекрасныхъ словъ „возлюбленнаго монарха".

Которая же сторона права и чего слѣдуетъ ожидать отъ „сердечнаго попеченія" ген. Ванновскаго?

Въ свое время ген. Ванновскій въ должности военнаго министра замѣстилъ либеральнаго Милютина и совершилъ „коренную реформу" военно-учебныхъ заведеній, которыя при его предшественникѣ заразились „свободнымъ духомъ". Военныя гимназіи были замѣнены кадетскими корпусами, военная молодежь была „подтянута" и офицерство „очищено" отъ всякихъ порядочныхъ элементовъ. Въ 80-хъ гг. Ванновскій былъ достойнымъ соратникомъ Побѣдоносцева, Д. Толстаго и Делянова.

Въ 1899 г. Ванновскій былъ назначенъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія для разслѣдованія дѣла о студенческихъ безпорядкахъ. Докладъ, представленный Ванновскимъ царю о результатахъ разслѣдованія, изданъ за границей „Раб. Знаменемъ". Надо признать, что въ этомъ докладѣ дана чрезвычайно безпристрастная картина безпорядковъ, какъ она могла отразиться въ генеральскомъ мозгу. Въ числѣ „общихъ причинъ безпорядковъ" генералъ отмѣтилъ „разобщенность студентовъ между собой", т. е. отсутствіе права сходокъ и союзовъ, отмѣтилъ „недостатки университетскаго устава 1884 г.", но тутъ же отмѣтилъ и „переполненіе университетовъ", о которомъ такъ вопятъ „Моск. Вѣд.", и „отсутствіе надзора за молодежью" (все еще мало!), и „недостаточную осмотрительность при выборѣ профессоровъ, въ числѣ которыхъ попадаются люди лжелиберальнаго направленія". Правительство не замедлило принять во вниманіе тѣ заключенія изъ доклада ген. Ванновскаго, которыя совпадали съ его собственными видами и тотчасъ же усилило инспекцію, удалило десятки профессоровъ и приняло мѣры къ прекращенію „переполненія" университетовъ.

На помощь Ванновскому назначенъ сенаторъ Мѣщаниновъ, бывшій до сихъ поръ главнымъ начальникомъ тюремнаго управленія. Это какъ нельзя болѣе цѣлесообразно: если водворять въ просвѣщеніи „порядокъ" призванъ боевой генералъ, то въ помощники ему всего болѣе годится тюремщикъ.

Новые „умиротворители" начали съ попытки провести студентовъ красивыми словами. Въ подражаніе Витте и Ковалевскому, которые этимъ пріемомъ ухитрились на нѣкоторое время задержать ходъ волненій въ учебныхъ заведеніяхъ ихъ вѣдомства, они созвали оффиціальную сходку для рѣшенія вопроса: быть или не быть забастовкѣ? Разсчетъ простой: на такой сходкѣ явятся всѣ трусы и золотая молодежь, отсутствовавшая на „тайныхъ" сходкахъ, и ихъ голоса дадутъ перевѣсъ въ пользу „благоразумнаго" рѣшенія. Но послѣ битвы 4-го марта и этотъ маневръ могъ помочь. Студенты рѣшили не приступать къ экзаменамъ до осени, чтобы дождаться возвращенія товарищей, отданныхъ въ солдаты. На это рѣшеніе, продиктованное чувствомъ товарищеской солидарности, „сердечное попеченіе" Ванновскаго отвѣтило отказомъ отложить экзамены. Студенты порѣшили экзаменовъ не держать. Новое министерство сѣло въ лужу. Не помогли и гнусныя рѣчи газетъ (СПБ. Вѣдомости), старавшихся внести въ студенческую среду расколъ увѣщаніями не мѣшать министерству въ предпринимаемой имъ реформѣ, не затруднять его положенія радикальными и необдуманными рѣшеніями и т. п.

Очень, очень боимся, что политика „сердечнаго попеченія" ничего, кромѣ новаго срама, не принесетъ русскому правительству.

Западная Сибирь. Петербургская бойня, временныя правила, массовыя ссылки и вообще всякія репрессіи правительства кнута и нагайки вызвали возмущеніе и протестъ даже въ глухихъ сибирскихъ городахъ. Въ Екатеринбургѣ забастовка женской фельдшерской школы, горнаго училища; сходки почти не прекращаются, возмущеніе растетъ. Въ Иркутскѣ закрыта семинарія. Въ Томскѣ въ маѣ 1900 г. у двухъ гимназистовъ найдены были запрещенныя книжки; при допросахъ они сказали, что книжки получены отъ одного бывшаго студента. Въ видѣ наказанія этотъ студентъ посаженъ теперь на мѣсяцъ въ тюрьму. — Въ ноябрѣ или декабрѣ 1900 г. воспитанники семинаріи, измученные поповскимъ гнетомъ, ужаснымъ режимомъ, постоянными выключеніями товарищей изъ заведенія, выключеніями за чтеніе книжекъ, не нравящихся ректору, за подозрительныя знакомства и т. п., расклеили по городу прокламаціи, взывающія за помощью къ обществу, за спасеніемъ отъ шпіоновъ-поповъ. Перепуганные попы во главѣ со здѣшнимъ слабоумнымъ епископомъ Макаріемъ дали знать въ Петербургъ. Изъ Петербурга пришла ревизія и производила дознаніе. Виновныхъ не нашли, — но строгости увеличились. — Въ послѣднихъ числахъ февраля 1900 г. были произведены обыски у рабочихъ, главнымъ образомъ, у типографщиковъ. Обыскали чел. 12-13, взято двое, многихъ рабочихъ таскаютъ на допросы и стараются установить связи съ интеллигенціей. Причина обысковъ, какъ говорятъ, кроется въ сильномъ распространеніи въ послѣднее время среди рабочихъ нелегальной рабочей литературы. — Уже давно въ здѣшнемъ университетѣ и технологическомъ институтѣ послѣ извѣстій изъ Кіева о волненіяхъ, среди студентовъ началось броженіе. Были сходки, но студенты, стоявшіе за забастовку, были въ меньшинствѣ. Послѣ же правительственнаго сообщенія отъ 4-го марта студенты поднялись. 7-го марта на сходкѣ технологи единодушно порѣшили забастовать, и 8-го марта ни одинъ технологъ не явился на лекціи. Институтъ былъ закрытъ до 12-го марта, восемь человѣкъ было исключено безъ права поступленія, а остальные съ правомъ подавать прошенія до 12-го. Наступилв 12-ое. Прошеній никто не подалъ, и институтъ закрытъ теперь на неопредѣленное время. Въ университетѣ, начиная съ 8-го марта, безпрерывно шли сходки. Настроеніе подъ вліяніемъ постоянно получавшихся свѣдѣній изъ другихъ университетскихъ городовъ и особенно изъ Питера дѣлалось все болѣе возбужденнымъ и количество студентовъ, стоящихъ за забастовку, все увеличивалось. 10-го марта на общей сходкѣ студентовъ и технологовъ, послѣ прочтенія бюллетеней изъ Питера, было рѣшено выразить протестъ правительству за его гнусныя дѣянія въ формѣ уличной манифестаціи. 11-го марта въ 4 часа дня студенты и технологи въ количествѣ 250 чел. собрались за городомъ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ рѣчей, тѣсно сомкнувшись, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись на главныя улицы города. Чѣмъ дальше они двигались, тѣмъ больше росла толпа. При входѣ на главную улицу къ нимъ присоединилось сто чел. рабочихъ, много семинаристовъ, курсистокъ повивальнаго института и масса людей разнаго положенія. Шествіе продолжалось $2^1/_2$ часа съ остановками, во время которыхъ говорились рѣчи и раздавались прокламаціи, приглашающія публику присоединиться къ манифестантамъ. Толпа все росла, сочувствіе обывателей огромное. Видъ города былъ необычайный, движеніе экипажей прекратилось, публика толпами присоединялась къ манифестантамъ, читая на расхватъ прокламаціи. Студенты терялись среди публики, публика привѣтствовала манифестантовъ, а рабочіе мечтали вслухъ о такой же рабочей манифестаціи. Трехътысячная толпа такъ напугала полицію и жандармовъ, что стали бить въ набатъ; это увеличило торжественность минуты, но публику не разогнало, а увеличило. Въ городѣ до сихъ поръ только и говорятъ, что о манифестаціи, и сочувствіе къ протестующимъ ростетъ. Письма изъ Петербурга читаются на расхватъ и перепечатываются. Тактика полиціи во время манифестаціи была странная; малое количество полиціи или ихъ растерянность отъ неожиданности, но они сопровождали во все время шествія студентовъ и публику, но никого не задерживали, не переписывали, и мѣщане даже въ испугѣ говорили, что студенты куда-то ведутъ полицію, очевидно, на вокзалъ, куда-то ихъ отправляютъ, чтобы не мѣшали. Были и курьезы. Когда студенты собрались за городомъ, то полицмейстеръ послалъ разузнать, гдѣ у нихъ сходка, въ чертѣ-ли города или за чертой; переговоры между приставомъ и полицмейстеромъ шли по телефону, и студенты слѣдили и слышали все, и когда появилась на мѣстѣ сходки полиція и стала шарить по землѣ, ища черту города, то студенты стали кричать, что они за чертой города, что городская полиція ихъ не смѣетъ трогать, что это дѣло уѣздной полиціи; а полицмейстеръ, узнавъ, что сходка за чертой города, успокоился и велѣлъ только извѣстить уѣздную полицію. Но когда студенты направились къ городу, то городская полиція присоединилась къ нимъ. Теперь начались аресты и высылки. Пока арестовано 11 чел. технологовъ и одинъ обыватель; послѣ нѣсколькихъ дней содержанія въ пересыльной тюрьмѣ ихъ выслали. Приговоры строгіе. Высылали въ Якутскъ, Срѣтенскъ, Читу и т. п.; свиданій не давали, денегъ не хотѣли принимать. Жестокое, безчеловѣчное отношеніе дошло до того, что ѣхавшему въ Якутскъ отказали передать одежду, бѣлье и деньги, и онъ въ лѣтнемъ пальто отправленъ въ Якутскъ. Студентовъ еще не брали: на дняхъ ждутъ высылокъ и арестовъ. Говорятъ, что, кромѣ студентовъ, будутъ привлекать и публику, участвовавшую въ манифестаціи.

Прибавлю, что послѣ манифестаціи 12-го марта была примѣнена обструкція, а 13-го марта университетъ закрытъ на неопредѣленное время. Идутъ сборы денегъ среди публики въ пользу высланныхъ.

Рабочіе Прохоровской мануфактуры поднесли Льву Николаевичу Толстому по поводу отлученія отъ церкви слѣд. адресъ:

Глубокочтимый и дорогой Левъ Николаевичъ!

Благодаря посланію синода, мы сегодня рѣшили прійти къ Вамъ и высказать сочувствіе отъ всѣхъ здравомыслящихъ рабочихъ. По нѣкоторымъ размышленіямъ мы рѣшили изложить Вамъ письменно цѣль своего посѣщенія, потому что высказать устно иногда бываетъ труднѣе, чѣмъ на бумагѣ. Кромѣ того, мы потому надумали писать, что, можетъ быть, Вамъ будетъ скорѣе и легче прочитать, чѣмъ выслушать.

Мы, рабочіе, глубоко сочувствуемъ за несправедливое осужденіе Васъ синода, т. е. нѣсколькихъ людей, называющихъ себя въ гордомъ заблужденіи „Церковью Христовой", какъ будто остальные милліоны не члены того великаго общества, которое называетъ себя христіанами. Мы, русскіе люди, — простые работники, чувствуемъ и понимаемъ чуть-ли не глубже истины Христова Завѣта, чѣмъ члены Святѣйшаго Синода. Не Васъ должно отлучать отъ Церкви Христовой, а тѣхъ, которые сами не идутъ въ Царствіе Божіе и другихъ не пускаютъ. Мы понимаемъ, что Ваши литературныя произведенія направлены не для ниспроверженія великихъ истинъ, а, напротивъ, для разъясненія ихъ. Но мы знаемъ также, что во всѣ времена люди, стоявщіе на сторонѣ благочестія, и великіе вожди народа по пути человѣколюбія и правды всегда были отчуждаемы отъ себя тѣми, которые попираютъ ногами свободу, добродѣтель и честь. Самъ великій учитель нашъ не за то-ли пострадалъ на крестѣ? Но то было время, а теперь иное. Въ наши дни даже чернь и та понимаетъ и то, чего не понимало передовое человѣчество.

Ваше слово не на безплодную почву упало, — оно пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ на спасеніе человѣчества отъ многихъ соблазновъ. А мы чтимъ Васъ, какъ великаго человѣка, которому воздвигается нерукотворный памятникъ въ нашихъ сердцахъ.

* * *

Оригиналъ этого документа гектографированъ.

недовѣріемъ къ политическимъ способностямъ русскаго рабочаго класса, должны были искать выхода въ прежней революціонной программѣ — программѣ борьбы съ самодержавіемъ путемъ заговора, т. е. въ террорѣ.

Вотъ почему „новый" для „Раб. Дѣла" вопросъ о террорѣ представляетъ для насъ тотъ старый вопросъ, о которомъ велся споръ русской соціалдемократіей лѣтъ десять и болѣе тому назадъ, вопросъ о томъ, „кто совершитъ политическую революцію въ Россіи?" — революціонная-ли интеллигенція съ ея активнымъ орудіемъ борьбы — терроромъ и ея пассивными вспомогательными силами — либеральной оппозиціей и безсистемными „безпорядками" народныхъ массъ или же революціонный пролетаріатъ, ведущій политическую борьбу подъ знаменемъ соціалдемократіи, организующій, осмысливающій и объединяющій всѣ помимо него безсильныя движенія протеста разныхъ слоевъ народа?

Намъ скажутъ, что никто изъ современныхъ террористовъ не ставитъ именно такъ вопроса, что сторонники террора смотрятъ на себя только, какъ на застрѣльщиковъ общенароднаго движенія и лишь опираясь на послѣднее надѣются достигнуть путемъ террора побѣды надъ правительствомъ (см. брошюру „Свобода", изданную въ 1900 г. „Рабочей партіей политическаго освобожденія Россіи" или „Наши задачи" „Союза Соціалистовъ-революціонеровъ").

На это мы отвѣчаемъ, что не иначе ставила вопросъ о террорѣ и партія „Народной Воли", что не мѣшало ея террору въ силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на дѣлѣ отрицаніемъ всякаго народнаго движенія. По мысли террористовъ, террористическая борьба есть только одно изъ орудій низверженія самодержавія, но примѣненное на дѣлѣ это орудіе неизбѣжно препятствуетъ развитію того самаго народнаго движенія, которое и террористы считаютъ необходимымъ.

Чтобы быть успѣшнымъ, политическое движеніе народныхъ массъ должно совершаться подъ руководствомъ строго-организованной, сплоченной и дѣятельной революціонной партіи. Наиболѣе активные, энергичные, самоотверженные люди уходятъ изъ области пропагандистско-агитаціонной и организаціонной дѣятельности, замыкаются въ тѣсномъ кругу террористической организаціи и, покидая остальную массу революціонныхъ силъ, способствуютъ ослабленію среди нихъ интереса къ будничной, не блестящей работѣ среди народа. Требуя страшнаго напряженія революціонной энергіи, террористическая борьба быстро истощаетъ силы революціонной партіи. Наконецъ, терроръ обладаетъ свойствомъ вызывать подражаніе и подъ вліяніемъ производимаго имъ впечатлѣнія въ самомъ рабочемъ движеніи должна развиваться бунтарски-террористическая струя въ формѣ безсистемныхъ убійствъ всякаго рода враговъ рабочаго движенія вплоть до мастеровъ и фабрикантовъ.

Значитъ-ли это, что мы всегда и вообще безусловные противники террора? Отнюдь нѣтъ. Еще въ проэктѣ программы группы „Освоб. Труда" (1885 г.) было сказано, что въ моментъ рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ рабочая партія прибѣгнетъ ко всѣмъ пригоднымъ средствамъ, а въ случаѣ надобности не остановится и передъ терроромъ. Этотъ моментъ рѣшительнаго нападенія на самодержавіе будетъ данъ цѣлымъ рядомъ совпавшихъ условій, изъ которыхъ имѣющія самое рѣшительное значеніе не зависятъ отъ воли какихъ-либо организованныхъ силъ. Въ 1897 г. П. Б. Аксельродъ, говоря объ этомъ въ „Отвѣтѣ" молодымъ товарищамъ, высказалъ слѣдующія мысли, на которыя мы совѣтуемъ обратить самое серьезное вниманіе нашихъ читателей:

„У насъ упускаютъ изъ виду, что окончательный ударъ враждебному режиму наносятъ чаще всего силы и событія, лежащія внѣ власти дѣйствующей партіи. Голодъ, эпидемія, сильный экономическій кризисъ, внѣшняя война и финансовая несостоятельность — вотъ что чаще всего наноситъ реакціи послѣдній ударъ. Но для того, чтобы революціонные элементы могли воспользоваться критическимъ моментомъ въ жизни самодержавнаго государства, борьба ихъ съ абсолютизмомъ должна представлять собою процессъ выработки общественныхъ силъ, которыя съумѣли бы въ этотъ моментъ сознательно и энергично отстаивать демократическую конституцію. Подготовить же эту силу возможно только путемъ энергичной и неустанной пропагандистской и организаціонно-организаторской дѣятельности среди рабочихъ. Только такимъ образомъ можетъ образоваться рабочая организація, которая, благодаря своему тѣсному союзу съ революціонной интеллигенціей, съ одной стороны, и глубокимъ корнямъ въ крестьянско-рабочей массѣ съ другой, быстро съумѣетъ выступить руководительницей послѣдней для обезпеченія народу возможно болѣе широкихъ политическихъ правъ".

Но чтобы ко времени такого политическаго кризиса быть готовой къ рѣшительной аттакѣ противъ царизма, соціалдемократія должна неустанно развивать политическую дѣятельность рабочаго класса, упражнять его политическія способности въ постоянной борьбѣ съ существующимъ строемъ на почвѣ каждаго отдѣльнаго проявленія произвола и гнета, должна не въ собственномъ только представленіи, а въ сознаніи всѣхъ недовольныхъ элементовъ стать передовымъ отрядомъ движенія, отъ котораго не одинъ рабочій классъ, но и всѣ остальные недовольные классы ждутъ сигнала къ рѣшительной аттакѣ и отъ котораго всѣ они охотно принимаютъ данный ей для этой аттаки лозунгъ ближайшихъ требованій. И вотъ когда соціалдемократія достигла такого значенія, когда она, ведя за собой всѣ недовольные общественные элементы, подаетъ сигналъ къ такой общей аттакѣ на царизмъ, тогда она въ выборѣ средствъ для этой аттаки будетъ руководствоваться исключительно соображеніями цѣлесообразности и въ случаѣ, если найдетъ нужнымъ, примѣнитъ и терроръ, какъ, можетъ быть, прибѣгнетъ къ вооруженнымъ возстаніямъ. А чтобы быть въ состояніи опредѣлить, насталъ-ли такой рѣшительный моментъ, чтобы имѣть право взять на свою отвѣтственность примѣненіе и пропаганду такихъ крайнихъ революціонныхъ пріемовъ борьбы, — для этого соціалдемократія должна имѣть единую волю, должна умѣть передать эту волю всѣмъ подъ ея вліяніемъ находящимся общественнымъ силамъ, слѣдовательно, опять-таки должна подчинить своему вліянію всѣ недовольныя настоящимъ общественныя силы. А все это предполагаетъ существованіе крѣпкой и въ постоянной политической борьбѣ развившейся организаціи, вполнѣ спѣвшейся съ тѣми массами, среди которыхъ она ведетъ свою повседневную агитацію.

При такихъ условіяхъ систематическій терроръ, примѣненный въ моментъ революціоннаго кризиса, былъ бы проявленіемъ достигшей высшаго напряженія революціонной энергіи того общественнаго движенія, во главѣ котораго съумѣли стать соціалдемократы.

Не то мы видимъ теперь. Радостное чувство, съ которымъ встрѣтили выстрѣлъ Карповича многіе революціонные и оппозиціонные элементы, просто констатировало общее недовѣріе къ способности представительницы рабочаго класса — соціалдемократіи — стать теперь застрѣльщицей и передовымъ отрядомъ современнаго общественнаго движенія. Поэтому если бы выстрѣлъ Карповича послужилъ исходнымъ пунктомъ для новаго похода русскихъ революціонеровъ, этотъ походъ былъ бы признаніемъ отсутствія въ рабочемъ классѣ той степени революціонности и сознательности, которая сдѣлала бы его способнымъ стать во главѣ общественнаго движенія.

„Раб. Дѣло" право, говоря, что бѣлый терроръ правительства создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ. Но сила, создающая этотъ терроръ, вовсе не „неотвратима", какъ выражается „Раб. Дѣло"; она, напротивъ, можетъ быть отвращена, но отвращена только активной работой соціалдемократовъ надъ созданіемъ дѣйствительно-революціоннаго и сознательно-политическаго движенія пролетаріата. Послѣдній, занявъ подобающее ему мѣсто въ рядахъ активныхъ борцовъ противъ самодержавія, придастъ имъ именно ту силу, которая излечитъ ихъ отъ традиціонной вѣры въ терроръ, какъ главнѣйшее средство политической борьбы въ Россіи.

Новое крѣпостное право или отчего крестьяне голодаютъ. Намъ прислано письмо солдата изъ голодающей Бессарабской губерніи. Корреспондентъ сообщаетъ, что копія этого письма послана еще и въ другія редакціи. Тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайнаго интереса, представляемаго письмомъ, мы помѣщаемъ его на столбцахъ „Искры“.

Христосъ воскресе!

Дорогой папа! Давно уже собираюсь тебѣ написать, да все или недосугъ, или что-либо помѣшаетъ. Въ началѣ этого мѣсяца мнѣ пришлось участвовать въ усмиреніи бунта въ селѣ Трифонештахъ въ 35 верстахъ отъ Сорокъ (объ этомъ, вѣроятно, было въ газетахъ и ты читалъ). Дѣло было такъ: въ два часа ночи меня пришелъ и сбудилъ солдатъ, не объясняя причины, приказалъ возможно скорѣе вставать и идти сѣдлать при полной боевой. Придя на конюшню, я узналъ отъ вахмистра, что въ Трифонештахъ бунтъ и что вытребована для усмиренія такового два эскадрона солдатъ нашего полка. Намъ выдали по 15 боевыхъ патроновъ на человѣка, затѣмъ къ четыремъ часамъ мы выстроились и намъ была прочтена рѣчь подполковникомъ, въ которой онъ говорилъ, что мы идемъ не на настоящую войну, чтобы безъ приказанія начальниковъ оружіе не обнажалось и чтобы никто, упаси Богъ, не посмѣлъ въ случаѣ даже крайности рубать остріемъ шашки, а бить или плоской стороной или плашмя, затѣмъ, если будетъ приказано дать залпъ по бунтовщикамъ, то съ особеннымъ вниманіемъ слушать, какъ это будетъ приказано, и стрѣлять надъ головами, чтобы, Боже упаси, никакихъ несчастныхъ случаевъ не было и т. д. и т. д. въ томъ же родѣ. Когда рѣчь свою онъ кончилъ (а говорилъ онъ около получаса), мы выступили и, не смотря на невозможно грязную дорогу и дождь, который намъ все время сопутствовалъ, мы къ десяти часамъ были уже на мѣстѣ. Не доѣзжая до Трифонештъ верстъ на пять, съ горки было уже видно, что возлѣ помѣщичьяго дома было скопленіе народа, человѣкъ 500-600, которые таковой окружили со всѣхъ сторонъ. Въѣхавъ въ деревню, мы уже думали, что этимъ дѣло и ограничится и что, увидавъ насъ, народъ немедленно разсѣется; но не тутъ-то было: увидавъ, что мы себѣ рысцей приближаемся къ нимъ, они устремились плотной массой на насъ бѣгомъ. Тогда трубачъ сыгралъ аттаку и мы сомкнутымъ строемъ понеслись на бунтующихся полнымъ карьеромъ, чтобы смять ихъ конями. Это, какъ и надо было ожидать, произвело между нашимъ непріятелемъ (какъ называютъ солдаты) панику, и они бросились бѣжать, кто куда могъ, благодаря смятенію между мужиками, и намъ удалось ихъ окружить, а часть величиною въ два взвода бросились догонять успѣвшихъ разбѣжаться, при этомъ оказывавшимъ сопротивленіе порядкомъ-таки влетѣло отъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, которые били нещадно тупыми концами шашки; грѣшный человѣкъ, и я избилъ одного парня почти до потери сознанія. Дѣло было такъ: я во взводѣ былъ назначенъ за старшаго и, взявъ одно отдѣленіе, пустился съ нимъ догонять бѣгущихъ и поймалъ восемь человѣкъ бѣгущихъ и безъ особенно сильныхъ сопротивленій съ ихней стороны доставилъ ихъ къ командиру (который съ остальными людьми эскадрона оцѣпилъ главныя силы бунтовавшихся) и пустился догонять другихъ, но тутъ вышло дѣло, котораго я никакъ не могъ предполагать. Одинъ парень, къ которому я подскакалъ съ двумя солдатами, остановился съ вилами въ оборонительной позѣ и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, пустилъ ихъ въ меня, такъ какъ я ѣхалъ впереди всѣхъ, но на счастье особаго вреда мнѣ не принесъ, ибо я успѣлъ увернуться и вилы вонзились возлѣ самого моего тѣла, прорвавъ полушубокъ и мундиръ, которые были на мнѣ надѣты; я освирѣпѣлъ и избилъ его шашкой, такъ что его отливали водой. Бѣгство молдаванъ и наша аттака производили, какъ говорилъ исправникъ, величественную картину. Не смотря на всю серьезность этого момента, была масса курьезнаго; такъ нѣкоторые, боясь солдатъ, бросались въ воду и стояли въ рѣкѣ по грудь, откуда ихъ пришлось вытаскивать, другіе прятались въ хлѣвы, въ виноградники, въ курятники, въ погреба, откуда ихъ приходилось извлекать, часто весьма не деликатно. Затѣмъ, когда намъ удалось собрать всѣхъ бунтовавшихся воедино, исправникъ обратился къ нимъ съ рѣчью на молдавскомъ языкѣ, говорилъ онъ грозно и долго и многіе молдаване прочувствовались и прослезились, другіе же упали на колѣни и о чемъ-то просили. Все это вмѣстѣ взятое производило очень грустную картину. Плачущіе старики на колѣняхъ, грозный исправникъ и солдаты въ конномъ строю съ шашками на-голо окружаютъ тѣснымъ кольцомъ всѣхъ, Простоявъ сутки въ Трифонештахъ и забравъ четырнадцать человѣкъ главныхъ зачинщиковъ, эскадронъ двинулся обратно въ Сороки, оставивъ два взвода солдатъ въ Трифонештахъ во избѣжаніе повторенія подобнаго; въ числѣ другихъ пришлось остаться и мнѣ. Тамъ мы простояли десять дней и за это время успѣлъ узнать всѣ подробности бунта. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ Трифонештахъ живетъ помѣщикъ, онъ же земскій начальникъ и владѣлецъ земли почти всѣхъ Трифонештъ. Крестьяне частью раньше, частью теперь, благодаря постояннымъ неурожаямъ, продали ему землю и сами постепенно сдѣлались его рабами, задолжавъ ему. Такъ какъ земли своей у нихъ нѣтъ, то они работали на помѣщика, получая за каждую десятину, которую обработаютъ (запашутъ, засѣютъ, скосятъ и вымолотятъ) два рубля деньгами и половину урожая, т. е. мѣрка зерна помѣщику и мѣрка имъ. При такихъ условіяхъ существовать было еще возможно, но съ прошлаго года помѣщикъ сталъ платить иначе, т. е. два рубля и зерна три мѣрки ему, а одна мѣрка крестьянамъ. Хлѣба, благодаря этому, хватило только до Рождества, и три деревни голодали (Трифонешты, Фрумушики и Севирево), скотъ продали, на заработки идти некуда: въ Бессарабіи и безъ нихъ довольно голоднаго люда, а въ Россію поѣхать — языка не знаютъ, что тутъ дѣлать? И стали они проситься, чтобы земскій начальникъ отпустилъ ихъ на Амуръ. Земскій начальникъ ихъ сперва отговаривалъ (боясь-ли потерять дешевыхъ работниковъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ). Наконецъ, его заставили съѣздить къ губернатору; губернаторъ тоже отказалъ. Тогда крестьяне просили выдать имъ письменное удостовѣреніе отъ земскаго начальника въ томъ, что въ его ходатайствѣ губернаторъ отказалъ и на какихъ основаніяхъ. Земскій въ этомъ отказалъ. Тогда они собрались, въ числѣ 660 человѣкъ у его дома и ждали, пока онъ на это согласится. Вели себя они мирно, не проявляя ничего буйнаго, всѣхъ выпускали и впускали въ домъ, не препятствуя ни земскому, ни его семьѣ ничѣмъ, только увѣряли, что не уйдутъ, пока земскій надъ нами не смилуется и не дастъ имъ просимаго, ибо голодать имъ все равно гдѣ, дома-ли, гдѣ еще жена и дѣти ѣсть просятъ или во дворѣ у помѣщика. Земскій усмотрѣлъ въ этомъ бунтъ и, боясь, какъ бы они чего-нибудь не учинили, вытребовалъ солдатъ, а молдаване, увидя, что на нихъ (мирныхъ жителей) движутся войска, понятное дѣло, возмутились и не хотѣли даваться въ руки безъ боя, полагая, что ихъ будутъ пороть, но всѣ они были почти безоружны, если не считать вооруженіемъ палки, съ которыми крестьяне всюду привыкли ходить. По уходѣ эскадроновъ на сходкѣ были выбраны пять человѣкъ, которые поѣхали въ Петербургъ ходатайствовать передъ Государемъ лично. Проживъ десять дней между ними, можно лично убѣдиться въ бѣдственномъ ихъ положеніи; напр., за столъ садится семья, состоящая изъ отца, матери и четырехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему пятнадцать лѣтъ, и на столъ подается миска супу, который варенъ изъ воды, луку и перцу, затѣмъ подается миска мамалыги, которой не хватило бы на одного хорошаго ѣдока, и фунта четыре кукурузнаго хлѣба, — вотъ обѣдъ, а если прибавить сюда еще два фунта хлѣба, то это будетъ пища на сутки для четырехъ человѣкъ, но эту роскошь далеко не всѣ могутъ себѣ позволять, большая часть питается только хлѣбомъ и водою и то впроголодь. Относительно лошадей (у кого таковыя еще есть) и говорить нечего, это положительно ходячіе скелеты. Я жилъ въ хатѣ у одноло старовѣра, выходца изъ Черниговской губ. Богатый мужикъ-кулакъ, у котораго и овцы, и коровы, и лошади, — все есть и всего достать можно... Два офицера, которые съ нами оставались, жили у помѣщика, мнѣ же, какъ я ни хлопоталъ, не удалось пристроиться ни къ помѣщику, ни къ кому-либо другому, исключая старовѣра, какъ единственнаго зажиточнаго мужика. Хотя я и мало сидѣлъ дома, а отъ скуки ходилъ больше по селу и знакомился съ жизнью и бытомъ тамошнихъ крестьянъ. Изъ захваченныхъ нами четырнадцати человѣкъ четверо осуждены на три года въ военную тюрьму, а остальные шесть человѣкъ на меньшіе сроки и въ разныя вѣдомства, четыре же человѣка оправданы.

Прожито мною въ Трифонештахъ 21 рубль, да благодаря своему глупому мягкосердечію роздалъ бѣднякамъ, которымъ ѣсть было нечего, около восьми рублей, и то не наличными деньгами, а покупалъ имъ хлѣбъ и муку, за это меня никто, положимъ, не оправдаетъ, да ужъ очень жалко видѣть людей, которые чуть не умираютъ съ голоду въ то врамя, какъ самъ и молочка выпьешь и яичка съѣшь, и пообѣдаешь сытно, а тутъ сдѣлаешь хоть одно доброе дѣло, о которомъ ни въ коемъ случаѣ раскаиваться не будешь. Какихъ картинъ тамъ насмотрѣлся, разсказывать не буду, ибо три дни будешь писать, всего не опишешь, а лучше, если ты интересуешься подробностями, разскажу по пріѣздѣ домой.

Какъ рязанскій помпадуръ взялъ штурмомъ семинарію. Въ Рязани разыгрался семинарскій бунтъ, конечно, на почвѣ специфическихъ условій семинарской бурсы: не хватило хлѣба и хорошаго обращенія. „Бунтъ“ продолжался три дня. Финалъ завершенъ воздѣйствіемъ полиціи, во главѣ съ вице-губернаторомъ. 12-го марта въ часъ ночи вице-губернаторъ, сопровождаемый нарядомъ полиціи и пожарной команды съ зажженными факелами, пытался войти внутрь семинаріи, но сначала ему это не удалось: въ него чѣмъ-то запустили, и онъ отступилъ. Но послѣ короткаго совѣщанія съ семинарскимъ начальствомъ и служителями на счетъ заднихъ ходовъ, была отряжена команда для вступленія въ семинарію съ задняго хода. Семинаристы старались сломать желѣзную лѣстницу, ведущую къ нимъ на второй этажъ, и тѣмъ не допустить къ нимъ полицію, но безуспѣшно. Послѣ того, какъ команда пробралась къ парадному крыльцу и отворила его, вошелъ вице-губернаторъ съ остальной свитой. По ихъ удаленіи, ихъ напутствовали шиканьемъ и крикомъ: „да здравствуетъ свобода семинаріи! долой ректора!“ Теперь семинарія прикрыта и часть бунтовщиковъ выслана на родину. Присутствовавшіе при финалѣ попы (въ толпѣ) горевали о томъ, что они ничего не могутъ сдѣлать для защиты своихъ дѣтей.

Травля „подозрительныхъ“ интеллигентовъ.

Совершенно секретно.

М. В. Д.

Ардатовскій уѣздный исправникъ.

30-го сент. 1901 г.

№ 136.

ГГ. исполнительнымъ чиновникамъ ардатовской полиціи

По крайне серьезнымъ обстоятельствамъ предлагаю Вамъ, Мил. Гос., усилить совершенно негласный надзоръ за всѣми лицами, имѣющими какія-либо сношенія съ крестьянами, какъ-то: докторами, учителями, акушерками, фельдшерами, техниками и т. под. всякими интеллигентными лицами, а также (въ особенности) за всѣмм лицами, пріѣхавшими изъ другихъ мѣстъ и состоящими въ учебныхъ заведеніяхъ. За появленіемъ между крестьянъ какихъ-либо брошюръ или книжекъ усилить самый строжайшій надзоръ. Затѣмъ, что будетъ Вами замѣчено сомнительнаго въ благовидности поведенія означенныхъ лицъ или появленія брошюръ или книгъ сомнительнаго характера, немедленно мнѣ доносить для совмѣстнаго обсужденія всего Вами замѣченнаго.

Для достиженія строгаго надзора за вышеизложеннымъ рекомендую установить знакомство со священниками, конечно, не наталкивая ихъ замѣтнымъ образомъ на желаніе Ваше добыть нужныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не ввѣрять этого надзора урядникамъ, поручивъ имъ, однако, строго наблюдать за всѣми лицами, прибывшими въ ихъ участокъ, о которыхъ докладывать Вамъ не позднѣе сутокъ по ихъ прибытію. Лица, не принадлежащія къ составу населенія стана, безусловно должны всѣ приписываться, предъявляя по требованію Вашему или урядника свои виды на жительство.

При этомъ поставляю Вамъ, М. Г., въ извѣстность, что вышеизложенный надзоръ не долженъ быть кратковременнымъ, а непрерывно постоянный. Если по обстоятельствамъ дѣла будетъ замѣчено небрежное или невнимательное отношеніе къ изложенному надзору, то Вы, М. Г., рискуете потерять свою службу.

Подлинный подписалъ:
Исправникъ Ив. Самосудовъ.

Харьковъ. Приводимъ нѣкоторыя выписки изъ одного частнаго письма изъ Харькова отъ 22-го апрѣля, сообщающаго характерныя подробности о вечерней демонстраціи 19-го февраля въ этомъ городѣ:

Хотя утреннее побоище и демонстрація должны были, казалось, вызвать массовой протестъ студентовъ, тѣмъ не менѣе собравшаяся въ шесть часовъ вечера около участка толпа студентовъ была далеко не многочисленна. Эта кучка умоляла товарищей не расходиться, а еще немножко подождать, сама не зная, чего же имъ было и откуда ждать? Эта горсточка людей, отчаявшихся въ успѣхѣ агитаціи среди харьковскихъ студентовъ, буквально ловила „коллегъ“ за рукава, только чтобы набрать какую-нибудь сотню демонстрантовъ. Я сама видѣла въ 6 час. вечера какъ ихъ мало было около участка. И вотъ еще минута, другая, идутъ рабочіе, идетъ толпа въ 200-300 чел. — и картина внезапно мѣняется! Теперь всѣ бѣгутъ со всѣхъ улицъ и переулковъ на звуки грянувшей „Дубинушки“, теперь оглушительный свистъ несется уже сразу изъ сотенъ грудей, и масса, какъ лава, мчится впередъ, разливаясь все шире и гуще по площади и улицѣ. Откуда что взялось, не поймешь ни за что. Тутъ все перемѣшалось: рабочіе, студенты, дамы, господа, прислуга, офицеры, мальчишки... Всѣ слились въ стремительномъ порывѣ впередъ, всѣ охвачены общимъ чувствомъ громкаго, свободнаго, молодого протеста, у всѣхъ вспыхиваетъ въ груди радостное, поднимающее чувство свободы, воли и могущества массы. Но вотъ казаки! И вся сила негодованія и ненависти уже многотысячной толпы разражается въ новыхъ раскатахъ протестующихъ криковъ и свиста. Мелькнули нагайки, началось это подлое избіеніе беззащитныхъ, и нѣтъ больше „публики“ — кругомъ тысячи возмущенныхъ, негодующихъ, протестующихъ демонстрантовъ!... На другой день послѣ демонстраціи всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что никто не ожидалъ такого успѣха. На рабочихъ не могли разсчитывать хотя бы уже потому, что день былъ праздничный, а вѣдь они-то и „вывезли!“... А мнѣ теперь до тоски хочется снова попасть въ такую громадную толпу, слышать этотъ ревъ ея, свистъ и крикъ негодованія. Какая мощь чувствуется въ сплотившейся массѣ и если бы хоть простыя дубины ей въ въ руки — сама нечистая сила дьявола дрогнула бы передъ нею, а не только эта поганая свора пьяныхъ звѣрей!

Въ хронику общественныхъ протестовъ. Мин. Вн. Дѣлъ подано заявленіе, подписанное 95 лицами, по поводу мартовскихъ событій въ Петербургѣ. Разоблачая лживость свѣдѣній, помѣщенныхъ въ „Правительственномъ сообщеніи“ о побоищѣ 4-го марта, протестующіе спрашиваютъ: „Кому нужно было это безцѣльное избіеніе людей на улицахъ столицы? Кто были виновниками этого звѣрскаго избіенія молодежи? Люди, сознающіе свой гражданскій долгъ, не могутъ молчать. Мы сознаемъ этотъ долгъ и заявляемъ, что только отмѣна „временныхъ правилъ“ устранитъ ближайшую причину теперешнихъ студенческихъ волненій. Только судъ надъ виновными въ избіеніи 4-го марта, кто бы ни были эти виновные, успокоитъ возмущенную общественную совѣсть“.

Въ числѣ подписавшихся находимъ имена, извѣстныя въ литературѣ (Анненскій, Рубакинъ, Воронцовъ, Потапенко. Мякотинъ. Фальборкъ, Чарнолусскій, Ганейзеръ, Пѣшехоновъ, Купріянова, Никоновъ, Вересаевъ, Пантелѣевъ, Арсеньевъ, М. Энгельгардъ, Венгеровъ, Вайнбергъ, Михайловскій), нѣсколько профессоровъ (Лесгафтъ, Бауманъ и др.), адвокатовъ (Люстигъ, Карабчевскій, Герардъ, бр. Бернштамъ, Вейнбергъ, Свѣшниковъ, Стасовъ), академиковъ (Бекетовъ и Шахмаровъ) и президента Вольно-Экономическаго Общества гр. Гейдена. Министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило на эту петицію со свойственнымъ ему остроуміемъ: занесло большинство подписавшихся въ списокъ, у которыхъ передъ 1-мъ мая произведены обыски. Многіе изъ обысканныхъ арестованы (Бернштамы, Мякотинъ, Корниловъ). Разумѣется, при этомъ правительство преслѣдовало самыя мелкія цѣли: надѣлать непріятностей тѣмъ лицамъ, которыя завѣдомо для него далеки отъ всякой „подпольной“ дѣятельности, но которыя осмѣлились возвысить голотъ протеста. Мы надѣемся, что эта мелкая мстительность правительства приведетъ къ полезному результату: въ сознаніи либеральной части общества день пролетарскаго праздника станетъ днемъ сведенія счетовъ между правительствомъ и всѣми его врагами..

Въ этомъ отношеніи политическій кризисъ послѣднихъ мѣсяцевъ засталъ наше движеніе врасплохъ. А потому для тѣхъ соціалдемократовъ, которые никогда не теряли увѣренности въ исторической задачѣ русскаго пролетаріата, „совершенно новый вопросъ“, выдвигаемый послѣдними событіями, принимаетъ такой видъ: „что дѣлать для того, чтобы организовать пролетаріатъ въ политическую силу, который каждый новый кризисъ застанетъ въ состояніи боевой готовности?“

„Раб. Дѣло“, повидимому, очень просто рѣшило этотъ вопросъ. Оно рекомендуетъ „перемѣнить въ 24 часа тактику“ и для начала въ 24 часа выбросило за бортъ всю ту политическую мудрость, которую проповѣдывала въ теченіе всего своего существованія. Но, какъ и слѣдовало ожидать, оно въ новой позиціи проявило то же легкомысліе и неосновательность, которыми отличалось при прежней своей тактикѣ. Лозунгомъ старой тактики было „медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ тише впередъ!“ черезъ отдѣльныя „стадіи“ борьбы, сначала за мелкія экономическія требованія, потомъ за отдѣльныя политическія права и — по полученіи оныхъ — за конституцію. Теперь всѣ „стадіи“ полетѣли за бортъ, всѣмъ русскихъ рабочимъ, въ какой бы „стадіи“ они ни находились, рекомендуется требовать Земскаго Собора и, выставляя эти требованія, совершать манифестаціи во что бы то ни стало. На каждое насиліе правительства отвѣчать насиліемъ, арестованныхъ освобождать! Кровь требуетъ крови! (см. Листокъ Союза Заграничн. Соціалдемократовъ, мартъ 1901 г.). Удивительный, поистинѣ, „историческій поворотъ“! Когда представители такъ-называемаго „стараго“ направленія въ соціалдемократіи требовали, чтобы во главу политической агитаціи ставилось требованіе демократической конституціи, тогда имъ самодовольно возражали, что это было бы „непрактично“ и что это требованіе можно будетъ поставить только тогда, когда пролетаріатъ пройдетъ школу борьбы за отдѣльныя политическія требованія и частью добьется ихъ отъ самодержавія. Когда майскій листокъ, изданный Центральнымъ Комитетомъ Россійской Партіи, выставилъ въ числѣ майскихъ требованій конституцію, основанную на всеобщемъ, равномъ, прямомъ избирательномъ правѣ, то этотъ листокъ, какъ содержащій „утопическія“ требованія, былъ подвергнутъ травлѣ „экономистовъ“, и „Раб. Дѣло“ играло имъ въ руку, систематически увѣряя публику, что никакой борьбы двухъ направленій въ русской соціалдемократіи нѣтъ, что все дѣло въ „стадіяхъ“ борьбы, не противорѣчащихъ одна другой. Когда П. Аксельродъ указывалъ на необходимость вовлечь въ кругъ практической агитаціи тѣ вопросы, въ которыхъ интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами другихъ недовольныхъ классовъ общества, когда онъ приглашалъ соціалдемократію освоивать рабочія массы съ борьбой этихъ классовъ противъ царизма, тогда „Раб. Дѣло“ смѣялось надъ его надеждами на „либеральныхъ помѣщиковъ“. Когда „Южный Рабочій“ поставилъ открыто своей задачей подготовлять рабочихъ къ рѣшительной революціонной схваткѣ съ царизмомъ, то отстаиваемые „Раб. Дѣломъ“ отъ нападокъ „стариковъ“ „молодые“ товарищи объявили „Юж. Рабочій“ бунтарскимъ органомъ, а кислосладкая рецензія „Раб. Дѣла“ объ этомъ органѣ не сказала ни да, ни нѣтъ той редакціонной программѣ, которою новая газета бросила вызовъ пропагандистамъ ходьбы „медленнымъ шагомъ“.

И вотъ теперь, когда вихрь событій засталъ врасплохъ мало организованное наше движеніе, когда передъ мѣстными практиками стала во всей громадности трудная задача съ незначительными наличными силами овладѣть движеніемъ и оформить его, — въ этотъ моментъ „Раб. Дѣло“, безстрашно забывъ все свое прошлое, впервые повторило за другими: впередъ! впередъ! за земскій соборъ; и къ этому прибавило совершенно некстати: „на насиліе отвѣчать насиліемъ!“

Но, господа, если на дѣлѣ окажется, что наши рабочія массы недостаточно прониклись сознаніемъ важности Земскаго Собора и не станутъ энергично подъ выставляемое знамя. — то на кого падетъ отвѣтственность за эту неудачу? Если дѣлаемый вами призывъ встрѣтится съ противодѣйствіемъ тѣхъ товарищей, которые отъ васъ же усвоили себѣ теорію пресловутыхъ „стадій“ политической борьбы, и они откажутся „сразу“ поддержать это требованіе и вмѣсто полнаго единогласія вашъ призывъ встрѣтитъ недоумѣлые вопросы и вызоветъ новые раздоры, — что тогда дѣлать? Если окажется, что тѣ теченія, которыя вы до сихъ поръ брали подъ свою защиту, глубоко проникли въ сознаніе многихъ дѣятелей и въ отвѣтъ на призывъ бороться вмѣстѣ съ интеллигенціей вы услышите: „наше дѣло сторона, да здравствуетъ рабочее движеніе!“, въ какомъ положеніи очутитесь вы тогда? А если — въ чемъ мы не сомнѣваемся — дезорганизованность нашихъ силъ требуетъ въ настоящій моментъ отъ насъ крайней осторожности въ приглашеніи массъ манифестировать во что бы то ни стало какъ разъ въ то время, когда враги наши организовали и напрягли всѣ свои силы, то при такомъ положеніи дѣлъ легкомысленный призывъ изъ за границы „освобождайте арестованныхъ!“, „отвѣчайте на насиліе насиліемъ!“ и всякія „кровавыя“ рѣчи могутъ имѣть послѣдствіемъ компрометированіе соціалдемократіи, взваливаніе на нее отвѣтственности за могущую имѣть мѣсто бойню рабочихъ.

Нѣтъ! Такая истерическая нервность, подкрѣпленная полной несостоятельностью въ пониманіи задачъ партіи, можетъ только вредить развитію нашего дѣла, и наша обязанность обратить вниманіе товарищей на то, что всѣ эти рѣчи прикрываются фирмой „Заграничнаго комитета россійской соціалдемократической рабочей партіи“. Нашъ собственный отвѣтъ на вопросъ: „что дѣлать?“ читатель найдетъ въ особой статьѣ въ этомъ же номерѣ. Здѣсь мы подчеркнемъ только одинъ выводъ. Чтобы достигнуть сплоченія всѣхъ соціалистически-революціонныхъ силъ вокругъ рабочаго движенія и его авангарда — соціалдемократіи, мы должны бороться съ той дезорганизаціей революціонныхъ силъ, къ которой грозитъ привести новый подъемъ террористическихъ настроеній. А для этого наша партія должна доказать на дѣлѣ жизнеспособность соціалдемократическаго рабочаго движенія, какъ главной политической силы, способной сокрушить самодержавіе. Въ какомъ бы положеніи ни застали насъ нахлынувшія событія, какъ бы мало мы ни были организованы, мы должны сдѣлать все возможное, чтобы рабочій классъ и соціалдемократія исполнили въ данный моментъ свой политическій долгъ. Но чтобы выполнить этотъ долгъ, надо не опьянять себя громкими фразами, не закрывать глаза на ошибки прошлаго и не удваивать принесеннаго ими вреда новыми противоположными ошибками. И пусть „историческій поворотъ“ въ 180 градусовъ, произведенный „Раб. Дѣломъ“ при громѣ литавровъ, докажетъ невѣрующимъ, что политическая партія безъ твердой программы и принципіально-выдержанной тактики обречена на полную безпомощность въ каждый рѣшительный моментъ.

Изъ Нижняго-Новгорода сообщаютъ: Отсюда подаютъ петицію объ амнистированіи всѣхъ замѣшанныхъ въ безпорядкахъ студентовъ. Говорятъ, что въ годовщину безвременно погибшаго Ливена студенты-нижегородцы вздумали было произвести демонстрацію. Но сметливая администрація разрѣшила имъ сходку на день демонстраціи (8-го апрѣля). На сходку были приглашены и представители разныхъ вѣдомствъ (писатели, чиновники, предсѣдатель управы и проч.) въ числѣ 72 человѣкъ. Была и публика. Дѣло происходило во всесословномъ клубѣ. Постановлено большинствомъ голосовъ: демонстраціи не производить, а взамѣнъ этого послать вышеупомянутую петицію. Собраніе было со своимъ предсѣдателемъ, двумя секретарями, баллотированнымъ ящикомъ и протоколистами. Въ случаѣ, если общество откажется подписываться подъ петиціей, студенты удерживаютъ за собою право устроить демонстрацію.

Ярославль. Обще-студенческое движеніе задѣло краешкомъ и Ярославскій Демидовскій лицей. Всѣхъ студентовъ въ лицеѣ 715 чел. До этого года жизнь лицеистовъ протекала мирно (если не считать неудачную попытку одного студента устроить забастовку въ 1899 г.) Отношенія между студентами и инспекціей были чисто-семейнаго характера, а директора лицея Шпилевскаго студенты считали своимъ отцомъ, милостиво предоставляющимъ своимъ дѣтямъ безобразничать, сколько угодно. Насколько у студентовъ лицея (кстати сказать, нѣкоторые обыватели, свидѣтели уличныхъ „демонстративныхъ" безобразій лицеистовъ, называютъ лицей музеемъ, да и сами лицеисты не стыдятся называть этимъ именемъ свою alma mater) мало развито сознаніе своего собственнаго достоинства, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи, которую можно озаглавить такъ: сліяніе чистой науки съ грязной полиціей. Въ срединѣ февраля этого года лицей праздновалъ сорокалѣтіе ученой дѣятельности своего профессора и директора Шпилевскаго. Казалось бы, какое отношеніе этотъ чисто университетскій праздникъ имѣетъ къ губернатору и жандармскому полковнику, полицмейстеру и всѣмъ приснымъ, однако въ актовомъ залѣ мы съ удивленіемъ увидѣли не только сихъ почтенныхъ мужей, но и ихъ помощниковъ. Не преминулъ отдать долгъ уваженія ученой дѣятельности Шпилевскаго и мѣстный агентъ сыскной полиціи Сундуковъ, увѣшанный медалями за свои многочисленныя услуги царю и отечеству. Наивные лицеисты не понимали, что въ храмѣ науки не мѣсто полиціи. Такъ было до 4-го марта. Событія этого дня сразу всколыхнули сонную душу лицеиста. Онъ заволновался. Были выпущены двѣ прокламаціи 7-го и 8-го марта за подписью Ярославскаго Исполнительнаго Комитета(?). На 9-ое марта была назначена сходка. Явилось до 250 студентовъ; были приняты всѣ три пункта требованій всего студенчества. Но тутъ явился директоръ, который сначала упрашивалъ отечески студентовъ разойтись, а затѣмъ сталъ кричать, и когда студенты отказались разойтись, велѣлъ ихъ переписать. Переписано было 155 человѣкъ. На слѣдующій день снова была сходка; но директоръ-отецъ, послѣ приказа разойтись, немедля вызвалъ войска, и тутъ-то лицеисты на своихъ шкурахъ узнали его отеческое попеченіе. Солдаты съ ружьями вошли въ лицей и группами уводили студентовъ въ близъ лежащія казармы. Арестовано было 83 человѣка. Ночью они были переведены въ арестантскія роты, гдѣ и были размѣщены въ двухъ большихъ камерахъ. Держали въ заключеніи двѣ недѣли, послѣ чего разослали по разнымъ городишкамъ. Семь студентовъ выдѣлили изъ общей массы, какъ зачинщиковъ, и посадили въ тюрьму въ одиночныя камеры. Въ настоящее время и эти высланы. На дняхъ объявленъ приговоръ; уволено на годъ и на два 15 студ.; остальныхъ подвергли различнымъ административнымъ взысканіямъ.

* * *

Передъ Пасхой были арестованы два студента; обвинялись они въ томъ, что будто бы они писали анонимныя ругательныя письма предержащимъ властямъ. Взяли ихъ по показанію инспектора лицея, который сказалъ про нихъ, что большеде некому, кромѣ нихъ: они вдвоемъ постоянно вмѣстѣ, ведутъ себя какъ-то подозрительно тихо. И вотъ, на основаніи того-что они ведутъ себя тихо, а это инспектору кажется подозрительнымъ, ихъ держали въ заключеніи 5 дней, затѣмъ освободили.

* * *

Мѣстныя власти давно ужъ подбирались къ статистикѣ. Студенческія волненія и аресты 12 студентовъ, работавшихъ въ бюро, дали поводъ администраціи вмѣшаться во внутреннюю жизнь его. На слѣдующій день послѣ арестовъ, т. е. 11-го марта, въ бюро является членъ управы, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и переодѣтый жандармскій писарь. Прежде всего компанія спросила гектографскія чернила. Послѣ осмотра ихъ нашли, что они не походятъ на тѣ, какими написаны прокламаціи. Затѣмъ осмотрѣли столы всѣхъ арестованныхъ студентовъ. Конечно, ничего не нашли. Но вице-губернаторъ (губернаторъ ѣздилъ въ Петербургъ съ докладомъ о текущихъ дѣлахъ г. Ярославля) не успокоился призвалъ къ себѣ завѣдующаго бюро и, заявивши, что „времена теперь строгія: реакція въ полной силѣ", предложилъ ему произвести нравственную очистку бюро, требуя отъ него, чтобы онъ впредь принималъ студентовъ со строгимъ выборомъ, такъ чтобы о нихъ нельзя было и подумать, что они могутъ когда-либо оказаться неблагонадежными. Глупый поручикъ (вице-губернаторъ — поручикъ въ отставкѣ) не сообразилъ, что сыскная полиція еще не нашла способа слѣдить за мыслями, за душою человѣка.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Рабочее движеніе въ Ярославлѣ, разъ начавшись, не могло, конечно, заглохнуть, не смотря на всѣ усилія полиціи. Полиція не дремала. Особенно много потрудился здѣсь начальникъ сыскного отдѣленія (онъ же приставъ 4-й части), нѣкто Петровскій, горячій сторонникъ Зубатовской политики. Какъ извѣстно, система Зубатова состоитъ въ томъ, чтобы среди рабочихъ поселить взаимное недовѣріе, вводя въ ихъ среду своихъ клевретовъ, которые сначала прикидываются ярыми революціонерами, а затѣмъ оказываются предателями. Петровскій сталъ подыскивать себѣ помощника, и выборъ его скоро остановился на одномъ рабочемъ Ѳедорѣ Дорофеевѣ. Неглупый парень, уже разъ привлекавшійся (по дѣлу технолога Носкова), онъ быстро устроилъ кружокъ изъ рабочихъ, нанялъ квартиру для занятій и затѣмъ, когда узналъ все, что нужно, предалъ. Аресты были 12-го января. Арестованы — студенты Демидовскаго лицея: Ив. Гр. Наумовъ 4-го курса (выпущенъ черезъ двѣ недѣли послѣ ареста), Ярославцевъ Алекс. Вас. 3-го курса и Алекс. Петровичъ Доливо-Добровольскій 2-го курса (оба еще сидятъ), гимназистъ 8-го класса Ярославской гимназіи Вас. Алекс. Носковъ (выпущенъ 14 го апрѣля), учительница городского начальнаго училища Ан. Дм. Бобенко (выпущена 25-го февраля), слесарь (онъ же ученикъ здѣшняго Пастуховскаго техническаго училища) Никаноровъ (выпущенъ черезъ двѣ недѣли), рабочіе Ив. Исаевъ Короткинъ и Ѳедоръ Семенухинъ (оба еще сидятъ). Взятъ былъ и Ѳ. Дорофеевъ (выпущенъ въ началѣ апрѣля). Всѣ арестованные обвинялись въ пропагандѣ среди рабочихъ, показаній не давали почти никакихъ, и жандармеріи, не смотря на всѣ усилія, не удалось создать „дѣло". Дѣло, по словамъ жандармскаго ротмистра, присланнаго изъ Москвы для веденія слѣдствія, яйца выѣденнаго не стоитъ. А ужъ какъ старались жандармы: грозили каторгой (нѣкоторые обвинялись по 250 ст., которая говоритъ о 15-лѣтней каторгѣ) мучили допросами въ жандармскомъ управленіи и тюрьмѣ, вызывали свидѣтелей по всякому незначительному поводу, устраивали очную ставку съ Дорофеевымъ. Въ настоящее время, говорятъ, прокуроромъ московской судебной палаты дѣло отослано въ Петербургъ. Но всѣ усилія царской полиціи заглушить рабочее движеніе, остаются безуспѣшными. Въ началѣ марта 1901 г. забастовала Норская мануфактура изъ-за предполагаемаго пониженія расцѣнокъ на лѣто. Бросили работу двѣ трети всѣхъ рабочихъ (всего около пяти тысячъ). 11-го марта было арестовано 12 рабочихъ съ Норской фабрики, шедшихъ группою въ Ярославль на ярмарку. Обвиняются они въ томъ, что будто бы они шли въ городъ съ цѣлью устроить деменстрацію, поднявши массу фабричнаго народа, гулявшаго въ то время по ярмаркѣ. Забастовка окончилась по слухамъ неудачно для рабочихъ: расцѣнки не повысили. Передъ Пасхой на той-же фабрикѣ ходили листки мѣстнаго характера, которые подняли на ноги всю полицію. Арестовъ не было. На Ярославской мануфактурѣ тоже неспокойно изъ-за расцѣнокъ. Передавали, что 57 человѣкъ тягали на допросъ въ жандармское управленіе. Арестовъ не было, администрація фабрики, испугавшись волненій, увеличила расцѣнки.

* * *

По недостатку мѣста откладываемъ до слѣдующаго номера другія интересныя сообщенія нашего ярославскаго корреспондента.

Орѣхово-Зуево (мѣстечко Никольское). Раньше, чѣмъ приступить къ описанію больничныхъ порядковъ у Саввы Морозова, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, характеризующихъ мѣстное положеніе. Для насъ, орѣхово-зуевскихъ рабочихъ, не безъинтересно познакомить черезъ рабочую газету „Искра" какъ своихъ рабочихъ, такъ и рабочихъ другихъ городовъ и другихъ профессій съ нашими ннногда чудовищными порядками. Не говоря уже о томъ, что всякій сознательный рабочій долженъ интересоваться рабочимъ вопросомъ, но есть много людей, которые сами не рабочіе, а все же интересуются этимъ вопросомъ и сочувствуютъ классовому рабочему движенію... Какъ бы ни держали насъ въ невѣжествѣ своими хитросплетенными софизмами пресловутые попы, идущіе рука объ руку съ капиталистами и властями русскаго правительства — рабочіе все же видятъ свое жалкое рабское положеніе.

Въ мѣстечкѣ Никольскомъ работаетъ до 25 тысячъ человѣкъ у двухъ фабрикантовъ, Викулы и Саввы Морозовыхъ, а все населеніе Орѣхова состоитъ изъ 40 тысячъ человѣкъ, живущихъ на разстояніи девяти квадратныхъ верстъ. И при такомъ количествѣ и такой скученности населенія рабочее движеніе, тѣмъ не менѣе, очень тихое и сонное; эта сонность происходитъ, главнымъ образомъ, отъ полной умственной голодовки. У насъ нѣтъ литературы, которая встрѣчается въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, къ намъ не попадаютъ и рабочіе изъ такихъ городовъ и, благодаря этому, мы не знаемъ, гдѣ и какъ ведется дѣло. Взяться же самимъ у насъ не хватаетъ смѣлости и отчасти знанія. Вотъ образчикъ нашихъ порядковъ и нашего матеріальнаго положенія, который мы приводимъ безъ всякихъ преувеличеній и въ полномъ согласіи съ фактами.

У насъ есть двѣ больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочихъ Саввы Морозова. Больница находится около чугунно-литейнаго завода (заводъ служитъ для фабрики) и жилыхъ рабочихъ помѣщеній (казармъ). Мѣсто вредное и для жилыхъ помѣщеній, а для больницы тѣмъ болѣе. Морозовъ сдалъ свою больницу за извѣстную сумму одному эскулапу, доктору Базелевичу. Съ больными докторъ Базелевичъ обращается какъ настоящій живодеръ. Труды его даромъ не пропадаютъ, — онъ отлично умѣетъ сдирать шкуру съ изнеможенныхъ раобчихъ. Чаю и сахару больнымъ не полагается, а есть только кипятокъ и тотъ только до шести часовъ вечера. Пища очень скверная и то не въ достаточномъ количествѣ. Къ ужину подаютъ кислые щи или другую такую же похлебку. Больные голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Только тѣ и сыты, которыхъ навѣщаютъ родные и знакомые. Въ виду полуголоднаго содержанія больныхъ Базелевичъ не возбраняетъ приносить въ больницу все, а потому родные несутъ и кислую капусту, и селедки, и хлѣбъ, и квасъ, — однимъ словомъ, все, что есть. Кормятъ больныхъ по нѣсколько (4-5) человѣкъ изъ одной посуды заразъ. Бѣлье содержится очень грязно и и всегда можно замѣтить на простыняхъ и наволочкахъ очень сомнительныя пятна. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ рабочій о своемъ посѣщеніи: „Разъ я пришелъ въ числѣ посѣтителей въ больницу. Подходя къ знакомому, я обратилъ вниманіе на рядомъ лежащаго больного. Это былъ молодой человѣкъ въ длинной грязной рубахѣ, въ короткихъ грязныхъ кальсонахъ и разныхъ чулкахъ (одинъ бѣлый, другой красный). Больной страдалъ ногами. Когда я бесѣдовалъ, то молодой человѣкъ жаднымъ, измученнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня и, наконецъ, произнесъ: ради Христа, дай кусочекъ хлѣбца, я чуть не умираю съ голода, такъ какъ меня никто не посѣщаетъ".

Лѣченіе въ больницѣ возмутительное — одной водой и дешевенькими порошками. Самъ Базелевичъ очень рѣдко принимаетъ больныхъ. Онъ нанялъ двухъ врачей, а самъ только слѣдитъ за выдачей лѣкарствъ.

Тутъ же существуетъ родильный пріютъ, который замѣчателенъ своей нелюбовью къ паціенткамъ — больныхъ принимаютъ только дня за два до родовъ, отговариваясь тѣмъ, что онѣ слишкомъ рано приходятъ ѣсть хозяйскіе харчи. Въ январѣ этого года былъ такой возмутительный случай: акушерка отослала назадъ домой беременную женщину. Отойдя немного отъ больницы, женщина родила на дорогѣ.

Какъ видите, товарищи, наше положеніе въ больницѣ у Саввы Морозова не изъ пріятныхъ. Наше здоровье, наши силы превратились въ частицу морозовскихъ милліоновъ. Морозовъ богатѣетъ, а мы принуждены проводить послѣдніе дни жизни, протягивая руку за кускомъ хлѣба. Ну, а если мы попадемъ въ богадѣльню? Въ слѣдующемъ письмѣ мы увидимъ, чего можно ожидать тамъ.

Московская губернія. Условія работы на недавно основанной фабрикѣ акціонернаго общества при сельцѣ Сѣтуни Московскаго уѣзда дали уже поводъ къ двумъ забастовкамъ, происшедшимъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1900 года. Вотъ нѣкоторыя подробности.

Фабрика основана лѣтомъ 1900 г. Первое время на ней работало всего человѣкъ 15. Послѣ число рабочихъ увеличилось до 80. Сначала рабочіе получали поденную плату, но вскорѣ хозяева фабрики въ своихъ выгодахъ перевели поденную плату на сдѣльную. Дѣло въ томъ, что неусовершенствованныя машины часто разлаживались, основы съ ручныхъ сновальней приходилось клеить руками, а это отнимало много времени. Рабочіе очень скоро увидѣли, что при такихъ условіяхъ невозможно работать сдѣльно. Но напрасно они нѣсколько разъ просили снова установить мѣсячную плату, хозяева отвѣчали категорическимъ отказомъ. Тогда рабочіе рѣшили забастовать, и 15-го сентября никто не пошелъ на работу. Рабочіе требовали установленія помѣсячной платы и повышенія ея до 25 руб. Забастовка продолжалась двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что администрація фабрики предложила работающимъ на машинахъ 17 руб. въ мѣсяцъ и ручнымъ ткачамъ 20 руб.

Послѣ первой стачки на фабрику было набрано много новыхъ рабочихъ, но и они, проработавъ около двухъ мѣсяцевъ, стали роптать на слишкомъ низкую заработную плату и фабричные порядки. Наконецъ, они отправились къ завѣдующему Юлію Ивановичу и заявили ему слѣдующія требованія: 1) смѣнить мастеровъ, не знающихъ русскаго языка, 2) давать хорошіе инструменты, 3) устроить на дворѣ фонари для идущихъ на ночную смѣну и 4) повысить заработную плату. „Хорошо, ребятушки, отвѣтилъ имъ завѣдующій, все исправлю, все сдѣлаю по вашему, идите, не безпокойтесь". Рабочіе продолжали работать, но, видя, что все остается по прежнему, опять черезъ нѣсколько дней повторили свое требованіе. Опять много обѣщаній на словахъ и ничего на дѣлѣ. Выведенные изъ терпѣнія рабочіе рѣшили, наконецъ, 28-го ноября прекратить работу. Къ нимъ явился завѣдующій и сталъ уговаривать стать на работу, обѣщая опять выполнить всѣ ихъ требованія. Но на этотъ разъ рабочіе не поддались на удочку и на отрѣзъ отказались выйти на работу до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ ихъ требованій. Такъ прошло два дня. Пріѣзжалъ исправникъ Тимофѣевъ и тоже уговаривалъ рабочихъ встать на работу. Онъ пріѣзжалъ пять разъ и, наконецъ, заявилъ: „кто не хочетъ идти на работу, берите разсчетъ". Рабочіе отвѣтили, что возьмутъ разсчетъ только при условіи, если имъ выдадутъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Когда же и на это послѣдовалъ отказъ, они отправились на телеграфъ и послали Великому Князю Сергѣю одну, а потомъ, видя, что никто не ѣдетъ, вторую и третью телеграмму. Кромѣ того, они послали двухъ ходатаевъ въ Москву, но тѣ были арестованы по дорогѣ. Наконецъ, пріѣхалъ адъютантъ Вел. Князя, записалъ требованія рабочихъ и уѣхалъ. А черезъ нѣсколько часовъ трое рабочихъ были вызваны якобы къ допросу и тоже посажены въ тюрьму. Адъютантъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней опять и сказалъ слѣдующее: „Братцы, теперь я вашихъ подстрекателей арестовалъ и вамъ ничего не остается больше, какъ встать на работу". — „Если бы намъ и всѣмъ пришлось сѣсть въ тюрьму, отвѣчали рабочіе, и тогда бы мы не отказались отъ своихъ требованій". — „Видно, среди васъ еще остались козлы, возразилъ адъютантъ, да не много ихъ; а остальные — все овцы. Дорого бы я заплатилъ, если бы кто-нибудь указалъ мнѣ этихъ козловъ". На другой день на фабрику наѣхала полиція: жандармы, урядники, человѣкъ 50, и оставались на фабрикѣ четыре дня. 12-го декабря опять пріѣхалъ адъютантъ Вел. Князя, потомъ становой приставъ, земскій начальникъ и фабричный инспекторъ. Они собрали рабочихъ и стали вызывать по фамиліямъ, записывая тѣхъ, кто продолжалъ упорствовать. Согласившихся идти на работу оказалось всего человѣкъ 15. Остальныхъ усадили на 30 розвальней и въ сопровожденіи урядниковъ отвезли въ тюрьму. Тамъ они просидѣли 22 дня, а потомъ этапомъ были отправлены на родину. Такъ заступился Вел. Князь за обижаемыхъ рабочихъ.

Смерть П. Морозова. Въ началѣ января въ Сычевкѣ Смоленской губерніи отъ болѣзни, нажитой въ тюрьмѣ, петербургскій агитаторъ Петръ Морозовъ (ткачъ). Въ 1894 г. Морозовъ былъ арестованъ въ Петербургѣ и, послѣ полутора года заключенія въ провинціальной тюрьмѣ, былъ сосланъ въ 1896 г. въ Вологодскую губернію на три года. По окончаніи ссылки Морозовъ поѣхалъ въ Екатеринославъ и, не смотря на совершенно расшатанное здоровье и тягостныя условія труда, за который ему пришлось взяться (онъ поступилъ кочегаромъ на заводъ), тотчасъ же принялся за революціонную работу. По какой-то случайности онъ очень скоро (передъ 19-мъ апрѣля 1899 г.) былъ снова арестованъ съ нѣсколькими стами прокламацій. Пребываніе въ Екатеринославской тюрьмѣ его добило окончательно. Лѣтомъ 1900 г. Морозова, уже безнадежно больного, выпустили и выслали въ городъ Сычевку. Покойный принадлежалъ къ числу лучшихъ агитаторовъ нашего движенія.

Изъ Иваново-Вознесенска сообщаютъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайне тяжеломъ положеніи рабочихъ, вызванномъ промышленнымъ кризисомъ. На прядильной фабрикѣ тов. Иваново-Вознесенской мануфактуры (занимающей 5000 раб.), начиная съ 9-го октября стоитъ почти каждую смѣну половина ватерныхъ машинъ (ихъ всего 144), а рабочимъ платятъ всего только за половину простоя. Въ мѣсяцъ пропадаетъ плата за цѣлыхъ четыре дня. На ткацкой фабрикѣ того же общества стали давать плохой матеріалъ, понизившій заработокъ съ 11 р. до 9 р. въ мѣсяцъ въ среднемъ; для отдѣльныхъ рабочихъ плата упала до шести руб. Требованіе рабочихъ объ улучшеніи матеріала не было удовлетворено, при чемъ во время объясненія съ рабочими хозяинъ А. Зубковъ заявилъ: „Когда намъ приходится работать въ убытокъ! Чортъ съ ней, съ фабрикой и со всѣмъ производствомъ, когда у насъ не идутъ товары".

На плохой матеріалъ жалуются также съ фабрики Бурылина (900 чел.). За недостаткомъ основы машины часто стоятъ, а за простой рабочимъ не платятъ. Для удлиненія рабочаго дня переводятъ по усмотрѣнію часы. Для части рабочихъ рабочее время увеличено съ 9 до $11^1/_2$ часовъ. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (около 300 чел.) также произвольно переводятся часы, налагаются несправедливые штрафы, неправильно выдаются пенсіонныя деньги. 2-го февраля уволили рабочаго за то, что онъ задремалъ за работой. А задремалъ онъ потому, что проработалъ безъ сна двое сутокъ.

Въ двадцатыхъ числахъ марта въ Ив.-Вознесенскѣ распространенъ листокъ мѣстнаго комитета партіи по поводу волненій на фабрикѣ Бакулина, описанныхъ въ ном. 3 „Искры".

Кризисъ и его послѣдствія. Кризисъ все разростается. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Ив.-Вознесенскомъ районѣ работы сокращаются. Въ послѣднее время застой охватилъ и бакинскіе нефтяные промыслы, и бакинскій губернаторъ телеграфировалъ астраханскому о необходимости задержать движеніе безработныхъ въ Баку. А въ Астрахани и безъ того скопленіе безработныхъ. Нищета и обостреніе эксплуатаціи во всѣхъ видахъ вызываютъ крайне напряженное настроеніе въ этихъ толпахъ голоднаго люда. Несомнѣнно, извѣстія о политическихъ волненіяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ еще усилили это настроеніе, и апрѣль ознаменовался цѣлымъ рядомъ безпорядковъ.

Первые безпорядки произошли 9-го марта въ посадѣ Горловкѣ Екатеринославской губ., гдѣ шахтеры стали требовать выдачи имъ безплатныхъ свидѣтельствъ для проѣзда на родину и, получивъ отказъ, произвели разгромъ лавокъ и нападеніе на полицейское управленіе. Къ Пасхѣ настроеніе массъ вездѣ было настолько серьезное, что власти опубликовали распоряженіе о воспрещеніи сходокъ и демонстрацій (на основаніи положенія объ охранѣ) въ Кронштадтѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Екатеринославской губ., области Войска Донского, не говоря уже о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили демонстраціи въ мартѣ. Сверхъ того, мин. вн. дѣлъ воспретилъ устройство праздничныхъ увеселеній (балагановъ), такъ какъ уличные безпорядки частью возникаютъ въ такихъ мѣстахъ скопленія праздничной публики. Однако, въ Кишиневѣ именно это воспрещеніе вызвало безпорядки, завершившіеся погромомъ еврейсихъ лавокъ. Въ Кіевѣ произошли весьма бурные безпорядки, вызванные усердіемъ одного изъ солдатъ, назначенныхъ для пополненія полиціи. Во время безпорядковъ нѣсколько полицейскихъ ранено ножами. Въ Екатеринославѣ тоже произошелъ разгромъ еврейскихъ лавокъ. Въ Астрахани происходили бурныя столкновенія между рабочими, пришедшими изъ деревни, и городскими босяками. Въ Таганрогѣ во время Пасхи дважды происходили крупные безпорядки съ нападеніемъ на чиновъ полиціи. Въ гор. Сочи на Кавказѣ безпорядки приняли форму нападенія на турокъ, а потомъ на имеретинъ. Въ Одессѣ для предотвращенія безпорядковъ администрація арестовала до двухъ тысячъ обитателей ночлежныхъ домовъ и продержала городъ въ теченіе праздниковъ на военномъ положеніи. Тоже было и въ Саратовѣ, гдѣ ожидались серьезныя волненія.

Съ 1881 г. начало каждаго десятилѣтія отмѣчается въ Россіи „безпорядками" городской голытьбы. Этотъ многочисленный классъ населенія, прикасающійся съ рабочимъ пролетаріатомъ, доставитъ современному порядку еще не мало хлопотъ и огорченій. Никакія драконовскія мѣры не умиротворятъ этого люда. „Чистая публика" должна убѣдиться, что отъ послѣдствій буйныхъ вспышекъ голытьбы ее могутъ оградить только два условія: правильно развивающееся и не преслѣдуемое закономъ рабочее движеніе, при которомъ возможно смягченіе бѣдствій, вызванныхъ безработицей, и такой политическій строй, при которомъ голодный бѣднякъ не будетъ на каждомъ шагу раздражаемъ полицейскимъ произволомъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русскія событія послѣднихъ мѣсяцевъ обратили на себя общее вниманіе въ Европѣ. Возмущеніе образомъ дѣйствій русскаго правительства по отношенію къ студентамъ и радостное изумленіе по поводу смѣлаго выступленія русскихъ рабочихъ на путь политической борьбы охватили революціонный пролетаріатъ и либеральную интеллигенцію въ Зап. Европѣ. Профессора и студенты почти всѣхъ странъ опубликовали свои протесты противъ царскаго правительства и выразили сочувствіе русскимъ борцамъ

за свободу. Рабочіе и студенты устраивали многолюдныя собранія для выраженія солидарности съ ведущейся въ Россіи борьбой. Г. Плехановъ и Б. Кричевскій въ качествѣ русскихъ делегатовъ въ международномъ соціалистическомъ секретаріатѣ обратились въ послѣдній съ предложеніемъ издать манифестъ ко всѣмъ рабочимъ по поводу русскихъ событій. Въ воззваніи отъ 25-го апр. секретаріатъ пригласилъ рабочихъ всѣхъ странъ въ резолюціяхъ, принимаемыхъ на майскихъ собраніяхъ, привѣтствовать русскихъ борцовъ. Въ Австріи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Швеціи были устроены спеціальныя собранія для выраженія протеста противъ рускаго правительства. Такъ, Г. Плехановъ пишетъ намъ, что ему, по приглашенію бернскаго рабочаго союза, пришлось говорить на собраніи, созванномъ спеціально для протеста противъ русскаго царизма. Одушевленіе швейцарскихъ рабочихъ, слушавшихъ сообщеніе о ростѣ революціоннаго движенія въ Россіи, было громадно. Послѣ обѣда въ устроенной рабочими первомайской процессіи несли, среди другихъ знаменъ, также два транспаранта съ надписями: „Долой русскій царизмъ! Да здравствуетъ русское революціонное движеніе!“ Газеты сообщали, что русскій посланникъ предъявилъ швейцарскому правительству формальный протестъ противъ этого. Принимая во вниманіе, что транспаранты несли швейцарскіе граждане, нельзя не признать, что этотъ протестъ является выраженіемъ той наглости, которую обыкновенно позволяетъ себѣ русское правительство по отношенію къ слабымъ. Если бы дѣло было въ Англіи, то, разумѣется, русскіе дипломаты не позволили бы себѣ ничего подобнаго. Ниже приводимъ письмо товарища Васильева объ одномъ изъ такихъ собраній въ Швейцаріи. Васильевъ — нашъ соотечественникъ, уже давно покинувшій Россію и вступившій въ ряды щвейцарской соціалдемократіи, гдѣ онъ пріобрѣлъ заслуженную извѣстность.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ АРБОНѢ.

Арбонъ — это маленькій городишко или, если хотите, большая деревня на Боденскомъ озерѣ. Въ Арбонѣ нѣсколько фабрикъ, и арбонскіе рабочіе могутъ гордиться своей организаціей. Это маленькій оазисъ организаціи. Въ то время, когда во всей Швейцаріи только 18 проц. рабочихъ сплочены въ союзы, около 80 проц. рабочихъ Арбона соединены узами солидарности въ семи обществахъ, и эти семь обществъ сплочены въ Арбонскомъ рабочемъ союзѣ. За недолго до 1-го мая были здѣсь выборы въ совѣтъ общины, и рабочіе провели двухъ своихъ соціалистическихъ кандидатовъ.

Въ этомъ-то Арбонѣ я долженъ былъ говорить на рабочемъ митингѣ перваго мая.

Пріѣхавъ въ городокъ, я былъ удивленъ праздничнымъ видомъ его. Весь городъ былъ украшенъ флагами, не только дома бѣдняковъ, но и виллы богачей! Я былъ удивленъ. Оказалось, что рабочіе въ своемъ воззваніи по поводу рабочей международной демонстраціи перваго мая просили „согражданъ“ украсить городъ... И — эта просьба была уважена! Рабочіе стали крѣпкимъ союзомъ, и — сила вызываетъ уваженіе — эти развѣвающіеся флаги выражали новое отношеніе гражданъ другихъ классовъ къ рабочему классу.

Фабрики (машинныя и вязальныя) стояли цѣлый день закрытыми. Утромъ былъ концертъ на площади... Послѣ обѣда на этой площади собрались въ „военномъ порядкѣ“ батальоны арбонскихъ рабочихъ. Вотъ подъ звуки марша, съ развѣвающимися знаменами двинулись мы процессіей... Обойдя весь городъ, остановились передъ входомъ въ громадный залъ, въ которомъ я долженъ былъ говорить... Залъ былъ набитъ биткомъ рабочими и любопытными... Я былъ увлеченъ этой толпой и говорилъ болѣе двухъ часовъ о нашемъ великомъ дѣлѣ, о значеніи нашей международной демонстраціи... Любо было глядѣть, съ какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушали меня, глаза слушателей, работницъ и рабочихъ, блистали, разгорались и вспыхивали, зажигая говорящаго. Вотъ я заговорилъ подъ конецъ о движеніи русскихъ рабочихъ... При какихъ тяжелыхъ, невозможныхъ условіяхъ долженъ бороться русскій пролетаріатъ за свое освобожденіе... И все же борьба идетъ!

Сплошной массой поднялись всѣ слушатели, когда президентъ союза арбонскихъ рабочихъ прочелъ резолюцію, выражающую сочувствіе русскому борящемуся пролетаріату и студенчеству... Это протягивалась братская рука, это бились, какъ одно, сотни рабочихъ сердецъ черезъ тысячи верстъ въ страну, гдѣ не сіяетъ солнце политической свободы, а свиститъ кнутъ и нагайка.

Васильевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

На восьмомъ интернаціональномъ конгрессѣ противниковъ алкоголизма, состоявшемся въ Вѣнѣ въ среднихъ числахъ апрѣля с. г., присутствовалъ, среди делегатовъ другихъ европейскихъ странъ, и представитель русскаго правительства, графъ Скаржинскій. Слушая его рефератъ: „Русскія оффиціальныя общества трезвости и народные праздники, какъ средство борьбы противъ алкоголизма“, можно было подумать, что дѣло идетъ о наикультурнѣйшей странѣ Европы. Чего только, судя по реферату гр. Скаржинскаго, русское правительство не дѣлаетъ для просвѣщенія своего народа и для отвлеченія его отъ вредныхъ спиртныхъ напитковъ! Не говоря уже о введеніи монополіи на продажу алкоголя, имѣвшемъ исключительно цѣлью уменьшить пьянство въ Россіи, русское правительство тратитъ ежегодно 3.000.000 руб. на устройство обществъ трезвости, публичныхъ библіотекъ, чайныхъ, народныхъ праздниковъ и театровъ; кромѣ того, различные графы и князья берутъ на себя часто чтеніе рефератовъ о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье человѣка, при чемъ распространяютъ среди присутствующихъ брошюры, написанныя на ту же тему. Само собою понятно, что русское правительство, благодаря этимъ радикальнымъ мѣрамъ, достигло наилучшихъ результатовъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ и стоитъ только, по мнѣнію гр. Скаржинскаго, Западной Европѣ послѣдодовать примѣру Россіи въ этомъ отношеніи, какъ алкогольный вопросъ исчезнетъ съ лица земли.

Графу Скаржинскому отвѣтилъ австрійскій студентъ Георгъ Григоровичъ.

„Я не хочу, началъ свою рѣчь Григоровичъ, чтобы графъ Скаржинскій уѣхалъ изъ Вѣны, не узнавъ настоящаго отношенія Зап. Европы къ такъ-называемымъ соціальнымъ реформамъ Россіи. Гр. Скаржинскій въ такихъ яркихъ краскахъ описалъ намъ мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ въ борьбѣ противъ злоупотребленія спиртными напитками, что Россія должна намъ казаться какимъ-то раемъ... Но если русское правительство ввело монополію на продажу спиртныхъ напитковъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право монополизировать просвѣщеніе русскаго народа и пропаганду противъ злоупотребленія алкоголемъ. Если бы противъ алкоголя и всѣхъ связанныхъ съ нимъ послѣдствій агитировалъ не гр. Скаржинскій, а гр. Толстой, то русское правительство сослало бы его въ Ясную Поляну, а когда молодые, даровитые люди, слѣдуя своему идеальному порыву, хотятъ просвѣтить русскій народъ, научить его грамотѣ, — ихъ арестовываютъ и сажаютъ въ тюрьмы, какъ преступниковъ. Если же графъ Скаржинскій распространяетъ среди русскихъ крестьянъ и рабочихъ брошюры о послѣдствіяхъ злоупотребленія алкоголемъ, то онъ дѣлаетъ это, по всей вѣроятности, для остальной Европы и этого конгресса, такъ какъ русскій народъ ихъ читать не умѣетъ. Очень возможно, что графу Скаржинскому, подобно многимъ другимъ правительственнымъ лицамъ, совершенно неизвѣстны настоящія условія русской жизни (гр. Скаржинскій дѣлаетъ возбужденно какое-то замѣчаніе президенту); это видно изъ его утвержденія, что „въ Россіи еще ни одинъ мужикъ не умеръ съ голоду“. Да и не удивительно: вѣдь русская пресса меньше всего должна касаться самой Россіи. Я совѣтую, поэтому, графу Скаржинскому прочесть книгу „Голодающая Россія“ Лемана и Парвуса — здѣсь, у насъ, онъ можетъ ее читать — въ ней онъ найдетъ много поучительнаго матеріала для себя“.

Говоря далѣе объ антиалкоголистическомъ движеніи въ Буковинѣ, Григоровичъ разсказываетъ, что тамъ одновременно съ обществами трезвости устраиваются общества, имѣющія цѣлью научить крестьянъ грамотѣ. „Не мѣшало бы и русскому правительству, продолжаетъ онъ, послѣдовать нашему примѣру. Вмѣсто того, чтобы массами арестовывать студентовъ, пусть русское правительство ихъ проситъ, — да, проситъ, чтобы они просвѣщали русскій народъ и научили его грамотѣ. Тогда, и только тогда графъ Скаржинскій съ успѣхомъ сможетъ распространять брошюры о вредномъ вліяніи алькоголя“. Громкіе, впродолженіе двухъ минутъ не прекращавшіеся апплодисменты показали, что мнѣніе, высказанное Григоровичемъ, раздѣлялось всѣми присутствовавшими на конгрессѣ.

Блѣдный и весь дрожа отъ волненія графъ Скаржинскій проситъ слова:

„Я не намѣренъ, сказалъ онъ, отвѣчать на рѣчь, имѣющую чисто политическую подкладку. Я хочу вѣрить, что бюро этого конгресса, какъ и австрійское правительство пригласили насъ сюда не для того, чтобы говорить намъ такія непріятныя вещи. Я по личному опыту знаю, какимъ гостепріимствомъ отличается Австрія, и только потому охотно согласился на предложеніе русскаго правительства послать меня на этотъ конгрессъ въ качествѣ делегата“. (Слабые апплодисменты и сильное шиканье.)

Охотно вѣрю графу Скаржинскому, что правда, сказанная ему г. Григоровичемъ, была ему по меньшей мѣрѣ „непріятна“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ.

Если русская соціалдемократія усиленно готовилась въ этомъ году къ маевкѣ, то правительство, повидимому, напрягло всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать демонстраціямъ. Въ Петербургѣ 18-го апрѣля произведенъ еще неслыханный у насъ полицейскій разгромъ. Число арестованныхъ считаютъ въ 300, обысковъ произведено не то 600, не то 800. На одномъ Путиловскомъ заводѣ взято 50 рабочихъ. Предполагавшаяся на 22-ое апрѣля рабочая демонстрація не удалась. Зато блестящую демонстрацію устроило правительство: по Невскому продефилировало нѣсколько полковъ солдатъ. „Шпіонство и предательство висятъ въ воздухѣ“, пишутъ намъ изъ Петербурга.

Въ Польшѣ и Литвѣ была распространена масса майскихъ листковъ. „Соціалдемократія въ царствѣ Польскомъ и Литвѣ“ издала одну майскую прокламацію на польскомъ языкѣ и одну на нѣмецкомъ, сверхъ того спеціальный листокъ къ польскимъ рабочимъ о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи, особый листокъ къ булочникамъ и майскій номеръ своего органа „Рабочее обозрѣніе“. Въ статьѣ, посвященной русскимъ событіямъ, говорится: „Въ день перваго мая мы обязаны демонстраціей противъ царизма показать нашу солидарность съ нашими братьями, русскими революціонерами“.

„Общееврейскій рабочій союзъ“ издалъ майскій номеръ „Голоса рабочаго“ и майскую прокламацію. Польская соц.-демократическая партія „Пролетаріатъ“ тоже обратилась къ рабочимъ съ прокламаціей по поводу перваго мая, въ которой приглашала рабочихъ не устраивать демонстрацій, а ограничиться прекращеніемъ работъ. Партія указываетъ на то, что демонстраціи уносятъ слишкомъ много жертвъ. Намъ точка зрѣнія новой польской партіи представляется ошибочной.

Днемъ демонстраціи въ Варшавѣ было назначено воскресенье передъ первымъ мая новаго стиля (15-ое апрѣля). Демонстрація произошла на Маршалковской улицѣ. Демонстрантовъ было, по сообщенію варшавскаго комитета польской соц.-дем. партіи, до 15 тысячъ. Происходили столкновенія съ полиціей и нѣсколько десятковъ человѣкъ арестовано. По варшавскимъ улицамъ разъѣзжаютъ казаки; завидѣвъ кучку человѣкъ въ 5-6, они тотчасъ же въ нее врѣзываются и разбиваютъ ее.

О демонстраціи въ Двинскѣ намъ сообщаютъ такія подробности: Вечеромъ 15-го по городу были расклеены, разбросаны по лавкамъ, улицамъ, фабрикамъ и мастерскимъ прокламаціи: русская общепартійная (изд. „Южн. Раб.“) въ количествѣ 150 экз., и еврейскія: 1) общая отъ „Евр. Раб. Союза“, 2) отъ организаціи прикащиковъ и 3) отъ мѣстнаго комитета, — всего до 2000 экз. 18-го апрѣля (1-го мая) съ пяти часовъ утра вся полиція была на ногахъ, по городу ходили патрули солдатъ. Во всѣхъ мастерскихъ и на фабрикахъ (спичечной — около 1000 чел. — и двухъ фабрикахъ вѣнской мебели и др.) еврейскіе рабочіе или вовсе не работали съ утра или бросали работу въ обѣдъ; не работало также много христіанъ. Утромъ полиція забрала до 40 рабочихъ на биржѣ и отправила ихъ въ тюрьму. Обыватели ожидали „бунта“. Часовъ въ пять вечера появились на улицахъ толпы рабочихъ, сопровождаемыя тысячной публикой. Они направились на „Невскій проспектъ“, гдѣ имъ, однако, не удалось соединиться, такъ какъ солдаты дѣятельно разгоняли ихъ, при чемъ досталось и постороннимъ. Разсѣявъ рабочихъ и забравъ 170 человѣкъ, изъ которыхъ добрую треть составляли любопытные, солдаты расположились на площади, сложивъ ружья въ козлы. Очевидно, предполагали, что все уже кончено. Между тѣмъ, рабочіе стали собираться на другой изъ главныхъ улицъ — Рижской, а потомъ съ пѣніемъ Марсельезы и съ краснымъ знаменемъ двинулись по ней. Ихъ было около 700 чел. Любопытныхъ было еще болѣе. Безпрепятственно прошли они всю Рижскую улицу, свернули на Мясницкую и, пройдя ее всю, вернулись назадъ, и только когда на Рижской появились конные артиллеристы и солдаты, они понемногу разсѣялись.

Изъ 170 взятыхъ выпущены всѣ, кромѣ 40, которые подвергнуты тюремному заключенію на срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, повидимому, въ административномъ порядкѣ.

17-го апрѣля полицмейстеръ обратился къ военнымъ властямъ съ просьбой, чтобы 18-го весь день при госпиталѣ дежурилъ врачъ на случай столкновеній войскъ съ рабочими.

Изъ Вильны о демонстраціи намъ пишетъ очевидецъ: На 14-ое (27-ое) апрѣля виленскимъ комитетомъ была назначена демонстрація въ 8 час. вечера въ Пушкинскомъ скверѣ, въ концѣ Большой улицы. Начиная съ 7 час., стали стекаться въ назначенное мѣсто толпы участниковъ. Но такъ какъ по вечерамъ, особенно субботнимъ, въ этомъ саду гуляетъ масса публики, — буржуазной и „плебейской“, — то долгое время демонстранты не обращали на себя особеннаго вниманія. Неизвѣстно, была-ли предупреждена полиція, — особыхъ съ ея стороны приготовленій не было, хотя вопреки обыкновенію по саду расхаживали двое городовыхъ, двое околодочныхъ, а среди гуляющихъ былъ и полицмейстеръ. Число участниковъ трудно опредѣлить, такъ какъ въ сплошную массу они ни разу не столпились; во всякомъ случаѣ было нѣсколько сотъ человѣкъ, безусловно больше пятисотъ, но меньше тысячи. Многіе изъ демонстрантовъ носили красные галстухи, рубахи, блузы, юбки и проч. Часамъ къ восьми, когда демонстранты стали ходить взадъ и впередъ довольно большими группами, публика — между прочимъ, численно превосходившая демонстрантовъ — замѣтила, въ чемъ дѣло; стали раздаваться тревожные возгласы: „Да вѣдь сегодня 1-ое мая!“ — „Нѣтъ, вѣдь 1-ое мая „они“ празднуютъ 19-го“. — „Ну, а значитъ, въ этомъ году имъ приказали раньше, у нихъ вѣдь тоже начальство есть“. — „Смотрите, вотъ „союзныя“ пошли, въ красномъ“. — „Это, должно быть, репетиція“. — „Вотъ сволочи (слова одного офицера), они намъ хотятъ показать свой протестъ: вы вотъ ничего не дѣлаете, да въ роскошныхъ нарядахъ приходите сюда гулять и веселиться, — такъ мы разстроимъ ваше веселье, покажемъ, что мы тоже хотимъ жить получше и бороться, пока не побѣдимъ“. Это и много другого интереснаго я слыхалъ, все время находясь среди буржуазной публики и прислушиваясь къ разговорамъ. — Ровно въ 8 час. часть демонстрантовъ сгустилась около дома ген.-губернатора и стала кричать „ура“; сейчасъ же туда устремилась полиція и хотѣла отрѣзать эту часть демонстрантовъ отъ остальныхъ и отъ публики. Но такъ какъ полиціи было очень мало, это ей не удалось, демонстранты прорѣзались и направились къ выходу изъ сада на Большую улицу, по которой и двинулись съ криками „ура“. Публикой овладѣла паника, въ одну минуту садъ опустѣлъ, у выходовъ изъ сада началась невозможная давка; выбравшіеся изъ сада останавливались у ограды и смотрѣли, что будетъ. По саду со всѣхъ ногъ бѣжали десятки демонстрантовъ, чтобы присоединиться къ ихъ массѣ, за ними городовые, свистѣвшіе на весь городъ. Сбѣжалось съ сосѣднихъ улицъ нѣсколько городовыхъ, стали бить первыхъ попавшихся и оттаскивать отъ толпы, послѣ чего въ сопрвовожденіи дворниковъ отправляли въ участокъ. Демонстранты не только безучастно къ этому относились, но когда прибѣжало еще нѣсколько городовыхъ и 3-5 жандармовъ (пѣшихъ), они, прокричавъ еще нѣсколько разъ „ура“, стали быстро скрываться въ сосѣднія улицы и подворотни или же сходили на троттуаръ и смѣшивались съ публикой. Такимъ образомъ, въ $8^1/_4$ демонстранты разсѣялись, пройдя саж. 100 до Благовѣщенской улицы. Изъ толпы было выхвачено до 20 чел.; арестовано также двое студентовъ, которые, встрѣтивъ городового и дворника, ведущихъ въ участокъ какого-то рабочаго, пытались отбить его. Въ $8^1/_2$ час. на Большой улицѣ появился одинъ казакъ, разгонявшій публику, и по улицѣ сталъ ходить взадъ и впередъ отрядъ солдатъ (человѣкъ 50), безъ оружія и офицеровъ.

На другой и слѣдующіе дни по Большой и другимъ улицамъ разъѣзжали казаки, у недостаточно элегантно одѣтыхъ евреевъ городовые отбираютъ палки, которыя десятками отправляютъ въ полицію. Повидимому, власти ждутъ повторенія демонстраціи 18-го апрѣля. Весь городъ говоритъ о происшедшемъ. Послѣ демонстраціи были распространены (но не расклеены) прокламаціи Бунда: двѣ — на еврейскомъ языкѣ, къ рабочимъ и приказчикамъ, и одна на русскомъ.

Демонстрація вообще вышла неудачная. При лучшемъ руководствѣ она могла бы продолжаться гораздо дольше, успѣли бы спѣть пѣсни и проч., потому что полиціи почти не было, и когда къ концу сбѣжались городовые и жандармы, то ихъ тоже было весьма немного и дѣйствовали они безъ опредѣленнаго плана, никѣмъ не руководимые. Видѣвшіе прошлогоднюю демонстрацію говорятъ, что она была лучше — дольше продолжалась, пѣли пѣсни; участниковъ было не меньше, хотя были будни. — Во время демонстраціи взято всего 12 человѣкъ, изъ которыхъ двоихъ выпустили. 18-го въ очень многихъ мастерскихъ не было работъ, въ еврейскихъ почти во всѣхъ, у христіанъ — въ немногихъ. Вечеромъ была вечеринка рабочихъ.

Участвовали въ этой демонстраціи, главнымъ образомъ, еврейскіе рабочіе. Поляки и литовцы пытались организовать демонстрацію 18-го апрѣля на Нѣмецкой улицѣ. Но уже въ $7^1/_2$ час. вечера на улицѣ появился эскадронъ казаковъ во главѣ съ полицмейстеромъ, которые въѣзжали на троттуары и били, кого попало. По Нѣмецкой улицѣ закрыли всѣ магазины и дворы, чтобы нигдѣ не было убѣжища. Побито много обывателей, не принимавшихъ никакого участія въ демонстраціи.

Сообщаютъ еще о демонстраціяхъ въ Ковно, Креславкѣ (Витебской губ.) и Сморгони (Виленской губ.).

22-го апрѣля, въ воскресенье, въ Тифлисѣ нѣсколько сотъ рабочихъ пытались устроить демонстрацію. При нападеніи полиціи произошла свалка и, по словамъ газетъ, изъ толпы стрѣляли въ полицію. Толпа была разсѣяна, и многіе арестованы, въ томъ числѣ одинъ студентъ и три курсистки изъ числа высланныхъ изъ Петербурга.

Изъ Казани передъ 18-мъ апрѣля было выслано 60 чел., переписанныхъ во время мѣстной демонстраціи 11-го марта. Въ Самарѣ и Саратовѣ войска были на готовѣ весь день. Въ Саратовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ были неудачныя попытки демонстраціи.

* * *

Петербургскій „Союзъ“ распространилъ передъ первымъ мая двѣ печатныя прокламаціи къ рабочимъ и къ „обществу“ съ приглашеніемъ на демонстрацію въ день 22-го апрѣля. Приводимъ прокламацію къ „обществу“:

КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Россія переживаетъ знаменательное время. Долго накопившееся въ сердцахъ чувство неудовлетворенности современнымъ государственнымъ строемъ вдругъ прорвалось наружу и широкимъ потокомъ разлилось по всѣмъ слоямъ русскаго общества. Самые „благонамѣренные“ люди начинаютъ понимать, что самодержавіе преслѣдуетъ исключительно свои узкія, личныя цѣли, идущія прямо въ разрѣзъ съ счастьемъ, культурой и благомъ родины. Само самодержавіе усердно и успѣшно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы подорвать къ себѣ послѣднюю тѣнь довѣрія и уваженія. Правительственныя сообщенія, которымъ уже перестали вѣрить самые наивные простаки; цвѣтъ русской молодежи, сдаваемой въ солдаты; величайшій писатель, гордость Россіи, отлученный отъ церкви; князь Вяземскій, получающій отъ царя строгій выговоръ за то, что пытался остановить противозаконность, разбойничье нападеніе на безоружную толпу; ужасный голодъ на югѣ Россіи и въ Сибири; безпомощность десятковъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ на мостовую вслѣдствіе кризиса, и лживыя утвержденія, что „все благополучно“; поруганный законъ, полная безгласность общества, полная неотвѣтственность царскихъ чиновниковъ и, какъ вѣнецъ всего — послѣдній циркуляръ мин. внутреннихъ дѣлъ, откровенно провозглашающій безграничное самодержавіе полицейскаго кулака, передъ которымъ смиренно должны преклониться всѣ, безъ различія „званія и положенія“.

Мы, русскіе рабочіе, горькимъ и долгимъ опытомъ научены, какъ мало до насъ дѣла самодержавію; надъ нами все время занесенъ самодержавный кулакъ, и онъ обрушивается на наши спины, какъ только мы пробуемъ словомъ или дѣломъ заявить, что намъ живется не сладко. Для всѣхъ слоевъ русскаго общества ближайшую, насущнѣйшую нужду составляетъ политическая свобода. Въ день 1-го мая (18-го апрѣля) мы ставимъ ее во главѣ нашихъ требованій и зовемъ подъ наши знамена всѣхъ, кто не хочетъ быть безправнымъ рабомъ. Демонстрація состоится въ воскресенье 22-го апрѣля, на Невскомъ, въ 12 часовъ дня.

Комитетъ СПБ. Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса.

СПБ. Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

ОТЪ ГРУППЫ „ИСКРЫ“.

Товарищи! Мы не назначаемъ пока платы за нашу газету, ибо не рѣшаемся еще обязаться доставлять ее всѣмъ подписчикамъ. Въ настоящее время подготовляется къ печати пятый номеръ, и мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы газета выходила возможно болѣе правильно и возможно болѣе часто. Но для этого необходимы очень крупныя средства, и мы просимъ всѣхъ, въ чьи руки попадетъ „Искра“, устраивать денежные сборы на ея поддержку. Революціонное изданіе только тогда станетъ прочно, когда оно будетъ окупать себя, а для этого необходимо, чтобы каждый читатель оказывалъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, матеріальную помощь.

Въ типографіи „Искры“ напечатано:

1. „Отъ редакціи“. Листокъ о задачахъ нашихъ изданій.
2. „Искра“, ном. 1-ый, декабрь 1900 г.
3. „Майскіе дни въ Харьковѣ“, январь 1901 г. Корреспонденція Харьковскаго Комитета Росс. С. Д. Р. П., съ предисловіемъ редакціи „Искры“.
4. „Женщина-работница“, февраль 1901 г.
5. „Искра“, ном. 2-ой, февраль 1901 г.
6. Первое Мая. Листокъ Россійской Соц. Дем. Раб. Партіи, изданный „Искрой“.
7. Листокъ „Искры“ (о послѣднихъ событіяхъ), апрѣль 1901 г.
8. „Искра“, ном. 3-й, апрѣль 1901 г.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 5. ІЮНЬ 1901 ГОДА №. 5.

О БЕЗСМЫСЛЕННЫХЪ МЕЧТАНІЯХЪ.

17-го января 1895 г. только-что усѣвшійся на прародительскомъ тронѣ молодой человѣкъ сказалъ рѣчь, удивившую міръ и смутившую „вѣрноподанныхъ“ земцевъ. Едва оперившійся птенецъ, свободный отъ наукъ, кромѣ развѣ „науки страсти нѣжной“, онъ поучалъ посѣдѣлыхъ въ житейскихъ передрягахъ „излюбленныхъ людей“ трезвому реализму, тщетѣ утопій. „Безсмысленныя мечтанія!“ — крикнулъ онъ молчавшей толпѣ запуганныхъ людей. Зрѣлище было странное, дикое и въ высокой мѣрѣ неприличное. Но — увы! устами младенцевъ говоритъ иногда сама истина: молодой человѣкъ былъ правъ и безсознательно нащупалъ больное мѣсто нашей общественности.

Либеральнаго толка русскій обыватель любитъ помечтать, вожделѣетъ конституціи и даже готовъ — при закрытыхъ дверяхъ и спущенныхъ шторахъ — промежду себя и присныхъ себѣ „пущать революцію“.

Наступитъ пора — Россія станетъ свободна! Но какъ, какимъ образомъ, чьими усиліями — темно и невѣдомо. Побьютъ-ли насъ нѣмцы, и мы, какъ послѣ крымскаго погрома, очутимся у порога „великихъ реформъ“; голодъ-ли дезорганизуетъ правительство; революціонеры-ли заставятъ „предержащую власть“ пойти на уступки; сама-ли эта власть внезапно подобрѣетъ — кто его знаетъ? Нашъ либеральный фантазеръ, строя химеры и уповая на „гладъ, трусъ, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ“, крѣпко помнитъ одно, что онъ, обыватель, Иванъ Петровичъ, — сторонній зритель, а никакъ не участникъ событій; онъ не прочь покрасоваться въ заключительномъ апоѳеозѣ, но не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ тяжелой исторической драмы. Словъ нѣтъ: плодъ политической „выучки“ сладокъ, за то корень „ученія“ горекъ, а участокъ — такъ близокъ!... Фантазія обывателя растетъ — стремительно и неудержимо: чѣмъ меньше „поступковъ“, тѣмъ больше возможности отдаться „чарованью красныхъ вымысловъ“. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за дуновеніемъ сверху, за интригами двора и чиновными перемѣщеніями. Въ своемъ умѣ онъ раскладываетъ граппасьянсъ изъ общеизвѣстныхъ бюрократическихъ фигуръ: вотъ уйдетъ одинъ, умретъ другой, попадетъ въ министры третій и — игра выиграна, граппасьянсъ удался. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прежде, какъ и теперь, въ эпоху „диктатуры сердца“ шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ, какъ и въ настоящіе бурные дни, его „безсмысленно мечтательный“ взоръ обращенъ къ вершинѣ россійскаго зданія — одинъ милостивый кивокъ оттуда съ высоты, и онъ готовъ забыть поруганіе и предать своихъ лучшихъ сыновъ. Когда-то библейскій Исавъ за чечевичную похлебку отдалъ право своего первородства. Поступокъ былъ скверный, но похлебка вкусная, и съѣлъ онъ ее безъ остатка. Современные Исавы продаютъ свою честь и выдаютъ своихъ ближнихъ за одинъ лишь запахъ похлебки. Ея еще нѣтъ, реальной, подлинной похлебки, но гдѣ-то какъ будто ею запахло... и обыватель растаялъ. Его били и бьютъ, въ три погибели гнутъ, — ему все нипочемъ, и все еще мало! Стоило раздаться словамъ „высочайшаго рескрипта“ отъ 25-го марта о внесеніи „въ дѣло воспитанія русскаго юношества“ „умудреннаго опытомъ разума и сердечнаго о немъ попеченія“, чтобы обывательское сердце взыграло, а уста его трубадуровъ стали извергать іудушкино пустословіе.

Дѣло школьной и университетской реформы въ надежныхъ рукахъ — сподвижникъ царя-миротворца принадлежитъ намъ по праву, — говорятъ „охранители“: сіятельный князь-„гражданинъ“ и московское отродье Каткова.

Нѣтъ, нѣтъ! вопитъ обыватель въ свой газетный рупоръ — генералъ нашъ! „опасенія напрасны“! Ни одинъ изъ министровъ еще „не ставилъ такъ высоко общественнаго и государственнаго значенія университетовъ“, побольше довѣрія генералу, и успѣхъ вѣнчаетъ дѣло. „Съ высоты трона раздался призывъ къ участію въ жизни школы семьи и общества“, и „печать, какъ голосъ общественной мысли, не можетъ по прежнему оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. А потому: скорѣе на помощь къ молодежи, ей надо освободиться отъ вліянія „крайнихъ и непримиримо настроенныхъ дѣятелей“, которые „благожелательную заботу правительства о молодежи“ толкуютъ „какъ побѣду молодежи надъ правительствомъ“. Пусть студенты не упорствуютъ, а идутъ на экзамены, они „могутъ быть совершенно спокойны за участь своихъ сотоварищей, которыхъ пока еще не видятъ среди себя“*). Пусть будутъ они только паиньки, на старшихъ глядя, — вѣдь старшіе такъ многаго достигли своимъ примѣрнымъ поведеніемъ!

Цитированныя нами „благонамѣренныя рѣчи“ принадлежатъ органу гг. Сазонова, Леонида Оболенскаго и иныхъ достославныхъ мужей, органу, недавно возведенному реакціонной прессой въ чинъ „лидера русскаго либерализма“. Мы не слишкомъ высокаго мнѣнія о русскомъ либерализмѣ и о его политической зрѣлости, но мы все же не хотимъ взвалить на него всю отвѣтственность за подвиги доблестныхъ „Россіянъ“. Конечно, не будь цензурныхъ „усѣкновеній“, теплой кампаніи отставныхъ нововременцевъ и „народниковъ министерства внут. дѣлъ“, компаніи, расцвѣтшей подъ благословеніемъ мамонтовскихъ капиталовъ, не занимать бы того мѣста въ нашей печати, которое она занимаетъ въ настоящее время. Конечно, „Россія“ и теперь является не „лидеромъ“, а просто отголоскомъ, „эховой“ газетой. Но для многоголовой гидры, именуемой обывателемъ, для широкихъ слоевъ читателя, еще только начинающаго съ азовъ и, однако, затронутаго уже „свободомысліемъ“, быть можетъ, не найдется лучшаго выразителя его настроеній, чѣмъ это взбунтовавшееся чадо суворинскаго заведенія. Уже одно появленіе его — два года тому назадъ — на горизонтѣ нашей ежедневной печати знаменовало собою нѣчто, не лишенное общественной важности; оно было симптомомъ подвинувшагося разложенія нововременскихъ и прочихъ устоевъ, чуткимъ барометромъ, указующимъ на „перемѣнно“ въ головахъ обывательской массы: отъ ходового газетнаго товара потребовалось клеймо принадлежности къ цеху свободомыслія. Обладая нововременскими талантами, „Россія“ быстро вошла въ моду и стала однимъ изъ патентованныхъ органовъ русскаго обывателя.

„Россія“ безсмысленно мечтаетъ. Но „мечтанія“ „мечтаніямъ“ рознь. Одно дѣло читатель-простецъ, а другое — писатель-лукавецъ. Одно дѣло — не разбирающійся въ политической грамотѣ Иванъ Петровичъ, ищущій избавленія отъ „египетскихъ казней“ самодержавія во всѣхъ стихіяхъ земныхъ и небесныхъ, а другое — сложившійся общественный дѣятель, выкидывающій на своемъ знамени „безсмысленныя мечтанія“, въ которыя онъ и самъ не вѣритъ. Да, лукавецъ не вѣритъ или вѣритъ только на половину въ добрую волю заправилъ Россіи. Онъ лицемѣритъ и лжетъ, потому что лицемѣріе и ложь увольняютъ его отъ борьбы и упрочиваютъ его положеніе. Лицемѣріе и ложь возводитъ онъ въ систему и безтрепетной рукой сѣетъ развратъ въ среду простеца.

Бѣдный князь-„Гражданинъ“ сильно обезпокоенъ либеральными аллюрами „Россіи“ — ему мерещится призракъ покойнаго „Голоса“, и онъ бьетъ тревогу. Успокойтесь, сіятельный князь, и вложите свой мечъ въ ножны. Вы сердитесь только потому, что вы все еще старый романтикъ и дѣйствуете нахрапомъ тамъ, гдѣ требуется „деликатное обращеніе“. Взгляните на тѣхъ, кто стоятъ у руля и верховодятъ въ Россіи: они трезвѣе, реалистичнѣе васъ и знаютъ цѣну обывательской прессѣ. Бываютъ моменты, когда кнутъ усталъ бить, истрепалась нагайка, когда требуется слегка погладить побитаго, — конечно, не давая ему серьезнаго удовлетворенія — и отвлечь его вниманіе. Тогда тѣ, кому вѣдать сіе надлежитъ, обращаются не къ вамъ, сіятельный князь, и не къ вашему московскому собрату, а къ той части нашей ежедневной печати, у которой имѣется доступъ къ сердцамъ обывателей. Тогда приводится въ дѣйствіе нововременская или иная машинка, тогда кличется кличъ добровольцамъ — газетныхъ дѣлъ мастерамъ, и открывается предохранительный клапанъ — громоотводъ „безсмысленныхъ мечтаній“. Потому что надо же понять, наконецъ, что дѣлу консерватизма „безсмысленныя мечтанія“ оказываютъ безконечно большія услуги, чѣмъ всѣ эти княжескія рѣчи.

Безсмысленно мечтающій обыватель не умѣетъ и — главное — не желаетъ бороться; онъ вѣчно гоняется за „блуждающимъ огонькомъ“ надежды и всего больше боится его потерять. Ахъ, только бы не упустить, ахъ, только бы кто не помѣшалъ, и особенно эти — „крайніе и непримиримо настроенные“ элементы: суютъ свой носъ и непремѣнно испортятъ все дѣло. И нашъ „мечтатель“ начинаетъ не на шутку сердиться на тѣхъ, кто на собственномъ загорбкѣ испыталъ всю боль и тягость „прогресса“.

Что за бѣда, что сотни и тысячи борцовъ за свободу томятся по тюрьмамъ и идутъ въ изгнанье; что за бѣда, что виновникъ мартовской бойни, Клейгельсъ, совершаетъ разбойничьи набѣги на литературу и въ отместку за всеподаннѣйшія петиціи и коллективные протесты рыщетъ по редакціоннымъ кабинетамъ; что за бѣда, что отбивающіе солдатчину студенты не выносятъ позорной неволи и кончаютъ жизнь, спуская курокъ револьвера; что за бѣда, что льется кровь рабочаго человѣка и съ юга несется запретный, заглушаемый стонъ голоднаго крестьянина; что за бѣда, что реакція идетъ полнымъ ходомъ, сметая остатки нашего призрачнаго самоуправленія и налагая узду за уздой на просвѣщенье народа. Онъ будетъ все же мечтать и паки мечтать, нашъ политическій Митрофанъ, нашъ жалкій обыватель-Маниловъ. Пусть гибнутъ ряды за рядами истинныхъ гражданъ Россіи — онъ будетъ пассивно глазѣть, того не разумѣя, что политическія права не даруются народу, а берутся имъ съ бою, вырываются зубами, и что каждый шагъ по пути къ освобожденію Россіи оплачивается человѣческими жертвами.

*) См. „Россія“ отъ 8-го апрѣля и 5-го мая, статьи „Передъ дверьми университетовъ“ и „Напрасныя опасенія“.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Повидимому, мы переживаемъ моментъ, когда наше рабочее движеніе опять съ неудержимой силой приводитъ къ тѣмъ обостреннымъ столкновеніямъ, которыя такъ пугаютъ правительство и имущіе классы, такъ ободряютъ и радуютъ соціалистовъ. Да, насъ ободряютъ и радуютъ эти столкновенія, не смотря на громадное чисто жертвъ военной расправы, потому что своимъ сопротивленіемъ рабочій классъ доказываетъ, что онъ не мирится со своимъ положеніемъ, не хочетъ оставаться рабомъ, не подчиняется молча насилію и произволу. Современный порядокъ всегда и неизбѣжно, даже при самомъ мирномъ теченіи дѣлъ, возлагаетъ на рабочій классъ безчисленныя жерты. Тысячи и десятки тысячъ людей, трудящихся всю жизнь надъ созданіемъ чужого богатства, гибнутъ отъ голодовокъ и отъ постояннаго недоѣданія, умираютъ преждевременно отъ болѣзней, порождаемыхъ отвратительными условіями труда, нищенской обстановкой жилищъ, недостаткомъ отдыха. И сто кратъ заслуживаетъ названіе героя тотъ, кто предпочитаетъ лучше умереть въ прямой борьбѣ съ защитниками и оберегателями этого гнуснаго порядка, чѣмъ умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотимъ сказать, что рукопашная съ полиціей есть лучшая форма борьбы. Напротивъ, мы всегда указывали рабочимъ, что въ ихъ же интересахъ сдѣлать борьбу болѣе спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революціонной партіи. Но главнымъ источникомъ, питающимъ революціонную соціалдемократію, является именно тотъ духъ протеста въ рабочихъ массахъ, который при окружающемъ рабочихъ гнетѣ и насиліи не можетъ не прорываться отъ времени до времени въ отчаянныхъ вспышкахъ. Эти вспышки пробуждаютъ къ сознательной жизни самые широкіе слои задавленныхъ нуждою и темнотою рабочихъ, распространяютъ въ нихъ духъ благородной ненависти къ угнетателямъ и врагамъ свободы. И вотъ почему извѣстіе о такомъ побоищѣ, какое было, напр., 7-го мая на Обуховскомъ заводѣ заставляетъ насъ воскликнуть: „Рабочее возстаніе подавлено, да здравствуетъ рабочее возстаніе!“

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочія возстанія являлись рѣдкимъ исключеніемъ, вызывались только какими-нибудь особыми условіями. Теперь не то. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы переживали періодъ процвѣтанія промышленности, когда торговыя дѣла шли бойко, спросъ на рабочихъ былъ большой. И тѣмъ не менѣе рабочіе устраивали рядъ стачекъ, добиваясь лучшихъ условій труда: рабочіе поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тѣмъ временемъ, когда прибыли фабрикантовъ особенно высоки и ихъ легче принудить къ уступкамъ. Но вотъ процвѣтаніе смѣнилось кризисомъ: товары не идутъ съ рукъ у фабрикантовъ, прибыли ихъ уменьшаются, увеличивается чисто банкротствъ, фабрики сокращаютъ производство, распускаютъ рабочихъ, которые массами оказываются на улицѣ безъ куска хлѣба. Рабочимъ приходится отчаянно бороться уже не за улучшеніе своего положенія, а за сохраненіе стараго, за уменьшеніе тѣхъ потерь, которыя взваливаетъ на нихъ фабрикантъ. Такимъ образомъ, рабочее движеніе углубляется и расширяется: сначала борьба въ исключительныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, потомъ упорная и непрерывная борьба во время оживленія промышленныхъ дѣлъ и бойкаго хода торговли, наконецъ — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можемъ уже сказать, что рабочее движеніе стало постояннымъ явленіемъ нашей жизни, что оно будетъ рости при всякихъ условіяхъ.

Но смѣна промышленнаго оживленія кризисомъ научитъ рабочихъ не только тому, что объединенная борьба стала для нихъ постоянной необходимостью. Эта смѣна разрушитъ также тѣ вредныя иллюзіи, которыя начали уже образовываться въ періодъ процвѣтанія промышленности. Кое-гдѣ рабочимъ сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяевъ уступки посредствомъ стачекъ, и значеніе этой „экономической“ борьбы стали преувеличивать, стали забывать о томъ, что профессіональнымъ (цеховымъ) союзамъ рабочихъ и стачкамъ удается въ лучшемъ случаѣ только отстоять нѣсколько болѣе выгодныя условія продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки безсильны помочь, когда этотъ „товаръ“ въ силу кризиса не находитъ спроса, безсильны измѣнить тѣ условія, которыя превращаютъ рабочую силу въ товаръ, осуждаютъ массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы измѣнить эти условія, необходима революціонная борьба со всѣмъ современнымъ общественнымъ и политическимъ строемъ, и промышленный кризисъ заставитъ многихъ и многихъ рабочихъ убѣдиться въ справедливости этой истины.

Вернемся къ побоищу 7-го мая. Мы приводимъ ниже имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о майскихъ стачкахъ и волненіяхъ рабочихъ Петербурга. Здѣсь же разберемъ полицейское сообщеніе о побоищѣ 7-го мая. Въ послѣднее время мы уже немного пріучены къ правительственнымъ (полицейскимъ тожъ) сообщеніямъ о стачкахъ, демонстраціяхъ, столкновеніяхъ съ войсками; мы имѣемъ уже теперь изрядный матеріалъ для сужденія о степени достовѣрности такихъ сообщеній, мы можемъ иногда по дыму полицейской лжи догадываться объ огнѣ народнаго возмущенія.

„7-го сего мая — гласитъ оффиціальное сообщеніе — послѣ обѣденнаго перерыва, на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ въ селѣ Александровскомъ, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 раб. разныхъ отдѣленій завода прекратили работу и, при объясненіи съ помощникомъ начальника завода подполковникомъ Ивановымъ, предъявили разныя неосновательныя требованія“.

Если рабочіе прекратили работу безъ предупрежденія за двѣ недѣли — допустивъ, что прекращеніе работъ не было вызвано беззаконіями со стороны хозяевъ, какъ это случается очень не рѣдко, — то это даже по русскому законодательству (которое въ послѣднее время систематически дополнялось и усиливалось противъ рабочихъ) составляетъ простой полицейскій проступокъ, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадаетъ въ смѣшное положеніе со своими строгостями: съ одной стороны, издаются законы, устанавливающія новыя преступленія (напр., самовольный отказъ отъ работы или участіе въ скопищѣ, повреждающемъ чужое имущество или насильственно противодѣйствующемъ вооруженной силѣ), повышаются наказаніе за стачки и пр., — съ другой стороны, теряется и физическая и политическая возможность примѣнять эти законы и налагать законосообразныя наказанія. Нѣтъ физической возможности тянуть къ отвѣту за отказъ отъ работы, за стачку, за „скопище“ тысячи и десятки тысячъ людей. Нѣтъ политической возможности устраивать въ каждомъ такомъ случаѣ судебное разбирательство, ибо какъ ни подстраивай составъ суда, какъ ни кастрируй гласность, все же хоть тѣнь суда останется и, конечно, — „суда“ не надъ рабочими, а надъ правительствомъ. И вотъ уголовные законы, изданные съ прямой цѣлью облегчить политическую борьбу правительства съ пролетаріатомъ (и въ то же время прикрыть ея политическій характеръ посредствомъ „государственныхъ“ соображеній объ „общественномъ порядкѣ“ и т. п.), неумолимо оттѣсняются на задній планъ прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. „Правосудіе“ сбрасываетъ съ себя маску безпристрастія и возвышенности и обращается въ бѣгство, предоставляя поле дѣйствія полиціи, жандармамъ и казакамъ, которыхъ угощаютъ камнями.

Вспомните, въ самомъ дѣлѣ, эту ссылку правительства на „требованія“ рабочихъ. Съ точки зрѣнія закона, прекращеніе работы есть проступокъ независимо отъ того, какія были требованія рабочихъ. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самаго закона, который оно такъ недавно издало, и расправу „своими средствіями“ оно старается оправдать, заявляя, что требованія рабочихъ были неосновательны. А кто былъ судьей въ этомъ вопросѣ? Подполковникъ Ивановъ, помощникъ начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочіе и жаловались! Неудивительно, что на такія объясненія власть имущихъ рабочіе отвѣчаютъ камнями!

И вотъ, когда рабочіе вышли всѣ на улицу, остановивъ движеніе конки, началась уже настоящая баталія. Рабочіе бились, видимо, изо всѣхъ силъ, ибо имъ удалось дважды отбить нападеніе полиціи, жандармовъ, конной стражи и вооруженной команды завода*) — и это, не смотря на то, что единственнымъ оружіемъ рабочихъ были камни. Правда, „нѣсколько выстрѣловъ“ раздалось и изъ толпы, — если вѣрить полицейскому сообщенію, — но раненъ этими выстрѣлами никто не былъ. За то камни летѣли „градомъ“, причемъ рабочіе проявляли не

*) Кстати. Правительственное сообщеніе заявляетъ, что „вооруженная команда завода“ „находилась уже на готовѣ во дворѣ завода“, тогда какъ жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впослѣдствіи. Съ какого же времени и почему держали на готовѣ во дворѣ завода вооруженную команду? Не съ перваго-ли мая? Не ожидали-ли рабочей демонстраціи? Этого мы не знаемъ, но несомнѣнно, что правительство умышленно скрываетъ имѣющіяся у него фактическія данныя о томъ, чѣмъ вызывалось и какъ росло недовольство и возбужденіе рабочихъ.

только упорство сопротивленія, но и находчивость, умѣнье сразу приспособиться къ условіямъ и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли сосѣдніе дворы и осыпали царскихъ башибузуковъ камнями изъ-за заборовъ, такъ что даже послѣ трехъ залповъ, которыми былъ убитъ одинъ (будто бы только одинъ?) рабочій и ранено восемь (?) (одинъ умеръ на другой день), даже послѣ этого, не смотря на бѣгство толпы, сраженіе еще продолжалось, и вытребованныя роты омскаго пѣхотнаго полка должны были „очищать отъ рабочихъ“ сосѣдніе дворы.

Правительство побѣдило. Но каждая такая побѣда будетъ неуклонно приближать его окончательное пораженіе. Каждая битва съ народомъ будетъ увеличивать число возмущенныхъ и готовыхъ къ бою рабочихъ, будетъ выдвигать болѣе опытныхъ, лучше вооруженныхъ, смѣлѣе дѣйствующихъ вожаковъ. По какому плану должны стараться дѣйствовать вожаки, объ этомъ намъ уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крѣпкой революціонной организаціи мы уже не разъ указывали. Но по поводу такихъ событій, какъ 7-ое мая, надо также не упускать изъ виду слѣдующее.

Въ послѣднее время много говорили о томъ, что уличная борьба противъ современнаго войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этомъ тѣ „критическіе“ умники, которые выдавали старый хламъ буржуазной учености за новые выводы безпристрастной науки, извращая при этомъ слова Энгельса, говорившаго, и притомъ съ оговорками, только о временной тактикѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ. Мы видимъ даже на примѣрѣ отдѣльной схватки, что всѣ эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положеніе борцовъ, а положеніе правительства, если ему придется имѣть дѣло съ населеніемъ не одного только завода. Рабочіе при схваткѣ 7-го мая не имѣли ничего, кромѣ камней, — и ужъ, конечно, не запрещеніе же градоначальника помѣшаетъ имъ въ слѣдующій разъ запастись другимъ оружіемъ. Рабочіе были неподготовлены и ихъ было только $3^1/_2$ тысячи, и тѣмъ не менѣе они отбивали нѣсколько сотенъ конной стражи, жандармеріи, городовыхъ и пѣхоты. Вспомните, легко-ли удался полиціи штурмъ одного дома ном. 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко-ли будетъ „очистить отъ рабочихъ“ не два-три двора и дома, а цѣлые рабочіе кварталы Петербурга! Не придется-ли также, когда дѣло дойдетъ до рѣшительной борьбы, „очищать“ столичные дома и дворы не только отъ рабочихъ, но и отъ всѣхъ тѣхъ, кто не забылъ гнусной бойни 4-го марта, кто не примирился съ полицейскимъ правительствомъ, а только запуганъ имъ и не вѣритъ еще въ свои силы.

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всѣхъ убитыхъ и раненыхъ 7-го мая. Пусть всѣ рабочіе столицы чтятъ память ихъ и готовятся къ новой рѣшительной борьбѣ съ полицейскимъ правительствомъ за народную свободу!

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ярославль. XX-й вѣкъ внесъ какую-то живительную струю въ сѣрую и спокойную жизнь города Ярославля. Обыватель заволновался непривычнымъ для него страхомъ передъ совершающимися событіями, ожили мѣстные разночинцы, а полиція, дотолѣ мирно почивавшая на казанныхъ квартирахъ, вдругъ проснулась и стала спѣшно затыкать щели, образовавшіяся въ прочномъ зданіи обывательской приниженности.

Въ началѣ января 1901 г. произошло жаркое сраженіе между губернаторомъ и разночинцами, окончившееся для послѣднихъ побѣдой съ потерей двухъ людей „убитыми“. Поводомъ къ объявленію войны со стороны губернатора послужило слѣдующее обстоятельство. Мѣстный губернаторъ Штюрмеръ, бывшій предсѣдатель тверской управы по назначенію, сыпавшій въ то время направо и налѣво либеральныя мысли и слова, не освободился еще и теперь отъ своей симпатіи къ просвѣщенію, но онъ любитъ быть первымъ во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, чтобы ничего въ этой области не дѣлалось помимо его воли, и разъ кто-нибудь становится ему на пути, онъ мститъ и мститъ самымъ низкимъ способомъ. Дѣло объ учрежденіи въ Ярославлѣ общества учащихъ и учившихъ покажетъ читателю тѣ способы, къ которымъ не стыдится прибѣгать г. Штюрмеръ. Какъ и вездѣ, онъ и въ этомъ случаѣ не преминулъ выразить свои симпатіи новому обществу и пожелалъ провести въ члены правленія своихъ кандидатовъ, но мѣстная публика (разночинцы тожъ) сплотились и провели своихъ кандидатовъ. Конечно, губернатору была не по вкусу такая вольность разночинцевъ, и онъ начинаетъ мстить. Черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ двумъ служащимъ въ земствѣ, статистику Садикову и секретарю школьной коммиссіи Минаеву было предложено оставить службу безъ объясненія причинъ. При объясненіи съ предсѣдателемъ управы (онъ служитъ по назначенію и представляетъ изъ себя типичнаго труса-чиновника, готоваго на всякую подлость въ угоду властямъ) выяснилось, что причиной такой немилости является тотъ фактъ, что эти лица были выбраны въ члены названнаго общества и что будто бы они допускали на выборахъ незаконную агитацію. Минаева уволили немедленно, какъ человѣка, противъ котораго губернаторъ уже давно точилъ зубы. Садикову же было предложено выбирать одно изъ двухъ: либо отказаться отъ должности члена правленія и остаться на службѣ, или же убираться изъ бюро. Губернаторъ, видимо, сознавалъ незаконность своего поступка и потому оффиціально не выставилъ никакихъ мотивовъ для увольненія: онъ „повліялъ“ на предсѣдателя, а предсѣдатель „радъ стараться“. И вотъ получается любопытное письмо отъ предсѣдателя управы, безъ подписи, гдѣ Садикову предлагается отказаться отъ должности члена правленія и тогда-де его можно оставить въ бюро. Садиковъ отказался, и его уволили. Характерно, что и теперь, когда Садиковъ уже не служитъ, ему все еще предлагается войти въ позорную сдѣлку. Послѣ этой исторіи предсѣдатель управы, всегда готовый къ услугамъ губернатора, въ своемъ желаніи услужить перешелъ всякія границы. Въ одномъ домѣ онъ серьезно говорилъ, что думаетъ вывѣсить въ управѣ объявленіе, чтобы служащіе управы не принимали никакого участія въ разныхъ обществахъ и коммиссіяхъ, и только когда ему указали, что этимъ онъ ставитъ всѣ разрѣшенныя общества въ положеніе незаконныхъ, тогда онъ отказался отъ своего „благороднаго“ намѣренія.

* * *

Учителя и попы въ роли жандармовъ. На сторонѣ полиціи, о подвигахъ которой мы уже писали, оказались наши педагоги, во главѣ съ директоромъ гимназіи, взяточникомъ Высоцкимъ. Вскорѣ послѣ арестовъ 12-го января онъ призываетъ одного ученика, у родителей котораго жилъ одинъ изъ арестованныхъ, и учиняетъ форменный допросъ, кто бывалъ у арестованнаго, какъ фамиліи ихъ и т. д. Растерявшійся ученикъ разсказалъ все, что зналъ. Конечно, обо всемъ этомъ директоромъ немедленно было доложено кому слѣдуетъ. Были и еще подобные случаи.

Не лучше и инспекторъ мужской гимназіи Красовскій. Вотъ какую рѣчь произнесъ онъ по поводу смерти купца Носкова, отца арестованнаго гимназиста Носкова. „Сегодня скончался именитый гражданинъ гор. Ярославля А. В. Носковъ. Виновниками его смерти являются его сынки, которые своимъ преступнымъ поведеніемъ преждевременно свели его въ могилу“. Закончилъ инспекторъ свою рѣчь евангельскимъ изреченіемъ: „Дѣти, любите своихъ родителей!“

Другіе учителя помогаютъ полиціи, воспитывая своихъ учениць по Домострою. Учитель женской гимназіи Первухинъ, преподающій тамъ словесность, произнесъ напутственную рѣчь въ 7-мъ классѣ. „Въ своемъ преподаваніи я всегда старался выдвинуть на первый планъ женскій вопросъ (который онъ излагалъ по Домострою), знакомить васъ съ идеаломъ женщины, который рельефно обрисованъ въ сочиненіяхъ Побѣдоносцева“.

Не дремлютъ у насъ и попы, эти первые и самые вѣрные слуги царско-полицейской политики. Вотъ нѣсколько фактовъ.

На панихидѣ по Боголѣповѣ священникъ старался доказать ученицамъ женской гимназіи, что убійство это — дѣло личной мести, такъ какъ Карповичъ дважды былъ уволенъ изъ университета. Передъ общественнымъ долгомъ личные счеты должны смолкнуть, — окончилъ свою рѣчь служитель бога, не стѣсняющійся безстыдно клеветать на юношу-героя.

На репетиціи Закона Божьяго въ женской гимназіи священникъ спрашиваетъ ученицу: — кто у насъ еретикъ? Ученица молчитъ. Священникъ ругается. „На экзаменѣ должны сказать — Левъ Толстой“.

На страстной недѣлѣ священникъ ярославской мужской гимназіи исповѣдывалъ ученика 4-5-го класса. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ гимназисту, былъ и такой: „не читалъ-ли ты нелегальныхъ книгъ?“ — „Читалъ“. — „Отъ кого получалъ?“ — „Отъ такого-то“. — „Не давалъ-ли кому-нибудь?“ — „Давалъ“. — „Читать самому грѣхъ еще не большой, а вотъ другимъ-то давать не годится“, закончилъ свою исповѣдь батюшка. На слѣдующій день онъ доложилъ обо всемъ директору; послѣдній вызвалъ всѣхъ на допросъ. Финалъ неизвѣстенъ.

Учительница Сиротскаго дома исповѣдывалась въ сиротской домовой церкви у законоучителя женской гимназіи. Какъ она смотритъ на религію и читала-ли Толстого, спросилъ ее священникъ. — „Читала, и по моему онъ вѣрно смотритъ на религію“, отвѣчала она. На слѣдующій день учительница явилась вмѣстѣ со своимъ классомъ къ причастію. Попъ, увидя ее, подозвалъ себѣ и сказалъ: „я еще не кончилъ вчерашняго разговора; послѣ бесѣды я васъ причащу“. Учительница ушла и заперлась въ своей комнатѣ. По окончаніи причастія священникъ велѣлъ позвать ее, но она отказалась выйти. Тогда онъ самъ направился къ ней со св. дарами, но она и ему не открыла дверей. Начальница сдѣлала строгій выговоръ учительницѣ за ея убѣжденія (священникъ ей все разсказалъ). Учительница же послала жалобу къ архіерею на попа за разглашеніе имъ исповѣдной тайны. Что было тамъ, неизвѣстно, только черезъ двѣ недѣли получился приказъ отъ архіерея причастить ее. А губернаторъ, который раньше хотѣлъ ее уволить, прислалъ начальницѣ бумагу, что ее можно оставить и что исторія эта пусть останется между ними.

И къ этимъ педагогамъ-сыщикамъ, педагогамъ-доносчикамъ обращается теперь правительство съ лицемѣрными фразами о „сердечномъ попеченіи“! Въ атмосферѣ полицейскаго всевластія „сердечное попеченіе“ можетъ быть только полицейскимъ чтеніемъ въ сердцахъ.

Крамола во Владимірѣ на Клязьмѣ. Эти два понятія какъ-то плохо вяжутся между собой. Какъ въ этомъ захолустномъ чиновничьемъ городѣ, въ этомъ мертвомъ царствѣ мѣщанскаго застоя и обывательской забитости... и вдругъ „крамола“. А между тѣмъ, „крамола“ была, ее отыскали не такъ давно и искоренили вѣрные слуги престола царева, опричники. Крамольники — мѣстные земскіе статистики, а крамола ихъ заключается въ посылкѣ демонстративной телеграммы петербургскому статистику Анненскому. Давно уже косились на статистиковъ губернаторъ и другіе власть имущіе. Нюхъ у нихъ что-ли такой! Но давно уже эти туземные „звѣздочеты“ поставили земскую статистику подъ знакъ неблагонадежности. Земской статистики у насъ вообще не любятъ. Не любитъ ее правительство, какъ не любитъ оно всего, что есть на Руси честнаго, независимаго; не съ руки оно и капиталистамъ — всѣмъ этимъ Саввамъ и Викуламъ Морозовымъ, потому что она вскрываетъ и выводитъ на свѣтъ божій всѣ ихъ плутни и обираніе рабочаго люда, — не любятъ еще и потому, что статистика связана съ оцѣнкой фабрикъ и заводовъ, а эта оцѣнка — больное мѣсто нашихъ Китъ Китычей. Не даромъ во время послѣдней сессіи они всѣ силы прилагали, чтобы избавиться отъ земской оцѣнки. Удары одни за другимъ сыпались на статистику въ формѣ постоянныхъ неутвержденій губернаторомъ статистиковъ, въ выживаніи непріятныхъ его превосходительству лицъ и проч. и проч. Все это были лишь мелкія стычки, мелкіе уколы передъ рѣшительными дѣйствіями. Мѣстная администрація ждала только случая — и случай пришелъ: какъ ни убогъ нашъ городъ, а и къ намъ долетѣли вѣсти изъ Питера о знаменитой мартовской бойнѣ въ Петербургѣ, долетѣла вѣсть о томъ, что въ числѣ пострадавшихъ оказался одинъ изъ старѣйшихъ земскихъ статистиковъ — Анненскій. Тотчасъ же была составлена и послана телеграмма съ выраженіемъ ему сочувствія не только какъ извѣстному статистику, но и борцу за свободу. Подписались 16 статистиковъ. Копія была доставлена начальникомъ телеграфнаго отдѣла губернатору. Демонстративное содержаніе и тонъ телеграммы ясны и очевидны и не требуется дальнѣйшихъ доказательствъ, что крамола свила себѣ прочное гнѣздо во ввѣренной губерніи... Такъ или приблизительно такъ долженъ былъ подумать губернаторъ. Рѣшено принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для искорененія очага заразы. Рѣшено дѣйствовать быстро, безъ послабленій, согласно послѣдней инструкціи шефа всероссійской опричины, Сипягина. Въ тюрьму ихъ, я покажу имъ телеграммы! взревѣлъ помпадуръ. Кто-то изъ свиты его осмѣлился робко заявить, что, во-первыхъ, надо справиться, есть-ли въ тюрьмѣ свободныя мѣста, а во-вторыхъ, это произведетъ слишкомъ сильную сенсацію въ городѣ. Кончилось тѣмъ, что губернаторъ потребовалъ отъ управы немедленнаго увольненія „крамольниковъ“. Сказано, сдѣлано. Управа покорно преклонилась передъ губернаторской волей и уволила всѣхъ статистиковъ — всего 16 чел. Быстрота и натискъ, достойные Александра Македонскаго, но только зачѣмъ же стулья ломать? По странной ироніи судьбы, — всякій разъ, когда правительство и его прихвостни пытаются сплеча разрубить Гордіевъ узелъ, они не только не разрубаютъ узла, но еще больше запутываютъ его. Такъ и въ данномъ случаѣ. Губернаторскій „локаутъ“ превратился въ стачку. Увольненіе 16 статистиковъ привело къ фактическому закрытію бюро... счетчики остались безъ руководителей и не могутъ работать. Паша сгоряча не сообразилъ этого. Онъ, видимо, не думалъ, что увольненіе 16 статистиковъ повлечетъ за собою закрытіе всей статистики; счетчики, съ уходомъ статистиковъ, тоже разбрелись, некому работать, бюро стоитъ. А вѣдь остановлена оцѣнка земли по всей губерніи, на эту работу ушло много денегъ изъ земскаго сундука. Положеніе земской управы не изъ завидныхъ; всѣ попытки пригласить иногороднихъ статистиковъ терпѣли полное фіаско и повсюду слѣдуютъ категорическіе отказы служить въ земствѣ, которое не умѣетъ отстаивать интересы своихъ служащихъ. По всей статистикѣ раздается кличъ: товарищи, не идите во Владимірское земство! Кличъ дѣлаетъ свое дѣло. Управу это не на шутку тревожитъ: работы лежатъ неоконченными, матеріалы гніютъ въ архивѣ, а въ перспективѣ земское собраніе, которое того и гляди потребуетъ отчета о состояніи оцѣночныхъ работъ, о причинѣ увольненія статистиковъ. Неудобство такого положенія понялъ и паша. Закопошилась жандармерія съ полковникомъ Злобинымъ во главѣ и выступила въ роли... посредника между уволенными и губернаторомъ. Жандармъ явился на квартиры къ нѣкоторымъ статистикамъ и предлагалъ имъ снова подать прошеніе о поступленіи на службу въ бюро. Миссія эта потерпѣла полное фіаско. Статистики категорически отказались отъ этой новой милости. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ склонить „забастовщиковъ“ къ примиренію, жандармерія поняла, что она уклонилась отъ исполненія своего истиннаго и настоящаго дѣла и попыталась создать „дѣло“ о телеграммѣ. Начались допросы и вызовы въ жандармское управленіе. Кроткими увѣщаніями и грубыми запугиваніями пытались они выудить зачинщиковъ и иниціаторовъ телеграммы. На помощь полиціи и жандармеріи

НОВОЕ ВИНО ВЪ СТАРЫХЪ МѢХАХЪ.

Въ первомъ номерѣ газеты соціалистовъ-революціонеровъ „Революціонная Россія“ мы прочитали, между прочимъ, замѣтку: „Обзоръ революціонныхъ изданій“, въ которой говорится, что въ русской революціонной мысли совершается теперь „предсказанный“ издателями „Рев. Россіи“ „поворотъ въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“.*) Хотя въ эпоху Народной Воли различныя общественныя партіи придерживались различныхъ принциповъ, но мы поняли указанное замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что русская революціонная мысль направляется теперь въ сторону такъ-называемаго народовольства. Насъ очень удивило и, по правдѣ сказать, не мало обезпокоило это замѣчаніе. Съ одной стороны, никакихъ признаковъ поворота (точнѣе было бы сказать: возврата) революціонной мысли къ принципамъ народовольства мы не замѣчали, а съ другой стороны „Р. Р.“ говоритъ объ этомъ, предсказанномъ ею, поворотѣ съ такою непоколебимою увѣренностью, что у насъ возникло сомнѣніе. Неужели же мы слона-то и не замѣтили? Неужели мы проглядѣли такое важное общественное явленіе? Чтобы отвѣтить себѣ на эти тревожные вопросы, мы съ удвоеннымъ вниманіемъ стали слѣдить за русской революціонной литературой. При этомъ насъ больше всего интересовали изданія тѣхъ людей, которые не только не проглядѣли вышеупомянутаго поворота, но даже и предсказали его. Такъ, мы очень обрадовались, когда намъ доставили „Манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, выработанный на съѣздѣ представителей объединенныхъ группъ этой партіи. Мы были увѣрены, что именно и особенно здѣсь станетъ замѣтнымъ для насъ поворотъ, предсказанный издателями „Р. Р“. Мы прочитали манифестъ и... обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда, нѣтъ и тѣни „предсказаннаго“ поворота. Совершенно напротивъ! Онъ представляетъ собою самое ясное и самое яркое свидѣтельство въ пользу того, — давно уже кажущагося намъ безспорнымъ, — положенія, что русская революціонная мысль все больше и больше направляется въ сторону принциповъ русской соціалдемократіи. Мысль авторовъ „Манифеста“ вплотную подошла къ этимъ принципамъ.

*) Курсивъ нашъ.

Удивительно тутъ только то, что ни издатели „Рев. Россіи“, ни авторы „Манифеста“ этого какъ будто совсѣмъ не замѣчаютъ.

Партія Народной Воли была, какъ извѣстно, „партіей“ заговорщиковъ. Въ этомъ легко убѣдится всякій толковый человѣкъ, внимательно прочитавъ записку: „Подготовительная работа партіи“, напечатанную въ „Календарѣ Народной Воли“. Въ этой запискѣ мы читаемъ, что партія должна подготовляться къ возстанію, которое, по всей вѣроятности, будетъ облегчено сочетаніемъ благопріятныхъ для революціонеровъ обстоятельствъ: народнымъ бунтомъ, неудачной войной, государственнымъ банкротствомъ и т. п. Эти соображенія, разумѣется, еще не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что давало бы намъ право назвать народовольцевъ заговорщиками par excellence (по преимуществу). Но дальше въ той же запискѣ идутъ строки, ставящія очень большую точку надъ очень выпуклымъ i. Именно, тамъ сказано вотъ что:

„Каждымъ изъ такихъ благопріятныхъ стеченій обстоятельствъ партія должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работѣ она не должна на нихъ возлагать всѣхъ своихъ надеждъ. Партія обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести такъ, чтобы не оказаться ниже роли даже при самыхъ худшихъ, самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Такія наиболѣе неблагопріятныя условія представляются именно въ томъ случаѣ, если партіи придется самой начинать возстаніе, а не присоединиться къ народному движенію, и если при томъ нѣтъ вдобавокъ никакихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ случайностей, облегчающихъ первое нападеніе. Къ такому-то положенію вещей мы и должны быть приготовлены. Партія должна имѣть силы создать сама себѣ благопріятный моментъ дѣйствія, начать дѣло и довести его до конца. Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10-15 человѣкъ — столповъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствій, и въ то же время возбудитъ народныя массы: т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія. Пользуясь этимъ моментомъ, заранѣе собранныя боевыя силы начинаютъ возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями. Такое нападеніе легко можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если партія обезпечитъ себѣ возможность двинуть на помощь первымъ застрѣльщикамъ сколько-нибудь значительныя массы рабочихъ и проч. Для успѣха точно также необходимо подготовить себѣ положеніе въ провинціяхъ, достаточно прочное для того, чтобы или поднять ихъ при первомъ извѣстіи о переворотѣ, или хоть удержать въ нейтралитетѣ. Точно также слѣдуетъ заранѣе обезопасить возстаніе отъ помощи правительству со стороны европейскихъ державъ и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партіи должна выполнить все, что необходимо для успѣха возстанія, начатаго партіей даже безъ всякихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ условій, т. е. при такомъ приблизительномъ положеніи, въ какомъ находится Россія въ настоящее время“.

Все это по своему очень хорошо, умно и послѣдовательно. Но всякій видитъ, что это совершенно заговорщицкая программа дѣйствій, и если бы въ русской революціонной мысли дѣйствительно совершился поворотъ, „предсказанный“ и привѣтствуемый органомъ соц.-революціонеровъ, то соц.-революціонеры тоже предложили бы намъ программу дѣйствій, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ приспособленную къ заговору. Но ихъ манифестъ предлагаетъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ выдвигаетъ на первое мѣсто агитаціонную дѣятельность въ фабрично-заводской рабочей средѣ и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачи этой дѣятельности:

„Соціалистическая партія должна взять на себя руководящую роль, объединяя отдѣльныя вспышки и чисто стихійныя проявленія народнаго недовольства въ одно стройное цѣлое; она должна воспользоваться этой борьбой въ цѣляхъ агитаціонныхъ, подчеркивая и формулируя выводы, которые подсказываются самимъ ходомъ событій и постоянно раздвигать ея рамки новыми требованіями политическаго и правового характера“.

Это какъ разъ та политическая агитація, на необходимость которой такъ часто указывали русскіе соціалдемократическіе писатели*) и которой русскіе соціалдемократы занимались — теперь это можно сказать, не боясь преувеличенія — съ очень замѣтнымъ успѣхомъ. Такая дѣятельность безусловно необходима, и мы чрезвычайно рады тому, что соц.-революціонеры „поворачиваютъ“ въ ея сторону.

„Мы убѣждены, — такъ резюмируютъ свою мысль авторы манифеста, — что руководимыя партіей демонстраціи, протесты, стачки и цѣлый рядъ другихъ проявленій коллективнаго недовольства существующими общественными отношеніями, постепенно усиливаясь и захватывая все болѣе и болѣе широкія массы народа, расшатаютъ полицейско-бюрократическое государство и приведутъ его къ полному паденію“.

*) О ней см., напр., въ брошюрѣ Г. Плеханова „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, Женева, 1892.

въ ея „плодотворной дѣятельности“ явился — какъ это всегда бываетъ въ провинціи — обыватель-доброволецъ. „Столпъ“ туземнаго либерализма, Георгій Александровичъ Смирновъ, — членъ управы. Этотъ господинъ, по предложенію губернатора, отбиралъ у уволенныхъ ихъ автографы для сличенія ихъ съ рукой телеграммы, но и въ этомъ всѣ стремленія жандармеріи потерпѣли крушеніе, и отыскать иниціаторовъ не удалось. Какая же изъ всего этого мораль? Для кого, читатель? Для земства — это вразумительный урокъ необходимости самой настойчивой и упорной борьбы съ административнымъ вмѣшательствомъ, хотя бы уже по одному тому, что такое вмѣшательство очень и очень отзывается на карманахъ земскихъ плательщиковъ. Для правительства — это лишняя иллюстрація его безсилія даже тогда, когда оно побѣждаетъ. А статистикамъ лишній разъ приходится убѣдиться, что внѣ революціонной борьбы въ рядахъ борющагося за свободу рабочаго люда нѣтъ и не можетъ быть успѣшной борьбы. Идите же, товарищи, въ эти ряды отъ „демонстративныхъ телеграммъ“ къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ. Ваши же собственные интересы — интересы свободы — властно требуютъ этого. Идите же... вы не будете раскаяваться.

Нижній-Новгородъ. Приводимъ дополнительныя свѣдѣнія о тѣхъ событіяхъ въ Н.-Н., которыя изложены вкратцѣ въ послѣднемъ номерѣ „Искры“.

7-го апрѣля въ Н.-Новгородѣ въ помѣщеніи всесословнаго клуба въ 12 час. дня состоялось совѣщаніе учащейся молодежи съ представителями мѣстнаго общества. Присутствовали лица, занимающія видныя должности на государственной и общественной службѣ, литераторы, представители адвокатуры, врачи, педагоги. Предметомъ совѣщанія была уличная демонстрація, назначенная на 8-ое апрѣля. Вступительною рѣчью предсѣдателя вопросъ былъ поставленъ такъ: участники протеста противъ оффиціально признаннаго теперь ненормальнымъ положенія остаются уволенными, высланными, отданными въ солдаты; какъ можетъ мѣстное студенчество и сочувствующая ему часть общества реагировать на этотъ фактъ? Въ началѣ засѣданія ораторы изъ студентовъ настаивали на устройствѣ демонстраціи, но было предложено и другое средство: подача петиціи. Представители общества, признавая подачу петиціи умѣстной и необходимой, высказывались противъ уличной демонстраціи. Указывая на высказанную представителями общества готовность активно выступить въ защиту студенчества, многіе изъ студентовъ стали высказываться за отказъ отъ демонстраціи 8-го апрѣля.

Вопросъ о петиціи былъ поставленъ такъ: возможна-ли петиція и согласны-ли присутствующіе содѣйствовать успѣху ея? Единогласно вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Послѣ этого баллотировка вопроса о демонстраціи дала слѣдующіе результаты: представители общества: за демонстрацію 19 гол., противъ — 53 гол.; учащіеся: за демонстрацію 30, противъ — 50 гол.

Единогласно была принята слѣдующая формулировка постановленія студентовъ: ожидая отъ нижегородскаго общества обѣщанныхъ намъ сегодня активныхъ шаговъ для достиженія главной цѣли, за которую борятся въ настоящее время студенты, т. е. полной амнистіи всѣхъ пострадавшихъ въ студенческомъ движеніи — мы отказываемся отъ рѣшенія устроить демонстрацію 8-го апр.

Послѣ взаимнаго выраженія благодарности, закрывая собраніе, предсѣдатель высказалъ пожеланіе: „чтобы это первое въ Россіи свободное собраніе отцовъ и дѣтей было не послѣднимъ...“

Засѣданіе было закрыто въ 2 ч. 45 м.

Приводимъ текстъ петиціи.

Петиція Министру Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Высокопревосходительство!

Знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта, коимъ Вы призваны на трудный постъ Министра Народнаго Просвѣщенія, разнесшія по Россіи радостную вѣсть о предположенномъ коренномъ пересмотрѣ и исправленіи учебнаго строя, громко призываютъ русское общество въ лицѣ родителей и семей помочь успѣху давно и горячо желанной обществомъ реформы. Слова эти, успокаивая сердца и умы, измученные и смятенные трагическими событіями въ жизни учащейся молодежи, въ то же время устанавливаютъ грустный фактъ ненормальности строя академической жизни въ странѣ и такимъ образомъ просто и вѣрно объясняютъ причину тѣхъ массовыхъ волненій, которыя съ роковой послѣдовательностью все чаще и чаще возникаютъ въ средѣ нашего юношества. Вполнѣ объяснимыя несовершенствомъ нашего учебнаго строя, волненія эти властно охватываютъ учащуюся молодежь и заставляютъ ее тратить энергію, столь дорогую и такъ необходимую отечеству, на противодѣйствіе тѣмъ условіямъ, которыя возбуждаютъ всеобщее недовольство и препятствуютъ имъ прилежно учиться и работать для блага родины. Во главѣ студенческихъ движеній становятся наиболѣе даровитые и энергичные изъ нашихъ дѣтей, именно тѣ, изъ которыхъ, — при условіи устраненія ненормальностей учебнаго строя, — выработались бы богатые знаніями и сильные духомъ дѣятели, выражаясь словами Высочайшаго „рескрипта“, „твердая и вѣрная надежда отечества и стойкая опора его въ будущемъ“.

Это именно та молодежь, которая всегда такъ геройски просто, съ такимъ самозабвеніемъ идетъ на борьбу съ голодомъ, эпидеміями, невѣжествомъ и неправдой; это тѣ піонеры культуры, которые, окончивъ курсъ наукъ, уходятъ въ глухіе углы нашей земли, долгіе годы одиноко работаютъ тамъ, внося въ глухую и невѣжественную жизнь селъ и деревень свѣтъ знанія и безропотно умираютъ на своихъ постахъ; это наши доктора, судьи, учителя, земскіе дѣятели, чиновники, адвокаты, люди, отъ которыхъ наша страна въ правѣ ждать плодотворной дѣятельности на почвѣ культуры и которые вполнѣ способны оправдать надежды, возлагаемыя на нихъ обществомъ и государствомъ. Участіе въ волненіяхъ повлекло для множества подобныхъ людей болѣе или менѣе тяжелыя кары, иногда на всю жизнь прекращающія для нихъ доступъ къ образованію; такимъ образомъ общество и государство навсегда лишается услугъ этихъ въ высокой степени полезныхъ дѣятелей. За послѣдніе годы Россія лишилась множества молодыхъ силъ, частью отданныхъ въ солдаты на основаніи „Временныхъ правилъ“, частью исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній безъ права поступленія навсегда, или на опредѣленные сроки, частью подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ и лишенныхъ стипендій, пособій къ продолженію образованія. Эти печальные факты не могутъ не отразиться въ русской жизни оскудѣніемъ въ ней честныхъ, искренне преданныхъ дѣлу жизни образованныхъ работниковъ.

Страна наша не на столько богата людьми, чтобы можно было безъ ущерба для интересовъ ея жертвовать сотнями молодежи ради охраненія того строя, который нынѣ съ высоты престола признанъ ненормальнымъ и подлежащимъ коренному измѣненію.

Горячая любовь къ родинѣ, искреннее наше желаніе счастья ей, наше глубокое убѣжденіе въ ея великомъ будущемъ внушаютъ намъ смѣлость обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ почтительнѣйшимъ ходатайствомъ повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора горячую просьбу — даровать полную амнистію всѣмъ лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ печальнымъ событіямъ, происходившимъ за послѣдніе годы въ средѣ учащейся молодежи.

Этотъ фактъ величайшей государственной мудрости, какъ проявленіе заботъ Его Величества о благѣ родины и счастьи русскаго народа, положитъ конецъ одному изъ самыхъ печальныхъ явленій въ русской жизни, умиротворитъ юныя, увлекающіяся, но наиболѣе отзывчивыя сердца, смягчитъ великую скорбь родителей о погибшихъ дѣтяхъ и непремѣнно будетъ вписанъ на лучшихъ страницахъ русской исторической лѣтописи.

Таковы полныя данныя о проявленіи протеста въ Нижегородскомъ обществѣ. Не можемъ не добавить, съ своей стороны, что предсѣдатель былъ совершенно не правъ, назвавъ въ заключительной рѣчи это собраніе „свободнымъ“. Во-первыхъ, какъ мы уже указали въ ном. 4 „Искры“, сметливая администрація разрѣшила сходку именно ради того, чтобы оттянуть (а, можетъ быть, и провалить) рѣшеніе устроить демонстрацію. Во-вторыхъ, составъ собранія былъ явно не свободенъ, а искусственнен, ибо преобладали лица, занимающія, — употребляя характерное полицейское выраженіе, — „опредѣленное общественное положеніе“. Съ которыхъ это поръ „свободнымъ“ называется собраніе, подстроенное администраціей для того, чтобы голоса крайніе были подавлены голосами приглашенныхъ умѣренныхъ? Русскіе либералы искони отличаются талантливой способностью принимать за чистую монету іезуитскія фразы и мошенническія ухищренія русскаго правительства, но мы отнюдь не намѣрены поддерживать такія иллюзіи. Россія дожила, слава Богу, до такого времени, когда свободной можетъ быть названа только открытая народная сходка, собранная не по разрѣшенію и не по разсчету полиціи, доступная для всякаго желающаго. А на такой сходкѣ раздался бы всегда и голосъ сознательныхъ рабочихъ, не такъ довѣрчиво относящихся къ правительству.

Полицейскій набѣгъ на литературу. Правительственный застѣнокъ дошелъ до пароксизма давно не виданнаго бѣшенства: онъ рветъ и мечетъ и творитъ расправу надъ мирными литераторами, надъ старыми профессорами и учеными, надъ извѣстными либеральными земцами, и творитъ онъ ее такъ, какъ будто бы имѣлъ передъ собой страшныхъ „потрясателей основъ“, заправскихъ опасныхъ людей. Онъ мелочно мститъ тѣмъ людямъ, которые не остались безучастными зрителями приснопамятной мартовской бойни и въ трудный общественный моментъ возвысили свой голосъ протеста.

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ мы уже указывали на повальные обыски 18-го апрѣля, на полицейскіе набѣги на редакціи „Жизни“ и „Міра Божьяго“. Сейчасъ намъ приходится пополнить мартирологъ литературы слѣдующими данными: одинъ изъ редакторовъ „Жизни“ В. А. Поссе, редакторъ-издатель того-же журнала, земскій дѣятель М. С. Ермолаевъ и сотрудникъ „Жизни“ прис. пов. А. А. Никоновъ высылаются на три года подъ гласный надзоръ съ воспрещеніемъ жительства въ 25 губерніяхъ и частяхъ губерній. На такихъ же условіяхъ высылаются на два года: секретарь Вольно-Экономическаго Общества Кулябко-Корецкій (у него даже не производилось обыска), извѣстный тверской земецъ, прис. пов. Ѳ. И. Родичевъ (былъ въ числѣ тверской депутаціи 1895 г. и вмѣстѣ съ Головачевымъ не былъ принятъ Николаемъ II), весьма популярный профессоръ анатоміи, директоръ курсовъ и основатель біологическаго института въ Петербургѣ П. Ф. Лесгафтъ, статистикъ Караваевъ, мужъ и жена Муриновы (онъ — литераторъ, она — имѣла книжный складъ въ Москвѣ, закрытый по распоряженію правительства), М. Гуровичъ и, наконецъ, Бальмонтъ, извѣстный переводчикъ Шелли и одинъ изъ главныхъ представителей такъ называемой „декадентской поэзіи. Той же карѣ еще раньше подверглись П. Струве и М. Туганъ-Барановскій; профессора Милюковъ и Мякотинъ, а также М. Горькій еще сидятъ.

Читая этотъ списокъ, приходится воскликнуть: велика должно быть злобствующая растерянность русскаго правительства, если оно не останавливается передъ такими мѣрами! Безъ суда, даже безъ обычной административно-судебной процедуры, ускореннымъ порядкомъ, соблюдая лишь быстроту и натискъ, оно вышвыриваетъ людей изъ привычной имъ обстановки, не считаясь ни съ чѣмъ и не внемля ничему. Пусть оно продолжаетъ въ томъ же духѣ: кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ непремѣнно бурю!

Секретный документъ. Обращаемъ вниманіе читателей на появившуюся у Дитца въ Штуттгартѣ записку Витте, напечатанную „Зарей“. Направленная противъ проекта бывшаго мин. вн. дѣлъ Горемыкина о введеніи земствъ въ неземскихъ губерніяхъ, „Записка“ интересна, какъ документъ, безстыдно разоблачающій сокровеннѣйшія вожделѣнія нашихъ правителей. Мы надѣемся подробно поговорить въ ближайшемъ номерѣ нашей газеты объ этомъ замѣчательномъ документѣ, равно какъ и о предисловіи къ нему г. Н. Р. С. Это предисловіе, обнаруживая въ его авторѣ пониманіе политическаго значенія русскаго рабочаго движенія, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ отличается обычной, характерной для нашихъ либераловъ незрѣлостью политической мысли.

Побѣгъ І. Пильсудскаго. Среди печальныхъ извѣстій о новыхъ и новыхъ насиліяхъ жандармовъ особенно радостное чувство вызываетъ такой необычайный фактъ удачи революціонеровъ, какимъ является побѣгъ товарища Пильсудскаго изъ предварительнаго заключенія въ больницѣ Николая Чудотворца въ СПБ.

Тов. Іосифъ Пильсудскій пробылъ пять лѣтъ въ Якутской обл., куда былъ административно сосланъ въ связи съ дѣломъ 1-го марта 1887 г., въ числѣ активныхъ участниковъ котораго былъ его братъ Брониславъ, сосланный на каторгу на Сахалинъ. Вернувшись изъ ссылки, Іос. Пильсудскій примкнулъ къ Польской соц. партіи и перешелъ на нелегальное положеніе. Въ концѣ 1899 г. Пильсудскій вмѣстѣ съ тремя другими лицами былъ арестованъ въ Лодзи въ тайной типографіи „Работника“, редакторомъ котораго онъ состоялъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Пильсудскій былъ переведенъ въ петербургскую больницу Николая Чудотворца на испытаніе, какъ душевнобольной. Въ ту же больницу поступилъ вскорѣ Мазуркевичъ, „докторъ“ изъ Варшавы, который и „увезъ“ мнимобольного изъ-подъ заключенія. По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ Пильсудскій и „докторъ“ уже прибыли въ Лондонъ.

Поздравляемъ Польскую Соціалистическую Партію съ удачнымъ исходомъ этого мастерского удара царскому правительству, напоминающаго самыя блестящія страницы героическаго прошлаго нашего революціоннаго движенія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Стачка фармацевтовъ. Движеніе рабочихъ за улучшеніе своего положенія съ фабрикъ и заводовъ начинаетъ переходить въ болѣе культурную среду. Я хочу поговорить о движеніи фармацевтовъ. Всѣмъ извѣстны условія работы этихъ тружениковъ: 12-14 часовъ работы въ день, не считая дежурствъ по ночамъ по очереди (правда, имъ дается одинъ день въ недѣлю свободный), плохая пища (ѣдятъ и пьютъ тутъ же, наскоро, во время работы), плохія жилищныя условія, грубое обращеніе хозяевъ, низкая заработная плата (ученики 15 руб., помощники провизора 30-45 руб., что при требованіи хорошо одѣваться далеко не достаточно). Уже давно бродило недовольство среди фармацевтовъ, но послѣднему не придавалось никакого значенія. 25-го марта 1901 г. фармацевты аптеки Фишеръ (быв. Шнейдеръ), будучи недовольны завтракомъ, обратились къ хозяину съ просьбой улучшить имъ пищу, жилище, перемѣнить съ ними грубое обращеніе (объ уменьшеніи рабочаго дня они не упоминали, опасаясь, что ихъ заявленіе будетъ принято за стачку). Въ отвѣтъ на ихъ просьбу Фишеръ черезъ одного изъ фармацевтовъ строго заявилъ, что завтракъ ихъ считаетъ хорошимъ и что если они не довольны имъ, то могутъ уходить. Тогда 14 человѣкъ, каждый въ отдѣльности, заявили Фишеру, что они отработаютъ, согласно закону, двѣ недѣли и потомъ уйдутъ. Хозяинъ принялъ заявленіе служащихъ и впродолженіе 4-5 дней не разговаривалъ съ ними. Затѣмъ фармацевты заявили Фишеру, что такъ какъ они со службы отъ него ушли, то могутъ поступить къ нему

Если такое убѣжденіе есть признакъ „поворота въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“, то несомнѣнно, что этотъ поворотъ былъ сдѣланъ еще соціалдемократической группой „Освобожденіе Труда“, которая съ самаго возникновенія своего въ 1883 г. не переставала доказывать, что лишь все болѣе и болѣе расширяющееся движеніе народной массы можетъ положить конецъ существованію русскаго абсолютизма. Народовольцы обвиняли группу „Освобожденіе Труда“ въ томъ, что ея пропаганда шла въ разрѣзъ съ принципами Народной Воли. Соц.-революціонеры думаютъ, какъ видно, что это обвиненіе было совершенно неосновательно.

„Въ странахъ деспотическихъ, — говоритъ манифестъ, — по самому ходу вещей, соціалистическія группы должны стремиться къ тайной и строго конспиративной организаціи ядра партіи, ограниченнаго по своему составу и численности“.

Это справедливо, но и въ этомъ нѣтъ никакого „поворота въ сторону эпохи Народной Воли“. Необходимость „тайной и строго конспиративной организаціи ядра партіи“ сознавалась русскими революціонерами уже въ то время, когда никто еще не думалъ о „принципахъ Народной Воли“. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, укажемъ на „тайную“, „строго конспиративную“ и централистическую организацію „Земля и Воля“ семидесятыхъ годовъ. Что же касается русскихъ соціалдемократовъ, то надо сказать правду: многіе изъ нихъ до сихъ поръ не вполнѣ сознали, до какой степени полезна подобная организація. Въ этомъ состоитъ слабая сторона русской соціалдемократіи, мѣшающая ей играть ту вліятельную роль въ общественной жизни, которая принадлежитъ ей по праву. Горькій опытъ каждый день и каждый часъ указываетъ намъ на необходимость полнаго и рѣшительнаго устраненія этой коренной причины нашей относительной слабости. И мы, конечно, съумѣемъ раздѣлаться съ нею. Но когда мы раздѣлаемся съ нею, то очень ошибутся тѣ, которые вообразятъ, что мы поворачиваемъ „въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“: тайная, строго конспиративная и централистическая организація необходима для всякой революціонной партіи, энергично борющейся при современныхъ русскихъ условіяхъ; она не можетъ быть названа отличительной особенностью какой-нибудь изъ этихъ партій.

Пойдемъ дальше. Манифестъ говоритъ:

„Мы убѣждены, что безъ сочувствія и поддержки (со стороны) крестьянства классъ фабрично-заводскихъ и вообще промышленныхъ рабочихъ не въ состояніи сломить силу русскаго правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже объ экономическомъ преобразованіи общества*). И мы должны признать, что революціонная дѣятельность среди крестьянства вполнѣ возможна въ настоящее время, такъ какъ внутри этого сословія уже образовались многочисленныя группы, въ такой же степени заинтересованныя въ уничтоженіи существующаго экономическаго и политическаго строя, какъ и промышленный пролетаріатъ“.

Въ эпоху „господства принциповъ Народной Воли“ революціонеры разсуждали совершенно иначе.

„Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, конечно, всегда признавалось желательнымъ, — говоритъ записка о „подготовительной работѣ (народовольческой) партіи“... Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы (партіи Народной Воли) совершенной фантазіей, и, если мы не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ“.

Неужели авторы Манифеста не видятъ, что и здѣсь они „поворачиваютъ“ отъ народовольческихъ принциповъ, а не „въ сторону“ ихъ?

Но соц.-революціонеры не „поворачиваютъ“ также и „въ сторону“ народниковъ семидесятыхъ годовъ. Они очень далеки отъ мысли о сосредоточіи всѣхъ революціонныхъ силъ въ деревнѣ.

„Какъ ни важна и необходима революціонная дѣятельность въ деревнѣ, — говорятъ они, — мы, въ настоящее время, по чисто тактическимъ соображеніямъ, будемъ стремиться концентрировать свои наличныя силы въ городахъ, — главнымъ образомъ, въ виду большей культурности городского рабочаго населенія сравнительно съ сельскимъ и большей продуктивности работы въ этой средѣ“.

*) Мы думаемъ, что даже въ промышленныхъ центрахъ соціалистическое движеніе можетъ и должно охватить не однихъ только „промышленныхъ рабочихъ“, но вообще весь пролетаріатъ, все трудящееся и эксплуатируемое капиталомъ населеніе этихъ центровъ. Поэтому мы считаемъ, что неправильно выражаются тѣ, которые говорятъ объ однихъ промышленныхъ рабочихъ: они придаютъ этимъ сравнительно узкое выраженіе очень широкой мысли.

Это очень похоже на выработанный гр. „Освоб. Труда“ проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ, гдѣ выставляется рядъ требованій, долженствующихъ проложить „широкій путь для сближенія рабочей партіи съ земледѣльческимъ населеніемъ“, но гдѣ указывается въ то же время, что работа революціонеровъ „должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе“.

Вообще взглядъ соц.-революціонеровъ на революціонную дѣятельность почти до мелочей совпадаетъ со взглядомъ группы „Освобожденіе Труда“. Такъ, напр., Манифестъ говоритъ:

„Что же касается самаго контингента лицъ, которые могли бы вести пропаганду и агитацію въ деревнѣ, то таковыми мы считаемъ, съ одной стороны, извѣстную часть интеллигенціи, по условіямъ своей частной жизни вынужденную постоянно жить въ деревнѣ, а также тѣхъ промышленныхъ рабочихъ, которые переходятъ изъ городовъ на фабрики и заводы, расположенные въ сельскихъ мѣстностяхъ, или же, живя постоянно въ городѣ и сохраняя въ то же время связь съ деревней, болѣе или менѣе часто посѣщаютъ послѣднюю“.

Проектъ программы, предложенный гр. „Осв. Труда“, высказываетъ надежду, что

„выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, пролетарій при подходящихъ обстоятельствахъ вернется въ нее соціалдемократическимъ агитаторомъ“.

А о лицахъ, по условіямъ своей частной жизни вынужденныхъ постоянно жить въ деревнѣ, проектъ говоритъ:

„Само собою разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалдемократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности“.

Соц.-революціонеры говорятъ въ своемъ манифестѣ, что хотя буржуазія и враждебна имъ по самой сущности своихъ интересовъ, но нельзя, однако, отрицать того факта, что вопросъ о политической свободѣ составляетъ ту общую почву, на которой соціалистическая партія сходится съ передовой частью „третьяго сословія“. Это такъ же вѣрно, какъ почти все, что говорятъ они. Но и здѣсь они высказываются не какъ народовольцы, а какъ соціалдемократы.

только на новыхъ условіяхъ (двѣ смѣны по семи часовъ, столовыя деньги). Фишеръ, не желая уступать, сталъ искать служащихъ, но тщетно. Въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ за фармацевтами, возникло аналогичное движеніе. Конечно, никто не согласился ѣхать къ аптекарю-эксплуататору. Истекалъ двухънедѣльный срокъ. Фишеръ метался, не зная, что дѣлать. Настало воскресенье 8-го апрѣля, послѣдній день срока. Фармацевты заявили, что съ слѣдующаго дня они не будутъ работать. Положеніе принципала было критическое. Г. Фишеръ (а также и его супруга) прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы фармацевты отказались отъ своихъ требованій. Онъ угрожалъ имъ полиціей, арестами, указывая на Москву, гдѣ за движеніе среди фармацевтовъ было арестовано 16 чел. и т. п. Наконецъ, онъ привлекъ на свою сторону „достойнаго" собрата, врачебнаго инспектора Буховцева. Послѣдній 9-го апрѣля отправилъ въ аптеку Фишера частнаго пристава отъ губернскаго правленія съ предписаніемъ фармацевтамъ немедленно приступить къ работѣ. Тѣ, конечно, отказались, такъ какъ силою ихъ никто не могъ заставить работать въ аптекѣ Фишера. Частный приставъ составилъ протоколъ, почему фармацевты отказались работать. Причины ухода были выставлены слѣдующія: скверная пища, тѣсное помѣщеніе и грубое обращеніе. Впослѣдствіи этотъ протоколъ куда-то исчезъ. Фишеру ничего не оставалось, какъ уступить. Такимъ образомъ, фармацевты не только добились улучшенія пищи и жилища, но даже сокращенія рабочаго дня на половину: вмѣсто 14 час. они будутъ работать лишь 7 час. въ двѣ смѣны (первая смѣна отъ 8 час. утра до 3 час., вторая — отъ 3 час. до 10 час. веч.). Привѣтъ вамъ, товарищи! Въ добрый часъ! Помните только о своей солидарности со всѣмъ трудящимся людомъ.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ.

Петербургъ Празднованіе маевки послужило здѣсь поводомъ къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ рабочихъ съ вооруженной силой. Перваго мая (по русскому стилю) забастовали рабочіе Выборгской стороны (какъ говорятъ, на всѣхъ фабрикахъ). 4-го мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію. У Сампсоніевскаго моста имъ заградила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножи и камни. Бой длился нѣсколько часовъ. Въ результатѣ, какъ намъ пишутъ, до 70 раненыхъ съ обѣихъ сторонъ, есть и убитые; нѣсколько сотъ человѣкъ арестовано. Приводимъ письмо одной работницы, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что случившагося. Авторъ пишетъ знакомому интеллигенту, сообщая о смерти товарища В. Изъ письма видно, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на рабочихъ отсутствіе въ критическій моментъ соціалдемократическихъ организацій, разгромленныхъ апрѣльскими погромами. Отсюда, — необходимость для рабочихъ „самимъ рѣшать", самимъ брать на себя отвѣтственность за такой шагъ, какъ попытка демонстрировать; отсюда и раздраженіе противъ „интеллигентовъ", которые, будучи или высланы (какъ товарищъ, которому письмо адресовано) или арестованы (какъ товарищъ А), не могли придти на помощь рабочимъ въ майскіе дни. Авторъ, конечно, чувствуетъ, что соц.-демократическія организаціи неповинны въ томъ, что къ надлежащему моменту онѣ были разбиты, но, думается намъ, за несправедливыми упреками его письма встаетъ справедливый вопросъ: почему петербургскіе товарищи такъ долго откладывали рабочую демонстрацію и, вмѣсто того, чтобы со всей энергіей дѣйствовать въ мартѣ, оттянули дѣло до мая, давъ возможность полиціи собраться съ силами и нанести петербургскому пролетаріату предварительное пораженіе разгромомъ его организованнаго авангарда.

Вотъ это письмо:

„Не примите мое письмо за малодушіе, я очень измучилась и не знаю, что дѣлать... Вы, навѣрное, знаете, что у насъ былъ бунтъ, и что В. нѣтъ больше. Я не видала его съ 29-го, и онъ говорилъ мнѣ тогда, что, вѣроятно, перваго у нихъ работать не будутъ. Я какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я ужъ справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ Охранкѣ тоже... или убили его или ранили до смерти... Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ революція!" и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла, пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами.

Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать какъ собакамъ въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже, это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко. А еще обидно то, что всю зиму къ намъ ходили и изъ за насъ спорили, а какъ разъ теперь никого не оказалось: Вы уѣхали, А. нѣтъ, и никого нѣтъ вмѣсто него. В. все говорилъ, что имъ самимъ нужно рѣшать и что это страшно, а умирать не страшно! и мнѣ все думается, можетъ, если кто изъ васъ былъ, все было бы не такъ, вы бы по другому рѣшили, и В. живъ бы былъ. И мнѣ все думается, когда В. и другіе умирали, вы пріятно проводили время, а къ А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везетъ, только посудите сами, вѣдь обидно...

Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ: хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (уцѣлѣвшій рабочій) говорилъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ и пистолетовъ достанутъ: на камняхъ да ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть.

Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мнѣ за это стыдно: вотъ я и помянула про малодушіе. Не сердитесь за мои жестокія слова, это мое горе говоритъ, а я хорошо понимаю, что это все къ лучшему, и другимъ говорю, и многіе у насъ думаютъ, что это ужъ къ концу идетъ, только мнѣ не вѣрится: ужъ очень скоро. Б. говоритъ, что въ другой разъ еще лучше все будетъ, и только бранится, что листковъ нѣтъ и что никто не приходитъ — онъ ужъ даже самъ листокъ сочинилъ. Я думаю, вы не разсердитесь, что я все написала, вѣдь вы сами сказали, чтобъ писать, когда очень трудно станетъ, или когда не справлюсь, а ужъ труднѣе нынѣшняго не придумаешь".

* * *

На Обуховскомъ (казенномъ) заводѣ 1-го мая на работу не вышло 300 человѣкъ. Начальство завода стало увольнять этихъ „преступниковъ" группами по 10 чел. Къ 7-ому мая уволенныхъ набралось 70 чел. Рабочіе просили начальство объ обратномъ пріемѣ уволенныхъ и о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ условій труда. Когда начальство отвѣтило отказомъ, рабочіе остановили машины и въ количествѣ 3600 чел. высыпали на Шлиссельбургскій трактъ. Дальнѣйшія подробности извѣстны изъ полицейскаго сообщенія. Полиція своимъ вызывающимъ поведеніемъ привела къ форменной битвѣ, въ которой рабочіе проявили поразительную стойкость и мужество. Какъ намъ сообщаютъ, убито 6 рабочихъ. Убитыхъ и арестованныхъ ночью отвезли въ городъ на пароходѣ. Послѣ бойни начальникъ завода пригласилъ депутацію отъ рабочихъ для переговоровъ.

Харьковъ. 1-го мая весь день было спокойно. Вечеромъ въ $9^1/_2$ час. въ университетскомъ саду собралась кучка молодежи — человѣкъ 30 рабочихъ и столько же дѣвицъ и студентовъ. Пѣли „Дубинушку", „волю" и т. д., затѣмъ кричали: 8-мичасовый раб. день! да здравствуетъ 1-ое мая! долой самодержавіе! Кто-то предложилъ выйти на Сумскую — пошли. Прошли всю Сумскую внизъ до площади. Обѣ стороны по тротуарамъ были заняты массой любопытныхъ, которые шествовали за передовой кучкой, тщательно избѣгая быть на одной сторонѣ съ ними. Прошли мимо театра, гдѣ, конечно, полиція обратила вниманіе. Сейчасъ было дано знать и какъ только дошли до площади и постояли тамъ съ четверть часа, пропѣвъ еще разъ „Дубинушку" и „Волю" и прокричавъ „Долой царя, долой самодержавіе", какъ появилась полиція. Полицмейстеръ задыхающимся голосомъ бормоталъ: „разойдитесь, господа, разойдитесь", размахивая при этомъ довольно деликатно рукой. Околодочные убѣждали публику разойтись, говоря, что изъ всего этого не выйдетъ ничего хорошаго. Публика вняла ихъ мольбамъ и частью разбрелась, частью пошла назадъ. Полиція ее провожала, не давая ей останавливаться. Когда шли назадъ, университетскій садъ были закрытъ. Къ 11 часамъ на Николаевской площади показались войска, а по Сумской проѣхали казаки.

Во время инцидента на площади одинъ изъ приставовъ злорадно торжествующимъ тономъ сказалъ: „господа интеллигенція, да разойдитесь же, вѣдь тутъ рабочихъ-то всего 20 человѣкъ". Въ рабочихъ кварталахъ демонстраціи не было.

Прокламація Кіевскаго Комитета Партіи сообщаетъ о томъ, что 1-го мая тысячи кіевскихъ рабочихъ бросили работу. Демонстраціи Кіевскій Комитетъ не назначалъ. Тѣмъ не менѣе, 6-го мая кіевскіе рабочіе пытались устроить противоправительственную демонстрацію, при чемъ подверглись полицейскому избіенію. Протестуя противъ послѣдняго, Кіевскій Комитетъ въ то же время отзывается о демонстрантахъ, какъ о „рабочихъ, не принадлежащихъ къ братской семьѣ рабочихъ всего міра или не вполнѣ сознавшихъ свои интересы" и что „членовъ Рабочей Партіи среди нихъ почти не было". Не зная о томъ, кто были иниціаторами демонстраціи 6-го мая, мы все же должны замѣтить, что при современномъ дробленіи русскихъ соціалдемократическихъ силъ, болѣе чѣмъ неумѣстно всѣхъ, не принадлежащихъ къ комитетамъ нашей партіи, ставить „внѣ братской семьи рабочихъ всего міра".

Въ дополненіе къ тому, что передано въ правительственномъ сообщеніи о демонстраціи въ Тифлисѣ, сообщаютъ, что, кромѣ толпы на базарной площади, другая, въ тысячу человѣкъ, собралась на проспектѣ и пыталась соединиться съ первой, но неудачно. „Красный значекъ", о которомъ говорится въ правительственномъ сообщеніи о демонстраціи на базарной площади, былъ краснымъ знаменемъ съ портретами Маркса, Энгельса и Либкнехта и съ надписью: Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Знамя красовалось около 15-20 минутъ.

Иваново-Вознесенскъ. 18-го апрѣля были распространены: листки мѣстнаго комитета съ описаніемъ праздника перваго мая и требованіемъ восьмичасоваго рабочаго дня и политической свободы, общій листокъ Россійской Соціалдемократической Партіи и, кромѣ того, другія майскія брошюры. Публика (рабочіе) принимаетъ все это съ большимъ интересомъ. Настроеніе возбужденное, масса спору, особенно по вопросу о самодержавіи. Очень многіе (чуть не большинство) согласно съ прокламаціями. Перваго мая (русскаго) предполагали повторить, но не были доставлены обѣщанныя общероссійскіе листки, а доставленные въ большомъ количествѣ листки узко-экономическаго характера, приготовленные для нашего города за нашей подписью съ требованіемъ девятичасоваго рабочаго дня и суда присяжныхъ надъ стачечниками мы принуждены были уничтожить, какъ не удовлетворяющія нашъ комитетъ своимъ содержаніемъ. Газета „Искра" распространяется и нравится рабочимъ, почему наша касса рѣшила четверть своихъ доходовъ отдавать на „Искру". Перваго мая на одной (самой крупной) фабрикѣ рабочіе собирались было бросить работу и прогуляться, но сильно помѣшало этому присутствіе въ большомъ количествѣ вооруженныхъ ружьями казаковъ.

Отъ Соціалдемократической Партіи въ Польшѣ и Литвѣ нами получено слѣдующее сообщеніе:

Варшава. Въ этомъ году передъ первымъ мая здѣшняя администрація подъ вліяніемъ русскихъ волненій въ мартѣ была усерднѣе, чѣмъ всегда. Начиная съ февраля, по нѣскольку разъ въ недѣлю происходили аресты и обыски. Чтобы больше запугать массу, еще въ началѣ февраля исполняющій должность ген.-губернатора Подгородниковъ распространяетъ объявленіе во всемъ царствѣ Польскомъ, запрещая въ немъ уличныя сходки и грозя участникамъ таковыхъ трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и денежнымъ штрафомъ. Вскорѣ послѣ этого появились прокламаціи Польскаго Комитета Соціалдемократической Партіи въ Польшѣ и Литвѣ, въ которыхъ рабочіе призывались отвѣтить на объявленіе Подгородникова торжественной майской демонстраціей и заняться подготовкой къ ней. Въ вышедшемъ въ мартѣ „Рабочемъ Курьерѣ" партія опять напоминаетъ о первомъ мая. Въ свою очередь хлопочетъ и полиція. По ея настоянію уже за четыре недѣли до перваго мая фабрики и мануфактуры, принимая рабочихъ, брали съ нихъ слово не участвовать въ демонстраціи. Съ 20-го апрѣля дворники призывались въ участки, гдѣ имъ объявлялось: если кто изъ дворниковъ поймаетъ человѣка, расклеивающаго прокламаціи, то ему будетъ выдано 5 руб. награды. Если же на какомъ-нибудь домѣ будутъ найдены прокламаціи, то дворникъ платитъ 10 руб. штрафу и высылается изъ Варшавы. Не смотря на это, 26-го и 27-го апрѣля въ Варшавѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Польши и Литвы были расклеены ном. 4-ый (майскій) „Рабочаго Обозрѣнія" (всего 2500 экз. во всемъ краѣ), воззванія администраціи партіи (всего 12 тыс.) и, кромѣ того, изданныя Варшавскимъ Комитетомъ приглашенія на демонстрацію на Маршалковскую улицу около Вѣнскаго вокзала въ воскресенье вечеромъ въ пять час., 28-го апрѣля (10.000) и — по распоряженію профессіональнаго союза булочниковъ — майскія воззванія къ булочникамъ (600 экз.). Въ воскресенье съ утра Варшава приняла видъ лагеря. Въ старомъ мѣстѣ демонстраціи, на Уяздовскихъ аллеяхъ была масса казаковъ, но публики собралось не много. Около 12 час. по Маршалковской было замѣтно оживленіе. Около двухъ часовъ прошелъ полкъ пѣхоты съ музыкой. Видно было, какъ по дворамъ прятались отряды казаковъ. Черезъ каждые нѣсколько домовъ стояла куча городовыхъ и околодочныхъ. Вдоль улицы разъѣзжали конные патрули. Около пяти часовъ въ Іерусалимскихъ аллеяхъ стали собираться рабочіе. Въ началѣ шестого можно было насчитать до 15 тыс. Полиція не разгоняла и не позволяла двигаться впередъ. На пытавшихся идти впередъ бросились выѣхавшіе изъ дворовъ казаки съ нагайками. Въ началѣ восьмого между частью демонстрантовъ, двинувшихся къ Саксонскому саду, и полиціей началась свалка. Въ это время большинство собравшихся, въ числѣ около 12.000, воспользовавшись моментомъ, прорвали цѣпь и пошли вдоль по Маршалковской къ Саксонскому саду, развернувши и поднявши красное знамя. Шествіе было два раза прерываемо. Все же большинство дошло до Королевской улицы, гдѣ къ нимъ присоединилась новая толпа рабочихъ; и здѣсь было поднято красное знамя и раздался возгласъ: „да здравствуетъ конституція!" Въ отвѣтъ на это, съ Маршалковской и Королевской улицъ послышалось оглушительное „ура!" Послѣ этого рабочіе стали расходиться. Арестовано лишь нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Лодзь переживаетъ въ настоящее время страшный кризисъ, особенно въ хлопчатобумажной промышленности; тысячи рабочихъ ходятъ безъ работы, другіе ждутъ разсчета. Настроеніе повсюду угнетенное. Въ виду этого Лодзинскій Комитетъ С.-Д. Партіи Царства Польскаго и Литвы потлѣ продолжительныхъ колебаній рѣшилъ устроить демонстрацію самаго мирнаго характера, скорѣе, какъ говорили рабочіе, репетицію майской демонстраціи слѣдующаго года. Полиція, однако, какъ всегда, была на сторожѣ. Полицмейстеръ Хржановскій въ теченіе мѣсяца зазывалъ къ себѣ дворниковъ, дѣлалъ имъ наставленія, какъ они должны вести себя передъ первымъ мая. Въ началѣ апрѣля появилось въ городѣ нѣсколько сотенъ казаковъ; ихъ можно было встрѣтить въ большомъ количествѣ на каждой почти улицѣ. Штатъ полиціи былъ усиленъ. Не смотря на это, Лодзинскому Комитету удалось распространить уже 26-го апрѣля майскій номеръ „Рабочаго Обозрѣнія" и майскія воззванія на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ день же 28-го (15-го) апрѣля въ пять часовъ по полудни на главной улицѣ — Петровской, — согласно уговору, сошлись слишкомъ 30.000 рабочихъ. Полиція вела себя спокойно, но старалась вызвать скандалъ со стороны рабочихъ. Шпіоны разыгрывали комедію, арестуя другъ друга и полагая, что такимъ образомъ выведутъ рабочихъ изъ себя и побудятъ освобождать арестованныхъ. Но собравшіеся рабочіе мирно прогуливались по тротуарамъ и когда замѣтили, что притокъ рабочихъ уменьшился, а число полицейскихъ и казаковъ прибываетъ и что процессіи не удастся устроить безъ крупныхъ жертвъ, стали расходиться, убѣжденные, что, если въ этомъ году явилось 30.000, слѣдующій годъ тѣмъ болѣе удастся устроить демонстрацію, соотвѣтствующую размѣрамъ города.

Дополненіе. Передъ первымъ мая (по русскому календарю) дворникамъ были розданы нагайки и ремни, и казаки и полиція были наготовѣ. Полиція всѣми силами старалась провоцировать рабочихъ около перваго мая, желая произвести избіеніе, которое могло бы повести за собою реакцію на нѣсколько лѣтъ, какъ это было въ 1892 году. Но это не удалось, такъ какъ рабочіе рѣшили сохранить силы на будущій годъ.

Ковно. До 1-го мая (н. с.) было распространено 1200 прокламацій польской соц.-дем. партіи на польскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 1-го мая (н. с.) близь зданія мужской гимназіи собралось около 600 польскихъ и еврейскихъ рабочихъ, которые и прогуливались по улицѣ нѣсколько часовъ. Когда послышались крики „Да здравствуетъ конституція!", неподготовленная полиція начала очень миролюбиво успокоивать публику и просила расходиться. Гулянье продолжалось еще около часу: затѣмъ рабочіе разошлись по домамъ. 12-го мая (н. с.) на улицѣ арестованы были: банковый чиновникъ Ревковскій и двѣ портнахи: Піотровская и Бялопіотровская. При арестованныхъ найдено много прокламацій.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть они прочтутъ посвященныя тактическимъ вопросамъ брошюры П. Аксельрода и сопоставятъ защищаемый въ нихъ взглядъ на борьбу за политическую свободу со взглядомъ, высказаннымъ въ статьѣ „Чего намъ ждать отъ революціи?", напечатанной во второй книжкѣ „Вѣстника Народной Воли".

Правда, въ манифестѣ соц.-революціонеровъ есть мысли, вѣрнѣе — одна мысль, способная вызвать рѣзкія возраженія со стороны русскихъ соціалдемократовъ: мы имѣемъ въ виду замѣчаніе о томъ, что современная намъ сельская община можетъ облегчить работу революціонеровъ въ деревнѣ.

„т. к. всякіе союзы и организаціи, на какой бы почвѣ они ни возникали, создаютъ извѣстную общность интересовъ тѣхъ группъ населенія, которыя входятъ въ ихъ составъ, и слѣдовательно, представляютъ благопріятныя условія для воздѣйствія на эти группы".

Это, во-первыхъ, очень не ясно; а во-вторыхъ, это противорѣчитъ всему тому, что говоритъ манифестъ о положеніи современной русской деревни. Въ самомъ дѣлѣ, авторы манифеста сами указываютъ на то, что крестьянство распалось теперь на три группы: 1) сельскій пролетаріатъ, 2) мелкую сельскую буржуазію, „систематически эксплуатирующую въ своемъ хозяйствѣ наемный трудъ", и 3) малоземельное крестьянство. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что „политическіе и правовые интересы" этого послѣдняго слоя „вполнѣ совпадаютъ (какъ это говоритъ манифестъ и какъ это говорила гр. „О. Т.") съ политическими и правовыми интересами пролетаріата", но мы не можемъ понять, какую „общность интересовъ" создаетъ община между сельской буржуазіей, эксплуатирующей сельскій пролетаріатъ, и пролетаріатомъ, составляющимъ объектъ ея эксплуатаціи. Въ этомъ пунктѣ соц.-революціонеры мыслятъ еще очень не ясно; тутъ они еще не свели концовъ съ концами; но и тутъ нельзя говорить, что они „поворачиваютъ" къ принципамъ Народной Воли. Нѣтъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что въ этомъ мѣстѣ замѣтно вліяніе на нихъ народничества, не замѣчавшаго разслоенія деревенской массы.

Но за исключеніемъ одного этого мѣста, весь остальной манифестъ представляетъ собою изложеніе принциповъ русской соціалдемократіи, и мы не понимаемъ, какъ могли его авторы не догадаться объ этомъ или найти нужнымъ скрывать это. Можетъ быть, ихъ ввели въ заблужденіе тѣ соціалдемократическіе недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видѣли ненавистное имъ народовольство во всякомъ нападеніи на самодержавіе? Но чтобы судить о русской соціалдемократіи, надо имѣть въ виду взрослыхъ и серьезныхъ ея представителей. А эти послѣдніе давно уже рекомендуютъ русскимъ соціалистамъ ту самую программу дѣйствій, къ какой „поворачиваютъ" теперь авторы манифеста. Соц.-революціонеры представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ костей русскихъ соціалдемократовъ. Вотъ почему имъ надо соединиться съ ними, а не „поворачивать" отъ нихъ въ сторону во всѣхъ отношеніяхъ почтенной, но уже безвозвратно отжившей революціонной старины. Или они боятся, соединившись съ нами, „измѣнить знамени"? Но наше знамя есть красное знамя революціоннаго пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и стать подъ него не значитъ измѣнить славной памяти погибшихъ русскихъ революціонеровъ. Совершенно наоборотъ, тотъ, кто сражается теперь въ Россіи подъ этимъ знаменемъ, продолжаетъ то, что было существеннаго въ работѣ этихъ героическихъ борцовъ, отказываясь только отъ ихъ ошибокъ, вызванныхъ условіями мѣста и времени. Неужели соц.-революціонеры думаютъ, что они нравственно обязаны называться, какъ Перовская и Желябовъ, въ такое время, когда Перовская и Желябовъ, навѣрное, назвались бы иначе.*)

*) Говоримъ: называться, потому что думаютъ соц.-революціонеры по нынѣшнему, т. е. какъ соціалдемократы. А съ другой стороны, даже и назвать себя народовольцами соціалисты-революціонеры не рѣшаются. Но въ такомъ случаѣ ихъ рѣчь о „поворотѣ" въ сторону народовольства утрачиваетъ послѣднюю тѣнь смысла.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Южнымъ отдѣломъ организаціи „Искры" получено: отъ „Всадника" 79 р.; М. Ком. за лит. 18 р.; М—вы отъ молод. 32 р.; тоже 69 р. 75 к.; Пет. Ком. за лит. 85 р.; отъ знакомой 5 р.; Х-въ отъ мол. 50 р.; М. З. 3 р.; провинція 7 р. 55 к.; С. и Х. 10 р.; отъ юноши 7 р. Итого: 366 р. 30 к.

Получено: отъ „друзей-читателей" 41 р. 42 к.; „изъ волжской столицы" 10 р.; отъ Л. 40 р.

370 руб. отъ петербургскаго представителя „Искры" получены редакціею.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 6 — ІЮЛЬ 1901 ГОДА. — № 6

ЦѢННОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Рабочія волненія въ послѣднее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себѣ. Обезпокоились и правящія сферы, обезпокоились не на шутку: это можно видѣть изъ того, что сочли необходимымъ „покарать“ пріостановкой на одну недѣлю даже такую архиблагонамѣренную, всегда угодничающую передъ начальствомъ газету, какъ „Новое Время“ за его статью въ ном. 9051 (отъ 11-го мая) „По поводу рабочихъ безпорядковъ“. Кара вызвана, конечно, не содержаніемъ статьи, которая преисполнена самыхъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ правительству, самой искренней заботливости о его интересахъ. Опаснымъ признано всякое обсужденіе этихъ „волнующихъ общество“ событій, всякое упоминаніе объ ихъ распространеніи и ихъ важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляръ (отъ 11-го же мая) о томъ, чтобы печатать статьи о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ только съ разрѣшенія департамента полиціи, доказываетъ лучше всякихъ разсужденій, насколько само правительство склонно считать рабочія волненія событіемъ государственной важности. И статья „Нов. Вр.“ представляетъ особый интересъ именно потому, что въ ней намѣчается цѣлая государственная программа, которая, въ сущности, цѣликомъ сводится къ тому, чтобы потушить недовольство посредствомъ нѣсколькихъ мелкихъ и частью лживыхъ подачекъ, снабженныхъ громкой вывѣской попечительности, сердечности и т. п. и дающихъ поводъ усилить чиновничій надзоръ. Но эта не новая программа воплощаетъ въ себѣ, можно сказать, „предѣльную“ мудрость современныхъ государственныхъ людей и даже не въ одной только Россіи, а и на Западѣ: въ обществѣ, основанномъ на частной собственности, на порабощеніи милліоновъ неимущихъ и трудящихся кучкѣ богачей, правительство не можетъ не быть вѣрнѣйшимъ другомъ и союзникомъ эксплуататоровъ, вѣрнѣйшимъ стражемъ ихъ владычества. А для того, чтобы быть надежнымъ стражемъ, недостаточно въ наше время пушекъ, штыковъ и нагаекъ: надо постараться внушить эксплуатируемымъ, что правительство стоитъ выше классовъ, что оно служитъ не интересамъ дворянъ и буржуазіи, а интересамъ справедливости, что оно печется о защитѣ слабыхъ и бѣдныхъ противъ богатыхъ и сильныхъ и т. п. Наполеонъ III во Франціи, Бисмаркъ и Вильгельмъ II въ Германіи положили не мало труда на такое заигрываніе съ рабочими. Но въ Европѣ, при существованіи болѣе или менѣе свободной печати и народнаго представительства, избирательной борьбы и сложившихся политическихъ партій, всѣ эти лицемѣрныя продѣлки разоблачались слишкомъ быстро. Въ Азіи, и въ томъ числѣ въ Россіи, такъ забиты и невѣжественны народныя массы, такъ сильны предразсудки, поддерживающіе вѣру въ царя-батюшку, что подобныя продѣлки пользуются большимъ успѣхомъ. И вотъ, однимъ изъ весьма характерныхъ признаковъ того, что и въ Россію проникаетъ европейскій духъ, служитъ неудача подобной политики въ послѣдніе 10-20 лѣтъ. Пускали въ ходъ эту политику много и много разъ, и всегда оказывалось, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія какого-либо „попечительнаго“ (будто бы попечительнаго) закона о рабочихъ, дѣло снова приходило въ прежнее положеніе — увеличивалось число недовольныхъ рабочихъ, росло броженіе, усиливались волненія — опять съ шумомъ и трескомъ выдвигается „попечительная“ политика, гремятъ пышныя фразы о сердечномъ попеченіи къ рабочимъ, издается какой-нибудь законъ, въ которомъ на алтынъ пользы рабочимъ и на цѣлковый — пустыхъ и лживыхъ словъ, — и черезъ нѣсколько лѣтъ повторяется старая исторія. Правительство вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, оно изъ кожи лѣзетъ, чтобы заткнуть то здѣсь, то тамъ недовольство рабочихъ какой-нибудь тряпичкой, — а недовольство прорывается въ другомъ мѣстѣ и еще сильнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните самыя крупныя вѣхи, знаменующія исторію „рабочаго законодательства“ въ Россіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ происходятъ очень крупныя стачки въ Петербургѣ, соціалистами дѣлается попытка воспользоваться случаемъ для усиленія агитаціи. Александръ III включаетъ въ свою такъ-назыв. „народную“ (а на самомъ дѣлѣ дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. Въ 1882 году учреждается фабричная инспекція, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно прекратило печатаніе ихъ. Законы о фабричномъ надзорѣ оказались именно тряпичкой. Наступаетъ 1884-1885 годъ. Кризисъ въ промышленности вызываетъ громадное движеніе рабочихъ и рядъ самыхъ бурныхъ стачекъ въ центральномъ районѣ (особенно замѣчательна Морозовская стачка). Снова выдвигаютъ „попечительную“ политику — на этотъ разъ съ особенной силой выдвигалъ ее Катковъ въ „Мос. Вѣд.“ Катковъ рветъ и мечетъ по поводу того, что морозовскихъ стачечниковъ отдали подъ судъ присяжныхъ, онъ называетъ сто одинъ вопросъ, поставленный судомъ на разрѣшеніе присяжнымъ, — „сто однимъ салютаціоннымъ выстрѣломъ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса“, но онъ требуетъ въ то же время, чтобы „государство“ заступилось за рабочихъ, запретило тѣ безобразные штрафы, которые взорвали, наконецъ, морозовскихъ ткачей. Выходитъ законъ 1886 г., усиливающій во много разъ фабричный надзоръ и запрещающій произвольные штрафы въ пользу фабриканта. Проходитъ десять лѣтъ, — и новый взрывъ рабочихъ волненій. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводятъ трепетъ на правительство (особенно потому, что съ рабочими теперь уже систематически идутъ рука объ руку соціалдемократы) и оно съ невиданной прежде быстротой издаетъ „попечительный“ законъ (2-го іюня 1897 г.) о сокращеніи рабочаго дня; въ соммиссіи, обсуждавшей этотъ законъ, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, и директоръ департамента полиціи въ томъ числѣ, во весь голосъ кричатъ: необходимо, чтобы фабричные рабочіе видѣли въ правительствѣ постояннаго защитника, справедливаго и милосерднаго покровителя (см. брошюру: „Тайные документы, относящіеся къ закону 2-го іюня 1897 г.“). А попечительный законъ, между тѣмъ, подъ сурдинкой всячески урѣзывается и отмѣняется циркулярами того же правительства. Наступаетъ новый промышленный кризисъ, — рабочіе въ сотый разъ убѣждаются, что никакія „попеченія“ полицейскаго правительства не могутъ дать имъ серьезнаго облегченія и свободы самимъ заботиться о себѣ, — новыя волненія и уличныя битвы, — новое безпокойство правительства — новыя полицейскія рѣчи о „государственной попечительности“, изрекаемыя на этотъ разъ въ газетѣ „Новое Время“. И не надоѣстъ это вамъ, господа, воду въ рѣшетѣ носить?

Нѣтъ, правительству никогда, конечно, не надоѣстъ повторять свои попытки запугать непримиримыхъ рабочихъ и подманить къ себѣ какой-либо подачкой тѣхъ, кто послабѣе, поглупѣе и потрусливѣе. Но и намъ никогда не надоѣстъ разоблачать истинный смыслъ этихъ попытокъ, разоблачать тѣхъ „государственныхъ“ мужей, которые сегодня кричатъ о попечительности, послѣ того какъ они вчера приказывали солдатамъ стрѣлять въ рабочихъ, — которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительствѣ рабочимъ, а сегодня хватаютъ и хватаютъ для полицейской расправы безъ суда лучшихъ людей и изъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. И поэтому мы считаемъ нужнымъ остановиться на „государственной программѣ“ „Новаго Времени“ заранѣе, прежде чѣмъ появился какой-нибудь еще новый „попечительный“ законъ. Да и тѣ признанія, которыя дѣлаетъ при этомъ такой „авторитетный“ въ области нашей внутренней политики органъ, заслуживаютъ вниманія.

„Новое Время“ вынуждено признать, что „прискорбныя явленія въ сферѣ рабочаго вопроса“ — не случайность. Конечно, виноваты тутъ и соціалисты (газета избѣгаетъ этого страшнаго слова, предпочитая болѣе глухо говорить о „вредныхъ лжеученіяхъ“, о „пропагандѣ протовугосударственныхъ и противообщественныхъ идей“), но... но почему же это именно соціалисты пользуются успѣхомъ въ рабочей средѣ? „Новое Время“, конечно, не упускаетъ случая обругать рабочихъ: они такъ „неразвиты и невѣжественны“, что охотнѣе слушаютъ вредную для полицейскаго благополучія проповѣдь соціалистовъ. Виноваты, значитъ, и соціалисты и рабочіе, — съ этими виноватыми жандармы и ведутъ давнымъ давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и мѣста ссылки. Не помогаетъ. Очевидно, есть такія условія въ положеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, которыя „вызываютъ и поддерживаютъ недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ“ и такимъ образомъ „благопріятствуютъ успѣху“ соціализма. „Тяжелый трудъ фабрично-заводского рабочаго въ крайне мало-благопріятной житейской обстановкѣ даетъ ему не болѣе того, чтобы кормиться, пока въ силахъ работать, а при всякой случайности, когда онъ на болѣе или менѣе продолжительное время остается безъ работы, онъ оказывается въ томъ безпомощномъ положеніи, о которомъ, напр., на дняхъ сообщалось въ газетахъ про рабочихъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ“. Такимъ образомъ сторонники правительства должны признать, что успѣхъ соціализма объясняется дѣйствительно плохимъ положеніемъ рабочихъ. Но признается это очень неопредѣленно и уклончиво, съ такими оговорками, которыя ясно показываютъ, что ни самомалѣйшаго намѣренія затронуть „священную собственность“ капиталистовъ, гнетущую рабочихъ, не можетъ и быть у подобнаго рода людей. „Къ сожалѣнію, — пишетъ „Нов. Вр.“ — мы слишкомъ мало знаемъ фактическое положеніе вещей въ сферѣ рабочаго вопроса у насъ въ Россіи“. Да, къ сожалѣнію! И мало знаемъ „мы“ именно потому, что позволяемъ полицейскому правительству держать въ рабствѣ всю печать, затыкать ротъ всякому честному обличенію нашихъ безобразій. За то вотъ „мы“ стараемся направить ненависть рабочаго человѣка не на азіатское правительство, а на „инородцевъ“: „Новое Время“ киваетъ на „инородческія заводскія администраціи“, называетъ ихъ „грубыми и жадными“. Такой выходкой можно поймать на удочку только самыхъ неразвитыхъ и темныхъ рабочихъ, которые думаютъ, что вся бѣда идетъ „отъ нѣмца“ или „отъ жида“, которые не знаютъ, что и нѣмецкіе и еврейскіе рабочіе соединяются для борьбы со своими нѣмецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и не знающіе этого рабочіе видятъ изъ тысячи случаевъ, что всѣхъ „жаднѣе“ и безцеремоннѣе русскіе капиталисты, всѣхъ „грубѣе“ русская полиція и русское правительство.

Интересно также сожалѣніе „Новаго Времени“, что рабочій ужъ не такъ теменъ и не такъ покоренъ, какъ крестьянинъ. „Новое Время“ плачетъ о томъ, что рабочій „отрывается отъ своихъ деревенскихъ гнѣздъ“, что „въ фабрично-заводскихъ районахъ скапливаются сборныя массы“, что „сельчанинъ отрывается отъ села съ его скромными (вотъ въ чемъ суть-то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношеніями“. Какъ же не плакать, въ самомъ дѣлѣ? „Сельчанинъ“ привязанъ къ своему гнѣзду и изъ боязни потерять это гнѣздо не рѣшается предъявить требованіе своему помѣщику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанинъ не знаетъ порядковъ въ другихъ мѣстахъ, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорятъ: „самостоятельные интересы“ сельчанина; знаетъ сверчокъ свой шестокъ, не суетъ носа въ политику — что можетъ быть пріятнѣе для начальства?) — а въ этой деревушкѣ мѣстная піявка, помѣщикъ или кулакъ, знаетъ всѣхъ на перечетъ, и всѣ отъ отцовъ еще и дѣдовъ переняли холопскую науку подчиненія, и некому пробудить въ нихъ сознаніе. А на фабрикѣ народъ „сборный“, къ гнѣзду не привязанный (все равно гдѣ работать), виды видавшій, смѣлый, интересующійся всѣмъ на свѣтѣ.

Несмотря на это горестное превращеніе скромнаго мужика въ сознательнаго рабочаго наши полицейскіе мудрецы надѣются еще провести рабочую массу посредствомъ „государственной попечительности о благоустройствѣ быта рабочихъ“. „Новое Время“ подкрѣпляетъ эту надежду слѣдующимъ избитымъ разсужденіемъ: „Гордый и всесильный на Западѣ, капитализмъ у насъ — пока еще слабый ребенокъ, могущій ходить только на помочахъ, и водитъ его на помочахъ правительство“... Ну, этой старой пѣсенкѣ о всемогуществѣ власти повѣритъ развѣ только скромный крестьянинъ! Рабочій же слишкомъ часто видитъ, какъ капиталисты „водятъ на помочахъ“ полицейскихъ и духовныхъ, военныхъ и статскихъ чиновниковъ. И вотъ — продолжаетъ „Новое Время“, — все дѣло въ томъ, чтобы правительство „настояло“ на улучшеніи быта рабочихъ, т. е. потребовало бы отъ фабрикантовъ этого улучшенія. Видите, какъ просто: приказать — и дѣло въ шляпѣ. Но просто это только сказать, а на дѣлѣ приказанія начальства, даже самыя „скромныя“, въ родѣ устройства больницъ при фабрикахъ, не исполняются капиталистами по цѣлымъ десятилѣтіямъ. Да и не посмѣетъ правительство ничего серьезнаго потребовать отъ капиталистовъ, не нарушая „священной“ частной собственности. Да и не захочетъ правительство серьезнаго улучшенія быта рабочихъ, потому что оно само въ тысячѣ случаевъ является хозяиномъ, обсчитываетъ и притѣсняетъ и рабочихъ Обуховскаго завода и сотенъ другихъ заводовъ, и десятки тысячъ почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и проч. и проч. „Новое Время“ и само чувствуетъ, что въ приказанія нашего правительства никто не повѣритъ, и оно старается найти себѣ опору въ возвышенныхъ историческихъ примѣрахъ. Это слѣдуетъ сдѣлать, — говоритъ оно про улучшеніе быта рабочихъ — „подобно тому, какъ полвѣка назадъ правительство взяло въ свои руки крестьянскій вопросъ, руководствуясь мудрымъ убѣжденіемъ, что лучше преобразованіями сверху предупредить требованіе таковыхъ снизу, чѣмъ дожидаться послѣдняго“.

Вотъ это дѣйствительно цѣнное признаніе! Передъ освобожденіемъ крестьянъ царь намекалъ дворянамъ на народное возстаніе, говоря: лучше освобождать сверху, чѣмъ ждать, когда станутъ сами освобождать себя снизу. И вотъ теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроеніе рабочихъ внушаетъ ей не меньше страха, чѣмъ настроеніе крестьянъ „передъ волей“. „Лучше сверху, чѣмъ снизу“! Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавія, находя „подобіе“ между тогдашнимъ и теперешнимъ требованіемъ преобразованій. Крестьяне требовали отмѣны крѣпостного права, ничего не имѣя противъ царской власти и вѣря въ царя. Рабочіе возстановлены прежде всего и больше всего противъ правительства, рабочіе видятъ, что ихъ безправіе передъ полицейскимъ самодержавіемъ связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ въ борьбѣ съ капиталистами, и рабочіе требуютъ поэтому свободы отъ правительственнаго самовластья и правительственнаго безчинства. Рабочіе волнуются тоже „передъ волей“, — но это будетъ воля всего народа, вырывающаго политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете-ли, какой величайшей реформой хотятъ заткнуть недовольство рабочихъ и проявить къ нимъ „государственную попечительность“? Если вѣрить довольно упорнымъ слухамъ, — идетъ борьба министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: послѣднее требуетъ, чтобы фабричную инспекцію передали въ его вѣдомство, увѣряя, что тогда она меньше будетъ потакать капиталистамъ и больше заботиться о рабочихъ, предупреждая этимъ волненія. Пусть готовятся рабочіе къ новой царской милости: фабричные инспектора одѣнутъ новые мундиры и будутъ зачислены по другому вѣдомству (вѣроятно, съ повышеніемъ содержанія) и притомъ по тому самому вѣдомству, которое такъ давно и такъ любовно (особенно департаментъ полиціи) печется о рабочихъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

С.-Петербургъ. Намъ пишутъ: О судьбѣ „Жизни“ вы, конечно, знаете, но любопытны здѣсь подробности. Въ числѣ арестованныхъ находилась вся редакція и много сотрудниковъ. Черезъ нѣкоторое время Поссе, Ермолаевъ, Муриновъ и др. были выпущены на всѣ четыре стороны, при чемъ у первыхъ двухъ не было даже ни одного допроса (это фактъ). Просто выпустили. Хорошо! Проходитъ еще нѣкоторое время, зовутъ въ Охранку человѣкъ десять (Муринова съ женой, Поссе, Ермолаева, Гуровича, фактическаго издателя „Начала“, Родичева, Караваева, Кулябко-Корецкаго, секретаря В.-Э. Об., у котораго даже обыска передъ этимъ не было, проф. Лесгафта и др.) и объявляютъ всѣмъ имъ, что они высылаются изъ Питера, Москвы, университетскихъ городовъ и другихъ мѣстъ (нѣкоторымъ исключено до 29 губерній) на два и на три года. Въ это же время сидѣлъ въ тюрьмѣ М. Горькій, но, благодаря его болѣзни и хлопотамъ за него, онъ теперь освобожденъ. Изъ сотрудниковъ „Жизни“ въ тюрьмѣ остался, кажется, одинъ только секретарь редакціи Горюшинъ. Начинаются хлопоты о спасеніи „Жизни“. Изъ главнаго управленія по дѣламъ печати поступаетъ совершенно беззаконное распоряженіе въ типографію, чтобы работы по печатанію майской книжки журнала были пріостановлены. Въ то же время цензоръ отказывается просматривать гранки. Шаховского спрашиваютъ, на какомъ основаніи все это дѣлается. Онъ виляетъ, ссылается на высылку Ермолаева, который де теперь не можетъ быть редакторомъ. Берутся за цензурный уставъ. Тамъ сказано, что редакторъ можетъ быть отрѣшенъ отъ должности въ трехъ случаяхъ: если онъ по суду лишенъ правъ состоянія: если онъ утратилъ полную гражданскую правоспособность (т. е. надо полагать, сошелъ съ ума или что-нибудь въ этомъ родѣ); если самовластно скрылся за границу. Ни подъ одну изъ этихъ категорій Ермолаева подвести нельзя, а между тѣмъ его отрѣшили отъ редакторства. Кто? На какомъ основаніи? Шаховской снова виляетъ. Вѣдь это незаконно, говорятъ ему. Да, незаконно, отвѣчаетъ князь. — Значитъ, вы участвуете въ незаконномъ дѣлѣ?

— Я — труба, по которой передаются распоряженія сверху внизъ. Рѣшили представить на утвержденіе другого редактора, представили, хлопотали, и въ результатѣ четыре министра... Отрѣшилъ же Ермолаева отъ должности редактора, какъ оказывается, все тотъ же всемогущій департаментъ полиціи. Чтобы дать вамъ понятіе о цинизмѣ, съ которымъ нынче ведутся дѣла, разскажу вамъ слѣдующее: за статью о рабочихъ безпорядкахъ „Новое Время" было, какъ вамъ извѣсто, закрыто на недѣлю. Послѣ этого по редакціямъ безцензурныхъ изданій былъ разосланъ такой секретный циркуляръ:

„11-го мая 1901 г. Распоряженіемъ отъ 8-го мая 1896 г. и 4-го января 1897 г. періодическимъ изданіямъ воспрещено печатать статьи, трактующія о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ. Редакціи повременныхъ изданій, повидимому, истолковали это распоряженіе въ томъ смыслѣ, что имъ не дозволяется печатать не только статей по рабочему вопросу, но и никакихъ свѣдѣній о происшедшихъ на фабрикахъ и заводахъ безпорядкахъ, а равно и всякихъ нарушеній общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ, г. Министръ Внут. Дѣлъ не имѣлъ въ виду столь распространительнаго толкованія указаннаго распоряженія. Не находя нужнымъ совершенно возбранять оглашеніе вышеупомянутыхъ свѣдѣній, Его Высокопревосходительство считаетъ, однако, необходимымъ, чтобы указанныя происшествія излагались въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью. Въ виду сего всѣ свѣдѣнія о случаяхъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія ранѣе опубликованія ихъ въ повременныхъ изданіяхъ, должны быть представляемы для провѣрки ихъ фактической точности въ департаментъ полиціи и могутъ быть затѣмъ напечатаны лишь съ разрѣшенія послѣдняго. О всемъ вышеизложенномъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. Мин. Внут. Дѣлъ, доводитъ до свѣдѣнія гг. редакторовъ повременныхъ изданій".

Какъ видите, Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати сталъ теперь фактически Департаментъ Полиціи.

Отмѣчу еще также циркуляръ отъ того-же 11-го мая: „Главное Управленіе по дѣламъ печати подтверждаетъ необходимость неуклоннаго исполненія распоряженія Мин. Вн. Дѣлъ о непечатаніи статей по поводу растраты въ Импер. Женск. Патріотич. Общ., кромѣ оглашенія самаго факта растраты". Здѣсь дѣло идетъ, какъ говорятъ, о кражѣ въ 350 тысячъ рублей, совершенной камергеромъ Якунчиковымъ, Евдокимовымъ и другими.

Вотъ каково современное „житьишко", какъ говорилъ покойный сатирикъ. Но что замѣчательно, такъ это повсемѣстно чрезвычайно бодрое общественное настроеніе. Я не пишу вамъ ничего о рабочихъ безпорядкахъ, потому что о нихъ ходятъ только всякіе слухи, и въ средѣ, гдѣ я вращаюсь, ничего доподлинно не извѣстно. Извѣстно только, что они приняли очень значительные размѣры.

На дняхъ выпустили Милюкова, Мякотина, Сабинину и Вл. Бернштама „впредь до окончанія дѣла". Изъ Петербурга ихъ, конечно, высылаютъ.

С.-Петербургъ, 28-го мая. Арестованныхъ за время съ 18-го по 23-ье апрѣля было такъ много, что обычныхъ мѣстъ заключенія не хватило, и многіе были размѣщены по полицейскимъ частямъ. Женщины (27 чел.) посажены въ Спасскую часть и оттуда постепенно переводятся въ Домъ Предварительнаго Заключенія, по мѣрѣ освобожденія въ немъ камеръ. Въ настоящее время въ Спасской части осталось 11 политическихъ заключенныхъ. Условія ихъ заключенія подробно описаны въ письмѣ отъ 1-го мая, обращенномъ къ обществу. Теперь мы разскажемъ лишь объ одномъ эпизодѣ изъ ихъ жизни.

10-го мая одна изъ заключенныхъ послала прокурору судебной палаты заявленіе, въ которомъ просила избавить ее, переводомъ въ другую тюрьму, отъ вида тѣхъ насилій со стороны полиціи, какія ей приходится наблюдать въ участкѣ, напоминающемъ своими порядками застѣнокъ. Дѣло въ томъ, что полицейскіе нравы не даютъ заключеннымъ въ Спасской части забыть о нихъ ни на минуту. Они всюду назойливо лѣзутъ въ глаза и невыносимо разстраиваютъ нервы. Въ окна камеръ заключенныхъ несутся вопли мужчинъ и женщинъ, стоны доносятся изъ карцеровъ, дикія сцены глумленія надъ человѣческой личностью разыгрываются передъ заключенными во время прогулокъ. Для иллюстраціи приведемъ, изъ массы другихъ, случай, происшедшій 9-го мая, далеко не самый яркій, но подробнѣе другихъ извѣстный намъ. Во время прогулки заключенныхъ, къ участку подъѣзжаетъ дворникъ съ какимъ-то субъектомъ, который въ сильномъ возбужденіи говоритъ: „Я ничего не дѣлалъ. За что меня!" Привезеннаго немедленно затаскиваютъ въ участокъ, откуда непосредственно за тѣмъ раздаются отчаянные вопли и крики о помощи. Минутъ черезъ 15-20 полицейскій служитель съ дворникомъ выводятъ его черезъ дворъ въ „холодную". Одежда на немъ уже вся истерзана, лицо распухло. Онъ идетъ согнувшись, задыхается, стонетъ и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, находящимся во дворѣ: „Смотрите, что здѣсь со мной сдѣлали!" А за это его провожатые, на глазахъ у всѣхъ, сваливаютъ его съ ногъ ударами кулаковъ и волочатъ по землѣ. Полицейскіе чины, находящіеся во дворѣ (помощникъ смотрителя арестнаго дома, городовые и пр.) смотрятъ на все совершенно равнодушно, даже болѣе того: когда одинъ изъ постороннихъ крикнулъ: „Да за что вы бьете человѣка? Вѣдь онъ не сопротивляется, а идетъ", то и его схватываютъ двое полицейскихъ и силой уводятъ въ участокъ (надо думать, для составленія протокола о чемъ-нибудь, вродѣ „оскорбленія полиціи при исполненіи служебныхъ обязанностей" или „нарушенія общественной тишины и спокойствія").

Результатъ заявленія, поданнаго прокурору, оказался совершенно неожиданнымъ для заключенныхъ. 23-го мая въ Спасскую часть пріѣхалъ полицеймейстеръ Лебедевъ. Ознакомившись, какіе именно факты имѣла въ виду заключенная, характеризуя участокъ, какъ застѣнокъ, онъ заявилъ, что „надо устранять отъ барышень тяжелыя впечатлѣнія", и отдалъ приказаніе... ограничить мѣсто прогулокъ политическихъ заключенныхъ заднимъ дворомъ, гдѣ сосредоточены люки, мусорныя ямы и ретирады и — что всего любопытнѣе — гдѣ помѣщается и самый участокъ (до тѣхъ поръ разрѣшалось гулять во всемъ дворѣ). Своимъ распоряженіемъ полицеймейстеръ, очевидно, разсчитывалъ заставить заключенныхъ отказаться отъ прогулокъ и такимъ образомъ устранить отъ нихъ возможность „вмѣшиваться въ чужія дѣла" (его слова), — и онъ достигъ цѣли: прогулки, разрѣшенія которыхъ заключенныя добились съ такимъ трудомъ, и которыя нѣсколько смягчали тяжесть ихъ заключенія въ темныхъ и душныхъ камерахъ Спасской части, — прекратились съ 23-го мая.

Москва. Сообщаютъ о слѣдующемъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ здѣшнемъ университетѣ. Сынъ московскаго профессора графа Комаровскаго, окончивъ университетъ, былъ оставленъ ассистентомъ при каѳедрѣ проф. Новгородцева. Не желая терять драгоцѣннаго времени, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступилъ на службу въ московскую цензуру, о чемъ имѣлъ нахальство заявить Новгородцеву. Послѣдній заявилъ, что считаетъ занятія подъ его руководствомъ и службу въ цензурѣ несовмѣстимыми, такъ какъ, готовясь къ профессурѣ, Комаровскій вмѣстѣ съ тѣмъ готовится говорить съ каѳедры о свободѣ общественной жизни, свободѣ мысли и печати, цензура же какъ разъ подавляетъ все это, и предложилъ ему выбрать одно изъ двухъ. Комаровскій выбралъ цензуру и прекратилъ занятія у Новгородцева. Встрѣтившись съ деканомъ юридическаго факультета (кажется, Алексѣевъ), онъ разсказалъ ему о происшедшемъ. Тотъ возмутился и продиктовалъ ему письмо къ Новгородцеву приблизительно такого содержанія: „Серьезно пораздумавъ надъ предложеннымъ Вами мнѣ вопросѣ о совмѣстимости обоихъ моихъ занятій, я пришелъ къ положительному рѣшенію и потому продолжаю себя считать ассистентомъ при Вашей каѳедрѣ". Мало того. Встрѣтившись съ Новгородцевымъ, деканъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ, состоя на государственной службѣ, слѣд. будучи чиновникомъ, осмѣлился критиковать другое государственное учрежденіе — цензуру, и такимъ образомъ подрывать основы. Новгородцевъ рѣзко отвѣтилъ, что, считая цензуру вреднымъ учрежденіемъ, онъ не можетъ позволить своему ассистенту служить въ ней. Тогда деканъ заявилъ, что долженъ заявить объ этомъ совѣту факультета, что и сдѣлалъ. Совѣтъ постановилъ подавляющимъ большинствомъ довести о таковомъ поступкѣ Новгородцева до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Саратовъ. Перепечатываемъ два слѣд. сообщенія изъ гектографированнаго журнала „Непримиримый".

„Конституціонный" адресъ думскихъ либераловъ и г. Немировскій. Рескриптъ царя отъ 25-го марта, данный на имя Ванновскаго, былъ встрѣченъ печатью и обществомъ необычно горячими привѣтствіями: все возликовало и умилилось, — не только либеральные круги, но даже и студенчество. Студенты повсемѣстно рѣшили „ждать" и „дать время" новому министру провести въ жизнь высочайшія предначертанія. Какъ сообщаютъ изъ Петербурга, только немногіе были настолько сильны, чтобы просто „ждать" не давая никакихъ авансовъ, большинство же заранѣе выразило довѣріе новому министерству и въ видѣ аванса стало держать экзамены... Если таково настроеніе учащейся молодежи, то чего же ждать отъ нашего „просвѣщеннаго либеральнаго общества"? Совѣсть его была уязвлена тѣмъ острымъ характеромъ, какой приняли студенческія волненія. Казалось невозможнымъ и постыднымъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ развертывавшихся съ необычайной для русскаго быстротой событій. Надо было реагировать на нихъ, стыдно было оставлять своихъ собственныхъ дѣтей беззащитными передъ казацкой нагайкой и кулаками полицейскихъ. И вотъ просвѣщенное общество стало протестовать. Протестовало оно въ тысячѣ формъ, посылая адресы Толстому и Вяземскому, еще разъ Вяземскому и опять Толстому, составляя и распространяя многочисленные отвѣты московскимъ профессорамъ: наконецъ, — это верхъ гражданскаго мужества — подписывая петиціи на имя царя. Впрочемъ, эта послѣдняя форма реакціи на событія оказалась не по плечу русскому обществу. Подъ одной изъ таковыхъ петицій въ Петербургѣ было собрано не болѣе сотни подписей; въ Москвѣ ихъ было очень мало, еще меньше въ Саратовѣ. У насъ было пущено два подписныхъ листа: одинъ въ „высшемъ" обществѣ, другой въ „среднихъ" кругахъ. Въ „высшемъ" обществѣ дѣло сначала пошло было на ладъ: дали свои подписи очень видные представители саратовской родовой и денежной аристократіи. Это было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ 19-го февраля и 4-го марта. Но скоро послѣдовало еще болѣе свѣжее впечатлѣніе: высочайшій выговоръ Вяземскому и... листъ съ подписями пропалъ безъ вѣсти. „Средніе круги" одни тоже не рѣшились продолжать дѣло, и оно окончательно рухнуло. Но во всякомъ случаѣ совѣсть просвѣщеннаго общества была не спокойна. Оно усиленно искало путей и невинность соблюсти, и капиталъ, если не пріобрѣсти, то сохранить. Вотъ тутъ-то и подоспѣлъ рескриптъ на имя Ванновскаго и далъ давно желанное успокоеніе взволнованной совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, съ высоты престола признаны коренные пороки нашего школьнаго дѣла и обѣщаны радикальныя преобразованія. Чего же больше? Надо, значитъ, ждать и надѣяться. Замѣтьте, не всѣ такъ глупы, чтобы надѣяться; болѣе умные, тѣ прямо заявляютъ, что нельзя же дать конституцію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и оставить все по старому въ общихъ порядкахъ; а такъ какъ общіе порядки не обѣщаютъ перемѣниться, то ничего существеннаго не можетъ быть принято и въ области народнаго образованія. Но всѣ считаютъ нужнымъ „ждать": пора же въ самомъ дѣлѣ отдохнуть отъ сдѣланныхъ усилій и пережитыхъ треволненій. Самые умные и самые смѣлые изъ гласныхъ саратовской думы пошли однако дальше. Имъ пришла въ голову „геніальная" мысль: воспользоваться самимъ рескриптомъ, чтобы подъ видомъ „всеподданнѣйшей благодарности" попросить конституціи. Но зная, что съ восторжествовавшими на послѣднихъ выборахъ купцами о конституціи разговаривать не очень-то удобно, они рѣшили свой намекъ на конституцію такъ запутать въ радужные туманы „безпредѣльной вѣрноподданнической благодарности" и такъ прикрыть мистическимъ облакомъ „неисповѣдимаго промысла Божія", чтобы никто ничего не понялъ. „Наши купцы-то простофили: ничего не поймутъ, одурманенные трескомъ мистической и вѣрноподданнической реторики, думали коварные либералы, — а тамъ на верху разберутъ, что въ розахъ благодарности не обошлось безъ шиповъ либеральной петиціи".

Вотъ вкратцѣ содержаніе этого любопытнаго документа. Начавъ съ выраженія „глубочайшей радости" и „безпредѣльной благодарности", либералы указываютъ, что за тысячелѣтнюю исторію Россіи государи неоднократно въ затруднительныхъ случаяхъ „обращались къ содѣйствію своего народа", и что русская земля „при такихъ условіяхъ" не только съ честью выходила изъ затрудненія, но даже „пріобрѣла новую славу, благодаря единенію царя съ народомъ". Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ либералы „усматриваютъ неисповѣдимый промыселъ Божій и надѣются, что при реформѣ школы „голосъ общества будетъ принятъ во вниманіе", что довѣріе, выраженное государемъ обществу, не можетъ не отразиться на всѣхъ другихъ сторонахъ русской жизни, что „рескриптъ 25-го марта сдѣлается залогомъ лучшаго будущаго, началомъ новой эры для молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, для всего народа русскаго во всѣхъ отношеніяхъ".

Но гдѣ тонко, тамъ и рвется. И при томъ рвется съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, среди нашей радикальствующей интеллигенціи нашлись простаки, возмутившіеся редакціей адреса и вообразившіе, что если дума не приметъ сразу адреса, а поручитъ выработку его особой коммиссіи, то эта послѣдняя выработаетъ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО „МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

Жаль, что „Московскія Вѣдомости" находятъ мало читателей внѣ круга лицъ, „высоко держащихъ правительственное знамя". Это очень полезная газета, очень поучительная даже тогда, когда лжетъ на враговъ правительства, и совершенно незамѣнимая, когда говоритъ объ интересахъ этого правительства и о принципахъ самодержавія такую правду, которой вы не услышите ни отъ умѣренныхъ сторонниковъ „принципа", ни отъ либераловъ. Одни изъ половинчатыхъ сторонниковъ самодержавія стараются отмежевать его отъ деспотизма, другіе прикрашиваютъ его „принципъ", будто бы требующій, чтобы нужды и желанія народа доходили до трона, съ высоты котораго царь (въ принципѣ) удовлетворяетъ ихъ.

„Моск. Вѣд." восхваляютъ не это прикрашенное самодержавіе, существующее лишь въ курсахъ государственнаго права или въ воображеніи славянофиловъ, а наше реальное самодержіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ, послѣ временныхъ уклоненій, оно возродилось при Александрѣ III, рѣшивъ существовать во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничьими потребностями и не допуская никакихъ разговоровъ о нуждахъ или желаніяхъ. Самодержавное правительство, не безъ основанія утверждаютъ „Мос. Вѣд.", должно „править по собственной мысли и волѣ и дѣлать то, что находитъ нужнымъ, независимо отъ того, требовали этого или не требовали внѣправительственные политиканы. Если народъ, по мнѣнію правительства, дѣйствительно испытывалъ тѣ или другія нужды, то удовлетвореніе этихъ нуждъ должно было послѣдовать задолго до предъявленія какихъ-либо требованій, и въ такомъ случаѣ не было бы уступкой". Всякой не только уступки, даже видимости ея правительство должно избѣгать во что бы то ни стало. Уступка съ его стороны „была бы огромной ошибкой, если бы даже требованіе улицы было резонно, ибо... если оно исполняетъ голосъ улицы, то улица и должна быть властью. По крайней мѣрѣ, при откровенномъ признаніи этой власти, голосъ улицы будетъ исполняться не въ видѣ „уступокъ", т. е. не съ задержками, не съ отговорками, а прямо и быстро".

Нельзя не признать логичности этого разсужденія, взятаго нами изъ статьи „Урокъ исторіи" („Мос. Вѣд.", 12-го апрѣля 1901 г.). Для всякаго человѣка, смотрящаго на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ народа, изъ этого логичнаго разсужденія можетъ быть лишь тотъ выводъ, что въ быстро развивающейся странѣ, съ безпрерывно измѣняющимися условіями существованія и разростающимися общественными потребностями, самодержавіе не можетъ существовать, и власть должна перейти къ представителямъ населенія всѣхъ городскихъ и деревенскихъ улицъ.

Для „Мос. Вѣд.", стоящихъ на точкѣ зрѣнія правительства и вполнѣ резонно отдѣляющихъ его интересы отъ интересовъ всего „внѣ-правительственнаго" населенія или, вѣрнѣе, не признающихъ за населеніемъ ни малѣйшаго права имѣть какія бы то ни было общественныя потребности, кромѣ единой, всепоглащающей потребности въ „сильной самодержавной власти", естественный выводъ изъ разсужденія тотъ, что, въ интересахъ самосохраненія, правительство должно больше всего заботиться о полномъ молчаніи „внѣ-правительственной" Россіи. Отсюда необходимость возможно большаго сокращенія народнаго образованія, самоуправленія, печати, правосудія; необходимость чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стѣснять себя положительными законами, такъ какъ съ законами въ рукахъ, какъ бы ни была упрощена процедура ихъ изданія, не угоняешься за всѣми проявленіями „внѣ-правительственнаго" настроенія, становящіяся по мѣрѣ развитія страны все многочисленнѣе и разнообразнѣе. Когда правительство принялось сокращать всѣ зародыши этихъ элементарнѣйшихъ благъ, „Мос. Вѣд." неизмѣнно сопровождали его сокрушительную дѣятельность разъясненіемъ несовмѣстимости благъ съ прочностью самодержавія. Онѣ всегда изображали эту форму правительства въ самомъ мрачномъ, самомъ безнадежномъ для населенія видѣ.

За то „на зло уму, на перекоръ стихіямъ" защитой правительства съ точки зрѣнія интересовъ населенія занялась либеральная пресса, упорно исповѣдуя свою вѣру въ „благія намѣренія правительства". Съ тѣхъ поръ, какъ началась ломка „великихъ реформъ", между оставленными въ живыхъ органами либеральной прессы и „Мос. Вѣд." завелась самая противуестественная полемика. Проникнутъ въ печать извѣстія о томъ или иномъ реакціонномъ проэктѣ, „Мос. Вѣд." радостно привѣтствуютъ новый кнутъ, которымъ правительство намѣрено искоренить то или иное благо, а либеральная пресса возражаетъ, что реакціонная газета извращаетъ благія намѣренія правительства, что, если такія-то фразы проэкта понять такъ-то, кнутъ окажется маленькой плеточкой, что за цѣлость блага ручается мудрая заботливость о немъ правительства и проч. Но „Мос. Вѣд." всегда оказывались правыми, кнутъ оказывался кнутомъ, а отъ блага оставалось одно пріятное воспоминаніе, что, впрочемъ, ни на волосъ не измѣняло тактики либеральной прессы. Она упорно продолжала приписывать правительству не существующія, но желательныя съ ея точки зрѣнія свойства, а „Мос. Вѣд." продолжали противопоставлять этимъ фантазіямъ реальное самодержавіе, подчинившее все и вся единой заботѣ о своей собственной „незыблимости".

Но если либералы идеализировали и продолжаютъ идеализировать правительство, то „Моск. Вѣд.", въ свою очередь, идеализируютъ всѣ внѣ-правительственные элементы русскаго общества, изображая ихъ такими, какими они должны бы быть, если бы относились къ интересамъ населенія съ тою же горячностью, съ какою „Мос. Вѣд." относятся къ интересамъ самодержавнаго правительства.

Написанныя съ вдохновеніемъ, такія изображенія того, что должно быть, производятъ ободряющее впечатлѣніе, а иногда, въ формѣ предостереженія правительства противъ козней его идеализированныхъ враговъ, содержатъ также очень полезные для этихъ враговъ совѣты и указанія.

Къ такимъ удачнымъ во многихъ отношеніяхъ произведеніямъ нельзя не причислить статью подъ заглавіемъ: „Caveant consules!", помѣщенную въ „Мос. Вѣд." 5-го и 6-го апрѣля нынѣшняго года. „Во вновь переживаемую нами смутную эпоху, говоритъ авторъ, долгъ каждаго не скрывать волнующія его мысли". Поэтому, „вопреки опасенію возбудить гнѣвъ на себя, а можетъ быть и болѣе" (чьего гнѣва опасается авторъ, остается нерыясненнымъ), онъ пишетъ свою предостерегающую статью, начиная ее тоже съ „урока исторіи", для котораго считаетъ „вполнѣ достаточнымъ вспомнить наши семидесятые годы" и „диктатуру сердца", когда даже чиновники ждали „пресловутаго увѣнчанія зданія". „Новое царствованіе, продолжаетъ авторъ, кореннымъ образомъ измѣнило курсъ русскаго правительства... совершенно разбило конституціонныя бредни и незыблимо утвердило въ Россіи самодержавное начало... Вся дѣятельность проникается вполнѣ неуклоннымъ характеромъ. Учреждается институтъ земскихъ начальниковъ... Въ реформахъ земскаго и городского управленія проводится тотъ же принципъ усиленія власти и начала сословности. Органы печати, наиболѣе смущавшіе воспріимчивыя головы, подвергаются полному воспрещенію, а за остальными устанавливается болѣе бдительный надзоръ". Университеты доводятся до такого состоянія, что „является возможность царствующей Императорской четѣ неоднократно осчастливать ихъ Своимъ посѣщеніемъ... и въ результатѣ благополучіе, спокойствіе... благоденствіе подъ скипетромъ Самодержца".

Авторъ и „вѣритъ и знаетъ", что и теперешній самодержецъ неуклонно держится системы своего родителя, но тѣмъ не менѣе на Руси появились „независящія отъ Верховной власти уклоненія отъ завѣтовъ Царя-Миротворца".

Начинается перечисленіе „уклоненій" и вдругъ оказывается, что, не смотря на всѣ неуклонныя мѣропріятія, „земскія, городскія и иныя общественныя собранія продолжаютъ считать себя не частью правительства, а чѣмъ-то особеннымъ, внѣ его стоящимъ и настроеннымъ враждебно противъ администраціи. Дворянство день ото дня исчезаетъ... Число держащихъ высоко правительственное знамя быстро умаляется передъ количествомъ лицъ, стремящихся къ революціоннымъ принципамъ свободы и равенства". „Большинство нашей періодической печати явно на сторонѣ противуправительственной, нѣсколько органовъ флюгерной системы (удачный эпитетъ!) и лишь самое ограниченное количество консервативнаго направленія". Провинція ненавидитъ администрацію и не желаетъ читать ничего, кромѣ изданій противуправительственнаго направленія. Цензура не помогаетъ. „При строгости цензора газета получаетъ ореолъ мученичества. Вообще въ провинціальныхъ городахъ мѣст-

лучшій адресъ. И вотъ эти мудрецы принялись агитировать среди знакомыхъ имъ гласныхъ въ пользу передачи этого адреса въ коммиссію, что, дѣйствительно, и случилось, хотя, можетъ быть, совсѣмъ не вслѣдствіе стараній нашихъ политическихъ младенцевъ. Во-вторыхъ, коварные либералы совсѣмъ не приняли въ соображеніе, что у купцовъ есть тоже очень тонкіе люди, сами искусившіеся нѣкогда въ составленіи „либеральныхъ", адресовъ, вродѣ новаго городского головы Немировскаго, въ то время еще не получившаго утвержденія. Не будь его, адресъ былъ бы принятъ почти безъ измѣненія даже и въ коммиссіи. Возраженій онъ вызвалъ очень немного. Самое существенное, — со стороны священника Л. Владыкина, было направлено противъ того самаго „промысла Божія", подъ флагомъ котораго либералы надѣялись провести контрабанднымъ путемъ „затрудненія и бѣдствія" послѣднихъ мѣсяцевъ. Но острый взоръ протоіерея (ревностнаго защитника всѣхъ клерикальныхъ поползновеній въ земствѣ и думѣ, но въ то же время сторонника многихъ начинаній, входящихъ въ программу либераловъ) разсмотрѣлъ контрабанду и подъ этимъ, казалось, наиблагонадежнѣйшимъ флагомъ. „Какъ! — воскликнулъ онъ — это въ чемъ же вы видите промыселъ Божій? Въ томъ, что стрѣляли въ Побѣдоносцева и... забросали весь Саратовъ прокламаціями?" Но, проваливъ „промыселъ Божій", Владыкинъ отстаивалъ адресъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ противъ другого проэкта прис. пов. Н. Соколова, славословившаго царя и строго порицавшаго студентовъ*). Другое возраженіе противъ проэкта адреса исходило отъ лидера купеческой партіи, Селиванова и подкапывалось подъ „новую эру". „Это что еще такое, новая эра, новая эра? восклицалъ „хозяинъ" города. Это очень ужъ похоже на новую вѣру какую-то". Но это возраженіе, хотя и исходило изъ очень авторитетнаго источника, вызвало только веселость. Еще нѣсколько второстепенныхъ поправокъ, и проэктъ адреса былъ уже, казалось, у тихой пристани. Какъ вдругъ... пришелъ запоздавшій въ коммиссію Немировскій. Пришелъ и сразу показалъ всѣмъ воочію „конституцію" въ адресѣ, а за конституціей — длинная справка съ исторіей, судьба тверского адреса и Унковскаго, Вятка, мѣста не столь отдаленныя и т. д. и т. д. Тономъ умудреннаго жизнью старца, познавшаго тщету молодыхъ увлеченій, вспоминалъ онъ и исторію того саратовскаго адреса, въ составленіи котораго и самъ нѣкогда (послѣ 1-го марта 1881 г.) игралъ роль хитроумнаго Улисса**). Въ результатѣ всѣхъ этихъ историческихъ справокъ получилось нравоученіе: никогда не слѣдуетъ просить у царя больше, чѣмъ онъ даетъ. Этимъ только спугнешь реформу, которая уже готова была осуществиться, да и самъ-то попадешь, пожалуй, въ Вятку. Русская реформа, какъ и всякая другая дичь, садится только на то озеро, вокругъ котораго не видно охотника; какъ только показался вблизи охотникъ, готовый воспользоваться реформой для расширенія своихъ правъ, реформа снимается и улетаетъ. Послѣднее сравненіе, впрочемъ, не принадлежитъ самому Немировскому, но точно передаетъ его „политическую" или скорѣе „политичную" теорію.

Тщетно старались либералы спасти „конституцію", доказывая, что ея въ проэктѣ адреса совсѣмъ нѣтъ, что фразу „довѣріе... не можетъ отразиться и на другихъ сторонахъ жизни" можно понимать и не въ смыслѣ конституціи, а въ томъ, что молодое поколѣніе, воспитанное въ новыхъ школахъ, внесетъ новый духъ и въ другія сферы жизни. Отлично знающій всѣ „коварства" либераловъ, Немировскій ловитъ ихъ на словахъ и предлагаетъ соотвѣтствующую поправку. Въ результатѣ его „мастерской" работы изъ адреса исчезаетъ всякій „либеральный духъ" и не остается ничего, кромѣ радости, благодарности да безпричинной окрыленности надеждами. Исчезли „молодые и старые, бѣдные и богатые", исчезли „другія стороны жизни" и „всѣ отношенія"... Адресъ заключенъ строго въ рамки школьнаго вопроса. Но и въ этомъ своемъ видѣ онъ все еще не нравится Немировскому. Правда, онъ его подписалъ и, конечно, „не возьметъ своей подписи назадъ" (а жаль!); но на биржѣ среди купцовъ онъ все еще находилъ его слишкомъ либеральнымъ и пророчилъ, что купцы его не подпишутъ. Не смотря на эти внушенія, адресъ былъ подписанъ и отправленъ.

За періодомъ „безсмысленныхъ мечтаній" о распространеніи довѣрія „и на другія стороны жизни" наступила эпоха дѣловой разработки реформы. Открылась она предложеніями гласнаго гр. Нессельроде и докладомъ прис. пов. В. И. Соколова. Этотъ докладъ всѣми считается прекраснымъ и „дѣйствительно содержитъ много справедливыхъ мыслей" (см. „Сар. Дн.", ном. 91). Мнѣ показались характерными вступительныя слова доклада: „Высокомилостивыя, исполненныя довѣрія къ обществу слова рескрипта дали мнѣ смѣлость утверждать, что попеченіе о дѣтяхъ, возлагаемое высочайшею волею на семьи и родителей, обязанныхъ вѣрноподаннически содѣйствовать начинаніямъ Монарха, должно выражаться, между прочимъ, и въ почтительномъ доведеніи до свѣдѣнія высшаго начальства о недостаткахъ нашего учебнаго строя и средствахъ къ ихъ устраненію". Это ужъ какъ будто слишкомъ — выводить обязанности родителей пещись о своихъ дѣтяхъ изъ царской власти. Будьте, господа, холопами, да знайте мѣру! И все это холопство для того, чтобы оправдать свою смѣлость „почтительно доводить до свѣдѣнія высшаго начальства". Гдѣ ужь тутъ набраться смѣлости для требованія конституціи?!

* * *

Чествованіе ветеринарнаго врача Ѳедора Курицына. Въ наше время, среди „современной смуты", характеризующейся полной нравственной безпринципностью, отсутствіемъ твердыхъ моральныхъ нормъ, разграничивающихъ честное отъ безчестнаго, простую услугу и компромисъ отъ прямой подлости и холопства, — даже люди интеллигентные совершаютъ нерѣдко такіе поступки, участвуютъ въ такихъ дѣлахъ, за которыя имъ самимъ потомъ приходится краснѣть и каяться.

Недавно уѣзжалъ изъ Саратова мѣстный земскій ветеринаръ Курицынъ, и его „товариши" устроили ему торжественный прощальный обѣдъ. Въ средѣ этихъ товарищей оказались, между прочимъ, Оболдуевъ, Бердовъ, Романовъ, Виноградовъ и мн. друг.

Напомнимъ читателямъ, что за личность Курицынъ, удостоившійся „обѣда" отъ своихъ почтенныхъ коллегъ.

Вотъ что читаемъ мы въ біографіи Попко, помѣщенной въ ном. 3 „Съ родины на родину": „Курицынъ, тогда еще студентъ, былъ арестованъ по такъ-наз. Елизаветградскому дѣлу. Сидѣлъ онъ въ одесской тюрьмѣ, болтая немного по своему дѣлу, но однако первое время совсѣмъ мерзавцемъ назвать его было нельзя. Но вотъ „хронически" сидѣть надоѣло Курицину, и онъ предложилъ свои услуги жандармскому управленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній онъ не могъ сообщить, но могъ предать своихъ товарищей, что и сдѣлалъ: благодаря ему, повѣсили В. Малинку и Ив. Хробязгина. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его садятъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Курицынъ постарался вывѣдать у него все, что тотъ зналъ, и сообщилъ полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія жандармскому управленію. По дѣлу Чубарова были казнены Лизогубъ, Чубаровъ и Давиденко... Попко, противъ котораго не имѣлось никакихъ уликъ, пошелъ, благодаря Курицыну, на вѣчную каторгу" (см. стр. 177 и 179).

Близкій товарищъ Попко, вмѣстѣ съ нимъ бывшій на Карѣ, заканчивая его біографію, не можетъ снова не вспомнить о предателѣ. „Такіе люди гибнутъ, а мерзавцы, какъ Курицынъ — живы. Живы, злорадствуютъ, торжествуютъ и своею одною преступною жизнью позорятъ и заражаютъ русскую землю... Быть можетъ, кому-нибудь изъ насъ еще суждено увидать далекую родину. Пусть такой счастливецъ вспомнитъ, что убійца Б. Лизогуба, Г. Попко, В. Малинка, И. Храбязгина и многихъ другихъ еще живъ и... да не дрогнетъ его рука. Помните, что трупы страдальцевъ вопіютъ объ отмщеніи".

И вотъ этого-то Курицына чествовали недавно у насъ въ Саратовѣ люди, считающіеся интеллигентными... Что же! Можетъ быть, прошлое Курицына забыто? Но такіе факты, какъ преданіе на смерть своихъ товарищей, какъ сознательное шпіонство, не могутъ, не должны забываться, — они кладутъ клеймо позора на всю жизнь человѣка и дѣлаютъ его презрѣннымъ для всякаго, въ комъ есть хоть капля порядочности и чувства собственнаго достоинства.

Можетъ быть, въ теченіе своей долгой служебной дѣятельности Курицынъ успѣлъ зарекомендовать себя передъ своими коллегами, какъ хорошій врачъ и товарищъ? И этого нѣтъ. Еще никѣмъ не забыты слухи, ходившіе въ городѣ по поводу операцій Курицына съ закупкой лошадей для голодающихъ крестьянъ. Сами же врачи, присутствовавшіе на обѣдѣ, могли бы не мало поразсказать о темныхъ фактахъ изъ дѣятельности Курицына... Сами же они отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ сомнительной честности; по ихъ собственному отзыву, нѣтъ низости, какую бы не могъ совершить Курицынъ: подвести товарища по службѣ, „подставить ножку", наговорить, набросить подозрѣніе въ „политической неблагонадежности" передъ общей администраціей и ближайшимъ земскимъ начальствомъ, — на все это, по ихъ мнѣнію, способенъ Курицынъ!... И послѣ всего этого они устраиваютъ ему торжественные проводы. Мало того. Серьезно обсуждаютъ проэктъ поднесенія ему альбома съ собственными карточками!... Мы отказываемся оцѣнить по достоинству нечистоплотность и распущенность, выказанную саратовскими ветеринарами въ чествованіи человѣка, котораго они не уважаютъ, за которымъ сами не признаютъ элементарной честности и порядочности и на прошломъ котораго лежитъ позорное пятно предательства...

Вильна. Въ субботу 9-го іюня въ Ошмянскій уѣздъ были вытребованы изъ Вильны войска для усмиренія „бунта" крестьянъ. Отправлено два батальона пѣхоты и двѣ сотни казаковъ. Губернаторъ, задержанный въ городѣ министромъ юстиціи, поѣхалъ туда черезъ два дня. Подробности пока неизвѣстны, знаю только, что „бунтъ" охватилъ 32 деревни. Губернаторъ вернулся въ четвергъ 14-го.

Вильна. Приводимъ, съ сохраненіемъ орѳографіи, слѣдующій документикъ:

Его Высокородію, г. Приставу 6-го Стана Виленскаго у.
Домовладѣльца Дворянина Ивана Бонаветуріева Завадскаго, живущаго 6. Стана по Смоленской улицѣ въ соб. домѣ,

Заявленіе.

Ваше Высокородіе, примите въ уваженіе настоящее мое заявленіе, а именно объ извѣстныхъ уже вамъ нападеніяхъ на мой домъ мою семью, и моихъ Подмастерьевъ, съ 1-го сего мая мѣсяца когда Вы изволили подать мнѣ помощъ отъ насильственныхъ Бродягъ Стачниковъ-Соціяловъ, которые не понесли никакого отъ властей наказанія.

То таковые повторились болѣе серьезными, дажѣ едва нѣкоторые изъ подмастерьевъ моихъ, при помощи женщинъ избѣжали отъ смерти, которая могла постигнуть ихъ отъ Бродягъ-Соціяловъ ножами и кинжалами, которые снаряды выданные имъ изъ главнаго Депо ихъ Соціяльнаго Управленія, жертвою могли быть, Викѣнтіи Мѣховичъ, и Станиславъ Блажевичъ, на которыхъ они напали дажѣ въ чужой квартирѣ у Проживающаго въ моемъ домѣ мастера Остроуха, главный вожакъ таковой партіи Соціяловъ, проживающій на Новомъ Строеніи въ домѣ Бараковскаго, Сапожникъ Викѣнтій Остроухъ, у Котораго сказанные Самозванцы Бродяги работаютъ, сказанный Остроухъ напитанный духомъ противъ Правительства и его законныхъ правъ подобравъ Шайку подсудимыхъ, и безпритонныхъ волокитъ-Соціяловъ, нападаетъ на истинно мирныхъ работниковъ, согласно Прокламаціямъ 1-го сего мая, дабы бросали работу, а слились бы за одно, рука за руку, и выступить, противъ Монаршихъ правъ.

Таковое нападеніе повторились сегодня во главѣ Вождя Викѣнтія Остроуха, который присутствовалъ при чуть-ли не исходахъ Викѣнтія Мѣровича и Станислава Блажевича.

Главные виновники, Эдуардъ Остроухъ, Михаилъ Дехтеревъ, Владимиръ Дубовъ, Алѣксандръ Ѳедоровъ и другіе подобранные которыхъ они должны при спросѣ показать.

А потому прошу покорно Вашего Высокородія, такъ какъ первый и прямой Начальникъ, прошу Вашего благосклоннаго совѣта, куда обратиться съ засчитою для мѣня, моего дома такъ равно и моихъ подмастерьевъ кромѣ того по ихъ Соціальныхъ заявленіяхъ, что мнѣ заявителю и моему работнику Бржезинскому неминумая смерть....

„Помилованіе" студентовъ. Когда русскаго обывателя чрезвычайно удручаетъ какое-нибудь „мѣропріятіе" начальства, съ которымъ необходимо бороться, но бороться не хочется, — тогда онъ имѣетъ обыкновеніе утѣшать себя надеждой на какое-нибудь событіе, которое внезапно измѣнитъ настроеніе властей

---

*) Въ концѣ концовъ этотъ второй проэктъ нашелъ только одного защитника въ лицѣ... ждавшаго своего утвержденія Немировскаго, такъ какъ даже авторъ отъ него отказался и нашелъ первый проэктъ лучшимъ.

**) Вотъ наиболѣе характерные отрывки изъ адреса 1881 г., составленнаго Немировскимъ: „Повели же, Великій Государь, твоему народу стать вокругъ твоего трона твердымъ и несокрушимымъ оплотомъ его; призови нынѣ, Государь, вѣрныхъ сыновъ твоей страны къ подножію твоего престола. И вѣрь, Государь, въ безпредѣльной преданности русскаго народа своему царю, въ безграничности любви его къ своему отечеству, въ нравственныхъ и умственныхъ силахъ твоего народа, въ правдивой и свободной рѣчи его ты обрѣтешь ту всеисцѣляющую силу, ту несокрушимую твердыню, о которую въ прахъ разобьются всѣ злодѣйскія начинанія".

ный печатный органъ находится какъ бы въ одномъ лагерѣ съ интеллигенціей противъ общаго ихъ врага — Высшаго Правительства, съ его мѣстными представителями".

Огромное „уклоненіе" оказалось и въ деревняхъ. „Щедрость" правительства въ годы неурожаевъ принесла здѣсь больше вреда, чѣмъ сами неурожаи, внушивъ населенію надежду на „даровое кормленіе". Эти неурожаи даютъ богатый матеріалъ для наполненія газетъ „раздирающими сердце описаніями, переполненными всевозможными вымыслами. Здравый голосъ мѣстныхъ властей (отрицающихъ нужду въ ссудахъ) служитъ основаніемъ внушать населенію, что со стороны долженствующихъ печься о немъ встрѣчается не только равнодушіе, но и злорадство... Лицамъ, мечтающимъ о наступленіи момента, когда народъ не будетъ ходатайствовать о выдачѣ ссудъ, а будетъ требовать хлѣба, народное бѣдствіе, какъ недородъ хлѣбовъ, послужило однимъ изъ средствъ дискредитировать въ его глазахъ правительство".

Уже „послужило", какъ видите. Хорошо бы устами „Мос. Вѣд." да медъ пить.

Но развѣ не полезный совѣтъ всѣмъ тѣмъ, кому дороги интересы крестьянъ, заключается въ послѣднихъ строкахъ? Развѣ не слѣдовало бы разъяснить крестьянамъ дѣйствительное отношеніе къ ихъ бѣдствію „верховнаго правительства и его мѣстныхъ представителей"? Вѣдь для этого достаточно было бы распространять въ голодающихъ мѣстностяхъ тѣ нумера реакціонныхъ газетъ — „Мос. Вѣд." въ особенности, — гдѣ отрицается серьезность бѣдствія, помощь крестьянамъ признается вредной, сами крестьяне обвиняются въ лѣности; гдѣ каждая строчка дышетъ враждой какъ къ крестьянамъ, такъ и къ тѣмъ добрымъ людямъ, которые несутъ имъ во время бѣдствія посильную помощь.

Поскольку правительство уже дискредитировалось въ глазахъ крестьянъ, оно сдѣлало это своими собственными усиліями, урѣзываніемъ ссудъ, закрытіемъ столовыхъ, высылками тѣхъ, кто помогаетъ голодающимъ. Но несомнѣнно, что крестьянъ обязательно познакомить также и съ соотвѣтствующей этой практикѣ теоріей голодовокъ, преподаваемой „Мос. Вѣд." До сихъ поръ этого не было сдѣлано, но пусть не безпокоится почтенная газета, этотъ долгъ, какъ и всѣ другіе, будетъ выполненъ, если не либеральной, то революціонной частью внѣ-правительственнаго лагеря.

Сплоченный лагерь всей интеллигенціи вмѣстѣ съ прессой „противъ ихъ общаго врага — Высшаго правительства съ его мѣстными представителями" тоже принадлежитъ къ области должнаго, но еще не существующаго. Съ другой стороны, въ нарисованной „Мос. Вѣд" отрадной картинѣ отсутствуетъ самая важная отличительная черта „вновь переживаемой нами смутной эпохи". Въ ней нѣтъ упоминанія о ростѣ революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ, о ярко проявившемся антиполицейскомъ, сочувственномъ „преступнымъ манифестаціямъ", настроеніи всего населенія большихъ городскихъ центровъ. Отъ „Мос. Вѣд.", такъ охотно преподносящихъ „уроки", почерпнутые изъ „исторіи", европейскихъ революцій, не могло укрыться громадное, рѣшающее значеніе этого новаго у насъ явленія. Не ихъ вина, если до сихъ поръ онѣ еще не воспѣли его съ свойственной имъ силой. Воспѣть, очевидно, мѣшаютъ циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати.

Одна изъ реакціонныхъ газетъ — „Гражданинъ" или „Мос. Вѣд." — недавно высчитала, что за послѣднія десятилѣтія число враговъ самодержавія выросло въ 99 разъ. Гдѣ ихъ прежде была тысяча, — теперь сотня тысячъ. Прогрессія, конечно, произвольная, но едва-ли преувеличенная. И это ускоренное возрастаніе произошло именно въ ту эпоху, когда, „измѣнивши кореннымъ образомъ свой курсъ", правительство „незыблимо утвердило въ Россіи самодержавное начало", когда вся его дѣятельность была и остается „проникнутой вполнѣ неуклоннымъ характеромъ". Но возрастаніе совершалось и въ уклончивое царствованіе Александра II и при неуклонномъ Николаѣ I. Это возростаніе не можетъ, очевидно, быть остановлено никакимъ правительственнымъ „курсомъ": не тотъ или иной „курсъ", а самое существованіе самодержавія съ каждымъ десятилѣтіемъ становится невыносимымъ все болѣе и болѣе широкимъ слоямъ пробуждающейся Россіи.

Самодержавное правительство находится теперь въ положеніи колдуна въ сказкѣ Гоголя „Страшная месть". Колдунъ узналъ, что конецъ ждетъ его на вершинѣ Карпатскихъ горъ. Онъ садится на коня и ѣдетъ въ противоположную отъ этихъ горъ сторону, долго ѣдетъ и вдругъ, всмотрѣвшись, различаетъ на горизонтѣ очертанія страшныхъ для него горъ. Онъ поворачиваетъ коня и что есть силы скачетъ цѣлую ночь въ противоположную сторону, а на разсвѣтѣ замѣчаетъ, что уже поднялся надъ первыми уступами роковыхъ горъ. Колдунъ мечется, вертится и съ каждымъ скачкомъ коня, въ какую бы сторону онъ ни направилъ его курсъ, оказывается все ближе и ближе къ вершинѣ.

Изъ собственныхъ же статей „Мос. Вѣд." ясно, что не поможетъ никакой „курсъ" и русскому самодержавію. Онѣ правы, утверждая, что всякія „уступки" вызываютъ новыя требованія, но и „неуклонность" по меньшей мѣрѣ не препятствуетъ усиленному накопленію революціонныхъ силъ, неизбѣжно вступающихъ въ борьбу. И если прежде, когда духъ борьбы вѣялъ лишь надъ ручьями и рѣчками сперва дворянской, а потомъ разночинской интеллигенціи еще можно было надѣяться утомить, обезсилить, выловить ея численно ограниченныя силы, то теперь, когда онъ подулъ уже надъ безбрежнымъ моремъ народныхъ массъ, такія „мечтанія" становятся совершенно „безсмысленными". Моря полицейскимъ ковшомъ не вычерпаешь.

Приступая къ освобожденію крестьянъ, Александръ II сказалъ, что лучше начать его сверху, чѣмъ ждать снизу, и несомнѣнно, что для помѣщиковъ это было лучше: имъ не пришлось поплатиться ничѣмъ, кромѣ „правъ" на насилія надъ личностью крестьянина. Можно допустить, что это было „лучше" и для части взрослаго въ то время крестьянскаго поколѣнія. Борьба за „освобожденіе снизу" могла затянуться, могла стоить массы жизней... Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что для слѣдующаго же крестьянскаго поколѣнія было бы неизмѣримо лучше, если бы освобожденіе пришло снизу. Не было бы въ такомъ случаѣ ни отрѣзковъ отъ надѣловъ, ни выкупныхъ платежей, не было бы земскихъ начальниковъ и всего того сверхштатнаго безправія, которымъ пользуется крестьянинъ даже по сравненію съ остальными сословіями безправной Россіи. Надъ сознавшимъ свою силу и доказавшимъ ее крестьянствомъ такъ измываться никто не посмѣлъ бы и думать.

Для полицейской партіи тоже было бы лучше, если бы освобожденіе отъ самодержавія совершилось путемъ „уступокъ". Постепенное устраненіе самыхъ кричащихъ, самыхъ безобразныхъ его проявленій ослабляло бы накопляющуюся ненависть, партія могла бы постепенно стушеваться, не поплатившись за свои грѣхи. Но за то чѣмъ упорнѣе будетъ сопротивляться самодержавіе, чѣмъ продолжительнѣе будетъ борьба, тѣмъ больше накопится ненависти и тѣмъ полнѣе смететъ эта ненависть все связанное со старымъ порядкомъ. Больше будетъ отвоевано у будущаго, полнѣе осуществится демократія, съ большимъ сознаніемъ своей силы вступитъ въ новый политическій строй трудящееся населеніе Россіи, легче будутъ дальнѣйшія задачи соціал-демократіи.

Но если для распоряжающейся царемъ бюрократическо-полицейской партіи существуетъ два пути къ разлукѣ съ самодержавіемъ, то для насъ, для враговъ самодержавія, нѣтъ и быть не можетъ иного пути, кромѣ неуклонной борьбы; однимъ же изъ необходимѣйшихъ средствъ борьбы является политическая агитація. А кто лучше „Мос. Вѣд." умѣетъ показать злостную подкладку каждаго правительственнаго мѣропріятія? Кто лучше ихъ умѣетъ оголять самодержавіе отъ всѣхъ покрововъ, срывать всѣ фиговые листки, налѣпляемые на него либеральной и полулиберальной прессой, и выставлять на позорище всю циничную наготу его „принципа"? Ихъ статьи о голодѣ могутъ въ то же время служить незамѣнимымъ пособіемъ для политической агитаціи среди крестьянъ. Не можемъ поэтому не пожелать „Мос. Вѣд." побольше читателей изъ всѣхъ слоевъ внѣ-правительственной Россіи. Но для этого необходимо, чтобы почтенную газету почаще посѣщало вдохновеніе. Въ спокойные промежутки она нестерпимо скучна и читать ее нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но о мотивахъ для вдохновенія въ „переживаемую нами смутную эпоху" будетъ заботиться сама жизнь.

За послѣдніе годы такимъ экстреннымъ событіемъ, отъ котораго чаютъ всякаго рода милостей, стало приращеніе царскаго семейства. Вотъ ужо родится наслѣдникъ, и царь „манифестъ“ объявитъ, утѣшаетъ себя обыватель. И — удивительное дѣло — всякій разъ, какъ обывателю нужно искать утѣшенія въ бѣдѣ, царица оказывается на высотѣ положенія, на пути къ „разрѣшенію“. Но какъ только дѣло доходитъ до „разрѣшенія“, обыватель оказывается разочарованнымъ: вмѣсто наслѣдника, онъ получаетъ новую княжну, и осуществленіе его пламенныхъ надеждъ откладывается до слѣдующаго раза. И съ горечью читаетъ онъ слова: „Таковое Нашего Императорскаго дома приращеніе пріемля новою милостью на Насъ и народъ Нашъ изливаемой“...

Послѣ того, какъ ген. Ванновскій сталъ водворять „сердечное попеченіе“, обыватель почувствовалъ необходимость успокоиться отъ волненій бурныхъ мѣсяцевъ и съ упованіемъ смотрѣть въ очи начальства. Но для того, чтобы успокоиться, нужно было освободиться отъ мучительнаго кошмара — отъ картины сотенъ юношей, изнывающихъ въ казармахъ. Убѣдившись, что „министръ сердечнаго попеченія“ не спѣшитъ освободить ихъ отъ солдатской лямки, обыватель рѣшилъ терпѣливо ждать „разрѣшенія“. „Царица-то, говорятъ, опять... видно, будетъ манифестъ. Надо терпѣливо ждать!“ Не знаемъ, увѣровали-ли студенты въ обывательскія упованія, но только и они рѣшили „годить“ со своимъ требованіемъ, и въ ожиданіи возвращенія изгнанныхъ товарищей возобновили свои занятія. Порядокъ былъ водворенъ.

Но вотъ и желанное событіе: наслѣдника, правда, не оказалось, но за то мы обогатились великой княжной. И на этотъ разъ, противъ обыкновенія, появился таки „манифестъ“. Но что далъ этотъ манифестъ студентамъ? Юноши, которые по семейному положенію или тѣлеснымъ недостаткамъ не подлежали зачисленію въ войска, отъ службы освобождены, прочіе возстановлены въ своихъ правахъ по отбыванію воинской повинности, т. е. всѣ будутъ одинаково служить два года, независимо отъ срока наказанія, наложеннаго на нихъ согласно „временнымъ правиламъ“. Однако, одно существенное право они потеряли: право служить только по окончаніи курса наукъ. Да, но это право они потеряли потому, что исключены изъ университета. Такъ! именно такъ! Царская „милость“ подтверждаетъ исключеніе двухъсотъ студентовъ за участіе въ тѣхъ волненіяхъ, которыя, по признанію самого правительства, были слѣдствіемъ ненормальнаго состоянія учебнаго строя. Итакъ, „милость“ не зашла такъ далеко, чтобы удовлетворить требованіе, которое студенты поставили условіемъ возвращенія своего къ занятіямъ; требованіе, чтобы всѣ удаленные товарищи были возвращены въ университетъ. Что же скажутъ тѣ либеральные Балалайкины, которые послѣ извѣстнаго рескрипта Ванновскому лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы убѣдить студентовъ сейчасъ же прекратить забастовку, такъ какъ-де къ осени всѣ ихъ изгнанные товарищи будутъ возвращены?

Ну чтожъ! Можетъ быть, студенты порѣшатъ ждать новаго „Нашего Императорскаго дома приращенія“, которое принесетъ новыя „милости“? А пока жертвы Боголѣпова будутъ продолжать маршировать „на законномъ основаніи“, а „временныя правила“ останутся въ силѣ, какъ естественное дополненіе къ „сердечному попеченію“.

Кострома. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, опасаясь празднованія 1-го мая, костромской жандармскій начальникъ, полковникъ Кемпе, переведенный сюда изъ Ревеля, гдѣ онъ разыскивалъ „соціализмъ“ въ женской гимназіи, водя на допросы гимназистокъ приготовительнаго класса, рѣшилъ, что называется, „съ корнемъ вырвать крамолу“ въ Костромѣ. На этотъ разъ онъ не отважился уже искать „вредный духъ“ по ревельскому примѣру среди гимназистокъ, а задумалъ попытать счастья въ иной средѣ, — именно, среди рабочихъ и служащихъ въ земствѣ. И вотъ въ Костромѣ начался рядъ обысковъ и арестовъ, было взято около 30 чел. Но и тутъ не повезло бѣдному Кемпе. Почти всѣ арестованные оказались людьми къ революціонной дѣятельности непричастными, никого и ничего не знающими; такъ напр., одинъ мелкій чиновникъ, ничѣмъ, кромѣ пьянства, не занимавшійся и отроду не видавшій ни одной нелегальной книжки, былъ взятъ и продержанъ около мѣсяца въ тюрьмѣ только за то, что жандармскіе унтера видали часто его пьянствующимъ съ рабочими, съ которыми ему, такъ какъ онъ жилъ въ фабричномъ районѣ города, понятно, приходилось часто сталкиваться въ трактирахъ. Затѣмъ, разсчитывая, повидимому, застать въ одномъ мѣстѣ майское собраніе, жандармы нашли лишь сидящую за водкой пьяную компанію, которую и арестовали, хотя и принуждены были черезъ два часа всѣхъ выпустить, кромѣ хозяина квартиры, котораго почему-то до сихъ поръ держатъ въ тюрьмѣ.

Увидавъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, Кемпе ужасно переконфузился; на допросахъ онъ ужасно путается, видимо, самъ не знаетъ, что спрашивать, благодаря чему произошло не мало курьезныхъ инцидентовъ. Однако, было не мало и печальнаго. Такъ, продержавъ одного ни въ чемъ неповиннаго человѣка въ тюрьмѣ три недѣли, Кемпе, воспользовавшись его незнаніемъ правилъ для сидящихъ въ предварительномъ заключеніи, запретилъ ему давать что-либо, кромѣ библіи; затѣмъ, вообразивъ, что въ городѣ существуетъ общество, оказывающее помощь политическимъ заключеннымъ, онъ запретилъ передачу съѣстного и денегъ въ тюрьму, если они идутъ не отъ родственниковъ арестованныхъ; наконецъ, ворвавшись ночью, чтобы арестовать одного тоже ни къ чему непричастнаго человѣка, жандармы сильно напугали его беременную жену, такъ что съ нею произошли преждевременные роды; самъ этотъ господинъ все еще въ тюрьмѣ, благодаря чему потерялъ мѣсто. При обыскахъ Кемпе обнаруживаетъ полное невѣжество; такъ напр., онъ забралъ въ одномъ мѣстѣ „Фабрику“ Дементьева, принявъ ее за нелегальную, потому что на ней не стояло „дозволено цензурой“.

Въ Костромѣ только и разговоровъ, что объ арестахъ, причемъ „глупость Кемпе“ сдѣлалась злобой дня. Но своимъ усердіемъ не по разуму дуракъ-жандармъ оказалъ костромскимъ соціалдемократамъ услугу: арестовавъ и привлекши къ допросамъ многихъ рабочихъ, онъ тѣмъ самымъ заставилъ заинтересоваться массу рабочихъ вопросами: „за что это людей берутъ?“, „что это за первое мая?“ и т. п., чѣмъ значительно облегчилъ пропаганду. Вообще, послѣ погрома, какъ среди рабочихъ, такъ и среди другихъ слоевъ населенія значительно увеличился интересъ къ нелегальной литературѣ.

Особенное подозрѣніе Кемпе навлекли на себя почему-то земскіе статистики, такъ что только семи изъ нихъ разрѣшено ѣхать на изслѣдованіе въ уѣздъ. Въ число неблагонадежныхъ, которые лишены этого права, попалъ даже самъ завѣдующій статистикой.

Носятся слухи, что много народа взято также въ Кинешемскомъ и Нерехотскомъ уѣздѣ.

Вотъ списокъ взятыхъ въ Костромѣ: Егоръ Ивановъ, служащій въ книжномъ складѣ губ. земства, бывшій рабочій; братья Прянишниковы, статистикъ и конторщикъ; Скрыпкинъ, садовникъ; Алексѣевъ, чиновникъ губернскаго правленія; Загайный, статистикъ; Горскій и Кутуковъ, высланные московскіе студенты; Медіакритскій, высланный харьковскій студентъ; Грейбертъ Глѣбъ; Ляпкинъ и Ѳеодоровскій Владиміръ, ученики слесарно-техническаго училища; Соколовъ Сергѣй, слесарь въ томъ же училищѣ; Буяновъ Василій, хозяинъ мастерской, былъ раньше рабочимъ въ Петербургѣ; Плугинъ и Луковъ, портные (оба во второй разъ); Риттеръ, наборщикъ; Колѣнцевъ, садовникъ; рабочіе: Смирновъ, Алексѣевъ, Кирсановъ, Фроловъ, сестры Семеновы и еще нѣсколько рабочихъ, фамиліи которыхъ не выяснены.

По старому дѣлу (1900 г.) вышли приговоры: статистику Третьякову два года Астраханской губ., рабочему Плугину два года Вятской губ., рабочимъ Лукову и Лаврову одинъ годъ надзора, рабочему Румянцеву два мѣс. тюрьмы и годъ надзора, рабочему Бѣлову три мѣсяца тюрьмы и надзоръ, рабочему Анучину два мѣсяца тюрьмы и надзоръ. Всѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ, сидѣли въ предварительномъ заключеніи отъ 2 до 4 мѣс.

Война соціалдемократамъ! Намъ доставлена копія воззванія, распространяемаго за подписью „истинно русскаго патріота, любящаго своего Императора и отечество, ненавидящаго соціалдемократовъ, заводскаго рабочаго крестьянина Степ. Демид. Зенченко“. Приводимъ текстъ этого любопытнаго издѣлія.

Января 3-го дня 1901 г., Петроградъ.
Шлиссельбургскій проспектъ, село Смоленское, домъ ном. 75., кв. 35.

Господа Русскія Соціальдемократы! Читая Ваши листки „подпольныя“ и газеты прямо приходишь въ недоуменіе.

Ведь это прямо вымыселъ! — напр. въ ном. 3 рабочаго листка ноябр. 1900 года въ 29 строки отъ верха приведены слова Императора. Чтоже Вы хотите насъ увѣрить, что Императоръ сказалъ это? О, нетъ! неверимъ. Нашъ Императоръ любящій свой верный народъ разве скажетъ это!? Никогда! Небуду говорить о суде надъ Максвельцами, также объ случае на невскомъ заводѣ съ рабочимъ описаннымъ въ ном. 9 газеты „рабочая мысль“ за 1900 годъ сентябрь месяцъ. Но скажу одно: Бросте Ваши мечты при помощи рабочихъ поднять красное знамя? Все это напрасно! Вы думаете, что это рабочіи подъ вліяніемъ Вашихъ печатныхъ произведеній дѣлаютъ стачки? Нѣтъ! Хотя и придется рабочему стачку сдѣлать, то онъ ее дѣлаетъ просто изъза иногда недоразумѣнія между хозяиномъ и рабочими въ экономическомъ отношеніи, но ничуть въ Политическомъ какъ вамъ снится!!!

А хотя и удается Вамъ на свою сторону привлечь несколько рабочихъ, такъ, это и то благодаря ихъ не просвѣщенію! Но насъ сотни тысячъ рабочихъ которыя верны своимъ традиціямъ и ни подъ какимъ видомъ не возмутся за красный „штандаръ“ ведь Вы все поляки и евреи? Неправдали?

а! Слюнявыя либералы? Вамъ политическихъ и гражданскихъ правъ!? бросьте!... Вы думаете, что дорого Вамъ стоющія подпольныя произведенія Вамъ приносятъ пользу! наверняка ли каждый прочтетъ и сознаетъ — брехня! Вы только насъ губите... отставте ради Бога?... Я не шпіонъ а просто рабочій заводскій. Я дѣйствую самостоятельно противъ Васъ и имею тысячи послѣдователей. У насъ скоро организуется такои комитетъ изъ рабочихъ который будетъ вести борьбу противъ соціальдемократовъ словомъ и по средствомъ печатныхъ брошюръ дозвол. цензурою.

Истинно русскій патріотъ Любящій своего Императора и отечество, ненавидящій Соц.-демокр. заводскій рабочій крестьянинъ

Степанъ Демидовичъ Зенченко.

P. S. Письма, возраженія и проч. можете адресовать по выше указанному адресу. Нестесняйтесь, и живущ. въ Петербургѣ, донесено не будетъ, писать можно на всѣхъ яз. исключ. китайскаго.

Воззваніе сіе помѣчено 3-мъ января. Черезъ четыре мѣсяца послѣ его возникновенія на томъ самомъ Шлиссельбургскомъ проспектѣ, гдѣ обитаетъ г Зенченко, „малое недоразумѣніе въ экономическомъ отношеніи“ у рабочихъ Обуховскаго завода привело къ дикому нападенію царскихъ башибузуковъ, сопровождавшемуся кровопролитіемъ. Какъ объяснитъ г. Зенченко это „недоразумѣніе“?

Но кто же такой этотъ г. Зенченко, столь торжественнно объявившій войну соціалдемократамъ и обѣщающій организовать цѣлый рабочій „комитетъ“ для борьбы съ крамолой? Онъ увѣряетъ насъ, что онъ не шпіонъ и дѣйствуетъ самостоятельно, имѣя тысячи послѣдователей. Очень можетъ быть, что онъ и впрямь не шпіонъ, но плохо уже и то, чтоему приходится начинать свою политическую дѣятельность съ увѣренія въ своей „самостоятельности“... отъ Охраннаго отдѣленія.

Какъ бы то ни было, а война объявлена. О брошюрахъ фирмы „истинно-русскій патріотъ и компанія“ мы пока не слышали, но зато прочли въ газетахъ о привѣтствіи, посланномъ г. Зенченко раненому (нынѣ умершему) Боголѣпову. Г. Зенченко писалъ: „Глубоко пораженные горестной вѣстью о преступномъ покушеніи на жизнь вашего высокопревосходительства, заводскіе рабочіе Петербурга — Невской пригородной мѣстности возсылаютъ молитвы о скорѣйшемъ исцѣленіи вашемъ. Да подастъ вамъ Господь многія лѣта продолжать вашу просвѣтительную дѣятельность на благо Россіи“.

Молитвы г. Зенченко не были приняты во вниманіе небомъ, можетъ быть, потому, что онѣ лживо представлены отъ имени „заводскихъ рабочихъ“ цѣлаго района. Мы, напротивъ, знаемъ, что рабочіе въ Петербургѣ вообще и на Шлиссельбургскомъ трактѣ въ частности очень сочувствовали Карповичу и являлись 11-го марта на Невскій съ цѣлью демонстрировать тоже, вѣроятно, не въ пользу гг. Боголѣповыхъ. Нехорошо, нехорошо, г. Зенченко, начинать свою политическую карьеру съ подлога и всуе призывать имя петербургскаго пролетаріата!

Г. Зенченко божится, что онъ не шпіонъ. Однако, для шпіона Зубатова такой „истинно-русскій патріотъ“ чистая находка. Обращаемъ, поэтому, вниманіе петербургскихъ товарищей на новаго рыцаря борьбы съ соціалдемократіей*). Адресъ его, обязательно сообщенный въ воззваніи: Шлиссельбургскій просп., село Смоленское домъ, ном. 75, кв. 35.

Цензурныя безобразія. Прибѣгая все чаще къ закрытію непріятныхъ ему органовъ печати упрощеннымъ порядкомъ безъ послѣдовательныхъ „предостереженій“, наше правительство можетъ спокойно отказаться отъ воздѣйствія на печать обычнымъ способомъ. Изданный на дняхъ законъ о давности для предостереженій представляетъ кость, брошенную литературѣ послѣ того, какъ ее отдали въ полное распоряженіе четырехъ министровъ. Отнынѣ, если послѣ одного или двухъ предостереженій газета просуществовала извѣстный срокъ (одинъ годъ или два) безъ новыхъ „воздѣйствій“, предостереженія съ нея снимаются. Но разъ узаконенъ способъ закрытія газетъ безъ всякихъ предостереженій, какое можетъ имѣть значеніе эта „милость“? А между тѣмъ „либеральные“ лакеи „Новостей“, „Бирж. Вѣд.“ и имъ подобныхъ газетъ радостно взвыли по поводу этихъ „облегченій“. Этотъ вой былъ тѣмъ противнѣе, что онъ раздался надъ трупомъ только-что погубленной „Жизни“, судьба которой должна бы служить предостереженіемъ для освобожденныхъ отъ „предостереженій“ газетъ.

Въ лицѣ „Жизни“ прекращенъ подцензурный журналъ, въ которомъ ни одна строка не появлялась безъ просмотра со стороны цензурнаго вѣдомства. И всетаки оказалось необходимымъ его запретить, при чемъ поводъ для закрытія былъ необыкновенный: не та или другая статья повела къ карѣ, а фактъ ареста многихъ сотрудниковъ этого журнала въ апрѣлѣ этого года.

Однако, если мы вдумаемся въ причины самого ареста сотрудниковъ „Жизни“, то не сможемъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что онъ въ значительной степени обусловленъ самымъ направленіемъ журнала. Особая строгость, проявленная къ сотрудникамъ „Жизни“, какъ еще раньше къ гг. Струве и Туганъ-Барановскому, объясняется не фактомъ ихъ участія въ послѣднихъ событіяхъ, но тѣмъ особеннымъ значеніемъ, которое наше правительство стало въ послѣдніе годы придавать марксистскому направленію. Значеніе пріобрѣтенное въ нашей общественной жизни рабочимъ движеніемъ и соціалдемократіей, отразилось на отношеніи правительства къ марксистской литературѣ, какъ бы блѣдна она ни была. Всѣ изданія, которыя за послѣдніе четыре года были закрыты въ необычномъ порядкѣ („Новое Слово“, „Начало“, „Сѣверный Курьеръ“, „Жизнь“) въ той или иной степени были прикосновенны къ марксизму, а слѣд., отвѣчали передъ правительствомъ за успѣхи соціалдемократическаго рабочаго движенія.

Съ одной стороны, сотрудники „Жизни“ подвергаются арестамъ и высылкамъ потому, что они причастны къ марксизму; съ другой стороны, журналъ закрытъ не за „вредное направленіе“, но по случаю ареста сотрудниковъ Удивительная логика! Но какое дѣло до логики правительству, увѣренному, что убійство печатнаго органа сойдетъ ему даромъ, не вызвавъ протеста въ равнодушной публикѣ.

Какъ бы то ни было, а въ легальной литературѣ заткнута послѣдняя щель, черезъ которую идеи соціалдемократіи могли — хотя бы и въ обезцвѣченномъ видѣ — выходить на свѣтъ божій. Тѣмъ болѣе важное значеніе пріобрѣтаетъ нелегальная соціалистическая печать.

„Новый курсъ“. Только-что получено извѣстіе о новомъ проявленіи зубатовской политики. На дняхъ въ Минскѣ среди прикащиковъ было распространено воззваніе, направленное противъ господствующаго среди нихъ обычая воровать товаръ изъ магазиновъ и указывающее, что это несовмѣстимо съ сознательною борьбою противъ хозяйской эксплуатаціи. Тогда, черезъ два-три дня въ городѣ было расклеено подписанное мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ Васильевымъ воззваніе къ прикащикамъ, въ которомъ онъ высказываетъ сочувствіе къ такого рода дѣятельности болѣе развитыхъ изъ ихъ среды, но выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что они дѣлаютъ это нелегально, рискуя подвергнуться преслѣдованіямъ и проч., тогда какъ стоитъ имъ обратиться къ нему, и онъ съ удовольствіемъ предоставитъ имъ губернскую типографію... Въ заключеніе Васильевъ приглашаетъ всѣхъ прикащиковъ на собраніе, имѣющее состояться въ субботу 16-го подъ его предсѣдательствомъ. На собраніе (кажется, въ думѣ) пришло до 500 прикащиковъ и десятокъ-другой хозяевъ. Кромѣ Васильева, присутствовалъ губернаторъ и полицеймейстеръ. Васильевъ открылъ собраніе весьма теплой рѣчью, въ которой доказывалъ, что правительство весьма благосклонно относится къ попыткамъ массъ улучшить условія своего существованія, но напрасно непримиримо настроенные элементы придаютъ этимъ попыткамъ политическую окраску. Онъ неизмѣнно будетъ содѣйствовать всѣмъ попыткамъ прикащиковъ улучшить свою жизнь и на первый разъ предлагаетъ имъ выбрать коммиссію для обсужденія ихъ насущнѣйшихъ нуждъ. Выбрана коммиссія изъ 15 прикащиковъ и 10 хозяевъ. Въ отвѣтъ на заявленіе Васильева раздались сочувственныя рѣчи, вполнѣ подчеркивающія его точку зрѣнія. Раздались также голоса, требующіе изданія закона о закрытіи магазиновъ не позже 9 час. веч., но коммиссія тутъ же высказалась противъ, рекомендуя обратиться къ хозяевамъ съ коллективной просьбой объ этомъ.

Васильевъ любезно предоставилъ свою квартиру для засѣданій коммиссіи. Первое засѣданіе, подъ его предсѣдательствомъ, состоялось въ воскресенье.

Тактика Васильева встрѣтила въ мелкобуржуазно настроенной массѣ прикащиковъ полное сочувствіе и признаніе. Агитаторы, только недавно начавшіе оказывать на нее вліяніе, совершенно оставлены, отношеніе къ нимъ рѣзко враждебное.

„Сердечное попеченіе“ понимается директоромъ первой Виленской гимназіи вполнѣ согласно съ духомъ нашихъ порядковъ. Передъ самымъ окончаніемъ экзаменовъ къ директору былъ вызванъ ученикъ-еврей, долженствовавшій получить золотую медаль. При весьма парадной обстановкѣ директоръ обратился къ гимназисту съ указаніемъ на то, что ему извѣстно его участіе въ кружкахъ и т. п., что онъ имѣетъ основанія предполагать и худшее и что, поэтому, онъ предлагаетъ ему на выборъ: или дать слово, что онъ никогда не будетъ принимать участія въ студенческомъ движеніи и вообще въ революціонныхъ дѣлахъ, или же лишиться золотой медали (что въ настоящее время лишаетъ еврея возможности поступить въ университетъ). Юнецъ далъ слово.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. Приводимъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о рабочихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ теченіе мая и іюня.

На Выборгской сторонѣ началось на ткацкой фабрикѣ Чешера. Была рѣшена забастовка. Причина недовольства: дурная питьевая вода, отсутствіе какой бы то ни было вентиляціи, отсутствіе какого-то инструмента для перерѣзыванія нитокъ при работѣ: приходилось перекусывать нитку зубами, что причиняло сильныя порѣзы губъ и щекъ; выставлено было, между прочимъ, требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Вторая смѣна рабочихъ (исключительно мужчины) осталась по окончанія работы ночевать на фабрикѣ съ цѣлью не допустить первую смѣну къ работѣ. утромъ. Это было исполнено, и вся толпа двинулась къ другимъ сосѣднимъ фабрикамъ, приглашая ихъ присоединиться, при чемъ иногда пускали въ ходъ камни, побуждая оставить работу. Примкнуло нѣсколько фабрикъ: Воронинская мануфактура, Сампсоніевская, заводъ Лесснера и друг. Была вызвана полиція, казаки, войска. Началась драка между противными сторонами. Два переулка были забаррикадированы. Полиція и солдаты провозились нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ ворвались туда. Рабочіе, живущіе въ домѣ ном. 9 по Форбесову переулку, выдержали правильную осаду и долго отбивались, швыряя изъ оконъ въ осаждавшихъ камнями и т. п. Когда солдаты и полиція ворвались въ домъ, произошли обычныя сцены. Схватывали, волокли и сбрасывали съ лѣстницъ, внизу подхватывала полиція, била и присоединяла къ оцѣпленной арестованной уже толпѣ. Ружейныхъ залповъ не было, били кулаками, ногами, холоднымъ оружіемъ. Солдаты оказывали дѣятельную помощь полиціи. Масса раненыхъ. Число убитыхъ неизвѣстно; въ свалкѣ зарублено двое ребятъ. Главный фабричный инспекторъ Лебедевъ, по сути своей подлецъ и жандармъ, не былъ допущенъ къ переговорамъ съ толпой; полиція рѣзко заявила ему, что теперь здѣсь ея дѣло, а не его. Лебедевъ обиженъ и жаловался Ковалевскому въ департаментѣ. На другой день были вывѣшены подписанныя Клейгельсомъ приглашенія приняться съ 12 час. за работу, съ предупрежденіемъ въ противномъ случаѣ объ увольненіи. Текстъ вездѣ одинаковый. 7-го мая было уже все тихо, хотя работа не начиналась. Аресты шли усиленные среди рабочихъ. Послѣ седьмого встали на работу.

Обуховскій заводъ. Перваго мая часть рабочихъ какой-то изъ мастерскихъ не явилась на работу, за что и была уволена вовсе съ завода исправляющимъ обязанности управляющаго полковникомъ Ивановымъ (управляющій Власьевъ былъ съ перваго мая въ отпуску). Товарищи уволенныхъ заявили, что они уйдутъ тоже, если не будетъ отмѣнено это распоряженіе. Ивановъ отвѣтилъ, что они могутъ уходить, онъ-де найдетъ рабочихъ сколько угодно. Тогда поднялись остальныя мастерскія съ тѣмъ же требованіемъ. Ивановъ не уступалъ, и всѣ рѣшили забастовать. Дали сами гудокъ о прекращеніи работы и высыпали толпами на улицу. Къ шести часамъ вечера къ забастовщикамъ присоединились рабочіе Александровскаго сталелитейнаго завода (Берта). Держали себя тихо и, можетъ быть, такъ бы и обошлось, если бы Ивановъ, угрожая и ругаясь площадными словами, не потребовалъ по телефону войска и всю свору казаковъ и жандармовъ. Толпа заволновалась и, разобравъ мостовую, вооружилась камнями и чѣмъ попало, приготовляясь къ отпору. Возбужденіе росло и при видѣ полиціи перешло въ дѣйствіе: полетѣли камни и началась свалка; полиція пустила въ ходъ шашки.

Подростки помогали рабочимъ, подавая камни; масса ребятъ арестована по этому случаю. Полагаютъ, что ихъ выпорютъ въ участкахъ и отпустятъ. Сперва пришли батальоны, квартировавшіе въ районѣ Обуховскаго завода; всѣ они большею частью перероднились и перекумились съ мѣстнымъ населеніемъ. Затѣмъ пришли войска изъ города, драка не прекращалась... Было сдѣлано три залпа безъ предупрежденія разойтись. Много раненыхъ, есть и убитые. Сколько, точно не знаю. Вызвали Власьева, случайно бывшаго, кажется, въ Петергофѣ. Онъ пріѣхалъ. Рабочіе отнеслись къ нему хорошо и кричали: Вами, Ваше Превосходительство, мы очень довольны, уберите отъ насъ только подлеца Иванова. (Квартира Власьева смежная съ квартирой Иванова, въ квартирѣ Иванова не осталось не разбитымъ ни одного

---

*) Еще до своего выступленія съ „политическимъ“ привѣтствіемъ г. Зенченко жаловался въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ на то, что одно его появленіе въ приличной одеждѣ вызвало среди рабочихъ подозрѣніе, не „агентъ“-ли онъ. Какъ, однако, печально, что на челѣ „истинно-русскаго патріота“ явственно видна Каинова печать!

стекла, тогда какъ у Власьева нѣтъ даже трещины ни въ одномъ окнѣ). Васильевъ просилъ успокоиться: 1) немедленно приняться за работу, 2) выбрать депутатовъ отъ каждой мастерской, 3) поручился за безопасность выбранныхъ депутатовъ, 4) потребовалъ, чтобы лица посторонния немедленно оставили заводъ, въ противномъ случаѣ они будутъ выданы полиціи, 5) о требованіяхъ доложитъ въ министерство и о результатахъ объявитъ всѣмъ, 6) депутаты должны быть выбраны къ субботѣ, а въ пятницу приступить къ работѣ. Рабочіе согласились. Въ субботу явились депутаты и представили требованія въ 14 пунктовъ. Всѣхъ пунктовъ не помню, но вотъ главные: 1) восьмичасовый рабочій день, 2) удаленіе Иванова и нѣсколькихъ другихъ мастеровъ, 3) вѣжливое обращеніе мастеровъ съ рабочими, 4) правильная расцѣнка, 5) уменьшеніе штрафовъ, 6) отчетъ въ штрафномъ капиталѣ, 7) возвращеніе всѣхъ уволенныхъ за это время Ивановымъ. Власьевъ прибавилъ еще 15-й пунктъ: страхованіе рабочихъ.

Одинъ петербургскій городовой такъ разсказываетъ объ Обуховской бойнѣ: Началось съ того, что стачечники стали бить рабочихъ, не бросившихъ работу. Когда же появилась полиція, то тѣ и другіе соединились и бросились на нее. На протяженіе почти полуверсты была разобрана мостовая, и камни тучей летѣли въ полицію. Вызванные солдаты сдѣлали 8 залповъ (40 чел., слѣд., 320 выстрѣловъ), убитыхъ 3, тяжело раненыхъ 8. Такое сравнительно небольшое число раненыхъ и убитыхъ, не смотря на то, что толпа тѣснымъ кольцомъ окружала солдатъ и была отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, городовой объясняетъ тѣмъ, что большинство солдатъ стрѣляло нарочно выше головъ или въ бокъ, въ стѣны завода. „Надо креста на шеѣ не имѣть, чтобы стрѣлять въ своего брата. Только скоты какъ слѣдуетъ стрѣляли“ — подлинныя слова городового*). Другой корреспондентъ также разсказываетъ о томъ, какъ въ дер. Волынкиной (за Нарвской заставой) рабочіе, учинившіе между собою драку, соединились, какъ только появилась полиція, и бросились на нее. Говорятъ, при этомъ убито двое городовыхъ.

Семянниковскій заводъ. Тамъ было такъ: Перваго мая рабочіе явились къ управляющему съ просьбой, чтобы не было въ этотъ день вовсе работъ. Управляющій отвѣтилъ, что не можетъ запретить праздновать желающимъ, но что гудокъ на работу будетъ въ обычное время. По гудку на работу явилось изъ 5000 лишь 1500, послѣ 12 час. къ нимъ прибавилось еще 300, и больше ничего. Все обошлось мирно и даже не было, говорятъ, штрафовъ не работавшимъ перваго мая. Черезъ нѣсколько дней произошла забастовка; рабочимъ было предложено высказать требованія черезъ выборныхъ депутатовъ. Въ числѣ требованій были: 1) восьмичасовый рабочій день, 2) отмѣна обысковъ при приходѣ и уходѣ съ работы, ибо это оскорбительно. На разсмотрѣніе этихъ требованій начальство заводское просило двухнедѣльный срокъ. За работу принялись. Въ пятницу передъ Троицей остановились Паль, Семянниковскій опять, Чугунный заводъ. Общее требованіе: работа по субботамъ до двухъ часовъ и плата за весь день. На фабрикѣ Гука была забастовка съ требованіемъ повышенія расцѣнокъ. Рабочіе выбили стекла. Вызваны усиленные наряды полиціи, масса жандармовъ, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочіе держали себя спокойно, столкновеній пока не было, но наблюдается очень грустное явленіе: драки между рабочими, желающими работать и не желающими сейчасъ приступить къ ней. Другое грустное явленіе: поднимаются группами, въ лучшемъ случаѣ цѣлой фабрикой, о массовой забастовкѣ нѣтъ и помину, и полиціи легко подавлять въ одиночку вспыхивающіе протесты. Полное отсутствіе интеллигенціи и страшная нужда въ ея руководительствѣ и совѣтѣ. Интеллигентовъ ищутъ, но кто засаженъ, кто имѣетъ хвостъ.

На Путиловскомъ заводѣ пока спокойно, администрація заблаговременно просила полицію принять „мѣры пресѣченія“, что и было сдѣлано. — Была стачка на Николаевскомъ вокзалѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочіе требовали возобновленія уничтоженныхъ сверхурочныхъ работъ (!), такъ какъ ихъ обычный заработокъ не достаточенъ для пропитанія (50 коп. въ день). Обѣщаніе удовлетворить (еще бы!) такое скромное требованіе прекратило стачку.

30-го мая начались волненія на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ. Рабочіе забастовали, требуя восьмичасоваго рабочаго дня и, по слухамъ, прекращенія сдачи заказовъ морского министерства иностраннымъ верфямъ. Балтійцы двинулись къ сосѣднимъ заводамъ, изъ которыхъ гвоздильный и фабрика Паллизена примкнули къ нимъ и пошли на островъ въ городъ. У Николаевскаго моста произошла довольно жестокая свалка съ полиціей, рабочіе были отбиты. Къ стачкѣ послѣ примкнула часть рабочихъ франко-русскаго завода.

Говорятъ, что Клейгельсъ хотѣлъ выслать всѣхъ забастовщиковъ, но этому воспротивились заводская администрація и морское министерство. Опять замѣчается грустное явленіе: расколъ между рабочими и драки по этому поводу.

Саратовъ. Недѣли двѣ тому назадъ у насъ появилась „Рабочая Газета“. Вышло уже два номера**). Вся до послѣдней строки писана рабочими и вообще пока еще интеллигенція не принимала въ ея изданіи никакого участія. Любопытна тѣмъ, что съ перваго же номера говоритъ о соціализмѣ и политической свободѣ. Первое мая (русское и заграничное) прошло спокойно и не отмѣчено никакимъ выдающимся фактовъ. За нѣсколько дней до 1-го и 18-го (слѣд., два раза) были распространены и расклеены на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ прокламаціи отъ группы соціалистовъ-революціонеровъ, приглашающихъ рабочихъ праздновать первое мая. За городомъ собралось около 50 рабочихъ (интеллигенціи не было, т. е. ее не приглашали). Пришло бы и больше, да организаторы такъ законспирировали мѣсто, что нѣсколько группъ рабочихъ такъ и не могли попасть, куда слѣдуетъ. Было порядочно новичковъ. Но въ общемъ собраніе было не изъ удачныхъ. На вопросъ нѣкоторыхъ изъ рабочихъ, почему не пригласили интеллигентовъ, одинъ изъ „развитыхъ“ и распропагандированныхъ (въ духѣ „Раб. Мысли“) рабочихъ отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, что вообще интеллигенція не должна мѣшаться въ рабочія дѣла и т. д. По этому поводу возникъ споръ на тему: должна-ли интеллигенція вмѣшиваться въ рабочее движеніе, и въ концѣ концовъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ положительно. Большая часть публики осталась недовольна этимъ собраніемъ и рѣшила въ слѣдующее воскресенье собраться еще въ большемъ количествѣ, но слухи объ этомъ предполагавшемся собраніи начали циркулировать настолько усиленно по городу, что достигли ушей полиціи, и въ результатѣ — въ этотъ день въ мѣстность, гдѣ предполагалось собраніе, назначенъ былъ нарядъ. Въ виду такого положенія дѣлъ собраніе не состоялось.

За послѣднее время вообще среди мѣстныхъ рабочихъ велась нѣкоторыми пріѣзжими петербургскими рабочими пропаганда въ духѣ „Раб. Мысли“, — отрицаніе необходимости борьбы за политическую свободу, значенія интеллигенціи для рабочаго движенія и проч. Но, повидимому, эта пропаганда успѣха не имѣла.

Передъ Пасхой была произведена масса обысковъ (до 30), но безрезультатно. Причиной послужила предполагавшаяся на второй день Пасхи манифестація. Съ этой цѣлью было распространено до 500 прокламацій. Полицей были приняты самыя энергичныя мѣры. Между прочимъ былъ вызванъ Уральскій казачій полкъ, солдатамъ былъ отданъ приказъ спать не раздѣваясь, вооруженными. Слѣженіе за интеллигенціей было усилено. Многихъ молодыхъ людей, шедшихъ по улицѣ съ книгами, околодочные останавливали и требовали сопровождать ихъ въ участокъ для производства у нихъ обыска, что и приводилось въ исполненіе. Около этого же времени было произведено нѣсколько обысковъ по деревнямъ у крестьянъ, какъ говорятъ, по доносу попа.

*) Отъ того же городового удалось узнать слѣдующія подробности о событіи 4-го марта: Начальство считало демонстрацію 4-го марта настоящей революціей. Передъ отправленіемъ городовыхъ на площадь изъ Александровской части, имъ было роздано по 36 патроновъ, и полицеймейстеръ сказалъ рѣчь, въ которой предупреждалъ, что, можетъ быть, многимъ изъ нихъ не придется вернуться назадъ, а лечь костьми за царя. Кончивъ, онъ перецѣловалъ весь отрядъ.

**) Въ настоящее время вышли номера 3 и 4.

Воронежъ. Общество Юго-Восточныхъ желѣзн. дорогъ съ усердіемъ практиковало систему „поощренія“ рабочихъ къ болѣе усердной работѣ обѣщаніемъ наградныхъ на Рождество и Пасху. Когда же результатъ достигался и спѣшное время обилія работъ проходило. всегда оказывалось, что въ „нынѣшній разъ“ наградныхъ не будетъ, списки-де отслужившихъ три года и имѣющихъ право на награду еще не провѣрены. Такъ продолжалось изъ года въ годъ, такъ было и въ нынѣшнемъ году. Въ послѣднихъ числахъ марта было заявлено, что наградныхъ опять не выдадутъ. На этотъ разъ не выгорѣло. Рабочіе рѣшились напомнить... Требованіе о выдачѣ наградныхъ за три года было одновременно предъявлено во всѣхъ главныхъ мастерскихъ: въ Луганскѣ, Орлѣ, Воронежѣ, Борисоглѣбскѣ. Къ нимъ же присоединились козловскія и тамбовскія мастерскія, всего до 8000 чел. Время было выбрано удачно. У всѣхъ въ памяти были только-что прошедшіе мартовскіе дни. Подъемъ возмущеннаго духа съ одной стороны, и подъемъ трусости съ другой замѣчался вездѣ. Въ такое время командующимъ лицамъ не хотѣлось разгорячать страстей. Рабочіе въ тотъ же день получили отвѣтъ, что требованіе ихъ будетъ удовлетворено. Стачка продолжалась всего нѣсколько часовъ. Жандармскія власти принимали дѣятельное участіе въ „успокоеніи“, стараясь, чтобы требованія были удовлетворены. „Держи носъ по вѣтру“.

Интересно, что когда конторщики попросили, въ свою очередь, награды, имъ отвѣтили: „Зачѣмъ же вамъ давать, вы вѣдь не требовали“. Правильно!

Выдавъ наградныя, начальство затосковало и начало искать корень зла. Жандармы увѣряли, что тутъ не безъ вліянія. Въ воронежскихъ мастерскихъ было намѣчено до ста человѣкъ и имъ стали выдавать разсчетъ якобы за сокращеніемъ работъ. Тутъ подоспѣлъ май мѣсяцъ. Стало замѣчаться волненіе. Не задолго передъ тѣмъ въ селѣ Урѣзовкѣ, по распоряженію губернатора, была произведена экзекуція надъ 26 крестьянами за неповиновеніе властямъ. Рабочіе не остались ранодушны къ этому поруганію личности и среди нихъ ходили толки, что надо выразить протестъ. Событія общественной жизни вообще находятъ откликъ среди рабочихъ. Напр., номера газетъ съ описаніемъ Обуховской исторіи покупались, читались и обсуждались. Въ этотъ день чувствовалось что-то хорошее, бодрое. Масляныя, грязныя лица какъ-то торжественно улыбались, и вѣрилось, что рабочіе не испугаются жертвъ. Перваго мая южные рабочіе вообще празднуютъ и начальство къ этому привыкло. Не желая, чтобы рабочіе сами бросили работу, оно пошло даже на то, что вывѣсило въ прошломъ году такое объявленіе: „По случаю перваго мая сегодня работы производиться не будутъ“. Нынче пронесся слухъ, что рабочіе намѣреваются устроить демонстрацію на Дворянской улицѣ (главная въ городѣ). Дня за два, за три до перваго мая къ одному рабочему подходитъ жандармъ. „Что-то у васъ затѣвается?“ — „А что?“ — „Какъ что? не слыхалъ, что-ли?“ — „Ничего не слыхалъ.“ — „Знаемъ мы! Насъ не проведешь! А зачѣмъ музыку наняли? Пройтись хотите? Смотрите, всѣхъ разнесемъ“. Такъ вотъ какъ ждали, даже съ музыкой! 1-ое мая прошло тихо. Стали ждать 15-го. Начальство волновалось. По Дворянской гуляли офицеры въ походной формѣ. Неуклюжій жандармскій полковникъ Добрянскій граціозно гарцовалъ на конѣ, чувствуя себя героемъ. То и дѣло проѣзжалъ полицмейстеръ со своимъ неизмѣннымъ гайдукомъ, скачущимъ на низкорослой лошадкѣ. Жандармы метались, какъ ошпаренныя крысы. Вообще проявляли дѣятельность. Изъ канцеляріи управленія писали донесенія. Четыремъ ротамъ (480 солдатъ) былъ отданъ приказъ быть на готовѣ, но причины этого солдатамъ не объясняли. Было выдано по 30 боевыхъ патроновъ на брата. Цѣлый день солдатъ держали подъ ружьемъ. Ночью и то спали въ полной формѣ. Полковникъ Коротоякскаго батальона произнесъ рѣчь: „Ты его предупреди разъ, предупреди два, третій не предупреждай — бей его, сукина сына“. Бить не пришлось, ибо ничего не произошло. Начальство произвело переполохъ и тѣмъ показало, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Протестъ не вылился, но это не значитъ, что онъ не выльется.

Изъ Иваново-Вознесенска сообщаютъ о цѣломъ рядѣ мелкихъ фабричныхъ протестовъ, которые показываютъ, что обостреніе нужды, вызванное кризисомъ, и ведущаяся мѣстными соціалдемократами агитація не проходятъ безслѣдно.

Послѣ Пасхи 12 рабочихъ на ткацкой фабрикѣ Зубкова, уволенныхъ за неспокойный нравъ, потребовали и добились отъ фабрики уплаты за двѣ недѣли, какъ это требуется закономъ. Какъ водится, фабричный инспекторъ не только не поддержалъ законное требованіе рабочихъ, но и пытался запугать ихъ окриками и бранью. Только настойчивость рабочихъ, грозившихъ жалобой на самаго инспектора, побудило этого „охранителя закона“ исполнить свой долгъ.

На фабрикѣ Дмитрія Бурылина рабочіе отбили попытку фабриканта отнять у нихъ праздникъ 8-го мая (Ивана Богослова), доселѣ бывшій на этой фабрикѣ нерабочимъ днемъ. Тамъ же женщины пытались добиться повышенія своей заработной платы, но безуспѣшно.

На фабрикѣ А. И. Гарелина 4-го іюня всѣ рабочіе отправились къ фабричному инспектору и предъявили ему требованіе объ удаленіи надоѣвшаго имъ табельщика. Требованіе было предъявлено настолько энергично, что фабричный инспекторъ посовѣтовалъ управляющему его удовлетворить, что и было въ концѣ концовъ исполнено.

На чугуннолитейномъ заводѣ Калашникова (200 чел.) сокращеніе расцѣнковъ привело къ уменьшенію заработковъ вдвое. 15-го мая натянутое положеніе между литейщиками и администраціей завода приняло самый острый характеръ. Получивъ мѣсячный разсчетъ, литейщики, въ количествѣ 70 человѣкъ, заявили о своемъ нежеланіи заключать договоръ на условіяхъ, предлагаемыхъ администраціей завода, и потребовали возвращенія къ старымъ условіямъ — полугодовому найму (вмѣсто мѣсячнаго) и зимнимъ расцѣнкамъ. Заводоуправленіе отказало въ требованіи литейщиковъ, угрожая замѣстить ихъ рабочими изъ другихъ городовъ. Литейщики дружно отказались отъ возобновленія найма и отправились къ фабричному инспектору просить о посредничествѣ. Фабричный инспекторъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло, такъ какъ-де хозяинъ имѣетъ право измѣнять принятую систему найма и расцѣнки.

Заводоуправленіе стало вербовать рабочихъ въ Шуѣ и Москвѣ. Изъ Москвы выписано было десять рабочихъ, отъ которыхъ при наймѣ скрыли, что зовутъ на мѣста стачечниковъ. Обѣщанъ имъ былъ хорошій заработокъ — 75-80 руб. и больше въ мѣсяцъ. Но когда москвичи прибыли въ Ив.-Вознесенскъ и увидали, на какую роль ихъ приглашаютъ, они заявили иваново-вознесенцамъ, что привезены обманомъ и если бы знали о стачкѣ, то не пріѣхали бы. „Съ этого времени между ивановцами и москвичами установилась полная солидарность и вскорѣ же москвичи отправились къ фабричному инспектору съ жалобой на заводъ. И хозяева, боясь осложненій, тутъ же отправили одного изъ безпокойныхъ литейщиковъ обратно въ Москву“.

Въ Шуѣ нанятые было литейщики, какъ только узнали о стачкѣ, отказались ѣхать. Тогда Калашниковскій заводъ сдалъ часть своихъ неотложныхъ заказовъ заводу анонимнаго общества въ Шуѣ, администрація котораго состоитъ въ родствѣ съ администраціей завода Калашникова. Рабочіе зав. Калашникова обратились къ ив.-вознесенскому комитету соц.-дем. партіи съ просьбой о воздѣйствіи на шуйскихъ рабочихъ. Комитетомъ были выпущены прокламаціи къ рабочимъ завода анонимнаго общества. Прокламаціи вызвали забастовку, и рабочіе потребовали, чтобы отъ Калашникова заказы не принимались. Администрація обѣщала удовлетворить это требованіе, приглашая не прерывать работы и ожидать пріѣзда хозяина. По пріѣздѣ послѣдняго рабочіе получили „угощеніе“ водкой, а тѣ изъ нихъ, которые не работали до пріѣзда хозяина, получили разсчетъ либо штрафъ.

Стачка на Калашниковскомъ заводѣ продолжалась полторы недѣли и кончилась частичной уступкой — повышеніемъ расцѣнковъ до зимней нормы. Москвичи отправились домой, и калашниковскіе литейщики устроили имъ сборъ на дорогу. „Хозяйскіе забѣгалки, пишетъ корреспондентъ, ознакомили своихъ рабочихъ съ москвичами и тѣмъ оказали имъ нѣкоторую услугу, показавъ, что экономическія потребности здѣшнихъ рабочихъ много ниже, чѣмъ въ другихъ городахъ“.

Понятно, что всѣ эти проявленія протеста не могли не вызвать вмѣшательства царскихъ опричниковъ. „Полиція, пишутъ намъ, за послѣдне время стала особенно чутка и наблюдательна за рабочими, а перваго мая не было мѣста, гдѣ бы не встрѣтился полицейскій“. Въ ночь съ 17-го на 18-ое мая надъ Иваново-Вознесенскомъ пронесся жандармскій ураганъ, который выразился въ арестѣ девятнадцати чел. рабочихъ. Изъ арестованныхъ удалось узнать слѣдующія фамиліи: Г. Ляпинъ, Н. Голоуховъ, Бѣловъ, Королевъ, Филиповъ, Жаровъ, Бариновъ, Боголаповъ, Мокруевъ, Воробьевъ, Соколовъ, Гаравинъ. Арестованные содержатся частью въ мѣстной тюрьмѣ и по фабричнымъ арестантскимъ. Таскаютъ многихъ въ тюрьму на допросъ; изъ нихъ задержали троихъ. Дѣло ведутъ мѣстный полицмейстеръ и жандармскій ротмистръ, ведутъ очень глупо, подчасъ забираютъ безграмотныхъ. Интересно — намъ удалось узнать, — что за нѣсколько времени передъ арестомъ Бариновъ былъ приглашенъ къ полицмейстеру, который предлагалъ ему поступить къ жандармамъ въ шпіоны. Бариновъ отказался, говоря, что его всѣ знаютъ и могутъ скоро прикрыть. На это въ утѣшеніе полицмейстеръ предлагаетъ два-три револьвера, но и это не соблазнило Баринова. Спустя два дня Баринова уже приглашаетъ жандармскій ротмистръ, который уже предлагаетъ руб. на 5 больше, чѣмъ полицмейстеръ (послѣдній предлагалъ 15 руб.) и проситъ Баринова, чтобы онъ указалъ главныхъ дѣятелей. Бариновъ отказался. Теперь его арестовали, очевидно, подозрѣвая, что онъ самый главный.

Не знаемъ, жалѣетъ-ли Бариновъ, что онъ не получилъ 15 р., но за то увѣрены, что ротмистръ и полицеймейстеръ очень жалѣютъ, что за 15 руб. имъ не удалось узнать главнаго.

Просятъ остерегаться конторщика Колычева на фаб. Гарелина (черный, сутуловатый, говоритъ басомъ). Будучи однажды арестованъ, разсказалъ все, что зналъ, благодаря чему многихъ забрали.

* * *

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться...

Именно такого рода услугу оказали рабочимъ Иваново-Вознесенска для перваго мая въ прошломъ году с.-петербургская организація, а въ нынѣшнемъ году въ этомъ же направленіи трудились, очевидно, другіе доброжелатели. Къ стыду первыхъ должны признать, что они были скромнѣе нынѣшнихъ доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о томъ, что было въ прошломъ году, если бы и въ этомъ году не было такого же печальнаго поползновенія.

Въ прошломъ году доставили въ Иваново-Вознесенскъ достаточное количество майскихъ листковъ изъ Петербурга. Доставили, но не дали совѣта, какъ наилучше распространить эти листки. И вотъ мѣстные рабочіе, не работавшіе раньше листками, раздѣлили на нѣсколько человѣкъ эти листки и, придя къ фабрикѣ, стали раздавать выходившимъ рабочимъ упомянутые листки. (Способъ очень хорошъ въ будущемъ и, можетъ, имъ очень воспользуются, но тамъ, гдѣ только начинаютъ такую дѣятельность, это невозможно по очень многимъ соображеніямъ.) Конечно, роздать имъ удалось достаточное количество, но въ концѣ концовъ ихъ всѣхъ забрали и отправили къ жандармамъ. Дальше — процессъ и почти всѣ арестованные выдавали, а нѣкоторые наговорили больше, чѣмъ знали сами. Это было бы полбѣды, если бы сами листки стоили, чтобы ихъ распространять. Но тутъ-то и есть самая главная бѣда. Оказалось, что распространенные листки вызывали негодованіе рабочихъ противъ тѣхъ же листковъ. И это очень понятно: въ Ив.-Вознесенскѣ работаютъ девять часовъ чуть-ли не на всѣхъ фабрикахъ (хотя и не всѣ рабочіе), а имъ предлагаютъ требовать десятичасоваго рабочаго дня... Эхъ, господа составители, писатели и доброжелатели, этакъ можно очень много натворить пакостей рабочимъ!!

Въ нынѣшнемъ году былъ доставленъ также листокъ въ готовомъ видѣ и въ большомъ количествѣ и это, можетъ, будетъ повторяться еще и еще, и не только въ Иваново-Вознесенскѣ, а и въ другихъ мѣстахъ, и вотъ почему я, рабочій, протестую противъ такой скверной (извините за выраженіе!) постановки дѣла! противъ такихъ отжившихъ и предосудительныхъ пріемовъ!

Раньше, чѣмъ напечатать и доставить листокъ, его нужно доставить для обсужденія мѣстной рабочей организаціи, какая бы она ни была, и если она его одобритъ, то она, навѣрное, его и распространитъ, и тогда не повторится такое печальное явленіе, какъ съ листкомъ въ Ив.-Вознесенскѣ, который доставленъ былъ для распространенія, а не доставленъ былъ для обсужденія. Благодаря этому, его какъ будто доставили для того, чтобы уничтожить не только какъ не удовлетворяющій, но и какъ вредный листокъ. И въ самомъ дѣлѣ, выставить требованіе девятичасоваго рабочаго дня, когда здѣсь работаютъ столько часовъ — развѣ этимъ возможно заинтересовать рабочихъ?! Опять же требовать суда присяжныхъ надъ стачечниками! Развѣ это не есть смѣшная иронія? Это значитъ, что мы будемъ признавать справедливымъ преслѣдованіе стачекъ. Для насъ нуженъ не судъ присяжныхъ надъ стачечниками, а полная свобода стачекъ, — даже больше, — покровительство стачечниковъ. Очень жаль, что уничтожены всѣ упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомить съ полнымъ подлинникомъ.

Рабочій за рабочихъ.

Изъ Шуи пишутъ о возмутительныхъ порядкахъ на ситцепечатной, ткацкой и прядильной фабрикѣ Павлова (до 3000 чел.): На этой фабрикѣ хозяинъ съ сыновьями въ полномъ смыслѣ слова развратники, и одинъ изъ сыновей доразвратничался до сумашествія и теперь находится въ психическомъ недомоганіи и получилъ дурную болѣзнь. Благодаря всему этому, трудно какой-нибудь дѣвушкѣ остаться въ полной безопасности отъ этихъ наглыхъ безстыдныхъ представителей русскаго капитализма и столбовъ отечественнаго правительства. Хозяинъ имѣетъ особыхъ работницъ, которыя стараются совращать молодыхъ дѣвушекъ. Изъ фабрики Павловъ сдѣлалъ своего рода гаремъ. Глядя на хозяина и его подлыхъ сыновей, и служащіе позволяютъ себѣ мерзости... На фабрикѣ есть много станковъ, покрытыхъ рогожами, потому что хозяинъ боится нанимать на свою фабрику мужчинъ изъ страха передъ бунтомъ, женщины же на этихъ станкахъ работать не могутъ по недостатку физической силы.

У всякой работницы и работника сердце ноетъ отъ тѣхъ порядковъ, которые творятся на фабрикѣ Павлова.

* * *

Изъ того же города сообщаютъ: У насъ въ городѣ недавно были обыски и аресты. Арестовываютъ ночью, и теперь есть у жандармскаго ротмистра цѣлое дѣло. Конечно, въ другихъ городахъ арестовываютъ, потому что находятъ подпольныя книжки и газеты, а у насъ арестуютъ потому, что находятъ цензурныя книги, хотя бы одну или двѣ. И вотъ на допросѣ, чинимомъ жандармскимъ ротмистромъ, онъ вопрошаетъ:

— Это у тебя зачѣмъ?

— Читать купилъ.

— А почему купилъ именно эту, а не житіе? или: почему читаешь, а не спишь? или не ведешь такой безстыдный образъ жизни, какъ онъ, шуйскій ротмистръ. Онъ, ротмистръ, съ фаб-

рикантомъ Павловымъ напиваются до положенія грязной свиньи и потомъ въ такомъ видѣ цѣлуются публично и изливаютъ свои взаимныя чувства на глазахъ удивленной публики. Павловъ же для такихъ случаевъ приказываетъ которой-нибудь свахѣ (такихъ онъ имѣетъ нѣсколько на своей фабрикѣ) приготовить такую-то дѣвушку, и это выполняется, точно рѣчь шла о томъ, какъ зажарить цыпленка. И это дѣлаютъ представители русскаго капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать въ темнотѣ массу, поэтому нельзя рабочему пройти по городу съ книгой подъ мышкой, чтобы таковую не вырвалъ полицейскій и не посмотрѣлъ: „это что за книга?“ Это особенно бываетъ часто около читальни.

Разъ представитель капитала Павловъ, представитель правительства жандармскій ротмистръ, представитель русскихъ поповъ-инквизиторовъ Евлампій отправились съ цѣлью напиться до осатанѣнія за много верстъ отъ Шуи. И точно что напились (были, конечно, съ ними и другіе), начали безобразить и чуть не подрались. Потомъ все заставляли попа Евлампія задать въ своемъ поповскомъ балахонѣ плясового трепака, но попъ Евлампій, напившись, сдѣлался строптивъ и ни за что не хотѣлъ идти плясать. Тогда разгнѣванные друзья выгнали пьянаго попа, и попъ пѣшкомъ уже верстъ девять отмахалъ къ Шуѣ (по какой-то случайности не завалился въ канаву), и только на десятой верстѣ догнала много спустя посланная подвода и довезла строптиваго попа до дома.

———

Изъ Орѣхово-Зуева намъ пишутъ: 19-го марта въ мѣстечкѣ Никольскомъ были произведены аресты. Арестованъ Рудаковъ, выпущенный черезъ нѣсколько дней. Обыски сдѣланы у Иванова ткача и Агафонова уборщика, по слухамъ, также въ домѣ Солнцева. Причина такого набѣга, какъ намъ удалось узнать, — дѣятельность шпіона-провокатора Ниткина (настоящая фамилія Дмитріевъ). Этотъ Дмитріевъ былъ привезенъ новымъ директоромъ фабрики Викулы Морозова Скобелевымъ мѣсяцевъ восемь тому назадъ. Онъ и дѣйствуетъ съ вѣдома Скобелева, получая отъ него деньги на разные расходы. Дмитріевъ-Ниткинъ живетъ среди рабочихъ въ казармѣ. Примѣты: лѣтъ 33, ростъ выше средняго, плотнаго тѣлосложенія, большой лобъ, мутные сѣрые глаза, говоритъ мягко, при разговорѣ на лбу дѣлаются морщины, смотритъ исподлобья.

———

Красноярскъ. 17-го апрѣля по городу были расклеены прокламаціи къ сибирскимъ рабочимъ. Всего содержанія я не напишу вамъ, такъ какъ оно очень велико, вотъ только отрывокъ. Вначалѣ говорится о студенческихъ безпорядкахъ и о средствахъ, которыми полиція не гнушается подавлять ихъ. Далѣе говорится о праздникѣ перваго мая и рабочіе призываются пройти по главнымъ улицамъ города со знаменами, на которыхъ будутъ выставлены такія требованія: 1) чтобы страна управлялась по законамъ, составленнымъ избранными отъ всего народа лицами, а не по произволу царя и его приспѣшниковъ, какъ это дѣлается теперь; 2) чтобы выбирать и быть избранными могли люди не только богатые, но всѣ безъ исключенія жители Россіи въ одинаковой степени; 3) чтобы подача голосовъ при выборахъ производилась тайно, иначе лица власть имущіе могутъ оказывать вліяніе на избирателей или подчиненныхъ (напр., предприниматели на своихъ рабочихъ) и проводить въ законодательное собраніе своихъ кандидатовъ; 4) чтобы всѣ желающіе могли свободно собираться для какихъ-угодно цѣлей и свободно устраивать всякаго рода общества; 5) чтобы каждый могъ свободно держаться вѣры, которую онъ находитъ наиболѣе правильной; 6) чтобы каждый могъ въ публичныхъ рѣчахъ и въ печати высказывать свои взгляды по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ; 7) чтобы никто не могъ быть арестованъ и высланъ безъ постановленія суда.

„Безъ всѣхъ этихъ правъ мы никогда не добьемся улучшенія своей жизни, а потому напряжемъ всѣ свои силы, чтобы добиться ихъ... Итакъ, товарищи, время теперь удобное: смѣло и дружно пойдемъ на борьбу съ самодержавіемъ, общими силами преодолѣемъ всѣ препятствія и выйдемъ изъ этой борьбы побѣдителями“.

Вотъ вкратцѣ содержаніе прокламаціи. Но никакой демонстраціи не произошло.

Въ другомъ сообщеніи изъ Сибири намъ пишутъ, что упомянутые листки были распространены во всѣхъ крупныхъ сибирскихъ городахъ, какъ-то Томскъ, Омскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Благовѣщенскъ. Въ этихъ листкахъ послѣ „выясненія значенія перваго мая и политическихъ требованій — восьмичасоваго рабочаго дня, свободы собраній, слова и т. д., указывалось на важность соединенія съ широкой протестующей публикой, на образованіе одного общаго революціоннаго потока“. 18-го апрѣля въ нѣкоторыхъ мастерскихъ (въ Томскѣ) рабочіе бросили работу съ 12 час. дня. Перваго мая по русскому стилю были снова распространены листки, какъ среди рабочихъ, такъ и въ публикѣ вообще. Часть листковъ напечатаны въ типографіи.

———

Первое мая въ Тифлисѣ. Событіе, бывшее въ воскресенье 22-го апрѣля (ст. стиля) въ Тифлисѣ, является исторически-знаменательнымъ для всего Кавказа: съ этого дня на Кавказѣ начинается открытое революціонное движеніе. Уже 3-4 года, какъ тифлискіе сознательные рабочіе начали сплачиваться подъ общимъ рабочимъ знаменемъ и начали соединенными силами вести борьбу противъ господствующихъ классовъ и противъ настоящаго государственнаго строя. Кто могъ предположить, что вчерашній трусъ, неопытный и неграмотный армянинъ или грузинъ-рабочій — сегодня герой, готовый проливать свою кровь и идти на мученія за общее святое дѣло? И они, какъ нельзя лучше, доказали это 22-го апрѣля.

Прежде всего нужно замѣтить, что съ недавняго времени началась усиленная и энергичная соціалистическая пропаганда среди рабочихъ кружковъ, хорошо организованныхъ, а рабочія собранія, бесѣды о рабочемъ вопросѣ и распространеніе въ громадномъ количествѣ брошюръ между русскими, грузинскими и армянскими рабочими, — все это имѣло значительное вліяніе на ростъ и развитіе рабочей партіи. Праздникъ перваго мая также имѣлъ воспитательное значеніе для рабочихъ. Этотъ праздникъ за послѣдніе годы совершался за городомъ, далеко отъ полиціи и отъ глазъ администраціи. Въ прошломъ году, напр., не смотря на отвратительную дождливую погоду, болѣе 400 рабочихъ разныхъ національностей праздновали первое мая за 4 версты отъ города на открытомъ воздухѣ въ одномъ ущельи. Въ этомъ же году мѣстный комитетъ рѣшилъ отпраздновать первое мая, устроивъ торжественную манифестацію въ городѣ. Этого хотѣли и сами рабочіе, но не того хотѣла администрація: начались ежедневные аресты, обыски. Въ настоящее время Метехскій замокъ и губернская тюрьма переполнены арестованными рабочими и соціалистами; число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ, а, можетъ быть, и до тысячи: фактъ тотъ, что сажать больше некуда, и новыхъ арестованныхъ отправляютъ въ военную тюрьму. Отъ послѣднихъ движеній въ большихъ городахъ наше идіотское правительство совсѣмъ потеряло голову. Представьте себѣ, что оно еще за недѣлю до 22-го апрѣля разставило драгунъ и казаковъ вокругъ желѣзнодорожныхъ и городскихъ мастерскихъ и заводовъ, чтобы нагнать страхъ на рабочихъ и заставить ихъ такимъ образомъ отказаться отъ празднованія перваго мая. Но рабочіе не испугались: они рѣшили отпраздновать свой праздникъ во что бы то ни стало. День праздника — 22-ое апрѣля (первое воскресенье послѣ перваго мая), а мѣсто сборища — Солдатскій базаръ въ центрѣ города. Оттуда кортежъ долженъ былъ направиться по Пушкинской улицѣ на Эриванскую площадь, а потомъ на Дворцовую улицу и Головинскій проспектъ. Въ назначенное время число собравшихся рабочихъ достигло до 3000 чел. Сигналъ былъ данъ, и красное рабочее знамя поднялось и заколыхалось въ воздухѣ; на немъ были портреты Маркса, Лассаля и Энгельса и надписи на грузинскомъ, армянскомъ и русскомъ языкахъ: „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!“. „Да здравствуетъ восьмичасовая работа!“ При видѣ знамени раздались громовые голоса: „Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ восьмичасовая работа!“ Администраціи было извѣстно о манифестаціи, и она заранѣе приняла свои мѣры: какъ только процессія двинулась, со всѣхъ сторонъ на участниковъ ея набросились жандармы и сыщики, имѣя во главѣ извѣстнаго своимъ звѣрствомъ жандармскаго капитана Лаврова, полицейскіе и солдаты; они били манифестантовъ нагайками и обнаженными шашками, у рабочихъ же почти ничего не было, кромѣ мускулистыхъ рукъ для самозащиты. Невозможно описать ту возмутительную картину, которая получалась при поголовномъ избіеніи манифестантовъ. Страшная паника настала во всемъ городѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остановилась конка: кучера соскакивали и бѣжали къ мѣсту побоища на помощь своимъ братьямъ-рабочимъ. Отчаянная борьба продолжалась три четверти часа; за это время много крови было пролито, много раненыхъ пало! Вотъ падаетъ раненый рабочій; онъ весь въ крови; полицейскіе начинаютъ топтать его ногами, а онъ, не переставая, продолжаетъ кричать: „Да здравствуетъ соціализмъ, да здравствуетъ восьмичасовая работа!“ Въ другомъ мѣстѣ одна женщина (тамъ было нѣсколько женщинъ-манифестантокъ), увидѣвъ звѣрскіе удары одного пристава, съ яростью напала на него, разорвала на немъ мундиръ и цѣлыми клоками стала вырывать у него волосы. Атлетъ-знаменоносецъ Аракелъ (армянинъ) схватываетъ одной рукой обнаженную шашку, поднятую надъ его головой, и ломаетъ ее на двѣ части. Рабочій Махарадзе (грузинъ), получивъ три раны саблей, выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера и ранилъ двухъ городовыхъ. Приставъ Гедевановъ тяжело раненъ. Самъ полицмейстеръ Ковалевъ, получивъ сильный ударъ въ ногу, вынужденъ былъ слѣзть съ лошади и сѣсть въ экипажъ. Вскорѣ явились казаки, а за ними губернаторъ. Манифестанты были разсѣяны. Цѣлыхъ три дня послѣ того Тифлисъ былъ на военномъ положеніи. Арестованныхъ много, хотя оффиціальная газета „Кавказъ“ сообщаетъ будто ихъ всего 41 человѣкъ. Нѣмецкій студентъ, защищавшій рабочихъ, получилъ тяжелыя раны отъ полицейскихъ и умеръ (?) въ тюрьмѣ.

Тифлисъ, май 1901 г.

От редакціи „Дрошакъ“,
Органъ армянской федеративной революціонной партіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо первое.

То, что предвидѣли всѣ, кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ французской соціалистической партіи въ послѣдніе годы, осуществилось: ліонскій конгрессъ завершился новымъ расколомъ партіи, вторымъ по счету въ теченіе года и, вѣроятно, не послѣднимъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто проливаетъ по этому поводу слезы, хотя и понимаемъ, что необходимымъ условіемъ успѣшной борьбы пролетаріата является объединеніе всѣхъ его силъ, ибо внѣ объединенія нѣтъ и не можетъ быть планомѣрной соціалистической борьбы. Ампутація всегда болѣзненна. Но подобно тому, какъ человѣческій организмъ иногда оживаетъ и расцвѣтаетъ послѣ необходимой хирургической операціи, такъ и революціонная партія, чтобы быть въ состояніи развивать и утилизировать всѣ свои силы, чтобы укрѣпить свою оборонительную и наступательную позицію, вынуждена иногда круто порвать съ элементами, задерживающими ея развитіе, отвлекающими ее отъ той цѣли, которую она себѣ ставитъ, подтачивающими и ослабляющими ея революціонную энергію. Именно такой моментъ переживаетъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время французская соціалистическая партія.

Процессъ сплоченія соціалистическихъ силъ, начавшійся въ 1892 г. и завершившійся полнымъ объединеніемъ ихъ на общемъ конгрессѣ 1899 г., происходилъ при условіяхъ, исключительно благопріятныхъ для роста соціалистической партіи. Но эти же условія были неблагопріятны въ томъ отношеніи, что бросили въ ряды партіи значительное число элементовъ, по существу не признававшихъ самое основаніе соціалистической теоріи и практики — принципъ классовой борьбы. Объединенная партія оказалась слишкомъ разнородной, чтобы сохранить то единство цѣли и то единство практической дѣятельности, безъ котораго немыслима ни одна партія, въ особенности партія революціонная. Въ нѣдрахъ объединенной партіи оказались, въ сущности, двѣ совершенно различныя партіи, изъ которыхъ одна — громаднѣйшее большинство — оставалась вѣрна традиціямъ революціоннаго соціализма, т. е. оставалась на почвѣ классовой борьбы, а другая — незначительное меньшинство — стала проповѣдывать антиреволюціонную теорію „сотрудничества классовъ“. Этимъ основнымъ разногласіемъ обусловливалось ихъ различное пониманіе всей постановки партійной дѣятельности. Обѣ онѣ одинаково признавали необходимость реформъ, т. е. необходимость добиваться такого улучшенія положенія рабочаго класса, которое возможно въ буржуазномъ обществѣ, но въ то время, какъ революціонеры считали необходимымъ прежде всего отстаивать отдѣльное и самостоятельное существованіе классовой рабочей соціалистической партіи и оцѣнивали всякія реформы лишь постольку, поскольку онѣ способны укрѣпить оборонительную и наступательную позицію пролетаріата въ его борьбѣ за соціализмъ, — въ глазахъ другихъ эти реформы составляли цѣль, являлись сами по себѣ благомъ, для достиженія котораго рекомендовалось постоянное сотрудничество съ „сосѣдними“ демократическими партіями. Тогда какъ первые требовали, чтобы соціалистическая партія руководилась во всей своей дѣятельности тѣмъ основнымъ положеніемъ соціалистической программы, по которому интересы пролетаріата глубоко враждебны интересамъ всѣхъ фракцій буржуазіи (хотя это не отрицаетъ возможности временныхъ союзовъ съ той или другой фракціей на почвѣ опредѣленныхъ вопросовъ), — другіе рекомендовали постоянную совмѣстную дѣятельность съ болѣе или менѣе демократически настроенной буржуазіей, что предполагаетъ существованіе постоянныхъ общихъ интересовъ — и политическихъ, и экономическихъ — у пролетаріата и у этихъ фракцій буржуазіи.

Естественно, что на первыхъ же шагахъ практическаго примѣненія этихъ направленій между ними должны обнаружиться такія глубокія разногласія, которыя заставятъ ихъ распрощаться и обособиться въ отдѣльныя организаціи. Бернштейнъ можетъ ужиться рядомъ съ Каутскимъ въ одной и той же партіи лишь до тѣхъ поръ, пока бернштейніанство является только, если можно такъ выразиться, общей теоріей компромисовъ. Но какъ только соціально-политическія условія дадутъ возможность бернштейніанству начать осуществляться въ практическихъ мѣропріятіяхъ, между его направленіемъ и направленіемъ революціонной соціалдемократіи неизбѣжно долженъ произойти расколъ. Милльерандизмъ — это практика бернштейніанства; вотъ почему онъ не могъ ужиться рядомъ съ революціоннымъ соціализмомъ Геда, Вальяна, Лафарга и мног. друг.

На какой почвѣ выросъ милльерандизмъ во Франціи? Вопросъ этотъ слишкомъ обширный и отвѣтить на него достаточно подробно здѣсь нѣтъ никакой возможности. Но отвѣтить на него необходимо, ибо иначе трудно разобраться въ той сложной сѣти сталкивающихся и переплетающихся теченій, которыя приходится въ настоящее время наблюдать въ глубоко интересной и поучительной жизни французской соціалистической партіи.

Выше я сказалъ, что процессъ сплоченія соціалистическихъ силъ во Франціи происходилъ при условіяхъ, исключительно благопріятныхъ для роста соціалистической партіи. Вѣрнѣе будетъ даже сказать, что именно подъ вліяніемъ этихъ условій и начался, происходилъ и завершился этотъ процессъ. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ. Между крупной городской и сельской буржуазіей состоялся компромисъ на почвѣ экономической, — компромисъ, за которымъ вскорѣ послѣдовало соглашеніе и на почвѣ политической. Это соглашеніе знаменуетъ собою начало самой мрачной реакціи третьей республики, — реакціи и политической, и соціальной. Демократическія свободы, добытыя столь дорогою цѣною, стали явно попираться; всѣ попытки самодѣятельности пролетаріата жестоко и систематически преслѣдовались; вся экономическая политика оппортунистскихъ правителей явно стремилась служить интересамъ одного лишь крупнаго капитала. И въ это-то время въ странѣ, гдѣ мелкая буржуазія столь многочисленна, гдѣ экономическое положеніе этого класса становилось все болѣе и болѣе шаткимъ и непрочнымъ, не было никакой организованной буржуазно-демократической партіи, которая явилась бы выразительницей интересовъ этого класса, которая выработала бы программу его экономическихъ требованій. Антиклерикальная демагогія однихъ, туманная декламація противъ „монополій“ и „финансовыхъ феодаловъ“ другихъ, да общая сонливость и дряблость всѣхъ — вотъ къ чему свелась программа и дѣятельность нѣкогда воинственной радикальной партіи, не говоря уже о томъ, что большинство шефовъ этой мертвой партіи скомпрометированы были въ разныхъ грязныхъ „панамахъ“ и проч.

Это отсутствіе борьбы между промышленной буржуазіей и землевладѣльческимъ классомъ, съ одной стороны, и отсутствіе организованной буржуазно-демократической партіи — съ другой ставило соціалистическую партію въ исключительно-благопріятное положеніе, но въ то же время требовало отъ нея большой осторожности. Соціалистическая партія, выразительница интересовъ пролетаріата, явилась единственной дѣятельной, активной защитницей демократическаго строя. Помимо того, такъ какъ выставленная ею программа-минимумъ была, по существу, лишь расширенной программой прежней радикальной партіи, то она, силою вещей, оказалась не только революціонной партіей пролетаріата, но и единственной реформаторской партіей, къ которой, поэтому, стали тяготѣть наиболѣе прогрессивные, наиболѣе дѣятельные элементы радикальной буржуазіи.

Такая сложная, отвѣтственная роль могла быть выполнена лишь объединенной партіей, и съ тѣхъ поръ объединеніе дѣйствительно начало осуществляться, сперва въ парламентѣ, потомъ постепенно и въ странѣ. Приступивъ къ выполненію своей роли бодро и энергично, выставивъ въ парламентѣ рядъ блестящихъ талантовъ, борясь съ реакціей изо дня въ день, не уступая ей ни одной пяди безъ боя, соціалистическая партія вскорѣ привлекла къ себѣ симпатіи всей демократіи. Соціализмъ вошелъ въ моду. Всякій, кто недоволенъ былъ существующимъ, кто желалъ реформъ, сталъ называть себя соціалистомъ. Постепенно стали стираться границы — по существу столь глубокія — между революціоннымъ соціализмомъ и буржуазнымъ демократизмомъ. Тогда по требованію старыхъ революціонеровъ рѣшено было вновь прорѣзать эту границу, — и Милльеранъ произнесъ свою извѣстную рѣчь-программу въ avenue Saint-Mandé, съ именемъ которой съ тѣхъ поръ связана эта памятная рѣчь. Рѣчь эта была произнесена въ 1896 г., т. е. черезъ три года послѣ того, какъ составилась парламентская соціалистическая группа. Рѣчь эта была крайне умѣренная, какъ мы сейчасъ увидимъ, но въ ней были перечислены три основные пункта интернаціональной соціалдемократіи: признаніе принципа классовой борьбы, интернаціональнаго характера соціалистической борьбы и необходимости соціализаціи средствъ производства и обмѣна. Когда парламентская группа, черезъ нѣсколько дней, рѣшила, со своей стороны, принять эти 3 пункта соціалистической программы, 15 депутатовъ протестовали противъ этого и вышли изъ группы, заявивъ, что, хотя они и соціалисты, но никогда не признаютъ ни принципа классовой борьбы, ни интернаціонализма, ни коллективизма. Фактъ этотъ достаточно характеризуетъ тотъ „соціализмъ“, который былъ тогда въ модѣ во Франціи. Какъ бы то ни было партія отдѣлалась отъ значительной части вторгшихся въ нее мелкобуржуазныхъ элементовъ.

Но и самъ Милльеранъ, произнесшій эту рѣчь, былъ тоже своеобразнымъ „соціалистомъ“. И въ рѣчи Saint-Mandé, и во всѣхъ другихъ своихъ программныхъ рѣчахъ Милльеранъ неизмѣнно заявлялъ себя принципіальнымъ противникомъ революціоннаго образа дѣйствій. Онъ ожидалъ осуществленія соціализма путемъ мирныхъ и постепенныхъ законодательныхъ реформъ. Соціализація средствъ производства должна была, по его мнѣнію, совершаться постепенно, по мѣрѣ того, какъ одна отрасль производства за другою будетъ „созрѣвать“ для такого превращенія. Соціалистическая партія была въ его глазахъ не независимой, отдѣльно отъ другихъ партій существующей партіей пролетаріата, а „крайнимъ лѣвымъ флангомъ общей демократической партіи“. „Противъ олигархической и плутократической партіи — говорилъ онъ въ 1898 г. — стоитъ партія демократіи, оставшаяся вѣрной республиканскимъ идеямъ и желающая, чтобы республиканская форма правленія принесла всѣ свои плоды: во главѣ ея идетъ соціалистическая партія“. И эта послѣдняя должна въ своей программѣ-минимумъ выставлять не специфическія требованія пролетаріата, а требованіе такихъ реформъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ партіи, — и въ числѣ такихъ реформъ Милльеранъ выставилъ, напр., въ 1898 г. требованіе двухлѣтней военной службы и учрежденіе пенсіонныхъ кассъ для старцевъ и немощныхъ. Выставляя такую программу „реформъ“ — заключалъ онъ — „соціалистическая партія произведетъ сильное впечатлѣніе и представитъ неопровержимое доказательство, что она является въ настоящемъ смыслѣ слова партіей правительственной“.

Неудивительно, что человѣка, который, „признавая“ основные принципы соціалдемократіи, въ то же самое время дѣлалъ подобныя заявленія, — давно уже подозрѣвали (какъ это признаютъ теперь въ печати Вальянъ, Гэдъ и мног. др.) въ стремленіи стать министромъ. И дѣйствительно, когда понадобилось ликвидировать дѣло Дрейфуса и буржуазіи нужно было дать мѣсто въ министерствѣ представителямъ „соціализма“, она обратилась къ человѣку, въ глазахъ котораго соціалистическая партія была „въ полномъ смыслѣ слова правительственной партіей“. И Милльеранъ сдѣлался министромъ.

Какъ только это вступленіе соціалиста въ министерство сдѣлалось извѣстнымъ, революціонеры очень энергично запротестовали. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого акта долженъ былъ быть расколъ. Тогда со всѣхъ сторонъ стали требовать, чтобы созванъ былъ общій съѣздъ всѣхъ соціалистическихъ организацій и чтобы на этомъ съѣздѣ былъ рѣшенъ, между прочимъ, и вопросъ о Милльеранѣ. Съѣздъ состоялся въ декабрѣ 1899 г. Объединеніе было вотировано, но вопросъ о Милльеранѣ не былъ рѣшенъ окончательно. Была принята принципіальная резолюція, гласившая, что принципъ классовой борьбы не допускаетъ вступленія соціалиста въ буржуазное министерство, — и только. Когда одинъ изъ участниковъ съѣзда предложилъ, чтобы съѣздъ обратился съ требованіемъ къ Милльерану либо покинуть министерство, либо выступить изъ партіи, то это предложеніе даже не было поставлено на голосованіе. Съѣздъ ограничился своимъ принципіальнымъ заявленіемъ. Всѣ сторонники Милльерана торжественно заявили, что подчиняются рѣшенію большинства.

Но когда участники съѣзда разъѣхались по домамъ, все пошло по старому. Постановленіе съѣзда толковалось сторонниками Милльерана въ томъ смыслѣ, что въ будущемъ ни одинъ соціалистъ не можетъ вступать въ министерство безъ разрѣшенія партіи, но т. к. Милльеранъ вступилъ въ министерство до того, какъ состоялось это постановленіе, то оно на него не распространяется. Вопросъ этотъ по прежнему раздѣлялъ партію на два непримиримые лагеря, и съѣзду 1900 г. предстояло снова вернуться къ нему. Такъ какъ на первомъ съѣздѣ за революціонную тактику высказалось огромнѣйшее большинство делегатовъ, то сторонники Милльерана въ нѣсколько разъ увеличили число своихъ группъ путемъ раздѣленія болѣе крупныхъ организацій на множество мелкихъ и привлеченія большого числа профессіональныхъ синдикатовъ и радикальныхъ организацій: въ то время, какъ на съѣздѣ 1899 г. было представлено 1200 мандатовъ, съѣздъ 1900 г. насчитывалъ ихъ свыше 2800. Большинство оказалось на сторонѣ приверженцевъ Жореса и Милльерана, и вся Французская Рабочая Партія („гедисты“), наиболѣе сильная и дисциплинированная партія во Франціи, предпочла покинуть съѣздъ и порвать съ партіей, въ которой открыто торжествовалъ милльерановскій оппортунизмъ.

Несмотря на уходъ гедистовъ, ихъ единомышленники (соц.-революціонная партія — бывшіе бланкисты — и нѣкоторыя авто

номныя организаціи) остались на съѣздѣ, чтобы попытаться найти почву, на которой могли бы сойтись всѣ соціалисты. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ они оставались въ предѣлахъ партіи, разсчитывая, что удастся все-таки изгнать изъ партіи оппортунизмъ милльерандистовъ. Послѣднюю попытку они сдѣлали на ліонскомъ конгрессѣ.

О томъ, что произошло на этомъ конгрессѣ, какъ и объ его послѣдствіяхъ, я скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Февральскія и мартовскія событія въ Россіи не могли пройти незамѣтно для австрійскаго рабочаго класса и передового австрійскаго студенчества. Сейчасъ послѣ того, какъ кіевскіе студенты были отданы въ солдаты, во Львовѣ собрались въ одномъ ресторанѣ всѣ руссинскіе студенты и сообща выработали, напечатали и разослали во всѣ студенческіе кружки Австріи протестъ противъ варварства русскаго деспотизма. Кромѣ того, руссинскіе студенты составили на малорусскомъ языкѣ слѣдующій адресъ русскому передовому студенчеству, который они просятъ насъ опубликовать въ газетѣ „Искра“: „Товарищи! Послѣднія событія въ русскихъ университетахъ тронули до глубины души всю украинскую молодежь Австріи. Они опять показали намъ все варварство и одичалость россійскихъ порядковъ, полицейскіе инстинкты и низкій моральный уровень университетскихъ властей и отсталость той обстановки, среди которой приходится жить большой части украинской молодежи и всему студенчеству русскаго государства. Признавая всю необходимость и трудность борьбы, которую Вы подняли для защиты своей чести и человѣческихъ правъ, мы высказываемъ наши симпатіи и глубокое уваженіе тѣмъ товарищамъ, которые пали жертвами въ этой борьбѣ. Мы, отдѣленные отъ Васъ солдатскимъ кордономъ, не можемъ придти въ Ваши ряды и принять участіе въ той сѣчи, въ которой Вы падаете подъ ударомъ вражьихъ рукъ. Мы, къ сожалѣнію, осуждены въ бездѣйствіи ожидать здѣсь извѣстій съ поля битвы! Но мы болѣе чѣмъ убѣждены, что борьба эта скоро окончится для Васъ полной побѣдой, а потому отъ всей души поздравляемъ Васъ и восклицаемъ: счастливой борьбы, товарищи! Львовъ (Лембергъ), 24-го марта н. ст. 1901 г.“

Вскорѣ въ Прагѣ чешскими студентами-радикалами былъ учрежденъ комитетъ, на который была возложена обязанность заняться организаціей во всѣхъ университетскихъ городахъ Австро-Венгріи студенческихъ митинговъ для выраженія симпатіи русскимъ борцамъ за свободу и для протеста противъ жестокой расправы, учиненной царскими опричниками въ Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ. Рѣшено было, чтобы митинги состоялись по всѣмъ городамъ въ одинъ и тотъ же день, но австрійская полиція, напуганная, какъ видно, женевской демонстраціей противъ русскаго консула, начала запрещать устройство подобныхъ митинговъ, мотивируя свое запрещеніе 1) тѣмъ, что „нечего причинять обиды сосѣднему государству, съ которымъ мы живемъ въ мирѣ“ и 2) — студенческіе кружки всѣ научные, а устраиваемые ими митинги носятъ политическій характеръ, что закономъ не разрѣшается. Иначе посмотрѣло на это дѣло общество. Оно явилось на помощь студентамъ. Въ Прагѣ союзъ соціал-политиковъ созвалъ отъ своего имени собраніе, на которомъ далъ возможность чешскимъ студентамъ выразить свое отношеніе къ русскому рабочему и къ русскому студенческому движенію, съ одной стороны, и къ царизму — съ другой. Политика русскаго царя подвергалась здѣсь такой рѣзкой критикѣ, что полицейскій коммиссаръ распустилъ собраніе. Съ криками: „Долой русскаго царя! Да здравствуетъ революція въ Россіи! Да здравствуетъ русскій рабочій народъ!“ студенты вывалили на улицу, стараясь демонстративно пройтись мимо русскаго консульства. Къ студентамъ присоединились рабочіе, возвращавшіеся въ свою очередь съ собранія, на которомъ парламентскій депутатъ Игнатій Дашинскій, хорошо знакомый съ Россіей (въ одномъ изъ русскихъ остроговъ ему пришлось просидѣть полтора года за политическую агитацію среди поляковъ), говорилъ о положеніи дѣлъ въ Россіи. Демонстрація принимала грандіозные размѣры, и полиціи съ большимъ трудомъ удалось разсѣять толпу и помѣшать ей добраться до помѣщенія русскаго консульства.

Вѣнскіе студенты назначили свой митингъ на 26-ое апрѣля. Полиція его не разрѣшила. Тогда этотъ же митингъ былъ созванъ на 29-ое апрѣля политической рабочей организаціей третьяго участка города Вѣны. Митингъ состоялся въ первоклассномъ и самомъ большомъ по своимъ размѣрамъ ресторанѣ Ронахера. Народу — большей частью студентовъ — собралось свыше 3000. Залъ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ принять участіе въ протестѣ противъ порядковъ, существующихъ въ Россіи. Сюда же пришли и нѣкоторые профессора и приватъ-доценты вѣнскаго университета. Послѣ рѣчей представителей студенчества, выразившихъ горячее сочувствіе своимъ русскимъ коллегамъ и русскимъ рабочимъ, борющимся противъ царскаго деспотизма, на трибуну взошелъ депутатъ парламента Энгельбертъ Пернерсторферъ, который началъ проводить параллели между современнымъ русскимъ студенчествомъ и студенчествомъ австрійскимъ 1848 г. и нынѣшнимъ. Его рѣчь произвела на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. „Съ радостью отмѣчаю тотъ фактъ, — сказалъ онъ, — что вѣнское студенчество оставило въ сторонѣ свою партійность, свое политическое разногласіе и свои національныя распри, какъ только дѣло коснулось манифестаціи въ пользу свободы“. Только одна незначительная группа проживающихъ въ Вѣнѣ австрійскихъ студентовъ сербовъ-націоналистовъ, все еще убѣжденныхъ вслѣдствіе своей наивности и недальновидности въ томъ, что русскій царь со своими солдатами спасетъ ихъ отъ австро-венгерскаго гнета и дастъ имъ автономію, заявила въ лицѣ одного студента свою несолидарность съ протестомъ въ той его формѣ, какую онъ принялъ на этомъ митингѣ. Крики: „Долой! будетъ!“ заставили оратора сойти съ трибуны, не кончивъ своей рѣчи. Отъ имени вѣнскихъ рабочихъ говорилъ на этомъ митингѣ депутатъ парламента Вильгельмъ Элленбогенъ. „Поступокъ русскаго правительства противъ Толстого — говорилъ онъ — есть пощечина, данная русскимъ абсолютизмомъ европейской культурѣ. Кровь, пролитая въ Петербургѣ — наша кровь: не чужды намъ люди, борющіеся въ Россіи, мы ихъ хорошо знаемъ, это люди, которые прошли ту же школу, что и мы: школу порабощенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь обратился ко всему образованному міру съ предложеніемъ устроить повсемѣстный миръ. Онъ ждетъ отвѣта, и мы его даемъ ему: пусть устроится раньше миръ въ твоемъ собственномъ государствѣ!“ Отъ имени польской колоніи въ Вѣнѣ говорилъ одинъ студентъ-технологъ. „Я уполномоченъ — сказалъ онъ — отъ имени поляковъ выразить протестъ противъ поступка студентовъ-поляковъ варшавскаго университета, которые, руководствуясь какимъ-то узкимъ, ничѣмъ не объяснимымъ національнымъ шовинизмомъ, отказались во вредъ собственному дѣлу принимать участіе въ общемъ протестѣ студентовъ русскихъ университетовъ. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ всѣ національности должны идти рука объ руку, и только въ такомъ случаѣ борьба эта будетъ успѣшна. Надѣемся, что польскіе студенты въ Россіи поняли свою оплошность и впредь будутъ знать, какъ имъ поступать!“

Митингъ закончился къ полуночи. Съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ толпа медленно очищала мѣсто собранія. Раздавались крики: „Долой русскаго царя! Да здравствуетъ соціальная революція!“... На улицѣ масса пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ. Произведено нѣсколько арестовъ. Толпа широко раскинулась по всему центру Вѣны. Полиція направила всѣ усилія къ тому, чтобы отстоять консульство и не допустить къ нему демонстрантовъ. Одному моему знакомому все-таки удалось разными закоулками пробраться туда, и вотъ что онъ мнѣ потомъ разсказалъ: У воротъ консульства двое городовыхъ, на углахъ улицы конные и пѣшіе патрули, прохожимъ воспрещаютъ останавливаться, въ помѣщеніи консульства, не смотря на поздній часъ, свѣтло. У воротъ стоитъ самъ консулъ, окруженный всей своей дворней. Два человѣка, которыхъ я видѣлъ на митингѣ, ведутъ съ нимъ оживленный разговоръ, какъ видно, разсказываютъ ему все, что видѣли и слышали на митингѣ. Я хотѣлъ-было подойти поближе, но подоспѣвшій полицейскій приказалъ мнѣ удалиться“...

Вѣнскій митингъ произвелъ огромное впечатлѣніе, такъ что даже легальная русская печать не могла обойти его молчаніемъ, хотя, какъ поступили, напр., царскія „С.-Петербургскія Вѣд.“ (см. ном. 116, отъ 30-го апрѣля), старались загладить впечатлѣніе протеста наивнымъ увѣреніемъ, будто митингъ былъ устроенъ одними нѣмцами и евреями. Что недостатка въ славянахъ и даже романахъ (румыны, итальянцы) на митингѣ не было, это фактъ. Фактъ также и то, что преобладали нѣмцы и евреи, какъ заявляетъ „Нов. Время“. Но, гг. Суворины и Трубецкіе, вѣдь смѣшно и ожидать, чтобы на митингѣ студентовъ нѣмецкаго университа преобладалъ славянскій или романскій элементъ. А за доказательствомъ того, что и славянскіе народы перестаютъ видѣть въ русскомъ царѣ поборника правды, прогресса и культуры, что и они извѣрились въ благія обѣщанія русскаго деспота и что и ихъ симпатіи находятся уже на сторонѣ борющагося русскаго студенчества и рабочаго класса, — ходить не далеко. Что сербы и болгаре — славяне, этого, кажется, никто отрицать не будетъ, а между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ Бѣлградѣ сербскіе студенты устроили митингъ для выраженія симпатіи русскимъ студентамъ, а затѣмъ и демонстрацію передъ русскимъ консульствомъ, во время которой изъ устъ братьевъ-славянъ раздавались возгласы далеко не лестные для русскаго царя. О протестѣ болгаръ противъ русскаго доспотизма читатель найдетъ ниже особое сообщеніе.

* * *

Первое мая было отпраздновано съ обычнымъ торжествомъ. Работа нигдѣ не производилась, даже городскія работы были пріостановлены. Рабочіе кварталы носили праздничный характеръ. Вообще долженъ замѣтить, что австрійскіе, въ особенности вѣнскіе рабочіе знаютъ цѣну интернаціональному празднику, дню перваго мая. Утромъ во всѣхъ частяхъ города состоялись массовыя собранія, на которыхъ ораторы излагали рабочимъ цѣль и значеніе этого дня. Рабочіе явились на собранія въ воскресной одеждѣ, у всякаго на груди былъ майскій значекъ и красная роза. На всѣхъ собраніяхъ была вынесена одна и та же резолюція, въ которой, между прочимъ, австрійскіе рабочіе выражали свой протестъ противъ жестокости и варварства русскаго абсолютизма и свою солидарность съ русскимъ рабочимъ классомъ и революціоннымъ элементомъ изъ учащейся молодежи. Послѣ обѣда рабочіе устроили манифестацію. Демонстративно прошлись они отдѣльными организаціями по всему городу и, соединившись на одной изъ главныхъ улицъ въ одинъ громадный цугъ, направились въ Пратеръ, загородный паркъ, гдѣ и провели весь остатокъ дня. Во многихъ мѣстахъ играла музыка, рабочіе распѣвали революціонныя пѣсни, устраивали танцы и всякими другими способами старались достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ праздникъ труда.

Въ заключеніе замѣчу, что перваго мая лекціи въ вѣнскомъ университетѣ не читаются. Студенты соціалисты своими демонстраціями добились того, чтобы дать возможность праздновать первое мая не только революціоннымъ представителямъ физическаго труда, но и революціоннымъ представителямъ труда умственнаго.

ПОСЛѢДНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБѢДА АВСТРІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

На дняхъ, въ первыхъ числахъ іюля, въ избирательномъ вѣнскомъ округѣ Фаворитенъ происходили выборы депутата въ Нижнеавстрійскій ландтагъ, доставившіе соціалдемократамъ блестящую побѣду надъ буржуазными партіями. Въ этомъ провинціальномъ парламентѣ господствуютъ безраздѣльно злѣйшіе, или вѣрнѣе, нелѣпѣйшіе реакціонеры Австріи, а, пожалуй, и всего цивилизованаго міра, именно — антисемиты. Соціалдемократамъ до крайности затрудненъ, можно сказать, загражденъ доступъ въ него большими ограниченіями избирательнаго права, лишающаго, напр., въ округѣ Фаворитенъ 12.000 рабочихъ возможности участвовать въ выборахъ. Кромѣ платежа извѣстнаго налога, нужно еще имѣть постоянное мѣстожительство въ теченіе трехъ лѣтъ въ данномъ округѣ. Такимъ путемъ, въ Фаворитенѣ больше половины взрослыхъ мужчинъ, т. е. по меньшей мѣрѣ четверть совершеннолѣтнихъ рабочихъ, пользующихся избирательнымъ правомъ для имперскаго парламента, лишены его для нижнеавстрійскаго ландтага. Только сравнительно хорошо поставленное меньшинство рабочаго населенія можетъ участвовать въ выборахъ для него. Вотъ почему соціалдемократы австрійскіе и не пытались еще выступать со своими кандидатами при выборахъ въ ландтагъ.

На этотъ разъ они рѣшились попытать счастье, — и исходъ борьбы вполнѣ оправдалъ ихъ надежды. Борьба была ожесточенная и потребовала со стороны соціалдемократовъ величайшаго напряженія силъ и энергіи. Они выставили кандидатомъ Виктора Адлера, неутомимаго организатора и руководителя австрійской рабочей партіи. Но онъ не только соціалдемократъ, „потрясатель основъ“, врагъ народныхъ эксплуататоровъ; онъ еще къ тому же и еврей, а его противникъ — антисемитъ, да еще „соціальный“, т. е. моргающій невѣжественной массѣ мелкаго люда ремесленниковъ, лавочниковъ и неразвитыхъ рабочихъ громкими, хорошими словами и обѣщаніями разныхъ „реформъ“. Затѣмъ, къ услугамъ антисемитическаго кандидата были большія средства, доставленныя дворянской и поповской партіей для веденія широкой агитаціи и для покупки голосовъ; за него и въ пользу его усердно работала городская управа, мошенническимъ образомъ составлявшая избирательные списки, изъ которыхъ она, подъ разными предлогами, выключала многія сотни избирателей, заподозрѣнныхъ ею въ сочувствіи къ саціалдемократамъ. Наконецъ, начало выборовъ назначено было нарочно въ 7 час. утра, когда большинство рабочихъ должно быть уже на работѣ. Прибавьте ко всему этому ложь, клевету, всевозможныя небылицы, распространявшіяся антисемитами въ своихъ газетахъ и безчисленныхъ воззваніяхъ и листкахъ, разсылаемыхъ изъ дома въ домъ, — и вы получите представленіе о трудностяхъ, съ которыми рабочей партіи пришлось бороться въ послѣдней избирательной кампаніи. И тѣмъ не менѣе, она вышла побѣдительницей, благодаря необычайному единодушію, энергіи и самоотверженности передовыхъ рабочихъ.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, притекавшихъ въ изобиліи въ кассу антисемитической партіи, соціалдемократическіе рабочіе восполнили энтузіазмомъ, страстнымъ воодушевленіемъ и горячимъ желаніемъ видѣть своего любимаго вождя въ ландтагѣ, лицомъ къ лицу съ защитниками и знаменоносцами эксплуататоровъ, облекающимися въ овечью шкуру. И велика же, безгранична была радость рабочаго населенія въ Вѣнѣ, когда побѣда стала извѣстной. Рабочіе прекрасно понимаютъ, что, будучи единственнымъ ихъ продставителемъ въ ландтагѣ, Адлеръ не въ состояніи будетъ добиться серьезныхъ уступокъ для нихъ; они знаютъ, что одна ласточка весны не дѣлаетъ. Да и самъ Адлеръ въ собраніяхъ во время избирательной агитаціи говорилъ имъ это. Но воспитанные соціалдемократической пропагандой и агитацией передовые слои австрійскаго пролетаріата привыкли оцѣнивать свои освободительныя усилія не копѣйками, даже не рублями, вообще не чистоганомъ или непосредственными выгодами, а значеніемъ ихъ прежде всего для роста политическаго самосознанія народныхъ массъ и вліянія рабочей партіи. А съ этой точки зрѣнія послѣдняя избирательная побѣда австрійской соціалдемократіи надъ антисемитами является фактомъ очень важнымъ и очень знаменательнымъ. Отнынѣ соціалдемократамъ, этимъ лицемѣрнымъ „друзьямъ народа“, работающимъ на пользу поповъ и дворянъ, придется въ нижнеавстрійскомъ ландтагѣ часто выслушивать изъ устъ своего опаснѣйшаго противника горькія истины. Адлеръ будетъ разоблачать ихъ двуличную политику по отношенію къ трудящимся классамъ народа, онъ будетъ вносить разныя предложенія и законопроэкты въ пользу этихъ классовъ. Обо всемъ этомъ будутъ знать рабочіе изъ газетъ и отчетовъ самого Адлера въ народныхъ собраніяхъ, — и волей-неволей господствующимъ въ ландтагѣ и вѣнской думѣ антисемитамъ придется все-таки кое-что осуществить изъ требованій рабочей партіи. Но, какъ уже замѣчено выше, не въ уступкахъ главное значеніе ея послѣдней избирательной побѣды. Рабочіе гордятся ею, какъ новымъ проявленіемъ роста своей политической силы и видятъ въ ней брешь, пробитую имъ въ непріятельской крѣпости.

ВЫБОРЫ ВЪ ЦЮРИХСКІЙ ГОРОДСКОЙ СОВѢТЪ.

Въ концѣ іюня происходили выборы гласныхъ въ цюрихскій городской совѣтъ. Въ Швейцаріи, какъ извѣстно, города пользуются чрезвычайно широкимъ самоуправленіемъ, и всѣ совершеннолѣтніе граждане, начиная съ 21-го года, обязаны участвовать въ выборахъ городскихъ гласныхъ. Представительство въ этихъ совѣтахъ имѣетъ, поэтому, для соціалдемократовъ не только агитаціонное, но и непосредственно практическое значеніе, какъ важное орудіе для завоеванія разныхъ реформъ въ пользу рабочихъ. Но это обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что швейцарскіе соціалдемократы слишкомъ долго на первомъ планѣ при выборахъ ставили вопросъ о прямыхъ, матеріальныхъ выгодахъ, а изъ-за него забывали агитаціонно-пропагандистскую сторону дѣла. Только въ теченіе девяностыхъ годовъ они спеціально въ Цюрихѣ начали измѣнять свою избирательную тактику, ставя на первый планъ интересы развитія политической самостоятельности и классового самосознанія пролетаріата. Вмѣсто того, чтобы торговаться или входить въ сдѣлки съ либеральными или буржуазными демократами, продавая имъ свои голоса въ обмѣнъ на обѣщаніе получить отъ нихъ поддержку для соціалистическаго кандидата, соціалдемократы начали выступать совершенно самостоятельно, не заботясь о томъ, дадутъ имъ демократы свои голоса или нѣтъ. Особенно широко примѣнена эта тактика на послѣднихъ городскихъ выборахъ въ Цюрихѣ.

И результаты еще разъ наглядно показали, что полная самостоятельность при выборахъ не только принципіально хороша, но и выгодна съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ партіи и рабочихъ массъ. Прежде, когда соціалдемократическая партія не рѣшалась самостоятельно, безъ сдѣлокъ съ буржуазными демократами, выступать на выборахъ, она имѣла крайне мало представителей въ городскихъ и кантональныхъ совѣтахъ. Да и эти немногіе представители считали себя обязанными своимъ избраніемъ демократамъ. Трудно, почти невозможно было на основаніи выборовъ опредѣлить размѣръ силы и вліянія соціалдемократовъ въ рабочемъ населеніи. Послѣдніе же городскіе выборы доставили имъ 31 мѣсто въ цюрихской думѣ. Соціалдемократическіе гласные составляютъ четвертую долю общаго числа совѣтниковъ думы. И — что особенно важно — они знаютъ, что выбраны почти исключительно сознательными рабочими, а не по милости либеральныхъ демократовъ. Вслѣдствіе этого, они гораздо смѣлѣе, рѣшительнѣе и рѣзче смогутъ предъявлять и отстаивать разныя требованія въ пользу рабочихъ. Съ другой стороны, и буржуазное большинство гласныхъ, зная, какимъ вліяніемъ пользуется соціалдемократія въ рабочихъ массахъ, волей-неволей будетъ считаться съ требованіями ея депутатовъ, изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ еще большее число соціалдемократовъ перейдетъ въ лагерь соціалдемократіи. Но пойдутъ-ли думскіе представители эксплуататорскихъ партій на уступки или нѣтъ, — и менѣе развитые слои рабочихъ поймутъ, что истинной защитницей ихъ интересовъ является одна только соціалдемократія. Такимъ путемъ борьба самостоятельной рабочей фракціи въ думѣ со всѣми буржуазными гласными явится орудіемъ и школой политическаго воспитанія все новыхъ и новыхъ массъ пролетаріата въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ, а косвенно и въ другихъ кантонахъ. Послѣдніе городскіе выборы въ Цюрихѣ составятъ важный этапъ на пути освобожденія швейцарскаго пролетаріата отъ политической опеки буржуазіи. Въ этомъ главное значеніе ихъ результатовъ для соціалдемократіи.

БОЛГАРІЯ.

Апрѣль мѣсяцъ н. г. ознаменовался въ жизни Болгаріи рядомъ событій, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Въ день 20-го апрѣля въ конституціонной Болгаріи исполнилось 25-лѣтіе „Среднегорской революціи“, послѣдствіемъ которой было освобожденіе болгарскаго народа и дарованіе ему конституціи. Рѣшено было достойно отпраздновать этотъ великій юбилей. Болгарскій народъ и его интеллигенція готовились воздать почести своимъ героямъ и смѣлымъ борцамъ за независимость, которые своею кровью и цѣлымъ рядомъ жертвъ добились свободы для родной страны.

Центромъ юбилейнаго торжества былъ городъ Панагюрище, бывшій главнымъ пунктомъ революціонной борьбы въ прошлую славную эпоху. Всѣ слои народа и всѣ партіи послали туда своихъ делегатовъ. Самъ князь, подъ вліяніемъ торжественной атмосферы праздника, забылся до того, что сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ по адресу революціонныхъ дѣятелей, поклонился праху павшихъ революціонеровъ и провозгласилъ тостъ за оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей. Такъ велъ себя тотъ самый князь Фердинандъ, который упорно стремится ввести въ Болгаріи монархизмъ своихъ предковъ-Бурбоновъ! Это былъ фактъ подлаго княжескаго лицемѣрія, за которымъ плохо скрывалось его всегдашнее желаніе сдѣлаться въ одинъ прекрасный день „царемъ Болгаріи и Македоніи“. (Таковой тостъ и былъ произнесенъ однимъ изъ присутствовавшихъ полковниковъ.)

Присутствіе князя и другихъ представителей оффиціальной власти въ Панагюрищѣ — этомъ священномъ мѣстѣ бывшей революціонной борьбы — внесло нежелательный характеръ въ празднованіе: патріотическія рѣчи, военные парады, княжескіе тосты, банкеты, — вотъ что разыгралось здѣсь въ день юбилея. За то въ остальныхъ городахъ Болгаріи юбилей отпраздновался съ должной искренностью и торжественностью и носилъ чисто народный характеръ. Болгарская интеллигенція, носительница современныхъ соц.-дем. идеаловъ, принимала вездѣ живое участіе въ празднованіи и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы будить сознаніе рабочихъ массъ. Воскрешая въ своихъ рѣчахъ передъ народомъ картины прошлой героической борьбы и образы революціонеровъ-борцовъ за политическую свободу, она подчеркивала современное экономическое рабство рабочаго класса и звала народъ воспользоваться добытой политической свободой для завоеванія свободы экономической. Ея предшествующая просвѣтительная дѣятельность среди рабочихъ массъ и горячія рѣчи во время праздника по всѣмъ уголкамъ Болгаріи вызвали въ народѣ энтузіазмъ, и искренніе возгласы за освободительную борьбу международной соціалдемократіи неслись со всѣхъ концовъ страны.

Такъ отпраздновалъ болгарскій народъ 25-лѣтній юбилей славнаго революціоннаго возстанія.

Въ этомъ національномъ праздникѣ участвовали всѣ города и деревни Болгаріи, только столица ея, Софія, оставалась въ этотъ спокойной.

Причиною такого явленія было странное постановленіе властей перенести празднованіе юбилея въ столицѣ на 23-е апрѣля, когда была назначена торжественная закладка памятника Александру II, и соединить такимъ образомъ эти два торжества, ничего общаго между собою не имѣющія и по характеру своему совершенно исключающія другъ друга. Мотивировано было это постановленіе тѣмъ, что въ отсутствіи князя и оффиціальныхъ сферъ не можетъ состояться празднованіе юбилея въ столицѣ Болгаріи. Такого рода оффиціальное распоряженіе вызвало бурю негодованія въ общественномъ мнѣніи и въ печати. Вотъ что пишетъ по этому поводу „Работнически Вѣстник“: „Правительство задумало слить торжества, не имѣющія между собой ничего общаго. Александръ II былъ человѣкъ, олицетворявшій мрачную русскую тираннію, которая и по сегодняшній день давитъ 130 мил. населенія Россіи, а Ботевъ, Левскій, Бенковскій — герои возстанія 70 гг. — были люди, служившіе революціи. Они говорили, что народъ, не умѣющій самъ завоевать себѣ свободу, недостоинъ ея, поэтому они призывали болгарскій народъ возстать, какъ одинъ человѣкъ, чтобы свергнуть тираннію. Александръ же II посылалъ въ Сибирь всякаго, кто осмѣливался мечтать о свободѣ. Если бы

Ботевъ, этотъ безсмертный пѣвецъ свободы, работалъ въ Россіи, то слуги Александра II навѣрняка уморили бы его. Левскій — республиканецъ, отрицавшій царей и князей, говорилъ, что когда освободится Болгарія, онъ поѣдетъ въ Россію бороться за освобожденіе русскаго народа отъ его царя. Такъ что, если бы ему удалось избѣжать турецкой висѣлицы, онъ не миновалъ бы русской. Вопреки всему этому, наше правительство приглашаетъ народъ низкопоклонничать передъ русскимъ царизмомъ въ то самое время, когда онъ будетъ воспѣвать своихъ героевъ революціи".

Живые элементы столицы встрѣтили рѣзкимъ отпоромъ такое насиліе. 22-го апрѣля, наканунѣ предполагаемаго двойного торжества, по иниціативѣ студентовъ, соціалдемократическихъ организацій и македонскихъ революціонеровъ былъ собранъ въ Софіи многолюдный митингъ, на которомъ приняли резолюцію слѣдующаго содержанія: собравшіеся протестуютъ противъ соединенія революціоннаго праздника съ праздникомъ въ честь русскаго монархизма, — особенно въ такой моментъ, когда русское царское правительство убиваетъ мечомъ и нагайкой всякій проблескъ русской свободной мысли; они выражаютъ горячее сочувствіе русскимъ рабочимъ и студентамъ по поводу событій послѣдняго времени въ СПБ., Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и т. д.; они осуждаютъ болгарское правительство за его лакейство передъ русской тираніей и рѣшаютъ не только не принимать участія въ предстоящемъ праздникѣ по случаю закладки памятника Александру II, но и выразить рѣшительный протестъ.

На другой день, когда оффиціальная Болгарія преклонялась передъ русскимъ царизмомъ и дѣлала оваціи русскому консулу, тысячная толпа народа, рабочихъ и студентовъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ демонстрировала по улицамъ столицы. Передъ памятникомъ незабвеннаго болгарскаго революціонера, Василія Левскаго, демонстранты устроили шумныя оваціи, привѣтствовали Македонію, въ которой теперь кипитъ революціонная борьба, и энергично выраженнымъ протестомъ противъ русскаго царизма приковали его къ позорному столбу...

Такимъ образомъ, празднованіе 23-го апрѣля вышло въ столицѣ Болгаріи, Софіи, дѣйствительно двойнымъ, но только не соединеннымъ, не смотря на всѣ усилія правительства. Революціонный юбилей былъ торжественно отпразднованъ народомъ на улицахъ столицы, но это празднованіе было рѣзко отдѣлено отъ празднованія оффиціальныхъ сферъ. Первое было рѣшительнымъ протестомъ противъ второго. Правительство не могло спокойно проглотить пилюлю, поднесенную ему истинной болгарской демократіей и студенческой молодежью, которыя подняли свой голосъ противъ лакеевъ русскаго царизма и высказали братскую солидарность съ русскими борцами. Оно рѣшило наказать протестующихъ. Услужливая полиція арестовала нѣсколькихъ гражданъ и студентовъ, которые и были задержаны въ участкѣ на сутки, вопреки закону. На другой день арестованные были освобождены. Но особенно жестоко рѣшилъ расправиться съ „виновными" студентами академическій совѣтъ университета, этотъ прислужникъ правительства, оказавшійся въ своемъ усердіи еще болѣе русофильскимъ, чѣмъ оно само. Онъ рѣшилъ уволить изъ университета трехъ студентовъ навсегда и 89 на время отъ одного до трехъ семестровъ.

Это обстоятельство вызвало взрывъ негодованія въ обществѣ. Съ какихъ это поръ въ Болгаріи осужденіе правительства въ лакействѣ и выраженіе солидарности съ русскими революціонерами считается политическимъ преступленіемъ? Болгарская конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ свободу слова, печати и собраній, а студенты прежде всего граждане... Соціалистическая и оппозиціонная пресса забили тревогу. Было организовано нѣсколько митинговъ. Вопросъ изъ печати былъ перенесенъ въ парламентъ. Здѣсь соціалдемократическій депутатъ сдѣлалъ запросъ министру юстиціи, почему сразу не были освобождены арестованные. Министръ отвѣтилъ, что тутъ произошло недоразумѣніе. Другой депутатъ сдѣлалъ запросъ министру-президенту, почему студенты уволены. Министръ призналъ, что наказаніе дѣйствительно очень строгое, и сказалъ, что сдѣлаетъ распоряженіе о принятіи всѣхъ тѣхъ, кто подастъ прошеніе о пріемѣ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Номеръ 11-ый „Рабочей Мысли" содержитъ очень богатый матеріалъ для характеристики положенія петербургскихъ рабочихъ въ періодъ промышленнаго кризиса. Матеріалъ этотъ лучше систематизированъ и тщательнѣе обработанъ, чѣмъ въ прежнихъ номерахъ газеты. Изъ статей общаго характера живо написана статья о мартовскихъ дняхъ („современныя событія"), недурно внутреннее обозрѣніе. Передовая („Насущный вопросъ") развиваетъ политическую программу рабочаго движенія. Находя, что „пятилѣтняя школа" экономической борьбы русскихъ рабочихъ уже окончилась, авторъ думаетъ, что настало „время борьбы за права наши, за нашу жизнь(?) и свободу". Наконецъ-то!, облегченно вздыхаетъ читатель, наконецъ-то и „Рабочая Мысль" нашла, что пора бы ужъ заняться и политической борьбою.

Увы! Оказывается, что программа политической борьбы „Раб. Мысли" построена на песцѣ. „Мы прежде всего, говоритъ онъ, будемъ бороться теперь за свободу стачекъ, союзовъ и собраній, личности, слова и печати, потому что такая свобода — это повышеніе нашего заработка и сокращеніе рабочаго дня" и затѣмъ переходитъ къ вопросу о формахъ борьбы.

Итакъ, призывая къ борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ, „Раб. Мысль" не призываетъ къ борьбѣ за сверженіе самодержавія. Нѣтъ, она только желаетъ добиться у самодержавія политическихъ правъ для рабочаго класса. Какимъ образомъ совершится это чудо, какимъ образомъ при самодержавномъ строѣ могутъ существовать всѣ указанныя свободы, — объ этомъ нашъ авторъ не говоритъ, да едва-ли и самъ представляетъ себѣ, какъ это случится.

Здѣсь не мѣсто критиковать это удивительное пониманіе политическихъ задачъ нашего движенія. Этой критики было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы вразумить тѣхъ, кто способенъ къ вразумленію. Съ тѣми же, кто, не смотря на опытъ нашего движенія, продолжаетъ цѣпляться за пошлую либеральную идейку возможности достиженія политической свободы безъ сверженія самодержавія, безъ завоеванія конституціи, — съ ними нельзя спорить, съ ними пора бороться. Глубоко прискорбенъ и постыденъ тотъ фактъ, что петербургскіе соціалдемократы допускаютъ проповѣдь на столбцахъ своей газеты такого рода „программъ", несостоятельность которыхъ должна быть ясна всякому сознательному рабочему.

Намъ доставлено сообщеніе о дѣятельности образовавшейся въ этомъ году въ Кіевѣ группы „Рабочей Воли". Согласно этому сообщенію, изъ Кіевскаго Комитета Рос. С.-Д. Партіи выдѣлились лица, недовольныя направленіемъ его дѣятельности, и, вмѣстѣ съ другими соціалдемократами, образовали новую группу, которая „признала необходимымъ главное вниманіе обратить на развитіе массоваго политическаго самосознанія въ рабочихъ, признала необходимымъ самую широкую политическую агитацію". Группа не сочла возможнымъ работать въ предѣлахъ Комитета въ силу его склонности къ „экономической" агитаціи въ ущербъ „политикѣ".

Мы не знаемъ, насколько обосновано это обвиненіе Кіевскаго Комитета въ пренебреженіи къ политическимъ задачамъ соціалдемократіи. Напротивъ того, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ, равно какъ и фактъ агитаціи Кіевскаго Комитета во время студенческихъ волненій, позволяютъ думать, что „экономизмъ", одно время процвѣтавшій на берегахъ Днѣпра, потерялъ свое обаяніе. Приводимые группой „Рабочей Воли" факты, относящіеся къ этой сторонѣ дѣла, по нашимъ русскимъ условіямъ, слишкомъ стары и не могутъ служить для характеристики взглядовъ теперешняго Комитета.

Намъ, конечно, можетъ быть только пріятно возникновеніе новыхъ группъ, принимающихъ ту программу и тактику, которыя мы пропагандируемъ. Поэтому, и выступленію группы „Рабочей Воли" съ рѣзкой и нѣсколько юношески-задорной критикой отечественнаго „бернштейніанства" мы можемъ только порадоваться, особенно въ виду выраженія новой группой сочувствія нашему изданію. Однако, наше удовольствіе омрачается нѣкоторыми признаками политической незрѣлости, проявляемой новой группой. „Въ настоящее время группа особенно заинтересована въ томъ, чтобы дать возможность рабочему классу самому вести свои дѣла". Благое желаніе, обязательное для всякаго соціалдемократа! Для достиженія этой цѣли соціалдемократія должна какъ можно серьезнѣе относиться къ своей просвѣтительной дѣятельности, должна всѣми зависящими отъ нея средствами поднимать уровень самосознанія рабочихъ, должна стремиться поднять рабочаго до пониманія сложныхъ вопросовъ политической дѣятельности, а не упрощать искусственно эти вопросы, чтобы приспособить ихъ къ наличному уровню пониманія тѣхъ или иныхъ рабочихъ. Развивая политическое самосознаніе рабочаго класса, мы достигаемъ того, что онъ изъ своей среды вырабатываетъ дѣйствительно рабочую интеллигенцію, которая станетъ во главѣ его не для того, конечно, чтобы выбросить за бортъ интеллигенцію, перешедшую на сторону пролетаріата изъ другихъ слоевъ общества, но чтобы свой практическій опытъ соединить съ ея теоретическимъ знаніемъ и революціонной выучкой.

Не такъ, повидимому, полагаетъ новая группа. „Съ этой цѣлью центральное управленіе дѣлами поручено самимъ рабочимъ. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого рѣшенія".

Хорошъ или плохъ этотъ порядокъ, читатели? А это смотря по тому, каковы данные интеллигенты. Если они по недостатку революціоннаго опыта или политическихъ знаній не могутъ считаться достаточно зрѣлыми членами политической организаціи, то всего лучше имъ ограничиться ролью „исполнителей того или другого рѣшенія". Отъ такого раздѣленія труда дѣло можетъ только выиграть. Это ясно, какъ день. Но такъ же ясно, что такое раздѣленіе функцій должно сообразоваться только со степенью зрѣлости даннаго дѣятеля, а отнюдь не съ тѣмъ, кто онъ такой по профессіи — рабочій или „интеллигентъ". Казалось бы — что, кромѣ вреда, можетъ произойти для дѣла оттого, что какая-либо цѣнная сила будетъ устранена отъ участія въ „рѣшеніяхъ" и оставлена въ роли „исполнителя" по тому собственно случаю, что сила эта одѣта въ сюртукъ, а не въ рабочую блузу, а между тѣмъ „рабочій классъ долженъ самъ вести свои дѣла". Удивительное разсужденіе! Вмѣсто того, чтобы энергично работать надъ ростомъ пролетарской интеллигенціи, предлагается той интеллигенціи, которая готова отдать свои силы пролетаріату, отдавать ихъ только въ той степени, въ какой это требуется для того, чтобы „исполнять то или другое рѣшеніе".

Эта искусственная черта, проводимая между товарищами-интеллигентами и товарищами-рабочими, сближаетъ, какъ это ни странно, новую кіевскую группу съ представителями того самаго „экономизма", противъ котораго она ополчается. „Экономисты" тоже всегда стояли на томъ, чтобы интеллигенты только выполняли рѣшенія рабочихъ и не „навязывали" имъ своего пониманія партійныхъ задачъ. Но у „экономистовъ" такое требованіе было совершенно естественно: они вѣдь къ тому и стремились, чтобы дѣятельность соціалистовъ отражала не ихъ собственное пониманіе цѣлей движенія, а то пониманіе, котораго въ данный моментъ достигли рабочіе того или другого района. Но что понятно у сторонниковъ „экономизма", является совершенно непонятнымъ у ихъ противниковъ. И, мы увѣрены, всякій сознательный соціалистъ-рабочій также горячо запротестуетъ противъ этого ненужнаго расшаркиванія передъ его „мускулистой рукой", какъ и противъ всякаго барскаго отношенія къ пролетарію. Положеніе человѣка въ организаціи не должно опредѣляться количествомъ его дипломовъ, — это несомнѣнно, но оно не должно опредѣляться и количествомъ мозолей на рукахъ. Только степенью полезности для дѣла, степенью преданности ему и революціонными способностями должно опредѣляться это положеніе: таковъ единственный демократическій принципъ соціалистической организаціи. Отмѣченная черта новой группы кіевскихъ товарищей представляетъ крайне нежелательное въ партіи явленіе, съ которымъ приходится нынче бороться, какъ съ „модной болѣзнью". Этой болѣзни мы надѣемся посвятить отдѣльную статью.

Группа „Рабочей Воли" издала за два мѣсяца (мартъ-май) пять „Листковъ Рабочей Воли" — гектографированнаго періодическаго органа съ политической окраской.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. Травля литераторовъ продолжается. Сверхъ уже названныхъ, высылкѣ подверглись: Г. Фальборкъ, В. Чарнолусскій, Л Пантелѣевъ и его жена, В. Воронцовъ (В. В.) и А. Калмыкова.

Относительно одной категоріи высланныхъ интеллигентовъ предупреждаетъ мѣстныя власти нижеслѣдующій документъ.

М. В. Д. Секретно.
Костромскаго Губератора
По канцеляріи. Циркулярно.
19-го іюня 1901 г.
№ 1370. Г. Кострома.

Гг. Полицмейстеру г. Костромы, исправникамъ Костромской губерніи.

По разсмотрѣніи въ Особомъ Совѣщаніи, образованномъ согласно ст. 34 Положенія о государственной охранѣ, обстоятельствъ дѣла о проживающихъ въ СПБ нижепоименованныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ политической неблагонадежности, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ постановилъ: воспретить жительство въ университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ литератору Петру Павлову Маслову и доктору философіи Михаилу Михайлову Филиппову на три года, лекарю Василію Павлову Воронцову, дворянину Владиміру Адольфову Генейзеру, присяжному повѣренному Владиміру Леонидову Глинкѣ, студенту Института Путей Сообщенія Владиміру Александрову Заславскому, помощнику присяжнаго повѣреннаго Митрофану Павлову Ульчину(?), фельдшерицѣ Варварѣ Ѳедоровой Кожевниковой, сыну колежскаго ассессора Владиміру Павлову Кранихфельду, отставному штабсъ-капитану Владиміру Викторову Лесевичу, редактору статистическаго отдѣленія Городской Управы Александру Емельянову Лосицкому, Инженеру Путей Сообщенія Николаю Георгіеву Михайловскому, лекарю Ефимію Григорьеву Мунблиту, потомственному почетному гражданину Алексѣю Васильеву Пѣшехонову, секретарю 3-го отдѣла Вольно-Экономическаго Общества Владиміру Владимірову Святловскому и санитарному врачу С.-Петербургскаго Земства Захарію Григорьеву Френкелю на два года и инженеръ-технологу Іосифу Теофилову Зябицкому на одинъ годъ, а лекарю Мойсею Леонтьеву Хейсину лишь въ фабричныхъ мѣстностяхъ на два года.

Объ изложенномъ, вслѣдствіе отношенія Департамента Полиціи, отъ 13-го іюня за ном. 7489, даю знать гг. Полицмейстеру и уѣзднымъ исправникамъ для зависящихъ распоряженій къ воспрещенію означеннымъ лицамъ жительства во ввѣренной мнѣ губерніи на вышеуказанные сроки, исчисляя таковые съ 5-го іюня 1901 года.

Подписалъ: Губернаторъ въ должности егермейстера Высочайшаго Двора И. Леонтьевъ.

ГОЛОДЪ ИДЕТЪ!*)

На горизонтѣ снова голодъ. . Какъ говорятъ „Петерб. Вѣд.": „О видахъ на урожай въ настоящее время приходятъ неблагопріятныя, тревожныя извѣстія, и то обстоятельство, что оглашаетъ ихъ оффиціальное изданіе („Торгово-Промышленная Газета") дѣлаетъ ихъ еще болѣе тревожными, такъ какъ опытъ предыдущихъ неурожайныхъ годовъ показалъ, что оффиціальныя извѣстія о недородѣ являются самыми запоздалыми, когда уже фактъ недорода дѣлается слишкомъ очевиднымъ".

„Недородъ", — или, переводя это канцелярское выраженіе на человѣческій языкъ, — голодъ грозитъ Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губ. и Донской области; сверхъ того, части сѣвернаго Кавказа, Польши и прибалтійскихъ губерній.

На горизонтѣ экономической жизни — голодъ, а на горизонтѣ нашей общественно-политической жизни виднѣются знакомыя картины: борьба правительства съ земствомъ за опредѣленіе „дѣйствительнаго размѣра нужды", урѣзываніе министерскими ножницами смѣтныхъ суммъ продовольственной помощи, обычное цензурное урѣзываніе всѣхъ газетныхъ сообщеній о голодѣ и голодномъ тифѣ, безшабашныя издѣвательства мѣстныхъ властей надъ голодающимъ населеніемъ, имѣющія цѣлью заставить мужика вкушать лебеду вмѣсто хлѣба и не стонать при этомъ и — какъ вѣнецъ всего — всесторонній походъ правительства противъ помощи голодающимъ, организуемой общественной благотворительностью: травля деревенской интеллигенціи, закрытіе кружковъ для помощи голодающимъ, запрещеніе концертовъ въ ихъ пользу, закрытіе столовыхъ. Чего слѣдуетъ ожидать въ этомъ отношеніи — объ этомъ можно судить по ведущейся въ настоящее время „кампаніи" херсонскаго губернатора противъ земскихъ врачей, организовавшихъ помощь голодающимъ Херсонской губерніи. Совсѣмъ на дняхъ запретили оказывать помощь голодающимъ г-жамъ Успенской, Журавской и другимъ.

Въ третій разъ за послѣднее десятилѣтіе Россіи предстоитъ переживать повальную голодовку. Но если въ 1891-1892 годахъ русская демократія только начинала собираться съ силами послѣ долгой летаргіи 80-хъ годовъ, если къ 1897-98 годамъ она была всецѣло поглощена организаціей первыхъ кадровъ борцовъ за свободу, то къ 1901 г. обѣ ея части — и революціонный пролетаріатъ и прогрессивная интеллигенція — значительно лучше организованы и вооружены и могутъ повести систематическій походъ противъ существующаго строя. Еще не смолкъ шумъ первой открытой схватки съ правительствомъ, еще не улеглось волненіе мартовскихъ дней, правительство еще не оправилось отъ нравственныхъ пораженій, и все усиливающаяся безработица, охватившая громадные районы, каждодневно революціонизируетъ умы пролетаріата.

Въ этотъ моментъ на страну надвигается черная туча народнаго бѣдствія, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусокъ хлѣба отъ голоднаго населенія, карающей всякое невходящее въ виды начальства „оказательство" заботы о голодныхъ людяхъ. Пусть же и русская демократія готовится съ честью встрѣтить этотъ моментъ новой борьбы царской опричнины съ обществомъ и народомъ.

„Въ народъ!" Пусть этотъ лозунгъ объединитъ всѣхъ тѣхъ борцовъ за прогрессъ, которые въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ стоятъ внѣ революціонной борьбы. „Въ народъ!" — не смотря и вопреки тѣмъ рогаткамъ, которыя будетъ ставить правительство; „въ народъ!" — нравится-ли это администраціи, или нѣтъ. Если вамъ запретятъ устраивать кружки помощи голодающимъ, устраивайте ихъ тайно; если вамъ запретятъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о положеніи голодающихъ, публикуйте ихъ нелегально; если вамъ запретятъ призывать открыто къ организаціи общественной помощи, — призывайте черезъ посредство подпольной печати. И на каждый актъ правительственнаго произвола, на каждое правительственное преступленіе противъ жизни голодной деревни отвѣчайте общественнымъ протестомъ. Бойкотируйте и подвергайте публичному посрамленію тѣхъ общественныхъ дѣятелей. которые будутъ стоять за преуменьшеніе ссуды голодающимъ; организуйте протесты противъ правительственныхъ запрещеній общественной помощи, демонстраціи противъ администраторовъ, которые будутъ отличаться рьянымъ выполненіемъ гнусныхъ преднадчертаній высшей власти; поддержите открытымъ выраженіемъ сочувствія тѣхъ, кто подвергнется гоненію за исполненіе гражданскаго долга.

И прежде всего и главнѣе всего — обличайте! Обличайте всѣхъ чиновниковъ, которые будутъ грѣть руки на народномъ бѣдствіи, обличайте всѣхъ расхитителей достоянія, предназначеннаго голодающимъ, всѣхъ героевъ цензурнаго намордника и „пресѣченія" общественной помощи. Обличайте: „Искра" предлагаетъ свои столбцы для начатія обличительной кампаніи противъ „продовольственной кампаніи", которую поведетъ правительство.

А вы, товарищи, вы, соціалисты всѣхъ фракцій, должны сдѣлать все возможное, чтобы на гулъ культурно-либеральной борьбы за накормленіе голодныхъ отвѣтило грозное эхо революціоннаго протеста. Поддерживая каждый общественный протестъ за право помогать голодающимъ, придавайте ему сознательно-политическій характеръ! Революціонизируйте общественное мнѣніе и направляйте его противъ главныхъ виновниковъ бѣдствія! Организуйте на мѣстахъ агитацію за расширеніе ссудъ голодающимъ, призывайте къ протестамъ противъ увѣзыванія этихъ ссудъ правительствомъ! Покажите рабочимъ, что государственный строй, который, обостривъ процессъ промышленнаго развитія, отнялъ у пролетаріата всякія средства самопомощи противъ бѣдствій кризиса, — что это тотъ самый строй, который, усиливая и обостряя нищету въ деревнѣ, оставилъ ее безпомощной въ дѣлѣ борьбы съ послѣдствіями неурожая. Призывайте рабочихъ къ поддержкѣ протестовъ общества, зовите ихъ брать на себя иниціативу организаціи такихъ протестовъ; черезъ посредство городскихъ рабочихъ обращайте свой голосъ къ крестьянамъ и передъ ними обличайте преступную политику самодержавія.

И если Россіи суждено еще разъ перенести „голодный годъ", пусть, отходя въ вѣчность, онъ оставитъ за собой не однѣ опустѣлыя хаты вымершаго населенія, не одно умноженіе безлошадныхъ и безхозяйныхъ, не одно усиленіе бѣдствій безработицы, созданной нынѣшнимъ кризисомъ, не одно увеличеніе „горя, нищеты, вырожденія и одичанія", но пусть передастъ своему преемнику во сто кратъ усиленное общественное возмущеніе и кадры готовыхъ къ борьбѣ и побѣдѣ борцовъ за низверженіе преступнаго и безнравственнаго режима.

*) Номеръ былъ уже сверстанъ, когда въ газетахъ появились извѣстія объ ожидаемомъ повальномъ недородѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Обѣщанный нами въ прошломъ номерѣ отзывъ о предисловіи г. Р. Н. С. къ „Запискѣ" Витте составилъ цѣлую статью, которая будетъ помѣщена во второмъ номерѣ „Зари".

Получено изъ заграницы черезъ К. Г. — 209,10 фр., черезъ Д. Д. 70,25 фр. (изъ нихъ 5 фр. отъ Пипочки), изъ М-на 68 мар.

Опечатка. Въ замѣткѣ „Чествованіе Курицына" вкралась опечатка: вмѣсто Хробязгинъ надо читать Дробязгинъ.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 7 АВГУСТЪ 1901 ГОДА. № 7

УРОКИ КРИЗИСА.

Вотъ уже почти два года, какъ тянется торгово-промышленный кризисъ. И онъ, повидимому, все разростается, захватывая новыя отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная съ декабря прошлаго года, въ каждомъ номерѣ отмѣчала такъ или иначе развитіе кризиса и его гибельныя дѣйствія. Пора поставить общій вопросъ о причинахъ и значеніи этого явленія. Для Россіи оно сравнительно ново, какъ новъ и весь нашъ капитализмъ. Въ старыхъ же капиталистическихъ странахъ, т. е. въ такихъ странахъ, въ которыхъ большинство продуктовъ производится на продажу, въ которыхъ большинство рабочихъ не имѣетъ ни земли, ни орудій труда, и продаетъ свою рабочую силу, нанимаясь въ чужія хозяйства, нанимаясь къ собственникамъ, владѣющимъ землей, фабриками, машинами и проч., — въ капиталистическихъ странахъ кризисъ есть явленіе старое, повторяющееся отъ времени до времени, какъ припадокъ хронической болѣзни. Кризисы можно, поэтому, предсказывать, и когда въ Россіи сталъ особенно быстро развиваться капитализмъ, — въ соціалдемократической литературѣ былъ предсказанъ и теперешній кризисъ. Въ брошюрѣ: „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“, написанной въ концѣ 1897 г., говорилось: „Въ настоящее время мы переживаемъ, видимо, тотъ періодъ капиталистическаго цикла (оборота, повторяющаго одни и тѣ же событія, какъ повторяются зима и лѣто), когда промышленность „процвѣтаетъ“, торговля идетъ бойко, фабрики работаютъ во всю и, какъ грибы послѣ дождя, появляются безчисленные новые заводы, новыя предпріятія, акціонерныя общества, желѣзнодорожныя сооруженія и т. д. и т. д. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать неизбѣжность краха (болѣе или менѣе крутого), который долженъ послѣдовать за этимъ „процвѣтаніемъ“ промышленности. Такой крахъ разоритъ массу мелкихъ хозяйчиковъ, броситъ массы рабочихъ въ ряды безработныхъ“... И крахъ наступилъ — такой крутой, какого еще Россія не видывала. Отчего же зависитъ эта ужасная хроническая болѣзнь капиталистическаго общества, возвращающаяся такъ правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не можетъ развиваться иначе, какъ скачками, два шага впередъ и шагъ (а иногда и цѣлыхъ два) назадъ. Какъ мы уже замѣтили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаровъ на рынокъ. А распоряжаются производствомъ отдѣльные капиталисты, каждый по одиночкѣ, и никто не можетъ въ точности знать, сколько именно и какихъ именно продуктовъ требуется на рынкѣ. Производятъ на-угадъ, заботясь только о томъ, чтобы перегнать другъ друга. Вполнѣ естественно, что количество произведеннаго можетъ не соотвѣтствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынокъ внезапно расширяется на новыя, неизвѣданныя и громадныя области. Такъ именно обстояло дѣло, когда начиналось недавно пережитое нами „процвѣтаніе“ промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы къ населенной сотнями милліоновъ части свѣта, къ Азіи, въ которой до тѣхъ поръ только Индія да небольшая часть окраины была связана тѣсно со всемірнымъ рынкомъ. Закаспійская дорога стала „открывать“ для капитала Среднюю Азію, „Великая Сибирская дорога“ (великая не только по своей длинѣ, но и по безмѣрному грабежу строителями казенныхъ денегъ, по безмѣрной эксплуатаціи строившихъ ее рабочихъ) открывала Сибирь, Японія стала превращаться въ промышленную націю и попробовала пробить брешь въ китайской стѣнѣ, открывая такой лакомый кусокъ, который сразу ухватили зубами капиталисты Англіи, Германіи, Франціи, Россіи и даже Италіи. Постройки гигантскихъ желѣзныхъ дорогъ, расширеніе всемірнаго рынка и ростъ торговли — все это вызвало неожиданное оживленіе промышленности, ростъ новыхъ предпріятій, бѣшеную погоню за рынкомъ для сбыта, погоню за прибылью, основаніе новыхъ обществъ, привлеченіе къ производству массы новыхъ капиталовъ, составленныхъ отчасти и изъ небольшихъ сбереженій мелкихъ капиталистовъ. Неудивительно, что эта бѣшеная всемірная погоня за новыми неизвѣстными рынками привела къ громадному краху.

Чтобы ясно представить себѣ эту погоню, надо принять во вниманіе, какіе колоссы участвовали въ ней. Когда говорятъ: „отдѣльныя предпріятія“, „одиночные капиталисты“, то часто забываютъ, что въ сущности эти выраженія неточны. Въ сущности, отдѣльнымъ и одиночнымъ осталось только присвоеніе прибыли, а само производство стало общественнымъ. Гигантскіе крахи только потому и стали возможны и неизбѣжны, что въ подчиненіи у шайки богачей, ищущихъ одной наживы, оказались могучія общественныя производительныя силы. Пояснимъ это примѣромъ изъ русской промышленности. Въ послѣднее время кризисъ распространился и на область нефти. А въ этой промышленности ворочаютъ такія, напр., предпріятія, какъ „Товарищество нефтяного производства бр. Нобель“. Въ 1899 г. товарищество продало 163 мил. пуд. нефтяныхъ продуктовъ на сумму $53^1/_2$ мил. руб., а въ 1900 г. уже 192 мил. пуд. на сумму 76 мил. руб. Въ одинъ годъ увеличеніе производства въ одномъ предпріятіи на $18^1/_2$ мил. руб.! Такое „одно предпріятіе“ держится объединеннымъ трудомъ десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ добываніемъ нефти, переработкой ея, доставкой ея по нефтепроводамъ, желѣзнымъ дорогамъ, морямъ и рѣкамъ, занятыхъ постройкой необходимыхъ для этого машинъ, складовъ, матеріаловъ, баржъ, пароходовъ и пр. Всѣ эти десятки тысячъ рабочихъ работаютъ на все общество, а распоряжается ихъ трудомъ горсточка милліонеровъ, которая присваиваетъ себѣ всю прибыль, приносимую этимъ организованнымъ трудомъ массъ. (Тов. Нобель получило чистой прибыли въ 1899 г. — 4 мил. руб., а въ 1900 г. — 6 мил. руб., изъ которыхъ акціонеры получили по 1300 руб. на пай въ 5000 руб., а пять членовъ правленія получили награды 528.000 руб.!) Если нѣсколько такихъ предпріятій бросается въ бѣшеную гонку для захвата мѣста на невѣдомомъ рынкѣ, то удивительно-ли наступленіе кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль отъ предпріятія, надо продать товары, найти покупателей. И покупателемъ должна быть вся масса населенія, потому что громадныя предпріятія производятъ горы и горы продуктовъ. А во всѣхъ капиталистическихъ странахъ девять десятыхъ населенія состоитъ изъ нищихъ: изъ рабочихъ, получающихъ самую скудную заработную плату, изъ крестьянъ, живущихъ въ массѣ еще хуже рабочихъ. И вотъ, когда крупная промышленность во время процвѣтанія размахивается произвести какъ можно больше, — она выбрасываетъ на рынокъ такую массу продуктовъ, что за нихъ не въ состояніи заплатить неимущее большинство народа. Количество машинъ, орудій, складовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. все возрастаетъ, но это возрастаніе отъ времени до времени прерывается, потому что масса народа, для котораго въ концѣ концовъ предназначены всѣ эти улучшенные способы производства, остается въ бѣдности, доходящей до нищенства. Кризисъ показываетъ, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктовъ, идущихъ на улучшеніе жизни всего трудящагося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частныхъ собственниковъ, извлекающихъ милліоны изъ народной нищеты. Кризисъ показываетъ, что рабочіе не могутъ ограничиться борьбой за отдѣльныя уступки со стороны капиталистовъ: во время оживленія промышленности такія уступки можно завоевать (и русскіе рабочіе своей энергичной борьбой не разъ завоевывали себѣ уступки въ 1894-98 гг.), — но приходитъ крахъ, и капиталисты не только отбираютъ назадъ данныя ими уступки, но и пользуются безпомощностью рабочихъ для еще большаго пониженія платы. И такъ неизбѣжно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока арміи соціалистическаго пролетаріата не низвергнутъ господства капитала и частной собственности. Кризисъ показываетъ, какъ близоруки были тѣ соціалисты (называющіе себя „критиками“, должно быть, на томъ основаніи, что они безъ критики перенимаютъ ученія буржуазныхъ экономистовъ), которые два года тому назадъ шумно заявляли о томъ, что крахи становятся теперь менѣе вѣроятными.

Уроки кризиса, разоблачающаго всю нелѣпость подчиненія общественнаго производства частной собственности, такъ назидательны, что теперь и буржуазная печать требуетъ усиленія надзора — напр., надъ банками. Но никакой надзоръ не помѣшаетъ капиталистамъ основать во время оживленія такія предпріятія, которыя неминуемо потомъ банкротятся. Алчевскій, бывшій основателемъ обанкротившихся земельнаго и торговаго банка въ Харьковѣ, доставалъ себѣ правдами и неправдами милліоны рублей для основанія и поддержки горнопромышленныхъ предпріятій, сулившихъ золотыя горы. И заминка въ промышленности погубила эти банки и горныя предпріятія (Донецко-Юрьевское общество). Но что означаетъ эта „гибель“ предпріятій въ капиталистическомъ обществѣ? Это означаетъ, что слабые капиталисты, капиталисты „второй величины“ вытѣсняются болѣе солидными милліонерами. Харьковскаго милліонера Алчевскаго замѣняетъ московскій милліонеръ Рябушинскій, который, какъ болѣе богатый капиталомъ, будетъ еще сильнѣе давить на рабочаго. Замѣна второстепенныхъ богачей первостепенными, увеличеніе силы капитала, разореніе массы мелкихъ собственниковъ (напр., мелкихъ вкладчиковъ, теряющихъ съ крахомъ банка все имущество), страшное обнищаніе рабочихъ — вотъ что ведетъ за собой кризисъ. Напомнимъ еще описанные въ „Искрѣ“ случаи, что капиталисты удлиняютъ рабочій день и стараются при разсчетѣ замѣнить сознательныхъ рабочихъ болѣе покорными сермягами.

Въ Россіи вообще дѣйствіе кризиса неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Къ застою въ промышленности присоединяется у насъ голодовка крестьянъ. Безработныхъ рабочихъ высылаютъ изъ городовъ въ деревни, но куда будутъ высылать безработныхъ крестьянъ? Высылкой рабочихъ хотятъ очистить отъ безпокойнаго народа города, но, можетъ быть, высылаемымъ удастся пробудить хоть часть крестьянъ отъ ихъ вѣковой покорности и поднять ихъ на заявленія не однихъ только просьбъ, но и требованій? Рабочихъ и крестьянъ сближаетъ теперь не только безработица и голодъ, но также и тотъ полицейскій гнетъ, который отнимаетъ у рабочихъ возможность соединенія и защиты, отнимаетъ у крестьянъ даже приходящую къ нимъ отъ доброхотныхъ жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто разъ тяжелѣе для милліоновъ народа, потерявшаго всякія средства къ жизни. Жандармы и полиція въ городахъ, земскіе начальники и урядники въ деревняхъ ясно видятъ, что ненависть къ нимъ растетъ, и они начинаютъ бояться не только деревенскихъ столовыхъ, но и газетныхъ объявленій о сборѣ пожертвованій. Боязнь пожертвованій! И вправду, вѣрно, на ворѣ шапка горитъ. Когда воръ видитъ, что обокраденному имъ человѣку прохожій протягиваетъ подаяніе, — вору начинаетъ казаться, что они подаютъ другъ другу руки, чтобы общими силами расправиться съ нимъ.

СЛЕЗЫ СТАРАГО КРОКОДИЛА.

Когда же оный крокодилъ жертву свою поглощаетъ, изъ глазъ его льются слезы, и мнится, что онъ плачетъ, себя жалѣючи, что столько-де труда ему надо, чтобы жертву свою заглотать. Но онымъ слезамъ, на нихъ глядючи, никто не вѣритъ, ибо слезы-то эти крокодиловы.

Изъ древняго сказанія о крокодилахъ.

Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Синода за 1898 г., заключающій данныя объ успѣхахъ русскаго сектантства и борьбы съ нимъ православной церкви. Это произведеніе г. Побѣдоносцева представляетъ новый обвинительный актъ противъ милліоновъ „отпавшихъ отъ православія“, противъ милліоновъ крестьянскаго, мѣщанскаго и рабочаго люда, примыкающихъ къ религіознымъ сектамъ, главнымъ образомъ, къ штундѣ.

„Возбужденное и тревожное настроеніе“, увѣряетъ г. Побѣдоносцевъ, внезапно проявилось въ сектантскомъ мірѣ. Это настроеніе „выражалось въ необыкновенной дерзости сектантовъ въ отношеніи къ православному населенію, особенно же къ духовенству, полиціи и вообще должностнымъ лицамъ, — въ намѣренномъ глумленіи надъ святынями православія и въ открытой пропагандѣ своего лжеученія, какъ въ православномъ населеніи, такъ и въ средѣ стараго сектантства.“

Это не намъ, читатель, принадлежитъ постановка рядомъ духовенства и полиціи, какъ родныхъ элементовъ, противъ которыхъ проявляется „необыкновенная дерзость“ сектантовъ. Нѣтъ, это рука г. Побѣдоносцева безстрашно сопоставила святыню поповской рясы и полицейскаго мундира. И мы ниже увидимъ, что весь іезуитски-кляузный доноса Побѣдоносцева проникнутъ желаніемъ представить сектантовъ прежде всего врагами... полиціи, полицейскаго государства. „Намъ самимъ ничего не надо“, хотятъ увѣрить Побѣдоносцевъ и отцы-миссіонеры государственную власть. Нѣтъ, прежде всего забота о государствѣ, объ его интересахъ руководила рукой доносителей.

„На требованія полиціи прекратить незаконныя (молитвенныя) собранія, штундисты отвѣчали систематическимъ ослушаніемъ, грубостями и даже насиліями, упорно заявляя, что они не желаютъ подчиняться требованіямъ мѣстной власти, такъ какъ увѣрены въ изданіи новаго закона въ пользу свободы ихъ вѣры“.

Что ни слово, то явная ложь. Ложь относительно „открытой пропаганды лжеученія“, ибо угроза ссылки на поселеніе съ лишеніемъ правъ всего менѣе располагаетъ штундистовъ къ пропагандѣ у всѣхъ на виду. Еслибъ пропаганда штундистовъ была такой „открытой“, то не пришлось бы для осужденія сектантовъ прибѣгать къ многотрудному дѣлу отысканія „самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей“, безъ которыхъ рѣдко удается добиться обвинительнаго приговора для штундистовъ, ибо гонимая секта вынуждена распространять свое ученіе съ величайшей опаской.

Разсказъ о томъ, что штундисты грубостью и даже насиліями отвѣчаютъ на приказъ полиціи прекратить собраніе — принадлежитъ также къ числу самыхъ несомнѣнныхъ вымысловъ. Десятки дѣлъ о „незаконныхъ“ молитвенныхъ собраніяхъ разбираются мировыми судами, и въ составленныхъ полиціей протоколахъ никогда не говорится о „бунтѣ“ сектантовъ, и послѣдніе никогда не обвиняются въ сопротивленіи властямъ.

Но, продолжаетъ г. Побѣдоносцевъ, „отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются; изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальной грамотѣ, устраняя тѣмъ доброе православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты“.

Какой броней лицемѣрія надо, однако, запастись, чтобы ставить сектантамъ въ вину, что они „упорно уклоняются“ отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій! Вѣдь такія собесѣдованія ведутся сплошь и рядомъ въ невозможно тяжелой для сектантовъ обстановкѣ: въ присутствіи чиновъ полиціи, слѣдящихъ за тѣмъ, кто что говоритъ; въ присутствіи нафанатизированной толпы православныхъ, готовыхъ въ своей темнотѣ разорвать „нераскаянныхъ еретиковъ“; вѣдь въ этихъ „собесѣдованіяхъ“ одна сторона „бесѣдуетъ“, опираясь на покровительство закона, имѣя возможность въ спорѣ съ противникомъ развить всѣ свои доводы; другая же сторона должна защищать правоту своего ученія подъ страхомъ кары за каждое правдивое слово, зная, что разъясненіе ея ученія считается по закону тяжкимъ преступленіемъ и сверхъ закона можетъ навлечь на нее самыя непріятныя послѣдствія. Мудрено-ли, что сектанты „уклоняются“ отъ такихъ „собесѣдованій“, напоминающихъ Щедринскій разговоръ торжествующей свиньи и оголодавшей Правды. Удивительно-ли и то, что сектанты не желаютъ держать своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, гдѣ ихъ заставляютъ учить тотъ „Законъ Божій“, который родители считаютъ неправдой?

Но для гг. Побѣдоносцевыхъ нежеланіе подчиниться этому принужденію есть одно изъ доказательствъ „упорства“. Гг. Побѣдоносцевы твердо увѣрены, что „карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“, и когда въ крестьянскихъ карасяхъ встрѣчается нежеланіе безропотно жариться, то начинаютъ кричать объ ихъ злой волѣ, объ ихъ упорствѣ и дерзости.

Этой же вѣрой въ то, что карась любитъ, чтобы его жарили, объясняется слѣдующая жалоба Побѣдоносцева. „Агитаціонный духъ современной штунды вызвалъ у сектантовъ стремленіе къ кляузамъ и сутяжничеству, выражающимся въ подачѣ жалобъ, заявленій и прошеній въ разныя правительственныя учрежденія, въ скитаніи по судамъ“. Вотъ подите-жъ: всеблагая кроткая церковь неукоснительно предаетъ людей въ руки свѣтской власти для наказанія „безъ пролитія крови“, какъ нѣкогда выражалась святая инквизиція, отдавая еретиковъ на сожженіе, — а они, неблагодарные, защищаются, пишутъ прошенія, „скитаются по судамъ“. Да, г. Побѣдоносцевъ, „скитаются“, но скитаются не только изъ одного судебнаго учрежденія въ другое, не только изъ одной канцеляріи въ другую. Недалеко уже отъ насъ то время, когда Россія узнаетъ всю правду о томъ, какъ люди, вся вина которыхъ заключалась въ поискахъ нравственной истины, „скитались“ изъ Новороссіи въ Закавказье, изъ Закавказья въ сибирскія тундры, скитались въ арестантскихъ халатахъ съ бубновыми тузами, въ обществѣ воровъ и разбойниковъ, подъ конвоемъ и въ кандалахъ. Это время не за горами, и старый крокодилъ, быть можетъ, уже смутно его предчувствуетъ, когда, пожирая свои жертвы, льетъ слезы объ ихъ упорствѣ и сутяжничествѣ, о томъ, что процессъ глотанія причиняетъ нѣкоторыя затрудненія и вкусная пища грозитъ стать коломъ въ глоткѣ.

Горькія слезы льетъ нашъ крокодилъ по поводу того обстоятельства, что мужицкое сектантское движеніе начинаетъ находить откликъ на поверхности общественной жизни, привлекая къ себѣ нѣкоторые элементы интеллигенціи. „Пропаганда этихъ ложныхъ идей и воззрѣній идетъ въ средѣ народнаго сектантства на почвѣ сближенія интеллигентныхъ послѣдователей этихъ лжеученій (толстовства) съ главарями штундовой секты“. И далѣе: „Въ числѣ другихъ причинъ, порождающихъ въ средѣ народнаго сектантства броженіе, миссіонерскіе отчеты указываютъ также и на агитацію въ пользу мнимо-угнетенныхъ сектантовъ („мнимо-угнетенныхъ“! о бѣдный, несправедливо обижаемый крокодилъ!) со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральной, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію“.

Да, покровители виноваты, это несомнѣнно. По милости этихъ покровителей теперь уже нельзя въ тиши душить и истязать „отпавшихъ отъ истинной церкви“; нѣтъ, нѣтъ и проскочитъ

что-нибудь въ печать русскую или заграничную. Бѣдный крокодилъ вспомнилъ, должно быть, непріятный шумъ, который поднялся по поводу его попытки отнять у мужиковъ-молоканъ ихъ дѣтей для воспитанія въ православной вѣрѣ. Въ тотъ разъ заступничество Л. Толстого и его агатація за „мнимо-угнетенныхъ“ молоканъ заставила крокодила захлопнуть уже разверстую пасть. И вы еще удивляетесь, что изъ его глазъ льются неподдѣльныя слезы!

Итакъ, господствующая церковь угнетена: поощряемые „либералами“ сектанты тѣснятъ ее со всѣхъ сторонъ. Хуже всего, что отъ штундистовъ сами православные начинаютъ заражаться неприличнымъ отношеніемъ къ церкви и ея смиреннымъ служителямъ. Вотъ что пишетъ напр., одинъ миссіонеръ въ іюньскомъ выпускѣ журнала „Миссіон. Обозр.“ за 1901 г.: „Въ нѣкоторыхъ зараженныхъ приходахъ, особенно гдѣ пастыри не на высотѣ своего служенія, миссіонеръ гораздо хуже себя чувствуетъ въ бесѣдѣ съ православными, чѣмъ съ сектантами. Едва начнется бесѣда, какъ православные буквально забросаютъ миссіонера обвиненіями и злословіями на приходскаго священника. Затѣмъ, подъ давленіемъ раздраженія, начинается открытое отрицаніе истинъ самого православія. Положеніе миссіонера очень нехорошее: въ бесѣдахъ съ сектантами онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что защищаетъ православіе отъ враговъ его, а здѣсь онъ долженъ защищать православіе и пастыря отъ самихъ православныхъ“. Вотъ бѣда-то! Приходится защищать православіе отъ самихъ православныхъ! Трудно, казалось бы, вообразить болѣе тягостное положеніе православной церкви. И все же, если бѣдные пастыри призываютъ на сектантовъ громы начальственнаго гнѣва, они это дѣлаютъ не во имя своего столь тягостнаго положенія. Нѣтъ! „намъ самимъ ничего не надо“, и вся забота отцовъ церкви направлена на интересы государства и — собственности.

Послушаемъ г. Побѣдоносцева.

„Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современныхъ штундистовъ, все болѣе и болѣе расширяя область своего отрицанія, принимаетъ направленіе, крайне опасное для соціально-политическаго строя нашего отечества“.

Карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. Русскій „внутренній врагъ“ предпочитаетъ быть зажареннымъ подъ соусомъ политической неблагонадежности. Г. Побѣдоносцевъ и вся черная братія, иже съ нимъ, усердно занята изготовленіемъ этого соуса для отпавшихъ отъ православія. Вотъ какъ изображаетъ политическую „подоплеку“ штундизма екатеринославскій миссіонеръ, мнѣніе котораго приводитъ г. Побѣдоносцевъ.

„Современный штундистъ много говоритъ о своей любви къ Христу и усердно читаетъ Евангеліе, но онъ любитъ Христа не какъ Бога Искупителя, но какъ спеціально политическаго дѣятеля, онъ любитъ не Евангельскаго Христа, а „своего“, котораго создало его воображеніе, подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни“. Но, поясняетъ г. Побѣдоносцевъ, „свобода, къ которой стремятся штундисты, есть свобода отъ всѣхъ обязанностей русскаго человѣка, какъ гражданина своего отечества, свобода отъ всѣхъ обязанностей православнаго христіанина, словомъ, свобода, льстящая одной лишь чувственной сторонѣ человѣка и по сему привлекающая многихъ“.

Отцы-миссіонеры приводятъ доказательства изъ своей практики. Такъ, екатеринославскій миссіонеръ разсказываетъ, что одинъ штундистъ сказалъ ему: „Мы не желаемъ идти за вами; мы не любимъ вашего Христа; вы съ вашимъ Христомъ мѣняли людей на собакъ, а мы съ нашимъ Христомъ желаемъ быть свободными“. Миссіонеръ Купчевскій изъ Херсонской губерніи приводитъ („Миссіонерское Обозрѣніе“, іюнь 1901 г.) такія слова штундиста Ваганько: „Что это за церковь? вотъ въ первыя времена была Церковь, такъ Церковь: тамъ все было общее. А у васъ что? Одинъ имѣетъ тысячу десятинъ, а другой ничего“, возмущается Ваганько, намекая на имѣніе одесскаго городского головы г. Зеленаго.

„Но желанія сектантовъ идутъ гораздо дальше“, стращаетъ херсонскій миссіонеръ и въ доказательство приводитъ ужасную фразу, сказанную якобы „вожакомъ штунды“ въ мѣстечкѣ Березовкѣ, Гаврющенко: „Если бы всѣ такъ увѣровали, какъ баптисты, можно и царя перемѣнять черезъ каждые три года, какъ старосту“.

Вонъ гдѣ таится республиканская опасность. Жалко только, что доносъ исходитъ изъ очень мутнаго источника. Именно, страшную фразу слышали отъ Гаврющенко два бывшихъ штундиста Шабловскій и Деичъ, вернувшіеся въ лоно православія. А это всѣмъ извѣстно, что когда человѣкъ, не устоявъ передъ искушеніемъ, отказался отъ гонимой партіи или секты и даетъ о ней „откровенныя“ показанія, — то въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ самымъ достовѣрнымъ лжесвидѣтелемъ.

Такой же лжесвидѣтель помогъ, если вѣрить г. Побѣдоносцеву, раскрыть участіе штундистовъ — въ чемъ бы вы думали? въ соціалдемократическомъ рабочемъ движеніи. „Иногда штундисты отъ словъ переходятъ къ дѣлу, что, по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, подтвердило ихъ участіе въ тайномъ движеніи среди рабочихъ города Николаева, образовавшихъ т.-н. „союзъ русскихъ соціалдемократовъ“, открытый полиціей при содѣйствіи одного возвратившагося въ православіе быв. штундиста“.

Этотъ „возвратившійся“ грѣшникъ игралъ въ Николаевскомъ дѣлѣ роль шпіона-провокатора. Участіе штундистовъ въ „южнорусскомъ рабочемъ союзѣ“ 1897-98 гг. (названіе преосвященный перепуталъ) подтверждается авторами брошюры „Рабочее движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ“. Г. Побѣдоносцевъ только „забылъ“ пояснить, что обвиняемые имъ лица участвовали въ „Союзѣ“ не какъ штундисты, но какъ соціалисты, переставъ быть сектантами. Въ нашихъ рядахъ насчитывается не мало рабочихъ, которые до знакомства съ соціализмомъ, прошли черезъ сектантство. Но дѣлать отсюда выводъ, что сектантство есть тотъ же соціализмъ, могутъ только преосвященные и Побѣдоносцевы.

Мы здѣсь не станемъ касаться интереснаго вопроса о соціально-политическомъ значеніи современнаго сектантства. Вопросу этому мы надѣемся вскорѣ посвятить отдѣльную статью. Скажемъ только, что рѣшается онъ болѣе сложнымъ путемъ, чѣмъ это воображаетъ злостное невѣжество отцовъ-миссіонеровъ. Если послѣдніе, опираясь на показанія самыхъ завѣдомыхъ лжесвидѣтелей, выступаютъ съ политическимъ доносомъ противъ сектантовъ, то дѣлается это съ явной цѣлью: подготовить общественное мнѣніе и убѣдить правительство въ необходимости новыхъ „мѣропріятій“ противъ сектантовъ. „Думаю, говоритъ херсонскій миссіонеръ, что къ подобнымъ публично высказываемымъ штундистами коммунистическимъ принципамъ и распространенію среди народа вредныхъ соціалистическихъ идей нужно чутко прислушиваться не однимъ миссіонерамъ, а и всѣмъ, дорожащимъ спокойствіемъ народа и государства“.

Много явленій показываетъ, что государство готовится къ новымъ жестокостямъ противъ отпавшихъ отъ православія. Вслѣдъ за опереточно-торжественнымъ отлученіемъ Толстого послѣдовалъ безшабашный разгулъ церковнаго кликушества въ печати и въ проповѣдяхъ. Православное мракобѣсіе готовится, повидимому, дать генеральное сраженіе своимъ врагамъ. И гг. Побѣдоносцевы искусно подготовляютъ „политическую обстановку“ своимъ будущимъ мѣрамъ истребленія несогласно мыслящихъ. Мужицкія секты должны будутъ испытать на себѣ всю тяжесть начальственнаго гнѣва.

Да, старый крокодилъ не даромъ заплакалъ. Подлое чудовище, переваривая только-что съѣденныя жертвы, вожделѣетъ свѣжей человѣческой крови...

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВЯЩАЯ КЛИКА ВЪ БОРЬБѢ СЪ „РАЗНУЗДАННОСТЬЮ“ НАСЕЛЕНІЯ.

(Картинки русской жизни.)

Двадцать лѣтъ назадъ, при вступленіи на престолъ незабвеннаго Александра III, апостолъ русскаго самодержавія, М. Н. Катковъ, торжественно провозгласилъ: „Правительство идетъ, встаньте, господа!“. Въ переводѣ на житейскій языкъ эти слова недвусмысленно говорили обывателю: „А вотъ ужо тебѣ покажутъ, какъ кузькину мать зовутъ“. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцати лѣтъ не переставая правящая шайка только и занимается, что „подтягиваніемъ“ обывателя. Подтягиваютъ, обуздываютъ, оглушаютъ, — а онъ все оказывается распущеннымъ, „разнузданнымъ“, неблагонамѣреннымъ, и бѣдные наши „господа жизни“ вынуждены измышлять новыя мѣры для борьбы съ обывательской „разнузданностью“.

Въ послѣднее время слово „разнузданность“ въ примѣненіи къ обывателямъ пріобрѣло право гражданства въ правительственныхъ документахъ. Такъ прямо и заявляютъ, что такіе-то скорпіоны придуманы для борьбы не съ какой-либо крамолой, а съ „разнузданностью“ такого-то класса населенія.

Такъ напр., когда понадобилось оповѣстить публику о сдачѣ 183-хъ кіевскихъ студентовъ въ солдаты, то правительство заявило, что эта кара вызвана „разнузданностью“ кіевлянъ. Также точно за „разнузданность“ били нагайками студентовъ, да кстати и постороннюю публику (въ счетъ будущаго!) на Казанской площади 4-го марта.

Текущая хроника даетъ намъ не мало образцовъ того, какъ начальство ведетъ борьбу съ „разнузданностью“ обывателей.

Хотинскій (Бессарабской губ.) исправникъ г. Трубниковъ ведетъ борьбу съ мѣстными мѣщанами. „Мною замѣчено, пишетъ онъ въ своемъ приказѣ, что мѣщане въ церкви занимаютъ не тѣ мѣста, которыя имъ указываются полицейскими, а послѣ богослуженія гуляютъ по главнымъ аллеямъ, занимая всѣ скамейки, такъ что интеллигенціи бываетъ негдѣ сѣсть, при чемъ парубки и дѣвки тутъ же обнимаются и вообще ведутъ себя непристойно“. А потому приказывается мѣщанамъ въ церкви занимать свои мѣста, а на прогулкѣ не толкаться по главнымъ аллеямъ. Въ случаѣ же неповиновенія имѣютъ подвергнуться „законной отвѣтственности“.

Прочь съ дороги, мѣщане, „интеллигенція“ идетъ! Можете себѣ представить, изъ кого состоитъ эта „интеллигенція“ уѣзднаго городишка! Подлинная интеллигенція, какъ извѣстно, покровительствомъ гг. исправниковъ у насъ не пользуется. Рѣчь идетъ, конечно, о г-жѣ квартальной надзирательницѣ, гг. акцизныхъ и т. п. „чистой“ публикѣ. Въ заботѣ объ этой публикѣ хотинскій помпадуръ сочинилъ новый законъ, за неподчиненіе которому грозитъ привлечь къ „законной отвѣтственности“. Ничего не подѣлаешь: если существующихъ законовъ не хватаетъ для борьбы съ „разнузданностью“ мѣщанишекъ, которые „занимаютъ всѣ скамейки“, то приходится и исправнику новые законы выдумывать.

О г-да хотинская, пошехонская и тьмутараканская „интеллигенція“! Рѣшите задачу: сколько придется будущей русской революціи пролить крови для того только, чтобы „простымъ“ обывателямъ пріобрѣсти твердое право гулять на „главныхъ аллеяхъ“ и „при этомъ“ безвозбранно ухаживать за своими дамами?

Вопросъ о правѣ гулять на тѣхъ или иныхъ „аллеяхъ“ подымается въ нашемъ отечествѣ не впервые и не въ одномъ только Хотинѣ. Помнится, года два тому назадъ полтавскія власти гнѣвно указали мѣстнымъ евреямъ (т. е. опять-таки мѣщанамъ, „черной кости“) на то, что они, толпясь на главной улицѣ города, мѣшаютъ прогулкѣ гг. офицеровъ. И вотъ полтавскій раввинъ по этому случаю говорилъ даже проповѣдь своимъ прихожанамъ. Онъ имъ доказывалъ, что все равно, гдѣ гулять, что на другихъ улицахъ воздухъ столь же хорошъ, какъ и на Александровской, и что они легко могутъ отказаться отъ прогулокъ по этой улицѣ, чтобы избѣжать гнѣва начальства, который можетъ обрушиться на головы всѣхъ евреевъ.

Такъ взывалъ благоразумный пискарь. Не знаемъ, подѣйствовало-ли его краснорѣчіе на мѣстныхъ евреевъ, но несомнѣнно, что еврейское простонародье не переставало огорчать начальство и особенно офицерство. Въ Минскѣ евреи какъ-то подрались съ солдатами, а когда въ отвѣтъ на это воинская команда пошла подъ предводительствомъ офицеровъ разносить еврейскія лавки и бить кого попало, то евреи, соединившись съ босяками-христіанами, оказали энергичное сопротивленіе. Кончилось дѣло осужденіемъ въ арестантскія роты. Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ городѣ Шкловѣ. Начальство рѣшило „принять мѣры“ и взялось за дѣло „серьезно“, о чемъ мы узнаемъ изъ документа, опубликованнаго „Общееврейскимъ рабочимъ союзомъ“.

Какъ слѣдуетъ изъ этого документа, при военномъ министерствѣ была „Высочайше“ учреждена особая коммиссія „по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ“. Такъ прямо и пишется: мѣра, стало быть, вырабатывается противъ нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Проэктъ, выработанный коммиссіей, сводится къ увеличенію наказаній за оскорбленія, нанесенныя евреями военнослужащимъ и въ передачѣ въ „отдѣльныхъ случаяхъ“ дѣлъ о такихъ оскорбленіяхъ въ военный судъ для сужденія по законамъ военнаго времени.

Военное министерство нашло, что этого мало, и потребовало, чтобы право передачи въ военный судъ дѣлъ о евреяхъ, виновныхъ въ оскорбленіи военнослужащихъ, принадлежало не министерству внутреннихъ дѣлъ, но ген.-губернаторамъ, т. е. обыкновенно прямымъ начальникамъ оскорбленныхъ офицеровъ. Сверхъ того, военное министерство еще предложило административныя мѣры, а именно: предоставить ген.-губернаторамъ право административно ссылать евреевъ, налагать штрафъ на всю еврейскую общину того мѣста, гдѣ случилось столкновеніе, и „примѣнять къ таковымъ поселеніямъ военныя экзекуціи“.

Послѣднія двѣ мѣры показались слишкомъ „серьезными“ даже м-вамъ внутрен. дѣлъ и юстиціи и они ихъ отвергли. Но за то м-во вн. дѣлъ, отказавшись передать право административной высылки евреевъ ген.-губернаторамъ, „не имѣетъ ничего противъ того“, чтобы при разборѣ дѣлъ объ административной высылкѣ евреевъ за оскорбленіе военнослужащихъ въ совѣщаніе при м-вѣ вн. дѣлъ приглашался представитель военнаго министерства „для наибольшаго соблюденія интересовъ военнаго вѣдомства“. Какъ просто и какъ откровенно! Коммиссія, упекающая обывателя туда, гдѣ Макаръ телятъ пасетъ, должна составляться такъ, чтобы соблюдались интересы разныхъ „вѣдомствъ“, т. е. группъ чиновниковъ.

Тутъ высказанъ весь секретъ административныхъ коммиссій, замѣняющихъ у насъ судъ: онѣ созданы не для выполненія дѣла „правосудія“, а для „соблюденія интересовъ“ разныхъ вѣдомствъ.

По вопросу объ увеличеніи наказанія за оскорбленіе военныхъ м-ва вн. дѣлъ и юстиціи нашли, что эти мѣры „должны быть общими, а не исключительными для евреевъ“, о чемъ м-во юстиціи постарается при выработкѣ новаго проэкта уложенія о наказаніяхъ. Радуйся, „штатскій“ обыватель, и моли Бога, чтобы смертную казнь („по законамъ военнаго времени“) тебѣ назначали не за каждую „обиду“, нанесенную тобой зарвавшемуся офицеру.

Документъ кончается такъ: „Не считая, однако, возможнымъ удовлетвориться изложенными результатами работъ по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ, предположено (военнымъ министерствомъ) настаивать на необходимости установленія болѣе серьезныхъ гарантій для военнослужащихъ противъ еврейской наглости“. Корпусные командиры приглашаются сообщить свои мнѣнія по этимъ вопросамъ и „справки о всѣхъ выдающихся случаяхъ столкновеній евреевъ съ военнослужащими за время съ 1897 года“.

Можетъ быть, изъ этихъ справокъ мы узнаемъ, что слыветъ въ нашихъ правящихъ кругахъ подъ именемъ „разнузданности“ еврейской толпы. Недавній инцидентъ въ Харьковѣ намъ показываетъ, что̀ гг. офицеры склонны считать оскорбленіемъ со стороны „штатскихъ“.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время гг. офицерамъ приходится выполнять нѣкоторыя щекотливыя операціи: за отсутствіемъ врага внѣшняго, ихъ посылаютъ усмирять врага внутренняго; вмѣсто роли защитника отечества, приходится работать въ роли полицейскаго, а то и палача. Эта дѣятельность не очень привлекательна для обывателей, у которыхъ всегда имѣются родные или друзья въ станѣ тѣхъ внутреннихъ враговъ, противъ которыхъ „дѣйствуютъ“ храбрые воины. Естественно, поэтому, что обыватель подчасъ выражаетъ чувства, вызываемыя въ немъ подвигами христолюбиваго воинства.

Вотъ что пишутъ намъ изъ Харькова:

„На 21 ое февраля въ мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ была назначена забастовка съ примѣненіемъ обструкціи. Начальство распрядилось на всякій случай вызвать войска, расположившіяся на Ветеринарной площади, противъ дома Губ. Зем. Управы.

„21-го выдался дождливый день. Пока что, пока не требовалось пустить въ дѣло войска, офицеры, уставъ стоять подъ дождемъ, рѣшили пойти погрѣться въ помѣщеніе губ. зем. управы. Какъ говорятъ, расположиться въ управѣ было имъ разрѣшено предсѣдателемъ. Кое-кто изъ служащихъ, узнавъ, что въ управѣ грѣются офицеры (и полицейскіе пристава), призванные усмирять студентовъ, возмутились и предложили товарищамъ протестовать. Предложеніе было встрѣчено сочувственно. Работающіе въ статистическомъ, страховомъ, санитарномъ, земскомъ и кое-кто изъ другихъ отдѣленій бросили работу, вышли въ корридоръ и заявили, — если офицеры не уйдутъ, то они, молъ, уйдутъ изъ управы. Офицерня, разумѣется, заартачилась, но въ концѣ концовъ рѣшила уйти. Почтенному воинству страсть было непріятно дефилировать передъ служащими въ корридорахъ. Вслѣдъ уходившимъ раздавались возгласы: „снимите шапки, у насъ здѣсь снимаютъ шапки“ и робкій свистокъ.

„Исторія эта, вѣроятно, такъ и заглохла бы, если бы не товарищи изгнанныхъ, которые, почувствовавъ, что ихъ честь задѣта, просили Драгомирова наказать примѣрно виновныхъ въ нанесеніи оскорбленія. Говорятъ, Драгомировъ принялъ сторону офицеровъ, и дѣло восходило до министра.

„Дѣло кончилось слѣдующимъ: предсѣдатель управы, Гордѣенко, по распоряженію губернатора, призывалъ къ себѣ четырехъ служащихъ въ управѣ и одного члена управы. Одному служащему былъ объявленъ выговоръ и предстереженіе объ увольненіи (немедленномъ) въ случаѣ какого-нибудь подобнаго повода. Двумъ служащимъ объявлено предостереженіе, — если, молъ, будетъ снова что-нибудь подобное замѣчено, то съ ними распорядятся по всей строгости положенія объ усиленной охранѣ. Что выпало на долю члена управы и еще одного служащаго, — не знаю. Говорятъ, что членъ управы не призналъ за предсѣдателемъ права дѣлать ему, члену, выговоръ. Говоря съ вызванными служащими (съ каждымъ въ отдѣльности), предсѣдатель выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ своевременно не узналъ о демонстраціи. „Я бы немедленно приказалъ сторожамъ переписать всѣхъ участниковъ и немедленно же ихъ уволилъ“.

Честь офицеровъ возстановлена!

Но каково-же намъ, людямъ „штатскимъ“: мало того, что противъ нашихъ присныхъ высылаютъ вооруженныхъ башибузуковъ, мы еще должны терпѣть, что они, готовясь къ позорной „битвѣ“, располагаются въ нашихъ помѣщеніяхъ, какъ у себя дома и, можетъ быть, тутъ же похваляются другъ передъ другомъ своими подвигами! Не только терпи совершающуюся на твоихъ глазахъ бойню, но и гостепріимство окажи ея исполнителямъ!

Служащіе въ земствахъ вообще давно уже извѣстны, какъ народъ „разнузданный“ и требующій неусыпнаго надзора со стороны лицъ власть имущихъ. Въ своей „разнузданности“ они питаются тѣмъ духомъ, который царитъ въ земствѣ и противъ котораго власти ведутъ многотрудную борьбу. По сравненію съ земствомъ, городское управленіе до сихъ поръ было на хорошемъ счету у начальства. Засѣдающіе въ городскихъ думахъ буржуа отличались умѣніемъ и готовностью подносить „хлѣбъ-соль“ и ознаменовывать разныя „чудесныя спасенія“. Но за послѣднее время и въ этой области обывательской покорности начинаетъ проявляться „политическая неблагонадежность“. Въ послѣдніе годы на городскихъ выборахъ появляется такъ-наз. „интеллигентная“ партія, которая въ борьбѣ съ Китъ Китычами проводитъ то въ ту, то въ другую думу свѣжія силы. Въ виду того, что участіе въ городскомъ представительствѣ у насъ обставлено весьма крупнымъ имущественнымъ цензомъ, это возникновеніе „интеллигентной партіи“, повидимому, означаетъ политическій ростъ нашей либеральной буржуазіи (т. е. ея интеллигентнаго слоя), изъ которой формируется новый отрядъ противниковъ правящей клики въ дополненіе къ интеллигентному дворянству, образующему „неблагонадежный“ элементъ въ земствѣ, и къ разночинной интеллигенціи, группирующейся около всякихъ просвѣтительныхъ учрежденій, статистики и т. п. и близко соприкасающейся съ „бунтующимъ“ студенчествомъ.

Въ Винницѣ, Подольской губ., гласные-интеллигенты подняли агитацію по поводу подкуповъ, практикующихся въ Винницкой (и не только въ этой) думѣ: торгуютъ голосами гласныхъ при рѣшеніи вопросовъ о подрядахъ и т. п. дѣлахъ. Въ подкупахъ замѣшана городская управа вкупѣ съ городскимъ головой. Послѣдній поспѣшилъ „забѣжать“ къ губернатору. И вотъ подольскій губернаторъ мчится въ гор. Винницу, является въ думу и держитъ рѣчь группѣ „интеллигентныхъ гласныхъ“. Онъ, губернаторъ, „пришелъ къ убѣжденію, что отдѣльныя лица изъ состава оппозиціи вносятъ смуту въ веденіе городскихъ дѣлъ“. Обращаясь къ гласнымъ съ „просьбой положить самимъ конецъ этимъ смутамъ“, губернаторъ заявляетъ, что „если ходъ событій не измѣнится, онъ долженъ будетъ обратиться къ самымъ строгимъ мѣрамъ, предоставленнымъ его власти; при этомъ онъ обращаетъ вниманіе гласныхъ на то, что въ Подольской губ. существуетъ положеніе объ усиленной охранѣ. Гласные должны вѣрить ими же избранной управѣ и дать ей возможность спокойно работать (надъ чѣмъ? надъ подкупомъ гласныхъ?); послѣ же этого срока они, если имъ не нравится настоящая управа, могутъ выбрать новую“. Г. губернаторъ забылъ только прибавить, что если гласные выберутъ новую управу не по вкусу губернатора, онъ можетъ, пользуясь „предоставленной ему властью“, ее не утвердить, а назначить ту же старую, что постоянно и дѣлается. И что-же? Гласные не выразили коллективнаго протеста противъ дикой выходки помпадура, грозящаго имъ „положеніемъ объ охранѣ“ за намѣреніе честно исполнить свой долгъ передъ избирателями? Конечно, нѣтъ! Они выслушали почтительно распеканцію, и только одинъ гласный, нотаріусъ, заявилъ губернатору, что выходитъ изъ думы, не желая подвергаться оскорбленіямъ. Это заявленіе сразу успокоило разошедшагося помпадура, который сталъ уговаривать гласнаго остаться на службѣ и „просилъ гласныхъ извинить его, если случайно онъ сказалъ лишнее слово“.

Положеніе объ усиленной охранѣ — этотъ спеціальный аппаратъ для борьбы съ „разнузданностью“ обывателей — оказывается очень удобнымъ средствомъ защиты городскихъ заправилъ отъ контроля представителей городского населенія (вѣрнѣе его имущихъ классовъ). Стóитъ только этимъ заправиламъ войти въ стачку съ администраціей, и городская дума безсильна осуществить свои законныя права.

Петербургская городская управа во главѣ съ г. Леляновымъ тоже, повидимому, недовольна „разнузданностью“ направленной противъ нея критики. Приказомъ по полиціи градоначальникъ обратилъ вниманіе на то, что на лѣтнихъ театральныхъ сценахъ допускаются „хотя и разрѣшенныя цензурой, но неумѣстныя остроты по адресу городского управленія“. Находя въ „подобныхъ остротахъ „неумѣстную дискредитацію государственнаго учрежденія“, г. Клейгельсъ предписываетъ запретить остроты, въ случаѣ же повторенія сообщать ему „для дальнѣйшихъ распоряженій“, конечно, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Бѣдный русскій смѣхъ! До сихъ поръ ему запрещено было затрагивать только правительственную свору, и онъ вынужденъ былъ свое преимущественное вниманіе обращать на состояніе городскихъ мостовыхъ, городского освѣщенія, пожарныхъ трубъ и т. п., на думскія глупости и думскіе скандалы. Теперь и эта область ему заказана. Простымъ полицейскимъ приказомъ городскіе заправилы превращаются въ „государственное учрежденіе“, котораго да не коснется эта мятежная, разнузданная, словомъ, революціонная сила, — нашъ обывательскій смѣхъ.

Да что смѣхъ! И другія, менѣе революціонныя проявленія человѣческой природы не ускользнули отъ ревниваго начальственнаго ока. Такъ напр. — жалость. На что ужъ смирное и, можно

сказать, неполитическое чувство. Но въ русскомъ государствѣ и жалости предаваться надо съ опаской, и въ области проявленія человѣческаго состраданія можно дойти до „разнузданности“, которая требуетъ вмѣшательства власти.

Г. Сипягинъ вмѣшался. Онъ усмотрѣлъ, что въ газетахъ въ самомъ текстѣ часто печатаются приглашенія и воззванія о сборѣ пожертвованій въ пользу отдѣльныхъ бѣдствующихъ лицъ или мѣстностей, пострадавшихъ отъ какого-либо бѣдствія. Такъ какъ газетныя объявленія должны идти на просмотръ полиціи, то министръ и распорядился, чтобы отнынѣ приглашенія къ пожертвованіямъ, хотя бы и помѣщаемыя не среди объявленій, а въ текстѣ газеты, не печатались безъ разрѣшенія полиціи.

Очень, очень кстати распоряженіе г. Сипягина! Русская публика, какъ ее ни муштруютъ, не соглашается отдавать свои доброхотныя даянія въ руки царскихъ чиновниковъ и флигель-адъютантовъ Краснаго Креста. Она предпочитаетъ передавать свои пожертвованія Льву Толстому или другому подобному „неблагонамѣренному“ организатору помощи нуждающимся, который и отчетъ представитъ, и самое дѣло помощи поставитъ не по чиновничьи, а по человѣчески. Противъ такой „разнузданности“ жертвователей нельзя было не принять строгихъ мѣръ. И въ такихъ мѣрахъ не было недостатка до сихъ поръ. Новое распоряженіе г. Сипягина, ставящее новыя препоны организаціи общественной благотворительности, подоспѣло тѣмъ болѣе кстати, что мы стоимъ на порогѣ новаго повальнаго крестьянскаго голода. Съ свойственной ему „быстротой и натискомъ“ г. Сипягинъ первый „отозвался“ на народное бѣдствіе. Отнынѣ безъ разрѣшенія полиціи частныя лица уже не смогутъ публично собирать пожертвованія для голодныхъ.

И мы опять задаемъ вопросъ: сколько же Сипягиныхъ придется будущей русской революціи развѣсить на уличныхъ фонаряхъ, чтобы разъ на всегда отвоевать право... свободно распоряжаться своими человѣческими чувствами.

Разнузданность въ поступкахъ, разнузданность въ прогулкахъ, разнузданность въ смѣхѣ, разнузданность въ чувствахъ... Казалось бы, трудно отыскать еще какую-нибудь область, нуждающуюся въ мѣрахъ противъ разнузданности. М-во нар. просвѣщ. нашло такую область, — это область обывательскихъ мечтаній. Что въ мечтаніяхъ не нужно быть разнузданнымъ, объ этомъ узнали недавно Каменецъ-Подольскіе обыватели.

Былъ у нихъ директоръ гимназіи г. Васильевъ, котораго они почему-то возлюбили. М-во перевело г. Васильева въ Новг.-Сѣв. Обыватели подали начальству прошеніе объ оставленіи директора въ ихъ городѣ. А м-во сообщило подлежащимъ вѣдомствамъ, по которымъ служили подписавшіеся, объ ихъ поступкѣ. Что за симъ послѣдовало, неизвѣстно, но, вѣроятно, обывателямъ досталось, ибо они стали менять на непріятный оборотъ дѣла, ссылаясь въ свое оправданіе на „всѣмъ извѣстные акты, которые, повидимому, знаменовали поворотъ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и призывали родителей учащихся дѣтей къ ближайшему участію въ немъ“, т. е. на извѣстный царскій рескриптъ и „приказъ“ ген. Ванновскаго о „сердечномъ попеченіи“. И вотъ министерство „сердечнаго попеченія“ объясняетъ въ газетахъ, что донесло оно на подписавшихся обывателей потому, что „подобныя заявленія, дѣлаемыя скопомъ, запрещаются закономъ“ (ст. 112 Устава о пред. и пресѣч. прест.). Если же обыватели ссылаются на „всѣмъ извѣстные акты“, то, поясняетъ ядовито м-во, „не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всѣмъ извѣстные акты не отмѣняютъ силы приведеннаго закона“. Запомните эти слова, размечтавшіеся обыватели! Разговоры о „сердечномъ попеченіи“ не отмѣняютъ устава о пред. и прес. прест., не отмѣняютъ законовъ Россійской имперіи. Пока законы эти остаются въ силѣ, нелѣпо мечтать о серьезной реформѣ школьнаго дѣла, о томъ, чтобы голосъ родителей принимался къ свѣдѣнію въ дѣлѣ обученія ихъ дѣтей.

А знаете, читатель, какъ велика наша обывательская „разнузданность“? Одесскій градоначальникъ публикуетъ статистическіе итоги полицейской борьбы съ обывателями въ своемъ районѣ. Въ 1900 г. въ Одессѣ отбывало арестъ по распоряженію администраціи (безъ суда) **43.281** чел. На 10 одесскихъ жителей въ теченіе года отбывалъ наказаніе безъ суда одинъ человѣкъ. Изъ каждыхъ 7 мужчинъ въ Одессѣ одинъ отсиживаетъ разъ въ годъ.

Подведемъ и мы итоги. Если „разнузданными“ оказываются и деревня, и городъ, и инородцы, и русскіе обыватели, и мѣщане, и представители имущихъ классовъ, и люди, любящіе смѣяться, и люди жалостливые, и учащаяся молодежь, и степенные родители, если цѣлая седьмая часть мужского населенія крупнаго города обязательно должна отсиживать въ кутузкѣ за свою „разнузданность“, то не кроется-ли здѣсь нѣкоторое недоразумѣніе?

Когда вы ѣдете на пароходѣ, вамъ кажется, что все кругомъ движется, а вы одни неподвижны. Не проявляется-ли по вопросу о „разнузданности“ такой-же „обманъ зрѣнія“? Не можетъ быть, чтобы весь міръ былъ виноватъ передъ маленькой кучкой людей. А вѣдь, право-же, царящая надъ нами клика есть ничтожная кучка по сравненію съ той массой, которую она обуздываетъ. Не въ ней-ли, не въ этой-ли кучкѣ сидитъ дѣйствительное зло „разнузданности“, не ее-ли пора начать взнуздывать? Не пора-ли всему населенію повести въ свою очередь походъ противъ той грубой, разнузданной, неуклюжей силы, которая шагу ступить не можетъ, чтобы не наступить на какую-либо обывательскую мозоль?

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Существуетъ общераспространенный взглядъ на наше крестьянство, какъ на одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ русскаго самодержавія. Извѣстная доля истины тутъ, конечно, есть, тѣмъ не менѣе такое утвержденіе требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Естественный ходъ вещей мало по малу революціонизируетъ и деревню. Самодержавіе доживаетъ послѣднія минуты, и давленіе этой громадной умирающей и заживо разлагающейся туши живо чувствуется вездѣ — и въ промышленныхъ центрахъ, и въ глухихъ деревушкахъ. Приведемъ два знакомыхъ намъ факта, иллюстрирующихъ процессъ освобожденія деревни отъ вѣкового гипноза, обусловливавшаго до сихъ поръ живучесть царизма. Одно изъ событій, о которомъ мы собираемся разсказать, имѣло мѣсто за послѣднее время въ одномъ изъ уѣздовъ П—ской губерніи. У крестьянъ деревни *** неправильно была оттягана мѣстнымъ купцомъ земля, которой они очень долго владѣли до того времени (въ концѣ концовъ — впослѣдствіи — высшая судебная инстанція рѣшила дѣло въ ихъ пользу, ибо нашлись документы, доказавшіе, что крестьяне были правы.) Потерявъ надежду на возможность найти правду у царскихъ чиновниковъ, которые-де „скрываютъ отъ царя-батюшки настоящую, крестьянскую правду“, мужички подали прошеніе самому „батюшкѣ“, но получили, разумѣется, суровый отказъ. Отказъ этотъ они объяснили себѣ такъ, что „опять-де чиновники не допустили до царя-батюшки крестьянскую слезницу“, и отрядили излюбленнаго человѣчка для непосредственнаго обращенія къ исконному первоисточнику правды — къ „царю-батюшкѣ“. Боясь новыхъ козней со стороны „чиновниковъ-министровъ“, ходокъ нанялся рабочимъ въ царскій садъ, хитро пряталъ прошеніе (держалъ въ сапогѣ, ибо при входѣ въ садъ рабочіе строго обыскиваются) и, выбравъ однажды удобный моментъ, бросился „самому“ въ ноги, немедленно былъ схваченъ и отправленъ на родину. Обезкуражились мужички, но злополучной идеи своей о правдѣ у царя не оставили, дождались новаго царствованія (Николая II) и, все еще не извѣрившись въ эту царскую правду, („думали, что тогда, прежнему-то царю, наговорили на насъ супостаты-министры“), опять повторили свой опытъ. На этотъ разъ тотъ же ходокъ (кстати сказать, послѣ перваго приключенія съ нимъ ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицу), одѣвшись желѣзнодорожнымъ носильщикомъ (или поступивши въ ж.-д. носильщики), подкараулилъ какъ-то молодого царя на вокзалѣ и опять бросился къ нему въ ноги, но снова былъ схваченъ (прошеніе же на глазахъ „самого“ было у него отобрано и „самому“, конечно, не доставлено) и выпровоженъ этапнымъ порядкомъ въ свою деревню. Крестьяне, отчаявшись послѣ этого отыскать царскую правду, рѣшили умереть на своей землѣ, а не давать ее въ чужія руки. Въ результатѣ — усмиреніе „бунта“ солдатами, экзекуція и высылка на сѣверъ трехъ наиболѣе дѣятельныхъ протестантовъ, въ томъ числѣ и злополучнаго ходока. Теперь деревенька эта уже окончательно извѣрилась въ чиновничью и царскую правду, въ назначеніе христолюбиваго воинства и т. д. Это доказываютъ, между прочимъ, бывшія позднѣе въ ней недоразумѣнія съ администраціей, и тѣ смѣлыя рѣчи, которыя раздавались на сходахъ.

А вотъ и другой фактъ. Въ деревнѣ Ж., П—кой губ. О. у., одинъ изъ крестьянъ проникся мыслью — взять на себя своеобразную миссію спасенія деревенскаго люда отъ удручающихъ его бѣдствій путемъ пропаганды идеи переселенія. Съ этой цѣлью онъ досталъ уставъ о переселеніи и, сообразуясь съ этимъ уставомъ, обращался къ мѣстнымъ властямъ за совѣтомъ и содѣйствіемъ, но вездѣ наталкивался на холодный пріемъ и на болѣе, чѣмъ отрицательное къ его идеѣ отношеніе. Послѣ долгихъ тщетныхъ хожденій по присутственнымъ мѣстамъ онъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать на собственный рискъ и страхъ, вооружился карандашомъ и бумагой и направился по весямъ собирать подписи желающихъ переселиться. Исходивши порядочное количество деревень, онъ набралъ уже до 150 такихъ подписей, какъ вдругъ недреманное око становаго усмотрѣло въ этомъ актѣ противоправительственную дѣятельность. Въ одно прекрасное время усердный не по разуму администраторъ „орломъ налетаетъ“ на бѣдную хижину Николая (такъ зовется герой разсказываемой нами подлинной исторіи), хватаетъ его и отправляетъ въ О. въ холодную. Николай, однако, не растерялся и сталъ протестовать противъ незаконнаго лишенія его свободы въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „арестовать меня ты, конечно, можешь, на то тебѣ и власть дана, но какъ выпустишь на волю — тогда посмотримъ; я этого дѣла не запущу и буду съ тобой судиться“. Становой, очевидно, призадумался надъ этой угрозой, ибо на третій же день ареста поспѣшилъ на собственныя средства представить его въ П. къ губернатору. Тутъ между Николаемъ и губернаторомъ произошелъ любопытный разговоръ въ такомъ родѣ:

— Можетъ-ли становой меня безъ суда и безъ всякой моей вины лишить свободы?

— Становой арестовалъ тебя, потому что я ему это приказалъ, понимаешь? внушительно произнесъ губернаторъ.

— Ага! Ну, такъ я противъ тебя, обратился Николай къ становому, ничего теперь не имѣю, потому, значитъ, ты исполнялъ только волю начальства, а буду теперь имѣть дѣло съ господиномъ губернаторомъ.

Когда губернаторъ замѣтилъ ему, что арестованъ онъ не напрасно, а потому, что „волновалъ населеніе“, Николай горячо ему отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не волную населеніе, а хочу ему только пособить, потому что начальство о насъ не заботится и не хочетъ знать, что нашему брату-крестьянину жить становится не въ моготу. Если не черезъ годъ, то черезъ два мы передѣдимъ горло другъ другу изъ-за земли. Я къ крестьянину на помощь иду, а вы называете это бунтовствомъ“. Губернаторъ дальше разговаривать не сталъ, а велѣлъ отправить его на родину и отдать подъ надзоръ полиціи. Такъ какъ Николай въ своихъ объясненіяхъ съ начальствомъ ссылался все на какую-то книгу, изъ которой онъ почерпаетъ увѣренность въ правотѣ своего дѣла, (вѣроятно, какую-нибудь юридическую справочную книжечку о переселеніяхъ), то у него былъ произведенъ тщательный обыскъ, не приведшій ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только доставившій лишнюю минуту торжества Николаю.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, Николай начатое дѣло о переселеніи продолжалъ и около 15-го мая н. г. назначилъ всѣмъ своимъ кліентамъ, будущимъ переселенцамъ собраться въ селеніе, гдѣ помѣщается волостное правленіе, на сходъ для того, чтобы выбрать ходоковъ и собрать деньги. Вся мѣстная полиція, во главѣ съ помощникомъ исправника, явилась въ назначенный для схода день на мѣсто предполагаемаго „бунта“.

„Бунтъ“, однако, не состоялся, ибо часть явившихся на сходъ по приглашенію Николая, натолкнувшись на полицію, поспѣшила возвратиться во свояси, а часть получила еще дорогой свѣдѣнія о томъ, что являться не нужно — полиція разгоняетъ. Николая же, послѣ этого, отдали подъ судъ земскаго начальника. Этотъ послѣдній допросилъ массу народа, пытаясь установить фактъ корыстнаго мотива въ затѣѣ Николая, но это ему не удалось. При объясненіи съ земскимъ начальникомъ Николай, по своему обыкновенію, держалъ себя весьма независимо, доказывалъ, что его могутъ судить, осудить, въ кутузку сажать, но, отсидѣвъ свой срокъ, онъ все же будетъ продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи. Земскій принужденъ былъ отказаться отъ роли обвинителя, пообѣщалъ все дѣло направить къ судебному слѣдователю и отпустилъ Николая на волю, а Николай, разсчитывая, повидимому, встрѣтить поддержку свыше, исчезъ, какъ говорятъ, въ Петербургъ, откуда, по всей вѣроятности, скоро вернется въ сопровожденіи солдата.

По личнымъ отзывамъ крестьянъ и мелкотравчатой полиціи, Николай человѣкъ не глупый, власти же рангомъ повыше распускаютъ упорно и настойчиво слухъ, что это невѣжественный, сумасшедшій мужикъ, совершающій свои подвиги вслѣдствіе простого недомыслія. Личность Николая стала весьма популярной въ его округѣ, и весь этотъ эпизодъ заставляетъ крестьянъ много толковать о безсовѣстности начальства, о закрѣпощеніи крестьянъ, о прикрѣпленіи ихъ къ мѣсту жительства ради помѣщичьихъ выгодъ и т. д.

Въ Костромѣ въ началѣ іюля былъ распространенъ листокъ, выпущенный за подписью „Группы интеллигентовъ“, въ которомъ предостерегаютъ отъ сношеній съ техникомъ Александромъ Ивановичемъ Врублевскимъ, который, будучи призванъ въ качествѣ свидѣтеля въ жандармское управленіе, не только далъ обстоятельные отвѣты на всѣ предложенные ему вопросы, но даже говорилъ о многомъ, о чемъ его вовсе не спрашивали, при чемъ назвалъ много лицъ, которые, будто бы, давали ему нелегальную литературу. Все это онъ сдѣлалъ, повидимому, желая заслужить расположеніе жандармскаго начальства, можетъ быть, даже желая поступить къ нему въ качествѣ сыщика на службу (хотя онъ крайне глупъ и болтливъ для этой роли). Въ результатѣ же оказалось, что онъ самъ попалъ въ обвиняемые по 318 и 252 ст. угодилъ подъ особый надзоръ полиціи. Врублевскій оговорилъ не только интеллигентовъ, но и многихъ рабочихъ.

Весь май начальство сильно боялось рабочихъ безпорядковъ и, начиная съ первыхъ чиселъ мая, каждый день находятся на готовѣ, по распоряженію губернатора, тридцать человѣкъ солдатъ, вооруженныхъ боевыми патронами. По улицамъ города, собственно въ фабричномъ районѣ, шляется масса переодѣтыхъ жандармскихъ и полицейскихъ солдатъ; говорятъ, что прибыло много сыщиковъ изъ Петербурга. Носятся слухи, что шпіоны пущены Кемпе въ видѣ сторожей, также въ мѣстныя учебныя заведенія: мужскую и женскую гимназію, духовную семинарію, техническое и реальное училище (въ послѣднее поступилъ новый сторожъ изъ бывшихъ жандармскихъ солдатъ).

Въ іюнѣ губернаторъ выпустилъ къ полиціи два циркуляра: одинъ касается земскихъ статистиковъ, въ немъ предписывается исправникамъ наблюдать, чтобы земскіе статистики, отправившіеся по уѣздамъ на изслѣдованіе, не оказали дурного вліянія на тамошнее общество, т. к. среди нихъ масса лицъ, находящихся въ спискѣ политической неблагонадежности, подъ надзоромъ полиціи. Другой циркуляръ приведенъ нами дословно въ ном. 6 (см. „Послѣднія Извѣстія“).

Вильна. Сообщаю подробности объ ошмянскомъ „бунтѣ“. Съ годъ назадъ въ Ошмянскій уѣздъ, Вишнев. волости вернулся съ военной службы отставной солдатъ, который, откопавъ какое-то положеніе о крестьянахъ Западнаго края 1877 года, отыскалъ въ немъ установленіе крестьянскаго надѣла въ 8 дес., тогда какъ въ настоящее время онъ равенъ прибл. 2—2½ дес. Основываясь на этомъ положеніи, онъ повелъ усиленную агитацію среди крестьянъ, напирая на то, что царскій указъ нарушенъ повсюду помѣщиками. Возбужденіе среди крестьянъ (шести волостей) достигло крайняго напряженія, и нуженъ былъ лишь толчекъ для его рѣзкаго проявленія. Такимъ толчкомъ явился пріѣздъ партіи землемѣровъ для съемки плановъ. Въ первый же день ихъ работъ они были окружены толпою крестьянъ изъ шести волостей (отъ 2000 до 3000 чел.), которые требовали отъ нихъ, чтобы новые планы составлялись по упомянутому положенію, т. е. чтобы изъ помѣщичьихъ земель была сдѣлана прирѣзка къ существующимъ двухдесятиннымъ надѣламъ. Землемѣры разошлись и на другой день явились на мѣсто работъ въ сопровожденіи всего состава полицейскихъ властей всѣхъ шести волостей (свыше ста чел. — становые, сотскіе, десятники и пр.). Увѣщанія ни къ чему не повели, крестьяне полегли на землю и такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ не дали возможности приступить къ работамъ. Въ особенности выдѣлялись бабы, которыя, благодаря увѣреніямъ солдата, что въ прошломъ году вышелъ царскій указъ о томъ, чтобы женщинъ въ тюрьму не сажать и вообще не предавать суду, вели себя весьма вызывающимъ образомъ и смѣлѣе мужчинъ. По телеграфу были вызваны двѣ сотни казаковъ и батальонъ солдатъ, пришедшіе во главѣ съ губернаторомъ. Немедленно было арестовано 50 „зачинщиковъ“ (въ томъ числѣ и солдатъ), послѣ чего крестьяне покорились. Подробностей о „внушеніяхъ“ на мѣстѣ пока нѣтъ, но будутъ. Наказаніе „бунтовщикамъ“ слѣд.: изъ 50 арестованныхъ — 20 чел., противъ которыхъ нѣтъ прямыхъ уликъ, въ порядкѣ усиленной охраны по распоряженію Сипягина уже отправлены въ Восточную Сибирь. Остальные сидятъ въ тюрьмѣ и привлечены къ суду за сопротивленіе властямъ. Остальная же масса „бунтовщиковъ“ наказана тѣмъ, что въ бунтовавшихъ деревняхъ по избамъ расквартировали двѣ роты солдатъ до октября мѣсяца, что означаетъ полное разореніе крестьянъ, такъ какъ они должны давать солдатамъ полное содержаніе.

Въ тюремныхъ застѣнкахъ. Рядъ „тюремныхъ драмъ“ совершился въ теченіе нынѣшней весны. Въ Митавской тюрьмѣ гимназистъ Крейеръ, мальчикъ 15-ти лѣтъ, зарѣзался послѣ того, какъ угрозами и насиліями жандармскаго офицера Кладо былъ вынужденъ дать компрометирующія другихъ показанія. Въ Лодзи рабочій Янкель Пакула, избитый полицейскими въ участкѣ, „найденъ въ своей камерѣ повѣсившимся“, какъ говорится въ полицейскомъ протоколѣ; по увѣренію же сосѣдей, слышавшихъ крики и стоны, Пакула повѣшенъ полицейскими послѣ того, какъ умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. Когда шумъ, вызванный въ Лодзи этимъ происшествіемъ, дошелъ до ушей начальства, оно напечатало оффиціальное опроверженіе „слуховъ“ объ убійствѣ Пакулы, увѣряя, что покойный повѣсился „изъ страха наказанія за свое преступленіе“.

6-го іюня въ Кіевской тюрьмѣ началась голодовка 35 политическихъ заключенныхъ. Голодавшіе выставили требованіе, чтобы въ теченіе недѣли заключеннымъ были предъявлены опредѣленныя обвиненія въ присутствіи прокурора (какъ водится, и въ этомъ году передъ первымъ мая нахвачено было жандармами до ста человѣкъ, при чемъ только послѣ ареста жандармы стали подбирать „улики“). Послѣ четырехдневной голодовки власти должны были сдаться, всѣмъ заключеннымъ произведенъ допросъ и многіе выпущены.

Около того-же времени въ Богодуховской тюрьмѣ (близь Харькова) такая же голодовка была проведена 16-ью политическими. Пом. прис. пов. В. Рогачевскій съ 29 декабря 1900 г. по 24 мая 1901 г. сидѣлъ безъ допросовъ. Послѣ того, какъ всѣ его юридически обоснованныя заявленія были оставлены безъ удовлетворенія, Рогачевскій „объявилъ голодовку“, къ которой примкнуло еще 15 заключенныхъ. Голодовка длилась 10 дней, пока жандармы рѣшили уступить, допросили Рогачевскаго и выпустили его.

Въ харьковской тюрьмѣ, по свѣдѣніямъ „Краснаго Креста“, покушалась дважды на самоубійство Алек. Андр. Котлярова (служившая въ земствѣ) послѣ пяти мѣсяцевъ заключенія. Послѣ второй попытки самоубійства Котлярова выпущена — въ психіатрическую лечебницу.

ИНЦИДЕНТЪ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМЪ ЗЕМСТВѢ.

Г. Родзянко, предсѣдатель Екатеринославской Губернской Земской Управы, уже успѣвшій прославиться на всю Россію, снова напоминаетъ о своемъ существованіи слѣдующей выходкой. Онъ потребовалъ отъ статистиковъ, чтобы они на изслѣдованіяхъ вели дневникъ работъ; цѣль этой выдумки — контроль за статистиками. Встрѣтивъ молчаніемъ это требованіе, статистики отправились на изслѣдованіе, дневниковъ не вели и, пріѣхавъ съ изслѣдованій, оправдательныхъ документовъ о времяпрепровожденіи не представили, чѣмъ и вызвали гнѣвъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера Двора г. Родзянко, который, дабы впредь и другимъ неповадно было, повелѣлъ уволить за ослушаніе завѣдующаго и трехъ статистиковъ. Нужно замѣтить, что незадолго до разыгравшейся исторіи самъ же г. Родзянко отзывался объ Екатеринославскихъ статистикахъ, какъ о людяхъ съ достаточной подготовкой для работы, за которую взялись. Такимъ образомъ, увольненіе статистиковъ нужно разсматривать, какъ наказаніе только за неисполненіе нелѣпаго требованія. Въ отвѣтъ на увольненіе товарищей остальные члены бюро подали въ управу заявленіе о томъ, что они не могутъ продолжать службу въ управѣ, которая не пользуется ихъ уваженіемъ. „Ничего, сказалъ г. Родзянко, пусть уходятъ; я ѣду въ Москву и привезу оттуда цѣлый вагонъ статистиковъ“. Событія показали, однако, что г. Родзянко въ своихъ разсчетахъ на Москву, вѣроятно, ошибется. Дѣло въ томъ, что вѣсти о случившемся дошли до Харьковскихъ статистиковъ, которые рѣшили бойкотировать г. Родзянко, о чемъ оповѣстили его (см. I), Екатеринославскихъ статистиковъ (см. II) и всѣ 34 статистическія бюро Россіи (см. III).

I М. Г., г. Родзянко!

Преслѣдуя исключительно фискальскія цѣли, Вы потребовали отъ Екатеринославскихъ статистиковъ веденія дневниковъ. Вамъ, конечно, принадлежитъ неоспоримое право довѣрять или не довѣрять служащимъ въ земствѣ, но на Васъ же вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ обязанность, въ случаѣ недовѣрія, прямо заявлять объ этомъ, а не устанавливать оскорбительный полицейскій надзоръ за работниками, — тѣмъ болѣе, что въ Вашемъ распоряженіи для опредѣленія право и работоспособности служащихъ всегда найдется достаточно данныхъ и помимо измышленныхъ Вами дневниковъ. Екатеринославскіе статистики, естественно, отказались выполнить оскорбляющія ихъ требованія, какъ отказался бы сдѣлать это всякій въ ихъ положеніи, — а Вы въ отвѣтъ на этотъ отказъ не постѣснялись уволить отъ службы нѣкоторыхъ статистиковъ и тѣмъ вызвали коллегіальную отставку бюро. Вашъ образъ дѣйствій, болѣе свойственный лицамъ, сидящимъ въ бюрократическомъ, а не земскомъ креслѣ, заставляетъ выразить Вамъ свое негодованіе и объявить бойкотъ Екатеринославскому земству — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока Вы не откажетесь отъ своего рѣшенія по отношенію къ Екатеринославскимъ статистикамъ или по тѣмъ или другимъ причинамъ не оставите земскую службу.

II Товарищи!

Глубоко возмущенные поступкомъ предсѣдателя Екат. Губ. Земской Управы г. Родзянко, мы, харьковскіе статистики, шлемъ Вамъ товарищескій привѣтъ и свое сочувствіе. Мы надѣемся, что и товарищи другихъ земскихъ статистическихъ бюро отнесутся столь же сочувственно къ Вамъ и съ такимъ же негодованіемъ по адресу г. Родзянко, и потому обращаемся къ нимъ съ предложеніемъ бойкотировать Екатеринославское земство — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока г. Родзянко не откажется отъ своего рѣшенія по отношенію къ Вамъ, статистикамъ, или не оставитъ по тѣмъ или другимъ причинамъ земскую службу

III Товарищи!

Вамъ, навѣрное, извѣстна участь Екатеринославскаго бюро. Мы, харьковскіе статистики, обсудивъ обстоятельства этого дѣла, пришли къ слѣдующему: въ виду того, что крахъ Екатеринославскаго бюро является результатомъ дикаго бюрократическаго произвола г. Родзянко, произвола, нарушающаго элементарныя правила отношеній земскихъ служащихъ по выборамъ къ земскимъ служащимъ по найму; въ виду того, что съ такимъ все чаще и чаще повторяющимся явленіемъ возможно бороться только сообща, — мы рѣшили бойкотировать Екатеринославское земство — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока г. Родзянко не откажется отъ своего рѣшенія по отношенію къ Екатеринославскимъ статистикамъ или по тѣмъ или инымъ причинамъ не оставитъ земскую службу. Сообщая объ этомъ, мы предлагаемъ Вамъ присоединиться къ нашему рѣшенію, извѣстивъ объ этомъ насъ, Екатеринославскихъ статистиковъ, и г. Родзянко, который долженъ же знать о томъ негодованіи, какое вызываетъ въ земскихъ работникахъ его послѣднее распоряженіе и его земская дѣятельность вообще.

На почвѣ этого инцидента разыгрался другой, уже въ Харьковскомъ земствѣ. Единомышленникъ г. Родзянко, предсѣдатель Харьков. Губ. Зем. Управы, г. Гордѣенко, узнавъ о намѣреніи Харьковскихъ статистиковъ выразить порицаніе г. Родзянко, предупредилъ статистиковъ, что въ случаѣ исполненія сего намѣренія, о которомъ онъ освѣдомленъ „по дошедшимъ до него слухамъ“, имъ будутъ приняты мѣры, т. е. сдѣланъ доносъ, куда слѣдуетъ, и прибавилъ, что на будущее время никакія совѣщанія служащихъ по вопросамъ, не касающимся служебныхъ обязанностей, въ стѣнахъ управы терпимы быть не могутъ. Это заявленіе г. Гордѣенко было оставлено статистиками безъ отвѣта письменнаго, устно же ему было заявлено, что свои намѣренія статистики считаютъ своимъ частнымъ дѣломъ, до котораго управѣ нѣтъ дѣла. Въ настоящее время въ бюро царитъ сильное напряженіе, которое можетъ разразиться новымъ скандаломъ. Дѣло въ томъ, что въ управѣ во многихъ ея отдѣленіяхъ имѣются шпіоны, служащіе источникомъ тѣхъ „слуховъ“, на которые г. Гордѣенко не постѣснялся сослаться въ своемъ оффиціальномъ обращеніи къ статистикамъ. Несомнѣнно, что тѣми же „слухами“ пользуются и жандармы. Одинъ изъ шпіоновъ сидитъ и у статистиковъ, у которыхъ до сихъ поръ не хватало мужества вышвырнуть этого негодяя изъ бюро, не смотря на то, что объ этомъ вопросъ неоднократно подымался: бѣдняги слишкомъ дорожатъ своими работами и думаютъ, что изгнаніе шпіона повлечетъ за собою раскасированіе бюро. Фраза г. Гордѣенко о „слухахъ“ снова возбудила вопросъ о шпіонахъ, опять статистики волнуются, и неужели опять впустую? Чего добраго! Поразительно малой дозой протеста надѣленъ русскій обыватель, даже такой, какъ статистикъ; за то терпѣнія ему отпущено не въ мѣру много.

* * *

Мы, съ своей стороны, отъ всей души привѣтствуемъ прекрасный починъ харьковскихъ статистиковъ и рекомендуемъ всѣмъ служащимъ и въ земскихъ, и въ общественныхъ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ предавать гласности и публичному позору подобныя проявленія полицейскаго произвола и доносчицкаго рвенія всяческихъ русскихъ „помпадуровъ“.

Харьковъ, 2-го августа.

Послѣ той бумаги, въ которой Гордѣенко, основываясь на „слухахъ“, грозилъ статистикамъ „мѣрами“, статистики тоже рѣшили принять мѣры противъ шпіонства, свившаго себѣ прочное гнѣздо во всѣхъ учрежденіяхъ губернскаго земства. Они рѣшили требовать удаленія Антоновича — шпіона въ статистическомъ отдѣленіи. Приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія было отложено до 18-го іюля, когда въ коллегіальномъ засѣданіи управы должно было разсматриваться заявленіе одного изъ членовъ управы по тѣмъ же вопросамъ. Велико было удивленіе статистиковъ, когда они на другой день узнали, что коллегія не только не уволила Антоновича, про котораго Гордѣенко сказалъ: „Антоновичъ не шпіонилъ, а исполнялъ свой долгъ“, но даже сочла необходимымъ уволить завѣдующаго бюро. Теперь въ дѣло вмѣшались и остальные служащіе управы, до сихъ поръ ведшіе себя болѣе, чѣмъ скромно. Пока завѣдующій бюро не получилъ еще оффиціальнаго извѣщенія объ отставкѣ, къ Гордѣенко была отправлена депутація, которая въ самыхъ скромныхъ формахъ предложила Гордѣенко взять рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро обратно, намекнувъ, что въ противномъ случаѣ послѣдуетъ увольненіе многихъ служащихъ изъ другихъ отдѣленій управы. Гордѣенко готовъ былъ пойти на уступки — пересмотрѣть рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро. Назначенъ былъ срокъ окончательнаго рѣшенія вопроса — 24-го іюля. Служащіе управы готовы были помириться на возвращеніи завѣдующаго бюро, забывъ, что дѣло вѣдь началось съ Антоновича, — показателя цѣлой системы. Однако, статистики не соглашались сначала, но потомъ уступили, — отступились отъ своихъ основныхъ требованій. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда статистики пошли на компромисъ, Гордѣенко получилъ отъ губернатора конфиденціальное сообщеніе съ приложеніемъ копіи съ письма, отправленнаго харьковскими статистиками Родзянко, и предложеніемъ „принять мѣры“. Созванное Гордѣенко по этому поводу коллегіальное засѣданіе управы подтвердило свое рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро и постановило предложить всѣмъ статистикамъ уволиться. Статистики, не дождавшись формальнаго извѣщенія о состоявшемся постановленіи, 25-го числа подали въ отставку (19 человѣкъ, трое отказались) примѣру ихъ послѣдовали 23 человѣка изъ другихъ отдѣленій управы, въ томъ числѣ губернскій санитарный врачъ, эпидемическіе врачи, губернскій агрономъ и завѣдующіе и помощники завѣдующихъ другими отдѣлами управы (не всѣ, конечно).

Въ больницѣ губернскаго земства одновременно тоже разыгралась исторія на той же почвѣ, что и въ управѣ: требованіе служащихъ объ удаленіи смотрителя больницы, обвинявшагося въ шпіонствѣ, было удовлетворено управой.

Въ родовспомогательномъ пріютѣ Х. Г. Зем. тоже была исторія. Членъ управы на основаніи опроса низшаго медицинскаго персонала внесъ въ управу предложеніе объ увольненіи врача, завѣдующаго пріютомъ, не спросивъ у послѣдняго никакихъ разъясненій. Это была настолько дикая выходка, что даже почтенная управская коллегія рѣшила уволить не врача, а тѣхъ, кто давалъ показанія о немъ. Врачъ же, какъ говорятъ, намѣренъ привлечь члена управы за клевету къ судебной отвѣтственности.

Получено изъ Симферополя извѣщеніе о крахѣ статистическаго бюро. Какъ сообщаютъ, въ этой новой исторіи принимали участіе „губернаторъ, жандармы и проч. учрежденія“.

„Доброе слово къ русскому народу.“ Не всегда съ „крамолой“ борятся средствами грубаго насилія. Въ этомъ можно убѣдиться изъ недавно разосланнаго по фабрикамъ слѣдующаго воззванія:

Затребовать и получить къ 22 іюля.

Къ свѣдѣнію Гг. Владѣльцевъ и Управляющихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ!

Г. Министръ Императорскаго двора отъ 14-го іюня 1901 года за ном. 4969 приказалъ разрѣшить напечатать дешевое народное изданіе для распространенія среди фабрично заводского населенія, для его успокоенія, дабы поддержать законный порядокъ и ходъ обычныхъ работъ и оградить его отъ происходящихъ и могущихъ произойти смутъ и безпорядковъ, вслѣдствіе умственныхъ броженій и ложныхъ сужденій о Предержащей власти.

Изданіе это предлагается для распространенія въ возможно-большемъ числѣ экземпляровъ, какъ среди сельскаго населенія, такъ и рабочихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ. Затребованные и полученные экземпляры изданія слѣдуетъ раздать въ ближайшій праздничный день и при возможно-торжественной обстановкѣ всѣмъ рабочимъ, не исключая женщинъ и дѣтей:

ДОБРОЕ СЛОВО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ

Сочиненіе религіозно-нравственнаго содержанія, проникнутое высоко-патріотическимъ духомъ, съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Изданіе высылается по слѣдующей расцѣнкѣ:
Цѣна за: 15 экз. — 1 р.; 30 экз. — 2 р.; 50 экз. — 3 р.; 100 экз. — 5 р.; 500 — 22 р. 50 к.; 1000 — 40 р; 3000 — 110 р.: 4000 и болѣе считаются по 3 коп. экземпляръ.

Требованія прислать заблаговременно, съ полученіемъ сего предложенія съ тѣмъ, чтобы изданія были получены своевременно.

Затребовать и получить по числу рабочихъ.

Требованія адресовать: въ СПБ., книжному магазину „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА“, Николаевская, 39.

Адр. для телеграммъ: СПБ., Магазинъ „Народная Польза“.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать разрѣшается, 19 іюня 1901 г. Цензоръ Архимандритъ Антонинъ.

На заголовкѣ красуется царская корона. Другая украшаетъ оборотную сторону листка. Такимъ образомъ, обращенное къ фабрикантамъ предложеніе „затребовать“ книжку по числу рабочихъ обставлено достаточно торжественно. Попробуй-ка г. фабрикантъ отказаться отъ пріобрѣтенія сего сочиненія, „проникнутаго высоко-патріотическимъ духомъ“! Издатели, несомнѣнно, обдѣлаютъ выгодное дѣльце!

Какъ, однако, должны печально обстоять дѣла съ „законнымъ порядкомъ“ среди фабрично-заводского населенія, если сторонники этого порядка вынуждены прибѣгнуть къ печатному слову для борьбы съ „умственными броженіями и ложными сужденіями о Предержащей власти“! Вѣдь печатное слово — палка о двухъ концахъ! Познакомившись съ „добрымъ словомъ“, направленнымъ къ его вразумленію, рабочій, пожалуй, полюбопытствуетъ познакомиться и съ тѣмъ правдивымъ словомъ, которое съумѣетъ попасть въ его руки, — правда, безъ всякой торжественной обстановки.

* * *

Сейчасъ мы получили новое „извѣщеніе“ почтенной фирмы, свидѣтельствующее о томъ, какими средствами дѣйствуютъ „религіозно-нравственно-патріотическіе“ борцы съ крамолой. Вотъ текстъ „извѣщенія“:

ИЗВѢЩЕНІЕ.

„Затребованное Вами изданіе „Доброе слово къ русскому народу“ въ количествѣ 10 экземляровъ не соотвѣтствуетъ статистическимъ даннымъ Министерства Финансовъ, по спискамъ котораго значится, что число рабочихъ доходитъ до 120 чел., а потому по числу ихъ изданіе и можетъ быть выслано; имѣя въ виду то, что каждое требованіе заносится въ вѣдомость для представленія къ свѣдѣнію. Просимъ дать отвѣтъ“.

На заголовкѣ опять царская корона. Предпріимчивые патріоты запаслись „статистическими данными“ и „съ пристрастіемъ“ требуютъ, чтобы фабриканты выписывали не иначе, какъ по числу рабочихъ, ибо „каждое требованіе заносится въ вѣдомость для представленія къ свѣдѣнію“.

Или, говоря простымъ русскимъ языкомъ: клади денежки объ это мѣсто или я „представлю къ свѣдѣнію“ самый „религіозно-нравственно-патріотическій“ доносъ начальству.

Высылка изъ Россіи Джорджа Кеннана. Авторъ извѣстной книги о русской ссылкѣ, вновь посѣтившій недавно Россію, высланъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ изъ Россіи въ сопровожденіи полицейскаго. Высылка послѣдовала въ виду его „политической неблагонадежности“. Это, конечно, не значитъ, чтобы правительство считало Кеннана революціонеромъ. Но чтобы стать врагомъ русскаго правительства, и не нужно быть революціонеромъ. Достаточно написать правдивую книгу, въ которой разсказано о томъ, что правительство дѣлаетъ со своими жертвами въ каторжныхъ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки.

Можно надѣяться, что своей выходкой русское правительство возстановитъ свою честь въ глазахъ цивилизованнаго міра. Кеннанъ писалъ, что въ Россіи нѣтъ никакой свободы и что каждое проявленіе свободной общественной дѣятельности карается какъ политическое преступленіе.

Высылка Кеннана, вѣроятно, имѣетъ въ виду доказать Европѣ и Америкѣ, что свободы у насъ вполнѣ достаточно... чтобы наказать иностранца за то, что онъ иностранцамъ говоритъ правду о Россіи.

Пирамидовъ умеръ! Владиміра Михайловича Пирамидова не стало. Онъ умеръ на посту, охраняя своего султана на одномъ изъ торжествъ въ честь постройки новаго орудія истребленія людей. Царскій флагъ, сорванный разыгравшейся бурей, раздавилъ вѣрнаго жандарма. Нельзя-ли видѣть въ семъ нѣкоего предзнаменованія?

Начавъ свою службу въ Москвѣ и развернувъ свои инквизиторскія способности въ Одессѣ, Пирамидовъ въ 1897 г. былъ назначенъ начальникомъ Охраннаго Отдѣленія въ Петербургѣ. Въ напечатанномъ въ „Листкѣ Работника“ (ном. 5) „Послужномъ спискѣ полковника Пирамидова“, составленномъ безвременно погибшимъ въ ссылкѣ товарищемъ Ѳедосѣевымъ, предсказывалось, что Пирамидовъ въ своей новой должности „намѣренъ производить массовые погромы, захватывая разомъ не только подозрѣваемыхъ въ революціонной дѣятельности, но и всѣхъ знакомыхъ съ такими лицами“.

Предсказаніе оправдалось, и „эра Пирамидова“ ознаменовалась, дѣйствительно, все учащавшимися погромами, захватывавшими каждый разъ самую разнообразную публику. Въ 1897 г. походовъ на „внутреннихъ враговъ“ имъ совершено въ Петербургѣ шесть (въ февралѣ, мартѣ, дважды въ апрѣлѣ, маѣ, августѣ), въ 1898 г. шесть (въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сент., дек.), въ 1899 г. восемь (въ февралѣ, мартѣ, дважды въ апрѣлѣ, въ іюнѣ, августѣ, октябрѣ, декабрѣ), въ 1900 г. пять (въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, августѣ, декабрѣ) и въ 1901 г. вплоть до кончины — семь (въ январѣ, дважды въ февралѣ, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ), при чемъ апрѣльскій походъ затмилъ количествомъ взятыхъ въ плѣнъ всѣ предыдущіе и принесъ побѣдителю неувядаемый трофей — пудъ гвоздей, арестованныхъ у одного мирнаго литератора въ предположеніи, что они назначены для стрѣльбы картечью изъ пушекъ революціи.

Само собою разумѣется, что при такихъ массовыхъ погромахъ случались „ошибочки“ вродѣ заарестованія непричастнаго къ революціи Костромина, который зарѣзался въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Самосожженіе Вѣтровой тоже произошло въ царствованіе Пирамидова. Общее количество умершихъ отъ нажитыхъ въ тюрьмѣ болѣзней и сошедшихъ съ ума не поддается учету; во всякомъ случаѣ оно не незначительно.

Точно также не легко подсчитать количество шпіоновъ и провокаторовъ, пущенныхъ Пирамидовымъ въ обращеніе въ среду рабочихъ и молодежи.

Герою 30-ти слишкомъ походовъ противъ „внутренняго врага“ были, само собою разумѣется, возданы должныя посмертныя почести. За гробомъ несли вѣнки съ пикантными надписями, какъ напр., „отъ тайной агентуры“. До сихъ поръ вѣнки съ такими надписями, навѣрное, не встрѣчались на чьихъ-либо похоронахъ. За Судейкинымъ несли, правда, вѣнокъ „отъ сослуживцевъ“, но такъ, чтобы просто отъ... шпіоновъ, нѣтъ, этого не бывало.

Прогрессъ нравовъ подвигается съ удивительной быстротой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на гробъ Витте будетъ своевременно возложенъ вѣнокъ „отъ взлелѣянныхъ казнокрадовъ“, на гробъ Муравьева — „отъ спасенныхъ мздоимцевъ“ и на гробъ Николая Романова — „отъ тысячи и одной балерины“.

Но если похороны Пирамидова отличались отъ похоронъ Судейкина бо́льшимъ цинизмомъ, то трогательны онѣ были не менѣе ихъ. На гробъ Судейкина посланы были вѣнки отъ царицы, Пирамидова почтили вѣнками нѣкоторые великіе князья и сама королева эллиновъ. Такъ все прочнѣе скрѣпляются узы между царскимъ престоломъ и жандармскимъ застѣнкомъ. И будутъ скрѣпляться эти узы до тѣхъ поръ, пока разыгравшаяся буря, сорвавъ царскій флагъ, не раздавитъ на мѣстѣ многоголовую жандармскую гидру.

Для петербургскихъ рабочихъ имя Пирамидова будетъ всегда связано съ первымъ періодомъ ихъ массового выступленія на путь классовой борьбы, какъ имя безсовѣстнѣйшаго и безпощаднѣйшаго изъ царскихъ палачей.

САМОНОВѢЙШЕЕ ОТКРЫТІЕ.

Средство противъ упорныхъ голодовокъ! Привилегія принадлежитъ князю Оболенскому!

Городъ Елизаветградъ до сихъ поръ считался очень тихимъ и скромнымъ городомъ. Революціями не занимался и противъ начальства не возставалъ. Правда, въ 1879 г. на елизаветградскомъ вокзалѣ былъ арестованъ Григорій Гольденбергъ съ тюкомъ динамита, но это обстоятельство не было поставлено городу въ вину. Въ 1898 г. обнаружена въ Елизаветградѣ соціалдемократическая пропаганда, но она оказалась завезенной одесскими агитаторами и пресѣчена въ корнѣ. Мѣстные рабочіе пошли за г. Левитскимъ и съ разрѣшенія властей устраиваютъ артели... На всякій случай, однако, начальство вотъ уже два года воспрещаетъ селиться въ Елизаветградѣ людямъ поднадзорнымъ и тѣмъ самымъ спасло этотъ городъ отъ наплыва радикальной публики. Все бы, казалось, хорошо, анъ нѣтъ...

Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ проявился голодъ, который продолжался два года. А разъ голодъ, то не преминула появиться и „агитація“ безпокойныхъ людей, организаторовъ помощи голодающимъ. Появились письма въ газетахъ о голодѣ и голодномъ тифѣ, наѣхали въ уѣздъ смутьяны изъ посторонней интеллигенціи, словомъ, поднялся шумъ.

Кн. Оболенскій, губернаторъ херсонскій, сперва помалкивалъ, потомъ сталъ ругаться (обозвалъ сообщенія земскихъ врачей ложными), потомъ запретилъ наѣзжимъ смутьянамъ оказывать помощь мужикамъ, закрылъ книжный складъ, объявилъ не согласнымъ съ видами самодержавнаго правительства открытіе яслей для голодающихъ мужицкихъ дѣтей. Наконецъ, заявилъ, что отнынѣ голодъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ прекращается... Все не помогло: помощь прекратили, а мужикъ все какъ будто видъ имѣетъ оголодавшій. Тогда хорсонскій губернаторъ строчитъ бумажку въ Петербургъ и получаетъ отвѣтъ, который долженъ его совершенно успокоить. Какъ сообщаютъ газеты, власти гор. Елизаветграда получили увѣдомленіе отъ херсонскаго губернскаго правленія, что городъ объявленъ на положеніи усиленной охраны.

„Средствіе“ найдено; теперь-то, надо полагать, хозяйство Елизаветградскаго мужика станетъ на ноги.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. О настроеніи петербургскихъ рабочихъ въ періодъ лѣтнихъ безпорядковъ можно судить по слѣдующему письму, полученному нашимъ товарищемъ отъ одного ткача. Въ письмѣ высказано также отношеніе нѣкоторыхъ рабочихъ кружковъ къ тому политическому направленію, которому служитъ наша газета, по поводу полученія которой собственно и написано письмо (рѣчь идетъ о ном. 4 „Искры“).

...„Я многимъ товарищамъ показывалъ „Искру“ и весь номерокъ истрепался, а онъ дорогъ, много дороже „Мысли“, хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строкъ. Тутъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копейками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они, и правда, страшны и царю, и хозяевамъ, и всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я простой рабочій и совсѣмъ ужъ не такой развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться, уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра и будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорится пламень! Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые, многіе даже на лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ: теперь ужъ мастера многихъ не трогаютъ, и въ праздникъ полиція вѣжливенько проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто рабочій завтра свободу получитъ. Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь всѣ, и старикъ, и малый, всѣ читали бы, да вотъ горе наше — книжки нѣтъ. Я прошлое воскресенье собралъ одиннадцать человѣкъ и читалъ: „Съ чего начать“, такъ мы до ночи не расходились. Какъ все вѣрно сказано, какъ до всего дойдено. Я вамъ правду сказалъ на прощанье: часто мы Васъ поминать будемъ. Вотъ Вы были бы, Вы бы ужъ, навѣрное, устроили намъ: хочется намъ письмо въ эту самую „Искру“ Вашу написать, чтобы она не только учила, какъ начать, а и какъ жить и умереть. Вы, небось, смѣетесь и скажете, что всего въ газетѣ не напишешь, это такъ, а все-таки въ этотъ разъ я прочиталъ то, что еще нигдѣ не было написано. Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать. И какъ нарочно никого: Васъ нѣтъ, вмѣсто Васъ никого, союзниковъ словно вымело, а самимъ, вѣдь, не справиться; тутъ у насъ затѣваютъ, если еще въ другой разъ въ разсчетъ уволятъ, такъ идти всѣмъ громить фабрику, пусть пропадаетъ, коль кормить не можетъ. А развѣ сурьезно!? Я да и другіе тоже подбиваемъ, лучше на Невскій выйти, да на знамени написать: работы и свободы, да развѣ однимъ совладать? Пусть бы видѣли, какіе русскіе рабочіе. Теперь только начать нужно, а тамъ все пойдетъ, все движется, вездѣ тлѣетъ. Вотъ смотрите, было на тракту, было у насъ, у балтійцевъ, а скоро путиловцы такое покажутъ, что у насъ и не видывали. Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвутъ, много и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя, во-первыхъ, а второе — ужъ дѣло больно крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ, но огонь будетъ такъ ярокъ, что и слѣпые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ, а ужъ второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ. Вы, вѣрно, бранитесь, что не пишу, какъ у насъ, про событія. Про В. (убитаго) Вы знаете; если Вы знали Ф., такъ ему тоже голову прошибли. Въ другой разъ напишу, если Вамъ любопытно и если цѣлъ буду; ну, да выплыву, можетъ, еще вмѣстѣ поработаемъ — то-то бы хорошо“.

Какъ намъ пишутъ, съ 7-го іюля Обуховскій заводъ опять забастовалъ вслѣдствіе того, что уволенный-было помощникъ директора Ивановъ, виновникъ первой стачки, снова появился на заводѣ. 12-го іюля арестовано до 120 рабочихъ съ этого завода.

Въ центральномъ районѣ. Обиліе штрафовъ при 12-13 руб. мѣсячной платѣ для взрослаго рабочаго, рѣдкая выдача этого заработка (разъ въ мѣсяцъ) — таковы условія труда въ прядильно-ткацкой фабрикѣ г. Классина въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ. Къ этому еще присоединяется застарѣлая язва россійской фабрики — хозяйская лавка. Товаръ въ такой лавкѣ недоброкачественный, цѣны болѣе высокія, чѣмъ тѣ, какія значатся въ утвержденной фабричнымъ инспекторомъ таксѣ. При покупкѣ товара въ заборной лавкѣ отмѣчается та цѣна, которая показана въ таксѣ, надбавка же уплачивается наличными деньгами. Въ виду рѣдкой выдачи заработка рабочимъ часто приходится для покупки товара, не имѣющагося въ хозяйской лавкѣ, совершать коммерческую операцію: купить какой-нибудь ненужный товаръ въ этой лавкѣ и перепродать его, теряя 20% убытку.

Зато на бумагопрядильной фабрикѣ Франко-русскаго Общества близъ станціи Павлово (Московско-Нижегородской ж. д.) тѣми же доблестями отличается лавка... потребительнаго общества. „Обвѣшиваютъ на цѣлые фунты“, пишутъ намъ оттуда, а когда обвѣшенный покупатель, узнавъ дома объ обманѣ, явится обратно въ лавку, то его же обвиняютъ въ непорядочности: самъ-де дома отрѣзалъ, а потомъ пришелъ сюда.

Кострома. Всѣ арестованные въ апрѣлѣ освобождены въ іюнѣ. Обвинялись въ участіи въ костромской соціалдемократической группѣ (по 318 и 252 ст.). Уликъ не добыто никакихъ.

Рабочій Иванъ Румянцевъ по дѣлу 1900 г. приговоренъ къ 2 мѣс. тюрьмы и году высылки. По тому же дѣлу высланы еще на два года въ Вятскую губ. работница Марія Семенова, въ Казанскую губ. на два года ея сестра Ольга Семенова; на одинъ годъ въ Саратовскую губ. рабочій съ фабрики Зотова Павелъ Кузбяковъ и слесарь Андрей Ваховъ; въ Самарскую губ. на одинъ годъ слесарь Павелъ Блохинъ; туда же на два года рабочій Иванъ Обуховъ; въ Астраханскую губ. на одинъ годъ конторщикъ Сергѣй Зубовъ (человѣкъ, ни въ чемъ не повинный и ни къ чему не причастный). Въ Казанскую губ. на два года: слесарь съ фабрики Зотовыхъ Капитонъ Лапшинъ, рабочій той же фабрики Иванъ Даниловъ, рабочіе Никаноръ Соколовъ и Ив. Барабановъ (въ Кострому былъ высланъ изъ Петербурга). Туда же на одинъ годъ Константинъ Барабановъ. Въ ночь съ 4 на 5 іюня у рабочихъ были опять обыски. Арестованъ Лапшинъ, но черезъ нѣсколько дней выпущенъ. Обыски повторились 21 іюня. Всѣ эти событія вызываютъ массу толковъ среди рабочихъ, спросъ на нелегальную литературу значительно увеличился, ею интересуются такіе рабочіе, которые прежде не стали бы ее и читать. Даже самымъ „сѣрымъ“ рабочимъ, только-что пришедшимъ изъ деревни, любопытно знать, „за что это людей берутъ“ и что написано въ тѣхъ книжкахъ, которыя „ищетъ полиція“.

На допросахъ полковникъ Кемпе нѣкоторымъ рабочимъ говорилъ: знаемъ мы, чего вы добиваетесь — восьми часовъ труда; сдѣлай по вашему, а вы потомъ голову намъ оторвете. Такими фразами очень поднимаютъ духъ у всѣхъ работающихъ, такъ какъ каждый признаетъ за собой силу, съ которой надо бороться и которой боится правительство.

Саратовъ. Стачечное движеніе. Въ среду 6-го іюня рабочіе ж.-дор. мастерскихъ за часъ до обѣда прекратили работу, предъявивъ вызванному ими начальнику мастерскихъ требованіе отмѣны существующей системы штрафовъ (при этой системѣ за прогулъ одного дня у рабочаго вычитали двухдневную плату, при опозданіи хотя бы на полчаса — вычитали полдня). Послѣ неудачной попытки провести рабочихъ кажущейся уступкой начальникъ мастерскихъ удовлетворилъ ихъ требованіе, но рабочіе, посовѣтовавшись между собою, предъявили рядъ новыхъ требованій, какъ-то: повышеніе расцѣнковъ, понизившихся за послѣднія пять лѣтъ по нѣкоторымъ предметамъ на 50%, затѣмъ выбора рабочими старостъ для разбора мелкихъ недоразумѣній съ управленіемъ. Не рѣшаясь самолично удовлетворить новыя требованія, начальникъ мастерскихъ вызвалъ телеграммой начальника дороги, начальника тяги и жандармскаго полковника. Послѣдній, впрочемъ, въ первый же день забастовки былъ на мѣстѣ „сраженія“ и говорилъ рабочимъ, что онъ является представителемъ царской власти, не заинтересованной въ притѣсненіи рабочихъ, что онъ ихъ отецъ, а они его дѣти и т. д.

Въ четвергъ рабочіе не работали. Въ пятницу же утромъ собрались въ мастерскія выслушать рѣшеніе начальства, устроившаго въ этотъ день военный совѣтъ. Надо замѣтить, что ж.-д. начальство, видимо, растерялось, и дѣйствіями его сталъ руководить жандарскій полковникъ Сыропятовъ, человѣкъ довольно ловкій. Выйдя къ рабочимъ, полковникъ сталъ читать имъ отвѣтъ начальства. Штрафы отмѣнялись, расцѣнокъ повышенъ. Рабочіе были довольны результатомъ забастовки, старики благодарили полковника. Въ субботу работы возобновились, но въ 9 час. утра рабочіе снова забастовали, сочтя себя обманутыми: по вывѣшеннымъ правиламъ — вопреки словесному заявленію полковника — при объявленіи вводимыхъ новымъ порядкомъ „предостереженій“ за прогулъ (послѣ трехъ такихъ предостереженій рабочій увольняется) въ счетъ принимались прогулы до завтрака, тогда какъ полковникъ обѣщалъ, что такіе прогулы въ счетъ идти не будутъ. Жандармскій полковникъ уговорилъ рабочихъ не прерывать работъ до пріѣзда начальника дороги, на что рабочіе согласились. Въ среду 13-го, по пріѣздѣ начальника, въ мастерскихъ вывѣшено было объявленіе, удовлетворяющее часть требованій рабочихъ. „Предостереженія“ устанавливаются только за прогулъ по неуважительнымъ причинамъ, обѣщано сокращеніе рабочаго времени и „разрѣшается каждому цеху имѣть своего выбраннаго старосту для выясненія нуждъ и желаній рабочихъ“. Въ концѣ объявленія добавлено, что рабочіе получатъ плату за дни стачки, но что при повтореніи стачки мастерскія будутъ закрыты. Рабочіе молча согласились продолжать работу. Хотя побѣда не полная, но рабочіе довольны ею. Важно то, что всѣ дни забастовки рабочіе вели себя образцово и не было никакихъ поводовъ къ вмѣшательству жандармеріи. Никакихъ „зачинщиковъ“ не было и пострадавшихъ пока нѣтъ. Старосты уже выбраны и приступили къ исполненію своихъ обязанностей.

Стачка произвела большое впечатлѣніе и на рабочихъ другихъ заводовъ. Подъ ея вліяніемъ начали волноваться рабочіе механическаго завода Беринга (работаетъ 350 чел.) Послѣдній заводъ давно славится неаккуратной расплатой съ рабочими. Года два назадъ тамъ уже было столкновеніе по этому поводу. Нѣкоторое время назадъ управленіе завода вывѣсило объявленіе, что отмѣняется время на завтракъ (полчаса); работа должна начинаться съ 6 и идти непрерывно до 12, затѣмъ дается часъ на обѣдъ (прежде полтора часа); за то общій рабочій день сокращается на одинъ часъ, т. е. управленіе завода даровало 1 часъ рабочимъ изъ ихъ же времени (полчаса изъ завтрака и полчаса изъ обѣда). Въ пятницу 15-го іюня рабочіе завода собрались передъ заводомъ и потребовали отмѣны этого нововведенія, аккуратной расплаты за прожитое время, ограниченіе „ученичества“ и проч. Всѣ эти требованія были помѣщены въ гектографированной прокламаціи, одинъ экземпляръ которой былъ найденъ у одного ученика и представленъ начальству. На мѣсто дѣйствія уже прибылъ приставъ второй части и низшая полиція. Въ пятницу и субботу переговоры ни къ чему не привели: работы, однако, не производились. Въ субботу или въ воскресенье отъ администраціи завода было вывѣшено требованіе, чтобы рабочіе вышли на работу, а нежелающіе чтобы брали разсчетъ. 45 чел. явились въ контору и тутъ встрѣчены были полиціей и жандармами. Всѣхъ 45 чел. отправили въ часть, но дорогой 5 раб. вернулись на работу. Въ поне дѣльникъ съ работъ взяли еще 23 чел., а во вторникъ 16 ч. Изъ нихъ болѣе десятка выслано изъ Саратова административнымъ порядкомъ. Послѣ стачки на заводѣ были распространены прокламаціи, выясняющія причины ея неудачи.

Слабыя попытки устроить забастовку были и на чугунно-литейномъ заводѣ Макарова. Но когда пріѣхалъ фабричный инспекторъ, то недовольство выразилъ одинъ лишь интеллигентный рабочій, а остальные его не поддержали. Недовольному было предложено удалиться съ завода.

Саратовъ. Стачка крестьянъ-рабочихъ. Въ селѣ Николаевскомъ, Саратовскаго уѣзда (въ 45 верстахъ отъ Саратова) находится земледѣльческое училище, учителя котораго имѣютъ порядочное вліяніе на ходъ дѣлъ у крестьянъ этого села. По иниціативѣ инспектора училища Зенкевича при сельскомъ ссудо-сберегательномъ товариществѣ была устроена мастерская плуговъ. Въ мастерской работало 18 мастеровъ, а съ учениками до 25 чел., бо́льшая часть ихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ концѣ мая рабочіе прекратили работу, предъявивъ завѣдующему мастерской слѣдующія требованія: увеличеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня на 1 часъ (до $9^1/_2$ час.), увольненіе конторщицы, выдача денегъ два раза въ мѣсяцъ, правильные часы, прекращеніе произвольныхъ пониженій платы, отмѣна штрафовъ (не вычитать за одинъ день болѣзни), правильное обученіе учениковъ. Стачка продолжалась двѣ недѣли, пока рабочимъ надоѣло ждать и они задумали устроить артельную мастерскую, что и было сдѣлано при помощи небольшого займа. Время для стачки было выбрано неудачное, такъ какъ большая часть заказовъ была уже выполнена.

Ссудо-сберегательныя товарищества, какъ извѣстно, представляютъ тоже одинъ изъ излюбленныхъ нашими народолюбцами способовъ рѣшенія рабочаго вопроса помимо „грубыхъ“ средствъ классовой борьбы, выдуманныхъ европейскимъ пролетаріатомъ. Какъ видно изъ корреспонденціи, „товарищество“ деревенскихъ хозяйчиковъ вело свое дѣло эксплуатаціи своихъ „однообщинниковъ“-пролетаріевъ почище любого фабриканта съ мошенническими часами, со штрафами за болѣзнь(!), съ незаконной расплатой менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и пр. и пр.

Рабочій въ роли — попа-увѣщевателя. Въ Николаевскѣ (Самарской губ.) возникла стачка на механическомъ заводѣ. Заводчикъ обратился къ своему пріятелю въ Саратовѣ, тоже заводчику Коробову, чтобы тотъ прислалъ ему человѣка, который бы оказалъ воздѣйствіе на рабочихъ. Коробовъ отправилъ въ Николаевскъ рабочаго Трусова, административно-высланнаго въ Саратовъ. Пріѣхавъ въ Николаевскъ, Трусовъ остановился у заводчика, который его принялъ съ распростертыми объятіями. Трусовъ уговорилъ рабочихъ прекратить стачку, увѣряя, что хозяинъ не врагъ имъ, а другъ, и что онъ самъ страдаетъ отъ плохихъ дѣлъ, въ силу чего прибавить имъ плату не можетъ. Увѣщанія подѣйствовали, рабочіе прекратили забастовку, а Трусовъ съ благодарностью возвращенъ обратно.

Симферополь. Приводимъ разсказъ о майской демонстраціи этого года въ Симферополѣ.

— Они хотятъ свободы...

— Что значитъ: „хотятъ свободы“?

— А то, что слышите. Развернули вышитое красное знамя, прошлись по Екатерининской, пѣли за свободу и раздавали какіе-то листки...

— Нѣтъ, это очень просто. Завтра день рожденія государя евреи-портные взяли да и прошлись по улицамъ съ пѣніемъ...

— Дуракъ, они марсельезу пѣли, да полиція арестовала одного.

Такого рода взволнованныя рѣчи вели между собою добрые обыватели нашего тихаго, смирнаго, богоспасаемаго города въ субботу, 5-го мая этого года, около 7 час. веч. Да и было отчего волноваться, было что не понимать простому обывателю. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Симферополь, онъ не видѣлъ ничего подобнаго тому, что происходило тамъ 5-го мая передъ вечеромъ. А происходило вотъ что:

Толпа рабочихъ и работницъ мѣстныхъ портняжныхъ, сапожныхъ, столярныхъ, слесарныхъ мастерскихъ, табачныхъ фабрикъ, всего около ста чел., преимущественно евреевъ, впервые въ Симферополѣ устроили публичную майскую демонстрацію. Они, дѣйствительно, какъ говорилъ нашъ обыватель, съ развернутымъ знаменемъ, на которомъ красовались вышитыя на русскомъ и еврейскомъ языкахъ слова: „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ 8-мичасовый рабочій день“, „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ и съ пѣніемъ рабочей марсельезы прошлись по главной улицѣ нашего города при громаднѣйшемъ скопленіи публики, которой раздавались прокламаціи.

Нужно сознаться, ничего не понимала во всемъ этомъ большая публика, но ничего не понимала и полиція, которая по долгу должна была понимать. Да, необходимо достодолжнымъ образомъ отмѣтить этотъ фактъ и обратить на него всеобщее вниманіе.

Рабочая демонстрація 5-го мая безпрепятственно, блестяще прошла при явномъ и ясномъ соучастіи тамошней полиціи, не вѣдавшей, что творится у нея подъ носомъ. Городовые дали дорогу демонстрантамъ, отстраняя постороннюю публику, мѣшавшую шествію. Небывалое въ Россіи явленіе!

А между тѣмъ, какъ мы слышали, ни одинъ изъ чиновъ симферопольской полиціи не посаженъ въ тюрьму, не устраненъ даже отъ должности.

Какъ бы ни было, послѣдуемъ подъ охраной полиціи за нашими рабочими-демонстрантами. Шествіе, прошедшее въ образцовѣйшемъ порядкѣ, длилось, правда, не долго, минутъ 25-30, не больше, но впечатлѣніе произвело оно сильное. Я указалъ въ началѣ на непониманіе, какъ слѣдствіе невѣжества обывателя. Но за то я былъ самъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Группа возвращающихся съ работы каменьщиковъ наткнулась на шествіе. Подхвативъ нѣсколько листковъ и пробѣжавъ ихъ глазами, рабочіе въ одинъ голосъ начали кричать „Браво! Молодцы ребята! Ура! Ура!“ Послышались шумныя рукоплесканія. Это я самъ видѣлъ. Но я, кромѣ того, знаю, что демонстрація произвела огромнѣйшее впечатлѣніе на большую массу нашего рабочаго населенія вообще. Послѣ демонстраціи носились даже упорные слухи, что русскіе, главнымъ образомъ, строительные рабочіе, каменьщики, штукатуры, плотники, не желая отстать отъ товарищей евреевъ, собираются повторить демонстрацію въ болѣе широкомъ размѣрѣ 14-го мая, въ день „священнаго“ коронованія царственныхъ особъ. Къ сожалѣнію, слухи эти оказались только слухами, хотя, правда, въ ночь съ 13-го на 14-ое, не смотря на принятыя полиціею мѣры, по всему городу разбросаны были новыя, приготовленныя, какъ и первыя, на гектографѣ прокламаціи.

Съ другой стороны, демонстрація произвела ошеломляющее впечатлѣніе на мѣстныя и, вѣроятно, не только на мѣстныя власти (генералъ Трубниковъ, стоящій во главѣ таврическаго жандармскаго управленія, далъ по телеграфу немедленно знать о событіи въ Петербургъ).

Поэтому, если поставите мнѣ вопросъ, нахожу-ли я майскую демонстрацію удачной, я отвѣчу „да“, потому что она сдѣлала свое дѣло, вызвавъ въ нашемъ рабочемъ населеніи готовность къ дальнѣйшей борьбѣ, возымѣвъ чрезвычайно сильное дѣйствіе на полицію. „Я положительно голову теряю отъ этихъ дѣлъ“, заявилъ симферопольскій полицмейстеръ Кузьменко одному видному обывателю. О шествіи рабочихъ со знаменами далъ знать въ полицейское управленіе по телефону одинъ услужливый обыватель. Полиція прибѣжала, конечно, обезумѣвшею, но — слишкомъ поздно: она почти никого ужъ не застала, и на „мѣстѣ преступленія“ ей удалось захватить одного лишь рабочаго-знаменоносца и то по простой несчастной случайности: рабочій, несшій огромное знамя, споткнулся и упалъ. Схваченный (имя его Аншель Дыскинъ, дамскій портной) былъ страшно избитъ въ участкѣ помощникомъ пристава Ковалевскимъ и немедленно отправленъ въ тюрьму.

Вслѣдъ затѣмъ началась настоящая охота на ремесленныхъ, а отчасти и другихъ рабочихъ нашего города. Въ охотѣ этой наряду съ полиціей принималъ участіе нѣкій обыватель, причисляющій себя, конечно, къ „интеллигенціи“, Викторъ Артемьевичъ Шикинъ, бухгалтеръ мѣстнаго отдѣленія Азовскаго банка, выказавъ при этомъ необыкновенныя шпіонскія способности. Итакъ, началась охота на нашихъ рабочихъ. Ночью 5-го мая были арестованы и препровождены въ мѣстную тюрьму слѣд. лица: Кайнерсъ, Шухеръ, Воловичъ, Шидловскій — дамскіе портные; Тарноруцкій, Помочниковъ — слесаря. Обвиняемые въ участіи въ демонстраціи, они и понынѣ остаются въ тюрьмѣ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль обыскивали, допрашивали и арестовали свыше 250 чел.: приказчиковъ, рабочихъ и просто обывателей. Арестованы за это время акушерка Толчинская, а совсѣмъ на дняхъ В. Г. Громанъ, помощникъ завѣдующаго статистическимъ бюро таврическаго земства, подлежавшаго вмѣстѣ съ двумя другими лицами высылкѣ изъ Таврической губерніи по какому-то дѣлу.

Въ январѣ н. г. во всѣхъ главныхъ мастерскихъ нашего городъ вспыхнула стачка. Столяры, въ числѣ 50 чел., бросили работу, выставивъ требованіе $10^1/_2$ часоваго рабочаго дня (отъ 6 до 6, прежде работали отъ 6 до 9) съ полуторачасовымъ перерывомъ на обѣдъ; послѣ трехъ дней правильной и хорошо организованной борьбы стачка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: во всѣхъ столярныхъ мастерскихъ введенъ былъ $10^1/_2$ часовый рабочій день. Не обошлось, конечно, какъ и во всякой борьбѣ, безъ жертвъ. Во время стачки произведено было очень много обысковъ, и рабочихъ-столяровъ Игната Тарчевскаго, Шифранскаго и Клюгмана арестовали и продержали въ тюрьмѣ три мѣсяца. Теперь Тарчевскій и столяръ Николай Воробьевъ сосланы въ Вятскую губ. на 3 года, Шифранскій и Клюгманъ высланы изъ Таврической губ.

На дняхъ арестованъ Г. Л. Вольфензонъ, служившій статистикомъ въ таврическомъ земствѣ. Арестъ этотъ стоитъ въ связи съ демонстраціей 5 го мая.

До послѣднихъ лѣтъ гор. Керчь не представлялъ изъ себя ничего выдающагося въ промышленномъ отношеніи, кромѣ рыбныхъ ловлей, которыя производятся больше мелкими промышленниками. Но вотъ пять лѣтъ тому назадъ тамъ были найдены богатыя залежи желѣзной руды, и работа закипѣла: извѣстное общество Брянскихъ заводовъ купило рудныя земли и начало строить громадный металлургическій заводъ. Затѣмъ еще два общества начали разработку руды въ окрестностяхъ Керчи для экспортированія на заводы въ Таганрогъ и Маріуполь. Брянское общество также позаботилось извлечь изъ земли доходы еще до окончанія постройки завода и вывезло до 2.000.000 пудовъ руды на маріупольскіе заводы, а къ постройкѣ завода привлекло новые капиталы и образовало новое акціонерное Общество Керченскихъ заводовъ и рудниковъ. Постройка завода, хотя и не особенно быстро, но продолжается: уже готовы двѣ доменныя печи (ихъ предполагается пять). Рабочихъ занято на постройкѣ завода до 4.000 человѣкъ.

Заводъ строится по послѣднему слову технической науки, но отношенія (увы!) къ рабочимъ администраціи далеки отъ послѣдняго слова... даже русскихъ фабричныхъ законовъ. Она нисколько не заботится о какихъ-либо удобствахъ для рабочихъ: заводъ отъ города отстоитъ на семь верстъ, и рабочимъ приходится тратить по три часа въ день на ходьбу на заводъ и обратно; двухчасовой обѣдъ приходится проводить въ стѣнахъ завода, питаясь въ сухомятку, такъ какъ близь завода квартиръ для рабочихъ совсѣмъ нѣтъ; такимъ образомъ, десятичасовый рабочій день обращается въ 15-часовый. Допускается работа малолѣтнихъ моложе 15-ти лѣтъ по десяти часовъ въ сутки и даже ночныя сверхурочныя работы, которыми вообще страшно злоупотребляютъ и въ отношеніи къ взрослымъ рабочимъ: нѣкоторые, кромѣ семи дней въ недѣлю, еще работаютъ три-четыре ночи. Заработная плата выдается не аккуратно... Да всего и не перечесть. Не заботясь объ удобствахъ рабочихъ, администрація завода вмѣстѣ съ полиціей усиленно заботится объ охраненіи рабочихъ отъ вліянія сознательныхъ товарищей. Послѣ анти-турецкихъ безпорядковъ рабочихъ грузчиковъ на заводской пристани въ іюнѣ прошлаго года было уволено нѣсколько поднадзорныхъ рабочихъ, участниковъ рабочихъ организацій въ другихъ городахъ. Ихъ вліянію приписывали возникновеніе безпорядковъ. Но спасти рабочихъ отъ „заразы“ не удалось. Въ мартѣ н. г. на заводѣ появились прокламаціи съ призывомъ готовиться къ празднованію перваго мая. Было уволено нѣсколько человѣкъ подозрительныхъ въ смыслѣ неблагонадежности рабочихъ, но это не помогло: наканунѣ перваго мая прокламаціи вновь были распространены по заводу. Перваго мая много рабочихъ не явилось на работу, и администрація вынуждена была распустить съ работы и остальныхъ. Опять послѣдовали увольненія. Большихъ результатовъ пока появленіе прокламаціи не принесло, такъ какъ это было еще только впервые, но вѣдь вліяніе сознательныхъ рабочихъ на этомъ не остановится и будетъ продолжаться. Брешь пробита, и администраціи съ полиціей придется считаться съ проявленіемъ сознанія рабочихъ. Что сознаніе растетъ, это доказывается появленіемъ требованій. Напр., требованіе директору завода объ отмѣнѣ его распоряженія не давать приставать къ заводской пристани пароходу частнаго владѣльца, возившаго рабочихъ на заводъ и обратно. Остается пожелать, чтобы это сознаніе проникало и шире и глубже въ среду рабочихъ и чтобы на всякое злоупотребленіе и самодурство какъ администраціи, такъ и полиціи рабочіе отвѣчали протестомъ, не давали бы гнать своихъ товарищей, борющихся за общее рабочее дѣло.

Въ хронику стачекъ въ Западномъ краѣ. За май и іюнь въ Зап. краѣ произошелъ рядъ стачекъ. Наиболѣе крупной и интересной была стачка разборщиковъ и составителей плотовъ (600 чел.) въ Ковнѣ и окружающемъ районѣ, составляющихъ самую отсталую часть мѣстнаго пролетаріата. Стачечники требовали увеличенія заработной платы, установленія нормальнаго рабочаго дня, возвращенія уволенныхъ агитаторовъ и пр. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ. — 250 еврейскихъ булочниковъ бастовали въ Бѣлостокѣ, требуя выдачи кормовыхъ денегъ вмѣсто хозяйскаго содержанія, права жить не у хозяевъ и сокращенія рабочаго времени. Требованія удовлетворены. Въ Бѣлостокѣ же бастовали щетинщики. — Въ Витебскѣ и Двинскѣ бастовали рабочіе на табачныхъ фабрикахъ, въ Витебскѣ, кромѣ того, 150 кожевниковъ, требовавшихъ сокращенія рабочаго дня и одержавшихъ частичную побѣду. — До 800 кожевниковъ (главнымъ образомъ, христіанъ) бастовали въ Вильнѣ, тамъ же была стачка 400 каменщиковъ. — Въ Варшавѣ былъ рядъ стачекъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ (портные, позументщики, перчаточники) и у кожевниковъ. — Въ Гроднѣ христіанскіе и еврейскіе рабочіе на переплетной фабрикѣ (150 чел.) возстали противъ увеличенія рабочаго дня. — Въ Пинскѣ была стачка на фабрикѣ фанеръ (300 раб.), въ Гомелѣ среди прикащиковъ и въ Могилевѣ на маслобойномъ заводѣ. — Въ началѣ іюля въ Минскѣ забастовало 600 столяровъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Изданное Польской Соц.-Дем. Партіей въ Польшѣ и Литвѣ воззваніе „Къ членамъ Россійской соц.-дем. партіи“ даетъ подробное изложеніе исторіи соціалистическаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ и его теперешняго состоянія. Надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ познакомить читателей съ этой исторіей. Воззваніе польскихъ товарищей оканчивается приглашеніемъ дѣйствующихъ въ Россіи соц.-дем. организацій на общій съѣздъ для обсужденія вопросовъ совмѣстной партійной дѣятельности. Программу съѣзда Партій предлагаетъ такую:

1) Выработка общихъ политическихъ требованій. Мы предлагаемъ всѣмъ соціалдемократамъ въ Россіи выставить требованіе демократической конституціи, гарантирующей полную національную автономію финляндцамъ, полякамъ, литовцамъ и другимъ народамъ, населяющимъ Россію, и представить право полнаго самоопредѣленія всѣмъ національностямъ.

2) Организація соціалдемократической партіи Россіи на федеративныхъ началахъ.

3) Выборы Центральнаго Совѣта всѣхъ соціалдемократическихъ партій въ Россіи.

4) Выработка общаго плана дѣйствій и организація совмѣстнаго празднованія перваго мая.

Воззваніе заканчивается слѣдующими строками:

„Товарищи! Тяжелыя политическія условія, въ которыхъ мы живемъ и работаемъ, требуетъ тѣсной сплоченности каждой изъ нашихъ организацій и возможно тѣснаго единенія насъ всѣхъ. Сплоченность и существованіе центральнаго органа, какъ показалъ нашъ опытъ польскаго рабочаго движенія, не только не подвергаютъ движеніе большей опасности, но, наоборотъ, облегчаютъ противодѣйствіе правительственнымъ репрессіямъ, даютъ намъ возможность сохранить побольше силъ въ борьбѣ за существованіе, не говоря уже объ иныхъ неисчислимыхъ выгодахъ, которыя они приносятъ дѣлу пропаганды и агитаціи. Сколько фактовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для всей Россіи, оставляется безъ вниманія, сколько силъ не эксплуатируется, насколько замедляется и затрудняется доставка корреспонденцій, сношенія между городами, транспортировка литературы и проч. и проч., благодаря именно отсутствію центральныхъ группъ“.

Вышелъ отчетъ о четвертомъ съѣздѣ „Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза“ („Бунда“), состоявшемся въ апрѣлѣ этого года. На съѣздѣ присутствовало 24 делегата отъ Центральнаго Комитета, 12 городовъ и двухъ профессіональныхъ организацій. Съѣздомъ разсмотрѣно много вопросовъ, имѣющихъ интересъ для всей русской соціалдемократіи (напр., о значеніи стачекъ, объ экономическомъ террорѣ и т. д.)

Наиболѣе важнымъ является рѣшеніе съѣзда по національному вопросу. Обстоятельно переданные въ отчетѣ дебаты и подробно мотивированная резолюція вносятъ столько новаго въ постановку еврейскаго вопроса для читателей, мало знакомыхъ съ внутренней жизнью „Бунда“, что критика точки зрѣнія, принятой съѣздомъ, потребовала бы отъ насъ болѣе мѣста, чѣмъ какимъ мы можемъ располагать въ этой замѣткѣ. Откладывая, поэтому, до другого мѣста обстоятельный разборъ позиціи, занятой Бундомъ, мы констатируемъ только, что съѣздъ, во-первыхъ, призналъ, что Россія должна стать федераціей національностей съ полной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи; что евреи составятъ одну изъ этихъ автономныхъ національностей и что въ настоящее время требовать національной автономіи для евреевъ „преждевременно“ въ виду болѣе неотложныхъ политическихъ задачъ.

Итакъ, національной автономіи для евреевъ Бундъ не станетъ требовать отъ самодержавнаго правительства, но онъ ее потребуетъ отъ будущей освобожденной Россіи. Бундъ не говоритъ, въ какихъ формахъ можно будетъ осуществить эту автономію (т. е. самоуправленіе) для милліоновъ населенія, не занимающихъ сплошной территоріи, но разсѣянныхъ между сплошнымъ населеніемъ Россіи, Польши и Литвы. Не требовать-ли выдѣленія въ отдѣльныя самоуправляющіяся коммуны тѣхъ мѣстечекъ, которыя населены, главнымъ образомъ, евреями? Ибо во всѣхъ мѣстностяхъ „черты осѣдлости“ евреи составляютъ въ цѣломъ меньшинство, и для образованія „еврейскихъ“ округовъ пришлось бы именно отрѣзывать городскія поселенія отъ сельскихъ.

Или, предполагая, что съ разрушеніемъ „черты осѣдлости“ евреи разселятся по всей Россіи, не требовать-ли самоуправленія для каждаго городского квартала, населеннаго евреями?

Какъ бы то ни было, 4-й съѣздъ Бунда знаменуетъ собой развитіе націонализма въ еврейской соціалдемократіи Зап. Россіи и Польши (на югѣ, какъ извѣстно, еврейскіе рабочіе работаютъ рука объ руку съ русскими во имя общихъ требованій русскаго пролетаріата). Еще недавно, на своемъ третьемъ съѣздѣ (въ январѣ 1900 г.) Бундъ отвергъ предложеніе о требованіи для евреевъ „національныхъ правъ“, ограничившись требованіемъ гражданскаго равноправія.

Съ своей стороны, мы можемъ только считать крупной политической ошибкой это стремленіе совершенно искусственно втиснуть еврейское рабочее движеніе въ русло націонализма въ то время, когда главнымъ зломъ, отъ котораго задыхается еврейская масса въ Россіи, является правительственная политика, задерживающая процессъ ея сближенія съ окружающимъ ее населеніемъ.

Это развитіе въ сторону націонализма отразилось немедленно на отношеніи Бунда къ общерусскому соціалдемократическому дѣлу. Съѣздъ занялся вопросомъ объ отношеніи Бунда къ Рос. С.-Д. Раб. Партіи. Отношеніе это опредѣлялось до сихъ поръ рѣшеніями съѣзда 1898 г. Но въ то время Бундъ представлялъ собою организацію, не преслѣдовавшую никакихъ „національныхъ“ задачъ и созданную только для спеціальной агитаціи среди еврейскихъ рабочихъ на почвѣ протеста противъ тяготѣющаго надъ ними гражданскаго безправія (см. статью изъ органа Бунда, напечатанную въ „Работникѣ“, ном. 5-6). Въ отчетѣ о послѣднемъ съѣздѣ Бунда сказано: „Согласно рѣшенію перваго съѣзда Рос. С.-Д. Раб. Партіи“ Бундъ вошелъ въ нее, какъ автономная часть. Однако, затрудненія для Бунда, создававшіяся иногда такимъ отношеніемъ, и усложненія, могущія возникнуть вхожденіемъ въ партію другихъ національныхъ организацій на федеративныхъ началахъ, побудили съѣздъ заняться вопросомъ, не лучше-ли Бунду замѣнить свои автономныя отношенія федеративными“. При этомъ съѣздъ нашелъ, что „подобная замѣна, во 1-хъ, явится логическимъ слѣдствіемъ резолюціи, принятой по національному вопросу, и во 2-хъ, внесетъ гораздо больше простоты(?) въ отношенія къ Партіи и другимъ національнымъ организаціямъ“. Поэтому съѣздъ принялъ резолюцію, въ которой заявляетъ, что „представляя себѣ Рос. С.-Д. Партію, какъ федеративное соединеніе соціалдемократическихъ партій всѣхъ націй, населяющихъ Россійское государство, съѣздъ постановилъ, чтобы Бундъ, какъ представитель еврейскаго пролетаріата, вступилъ въ нее, какъ федеративная часть“ и т. д.

Надо прежде всего отмѣтить, что, говоря объ автономіи Бунда въ Рос. Партіи, „отчетъ“ пропустилъ одну маленькую подробность. Резолюція съѣзда 1898 г. гласитъ: „Бундъ входитъ въ Партію, какъ автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата“.

Вопросъ о томъ, какое положеніе впредь долженъ занимать Бундъ въ Россійской Партіи, никакъ не можетъ считаться вопросомъ, касающимся спеціально еврейскаго пролетаріата. Этотъ вопросъ одинаково затрогиваетъ обѣ стороны, а потому не можетъ быть рѣшенъ одною изъ нихъ. А изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе 4-го съѣзда Бунда объ измѣненіи положенія его въ Партіи совершенно незаконно. Эта незаконность не устраняется заявленіемъ Бунда, что онъ „представляетъ себѣ“ Росс. Партію „федеративнымъ соединеніемъ“ національныхъ организацій. Представлять себѣ онъ можетъ все, что угодно, но на дѣлѣ партія наша до сихъ поръ федеративнымъ соединеніемъ не была. Когда зайдетъ рѣчь о включеніи въ Рос. Партію новыхъ „національныхъ организацій“, тогда она, можетъ быть, приметъ и федеративный характеръ. Тогда же рѣшится и вопросъ о томъ, какое положеніе занимать Бунду. До тѣхъ поръ, — т. е. до партійнаго съѣзда — все остается по старому. Если же Бундъ, одна изъ договаривавшихся на съѣздѣ 1898 г. сторонъ, хочетъ снова „вступить“ въ партію на новыхъ началахъ, то это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ выступленія изъ партіи, какъ она сформировалась на съѣздѣ 1898 г. „Вступать“ въ партію можетъ только организація, стоящая внѣ ея. Это само собой подразумѣвается и этого факта не устраняетъ то обстоятельство, что на заголовкѣ отчета о съѣздѣ стоитъ „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія“.

Такимъ образомъ, первый же шагъ на пути открытаго выставленія принципа еврейскаго націонализма ознаменовался ослабленіемъ организаціонной связи между еврейскимъ и общерусскимъ рабочимъ движеніемъ. Этого и слѣдовало ожидать.

Мы твердо твѣрены, что націоналистическія увлеченія Бунда не найдутъ отклика среди многочисленныхъ еврейскихъ товарищей южной Россіи, до сихъ поръ боровшихся въ однихъ рядахъ съ русскими товарищами.

„Непримиримый“, неперіодическое изданіе, номеръ 1. 1901 годъ (гектографированное).

Какъ слѣдуетъ изъ вступительной статьи новаго изданія, оно вызвано къ жизни нѣкоторымъ кризисомъ, переживаемымъ въ послѣдніе годы нашимъ „революціоннымъ меньшинствомъ“. Неудача народовольческаго періода въ исторіи революціоннаго движенія привела къ тому, что стали „вѣрить только въ дѣйствія массъ“. Но, разсчитывая на дѣйствіе массъ, наши революціонныя группы сплошь и рядомъ въ цѣляхъ ускорить это дѣйствіе были склонны приспособить свою программу къ мнѣнію данной массы (рабочей или либерально-буржуазной). „Непримиримый“ выступаетъ противъ этой струи въ нашемъ революціонномъ движеніи. „Сила всякаго революціоннаго меньшинства въ непримиримости, въ чистотѣ своей доктрины, въ выдержанности своей точки зрѣнія, а отнюдь не въ компромисахъ... Революціонное меньшинство должно признавать одну практичнось — высшую практичность революціоннаго пути“. Революціонное меньшинство должно быть непримиримымъ, чтобы воздѣйствовать на массу и „въ концѣ концовъ побѣдить нравственную дряблость, безсиліе и малодушіе окружающаго общества (въ широкомъ смыслѣ)“.

Мы можемъ только привѣтствовать всякую попытку напомнить о великомъ значеніи „революціоннаго меньшинства“, т. е. организованной революціонной партіи въ странѣ, политическій строй которой парализуетъ всякую самодѣятельность широкихъ общественныхъ массъ. Но точка зрѣнія новаго изданія требуетъ важной поправки. Сила революціонной партіи въ непримиримости, въ чистотѣ ея ученія — всегда-ли это такъ? Можно-ли поддерживать такое общее положеніе? Не грозитъ-ли такая точка зрѣнія, высказанная въ столь общей формѣ, привести къ полному пренебреженію массой? Авторъ статьи предвидитъ подобное возраженіе, когда замѣчаетъ, что „говоря о необходимости для революціоннаго меньшинства болѣе рѣзко отграничиться отъ „общества“, мы имѣемъ въ виду прежде всего идейное, теоретическое отграниченіе своей точки зрѣнія отъ „общественнаго мнѣнія“... Мы вовсе не имѣли въ виду дѣйствительнаго, матеріальнаго отграниченія революціоннаго меньшинства отъ общества, тѣмъ болѣе отъ рабочаго народа, такъ какъ хорошо понимаемъ, что общество (въ широкомъ смыслѣ слова) есть единственная точка опоры для этого меньшинства“. Всѣ эти оговорки, однако, не устраняютъ могущихъ возникнуть сомнѣній. Какимъ образомъ „общество“ (т. е., какъ имѣетъ въ виду авторъ, масса народа) можетъ стать точкой опоры для революціонной партіи, если послѣдняя прежде всего старается „отграничить свою точку зрѣнія отъ общественнаго мнѣнія“ этой самой массы? Не рискуетъ-ли она находиться въ отношеніи къ этой массѣ въ хроническомъ состояніи взаимнаго непониманія?

Эта опасность не призрачна — ее испытали многія революціонныя партіи, приходившія послѣ тяжелаго опыта къ убѣжденію, что „нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ“. Противорѣчіе между „чистой доктриной“ меньшинства и „общественнымъ мнѣніемъ“ массы могло найти счастливое разрѣшеніе только тогда, когда революціонная мысль въ поискахъ за „точкой опоры“ пошла дальше поверхности „мнѣній“ и обратилась къ тому, что является движущей силой, опредѣляющей развитіе этихъ „мнѣній“. Такую движущую силу научный соціализмъ Маркса и Энгельса нашелъ въ соціальныхъ, классовыхъ интересахъ, порожденныхъ общественными отношеніями производства. Развитіе классовыхъ интересовъ обусловливаетъ развитіе „мнѣній“ даннаго класса. Ставъ на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ даннаго класса и стремясь ихъ выразить въ своей программѣ, революціонная партія можетъ не бояться расхожденія въ данный моментъ этой программы съ „мнѣніемъ“ даннаго класса, ибо она знаетъ, что само развитіе классовой борьбы неминуемо измѣнитъ эти мнѣнія въ сторону ея программы. При такомъ условіи „непримиримая“ партія, выступающая съ этой программой, выражающей дѣйствительные интересы класса, можетъ оказать громадное революціонизирующее вліяніе на массу, ускоряя развитіе ея „мнѣній“ въ направленіи, соотвѣтствующемъ ея классовымъ интересамъ. При такомъ условіи „непримиримость“ революціонной партіи становится, дѣйствительно, ея силой. „Практичности“ тѣхъ, кто въ каждый данный моментъ отражаетъ колебанія „общественнаго мнѣнія“ и вмѣстѣ съ послѣднимъ терпитъ всѣ самообольщенія и неизбѣжныя затѣмъ разочарованія, революціонная партія противупоставляетъ „высшую практичность революціоннаго пути“, практичность, вытекающую изъ пониманія хода развитія тѣхъ движущихъ силъ, которыя создаютъ и измѣняютъ „мнѣніе“. Только ставъ на точку зрѣнія интересовъ того класса, который ходомъ общественнаго развитія дѣлается носителемъ высшихъ идей справедливости и свободы, революціонная партія можетъ стать и революціонной силой, не смотря на свою „непримиримость“ и даже именно благодаря ей. И только опираясь на классовые интересы пролетаріата, „непримиримая“ партія можетъ, критикуя дряблость, половинчатость и шаткость „мнѣній“ и поведенія другихъ классовъ („общества“), какъ это дѣлаетъ новое изданіе въ трехъ остальныхъ своихъ статьяхъ, оказать своей критикой дѣйствительно революціонное дѣйствіе и оказаться, вопреки пословицѣ, пророкомъ въ своемъ отечествѣ. А это значитъ, что только программа революціонной соціалдемократіи можетъ служить опорой для точки зрѣнія, развиваемой новымъ изданіемъ, которому мы желаемъ всякаго успѣха.

Въ ном. 5 саратовской „Рабочей Газеты“ мы находимъ замѣтку подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ объ „отвѣтѣ“ Союзу борьбы“. Въ этой замѣткѣ разсказывается, что „нѣкіе саратовскіе господа(?) выпустили листокъ „Отвѣтъ СПБ. Союзу борьбы“ отъ имени саратовскихъ рабочихъ. Въ этомъ „отвѣтѣ“ выражается удивленіе, что Союзъ не выставилъ требованія политической свободы (собранія народныхъ представителей) въ своей прокламаціи по поводу безпорядковъ на Обуховскомъ заводѣ.

Авторы замѣтки объявляютъ, что „саратовскіе рабочіе тутъ совершенно не причемъ. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ „отвѣтѣ“. Когда этотъ листокъ былъ предложенъ дважды на обсужденіе саратовскимъ рабочимъ, послѣдніе оба раза его провалили. И въ самомъ дѣлѣ. Намъ-ли, саратовскимъ рабочимъ, которые еще на столько несознательны, настолько не привыкли къ борьбѣ, что не могли выдержать простой стачки, упрекать въ чемъ-либо петербургскихъ рабочихъ, которые давно уже вступили въ мужественную борьбу съ фабрикантами и правительствомъ“ и пр.

Мы не видали ни упоминаемаго здѣсь листка СПБ. Союза, ни „отвѣта“ на него и не знаемъ, кто писалъ послѣдній и выражаетъ-ли онъ мнѣніе кого-либо изъ саратовскихъ рабочихъ. Поэтому, мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ вопросъ, имѣло-ли въ данномъ случаѣ мѣсто то „безсовѣстное“ злоупотребленіе именемъ саратовскихъ рабочихъ, противъ котораго послѣдніе протестуютъ. Насъ здѣсь интересуетъ всего больше странная, чтобы не сказать болѣе, мотивировка саратовцами своего отказа отъ критики дѣйствій петербургскаго Союза. Эта мотивировка сводится къ извѣстной Молчалинской мысли:

Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть.

Мы можемъ отвѣтить на эту мысль словами Чацкаго:

Помилуйте! Мы съ вами не ребята,
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Но нѣтъ! Авторы протеста хотятъ насъ увѣрить, что они и впрямь ребята, самые невинные соціалдемократическіе ребята. Они, видите-ли, „настолько не сознательны и не привыкли къ борьбѣ, что не могли выдержать простой стачки“. Позвольте вамъ не повѣрить, товарищи! Позвольте намъ выразить увѣренность въ томъ, что вы, отъ которыхъ исходитъ протестъ, во время стачки вели себя, какъ подобаетъ сознательнымъ рабочимъ, и если стачка была проиграна благодаря малодушію несознательной массы, то на сознательныхъ саратовскихъ рабочихъ эта неудача никакого пятна не бросаетъ и не лишаетъ ихъ „гражданскихъ правъ“ въ нашемъ государствѣ — партіи, т. е. права критиковать поведеніе сознательныхъ товарищей въ другихъ городахъ. Вѣроятно, и „господа“, писавшіе протестъ, не пытались его навязать безсознательной массѣ, не умѣвшей „выдержать простую стачку“, точно также, какъ и протестъ свой они направляли не противъ массы петербургскихъ рабочихъ, геройски боровшихся на тракту, а противъ ея руководителей, издавшихъ, по ихъ мнѣнію, плохую прокламацію (повторяемъ, мы не видѣли ея). Такъ о чемъ же тутъ огородъ городить?

Въ рядѣ сообщеній изъ Саратова намъ пишутъ о саратовскихъ сознательныхъ рабочихъ, какъ о людяхъ, далеко не столь невинныхъ въ дѣлахъ программы и тактики, какими они себя выставляютъ въ своемъ протестѣ. Намъ сообщаютъ, что въ основанной рабочими „Рабочей Газетѣ“ пишутъ одни только рабочіе. И никто не задаетъ себѣ вопроса: „намъ-ли, столь безсознательнымъ, что не съумѣли провести стачку, намъ-ли писать въ газетѣ о задачахъ рабочаго движенія?“. Съ другой стороны, намъ сообщаютъ, что тѣ же саратовскіе рабочіе сочли излишнимъ присутствіе на майскомъ собраніи товарищей-интеллигентовъ. Опять-таки, они, поступая такъ, вѣроятно, считали себя не совсѣмъ ребятами. Наконецъ, намъ пишутъ, что нѣкоторыми рабочими въ Саратовѣ ведется пропаганда идей „Рабочей Мысли“. Опять что-то не похоже на заявленную въ протестѣ скромность. Вѣдь идеи „Раб. Мысли“ идутъ въ разрѣзъ съ идеями другихъ рабочихъ газетъ, напр., „Южнаго Рабочаго“. И тотъ, кто пропагандируетъ первыя идеи, тѣмъ самымъ борется противъ вторыхъ. И не задаетъ себѣ при этомъ вопроса: „намъ-ли, не съумѣвшимъ выдержать простой стачки, намъ-ли имѣть свое мнѣніе относительно идей южныхъ рабочихъ, которые“ и т. д.

Выходитъ какъ будто, что скромность Грибоѣдовскаго героя примѣняется только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о протестѣ противъ того направленія, которое не признаетъ „политики“. Совсѣмъ это особенная скромность, очень своеобразное смиреніе, и намъ сдается, что это смиреніе паче гордости.

Изъ области курьезовъ. Въ ном. 12 „Przedstwit'a“ за прошлый годъ нѣкто г. Veto помѣстилъ статью о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи, въ которой онъ полемизируетъ съ сотрудникомъ краковскаго журнала „Критика“. Въ статьѣ г. Veto мы встрѣчаемъ такое заявленіе:

„До такой степени русскіе (соціалисты) чувствуютъ недостатокъ въ литераторахъ, что часто обращались они ко мнѣ съ просьбой о статьяхъ; недавно, напр., меня приглашали въ редакціонный комитетъ изданія, имѣющаго появиться заграницей, не смотря на то, что мои взгляды на Россію, весьма непріятные для русскихъ, имъ достаточно извѣстны“.

Это бываетъ. Вѣдь прискакали же къ Ивану Александровичу Хлестакову тридцать тысячъ курьеровъ съ приглашеніемъ: Иванъ Александровичъ, придите управлять департаментомъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Группѣ „Раб. Воли“. Корреспонденція о демонстраціи поступила къ намъ слишкомъ поздно. Просимъ продолжать корреспондировать. Ном. 5 „Листка“ получили.

2а3б. Письмо по поводу статьи „Рабочая партія и крестьянство“ отсылаемъ, въ виду его размѣра, въ „Зарю“.

Черезъ московскаго представителя получено на организацію „Искры“: мѣс. взносъ за апрѣль отъ N 15 р., за ном. 3 15 р., черезъ Москву 46 р. — Изъ волжской столицы 50 р. — Отъ Антона черезъ Фурдэля 100 р. — Von einem Sarten 100 р. — Изъ Брюсселя черезъ „Зарю“ 20 фр. — Отъ доктора черезъ Г. 25 р. — Русскіе туристы 20 мар. — Читатели „Искры“ 5 мар. Черезъ Г. Плеханова 70 фр.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 8 10-го СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА. № 8

КРѢПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Вышелъ новый законъ 8-го іюля 1901 г.: объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири. Какое примѣненіе получитъ новый законъ, — это покажетъ будущее. Но уже самый характеръ этого закона настолько поучителенъ, такъ наглядно показываетъ онъ неподкрашенную натуру и истинныя стремленія царскаго правительства, что стоитъ обстоятельно разобрать этотъ законъ и позаботиться о самомъ широкомъ распространеніи знакомства съ нимъ въ рабочемъ классѣ и крестьянствѣ.

Подачки благороднымъ дворянамъ-помѣщикамъ давно уже дѣлаетъ наше правительство: оно устроило для нихъ дворянскій банкъ, дало тысячи льготъ по выдачѣ имъ ссудъ и отсрочкѣ недоимокъ, оно помогло имъ устроить стачку милліонеровъ-сахарозаводчиковъ для повышенія цѣнъ и увеличенія прибыли, оно позаботилось о мѣстечкахъ земскихъ начальниковъ для промотавшихся дворянскихъ сынковъ, оно устраиваетъ теперь благороднымъ винокуреннымъ заводчикамъ выгодный сбытъ водки въ казну. Но посредствомъ отвода земель оно уже не только даетъ подачку самымъ богатымъ, самымъ знатнымъ эксплуататорамъ, — оно создаетъ новый классъ эксплуататоровъ, оно обрекаетъ милліоны крестьянъ и рабочихъ на постоянную кабалу новымъ помѣщикамъ.

Разсмотримъ главныя основанія новаго закона. Надо замѣтить прежде всего, что законъ этотъ — прежде, чѣмъ министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ внесъ его въ государственный совѣтъ — обсуждался въ особомъ совѣщаніи по дѣламъ дворянскаго сословія. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время всего болѣе бѣдствуютъ въ Россіи не рабочіе и не крестьяне, а дворяне-помѣщики, и вотъ „особое совѣщаніе“ не замедлило изыскать способъ помочь ихъ бѣдствію. Казенныя земли будутъ въ Сибири продаваться и отдаваться въ аренду „частнымъ лицамъ“ подъ „частно-владѣльческія хозяйства“, причемъ нерусскимъ подданнымъ и инородцамъ (въ число инородцевъ входятъ и евреи) навсегда запрещается какое бы то ни было пріобрѣтеніе этихъ земель, а сдача въ аренду (эта, какъ увидимъ, самая выгодная для будущихъ помѣщиковъ операція) разрѣшается исключительно дворянамъ, „которые — гласитъ законъ — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, въ правительственныхъ видахъ, землевладѣльцами въ Сибири“. Итакъ, правительственные виды состоятъ именно въ томъ, чтобы трудящееся населеніе было порабощено крупнымъ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Насколько крупнымъ, — видно изъ того, что размѣръ продаваемыхъ участковъ не долженъ превышать, по закону, трехъ тысячъ десятинъ, размѣръ сдаваемыхъ въ аренду участковъ не ограниченъ вовсе, а срокъ аренды опредѣленъ до 99 лѣтъ! Бѣдствующему помѣщику нужно, по разсчету нашего правительства, въ двѣсти разъ больше земли, чѣмъ крестьянину, которому нарѣзываютъ въ Сибири по 15 дес. на семью.

И притомъ какихъ только льготъ и изъятій не предусматриваетъ законъ относительно помѣщиковъ! Арендаторъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ никакой платы не вноситъ. Если онъ покупаетъ арендуемую имъ землю (а онъ имѣетъ на это право, по новому закону), то пользуется разсрочкой продажной цѣны на 37 лѣтъ. По особому разрѣшенію допускается и отводъ для продажи болѣе трехъ тысячъ десятинъ земли, и продажа по вольной цѣнѣ, а не съ публичнаго торга, и отсрочка недоимки на одинъ годъ и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новымъ закономъ только высшіе сановники и лица, имѣющія связи при дворѣ и т. п., — такимъ лицамъ всѣ эти льготы и изъятія даются шутя, послѣ пары словъ въ гостинномъ разговорѣ съ губернаторомъ или министромъ.

Но — вотъ бѣда. Какую пользу извлекутъ изъ кусочковъ земли хотя бы и по три тысячи десятинъ всѣ ихъ владѣльцы-генералы, если не найдется „мужика“, вынужденнаго на этихъ генераловъ работать? Какъ ни быстро ростетъ народная нужда въ Сибири, все же тамошній крестьянинъ несравненно самостоятельнѣе „россійскаго“ и къ работѣ изъ-подъ палки мало пріученъ. Новый законъ старается его пріучить. „Предназначаемыя для частновладѣльческихъ хозяйствъ земли нарѣзаются, по возможности, въ перемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ“ — гласитъ ст. 4 закона. Царское правительство заботится о „заработкѣ“ для бѣдныхъ крестьянъ. Десять лѣтъ тому назадъ тотъ самый г. Ермоловъ, который теперь, въ качествѣ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, внесъ въ государственный совѣтъ законъ объ отводѣ казенныхъ земель въ Сибири частнымъ лицамъ, издалъ (безъ своей подписи) книгу: „Неурожай и голодъ“. Въ этой книгѣ онъ прямо заявлялъ, что нѣтъ основанія разрѣшать переселеніе въ Сибирь тѣмъ крестьянамъ, которые могутъ имѣть „заработки“ у мѣстныхъ помѣщиковъ. Русскіе государственные люди не церемонятся выражать чисто крѣпостническіе взгляды: крестьяне созданы для работы на помѣщиковъ, и потому крестьянамъ не слѣдуетъ даже „разрѣшать“ переселяться, куда они хотятъ, если отъ этого помѣщики лишатся дешевыхъ рабочихъ. А когда крестьяне, не смотря на всѣ затрудненія, волокиту и даже прямыя запрещенія, стали продолжать сотнями тысячъ выселяться въ Сибирь, — тогда царское правительство, точно бурмистръ стараго барина, побѣжало за ними въ догонку, чтобы донять ихъ и на новомъ мѣстѣ. Если „въ перемежку“ съ скудными надѣлами и крестьянскими землями (лучшія изъ которыхъ уже заняты) окажутся участки благородныхъ помѣщиковъ по три тысячи десятинъ, — тогда, пожалуй, въ скоромъ времени мало будетъ и соблазна переселяться въ Сибирь. И земли новыхъ помѣщиковъ будутъ тѣмъ быстрѣе повышаться въ цѣнѣ, чѣмъ тѣснѣе станетъ жизнь окрестныхъ крестьянъ: придется этимъ крестьянамъ и наниматься за дешево и снимать помѣщичьи земли въ тридорога — совсѣмъ какъ въ „Россіи“. Новый законъ прямо о томъ и заботится, чтобы создать поскорѣе новый рай для помѣщиковъ и новый адъ для крестьянъ: именно насчетъ сдачи земли въ аренду на одинъ посѣвъ сдѣлана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой въ аренду казенной земли требуется особое разрѣшеніе, а передача на одинъ посѣвъ допускается совершенно свободно. Помѣщикъ можетъ ограничить всѣ свои заботы тѣмъ, что найметъ приказчика, который будетъ сдавать землю подесятинно живущимъ „въ перемежку“ съ помѣщичьимъ имѣніемъ крестьянамъ — и посылать барину чистыя денежки.

Впрочемъ, не всегда захотятъ дворяне вести даже и такое „хозяйство“. Они могутъ сразу получить кушъ, если перепродадутъ казенную землю настоящимъ хозяевамъ. Недаромъ вѣдь новый законъ выходитъ именно въ такое время, когда въ Сибирь проведена желѣзная дорога, когда ссылка въ Сибирь отмѣняется, а переселенія въ Сибирь возросли въ громадныхъ размѣрахъ: все это неминуемо поведетъ (и ведетъ уже) къ повышенію земельныхъ цѣнъ. Поэтому отводъ казенныхъ земель частнымъ лицамъ въ настоящее время есть, въ сущности, расхищеніе казны дворянами: казенныя земли повышаются въ цѣнѣ, а ихъ на особо льготныхъ условіяхъ сдаютъ и продаютъ всякимъ генераламъ, которые этимъ повышеніемъ цѣнъ и воспользуются. Напр., въ Уфимской губ. въ одномъ только уѣздѣ дворяне и чиновники сдѣлали такую операцію съ проданными имъ (на основаніи подобнаго же закона) землями: они заплатили казнѣ за земли 60 тыс. руб., а черезъ два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т.-е. получили за простую перепродажу больше полумилліона рублей! Можно себѣ представить по этому примѣру, сколько милліоновъ попадетъ въ карманы бѣдствующихъ помѣщиковъ благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигаютъ для прикрытія этого наглаго хищенія всякія возвышенныя соображенія. Говорятъ о развитіи культуры въ Сибири, о важномъ значеніи образцовыхъ хозяйствъ. На самомъ дѣлѣ крупныя имѣнія, ставящія въ безвыходное положеніе сосѣднихъ крестьянъ, могутъ въ настоящее время усилить только самые некультурные пріемы эксплуатаціи. Образцовыя хозяйства не создаются посредствомъ казнокрадства, и отводъ земель поведетъ къ простому маклерству землей со стороны дворянъ и чиновниковъ, либо къ процвѣтанію кабальныхъ и ростовщическихъ пріемовъ хозяйства. Благородные дворяне въ союзѣ съ правительствомъ для того устранили отъ казенныхъ сибирскихъ земель евреевъ и прочихъ инородцевъ (которыхъ они стараются выставить передъ темнымъ народомъ особенно беззастѣнчивыми эксплуататорами), чтобы самимъ заняться безъ помѣхи самаго низкаго сорта кулачествомъ.

Говорятъ еще о политическомъ значеніи дворянско-помѣстнаго сословія въ Сибири: среди интеллигенціи тамъ особенно много бывшихъ ссыльныхъ, людей неблагонадежныхъ, и вотъ, дескать, въ противовѣсъ имъ надо создать надежный оплотъ государственной власти, надежный „земскій“ элементъ. И въ этихъ толкахъ заключается гораздо больше и болѣе глубокой правды, чѣмъ воображаютъ „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Полицейское государство настолько возстановляетъ противъ себя массу населенія, что ему необходимо искусственно создавать группы лицъ, способныхъ служить столпомъ отечества. Ему необходимо создать классъ крупныхъ эксплуататоровъ, которые бы всѣмъ были обязаны правительству, которые зависѣли бы отъ его милости, которые извлекали бы громадные доходы самымъ низменнымъ способомъ (маклерство, кулачество) и въ силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякаго произвола и угнетенія. Азіатскому правительству нужна опора въ азіатскомъ крупномъ землевладѣніи, въ крѣпостнической системѣ „раздачи имѣній“. И если въ настоящее время нельзя раздавать „населенныя имѣнія“, то можно раздать имѣнія въ перемежку съ землями нищающихъ крестьянъ; если неудобно прямо раздарить тысячи десятинъ придворнымъ лизоблюдамъ, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льготъ продажей и „арендой“ (на 99 лѣтъ). Какъ же не назвать крѣпостнической эту поземельную политику по сравненію съ поземельной политикой современныхъ передовыхъ странъ, напр., Америки? Тамъ никто не смѣетъ разсуждать о разрѣшеніи или неразрѣшеніи переселеній, потому что каждый гражданинъ имѣетъ право переселяться куда ему угодно. Тамъ свободныя земли на окраинахъ государства по закону имѣетъ право занять всякій, кто хочетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Тамъ создается не классъ азіатскихъ сатраповъ, а классъ энергичныхъ фермеровъ, которые развили всѣ производительныя силы страны. Тамъ рабочій классъ, благодаря обилію свободныхъ земель, занялъ первое мѣсто по высотѣ жизненнаго уровня.

И въ какое время выступило наше правительство со своимъ крѣпостническимъ закономъ! Во время самаго сильнаго промышленнаго кризиса, когда десятки и сотни тысячъ не находятъ занятія, во время новой голодовки милліоновъ крестьянъ. Правительство всѣ заботы направило на то, чтобы не „шумѣли“ о бѣдствіи. Для этого оно повысылало на родину безработныхъ рабочихъ, для этого оно передало продовольственное дѣло изъ рукъ земства въ руки полицейскихъ чиновниковъ, для этого оно запретило частнымъ лицамъ устраивать для голодающихъ столовыя, для этого оно заткнуло ротъ газетамъ. И вотъ, когда непріятный для сытыхъ „шумъ“ о голодѣ прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бѣдствующимъ помѣщикамъ и несчастнымъ генераламъ-придворнымъ. Повторяемъ: наше дѣло теперь — просто распространить свѣдѣнія о новомъ законѣ. Ознакомившись съ нимъ, самые неразвитые слои рабочихъ, самые сѣрые и забитые крестьяне поймутъ, кому служитъ правительство и какое правительство нужно народу.

ЦАРСКІЙ КАБАКЪ.

Наконецъ-то съ 1-го іюля сего года „одна изъ самыхъ смѣлыхъ и грандіозныхъ реформъ“, „ставящая впереди всего не цѣли фиска (казны) и доходности, а нравственные интересы народа, его оздоровленіе и подъемъ его благосостоянія“, распространила свои благодѣянія по всѣмъ градамъ и весямъ Европ. Россіи. Царское правительство наше мало кому уступитъ въ лицемѣріи, но никогда еще не приходилось ему пускать въ ходъ свое искусство въ такихъ размѣрахъ, какъ при проведеніи этой реформы. Голодъ 1891-1892 гг. слишкомъ ужъ мозолилъ глаза страшными картинами крестьянскаго разоренія, чтобы можно было отрицать этотъ фактъ. Надежда, что „онъ достанетъ“, казалось, была на всегда потеряна. Обратиться непосредственно къ кошелькамъ имущихъ значило бы дать пищу оппозиціоннымъ стремленіямъ, попытка ввести соляной акцизъ встрѣтила такой единодушный отпоръ со стороны представителей сельскаго хозяйства, что пришлось ее сейчасъ же оставить. Но деньги нужны были до зарѣзу. И вотъ вниманіе правительства привлекается опять къ старому катковскому проэкту „казенныхъ винныхъ лавокъ“, которыя должны были и сельскому хозяйству пособить и государству новые доходы предоставить. Прибыль кабатчиковъ должна быть раздѣлена между помѣщиками и государствомъ. Вотъ сущность этого проэкта. Но въ нашъ цивилизованный вѣкъ такія откровенныя рѣчи слишкомъ шокируютъ. Эта откровенность была возможна только въ старомодномъ московскомъ государствѣ, которое, нисколько не стѣсняясь своихъ просвѣщенныхъ сосѣдей, строго наказывало своимъ намѣстникамъ, чтобы нашей казнѣ была прибыль, а потому „питуховъ отъ кабаковъ не отводить“. Двѣсти лѣтъ для насъ прошли не даромъ. Вопросъ, „что скажутъ сосѣди“, заставляетъ и насъ задуматься, да и перспектива получить на какой-нибудь всемірной выставкѣ десятокъ наградъ за работы на пользу народной нравственности достаточно заманчива: все таки лишній доводъ противъ злонамѣренныхъ людей, утверждающихъ, что у насъ не все ладно. Приходится, поэтому, призвать на помощь пышныя фразы о подъемѣ народнаго благосостоянія и нравственности. А за ними дѣло не станетъ.

„Да, крестьянство разоряется, но разоряется... отъ пьянства. Кабакъ — вотъ гдѣ язва здѣшнихъ мѣстъ. Кабатчики — вотъ тѣ люди, частнымъ интересомъ которыхъ является спаиваніе мужика. Замѣните „кабакъ“ казенной винной лавкой, и какъ по мановенію волшебной палочки крестьянство процвѣтетъ: увеличится число скота, подати будутъ поступать исправно, возрастутъ вклады въ сберегательныхъ кассахъ. О нравственныхъ результатахъ такой замѣны и говорить нечего: и семейный, и общественный бытъ крестьянъ въ корень измѣнится. Даже въ церковь начнутъ чаще ходить и больше за требы платить (и на это указывается въ нѣкоторыхъ отзывахъ)“. И наше правительство, такъ свято охраняющее принципъ частной собственности, такъ любовно и осторожно обращающееся съ частной собственностью почтенныхъ дворянъ и „всероссійскаго купечества“, однимъ почеркомъ пера экспропріируетъ (лишаетъ собственности) тысячи и десятки тысячъ кабатчиковъ. Такъ, съ 1894 по 1898 г. въ 35 губерніяхъ упразднено свыше 30 тысячъ питейныхъ заведеній. Къ 1902 г. ихъ насчитается, вѣроятно, до 60.000. Рабочему классу интересы кабатчиковъ, конечно, такъ же мало дороги, какъ и интересы другихъ его болѣе крупныхъ эксплуататоровъ. Будетъ ли изъ него вытягивать лишніе гроши кабатчикъ или государство руками сидѣльца — все на одно выходитъ. Но не надо забывать, что въ данномъ случаѣ интересы цѣлой группы людей, большинство которыхъ не отличается особеннымъ благосостояніемъ, безжалостно приносятся въ жертву, чтобы скрыть подвиги болѣе крупныхъ хищниковъ. „Вѣшаютъ вора алтыннаго, чествуютъ вора полтиннаго“. Такъ же слѣпо государство наше обрушивается на деревенскаго кулака, сосущаго кровь изъ мужика, и закрываетъ глаза на ростовщиковъ-помѣщиковъ, не хуже кулака опутывающихъ крестьянъ путемъ зимняго найма и цѣлаго ряда другихъ способовъ.

Но не только кабатчики стали жертвами этой колоссальной реформы. Отъ „добраго стараго времени“ осталось у крестьянскихъ обществъ право получать плату съ содержателей кабаковъ. Деньги эти шли на уплату повинностей, на постройку и ремонтъ церквей, на устройство школъ, на починку дорогъ и т. д. и т. д. Суммы эти, и сами по себѣ не малыя, представляли довольно значительную статью для крестьянскихъ обществъ, если мы вспомнимъ, какъ невеликъ вообще бюджетъ сельскихъ обществъ (такъ называемые мірскіе доходы составляютъ для Евр. Россіи около 60 мил. руб.) По разсчету предсѣдателя Пермской губернской земской управы населеніе этой губерніи лишилось милліона руб. По другому разсчету, приведенному Парвусомъ въ книгѣ: „Das hungernde Russland“ (Голодающая Россія), крестьянскія общества этой губерніи за три года (1895-1897) потеряли 3.150.000 рублей. Эти данныя дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ выводъ Бородина, который для 35 губ. исчисляетъ эту потерю въ 35 мил. руб. Не трудно понять, какъ чувствительно должно было отозваться на крестьянскихъ обществахъ такое значительное сокращеніе ихъ доходовъ. Недоимки должны увеличиться, и безъ того ничтожные расходы на школы, слѣд. на поднятіе умственнаго уровня населенія должны еще больше сократиться. Съ мужикомъ правительство не церемонилось.

Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало, — да онъ же привыкъ.

За то тамъ, гдѣ правительству нужно поддержать вѣрность въ средѣ болѣе строптиваго населенія, оно не скупится: славному донскому казачьему войску рѣшено отпустить ежегодное пособіе въ 230.000 руб. въ вознагражденіе за потерю станичными обществами доходовъ отъ разрѣшенія торговли крѣпкими напитками. Отчасти были вознаграждены за потерю доходовъ еще города и земства, но и тутъ правительство торгуется за каждую копѣйку и старается урвать хоть маленькій кушъ. Такъ Самарское губернское земство вмѣсто требуемыхъ 20.851 руб. получитъ всего 17.668 р. За то съ какой нѣжностью обращается правительство съ дворянствомъ юго-западныхъ губерній, пользовавшихся до реформы пропинаціоннымъ правомъ (правомъ монопольной продажи вина въ своихъ владѣніяхъ). Оно сразу назначило для нихъ нѣсколько милліоновъ, и недавно еще Дубасова, сестра министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, получила 125.000 руб. за свое право, хотя коммиссія оцѣнила его и въ безъ того не малую сумму, въ 70 тысячъ рублей.

Конечно, такихъ крупныхъ кушей всероссійское дворянство не получило. Но въ качествѣ сельскихъ хозяевъ и оно выиграло не мало отъ монополіи. Всегда отличавшееся любовью къ презрѣнному металлу, оно не всегда отличалось необходимой для этого практической сметкой. Устройство винокуреннаго завода доставляло не мало хлопотъ по продажѣ вина. За то теперь съ введеніемъ казенной монополіи настала блаженная пора: „всѣ глубокомысленныя соображенія о томъ, какъ и куда сбывать вино, потеряли свою силу. Все у него теперь обезпечено и условлено, онъ можетъ впередъ подсчитать свои выгоды. По опредѣленной цѣнѣ казна даетъ ему заказъ на поставку спирта. Цѣны

на спиртъ казна назначаетъ весьма выгодныя, чѣмъ поддерживаетъ интересы винокуренныхъ заводовъ и вмѣстѣ сельскаго хозяйства". И нашимъ шнапсъ-юнкерамъ остается только съ благодарностью взывать къ тѣни великаго московскаго публициста, еще въ 1883 г. утверждавшаго, что благоустройство сельскаго хозяйства (то бишь помѣщиковъ) немыслимо безъ согласованія винокуренія съ интересами земли (!) и безъ уничтоженія кабака".

Какъ же великъ доходъ самого государства? До сихъ поръ его нельзя опредѣлить. Съ увѣренностью можно сказать только одно: государство такъ или иначе вытягиваетъ изъ населенія большія суммы, чѣмъ прежніе кабатчики. Уступая часть прибылей кабатчиковъ въ видѣ повышенныхъ цѣнъ помѣщикамъ, оно увеличиваетъ другую часть путемъ сокращенія расходовъ на очистку спирта. Эта цѣль достигается увеличеніемъ размѣровъ производства очистительныхъ заводовъ. Если, напр., производительность этихъ заводовъ въ губерніяхъ первой очереди равнялась 40 тысячъ ведеръ, то таковая же заводовъ въ губерніяхъ четвертой очереди уже составляла 178 тысячъ ведеръ. Соотвѣтственно этому уменьшилась стоимость приготовленія одного ведра вина. Если при началѣ реформы приготовленіе одного ведра обходилось отъ 1 р. 70 к. до 2 р., то теперь оно обходится отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. Этой же цѣли правительство достигаетъ еще путемъ увеличенія напряженія труда рабочихъ въ складахъ, заставляя каждаго изъ нихъ исполнять работу полутора рабочихъ и уменьшая такимъ образомъ потребность въ нихъ. Въ результатѣ, не считая акциза, каждое ведро даетъ правительству 86 к. чистаго дохода. Съ 1 января нынѣшняго года цѣна простого вина назначена въ 7 р. 60 к., а при продажѣ мѣрами менѣе $^1/_{100}$ ведра — въ 8 р. ведро. Операція, конечно, очень прибыльная. Но сколько остается на долю самой казны? Какая часть полученныхъ такимъ образомъ отъ народа денегъ остается въ карманахъ чиновниковъ, подрядчиковъ, посредниковъ? Если въ Москвѣ, не смотря на уже назначенный на постройку трехъ складовъ кредитъ въ 1.637.000, понадобился вдругъ дополнительный кредитъ въ размѣрѣ двухъ съ половиной милліоновъ, то какъ велика доля этихъ дополнительныхъ кредитовъ въ тѣхъ десяткахъ милліоновъ, которые ежегодно вносятся въ бюджетъ въ рубрику подготовительныхъ расходовъ на введеніе казенной монополіи? На всѣ эти вопросы мы получимъ отвѣтъ, когда — а это несомнѣнно — кто-нибудь изъ этихъ хищниковъ урветъ себѣ кусокъ не по чину и дастъ, такимъ образомъ, правительству возможность доказать свою бдительность. А пока достаточно китайской войны, чтобы министерство финансовъ сократило сейчасъ же расходы на школы и попечительства о трезвости! Повсемѣстное введеніе монополіи дастъ возможность подвести итоги этого колоссальнаго грабежа и опредѣлить дѣйствительный, чистый доходъ самого государства. Поживемъ — увидимъ.

А пока что, посмотримъ, какъ велики нравственныя послѣдствія этой реформы. Уменьшается-ли пьянство? Не смотря на всѣ старанія раздуть благодѣтельныя послѣдствія этой реформы, правительству трудно скрыть фактъ: пьянство скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось, измѣнилась только отчасти его форма, такъ какъ изъ „кабачнаго" оно превратилось въ „уличное", иногда съ разрѣшенія начальства. Конечно, можно спорить, какая изъ этихъ формъ больше отражается на нравственности населенія. Потребность отвести душу въ обществѣ своихъ слишкомъ сильна. Чайныя лавки съ ихъ регламентаціей, съ „недреманнымъ окомъ", конечно, не могутъ удовлетворить этой потребности и, если пьющимъ надоѣстъ распивать водку гдѣ-нибудь подъ заборомъ, они, конечно, предпочтутъ отправиться въ трактиръ, портерную или пивную лавку, гдѣ никакая „казенщина" не мѣшаетъ имъ веселиться во всю. А коммиссія, получаемая содержателями этихъ трактировъ и лавокъ, въ достаточной степени возбуждаетъ ихъ „частный интересъ въ спаиваніи народа". Съ такой помпой устроенныя попечительства о народной трезвости, по признанію оффиціальныхъ же органовъ, ровно ничего не дѣлаютъ. Если въ нихъ случайно попадетъ, кромѣ мѣстной бюрократіи, заваленной и безъ того всякими обязанностями, какой-нибудь порядочный человѣкъ, то ему остается сейчасъ же бѣжать: такъ скована вся его дѣятельность всяческими придирками, подозрѣніями и препятствіями. Казенный интересъ („чтобы нашей казнѣ было побольше прибыли"), не смотря на лицемѣрныя увѣренія, что казна помирилась бы охотно съ уменьшеніемъ питейнаго дохода, является могучимъ препятствіемъ во всей этой дѣятельности для отрезвленія народныхъ массъ. Въ газеты то и дѣло проникаютъ свѣдѣнія о ходатайствахъ сельскихъ обществъ о закрытіи въ селахъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Управляющіе акцизными сборами высказываются противъ этихъ ходатайствъ, руководствуясь въ этомъ отношеніи интересами фиска (казны). И на долю попечительствъ остается только роль добровольныхъ сыщиковъ на службѣ у правительства („они должны на первомъ планѣ стремиться къ уничтоженію тайной торговли крѣпкими напитками"). Что и эта роль плохо выполняется ими, видно изъ того, какъ быстро увеличивается, не смотря на строгій надзоръ, число мѣстъ тайной продажи вина. Соблазнъ такъ великъ, цѣна, назначаемая правительствомъ, такъ безобразно высока, что всегда найдутся люди, которые захотятъ положить въ свой карманъ нѣсколько лишнихъ рублей, сдираемыхъ правительствомъ съ населенія. Нечего говорить о томъ, какую новую громадную доходную статью представляетъ вся эта казенная продажа вина для чиновниковъ, какъ пышно расцвѣтаютъ новыя формы взяточничества при отсутствіи гласности и общественнаго контроля въ такомъ обширномъ коммерческомъ предпріятіи. Приведенный выше примѣръ достаточно иллюстрируетъ это.

А что сказать о той кучѣ оголодавшихъ дворянъ, которые захватили наиболѣе выгодныя мѣста. Для нихъ монополія сыграла роль лишняго пирога, упавшаго съ неба. Для „полномощнаго" дворянства она означаетъ еще сокращеніе расходовъ на помощь и пособія обѣднѣвшимъ потомкамъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ: масса дворянскихъ вдовъ и дочерей, обременявшихъ дворянскія общества просьбами о пособіи, теперь разсажены по главнымъ казеннымъ лавкамъ*).

Такимъ образомъ, казенная монополія ограбила кабатчиковъ, ограбила мірскія и отчасти городскія кассы, даетъ пока еще не вполнѣ опредѣлившійся доходъ государству, обогатила всякаго рода подрядчиковъ и поставщиковъ, дала уже не одинъ случай погрѣть руки чиновникамъ, обезпечила дворянству сбытъ вина по повышеннымъ цѣнамъ и освободила его отчасти отъ расходовъ на помощь къ обѣднѣвшимъ потомкамъ дворянскаго сословія.

А польза, приносимая этой реформой народу? Микроскопическія крупицы этой пользы мы предоставимъ отыскивать правительству и его прихвостнямъ въ печати и обществѣ. Даже при вполнѣ свободныхъ демократическихъ учрежденіяхъ борьба съ пьянствомъ путемъ урегулированія продажи вина даетъ ничтожные результаты. Пока существуетъ частная собственность на орудія производства, пока общество раздѣлено на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, пока для громаднаго большинства населенія общественныя условія создаютъ и питаютъ потребность въ опьяненіи, единственнымъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ такъ-наз. низшихъ классовъ является развитіе въ нихъ чувства собственнаго достоинства, а слѣд., обезпеченіе имъ доступа ко всѣмъ источникамъ нравственнаго и умственнаго развитія (всеобщее, даровое, обязательное низшее, среднее и высшее образованіе). Что же касается рабочаго класса, то для него такимъ средствомъ является развитіе классового самосознанія, пріучающее его тратить остающіеся въ его распоряженіи немногіе свободные часы не на опьяненіе, а на подготовленіе изъ себя борца за будущій соціалистическій строй, въ которомъ „пити" явится не проклятіемъ, а дѣйствительнымъ „веселіемъ".

*) Если для мѣстъ главныхъ счетоводовъ въ СПБ. и Москвѣ съ окладомъ въ 3600 р. или техниковъ (съ окладомъ въ 2500 р.) дворянскаго званія недостаточно, то мѣста сборщиковъ (съ окладомъ въ 1500 руб.) и сидѣльцевъ въ СПБ. и Москвѣ съ окладомъ въ 900 руб. какъ будто созданы для дворянскихъ недорослей. См. напр., проектъ орловскаго губернскаго предводителя дворянства и пренія по поводу его. „Заря", ном. 1, Случайныя замѣтки.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Земскій съѣздъ. Общественное оживленіе, волной прокатившееся по странѣ вслѣдъ за событіями весны этого года, не прекращается; въ различныхъ формахъ оно сказывается во всѣхъ слояхъ русскаго общества, еще въ январѣ нынѣшняго года казавшагося глухимъ и чуждымъ сознательной работѣ русской соціал-демократіи. Правительство изо всѣхъ силъ выбивается, чтобы поскорѣе успокоить взволновавшуюся общественную совѣсть обычными мыльными пузырями, вродѣ манифеста 25-го марта о „сердечномъ попеченіи", вродѣ такъ называемыхъ реформъ Ванновскаго или торжественно-шутовскихъ поѣздокъ по Россіи Сипягина и Шаховскаго... Кое-кто изъ наивныхъ русскихъ обывателей дѣйствительно будетъ успокоенъ этими мѣрами, но далеко не всѣ. Даже современные земцы, на половину состоящіе изъ запуганныхъ чиновниковъ, начинаютъ, повидимому, выходить изъ того состоянія непрестаннаго трепета, въ который они были повержены отходящей въ исторію эпохой безвременья „царя-миротворца".

Освободившаяся отъ элементарныхъ покрововъ стыдливости Ея Величество Бюрократія вызываетъ чувство негодованія и гадливости и у нихъ, робкихъ людей съ почти атрофировавшимся гражданскимъ мужествомъ и гражданской нравственностью.

Намъ сообщаютъ, что въ концѣ іюня въ городѣ NN (изъ предосторожности не сообщаемъ названія города. Ред.) былъ устроенъ съѣздъ земскихъ дѣятелей. Присутствовало на немъ, какъ говорятъ, чел. 40-50 земцевъ нѣсколькихъ губерній.

Собрались земцы, конечно, не для разрѣшенія политическихъ вопросовъ, а для разрѣшенія мирныхъ, чисто земскихъ задачъ, собрались „безъ нарушенія круга вѣдомства и предѣловъ власти", какъ образно выражается земское положеніе (ст. 87); однако собраніе это было созвано безъ разрѣшенія и вѣдома администраціи и слѣдовательно, выражаясь словами того же положенія, собраніе состоялось „съ нарушеніемъ порядка дѣйствія земскихъ учрежденій", а собравшіеся земцы отъ мирныхъ, невинныхъ вопросовъ незамѣтно для себя перешли къ обсужденію общаго положенія вещей. Такова логика жизни: добросовѣстные земцы, какъ они ни открещиваются порой отъ радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконныхъ организацій и болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій. Не мы, конечно, будемъ осуждать этотъ естественный и совершенно правильный путь. Пора, наконецъ, и земскимъ дѣятелямъ дать энергичный и организованный отпоръ закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправленіе, изуродовавшему самоуправленіе городское и земское и съ ослиной послѣдовательностью замахнувшему свой топоръ надъ послѣдними остатками земскихъ учрежденій. Говорятъ, на съѣздѣ одинъ старый и почтенный земецъ, при обсужденіи вопроса о томъ, какъ бороться съ закономъ о предѣльности земскаго обложенія, воскликнулъ: „Земскіе люди должны, наконецъ, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажутъ!" Мы совершенно согласны съ этимъ воплемъ либеральнаго дѣятеля, готоваго бросить вызовъ къ открытой борьбѣ съ чиновнымъ самодержавіемъ. Земство наканунѣ внутренняго банкротства. И если лучшіе земцы теперь не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, если не порвутъ съ своей обычной маниловщиной со своими мелкими, второстепенными вопросами — „луженіемъ тазовъ", какъ выразился одинъ изъ маститыхъ земцевъ, — земство обезлюдѣетъ и обратится въ обыкновенное „присутственное мѣсто". Эта безславная смерть неизбѣжна, ибо нельзя безнаказанно десятки лѣтъ только и дѣлать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать: надо грозить, требовать и, бросивъ игру въ бирюльки, приняться за настоящую работу.

Изъ Курска. Весеннія событія въ Москвѣ и Петербургѣ отозвались слабымъ эхо и на нашей курской монотонной сѣренькой жизни. Вслѣдъ за уличными волненіями въ Москвѣ и бойней 4-го марта въ Петербургѣ стѣны курскихъ домовъ, общественныхъ зданій и величаваго Знаменскаго собора впервые за тысячелѣтнюю исторію г. Курска удостоились быть украшенными революціонными прокламаціями, призывавшими гражданъ отозваться на протестъ столичнаго и харьковскаго рабочаго и ремесленнаго люда. Изумленный обыватель впервые читалъ свободное и негодующее на самодержавіе слово. Правда, обыватель ничѣмъ не отозвался на призывъ къ протесту, но прокламаціи сдѣлали свое дѣло: взбаломутили воду мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей и надолго испортили кровь курскихъ держимордъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Изъ пожарныхъ граданачальствующими лицами образована была особая дружина для ловли „прокламатчиковъ", городовые же и караульщики послѣ достаточно приличнаго мордобоя за плохое вниманіе были обнадежены, что за каждую прокламацію, которую они доставятъ начальству, имъ будетъ выдано по три рубля награды. Не знаемъ, исполнило-ли начальство свое обѣщаніе или же снова ограничилось лишь отеческими заушеніями, только прокламаціи продолжали появляться передъ домами и на дворахъ курскихъ обывателей. „Злоумышленники" постарались освѣтить рабочему люду слободы Ямской и другихъ городскихъ предмѣстій значеніе Обуховской бойни (7 мая), напомнили годовщину Ходынской „катастрофы" и вообще продолжали отъ времени до времени будить сонливую общественную совѣсть курскихъ гражданъ. Само собою понятно, что молодое населеніе Курска не осталось равнодушно къ прокламаціямъ, а тѣмъ болѣе къ возмутительнымъ фактамъ, ежедневно доносившимся въ городъ изъ столицъ и Харькова. Броженіе среди учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не на шутку испугало нашихъ „человѣковъ въ футлярахъ". Директоръ учительской семинаріи Кашлинскій и директоръ гимназіи Лапинъ со слезами на глазахъ умоляли нарочито собранныхъ въ актовыхъ залахъ своихъ воспитанниковъ не вѣрить баснямъ и спокойно относиться къ столичнымъ волненіямъ. И тотъ и другой, а въ особенности полицмейстеръ, заготовившій при полицейскихъ частяхъ вороха веревокъ для связыванія бунтовщиковъ, повидимому, искренно ожидали, что курская учащаяся молодежь возьметъ на себя починъ въ дѣлѣ организаціи на курскихъ улицахъ митинга протеста. Повидимому, ихъ рѣчи имѣли успѣхъ, и „общественное спокойствіе" Курска до сего времени ничѣмъ нарушено не было.

Общественному спокойствію курскихъ деревень и селъ угрожала также, да, повидимому, продолжаетъ угрожать крамола въ лицѣ прокламацій, получаемыхъ крестьянами въ почтовыхъ конвертахъ. Изъ многихъ уѣздовъ сообщаютъ, что крестьянами получаются письма „противъ пановъ, купцовъ, поповъ и самого царя". Одинъ крестьянинъ, съ которымъ пришлось бесѣдовать пишущему эти строки, такъ передавалъ содержаніе полученнаго письма: „Складно написано: что ни слово, то насмѣшка. Всѣхъ перебрали. Податей мужики не платите, пока земли вамъ не дадутъ. Видно, заморскій королевичъ какой писалъ". Судя по слухамъ, „Заморскій королевичъ" продолжаетъ поддерживать переписку съ курскими мужиками. Въ Грайворонскомъ, напр., уѣздѣ, мужики такъ говорятъ: „получаемъ письма и не знаемъ, что съ ними дѣлать: ни его до бога (иконы) причипить, ни къ уряднику нести". Въ Старооскольскомъ уѣздѣ письмами очень интересуются и прокламаціи переходятъ изъ рукъ въ руки.

Необычный притокъ еще болѣе необычныхъ писемъ къ темному деревенскому обывателю не остался безъ „мѣръ пресѣченія" со стороны „предержащихъ". Нѣкоторыми земскими начальниками издано по волостямъ распоряженіе распечатывать адресуемыя крестьянамъ письма и передавать имъ, начальникамъ, на попечительную цензуру.

Изъ Сибири. Знакомо-ли вамъ, читатель, то томительное чувство, съ которымъ человѣкъ молодой, полный жизни, привыкшій къ кипучей дѣятельности, къ общенію съ людьми, но заброшенный волею судебъ въ захолустье, ждетъ письма изъ дорогихъ ему мѣстъ, отъ близкихъ людей, въ унисонъ съ которыми бьется его сердце, духовной жизнью которыхъ онъ полонъ? Вообразите себѣ еще, что это захолустье представляетъ собою сибирскую деревушку въ глубинѣ Енисейской губ., что эта деревушка съ двадцатью избенками утопаетъ въ снѣгу, что взору открыто одно только однообразное снѣжное поле, что слухъ „ласкаетъ" одно только злобное завываніе вѣтра, вообразите себѣ эту тоску одиночества, и вы поймете, съ какимъ замираніемъ сердца ждутъ тамъ писемъ, какъ велико напряженіе слуха заброшеннаго въ такія дебри человѣка, жадно прислушивающагося къ малѣйшему звону, являющемуся возвѣщеніемъ приближающейся почтовой кибитки. Она появляется въ отдаленныхъ деревняхъ Сибири рѣдко: разъ въ три недѣли. Появленіе кибитки — это эпоха въ жизни нашихъ сосланныхъ въ Сибирь товарищей; они живутъ этимъ ожиданіемъ: вотъ появится кибитка, которая принесетъ вѣсти изъ тѣхъ дорогихъ мѣстъ, отъ почвы которыхъ они безжалостной рукой оторваны.

Въ трепетномъ ожиданіи письма лежалъ въ послѣднихъ числахъ февраля этого года нашъ товарищъ Гуревичъ въ больницѣ въ дер. Кежмѣ Енисейской губ., поправляясь отъ недавно перенесеннаго остраго тифа. Въ 10 час. вечера прозвучалъ колокольчикъ и замеръ около квартиры станового пристава. Радостный, въ приподнятомъ настроеніи Гуревичъ спрашиваетъ у врача, случайно бывшаго въ то время въ больницѣ, нельзя-ли ему пойти за своей корреспонденціей. — Нельзя, получилъ онъ лаконическій отвѣтъ. — Почему нельзя? — Потому что нельзя! — Нельзя ли послать сторожа за корреспонденціей? Строгій эскулапъ обвелъ его внушительнымъ взглядомъ, вышелъ изъ комнаты, бросивъ ему мимоходомъ: — А сторожа не для того служатъ, чтобы бѣгать каждому за письмами.

Гуревичъ, охваченный порывомъ негодованія и мучимый сознаніемъ, что если онъ пропуститъ моментъ, письма его будутъ доставлены только черезъ три недѣли, (въ Кежмѣ письма не оставляются и не передаются другимъ), что цѣлыхъ три недѣли онъ не будетъ знать, чѣмъ живутъ его товарищи, не будетъ знать ни одной новости изъ жизни оставленнаго юга, уходитъ въ одномъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу-ногу, безъ шапки, безъ тулупа за долго жданной корреспонденціей. Письмо вознаградило его за физическія и нравственныя страданія, оно говорило ему, что вспаханное имъ поле дѣятельности на югѣ Россіи дало пышные ростки; онъ мысленно присоединился къ жизни своихъ товарищей по работѣ, которой онъ посвятилъ свои лучшія силы. И онъ снова воспрянулъ духомъ.

Мечтая о „лучшемъ будущемъ", онъ возвращается въ больницу, не чувствуя холода, но здѣсь его ждетъ мерзкая, прямо звѣрская продѣлка врача-полицейскаго. На всѣ его постукиванія въ запертыя кругомъ двери больницы онъ слышитъ отвѣтъ сторожа:

— Не велѣно пущать.

— Да кто не велѣлъ?

— Господинъ докторъ, невозмутимо отвѣчаетъ сторожъ.

— Дайте мнѣ хоть шапку и тулупъ, умоляетъ онъ сторожа.

— Не велѣно давать.

Его долгія упрашиванія ни къ чему не привели, ему пришлось неодѣтымъ идти на квартиру своего единственнаго товарища Генделя, у котораго онъ рѣшилъ переночевать. Сонъ ихъ былъ не долгъ. Эскулапъ не удовлетворился своей каверзой; ему понадобилось новое глумленіе надъ личностью человѣка, онъ придумалъ новое средство, чѣмъ унизить этихъ „безпокойныхъ" людей.

Въ часъ ночи въ квартиру Генделя вваливается становой приставъ съ двумя десятскими съ отношеніемъ врача, которымъ послѣдній проситъ водворить въ больницу якобы сбѣжавшаго паціента III. Гуревича, и приставъ, не долго думая, грубо и безцеремонно обращается къ десятскимъ:

— Тащите его (указывая на Гуревича) въ больницу.

— Да я, вѣдь, въ одномъ бѣльѣ.. отвѣчаетъ Гуревичъ.

— Сюда ходилъ и обратно пойдешь, былъ отвѣтъ.

Но тутъ Гендель далъ выходъ накопившейся злобѣ; онъ заявилъ приставу, что если онъ не пошлетъ за теплымъ платьемъ для Гуревича то онъ не отпуститъ его изъ своей кватиры; если же приставъ станетъ упорствовать, онъ будетъ силой защищать Гуревича и тутъ же протянулъ руку за револьверомъ. Приставъ смягчился и послалъ за платьемъ. Гуревичъ, въ сопровожденіи пристава и Генделя, пошелъ въ больницу, гдѣ сторожъ не хотѣлъ впустить „сбѣжавшаго паціента", такъ какъ „г. докторъ не велѣлъ пущать ихъ въ больницу". При помощи пристава Гуревичу удалось вернуться въ лоно милосердія, въ больницу, гдѣ такъ пекутся о больныхъ.

Гуревичъ и Гендель жаловались губернатору на незаконныя и возмутительныя дѣйствія врача и пристава. Получился отвѣтъ: „перевести Гуревича и Генделя въ болѣе отдаленное мѣсто". Коротко и ясно.

Напрасно товарищи не приводятъ имени Кежемскаго доктора; оно заслуживаетъ опубликованія.

Намъ сообщаютъ слѣдующія выписки изъ отчетовъ губернаторовъ Сѣв.-Западнаго края ген.-губернатору. Обращаемъ вниманіе читателя на чрезвычайно остроумные и поучительные выводы, которые дѣлаются представителями власти изъ констатируемыхъ ими самими фактовъ беззаконій фабрикантовъ. „Стачка вызвана плохимъ положеніемъ рабочихъ... а потому предлагаю выслать такихъ-то, какъ агитаторовъ, на основаніи положенія объ охранѣ", — вотъ формула, въ которой какъ нельзя лучше выражена сущность отношеній царской власти къ трудящемуся населенію.

Вотъ эти выписки:

1) 10 мая 1899 г. разбросана прокламація къ крестьянамъ въ дер. Мекшеселѣ Виленской губ. и по дорогѣ въ Александровскую волость Трокскаго уѣзда.

2) 29 іюня по дорогѣ въ гор. Шавли на телеграфныхъ столбахъ расклеены прокламаціи.

3) Въ сел. Вилейка 19 іюля на заборахъ, домахъ расклеены и разбросаны по улицамъ прокламаціи.

4) Въ м. Янишки расклеены на телеграфныхъ столбахъ прокламаціи на жмудскомъ языкѣ (5 сентября) („рѣчь идетъ о ниспроверженіи существующаго строя, о свободѣ слова, печати и сходокъ; о грабительствѣ деспотическаго правительства царя, держащагося насиліемъ и беззаконіями").

5) Въ м. Лужкахъ 1 ноября прокламація на польскомъ яз. къ сельскимъ рабочимъ.

6) 30 октября въ г. Вилькомирѣ разбросаны прокламаціи. Разыскивали виновниковъ, были аресты, но по недостатку уликъ всѣхъ выпустили.

7) 8 іюля 1899 г. въ г. Бѣлостокѣ былъ съѣздъ 35 депутатовъ отъ разныхъ цеховъ для обсужденія вопроса объ оборонительномъ террорѣ и сборѣ денегъ на бѣгство убійцамъ. Въ мартѣ раввины Бѣлостокскаго уѣзда и вообще Гродненской губ. сообщали въ синагогахъ о стачкѣ рабочихъ въ Бѣлостокѣ и уговаривали рабочихъ не идти наниматься въ Бѣлостокъ.

8 іюля забастовали перчаточницы. Къ 15 іюля прекратило работу 150 чел. въ 36 мастерскихъ, прося надбавки на дюжину 5-10 коп., разсчета по полумѣсяцамъ и по рабочимъ книжкамъ. Агитаторы отвинчивали машинныя части. Мною установлено, что при разсчетѣ дѣйствительно изъ платы мастеръ дѣлаетъ произвольные вычеты въ 2-3 руб. на ученицъ, что плата нищенская 10-20 коп. въ день, да и то половина (пользуясь невѣжествомъ и нищетой работницъ) удерживается, благодаря отсутствію контроля, такъ какъ лишь одинъ мастеръ подвѣдомственъ фаб. инспектору.

А потому полагалъ бы (къ такимъ-то лицамъ) примѣнить положеніе объ усиленной охранѣ — выслать изъ предѣловъ губ. (Послано къ министру о разрѣшеніи высылки.)

26 іюля на конвертной фабрикѣ забастовало 30 раб. изъ 100. Требовали увеличенія платы съ 1000 конвертовъ на 1 коп., вмѣсто 6 коп. — 7 коп. Къ зачинщикамъ примѣнено положеніе объ усиленной охранѣ — высланы.

Гродно. 16-го сент. 700 папиросницъ у Шерешевскаго забастовали, требуя вмѣсто $17^1/_2$ коп. — 30 коп. за 1000 штукъ. Въ Вильнѣ платятъ 40 коп., въ Гроднѣ $17^1/_2$. Приняты энергическія мѣры. Въ ночь на 25 сент. взято 88 женщинъ и 3 мужчинъ и объявлено, что такъ будетъ поступлено со всѣми. 27 всѣ стали

работать; при оффиціальномъ разслѣдованіи подтвердилось, что стачка вызвана тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ и тѣмъ, что Шерешевскій платитъ меньше всѣхъ.

Ковно. 6-го февраля 1898 г. въ типографіи Соколовскаго и Леванда стачка. Губернаторъ пишетъ: „собственно говоря, никакой стачки не происходило, а была лишь слабая попытка со стороны рабочихъ добиться нѣкоторыхъ облегченій (они работаютъ 16 час.), которая и была парализована властями при первомъ же проявленіи... Хотя на основаніи слѣдствія (такихъ-то) нельзя признать виновными, но я прошу выслать ихъ административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ ввѣренной мнѣ губерніи".

Бѣлостокъ. 15-го іюня 1898 г. Въ 94 ткацкихъ заведеніяхъ стачка изъ-за отказа увеличить плату на 1 коп. за мотокъ. Губернаторъ доноситъ: „Я лично разслѣдовалъ это дѣло на совѣщаніи всѣхъ хозяевъ и нахожу невозможнымъ возвысить плату. А потому для прекращенія безпорядковъ прошу агитаторовъ (такихъ-то) выслать административнымъ порядкомъ".

3 марта 1898 г. уволенъ изъ Ковенской гимназіи ученикъ 3 класса Островскій за стихотвореніе собственнаго сочиненія, въ которомъ онъ проситъ Бога облегчить участь поляковъ. Дѣло прошло слѣд. инстанціи: совѣтъ гимназическаго начальства, два раза у попечителя, ковенскаго жандармскаго управленія, ковенскаго губернатора, ген.-губернатора и прокурора палаты. Жандармы требовали суда, но прокуроръ далъ заключеніе о прекращеніи дѣла. Послѣ этого постановлено исключить изъ гимназіи и установить негласный надзоръ.

Въ ном. 3 гектогр. московскаго изданія „Студенческій Листокъ" сообщается: Въ Пензѣ произошелъ цѣлый рядъ событій, весьма характерныхъ и знаменательныхъ для „нашего времени". Они покажутъ вамъ, какъ относится провинція къ основному вопросу русской жизни и что она переживаетъ. События, происшедшія въ Пензѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены только мѣстными условіями. Изрѣдка приходящія къ намъ извѣстія свидѣтельствуетъ, что и другіе провинціальные города переживаютъ то же, что и Пенза. Эти события — лишь частное проявленіе общаго освободительнаго движенія, недавно такъ ярко блеснувшаго... Въ ночь съ 9 на 10 апрѣля въ рабочихъ кварталахъ (за рѣкой Пензой, за валомъ желѣзной дороги и мѣстностяхъ, прилегающихъ къ базарной площади, на Сергіевской фабрикѣ и т. д.) были разбросаны и расклеены прокламаціи. Въ нихъ опровергаются сообщенія „Правительственнаго Вѣстника", имѣющія цѣлью унизить студентовъ въ глазахъ общества. Описывается самое движеніе и отношеніе къ студентамъ общества интеллигентнаго и рабочихъ, приведено письмо „Союза писателей". Затѣмъ въ общихъ чертахъ обрисована внутренняя политика нашего правительства и его отношеніе къ трудящимся классамъ; раскрывается смыслъ и значеніе студенческихъ движеній и проч. Эти прокламаціи были разсѣены въ такомъ громадномъ количествѣ, что полиція одна была не въ силахъ собрать ихъ и пригласила на помощь жандармовъ и дворниковъ. Съ ведрами, ножами ходили они по улицамъ и отскабливали приклеенныя прокламаціи; другіе ходили по дворамъ, гдѣ онѣ были также разбросаны. Какъ много было разбросано прокламацій, показываютъ нелѣпые слухи, будто ихъ таскали мѣшками. Отнеслось къ нимъ населеніе различно: мелкая буржуазія (мясники, лавочники и т. д.) — съ негодованіемъ, рабочіе — сочувственно. Въ особенности тревожное настроеніе было замѣтно на Сергіевской фабрикѣ. На учащихся прокламаціи произвели также сильное впечатлѣніе. Создалось возбужденное состояніе, которое прорывается въ постоянно происходящихъ съ начальствомъ конфликтахъ. Въ гимназіяхъ выросла такая оппозиціонная сила, что начальство не знаетъ, что дѣлать. Въ особенности сильное возбужденіе среди семинаристовъ; они рѣшили путемъ петиціи добиваться правъ, которыхъ они были лишены въ 80 годахъ: допущенія ихъ въ университетъ по окончаніи 4 класса, ослабленія богословскаго образованія и усиленія естественно-научнаго. Недавно у нихъ въ лѣсу состоялась сходка въ 100-150 чел. И не смотря на то, что ихъ окружили городовые, пристава и жандармы, они все-таки пѣли революціонныя пѣсни. Съ начальствомъ у нихъ постоянныя столкновенія, и оно боится принимать противъ нихъ какія бы то ни было мѣры. Каждый день оно ожидаетъ, что вспыхнетъ „бунтъ". Въ казенномъ лѣсу, верстахъ въ двухъ отъ Пензы, есть училище садоводства. Культурный уровень учащихся довольно низокъ, но и туда проникъ „духъ времени", и тамъ борьба и движеніе. Ученики рѣшили изгнать одного учителя, ненавистнаго имъ. Когда ихъ попытки достигнуть этого на легальной почвѣ кончились неудачей, они стали его бойкотировать, разбиваютъ окна въ его квартирѣ, устраиваютъ манифестаціи. А нѣсколько дней тому назадъ безпорядки приняли такіе размѣры и характеръ, что была вызвана рота солдатъ. Послѣдняя была расположена въ лѣсу, вблизи училища, но въ дѣйствіе не была употребляема. Настроеніе населенія настолько тревожное, что полицейское начальство опасалось, какъ бы перваго мая не состоялось чего-либо вродѣ демонстраціи. Слухи объ ней ходили по всему городу, претворяясь иногда въ самыя замысловатыя, фантастическія формы. И чтобы предотвратить якобы предстоящую демонстрацію, полиція приняла различныя мѣры: по улицамъ, гдѣ живутъ подозрительныя лица, сновали городовые и переодѣтые жандармы. На Сергіевской фабрикѣ штатъ полиціи, усиленный тремя ротами солдатъ, получилъ приказаніе приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ и снабженъ боевыми патронами. Состоялось совѣщаніе директоровъ у губернатора, на которомъ рѣшался вопросъ, какія мѣры принимать по отношенію къ учащимся, чтобы не допустить ихъ къ участію въ демонстраціи перваго мая. Рѣшено, чтобы квартирныя хозяйки не отпускали въ этотъ день учащихся однихъ. А инспекторъ второй гимназіи хотѣлъ предпринять болѣе энергическія мѣры: засадить нѣсколько гимназистовъ въ зданіе гимназіи и держать ихъ тамъ, пока все успокоится. Между прочимъ, въ СПБ. отправился одинъ жандармскій офицеръ за инструкціями.

Археологія и полиція. Что, казалось бы, можетъ быть общаго между археологіей и департаментомъ полиціи, между изученіемъ древности и борьбой съ современностью? Почтенный археологъ И. Е. Забѣлинъ, такъ много сдѣлавшій для русской старины, и директоръ деп. полиціи Зволянскій, работающіе для одной и той же цѣли, поглощенные одной и той же работой, — не странная-ли это картина? А вотъ подите же, такая связь существуетъ и, что всего курьезнѣе, на нее указываютъ сами археологи. Совершая свое опереточно-феерическое путешествіе по наиболѣе промышленнымъ губерніямъ, министръ внут. дѣлъ Сипягинъ попалъ и въ Ярославль. Тамъ онъ „соизволилъ" принять участіе въ засѣданіи ярославской ученой архивной коммиссіи. Чѣмъ занимались почтенныя архивныя крысы въ присутствіи высокопревосходительной лисицы, — неинтересно. За то совершенно спеціальный интересъ пріобрѣтаетъ рѣчь предсѣдателя коммиссіи М. Липинскаго, того самаго профессора Демид. Юрид. лицея, который написалъ для Витте первую записку о земскихъ учрежденіяхъ, доказывавшую ихъ несовмѣстимость съ самодержавнымъ строемъ. Въ своей рѣчи этотъ представитель „чистой" науки указалъ, что „главныя заботы архивной коммиссіи направлены къ тому, чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ мѣстной старинѣ и тѣмъ создать противовѣсъ отвлеченнымъ умствованіямъ, не вызываемымъ потребностями практической жизни и являющимся плодомъ отсутствія другихъ болѣе высшихъ интересовъ!". Министръ очень одобрительно отнесся къ этой рѣчи и обѣщалъ съ своей стороны всяческое содѣйствіе археологическимъ изысканіямъ. Теперь остается только покрыть всю Россію такими „архивными обществами", да кстати уже и зачислить ихъ по департаменту полиціи — и „вредныя умствованія" будутъ вырваны съ корнемъ и общество обратитъ вниманіе на „другіе, болѣе высшіе интересы". Совѣтуемъ г. Липинскому написать записку въ этомъ духѣ! Авось она скорѣе вынесетъ его въ „высшія сферы", а тамъ такіе „таланты" теперь очень нужны, ибо „отвлеченныя умствованія" свили себѣ прочное гнѣздо не только въ „обществѣ".

Цѣна совѣсти тайнаго совѣтника Юзефовича. До свободы печати мы еще не доросли, а вотъ на поприщѣ торговли печатнымъ словомъ подвизаемся съ немалымъ успѣхомъ. Сторонники существующаго строя любятъ указывать на продажность западно-европейской буржуазной печати, какъ на доказательство того, что при свободѣ печати, благодаря силѣ капитала, народная масса развращается нездоровой умственной пищей. Они при этомъ умалчиваютъ о томъ, что въ Зап. Европѣ свобода печати служитъ лучшимъ противоядіемъ тому развращенію, которое вносятъ продажныя газеты, тогда какъ у насъ вслѣдствіе цензурнаго рабства „руководителями общественнаго мнѣнія" являются почти исключительно рыцари торговли печатнымъ словомъ.

Въ опечатанныхъ судомъ бумагахъ нынѣ обанкротившагося Харьковскаго земельнаго банка найдена многозначительная запись: „печати — 5000 руб." Мѣстныя газеты: „Харьковскія Губ. Вѣдомости" и „Справочный Листокъ" спрашиваютъ: кто получилъ эту мзду? „Южный Край" тайнаго совѣтника и кавалера Юзефовича упорно молчитъ объ этомъ происшествіи. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Ужъ не въ первый разъ реакціонные органы печати являются органами одурачиванія публики въ интересахъ подкупившихъ ихъ банкирскихъ воротилъ. Честная же и независимая печать не разъ подвергалась цензурнымъ взысканіямъ за „несвоевременное" разоблаченіе разныхъ финансовыхъ секретовъ нашихъ плутократовъ. Это обстоятельство, конечно, не помѣшаетъ апостоламъ самодержавія фарисейски воздыхать: „благодаримъ тебя, Боже, что ты создалъ насъ не такими, какъ эти грѣшники — западно-европейскіе журналисты" и увѣрять, что отсутствіе свободы печати имѣетъ цѣлью „нравственное оздоровленіе общества".

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ
ВЪ ЦАРСТВѢ МОРОЗОВЫХЪ.

Изъ Богородска (Моск. губ.) намъ пишетъ мѣстный рабочій:

Есть, конечно, въ Россіи рабочіе центры, какъ-то: СПБ., Москва, Варшава, Кіевъ, Харьковъ, гдѣ рабочіе живутъ культурной жизнью, гдѣ соціализмъ находитъ себѣ пути, улицы и проулки къ жилищамъ рабочихъ; тамъ есть много сознательныхъ рабочихъ, и они дѣлаютъ свое дѣло, которое становится все тверже и могучѣе. Тамъ есть интеллигенція, которая способствуетъ этому движенію... Но есть еще въ Россіи такіе рабочіе центры, куда прямые пути для соціализма затруднены, гдѣ культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Тамъ рабочіе живутъ безо всякихъ культурныхъ потребностей и для ихъ развлеченья достаточна одна водка, продаваемая хозяиномъ (теперь казенная монополька), да балалаечникъ или плясунъ изъ рабочихъ. Такія мѣста напоминаютъ стоячую воду въ небольшомъ озерѣ, гдѣ вода цвѣтетъ, и цвѣтъ садится на дно, образуя вязкую грязь, которая втягиваетъ въ себя все, что на нее попадетъ. Къ такой категоріи можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тутъ культурной жизни почти нѣтъ и трудно ей на первыхъ порахъ упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенція тутъ отсутствуетъ (употребляю слово „интеллигенція" условно: чиновники и т. п. съ цензомъ образованія не есть еще интеллигенція, это только глаженая, клейменая публика — „благонадежный"), рабочіе культурные очень рѣдки, а чуть который начинаетъ чувствовать гнетъ, то выбываетъ; поднадзорный попасть сюда не можетъ, а потому никакой литературы тутъ нѣтъ, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочій попадетъ сюда изъ большого города и вздумаетъ вести пропаганду, то онъ скоро навлечетъ на себя вниманіе администраціи, а она дѣла вершитъ скорѣе полевого суда: немедленно разсчитываетъ и удаляетъ изъ хозяйскихъ помѣщеній. Мы хотимъ здѣсь описать эти самыя хозяйскія помѣщенія.

Нашъ фабрикантъ Захаръ Морозовъ содержитъ мужскую (холостую) артель чел. 800, да такую же женскую; сверхъ того, казармы для семейныхъ. Артель (мужская) занимаетъ цѣлую трехъэтажную казарму. Хотя помѣщеніе и отапливается паромъ и есть тамъ и вентиляція, но это мало можетъ улучшить положеніе рабочихъ. Размѣщены рабочіе настолько тѣсно, что такой тѣсноты нельзя встрѣтить ни въ солдатской казармѣ, ни въ больницѣ, ни въ тюрьмѣ... Кровать — широкая въ 2 арш. — по серединѣ вдоль раздѣлена высокой доской, что служитъ границей для каждаго; на ней два тюфяка или два набитыхъ мѣшка. Въ общемъ, въ каждомъ отдѣленіи помѣщается больше ста человѣкъ. Разстояніе между кроватями 1 арш., около головы стоитъ маленькій столъ, въ немъ два ящика, въ которые владѣльцы кладутъ свою одежду, чай и сахаръ. Сундуки имѣются не у всѣхъ. Табуретокъ, стульевъ или скамеекъ нѣтъ совершенно, и сидѣть можно только на кровати. Если рабочіе въ сборѣ, то въ каждомъ мѣстѣ образуется 4 головы и разговаривать нѣтъ возможности, чтобы не слышали сосѣди.

Помѣщеніе въ казармахъ считается безплатнымъ, но за него производится вычетъ въ размѣрѣ 2 коп. съ заработаннаго рубля и 3 коп. — для семейныхъ.

Въ безобразномъ состояніи находятся въ казармахъ отхожія мѣста, не отдѣленныя отъ жилыхъ помѣщеній капитальной стѣной. Въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, находится столовая. Такъ какъ чистку отхожихъ мѣстъ компанія старается производить возможно рѣже, то можно представить себѣ, какъ отражается на столовой такое сосѣдство.

Въ 1899 г. рабочіе потребовали себѣ болѣе свободнаго помѣщенія въ казармахъ. Компанія согласилась и вывѣсила табель, въ которой было показано нормальное кубическое содержаніе

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА ПЕРЕДЪ МОСКОВСКИМИ РАБОЧИМИ.

Вскорѣ послѣ бурнаго участія московскихъ рабочихъ въ уличныхъ демонстраціяхъ февральскихъ дней москов. власти соизволили разрѣшить мѣстнымъ рабочимъ механическаго производства, возбудившимъ ходатайство объ учрежденіи общества взаимопомощи, собираться для веденія бесѣдъ о своемъ положеніи подъ руководствомъ нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ. Собранія эти съ тѣхъ поръ ведутся регулярно при 200-300 слушателяхъ (больше не пускаютъ) и продолжаются уже послѣ того, какъ уставъ общества взаимопомощи получилъ утвержденіе властей.

Какой характеръ носитъ эта новая попытка „легализировать" русское рабочее движеніе? Является-ли это предпріятіе простымъ „культурнымъ начинаніемъ" либеральныхъ просвѣтителей, стремящихся принести рабочему классу посильную помощь въ узкой области „дозволеннаго властями" дѣла мирной организаціи, или же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первой серьезной попыткой отвлечь вниманіе рабочихъ отъ революціонной классовой борьбы, съ первымъ проявленіемъ новой политики мин. внутр. дѣлъ, возвѣщенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ гг. Семякинымъ и Зубатовымъ и недавно еще рекомендовавшейся „Новымъ Временемъ (см. ном. 6 „Искры"), политики, нашедшей себѣ вольное или невольное орудіе въ лицѣ либеральныхъ московскихъ ученыхъ? Не имѣя достаточно данныхъ, чтобы съ полной опредѣленностью отвѣтить на этотъ вопросъ, мы вынуждены были до сихъ поръ не касаться собраній московскихъ рабочихъ. Накопившійся къ настоящему времени матеріалъ газетныхъ отчетовъ позволяетъ, однако, обратить вниманіе на нѣкоторыя странныя, чтобы не сказать болѣе, черты новаго культурнаго предпріятія, которыя не могутъ не возбуждать самаго серьезнаго недоумѣнія.

Люди науки, которые дерзаютъ, при нашихъ политическихъ условіяхъ, идти на обсужденіе вопросовъ положенія русскаго рабочаго, должны знать напередъ, что они ставятъ себя въ самое щекотливое положеніе между опасностью прогнѣвать начальство, выступая открыто противъ узаконеннаго беззаконія и рискомъ очутиться — при всѣхъ своихъ, благихъ намѣреніяхъ — въ роли невольнаго пособника царящаго зла, освящая своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, своими умалчиваніями и своими недоговариваніями всю гнусность того режима, подъ тяжестью котораго стонетъ нашъ рабочій.

На всѣ эти размышленія невольно наводятъ отчеты московскихъ газетъ о „бесѣдахъ" профессоровъ Дэна и Вормса съ московскими рабочими. Мы не знаемъ, насколько точно въ этихъ отчетахъ изложена суть сказаннаго этими учеными. Мы можемъ только сказать, что такъ, какъ эти бесѣды представлены въ газетахъ, онѣ не имѣютъ ничего общаго ни съ научностью, ни съ правдивостью, ни съ дѣйствительной помощью рабочему классу.

Г. проф. В. Э. Дэнъ на четвертомъ собраніи въ воскресенье 17-го іюня поучалъ рабочихъ о пользѣ обществъ взаимопомощи. Онъ разсказалъ о томъ, что англійскіе рабочіе добились многихъ улучшеній путемъ самодѣятельности, — но умолчалъ о томъ, что эта самодѣятельность проявлялась главнымъ образомъ въ стачечной борьбѣ и въ организаціи въ боевые союзы, а не въ „мирныя" общества взаимопомощи, подобныя тому, которое теперь основалось въ Москвѣ. Онъ разсказалъ, что въ „большинствѣ случаевъ государство беретъ на себя заботу о внѣшнихъ условіяхъ труда, могущихъ вредить здоровью рабочихъ", но умолчалъ о томъ, что въ большинствѣ случаевъ государство „беретъ на себя" заботу о рабочихъ подъ вліяніемъ политическаго давленія съ ихъ стороны и что наше россійское государство, не контролируемое самимъ народомъ, въ большинствѣ случаевъ заботу эту выполняетъ изъ рукъ вонъ плохо, будучи занято преимущественно заботой о сохраненіи порядка.

Очень вѣроятно, что эти умолчанія — неизбѣжное послѣдствіе легальной дѣятельности, но это нисколько не измѣняетъ того факта, что тотъ, кто такимъ образомъ излагаетъ половину правды, на самомъ дѣлѣ вбиваетъ въ головы своихъ слушателей лживыя представленія о предметѣ бесѣды.

На 12-мъ собраніи рабочихъ 12-го августа другой ученый приватъ-доцентъ г. Вормсъ говорилъ объ условіяхъ труда, вредныхъ для здоровья. Между прочимъ, на предыдущей бесѣдѣ рабочіе указали, что „вредъ для работы наносится напряженностью труда при низкой сдѣльной заработной платѣ и что поэтому они предпочитаютъ поденную плату". Г. Вормсъ выступилъ противъ этого взгляда рабочихъ, раздѣляемаго большинствомъ организованнаго пролетаріата всего міра и принимаемаго небуржуазной наукой. Вормсъ находитъ, что „сдѣльная плата сама по себѣ здѣсь едва-ли имѣетъ значеніе: на размѣръ этой платы скорѣе можетъ вліять переполненіе рынка рабочими силами". Какъ вамъ нравится такое удивительное рѣшеніе вопроса? Рабочіе говорятъ, что сдѣльная плата ведетъ къ усиленію напряженности труда; они хорошо знаютъ, что результатомъ этого увеличенія напряженности является постоянное пониженіе расцѣнковъ, а имъ отвѣчаютъ: нѣтъ, низкая плата обусловлена переполненіемъ рынка рабочими силами. Но развѣ г. Вормсъ не знаетъ, что именно увеличеніе напряженности труда, вызываемое системой сдѣльной платы, ведетъ къ увеличенію арміи безработныхъ? Надо полагать, что онъ отлично это знаетъ, но поставленный лицомъ къ лицу съ необходимостью высказать это свое знаніе при томъ условіи, что оно можетъ не понравиться тѣмъ, кто разрѣшаетъ ему „бесѣды" съ рабочими, онъ вынужденъ вилять самымъ недостойнымъ и нелѣпымъ образомъ.

„На потерю здоровья — продолжаетъ свое возраженіе г. Вормсъ — вліяетъ незнаніе гигіеническихъ условій, которыя могли бы напряженность работы поставить въ границы, не вредящія здоровью". Какая, подумаешь, аркадская невинность! Рабочій на сдѣльной платѣ измочаливаетъ свои силы только потому, что онъ не знаетъ гигіеническихъ условій и не ставитъ „напряженность труда въ границы, не вредящія здоровью". Итакъ, невѣжество рабочаго — единственная причина его чрезмѣрнаго труда. Если бы онъ зналъ „гигіеническія условія", онъ работалъ бы съ прохладцей и, вѣроятно, ухитрялся бы на вырученные гроши „теплѣй накрываться и здоровою пищею питаться"!

Впрочемъ, г. Вормсъ признаетъ, что „здоровье можетъ страдать и отъ длины рабочаго дня, неправильнаго его распредѣленія и проч", но, говоритъ онъ, „устраненіе всѣхъ этихъ условій зависитъ отъ самого рабочаго".

Вы удивляетесь, читатель? Вы просите ученаго мужа поскорѣе открыть вамъ секретъ, какъ это вы можете сами „устранить" свой длинный рабочій день, „ломку смѣнъ" и т. п. язвы вашей трудовой маеты? Дѣло, видите-ли, очень просто: вѣдь „нашъ законъ представляетъ его (рабочаго) усмотрѣнію входить или не входить въ договоръ съ предпринимателемъ и въ то же время до извѣстной степени обезпечиваетъ здоровье отъ вредныхъ гигіеническихъ условій труда". Что это должно означать? Неужели г. Вормсъ прописываетъ тотъ самый рецептъ, который до сихъ поръ прописывали рабочимъ гг. Клейгельсы, Треповы и прочіе дѣятели по „улаженію недоразумѣній": не хочешь работать по правиламъ, убирайся съ фабрики. Или же г. Вормсъ хочетъ просто сказать, что если бы рабочіе не соглашались работать на невыгодныхъ условіяхъ, то эти условія не могли бы существовать. Что это: — фарисейство или легкомысліе? Во всякомъ случаѣ, нѣчто недостойное человѣка науки.

И въ концѣ концовъ г. Вормсъ сказалъ ложь: на самомъ дѣлѣ въ Россіи не существуетъ свободы договора даже въ самомъ узко буржуазномъ смыслѣ слова, ибо за единоличный отказъ отъ работы безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочій подвергается уголовной отвѣтственности даже въ томъ случаѣ, если этотъ отказъ вызванъ измѣненіемъ „правилъ внутренняго распорядка", напр., удлиненіемъ рабочаго дня, измѣненіемъ порядка смѣнъ и т. п.

Чувствуя, что запутался, г. Вормсъ не пошелъ дальше, а „въ виду сложности этого вопроса рекомендовалъ рабочимъ обратиться за болѣе его подробнымъ разъясненіемъ къ какому-либо спеціалисту, напр., къ фаб. инспектору". Въ какомъ однако жалкомъ положеніи находится та „наука", которая останавливается передъ сложностью вопроса, поднятаго рабочими, и отсылаетъ ихъ за разъясненіемъ къ чиновникамъ царскаго правительства!

Жалуются рабочіе на неудовлетворительность постановки медицинской помощи на московскихъ фабрикахъ и заводахъ. Г. Вормсъ „разъясняетъ", что законъ 1866 г. обязалъ фаб-

воздуха на одного человѣка (одна сажень). Но, приведя это въ порядокъ, компанія вскорѣ удалила чел. 60 „недовольныхъ“ изъ среды рабочихъ, и послѣ того норма, указанная въ табели, была опять нарушена.

Казармы для семейныхъ состоятъ изъ небольшихъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается по 4-5 семействъ, душъ по 13-15. Казармы очень грязны, и компанія заставляетъ рабочихъ оклеивать комнаты обоями на свой счетъ. Въ Александровской казармѣ, высотой съ обычный трехъ-этажный домъ, сдѣлано пять этажей, изъ которыхъ первый болѣе, чѣмъ на половину подъ землей, а пятый представляетъ простой чердакъ. Въ іюлѣ этого года компанія принялась за ремонтъ этихъ казармъ, при чемъ работа производилась такъ умѣло, что 13 іюля ярусъ второго этажа рухнулъ, покрывая собой спящихъ внизу и увлекая верхнихъ. Мнѣ пришлось видѣть, какъ одна женщина съ груднымъ ребенкомъ еле вытѣзла изъ-подъ балагана; въ другомъ мѣстѣ вытѣзалъ мужчина, держась за окровавленную голову. Дальше нельзя было смотрѣть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи въ казармахъ ужасно скверныя и человѣку, пожившему въ большомъ городѣ или въ семьѣ на фабрикѣ, противно даже идти на кухню; часто голодный продолжаетъ голодать, но воздерживается идти обѣдать. А между тѣмъ харчи обходятся очень дорого: въ постные дни 3 р. 50 к. — 4 р. на человѣка въ мѣсяцъ (даютъ только кислые щи да кашу), а въ скоромные 4 р. 50 к. — 5 р. за то же самое и $^1/_8$ ф. говядины. Да это не удивительно, если взять во вниманіе ужасную дороговизну въ лавкѣ Захара Морозова: такъ хлѣбъ очень скверный, сырой или перепеченный стоитъ 21 коп. за 10 ф., масло подсолнечное — 18 коп за фунтъ (а въ городѣ — 11-13 коп.), при чемъ всегда бываетъ прогорклое; мясо стоитъ 15-18 коп. фунтъ, вмѣсто 11-13 коп. и такъ на всякомъ продуктѣ Захаръ Морозовъ наживаетъ 25-30%. Беря съ насъ по 2 коп. съ рубля за помѣщеніе, Морозовъ наживаетъ въ годъ съ одной мужской артели 2300 р., да на харчахъ въ мѣсяцъ съ человѣка по 1 руб., всего въ годъ 9600 руб., итого съ одной мужской артели онъ взимаетъ круглымъ счетомъ около 12.000 р. Когда въ 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя ихъ улучшенія и чтобы припасы покупались не въ хозяйской лавкѣ, то хозяинъ кричалъ рабочимъ: „Я нарушу жилое помѣщеніе, уходите тогда на вольныя квартиры“.

Харчами завѣдуютъ двое старостъ; когда-то они были избраны на эту должность и продолжаютъ на этомъ основаніи оставаться старостами, хотя рабочіе ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочихъ заявили неудовольствіе противъ старостъ, то всѣ трое были тотчасъ же уволены.

* * *

Фабрично-рабочій-квартирный вопросъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Кому неизвѣстно, что въ большихъ городахъ квартирный вопросъ для рабочихъ — вопросъ первостепенной важности, и если гдѣ высока заработная плата, то тамъ квартирный вопросъ приноситъ массу разныхъ непріятностей, массу страданій, болѣзней, скученности и непристойности жизни. Какъ на зло для рабочихъ, чѣмъ больше дорожаютъ квартиры, чѣмъ дороже приходится платить за квадратный аршинъ комнаты, — тѣмъ устройство комнатъ хуже. Отсутствуютъ всякія удобства для жизни рабочихъ, не берется во вниманіе никакихъ соображеній, за исключеніемъ наибольшей наживы на каждомъ вершкѣ площади пола.

Въ нашемъ мѣстечкѣ населеніе росло и продолжаетъ рости очень быстро, но хорошихъ большихъ домовъ не было, нѣтъ и посейчасъ. Хотя каждый годъ новыхъ домовъ строится очень много, но они строятся очень спѣшно, на скорую руку, кое изъ чего и кое какъ. Все держится на гвоздѣ и гвоздикѣ; для отопленія 14-15 комнатъ ставится одна печь или маленькая трехрублевая желѣзная печка, отъ которой идутъ трубы (кровельнаго желѣза) по всей квартирѣ; такая топка и трубы не могутъ хорошо обогрѣвать квартиры и потому квартира суха только лѣтомъ; зимой же отъ сырости одежда портится и, намокши, не просыхаетъ цѣлыми недѣлями, а у живущихъ болитъ голова... Комнаты отгораживаются одна отъ другой живою перегородкою изъ самыхъ тонкихъ досокъ. Часто доски употребляются изъ большихъ ломаныхъ бочекъ или ящиковъ и между досками можно просунуть палецъ въ другую комнату. Мѣстами щели бываютъ болѣе внушительныя. Обои мало гдѣ можно встрѣтить, и если у какого рабочаго и есть, то таковыя онъ купилъ на свои деньги и самъ же оклеилъ комнату. Занавѣси у оконъ болѣе часты, что много скрашиваетъ видъ комнаты. Попадаются, конечно, и болѣе привлекательныя комнаты, но это рѣдко. Благоустройство квартиръ много терпитъ отъ отсутствія свободнаго времени у хозяйки комнаты, такъ какъ она работаетъ на фабрикѣ не меньше часовъ, чѣмъ и ея мужъ. Перегородки всюду дѣлаются не до потолка и по выраженію домовладѣльцевъ дѣлается это въ интересахъ гигіены: тогда, молъ, воздухъ одинаковъ во всей квартирѣ и равномѣрно распредѣляется теплота по комнатамъ. Беря все вышеуказанное, можно утверждать, что во всемъ примѣрно Зуевѣ съ нѣсколькими тысячами населенія нельзя найти комнаты, въ которой 2-3 чел. разговаривающіе не были бы слышны въ слѣдующихъ комнатахъ. А это стѣсняетъ до невозможности какую-либо организаторскую или пропагандистскую дѣятельность. Собраться 5-6 чел. въ одной комнатѣ нельзя благодаря устройству и размѣрамъ послѣднихъ.

Квартиры годъ отъ года въ цѣнахъ все росли и росли, что вызывало большое неудовольствіе со стороны рабочихъ, и они постоянно обращались къ хозяевамъ и дѣлали заявленія о квартирныхъ деньгахъ. Хозяева платятъ каждому рабочему и работницѣ на одной фабрикѣ 1 р. 50 к., а на другой — 2 р. въ мѣсяцъ квартирныхъ денегъ. Послѣдній платитъ по 2 рубля, благодаря настойчивости рабочихъ, которые этого добивались. Но если кто живетъ на хозяйской квартирѣ, то тому, конечно, никакихъ квартирныхъ денегъ не полагается. Если рабочій, живущій на вольной квартирѣ, получаетъ 2 р., а жена 1 р. 50 к., то они много должны доплачивать, а если оба работаютъ у хозяина, платящаго 1 р. 50 к., то и совсѣмъ мало, такъ какъ комнатъ за 3 р. 50 к. мало, а больше отъ 4 р. 50 к. и дороже, вотъ почему всякій мечтаетъ о хозяйской квартирѣ, тѣмъ болѣе, что частныя квартиры отстоятъ на очень большомъ разстояніи отъ фабрикъ.

Теперь перейдемъ къ другой сторонѣ квартирнаго вопроса. Именно, какъ на этотъ вопросъ посмотрѣли сами фабриканты? какъ отражается ихъ вмѣшательство? каковъ образъ дѣйствій ихъ въ этомъ вопросѣ и какъ сами рабочіе смотрятъ на квартиру въ хозяйскомъ помѣщеніи? Извѣстно, что издавна для хозяевъ нашъ братъ рабочій представлялся чѣмъ-то вродѣ полуживотнаго (какъ оно обстоитъ и сейчасъ у подрядчиковъ строительныхъ работъ — плотниковъ, каменьщиковъ, мостовщиковъ, извозчиковъ; на кирпичныхъ заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ у землекоповъ и т. п.) и потому квартира отъ хозяина давалась очень скверная, тѣсная и грязная. Въ Орѣховѣ есть еще старыя казармы, и онѣ противъ новыхъ кажутся очень жалкими, живется въ нихъ скверно, но все же ихъ еще не ломаютъ, а стараются заполнять холостыми артелями; это самыя худшія казармы; они на половину изъ кирпича, на половину изъ дерева. Но теперь есть очень много казармъ, выстроенныхъ по послѣднему слову технической и инженерной науки. Конечно, выстраивая такія казармы, хозяинъ руководствовался личными интересами. Вѣдь понятно для каждаго, что, не возводи онъ казармъ, цѣна за квартиры повысилась бы раза въ два, и рабочіе тратили бы массу времени на ходьбу (во всѣхъ казармахъ живетъ тыс. до 20, если не больше). А разъ цѣны повысились на квартиры, то и выдачу квартирныхъ денегъ пришлось бы увеличить. И, взявши наименьшую цыфру рабочихъ въ 12-13 тысячъ и выдавая имъ по два рубля, это составитъ около 25 тысячъ въ недѣлю, а въ годъ выйдетъ очень внушительная сумма, которую хозяинъ долженъ былъ бы выкидывать. Между тѣмъ, выстроивши казармы, хозяинъ надолго освобождается отъ новыхъ расходовъ. Построены же казармы на сотни лѣтъ — такъ внушительно и солидно.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло въ образцовыхъ казармахъ. Можно о нихъ сказать, что они очень хороши для фабрично-рабочаго люда (мы, конечно, знаемъ, что мастеровой съ юга или Петербурга нашелъ бы не только неудобными, но и очень скверными и именно „казармами“); онѣ снабжены водопроводомъ, хорошей водой; комнаты и корридоры оштукатурены и выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, окно въ комнатѣ широкое и больше сажени въ вышину, хорошо проведено паровое отопленіе какъ въ корридорахъ, такъ и въ комнатахъ, всегда есть достаточно готоваго кипятку, хорошая деревянная кровать и т. п. Значитъ, въ гигіеническомъ отношеніи все обставлено какъ будто хорошо и позаботились объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей фабричнаго люда. Но въ бочку меда влили не одну ложку дегтя. Во-первыхъ, комната по размѣрамъ очень порядочная (около 3-хъ саж. въ длину, около 5 арш. въ ширину и почти двѣ сажени въ вышину), но она служитъ не для одного семейства, а для трехъ. Размѣщаются они слѣдующимъ образомъ: два семейства по бокамъ комнаты по кроватямъ и третье семейство на палатяхъ. Палати, правда, большіе, и человѣкъ можетъ стоять на нихъ, не ударяясь въ потолокъ, и потому палати представляютъ воздушную комнату. Внизу оба семейства располагаются вдоль, каждое въ своей половинѣ комнаты; и такъ размѣщены не тысяча, а больше десятка тысячъ. Такія условія порождаютъ массу неудобствъ и непріятностей, и сосѣди въ одной комнатѣ часто вздорятъ между собой и даже дерутся. Случается, что какой-нибудь членъ семейства бываетъ нечистъ на руку (крадетъ), что слишкомъ непріятно для совмѣстнаго сожительства. Во-вторыхъ, зоркое око хозяйскихъ шпіоновъ и полицейскихъ (открытыхъ и тайныхъ; тутъ же живутъ и шпіоны отъ жандармовъ) наблюдаетъ за рабочими въ казармахъ, а администрація старается предписывать рабочимъ, въ какіе часы и что дѣлать. Такъ, придя съ работы, всякій долженъ ложиться спать, и за этимъ наблюдаютъ. Въ-третьихъ, рабочимъ строго воспрещается собираться кучками въ корридорахъ, проходахъ, комнатахъ и даже въ отхожемъ мѣстѣ и разсуждать о чемъ-либо, хотя бы даже собравшіеся и говорили въ полголоса. И если нельзя придраться къ нимъ на основаніи общественной тишины, то придерутся на основаніи общественнаго порядка. Въ четвертыхъ, никто не имѣетъ права читать вслухъ ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслухъ у себя въ комнатѣ и безграмотному сосѣду. Въ-пятыхъ, воспрещается какая-либо игра; даже живущіе въ одной комнатѣ должны спрашивать нѣчто вродѣ разрѣшенія у сосѣда, чтобы, напр., курить табакъ. Воспрещается по вечерамъ сходиться и останавливаться внѣ казармы и внутри ея.

И все же, не смотря на такого рода притѣсненія и полицейскія строгости, люди положительно прикрѣпощены къ этимъ помѣщеніямъ. И это понятно, — вѣдь вольныя квартиры много, много хуже и приходится еще доплачивать. Понятно, что живущій на вольной квартирѣ постоянно мечтаетъ о хозяйской и постоянно завидуетъ уже тамъ живущимъ... Возводя новыя казармы, хозяева подорвали всякую иниціативу (начинанья) у вольныхъ хозяевъ въ Зуевѣ, никто изъ нихъ не отваживается на постройку новаго каменнаго зданія, опасаясь, что хозяева выстроятъ еще одну, двѣ казармы, куда перейдетъ на жительство больше тысячи въ каждую, и потому его домъ будетъ пустовать. Этотъ страхъ заставляетъ ихъ отказаться совсѣмъ отъ постройки или же они строятъ дома такого сорта, какъ было выше описано.

Орѣхово-Зуевцы.

* * *

Отъ редакціи. Описанныя кватирныя условія въ Ор.-Зуевѣ и Богородскѣ достаточно характерны для всего центральнаго фабричнаго района, тдѣ „казармы“ преобладаютъ надъ вольными квартирами. Эти условія, порожденныя возникновеніемъ нашихъ фабричныхъ центровъ внѣ крупныхъ городовъ, продолжаютъ существовать, не смотря на то, что русскій рабочій уже переросъ ту недостойную человѣка квартирную обстановку, въ которой держатъ его гг. Морозовы и другіе московско-ивановскіе фабриканты. Изъ корреспонденціи достаточно видно, какъ вредно подобныя условія отражаются на ходѣ соціалистической пропаганды и культурнаго развитія рабочихъ.

Безобразное устройство фабричныхъ казармъ и патріархально-полицейскій строй жизни въ нихъ могутъ быть устранены только улучшеніемъ фабричнаго законодательства, упорядоченіемъ фабричной инспекціи и свободой самодѣятельности рабочаго класса, свободой стачекъ, союзовъ и собраній. Противъ того зла, которое создается скученностью рабочихъ въ мѣстечкѣ, не приспособленномъ къ быстрому росту пришлаго населенія, могло бы бороться городское самоуправленіе: постройка за городской счетъ хорошихъ домовъ съ дешевыми квартирами можетъ ослабить скученность населенія въ хозяйскихъ казармахъ и непомѣрное возрастаніе платы за нихъ. Но, конечно, не отъ теперешняго же мѣстнаго самоуправленія, находящагося въ рукахъ тѣхъ же фабричныхъ воротилъ, мы можемъ ждать такихъ реформъ: ихъ дастъ только дѣйствительное самоуправленіе всего городского населенія, при которомъ рабочій станетъ хозяиномъ въ томъ городѣ, богатство котораго создается его трудомъ. Но хозяиномъ въ городѣ онъ станетъ не ранѣе, чѣмъ когда добьется участія въ веденіи общегосударственныхъ дѣлъ. Дѣйствительное городское самоуправленіе для „низшихъ классовъ“ будетъ достигнуто только при политической свободѣ.

Возмутителя поймали! Въ Орѣхово-Зуевѣ на фабрикѣ извѣстнаго столпа отечественной промышленности Саввы Морозова обнаруженъ опасный возмутитель. „Непокорный слуга оказался у насъ на фабрикѣ, пишутъ намъ оттуда, и настолько непокорный, что вздумалъ защищать человѣческія потребности рабочихъ, а не интересы фабрикантовъ, какъ это дѣлаютъ разные прохвосты мастера и подмастерья“. Дѣло было такъ: по распоряженію мастера ткацкой фабрики рабочихъ лишили кипятку для чая. Смотритель, узнавъ объ этомъ распоряженіи, заявилъ мастеру: „такъ поступать съ народомъ нельзя потому, что народъ привыкъ къ чаю утромъ“. „О такомъ возмущеніи ночной мастеръ

рики, имѣющія свыше 100 рабочихъ, имѣть свои больницы. Однако, „этотъ законъ не имѣетъ примѣненія въ городахъ СПБ., Москвѣ и Одессѣ, гдѣ установленъ городской больничный сборъ съ рабочихъ“. Иными словами: „законъ былъ, да весь вышелъ“ для московскихъ рабочихъ по тому случаю, что съ нихъ же взыскиваютъ за леченіе въ городскихъ больницахъ. Это какъ будто нѣсколько несуразно: потому что съ меня городъ сдираетъ больничный сборъ, мой эксплуататоръ долженъ быть освобожденъ отъ обязанности давать мнѣ медицинскую помощь. Но г. Вормсъ указываетъ, что столичныя присутствія по фабричнымъ дѣламъ „дѣлаютъ выводъ, что обязанность лѣчить рабочихъ должна лежать здѣсь на городскихъ управленіяхъ, а не на фабрикахъ и заводахъ“ и довольствуется ссылкой на это совершенно произвольное лжетолкованіе присутствій, не обмолвившись и словомъ о томъ, насколько, по его мнѣнію, законно такое толкованіе. Удивительно много вынесутъ рабочіе изъ такой бесѣды!

Заговорилъ г. Вормсъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ, ведущихъ къ увѣчьямъ или смерти. Этотъ жгучій вопросъ, затрогивающій самыя мрачныя стороны фабричнаго быта, превратился въ его изображеніи въ вопросъ „о разграниченіи обязанностей по вознагражденію рабочихъ за увѣчье и смерть между предпринимателемъ и обществомъ взаимопомощи“. Обязанность вознаграждать рабочихъ за увѣчье или семью его за смерть нашъ законъ возлагаетъ на предпринимателя. Правда, тотъ же законъ обставляетъ это право рабочихъ такими условіями, которыя сводятъ его къ нулю. Отсюда можетъ вытекать только необходимость добиваться осуществленія этого признаннаго закономъ права, необходимость требовать, чтобы обязанность возбужденія исковъ лежало не на рабочемъ, а на фабрикантѣ, если онъ не желаетъ уплатить вознагражденія и хочетъ доказать, что рабочій пострадалъ по своей винѣ. Либеральный г. Вормсъ поступаетъ не такъ. Всецѣло возложенную закономъ на хозяина обязанность вознагражденія рабочаго онъ желаетъ „разграничить между предпринимателемъ и обществомъ взаимопомощи“. Т. е. одна изъ задачъ общества взаимопомощи рабочихъ — снять съ предпринимателя часть бремени по вознагражденію рабочихъ. Такъ что-ли, г. Вормсъ? А не смущаетъ васъ сомнѣніе, что проповѣди такого рода „взаимопомощи“ можетъ показаться рабочимъ дѣломъ „взаимопомощи“ между предпринимателями и гг. учеными?

Для того, чтобы, какъ слѣдуетъ „разграничить“ отвѣтственность за несчастные случаи между хозяевами и самими рабочими, г. Вормсъ, изложивъ „тѣ условія, которыя по закону создаютъ отвѣтственность предпринимателя“, описываетъ „также и тѣ затрудненія, которыя испытываетъ получившій увѣчье при осуществленіи своего права на вознагражденіе (какъ-то: обязанность личныхъ хлопотъ, краткость срока давности и т. п)“. Вы скажете, пожалуй, что г. Вормсъ безпристрастно описываетъ настоящее положеніе дѣлъ. Однако, когда вы читаете слѣдующую фразу: „Авторъ бесѣды, впрочемъ придавалъ больше значенія вопросу о мѣрахъ, предупреждающихъ возникновеніе самыхъ несчастныхъ случаевъ“, то у васъ возникаетъ сомнѣніе: а что если г. Вормсъ остановился на трудностяхъ въ осуществленіи рабочимъ своего права не для того, чтобы требовать устраненія этихъ трудностей, но чтобы „отвадить“ рабочихъ отъ помысловъ о расширеніи своихъ правъ въ этой области. „Зеленъ виноградъ“, доказываетъ г. Вормсъ, „какъ разъ оскомину набьешь“, не стоитъ возиться съ требованіемъ вознагражденія за уже оторванную руку, слѣдуетъ больше значенія придавать условіямъ, предупреждающимъ потерю второй руки. Ибо о томъ, что лучшимъ средствомъ „предупрежденія“ новыхъ несчастныхъ случаевъ является введеніе строгой и на дѣлѣ осуществляемой отвѣтственности предпринимателей, — объ этомъ г. Вормсъ опять-таки умолчалъ (по крайней мѣрѣ, въ газетномъ отчетѣ нѣтъ объ этомъ ни слова). „Принятіе этихъ мѣръ (предупрежденія) должно, по его мнѣнію, явиться главной заботой какъ законодательства, такъ и предпринимателей, которымъ выгоднѣе предупреждать несчастія, чѣмъ платить за нихъ“. Послѣднее, конечно, вѣрно, но если бы рабочіе перестали думать о введеніи дѣйствительной отвѣтственности фабрикантовъ и въ виду трудности дѣла отказались отъ попытокъ при теперешнихъ условіяхъ взыскивать съ хозяевъ вознагражденіе за увѣчье, то, пожалуй, предпринимателямъ было бы еще выгоднѣе не предупреждать несчастій, а содѣйствовать развитію „бесѣдъ“ гг. Вормсовъ.

По мнѣнію г. Вормса, и обществамъ взаимопомощи также принадлежитъ почетная роль по „предупрежденію несчастныхъ случаевъ“. Не спѣшите радоваться, читатели! Вы, можетъ быть, ожидаете, что общество взаимопомощи, какъ рабочая организація, будетъ призвано оказывать давленіе на предпринимателя въ цѣляхъ лучшаго предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Ну, нѣтъ, г. Вормсъ такихъ „разрушительныхъ“ проектовъ и въ мысли не имѣлъ. Общество взаимопомощи, говоритъ онъ, „можетъ, съ своей стороны, принимать въ этомъ направленіи извѣстныя мѣры, напр., ознакомленіе членовъ съ пріемами подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ“.

Гора родила мышь! „Предупрежденіе несчастныхъ случаевъ“ оказалось подачей помощи послѣ того, какъ несчастный случай произошелъ. Общество взаимопомощи должно, сверхъ прочихъ своихъ услугъ фабрикантамъ, избавить ихъ отъ подачи первой помощи пострадавшимъ рабочимъ!

Неужели же г. Вормсъ всю роль общества взаимопомощи въ этомъ вопросѣ сводитъ къ подачѣ первой помощи? О нѣтъ! послѣ цитированныхъ нами словъ онъ продолжаетъ: ...„организація для своихъ членовъ особаго юридическаго бюро для подачи совѣтовъ при помощи опытныхъ спеціалистовъ, при чемъ польза этого бюро могла бы сказаться уже и въ томъ, что оно могло бы предупреждать случаи возбужденія недостаточно обоснованныхъ исковъ“.

Такъ, такъ! Для „предупрежденія несчастныхъ случаевъ“ общество взаимопомощи создастъ бюро, которое будетъ заниматься „предупрежденіемъ“ недостаточно обоснованныхъ исковъ! Когда идетъ дождь, люди распускаютъ зонтики; стоитъ только свернуть зонтики, и дождь пройдетъ. Совершенно таковъ же, надо думать, ходъ мыслей г. Вормса. Отъ того, что русскіе рабочіе находятся въ самомъ безправномъ положеніи, многіе возбуждаемые ими иски оказываются недостаточно обоснованными; отказывайтесь заранѣе отъ своихъ исковъ, и ваше положеніе поправится (вѣдь г. Вормсъ все-таки толкуетъ о средствахъ облегченія положенія рабочихъ!).

Послушаемъ еще г. проф. Озерова (13 бесѣда 19 августа). Трактуетъ онъ о „разумномъ проведеніи досуга членами кассы взаимопомощи“. Бѣдные рабочіе! ихъ еще надо учить „разумному проведенію“ времени, которое оставляетъ имъ капиталъ! Буржуазная наука съ очаровательной граціей спѣшитъ оказать „меньшому брату“ одолженіе, поучая его, какъ слѣдуетъ разумно проводить свободное время. Безъ ея благожелательныхъ указаній рабочій не сообразитъ, пожалуй, какъ ему „разумнѣе“ проводить свои вечера и праздники. А, можетъ быть, для того, чтобы имѣть возможность ихъ проводить разумно, онъ потребуетъ себѣ менѣе продолжительной работы, лучшихъ квартирныхъ условій, высшей платы, свободы собираться и разумно проводить время, свободы достигать самообразованія? Можетъ быть, пожелавъ всего этого, онъ вступитъ въ борьбу съ государствомъ, которое ставитъ его стремленіямъ всяческія преграды? Буржуазная, съ позволенія сказать, наука спѣшитъ „легализировать“ такія стремленія, придать имъ окраску законности. Поговоривъ о значеніи рабочихъ клубовъ въ жизни европейскихъ рабочихъ, г. Озеровъ заявилъ, что „наши рабочіе нуждаются въ подобныхъ клубахъ не менѣе, чѣмъ иностранцы“. Оказывается, что это уже сознало... министерство финансовъ, которое „со введеніемъ винной монополіи усиленно рекомендуетъ комитетамъ трезвости устройство особыхъ народныхъ клубовъ, въ которыхъ рабочій могъ бы не только пить чай, но и разумно проводить время“. Да здравствуетъ министерство финансовъ, трижды ура г-ну Витте! По лицемѣрію или невѣжеству г. профессоръ не упоминаетъ объ одной лишь малости: что разумное проведеніе времени въ клубахъ и читальняхъ комитетовъ трезвости заключаетъ, между прочимъ, чтеніе „Свѣта“, „Моск. Вѣдом.“ и тому подобной грязной литературы, и только такой литературы! Г. Озеровъ не постѣснялся выразить „большое спасибо казенной винной монополіи“ за то, что она „въ основу борьбы съ алкоголизмомъ поставила устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ“. Переводя эти „благонамѣренныя рѣчи“ на человѣческій языкъ, мы констатируемъ тотъ фактъ, что г. Озеровъ привѣтствуетъ

передалъ денному", который, вызвавъ смотрителя, сказалъ ему: „Какъ смотритель, ты долженъ защищать интересы хозяина, а не рабочихъ, которымъ ты долженъ внушить, что они хорошо могутъ работать и безъ чаю". Смотритель отвѣтилъ: „Развѣ я какой-нибудь деспотъ, чтобы маскировать себя передъ народомъ? Я этого никогда себѣ не позволю, тѣмъ болѣе, что я хлопочу не лично для себя, а для народа".

Такъ какъ въ россійскомъ государствѣ „хлопотать для народа" есть великое преступленіе, то смотрителя, конечно, тотчасъ же уволили. А фабричный инспекторъ Напалковъ, къ которому обратился уволенный, сказалъ, что онъ не можетъ насильно заставить фабричное начальство держать, кого оно не хочетъ.

Фабричной инспекціи предоставлено право вмѣшиваться въ тѣ происшествія фабричной жизни, которыя могутъ привести къ столкновеніямъ между рабочими и фабрикантомъ. Но, конечно, лизоблюдничать у г. Морозова дѣло менѣе хлопотливое, чѣмъ вступиться за уволеннаго служащаго, который старался своевременно предотвратить возникновеніе „безпорядка" среди рабочихъ.

Посѣщеніе министромъ Владимірскаго фабричнаго района. Министръ Сипягинъ побывалъ на многихъ фабрикахъ и ужъ, конечно, его водили только по хорошимъ фабрикамъ. Да и вся поѣздка напоминаетъ хорошую, пріятную прогулку: всюду министра встрѣчали съ хлѣбомъ солью, послѣ чего, разумѣется, происходилъ хорошій обѣдъ и, клюнувши изрядно, прощались. Для того, чтобы показать, что на русскихъ фабрикахъ порядки образцовые и живется очень хорошо, всюду за недѣлю и раньше приводилось все въ порядокъ, мылось, чистилось, притиралось, пускалась въ ходъ вентиляція. Словомъ, было подкрашено, подчищено, истрепали нѣсколько десятковъ лишнихъ метлъ и мели тамъ, гдѣ годъ или больше не показывалась метла. Былъ отданъ приказъ, чтобы всѣ подмастерья, смотрители и другая администрація одѣлись въ крахмальныя рубашки, подчистились, подбрились. Чтобы рабочіе не оказались въ рваныхъ подштаникахъ, былъ назначенъ бдительный надзоръ. Заодно, конечно, воспретили строго-на-строго, дабы рабочіе не вздумали собираться и не отходили бы отъ своихъ станковъ. Разумѣется, это дѣлалось не безъ задней мысли, дабы рабочіе не подумали бы потревожить благодушественнаго настроенія министра. Читая сообщенія о путешествіи министра въ нашей вшивой прессѣ, которая настолько уподобилась нашимъ полицейскимъ, что точь въ точь повторяетъ ихъ рапорты: все обстоитъ благополучно, такъ точно, образцовые порядки, особая заботливость о рабочихъ и т. п., читатель не найдетъ даже намека на какое-либо злоупотребленіе или недовольство. Хотя передъ пріѣздомъ министра были пущены въ ходъ нагайки (см. кор. изъ Вичуги), но вотъ что говорилъ самъ министръ, въ той же Вичугѣ, одному фабриканту, когда замѣтилъ, что рабочіе спятъ въ сараѣ, сколоченномъ на живую руку: „Я не могъ и мысли допустить, чтобы въ Россіи фабричные рабочіе жили въ такихъ помѣщеніяхъ". И хотя послѣ отъѣзда министра сарай былъ сломанъ, но мы не думаемъ за это воскурить ему ѳиміамъ: это капля въ морѣ и притомъ случайная. Опростоволосились фабриканты и не скрыли заранѣе. Министръ же, идя, не зналъ, что тамъ такъ плохо, иначе онъ и не пошелъ бы, какъ онъ всюду старался избѣгать плохихъ казармъ и смотрѣлъ только хорошія. Такъ, въ Ив.-Вознесенскѣ фабриканты такой оплошности не сдѣлали, они показали самую лучшую казарму, и министръ остался очень доволенъ. Разумѣется, онъ очень доволенъ, что можетъ при случаѣ сказать о видѣнной казармѣ и взвалить вину на рабочихъ за ихъ „чрезмѣрныя" требованія.

Пріѣхавши въ Орѣхово на морозовскія фабрики, Сипягинъ всюду видѣлъ чистоту; тамъ передъ его пріѣздомъ все красилось, чистилось, мылось, какъ никогда. А въ самой фабрикѣ понометы цѣлыми днями мели фабрику и обмахивали стѣны, чѣмъ, разумѣется, вызывали остроты рабочихъ... Пройдя по фабрикѣ, Сипягинъ возымѣлъ желаніе взглянуть на житье рабочихъ внѣ фабрики. Администрація это предвидѣла и потому заранѣе былъ данъ приказъ въ казармѣ, гдѣ живутъ подмастерья, смотрителя и разная мелкая сошка, чтобы комнаты были прибраны и приведены въ порядокъ, такъ какъ ихъ будетъ осматривать министръ. И конечно, жители послѣднихъ постарались нарядить комнату получше, да и могли-ли они этого не сдѣлать? Все, что было лучшаго въ укладкахъ (сундукахъ), было извлечено. Но все же прошло не все гладко; такъ, изъ одной каморки старушка ушла въ лавку, а оставшіяся дѣти вздумали поиграть да и побросали игрушки по полу, а тутъ министръ пришелъ посмотрѣть, и вотъ за такой безпорядокъ администрація рѣшила выселить живущихъ на вольныя квартиры, но пока своей угрозы не привела въ исполненіе. Пройдя по этимъ каморкамъ, Сипягинъ хотѣлъ подняться этажомъ выше, гдѣ живутъ уже на самомъ дѣлѣ рабочіе и живутъ не по одному семейству и аккуратности этой встрѣтить тамъ было нельзя и все обаяніе отъ видѣнныхъ первыхъ каморокъ пропало бы безвозвратно. Поэтому администрація не дремала и постаралась увѣрить министра, что каморки строились по одному плану и жители во всѣхъ каморкахъ одинаковы, да къ несчастью владѣльцы таковыхъ всѣ на работѣ и, значитъ, каморки заперты. Словомъ, врали, какъ могли и вышло, что при всемъ желаніи угодить они не имѣли возможности показать! И Сипягинъ повернулся вспять, увѣренный, что Орѣховскіе рабочіе живутъ прекрасно. Но мы повторяемъ, что онъ не видѣлъ, какъ живутъ рабочіе, хотя и объѣхалъ нѣсколько губерній. Онъ только посмотрѣлъ хорошія казармы да отдѣльныя комнаты, гдѣ живутъ разныя забѣгалки. Большинство рабочихъ живетъ не тамъ и не при такихъ условіяхъ.

Было бы не безъинтересно знать министру, какъ на его пріѣздъ посмотрѣли рабочіе. По этому поводу рабочіе выражались не симпатично для министра. И именно большинство толкующихъ рабочихъ говорили увѣренно, что министръ пріѣзжалъ за брюками. И ужъ если такія авторитетныя лица, какъ министръ, не пользуются довѣріемъ мѣстности, то что можно говорить о какомъ-либо фабричномъ инспекторѣ, безчестность и подлость котораго, къ слову сказать, подтвердилась на дняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Послѣ отъѣзда министра Ив.-Вознесенскіе фабриканты вздумали облагодѣтельствовать своихъ рабочихъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, вскорѣ раздали рабочимъ безплатно воззванія, напр., „Доброе слово русскому народу". А такъ какъ мы, рабочіе, знаемъ, что у нашихъ фабрикантовъ всякое доброе слово подкрѣпляется матерщиной, то побаивались, какъ бы и въ воззваніи не вычитать матерщины. Страхъ оказался напраснымъ, ибо тутъ говорится все очень хитро и гладко: такъ въ каждой строчкѣ лиса и торчитъ. Всего больше тутъ совѣтовъ, какъ-то: работать для хозяина, не покладая рукъ и не жалѣя живота, почитать власти, молиться за нихъ Богу, подчиняться властямъ, такъ какъ имъ власть дана отъ самого Бога, и все въ томъ же родѣ. Конечно, фабрикантамъ не удастся своими воззваніями прекратить ростъ самосознанія рабочихъ и заставить вѣрить насъ въ написанную чушь.

Вичуга (Костромской губ., около Ив.-Вознесенска). Фабрика Коновалова въ Каменкѣ. У насъ на фабрикѣ, благодаря терпѣнію рабочихъ, происходили и происходятъ разныя притѣсненія и незаконныя прижимки. Администрація фабрики, чувствуя въ послѣднее время недовольство рабочихъ, вздумала парализовать его посредствомъ повышенія заработковъ нѣкоторымъ прихвостнямъ и подлипаламъ рабочимъ, но это въ концѣ концовъ вызвало еще большее недовольство. Произошла забастовка. На первыхъ порахъ администрація вздумала достигнуть прекращенія стачки уравненіемъ заработковъ всѣхъ рабочихъ. Для этого она сократила заработки у прихвостней, которые зарабатывали проц. на 20 больше, но это только увеличило количество примкнувшихъ стачечниковъ. Произошла стачка передъ пріѣздомъ министра Сипягина (въ концѣ мая) и потому, желая поскорѣе покончить со стачкой, Коноваловъ писалъ исправнику, что это его (исправника) дѣло прекратить стачку. Къ этому времени стачечники требовали: 1) прекращенія незаконнаго взиманія процентовъ съ рабочихъ; 2) выдачи обратно всей суммы взимаемыхъ процентовъ; 3) установленія двухъчасового перерыва на обѣдъ. Пріѣхали вице-губернаторъ и исправникъ и отправились прямо къ Коновалову; напившись, пьяные призвали къ дому фабриканта рабочихъ, а также казаковъ. Пьяный вице-губероаторъ еле выползъ говорить съ рабочими и прямо набросился на нихъ съ руганью: „что вамъ подлецы, надо? Въ нагайки ихъ, подлецовъ!" И нагайки засвистали.

Хлещетъ неистово варварскій кнутъ!

Тамъ и сямъ слышатся стоны мирныхъ и безоружныхъ рабочихъ, а вице-губернаторъ съ исправникомъ и фабрикантомъ хохочутъ, надрывая животы отъ такой возмутительной картины...

Долго-ли рабочіе еще будутъ переносить такія надъ собою поруганія? Пора образумиться и перестать вѣрить, что царь-батюшка есть защитникъ рабочихъ! Нѣтъ, всѣ эти вице-губернаторы, исправники дѣйствуютъ съ его согласія и по его приказанію и всюду, гдѣ ходитъ по головамъ рабочихъ нагайка, они должны давать отпоръ. Когда мы перестанемъ просить, а станемъ требовать, когда перестанемъ подставлять подъ нагайку спину, а встрѣтимъ нагайку ломомъ, дубиной, огнестрѣльнымъ оружіемъ; когда перестанемъ видѣть въ царѣ своего заступника, — только тогда будутъ съ нами поступать не по азіатски, какъ въ Вичугѣ. Пора, товарищи, давно образумиться!

и прославляетъ русское правительство за то, что оно въ основу борьбы съ алкоголизмомъ поставило не повышеніе народной культуры, не освобожденіе личности, не свободу образовательныхъ учрежденій, но жалкое подобіе просвѣтительной дѣятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуровъ и поповъ, — этотъ фиговый листокъ, которымъ правительство прикрываетъ гнусную наготу своей роли кабатчика. Такъ для выслушиванія такихъ-то комплиментовъ шарлатанскимъ предпріятіямъ г. Витте вы приглашаете рабочихъ на свои „бесѣды", г. Озеровъ? Но такое-то „разумное проведеніе досуга" они могутъ себѣ найти и въ чтеніи „Новаго Времени"!

Такъ вотъ въ какой уродливой формѣ осуществляется въ первопрестольной столицѣ „союзъ науки и работниковъ", составляющій содержаніе стремленій передовой части пролетаріата? Вмѣсто разъясненія сложныхъ соціальныхъ вопросовъ — вящее ихъ затемненіе профессорской болтовней, скользящей по поверхности и оставляющей въ сторонѣ самые жгучіе пункты; вмѣсто какого бы то ни было содѣйствія развитію самосознанія рабочихъ — внесеніе ненаучныхъ представленій (примѣръ — о поштучной платѣ, о свободѣ договора, объ отвѣтственности предпринимателей). Словомъ, камень вмѣсто того духовнаго хлѣба, за которымъ рабочій обращается къ людямъ науки!

Скажутъ: иначе нельзя говорить въ условіяхъ легальной дѣятельности. Если такъ, если это вѣрно, то лучше вовсе не говорить. Бываютъ положенія, при которыхъ молчаніе является послѣднимъ гражданскимъ долгомъ.

Мы не можемъ требовать отъ людей оффиціальной науки, чтобы они мыслили, какъ соціалисты, чтобы они проповѣдывали рабочимъ путь революціонной борьбы. Мы знаемъ, что въ оцѣнкѣ положенія рабочаго класса и средствъ къ его улучшенію, гг. Дэны и Вормсы должны расходиться съ нами. Поэтому мы не можемъ претендовать на нихъ за то, что они стремятся загнать рабочее движеніе въ русло взаимопомощи и коопераціи. Но мы можемъ требовать отъ ихъ дальновидности, отъ ихъ политическаго такта, чтобы они не спѣшили приступать къ этому дѣлу при такихъ условіяхъ, когда даже неподозрительные люди должны будутъ задать себѣ вопросъ: а почему эту пропаганду терпятъ московскія власти? и въ какомъ отношеніи эта терпимость стоитъ къ „соціальной политикѣ" тѣхъ нашихъ государственныхъ мужей, которые уже начали признавать, что однимъ грубымъ насиліемъ рабочихъ не отвлечь отъ соціализма.

Гг. московскіе профессора должны будутъ сами пенять на себя, если „рабій языкъ" ихъ бесѣдъ наведетъ рабочихъ на мысли о политической недоброкачественности ихъ „соціально-реформаторскихъ" затѣй.

Что касается соціалдемократіи, то ея дѣло — воспользоваться для своей агитаціи всѣмъ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который уже доставили и еще доставятъ „бесѣды" либеральныхъ профессоровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо второе.

Каково же было положеніе и настроеніе различныхъ фракцій соціалистической партіи передъ діонскимъ конгрессомъ? Самая сильная и дисциплинированная фракція — Французская рабочая партія (гедисты) — покинула ряды объединенной партіи, но продолжала поддерживать тѣсныя отношенія съ оставшимися въ ея предѣлахъ бывшими бланкистами и „коммунистическимъ союзомъ". Эти три организаціи, оставшіяся вѣрными традиціямъ революціоннаго соціализма, естественно сблизились, забывъ всѣ старые раздоры, какъ только въ партіи открыто стали проповѣдывать теорію сотрудничества классовъ. Оставаясь въ рядахъ объединенной партіи, бланкисты и коммунистическій союзъ разсчитывали постепенно привлечь на свою сторону всѣ тѣ элементы, которые очутились въ рядахъ приверженцевъ „новой методы" вовсе не потому, что сами были ея послѣдователями, а потому, что имъ казалось, что, будучи въ этихъ рядахъ, они скорѣе достигнутъ полнаго объединенія партіи, или же потому еще, что цѣлый рядъ столкновеній и недоразумѣній, оставленныхъ въ наслѣдіе прошлымъ, заставилъ ихъ выйти изъ старыхъ организацій. Но бланкисты открыто, въ печати, заявили, что если имъ не удастся окончательно изгнать изъ партіи оппортюнизмъ Милльерана и Жореса, они предпочтутъ формальный разрывъ.

Противоположный лагерь состоялъ изъ: 1) поссибилистовъ, 2) аллеманистовъ и 3) независимыхъ.

Поссибилисты и аллеманисты представляютъ собою въ настоящее время жалкіе остатки нѣкогда довольно многочисленной и вліятельной партіи. Товарищи, конечно, помнятъ, что въ 1882 г. произошелъ первый крупный расколъ въ рядахъ французской соціалистической партіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на причинахъ этого раскола. Въ общемъ онъ произошелъ на почвѣ тѣхъ споровъ, которые въ извѣстный періодъ можно наблюдать въ исторіи соціалистическихъ партій почти всѣхъ странъ, на почвѣ столкновеній между „практиками" и тѣми, кого они называютъ „сектантами", „мечтателями", между послѣдователями политики „непосредственныхъ результатовъ" и тѣми, кто понималъ, что въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ мелкая буржуазія столь многочисленна, еще болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, необходимо отстаивать самостоятельное существованіе партіи пролетаріата и укрѣпить въ немъ сознаніе его исторической миссіи. Въ концѣ концовъ, произошло то, что можно наблюдать и въ другихъ странахъ: тѣ, что говорили „отъ имени рабочихъ", которые-де не могутъ удовлетвориться „прекрасными теоріями" мечтателей, которыхъ можно привлечь въ ряды соціалистической партіи, лишь показавъ имъ, что она умѣетъ добиваться непосредственнаго улучшенія ихъ положенія, постепенно теряли приверженцевъ именно въ рядахъ рабочихъ, отъ имени которыхъ они выступали, между тѣмъ какъ „сектанты", съ каждымъ годомъ увеличивая свое вліяніе во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Франціи, превратились въ самую многочисленную и самую сознательную фракцію французскаго пролетаріата. Ослабленію поссибилистовъ содѣйствовалъ новый расколъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ былъ неизбѣжно произойти. Послѣ раскола 1882 г. за поссибилистами послѣдовали почти однѣ только организаціи, существовавшія въ Парижѣ и группировавшія, рядомъ съ чисто-рабочими элементами, всевозможныхъ представителей господствующаго во французской столицѣ мелкобуржуазнаго населенія. „Политика непосредственныхъ результатовъ", которая при тогдашнемъ распредѣленіи общественныхъ силъ во Франціи, никакихъ „положительныхъ" результатовъ рабочему классу, въ сущности, давать не могла, выражала не нетерпѣніе, съ которымъ рабочіе якобы ожидали матеріальныхъ „осязательныхъ побѣдъ", а жажду нѣкоторыхъ ихъ вожаковъ поскорѣе добиться вліятельнаго политическаго положенія, ихъ неспособность къ планомѣрной работѣ, разсчитанной на довольно продолжительное время. Больше того, эта политика непосредственныхъ результатовъ, при тогдашнемъ соотношеніи политическихъ силъ (когда рабочіе могли стать силою, способною добиваться даже непосредственныхъ уступокъ отъ буржуазіи, лишь организовавшись въ самостоятельную революціонную партію, что блестяще доказано было послѣдующими событіями), должна была фатально свестись къ политикѣ антирабочей по существу. И дѣйствительно, въ 1890 г. въ лагерѣ поссибилистовъ происходитъ новый расколъ, причемъ всѣ рабочіе элементы выдѣляются во фракцію аллеманистовъ (по имени ихъ вожака — Аллемана), а за Бруссомъ (отсюда ихъ кличка — бруссисты) послѣдовали одни лишь мелкобуржуазные элементы. Послѣдніе съ тѣхъ поръ влачатъ жалкое существованіе, теряя одну группу за другою, которыя разсѣялись по разнымъ организаціямъ или перешли въ ряды независимыхъ. Сейчасъ вся фракція бруссистовъ представляетъ собою небольшой штабъ изъ нѣсколькихъ старыхъ вожаковъ, лишенныхъ какой бы то ни было арміи. — Аллеманисты, отдѣлавшись отъ бруссистовъ, представляли собою нѣсколько лѣтъ довольно солидную организацію, которая, однако, въ виду самаго состава ея членовъ, осуждена была на скорое исчезновеніе. Дѣло въ томъ, что послѣ этого раскола въ ихъ рядахъ очутились почти всѣ парижскіе рабочіе синдикаты, и такъ какъ въ 90-хъ годахъ профессіональное движеніе во Франціи дѣлаетъ довольно значительные успѣхи, то фракція аллеманистовъ въ теченіе нѣкотораго времени не переставала разростаться. Этой-то по преимуществу профессіональной организаціи Аллеманъ и его товарищи стремились придать характеръ политической партіи, но почва для такого превращенія оказалась, конечно, какъ нельзя менѣе благопріятной. Не останавливаясь на многихъ разныхъ противорѣчіяхъ, которыя можно было наблюдать въ программахъ и дѣятельности этой партіи, отмѣтимъ лишь, что какъ средство противъ всѣхъ золъ она, въ концѣ концовъ, выставила „всеобщую стачку". Но со второй половины 90-хъ годовъ во Франціи, вслѣдъ за Германіею, начинается процессъ сплоченія синдикатовъ и ихъ выдѣленія въ общую самостоятельную профессіональную организацію (Confédération générale du travail). Этимъ нанесенъ былъ смертельный ударъ фракціи аллеманистовъ. Синдикаты покинули ихъ ряды, мелкіе расколы довершили остальное; нѣкоторыя группы перешли къ бланкистамъ, другія выдѣлились въ самостоятельную организацію — упомянутый выше „коммунистическій союзъ", такъ что сейчасъ аллеманисты обладаютъ кое-какими силами въ одномъ лишь 11-мъ избирательномъ округѣ Парижа.

Такимъ образомъ, главную, если не единственную, силу мильерандистовъ и жоресистовъ составляютъ такъ-наз. „независимые". Что-же представляютъ собою эти послѣдніе? Когда въ началѣ 90-хъ годовъ начался процессъ сплоченія соціалистическихъ организацій, независимыми стали называть всѣхъ, кто не принадлежалъ ни къ одной изъ старыхъ соціалистическихъ организацій. Независимыхъ ничто не объединяло тогда; у нихъ не было никакой опредѣленной физіономіи. Правда, лишь въ рядахъ независимыхъ можно было встрѣтить такихъ „соціалистовъ", которые, какъ мы видѣли въ предыдущемъ письмѣ, не признавали ни принципа классовой борьбы, ни коллективизма, ни интернаціонализма; правда также, что именно къ „независимымъ соціалистамъ" уходили всѣ тѣ крайніе радикалы, которые объявляли себя „соціалистами" потому только, что имъ не нравилась сонливая, бездѣятельная радикальная партія; но рядомъ съ этими буржуазно-демократическими элементами въ рядахъ независимыхъ числились и искренніе, сознательные соціалисты-революціонеры, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, покинули старыя организаціи, либо не присоединялись къ нимъ, полагая, что такимъ образомъ содѣйствуютъ скорѣйшему объединенію соціалистическихъ силъ въ одну партію. Можно даже сказать, что до поры до времени именно эти послѣдніе задавали тонъ среди независимыхъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь Мильерана въ Saint-Mandé, очистившая, какъ мы видѣли, парламентскую фракцію отъ буржуазно-радикальныхъ элементовъ, удалила ихъ отчасти и изъ рядовъ независимыхъ, гдѣ вообще прислушивались къ голосу вожаковъ старыхъ организацій. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ усиливались объединительныя тенденціи, въ рядахъ независимыхъ росло недовольство по отношенію къ старымъ организаціямъ, которыя, дорожа результатами, достигнутыми цѣною столькихъ усилій, очень осторожно шли къ объединенію. Рѣзкую границу между независимыми и старыми организаціями впервые провело дѣло Дрейфуса. Между тѣмъ какъ старыя организаціи послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выступили приверженцами политики нейтралитета, нѣкоторые вожаки независимыхъ, съ Жоресомъ во главѣ, требовали энергичнаго вмѣшательства партіи. Между старыми организаціями и независимыми установились прямо враждебныя отношенія, и послѣдніе находили себѣ опору не только въ симпатіяхъ, которыя публично выражали имъ соціалисты всего міра, но и въ тѣхъ новыхъ силахъ, которыя со всѣхъ сторонъ къ нимъ стали стекаться. „Соціализмъ" снова вошелъ въ моду, но тогда какъ въ 1896 г., по требованію старыхъ организацій, программою Saint-Mandé проведена была рѣзкая граница на правомъ флангѣ соціалистической партіи, теперь независимые, предоставленные самимъ себѣ, быстро шли по наклонной плоскости и скоро договорились... до сотрудничества классовъ. Милльеранъ сталъ министромъ, но и будучи министромъ не переставалъ заявлять, что остается вѣренъ программѣ Saint-Mandé. Оказалось, что „борьба классовъ", „коллективизмъ" и „интернаціонализмъ" вовсе не такъ страшны, что подъ ихъ знаменемъ мирно уживается самый обыкновенный оппортунизмъ, — и къ независимымъ снова хлынули всѣ тѣ, которые съ такимъ „патріотизмомъ" покинули ихъ въ 1896 г., послѣ рѣчи въ Saint-Mandé. Но вступленіе Милльерана въ министерство послужило, какъ извѣстно, причиною созыва однодневнаго конгресса 1899 г., который и вотировалъ объединеніе, причемъ на нѣкоторое время старыя организаціи сохраняли автономію, а независимые обязаны были объединиться въ особую организацію. Это объединеніе независимыхъ вскорѣ и произошло, причемъ въ каждомъ департаментѣ образовались „автономныя федераціи", объединявшіяся лишь „генеральнымъ комитетомъ" партіи, въ которомъ засѣдали представители, избранные старыми организаціями и автономными федераціями.

Вопросъ объ оппортунизмѣ Мильерана и Жореса затемнялся и какъ бы отодвигался на задній планъ вопросомъ объ объединеніи. Ненормальность положенія, при которомъ Мильеранъ, посовѣтовавшись лишь съ нѣсколькими своими послѣдователями, могъ такъ связать всю партію, бросилась всѣмъ въ глаза, и необходимость объединенія стала очевидной для всѣхъ. Со всѣхъ сторонъ стали требовать, чтобы его немедленно осуществили, но старыя организаціи требовали теперь еще большей осторожности, требовали гарантій противъ поднявшаго голову оппортунизма. Мильерандисты и жоресисты ловко пользовались этимъ положеніемъ, выступая страстными защитниками идеи полнаго объединенія и выставляя старыя организаціи ея единственными противниками. Независимые, поэтому, сплотились вокругъ жоресистовъ на почвѣ объединительнаго движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что вступленіе Мильерана въ министерство вызвало вначалѣ сочувствіе какъ среди профессіональныхъ рабочихъ организацій, такъ и среди огромнѣйшаго большинства независимыхъ. И въ самомъ дѣлѣ: республика „была въ опасности", и либеральная буржуазія нуждалась въ поддержкѣ рабочаго класса. Рабочіе синдикаты на время перестали преслѣдоваться правительствомъ.

имъ легче стало дышаться, фабричная инспекція стала требовать соблюденія законовъ, впереди заманчиво сіялъ длинный рядъ „великихъ соціальныхъ реформъ“, которымъ загодя пѣли гимны въ ежедневной соціалистической прессѣ, которая вся была въ рукахъ мильерандистовъ. Независимые и рабочіе изъ профессіональныхъ организацій заняли выжидательное положеніе, съ нескрываемымъ сочувствіемъ слѣдя за первыми шагами „министра-соціалиста“. Извѣстно, какъ министръ отвѣтилъ на ожиданія раб. массы. Ткачи въ Калэ, портовые рабочіе въ Марсели, углекопы въ Монсолэ-Минъ и др. увидѣли на практикѣ всѣ прелести „новаго метода“, а профессіональный рабочій міръ съ негодованіемъ отвергаетъ „великія реформы“ апостола „соціальнаго мира“.

Въ настоящее время огромное большинство рабочихъ враждебно мильерандизму и жоресизму, а остальная часть относится къ нему индифферентно; и среди независимыхъ приверженцами теоріи сотрудничества классовъ являются только не-соціалисты, — тѣ, что хлынули въ партію, когда увидѣли, что между соціализмомъ новой формаціи и буржуазнымъ демократизмомъ нѣтъ никакой разницы; всѣ остальные враждебны этой теоріи; ихъ и жоресистовъ объединяетъ лишь то, что Жоресъ очень ловко пользуется ихъ желаніемъ во что бы то ни стало добиться объединенія партіи.

Таково было настроеніе различныхъ организацій передъ ліонскимъ конгресомъ. Это былъ, какъ извѣстно, экстраординарный съѣздъ, созванный по рѣшенію парижскаго съѣзда 1900 г., со спеціальною цѣлью — окончательно осуществить полное объединеніе партіи. Передъ самымъ открытіемъ съѣзда Вальянъ въ рядѣ статей въ „Petit Sou“ предупреждалъ Жореса и его товарищей, что объединеніе можетъ осуществиться лишь при томъ условіи, чтобы партія въ цѣломъ безповоротно осудила теорію сотрудничества классовъ, заняла по отношенію къ министерству Вальдека-Руссо вполнѣ независимое положеніе, руководясь въ своей политикѣ исключительно интересами пролетаріата, которые враждебны интересамъ всѣхъ фракцій буржуазіи, и чтобы принятому въ этомъ смыслѣ рѣшенію безпрекословно подчинялись всѣ члены партіи. Если же жоресисты не желаютъ принять этихъ условій, то лучше прекратить разговоры объ объединеніи и вернуться къ прежней системѣ федеративнаго соглашенія, съ сохраненіемъ полной автономіи существующихъ организацій, потому что желаніе во что бы то ни стало провести полное объединеніе можетъ привести, при существующихъ рѣзкихъ разногласіяхъ, лишь къ формальному разрыву. Если бы условія Вальяна были приняты, соціалистическая партія вышла бы изъ того тупого переулка, въ который привела ее политика мильерандистовъ и жоресистовъ. Жоресъ предпочелъ продолжать пользоваться тѣмъ рядомъ недомолвокъ и недоразумѣній, на почвѣ которыхъ онъ группировалъ вокругъ себя независимыхъ. Ліонскій съѣздъ — говорилъ онъ — созванъ со спеціальной цѣлью осуществить объединеніе; онъ не имѣетъ права заниматься другими вопросами; что же до участія соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ, то вопросъ этотъ уже рѣшенъ партіею принципіально въ отрицательномъ смыслѣ, и онъ, Жоресъ, какъ и его товарищи подчиняются этому рѣшенію партіи, т. е. они будутъ считать измѣнникомъ всякаго, кто впредь, безъ разрѣшенія партіи, войдетъ въ буржуазное министерство; но т. к. Мильеранъ совершилъ свой актъ подъ своею личною отвѣтственностью, еще до того, какъ состоялось принципіальное рѣшеніе партіи, то послѣднее на него не распространяется. Жоресъ, такимъ образомъ, сознательно шелъ на разрывъ, въ то же время не переставая, на словахъ, защищать объединеніе, чтобы не лишиться поддержки независимыхъ.

Но, не смотря на все краснорѣчіе Жореса, многія организаціи среди независимыхъ понимали, что, если не устранить главнаго препятствія къ объединенію — вопроса о Мильеранѣ, то съѣздъ неминуемо завершится расколомъ. Поэтому онѣ рѣшили во что бы то ни стало поднять этотъ вопросъ на съѣздѣ и рѣшительно покончить съ нимъ. И дѣйствительно, въ первый же день съѣзда было внесено слѣдующее предложеніе:

„Принимая во вниманіе, что существенная задача съѣзда — устранить препятствія къ объединенію соціалистическихъ силъ во Франціи; принимая во вниманіе, что присутствіе въ министерствѣ депутата, нѣкогда принадлежавшаго къ парламентской соціалистической группѣ, благопріятствуетъ внутреннимъ раздѣленіямъ въ партіи; принимая во вниманіе, что этотъ вопросъ объ участіи въ буржуазномъ правительствѣ окончательно рѣшенъ по отношенію къ прошлому и будущему, но не по отношенію къ настоящему, —

съѣздъ заявляетъ разъ навсегда, что Мильеранъ, самъ поставившій себя внѣ предѣловъ партіи, войдя въ министерство подъ своею личною отвѣтственностью и иниціативою, не могъ связать соціалистическую партію, которой онъ не представляетъ; и, сверхъ того, заявляетъ, что поведеніе партіи по отношенію къ настоящему министерству должно быть то-же, что и по отношенію ко всякому другому буржуазному министерству“.

Эта резолюція, подписанная представителями девяти автономныхъ федерацій, представителями синдикатовъ и многими отдѣльными лицами (что составляетъ добрую треть всѣхъ силъ, принадлежащихъ къ независимымъ), была составлена въ столь категорическихъ и не допускающихъ превратныхъ толкованій выраженіяхъ, такъ ясно рѣшала вопросъ, бывшій въ данный моментъ единственнымъ препятствіемъ къ объединенію, что соц.-революціонная партія (бывшіе бланкисты), коммунистическій союзъ и нѣкоторыя автономныя организаціи, раздѣляющія ихъ политику, поспѣшили къ ней присоединиться. „Страстное желаніе“ Жореса и его товарищей — объединеніе партіи — могло, наконецъ, осуществиться. Но имъ нужно было только продолжать играть ту двойственную игру, которая расколола начавшуюся было объединяться партію, ибо въ объединенной партіи они составили бы ничтожное меньшинство, которое не пользовалось бы никакимъ вліяніемъ... И вотъ, послѣ долгихъ переговоровъ въ коммиссіи, жоресисты предложили небольшую поправку: сохранивъ весь текстъ приведенной выше резолюціи, они замѣнили лишь слова „самъ поставившій себя внѣ предѣловъ партіи“ словами: „поставившій себя внѣ контроля партіи“. Т. е. вмѣсто яснаго и рѣшительнаго заявленія, что соціалистъ, ставшій министромъ, ничего общаго съ партіей пролетаріата не имѣетъ, жоресисты предложили заявить, что такой „соціалистъ“ можетъ продолжать министерствовать за свой личный страхъ, не считаясь тѣмъ самымъ вышедшимъ изъ партіи. Выходило, что создается новый разрядъ соціалистовъ „въ отпуску“, которые за своею отвѣтственностью могутъ дѣлать все, что угодно, вплоть до измѣны партіи. Понятно, что „сектанты“ Вальянъ и его товарищи оказались достаточно „узкими“, чтобы не принять этой „широкой“ точки зрѣнія...

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мы получили отъ Центральнаго Комитета Всеобщаго Еврейскаго союза слѣдующее письмо:

Многоуважаемые товарищи! Не откажитесь помѣстить въ вашемъ органѣ нижеслѣдующее разъясненіе.

Въ ном. 7 „Искры“ появилась замѣтка о 4-мъ съѣздѣ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи („Бунда“). Тамъ авторъ, „откладывая до другого мѣста обстоятельный разборъ позиціи, занятой Бундомъ по національному вопросу“, ограничивается пока нѣсколькими замѣчаніями о резолюціяхъ, принятыхъ съѣздомъ по національному вопросу и по вопросу объ отношеніяхъ къ Рос. С.-Д. Р. П. Такъ какъ въ означенной замѣткѣ заключается не мало крупныхъ недоразумѣній и неточностей, то, во избѣжаніе повторенія ихъ въ предстоящемъ „обстоятельномъ разборѣ“, мы считаемъ необходимымъ немедленно ихъ разъяснить. Къ сожалѣнію, ограниченность мѣста заставляетъ насъ быть весьма краткими.

Прежде всего о „національной автономіи“. 4-й съѣздъ Бунда, какъ извѣстно, признаетъ, что „государство, подобное Россіи, состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ территоріи ими обитаемой“. Что такое эта полная національная автономія, въ „Отчетѣ съѣзда“ выяснено съ достаточной опредѣленностью. На стр. 11 можно прочесть: „...съ полной автономіей каждой изъ нихъ (національностей) по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ національности (языкъ, образованіе, искусство и т. д.)“.

Итакъ, вся остальная громадная масса вопросовъ, въ которыхъ данная группа населенія заинтересована не какъ національность, а какъ граждане государства, какъ жители провинціи или обитатели города и т. п. — подлежитъ вѣдѣнію всѣхъ обитателей территоріальной единицы безъ различія національностей. Считаемъ нужнымъ это разъяснить потому, что изъ разбираемой замѣтки можно было вынести такое впечатлѣніе, что авторъ предполагаетъ, будто съѣздъ подъ національной автономіей разумѣлъ полное самоуправленіе по всѣмъ вопросамъ. Иначе, чѣмъ объяснить его догадки о будущихъ самоуправляющихся мѣстечкахъ, „еврейскихъ кварталахъ“, его толки о большинствѣ и меньшинствѣ? Разъ національный вопросъ былъ возбужденъ, то съѣздъ, какъ высшая инстанція соціал-демократической организаціи, иначе не могъ его рѣшить. Разъ специфическія права національностей попираются въ нынѣшнихъ государствахъ, Бундъ долженъ былъ высказаться противъ такого гнета, а, слѣдовательно, онъ долженъ былъ остановиться на такой формѣ сосуществованія національностей, при которой, по его мнѣнію, ихъ права могутъ наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечиваться. Слѣдовательно, спорнымъ могъ остаться лишь вопросъ о примѣнимости всего этого къ евреямъ. Но можетъ-ли національность, сознающая себя таковой, не признавать себя ею открыто, а признавая, отказываться отъ того, что она считаетъ правомъ всякой другой національности?

Что касается вопроса, „въ какихъ формахъ можно будетъ осуществить эту автономію для милліоновъ населенія, не занимающихъ сплошной территоріи, но разсѣенныхъ между сплошнымъ населеніемъ...“, то это теперь въ сущности праздный вопросъ. Его также преждевременно теперь разбирать, какъ и вопросъ о формахъ, въ которыхъ осуществится соціализмъ. Во всякомъ случаѣ, та точка зрѣнія, изъ которой исходилъ съѣздъ, меньше всего подаетъ поводъ связывать съ понятіемъ „національная автономія“ чисто территоріальныя обозначенія. Однако, обосновывая такимъ образомъ теоретически свой взглядъ на національную проблему, практически 4-й съѣздъ, отвергнувъ выставленіе національныхъ требованій, сохранилъ ту же позицію, что и третій съѣздъ, и авторъ замѣтки не правъ, когда, противопоставляя одинъ другому, онъ хочетъ тѣмъ сдѣлать болѣе ѣдкимъ укоръ послѣднему съѣзду. Эта часть резолюціи гласитъ, какъ извѣстно, слѣдующее: „считая однако преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованіе національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленія угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму“ (стр. 15 отчета).

Предоставляемъ безпристрастному читателю судить, насколько основательны возводимыя авторомъ на Бундъ обвиненія въ „націоналистическихъ увлеченіяхъ“ и въ „стремленіи совершенно искусственно втиснуть еврейское раб. движеніе въ русло націонализма“.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу, объ отношеніяхъ Бунда къ Рос. С.-Д. Р. П. Авторъ, къ сожалѣнію, при цитированіи резолюціи, не привелъ заключительныхъ словъ ея, имѣющихъ весьма существенное значеніе и дѣлающихъ совершенно излишними его дальнѣйшія разсужденія. Резолюція гласитъ: „Представляя себѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партію, какъ федеративное соединеніе соц.-демократическихъ партій всѣхъ націй, населяющихъ россійское государство, съѣздъ постановилъ, чтобы Бундъ, какъ представитель еврейскаго пролетаріата, вступилъ въ нее, какъ федеративная часть, и поручаетъ Центральному Комитету Бунда провести это рѣшеніе въ жизнь“ (стр. 17 отчета).

Эти послѣднія подчеркнутыя нами слова авторъ почему-то счелъ нужнымъ опустить и замѣнить совершенно неумѣстнымъ здѣсь „и т. д.“ Сдѣлалъ-ли онъ это изъ экономіи, чтобы выгадать одну строчку? Сомнительно, такъ какъ онъ не пожалѣлъ мѣста, чтобы процитировать цѣликомъ изъ отчета изложеніе дебатовъ при изложеніи даннаго вопроса. А между тѣмъ эти пропущенныя слова даютъ ясный для всякаго отвѣтъ на бросаемое авторомъ съѣзду обвиненіе въ незаконности принятаго рѣшенія. На съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи характера отношеній Бунда къ Партіи. Съѣздъ обсудилъ и рѣшилъ, что лучше и удобнѣе Бунду входить въ нее федеративной частью, а не автономной, и онъ поручилъ Ц. К. провести это рѣшеніе въ жизнь, т. е. внести такое предложеніе на ближайшемъ съѣздѣ Партіи. „Незаконнымъ“ можно было бы назвать образъ дѣйствія съѣзда, если бы онъ безо всякихъ околичностей уже призналъ Бундъ федеративной частью. Но онъ именно этого и не сдѣлалъ. Не можемъ тутъ же не отмѣтить, что въ „законности“ своихъ дѣйствій Бундъ долженъ отдавать отчетъ только Центральному Комитету Партіи или ея съѣздамъ, а никоимъ образомъ отдѣльнымъ входящимъ въ ея составъ организаціямъ, а тѣмъ менѣе группамъ, о принадлежности которыхъ къ партіи другихъ данныхъ, кромѣ заголовка на ихъ изданіяхъ, покамѣстъ не существуетъ.

Автора смутили начальныя слова резолюціи: „Представляя себѣ Рос. С.-Д. Р. П., какъ федеративное соединеніе...“. Но изъ всего сказаннаго въ отчетѣ, а въ особенности изъ вышеупомянутыхъ заключительныхъ словъ резолюціи (опущенныхъ авторомъ въ своей замѣткѣ) какъ нельзя лучше явствуетъ, что съѣздъ представлялъ себѣ партію федеративнымъ соединеніемъ въ будущемъ. То, что надо еще провести въ жизнь, очевидно, существуетъ пока лишь in potentia, въ возможности. Ясно далѣе, что совершенно ошибочны увѣренія автора, будто Бундъ фактически выступилъ изъ Партіи, потому де, что для вступленія въ нее на федеративныхъ началахъ надо раньше изъ нея выступить. Актъ „выступленія“ и „вступленія“ можетъ совершиться въ тотъ и только въ тотъ моментъ, когда съѣздъ Партіи приметъ федеративный принципъ и пожелаетъ соотвѣтственно ему преобразовать партію*). Духовная связь Бунда съ Партіей въ программномъ отношеніи и реальная связь его съ ея комитетами (которая вызывается жизнью и крайне плодотворна съ точки зрѣнія революціоннаго движенія, но, увы, быть можетъ, „незаконна“) остались и останутся такъ же крѣпкими и нерушимыми, какъ до 4-го съѣзда и заключительный выводъ автора, будто бы „первый же шагъ (?) на пути открытаго выставленія принципа еврейскаго націонализма (?) ознаменовался ослабленіемъ организаціонной связи между еврейскимъ и общерусскимъ рабочимъ движеніемъ“ такъ же невѣрно, какъ и всѣ предыдущіе.

Что касается другихъ замѣчаній автора, какъ напр., историческая справка его о первоначальныхъ задачахъ Бунда, аппеляція къ еврейскимъ товарищамъ юга и др., то мы принуждены оставить ихъ пока безъ отвѣта, т. к. письмо наше слишкомъ растянулось.

Просимъ другіе органы, перепечатавшіе замѣтку „Искры“, напечатать также и наше разъясненіе.

29 августа (11 сентября) 1901 г.

Центральный Комитетъ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

*) Однако, четвертый съѣздъ, для котораго отсутствіе центральнаго связующаго учрежденія въ Партіи не составляло тайны, и у котораго въ скоромъ осуществленіи столь желаннаго и необходимаго второго съѣзда Партіи не было увѣренности, уполномочилъ Ц. К. Бунда, если окажется возможнымъ и полезнымъ, провести федеративный принципъ въ жизнь частично (напр., въ отношеніяхъ между Заграничнымъ Комитетомъ Бунда и заграничными русскими соц.-демократическими организаціями).

Центральный Комитетъ хочетъ насъ увѣрить, что подъ „полной автономіей“, которою, согласно резолюціи съѣзда, должны пользоваться евреи въ будущей Россіи, имѣющей преобразоваться въ „федерацію національностей“, — что подъ этой „полной автономіей“ подразумѣвается только „автономія въ вопросѣ объ языкѣ, образованіи, искусствѣ и т. д.“. Одно изъ двухъ: или Ц. К. хочетъ сказать, что подъ „полной автономіей“ съѣздъ разумѣлъ только право печатать газеты, говорить на собраніяхъ и давать театральныя представленія на еврейскомъ жаргонѣ, устраивать еврейскія школы и т. д. Но въ такомъ случаѣ Бундъ сначала долженъ провозгласить свою „автономію“ въ дѣлѣ произвольнаго употребленія словъ, имѣющихъ совершенно опредѣленное значеніе на всѣхъ языкахъ, ибо отъ свободы языка до „полной автономіи“ еще очень далеко; и тогда не зачѣмъ было говорить о „федераціи національностей“, такъ какъ упомянутая свобода языка и культуры не ставитъ еще національность въ федеративныя отношенія къ другимъ національностямъ. Или же рѣчь шла о признаніи еврейскаго языка „государственнымъ“ для извѣстной области, объ устройствѣ казенныхъ еврейскихъ университетовъ и т. п. правахъ, и въ такомъ случаѣ имѣется въ виду дѣйствительная автономія, имѣется въ виду нѣчто подобное „еврейскому царству съ собственной полиціей, жандармеріей, съ собственнымъ чиновничествомъ и съ собственнымъ правительствомъ“, какъ иронически выражался Бундъ три года тому назадъ, говоря о ціонистахъ, къ которымъ онъ теперь такъ приблизился (см. „Работникъ“, ном. 5-6, стр. 102). А въ такомъ случаѣ остается умѣстнымъ поставленный нами вопросъ: въ предѣлахъ какой территоріи оснуется это автономное „царство“? Превращеніе Россіи въ федерацію національностей означаетъ выдѣленіе каждой національности въ особое — въ извѣстныхъ предѣлахъ самоуправляющееся — цѣлое, которое по самой сути федеративнаго строя не можетъ не быть пріурочено къ извѣстной территоріи.

Мы очень рады, что теперь Ц. К. Бунда не мечтаетъ о такой автономіи. Но такъ какъ резолюціи съѣзда говорятъ совершенно противоположное тому, что утверждаетъ Ц. К., то мы попросимъ его сначала столковаться со своей организаціей о томъ, чего она собственно хочетъ.

Ц. К. насъ обвиняетъ въ умышленномъ пропускѣ заключительныхъ словъ изъ резолюціи съѣзда, говорящей объ отношеніи Бунда къ Партіи. Пропускъ этотъ представляется ему столь искажающимъ смыслъ резолюціи, что онъ не можетъ воздержаться отъ намека: не даромъ, дескать, это сдѣлано Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ опущенныя слова еще усиливаютъ самовластный характеръ рѣшенія съѣзда, то вся эта попытка набросить тѣнь на нашу добросовѣстность является покушеніемъ съ негодными средствами. Никто, кромѣ Ц. К., не скажетъ, что слова: „провести въ жизнь“ извѣстное рѣшеніе означаетъ: передать на разсмотрѣніе партіи наше предложеніе. Если мы были правы, говоря, что вопросъ о своемъ положеніи въ Партіи Бундъ не компетентенъ рѣшить своею властью, съ чѣмъ, видимо, соглашается Ц. К., то изъ этого слѣдуетъ, что Бундъ не можетъ никого уполномочить „провести въ жизнь“ рѣшеніе, не имѣющее законной силы. Одно дѣло предложеніе, другое дѣло — рѣшеніе. Предложенія вносятъ на обсужденіе, а рѣшенія проводятъ въ жизнь, имѣя на то право. Это толкованіе не сходится съ толкованіемъ Ц. К., но за то оно сходится съ законами логики, по отношенію къ которой „автономіи“ никому изъ насъ не предоставлено.

Съ большимъ остроуміемъ Ц. К. увѣряетъ, что слова „представляя себѣ Россійскую С.-Д. Раб. Партію“ и т. д. относятся къ будущему времени. Увы! и тутъ ея величество грамматика не позволяетъ дѣлать такихъ толкованій. Если мы, напр., скажемъ: „представляя себѣ руководителей Бунда людьми, плохо разбирающимися въ національномъ вопросѣ“, то всякій пойметъ это, какъ характеристику настоящаго, а не будущаго, и будетъ правъ. Опять-таки, очень утѣшительный фактъ, что Ц. К. хотя бы заднимъ числомъ старается „смягчить“ смыслъ черезчуръ ужъ „энергичной“ резолюціи. Это показываетъ, что онъ испугался послѣдствій того шага, который сдѣланъ съѣздомъ. Это лучшее свидѣтельство того, что мы поступили правильно, обративъ вниманіе читателя на эту резолюцію. Остается только вопросомъ, принимаетъ-ли Бундъ, какъ цѣлое, толкованіе своего Ц. К.

Послѣдній, впрочемъ, однимъ примѣчаніемъ сводитъ на нѣтъ свое толкованіе, подтверждая тѣмъ самымъ, что съѣздъ все-таки своей властью измѣнилъ взаимныя отношенія Бунда и Партіи. Онъ разсказываетъ, что до съѣзда Партіи федеративное начало будетъ осуществляться „частично“ — въ отношеніи органовъ Бунда къ заграничнымъ с.-д. организаціямъ. Однако, до тѣхъ поръ, пока новыя организаціонныя отношенія не признаны партіей въ цѣломъ, не можетъ быть и рѣчи объ ихъ частичномъ проведеніи въ жизнь: ни одна русская с.-д. организація не можетъ безъ вѣдома всей партіи узаконить тѣ рѣшенія, которыя самъ Ц. К. въ своемъ письмѣ признаетъ имѣющими значеніе только предложеній, разсмотрѣть которыя долженъ съѣздъ Партіи. И всякая попытка Бунда воспользоваться временной организаціонной неурядицей въ Партіи, чтобы измѣнить „частично“ свое въ ней положеніе, всѣми, кому дороги интересы россійскаго движенія въ цѣломъ, будетъ встрѣчена съ тѣмъ большимъ осужденіемъ, чѣмъ болѣе невинный характеръ стараются ей придать.

Почтивъ нашу замѣтку пространнымъ письмомъ, Ц. К. „не можетъ не отмѣтить“, что „отчета“ въ законности своихъ дѣйствій Бундъ не долженъ отдавать никому, кромѣ Центр. Комитета Партіи. Не не только „отчета“, но и отвѣта на нашу замѣтку, писанную собственно для нашихъ читателей, никто отъ Ц. К. не спрашивалъ. Резолюціи Бунда, какъ и всѣхъ вообще организацій, подлежатъ свободному суду печати, и требуется изрядная политическая невоспитанность, чтобы, отвѣчая на поднятую полемику письмомъ въ нашемъ же органѣ, съ дѣтскимъ задоромъ заговорить о своемъ правѣ не давать „отчета“. Да вѣдь васъ никто за языкъ не тянулъ!

Что касается кивка въ сторону нѣкіихъ организацій, которыя не представили достаточно данныхъ о своей принадлежности къ партіи, то тутъ какъ будто говорится о чьемъ-то самозванствѣ („а паспортъ есть?“). Но по вопросу о „паспортѣ“ можно будетъ поговорить тогда, когда Ц. К. поставитъ точки на *i* и заявитъ, кого онъ имѣлъ въ виду. Мы поставили себѣ за правило пріучать людей совершать свои нападенія мужественно и открыто.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Товарищамъ, сообщившимъ для напечатанія свѣдѣнія о рабочихъ, выдававшихъ по харьковскому дѣлу. Къ сожалѣнію, въ такомъ видѣ ваше заявленіе не можетъ быть напечатано. Приводя фамиліи всѣхъ выдававшихъ рабочихъ, вы не упоминаете фамиліи того „интеллигента“, который, какъ вы же сообщаете, велъ себя такъ же позорно. Только при условіи оглашенія фамилій всѣхъ виновныхъ, не взирая на званіе, мы помѣстимъ заявленіе.

Нашимъ сѣверо-западнымъ представителемъ съ 3-го іюля по 1-е сентября собрано 108 р. 10 к. (отъ NN 50 р., отъ литовца 5 р., К. К. 1 р.; группа содѣйствія 28 р. 30 к., за литературу 23 р. 80 к.); московскимъ представителемъ собрано за іюнь 21 р. 64 к. (за литературу 10 р. 14 к., отъ Ш. за литературу 10 р. 50 к., за 1 экз. ном. 3 1 р.), за іюль 30 р. (за лит. 17 р., отъ Возн. 10 р., отъ Н. Н. за лит. 2 р., въ фондъ для работающихъ въ Россіи 1 р.); южнымъ отдѣломъ организаціи И. въ маѣ получено отъ тетушки 10 р., отъ инженера 15 р. — Отъ Большова 75 руб.

Черезъ Л. Ш. получено за послѣднее время отъ X 100 р., отъ Y 100 р., за литературу 64 р.

Отъ американскихъ товарищей для передачи въ стачечный фондъ 13 долларовъ (переслано въ Ив.-Вознесенскій районъ).

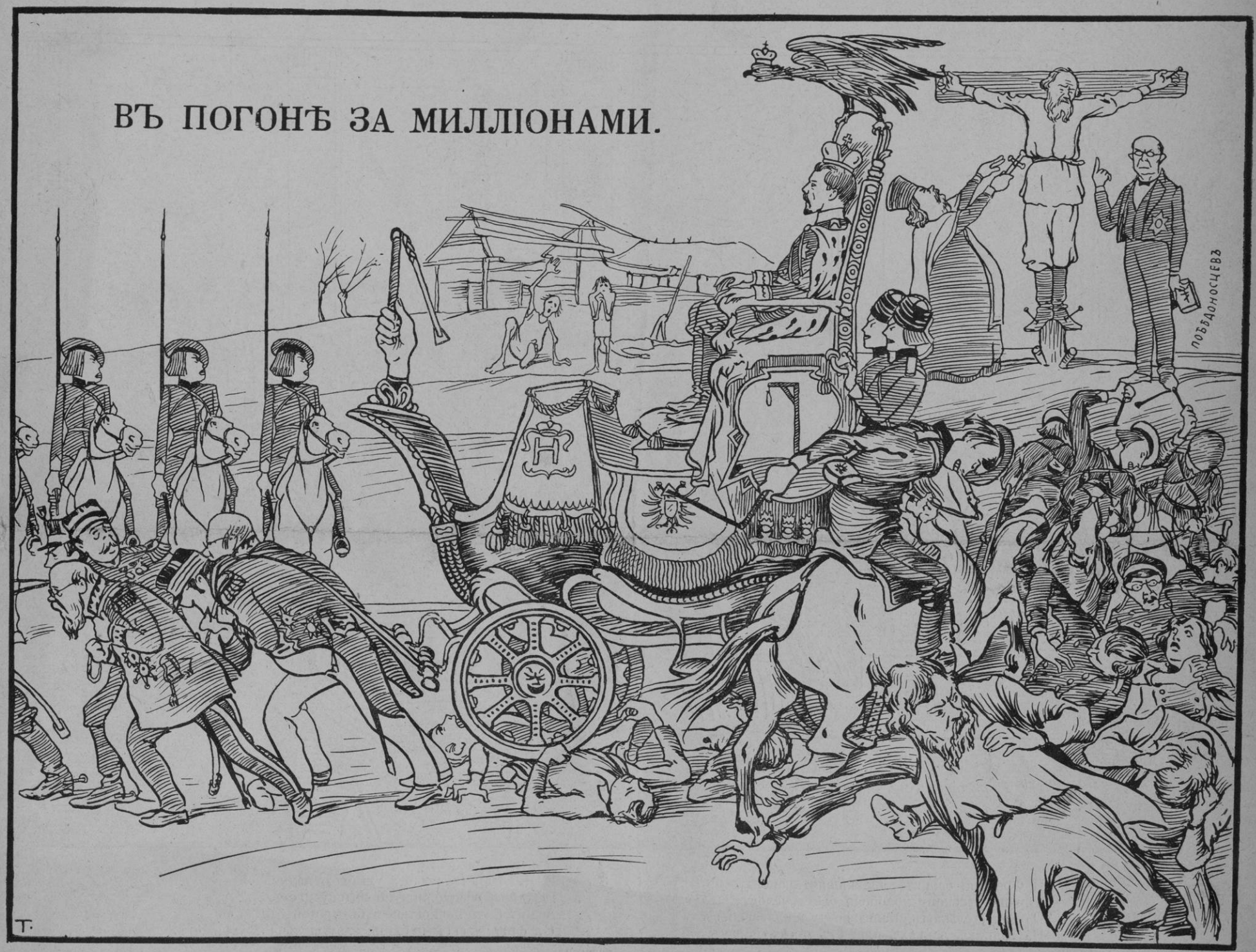
17852. Просимъ не писать на прежній адресъ. Постарайтесь достать другой, или дайте намъ адресъ, чтобы мы могли написать вамъ.

Вышло 2-ое изданіе бр. „Женщина-работница“ (тип. „Искры“).

Типографія „Искры“.

СЕНТЯБРЬ 1901 г.

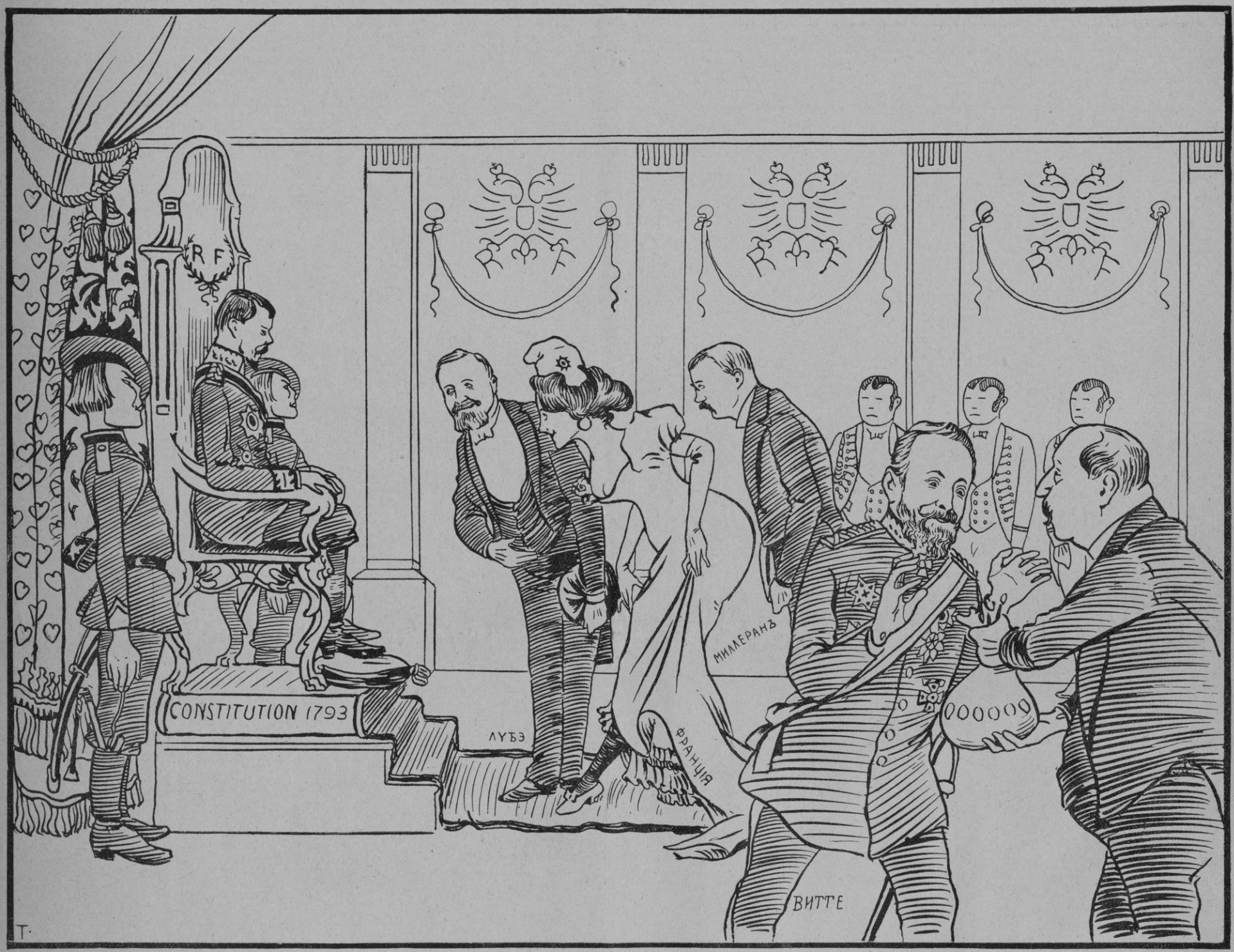
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ИСКРѢ“



Порядокъ водворенъ — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствіе царя,
И снова въ тьмѣ кромѣшной скрылась
На мигъ блеснувшая заря.

И онъ, счастливый царь несчастнаго народа,
Дождавшись, чтобы стихъ послѣдней битвы звукъ,
Во Францію, туда, гдѣ царствуетъ свобода,
Онъ ѣдетъ наполнять свой денежный мѣшокъ.

Каторга, тюрьма, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейскихъ, шпіоновъ...
Нужны намъ сотни милліоновъ.



И Франція, своихъ казнившая тирановъ,
Тирану русскому холопски бьетъ челомъ,
И стая Делькассэ, Вальдековъ, Милльерановъ
На заднихъ лапкахъ пляшетъ предъ царемъ.

И Николай Второй съ улыбкою надменной
Вождямъ республики по ордену даетъ,
А Витте съ ловкостью и быстротой отмѣнной
Съ французской публики златую шерсть стрижетъ.

Каторга, тюрьма, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейскихъ, шпіоновъ...
Много намъ нужно милліоновъ.

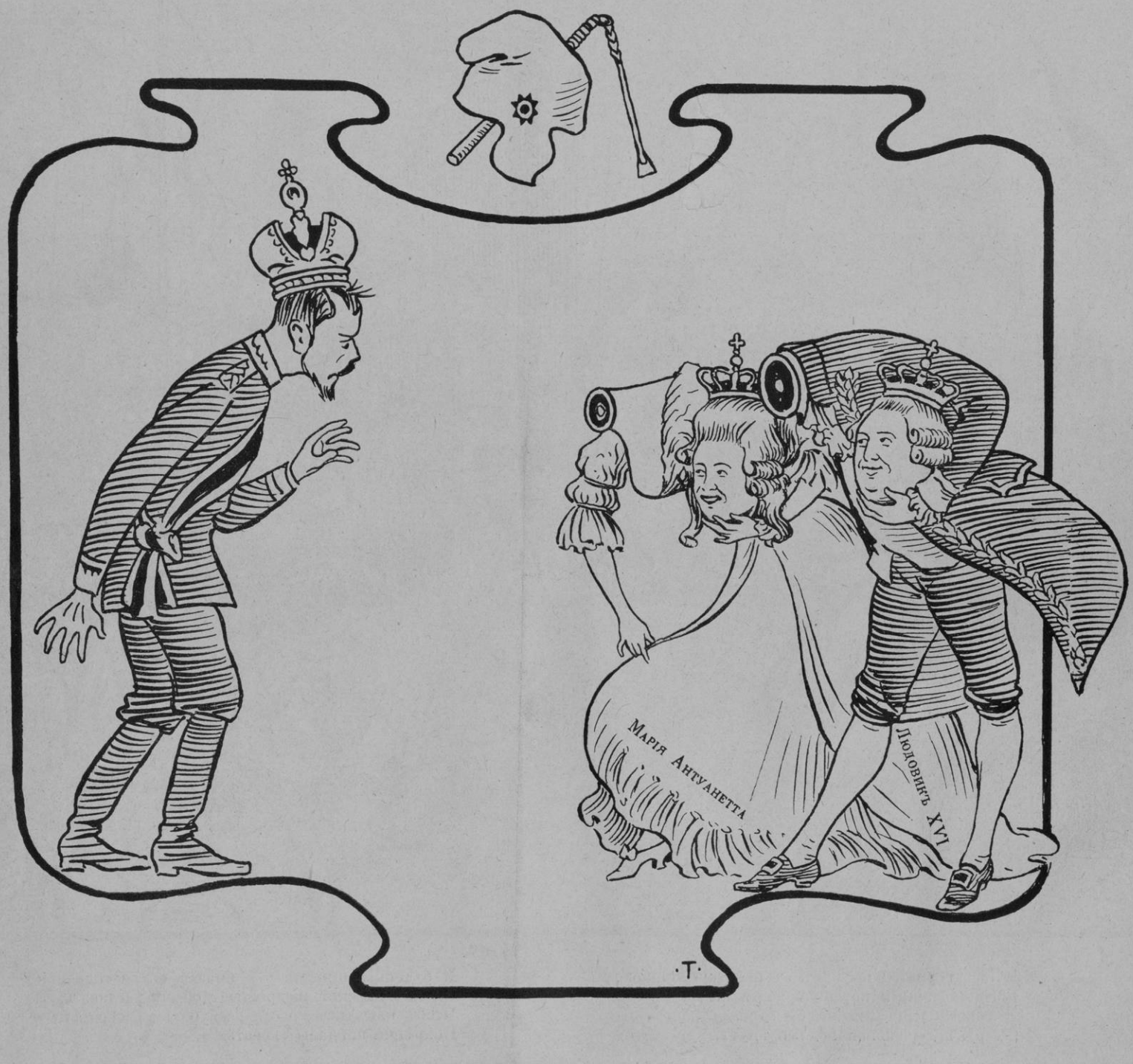
И онъ вернется къ намъ съ набитою мошною,
Богопомазанный порфироносный шутъ,
И снова засвиститъ надъ бѣдною страною
Въ рукѣ державной подлый кнутъ.

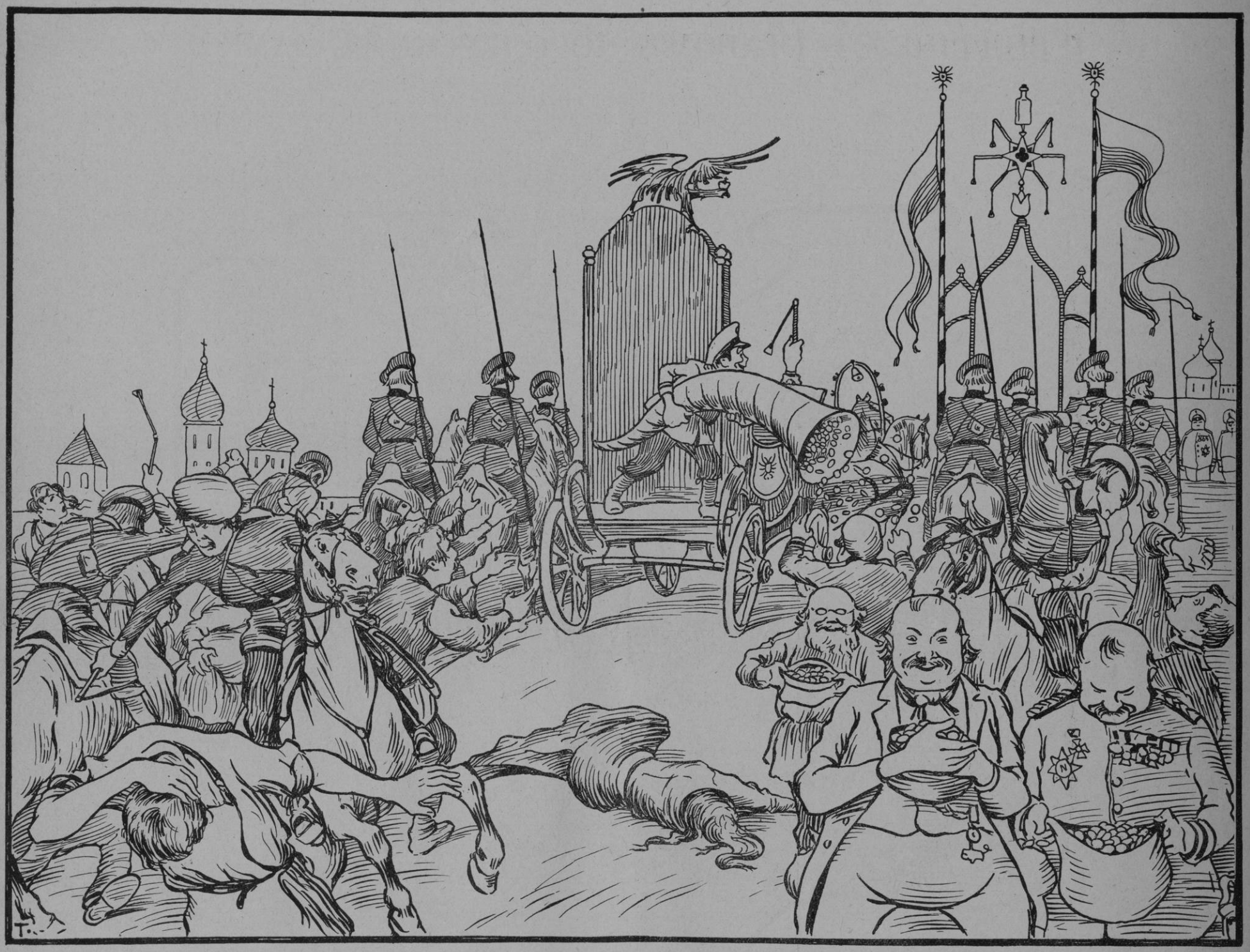
И будетъ хищникамъ — бичамъ земли голодной —
Онъ съ царской щедростью добычу раздавать,
Чтобъ намъ изъ золота республики свободной
Покрѣпче кандалы сковать.

Чтобъ заглушить всенародные стоны
Нужны милліоны, милліоны...

ВИДѢНІЕ ВЪ СТАРОМЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ЗАМКѢ.

(НЕПРІЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.)



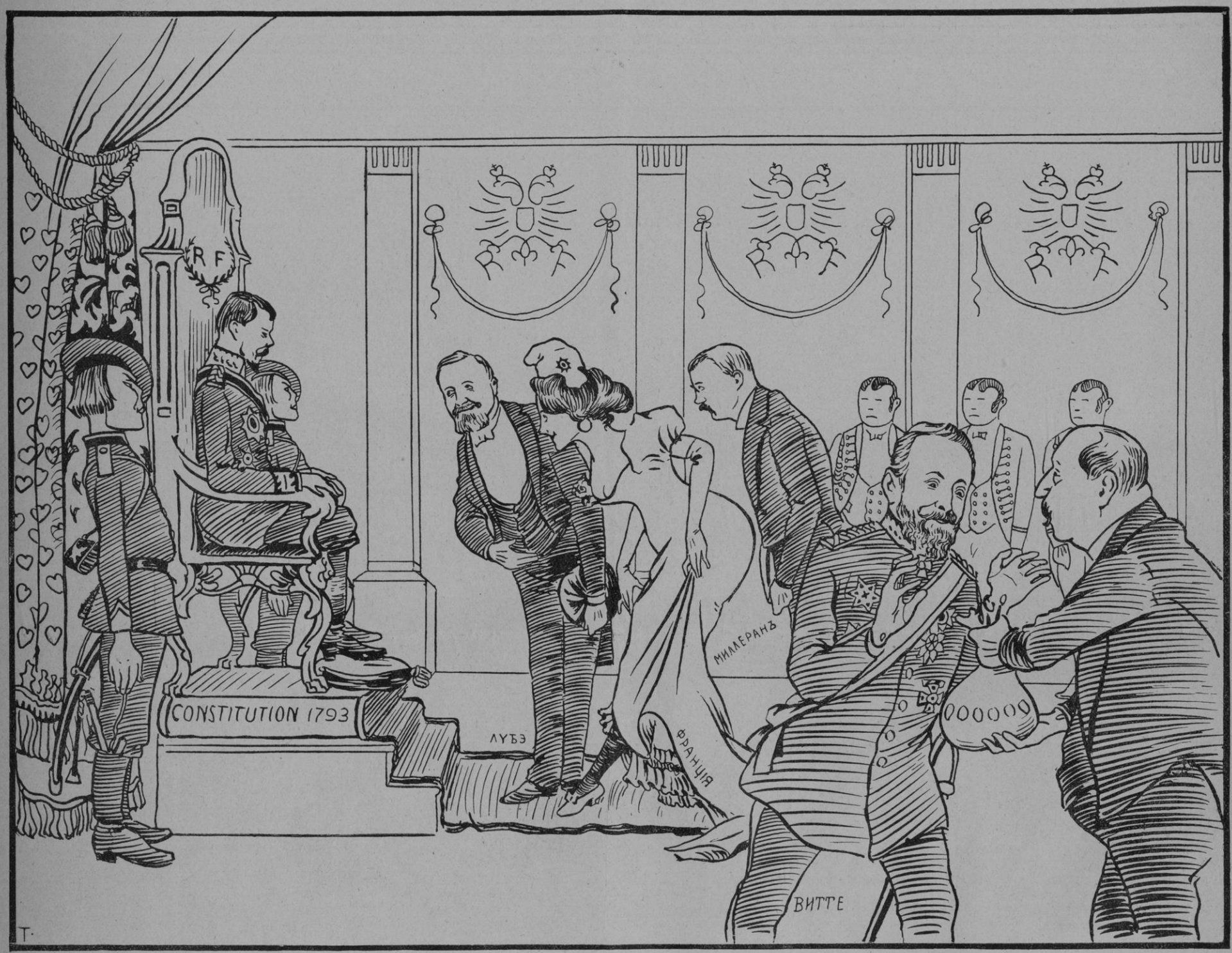


И онъ вернется къ намъ съ набитою мошною,
Богопомазанный порфироносный шутъ,
И снова засвиститъ надъ бѣдною страною
Въ рукѣ державной подлый кнутъ.

И будетъ хищникамъ — бичамъ земли голодной —
Онъ съ царской щедростью добычу раздавать,
Чтобъ намъ изъ золота республики свободной
Покрѣпче кандалы сковать.

Чтобъ заглушить всенародные стоны
Нужны милліоны, милліоны...

дѣйствіи пособій, которыя даются людямъ, „могущимъ обойтись“ позабылъ объ этомъ: гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства или Сипягинъ — что иные благотворители стараются возбудить въ „высокопоставленныя лица“ отдавали очень часто въ юности дань

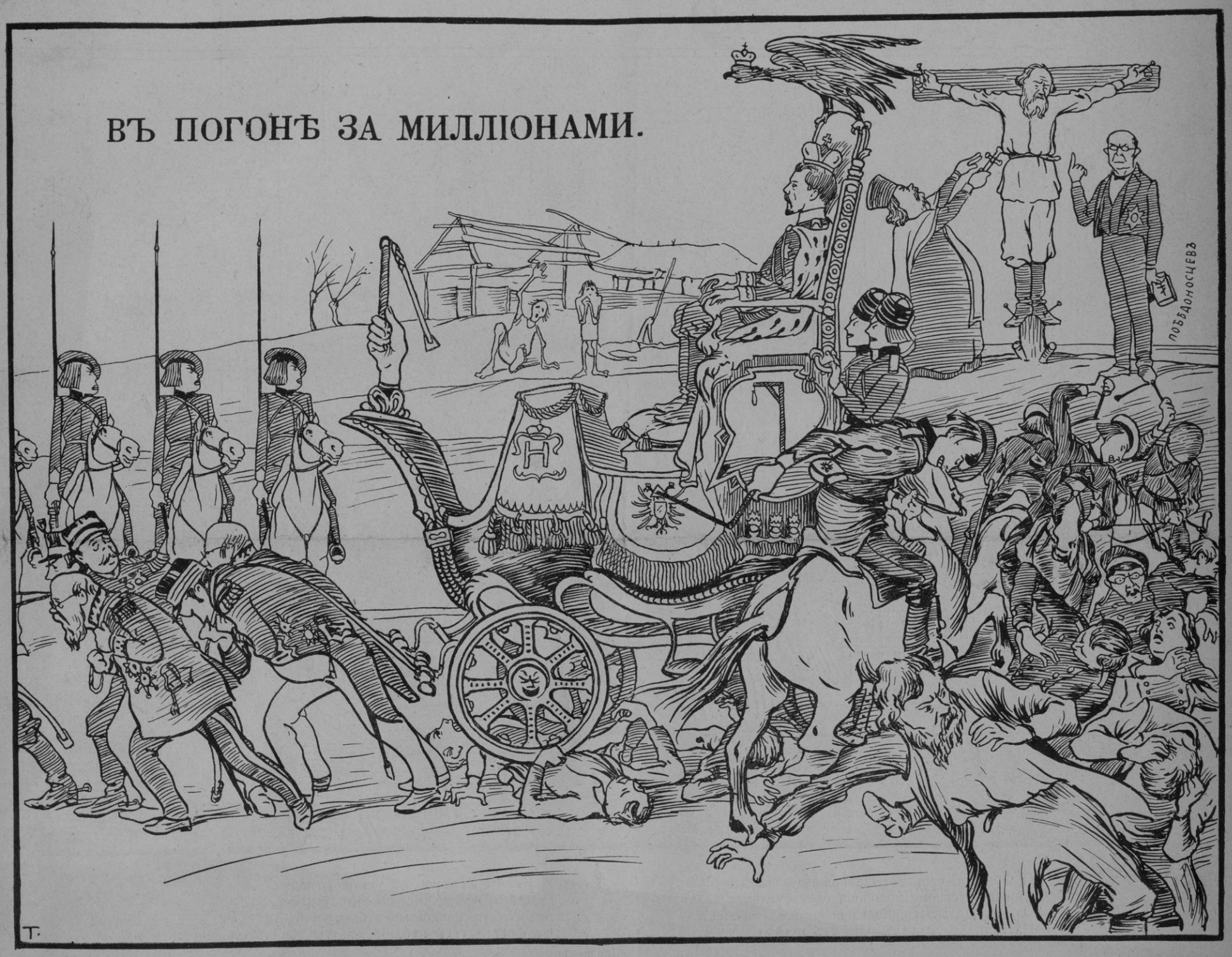


И Франція, своихъ казнившая тирановъ,
Тирану русскому холопски бьетъ челомъ,
И стая Делькассэ, Вальдековъ, Миллерановъ
На заднихъ лапкахъ пляшетъ предъ царемъ.

И Николай Второй съ улыбкою надменной
Вождямъ республики по ордену даетъ,
А Витте съ ловкостью и быстротой отмѣнной
Съ французской публики златую шерсть стрижетъ.

Каторга, тюрьма, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейскихъ, шпіоновъ...
Много намъ нужно милліоновъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ИСКРѢ“



Порядокъ водворенъ — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствіе царя,
И снова въ тьмѣ кромѣшной скрылась
На мигъ блеснувшая заря.

И онъ, счастливый царь несчастнаго народа,
Дождавшись, чтобы стихъ послѣдней битвы звукъ,
Во Францію, туда, гдѣ царствуетъ свобода,
Онъ ѣдетъ наполнять свой денежный мѣшокъ.

Каторга, тюрьма, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейскихъ, шпіоновъ...
Нужны намъ сотни милліоновъ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 9 ОКТЯБРЬ 1901 ГОДА. № 9

БОРЬБА СЪ ГОЛОДАЮЩИМИ.

Какую удивительную заботливость о голодающихъ проявляетъ наше правительство! Какой длиннѣйшій циркуляръ (отъ 17-го августа) выпустилъ министръ внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ пострадавшихъ губерній! Это цѣлое литературное произведеніе объемомъ больше обыкновеннаго печатнаго листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства въ продовольственномъ дѣлѣ. Опубликованіемъ этого произведенія разсчитывали, очевидно, произвести впечатлѣніе на „общество“: вотъ, дескать, какъ мы попечительны, какъ мы торопимся съ мѣрами помощи, какъ мы заранѣе предусматриваемъ и организацію продовольственныхъ учрежденій и всѣ виды и стороны ихъ дѣятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе и не только своей величиной, но также (если имѣть терпѣніе дочитать до конца) и своимъ содержаніемъ. Откровенное изложеніе правительственной программы даетъ всегда въ руки лучшее орудіе для агитаціи противъ царскаго правительства и, принося свою почтительнѣйшую благодарность г. Сипягину, мы осмѣливаемся рекомендовать и остальнымъ гг. министрамъ почаще говорить о своей программѣ въ циркулярахъ, публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе.

Мы сказали: если имѣть терпѣніе дочитать циркуляръ г. Сипягина до конца. Терпѣнія на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятыхъ — циркуляръ напол ненъ обычнымъ казеннымъ пустословіемъ. Разжевываніе вещей давнымъ давно извѣстныхъ и сотни разъ повторенныхъ даже въ „Сводѣ законовъ“, хожденіе кругомъ да около, расписываніе подробностей китайскаго церемоніала сношеній между мандаринами великолѣпный канцелярскій стиль съ періодами въ 36 строкъ и съ „реченіями“, отъ которыхъ больно становится за родную русскую рѣчь — когда вчитываешься въ эту прелесть, чувствуешь себя точно въ русскомъ полицейскомъ участкѣ, въ которомъ отъ стѣнъ отдаетъ затхлостью, отовсюду несетъ какой-то специфической вонью, чиновники, уже по одному своему виду и обращенію — олицетвореніе самой невыносимой волокиты, а виднѣющіяся въ окно надворныя постройки живо напоминаютъ о застѣнкѣ.

Три главныхъ пункта особенно обращаютъ на себя вниманіе въ новой правительственной программѣ: во-первыхъ, усиленіе единоличной власти чиновниковъ, попеченіе о томъ, чтобы духъ казенщины и служебной дисциплины былъ укрѣпленъ и охраненъ отъ всякаго дуновенія свѣжаго воздуха; во-вторыхъ, опредѣленіе нормъ пособія голодающимъ, т. е. указаніе, поскольку и какъ надо разсчитывать количество хлѣба на „нуждающуюся“ семью; въ-третьихъ, выраженіе отчаяннаго ужаса по поводу того, что помогать голодающимъ бросаются „неблагонадежные“ люди, способные возбуждать народъ противъ правительства, и принятіе заранѣе мѣръ противъ этой „агитаціи“. Остановимся поподробнѣе на каждомъ изъ этихъ пунктовъ.

Прошелъ всего годъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство отняло у земствъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ и передало его въ руки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ (законъ 12 іюня 1900 года). И вотъ, раньше еще, чѣмъ этотъ законъ успѣлъ войти въ дѣйствіе, — его уже отмѣняютъ простымъ циркуляромъ. Достаточно было нѣсколькихъ сообщеній губернаторовъ, чтобы разувѣриться въ пригодности закона! Это какъ нельзя лучше показываетъ, какое значеніе имѣютъ тѣ законы, которые пекутся какъ блины въ петербургскихъ департаментахъ, безъ серьезнаго обсужденія людьми дѣйствительно свѣдущими и способными высказать самостоятельное мнѣніе, безъ серьезнаго намѣренія создать лучше удовлетворяющій своей цѣли порядокъ, просто по честолюбію какого-нибудь пройдохи-министра, желающаго отличиться и поскорѣе выказать свою благонамѣренность. Земство неблагонамѣренно — отнять у него продовольственное дѣло! Но не успѣли еще отнять, — оказывается, что земскіе начальники, даже составленные изъ однихъ чиновниковъ уѣздные съѣзды, какъ будто все еще слишкомъ много разсуждаютъ: изъ земскихъ начальниковъ попадались, вѣроятно, люди, которые имѣли глупость называть голодъ голодомъ, имѣли наивность думать, что надо бороться съ голодомъ, а не съ тѣми, кто хочетъ дѣйствительно помочь голодающимъ; въ уѣздныхъ съѣздахъ нѣкоторые чиновники, не состоящіе въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, обнаруживали, вѣроятно, такое же непониманіе истинныхъ задачъ „внутренней политики“. И вотъ, по простому циркуляру министра — создается новое „уѣздное центральное“... да, да, это не опечатка: „уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“, все назначеніе котораго въ томъ, чтобы не пропускать неблагонамѣренныхъ людей, неблагонамѣренныхъ мыслей, неблагоразумныхъ поступковъ по продовольственному дѣлу. Напр., министръ находитъ неблагоразумнымъ и запрещаетъ „преждевременно“ (т. е. не передъ самой раздачей хлѣба) составлять списки нуждающихся: это вызываетъ въ населеніи „преувеличенныя надежды“! „Уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“ сосредоточивается въ рукахъ одного лица, а министерство рекомендуетъ при этомъ уѣзднаго предводителя дворянства. И въ самомъ дѣлѣ: онъ настолько тѣсно связанъ съ губернаторомъ, онъ такъ много исполняетъ полицейскихъ обязанностей, что навѣрное съумѣетъ понять настоящій духъ продовольственной политики. И притомъ онъ — мѣстный крупный землевладѣлецъ, почтенный довѣріемъ всѣхъ помѣщиковъ. Такой человѣкъ уже навѣрное пойметъ лучше всѣхъ глубокую мысль министра о „деморализующемъ“ дѣйствіи пособій, которыя даются людямъ, „могущимъ обойтись“ и безъ нихъ. Что касается полномочій губернатора, то министръ напоминаетъ о нихъ съ самаго начала и много разъ повторяетъ, что губернаторъ за все отвѣтственъ, что губернатору всѣ должны повиноваться, что губернаторъ долженъ умѣть принимать „особыя“ мѣры и т. д. Если и до сихъ поръ губернаторъ въ русской провинціи былъ настоящимъ сатрапомъ, отъ милости котораго зависѣло существованіе любого учрежденія и даже любого лица во „ввѣренной“ губерніи, то теперь создается уже настоящее „военное положеніе“ въ этомъ отношеніи. Необыкновенное усиленіе строгостей — по поводу помощи голодающимъ! Это совсѣмъ по русски!

Но усиленіе строгости, увеличеніе надзора, все это требуетъ увеличенія расходовъ на чиновничью машину. И министръ не позабылъ объ этомъ: гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства или другимъ лицамъ, завѣдующимъ „уѣзднымъ центральнымъ по продовольственной части управленіемъ“ будетъ выдана въ возмѣщеніе ихъ расходовъ „особая сумма“, „относительно размѣра коей — добавляетъ циркуляръ на своемъ „особомъ“ нарѣчіи — ваше прев-во имѣете войти ко мнѣ съ надлежащимъ представленіемъ“. Затѣмъ на „расходы по дѣлопроизводству“ уѣздныхъ совѣтовъ — по 1000 р. единовременно, на канцелярскія средства губернскихъ присутствій по 1000-1500 руб. Канцеляріи всего больше будутъ работать, вся работа и будетъ состоять въ канцелярщинѣ — какъ же тутъ не позаботиться о канцелярскихъ средствахъ? Прежде всего на канцеляріи, а что останется, то голодающимъ.

Г. Сипягинъ проявляетъ удивительную настойчивость и изобрѣтательность въ изысканіи мѣръ сокращенія пособія голодающимъ. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы губернаторы обсудили, какіе уѣзды являются „неблагополучными по урожаю“ (окончательно рѣшать этотъ вопросъ будетъ само министерство: даже губернаторамъ нельзя довѣрить, смогутъ-ли они избѣжать „преувеличеній“!). И вотъ преподаются указанія, когда не слѣдуетъ признавать уѣзда неблагополучнымъ: 1) когда не болѣе трети волостей пострадало; 2) когда недостатокъ хлѣба обыченъ и хлѣбъ прикупается изъ года въ годъ путемъ заработка; 3) когда недостаетъ мѣстныхъ средствъ для выдачи пособій. Мы видимъ уже здѣсь маленькій образчикъ чиновничьяго рѣшенія продовольственныхъ вопросовъ: одну мѣрку на всѣхъ! Какъ велико населеніе въ одной трети волостей, какъ сильно онѣ пострадали, не упали-ли обычные „заработки“ въ годъ сильнѣйшаго промышленнаго кризиса, — это все праздные вопросы послѣ рѣшительныхъ „предписаній“ министерства! Но это только цвѣтики, а ягодки дальше будутъ. Вся суть въ томъ, кого считать нуждающимся и по скольку выдавать пособія. Г. Сипягинъ рекомендуетъ слѣдующій „приблизительный разсчетъ“, который „рѣдко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличеннымъ“ (мы больше всего боимся преувеличеній; боимся преувеличенныхъ надеждъ, боимся преувеличенныхъ ссудъ! И голодъ и безработица — все это одни „преувеличенія“: таковъ ясный смыслъ всѣхъ министерскихъ разсужденій). Во-первыхъ, по пробному умолоту опредѣляется „средній сборъ съ десятины въ каждомъ селеніи“ и затѣмъ величина всего посѣва у каждаго хозяина. Почему бы не опредѣлить также величины урожаевъ у хозяевъ разнаго достатка? У крестьянской бѣдноты урожаи ниже, и опредѣленіе „средняго“ сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторыхъ, считается ненуждающимся, у кого приходится не менѣе 48 пуд. хлѣба въ годъ на семью (считая по 12 пуд. на трехъ взрослыхъ и по 6 пуд. на двухъ дѣтей). Это разсчетъ самаго прижимистаго кулака: въ обыкновенный годъ даже бѣднѣйшіе крестьяне потребляютъ хлѣба не по 48, а по 80 пуд. въ годъ на семью въ 6-5 чел., какъ это извѣстно изъ описаній крестьянскаго хозяйства; средній же крестьянинъ потребляетъ въ обыкновенный годъ 110 пуд. хлѣба на семью въ 5 чел. Значитъ, царское правительство на половину понижаетъ количество хлѣба, необходимое въ дѣйствительности на продовольствіе. Въ-третьихъ, „это количество“ (т. е. 48 пуд. на семью) — гласитъ циркуляръ — „уменьшается на половину, въ виду того, что рабочій элементъ составляетъ около 50% населенія“. Правительство неуклонно настаиваетъ на своемъ правилѣ, что рабочее населеніе не должно получить ссуду, ибо оно де можетъ заработать. Но вѣдь уже разъ министръ предписалъ не считать неблагополучными тѣ уѣзды, гдѣ есть обычные заработки. Зачѣмъ же второй разъ исключать изъ пособія рабочее населеніе? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ настоящій годъ не только нѣтъ особыхъ заработковъ, но и обычные-то заработки всѣ упали по случаю кризиса. Вѣдь само правительство повысылало изъ городовъ въ деревни десятки тысячъ безработныхъ рабочихъ! Вѣдь опытъ прежнихъ голодовокъ доказалъ, что исключеніе рабочаго населенія ведетъ только къ раздѣлу недостаточной ссуды между дѣтьми и взрослыми! Нѣтъ, поговорка: „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“ была бы еще слишкомъ лестна для министерства внутреннихъ дѣлъ, которое въ два пріема исключаетъ изъ числа нуждающихся всѣхъ способныхъ къ работѣ! Въ-четвертыхъ, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточнаго пособія уменьшается еще на $^1/_3$—$^1/_5$—$^1/_{10}$ „во вниманіе къ приблизительному числу состоятельныхъ хозяевъ, имѣющихъ запасъ отъ прошедшаго года или же какой-либо матеріальный достатокъ“!! Это уже третья шкура съ одного и того же вола! Какой еще „достатокъ“ или „запасъ“ могутъ быть у крестьянина, собравшаго не болѣе 48 п. хлѣба на семью? Всякіе остальные заработки сочтены уже дважды, а кромѣ того вѣдь однимъ хлѣбомъ не можетъ просуществовать даже русскій крестьянинъ при всемъ нищенствѣ, до котораго его довела политика правительства, гнетъ капитала и помѣщиковъ. Необходимъ расходъ и на топливо и на ремонтъ дома, и на одежду, и на пищу, кромѣ хлѣба. Въ обыкновенный годъ даже бѣднѣйшіе крестьяне, какъ это извѣстно изъ научныхъ описаній крестьянскаго хозяйства, расходуютъ болѣе половины своего дохода на другія нужды, кромѣ хлѣба. Если принять во вниманіе все это, то окажется, что министръ опредѣляетъ нужду въ помощи въ четыре или въ пять разъ меньше дѣйствительной надобности. Это не борьба съ голодомъ, а борьба съ тѣми, кто хочетъ дѣйствительно помочь голодающимъ.

И циркуляръ заканчивается прямымъ походомъ противъ частныхъ благотворителей. Нерѣдко обнаруживалось — гремитъ г. Сипягинъ — что иные благотворители стараются возбудить въ населеніи „недовольство существующими порядками и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству“, ведутъ „противуправительственную агитацію“ и проч. Это — обвиненія, въ сущности, прямо лживыя. Извѣстно, что въ 1891 г. были разсылаемы прокламаціи „крестьянскихъ доброхотовъ“, прокламаціи, справедливо указывавшія народу на его настоящаго врага; были, вѣроятно, и другія попытки агитаціи на почвѣ голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацію революціонеры. Масса благотворителей — это несомнѣнный фактъ — были только благотворителями, и если г. Сипягинъ ссылается на то, что изъ нихъ многіе — „лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ“, то вѣдь кто у насъ теперь съ „безупречнымъ прошлымъ“? Даже „высокопоставленныя лица“ отдавали очень часто въ юности дань общедемократическому движенію! Мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы агитація противъ правительства на почвѣ голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборотъ, агитація необходима всегда и во время голода въ особенности. Мы хотимъ сказать только, что г. Сипягинъ выдумываетъ небылицы, стараясь выставить свои страхи и опасенія результатомъ опыта. Мы хотимъ сказать, что слова г. Сипягина доказываютъ только одну старую истину: полицейское правительство боится всякаго соприкосновенія съ народомъ сколько-нибудь независимой и честной интеллигенціи, боится всякаго правдиваго и смѣлаго слова, прямо обращеннаго къ народу, подозрѣваетъ — и подозрѣваетъ совершенно справедливо — что одна уже забота о дѣйствительномъ (а не мнимомъ) удовлетвореніи нужды будетъ равносильна агитаціи противъ правительства, ибо народъ видитъ, что частные благотворители искренно хотятъ ему помочь, а чиновники царя мѣшаютъ этому, урѣзываютъ помощь, уменьшаютъ размѣры нужды, затрудняютъ устройство столовыхъ и т. д. Теперь новый циркуляръ требуетъ прямо „подчинить контролю властей“ всѣ пожертвованія и приглашенія къ пожертвованіямъ, всякія устройства столовыхъ; требуетъ, чтобы всѣ пріѣзжающіе „представлялись“ губернатору, выбирали себѣ помощниковъ не иначе, какъ съ его разрѣшенія, давали ему же отчетъ въ своей дѣятельности!! Кто хочетъ помогать, подчиняйся полицейскимъ чинамъ и полицейской системѣ всяческихъ урѣзокъ помощи и безсовѣстныхъ сокращеній пособій! Кто не хочетъ подчиняться этой гнусности, — тотъ не смѣетъ помогать: въ этомъ вся суть политики правительства. Г. Сипягинъ кричитъ, что голодомъ „охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица для своихъ преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему“, а вслѣдъ за нимъ вся реакціонная печать повторяетъ этотъ крикъ (напр., „Моск. Вѣд.“). Какой ужасъ! Пользоваться народной нуждой для „политики“! На самомъ дѣлѣ ужасно, наоборотъ, то, что въ Россіи всякая дѣятельность, даже самая далекая отъ политики, филантропическая (благотворительная) дѣятельность неизбѣжно ведетъ къ столкновенію независимыхъ людей съ полицейскимъ произволомъ и съ мѣрами „пресѣченія“, „запрещенія“, „ограниченія“ и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрываетъ соображеніями высшей политики свое іудушкино стремленіе — отнять кусокъ у голодающаго, урѣзать впятеро размѣръ пособій, запретить всѣмъ, кромѣ полицейскихъ чиновъ, подступаться къ умирающимъ отъ голода! И мы повторяемъ еще разъ призывъ, сдѣланный уже „Искрой“: открыть обличительную кампанію противъ продовольственной кампаніи полицейскаго правительства, разоблачать въ безцензурной свободной печати всѣ безобразія мѣстныхъ сатраповъ, всю корыстную тактику урѣзыванія пособій, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшеніе голода и позорную борьбу противъ тѣхъ, кто хочетъ помогать голодающимъ! Мы совѣтуемъ всѣмъ, у кого есть хоть капля искренняго сочувствія къ народному бѣдствію, позаботиться о распространеніи въ народѣ знакомства съ истиннымъ смысломъ и значеніемъ министерскаго циркуляра. Вѣдь только безконечной темнотой народа и можно объяснить себѣ, что подобные циркуляры не вызываютъ тотчасъ всеобщаго возмущенія. И пусть сознательные рабочіе, которые всего ближе стоятъ и къ крестьянству и къ неразвитымъ городскимъ массамъ, возьмутъ на себя починъ въ дѣлѣ разоблаченія правительства!

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РАЗВРАТЪ И „ЭКОНОМИЧЕСКОЕ“ ТУПОУМІЕ.

По поводу одной новой программы.

Въ Минскѣ недавно распространено на русскомъ и еврейскомъ языкахъ слѣдующее воззваніе новой „еврейской независимой рабочей партіи“:

ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Взгляды партіи.

I. Мы полагаемъ:

а) что никакая теорія не настолько могущественна и неопровержимо вѣрна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести безсознательную массу за собою къ цѣли, которой масса не понимаетъ;

б) что еврейскій рабочій классъ въ настоящее время требуетъ хлѣба и знаній и что эти требованія должны быть удовлетворены;

в) что преступно приносить въ жертву матеріальные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды;

г) что рабочій, какъ всякій человѣкъ, имѣетъ право быть сторонникомъ какой ему угодно политической партіи и все-таки имѣетъ право защищать свои экономическіе и культурные интересы и быть членомъ вполнѣ равноправнымъ въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ;

д) что экономическія и культурныя организаціи должны стать ему необходимы, какъ воздухъ и вода, регулировать его экономическіе интересы, доставлять ему знанія, и что таковыми онѣ могутъ стать только тогда, когда онѣ будутъ цѣлями сами по себѣ, а не служить орудіемъ какой бы то ни было политической партіи.

II. Мы находимъ ненормальнымъ современное положеніе вещей, при которомъ экономическія организаціи находятся подъ руководствомъ преимущественно политическаго по своимъ цѣлямъ „Бунда“, потому что:

а) экономическая дѣятельность является для „Бунда“, главнымъ образомъ, средствомъ революціонизировать рабочую массу, и потому „Бундъ“ намѣренно игнорируетъ въ своей экономической дѣятельности многія безусловно полезныя для рабочей массы мѣропріятія;

б) „Бундъ“, принимая рабочаго, ищущаго только хлѣба и знаній, въ свои, на взглядъ массового рабочаго, чисто экономическія организаціи, навязываетъ рабочему свои политическіе взгляды и стремленія, не считаясь съ его психикой, привязанностями и стремленіями. Рабочихъ съ не-„бундовскими“ взглядами въ экономическія организаціи „Бундъ“ не принимаетъ, а инертно консервативную часть рабочей массы отпугиваетъ своей репутаціей политической партіи. Въ результатѣ подобная тактика „Бунда“ вредитъ организованной массѣ и жестоко поступаетъ съ остальными рабочими, которые тоже ищутъ союза со своими организованными товарищами;

в) „Бундъ“ развиваетъ рабочихъ односторонне, ограждая ихъ отъ не-„бундовскихъ“ взглядовъ и такимъ образомъ вноситъ въ рабочую массу духъ умственнаго порабощенія;

г) „Бундъ“ не допускаетъ въ рабочія массы интеллигентныя полезныя силы, съ его политическими взглядами несогласныя. „Бундъ“ исполнилъ великую историческую миссію, развивъ духъ недовольства своимъ экономическимъ положеніемъ въ рабочемъ классѣ, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится къ организаціи, сдѣлалось невозможнымъ держать экономическую и культурную дѣятельность въ политическихъ тискахъ „Бунда“.

Программа партіи.

1) Еврейская Независимая Рабочая Партія имѣетъ цѣлью поднятіе матеріальнаго и культурнаго уровня еврейскаго пролетаріата посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ по мѣрѣ возможности. На практикѣ эта цѣль сводится: а) къ развитію широкихъ экономическихъ организацій (трэдъ-юніоновъ, кассъ, клубовъ, ассоціацій б) къ развитію среди рабочаго класса научныхъ и профессіональныхъ знаній и къ воспитанію его для коллективной жизни.

2) Партія въ цѣломъ не выставляетъ себѣ никакихъ политическихъ цѣлей и касается политическихъ вопросовъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку они затрогиваютъ повседневные интересы рабочихъ.

3) Партія объединяетъ для экономической и культурной дѣятельности рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и совсѣмъ безъ таковыхъ.

4) Организація партіи демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху.

Еврейская Независимая Рабочая Партія.

Въ мотивировкѣ взглядовъ новой партіи мы находимъ много знакомаго. Здѣсь, наконецъ, послѣдовательно проведены всѣ основныя положенія того направленія, которое принято называть „экономическимъ“ и которое до сихъ поръ не договаривалось до конца въ гласныхъ заявленіяхъ и программахъ.

Никакая теорія не настолько истинна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести за собой безсознательную массу. Да вѣдь это только полное выраженіе тѣхъ взглядовъ на значеніе „теоріи“, т. е. соціалистическихъ принциповъ, которые проповѣдовались нашими „экономистами“. Для нихъ соціалистическіе принципы всегда были только „книжной выдумкой“ — продуктомъ болѣе или менѣе геніальныхъ умовъ, а не выраженіемъ дѣйствительнаго хода общественнаго развитія, не выросшей изъ многолѣтняго опыта всемірнаго пролетаріата формулировкой общихъ интересовъ рабочаго класса. Для нихъ между интересами рабочаго класса и „теоріей“ лежала пропасть, и всякая попытка подчинить сознательное движеніе рабочихъ требованіямъ „теоріи“, т. е. соц.-демократической программы, казалась „навязываніемъ рабочему своихъ политическихъ взглядовъ“, въ чемъ „независимая партія“ обвиняетъ „общееврейскій рабочій союзъ“ („Бундъ“).

„Противоположность своей программы и своей группы движенію, какъ чего-то самостоятельнаго, какъ верховной теоретической инстанціи, какъ духа, витающаго надъ безформеннымъ хаосомъ, — такова позиція, которую заняли „Искра“ и „Заря“, говоритъ Б. Кричевскій въ своей послѣдней статьѣ („Рабочее Дѣло“, ном. 10, стр. 29). Мы видимъ, что Кричевскій обвиняетъ „Искру“ и „Зарю“, а вмѣстѣ съ ними и всю соціалдемократію, въ томъ, что они свою программу и свою „группу“ ставятъ выше рабочаго движенія, какъ оно есть, хотя бы въ данную минуту это движеніе шло ошибочнымъ путемъ, напр., было направлено противъ инородныхъ рабочихъ или противъ соціализма, или противъ политической свободы. „Еврейская независимая рабочая партія“ вполнѣ согласна съ Кричевскимъ въ томъ, что „движеніе“ безсознательной массы должно вести за собою „теорію“, а не обратно. (Не пригласитъ-ли „Независимая рабочая партія“ Кричевскаго въ редакторы ея изданій? Духъ его, во всякомъ случаѣ, уже теперь „витаетъ надъ безформеннымъ хаосомъ“ новой „партіи“.)

„Еврейскій рабочій классъ требуетъ въ настоящее время хлѣба и знаній“, а потому „преступно приносить въ жертву матеріальные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды“. Опять знакомая пѣснь о томъ, что агитаціонная и организаціонная работа должна вестись вокругъ тѣхъ требованій и только тѣхъ, которыя уже „сознаны“ массой (См., напр., статью В. И—на въ „Раб. Дѣлѣ“, ном. 2-3). Принимая это положеніе, люди, конечно, могутъ расходиться въ оцѣнкѣ того, какія требованія уже сознаны данной массой; но это разногласіе не поколеблетъ согласія въ принципѣ: не дѣйствительные интересы рабочаго класса, а тѣ интересы, которые онъ уже сознаетъ, должны опредѣлять собою дѣятельность партіи. И это вполнѣ логично: если рабочая масса сегодня понимаетъ свои интересы не такъ, какъ понимала ихъ вчера, то какъ же намъ судить о томъ, что такое ея дѣйствительные интересы? Мы, соціалдемократы, судимъ объ этихъ интересахъ, руководствуясь своей „теоріей“, т. е. продуманнымъ опытомъ движенія мірового пролетаріата и научнымъ изслѣдованіемъ общественнаго развитія. Но для „экономистовъ“ эта теорія — звукъ пустой: отъ своихъ „ученыхъ“ — отъ Бернштейновъ, Струве, Прокоповичей — они узнали, что теорія научнаго соціализма (марксизмъ) не есть „настоящая“ наука (какъ извѣстно, настоящая наука — это та, за которую буржуазное общество платитъ въ университетахъ). А, стало быть, такая ненаучная теорія не имѣетъ никакого права „навязывать“ массамъ свои выдумки. Только одни „сектанты“-марксисты, для которыхъ „теорія“ дороже жизненныхъ интересовъ живыхъ людей, только они могутъ во имя своей теоріи не смущаться тѣмъ, чего хотятъ рабочія массы, но учить эти массы тому, какія задачи онѣ должны себѣ поставить, чтобы удовлетворить свои дѣйствительно классовые интересы*).

Для „экономистовъ“ непонятно, что если рабочій классъ „требуетъ хлѣба“, то этого ему не могутъ дать соціалдемократы. Соціалдемократы только могутъ и должны указать, что этого „хлѣба“ онъ добьется въ классовой борьбѣ за уничтоженіе капиталистическаго строя, первымъ шагомъ къ которому будетъ завоеваніе политической свободы. Но это опять будетъ „сектантское“ рѣшеніе вопроса, которое не можетъ удовлетворить „экономистовъ“. Послѣдніе отъ своихъ Бернштейновъ, Струве и Прокоповичей знаютъ, что хлѣба и даже съ хорошимъ слоемъ масла рабочіе могутъ добиться и при капиталистическомъ строѣ, лишь бы быть поумѣреннѣе и не рваться къ отдаленному соціализму; это же самое подтверждаетъ и „настоящая“ наука, та самая, которая снабжена клеймомъ: „дозволено цензурой“. И „экономисты“, въ полномъ согласіи съ этой клейменной наукой и къ великой радости буржуазіи, вѣрятъ, что если рабочій не добился при современномъ строѣ улучшеній, то это вина не капиталистическаго строя, а тѣхъ соціалдемократическихъ агитаторовъ, которые изъ-за журавля въ небѣ — соціализма и политической борьбы — забываютъ о синицѣ — о непосредственной „пользѣ“. А потому „экономическія и культурныя организаціи рабочихъ должны стать цѣлями сами по себѣ, а не служить орудіемъ какой бы то ни было политической партіи“. А кто съ этимъ не согласенъ, тотъ „сектантъ“.

Всѣ нападки „независимой рабочей партіи“ на „Бундъ“ воспроизводитъ обычныя нападки „экономистовъ“ противъ революціонной соціалдемократіи. Напр., обвиненіе въ томъ, что „инертно-консервативную часть рабочей массы Бундъ отпугиваетъ своей репутаціей политической партіи“. Намъ тоже всегда говорили, что мы своей политической и соціалистической агитаціей можемъ только „отпугнуть“ ту часть рабочихъ, которая еще предана царизму**).

*) „Поэтому-то намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ“ (Vademecum, стр. 44, брошюра извѣстнаго „экономиста“, г. NN.)

**) Такъ наз. „непонятливость массъ“, которая постоянно служитъ козломъ отпущенія при всякихъ нарушеніяхъ принципа, есть въ сущности не что иное, какъ ограниченность тѣхъ, кто ссылается на эту непонятливость“, замѣчаетъ совершенно справедливо Роза Люксембургъ по поводу разговоровъ объ „отпугиваніи“ массъ революціонной тактикой (Neue Zeit, 1900-01, ном. 50).

*) См. напр., въ брошюрѣ упоминутаго г. NN, написанной въ отвѣтъ П. Аксельроду (Vademecum, стр. 46): „Всякая организація важна, но особенно важны мирныя организаціи, захватывающія всѣ стороны жизни рабочаго“. Стало быть, чѣмъ болѣе „мирная“, тѣмъ лучше, тѣмъ „важнѣе“. Оплаченная „наука“ уже давно увѣряетъ въ этомъ пролетаріатъ, но безуспѣшно. Тамъ же (стр. 29): „Въ частности, кооперативы, не непремѣнно классовые, играютъ очень крупную роль“ (мнѣніе NN).

А что означаетъ обвиненіе въ недопущеніи „въ рабочую массу интеллигентныхъ полезныхъ силъ, несогласныхъ съ политическими взглядами Бунда“? Да вѣдь это тотъ же упрекъ въ „сектантствѣ“, который расточается по адресу революціонныхъ соціалдемократовъ всякій разъ, какъ они проявляютъ стремленіе организовать партію исключительно изъ сознательно революціонныхъ элементовъ и отказываются отъ „полезныхъ“ силъ буржуазнаго образа мыслей, говоря, что „намъ такихъ и даромъ не надо“.

Практическая программа новой партіи опять вполнѣ согласна съ положеніями „экономистовъ“. Соціалдемократія организуетъ рабочихъ для классовой борьбы. „Экономисты“ наши уже давно провозгласили равноправіе организацій боевыхъ и мирныхъ (обществъ взаимопомощи, потребительныхъ и т. п.; сам. напр., ном. 10 „Раб. Мысли“ и прилож. къ ном. 7 той же газеты). И тѣ, и другія одинаково важны съ точки зрѣнія непосредственной „пользы“*). „Независимая партія“ имѣетъ цѣлью „поднять матеріальный и культурный уровень... посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ“. Ни слова о классовой борьбѣ. Соціалдемократія признаетъ извѣстное значеніе для рабочаго движенія за трэд-юніонами, за коопераціями и другими „экономическими“ организаціями только при условіи широкой политической свободы (см. напр., письмо иваново-вознесенскаго рабочаго въ приложеніи къ этому номеру). „Экономисты“, вмѣстѣ съ ними и „Независимая рабочая партія“ мечтаютъ о трэд-юніонахъ и другихъ организаціяхъ при самодержавіи. Соціалдемократія воспитываетъ рабочій классъ для соціализма, „Независимая партія“ воспитываетъ его для „коллективной жизни“, хотя бы послѣдняя проявлялась въ формѣ какой-нибудь торгашеской „артели“. Соціалдемократія объединяетъ въ своей партіи только рабочихъ-соціалистовъ; „Независимая рабочая партія“ объединяетъ... рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и совсѣмъ безъ таковыхъ“. Понятно, что при такихъ „широкихъ“ принципахъ, партія устанавливаетъ вполнѣ „демократическую“ организацію „снизу вверхъ“. Мы, соціалдемократы, не можемъ себѣ позволить такой роскоши. Какъ партія революціонная, мы вынуждены подбирать людей съ осторожностью, и степень довѣрія, которой пользуется въ нашихъ организаціяхъ тотъ или иной членъ, зависитъ отъ его сознательности, отъ его опыта, отъ его преданности дѣлу. Организуемся же мы „сверху внизъ“, т. е. путемъ подбора къ сплоченному ядру новыхъ надежныхъ элементовъ, которые еще должны завершить свое политическое воспитаніе въ организаціи. За это насъ уже давно обвиняютъ въ „диктаторствѣ“, въ „генеральствѣ“, въ „навязываніи“ массамъ своихъ взглядовъ, своихъ пріемовъ борьбы. Теперь „независимая партія“ рѣшительно обѣщаетъ показать намъ примѣръ организаціи, основанной на широко-демократическомъ принципѣ.

А теперь разскажемъ о происхожденіи этой новой партіи. Вотъ что пишетъ нашъ корреспондентъ:

„Прилагаемое воззваніе распространено на дняхъ въ Минскѣ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ (гектографир.). Издано оно со дня на день пріобрѣтающими все бо́льшее вліяніе сторонниками Зубатовской политики (во главѣ стоятъ одинъ ретушеръ и работница, вернувшіеся изъ московской тюрьмы сторонниками Зубатовскихъ взглядовъ — оба безукоризненно честные люди). Они уже овладѣли тремя цехами и ихъ кассовыми организаціями, — переплетнымъ, столярнымъ и слесарнымъ. Устраиваются еженедѣльно громадныя собранія (о которыхъ, конечно, извѣстно Васильеву и гдѣ присутствуютъ шпіоны-рабочіе, ибо новая „партія“ принимаетъ всѣхъ, безъ исключенія). Бундовцы въ весьма неудобномъ положеніи. Съ одной стороны, нельзя не противодѣйствовать ихъ агитаціи, съ другой — всѣхъ, отстаивающихъ на этихъ собраніяхъ революціонные взгляды, забираютъ черезъ пару-другую дней и немедленно ссылаютъ въ Сибирь. За послѣднее время почти еженедѣльно идутъ изъ Минска этапы ссылаемыхъ на 3, 4 и 5 лѣтъ.

„Отношеніе жандармеріи къ новому теченію характеризуется слѣд. фактами: 1) Васильевъ (жандармскій полковникъ) говорилъ на допросѣ одному субъекту, что намѣревался арестовать упомянутую работницу, но получилъ отъ Зубатова предписаніе не трогать, ибо „хотя она и не состоитъ у насъ на жалованьи, но своею дѣятельностью косвенно содѣйствуетъ намъ“. 2) Васильевъ призывалъ къ себѣ упомянутаго ретушера и сообщилъ ему, что онъ благосклонно относится къ его дѣятельности и что онъ можетъ не опасаться ареста, хотя ему, Васильеву, извѣстно, что онъ устраиваетъ собранія, кассы, читаетъ литературу и проч. „Я вѣдь знаю, что вы не станете распространять литературу...“ — „Это еще вопросъ“, отвѣтилъ тотъ. — „Ну, даже если и распространяете, то тотъ вредъ, который вы этимъ приносите, уравновѣшивается пользой новаго движенія. Итакъ, можете спокойно продолжать вашу дѣятельность“.

„Характеренъ пріемъ для запугиванія массы. По открытіи собранія, начинаютъ съ чтенія полученныхъ или будто полученныхъ изъ Сибири писемъ съ описаніемъ лишеній, раскаяній и пр. и выводится, конечно, мораль, что лучше всего бросить всякую политику.

„Однимъ словомъ деморализація въ Минскѣ полнѣйшая. На дняхъ посланъ на утвержденіе въ СПБ. уставъ общества, устраиваемаго „Независимой партіей“. Въ послѣднее время, какъ сообщаютъ, полк. Васильевъ организовалъ собранія столяровъ для обсужденія вопроса о рабочемъ клубѣ“.

Итакъ, первая, слѣдовательно, „экономическая“ партія основана послѣдователями Зубатовской политики „союза рабочихъ съ самодержавіемъ“. Мы этого давно ожидали и предсказывали такой поворотъ. Мы указывали на то, что пропаганда нашихъ „экономистовъ“ можетъ и должна послужить орудіемъ отвлеченія рабочихъ отъ борьбы за свободу, орудіемъ, которое постарается забрать въ свои руки наше правительство. По поводу первыхъ шаговъ Зубатова въ этомъ направленіи мы (въ ном. 1) указали уже на то, что успѣхъ Зубатовской политики питается пропагандой „экономистовъ“. Это наше указаніе извѣстная часть публики поняла, какъ стремленіе смѣшать въ одну кучу шпіоновъ и товарищей, держащихся неугодныхъ намъ взглядовъ. Нечего и говорить, что такое пониманіе было только проявленіемъ нечистой совѣсти людей, которые не могли желать разобраться въ вопросѣ по существу. Никакого заподазриванія сторонниковъ „Раб. Мысли“ въ прислуживаніи правительству у насъ не было. Мы хорошо знаемъ, что среди нашихъ „экономистовъ“ много такихъ силъ, которыя по своей преданности дѣлу и по своей самоотверженности могутъ быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всякой партіи. Но мы также хорошо знаемъ, что по своей малосознательности, обусловленной тѣмъ, что они воспитались на модной нынѣ „критикѣ“ соціализма, эти друзья рабочихъ способны принести пролетаріату большой вредъ. Теперь мы видимъ, что Зубатову удалось вызвать къ жизни одну „экономическую“ партію для борьбы съ революціонной соціалдемократіей. И если ему это удалось сдѣлать, то причины этого успѣха коренятся до извѣстной степени въ нашей собственной халатности. Пока громъ не грянулъ, мы не перекрестились. Большинство нашихъ организацій спокойно терпѣло въ своихъ рядахъ пропаганду „экономистовъ“, тогда какъ давно уже можно было замѣтить, что эта пропаганда готовитъ успѣхъ политикѣ „союза царя съ рабочими“. Многіе и многіе товарищи оставляли и оставляютъ безъ отпора систематическій походъ нашихъ буржуазныхъ „критиковъ“ противъ революціоннаго соціализма, не смотря на то, что давно уже можно было замѣтить, что эта „критика“ ведетъ къ ослабленію революціонной энергіи и соціалистическаго самосознанія въ рядахъ нашей партіи. По поводу первыхъ шаговъ Зубатова наша газета снова призвала къ борьбѣ съ „экономистами“, но этотъ призывъ былъ встрѣченъ, какъ новое доказательство нашего „сектантства“ и нашихъ „нетоварищескихъ пріемовъ“.

Въ настоящее время имѣется достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что политика заигрываній съ экономическимъ движеніемъ рабочихъ практикуется не въ одномъ Минскѣ. Первый адептъ Зубатова (см. ном. 1 „Искры“) — рабочій Ш. — всю зиму „работалъ“ въ Екатеринославѣ, вербуя среди тамошнихъ ремесленныхъ рабочихъ партію легальнаго движенія. Въ письмѣ рабочаго изъ Ив.-Вознесенска отмѣчаются попытки жандармовъ склонить рабочихъ къ „чисто экономической организаціи“ и вполнѣ основательно нашъ товарищъ указываетъ, что эти факты вынуждаютъ насъ къ удвоенной осторожности. Что такая осторожность необходима, въ частности, и по отношенію къ московскому обществу взаимопомощи — этой первой легальной рабочей организаціи сколько-нибудь широкаго характера — показываетъ полученное нами сообщеніе корреспондента.

„Въ Москвѣ происходитъ нѣчто подобное минскимъ событіямъ. Общество механическихъ рабочихъ, руководимое Дэномъ, Озеровымъ и Онуфріевымъ, оказывается, тоже организовано рабочимъ-провокаторомъ и первое время служило ловушкой для интеллигентныхъ и передовыхъ рабочихъ. Провокаторъ ловко вызывалъ на споръ намѣченныхъ лицъ, заставляя ихъ высказываться, а черезъ нѣсколько дней ихъ забирали“.

Здѣсь указана только одна — самая гнусная — опасность такихъ покровительствуемыхъ правительствомъ организацій: ихъ приспособленіе къ цѣлямъ сыска. Но съ этой опасностью можно бороться, удвоивъ конспиративную осторожность. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что, пользуясь покровительствомъ властей и руководимыя искренними, но малосознательными людьми, такія организаціи становятся орудіемъ успѣшной борьбы съ соціализмомъ уже на почвѣ организаціонной. Нашъ успѣхъ въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ къ соціализму до сихъ поръ въ извѣстной мѣрѣ объяснялся тѣмъ, что всякія буржуазныя попытки отвлечь рабочихъ отъ классовой борьбы находились подъ такимъ же гнетомъ, какъ и наше собственное дѣло. А въ области нелегальной работы мы, конечно, всегда окажемся впереди всякихъ буржуазныхъ друзей рабочаго класса. Но когда эти господа начинаютъ работать подъ покровительствомъ полиціи, шансы борьбы значительно измѣняются.

Петербургскіе товарищи всю прошлую зиму убили на созданіе очень широкой и демократической (по уставу) рабочей организаціи, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой и дѣломъ взаимопомощи, и политическимъ движеніемъ. Занятые развитіемъ этой организаціи, петербургскіе товарищи такъ углубились въ свое дѣло, завѣщанное имъ экономистами „Раб. Мысли“, что не смогли ни подготовить петербургскихъ рабочихъ къ поддержкѣ студенческаго движенія, ни использовать въ цѣляхъ агитаціи возбужденное настроеніе, вызванное въ рабочихъ массахъ безработицей. Во главѣ рабочей организаціи стоялъ нѣкій рабочій, чрезвычайно горячо защищавшій „экономическую“ программу, боровшійся противъ всякихъ попытокъ вовлеченія рабочихъ въ студенческое движеніе и — говоримъ это съ гордостью — весьма враждебно относившійся къ нашей газетѣ. Рабочій этотъ (къ сожалѣнію, намъ не сообщена его фамилія; за достовѣрность факта ручаемся) оказался провокаторомъ, выдавшимъ довольно много людей (говорятъ, въ томъ числѣ и проф. Милюкова). Случайность-ли, что втеревшійся въ рабочее движеніе агентъ правительства отстаивалъ въ немъ именно программу „экономизма“? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Припомнимъ еще все учащающіеся факты благожелательнаго вмѣшательства жандармскихъ офицеровъ въ стачки, гдѣ они стараются разыгрывать роль друзей рабочихъ и иногда настаиваютъ на уступкахъ со стороны хозяевъ (напр., въ Минскѣ, Саратовѣ), припомнимъ извѣстный фактъ покровительства властей артельнымъ организаціямъ Левитскаго на всемъ югѣ, — и мы убѣдимся, что теперь дѣло идетъ о начинающемся систематическомъ примѣненіи правительствомъ политики отвлеченія рабочихъ отъ соціалистической классовой борьбы на путь „легализаціи“ экономическаго движенія.

Въ конечномъ счетѣ этотъ фактъ можетъ служить показателемъ того, какіе успѣхи сдѣлало у насъ рабочее движеніе, какъ оно расшатало „устои“ царизма, заставляя его пойти на путь очень для него рискованныхъ заигрываній съ чудовищемъ-пролетаріатомъ. Это обстоятельство, однако, не уменьшаетъ серьезности нашего положенія.

Для успѣшной борьбы со всѣми провокаторскими затѣями Зубатовыхъ мы должны крѣпко организоваться. Но теперь дѣло идетъ уже не о борьбѣ съ голымъ насиліемъ, а о борьбѣ съ систематическимъ политическимъ развращеніемъ рабочаго класса, совершаемымъ при помощи сумбурныхъ и буржуазныхъ понятій, надъ распространеніемъ которыхъ много трудились наши собственные „экономисты“ и ихъ духовные отцы — легальные „критики“. На примѣрѣ минской „партіи“ мы видимъ, что опасность „экономизма“ вовсе не исчезла, какъ въ томъ хотятъ увѣрить многіе близорукіе люди. Напротивъ, переставъ шумѣть о себѣ на столбцахъ печати, онъ проникъ вглубь движенія и именно теперь-то онъ принимаетъ формы, явно враждебныя нашему дѣлу.

А потому, поддерживая призывъ всѣхъ сознательныхъ соціалдемократическихъ силъ къ партійному объединенію, мы обязаны признать, что въ основу такого объединенія должно быть поставлено открытое, безъ всякихъ оговорокъ, признаніе стараго знамени революціонной соціалдемократіи, признаніе, которое требуетъ безпощадной принципіальной борьбы со всякими видами „экономизма“, грозящаго стать орудіемъ въ рукахъ реакціонныхъ силъ, со всякими видами буржуазной „критики“ соціализма.

Только такая принципіально твердая партія, ведущая неустанно пропаганду революціоннаго соціализма, шутя справится съ новой политикой одурачиванія рабочихъ.

Все это, конечно, кое-кому покажется новымъ доказательствомъ нашей „сектантской узости“. Насъ это обстоятельство не смущаетъ. Столь ненавистное нашимъ врагамъ и нашимъ недальновиднымъ товарищамъ „сектантство“ революціонной соціалдемократіи есть на самомъ дѣлѣ „сектантство“ людей, глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ „теорія“ выражаетъ истинные интересы пролетаріата и готовыхъ отстаивать эти интересы въ борьбѣ со всѣмъ міромъ, со всѣми и всякими „независимыми“ партіями въ томъ числѣ, со всѣми врагами пролетаріата, какъ и съ его недальновидными друзьями.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ вопросу о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“. Намъ пишутъ съ юга: Какъ легко провести русскаго человѣка, какъ немудрено водить его за носъ! Ему трудно живется, ему нечѣмъ дышать, онъ мечется и рвется, но не хватаетъ духу разбить окно, за которымъ его ждетъ цѣлый міръ воздуха и свѣта, потому что онъ можетъ поранить руку. И вотъ онъ ждетъ, какъ институтка, молодца, который явится и вырветъ его изъ тюрьмы. Этимъ молодцомъ оказался кто-же? Восьмидесятилѣтній и притомъ лживый старикъ Ванновскій, — одна только декорація, вывѣска, на которой написано: коренная реформа, а за этой вывѣской сотни самыхъ алчныхъ, самыхъ наглыхъ аппетитовъ, готовыхъ каждую минуту сбросить эту вывѣску и замѣнить ее другою съ надписью: временныя правила и т. п., смотря по обстоятельствамъ, по духу времени. Но либералы забыли всѣ эти простыя вещи, возликовали и пришли въ умиленіе; завидѣвши коникъ пирога, покаванный имъ Ванновскимъ, они забѣжали впередъ, стали засматривать ему въ глаза, холопски повиливая хвостами отъ радости, и посыпались, какъ изъ рога изобилія, проэкты и планы, одинъ другого грандіознѣе и шире. Наступило состояніе полной невмѣняемости россійскаго обывателя: курился

ѳиміамъ царю за его щедроты, откуда-то выуживались добродѣтели Ванновскаго. А Ванновскій и его присные только посмѣивались: пускай потѣшатся дѣти, а усмирить ихъ во всякое время можно. И это время наступило: — обывателю скоро указали предѣлы его фантастическихъ мечтаній. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, призрачныя надежды начинаютъ разсѣиваться и остается одинъ скверный осадокъ отъ наступающаго сознанія подлаго обмана. Нужно-ли еще другого доказательства послѣ новыхъ ограниченій въ пріемѣ евреевъ въ школы среднія и высшія? Можетъ-ли существовать болѣе яркій примѣръ цинизма, чѣмъ такое противорѣчіе между громкими фразами и наглыми фактами? Евреи, впрочемъ, уже испытали на себѣ „сердечность" Ванновскаго, когда онъ былъ военнымъ министромъ. Онъ прекратилъ совершенно пріемъ евреевъ въ военно-медицинскую академію, а солдатъ-евреевъ въ учебныя команды (гдѣ подготовляются къ унтеръ-офицерскому званію). Что было первымъ дѣломъ Ванновскаго, когда онъ приказомъ царя былъ призванъ на постъ „коренного реформатора"? Онъ циркулярно внушаетъ начальникамъ учебныхъ заведеній строго держаться процентной нормы и устанавливаетъ вторичную норму для окончившихъ курсъ прогимназій (впрочемъ, послѣднее случается и съ не-евреями: въ Рязани изъ 31 чел. окончившихъ курсъ прогимназіи, принято въ этомъ году въ V классъ гимназіи лишь 15, при чемъ преимущество отдается тѣмъ, которые поступаютъ въ пансіонъ. „Гдѣ же связь между семьей и школой?" недоумѣваетъ мѣстный публицистъ, начиная понимать, что дѣло неладно). Но это только цвѣтики. Въ послѣдній мѣсяцъ стали носиться зловѣщіе слухи, что готовятся новыя ограниченія. Неужели? Возможно-ли? недоумѣвали всѣ; не хотѣлось вѣрить, сопоставлялось это съ коренной реформой; — дѣйствительно несопоставимо. Но прошло нѣкоторое время, и слухъ сдѣлался фактомъ, фактомъ гнуснымъ, нелѣпымъ. Установлены новыя нормы для пріема евреевъ въ университетъ; вмѣсто 10 — 7%, вмѣсто 5 — 3%, вмѣсто 3 — 2%. Въ нѣкоторыя гимназіи совершенно прекращенъ „на время пріемъ евреевъ, такъ какъ ихъ оказалось немного больше нормы", и приказано ждать впредь до окончательной нормировки. И это все дѣлается волей одного человѣка, путемъ даже не циркуляровъ, а воровскихъ предписаній, чтобы меньше шума было. Можно-ли здѣсь поставить точку? Но вѣдь еще осенью соберется коммиссія для обсужденія еврейскаго вопроса въ школѣ. До чего она дойдетъ? Что въ подлой угодливости передъ Ванновскимъ не будетъ недостатка, за это поручиться можно. Что дѣлать евреямъ? Куда дѣться отъ того, что есть и что еще будетъ? Представляетъ-ли себѣ конкретно читатель всѣ прелести процентной нормы? Случалось мнѣ готовить въ гимназію мальчиковъ евреевъ. Мнѣ кажется, что муки инквизиціи не могутъ сравниться съ тѣми, которыя пріуготовлены самодержавіемъ родителямъ-евреямъ, рѣшающимся опредѣлить сына въ гимназію, и самому мальчику. Я помню одного, который три года подрядъ держалъ экзаменъ въ первый классъ, послѣдніе два раза получилъ по двѣ пятерки, — и не былъ принятъ. Это былъ щупленькій, блѣдный мальчуганъ, безъ кровинки въ лицѣ, извѣдавшій уже на своихъ плечахъ, не смотря на свои 12 лѣтъ, всѣ прелести русскаго произвола. Онъ многое могъ бы повѣдать либераламъ, что могло бы имъ быть полезно. Каждый день, утромъ, вечеромъ, за обѣдомъ, отецъ твердилъ сыну, что онъ еврей и что забыть ему это преступно и что есть еще другой еврей-конкуррентъ, богатый и вліятельный, съ которымъ тягаться трудно. Достаточно было взглянуть на мальчика, чтобы сказать, что онъ помнитъ завѣтъ отца. Онъ бредилъ уроками, вскакивалъ среди ночи и хватался за книжку, его глаза блуждали... это былъ одинъ издерганный нервъ. Самый экзаменъ тоже обставленъ, какъ слѣдуетъ. Евреевъ экзаменуютъ отдѣльно, имъ задаютъ болѣе трудную диктовку, съ нихъ больше спрашиваютъ и на устномъ испытаніи. Выходитъ педагогъ и читаетъ, что такой-то русскій съ тройкой и четверкой принятъ, а еврей такой-то съ двумя пятерками долженъ ждать особаго совѣщанія. Придетъ несчастный мальчикъ домой и тамъ вскорѣ узнаетъ, что принятъ его конкуррентъ-богачъ потому, что отецъ его подкупилъ директора и т. п. — мерзости безъ конца, волосъ становится дыбомъ. Ну, можно-ли говорить о коренной реформѣ, не разрѣшивъ кореннымъ образомъ еврейскаго вопроса? Возможна ли сердечная связь, довѣріе, когда дѣти знаютъ, что директоръ — взяточникъ, а такой-то учитель берется за пятирублевый урокъ ублажить директора. Возможны-ли здоровые нравственные устои, когда гимназія превращается въ самый опасный притонъ умственнаго и нравственнаго разложенія, гдѣ развивается и классовой, и національный антагонизмъ, гдѣ втаптываются въ грязь самыя драгоцѣнныя свойства дѣтской души.

Мнѣ пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ евреемъ-купцомъ, педагогомъ и мальчикомъ-евреемъ гимназистомъ, только-что принятымъ въ гимназію и жившимъ у педагога, который и готовилъ мальчика. Педагогъ проливалъ слезы надъ бѣдными евреями: „въ нынѣшнемъ году одна вакансія для евреевъ, а 18 прошеній" (трогательное чувство, вѣроятно, явилось оттого, что онъ бралъ систематически въ долгъ деньги у купца-еврея). Я высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, поступитъ тотъ, кто дастъ бо́льшую взятку директору. Педагогъ отвѣтилъ, что такъ вездѣ и повсюду: „не помажешь, не поѣдешь" и что это дѣло житейское. Я позволилъ себѣ возразить, что уже во всякомъ случаѣ не въ школѣ мѣсто такимъ правиламъ; педагогъ замолкъ и ужь больше со мной не говорилъ. Стыдно ему стало? Не думаю; вѣрнѣе, онъ рѣшилъ, что я „опасный" или ужь очень наивный человѣкъ.

В. С. Арефьевъ, 2 августа въ селѣ Туркахъ, Балаш. у. въ Саратовской губ. въ земской больницѣ умеръ отъ мучительной болѣзни (гнойнаго воспаленія средняго уха), продолжавшейся два мѣсяца, Викторъ Севастьяновичъ Арефьевъ. Покойному было всего 27 лѣтъ отъ роду, а съ 18 лѣтъ онъ уже считался поднадзорнымъ. Онъ началъ работать очень рано, лѣтъ съ 16-17, и съ тѣхъ поръ непрестанно работалъ въ пользу дорогой ему идеи, до послѣдняго дня своей жизни. Былъ за это три раза въ ссылкѣ: въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и въ послѣдній разъ въ Сибири, откуда вернулся въ сентябрѣ прошлаго года. Въ первый разъ онъ былъ взятъ за подстрекательство крестьянъ къ бунту во время голоднаго года; во второй разъ за то, что раскрылъ и огласилъ дѣянія жандармскаго правленія и губернатора въ мѣстной газетѣ, и въ третій — за принадлежность къ Вятской революціонной организаціи и за печатаніе воззваній на земскомъ гектографѣ.

Въ Сибири, въ ссылкѣ онъ тоже непрестанно боролся со всякой неправдой и безбоязненно предавалъ гласности всѣ скрытыя продѣлки темной силы — администраціи и мѣстныхъ капиталистовъ. За эти разоблаченія полицейскіе чины привлекали Арефьева къ суду, который его оправдывалъ въ виду обнаружившейся правдивости его сообщеній, а высшее начальство гоняло его изъ одной волости въ другую, загнавъ подъ конецъ ссылки въ самую дикую мѣстность.

По возвращеніи изъ ссылки онъ тотчасъ же принялся за работу. Покойный былъ убѣжденный соціалистъ революціонеръ, но человѣкъ, чуждый всякой партійности, видѣвшій во всякомъ революціонерѣ, къ какому бы флагу и знамени онъ ни принадлежалъ, брата и борца за дорогіе ему свободу и благо народа. Русская революціонная партія понесла въ немъ несомнѣнную утрату.

Вѣчная память тебѣ, дорогой, безкорыстный, преданный другъ и товарищъ!

Вятскіе „штрейкбрехеры". Одиннадцать вятскихъ статистиковъ послали харьковскимъ статистикамъ, взявшимъ на себя починъ организаціи бойкота противъ екатеринославскаго земскаго султана Родзянко, очень странное заявленіе. Начавъ съ того, что уже послѣ вступительной рѣчи Родзянко къ земскимъ сдужащимъ „никто изъ нижеподписавшихся не пошелъ бы на службу къ г. Родзянко", гг. „нижеподписавшіеся", тѣмъ не менѣе, находятъ, что екатеринославскій инцидентъ они не могутъ считать „общестатистическимъ дѣломъ, для котораго надо было бы призывать къ заговору противъ г. Родзянко всю земскую статистику" Въ чемъ же все-таки дѣло? Оказывается, что екатеринославскіе статистики должны были уйти тотчасъ же послѣ того, какъ г. Родзянко потребовалъ отъ нихъ веденія дневниковъ, что они нашли для себя оскорбительнымъ. А такъ какъ екатеринославскіе статистики не сдѣлали этого тотчасъ же, а подождали, пока г. Родзянко не уволилъ ихъ товарищей за неисполненіе своего требованія, то гг. вятскіе статистики находятъ, что „екатеринославская исторія получила не столько общій и принципіальный, сколько личный характеръ, не имѣющій прямого отношенія къ профессіональнымъ интересамъ всѣхъ земскихъ статистиковъ".

Екатеринославскіе статистики протестуютъ противъ несправедливаго, по ихъ мнѣнію, увольненія ихъ товарищей предсѣдателемъ управы и призываютъ своихъ товарищей въ другихъ земствахъ поддержать ихъ стачку. Гг. вятскіе статистики не рѣшаются отрицать справедливости требованія екатеринославскихъ статистиковъ, но пускаются въ длинныя разсужденія о томъ, что стачку надо было начинать раньше, и кончаютъ тѣмъ выводомъ, что екатеринославская стачка не имѣетъ „прямого отношенія къ профессіональнымъ интересамъ всѣхъ земскихъ статистиковъ". Лучше нельзя было обнаружить полнѣйшее отсутствіе у вятскихъ статистиковъ какой бы то ни было профессіональной солидарности. Фабричные рабочіе не вдаются въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, рано или поздно устроили ихъ товарищи стачку, но считаютъ долгомъ классовой чести не мѣшать успѣху этой стачки, становясь на мѣста стачечниковъ. Вятскіе статистики въ своемъ пониманіи профессіональныхъ и общенаціональныхъ интересовъ своего „сословія", какъ видно, очень отстаютъ отъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

Гг вятскіе статистики находятъ, что бойкотированіе г. Родзянко „мѣра слишкомъ серьезная, чтобы ее можно было примѣнять безъ надлежащаго разбора и соотвѣтствія съ причиной"... „Отказываясь отъ работы въ нѣкоторыхъ земствахъ и заявляя о томъ публично, мы только облегчаемъ этимъ („совершенно чуждымъ статистикѣ") элементамъ завоеваніе земской статистики, такъ какъ съ одной стороны очищаемъ для нихъ бюро, съ другой — даемъ оружіе противъ себя администраціи и тѣмъ земскимъ управамъ, которыя тяготятся статистиками и не рѣшаются еще пожертвовать опытомъ и знаніями профессіональныхъ статистиковъ и интересами дѣла".

Очень первобытно разсуждаютъ гг. вятскіе статистики. Администрація и проникнутыя самоновѣйшимъ „благонамѣреннымъ" направленіемъ земскія управы подняли систематическую травлю земской статистики, норовя согнуть ее въ бараній рогъ и очистить отъ всякой неблагонамѣренной скверны. Въ этихъ видахъ статистическія бюро заполняются провороваввшимися становыми, потерпѣвшими крушеніе волостными писарями и т. п. „благонадежными" служащими. Въ этихъ же видахъ изъ однихъ статистическихъ бюро всячески выкуриваютъ всякихъ „поднадзорныхъ", изъ другихъ спеціально „марксистовъ" и т. д. Вятскіе статистики находятъ, что для того, чтобы не давать повода гг. Родзянко совершать такое „очищеніе", профессіональные статистики должны сами содѣйствовать введенію въ бюро такого режима, который соотвѣтствуетъ видамъ начальства и ради котораго послѣднее ищетъ себѣ служащихъ среди бывшихъ становыхъ. Стало быть, не борьбой гг. вятскіе статистики думаютъ отстоять свое существованіе, но приниженіемъ своихъ требованій. Боимся, что они прогадаютъ и что въ своемъ стремленіи во что бы то ни стало умиротворить свое начальство, „не давая противъ себя оружіе", они только поощрятъ его увеличивать свою требовательность и еще болѣе неуклонно проводить политику превращенія земскихъ учрежденій въ самыя обыкновенныя канцеляріи.

Полтава. Въ концѣ марта мѣстный жандармскій полковникъ Гангартъ вернулся съ общероссійскаго съѣзда жандармовъ, умудренный послѣдними выводами жандармской науки и снабженный опредѣленными указаніями на счетъ того, когда слѣдуетъ „тащить" и когда „не пущать". И хотя сами жандармы врядъ ли ожидали со стороны полтавскаго населенія какихъ-либо проявленій общественной самодѣятельности, но передъ 18-мъ апрѣля на всякій случай были приняты нѣкоторыя мѣры. На главныя улицы города была выпущена цѣлая свора жандармовъ, постовымъ городовымъ были даны соотвѣтствующія инструкціи, а мѣстами можно было замѣтить трогательную тройцу изъ городового, жандарма и „штатскаго". Въ то же время на Подолѣ, мѣстности, населенной желѣзнодорожными рабочими, каждую ночь поочередно дежурили четыре жандарма, а днемъ желѣзнодорожные жандармы, переодѣтые въ штатское платье, сновали по всѣмъ направленіямъ, возбуждая этимъ только насмѣшки со стороны знающаго ихъ въ лицо населенія. Понятно, что всѣ эти мѣры предупрежденія никого не могли испугать и ничего не могли предупредить: 18-го утромъ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ, расположенныхъ въ городѣ, были разбросаны и расклеены прокламаціи. Кромѣ небольшого количества общерусскихъ прокламацій, отпечатанныхъ въ типографіи „Южнаго Рабочаго", было выпущено еще двѣ мѣстныхъ, исполненныхъ на гектографѣ.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе прокламаціи произвели на совершенно сѣрую массу пришлыхъ бездомныхъ рабочихъ. Среди нихъ слышались возгласы, вродѣ того, что „а мы-то, дураки, ничего этого не знали!" или „Да бросимъ же работу: что же это въ самомъ дѣлѣ, рабы мы, что-ли?"

Цѣлыхъ два дня работа не клеилась: рабочіе собирались кучками, читали и обсуждали прокламаціи. Наиболѣе горячія головы рвались къ демонстраціи.

Возбужденіе, начавшееся среди рабочихъ, сильно обезпокоило желѣзно-дорожное начальство. О всемъ происшедшемъ немедленно дано было знать въ жандармское управленіе. Гангартъ пріѣзжалъ самолично, отнялъ нѣсколько прокламацій, допросилъ нѣсколько человѣкъ, но ничего не добился. Послѣ этого рабочіе еще нѣсколько дней носили прокламаціи съ собой въ мастерскія, а затѣмъ растащили ихъ по всему городу: отдѣльные экземпляры попали даже въ казармы. О праздникѣ перваго мая узнали широкіе слои рабочихъ. Кто не читалъ прокламаціи самъ, тотъ слыхалъ о нихъ отъ другихъ. И хотя въ изустной передачѣ содержаніе прокламацій принимало нерѣдко фантастическій характеръ, но уже и эта передача, возбуждая въ слушателяхъ любознательность, вскорѣ приводила ихъ къ познанію истины. Въ этомъ отношеніи любопытенъ эпизодъ, происшедшій на паровой мельницѣ Молдавскаго Разсказываютъ, что одинъ рабочій съ этой мельницы, неграмотный хохолъ, подойдя послѣ перерыва на завтракъ къ кучкѣ товарищей, обратился къ нимъ съ такими словами: „Оце міні вокзальцы казали, що тамъ якись письма получены. Пишутъ що изъ губерніи пріідуть пятьсотъ человикъ, будутъ тутъ бунтоваться у Полтаві". Но товарищи, успѣвшіе уже во время перерыва ознакомиться съ содержаніемъ прокламацій, разъяснили ему, въ чемъ дѣло...

Приводимъ присланный намъ обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

7 мая 1901 года среди рабочихъ Обуховскаго сталелитейнаго завода морского вѣдомства, находящагося въ с. Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка, города С.-Петербурга, возникли волненія: они стали собираться группами, а затѣмъ одна группа рабочихъ, въ количествѣ 150 человѣкъ, войдя послѣ обѣденнаго перерыва на дворъ завода, вызвала къ себѣ заводское начальство и, предъявивъ ему требованіе о принятіи на работы обратно 26 человѣкъ, разсчитанныхъ не задолго передъ тѣмъ за прогулъ, стали домогаться, кромѣ того, еще увеличенія заработной платы, установленія восьмичасоваго рабочаго дня и уничтоженія ночныхъ работъ. Сопровождая означенныя требованія дерзкими выходками, рабочіе вслѣдъ засимъ дали самовольно тревожный гудокъ объ окончаніи работъ и, вбѣжавъ съ крикомъ въ мастерскія, путемъ угрозъ заставили прекратить работу тѣхъ сотоварищей своихъ, которые продолжали работать. Шумъ и безчинства, произведенные внутри заводского двора, скоро привлекли къ воротамъ завода множество постороннихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые, несомнѣнно, явились съ цѣлью участвовать въ задуманныхъ безпорядкахъ, такъ какъ они всячески пытались проникнуть во дворъ завода, куда ихъ, по распоряженію начальства, не допускали. — Въ это самое время въ толпѣ появился Кронштадскій мѣщанинъ Александръ Михайловъ Ковальскій и, будучи удержанъ сторожемъ Алексѣемъ Курниковымъ, поставленнымъ для охраненія калитки у запертыхъ входныхъ воротъ завода, набросился на упомянутаго Курникова, сбилъ его съ ногъ и нанесъ Курникову девять ранъ въ голову, шею и спину, послѣ чего онъ задержанъ былъ околодочнымъ надзирателемъ Лѣсневичемъ. Вскорѣ послѣ этого толпа рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, окончательно прекративъ работу, съ крикомъ ура, гиканьемъ и свистомъ вышла со двора Обуховскаго завода на Шлиссельбургскій проспектъ, производя безпорядокъ и шумъ. Тѣмъ временемъ исправлявшій должность начальника завода подполковникъ Ивановъ далъ знать о происшедшемъ, по телефону, въ мѣстный полицейскій участокъ, откуда сообщено было о безпорядкѣ полиціймейстеру 3-го отдѣленія города С.-Петербурга полковнику Палибину. Въ виду этого названный полиціймейстеръ тотчасъ же прибылъ на мѣсто происшествія въ сопровожденіи эскадрона жандармовъ, 52 пѣшихъ и 19 конныхъ городовыхъ и засталъ на Шлиссельбургскомъ проспектѣ слѣдующее положеніе: въ отношеніи прибывшихъ еще ранѣе чиновъ мѣстной полиціи толпа вела себя крайне вызывающимъ образомъ и осыпала ихъ бранью и насмѣшками, видимо, стараясь вызвать столкновеніе. Замѣтивъ, что прибывшій на мѣсто околодочный надзиратель Костюжко-Валюжиничъ обращаетъ особое вниманіе на одного изъ наиболѣе шумѣвшихъ рабочихъ, нѣсколько человѣкъ послѣднихъ накинулись на Валюжинича съ крикомъ: „ребята, нашихъ хотятъ брать, не давайте", а вслѣдъ засимъ кто-то изъ означенныхъ лицъ ударомъ по затылку сбилъ съ ногъ Валюжинича, а другіе рабочіе сорвали съ него шашку, сломали ножны объ его голову и камнемъ выбили у Валюжинича два зуба. Послѣ того полиціймейстеръ Полибинъ, нарядивъ конные и пѣшіе патрули, сдѣлалъ распоряженіе о предложеніи скопившемуся народу разойтись и очистить проспектъ, но большинство рабочихъ, переходя съ мѣста на мѣсто, явно не желало подчиниться этому требованію, заявляя, что они, рабочіе, у себя дома и уходить не намѣрены. По адресу же патрульныхъ раздавались площадныя ругательства и крики, что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Отдѣльные рабочіе и мелкія партіи ихъ въ нѣсколько человѣкъ, обходя толпу и обгоняя патрульниковъ, громко уговаривали народъ не расходиться и не поддаваться увѣщаніямъ полиціи и возбуждали толпу словами: „что же, братцы, неужели мы не постоимъ за своихъ, возьмемся же за дѣло, не робѣйте, наша возьметъ". При этомъ нѣкоторые изъ шумѣвшихъ высказывали, что толпа за нихъ заступится въ случаѣ попытки полиціи кого-нибудь задержать, а другіе брали въ руки камни, размахивали палками и старались задѣть патрульныхъ, крича: „вотъ, какъ соберутся наши рабочіе, такъ мы вамъ покажемъ наши порядки". Торговыя заведенія вдоль Шлиссельбургскаго проспекта были закрыты, изъ опасенія разгрома, но нѣкоторые рабочіе пытались воспрепятствовать этому распоряженію, требуя съ крикомъ и угрозами открытія пивной, чайной и казенной винной лавокъ. Въ это самое время содержателю чайнаго заведенія Малафѣю Соловьеву бутылкою нанесенъ былъ ударъ по лицу, а одного изъ рабочихъ, не желавшаго примкнуть къ прочимъ, толпа преслѣдовала съ крикомъ: „если ты мастеровой, то и долженъ быть настоящимъ мастеровымъ" и, ломясь въ его домъ, куда онъ успѣлъ скрыться, требовала отъ домохозяина его выдачи. Около шести часовъ вечера окончились работы на сосѣдней съ Обуховскимъ заводомъ карточной фабрикѣ, а также на Александровскомъ казенномъ заводѣ, послѣ чего толпа на проспектѣ увеличилась еще нѣсколькими тысячами вышедшихъ оттуда рабочихъ. Постепенно большинство производившихъ безпорядки скопилось у находящагося на проспектѣ шлагбаума, ограждающаго переѣздъ подъѣздной желѣзной дороги черезъ Шлиссельбургскій проспектъ. Такого рода скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе и остановленъ проѣздъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедшій же вагонъ конно-желѣзной дороги съ прибывшими на немъ чинами полиціи былъ осыпанъ градомъ заранѣе заготовленныхъ камней. Для освобожденія проѣзда былъ командированъ штабсъ-капитанъ полицейскаго резерва Стаховичъ, но толпа встрѣтила его крикомъ „намъ нужна свобода" и требованіемъ открыть винную лавку, а сопровождавшій Стаховича городовой Янутовъ брошенною бутылкою сбитъ былъ съ ногъ, послѣ чего ему нанесенъ рядъ ударовъ, самому же Стаховичу съ большими усиліями удалось вырваться изъ рукъ рабочихъ, пытавшихся втащить его въ середину толпы, вооружившейся булыжниками и градомъ камней оттѣснившей нарядъ полиціи. Извѣщенный о происшедшемъ у шлагбаума полиціймейстеръ Палибинъ приказалъ тогда коннымъ жандармамъ силою разогнать толпу, очистить проѣздъ и возстановить движеніе по проспекту. Подъ натискомъ жандармовъ, обнажившихъ шашки, толпа дѣйствительно освободила временно проѣздъ и даже разсѣялась по сосѣднимъ дворамъ, но затѣмъ изъ-за заборовъ и изъ оконъ домовъ съ обѣихъ сторонъ проспекта чины полиціи и жандармы были буквально осыпаны градомъ заранѣе приготовленныхъ камней; большинство же безчинствовавшихъ засѣло во дворѣ карточной фабрики, заперевъ и забаррикадировавъ извнутри всѣ ворота и выходы, и стало бросать камни и кирпичи оттуда. При такихъ условіяхъ жандармы и конная стража принуждены были отступить, т. к. сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ булыжники пугали лошадей. — Захвативъ имѣвшихся на лицо пѣшихъ городовыхъ, полиціймейстеръ Палибинъ трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ карточной фабрики, съ цѣлью ихъ выломать; большинство сопровождавшихъ его городовыхъ получило ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней въ голову, спину и ступню. — Ободренная такимъ успѣхомъ, толпа вышла вновь на проспектъ и съ крикомъ: „что теперь сдѣлаете съ нами! если возьмете хоть одного, то мы съ вами раздѣлаемся", она стала надвигаться на отступающихъ къ Обуховскому заводу чиновъ полиціи, бросая въ нихъ камнями и смѣясь надъ выстрѣлами въ воздухъ, которые городовые принуждены были производить, а оттѣснивъ полицію и жандармовъ въ переулокъ, ведущій къ заводу, толпа и этотъ переулокъ осыпала камнями. Тогда исправляющій должность начальника Обуховскаго завода подполковникъ Ивановъ, опасаясь нападенія на самый заводъ, предложилъ полиціймейстеру Палибину воспользоваться имѣвшеюся на лицо и вооруженною ружьями морскою воинскою командою. Вытребовавъ по телефону еще эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ, полиціймейстеръ Палибинъ до ихъ прибытія согласился на предложеніе подполковника Иванова и распорядился выставить прибывшую на мѣсто морскую команду изъ 20 матросовъ у входа въ переулокъ и, открывъ огонь вдоль проспекта, разсѣять насѣдавшую толпу. Выстроившуюся подъ начальствомъ боцмана Заставнаго команду толпа осыпала камнями; самъ Заставный получилъ при этомъ ударъ булыжникомъ въ лѣвую ногу, а у одного изъ нижнихъ чиновъ перешиблено было ложе ружья, послѣ чего въ толпу дано нѣсколько залповъ боевыми зарядами: толпа разсѣялась, и проспектъ былъ очищенъ. Вскорѣ подошли еще двѣ роты Омскаго пѣхотнаго полка, эскадронъ жандармовъ и 80 человѣкъ городовыхъ, а затѣмъ, по распоряженію полиціймейстера, приступлено было къ заарестованію лицъ, скрывшихся въ сосѣдніе дома, изъ которыхъ были брошены камни. Нѣсколько изъ означенныхъ домовъ оказались запертыми, такъ что пришлось выламывать двери, при чемъ изъ-за заборовъ въ солдатъ и полицію снова брошены были камни, и въ это время между прочимъ, раненъ былъ конный городовой Николенко при слѣдующихъ обстоятельствахъ: обративъ вниманіе на то, что со

Въ городѣ 18 апрѣля прошло въ общемъ спокойно. Только одну работницу изъ швейной мастерской, прочитавшую во всеуслышаніе подброшенную ей прокламацію, таскали было въ полицію, но вскорѣ выпустили безъ всякихъ послѣдствій. Кромѣ того, въ одной типографіи наборщики, проникшись, подъ вліяніемъ прокламаціи, духомъ протеста, потребовали сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ; хозяинъ поспѣшилъ уступить. Черезъ нѣсколько дней послѣ 18-го апрѣля среди обывательской публики, особено въ мелкобуржуазной средѣ, распространился слухъ о томъ, что на первое мая назначенъ „бунтъ" на Рѣзницкой горѣ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, подобныхъ же опасеній были не чужды и сами представители власти.

Только слово „бунтъ" въ слухахъ, имѣвшихъ своимъ первоисточникомъ оффиціальныя сферы, было замѣнено словомъ „демонстрація". Однако, ни ожиданія однихъ, ни опасенія другихъ не оправдались на дѣлѣ. 1 мая прошло еще спокойнѣе, чѣмъ 18 апрѣля. Лишь въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было разбросано до сотни прокламацій (общерусскихъ, изданіе „Искры"), да десятка полтора первомайскихъ номеровъ „Южнаго Рабочаго". Какъ и первый разъ, прокламаціи вызвали сильное оживленіе, но не повели ни къ какимъ практическимъ результатамъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что все это время власти вели себя довольно корректно: не было ни арестовъ, ни даже обысковъ. Правда, за послѣднее время у насъ было и то, и другое, но это не имѣетъ уже прямого отношенія къ событіямъ перваго мая.

P. S. Вотъ уже два мѣсяца въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ нѣкто Власовъ, отбывавшій въ Полтавѣ гласный надзоръ. Вся вина его состоитъ въ храненіи нѣсколькихъ нелегальныхъ брошюръ. Убѣдившись, что сидѣнію не предвидится конца, Власовъ сталъ требовать освобожденія, угрожая въ противномъ случаѣ голодовкой. На заявленія его, разумѣется, не было обращено никакого вниманія, и съ 25-го Власовъ сталъ голодать. Трехдневная голодовка подѣйствовала: Власовъ освобожденъ.

Кишиневъ. По поводу полученной изъ Петербурга прокламаціи группы студентовъ — членовъ землячествъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ Кишиневѣ состоялся рядъ студенческихъ собраній, пришедшихъ къ нижеслѣдующей резолюціи. Кромѣ того, на дняхъ созвано было собраніе изъ представителей мѣстнаго общества въ числѣ 146 чел. Вопросы, обсужденные на предыдущихъ собраніяхъ, были разсмотрѣны и на этомъ собраніи изъ представителей общества, которые присоединились къ студенческому протесту и приняли ту же резолюцію, постановивъ придать ей самую широкую гласность (путемъ печати, письменной и устной передачи, созывомъ подобныхъ собраній и т. д.).

Резолюція такова: „Мы, какъ студенты-граждане, выражаемъ свой протестъ и негодованіе противъ возмутительнаго поведенія правительства, выразившагося въ ограниченіи доступа евреевъ въ высшія учебныя заведенія и въ проведеніи (къ тому же административнымъ путемъ) цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, какъ напр., подтвержденіе Боголѣповскаго циркуляра о прикрѣпленіи къ округамъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ духомъ реформъ, намѣченныхъ весною подъ напоромъ студенческихъ и общественныхъ волненій.

„Мы полагаемъ, что студенты и общество должны по прежнему оставаться активными и выставить слѣдующія требованія:

1. Отмѣны стѣсненій въ выборѣ университета.
2. Возвращенія уволенныхъ и отданныхъ въ солдаты товарищей.
3. Свободнаго доступа въ высшія учебныя заведенія всѣмъ, безъ различія религіи, пола и національности.
4. Свободнаго обсужденія реформы печатью и обществомъ".

Новыя рогатки. Новый циркуляръ г. Сипягина преподаетъ мѣстнымъ властямъ „указанія, коими надлежитъ руководствоваться при выдачѣ разрѣшеній на устройство публичныхъ представленій, концертовъ и другихъ увеселеній съ благотворительной цѣлью". Какихъ внутреннихъ враговъ имѣетъ въ виду этотъ новый циркуляръ? Очень многихъ: и голодающихъ крестьянъ, въ пользу которыхъ очень часто устраиваются и должны были устраиваться въ настоящемъ голодномъ году вечера и концерты; и нуждающуюся учащуюся молодежь, противъ которой особо направлены отдѣльные пункты циркуляра, запрещающіе устраивать вечера въ пользу студентовъ безъ разрѣшенія ихъ начальства, а студентамъ — быть устроителями вечеровъ; всякаго рода неоффиціальныя просвѣтительныя общества, которыя добываютъ часть своихъ доходовъ вечеринками; и, наконецъ, революціонныя партіи и организаціи помощи жертвамъ русскаго правительства, которыя, не смотря на всѣ мѣры шпіонскаго надзора, ухитрялись кое-что получать съ этихъ вечеринокъ и концертовъ. Новый циркуляръ требуетъ, чтобы прежде, чѣмъ дать разрѣшеніе на устройство представленія, концерта, вечеринки или чтеній, мѣстныя власти „удостовѣрялись въ дѣйствительныхъ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ оными", т. е. производили сыскъ о „благонадежности" устроителей.

Далѣе вводится полицейскій контроль за продажей билетовъ, воспрещается развозить билеты и программы спектакля на домъ, равно какъ раздавать ихъ постороннимъ лицамъ для распродажи.

Далѣе, уплата расходовъ по спектаклю производится также подъ наблюденіемъ назначеннаго губернаторомъ лица, которое представляетъ властямъ „оправдательные документы на всѣ расходы по устройству вечера".

Весь чистый доходъ вручается губернаторскому „наблюдателю", который передаетъ эти деньги губернатору для врученія тому учрежденію, въ пользу котораго разрѣшенъ вечеръ.

Особый пунктъ воспрещаетъ произнесеніе на вечерахъ рѣчей, а равно устройство денежныхъ сборовъ.

Жизнь, конечно, не преминетъ обойти всѣ эти новыя рогатки и, въ частности, сочувствующая русской революціи публика найдетъ возможность пополнять и при новыхъ порядкахъ кассы нашихъ организацій. Новый циркуляръ характеренъ, какъ показатель всей безграничной наглости нашихъ правителей. Назойливая полицейская опека залѣзаетъ во всѣ углы обывательской жизни, ломая все на своемъ пути. Невинныя вечеринки и представленія отдаются подъ надзоръ разныхъ „наблюдателей", шпіонскія способности которыхъ должны изощряться именно въ дѣлѣ контроля благотворительныхъ сборовъ. Вотъ въ разнаго рода акціонерныя предпріятія попечительное начальство не пытается лѣзть съ усиленнымъ контролемъ. Тамъ оно чрезвычайно „либерально", туда оно вмѣшивается только тогда, когда явно запахло уголовщиной, да и вмѣшивается часто затѣмъ только, чтобы затушевать скандальныя злоупотребленія. А мирное дѣло обывательской благотворительности оно норовитъ совершенно парализовать своимъ „наблюденіемъ".

Совѣтуемъ русскому обывателю задуматься надъ очень серьезной задачей: при данной наглости правительства и данномъ смиреніи обывателей черезъ сколько, примѣрно, лѣтъ мы дождемся распоряженія о томъ, чтобы всякій обыватель представлялъ всѣ свои домашніе счета на просмотръ ближайшаго постового городового?

Боимся, что это время не за горами.

Въ сибирской тюрьмѣ. ...„Писать много въ этотъ разъ не буду, такъ какъ еще не оправился отъ послѣдствій жестокой пытки, которой былъ подвергнутъ смотрителемъ-палачомъ Ачинской уѣздной тюрьмы 25 іюня. Пытка надо мной началась часовъ въ 6 вечера послѣ повѣрки, когда за мной пришелъ смотритель со старшимъ и подстаршимъ и тремя конвойными солдатами и приказалъ подъ конвоемъ идти въ контору, гдѣ будто бы меня ожидалъ жандармъ. Не идти подъ штыками было нельзя. Меня вывели на дворъ, и смотритель, обратившись къ конвойнымъ, сказалъ, указывая на меня: „это бунтовщикъ, политическій, бунтуетъ противъ государя императора", и съ этими словами ударилъ меня по головѣ два раза. Я закричалъ: „караулъ, меня бьютъ!" На мой крикъ выбѣжалъ изъ камеры арестантъ, техникъ Петрущъ, и спросилъ: что такое? Бить меня больше тутъ не стали, а, разувъ и обыскавъ, повели въ контору. Тамъ смотритель, оставивъ конвойныхъ и сказавъ имъ, что сейчасъ придетъ жандармъ и будетъ меня сѣчь розгами, завелъ меня въ посѣтительскую и, отославъ лишнихъ людей, оставилъ лишь одного надзирателя, прихвостня Бердина, затворилъ въ посѣтительскую двери и сказалъ мнѣ: „какъ ты смѣлъ дерзнуть разговаривать съ его превосходительствомъ" (наканунѣ я дѣлалъ заявленіе тюремному инспектору и прокурору по поводу условій содержанія и задержанія меня въ тюрьмѣ), и съ этими словами началъ меня бить по лѣвому виску и, ударивъ разъ 6-7, ткнулъ пальцемъ въ лѣвый глазъ и ударилъ еще разъ по этому глазу, отчего онъ совсѣмъ закрылся, а я лишился чувствъ. Въ чувство меня привели холодной водой, которую лили на голову и въ ротъ. Когда я пришелъ въ себя, меня опять смотритель началъ бить по головѣ и по лицу, рвать за волосы, за уши, за щеки, за губы до тѣхъ поръ, пока я снова не лишился чувствъ. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Я бы навѣрное былъ забитъ до смерти, что и твердилъ мнѣ смотритель и даже выхватывалъ изъ ножень шашку, говоря, что срубитъ голову, но въ то время пришелъ письмоводитель (это я узналъ потомъ) и помѣшалъ злодѣйскому замыслу смотрителя. Меня еле живого привели въ камеру, въ которой наглухо забили окно, лишили воды, кипятку и прогулки и посадили на „парашу". Когда меня терзали, душа надзирателя, который стоялъ въ нашемъ отдѣленіи, возмутилась звѣрствомъ пытки, и онъ донесъ о случившемся помощнику исправника, а смотрителю заявилъ, что онъ не желаетъ больше служить, ибо не желаетъ идти съ нимъ на каторгу. Смотритель уговаривалъ его остаться, но тотъ отказался. На другой день былъ помощникъ исправника и видѣлъ меня избитаго, и всѣ арестанты видѣли меня избитаго... Что будетъ дальше, не знаю. Теперь часто теряется сознаніе и кружится голова..."

Авторъ письма — ткачъ Никифоръ Маховъ. За стачку въ Ив.-Вознесенскѣ 1898 г. былъ высланъ подъ надзоръ въ Харьковъ. Въ декабрѣ 1899 г. или январѣ 1900 г. былъ арестованъ по обвиненію въ организаціи харьковскаго соціалдемократическаго ремесленнаго союза. До объявленія приговора (въ февралѣ 1901 г.) просидѣлъ въ тюрьмѣ, послѣ чего этапнымъ порядкомъ былъ отправленъ на три года въ Восточную Сибирь. Письмо было имъ написано частному лицу и попало въ редакцію безъ его — Махова — вѣдома и согласія. **Редакція.**

Изъ Якутска. (Къ положенію ссыльныхъ въ Сибири). Намъ сообщено для огласки письмо къ товарищу одного изъ якутскихъ ссыльныхъ, изъ котораго приводимъ кое-какія выдержки.

...„Повѣришь-ли ты, что́ со мной тутъ продѣлали! Слушай, и пусть это будетъ въ назиданіе всѣмъ ссыльнымъ. То свидѣтельство о болѣзни, согласно которому я выѣхалъ изъ Верхоянска (въ Якутскъ), было выдано мнѣ фельдшерицей (врача здѣсь нѣтъ), женою одного изъ ссыльныхъ, которая находилась въ постоянныхъ острыхъ отношеніяхъ съ якутскими медицинскими властями изъ-за неисправности въ высылкѣ медицинскихъ средствъ. Вслѣдствіе этого, когда въ серединѣ апрѣля я былъ здѣсь (въ Якутскѣ) освидѣтельствованъ коммиссіей, то эта послѣдняя, какъ разъ въ противоположность указанному свидѣтельству, дала заключеніе, что я „совершенно здоровъ!" Этотъ отзывъ, конечно, отнялъ у меня всякій поводъ для ходатайства о переводѣ (т. е. оставленіи въ Якутскѣ), и привелъ въ смущеніе даже лицъ изъ администраціи. Тогда же я подалъ губернатору заявленіе, что отзывъ коммиссіи, будто я „совершенно здоровъ", не только самъ по себѣ невѣроятенъ, но и невѣроятность его подтверждаютъ также всѣ свидѣтельствовавшіе меня въ Россіи (и при дѣлѣ есть бумага — въ департаментѣ полиціи, вѣроятно) и даже вдѣсь лѣтомъ прошлаго года, почему и просилъ помѣстить меня на испытаніе въ гражданскую больницу. Пока это заявленіе разсматривалось ($1^1/_2$ недѣли!), наступила распутица, и отправить меня обратно въ Верхоянскъ (что́ было уже рѣшено) стало до лѣта невозможнымъ. На прошеніе я отвѣта не получилъ, но полиція помѣстила меня въ городскую больницу, и, какъ я узналъ, это сдѣлано было не для провѣрки указаннаго отзыва коммиссіи, а для того, чтобы „удостовѣриться, нормаленъ-ли я психически", что́, будто бы, по заявленію верхоянскаго исправника, подлежитъ сомнѣнію. Въ больницѣ меня помѣстили въ общія палаты (завѣдуетъ больницей врачъ, входившій въ составъ коммиссіи), а не въ психіатрическое отдѣленіе. (Значитъ, люди сами не вѣрили въ мою „ненормальность"; но это былъ лишь предлогъ не выпускать меня на волю, что́ подтверждается также и тѣмъ, что я былъ предупрежденъ о „полномъ подчиненіи больничному режиму"). Сначала недѣли три я лежалъ въ отдѣленіи для нервнобольныхъ; затѣмъ, оставивъ свободной эту палату, меня въ числѣ бывшихъ со мною перевели въ другую, гдѣ въ небольшомъ помѣщеніи скопилось болѣе 10 чел. Отчаянная духота и вѣчный кашель больныхъ не давали мнѣ покою, и я все время страдалъ безсонницей. Нѣсколько разъ обращался я къ врачу съ просьбой перевести либо въ прежнее отдѣленіе, либо въ другое, гдѣ болѣе спокойно. Врачъ отказывалъ и предлагалъ, если хочу, въ психіатрическое отдѣленіе(!). Но туда я идти не хотѣлъ, такъ какъ, помимо всего прочаго, зналъ отъ сидѣвшихъ тамъ, что отдѣленіе это почти не посѣщается ни врачами, ни фельдшерами. Не видя другого исхода, кромѣ вмѣшательства извнѣ, я отказался отъ пріема пищи и лѣкарствъ, и такъ провелъ четверо сутокъ. Наконецъ, 26 мая, передъ пріѣздомъ генералъ-губернатора, отъ меня уже потребовали перейти въ психіатрическое отдѣленіе, при чемъ не скрыли, что будутъ держать меня тамъ на запорѣ. Увидя въ этомъ уже подвохъ, т. е. желаніе скрыть меня на время пребыванія здѣсь ген.-губернатора и не дать возможности жаловаться, я категорически отказался перейти. Врачъ, какъ я потомъ узналъ изъ частныхъ слуховъ, не считалъ меня ненормальнымъ, не находилъ возможнымъ употребить надо мною насиліе. Однако, не смотря на это, безъ предупрежденія меня, въ палату нагнали цѣлую свору городовыхъ, и квартальный, бывшій во главѣ ихъ, потребовалъ — „добровольно" перейти въ психіатрическое отдѣленіе. Я заявилъ ему, что пока я не выписанъ изъ больницы, съ полиціей дѣлъ по этому поводу не имѣю, и требовалъ для объясненій врача. Но тотъ предпочелъ не явиться. Видя такую наглость, я рѣшилъ запечатлѣть ее сопротивленіемъ, чтобы предать дѣло огласкѣ, и объявилъ, что добровольно не пойду. Тогда на меня, обезсиленнаго четырехъсуточнымъ голодомъ, въ присутствіи больныхъ, въ палатѣ накинулась вся свора городовыхъ... Скоро, конечно, я былъ связанъ и доставленъ, куда требовалось. Въ психіатрическомъ отдѣленіи меня не только заперли, но забили даже окно и лишили табаку, книгъ и свиданій. Отказано было и въ выдачѣ письменныхъ принадлежностей для написанія дѣловыхъ бумагъ на имя прибывшаго генералъ-губернатора: — прямо азіатскій клоповникъ! Такъ просидѣлъ я недѣлю, а ген.-губернаторъ при посѣщеніи больницы въ пси-

---

двора дома 3/5 по Станціонной улицѣ бросаютъ камни, означенный Николенко съ другимъ городовымъ подошелъ къ воротамъ и замѣтилъ, что калитку извнутри держатъ нѣсколько человѣкъ, въ виду чего ему пришлось открыть ее силою; когда Николенко входилъ во дворъ, то бывшіе тамъ разбѣжались, за исключеніемъ одного, впослѣдствіи оказавшагося рабочимъ Обуховскаго завода, крестьяниномъ Афанасіемъ Красулинымъ, который сталъ отбиваться отъ городовыхъ и ударилъ Николенко три раза ножомъ въ бокъ, въ лѣвую руку и въ спину. Выстрѣлами воинской команды оказался убитымъ рабочій Обуховскаго завода Павелъ Максимовъ и смертельно ранены рабочіе Николай Евдокимовъ и Адріанъ Рожковъ; изъ остальныхъ же раненыхъ въ толпѣ къ врачебной помощи обратились десять человѣкъ, получившихъ болѣе или менѣе серьезныя пораненія ружейными пулями и сабельными ударами. Раны-же, полученныя при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ сторожемъ Алексѣемъ Курниковымъ и городовымъ Николенко отнесены были врачомъ къ числу легкихъ. Изъ числа должностныхъ лицъ при нападеніи толпы пострадали, независимо Курникова и Николенко, полиціймейстеръ Палибинъ, у котораго оказалась ушибленная рана на головѣ и контузія ступни; помощникъ пристава Войко, получившій сильный ушибъ въ животъ, околодочный надзиратель Костюшко-Валюжиничъ, подпоручикъ Омскаго пѣхотнаго полка Кинареевъ, помощникъ прист. Старцевъ и свыше 15 городовыхъ, получившіе болѣе или менѣе значительные ушибы и ссадины.

На возникшемъ по сему поводу предварительномъ слѣдствіи, кромѣ поименованныхъ Александра Ковальскаго и Афанасія Красулина, нанесшихъ при вышеописанныхъ условіяхъ раны Курникову и Николенко, установлено участіе еще 35 чел. По удостовѣренію чиновъ мѣстной полиціи, въ числѣ лицъ, шедшихъ впереди толпы со двора карточной фабрики и камнями оттѣснявшихъ полицію въ переулокъ къ заводу, находились рабочіе Обуховскаго завода: Александръ Калининъ, Михаилъ Пошехоновъ, Захаръ Анисимовъ, онъ же Андреевъ, Павелъ Константиновъ, Дмитрій Кокушкинъ, Дмитрій Ситниковъ, Дмитрій Саженниковъ, Михаилъ Ѳедоровъ, Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, и Дмитрій Вересовъ; рабочіе Александровскаго завода: Ефимъ Дахинъ, Николай Чирковъ, Евдокимъ Трушинъ и Виталій Соколовъ; рабочій Путиловскаго завода Константинъ Мѣдянцевъ, бывшіе рабочіе Обуховскаго завода, разсчитанные передъ безпорядками за прогулъ ими 1 мая, Дмитрій Петровъ, Григорій Емельяновъ и Константинъ Стефанъ, а также лица, не имѣющія опредѣленныхъ занятій, дворянинъ Анатолій Гавриловъ, крестьяне Александръ Александровъ, Александръ Даувальтеръ, Александръ Щербаковъ, Александръ Тарасовъ, Александръ Богдановъ, Андрей Чирковъ, Семенъ Машистовъ, Михаилъ Кирилловъ и Иванъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ; изъ нихъ Мѣдянцевъ и Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, по словамъ очевидцевъ Дмитрія Иванова, Анатолія Ѳедорова и Малафѣя Соловьева, участвовали помимо того и въ нападеніи на винную и чайную лавки. Кромѣ этихъ лицъ, по показанію дворниковъ карточной фабрики Андрея Гаврилова и Павла Петрова, во время безпорядковъ, работницы означенной фабрики Марфа Яковлева и Лидія Бурчевская выбирали изъ мостовой булыжники и въ подолахъ платья подавали ихъ бросавшимъ въ чиновъ полиціи лицамъ, при чемъ Яковлева говорила: „мы стоимъ за братьевъ". Означенная Яковлева, по удостовѣренію завѣдующаго домами карточной фабрики Петерса, извѣстна ему какъ соучастница какихъ-то тайныхъ сборищъ. Далѣе, по словамъ ночного караульщика Беньковскаго и сторожа Александровскаго завода Матеюнаса, лицомъ, ранившимъ полиціймейстера Палибина, былъ не имѣющій опредѣленныхъ занятій крестьянинъ Василій Моисеевъ Багровъ; послѣ безпорядковъ означенный Багровъ самъ хвастался, что онъ не бездѣйствовалъ, бросая въ полицію камни; однимъ изъ нихъ попалъ въ лошадь какого-то полицейскаго, а другимъ въ полковника съ длинною черною бородою, такъ что тотъ упалъ и шапка свалилась съ его головы; товарищъ же его, Багрова, попалъ булыжникомъ городовому въ голову. Независимо изложеннаго, въ толпѣ у шлагбаума замѣчены были прикащикомъ мясной лавки Иваномъ Голубевымъ рабочій Обуховскаго завода Александръ Зайцевъ, бросавшій съ яростью въ полицію камни и уволенный съ завода Тимофей Завалишинъ, который бросилъ булыжникомъ въ жандармскаго офицера, но промахнулся и попалъ лишь въ его лошадь. Еще ранѣе, нежели толпа начала бросать въ полицію камни, городовой Степаненко, между прочимъ, обратилъ вниманіе на рабочаго Обуховскаго завода Николая Васильева Семенова, который, расхаживая съ булыжникомъ въ рукахъ, въ разныхъ мѣстахъ возбуждалъ толпу противъ полиціи словами: „братцы, не поддавайтесь, намъ ничего не значитъ полиція". Во время безпорядковъ, по показанію городовыхъ Николая Пархимовича, Ивана Кржеминскаго, Парфена Кузнецова, Іосифа Сташкевича, Алексѣя Припадчева и Антона Метелицы, а также штабсъ-капитана Владиміра Страховича и агента сыскной полиціи Константина Швейковскаго, изъ толпы, а равно изъ оконъ дома у шлагбаума и дворовъ карточной фабрики раздавались револьверные выстрѣлы. По удостовѣренію же полицейскихъ чиновъ села Александровскаго, въ толпѣ особенно выдѣлялись своею дѣятельностью рабочіе Обуховскаго завода Анатолій Ермаковъ и упомянутый выше Ефремъ Дахинъ, Анатолій Гавриловъ, Иванъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, Константинъ Мѣдянцевъ, Константинъ Стефанъ, Григорій Емельяновъ и Александръ Александровъ; лица эти выбѣгали изъ толпы и звали ее за собою, подбодряя ее личнымъ примѣромъ и подстрекая къ насильственнымъ противъ чиновъ полиціи дѣйствіямъ. Означеннаго Анатолія Ермакова видѣла въ толпѣ у шлагбаума также и подручная казенной винной лавки Прасковья Михайлова; замѣтивъ ее, Ермаковъ крикнулъ: „Зачѣмъ закрыли казенки, мы бы выпили для храбрости", а потомъ, обратясь къ толпѣ, онъ взмахнулъ руками и закричалъ: „бросать камни", послѣ чего тотчасъ, какъ по сигналу, въ полицейскихъ изъ толпы посыпался настоящій градъ камней. У Ермакова, по словамъ Михайловой, въ квартирѣ хранились прокламаціи, и онъ и ранѣе часто высказывалъ, что добивается политической свободы и введенія восьмичасоваго рабочаго дня. 22 апрѣля же 1901 г. Ермаковъ ходилъ, съ цѣлью участія въ демонстраціи, на Невскій проспектъ, захвативъ съ собою красный флагъ. Ефремъ Дахинъ замѣченъ былъ во все время безпорядковъ, какъ лицо, принимавшее въ нихъ дѣятельное участіе; по удостовѣренію городового Халдеева, Дахинъ находился въ числѣ рабочихъ, избившихъ околодочнаго надзирателя Костюшко-Валюжинича, и онъ же, Дахинъ, по показанію околодочнаго надзирателя Максимова и помощника пристава Войко, ударилъ послѣдняго желѣзнымъ прутомъ по спинѣ въ то время, когда Войко съ чинами полиціи, подъ натискомъ толпы, принужденъ былъ отступать къ заводу. Изъ остальныхъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ Анатолій Гавриловъ, по словамъ околодочнаго надзирателя Бродовскаго, подстрекалъ народъ бросать камни въ полицію и самъ бросалъ таковые; обстоятельство это удостовѣрено и помощникомъ пристава Келинымъ, въ котораго Гавриловъ бросилъ камнемъ, но не попалъ. Точно также Гаврилова видѣлъ и мѣщанинъ Антонъ Баракъ бѣжавшимъ по Петровскому переулку и кричавшимъ толпѣ: „Чего вы стоите и смотрите? Беритесь за камни". У Гаврилова, по удостовѣренію сторожа Обуховскаго завода Ивана Павлова, незадолго до 22 апрѣля 1901 г. имѣлись воззванія, приглашавшія рабочихъ на означенное число на Невскій проспектъ, для какой-то манифестаціи; одну изъ этихъ прокламацій Гавриловъ передалъ ему, Павлову, съ просьбой бросить ее въ мастерской, упоминая при этомъ, что 22 апрѣля онъ, Гавриловъ, непремѣнно пойдетъ на Невскій проспектъ.

Всѣ вышеуказанныя данныя послужили основаніемъ для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ... (названныхъ лицъ)... Изъ числа этихъ лицъ одна лишь Марфа Яковлева признала себя виновною, объяснивъ, что она дѣйствовала изъ сочувствія къ рабочимъ, такъ какъ полицейскіе, разгоняя толпившихся на улицѣ, били ни въ чемъ неповинныхъ людей. Что же касается Александра Ковальскаго, то онъ призналъ себя виновнымъ лишь въ нанесеніи ранъ сторожу Курникову, объяснивъ, что совершилъ это преступленіе въ состояніи опьяненія, подъ вліяніемъ происшедшей съ Курниковымъ ссоры, но никакого безчинства онъ не производилъ и въ безпорядкахъ не участвовалъ.

Всѣ остальные обвиняемые виновными себя не признали, пояснивъ, что въ буйствѣ они никакого участія не принимали и на чиновъ полиціи не нападали, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сослались на то, что во время безчинствъ они находились неотлучно у себя на квартирахъ, но объясненія эти на предварительномъ слѣдствіи не нашли себѣ достаточнаго подтвержденія.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что изъ числа обвиняемыхъ ранѣе сего понесли наказанія за нарушеніе общественной тишины: Александръ Тарасовъ 6 разъ, Константинъ Мѣдянцевъ 3 раза, Дмитрій Вересовъ и Александръ Щербаковъ по два раза каждый, Константинъ Стефанъ, Николай Семеновъ, Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, Михаилъ Федоровъ и Александръ Богдановъ по одному разу; изъ нихъ Щербакову, за порочное поведеніе, распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, воспрещено было жительство въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ

хіатрическое отдѣленіе не защелъ. Потомъ мнѣ открыли окно и разрѣшили табакъ и книги, но свиданій не давали, письменныхъ принадлежностей тоже и изъ-подъ запора не выпускали даже для прогулки. Въ заключеніе врачъ больницы отказался лѣчить меня, говоря, что признаетъ меня здоровымъ. Потомъ сталъ давать только ванны (черезъ день) и валеріянку (!). Но развинченный окончательно организмъ мой, наконецъ, не выдержалъ, и со мной случился припадокъ сердцебіенія, — не знаю прямо, какъ живъ остался; Это было 20 іюня ночью; врачъ и фельдшеръ кое-какъ отходили меня. 23 го меня повезли въ Областное Правленіе, и тутъ, въ присутствіи врачей и чиновниковъ (даже прокурора!), провѣрили отзывъ больничнаго врача о моей психической нормальности, и отсюда уже отвезли прямо въ тюрьму. Значитъ, признал меня во всѣхъ отношеніяхъ здоровымъ и рѣшили отправить обратно уже черезъ тюрьму! Возможности подобнаго случая я повѣрилъ бы, если бы онъ имѣлъ мѣсто въ Персіи или Турціи только! Вотъ, братъ, какія тутъ гнусныя, вопіющія вещи возможны! Сижу въ тюрьмѣ, но мнѣ ничего не объявлено, сказано только въ препроводительной бумагѣ, чтобы „содержать впредь до отправленія въ Верхоянскъ". Повезутъ-ли меня теперь, лѣтомъ, что очень возможно, разъ возможны и не такія еще вещи, или буду сидѣть здѣсь до самаго пути (съ ноября), — мнѣ неизвѣстно. Путь по болотамъ и тайгѣ верхомъ отчаянный: даже здоровыхъ обыкновенно въ это время (лѣтомъ) не отправляютъ, и меня въ прошлое лѣто не отправили, найдя, по освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ этому пути.

На дняхъ объявили, что меня отправятъ въ Булунъ: ужъ сами не знаютъ, куда меня дѣть.

Самара. Поиски террористическаго общества. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ, тотчасъ же послѣ выстрѣла Лаговскаго, служившаго статистикомъ въ Земской Управѣ, жандармерія пришла въ необычайное движеніе. И не мудрено: всю зиму прокуратура получала доносы на мѣстную интеллигентную публику, — а тутъ вдругъ Лаговскій. Изъ Питера полетѣли одна за другой шифрованныя телеграммы съ требованіемъ во что бы то ни стало открыть сообщниковъ Лаговскаго, и вотъ мѣстный жандармскій ротмистръ Битепажъ всей своей грузной и глупой фигурой двинулся въ походъ на обывателей, твердо надѣясь докопаться до самыхъ корней „революціи" и получить обѣщанную награду — полковничій чинъ. Но увы! Охота до чиновъ у Битепажа велика, а глупость его и того больше! Произведя нападеніе, конечно, прежде всего на служащихъ въ земствѣ и особенно на статистиковъ, Битепажъ ворочался отовсюду съ пустыми руками. Однако, энергія не покидала его, и обыски производились по нѣскольку разъ въ одной и той же квартирѣ; инвентарь почти всѣхъ статистиковъ тщательно пересматривался и переписывался, но „крамолы" ни въ чемъ не оказывалось. Тѣмъ не менѣе нѣсколько человѣкъ изъ земскихъ служащихъ было все-таки арестовано (Михеевъ, Владиміровъ, Кудряковъ, Вершининъ, П. Кондратьевъ, Колмановъ). Для ареста достаточно было, напр., такого повода: у статистика Кондратьева найдены были тѣ мѣста изъ „Воскресенья" Толстого, которыя были запрещены русской цензурой; Битепажу показалось это такой революціей, что онъ немедленно арестовалъ Кондратьева. Но когда другіе указали ему, что изъ такой овчинки шубы не сошьешь, а чинъ получить и мечтать нечего, то Битепажъ пришелъ было совсѣмъ въ отчаяніе. Но тутъ его выручилъ какой-то шутникъ изъ шпіоновъ, который подбросилъ ему въ квартиру анонимную записку съ сообщеніемъ, что въ Самарѣ учреждено „анархически-революціонное сообщество", во главѣ котораго стоитъ Севрюкъ. Жандармское правленіе возликовало, и Битепажъ, вмѣстѣ съ подлѣйшимъ изъ мѣстныхъ товарищей прокурора Микулинымъ, сдѣлалъ новое нападеніе, надѣясь на этотъ разъ схватить „революцію" за „голову". Однако, и у „главы" самарской террористической организаціи компрометирующаго найдена была только извѣстная фотографія, изображающая борьбу Финляндіи съ хищнымъ орломъ, вырывающимъ у нея „законъ". Севрюка, разумѣется, забрали. Въ то же время было взято еще нѣсколько человѣкъ (Юдинъ, Аркамовскій, бывшій казанскій семинаристъ). Въ Бугульминскій уѣздъ была снаряжена цѣлая экспедиція для ловли все тѣхъ же злополучныхъ статистиковъ, бывшихъ на изслѣдованіи. Нечего и говорить, что въ уѣздѣ было терроризовано не только темное крестьянское населеніе (статистиковъ хватали на глазахъ цѣлаго схода въ моментъ опроса крестьянъ), но даже помѣщики. Впрочемъ, большинство послѣднихъ скорѣе радовалось произведенному жандармамъ набѣгу, такъ какъ разсчитывало, благодаря ему, освободиться отъ переоцѣнки земель. Изъ арестованныхъ въ первую очередь вскорѣ былъ выпущенъ П. Кондратьевъ. Матеріалъ для обвиненія оставшихся подъ арестомъ былъ крайне скуденъ и не давалъ слугамъ престола никакой надежды на повышеніе по службѣ. Сначала къ арестованнымъ торжественно предъявлялось обвиненіе въ участіи въ террористической организаціи; когда же дѣло доходило до подтвержденія такого обвиненія, то въ рукахъ Битепажа не оказывалось никакихъ доказательствъ. Арестованные (почти всѣ рецидивисты) очень часто отвѣчали на обвиненія насмѣшками или же яростно нападали на зарвавшихся мерзавцевъ-слѣдователей. Особенно обидными для жандармскаго мундира казались „дерзости" одного изъ сидящихъ (Акрамовскаго), когда онъ письменно обращался въ жандармское управленіе съ просьбой сообщить, какъ чувствуетъ себя его собака, оставшаяся на волѣ — единственное его „имущество", или же просилъ дать ему свиданіе съ ней!

Къ маю мѣсяцу начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Дьяковъ былъ переведенъ въ Саратовъ, а его мѣсто въ Самарѣ занялъ Клыковъ — плюгавый старикашка, извѣстный своею шпіонской дѣятельностью по Кіеву и другимъ городамъ. Подъ руководствомъ новаго начальника Битепажъ рѣшилъ попытать счастья еще разъ. На этотъ разъ на помощь ему пришелъ доброволецъ-шпіонъ, — директоръ мужской гимназіи Илья Рѣдниковъ. Еще въ апрѣлѣ этотъ царскій лакей, присутствуя на засѣданіи мѣстнаго общества поощренія высшаго образованія, произнесъ рѣчь, въ которой потребовалъ, чтобы всѣхъ студентовъ, замѣченныхъ въ участіи въ послѣднихъ безпорядкахъ, общество лишило пособій, стипендій и вообще всякой помощи. Надо отдать справедливость директору-шпіону: внося свое гнусное предложеніе, онъ понялъ смыслъ царской болтовни о „сердечномъ попеченіи" гораздо вѣрнѣе, чѣмъ большинство нашихъ либераловъ, считая въ томъ числѣ и многихъ студентовъ. Но, конечно, такое гнусное прислуживаніе нагайкѣ и кнуту со стороны воспитателя юношества (кстати сказать, безпробуднаго пьяницы и отчаяннаго развратника, извѣстнаго своими грязными похожденіями всему городу) не должно было остаться безъ отвѣта. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ письмо, въ которомъ молодежь воздавала его лакейству должное. Письмо это Илья Рѣдниковъ тотчасъ же отправилъ въ жандармское управленіе, и вотъ 30 мая предпринята была новая облава — на этотъ разъ по преимуществу на молодежь. Экспедиція вышла довольно шумной для нашего тихаго города: забрали больше 20 чел. студентовъ и гимназистокъ, совсѣмъ еще юныхъ. Но добычи все-таки взято было немного. У одного студента взяли отвѣтъ Толстого Синоду, первый номеръ „Рабочей Газеты" и еще нѣсколько нелегальныхъ бумагъ, у другихъ находили тоже нѣкоторыя нелегальныя изданія, но особенно обрадовала ихъ неожиданная находка у юной дѣвицы Хворостовой — письмо ея къ сестрѣ, въ которомъ прямо сообщалось, что въ Самарѣ организовано сообщество революціоннаго свойства, при чемъ было указано нѣсколько фамилій. Это дало поводъ сдѣлать новый набѣгъ на Управу: были обысканы оцѣночно статистическое отдѣленіе и дорожное, при чемъ у запертыхъ столовъ безцеремонно сламывались замки. Нелегальнаго не было найдено ничего, но, тѣмъ не менѣе, въ тюрьму были засажены еще новыя лица: А. Шлихтеръ, Ивлѣевъ, Португаловъ, К. Медынцевъ, Т. Семеновъ (привезенъ изъ Смоленска), Веденяпикъ, Рейссъ, Ромашевъ, Рейтлингеръ и другіе и гимназистка Н. Николева. Но и на этотъ разъ ликованіе Битепажа было преждевременное: не смотря на указанія въ письмѣ, матеріала для „созданія" революціонной организаціи было очень мало. Многимъ изъ арестованныхъ не стоило ни малѣйшаго труда доказать усердному царскому слугѣ, что его дѣйствія на основаніи наивнаго и явно нелѣпаго письма дѣвочки могутъ вызвать одинъ только смѣхъ. Особенно комично было поведеніе жандармеріи по отношенію къ Семенову, которому приписывалось руководительство самарской организаціей въ то время, когда онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выѣхалъ изъ Самары. Одинъ изъ арестованныхъ студентовъ (Ивлѣевъ) оказался больнымъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки и, не смотря на это, его держали довольно долго; выпустили только тогда, когда онъ окончательно слегъ и по городу стали циркулировать слухи, что держать въ тюрьмѣ умирающаго. Большую часть плѣнниковъ продержали до средины іюля; къ этому времени остались студентъ Веденяпикъ и двѣ дѣвицы-гимназистки — Хворостова и Николева. Изъ взятыхъ раньше сидитъ только статистикъ Кудряковъ, такъ какъ, говорятъ, его паспортъ былъ найденъ у Лаговскаго. На дняхъ была арестована петербургская курсистка Лебедева по приказу изъ Петербурга.

Демонстрація въ Кишиневѣ. 11 сентября изъ Кишинева высылали въ Вятскую губ. на три года по дѣлу послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ бывшаго одесскаго студента Домбровскаго. По этому случаю были заранѣе разбросаны прокламаціи, приглашавшія публику на демонстрацію. Не вокзалъ собралось провожать высылаемаго чел. 60-80. Когда товарищи стали прощаться съ уѣзжавшимъ, жандармы начали выхватывать изъ толпы и арестовывать по одному человѣку. Толпа заволновалась. Раздались привѣтствія высылаемому: „прощай, товарищъ, жертва произвола русскаго самодержавія!" Въ отвѣтъ на это жандармы снова схватили одного человѣка и потащили его въ жандармскую комнату, гдѣ вмѣстѣ съ багажными стали его избивать. По отходѣ поѣзда толпа заявила, что не уйдетъ съ вокзала, пока не освободятъ арестованнаго товарища. Жандармы обнажили шашки и при помощи вооружившихся палками багажныхъ стали бить безоружную толпу. Одну женщину ударили по головѣ, одинъ получилъ ударъ по лбу и щекѣ; кровь съ него лилась ручьями. Одному рабочему шашкой разсѣкли руку. Все это возмутило постороннюю публику, бывшую на вокзалѣ, которая стала требовать, чтобы ее записали свидѣтелемъ того, что жандармы били ни въ чемъ неповинныхъ людей. Публика силой ворвалась въ жандармскую комнату, гдѣ находились арестованные, и была переписана въ качествѣ свидѣтелей. Затѣмъ, забравъ съ собой арестованныхъ, толпа двинулась въ городъ къ квартирѣ губернатора, чтобы заявить протестъ. На улицѣ къ толпѣ присоединилось много рабочихъ. Дойдя до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, толпа подошла къ квартирѣ редактора „Бессарабца", извѣстнаго негодяя и антисемита, гдѣ перебила стекла при крикахъ: „долой Крушевана". Затѣмъ толпа подошла къ дому губернатора и стала его требовать, но онъ не вышелъ. Когда появился отрядъ конной и пѣшей полиціи, толпа разсѣялась.

На третій день послѣ этого начались аресты и обыски у лицъ, записанныхъ на вокзалѣ. Говорили, будто администрація хотѣла замять дѣло, но редакторъ „Бессарабца" подалъ доносъ въ СПБ, вслѣдствіе чего и начались аресты. Въ ночь арестовъ по городу распространены листки (ном. 3) „Группы объединеннаго протеста", не смотря на то, что вся полиція была на сторожѣ. Въ боковыхъ улицахъ останавливали и обыскивали прохожихъ. На вопросъ: „чего ищете?" полиція отвѣчала: „бумаги разбрасываете". Для разбора дѣла назначенъ товарищъ прокурора Шелухинъ, извѣстный юдофобъ и близкій другъ Крушевана и сотрудникъ его въ „Бессарабцѣ". Онъ-то будетъ вести слѣдствіе о демонстраціи противъ Крушевана!

Въ заключеніе — интересный эпизодъ изъ области добровольнаго сыска. Есть здѣсь благотворительное общество „Бессарабецъ", въ которомъ дѣйствуетъ тотъ же Крушеванъ. Секретаремъ общества служилъ нѣкто Каминскій, арестованный за демонстрацію. На второй день послѣ его ареста, во время засѣданія благотворительнаго общества, съ вокзала зовутъ по телефону Каминскаго. Одинъ изъ членовъ благотворительнаго общества, г. Щербанъ, отвѣчаетъ, что онъ — Каминскій. Говорившая, однако, зная голосъ Каминскаго, не повѣрила. Тогда другой членъ, г. Пронинъ, отвѣчаетъ по телефону, что завтра въ 4 часа Каминскій будетъ здѣсь. Засимъ гг. благотворители даютъ знать объ этомъ въ Жандармское Управленіе, и на завтра къ 4 часамъ въ квартирѣ благотворительнаго общества засѣдъ приставъ съ городовымъ. Однако, никто не пришелъ, и полиція осталась съ носомъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Нижній Новгородъ. 12 августа распространена прокламація между служащими на трамваѣ, приглашающая ихъ къ стачкѣ. Въ числѣ 18 выставленныхъ въ прокламаціи и принятыхъ рабочими требованій отмѣтимъ требованіе 11-ое („чтобы было уничтожено запрещеніе курить, разговаривать и здороваться со знакомыми") и 14-ое („чтобы обращались вѣжливо, на „вы"). Остальныя требованія касаются рабочаго дня, заработной платы, праздничнаго отдыха, штрафовъ и т. п. 16 августа рабочіе предъявили эти требованія директору. Послѣдній, вмѣсто объясненій, вызвалъ по телефону жандармовъ. Жандармскій полковникъ грозилъ рабочимъ высылкой, арестомъ, обѣщалъ даже „высѣчь". Четверо зачинщиковъ было тотчасъ же разсчитано и „порядокъ водворенъ" — только на долго-ли? Въ теченіе лѣта агитація велась еще среди типографскихъ рабочихъ (выпущены двѣ прокламаціи). „Письмо товарища къ нижегородскимъ ремесленникамъ", изданное 17 мая, приглашающее многочисленныхъ нижегородскихъ ремесленныхъ рабочихъ къ борьбѣ съ хозяевами, ходитъ по мастерскимъ до сихъ поръ, вызывая много разговоровъ.

Орѣхово-Зуево. Намъ пишутъ: Въ виду того, что за послѣднее время „Искра" широко распространяется въ Орѣхово-Зуевѣ и намъ нѣтъ возможности предупредить всѣхъ товарищей словесно, мы просимъ напечатать, чтобы остерегались слѣдующихъ лицъ: М. Агаповъ (подмастерье), небольшого роста, рябой, толстыя губы, на лицѣ нѣсколько поросшихъ бородавокъ, говоритъ скороговоркой и при разговорахъ слюнявится, лѣтъ 35, русый, — старообрядческій миссіонеръ, служитъ у жандармовъ, имѣетъ часто собесѣдованія въ Орѣховѣ съ православнымъ миссіонеромъ Николаевымъ; И. С. Сановъ служитъ въ хозяйской харчевой лавкѣ въ мясномъ отдѣлѣ сторожемъ при дверяхъ, черный, взглядъ свирѣпый, проницательный, говоритъ басомъ, отрывисто, ростъ средній; В. П. Мазуринъ — постоянно ораторствуетъ въ отхожемъ мѣстѣ на фабрикѣ о соціализмѣ и притѣсненіяхъ; что вывѣдаетъ, тотчасъ же сообщаетъ; роста ниже средняго, говоритъ въ носъ, тщедушный. Предупреждаемъ Владимірцевъ-на-Клязьмѣ, что Дмитрій Ниткинъ (см. ном. 6 „Искры") теперь уже служитъ урядникомъ во Владимірѣ. — „Искра" у насъ читается на расхватъ, и сколько доставлено, вся находится въ ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный подъемъ у рабочихъ. Особенно много толкуютъ по поводу статьи по крестьянскому вопросу въ ном. 3, такъ что требуютъ доставить этого номера. А на частномъ собраніи рабочіе выразили желаніе, чтобы „Искра" напечатала еще нѣсколько статей по этому вопросу.

Много сужденій по поводу столкновеній рабочихъ съ полиціей и войскомъ въ СПБ. Эти столкновенія являются только началомъ общаго такого движенія, такъ что орѣховскіе рабочіе не заблуждаются, если говорятъ, что тутъ такое столкновеніе въ будущемъ неизбѣжно, но что оно будетъ болѣе жестокимъ и что идти противъ вооруженной силы съ пустыми руками не слѣдуетъ, но „дубина и штыкъ — одно и то же".

Иваново-Вознесенскъ. Въ настоящее время у насъ настало гоненіе на всѣхъ рабочихъ, которые, будучи прилично одѣтыми, выглядятъ не совсѣмъ тупыми. Каждый фабрикантъ приказалъ секретно своимъ завѣдующимъ, чтобы они принимали рабочихъ, только осмотрѣвъ ихъ съ головы до ногъ. И если который хорошо одѣтъ, то гнать его въ шею съ фабрики. Поневолѣ приходится одѣваться въ „котовскую" (босяцкую) одежду. Но если плохо принимаютъ мужчинъ, то охотно раскрываютъ фабрику передъ женщинами, и это понятно: женщина пока еще все терпитъ молча. Въ Богородскѣ Захаръ Морозовъ отдаетъ особое предпочтеніе рязанскимъ, какъ болѣе темнымъ.

Надзоръ надъ рабочими усиливается. На одной фабрикѣ недавно у входа сторожемъ обысканъ пришедшій въ казарму рабочій, желавшій собрать кое-какія свѣдѣнія. По какому это праву? Ивановскій городской голова Дербеневъ на своей фабрикѣ изнуряетъ рабочихъ сверхурочными работами, длящимися иногда всю ночь. — На фабрикѣ Бурылина практикуется въ широкихъ размѣрахъ обсчитываніе рабочихъ при выдачѣ заработка.

Богородскъ. Глуховская мануфактура въ Богородскѣ, занимающая 13.000 рабочихъ и являющаяся однимъ изъ самыхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній въ Россіи, слыветъ въ оффиціальномъ мірѣ „благоустроенной" мануфактурой, образцомъ похвальной хозяйской заботливости о рабочихъ. Корреспонденція въ ном. 8 познакомила читателя съ одной стороной дѣйствительной жизни богородскихъ рабочихъ, — съ квартирными условіями. Здѣсь мы разскажемъ, руководствуясь присланнымъ намъ отъ мѣстныхъ товарищей сообщеніемъ, объ условіяхъ труда въ Глуховской мануфактурѣ.

Санитарныя условія безобразны, особенно въ красильной мастерской, гдѣ и работа не безопасна вслѣдствіе нерящливой постройки зданія и недостаточнаго ремонта: потолокъ началъ проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не отстроганы;

по 11 августа 1902 года. Независимо сего, обвиняемый Анатолій Гавриловъ ранѣе сего судился пять разъ экипажнымъ и военно-морскимъ судами, за неисправимо дурное поведеніе, промотаніе казенныхъ вещей и оскорбленіе своего непосредственнаго начальства, и отбывалъ наказаніе въ дисциплинарномъ батальонѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) крестьянинъ Анатолій Ивановъ Ермаковъ, 22 лѣтъ, мѣщанинъ Константинъ Ивановъ Стефанъ, 36 лѣтъ, крестьянинъ Иванъ Ильинъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, 24 лѣтъ, мѣщанинъ Ефремъ Степановъ Дахинъ, 30 лѣтъ, дворянинъ Анатолій Ивановъ Гавриловъ, 32 лѣтъ, крестьяне Константинъ Ивановъ Мѣдянцевъ, 18 лѣтъ, Василій Моисеевъ Багровъ, 28 лѣтъ, Григорій Емельяновъ, 28 л, Александръ Александровъ, 22 лѣтъ, мѣщанинъ Николай Васильевъ Семеновъ, 18 лѣтъ, крестьянинъ Александръ Андреевъ Зайцевъ, 25 лѣтъ, мѣщанинъ Александръ Савельевъ Калининъ, 30 лѣтъ, мѣщанинъ Тимофей Степановъ Завалишинъ, 29 лѣтъ, крестьяне Михаилъ Петровъ Пошехоновъ, 26 лѣтъ, Захаръ Анисимовъ, онъ же Андреевъ, 26 лѣтъ, мѣщанинъ Павелъ Александровъ Константиновъ, 27 лѣтъ, крестьяне Дмитрій Карповъ Кокушкинъ, 19 лѣтъ, Дмитрій Михайловъ Ситниковъ, 26 лѣтъ, Дмитрій Васильевъ Саженниковъ, 17 лѣтъ, мѣщане Михаилъ Дмитріевъ Федоровъ, 18 л., Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, 18 лѣтъ, крестьяне Дмитрій Никитинъ Вересовъ, 20 лѣтъ, Николай Ивановъ Чирковъ, 21 года, Евдокимъ Григорьевъ Трущинъ, 18 лѣтъ, Виталій Ефремовъ Соколовъ, 25 лѣтъ, мѣщанинъ Дмитрій Игнатьевъ Петровъ, 29 лѣтъ, крестьяне Александръ Александровъ Даувальтеръ, 20 лѣтъ, Александръ Ивановъ Щербаковъ, 24 лѣтъ, Александръ Степановъ Тарасовъ, 23 лѣтъ, Александръ Елисѣевъ Богдановъ, 25 лѣтъ, Андрей Ивановъ Чирковъ, 17 лѣтъ, Семенъ Петровъ Машистовъ, 22 лѣтъ и Никитинъ Красулинъ, 35 лѣтъ, — въ томъ, что 7 мая 1901 года, въ селѣ Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка города С.-Петербурга, по предварительному между собою уговору, и совокупно съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами, они, послѣ произведеннаго на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ безпорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, встрѣтили явившихся для водворенія спокойствія чиновъ полиціи и воинской команды, крикомъ и бранью, и, оказавъ явное противодѣйствіе предъявленному къ нимъ требованію разойтись и прекратить буйство, а также сопротивленіе задержанію виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ, совокупными силами произвели открытое нападеніе на вооруженные отряды полиціи и воинской команды, камнями оттѣснили такорые въ переулокъ къ Обуховскому заводу, а затѣмъ произвели выстрѣлы и бросали въ нихъ булыжниками до тѣхъ поръ, пока не были разсѣяны залпами подоспѣвшей на мѣсто морской команды, причемъ во время описанныхъ выше безпорядковъ нѣкоторымъ полицейскимъ нижнимъ чинамъ причинены были болѣе или менѣе значительныя поврежденія, а поименованные обвиняемые Анатолій Ермаковъ, Ефремъ Дахинъ, Анатолій Гавриловъ, Иванъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, Константинъ Мѣдянцевъ, Константинъ Стефанъ, Григорій Емельяновъ и Александръ Александровъ дѣйствовали въ качествѣ зачинщиковъ совершеннаго преступленія. Означенное преступное дѣяніе предусмотрѣно ст. 13 и 263 Улож. о Наказ. 2) Мѣщанинъ Александръ Михайловъ Ковальскій, 26 лѣтъ, — въ томъ, что тогда же и тамъ же, по уговору съ другими лицами, явился на мѣсто преступленія, для участія въ задуманномъ насильственномъ противодѣйствіи чинамъ полиціи и воинской команды, и, желая проникнуть на заводъ, куда его не пропускалъ сторожъ Алексѣй Курниковъ, въ намѣреніи лишить послѣдняго жизни, въ состояніи запальчивости и раздраженія, нанесъ ему ножемъ въ голову, шею и спину 9 ранъ, но намѣренія своего выполнить не успѣлъ, будучи задержанъ подоспѣвшими чинами полиціи. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 13, 266, 9 и 2 ч. ст. 1455 Улож. о Наказ. 3) Поименованный выше Афанасій Никитинъ Красулинъ обвиняется также и въ томъ, что тогда же и тамъ же, съ цѣлью лишить жизни пытавшагося арестовать его городового конно-полицейской стражи Матвѣя Наколенко, нанесъ послѣднему ножемъ три удара въ руку, спину и бокъ, но не достигъ своей цѣли по независѣвшимъ отъ воли его обстоятельствамъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 9 и 2 ч. 1455 ст. Улож. о Наказ. и 4) крестьянки Марфа Яковлева Яковлева, 18 л., Лидія Кириллова Бурчевская, 18 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что тогда же и тамъ же, по уговору съ другими лицами и съ цѣлью оказать имъ содѣйствіе къ совершенію описаннаго выше нападенія на полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, онѣ доставляли своимъ соучастникамъ булыжники, которые были затѣмъ брошены въ полицейскую и воинскую команду. Преступленіе это предусмотрѣно 4 п. 13 и 263 ст. Улож. о Наказ.

А потому и на основаніи 201 ст. Уст. Угол. Суд. . (обвиняемые).. подлежатъ суду С.-Петербургской Судебной Палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ іюля 24 дня 1901 г. въ городѣ С.-Петербургѣ. Подлинный подписалъ: товарищъ прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда В. Ф. Арнольдъ.

Свидѣтели:

1. Генералъ-маіоръ Геннадій Александровичъ Власьевъ, начальникъ Обуховскаго сталелитейнаго завода. 2. Подполковникъ Константинъ Власьевичъ Ивановъ, помощникъ начальника Обуховскаго завода. 3. Александръ Степановичъ Демидовъ, завѣдующій мастерскою Обуховскаго завода. 4. Полковникъ Владиміръ Петровичъ Палибинъ, полиціймейстеръ 3 отдѣленія. 5. Помощникъ пристава Шлиссельбургскаго участка Николай Ивановичъ Келинъ. 6. Старшій береговой боцманъ Георгій Павловъ Заставной, Обуховскій заводъ. 7. Матросъ 19 флотскаго экипажа Иванъ Ерофѣевъ Витущенко, Обуховскій заводъ. 8. Полицейскій надзиратель Шлиссельбургскаго участка Константинъ Михайловъ Лѣсневичъ, чрезъ начальство. 9. Алексѣй Васильевъ Курниковъ, сторожъ Обуховскаго завода. 10. Петръ Ефимовъ Дороховъ, сторожъ Обух. зав. 11. Василій Ильинъ Гавриловъ, сторожъ Обух. зав.

щели между досками по вершку (сдѣлано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку, изъ-подъ пола идутъ удушливыя испаренія; вентиляція недостаточна; на стѣнахъ и потолкѣ плѣсень. „Всюду стоитъ пыль непроходимая", пишетъ корреспондентъ.

Все это не гдѣ-нибудь въ глуши, а въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы, въ Московской губерніи, интересы которой правительство близко принимаетъ къ сердцу, держа ее на положеніи „усиленной охраны". Какъ видно, „охраняя" губернію, да еще усиленно, позабыли объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ.

Работаютъ на Глуховской мануфактурѣ тремя смѣнами, такъ что каждый рабочій работаетъ одинъ день 12 час., а слѣдующій — 6 час. Заработокъ ткачей равенъ 14-18 руб. въ мѣсяцъ, при сильныхъ штрафахъ, гнилой основѣ и уткѣ (благодаря чему, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, зубы рабочаго начинаютъ гнить черезъ мѣсяцъ). Заработокъ другихъ рабочихъ не поднимается выше 28-30 руб. (накатчики). Красильщики получаютъ 45-55 коп. въ день.

Въ зимнее время (съ 1-го октября) заработокъ ткачей сокращается до 12-14 руб., благодаря тому, что идетъ самый скверный хлопокъ (коканскій). „Въ это время частые штрафы, доходящіе до 2 руб." Также часты разсчеты до срока найма и всякія прижимки. „За опозданіе на 5 мин. штрафуютъ до 20 коп., а сами машину пускаютъ на полчаса раньше и останавливаютъ минутъ на 20 позднѣе".

Но если милліонеръ Захаръ Морозовъ не стѣсняется прибѣгать къ воровскимъ пріемамъ выжиманія прибыли изъ рабочихъ, то онъ же и обращается съ рабочими, какъ съ крѣпостными. „У насъ хозяинъ страшно любитъ стегать плеткой и до сихъ поръ не бросаетъ своего варварскаго обычая". Боимся, что при такой „страшной любви" г. Захаръ Морозовъ не броситъ своего „обычая" прежде, чѣмъ его самого не отстегаютъ рабочіе и, признаться, удивляемся, какъ это до сихъ поръ послѣдніе не примѣнили этого средства, которымъ въ былое время иногда крѣпостные заставляли своего мучителя-помѣщика отказаться отъ предмета своей „страшной любви". 18 іюля Морозовъ встрѣтилъ четырехъ возвращающихся изъ города рабочихъ; изъ кармана у одного торчала „монополька". Рабочіе направились въ купальню. „Но тутъ налетѣлъ, какъ ястребъ, самъ опричникъ Морозовъ и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: „что же вы заставляете хозяина бѣгать за собой? Всѣ деньги проживаете въ городѣ, а не у меня", а затѣмъ отправилъ ихъ въ сторожку". Итакъ, у г. Захара Морозова рабочіе обязаны „проживать" все заработанное въ его же лавкахъ и за нарушеніе этой обязанности могутъ попасть подъ арестъ. Знаетъ-ли объ этомъ фабричная инспекція? Или она дожидается, чтобы глуховскіе рабочіе при случаѣ разнесли морозовскія лавки? Не будетъ удивительно, если такіе „патріархальные" порядки приведутъ къ такому же патріархальному результату, какъ это бывало уже во многихъ мѣстахъ.

Продолжимъ, однако, описаніе кнутобойства г. Морозова. „Самъ Морозовъ часто ходитъ въ фабрикѣ между станками съ засунутой за голенищемъ плеткой, и если увидитъ, что ткачъ распускаетъ рвань со шпули, то съ остервенѣніемъ наноситъ ему ударъ плеткой, штрафуетъ и прогоняетъ съ работы". Одинъ ткачъ, котораго Морозовъ въ 1899 г. избилъ плеткой, „оказался не дуракъ и подалъ въ судъ. Дѣло ползало въ трехъ судахъ и, наконецъ, Морозовъ, тяжело вздыхая, сказалъ: я бы лучше слилъ себѣ золотого ткача, чѣмъ мнѣ стоили эти суды". Плети въ ходу также среди десяти „объѣздчиковъ", содержимыхъ Морозовымъ. Повидимому, безпорядки въ Екатеринославѣ и въ имѣніи графа Рибопьера, вызванные неистовствами подобныхъ „объѣздчиковъ", не заставили задуматься московскихъ тузовъ, что такой способъ „поддержанія порядка" представляетъ оружіе обоюдо острое.

Въ фабричной больницѣ „живая умора, а не поправка". Еще бы! Кормятъ больныхъ щами изъ кислой капусты, да еще прокислыми!

О рабочихъ корреспондентъ пишетъ: „Они не пугливы, особенно молодежь, но бѣда въ томъ, что всякій протестуетъ въ одиночку и требуетъ разсчета, котораго ему иногда не выдаютъ.

„Есть у насъ библіотеки. И, конечно, часто бываетъ желаніе прочесть что-нибудь поинтереснѣе. Отправится кто-нибудь этакъ за книжкой, смотришь, — тащитъ оттуда какую-нибудь сказку, и нельзя сказать, что онъ радъ ей. Даже Достоевскаго нѣтъ, а о какихъ-либо Шелгуновыхъ и Писаревыхъ забудь и думать Одинъ изъ рабочихъ какъ-то спросилъ Дарвина, но на его вопросъ только развинули ротъ. Преимущественно даютъ книжки, которыя старательно отупляютъ мысли рабочаго, и безъ того забитаго, а книжки религіозно-нравственнаго содержанія молодежь читать не будетъ, она точно чутьемъ слышитъ ихъ отупляющее и вредное направленіе. . Тайныхъ библіотекъ пока нѣтъ, а потому нѣтъ никакой возможности удовлетворить проявляющееся стремленіе къ знанію".

Тамбовъ. Стачка въ тамбовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. 29-го іюля въ кузнечномъ цехѣ было вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорилось, что по примѣру саратовскихъ вагонныхъ мастерскихъ вводятся новыя правила о штрафахъ*). 3 августа послѣ обѣденнаго гудка собрались рабочіе въ одномъ изъ отдѣленій; стали раздаваться голоса: пускай гудитъ гудокъ, а мы работать не пойдемъ. Эта маленькая кучка рабочихъ все увеличивалась, а черезъ нѣсколько минутъ тѣ рабочіе, которые начали было работать, вышли изъ своихъ отдѣленій и двинулись на площадь двора. Старшій мастеръ Мыльниковъ приблизился къ нимъ, сталъ упрашивать стать на работу и спрашивалъ, чѣмъ рабочіе недовольны. Когда ему объяснили, въ чемъ дѣло, Мыльниковъ сталъ доказывать, что объявленіе о штрафахъ повѣшено для пользы рабочихъ: вы-де, господа, будете больше работать и меньше спать, а поэтому зарабатывать будете больше. На это нѣкоторые рабочіе отвѣчали ему, что не видятъ для себя пользы въ новыхъ правилахъ о штрафахъ: насъ будутъ штрафовать и увольнять за то, что мы опоздали на 5 минутъ, — и это для насъ польза! Пришелъ начальникъ мастерскихъ Зубковъ; ему рабочіе единодушно заявили, что не станутъ на работу, пока не будутъ отмѣнены правила о штрафахъ. Тогда Зубковъ предложилъ рабочимъ выбрать нѣсколькихъ депутатовъ для переговоровъ съ нимъ. Рабочіе отвѣтили ему, что выборныхъ не пошлютъ, потому что ихъ могутъ потомъ уволить или въ тюрьму засадить. Зубковъ обѣщалъ, что съ выборными ничего подобнаго не будетъ. Послѣ этого рабочіе выбрали депутатовъ и затѣмъ всѣ (на заводѣ около 2000 чел.) разошлись. На слѣдующій день рабочіе пришли на заводъ, но не работали и собрались на дворѣ, и когда подошелъ Мыльниковъ и сталъ звать на работу, то депутаты передали ему списокъ требованій, составленный ими отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи заявленій другихъ рабочихъ: 1. Отмѣнить новыя правила о штрафахъ. 2. Уволить мастера Дрюхова. 3. Внести въ разсчетныя книжки празднованіе 19 февраля, Ильинъ день и день Питирима (мѣстнаго святого). 4. Расцѣнокъ долженъ назначаться не по произволу бригадира, а по соглашенію его съ рабочими бригады. 5. Бригада должна имѣть право сама безъ вмѣшательства заводской администраціи выбрать и увольнять бригадира. 6. Хорошее обращеніе съ рабочими Мыльниковъ передалъ требованія рабочихъ Зубкову. Въ этотъ день работы не было, 5-го и 6-го были праздники. 6-го арестовано 4 рабочихъ. Всѣ — депутаты, которымъ Зубковъ гарантировалъ неприкосновенность. Въ ночь съ 6 на 7 жандармы разнесли нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ записки съ приглашеніемъ явиться 8-го въ контору для полученія разсчета. Изъ нихъ чел. двадцать пошли 7-го жаловаться губернатору. Губернаторъ ихъ не принялъ, и имъ было сказано жаловаться, если хотятъ, письменно. Губернаторъ издалъ прокламацію (она была расклеена на заводѣ и вокзалѣ), въ которой грозилъ всѣхъ, кто не станетъ на работу 8-го августа, выслать на мѣсто приписки, а зачинщиковъ административнымъ порядкомъ въ восточныя губ. Послѣ этого стачка прекратилась.

10-го августа мѣстной группой распространена на заводѣ прокламація. 24-го были арестованы и на слѣдующій день выпущены еще трое рабочихъ. Во время забастовки сталъ было уговаривать рабочихъ начальникъ желѣзнодорожныхъ жандармовъ Эрнстъ. Рабочіе встрѣтили его бранью и насмѣшками.

*) За четвертое опозданіе дѣлаютъ выговоръ въ конторѣ; за пятое штрафуютъ въ размѣрѣ половины деннаго заработка; за шестое увольняютъ. Такимъ образомъ, рабочій имѣетъ право въ теченіе всей своей жизни опоздать (хоть бы на одну минуту) три раза.

Саратовъ. Удаленіе нѣсколькихъ „подозрительныхъ" рабочихъ за участіе въ іюньской стачкѣ вызвало новую забастовку въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Недовольство рабочихъ усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣщаніе возстановить расцѣнки 1890 г. не было исполнено. 17 августа рабочіе бросили работу. Между стачечниками и не желающими примкнуть цехами произошло столкновеніе. Въ числѣ предъявленныхъ рабочими требованій интересно отмѣтить требованіе устроить особую комнату для совѣщанія депутатовъ (на выборъ послѣднихъ администрація согласилась въ іюнѣ), дать рабочимъ свободно собираться для совѣщанія съ депутатами и установить часы для пріема послѣднихъ начальникомъ. 18 августа мастерскія закрыты по распоряженію начальства.

Во время массовой безработицы три тысячи рабочихъ выбрасываются на мостовую!

Одесса. 30 іюля закончилась стачка портняжной мастерской Богатырскаго. Стачка продолжалась 10 дней, и въ ней приняли участіе всѣ рабочіе этой мастерской, вплоть до мальчиковъ включительно, всего около 25 чел. Рабочіе добились весьма солидныхъ улучшеній (для даннаго времени): прибавили по 75 коп. на штуку платья тѣмъ, которые работаютъ поштучно, и по 6 руб. въ мѣс. работающимъ помѣсячно. За каждый прогульный не по винѣ рабочаго день до сихъ поръ рабочіе ничего не получали; теперь же они добились того, что за каждый такой день будутъ получать по полтора рубля. Всѣ рабочіе другихъ мастерскихъ и также безработные отнеслись весьма сочувственно къ борьбѣ своихъ товарищей и дѣятельно помогали имъ деньгами, а также и тѣмъ, что не допускали, чтобы работа стачечниковъ попадала въ другія мастерскія. Кто хоть немного знакомъ съ условіями работы портныхъ, тотъ пойметъ, до чего должна была дойти эксплуатація труда, если рабочіе рѣшились устроить стачку во время мертваго сезона. И условія эти по истинѣ были ужасны! За 14-15-часовый рабочій день взрослый рабочій получалъ 4-2 р. въ недѣлю. Выборъ былъ невеликъ: либо работать, выбиваясь изъ силъ и голодая, либо попробовать бороться за улучшеніе своего положенія. „Вѣдь рисковать намъ нечѣмъ", говорили они. Рабочіе выбрали второе. Богатырскій — одинъ изъ тѣхъ предпринимателей, которыхъ въ послѣднее время развелось не мало. Крупные магазины готоваго платья, не успѣвая выполнять всѣ свои заказы, съ давнихъ поръ сдавали часть своей работы мелкимъ портнымъ, для которыхъ она являлась серьезнымъ подспорьемъ. Предприниматели вродѣ Богатырскаго лишили мелкихъ портныхъ ихъ запасной работы, забирая оптомъ всю лишнюю работу изъ крупныхъ магазиновъ и производя ее въ своихъ собственныхъ мастерскихъ. Крупнымъ магазинамъ, конечно, удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ хозяиномъ, чѣмъ со многими отдѣльными портными. Эта у насъ среди портныхъ сравнительно новая форма эксплуатаціи является для насъ страшнымъ бичомъ. Во-первыхъ, она ложится двойнымъ гнетомъ на насъ, работающихъ на такихъ посредниковъ, и во-вторыхъ, такіе посредники являются запаснымъ резервомъ для владѣльцевъ крупныхъ магазиновъ, въ случаѣ стачки въ нихъ рабочихъ. Въ средѣ портныхъ нашихъ — сравнительно еще мало сознательной — въ послѣднее время все чаще раздаются голоса въ пользу борьбы не съ отдѣльными паразитами-посредниками, а съ самой системой этой формы эксплуатаціи. Предлагаютъ, напр., бойкотировать въ сезонное время такихъ посредниковъ, а пока бастуютъ и требуютъ улучшенія своего положенія. Стачка у Богатырскаго прошла мирно. Полиція противъ обыкновенія не вмѣшивалась. Арестовъ во время стачки не было.

Не успѣли еще мы позабыть стачку, какъ наши „охранители" напомнили намъ о своемъ подломъ существованіи. Въ ночь съ 10 на 11 августа произведены были у насъ повальные аресты и обыски. Арестовано 35 чел., большею частью рабочихъ.

Тула. Передъ 1 мая по городу ходили толки, что 1 мая будетъ бунтъ рабочихъ, что они убьютъ директора завода и проч. Когда къ 18 апрѣля были въ громадномъ количествѣ распространены прокламаціи (расклеены по домамъ, разбросаны, разосланы по почтѣ и проч.) и публика увидѣла, что никакого бунта не будетъ, то встрѣтила ихъ съ полнымъ сочувствіемъ. 1 мая нѣсколько сотъ рабочихъ не работало. Директору была предъявлена прокламація съ требованіями. Обрадовавшись, что тамъ нѣтъ ничего противъ его персоны, онъ обѣщалъ удовлетворить всѣ мѣстныя требованія. Характерно, что когда рабочіе одного цеха предъявили ему свои частныя требованія, то онъ отвѣтилъ: я не принимаю никакихъ требованій отъ отдѣльныхъ лицъ; вотъ, соц.-демократическій комитетъ выставилъ общія требованія: что отъ меня зависитъ, то я выполню, а съ отдѣльными лицамй я не могу вступать въ разговоры.

Полиція до того растерялась, что производила обыски въ тѣхъ домахъ, на которыхъ были наклеены воззванія.

Вильна. Іюль прошелъ здѣсь довольно оживленно. Произошло нѣсколько крупныхъ стачекъ, какъ-то: маляровъ (до 500 чел., окончилась побѣдой), 40 приказчиковъ въ магазинѣ Залкинда и, наконецъ, рабочихъ почти всѣхъ кожевенныхъ заводовъ (свыше тысячи человѣкъ).

Приказчики въ магазинѣ Залкинда требовали закрытія магазина въ $9^1/_2$ час. вмѣсто 11, устройства сидѣній для приказчиковъ-вынужденныхъ стоять весь день и т. п. Не желавшій уступать хозяинъ замѣнилъ стачечниковъ всей своей родней, въ числѣ которой находился, между прочимъ, его сынъ, только-что окончившій университетъ. Этотъ молодой человѣкъ, явясь для переговоровъ съ представителемъ приказчиковъ, сказалъ ему: „да я вѣдь знаю, что вы всѣ организованы, я вѣдь самъ соціалдемократъ(!), участвовалъ въ разныхъ обществахъ". И вотъ этотъ-то „соціалдемократъ" удерживалъ своего отца отъ уступокъ, онъ же доносилъ отцу на тѣхъ приказщиковъ, которые осмѣливались въ „рабочее" время пить чай и, повидимому, по его же настоянію, по окончаніи стачки (были удовлетворены всѣ требованія) былъ разсчитанъ упомянутый приказщикъ-депутатъ.

Скоро по окончаніи стачки одинъ изъ главныхъ приказщиковъ былъ вызванъ въ жандармское управленіе. Разспросивъ о томъ, что происходило въ магазинѣ и объ условіяхъ труда, жандармскій офицеръ призналъ, что эти условія прескверны, и совѣтовалъ впредь обращаться къ нему, когда приказщики будутъ чѣмъ-либо недовольны. Старикъ-приказщикъ отвѣтилъ на это, что онъ не зналъ, что для приказщиковъ роль фабричнаго инспектора играютъ жандармы. „Вотъ, вотъ, подхватилъ офицеръ, именно обращайтесь ко мнѣ, какъ къ фабричному инспектору. Я надѣюсь, слѣдовательно, что если у васъ опять зайдутъ разговоры о стачкѣ и т. п., то вы предварительно придете поговорить со мной. Не такъ-ли?" Приказщикъ наотрѣзъ отказался.

Въ іюлѣ на одномъ изъ засѣданій думы было прочитано предложеніе губернатора уплатить $5^1/_2$ тысячъ за экстренные расходы по вызову въ Вильну и содержанію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ казаковъ. Дума единогласно (безъ всякаго протеста) выдала требуемую сумму.

12-го августа въ городѣ распространено (на еврейскомъ яз.) воззваніе по поводу бывшихъ здѣсь арестовъ.

Уволенъ за... несчастный случай! Изъ Орѣхово-Зуева сообщаютъ о несчастномъ случаѣ съ котлочистомъ, который былъ обваренъ паромъ во время своей работы. Когда рабочій нѣсколько оправился и былъ въ силахъ пойти въ контору, то тамъ ему вмѣсто вознагражденія выдали на руки паспортъ. Рабочій обратился къ фабричному инспектору. „Но, какъ извѣстно, наши фабричные инспектора въ большинствѣ случаевъ большіе прохвосты или лакеи капиталистовъ". Фабричный инспекторъ въ отвѣтъ на жалобу рабочаго сталъ самъ ему жаловаться на Савву Морозова: „вотъ, смотрите, какое я занимаю помѣщеніе отъ хозяина: что я съ нимъ могу подѣлать?" Въ заключеніе онъ далъ рабочему совѣтъ поискать работы на другой фабрикѣ.

Несчастный фабричный инспекторъ! Не можетъ-ли царское правительство похлопотать у Саввы Морозова, чтобъ онъ не держалъ прикомандированныхъ отъ министерства финансовъ лакеевъ въ черномъ тѣлѣ?

А г. фабричному инспектору предлагаемъ, если у него есть еще какія-нибудь претензіи противъ Саввы Морозова, обратиться въ „Искру" для ихъ опубликованія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо третье.

Прерываю свои бесѣды о соціалистической партіи во Франціи, чтобы поговорить о событіи, непосредственно насъ касающемся: о пріѣздѣ царя.

Было бы ребячествомъ отрицать, что царское самодержавіе — но только оно, а отнюдь не Россія — выиграло отъ поѣздки царя по Европѣ. Франко-русскій союзъ — самая выгодная комбинація, къ которой царизмъ могъ прибѣгнуть, чтобы продлить свое существованіе. Во Франціи, классической странѣ „сбереженій", денегъ много, а рынковъ и промышленной инициативы мало, — и вотъ, французская мелкая буржуазія охотно несетъ свои денежки царю, платящему ей 4%, между тѣмъ какъ во Франціи она можетъ получить лишь $2^1/_2$—3%, тѣмъ болѣе, что оппортунистскіе правители, за все время своего продолжительнаго господства безстыдно спекулировавшіе на страхъ мелкой буржуазіи передъ новымъ „нашествіемъ" нѣмцевъ, выставляютъ царя, какъ спасителя и могущественнаго покровителя „отечества въ опасности", а финансовые спекулянты, получающіе огромные коммиссіонные проценты по русскимъ займамъ, восхваляютъ неисчислимыя богатства Россіи, а русскія цѣнности — какъ самое выгодное и самое безопасное „помѣщеніе".

Но царская дружба не давала никакихъ осязательныхъ результатовъ, а французскія сбереженія между тѣмъ не переставали уплывать въ бездонныя кассы царскаго казначейства: за какіе-нибудь 12-13 лѣтъ эти кассы поглотили свыше 8 милліардовъ французскихъ денегъ. Съ другой стороны, какъ во Франціи ни держатъ въ своихъ рукахъ прессу правительство и финансисты, но то въ ту, то въ другую газету проникали время отъ времени глухія извѣстія о хроническихъ голодовкахъ въ Россіи, о финансовыхъ фокусъ-покусахъ Витте, о ростѣ революціоннаго пролетаріата, — и даже мѣднолобый мелкій буржуа начиналъ задумываться и уже не такъ охотно покупалъ русскія бумаги. Всѣмъ извѣстно, что Витте, пріѣзжавшій сюда во время выставки съ цѣлью заключить заемъ, встрѣтилъ довольно холодный пріемъ. Правда, Делькассэ потомъ поскакалъ въ Петербургъ и самъ предложилъ 400 милліоновъ, но въ общемъ нельзя было не видѣть, что французскому мелкому буржуа начинаетъ надоѣдать роль дойной коровы. И вотъ, царскому правительству пришла геніальная идея: сблизиться съ Германіею и заставить Францію продѣлать то же самое, посуливъ ей, вѣроятно, возможность останавливать въ Африкѣ разгорѣвшіеся аппетиты Англіи. Я не хочу сейчасъ касаться того, какіе международные грабежи будутъ результатомъ этой новой международной группировки, ни того, какое положительное или отрицательное вліяніе это можетъ оказать на ростъ революціоннаго самосознанія вообще и русскаго въ частности. Намъ важно отмѣтить пока, что, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, царь будетъ держать Францію въ полномъ подчиненіи, подъ угрозой покинуть ее и окончательно сблизиться съ Германіей, такъ что Франція по прежнему будетъ давать деньги царю, да и Германія перестанетъ, вѣроятно, такъ скупиться, а этого ему только и надо.

Тѣмъ тѣснѣе должны мы сблизиться съ французскимъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Съ нимъ у насъ общіе интересы, общіе идеалы, — и онъ можетъ помочь намъ наносить удары царизму даже на почвѣ его международной политики. Съ этой точки зрѣнія теперешняя поѣздка царя во Францію очень выгодно отличается для насъ, соціалдемократовъ, отъ его первой поѣздки въ 1896 г. Тогда вся Франція принимала царя и раболѣпно преклонялась передъ нимъ. Тогда — къ чему скрывать? — ни одинъ голосъ не раздался, который съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергъ бы царя, съ его могуществомъ, дружбой, союзомъ, и который открыто высказалъ бы свою солидарность съ нами, смертельными врагами самодержавія. Тогда до извѣстной степени можно было утверждать, что вся Франція соединяется съ царемъ, потому что даже соціалисты-революціонеры заняли въ этомъ вопросѣ нейтральную позицію, выжидая, чтобы дѣйствительность отрезвила народъ, опьяненный царскимъ могуществомъ и великодушіемъ, о которомъ подкупленныя правительствомъ и финансистами газеты писали каждый день, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, восторженныя статьи. Чѣмъ объяснить эту ошибку французскихъ товарищей, ошибку, которую они теперь сами признаютъ? Отчасти мы, русскіе соціалисты, сами тому были виною. Мы слишкомъ мало держали въ извѣстности нашихъ французскихъ товарищей о томъ, что творилось въ Россіи; они почти ничего не знали ни о преступленіяхъ царскаго правительства, ни о нашей борьбѣ съ нимъ; они думали, что потрясшіе весь міръ своимъ геройствомъ „нигилисты" окончательно побѣждены царизмомъ, сметены имъ съ лица русской земли, и не имѣли почти никакого представленія о томъ, что на смѣну „нигилистамъ" какъ разъ въ это время вставала новая партія, партія пролетаріата, которая исполнитъ то, чего не въ силахъ были исполнить „нигилисты". Съ другой стороны — это былъ какъ разъ тотъ періодъ развитія французской соціалистической партіи, когда старыя революціонныя организаціи позволяли уже и въ то время обнаружившему свои оппортунистическія тенденціи Мильерану играть слишкомъ видную роль въ партіи, выступать почти ея главнымъ представителемъ (что, кстати сказать, и дало ему возможность пустить столь глубокіе корни въ партіи и послужить впослѣдствіи одной изъ главныхъ причинъ ея раскола).

Какъ бы то ни было, но тогда оффиціальная Франція могла утверждать, что царь былъ гостемъ и союзникомъ всей французской націи. Теперь картина совсѣмъ другая. Какъ только было объявлено, что царь долженъ пріѣхать, весь организованный пролетаріатъ, отъ самыхъ умѣренныхъ представителей его до самыхъ крайнихъ, единодушно и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ того, что „палачъ русскаго народа, убійца русскихъ рабочихъ и соціалистовъ, наполняющій тюрьмы и далекую Сибирь борцами за свободу и соціализмъ" и проч. и проч. „опозоритъ своимъ посѣщеніемъ французскую землю" и не менѣе единодушно, на этотъ разъ въ братскихъ выраженіяхъ, заявлялъ о своей полной солидарности съ русскимъ пролетаріатомъ и вообще со всѣми, кто борется въ Россіи за свободу и соціализмъ. „Petit Sou", органъ „гедистовъ" и „бланкистовъ", ежедневно печаталъ множество резолюцій, которыя присылались рабочими организаціями изъ всѣхъ угловъ Франціи. Глубоко сожалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести здѣсь два-три десятка этихъ резолюцій. Но, чтобы дать вамъ хотя бы нѣкоторое представленіе объ нихъ, приведу резолюцію, принятую „гедистами" на своемъ конгрессѣ въ Рубэ, происходившемъ какъ разъ во время пребыванія царя во Франціи:

„Въ моментъ, когда буржуазная республика и министерство, именующее себя „министерствомъ республиканской защиты", со-

бираются вслѣдъ за Деруледами и Дрюмонами холопствовать передъ царемъ, являющимся живымъ олицетвореніемъ кнута и Сибири.

„Французская Рабочая Партія, собравшись на своемъ 19-мъ національномъ годичномъ конгрессѣ, привѣтствуетъ русскій пролетаріатъ и русскую соціалдемократію; объявляетъ себя солидарной съ ними въ ихъ геройской борьбѣ и вмѣстѣ съ ними передъ лицомъ Николая Второго и послѣдняго восклицаетъ: Долой царизмъ!

„Французская Рабочая Партія клеймитъ передъ лицомъ рабочихъ и соціалистовъ всего міра республиканцевъ à la Вальдекъ-Руссо, радикаловъ à la Ланессанъ и Боденъ, соціалистовъ à la Мильеранъ, которые, поддерживая своими привѣтствіями и нашими деньгами русскій деспотизмъ, этотъ позоръ двадцатаго вѣка, эту главную опору европейской реакціи, совершаютъ измѣну по отношенію не только къ будущему, но и къ настоящему человѣчества“.

Среди единодушнаго хора всѣхъ соціалистовъ — повторяю, всѣхъ, безъ исключенія — одни лишь ближайшіе пріятели Мильерана, и въ томъ числѣ Жоресъ, хранили гробовое молчаніе.

Но противъ посѣщенія царя протестовали не только рабочіе и соціалисты, но и та болѣе или менѣе соціалистически настроенная интеллигенція, которая, подъ вліяніемъ соціально-политической эволюціи послѣднихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что ея спасеніе въ единеніи съ рабочимъ классомъ. Многіе писатели, художники и ученые отказались поѣхать въ Компьень на торжественное представленіе привѣтствовать царя.

Характеръ „альянса“ (союза) такимъ образомъ вполнѣ опредѣлился: это есть союзъ царя и его клевретовъ съ французской буржуазіей. Оба союзника вполнѣ достойны другъ друга. Устраивая другъ другу тѣмъ болѣе пышные пріемы, что расходы покрываются на деньги обворовываемаго народа, они только и думаютъ, какъ бы другъ друга перехитрить и обмануть. Увы! кто бы ни перехитрилъ, расплачиваться придется все тому же народу...

Но чѣмъ яснѣе опредѣлился дѣйствительный характеръ альянса, тѣмъ больше презрѣнія и негодованія вызвало поведеніе Мильерана, который вмѣстѣ со всей буржуазной кликой пресмыкался передъ тираномъ. На этотъ разъ отъ „гражданина-министра“ отшатнулись даже всѣ его неизмѣнные защитники, за исключеніемъ, повторяю, нѣкоторыхъ его ближайшихъ пріятелей, въ томъ числѣ и Жореса.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ о поведеніи Мильерана въ этомъ вопросѣ будетъ поднятъ въ генеральномъ комитетѣ партіи, до сихъ поръ не рѣшавшейся порвать съ мильеранистами и жоресистами, и это послужитъ одной изъ причинъ окончательнаго краха „новой методы“. Объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ.

ГОЛЛАНДІЯ.

Въ іюнѣ происходили выборы въ парламентъ. Ожидали повода ко многимъ перебаллотировкамъ, и окончательные результаты ихъ выяснились только въ августѣ. Наши товарищи могутъ быть довольны этими результатами. Хотя избирательная реформа 1896 г. значительно увеличила число избирателей, но это увеличеніе ограничилось только мелкой буржуазіей и наиболѣе сознательными слоями рабочаго класса. Число избирателей въ сельскихъ округахъ увеличилось въ несравненно бо́льшей степени, чѣмъ въ городахъ. Такъ напр., въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Амстердамъ и Роттердамъ, правомъ голоса пользуется отъ 6,5 до 7,5% населенія, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ избиратели составляютъ 20% всего населенія. Этимъ въ значительной степени объясняется кажущійся неуспѣхъ соціалдемократовъ въ городахъ. Къ этому надо присоединить еще и тѣ затрудненія, съ которыми приходится встрѣчаться при назначеніи кандидатовъ. Для этого требуется 40 подписей. А такъ какъ подписываться приходится рабочимъ, то это влечетъ за собою для нихъ цѣлый рядъ преслѣдованій со стороны предпринимателей. О той кампаніи клеветъ и лжи, которая направляется противъ соціалдемократовъ при выборахъ, нечего и говорить: это обычное оружіе въ рукахъ господствующихъ классовъ.

И все-таки, не смотря на эти затрудненія, не смотря на выдѣленіе изъ либеральной партіи группы свободомыслящихъ демократовъ, партіи соціальныхъ реформъ и „смягченія“ классовой борьбы, наши товарищи одержали крупную побѣду. Въ 1897 г. они выставили кандидатовъ въ 29 округахъ, въ этомъ — въ 54. Вмѣсто 13.500 голосовъ, которые они получили въ 1897 г., теперь подано за нихъ 38.648. Особенно прочные корни пустила соціалдемократія въ провинціяхъ Фрисландіи, Гронингенѣ, Сѣв. и Юж. Голландіи и Оверисселѣ (наиболѣе густонаселенныя провинціи). Въ Фрисландіи и Гронингенѣ, центрахъ капиталистическаго земледѣлія и скотоводства, среди избирателей преобладаютъ рыболовы, сельскіе рабочіе и мелкіе арендаторы, въ Сѣв. и Южной Голландіи и Оверисселѣ — промышленные рабочіе (въ первыхъ двухъ — шлифовальщики алмазовъ, судостроительные рабочіе, рабочіе, приготовляющіе паруса и снасти, въ послѣдней — хлопчатобумажные). Больше всего депутатовъ соціалдемократія получила въ такъ-наз. сельскихъ провинціяхъ. Только одинъ депутатъ (Ванъ Коль) выбранъ въ крупномъ центрѣ хлопчатобумажнаго производства (Энштеди). Два кандидата были выбраны въ двухъ округахъ единовременно (Шаперъ и Ванъ деръ Цвсагъ). За то Трульстра, одинъ изъ главныхъ организаторовъ партіи, былъ побитъ. Надежда провести его въ палату на дополнительныхъ выборахъ въ Веендомѣ, гдѣ уже былъ выбранъ Шаперъ, не оправдалась. Хотя онъ получилъ на 200 голосовъ больше, но все-таки не былъ выбранъ, такъ какъ противъ него соединились всѣ буржуазныя партіи, въ томъ числѣ и свободомыслящіе демократы. Такимъ образомъ, соціалдемократы получили бы только 6 мѣстъ, но на дополнительныхъ выборахъ въ Лохемѣ (тамошній депутатъ долженъ былъ сложить съ себя полномочіе, такъ какъ былъ назначенъ министромъ) прошелъ соціалдемократъ Гельдингенъ. Вмѣстѣ съ нимъ соціалдемократы имѣютъ въ палатѣ семь представителей (въ прошлой — троихъ). Но эти успѣхи покажутся еще крупнѣе, если мы познакомимся съ тѣми трудностями, которыя молодой голландской соціалдемократіи приходилось преодолѣвать въ своемъ развитіи.

На первый взглядъ, казалось бы, Голландія представляетъ самую благопріятную почву для развитія соціалистическихъ идей. Рѣзкая противоположность между богатствомъ и бѣдностью, духъ свободы, воспитанный столѣтіями борьбы за независимость — все это должно было сдѣлать голландскихъ рабочихъ болѣе воспріимчивыми къ соціалдемократическимъ идеямъ. Къ тому же нигдѣ, кромѣ Италіи, капитализмъ не развился такъ рано, какъ въ Голландіи. Въ XVII и XVIII вѣкахъ Голландія занимала первое мѣсто среди торговыхъ и промышленныхъ странъ. Еще и теперь Голландія принадлежитъ къ числу такихъ странъ: въ иностранныя цѣнности она вложила капиталъ въ 4 милліарда марокъ. По количеству дохода и цѣнности вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ, приходящихся на каждаго жителя, Голландія и теперь занимаетъ первое мѣсто. Но это же обстоятельство смягчало антагонизмъ классовъ. Богатая буржуазія, казалось, наживалась на счетъ иностранныхъ государствъ. Многочисленныя колоніи и вызываемыя ими постоянныя войны поглощали избыточное населеніе. Мало по малу общественная жизнь отлилась въ опредѣленныя, прочныя формы. Голландія превратилась въ своего рода буржуазный Китай. Буржуазія копила проценты по коммиссіоннымъ и соуднымъ операціямъ, увлекалась искусствомъ и разсадкой тюльпановъ, пролетаріатъ, особенно такъ-наз. „городская чернь“ пріучился смотрѣть на эти порядки, какъ изъ вѣка существующіе, богомъ данные, а крестьянство выращивало скотъ, вырабатывало масло, сыръ и овощи и избытки отвозило въ города. Такъ все обстояло благополучно до 1789 г., когда громы французской революціи разбудили и сонное голландское населеніе. Постепенно старыя голландскія „вольности“ уступили напору „новаго времени“, и въ 1848 г. наконецъ, были замѣнены „писаной“ конституціей, на первыхъ порахъ считавшейся только съ состоятельными классами. Пролетаріатъ молчалъ. Но отдѣленіе Бельгіи, происшедшее въ 1830 г., дало толчокъ развитію крупной промышленности со всѣми его послѣдствіями. Мелкое производство съ его патріархальными отношеніями все больше вытѣснялось. Если еще въ 1866 г. рабочихъ, жившихъ у мастеровъ, насчитывалось 109,759 чел., то въ 1896 г. такихъ рабочихъ было уже только 82,691 чел. Особенно быстро развивается крупная промышленность начиная съ 70-хъ годовъ. Городское населеніе, составлявшее въ 1870 г. 936,827 чел., въ 1896 г. уже равнялось 1,677,759 чел. Образуется промышленный пролетаріатъ, не похожій на прежнюю „чернь“. Начинается рабочее движеніе, стачки учащаются. Но старыя традиціи все еще сильны. Рабочіе не хотятъ слышать о соціализмѣ и совершенно поглощены, по выраженію одного изъ самыхъ испытанныхъ организаторовъ голландской соціалдемократіи (Полякъ), „борьбой за сокращеніе рабочаго дня на полчаса и увеличеніе заработной платы на пару пфениговъ“. Главная рабочая организація (Всеобщій нидерландскій рабочій союзъ), образовавшаяся еще въ 60-хъ годахъ, до сихъ поръ еще занимается „чисто экономической борьбой“ и продолжаетъ тянуться въ хвостѣ радикальной партіи. Только отдѣльныя личности присоединились къ Интернаціоналу и образовали нѣсколько секцій, не имѣвшихъ никакого вліянія.

Кризисъ 70-хъ годовъ сдѣлалъ рабочихъ болѣе внимательными къ соціалистической пропагандѣ. Въ 1878 г образуется маленькая организація (портной Гергардтъ), къ которой вскорѣ присоединяется Домела Нъювенгаузъ, начавшій въ 1879 г. издавать газету „Право для всѣхъ“. Бывшій пасторъ, очень состоятельный человѣкъ, съ крупнымъ литературнымъ и ораторскимъ талантомъ онъ оказалъ дѣлу соціализма неоцѣнимыя услуги. Къ сожалѣнію, онъ не былъ человѣкомъ, который былъ бы способенъ къ многолѣтней систематической борьбѣ, иногда безъ всякаго видимаго успѣха. А первый періодъ развитія соціалдемократіи въ „классической странѣ свободы“ былъ особенно тяжелъ. Правящіе классы пустили въ ходъ всѣ средства: собранія разгонялись вооруженной силой, населеніе натравливалось на агитаторовъ, которыхъ часто избивали, наиболѣе вліятельныхъ сажали въ тюрьмы. Все это ожесточало рабочихъ: многіе разочаровались въ политической борьбѣ. Анархизмъ съ его отрицаніемъ политической борьбы распространялся все больше. Домела былъ увлеченъ этимъ теченіемъ. А расцвѣтъ промышленности въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, доставившій нѣсколько успѣховъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ предпринимателями, увлекъ ихъ въ сторону „чисто экономической борьбы“. Наконецъ, на конгрессѣ въ Гронингенѣ была принята резолюція, гласившая, что „партія не приметъ никогда участія въ выборахъ даже ради агитаціонныхъ цѣлей“. Произошелъ расколъ. Небольшое меньшинство, оставшееся вѣрнымъ соціалдемократіи, отдѣлилось. Ихъ было всего 12 чел. (Трульстра, Ван-Коль, Флигенъ, Полякъ и др). 26 августа 1899 г. они основали новую партію подъ названіемъ „Соціалдемократическая рабочая партія“. Съ тѣхъ поръ начинается ожесточенная борьба между новой партіей и союзомъ соціалистовъ (такъ называлась партія Домелы). Послѣдній продержался недолго Въ немъ произошелъ новый расколъ. Группы анархистовъ выдѣлились вмѣстѣ съ Домелой, а остальные члены рѣшили соединиться съ сильно разросшейся между тѣмъ соціалдемократической партіей: въ 1895 году она имѣла 19 секцій съ 700 членами, а въ 1899 г. уже 52 секціи съ 2500 членами. На выборахъ 1897 г. ей удалось провести въ парламентъ 2 кандидатовъ (Трульстра, Ван-Коль). Объединительный конгрессъ имѣлъ мѣсто 24 іюня 1900 г. въ Амстердамѣ. Единогласно была принята резолюція слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе, что не въ интересахъ рабочаго класса, чтобы согласномыслящіе боролись за одно и то же дѣло въ раздробь; убѣжденный, что второстепенныя различія по вопросамъ тактики легко могутъ быть устранены; сознавая, что многіе, солидарные съ ними во взглядахъ, держались вдали отъ организаціи только потому, что не было единой объединенной соціалдемократической партіи“, конгрессъ признаетъ, что борьба за освобожденіе рабочаго класса должна быть ведена какъ путемъ профессіональныхъ организацій, такъ и посредствомъ политической рабочей партіи. Новая объединенная партія сохранила названіе старой соц.-демократической рабочей партіи и подъ этимъ именемъ приняла участіе въ послѣднихъ выборахъ.

Еще нѣсколько словъ о такъ-называемой „аграрной программѣ“, принятой на конгрессѣ въ Арнгеймѣ въ 1897 г. Отъ французской и румынской ее отличаетъ „безусловное отсутствіе требованій, цѣлью которыхъ является поддержка мелкаго землевладѣнія или укрѣпленіе современныхъ условій существованія класса, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ“. Всѣ постановленія ея касаются сельскихъ рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ.

Только-что получено изъ Голландіи извѣстіе, что тамъ дѣлаются попытки организовать другую рабочую партію, „въ которой интеллигенція не занимала бы такого преобладающаго мѣста“, какъ въ старой партіи. Эти попытки производятся тѣми же людьми, которые еще такъ недавно были противъ политической борьбы. Предпочтеніе „мускулистой руки“ и „чисто экономической борьбы“ тутъ, какъ и всюду, составляетъ отличительный признакъ того теченія, которое, смотря по обстоятельствамъ, является то анархическимъ, то поссибилистическимъ. Этой новой партіи грозитъ та-же судьба, что и выродившемуся въ анархическую группу союзу соціалистовъ Домелы.

ГЕРМАНІЯ.

Конгрессъ соціалдемократической партіи въ Любекѣ.

Съ 22 по 28 сентября въ Любекѣ происходилъ годичный съѣздъ германской соціалдемократической партіи. Присутствовало 230 делегатовъ и 8 делегатовъ отъ имени соціалдемократическихъ партій другихъ странъ. Конгрессъ привѣтствовали представители французскихъ, австрійскихъ, англійскихъ, голландскихъ и швейцарскихъ рабочихъ. Изъ Россіи было привѣтствіе отъ „Искры“.

Изъ отчета, прочитаннаго правленіемъ партіи, узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее: доходы партіи въ текущемъ году составили (въ круглыхъ цифрахъ) 318.000, расходы — 314.000 марокъ. Изъ нихъ на общую агитацію затрачено 72.000 мар., на агитацію передъ выборами 36.000, на пособія 12.000, издержки по судебнымъ процессамъ и издержки заключеннымъ въ тюрьмы — около 8.000, жалованіе депутатамъ 29.000, расходы по управленію 16.000, пособія мѣстнымъ газетамъ 67.000 марокъ. Главный органъ партіи („Vorwärts“) имѣлъ 55.000 подписчиковъ и далъ 80.000 марокъ чистой прибыли въ кассу партіи.

Въ небольшой замѣткѣ мы не можемъ перечислить всѣ вопросы, которыми занимался конгрессъ. Наиболѣе важнымъ былъ вопросъ объ отношеніи партіи къ дѣятельности Эдуарда Бернштейна. Этотъ бывшій другъ Фр. Энгельса, какъ извѣстно, измѣнилъ своимъ старымъ взглядамъ, и вотъ уже 4-й годъ ведетъ кампанію въ пользу пересмотра всѣхъ основныхъ принциповъ соц.-демократіи съ цѣлью превращенія ея изъ революціонной партіи въ „партію соціальныхъ реформъ“. На съѣздѣ въ Ганноверѣ 1899 г. партія рѣшительно высказалась противъ идей Бернштейна и выразила намѣреніе держаться прежней программы. Но съ тѣхъ поръ Э. Бернштейнъ, жившій въ Англіи, получилъ возможность вернуться на родину. Тотчасъ же вокругъ него сгруппировались всѣ элементы, которые давно уже работаютъ внутри партіи въ смыслѣ „смягченія“ ея революціоннаго характера и сближенія съ буржуазной демократіей. Постоянныя нападки Бернштейна на соціалдемократію, марксизмъ, нападки, съ которыми онъ выступаетъ передъ буржуазной публикой, сдѣлали его „своимъ“ человѣкомъ для тѣхъ буржуазныхъ политиковъ (особенно изъ партіи „націонал-соціаловъ“), которые, особенно за послѣдніе годы, ревностно стараются втереться въ рабочее движеніе и овладѣть пролетаріатомъ, оттѣснивъ революціонную соціалдемократію. Буржуазныя газеты стали открыто провозглашать Бернштейна и его единомышленниковъ спасителями общества, которые утихомирятъ пролетаріатъ и поведутъ его по пути „мирнаго соціальнаго развитія“. Новоявленные друзья рабочаго класса поставили на широкую ногу литературное издательство (журналъ „Sozialistische Monatshefte“ — Соціалистическій Ежемѣсячникъ, — въ которомъ участвуютъ Бернштейнъ, Фольмаръ, Гейне, Кальверъ, Давидъ и другіе „умѣренные“, на ряду съ національ-соціалами. Кстати. Замѣтимъ для русскихъ товарищей, интересующихся нѣмецкой литературой, что на съѣздѣ неоднократно было подчеркиваемо, что этотъ журналъ не есть партійный органъ) — и противопоставили его скудной денежными средствами рабочей соціалистической печати. Появились самые недвусмысленные признаки того, что буржуазное теченіе въ партіи начинаетъ поднимать голову. Въ печати и въ политической дѣятельности отдѣльные члены партіи позволяли себѣ самыя грубыя нарушенія программы и компрометирующія партію заявленія. Въ дебатахъ на съѣздѣ выяснилось, что центральный органъ партіи давалъ невѣрныя свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ, умалчивая обо всемъ, что невыгодно для измѣнника-министра Мильерана и его друзей — жоресистовъ; что въ интересахъ Бернштейна онъ не рѣшился сообщить читателямъ о прочитанномъ имъ въ одномъ студенческомъ обществѣ рефератѣ, въ которомъ Бернштейнъ отрицаетъ за соціалистической теоріей право на научность. Выяснилось, что во время выборовъ въ парламентъ въ Бранденбургской провинціи одинъ изъ видныхъ бернштейніанцевъ (Пеусъ) издалъ воззваніе „къ либеральной буржуазіи“ и приглашалъ ее голосовать за себя; въ доказательство своей „благонадежности“ цитировалъ изъ національ-соціальной газеты похвальный отзывъ о себѣ, мотивированный тѣмъ, что онъ, Пеусъ, всегда отстаивалъ „разумные“ (для буржуазіи) взгляды, что онъ не придавалъ значенія соціализму, а только „текущей“ практической работѣ и т. д. Члены партіи, засѣдающіе въ ландтагѣ герцогства Баденскаго, вопреки прямому рѣшенію партіи, голосовали за государственный бюджетъ, т. е. одобрили расходы на войско, на тюрьмы, на тайную и явную полицію и т. д. Но этого мало. Они во главѣ съ депутатомъ Фендрихомъ оправдывались тѣмъ, что они „приносили присягу“ конституціи, а потому не могутъ отказываться давать государству денежныя средства. Въ громовой рѣчи, произнесенной на съѣздѣ противъ баденцевъ, Бебель привелъ въ доказательство проникшаго въ партію разврата такой невѣроятный фактъ: когда Роза Люксембургъ выступила въ печати съ рѣзкимъ осужденіемъ поведенія баденскихъ депутатовъ, баденская соц.-демократическая газета заявила, что пора, чтобы „свыше“ вмѣшались и прекратили нападки Люксембургъ. Партійная газета требовала, чтобы заставили замолчать товарища! Дальше этого уже нельзя было пойти. Впрочемъ, на конгрессѣ дѣло пошло еще дальше, и депутатъ Гейне, нападая на Люксембургъ и Парвуса, не только „обругалъ“ ихъ евреями и русскими, которые не должны вмѣшиваться въ „наши“, нѣмецкія дѣла, но и совершилъ по отношенію къ Парвусу актъ, который Ледебуръ и Штадгагенъ, при одобреніи большинства, должны были назвать „доносомъ“.

Всѣ эти печальныя явленія, говорящія о томъ, что въ партіи ростетъ направленіе, противное революціоннымъ принципамъ соціалдемократіи, вызвали въ партіи сильное раздраженіе противъ Бернштейна, какъ наиболѣе яркаго выразителя этого направленія. Бернштейнъ получилъ возможность высказать лично передъ товарищами свои взгляды и оправдать свое поведеніе. Не смотря на все его краснорѣчіе и на увѣренія, что онъ оказываетъ партіи громадныя услуги, критикуя ея программу, не смотря на то, что онъ увѣрялъ, что настанетъ время, когда партія будетъ гордиться его книгой (заявленіе это было встрѣчено на съѣздѣ смѣхомъ), не смотря на все это, партія взглянула на его поведеніе иначе и приняла громаднымъ большинствомъ голосовъ (203 противъ 31) резолюцію Бебеля, осуждавшую дѣятельность Бернштейна.

Вотъ текстъ резолюціи: „Съѣздъ признаетъ безусловно необходимость самокритики для духовнаго развитія нашей партіи. Но крайне односторонній характеръ той критики, которой занимался тов. Бернштейнъ въ послѣдніе годы, избѣгая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставилъ Бернштейна въ двусмысленное положеніе и возбудилъ недовольство большинства товарищей. Въ надеждѣ, что тов. Бернштейнъ сознаетъ это и соотвѣтственно измѣнитъ свое поведеніе, съѣздъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Не смотря на то, что громадное большинство партіи, такимъ образомъ, признало, что новая дѣятельность Бернштейна приноситъ вредъ дѣлу, онъ не вышелъ изъ партіи, но заявилъ, что будетъ считаться съ ея рѣшеніемъ. Бернштейнъ давно уже утратилъ ту прямоту характера, которая обязываетъ человѣка, такъ рѣшительно разошедшагося съ партіей, сказать ей: „насильно милъ не будешь“ и уйти въ тотъ лагерь, который такъ цѣнитъ его заслуги въ борьбѣ противъ революціоннаго соціализма.

Общее впечатлѣніе, оставленное отъ съѣзда партіи, таково: существованіе въ партіи сильнаго оппортунистическаго теченія, стремящагося ослабить классовую борьбу пролетаріата и идущаго въ разрѣзъ со всѣми принципами революціоннаго соціализма, теперь не можетъ подлежать сомнѣнію. Рано или поздно передъ революціонно-пролетарскими элементами партіи станетъ задача — разорвать съ оппортунизмомъ. Только такой открытый разрывъ радикально излечитъ великую германскую соціалдемократію отъ заразившей ее болѣзни. Если принять во вниманіе, какихъ громадныхъ жертвъ стоило германской соціалдемократіи создать теперешнюю ея могучую организацію, неудивительно станетъ, что она чрезвычайно дорожитъ своимъ единствомъ и не спѣшитъ привести разгорѣвшуюся борьбу къ неизбѣжному концу. До поры до времени партія довольствуется тѣмъ, что призываетъ къ отвѣту отдѣльныхъ черезъ-чуръ зарвавшихся представителей оппортунизма и выражаетъ имъ суровое порицаніе.

Въ одной изъ своихъ рѣчей Бебель выразилъ надежду, что то благодушное настроеніе, которое создалось въ партіи, благодаря нѣсколькимъ годамъ промышленнаго благополучія, теперь, съ наступленіемъ кризиса, исчезнетъ безслѣдно, и станетъ невозможной та вѣра въ „мирное, безболѣзненное“ развитіе общества, которое породило успѣхъ Фендриховъ и Бернштейновъ.

Такъ или нѣтъ, но германская соціалдемократія рано или поздно справится съ проникшимъ въ нее оппортунизмомъ. Мы, русскіе, у которыхъ боевая рабочая партія только складывается, должны съ самаго начала не дать привить эту болѣзнь молодому организму. При нашихъ политическихъ условіяхъ, при отсутствіи той широкой гласности, которая позволяетъ германской партіи развиваться совершенно нормально, мы сдѣлали бы непростительную ошибку, еслибы, рабски подражая нѣмцамъ, вздумали, во имя только необходимости „объединенія“, начинать организацію съ введенія въ нее такихъ элементовъ, которые способны лишь тащить назадъ рабочее движеніе и которые уже успѣли нанести русской соціалдемократіи большой вредъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Во время стачки кожевниковъ въ Вильнѣ между офицерами вызванныхъ для „усмиренія“ войскъ была распространена 3 и 4 августа (въ 175 экземплярахъ) соц.-демократической группой прокламація. Прокламація эта была доставлена всѣмъ офицерамъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ, большинству офицеровъ мѣстной артиллеріи, всѣмъ казачьимъ офицерамъ шести казачьихъ сотенъ, нѣкоторымъ штабнымъ и всѣмъ высшимъ чинамъ мѣстной дивизіи. Впечатлѣніе она, по словамъ корреспондента, произвела громадное. Къ сожалѣнію, нельзя опубликовать подробности того, что происходило въ лагерѣ послѣ ея распространенія.

Приводимъ текстъ этой прокламаціи (изданной на гектографѣ), представляющей первый опытъ соціалдемократической агитаціи среди военныхъ. Мы, съ своей стороны, рекомендуемъ товарищамъ воспользоваться этимъ удавшимся опытомъ.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ.

Въ прошлую субботу, по требованію виленскаго губернатора, три батальона пѣхоты внезапно вызваны были въ городъ и размѣщены въ рабочихъ кварталахъ. Они поступили въ распоряженіе полиціи и предназначены для подавленія рабочихъ безпорядковъ... Три батальона, снабженныхъ патронами, чтобы

бить, колоть и стрѣлять въ безоружныхъ рабочихъ!.. За что же? Для защиты чьихъ нарушенныхъ интересовъ, чьихъ попранныхъ правъ? Во имя какой правды?

Рабочіе кожевенныхъ заводовъ на прошлой недѣлѣ, чувствуя, что они выбиваются изъ силъ, рѣшили сократить свой трудъ и заявили хозяевамъ, что впредь они будутъ работать лишь 12 ч. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они, не дожидаясь обычнаго гудка, въ 6 час. вечера вмѣсто 7 бросали работу. Моментъ былъ выбранъ удобный: запасовъ товара не было, а спросъ на него все увеличивался. Заводчики на собраніи условились не уступать рабочимъ, такъ какъ, удовлетворивъ ихъ справедливыя требованія, они посягнули бы на свой карманъ; въ противномъ случаѣ имъ угрожала стачка, а съ нею громадные убытки, поэтому рѣшено терроризировать рабочихъ, вызвавъ солдатъ. Губернаторъ, этотъ высшій представитель правительства въ краѣ, охотно согласился на ихъ просьбу — и 1000 чел. солдатъ идетъ прекращать „рабочіе безпорядки“...

1000 солдатъ повели вы противъ ихъ же отцовъ и братьевъ, противъ тысячи съ небольшимъ безоружныхъ рабочихъ, пытающихся на одинъ часъ уменьшить свой каторжный, нищенски оплачиваемый трудъ! Какая славная, почтенная и высокая роль — состоять въ распоряженіи полиціи, на посылкахъ у заводчиковъ, на стражѣ интересовъ ихъ кармана! Роль эта въ послѣднее время, увы! все чаще и чаще выпадаетъ на вашу долю, а въ будущемъ грозитъ сдѣлаться коронной ролью арміи: рабочіе сознали всю непримиримость ихъ интересовъ съ интересами хозяевъ, сознали, что ихъ мозолистыя руки создали все богатство, всю роскошь сытыхъ, что ихъ трудомъ оплачиваются рысаки и вюбовницы, содержится полиція, жандармы, чиновничество и войско, что на ихъ трупахъ построены эти громадныя фабричныя зданія и роскошные дворцы, на свою же долю получили лишь нищенскую полуголодную жизнь гдѣ-нибудь въ подвалѣ или на задворкахъ, съ правомъ умереть съ голоду въ безработицу и погрязать въ дикости и невѣжествѣ; отдѣленные отъ орудій труда въ длинномъ историческомъ процессѣ, они поняли, что своимъ трудомъ создаютъ себѣ все новое и новое закрѣпощеніе капиталу, которому они должны продавать, чтобы жить, свой трудъ, единственное достояніе, полученное ими по наслѣдству. Эти новыя цѣпи, сковывающія сильнѣе и сильнѣе, обрекаютъ ихъ на полное безправіе, грозятъ имъ и ихъ дѣтямъ вырожденіемъ. Они поняли все это и постигли весь ужасъ своего положенія. Въ нихъ проснулась потребность быть человѣкомъ, а не придаткомъ къ машинѣ, и они объявили борьбу всему теперешнему общественному строю во имя интересовъ человѣка, его попранныхъ правъ, высшей правды и справедливости. Рабочіе сплачиваются, организуются, выставивъ на своемъ знамени требованіе свободы отъ гнета и насилія. Имъ еще не разъ придется увидѣть въ своихъ кварталахъ штыки, а вамъ, офицерамъ, еще не разъ, по примѣру „славныхъ фанагорійцевъ“ командовать „пли“ вашимъ солдатамъ, видѣть убитыхъ, слышать стоны раненыхъ, плачъ и проклятіе ихъ семей. Вы представляете ту общественную силу, которая подавляетъ рабочія требованія; на васъ опирается произволъ, всякое издѣвательство надъ личностью; вашими штыками поддерживается вся неправда и — горькая иронія — васъ, по роковому недоразумѣнію, содержатъ тѣ же рабочіе своимъ потомъ и кровью, а ряды ваши пополняютъ своими сыновьями.

Мы обращаемся къ вамъ, къ вашему уму и сердцу, туда мы хотимъ пробить брешь, чтобы открыть вамъ глаза на весь позоръ вашего положенія, на всю гнусность вашей роли — роли палачей въ рукахъ полиціи. Мы обращаемся особенно къ тѣмъ, у которыхъ казарменная муштра не выѣла окончательно всякую отзывчивость, не убила все, что есть святого въ человѣкѣ — его способность сочувствовать борющимся за справедливость. Мы обращаемъ ваше вниманіе на ненормальность существующихъ отношеній, мы просимъ васъ задуматься надъ совершающимися кругомъ васъ событіями, и мы увѣрены, въ какую сторону будутъ направлены ваши симпатіи; прежде, чѣмъ послать залпъ въ рабочихъ, вы вспомните, ради кого совершено будетъ это преступленіе... — Вильна, іюль 1901 г.

Виленская соціалдемократическая группа.

Лѣтняя агитація петербургскаго комитета партіи выразилась въ рядѣ прокламацій, изданныхъ въ собственной типографіи. Большинство прокламацій проникнуто революціоннымъ настроеніемъ и очень выгодно отличается отъ обычнаго типа петербургскихъ воззваній. Темы прокламацій — политическія: народное образованіе, свобода печати, система налоговъ. Особенно удачна прокламація, подписанная іюлемъ-августомъ и изданная по поводу массовыхъ арестовъ среди рабочихъ и интеллигенціи. Впервые за нѣсколько лѣтъ, когда петербургскіе товарищи избѣгали опредѣленной постановки передъ рабочими вопроса о самодержавіи, въ этой прокламаціи ясно сказано, что низверженіе самодержавія является ближайшей задачей русскаго рабочаго класса. Итакъ, и петербургскіе „практики“ нынѣ подтверждаютъ, что та политическая программа, которую отстаивали такъ-назыв. „теоретики“ русской соціалдемократіи, достаточно „практична“, чтобы теперь же стать предметомъ повседневной агитаціи. Фактъ этотъ весьма отраденъ, и намъ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ новый поворотъ въ настроеніи петербургскаго „Союза Борьбы“ будетъ достаточно устойчивымъ, чтобы позволить этой безспорно самой сильной изъ мѣстныхъ организацій играть ту роль въ общемъ движеніи, которой мы всѣ вправѣ отъ нея ожидать.

Отвѣтъ СПБ. Комитету. Въ ном. 12 „Раб. Мысли“ СПБ. Комитетъ (Союзъ Борьбы) помѣстилъ возраженіе на замѣтку въ ном. 1 „Искры“ о расколѣ заграничнаго „Союза русскихъ соціалдемократовъ“. Къ сожалѣнію, это возраженіе старательно обходитъ самое существо спорнаго вопроса: при такой системѣ полемика никогда не приводитъ къ выясненію дѣла. Мы настаивали и настаиваемъ на томъ, что въ заграничномъ „Союзѣ русскихъ соціалдемократовъ“ произошелъ именно расколъ, что Союзъ распался на двѣ части послѣ того, какъ на съѣздѣ 1900 г. удалось значительное меньшинство членовъ и въ томъ числѣ Гр. Осв. Труда, основавшая Союзъ и бывшая прежде редакторомъ всѣхъ его изданій. Послѣ раскола ни одна изъ частей не можетъ занимать то мѣсто, которое занималъ старый Союзъ въ цѣломъ видѣ. СПБ. Комитетъ не пытается опровергнуть этого мнѣнія, говоря (неизвѣстно почему) объ одномъ Плехановѣ, а не объ организаціи „Соціалдемократъ“ и давая только косвенно понять читателю, что СПБ. Союзъ Борьбы отрицаетъ, повидимому, фактъ раскола и продолжаетъ считать одну изъ частей бывшаго Союза за все цѣлое.

Къ чему вступать въ полемику, если нѣтъ желанія разобрать по существу мнѣніе противника и прямо высказать свое собственное?

Далѣе. Мы настаивали и настаиваемъ на томъ, что основной причиной (не поводомъ, а причиной) раскола послужило принципіальное разногласіе, именно: расхожденіе между революціонной и оппортунистической соціалдемократіей. Уже по одному этому, между прочимъ, нельзя смотрѣть на происшедшее въ заграничномъ Союзѣ русскихъ соціалдемократовъ иначе, какъ на расколъ стараго Союза. Спрашивается, какъ смотритъ на этотъ вопросъ СПБ. Комитетъ? Рѣшается-ли онъ отрицать существованіе глубокой принципіальной розни между обѣими частями бывшаго Союза? Неизвѣстно, ибо СПБ. Комитетъ ухитрился написать „возраженіе“, не сказавъ ни единаго словечка объ этомъ основномъ вопросѣ. И мы еще разъ спрашиваемъ петербургскихъ, да и не однихъ только петербургскихъ, товарищей: не грозитъ-ли полемика, обходящая суть дѣла, выродиться въ самую непріятную перебранку? Стоитъ-ли вообще начинать полемику, если нѣтъ желанія или если признается несвоевременнымъ разобрать вопросъ по существу и высказать свое мнѣніе съ полной опредѣленностью и безъ всякихъ недомолвокъ?

Заграничныя дѣла. Заграничный отд. организаціи „Искры“ объединился съ заграничной революціонной организаціей „Соціалдемократъ“ въ одну организацію: „Заграничную лигу революціонной русской соціалдемократіи“. Новая организація, какъ видно изъ изданнаго ею заявленія, намѣрена приступить къ изданію ряда брошюръ пропагандистскаго и агитаціоннаго характера. Лига является заграничнымъ представителемъ „Искры“. Такимъ образомъ, заграничная организація революціонныхъ соціалдемократовъ, руководимая группой „Освобожденіе Труда“, окончательно объединилась съ организаціей, группирующейся около нашей газеты. Какъ и прежде, группа „Осв. Труда“ принимаетъ ближайшее редакціонное участіе въ веденіи нашихъ изданій.

Объединеніе русскихъ революціонныхъ соціалдемократическихъ организацій заграницей совершилось послѣ того, какъ потерпѣла неудачу попытка этихъ организацій соединиться съ „Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ заграницей“ (издающимъ „Рабочее Дѣло“). Въ началѣ лѣта конференція изъ представителей всѣхъ трехъ организацій выработала проэктъ соглашенія между ними. Въ основу соглашенія положенъ былъ рядъ принципіальныхъ резолюцій, содержавшихъ въ себѣ полный отказъ „Союза“ отъ заигрываній съ экономизмомъ и бернштейніанствомъ и признаніе принциповъ революціонной соціалдемократіи. Можно было надѣяться, что объединеніе состоится, ибо до сихъ поръ только принципіальная неустойчивость „Союза“ и его органа — „Раб. Дѣло“ — стояла на пути къ сближенію. Эта надежда не оправдалась: вышедшій недавно ном. 10 „Раб. Дѣла“ содержалъ въ себѣ редакціонныя статьи, направленныя прямо противъ тѣхъ резолюцій, которыя были выработаны при участіи делегатовъ отъ „Союза“ на конференціи. Очевидно, „Союзъ“ опять повернулъ въ сторону праваго крыла нашего движенія. Дѣйствительно, на съѣздѣ всѣхъ трехъ организацій „Союзъ“ внесъ такія „поправки“ къ упомянутымъ резолюціямъ, которыя явно показывали, что онъ возвращается къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Остальнымъ организаціямъ пришлось покинуть съѣздъ, что онѣ и сдѣлали. Очевидно, для нашихъ товарищей изъ „Союза“ все еще не достаточно выяснилась опасность занимаемой ихъ организаціей промежуточной позиціи между революціоннымъ соціализмомъ и играющимъ въ руки либераловъ оппортунизмомъ. Мы надѣемся, что время и горькій опытъ убѣдятъ ихъ въ ошибочности ихъ тактики. Замѣчающееся повсюду въ партіи стремленіе работать не только надъ развитіемъ нашего движенія въ ширь, но и надъ его качественнымъ подъемомъ, служатъ намъ лучшей порукой въ томъ, что столь желанное объединеніе всѣхъ нашихъ силъ совершится подъ тѣмъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи, которому служитъ наша газета.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Кишиневъ. По поводу демонстраціи 11 сентября здѣсь арестованы: Гельманъ (поднадзорный), Каминскій (секретарь благотворительнаго общества), Пржеславскій, Ендрожіевскій, Вассеръ, Нина Глоба, Полина Шрифтейликъ (поднадзорная), г-жа Ханжи, Р. Барчъ (поднадзорная), двѣ сестры Фукельманъ (заграничныя студентки), Субиркина, два брата Мичникъ (заграничные студенты), Савицкій, Кричанеско, Эфруси.

Козловъ. Въ началѣ сентября были обыски и аресты. Взята типографія. Арестованы два брата Авдѣевыхъ, студентъ Надѣкрнъ, Лешковскій, рабочіе Зыковъ, дантистъ Маянъ.

Тамбовъ (по козлов. дѣлу) взяты Захарьевскій и Гавриловъ.

Воронежъ. Въ концѣ августа арестованы 2 ученика фельдшерской школы: Струцъ и Поставной (сидятъ въ Полтавѣ).

Ярославль. По здѣшнему дѣлу января 1901 г. приговоры: Доливо-Добровольскому 3 года Оренбургской губ., Ярославцеву 3 года Вятской губ., гимназисту Василію Носкову и учителю Бабенко 2 г. надзора, Ивану Короткову (рабочему) 1 годъ тюремнаго заключенія, Ѳедору Семенухѣ 10 м. тюремнаго заключенія.

С.-Петербургъ. По дѣлу объ обуховскихъ безпорядкахъ судъ вынесъ приговоръ: двое на каторгу, 8 — оправданы, всѣ остальные — въ арестантскія роты на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ. — Въ больницѣ Николая Чудотворца въ іюлѣ умеръ Даніилъ Колотовъ, арестованный 27 апрѣля 1900 г., просидѣлъ въ Д. П. З. болѣе года и заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ.

Москва. Арестованы въ октябрѣ: Левъ Львовичъ Никифоровъ, пом. прис. пов. Шанцеръ, Іос. Давыдовъ (литер.), А. А. Рейнгольдъ (его сестра), Куняевъ, Скворцовъ, Петровъ (инж. гор. управы), Рудневъ. П. Луночарскій высланъ въ Тульскую г. Въ сентябрѣ арестованъ Шмурло; были аресты среди студ.-поляковъ.

Кострома. Въ дополненіе къ помѣщенному въ ном. 7 списку приговоренныхъ по дѣлу 1900 г. сообщаемъ о слѣд. приговорахъ: Николай Плугинъ (портной) — 3 года Вятской губ; Григорій Куковъ (портной) — 1 г. Саратовской губ., Алексѣй Собанинскій (сапожникъ) — 2 г. Вятской губ.; Константинъ Онучинъ (раб.) — 2 м. тюрьмы и 2 г. Вятской губ.; Николай Бѣловъ (раб.) — 3 мѣс. тюрьмы; статистикъ Третьяковъ — 2 г. Астраханской губ.

Ив.-Вознесенскъ. Здѣсь арестовано 10 рабочихъ за чтеніе прокламацій.

Одесса. Въ тюрьмѣ сидитъ до ста рабочихъ, безъ денегъ, безъ необходимой одежды. Семьи голодаютъ. Арестованные рабочіе получаютъ въ тюрьмѣ только разъ въ день борщъ (мясо даютъ черезъ день). Борщъ настолько плохъ, что рабочіе не могутъ его ѣсть, ихъ тошнитъ. Иные сидятъ босые. Неужели одесское „образованное“ общество не можетъ организовать помощь жертвамъ политической борьбы?

Товарищи намъ сообщаютъ, что имя доктора, издѣвавшагося надъ ссыльнымъ Гуревичемъ (см. ном. 8 „Искры“, корреспонденція „Изъ Сибири“), Марчевскій, кончилъ варшавскій университетъ.

Насъ просятъ напечатать предостереженіе относительно московскаго шпіона Игнатія Никитича Зеленова. Высокій, здоровенный парень, лицо красное, блондинъ. Знакомясь, любитъ говорить объ астрономіи. Въ прошломъ году для пріобрѣтенія „интеллигентности“ бралъ уроки у студента. Разъѣзжаетъ иногда по провинціальнымъ городамъ.

МАССОВАЯ РАСПРАВА СЪ ВРАГАМИ ПОРЯДКА.

Секретный документъ.

М. В. Д. Совершенно секретно.
Деп. Полиціи по 3 дѣлопр.
20 іюня 1901 г. Циркулярно.
№ 6234

Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, Оберъ-Полицмейстерамъ и Начальникамъ Губер. Жандармскихъ Управленій.

Производившіяся за послѣднее время наблюденія по С.-Петербургу за лицами, занимавшимися революціонной дѣятельностью, установили группу лицъ, преимущественно интеллигентныхъ профессій, которая, не принимая непосредственнаго участія и даже намѣренно устраняясь отъ активной революціонной дѣятельности, поставили себѣ задачей путемъ устройства вечеринокъ, чтенія рѣчей и рефератовъ на соотвѣтствующія темы, а также издательства систематически подобранной тенденціозной литературы, подготовлять въ средѣ молодежи и рабочихъ противоправительственныхъ дѣятелей и агитаторовъ. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбужденія въ обществѣ неудовольствія по поводу разныхъ мѣропріятій правительства и подготовленія всевозможныхъ манифестацій и протестовъ, причемъ особенно вредно вліяли въ этомъ направленіи на учащуюся молодежь.

Въ виду сего признано было соотвѣтственнымъ въ апрѣлѣ с. г. произвести обыски и аресты среди означенной группы лицъ, примыкающихъ къ наиболѣе противоправительственно настроеннымъ элементамъ общества. Сообразно полученнымъ результатамъ, часть этихъ лицъ нынѣ привлечена къ дознанію при СПБ. Жандармскомъ Управленіи, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., обстоятельства же дѣла объ остальныхъ лицахъ разсмотрѣны въ Особомъ Совѣщаніи, образованномъ на основаніи ст. 34 Положенія объ охранѣ, причемъ многія, согласно утвержденныхъ мною постановленій означеннаго Совѣщанія, подлежатъ высылкѣ изъ СПБ., съ воспрещеніемъ имъ жительства въ столицахъ, столичныхъ губерніяхъ, университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ, срокомъ отъ 2 до 3 лѣтъ, соотвѣтственно степени виновности каждаго, съ подчиненіемъ однихъ гласному, другихъ негласному надзору полиціи.

Принимая во вниманіе, что вышеупомянутыя лица, по прибытіи въ нынѣ избранныя ими мѣста жительства, могутъ продолжать свою противоправительственную дѣятельность въ указанномъ направленіи и группировать вокругъ себя мѣстные неблагонадежные элементы, я покорнѣйше прошу Васъ, Мил. Гос., въ случаѣ появленія поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ лицъ въ предѣлахъ ввѣреннаго Вамъ района, сдѣлать распоряженіе объ установленіи, помимо учрежданнаго за ними гласнаго или негласнаго надзора, тщательнаго негласнаго наблюденія за дальнѣйшей ихъ дѣятельностью и поведеніемъ, дабы имѣть возможность своевременно воспрепятствовать возможности продолженія ими преступной пропаганды и образованія новыхъ кружковъ нежелательнаго направленія.

О всемъ замѣченномъ благоволите немедленно сообщить въ Департаментъ Полиціи.

Подписалъ: Мин. Вн. Дѣлъ, егермейстеръ Сипягинъ.
Скрѣпилъ: директоръ Зволянскій.

Слѣдуетъ списокъ пятидесяти-семи лицъ, а именно:

Подъ гласный надзоръ полиціи внѣ университетскихъ городовъ и фабр. мѣстностей отданы: на 3 года А. М. Калмыкова; на два года: литерат. В. Ф. Тотоміанцъ, Н. А. Рубакинъ, В. А. Іоновъ, Г. А. Фальборкъ и В. И. Чарнолусскій и дворянинъ В. П. Арцыбушевъ (послѣднему воспрещено также жительство въ Саратовѣ). Воспрещено жительство въ столицахъ и нѣкот. мѣст.: на 3 г. въ столицахъ, столичныхъ губ., университет. город. и фабр. мѣстн. Никонову (помощникъ присяжнаго повѣрен., литер.), М. Е. Ермолаеву (ред.-изд. „Жизни“), М. Ю. Гольдштейну (литер., прив.-доц. и статскій совѣтн.), Пантелѣеву (книгоиздатель), В. Поссе (лит.), М. Филиппову (лит.); на два года въ тѣхъ же мѣстахъ: В. П. Воронцову (лит.), Е. А. Ганейзеру (лит.), В. Л. Глинкѣ (лит., прис. пов.), Г. А. Заславскому (студ. инстит. пут. сооб.), М. П. Іолшину (пом. прис. пов.), Караваеву (пом. бухгалтера тамож. сборовъ), В. Ф. Кожевниковой (фельдшер.), В. П. Кранихфельду (литер.), Кулябко-Корецкому (секрет. В.-Эконом. Общ.), П. Лесгафту (профессоръ), В. Лесевичу (лит.), Лосицкому (лит., ред. стат. отд. гор. управы), Маслову (лит.), Н. Е. Михайловскому (Гарину, лит., инж.), Мунблиту (врачъ), Пантелѣевой, А. В. Пѣшехонову (лит.), В. Святловскому (лит., секр. В.-Эк. Общ.); на два года въ столицахъ и университетскихъ городахъ: К. Д. Бальмонту (лит.), А. А Корнилову (бывш. чин. особ. поруч. при иркутскомъ ген.-губ.), В. Я. Муринову (лит.), Муриновой (его жена), Родичеву (прис. пов.); на два года въ столицахъ: Е. Чирикову (лит.), Штейнбергу (лит.) и Смидовичу (Вересаевъ, лит., врачъ); на два года въ фабричныхъ мѣстностяхъ: З. Френкелю (лит., врачъ) и М. Л. Хейсину (врачъ); на два года въ столицахъ и Петерб. губ.: Н. Ф. Анненскому (лит., предсѣд. 3-го отд. В.-Экон. Общ.); на одинъ годъ въ университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ: І. Т. Зябицкому (инж.-техн., директ. завода); въ университетскихъ городахъ, Ригѣ и Ярославлѣ: Томилину (студ. петерб. унив.); въ столицахъ и петерб. губ.: П. С. Анненкову (дворян.), В. А. Анзилинову (двор.), Ракитину (инж.-техн.); и въ столицахъ: К. Б. Гренгагену (капит. запаса), К. И. Диксону (пот. поч. гражд.), Охроменко (слуш. высженскихъ курсовъ), Л. Рубакиной (жена литер.), Румянцевой (учительница), Рядченко (бывш. студ. техн. института), Соколову (сотрудн. „Бирж. Вѣд.“), Славинскому (лит.), Эйнерманъ (жена чиновника), В. Яроцкому (врачъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Группѣ „украинскихъ робітниковъ“. Вы просите редакцію, чтобы при выработкѣ проэкта программы не были забыты „интересы многомилліоннаго и наиболѣе культурнаго“ украинскаго народа. Проэктъ программы партіи не можетъ вовсе затрогивать практическаго вопроса о томъ, на какомъ языкѣ слѣдуетъ вести агитацію въ той или другой мѣстности. Это дѣло мѣстныхъ группъ. Далѣе, вы намъ предлагаете издавать для малороссійскихъ крестьянъ и рабочихъ брошюры на украинскомъ языкѣ, которыя вы „сочтете честью“ распространять. Въ виду ограниченности нашихъ средствъ и необходимости посвятить всѣ силы выработкѣ общей литературы, мы предложимъ вамъ обратное раздѣленіе труда: если бы вы взялись издавать по украински наши брошюры и статьи, мы могли бы содѣйствовать ихъ распространенію въ Малороссіи.

Въ кассу „Искры“ поступило:

40 фр. отъ „инженера“, 21 фр. съ реферата въ Цюрихѣ, 39 фр. за литературу отъ Кольцова, 150 мар. изъ М—а. Черезъ южную организацію: изъ далека отъ А — 100 руб.

Изъ Б—іи 200 р., изъ Волжской столицы за литературу 50 р., изъ далека: Бѣл. 50 р., Як. 10 р., С. А. А. 10 р., М. М. и Е. К. 20 р., М—ій 50 р., отъ Х. 200 р., черезъ Кольцова 100 фр., отъ К. Р. черезъ Кольцова 75 р., черезъ Б—скую группу: Г. Р. И. 21 мар., изъ Волжской столицы 30 м., отъ кружка въ Б. 100 м., отъ Ека. 23 м., отъ Ф. О. Д. изъ Л. 70 м. и 30 м., отъ Эта 2 м. и 3 м., отъ А—акъ 14 м. Изъ Вятки черезъ Л. 100 р., отъ моск. представителя за августъ: за литературу изъ Москвы 25 р. 25 к., за литер. изъ Саратова 50 р., за литературу изъ Нижняго 31 р., пожертвованія отъ дѣтей изъ В. 40 р., отъ N 2 р. Отъ группы сормовскихъ раб. 5 р. 60 к. Подписка на „Искру“ 116 р., отъ Б. черезъ М. 125 р. Южно-русской группой содѣйствія передано по сентябрь 507 р. 44 к. Б—ской группой заграничнаго отдѣла собрано съ 1 іюня по 1 октября 1114 мар. 68 пф.

ОПЕЧАТКИ.

Въ ном. 8 „Искры“ въ статьѣ „Царскій кабакъ“, стр. 1, столбецъ 3, стр. 39 снизу, вмѣсто этой г., слѣдуетъ Самарской губ.

Въ „Иллюстрированномъ Приложеніи къ „Искрѣ“ въ стихотвореніи

			напечатано	слѣдуетъ
стр. 1,	строка	8	мѣшокъ	сундукъ
1,	„	9	тюрьма	тюрьмы
2,	„	9	тюрьма	тюрьмы

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 10 НОЯБРЬ 1901 ГОДА. № 10

КАТОРЖНЫЯ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОРЪ

Еще одни „временныя правила“!

На этотъ разъ дѣло идетъ только не о студентахъ, повинныхъ въ непокорности, а о крестьянахъ, повинныхъ въ томъ, что они голодаютъ.

15-го сентября высочайше утверждены — и немедленно вслѣдъ за этимъ опубликованы „Временныя правила объ участіи населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей въ работахъ, производимыхъ распоряженіемъ вѣдомствъ путей сообщенія и земледѣлія и государственныхъ имуществъ“. Познакомившись съ этими правилами (конечно, не по газетнымъ публикаціямъ, а по собственному опыту), русскій мужикъ увидитъ новое подтвержденіе той истинѣ, которую вбило въ него вѣковое порабощеніе помѣщикамъ и чиновникамъ: когда начальство торжественно заявляетъ, что мужику „предоставляется участіе“ въ большомъ или маленькомъ дѣлѣ, въ выкупѣ помѣщичьей земли или въ общественныхъ работахъ по случаю голода, — надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

Въ самомъ дѣлѣ, временныя правила 15 сентября всѣмъ своимъ содержаніемъ производятъ впечатлѣніе новаго карательнаго закона, дополнительныхъ правилъ къ уложенію о наказаніяхъ. Прежде всего, самое устройство и веденіе работъ обставлено такой сугубой „осторожностью“ и волокитой, какъ будто бы дѣло шло объ обращеніи съ какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не съ голодающими. Казалось бы, устроить работы — дѣло самое простое: земскія и другія учрежденія получаютъ средства и нанимаютъ рабочихъ строить шоссе, расчищать лѣса и т. п. Обыкновенно работы подобнаго рода такъ и производятся. А теперь создается особый порядокъ: земскій начальникъ указываетъ работы, губернаторъ составляетъ свое заключеніе, которое идетъ въ СПБ. въ особое „совѣщаніе по продовольственному дѣлу“, состоящее подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ изъ представителей разныхъ министерствъ. Кромѣ того, общее завѣдываніе возложено на министра, который можетъ назначать и особыхъ уполномоченныхъ. Петербургское совѣщаніе будетъ даже устанавливать предѣльные размѣры вознагражденія рабочихъ — то-есть, должно быть, слѣдить за тѣмъ, чтобы не „развращали“ мужика слишкомъ высокой платой! Очевидно, что временныя правила 15 сентября имѣютъ цѣлью затруднить широкое примѣненіе общественныхъ работъ, точно такъ же, какъ Сипягинскій циркуляръ 17 августа затруднилъ выдачу пособій голодающимъ.

Но еще гораздо важнѣе и гораздо вреднѣе особыя постановленія о порядкѣ найма крестьянъ на работы.

Если работы производятся „внѣ районовъ ихъ осѣдлости“ (такъ будетъ, естественно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ), то рабочіе образуютъ особыя артели подъ наблюденіемъ земскаго начальника, который утверждаетъ и старосту для надзора за порядкомъ. Сами выбирать старосту, какъ дѣлаютъ обыкновенно рабочіе, голодающіе крестьяне не смѣютъ. Ихъ ставятъ подъ начало вооруженному розгой „земскому“! Членамъ артели составляется особый списокъ, который замѣняетъ для нихъ установленные закономъ виды на жительство... Вмѣсто отдѣльныхъ паспортовъ, будутъ, слѣдовательно, артельные списки. Къ чему эта замѣна? Къ тому, чтобы стѣснить мужика, который при отдѣльномъ паспортѣ свободнѣе могъ бы устроиться, какъ ему удобнѣе, въ новой мѣстности, легче могъ бы уйти съ работы въ случаѣ недовольства.

Далѣе. „Забота о сохраненіи должнаго порядка во время пути и передача доставленныхъ партій рабочихъ завѣдующимъ работами ввѣряется чинамъ, особо командируемымъ мин-ствомъ внутр. дѣлъ“. Свободнымъ рабочимъ выдаютъ задатки на проѣздъ, крѣпостныхъ — „доставляютъ“ „партіями“ по списку и „передаютъ“ особымъ чинамъ. Не правы-ли крестьяне, когда они смотрятъ на „общественныя“ и казенныя работы, какъ на новое крѣпостное право?

И дѣйствительно, законъ 15 сентября приближаетъ голодающихъ крестьянъ къ крѣпостнымъ не только въ томъ отношеніи, что отнимаетъ у нихъ свободу передвиженія. Законъ даетъ чиновникамъ право удерживать часть заработной платы для отсылки семействамъ рабочихъ, если это находитъ нужнымъ „губернское начальство мѣстностей, гдѣ остались семьи“. Заработанными деньгами будутъ распоряжаться безъ согласія самихъ рабочихъ! Мужикъ глупъ: самъ о своей семьѣ позаботиться не съумѣетъ. Начальство это все гораздо лучше сдѣлаетъ: кто не слыхалъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ оно хорошо заботилось о мужицкихъ семьяхъ въ военныхъ поселеніяхъ?

Одна бѣда: мужики теперь не такъ уже, пожалуй, покорны, какъ во времена военныхъ поселеній. Могутъ вѣдь и потребовать, чтобы имъ выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смѣли, безъ ихъ согласія, удерживать заработанныхъ денегъ? На этотъ случай надо строгости усилить, и законъ постановляетъ въ особой статьѣ, что „надзоръ надъ сохраненіемъ рабочими должнаго порядка въ мѣстахъ производства работъ возлагается, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, на мѣстныхъ земскихъ начальниковъ, офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, полицейскихъ чиновниковъ или особо для сего назначенныхъ лицъ“. На голодающихъ крестьянъ правительство, очевидно, заранѣе смотритъ, какъ на „бунтовщиковъ“, устанавливая, кромѣ общаго надзора всей россійской полиціи за всѣми русскими рабочими, еще особый строжайшій надзоръ. Мужика заранѣе рѣшили взять въ ежовыя руковицы за то, что онъ осмѣливается „преувеличивать“ голодъ и проявляетъ (какъ выразился Сипягинъ въ своемъ циркулярѣ) „ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству“.

А чтобы не возиться съ судами въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій рабочихъ, временныя правила даютъ чиновникамъ право подвергать рабочихъ аресту до трехъ дней безъ особаго судебнаго производства за нарушеніе тишины, недобросовѣстность въ работѣ, неисполненіе распоряженій!! Свободнаго рабочаго надо привлекать къ мировому, передъ которымъ онъ можетъ защищаться и на рѣшенія подавать жалобу, — а голодающаго мужика можно сажать въ кутузку безъ всякаго суда! Свободнаго рабочаго за нежеланіе работать можно только разсчитать, — а голодающаго мужика новый законъ предписываетъ „за упорное уклоненіе отъ работъ“ отправлять по этапу на родину, вмѣстѣ съ ворами и разбойниками!

Новыя временныя правила, это — настоящія каторжныя правила для голодающихъ, правила объ отдачѣ ихъ въ работы съ лишеніемъ правъ за то, что они осмѣлились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тѣмъ, что отняло у земства завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, запретило частнымъ лицамъ устраивать, безъ разрѣшенія полиціи, столовыя, предписало уменьшать впятеро дѣйствительные размѣры нужды, — оно еще объявляетъ крестьянъ неполноправными и приказываетъ расправляться съ ними безъ суда. Къ постоянной каторгѣ вѣчно-голодной жизни и непосильнаго труда присоединяется теперь угроза каторгой казенныхъ работъ.

Таковы мѣропріятія правительства по отношенію къ крестьянамъ. Что касается рабочихъ, то расправа съ ними всего ярче характеризуется напечатаннымъ въ предыдущемъ номерѣ нашей газеты „Обвинительнымъ актомъ“ по дѣлу о майскихъ волненіяхъ на Обуховскомъ заводѣ. „Искра“ писала уже о самомъ событіи въ іюньскомъ и въ іюльскомъ номерахъ. О судѣ наша легальная печать молчала, памятуя, очевидно, какъ даже благонамѣреннѣйшее „Новое Время“ „пострадало“ за попытку писать на эти темы. Въ газеты попала пара строкъ о томъ, что судъ былъ въ концѣ сентября, да затѣмъ въ одной изъ южныхъ газетъ, случайно, былъ сообщенъ приговоръ: двоимъ — каторжныя работы, восемь оправдано, остальнымъ — тюрьма и исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ двухъ до $3^1/_2$ лѣтъ.

Итакъ, въ статьѣ „Новое побоище“ (№ 5 „Искры“) мы еще недостаточно оцѣнили мстительность русскаго правительства. Мы думали, что къ военной расправѣ оно прибѣгло какъ къ послѣднему средству борьбы, боясь обращаться къ суду. Оказывается, съумѣли соединить и то, и другое: послѣ избіенія толпы и убійства трехъ рабочихъ выхватили 37 человѣкъ изъ нѣсколькихъ тысячъ и присудили ихъ къ драконовскимъ наказаніямъ.

Какъ выхватили и какъ судили, — объ этомъ даетъ нѣкоторое представленіе обвинительный актъ. Во главѣ зачинщиковъ поставлены Ан. Ив. Ермаковъ, Ефр. Степ. Дахинъ и Ан. Ив. Гавриловъ. Обв. актъ указываетъ, что Ермаковъ имѣлъ прокламаціи на квартирѣ (по словамъ подручной въ казенной винной лавкѣ Михайловой, не вызванной на судъ въ качествѣ свидѣтельницы), что онъ говорилъ о борьбѣ за политическую свободу и ходилъ 22 апрѣля на Невскій, захвативъ красный флагъ. Далѣе подчеркивается, что и Гавриловъ имѣлъ и раздавалъ прокламаціи, призывавшія на демонстрацію 22 апрѣля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала въ какихъ-то тайныхъ сборищахъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что прокуроръ постарался выставить зачинщиками именно людей, въ которыхъ сыскная полиція подозрѣвала политическихъ дѣятелей. Политическій характеръ дѣла виденъ также и изъ того, что толпа кричала: „намъ нужна свобода!“, виденъ и изъ связи съ первымъ мая. Въ скобкахъ сказать, разсчетъ 26 человѣкъ за „прогулъ“ перваго мая и зажегъ весь пожаръ, но прокуроръ, разумѣется, ни словечка не проронилъ о незаконности такого разсчета!

Дѣло ясное. Для суда выхватили тѣхъ, въ комъ подозрѣвали политическихъ враговъ. Сыскная полиція представила списки. А полицейскіе, разумѣется, „удостовѣрили“, что эти лица были въ толпѣ и бросали камни и выдѣлялись среди другихъ.

Судомъ прикрыли вторичный (послѣ побоища) актъ политической мести. И подло прикрыли: о политикѣ упомянули для отягощенія вины, но политической обстановки всего происшествія разъяснить не позволили. Судили какъ уголовныхъ по 263 ст. Улож., т.-е. за „явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе“ и притомъ возстаніе, учиненное людьми вооруженными(?). Обвиненіе было подтасовано: полиція приказала судьямъ разбирать лишь одну сторону дѣла.

Замѣтимъ, что по 263-5 стт. Уложенія можно закатать на каторгу за всякую манифестацію: „явное возстаніе съ намѣреніемъ не допустить исполненія предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ“, хотя бы „возставшіе“ не были вооружены и даже не производили явныхъ насильственныхъ дѣйствій! Русскіе законы щедры на каторгу! И намъ пора позаботиться о томъ, чтобы каждый такой процессъ былъ превращаемъ въ политическій процессъ самыми обвиняемыми, чтобы правительство не смѣло свою политическую месть прикрывать комедіей уголовщины!

А какой „прогрессъ“ въ самомъ судопроизводствѣ, по сравненію, напр., съ 1885-мъ годомъ! Тогда морозовскихъ ткачей судили присяжные, въ газетахъ были полные отчеты, на судѣ свидѣтели изъ рабочихъ вскрыли всѣ безобразія фабриканта. А теперь — судъ чиновниковъ съ безгласными сословными представителями, закрытыя двери суда, нѣмое молчаніе печати, подтасованные свидѣтели: заводское начальство, заводскіе сторожа, полицейскіе, бившіе народъ, солдаты, стрѣлявшіе въ рабочихъ. Какая гнусная комедія!

Сопоставьте этотъ „прогрессъ“ расправы съ рабочими въ 1885 и 1901 г. съ „прогрессомъ“ борьбы противъ голодающихъ въ 1891 и 1901 г., — и вы получите нѣкоторое представленіе о томъ, какъ быстро ростетъ и вглубь и вширь возмущеніе въ народѣ и въ обществѣ, какъ яростно начинаетъ метаться правительство, „подтягивая“ и частныхъ благотворителей и крестьянъ, устрашая рабочихъ каторжными приговорами. Нѣтъ, каторга не устрашитъ рабочихъ, вожаки которыхъ не боялись умирать въ прямой уличной схваткѣ съ царскими опричниками. Память объ убитыхъ и замученныхъ въ тюрьмахъ герояхъ-товарищахъ удесятеритъ силы новыхъ борцовъ и привлечетъ къ нимъ на помощь тысячи помощниковъ, которые, какъ 18-лѣтняя Марфа Яковлева, скажутъ открыто: „мы стоимъ за братьевъ!“ Правительство намѣрено, кромѣ полицейской и военной расправы съ манифестантами, судить ихъ еще за возстаніе; — мы отвѣтимъ на это сплоченіемъ всѣхъ революціонныхъ силъ, привлеченіемъ на свою сторону всѣхъ угнетенныхъ царскимъ произволомъ и систематической подготовкой общенароднаго возстанія!

ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ РАЗВРАТѢ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Въ редакцію поступило письмо отъ незнакомаго намъ товарища, озаглавленное „О Зубатовщинѣ“. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, помѣстить письмо цѣликомъ, и мы ограничимся подробными выдержками изъ него. Надѣемся, что авторъ ничего не будетъ имѣть противъ.

По вопросу о провокаторскихъ пріемахъ Зубатова въ письмѣ сообщаются слѣдующіе интересные факты, за достовѣрность которыхъ авторъ ручается. „Зачѣмъ вамъ, господа, перестукиваться?“ обратился недавно Зубатовъ къ сидящимъ въ одной изъ московскихъ тюремъ рабочему Z и дѣвицѣ Y. „Вѣдь я же могу разрѣшить вамъ видѣться, сдѣлайте одолженіе“. И „господа“ соглашаются на любезное предложеніе любезнаго генералъ-провокатора... А Зубатовъ продолжаетъ любезничать. Тому же рабочему Z онъ позволяетъ выходить за предѣлы тюрьмы и даже быть на собраніи пресловутаго московскаго общества взаимопомощи машиностроительныхъ рабочихъ. Далѣе. Когда выпускаютъ сосѣдку Z — г-жу Y, онъ милостиво разрѣшаетъ ей еще разъ на прощаніе повидаться съ Z. Приходитъ очередь выпускать послѣдняго. Выпускаютъ. Любезный генералъ-провокаторъ шлетъ дѣвицѣ Y телеграмму: такой-то выпущенъ, можете пріѣхать повидаться. Натурально — пріѣхала. Нужно прожить въ Москвѣ нѣсколько дней. Паспорта нѣтъ. Къ Зубатову! „О не безпокойтесь, галантно увѣряетъ г. Зубатовъ, живите и безъ вида. Чуть тронутъ, — ко мнѣ“... Пожила дѣвица, повидалась съ Z и разъѣхались“.

Совершенно вѣрный выводъ дѣлаетъ авторъ письма относительно значенія такихъ, повидимому, мелкихъ фактовъ. „Зубатовъ хочетъ смѣнить нетерпимость революціонеровъ къ рыцарямъ застѣнка — добродушіемъ, вражду — амикошонскими отношеніями, на почвѣ этого добродушія и амикошонства онъ будетъ вселять довѣріе къ себѣ въ рядахъ нелегальныхъ дѣятелей съ тряпичной душой, а тамъ — тамъ недалеко будетъ и до безсознательнаго предательства по довѣрію“.

„Въ разсказанныхъ фактахъ, продолжаетъ авторъ, есть одна любопытная черта: Зубатовъ пускалъ Z изъ тюрьмы на собранія о-ва взаимопомощи рабочихъ. Дѣлалъ онъ это тоже не спроста. Онъ распинался передъ Z за преимущество мирной самодѣятельности рабочихъ передъ революціонной борьбой и пустилъ его на собраніе, чтобы воочію убѣдить въ прелестяхъ этой самодѣятельности и въ той „свободѣ“, которая ей предоставляется правительствомъ... Зубатовъ хочетъ сбить рабочихъ съ пути революціонной борьбы на путь развитія мирной самодѣятельности; революціонера онъ стремится превратить въ сторонника потребилокъ и кассъ взаимопомощи, въ противника политической борьбы. Впрочемъ, онъ готовъ помириться и на меньшемъ. Пусть революціонеръ останется при сознаніи необходимости даже борьбы рабочихъ за улучшеніе своей доли, но только борьбы не политической! Извѣстная исторія съ „Зубатовской партіей“ въ Западномъ краѣ показываетъ, насколько успѣшно можетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи Зубатовъ“.

О московскомъ обществѣ взаимопомощи авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Зародилась у московскихъ машиностроительныхъ рабочихъ мысль обратиться на путь спасенія своихъ собратій отъ золъ капитализма вспомогательной кассой. Кто натолкнулъ ихъ на эту мысль, — богъ вѣсть, но можно думать, что исходила она отъ Охраннаго Отдѣленія, а въ ней изъ кабинета г. Зубатова, и черезъ агентовъ его была пущена въ оборотъ среди рабочихъ, которые и откликнулись на нее. Мысль эта росла и ширилась, и, наконецъ, вынырнула на свѣтъ божій. Нѣсколько рабочихъ, ничего общаго съ г. Зубатовымъ не имѣющихъ, взяли на себя иниціативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассѣ машиностроительныхъ рабочихъ начала приводиться въ исполненіе. Для обсужденія устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытыя собранія. И что же? Въ то самое время, когда реакція послѣ мартовской бойни не знала никакого удержа, когда на Руси душили всякое проявленіе мысли и самодѣятельности, когда разгоняли и сажали по тюрьмамъ даже мирныхъ литераторовъ и закрывали даже самыя невинныя общества въ родѣ общества доставленія книгъ больнымъ (въ СПБ.: предсѣдателемъ былъ извѣстный профессоръ Лесгафтъ, теперь высланный изъ столицы), въ такое темное и дикое время разгула царскихъ опричниковъ московскимъ рабочимъ милостиво разрѣшается открыто собираться для обсужденія вопросовъ, касающихся какъ кассы, такъ и вообще рабочаго быта!! Дѣлается это съ одобренія и по ходатайству московскихъ властей и, разумѣется, прежде всего по рекомендаціи г. Зубатова. Столь необычайная вещь и заставляетъ меня держаться только-что высказаннаго предположенія, что московская касса взаимопомощи дѣло не только самихъ рабочихъ и гг. профессоровъ, но и... агентовъ Охраннаго Отдѣленія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что г. Зубатовъ самъ усиленно пропагандируетъ идею вспомогательныхъ кассъ, усиленно рекомендуетъ при этомъ рабочимъ, съ которыми его сталкиваетъ судьба, книги гг. Прокоповича, Бернштейна, Геркнера...

„И вотъ въ результатѣ въ Россіи, въ Москвѣ, подъ руководствомъ людей науки — Дэна, Озерова и Вормса — происходятъ открытыя собранія и на нихъ дебатируются вопросы о различныхъ нуждахъ рабочаго класса! Объ чемъ только не говорятъ тамъ! И о потребительныхъ обществахъ, и о кассахъ взаимопомощи, и о читальняхъ-библіотекахъ для рабочихъ, и объ унизительныхъ для человѣческаго достоинства рабочаго обыскахъ при уходѣ съ работы, и объ различныхъ условіяхъ труда на заводахъ и т. и т. д. — ни слова, разумѣется, только объ одномъ — о политикѣ. Говорятъ и гг. доценты, и мастеровые и — въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться въ виду горячаго сочувствія со стороны г. Зубатова — агенты отъ Охраннаго Отдѣленія. Картина умилительная и достойная быть отмѣченной лѣтописцемъ русскаго рабочаго движенія!

„Дѣло, разумѣется, будетъ двигаться. Идея мощи вспомогательныхъ кассъ и потребительныхъ обществъ будетъ, при ближайшемъ участіи Охраннаго Отдѣленія, широко распропагандиро

вана, касса начнетъ существовать и, быть можетъ, развиваться, хотя, конечно, о послѣднемъ можно спорить, имѣя въ виду неуспѣхъ подобныхъ предпріятій въ Харьковѣ. Но все это мы увидимъ въ будущемъ, а теперь меня интересуетъ другой вопросъ: зачѣмъ понадобилось г. Зубатову, этому вѣрному, подлому и умному слугѣ русскаго политическаго режима такое покровительство, такое близкое участіе въ дѣлѣ искорененія зла капитализма вспомогательными кассами и потребилками? Намъ думается, что разрѣшеніе этого вопроса коренится въ слѣдующемъ: г. Зубатовъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ многіе изъ нашихъ „экономистовъ", понялъ значеніе для Россіи настоящаго момента подобныхъ средствъ борьбы съ капитализмомъ. Онъ понялъ, что шумъ и громъ, съ которымъ осуществляется дѣло взаимопомощи, отвлечетъ отъ нелегальнаго движенія не мало интеллигентныхъ рабочихъ, ищущихъ какого-нибудь приложенія своихъ силъ и еще не нашедшихъ его въ революціонной борьбѣ; онъ понялъ, что правительственное покровительство организаціи такихъ мирныхъ учрежденій обманетъ многихъ и многихъ рабочихъ, увѣритъ ихъ, будто правительство всегда готово отечески заботиться объ ихъ интересахъ; понялъ, наконецъ, что люди, положившіе свои силы и деньги въ эти мирныя учрежденія, будутъ дорожить ими, будутъ каждую минуту дрожать за ихъ существованіе, станутъ, поэтому, избѣгать всякихъ рѣзкихъ столкновеній съ правительствомъ, проводить миролюбивую политику и отвлекать товарищей отъ политики революціонной. Онъ понялъ, словомъ, что мирныя учрежденія, вродѣ вспомогательныхъ кассъ, прекрасное средство борьбы съ нарастающимъ революціоннымъ настроеніемъ массъ; понялъ, что ими, если они разовьются и окрѣпнутъ, можно задержать близкую, неминуемую гибель царскаго правительства. И вотъ онъ хлопочетъ объ этихъ учрежденіяхъ, онъ пропагандируетъ ихъ, пропагандируя, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательную дружбу, трогательное амикошонство царскаго правительства съ рабочей массой. Не ясно-ли, что онъ дѣйствительно далеко не дуракъ, что его политика какъ нельзя болѣе на руку правительству, и что правительство ухватилось за нее обѣими руками, что оно будетъ теперь всѣми силами стараться внести миръ и спокойствіе въ рабочія массы заботами о развитіи ихъ мирной самодѣятельности? Не ясно-ли также, что русская соціалдемократія не можетъ пойти рука объ руку съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, не можетъ способствовать развитію этой самодѣятельности, такъ горячо рекомендуемой г. Зубатовымъ? „Экономисты" (правда, не всѣ) говорили намъ, что вспомогательныя кассы и проч. нужны даже будущему (какъ извѣстно, политическая борьба массы считалась ими дѣломъ неопредѣленнаго будущаго) политическому движенію рабочихъ массъ, потому что онѣ-де развиваютъ солидарность, способность самодѣятельности и привязанность къ свободнымъ учрежденіямъ, сознаніе необходимости ихъ вообще. Г. Зубатовъ думаетъ иначе. И онъ правъ! Движенію, которому прежде всего нужно снести со своего пути политическія преграды, революціонному политическому движенію нужна солидарность борцовъ за свободу, а не мирныхъ штопателей дырявыхъ штановъ, ему нужна самодѣятельность опытныхъ конспиративныхъ дѣятелей и сознающей свои политическіе интересы рабочей арміи, а не самодѣятельность мирно настроеннаго стада овецъ подъ опекой Охраннаго Отдѣленія, ему нужна любовь къ свободнымъ учрежденіямъ съ враждой къ царскому правительству, съ готовностью бороться за свободу на жизнь и смерть, а не съ готовностью гнуть шею передъ этимъ правительствомъ, съ рабьей трусостью. Г. Зубатовъ понялъ то, чего не могли понять искренніе доброжелатели рабочихъ, и онъ стремится потушить разгорающееся революціонное пламя какъ разъ тѣми средствами, какими, между прочимъ, думали потихоньку да полегоньку раздуть его гг. „экономисты"...

Что же дѣлать русскимъ соціалдемократамъ, какъ откликнуться имъ на всю эту „зубатовскую политику" во всей ея совокупности, отъ заигрыванія съ отдѣльными лицами до заигрыванія со всей рабочей массой? Остается одно: встрѣчать эту политику рѣзкимъ словомъ ненависти, строго осуждать всякое амикошонство съ русскимъ правительствомъ и его отдѣльными агентами, и горячимъ призывомъ къ революціонной борьбѣ парализовать усилія интеллигентовъ и рабочихъ, насаждающихъ въ Россіи овечью самодѣятельность.

Экс-экономистъ."

Въ дополненіе къ этому сообщенію приведемъ еще два слѣдующія извѣстія, доставленныя намъ изъ другого источника:

„Въ московскомъ „обществѣ" предсѣдательствуетъ рабочій Михаилъ Афанасьевъ. Началъ онъ пропагандировать въ 1894 г., въ 1896 г. былъ въ московскомъ „Союзѣ", привлекался къ слѣдствію, привлекался также въ 1899 г., но все оставался въ Москвѣ. Провокаторомъ его не считаютъ, но это человѣкъ, вполнѣ подпавшій вліянію Зубатовской политики. Теперь онъ вездѣ заявляетъ открыто, что его знамя — „легальность", „нелегальность погубитъ русское движеніе". На одно изъ собраній попалъ съ разрѣшенія руководителя (проф. Озерова) одинъ изъ „интересующихся". Дня черезъ три Озеровъ получаетъ письмо съ указаніемъ, что на собраніи былъ такой-то. Извѣстно-де, что онъ соціалдемократъ и можетъ погубить столь хорошее дѣло. Въ концѣ доносъ, что онъ раздавалъ листки.

„Въ числѣ непремѣнныхъ пунктовъ устава Треповъ потребовалъ присутствія полицейскаго чиновника. Въ качествѣ таковаго присутствуетъ помощникъ Зубатова — Сазоновъ. Онъ говоритъ пламенныя рѣчи о нуждахъ рабочихъ, амикошонствуетъ съ рабочими, обѣщаетъ уладить всѣ затрудненія съ утвержденіемъ устава (въ настоящее время — по газетамъ — уставъ уже утвержденъ. Редакція). Рабочимъ льститъ, что о нихъ печатаютъ въ газетахъ, жмутъ имъ руки и очень дружески съ ними обходятся. Во многихъ ремесленныхъ цехахъ и отрасляхъ фабричнаго производства идутъ толки объ устройствѣ такихъ же обществъ. Многіе изъ членовъ-рабочихъ бываютъ очень часто у Зубатова и Сазонова и при этомъ скрываютъ другъ отъ друга свои посѣщенія.

„Не такъ давно Зубатовъ предлагалъ одному заключенному рабочему свободу, если онъ будетъ въ другихъ городахъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, пропагандировать легальные союзы.

„Цехъ кондиторовъ и пекарей находится въ раздумьи, по легальной или нелегальной дорогѣ имъ идти. Кондиторы, народъ болѣе развитой, отправили делегата къ одному господину за совѣтомъ. Пекаря стоятъ больше за легальный союзъ съ печатаніемъ въ газетахъ отчетовъ и проч."

Недавно появилось въ печати извѣстіе объ открытіи въ Николаевѣ общества на подобіе московскаго. А назначенный въ Саратовскую губернію новый губернаторъ Энгельгардтъ заявилъ въ Царыцинѣ, что если рабочіе захотятъ устроить клубъ, то онъ поддержитъ ходатайство.

Въ Минскѣ на 5-мъ собраніи столяровъ, состоявшемся съ разрѣшенія жандармскаго полковника, выбрана постоянная коммиссія для наблюденія за исполненіемъ мастерами закона о 12-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній коммиссія обращается къ полиціи за составленіемъ протокола. Лѣтъ пять назадъ въ Минскѣ тѣ же еврейскіе столяры выбирали тайныя коммиссіи для наблюденія за тѣмъ, чтобы работа не длилась долѣе 6 час. вечера. Противъ нарушавшихъ порядокъ мастеровъ столяры дѣйствовали иногда очень энергичными мѣрами — даже побоями. Правда, въ то время рабочихъ не приглашали собираться вмѣстѣ съ жандармами „для обсужденія нуждъ своего ремесла", какъ говорится въ пригласительныхъ билетахъ, печатаемыхъ нынѣ съ разрѣшенія и за подписью полиціймейстера...

Когда-то „Раб. Мысль" увѣряла, что рабочіе должны и могутъ провести (при самодержавіи) своихъ представителей въ Департаментъ Торговли. Какъ видитъ читатель, департаментъ, въ который нынче приглашаютъ рабочихъ отстаивать свои нужды, есть департаментъ государственной полиціи... Кто мечтаетъ о „легализаціи рабочаго движенія", долженъ понять, что при самодержавіи такая „легализація" возможна только — подъ крылышкомъ Зубатова.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

БРОЖЕНІЕ ВЪ СТУДЕНЧЕСТВѢ.

Немного болѣе полугода прошло со времени назначенія „сердечнаго генерала", а благодушіе россіянъ уже, кажется, совершенно отрезвилось отъ чада надеждъ, возбужденныхъ пресловутымъ царскимъ рескриптомъ. Измѣнили гимназическую программу, поговорили о реформѣ университетскаго устава, а все прочее рѣшили оставить по старому. Подъ сурдинку „благонамѣренныхъ рѣчей" правительство стало понемногу вводить „реформы", отдающія блаженной памяти Николаевщиной.

Сознаніе того, что общество и студенты еще разъ обмануты, начало проникать въ студенческую среду. Помѣченная 19 іюля прокламація „группы студентовъ — членовъ землячествъ" — въ СПБ. призвала товарищей къ возобновленію борьбы съ реакціей. Приведемъ слѣдующее мѣсто изъ этой прокламаціи:

„Прошло четыре мѣсяца. Допустимъ, что послѣ рѣзкой критики и безпощаднаго осужденія, высказаннаго лучшими профессорами, старый уставъ не долго будетъ жить. Но какова будетъ эта реформа? Вознаградитъ-ли она насъ за годы борьбы и сотни жертвъ? Послѣ небольшого антракта слова „разума, сердечности и любви" были забыты, и вновь подтверждено прикрѣпленіе къ университетамъ*), провинціи по прежнему полны уволенными студентами и вмѣсто обратнаго приглашенія въ университетъ они получаютъ годы полицейскаго надзора; даже вопіющее беззаконіе отдачи въ солдаты исправлено лишь на половину, и еще до сихъ поръ многіе продолжаютъ нести тяжесть военной службы. Въ послѣдніе дни изданъ новый циркуляръ, по которому евреи вовсе не принимаются въ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ газетахъ стали циркулировать упорные слухи объ ограниченіи пріема евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія двухпроцентной нормой. Далекія отъ сердечности и любви, эти новыя ограниченія требуютъ особенно дружнаго отпора со стороны студентовъ и всего общества. Проводя ихъ какъ разъ въ то время, когда подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, студенческихъ и народныхъ волненій, правительство сулитъ реформы школьнаго дѣла, оно какъ бы идетъ на встрѣчу требованіямъ самого общества, ставя эти ограниченія во главѣ своихъ „реформъ". Такимъ образомъ, гнусная мѣра правительства какъ бы санкціонируется желаніями самого народа. Въ равнодушіи его къ сѣянью правительствомъ національной вражды и преслѣдованію, оно черпаетъ свою силу и потому легкой рукой сыплетъ ограниченіе гражданскихъ правъ евреевъ за ограниченіями. Мы обязаны въ данномъ случаѣ загладить свою исконную несправедливость по отношенію къ угнетаемой національности, выражающуюся въ томъ, что мы молчали, когда нужно было протестовать, мы должны громко заявить правительству, что въ этихъ своихъ преслѣдованіяхъ оно, какъ и всегда, дѣйствуетъ на перекоръ желаніямъ лучшихъ представителей русскаго народа и откровенно указать еврейской и другимъ національностямъ, что, борясь за „разумное, доброе, вѣчное", мы боремся вмѣстѣ съ этимъ рука объ руку съ ними и за ихъ гражданскія права".

Заканчивается прокламація приглашеніемъ требовать возвращенія въ университеты всѣхъ уволенныхъ за безпорядки и отданныхъ въ солдаты товарищей, предоставленія свободнаго доступа въ университеты и другія учебныя заведенія всѣмъ, безъ различія національности, религіи и пола, отмѣны всякихъ стѣсненій въ выборѣ университета и предоставленія земствамъ и городскимъ думамъ свободнаго обсужденія школьнаго дѣла.

Въ Харьковѣ съ начала учебнаго года въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ изданы прокламаціи, говорящія о совершенномъ „съ высоты престола нагломъ обманѣ русскаго общества и студентовъ" и о предстоящемъ возобновленіи недавно прерванной борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди харьковскихъ же студентовъ циркулируютъ воззванія о поддержкѣ бастовавшихъ въ Харьковѣ портныхъ. Очевидно, прошлогоднее участіе рабочихъ въ студенческомъ движеніи привлекло вниманіе и сочувствіе студентовъ къ борьбѣ рабочихъ.

Какъ и всегда, кіевскій студенческій „Союзный Совѣтъ" въ своей прокламаціи проявляетъ наибольшую политическую революціонность. Призывая къ сліянію борьбы студенческой съ общеполитической, Союзный Совѣтъ заявляетъ: „студенчество слишкомъ хорошо помнитъ весь ходъ только что окончившагося движенія, помнитъ, чѣмъ было вызвано у правительства обѣщаніе уступокъ, и чѣмъ, слѣдовательно, можно добиться ихъ осуществленія. Это — борьба жестокая, самоотверженная борьба, но борьба, вооруженная опытомъ прошлыхъ движеній, освященныхъ ихъ жертвами. Опытъ же прошлаго движенія намъ говоритъ, что студенческое движеніе даетъ только тогда результатъ, когда оно становится общественнымъ, когда къ нему примыкаютъ всѣ оппозиціонные элементы общества".

11 октября въ кіевскомъ университетѣ произошла сходка 800 студентовъ. Обсуждались требованія о возвращеніи сданныхъ въ солдаты студентовъ и отмѣнѣ ограниченія пріема евреевъ.

*) Имѣется въ виду обязательство для студентовъ вступать въ опредѣленный университетъ, — по мѣсту окончанія гимназіи.

О ТАКТИКѢ ВООБЩЕ, О ТАКТИКѢ НИКОЛАЕВСКАГО ГЕНЕРАЛА РЕАДА ВЪ ЧАСТНОСТИ И О ТАКТИКѢ Б. КРИЧЕВСКАГО ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Слово тактика заимствовано политическими дѣятелями отъ теоретиковъ военнаго искусства. Военное искусство состоитъ, какъ извѣстно, въ приспособленіи средствъ, которыми располагаетъ полководецъ, къ цѣли, которую онъ преслѣдуетъ. Что касается тактики въ собственномъ смыслѣ этого слова, то подъ нею понимаютъ искусство располагать войска для битвы и руководить ими во время самой битвы. Это понятіе значительно уже того, которое связывается со словомъ тактика въ политикѣ. Политическіе дѣятели часто называютъ тактикой то, что теоретикъ военнаго дѣла назвалъ бы стратегіей. Но какъ бы тамъ ни было, всякій безъ труда согласится, что иное дѣло цѣль, преслѣдуемая политической партіей или военнымъ начальникомъ, а иное дѣло приспособленіе къ этой цѣли средствъ, находящихся въ распоряженіи этой партіи или этого полководца. Ясное представленіе о цѣли еще вовсе не ручается за умѣлое пользованіе средствами. И кто, отправляясь на войну, воображаетъ, что ему достаточно знать, зачѣмъ она ведется, тотъ рискуетъ испытать тяжелыя пораженія.

Сознаніе этой аксіомы выражается въ соціалистической литературѣ различеніемъ между принципами партіи и ея тактикой. Люди, согласные между собой въ принципахъ, могутъ разойтись по тому или другому тактическому вопросу. Это ясно само собою. Спрашивается, поэтому: можно-ли относить тактическія разногласія къ числу такихъ разногласій, наличность которыхъ лишаетъ данныхъ политическихъ дѣятелей возможности принадлежать къ одной и той же политической партіи?

При невнимательномъ отношеніи къ предмету кажется, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Тактическіе вопросы не должны вести къ разрыву; если люди согласны между собою въ принципахъ, если они стремятся къ одной общей цѣли, то они — товарищи и должны оставаться таковыми; имъ грѣшно разрывать изъ-за второстепенныхъ частностей...

Такъ говорятъ обыкновенно дилеттанты соціализма. Но они говорятъ такъ единственно потому, что — въ своемъ качествѣ дилеттантовъ — они невнимательно относятся къ предмету. Имъ представляется, что тактическіе вопросы отдѣлены отъ принципіальныхъ непереходимою пропастью. На самомъ же дѣлѣ такой пропасти не существуетъ, и вотъ почему тактическія разногласія, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ разногласія принципіальныя.

За доказательствами ходить недалеко; достаточно обратиться къ Франціи. Жорэсъ увѣрялъ и увѣряетъ, что онъ только въ вопросахъ тактики расходится съ Гэдомъ, Вальяномъ и другими сторонниками революціонной соціалдемократіи. И въ извѣстномъ смыслѣ онъ, пожалуй, правъ. Если подъ принципами понимать общія положенія соціализма, — напр., то положеніе, что капиталисты эксплуатируютъ рабочихъ; что эксплуатація должна быть устранена; что для ея устраненія необходима соціализація средствъ производства и т. п. — то можно почти съ увѣренностью сказать, что Жорэсъ искренно раздѣляетъ эти принципы. И тѣмъ не менѣе всякій видитъ теперь, что Гэду и Вальяну невозможно идти вмѣстѣ съ Жорэсомъ. Тактическія разногласія, существующія между этими старыми борцами и краснорѣчивымъ другомъ его превосходительства барона фонъ-Милльрана*), несомнѣнно достигли теперь такихъ размѣровъ, что стали принципіальными.

Дѣло въ томъ, что кромѣ тѣхъ принциповъ, которые, подобно вышеперечисленнымъ, представляютъ собою формулировку и обоснованіе конечной цѣли соціализма, существуютъ еще тѣ принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цѣль. Люди, несогласные между собой въ этихъ послѣднихъ, не могутъ идти вмѣстѣ, какъ бы ни было велико ихъ единомысліе въ томъ, что касается общихъ положеній соціализма. Для примѣра укажемъ хоть на тѣхъ соціалистовъ-утопистовъ, которые смотрѣли на классовую борьбу какъ на величайшее зло и утверждали, что полное прекращеніе этой борьбы есть первое практическое условіе освобожденія пролетаріата. Соціалдемократы не могли бы считать такихъ соціалистовъ своими товарищами даже и въ томъ случаѣ, если бы они совсѣмъ не разошлись съ ними въ опредѣленіи конечной цѣли. Выше мы сказали, что ясное представленіе о цѣли еще вовсе не ручается за умѣлое пользованіе средствами ея достиженія. Теперь мы прибавимъ, что именно поэтому единомысліе по вопросу о конечной цѣли не можетъ считаться условіемъ, достаточнымъ для объединенія практическихъ борцовъ подъ знаменемъ одной партіи.

Правда, Жорэсъ и его единомышленники объявляютъ себя такими же убѣжденными и рѣшительными сторонниками классовой борьбы, какъ и гэдисты или бланкисты. Но ихъ примѣръ лучше всякаго другого показываетъ, что не всякій тотъ, кто признаетъ извѣстный принципъ, руководствуется имъ въ своей практической дѣятельности.

Классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей предполагаетъ развитіе классового самосознанія рабочихъ. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы такихъ людей, которые навязываютъ рабочей партіи тактику, не только не развивающую это самосознаніе, но прямо затемняющую его. При этомъ почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики: потому-ли, что они обманываются сами, или же потому, что имъ хочется обмануть другихъ. Главное дѣло въ томъ, что они въ своей практической политикѣ стремятся повернуть назадъ движеніе пролетаріата. Съ такими людьми — а жорэсисты несомнѣнно принадлежатъ къ ихъ числу — революціонная соціалдемократія не можетъ имѣть ничего общаго.

Для того, чтобы двѣ соціалистическія группы (или организаціи, или фракціи, или партіи) могли объединиться съ пользой для дѣла, необходимо, стало быть, — кромѣ единодушія по отношенію къ конечной цѣли, — чтобы ни одна изъ нихъ не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группѣ (или организаціи или и т. д.) вредной для развитія классового самосознанія рабочихъ. Это предѣлъ, который не можетъ и не долженъ быть перейденъ. Какъ только тактическія разногласія между двумя группами перешли за него, они пріобрѣтаютъ принципіальное значеніе, и тогда разрывъ становится неизбѣжнымъ: препятствовать ему значитъ вредить дѣлу.

Такъ представляется намъ этотъ вопросъ съ нашей точки зрѣнія. Но мы не должны забывать, что нашу точку зрѣнія врядъ-ли можно признать правильной. Извѣстно, что мы — сектанты, зараженные „догматизмомъ", ослѣпленные фанатизмомъ и грѣшащіе еще цѣлой дюжиной такихъ же смертныхъ грѣховъ. Въ виду этого намъ полезно будетъ выслушать человѣка, имѣющаго полное право благодарить Творца за то, что тотъ не создалъ его по образу и подобію нашему. Этотъ человѣкъ — Б. Кричевскій.

Въ № 10 „Рабочаго Дѣла" онъ помѣстилъ статью: „Принципы, тактика и борьба", въ которой онъ выясняетъ свои разногласія съ „Зарей" и „Искрой". Въ дѣлѣ этого выясненія первое мѣсто отведено имъ вопросу о томъ, „каково правильное и нормальное отношеніе между принципами и тактикой" и что собственно нужно понимать подъ тактикой" (курсивъ Б. Кричевскаго). Это какъ разъ то, что намъ нужно. Послушаемъ же Кричевскаго.

„Правильная тактика — говоритъ онъ — есть результатъ взаимодѣйствія между принципами, указывающими цѣль движенія, и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе" (Раб. Дѣло, № 10, стр. 5. Курсивъ Кричевскаго).

Давъ намъ это опредѣленіе, Кричевскій прибавляетъ, что подъ тактикой онъ разумѣетъ здѣсь „общій, руководящій духъ дѣятельности, ея философію, такъ сказать, въ отличіе отъ самой дѣятельности, отъ тактики въ смыслѣ общаго характера практической дѣятельности, а тѣмъ болѣе отъ тактики, какъ техники, отъ отдѣльныхъ пріемовъ и средствъ дѣятельности".

Мы имѣемъ, значитъ, три вида тактики: 1) тактика-философія, 2) тактика-дѣятельность; 3) тактика-техника. Оставляя безъ разсмотрѣнія „технику", мы хотимъ поближе приглядѣться къ первымъ двумъ видамъ тактики.

Начнемъ съ „тактики-философіи". По смыслу опредѣленія, даннаго Кричевскимъ, выходитъ, что философія дѣятельности (партіи), ея руководящій духъ, есть результатъ взаимодѣйствія между принципами, указывающими цѣль движенія и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе. А такъ какъ принципы, указывающіе цѣль движенія, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы руководящими принципами, и такъ какъ эти принципы, очевидно, руководятъ не чѣмъ инымъ, какъ дѣятельностью партіи и потому составляютъ ея руководящій духъ, то мы получаемъ слѣдующій глубокомысленный тезисъ:

Руководящій духъ дѣятельности (партіи), философія этой дѣятельности, есть результатъ взаимодѣйствія между руководящимъ духомъ дѣятельности и тѣми конкретными условіями, въ которыхъ эта дѣятельность совершается.

Что есть А? А есть результатъ взаимодѣйствія между А и В. Не знаемъ, какъ вы, читатель, а мы не охотники до такой „философіи" и мы думаемъ, что Б. Кричевскій сдѣлалъ бы гораздо

*) Извѣстно, что Милльранъ недавно возведенъ въ баронское достоинство австрійскимъ императоромъ.

Около этого времени въ СПБ. возбужденное настроеніе студентовъ было подогрѣто наглой статьей кн. Мещерскаго въ „Гражданинѣ“, который (не въ первый уже разъ) распространился о „безнравственности“ русскихъ студентокъ. Грязныя клеветы грязнаго князя, конечно, не могутъ никого оскорбить. Но студенты справедливо увидѣли въ выходкѣ кн. Мещерскаго одинъ изъ эпизодовъ той кампаніи, которая ведется печатью его лагеря противъ освободительныхъ стремленій общества и студентовъ. Въ университетѣ произошла бурная сходка, на которой ректоръ упрашивалъ студентовъ отказаться отъ намѣренія демонстрировать передъ ред. „Гражданина“, дабы не затруднять неспокойнымъ поведеніемъ „дѣла реформы“. Жалкое лицемѣріе!*) Кого оно теперь обманетъ? Студенты убѣдились уже, что только тогда, когда они своими „волненіями“ начинаютъ „мѣшать“ своимъ начальникамъ вырабатывать новыя „препоны“, тогда только имъ удается получить хоть какую нибудь уступку.

Можно ожидать, что подъ тѣмъ или инымъ знаменемъ студенческое движеніе опять приметъ широкіе размѣры. Комитетамъ нашей партіи и всѣмъ революціоннымъ группамъ слѣдуетъ теперь же начать готовиться къ тому, чтобы событія вродѣ прошлогоднихъ не застали насъ врасплохъ.

Кіевъ. Борьба въ тюрьмѣ. Числа 15 августа товарищъ Берлинъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ уже около двухъ лѣтъ, по дѣлу 1899 г. о типографіи газеты „Впередъ“, успѣвшій и жениться въ тюрьмѣ, просилъ начальника тюрьмы дать ему личное (а не черезъ рѣшетку) свиданіе съ женой. Просьба эта не заключала въ себѣ ничего особеннаго, неудобовыполнимаго, ибо слѣдствіе по дѣлу Берлина уже закончено, рѣшеніе постановлено, оставалось только приложить руку царю, — и Восточная Сибирь готова. Начальникъ тюрьмы не возражалъ, но такъ какъ въ то время въ тюрьмѣ было высшее начальство, тюремный инспекторъ, то онъ и предложилъ Берлину обратиться со своей просьбой къ инспектору. Инспекторъ сказалъ Берлину, что разрѣшить ему личное свиданіе — это такая роскошь, какой политическіе не заслуживаютъ. Они-де и такъ пользуются разными удобствами. Берлинъ отвѣтилъ ему: „я просилъ васъ, вы не исполняете моей просьбы; такъ я потребую, и вы исполните!“ Разговоръ происходилъ въ конторѣ тюрьмы. Берлинъ черезъ нѣсколько минутъ удалился въ свою камеру, а часа черезъ два его снова вытребовали въ контору. Онъ думалъ, что будетъ объясненіе по поводу его заявленія на счетъ его требованія, но оказалось, что ему предложили мѣсто въ тюремной каретѣ и отвезли въ арестантскія роты. Узнавъ объ этомъ, остальные товарищи сильно возмутились и стали требовать возвращенія Берлина, угрожая не принимать пищи. На утро онъ былъ возвращенъ и рѣшилъ не принимать пищи, пока не удовлетворятъ его просьбу. Черезъ день или два къ Берлину присоединилось два или три товарища, еще черезъ день-два нѣсколько человѣкъ, наконецъ, на шестой день никто изъ политическихъ не принималъ пищи, даже и тотъ, которому товарищи вначалѣ не позволяли вовсе голодать, ибо по заявленію доктора голодовка могла бы кончиться для него смертельно. Всѣхъ голодавшихъ было 28 чел. По доходившимъ изъ тюрьмы свѣдѣніямъ, на девятый день чел. 18 было снесено въ больницу. Кіевскій комитетъ рѣшилъ устроить по этому поводу демонстрацію, но рабочіе сочли моментъ неудобнымъ. Тѣмъ не менѣе, до 250 экз. прокламацій комитета было распространено въ нѣсколькихъ промышленныхъ заведеніяхъ, и полиція заволновалась. Въ воскресенье 26 августа на Крещатикѣ былъ усиленъ полицейскій нарядъ, въ нѣкоторыхъ дворахъ были скрыты казаки, а въ концѣ Крещатика — на Бессарабкѣ — былъ поставленъ верховой городовой. Арестовъ не было. На одиннадцатый день послѣ начала голодовки Берлина увезли въ Москву, и голодовка прекратилась.

Евреи-капиталисты въ борьбѣ съ евреями-рабочими. О томъ, какой страхъ нагоняетъ на еврейскую буржуазію движеніе еврейскихъ рабочихъ, можно судить по нижеслѣдующему документу, составляющему переводъ съ воззванія, разосланнаго однимъ фабрикантомъ г. Двинска къ своимъ товарищамъ:

„М. Г. У насъ въ Двинскѣ образовалась шайка стачечниковъ-соціалистовъ, одѣтыхъ въ синія рубахи на выпускъ съ красными поясами, въ бѣлыхъ фуражкахъ и съ ножами въ карманахъ. Они позволяютъ себѣ грабить, убивать людей средь бѣла дня и совершать всевозможныя злодѣянія. Многіе, на глазахъ которыхъ совершаются эти подвиги соціалистовъ, не рѣшаются вмѣшиваться изъ страха подвергнуться той же участи. И такимъ образомъ они стараются стереть съ лица земли или въ лучшемъ случаѣ превратить въ нищихъ большое число фабрикантовъ, купцовъ, подрядчиковъ и даже мелкихъ ремесленниковъ. Они травятъ и нападаютъ на всѣхъ зажиточныхъ людей, какъ голодная кошка нападаетъ и выслѣживаетъ трусливыхъ мышей.

„Для борьбы съ подобнаго рода людьми, не признающими ни Бога, ни властей, у которыхъ кровь человѣческая цѣнится ниже воды, намъ, купцамъ и фабрикантамъ, необходимо прежде всего соединиться. Мы не должны бездѣйствовать и утѣшаться, говорить: это волненіе только дѣло мальчишекъ, и оно скоро пройдетъ.

„Нѣтъ, дорогіе друзья, это не мальчишеское дѣло. Присмотритесь поближе, и вы увидите, что натворили эти люди въ самое короткое время, сколькихъ разорили, сколькихъ просто убили! Сначала это дѣйствительно продѣлывали какіе-то скандалисты, лѣнтяи, — мастеровые-красильщики, но они ограничивались самыми ничтожными требованіями. Купцы и хозяева мастерскихъ, которыхъ это тогда нисколько не касалось, не обращали вниманія на нихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже находили ихъ правыми. Но смотрите, какіе размѣры приняло это движеніе теперь. Къ нему примкнули всѣ рабочіе-ремесленники, прикащики и вообще весь простой народъ. Теперь требованіямъ ихъ не видно конца, и со временемъ они дойдутъ до того, что капиталисты принуждены будутъ отдать имъ все свое состояніе, своихъ женъ и дѣтей, а, наконецъ, и душу, потому что это ихъ конечная цѣль, какъ можно заключить изъ ихъ прокламацій и газетъ. Кому приходилось читать ихъ безцензурный журналъ „Рабочій голосъ“ и вообще всю ихъ литературу, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться.

„Поэтому, дорогіе друзья, мы неотложно должны взяться за лѣченіе этого недуга, какъ эпидемія, какъ холера охватившаго весь міръ. Мы должны для этого пользоваться всѣми средствами, которыя они употребляютъ противъ насъ. Первое средство это — единодушіе. Мы, фабриканты, купцы и подрядчики, должны единодушно, соединенными силами, взяться за лѣченіе этой болѣзни, которое должно выразиться въ томъ, что каждый долженъ стараться вредить соціалистамъ чѣмъ только возможно. Если кому-нибудь представится случай извести хоть одного изъ бунтовщиковъ — рабочаго или прикащика, кто провѣдаетъ что-нибудь объ ихъ дѣлахъ и замыслахъ, тотъ не долженъ молчать и не имѣетъ права молчать, а обязанъ воспользоваться этимъ случаемъ и дѣйствовать имъ во вредъ. Въ борьбѣ съ ними, побѣда въ которой принесетъ намъ наше спасеніе, мы не должны знать жалости. Сказано въ Писаніи: убивай намѣревающагося тебя убить.

„Это первое средство; второе — деньги.

„Мы должны основать общество и собирать деньги, потому что за деньги можно все купить. Мы должны подкупить всю полицію, чтобы она съ бо́льшимъ усердіемъ работала для насъ; нужны деньги для ходатайствъ въ губерніи и Петербургѣ. Мы всѣ должны взывать о помощи, чтобы насъ спасли отъ всепожирающаго огня, съ минуты на минуту увеличивающагося и грозящаго не только намъ, но всему настоящему строю, религіи и государству. Такъ какъ у насъ мало свободнаго времени, мы должны нанимать свободныхъ людей, которые могутъ всѣ свои силы удѣлить преслѣдованію стачечниковъ, но все-таки мы должны и ихъ контролировать. Мы должны нанимать людей, преимущественно изъ христіанъ, которые хорошо умѣли бы проучить стачечниковъ, возстающихъ противъ своихъ хозяевъ; должны завести себѣ собственныхъ шпіоновъ, чтобы выслѣдить всѣ ихъ тайныя мѣста и сборища, вывѣдать ихъ планы, чтобы предать ихъ въ руки правительства, не щадя ни своихъ родныхъ братьевъ, ни сестеръ. Наконецъ, нужны деньги для составленія приговоровъ о выселеніи лишнихъ людей, которые ничѣмъ не занимаются, а только работаютъ въ союзѣ стачечниковъ. Нужно хлопотать передъ правительствомъ, чтобы у мастеровыхъ не было биржи, куда они собираются не для того, чтобы искать работу, а исключительно для того, чтобы условиться, какъ дѣйствовать, кого убить или разорить; чтобы или совсѣмъ закрыть городскую синагогу или же приставить къ ней, по крайней мѣрѣ, пять городовыхъ и десять или двадцать солдатъ, которые должны стоять у входовъ и на дворѣ и не допускать стачечниковъ во время молитвы ходить по двору или даже по той улицѣ. Они должны гнать ихъ или въ синагогу, гдѣ они должны стоять на одномъ мѣстѣ, или домой, потому что они устроили себѣ тамъ своего рода сборный пунктъ, гдѣ могутъ совѣщаться. Тамъ происходятъ скандалы, драки, тамъ убиваютъ людей... Стыдно должно быть всему еврейству, что домъ Божій превратился въ мѣсто сборищъ соціалистовъ, стачечниковъ, жуликовъ, воровъ, разбойниковъ, криминалистовъ... Сколькихъ людей они ужъ тамъ убили!.. Ахъ, стыдно, стыдно!..

„Итакъ, дорогіе друзья, фабриканты и купцы Двинска, пользуйтесь временемъ и спасайте, пока возможно, пощадите ваше состояніе, вашихъ женъ и дѣтей, а также и самихъ себя. Нужно стараться работать въ этомъ направленіи, насколько возможно больше.

„Распространяйте и показывайте это письмо всѣмъ вашимъ друзьямъ — фабрикантамъ и купцамъ — и уговорите ихъ присоединиться къ намъ, такъ какъ, если мы будемъ бороться соединенными силами, мы съумѣемъ оправдать сказаніе: „искореняйте возникшее между вами зло“.

* * *

Само собою разумѣется, что всѣ описанные здѣсь страхи непомѣрно преувеличены. Никакихъ массовыхъ убійствъ въ г. Двинскѣ не происходило, а имѣли мѣсто только случаи избиванія упорныхъ хозяевъ и измѣниковъ-рабочихъ. Но это не важно. Интересно въ этомъ документѣ то, что хозяева-евреи для борьбы со своими единовѣрцами-рабочими готовы требовать закрытія синагогъ и нанимать рабочихъ-христіанъ для грязныхъ услугъ противъ своихъ же единовѣрцевъ. Но вѣдь, чтобы побудить рабочаго-христіанина избить еврея, придется, пожалуй, разжигать въ немъ вражду къ евреямъ? Двинскіе фабриканты о такихъ пустякахъ не безпокоятся. Мы надѣемся, однако, что среди рабочихъ-христіанъ они не найдутъ себѣ союзниковъ, что ихъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что за деньги все купить можно, не найдетъ себѣ подтвержденія. Вотъ полицію царскаго правительства они, дѣйствительно, смогутъ купить — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Намъ пишутъ: „Во всѣ земства разосланъ „совершенно довѣрительно“ циркуляръ Мин. Вн. Д., по которымъ Губ. Земскимъ Управамъ воспрещается сноситься между собою иначе, какъ черезъ губернатора. Земцы считаютъ циркуляръ провокаторствомъ со стороны министерства, которое надѣется, что онъ, какъ прямо противорѣчащій положенію о земскихъ учрежденіяхъ, не останется неопротестованнымъ, а протесты, которые послѣдуютъ по поводу циркуляра, можно будетъ выставить, какъ крамолу, что дастъ предлогъ урѣзать и безъ того жалкое мѣстное самоуправленіе. А между тѣмъ, ст. 194 пол. о Зем. Упр. запрещаетъ непосредственно сноситься между собой лишь земскимъ собраніямъ, что же касается управъ, то по ст. 104 ...„Земскія Управы съ прочими губ. и уѣздными установленіями сносятся отношеніями.“

Что эта выходка министерства есть провокація, это очень вѣроятно. Мы надѣемся, что земцы, однако, не послѣдуютъ въ этомъ случаѣ обычному либеральному пріему: не откажутся отъ протестовъ противъ незаконнаго распоряженія подъ тѣмъ предлогомъ, что протесты-де будутъ на руку министерству.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Иваново-Вознесенскъ (Фабричные порядки. — Соціалдемократическая агитація). На ткацкой фабрикѣ Антона Гандурина практикуется обычай заставлять запасныхъ ткачей, получающихъ 20 коп. въ день, исполнять самую тяжелую черную работу. Тѣмъ же запаснымъ, когда имъ придется отработать смѣну на станкѣ, платятъ лишь половину обычнаго заработка. Протестующіе немедленно увольняются. Между тѣмъ, въ этомъ году въ положеніе запасныхъ попали многіе старые ткачи: Гандуринъ занялъ послѣ Пасхи ихъ мѣста новыми рабочими, благо въ безработныхъ недостатка нѣтъ. Въ теч. іюня и іюля постѣдовали сбавки съ ткани по 2%. На фабрикѣ очень часто бываетъ простой паровой машины, заставляющій ткачей гулять по двое сутокъ, теряя заработокъ. Табельщикъ на фабрикѣ отличается площадной бранью и приставаньемъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ. Работница, не желающая выслушивать его мерзости, подвергается частымъ штрафамъ, иногда за то, что оправляетъ волосы или моетъ руки. На фабрикѣ Бурылина 26 іюля 46 рабочихъ отправились жаловаться фабричному инспектору на неправильную выдачу заработка. Инспекторъ принялъ рабочихъ очень ласково, но затѣмъ отправился къ фабриканту и посовѣтовалъ ему разсчитать жалобщиковъ, что и было сдѣлано.

Съ 1 октября расцѣнки на Ивановскихъ фабрикахъ, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тѣмъ, что кризисъ создалъ массу безработныхъ. Мѣстный комитетъ партіи выпустилъ три прокламаціи:

лучше, если бы, не пускаясь въ „философію“, просто выразилъ бы ту простую мысль, которую ему хочется выразить, т. е. сказалъ бы, что дѣятельность соціалистической партіи должна опредѣляться не только общими положеніями соціализма, но также и данными условіями окружающей дѣйствительности. Такой способъ выраженія имѣлъ бы то неоспоримое преимущество, что онъ былъ бы совершенно чуждъ „элемента“... „философской“ галиматьи. Правда, онъ имѣлъ бы и крупный недостатокъ, а именно—онъ привелъ бы къ тому, что „тактика-дѣятельность“ совершенно слилась бы съ „тактикой-философіей“, и тогда у насъ было бы только два вида тактики. Но Б. Кричевскій могъ бы помириться съ этимъ неудобствомъ, утѣшаясь тѣмъ, что у него имѣется въ запасѣ еще два вида тактики: тактика-планъ и тактика-процессъ.

„Тактика-планъ — сообщаетъ нашъ авторъ — естественно можетъ основываться только на принципахъ да еще на самыхъ общихъ условіяхъ дѣятельности, напр., въ Россіи на существованіи самодержавія“. Поэтому она неудобна и въ послѣднемъ счетѣ ведетъ къ вреднымъ шатаніямъ. По увѣренію Б. Кричевскаго, Либкнехтъ мѣтко характеризовалъ тактику-планъ, сравнивъ ее съ тѣми планами, которые когда то составлялись вѣнскимъ оберъ-кригсратомъ для австрійскихъ генераловъ, воевавшихъ съ французами: „Планы въ своемъ родѣ были безупречны, — говоритъ Либкнехтъ, — но не годились для данной мѣстности, а французскіе генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться съ предположеніями вѣнскаго оберъ-кригсрата, и сраженія были потеряны по всѣмъ правиламъ искусства.“

На основаніи всего этого Б. Кричевскій самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ „тактику-планъ“. „Вообще, заявляетъ онъ, „Искра“ и „Заря“ видимо тяготѣютъ къ взгляду на тактику, какъ на заранѣе установленный и неизмѣнный планъ дѣятельности. Мы же видимъ въ тактикѣ процессъ роста партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей“ (стр. 11.).

Процессъ роста задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей! О какихъ задачахъ говоритъ здѣсь Б. Кричевскій? Очевидно, о тактическихъ. Выходитъ, стало быть, что, по его мнѣнію, тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей. Тактика состоитъ въ томъ, что растутъ тактическія задачи. Это, по истинѣ, безподобно! Нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ!

Нашъ тактикъ, — которому, кажется, не суждено рости вмѣстѣ съ партіей, — совершенно напрасно прячется за спину Либкнехта. Чтобы имѣть право на такую „тактику“, онъ долженъ былъ бы сначала показать, что покойный вождь нѣмецкихъ соціалдемократовъ былъ близокъ къ нему по своимъ практическимъ взглядамъ. Но въ этомъ трудно было бы убѣдить насъ, хорошо помнящихъ, какъ возмущали Либкнехта нѣкоторыя сужденія о тактикѣ французскихъ соціалистовъ, высказанныя Б. Кричевскимъ въ нѣмецкой печати. Поэтому мы оставляемъ въ покоѣ Либкнехта и обращаемся къ нашему автору.

Слова Либкнехта ввели его въ глубокое заблужденіе. Онъ вообразилъ, что французскіе генералы, сражавшіеся съ австрійскими, пренебрегали планами и, подобно ему, ограничивались тѣмъ глубокомысленнымъ соображеніемъ, что тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ ходомъ кампаніи. Но пусть Кричевскій заглянетъ, напр., въ знаменитые „Commentaires“ Наполеона I: онъ увидитъ изъ нихъ, какъ внимательно обдумывалъ и какъ заботливо составлялъ свои стратегическіе и тактическіе планы тотъ французскій полководецъ, который нанесъ Австріи (да и не одной Австріи) самыя жестокія пораженія. Наполеонъ не только не чуждался „тактики-плана“, но утверждалъ, что въ хорошо составленномъ планѣ должны быть напередъ приняты мѣры противъ всевозможныхъ случайностей*). И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевскій того времени вздумалъ увѣрять его, что „планъ“ — пустяки, а главный залогъ успѣха заключается въ томъ, что тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, растущихъ и т. д., то деспотическій корсиканецъ, навѣрное, скоро оборвалъ бы его съ обычной своей солдатской безцеремонностью.

Изо всѣхъ героевъ военной исторіи мы знаемъ только одного, отчасти подходящаго къ идеалу Б. Кричевскало. Это николаевскій генералъ Реадъ, тотъ самый Реадъ, о которомъ говоритъ Липранди въ извѣстной пѣснѣ, приписываемой гр. Л. Толстому:

Туда умнаго не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реадъ, какъ видно, совершенно пренебрегалъ „тактикой-планомъ“:

А Реадъ возьми да спросту
Поведи насъ прямо къ мосту,
Ну-ка, на ура!..
Вотъ ура мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли... и т. д.

Словомъ, не захотѣла побѣда улыбнуться простодушному сыну Марса. Если бы Б. Кричевскій вспомнилъ его печальную исторію, то онъ, можетъ быть, не написалъ бы знаменитаго отнынѣ „Историческаго поворота“, который представляетъ собою настоящее Реадовское „ну-ка, на ура!“

Почему Б. Кричевскій вообразилъ, что „тактика-планъ“ можетъ основываться только на принципахъ да на самыхъ общихъ условіяхъ дѣйствительности? Это покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы рѣшительно не понимаемъ, въ силу какихъ причинъ русскіе соціалдемократы, при составленіи плана дѣйствій должны принимать въ соображеніе только „существованіе самодержавія“, а не соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ; степень развитія русскаго пролетаріата; свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконецъ, величину „свободной наличности“, находящейся въ ихъ кассѣ. По нашему скромному разсужденію выходитъ, что всѣ эти, — вполнѣ „конкретныя“ — условія гораздо болѣе способенъ упустить изъ виду тотъ человѣкъ, который, начитавшись Б. Кричевскаго, пренебрегаетъ „планами“ и твердитъ, что „тактика есть процессъ роста задачъ, ростущихъ“ и проч. и проч. Мы убѣждены — и примѣръ Кричевскаго еще болѣе укрѣпляетъ наше убѣжденіе — въ томъ, что если кто осужденъ на безпрерывныя „шатанія“, то именно мудрецы этого калибра.

Б. Кричевскій увѣряетъ, что „Заря и „Искра“ склоняются къ неизмѣнному плану дѣйствій. Онъ хочетъ подтвердить это ссылкой на передовую статью въ № 4 „Искры“, гдѣ сказано, что названія тактики заслуживаетъ только систематическій и неуклонно проводимый планъ дѣятельности. Но неуклонное проведеніе принятаго плана вовсе не означаетъ рѣшенія никогда не измѣнять его. И это прекрасно видно изъ цитируемой Б. Кричевскимъ статьи. Ея авторъ прямо говоритъ, что тактика можетъ быть измѣнена, но онъ не безъ ехидства прибавляетъ при этомъ, что измѣнить тактику можетъ только тотъ, кто ее имѣетъ, и что нельзя говорить о тактикѣ партіи, лишенной крѣпкой организаціи, а слѣд., и единства дѣйствій. И эти соображенія сопровождаются у него насмѣшкой надъ Б. Кричевскимъ, обнаружившимъ легкомысленную готовность къ скоропалительнымъ измѣненіямъ тактики „въ 24 часа“ и пытавшагося прикрыть свое ребяческое легкомысліе авторитетомъ Либкнехта. „Имя Либкнехта — замѣтилъ авторъ указанной статьи — „Раб. Дѣло“, конечно, пріемлетъ всуе. Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-нибудь спеціальному вопросу..., а измѣнить не только въ 24 часа, но хотя бы даже въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна-ли вообще, всегда и безусловно боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ“. Это замѣчаніе попало не въ бровь, а въ глазъ Кричевскому, который, увидѣвъ свой смѣшной промахъ, пустился въ „неудобь-сказаемыя“ разсужденія о тактикѣ, чтобы хоть какъ-нибудь скрыть отъ читающей публики затруднительность своего положенія.

„Тактика-процессъ — продолжаетъ тактикъ „Раб. Дѣла“ — это есть вѣчное исканіе новыхъ путей въ свѣтѣ принциповъ, — исканіе, сопряженное, какъ всякое человѣческое исканіе, съ заблужденіями, но единственно гарантирующее поступательный ростъ движенія. Давно извѣстно, что не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ.“

Другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста не говори красиво! Вѣчное исканіе новыхъ путей, да еще при свѣтѣ принциповъ, разумѣется, хорошее дѣло. Но оно хорошо только тогда, когда „ищущій“ находитъ что-нибудь дѣйствительно новое. А когда онъ открываетъ „вѣчно“ такія Америки, которыя давно открыты, но въ существованіи которыхъ онъ, по своему крайнему неразумію, сомнѣвался, то его „вѣчное исканіе“ означаетъ лишь столь же „вѣчную“ неспособность понять то, что ему говорятъ болѣе опытные люди. И тогда это „вѣчное исканіе“ не представляетъ собою ничего, заслуживающаго „высокаго штиля“. Тогда оно должно вызывать не похвалу, а строгое осужденіе.

На основаніи предыдущаго читатель уже могъ составить себѣ надлежащее понятіе о преимуществѣ рекомендуемыхъ Б. Кричевскимъ видовъ тактики. Но для законченности впечатлѣнія ему надо прочитать еще слѣдующія строки:

„Революціонеръ-соціалдемократъ имѣетъ задачей — своей сознательной работой только ускорять объективное развитіе, а не отмѣнять его или замѣнять его субъективными планами. „Искра“

---

*) Газета „Россія“ — къ стыду ея надо отмѣтить — поддерживала это лицемѣріе холопскими статьями г. Дорошевича.

*) Просимъ Б. Кричевскаго замѣтить, что Наполеонъ заранѣе составлялъ не только тактическіе, но и стратегическіе планы, т. е. не только планы отдѣльныхъ битвъ, но и планы цѣлыхъ кампаній.

одну по поводу сбавки расцѣнковъ, другую — спеціально къ рабочимъ ситценабивныхъ фабрикъ, и третью — политическую. Рабочіе ситценабивныхъ фабрикъ приглашаются требовать 9тичас. раб. дня (вмѣсто 11) по образцу ткацкихъ и прядильныхъ. Общая прокламація выставляетъ требованія сокращенія рабочаго времени, возстановленія лѣтнихъ расцѣнковъ, отчетности въ расходованіи штрафного капитала и т. д. У Бурылина рабочіе начали было стачку, но ее сорвали пришедшіе изъ деревни рабочіе. Вотъ она, „связь съ землей"! Настроеніе очень неспокойное. можно ждать большой стачки.

Всѣ арестованные въ маѣ по дѣлу майскихъ листковъ выпущены до рѣшенія дѣла. Рабочіе держали себя на допросахъ стойко. Жандармскій ротмистръ Тимофеевъ отличается грубымъ обращеніемъ съ рабочими, кричитъ, топаетъ, говоритъ на „ты", прибѣгаетъ къ угрозамъ и предлагаетъ рабочимъ поступить къ нему на службу.

Серпуховъ (письмо рабочаго). Лѣтомъ нынѣшняго года въ Серпуховѣ было интересное движеніе рабочихъ, къ несчастью окончившееся ничѣмъ. Дѣло разыгралось по слѣдующей причинѣ. На ситценабивныхъ фабрикахъ Коншина и Каштанова была объявлена сбавка расцѣнка за работу, а между тѣмъ жизнь вздорожала, такъ что жить на эти средства было почти невозможно. Подтвержу это примѣромъ. Вмѣсто 65 к. рабочему пришлось 50 коп. въ день, а его женѣ вмѣсто 45 коп. — 30 коп., его сыну вмѣсто 60 коп. — 40 коп. Рабочіе рѣшили требовать или прежнихъ условій или другихъ какихъ-либо льготъ. Въ это же время было подлито масла въ огонь большими несправедливостями въ разсчетахъ по книжкамъ фабричной лавки, въ которой забирался товаръ фабричными. Черезъ два-три дня на работу не вышло у Каштанова 200 или 300 чел., въ точности неизвѣстно. Стачечники держались тихо. Вскорѣ присоединились рабочіе съ Коншинской т.-наз. новой мызы. Эти уже стали силой заставлять бастовать другихъ коншинскихъ рабочихъ, живущихъ на фабричныхъ квартирахъ, обѣщая сжечь ихъ и пустить по міру. Такіе разговоры заставляли часть не бастовавшихъ другихъ коншинскихъ рабочихъ присоединиться, но большинство работало. Вскорѣ мирная стачка перешла уже въ дѣйствіе. Былъ подожженъ складъ дровъ Коншина. Тогда администрація вытребовала казаковъ и объявила, что фабрика запирается. Фабричные рѣшили прекратить стачку и принять новыя условія расцѣнковъ: „зачинщики" уволены съ фабрики.

С.-Петербургъ. Намъ пишутъ: „Въ среду 19 сентября около народнаго дома Николая II (въ Александровскомъ паркѣ) въ концѣ девятаго часа утра можно было видѣть мирно стоящую плотною кучею толпу рабочихъ въ 300-400 чел., передъ которыми стояли до 40 городовыхъ пѣшихъ и 30 конныхъ. Конки задерживались, и пассажировъ не хотѣвшихъ ждать, не выпускали выйти. Потомъ пріѣхали два эскадрона жандармовъ, еще до 100 чел. конной полиціи, Клейгельсъ и проч. Лишь въ третьемъ часу рабочихъ, не желавшихъ разойтись (не смотря на всяческія угрозы), оцѣпили и куда-то повели. Изъ разговоровъ съ публикой узналъ слѣдующее (хотя не ручаюсь за достовѣрность, такъ какъ слышалъ и другія версіи): каменьщики и маляры по постройкѣ Электротехническаго Института (на Аптекарскомъ островѣ), возмущенные безобразными порядками, бросили работу и рѣшили идти на Невскій, вызвать Клейгельса и предъявить ему свои требованія. Ихъ успѣли задержать только у народнаго дома. Мнѣ лично пришлось слышать негодованіе публики противъ полиціи. Нѣсколько разъ слышалъ, какъ замѣчали: „рабочихъ едва три-четыре сотни, а полиціи и войскъ почти вдвое больше"; къ концу появились и солдаты: „это у насъ всегда такъ, чуть что, соберется кучка рабочихъ, а полиція тутъ какъ тутъ, трое на одного".

Уралъ. По поводу годовщины смерти замученнаго въ тюрьмѣ рабочаго А. С. Тютева на уральскихъ заводахъ была распространена прокламація „Къ уральскимъ рабочимъ". Приводимъ изъ нея отрывки: „Товарищи! 19 іюня 1899 года умеръ въ Златоустѣ мастеръ Андрей Степановъ Тютевъ. Всего за нѣсколько дней до смерти, 2 іюня, онъ былъ выпущенъ изъ уфимской тюрьмы полуживой, — до тюрьмы это былъ совершенно здоровый человѣкъ. Годичное заключеніе въ затхлой, полутемной, отвратительной тюрьмѣ сдѣлали изъ этого здороваго человѣка цынготнаго больного; у него развилась въ тюрьмѣ скоротечная чахотка, и тогда правительство выпустило его изъ тюрьмы, увѣренное въ томъ, что больного не спасетъ ничто на свѣтѣ. 21 іюля толпы златоустовскихъ рабочихъ хоронили своего товарища." Далѣе излагается политическое безправіе русскаго рабочаго и его экономическая необезпеченность, сломить которыя прокламація призываетъ рабочихъ. „Память о погибшемъ Тютевѣ побудитъ каждаго сознательнаго рабочаго посвятить всѣ силы рабочему дѣлу, дѣлу освобожденія рабочихъ отъ безправія и угнетенія: это единственный достойный способъ почтить память замученнаго товарища... И когда окрѣпнетъ рабочее движеніе на Уралѣ и во всей Россіи, тогда рабочіе встанутъ какъ одинъ человѣкъ и раздастся кличъ: „Долой царское правительство! Мы требуемъ политической свободы, мы требуемъ права открыто вести и рабочее свое дѣло и открыто бороться за освобожденіе труда отъ всякаго угнетенія".

Усть-Катавскій заводъ (Уфимской губ. и уѣзда) (Письмо рабочаго.) Съ февраля мѣсяца нынѣшняго года Усть-Катавскій заводъ перешелъ въ руки уфимскаго горнопромышленнаго общества; съ февраля же мѣсяца новое общество и принялось за свою безцеремонную эксплуатацію, не гнушаясь никакими средствами; начать свою кампанію оно рѣшило съ подлаго обмана. Въ виду того, что заводъ только начиналъ еще свою новую дѣятельность, разумѣется, понадобились хорошія рабочія руки, — вотъ общество и рѣшило выписать себѣ хорошихъ мастеровыхъ. Выписали. Обѣщали тотъ же заработокъ, какой они получали на послѣднемъ мѣстѣ. Когда-же рабочіе съѣхались, то имъ предлагаютъ плату, гораздо низшую, приблизительно три-четверти той, какую они получали ранѣе. Попробовали было не согласиться, да ничего не вышло: за дорогу, нерѣдко очень дальнюю, поиздержались, мѣста потеряны, а новыя когда-то найдешь, а пить ѣсть и сейчасъ надо. Такъ, дѣлать нечего, пришлось согласиться.

По имѣющимся свѣдѣніямъ всѣмъ вообще въ Усть-Катавѣ живется не весело, но хуже всего пришлось, видно, литейщикамъ, такъ что у нихъ вышла даже маленькая стачка. Мало обществу того, что оно гнуснымъ обманомъ заманило въ свои лапы рабочихъ, оно рѣшило предпринять обычную систему прижимокъ, сбавки расцѣнковъ и прочихъ пріемовъ капиталистической гидры, вывѣсивъ въ литейномъ цехѣ въ концѣ іюля объявленіе о сбавкѣ расцѣнковъ съ 1 сентября. Литейщики пораскинули умомъ и порѣшили съ середины августа, такъ недѣли за двѣ до 1 сентября заявить разсчетъ, если расцѣнки будутъ сбавлены. Но событія предупредили это ихъ рѣшеніе, и сама администрація завода ускорила такое заявленіе литейщиковъ, вызвавъ въ то же время забастовку тѣмъ, что работы, исполняемыя учениками, стали давать старымъ мастерамъ, и тѣ, такимъ образомъ, съ трудомъ могли вырабатывать свое и безъ того ничтожное поденное жалованье. Работать при такихъ условіяхъ стало не въ моготу, и вотъ всѣ литейщики, какъ одинъ человѣкъ, въ пятницу 10 августа съ обѣда не вышли на работу. Собрались на слѣдующій день на сосѣдней горкѣ и рѣшили бастовать до четверга 16 августа, а тамъ объявить разсчетъ, если не будутъ удовлетворены ихъ скромныя требованія, т.-е. оставлены прежніе расцѣнки и работы давaться соотвѣтствующія.

Въ понедѣльникъ прискакалъ изъ Уфы съ громомъ и молніей сердитый окружной горный инженеръ Кихлеръ, исправникъ и начали успокаивать. Исправникъ сначала напустилъ гнѣва и ужасовъ, обѣщая замуровать живой рукой въ каменныя стѣны, кромѣ которыхъ-де рабочіе ничего за это не увидятъ, но потомъ, положивъ гнѣвъ на милость, сталъ разные добрые совѣты давать, — напр., чтобы рабочіе не предпринимали ничего сообща, а по одиночкѣ заявляли бы въ конторѣ о своемъ личномъ нежеланіи работать при такихъ условіяхъ, но работъ чтобы отнюдь не покидали и т. д.; такой слишкомъ немудреной политикой ему удалось все же расположить къ себѣ рабочихъ Кихлеръ же, тотъ все кричалъ и приговаривалъ: „такъ это у васъ стачка!" и грозилъ распорядиться по своему... Такъ и улеглось потихоньку это дѣло, многіе со вторника стали на работу, съ четверга же все пошло по старому, только расцѣнки оказались пониженными, старымъ литейщикамъ пришлось стать за ученическую работу, да одиннадцати лучшимъ товарищамъ объявленъ разсчетъ.

Курскъ. 29 августа Курскъ облетѣла вѣсть о небываломъ событіи въ лѣтописяхъ города: „на трамваѣ бунтъ"! Привыкшій къ грохоту и звону вагоновъ обыватель съ изумленіемъ взиралъ на пустые пути и, скрѣпя сердце, нанималъ повеселѣвшихъ извозчиковъ. Однако, къ часу дня показались первые вагоны, медленнѣе обыкновеннаго и какъ-то неувѣренно скользившіе по рельсамъ. Къ вечеру движеніе приняло обычный, правильный характеръ, но на улицахъ долго еще слышались разговоры и замѣчанія о сенсаціонномъ событіи, взволновавшемъ нашъ мирный земледѣльческій городъ.

Вотъ подробности „бунта".

Въ 7 час. утра около парковъ трамвая собрались машинисты и кондукторы (около тридцати человѣкъ), но на работу не стали, а потребовали, чтобы къ нимъ явился для объясненій директоръ трамвая. Немедленно прибылъ къ нимъ одинъ изъ администраторовъ и первымъ долгомъ, по россійскому обычаю, сталъ ругаться скверными словами. Недвусмысленный ропотъ забастовавшихъ и внушительный кулакъ одного изъ нихъ тотчасъ прекратили, впрочемъ, потокъ начальственной ругани и волей-неволей начальство вынуждено было узнать, чего требуютъ недовольные: уменьшенія рабочаго времени путемъ увеличенія числа смѣнъ, упорядоченія штрафовъ, на которые у иныхъ выходитъ за мѣсяцъ чуть-ли не половина жалованья, которое колеблется отъ 20 до 25 руб. и раздачи отъ общ. трамвая теплой одежды на зиму. Тѣмъ временемъ къ мѣсту „бунта" прибылъ полицмейстеръ Стеткевичъ во главѣ отряда приставовъ и городовыхъ, человѣкъ въ 18, и само собой тотчасъ же принялся усмирять: „Молчать! Сгною! Всѣхъ вышлю административнымъ порядкомъ!", такъ и посыпалось изъ устъ разсвирѣпѣвшаго охранителя порядка. Г. Стеткевичъ, какъ и администраторъ трамвая, тотчасъ же осѣкся. „Мы сюда не ругаться пришли, ваше высокородіе", заявилъ ему кондукторъ Павловъ. „Ты разговаривать! Арестовать его!" приказалъ держи-морда. „Арестовывайте всѣхъ!" послышались голоса среди шума ругательствъ и восклицаній забастовавшихъ, выведенныхъ изъ терпѣнія руганью начальства. Г. Стеткевичъ понялъ, что зашелъ далеко въ усмиреніи и перемѣнилъ тонъ. „Что же, братцы, всѣ хотите въ часть? Пойдемте". И вотъ „братцы" во главѣ съ приставомъ, двинулись по Херсонской улицѣ мимо губернаторскаго дома (приставъ хотѣлъ было миновать домъ нашего Милютина-паши, да кондукторы настояли) къ зданію третьей части, въ которой и водворились. Въ часть пріѣхалъ мѣстный жандармскій ротмистръ. Этотъ повелъ дѣло тактичнѣй и убѣдилъ забастовавшихъ дать подписку, что всѣ они станутъ на работу. Подписку дали подъ условіемъ, что начальство выслушаетъ ихъ требованія и жалобы. На слѣдующій день служащіе трамвая узнали, что десять человѣкъ изъ нихъ администрація уволила, и что Павловъ посаженъ въ тюрьму какъ „зачинщикъ". Вѣроятно, трамваю пришлось бы снова стать, если бы не попечительная жандармерія, по настоянію которой уволенныхъ снова приняли. Кромѣ того, депутатовъ отъ рабочихъ соблагоизволилъ выслушать управляющій губерніей фонъ-Бюнтингъ въ присутствіи директора трамвая, которому и указалъ, какъ слышно, что надо порядки улучшить, время работы сократить... Нѣтъ сомнѣнія, что администрація трамвая, вкупѣ съ попечительной жандармеріеи, успѣетъ еще раздѣлаться съ „бунтовщиками" и помаленьку, исподволь перемѣнитъ составъ „безпокойныхъ". Но пока послѣдніе торжествуютъ и увѣрены, что хотя часть ихъ требованій будетъ уважена. Павловъ просидѣлъ три дня — въ дѣйствіяхъ его „состава преступленія" не усмотрѣли, выпустили изъ тюрьмы и даже приняли на службу.

Надо отдать справедливость забастовавшимъ, — держали они себя очень тактично и обдуманно: единодушно показывали начальству, что дѣйствуютъ они безъ уговора и что забастовка ихъ вовсе не забастовка.

Во всѣхъ слояхъ населенія забастовавшіе вызвали самое полное сочувствіе (на словахъ пока, къ сожалѣнію), и „бунтъ" трамвая живымъ и веселымъ лучемъ скользнулъ по нашей монотонной, сѣренькой жизни.

Харьковъ. 8 сентября въ Харьковѣ забастовали портные четырехъ главныхъ военныхъ портновскихъ мастерскихъ: Ласса, Халевскаго, Грозберга и Ищенко. Причиной забастовки, которая была задумана еще въ маѣ и для осуществленія которой съ того времени начались сборы денегъ по 20 коп. съ человѣка, послужили чрезвычайно низкіе расцѣнки (почти всѣ портные работаютъ въ означенныхъ мастерскихъ поштучно), результатомъ которыхъ было то обстоятельство, что хозяева наживали на каждой вещи 75—120 % и болѣе. Было выставлено два требованія: 1) увеличеніе и уравненіе расцѣнковъ для всѣхъ четырехъ мастерскихъ и 2) прекращеніе той площаной ругани, которая прежде висѣла въ мастерскихъ. Всего забастовало 85 чел. и къ нимъ примкнуло еще около 20 чел. дамскихъ портныхъ „Европейскаго магазина". Не бастовавшихъ было всего около 10-11 чел.

Приглашенные хозяевами портные изъ Полтавы были уговорены бастующими уѣхать обратно въ Полтаву. Привезены были также мастера-портные изъ Кіева, но эти, узнавъ въ чемъ дѣло, сами побросали работу и выѣхали.

Послѣ 12 сент. было нѣсколько совѣщаній владѣльцевъ магазиновъ съ депутатами отъ стачечниковъ; 20 числа были выработаны правила и новые расцѣнки такъ, какъ хотѣли бастовавшіе. Съ 24 числа работы будутъ возобновлены и выработанная таблица цѣнъ будетъ прибита въ каждой мастерской. Цѣны увеличены отъ 50 коп. до 1 р. 50 коп.

Въ случаѣ неисполненія условій хозяевами, рѣшено снова объявить забастовку. Во время забастовки Комитетомъ партіи и группой „Союзъ Борьбы" были выпущены воззванія къ обществу о поддержкѣ стачки.

Крымъ. Стачка у русскаго царя! 7 октября въ находящемся на южномъ берегу Крыма имѣніи русскаго царя „Ливадія" произошелъ великій скандалъ: забастовало 50 рабочихъ. Причина забастовки — недовольство рабочихъ неисправной выдачей денегъ и грубымъ обращеніемъ. Главный управляющій имѣній царя, генералъ Евреиновъ, пытался „успокоить" собравшихся въ конторѣ рабочихъ, увѣряя ихъ, что „они шумятъ изъ-за пустяковъ", что „ихъ сбиваютъ злые люди" и проч. Но увѣщанія отъѣвшагося на жирныхъ хлѣбахъ царскаго холопа никакого впечатлѣнія на рабочихъ не произвели, и они, выставивъ категорически свои требованія, бросили въ 5 час. вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на слѣдующій же день готовность удовлетворить выставленныя стачечниками требованія, выдала имъ изъ конторы счета для просмотра, обѣщала впередъ „вѣжливое обращеніе".

Среди крымскихъ рабочихъ этотъ отрадный фактъ производитъ сильное впечатлѣніе, содѣйствуя росту классового и политическаго сознанія. Вотъ тебѣ и царь, — говоритъ даже темная еще рабочая масса, — выходитъ, что кровь нашу онъ пьетъ не хуже любого подрядчика.

Сознательные крымскіе рабочіе должны воспользоваться этимъ фактомъ для усиленія соц.-демократической агитаціи среди мѣстнаго рабочаго класса, указывая на рѣзко сказавшуюся здѣсь солидарность интересовъ царя и всякихъ иныхъ эксплуататоровъ трудящагося люда.

Кстати отмѣтимъ, что, какъ намъ сообщаетъ побывавшій на работѣ въ царскихъ имѣніяхъ пролетарій, у царя существуетъ, напр., строгое воспрещеніе курить въ его имѣніи (рабочему люду, конечно). За нарушеніе этого приказа штрафуютъ въ 10-20-25 р.!

въ теоріи все это знаетъ. Но огромное значеніе, справедливо придаваемое марксизмомъ сознательной революціонной работѣ, увлекаетъ ее на практикѣ, благодаря ея доктринерскому взгляду на тактику, къ преуменьшенію значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія. Мы уже указывали, что тактика-планъ противорѣчитъ основному духу марксизма. Неудивительно, поэтому, что „Искра", склоняясь къ тактикѣ-плану, тѣмъ самымъ вынуждена также, помимо своей воли, приближаться къ заговорщицкому взгляду на „подготовленіе" революціи, т. е. удѣлять объективному или стихійному процессу второстепенное мѣсто и въ конечномъ актѣ революціоннаго развитія".

Очень хорошо. Б. Кричевскій „показалъ" (мы уже знаемъ, какъ показалъ онъ), что „тактика-планъ" противорѣчитъ основному духу марксизма; поэтому, намъ остается только обратиться къ знаменитой „тактикѣ-процессу" или къ не менѣе знаменитой „тактикѣ-дѣятельности". А когда мы найдемъ не безполезнымъ узнать, въ чемъ же состоитъ такая тактика, тогда нашъ философъ важно повторитъ намъ, „браду свою уставя", что она состоитъ въ процессѣ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ ростомъ партіи. Если же насъ не удовлетворитъ такой отвѣтъ, то всѣмъ и каждому станетъ ясно, что мы заражены доктринерскимъ взглядомъ на тактику. Вотъ что значитъ хорошо аргументировать!

Покидая „тактику-планъ", мы должны будемъ, кромѣ того, удѣлить „объективному процессу" гораздо больше мѣста, чѣмъ „субъективнымъ планамъ", которыми мы увлекались до сихъ поръ. Тогда мы будемъ настоящими марксистами. Это опять чрезвычайно глубокое соображеніе. Жаль только, что нашъ авторъ не совсѣмъ складно излагаетъ свои мысли и что, вслѣдствіе этого, у него встрѣчаются нѣкоторыя неясности. Попробуемъ же мы, — по выраженію Бѣлинскаго — внести факелъ поэзіи во тьму вопроса. Намъ думается, что тактическая философія Б. Кричевскаго хорошо иллюстрируется стихотвореніемъ Козьмы Пруткова: „Передъ моремъ житейскимъ":

Все стою на камнѣ: —
Дай-ка брошусь въ море...
Что пошлетъ судьба мнѣ:
Радость или горе?

*

Можетъ, озадачитъ,
Можетъ, не обидитъ...
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда, — не видитъ.

Это стихотвореніе издавна нравилось намъ тѣмъ, что въ немъ отдается должное „стихійному, объективному процессу", а „тактикѣ-плану" не придается ни малѣйшаго значенія.

Субъективисты à la гг. Карѣевъ и Михайловскій думали, что теорія Маркса противопоставляетъ объективный процессъ развитія общественныхъ отношеній субъективнымъ планамъ людей и осуждаетъ эти планы ad majorem gloriam объективнаго процесса. На этомъ основаніи они упрекали марксистовъ въ проповѣди квіетизма. Г-да „субъективисты" были уличены въ неправильномъ пониманіи Маркса. Имъ показали, что съ точки зрѣнія автора „Капитала" указанное противопоставленіе не имѣетъ смысла, такъ какъ субъективные планы людей сами являются выраженіемъ объективнаго развитія. Послѣ этого можно было надѣяться, что придуманное „субъективистами" противопоставленіе не найдетъ мѣста, по крайней мѣрѣ, въ сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые выдаютъ себя за марксистовъ. Эта надежда оказалась теперь неосновательной. Явился Б. Кричевскій и снова разогрѣлъ старое измышленіе „субъективистовъ", исправивъ и дополнивъ его въ интересахъ своей „тактики-философіи". Если г. Карѣеву случится прочитать статью г. Кричевскаго, то онъ съ удовольствіемъ отмѣтитъ, что ошибка „субъективистовъ" была въ сущности очень незначительна: они полагали, что истинный марксистъ ставитъ ни во что субъективные планы людей; а изъ словъ Б. Кричевскаго оказывается, что марксистъ не можетъ признать своими философскими единомышленниками тѣхъ революціонеровъ, которые стремятся предусмотрѣть направленіе объективнаго процесса общественнаго развитія и построить сообразно съ нимъ свои планы. C'est tout comme (это одно и то же) не безъ основанія можетъ воскликнуть „старый водолей".

Б. Кричевскій глубоко убѣжденъ въ томъ, что его взглядъ на тактику является „примѣненіемъ къ борьбѣ партіи одного изъ самыхъ глубокихъ философско-историческихъ положеній Маркса". Мы бьемся объ закладъ, что вы, читатель, не угадаете, какое именно „положеніе" имѣетъ онъ въ виду. Слушайте и удивляйтесь. Б. Кричевскій говоритъ о знаменитомъ положеніи, согласно которому человѣчество ставитъ себѣ только выполнимыя задачи. „Подобно человѣчеству — говоритъ Кричевскій — соц.-демократическая партія, въ нашу эпоху, представляющая собою движеніе впередъ, ставитъ себѣ... одну тактическую задачу за другой, сообразно съ возникновеніемъ ‚матеріальныхъ условій для рѣшенія' данной задачи" (стр. 26).

Въ этихъ строкахъ поразительнѣе всего то обстоятельство, что соц.-демократія оказывается стоящей за предѣлами человѣчества. Правда, она „представляетъ собою" его движеніе впередъ; но что она не является его составною частью, видно изъ того, что она подражаетъ ему, поступая „подобно человѣчеству". Нашъ „человѣко-подобный" тактикъ забылъ только пояснить намъ, по какую же сторону человѣчества стоитъ соціал-демократія: выше она или ниже?

Въ заключеніе замѣтимъ, что Б. Кричевскій опустилъ еще одинъ видъ тактики, именно — тактику-болтовню. Этотъ чрезвычайно важный видъ тактики можетъ быть, въ свою очередь, разсматриваемъ: 1) какъ болтовня-планъ 2) какъ болтовня-процессъ, и 3) какъ болтовня-техника. Намъ сдается, что статья подобнаго человѣчеству Б. Кричевскаго представилась бы намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, если бы мы взглянули на нее съ точки зрѣнія болтовни-плана и болтовни-процесса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Орѣхово-Зуевская рабочая организація расширилась и приняла названіе „Орѣхово-Богородской организаціи", принадлежащей къ Росс. С.-Д. Раб. Партіи. Уставъ организаціи свидѣтельствуетъ о томъ, что орѣхово-богородскіе товарищи положили въ основу строго-конспиративные и революціонные принципы.

Организація заявляетъ въ своемъ уставѣ, что признаетъ своимъ руководящимъ органомъ „Искру". Имѣя въ виду изданіе агитаціонныхъ листковъ на мѣстныя злобы дня, организація оговаривается, что хотя эти листки могутъ носить „экономическій" характеръ, но это не значитъ, чтобы организація держалась „экономическаго направленія". Согласно уставу, 10% средствъ кассы отчисляются въ стачечный фондъ, 25% на нелегальную литературу, 10% на помощь арестованнымъ и 30% на конспиративные расходы.

Привѣтствуемъ новую организацію и надѣемся, что ей удастся осуществить поставленныя ею задачи. Въ недалекомъ будущемъ постараемся познакомить читателей съ извлеченіями изъ устава.

Опечатка. Въ № 9 въ статьѣ о Голландіи вмѣсто „ожидали повода" слѣдуетъ: „они дали поводъ".

За неимѣніемъ мѣста, отчетъ отлагается до слѣд. №.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 11 20-го НОЯБРЯ 1901 ГОДА. № 11

ПРОТЕСТЪ ФИНЛЯНДСКАГО НАРОДА.

Приводимъ полностью новый массовый адресъ, посредствомъ котораго финляндскій народъ выражаетъ свой рѣшительный протестъ противъ политики правительства, посягнувшаго и продолжающаго посягать на конституцію Финляндіи въ нарушеніе клятвы, торжественно данной всѣми царями, начиная съ Александра I и кончая Николаемъ II.

Адресъ этотъ поданъ 17 (30) сентября 1901 г. въ финляндскій сенатъ для доставленія царю. Подписанъ онъ 473.363 финляндцами обоего пола и всѣхъ слоевъ общества, т.-е. почти полумилліономъ гражданъ. Все населеніе Финляндіи равняется 2½ милліонамъ, такъ что новый адресъ является по истинѣ голосомъ всего народа.

Вотъ полный текстъ этого адреса:

„Державнѣйшій Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь! Измѣненіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ закона о воинской повинности Финляндіи вызвало повсемѣстно въ краѣ всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 12 іюля (29 іюня) сего года повелѣнія, манифестъ и законъ о воинской повинности составляютъ коренное нарушеніе основныхъ законовъ Великаго Княжества и драгоцѣннѣйшихъ правъ, принадлежащихъ финскому народу и всѣмъ гражданамъ края въ силу его законовъ.

Правила объ обязанностяхъ гражданъ по защитѣ края не могутъ, на основаніи основныхъ законовъ, издаваться въ иномъ порядкѣ, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Въ этомъ порядкѣ и былъ изданъ законъ о воинской повинности 1878 года согласнымъ рѣшеніемъ Императора Александра II и Земскихъ Чиновъ. Въ царствованіе Императора Александра III послѣдовали многія частныя измѣненія этого закона, но каждый разъ не иначе, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Вопреки сему нынѣ безъ согласія Земскихъ Чиновъ объявлено, что законъ 1878 года отмѣняется, между тѣмъ какъ изданныя взамѣнъ его новыя постановленія всецѣло расходятся съ рѣшеніемъ Земскихъ Чиновъ Чрезвычайнаго Сейма 1899 года.

Одно изъ важнѣйшихъ правъ, принадлежащихъ каждому финляндскому гражданину — жить и дѣйствовать подъ защитою финляндскихъ законовъ. Нынѣ этого права лишены тысячи и тысячи финляндскихъ гражданъ, такъ какъ новый законъ о воинской повинности обязуетъ ихъ служить въ русскихъ войскахъ, превращая выполненіе воинской повинности въ страданіе для тѣхъ сыновъ края, которые насильственно будутъ зачисляемы въ войска, чуждыя имъ по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ.

Новыя постановленія отмѣняютъ всякое закономъ опредѣленное ограниченіе ежегоднаго контингента. Сверхъ того въ нихъ нѣтъ какого либо признанія указаннаго въ основныхъ законахъ права Земскихъ Чиновъ участвовать въ опредѣленіи военнаго бюджета.

Даже ополченіе, вопреки основнаго положенія закона 1878 года, поставлено въ совершенную зависимость отъ усмотрѣнія военнаго министерства.

Впечатлѣніе отъ подобныхъ установленій не смягчается объявленными въ манифестѣ облегченіями въ продолженіе не опредѣленнаго пока еще переходнаго времени, такъ какъ вслѣдъ за временнымъ уменьшеніемъ числа призываемыхъ послѣдуютъ неограниченные призывы на службу въ русскихъ войскахъ.

Финляндскій народъ не просилъ какого-либо облегченія въ несомой имъ нынѣ военной тяготѣ. Земскіе Чины, высказавшіе мнѣніе народа, доказали готовность со стороны Финляндіи по мѣрѣ силъ увеличить долю участія по защитѣ Государства, при условіяхъ сохраненія правоваго положенія финскихъ войскъ въ качествѣ финляндскихъ учрежденій.

Въ противоположность сему установляется въ новыхъ постановленіяхъ, что финскія войска по большей части будутъ упразднены, что русскіе офицеры могутъ поступать на службу въ немногія остающіяся части; что даже унтеръ-офицеры въ этихъ частяхъ должны владѣть русскимъ языкомъ, чѣмъ финляндскіе уроженцы по преимуществу изъ крестьянскаго сословія совершенно устраняются отъ занятія названныхъ должностей; что эти войска поступаютъ подъ вѣдомство русскихъ управленій и что они также и въ мирное время могутъ размѣщаться внѣ предѣловъ Финляндіи.

Эти повелѣнія, не составляющія какой-либо реформы, а преслѣдующія лишь уничтоженіе національныхъ войскъ Финляндіи, указываютъ на недовѣріе, къ которому финляндскій народъ ничѣмъ не далъ повода за все время почти столѣтняго его соединенія съ Россіею.

Въ новыхъ постановленіяхъ о воинской повинности встрѣчаются также выраженія, заключающія въ себѣ отрицаніе существованія у финляндскаго народа особаго отечества, а у уроженцевъ края — правъ финляндскаго гражданства. Въ этихъ выраженіяхъ просвѣчиваютъ цѣли, несовмѣстимыя съ непремѣннымъ правомъ финляндскаго народа сохранить въ соединеніи своемъ съ Россіею то политическое положеніе, которое непоколебимо было удостовѣрено за Финляндіею въ 1809 году.

За послѣдніе годы накоплялось надъ нашимъ краемъ тяжелое горе. Разъ за разомъ убѣждались, что установленія основныхъ законовъ края игнорировались, отчасти въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, отчасти замѣщеніемъ важныхъ должностей русскими уроженцами. Администрація края направлялась такимъ образомъ, какъ будто задача ея поколебать спокойствіе и порядокъ, препятствовать общеполезнымъ стремленіямъ и вызывать непріязнь между русскими и финляндцами.

Самымъ тяжелымъ несчастіемъ для края является однакожъ введеніе новыхъ постановленій о воинской повинности.

Въ всеподданнѣйшемъ отвѣтномъ представленіи отъ 27 мая 1899 года Земскіе Чины подробно доложили о томъ порядкѣ, который по основнымъ законамъ Финляндіи долженъ быть соблюдаемъ при изданіи закона о воинской повинности. При этомъ они указали, что если новый законъ о воинской повинности будетъ изданъ въ иномъ порядкѣ, то подобный законъ, даже если онъ будетъ дѣйствовать подъ давленіемъ насилія, не можетъ быть признанъ правовымъ закономъ, а въ глазахъ финляндскаго народа покажется лишь повелѣніемъ силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжаетъ неизмѣнно составлять правосознаніе финляндскаго народа, которое насильственно не можетъ быть измѣнено.

Надо опасаться весьма тяжелыхъ послѣдствій отъ повелѣній, несогласованныхъ съ законами края. Для чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій возникаетъ мучительный разладъ съ чувствомъ долга, такъ какъ совѣсть побуждаетъ ихъ не руководствоваться подобными повелѣніями. Число трудоспособныхъ переселенцевъ, уже ранѣе вынужденныхъ выселиться изъ опасенія грозящихъ перемѣнъ, еще болѣе увеличится, если объявленныя постановленія приведены будутъ въ дѣйствіе.

Новыя постановленія о воинской повинности, какъ и другія мѣропріятія, направленныя противъ правъ финляндскаго народа на особое политическое и національное существованіе, неминуемо должны подрывать довѣріе между монархомъ и народомъ, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствіе, чувство всеобщаго гнета, неувѣренность и величайшія затрудненія для общества и для его членовъ въ работѣ на благо края. Для предотвращенія сего не имѣется иныхъ средствъ, какъ замѣнить вышеприведенныя повелѣнія закономъ о воинской повинности, изданнымъ при участіи Земскихъ Чиновъ, а правительственнымъ властямъ края вообще руководствоваться точно указаніями основныхъ законовъ.

Финляндскій народъ не можетъ перестать быть особымъ народомъ. Сплотившійся благодаря общей исторической судьбѣ, правовымъ понятіямъ и культурной работѣ, нашъ народъ останется вѣрнымъ своей любви къ финляндскому отечеству и къ своей закономѣрной свободѣ. Народъ не уклонится въ своемъ стремленіи съ достоинствомъ занимать въ средѣ народовъ свое скромное судьбою ему указанное мѣсто.

Такъ же твердо, какъ мы вѣримъ въ наше право и уважаемъ наши законы, служащіе намъ опорою въ общественной нашей жизни, такъ же твердо мы убѣждены въ томъ, что единству могущественной Россіи не можетъ быть причиняемъ вредъ, если Финляндія и впредь будетъ управляема въ согласіи съ основными началами, опредѣленными въ 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною въ соединеніи своемъ съ Россіею.

Чувства долга передъ родиною заставляютъ жителей всѣхъ общинъ и слоевъ общества обратиться къ Вашему Императорскому Величеству съ правдивымъ и неприкрашеннымъ изложеніемъ положенія дѣла. Выше мы указали, что недавно обнародованныя постановленія о воинской повинности, противорѣчащія торжественно удостовѣреннымъ основнымъ законамъ Великаго Княжества, не могутъ быть признаны правовымъ закономъ. Считаемъ долгомъ добавить къ сему, что военная тягота сама по себѣ не такое значеніе имѣетъ для финляндскаго народа, какъ потеря твердыхъ правовыхъ установленій и закономъ обезпеченное спокойствіе по отношенію къ этому столь важному вопросу. Всеподданнѣйше просимъ по сему, да соблаговолите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые въ этомъ представленіи, такому Всемилостивѣйшему разсмотрѣнію, которое вызывается серьезностью ихъ свойства. Пребываемъ и проч.“

Намъ остается немного добавить къ этому адресу, который выражаетъ собою настоящій народный судъ надъ шайкой нарушающихъ основные законы русскихъ чиновниковъ.

Напомнимъ главныя данныя по „финляндскому вопросу“.

Финляндія присоединена къ Россіи въ 1809 г, во время войны съ Швеціей. Желая привлечь на свою сторону финляндцевъ, бывшихъ подданныхъ шведскаго короля, Александръ I рѣшилъ признать и утвердить старую финляндскую конституцію. По этой конституціи, иначе, какъ съ согласія сейма, т.-е собранія представителей всѣхъ сословій, не можетъ быть изданъ, измѣненъ, поясненъ или отмѣненъ никакой основной законъ. И Александръ I въ нѣсколькихъ манифестахъ „торжественно“ подтвердилъ „обѣщаніе о святомъ храненіи особенной конституціи края“.

Это клятвенное обѣщаніе подтверждали затѣмъ всѣ русскіе государи, въ томъ числѣ и Николай II въ манифестѣ 25 октября (6 ноября) 1894 г.: ...„обѣщая хранить оные (основные законы) въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“.

И вотъ, не прошло и пяти лѣтъ, какъ русскій царь оказался клятвопреступникомъ. Послѣ того, какъ продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндію, былъ изданъ „манифестъ“ 3 (15) февраля 1899 г., установившій новый порядокъ: безъ согласія сейма могутъ быть изданы законы, „если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи“.

Это было вопіющее нарушеніе конституціи, настоящій государственный переворотъ, потому что вѣдь про всякій законъ можно сказать, что онъ касается общегосударственныхъ потребностей!

И этотъ государственный переворотъ былъ совершенъ насильственно: генералъ-губернаторъ Бобриковъ грозилъ ввести войска въ Финляндію, если сенатъ откажется опубликовать манифестъ. Русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи, были уже розданы (по словамъ русскихъ же офицеровъ) боевые патроны, лошади стояли подъ сѣдломъ и т. д.

За первымъ насиліемъ послѣдовалъ безчисленный рядъ другихъ: запрещали одну за другой финляндскія газеты, отмѣнили свободу собраній, наводнили Финляндію сворами русскихъ шпіоновъ и гнуснѣйшихъ провокаторовъ, которые возбуждали къ возстанію и т. д. и т. д. Наконецъ, безъ согласія сейма, изданъ былъ законъ 29 іюня (12 іюля) о воинской повинности, — законъ, достаточно разобранный въ адресѣ.

И манифестъ 3 февраля 1899 г., и законъ 29 іюня 1901 г. незаконны — это насиліе клятвопреступника съ шайкой башибузуковъ, которая называется царскимъ правительствомъ. Двумъ съ половиной милліонамъ финляндцевъ нечего, конечно, и думать о возстаніи, но намъ всѣмъ, русскимъ гражданамъ, надо думать о томъ позорѣ, какой на насъ падаетъ. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращенія въ рабство другихъ племенъ. Мы все еще терпимъ у себя правительство, не только подавляющее со свирѣпостью палача всякое стремленіе къ свободѣ въ Россіи, но и пользующееся, кромѣ того, русскими войсками для насильственнаго посягательства на чужую свободу!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изъ-за рѣшетки. Въ листкѣ СПБ. „Краснаго Креста“ приведено письмо одного изъ осужденныхъ за Обуховскіе безпорядки товарищей. Перепечатываемъ здѣсь это письмо, которое достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, какихъ людей царское правосудіе клеймитъ званіемъ уголовнаго преступника.

..„Такъ два Анатолія, одинъ Гавриловъ, другой Ермаковъ, оба идутъ въ міръ отверженныхъ (сосланы на 6 и 5 лѣтъ каторги. Редакція). Не по заслугамъ кару понесли. Всѣ мы сильно пострадали, остальные осуждены въ арестантскія роты и тюрьмы, и все на очень большіе сроки, даже наши побѣдоносныя дѣвицы, и тѣхъ не миновала горькая участь — одну на три года, другую на полтора въ тюрьму; да не хуже насъ пострадали и будутъ страдать ни въ чемъ неповинныя наши семьи. Да, трагическая была ночь, положимъ, это было уже пять часовъ утра, когда читали приговоръ, отъ котораго поднялся плачъ и надолго, можетъ быть, на вѣки не изгладится печаль; одна чья-то жена или мать, бѣдняжка, такъ и грохнулась на полъ, и ея плачъ смѣнился какимъ-то удавленнымъ скрипучимъ стономъ; моя жена, бѣдняжка, тоже горько плакала, жаль бѣдняжку, да вдобавокъ она еще въ такомъ положеніи, что должна на дняхъ родить, а тутъ такое горе случилось, что отразится даже на томъ, кто совершенно невиненъ и не успѣлъ даже появиться на свѣтъ, а ужелишается отца навсегда. И видѣвши все это, и подойти и утѣшить, и то нельзя, жандармы несчастные, какъ столбы, стоятъ вокругъ. Я уже просилъ своего защитника, чтобы онъ хоть слова два сказалъ въ утѣшеніе, и онъ все съ ней стоялъ и утѣшалъ, да, видно, измучившись была, бѣдная, — всѣ, всѣ четыре дня сидѣла, а послѣдній день и ночь пришлось сидѣть и, навѣрно, бѣдняжка, голодая, ожидала: вотъ оправдаютъ, а тутъ еще хуже.

Всѣ защитники рѣзали хорошо, а ничего не вышло. Свидѣтели противъ насъ врали, путали, и на все прокуроръ нуль вниманія, говоритъ: я буду вѣрить первымъ показаніямъ, потому что они позабыли. Много, много тутъ было несправедливости, и ни на что не обратили вниманія... оправдали, кажется, 4 или пять человѣкъ, навѣрно не знаю“...

Слѣдующее письмо изъ тюрьмы характеризуетъ настроеніе, вызванное этимъ приговоромъ среди заключенныхъ вообще: „Какъ разъ въ это время у меня было начато письмо къ тебѣ. Понятно, я его разорвалъ. Что-бы я могъ написать? Дескать, вообрази, милый другъ, на мѣстѣ этихъ „каторжанъ“ своего отца, брата, сестру, вообрази меня, если хочешь, и тогда мнѣ скажи, что ты почувствуешь... Не разучилась-ли бы ты смѣяться, если бы увидѣла, какъ эти „каторжане“ прощались со своими матерями, женами?.. На каторгу за то, что подставляли себя подъ пули солдатъ, не тѣхъ на каторгу, что убивали, а тѣхъ, кто сами рисковали быть убитыми. А развѣ это единственный случай или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всѣмъ закоулкамъ Россіи творятся еще даже худшія жестокости. Только это происходитъ тамъ, гдѣ-то за кулисами, не рѣжетъ намъ глазъ... нѣтъ, ты, похоже, не чувствовала своего безсилія, не задыхалась отъ злобы при подобныхъ фактахъ; конечно, я долженъ сильнѣе чувствовать, сильнѣе, чѣмъ ты, сильнѣе, чѣмъ я самъ, если бы былъ на свободѣ. Но вѣдь это понятно, почему. Вѣдь у меня на глазахъ всѣ эти „преступники“, „бунтовщики“. Вѣдь я день и ночь слышу подъ собой кашель и безконечные шаги, и надъ собой, вверху и внизу, — всюду слышится это воплощеніе тюрьмы. Вѣдь ты только слышишь о насиліи, а я стою лицомъ къ лицу съ нимъ, оно ежеминутно передъ глазами, если бы хотѣлъ, то нѣтъ силъ отвернуться. Мы здѣсь разговариваемъ, шутимъ, смѣемся, а стоитъ только коснуться до больного мѣста — хотя бы такого факта, какъ этотъ судъ, мы ненормальные люди, мы бѣшеные...“

„Искра“ предлагаетъ свои услуги для направленія (непосредственно или черезъ „Красный Крестъ“) пожертвованій въ пользу осужденныхъ героевъ-обуховцевъ и ихъ семействъ. Поддержать ихъ — нравственная обязанность всѣхъ, кто готовъ подхватить ихъ боевой кличъ: „намъ нужна свобода!“

О московскомъ „Зубатовскомъ“ обществѣ намъ сообщаютъ слѣдующія новыя свѣдѣнія:

„Теперь дѣло обстоитъ такъ: выбранъ совѣтъ изъ 15 рабочихъ. Кромѣ общихъ собраній происходятъ районныя (восемь районовъ). Рабочіе въ районахъ собираются по пивнымъ, чайнымъ, безъ полиціи, за отвѣтственностью члена совѣта (со знаками они). Было съ неосвѣдомленной еще полиціей вначалѣ два инцидента. Разъ приставъ разогналъ такое собраніе. Члены совѣта пошли въ охрану жаловаться, тамъ имъ сказали, что приставъ, должно быть, подкупленъ капиталистами, они-де его вызовутъ и узнаютъ, какую взятку онъ взялъ. Другой разъ, дворникъ увидѣлъ собраніе въ пивной, увидѣлъ стоящаго на столѣ оратора и доложилъ помощнику пристава. Послѣдній явился, собраніе разогналъ, а оратора арестовалъ. Получилъ отъ Трепова строгій выговоръ и приказъ не вмѣшиваться тамъ, гдѣ ничего не понимаетъ. Дѣятельное участіе въ обществѣ принимаетъ Леденцовъ, прежде занимался отдачей въ ростъ денегъ. Онъ состоитъ предсѣдателемъ „Музея Труда“. Такъ вотъ при этомъ „Музеѣ Труда“ образована для рабочихъ юридическая консультація, причемъ Афанасьевымъ (предсѣдатель-рабочій, см. №10) и К° ведется усиленная агитація, чтобы рабочіе обращались за совѣтами именно сюда, а отнюдь не къ „либеральнымъ“ адвокатамъ Муравьеву и К°. Точно также изъ Зубатовско-Озеровскаго общества ведется походъ и противъ мѣстнаго „Общества народныхъ развлеченій“, которое, повидимому, на худомъ счету у начальства. Противъ этого общества намѣрены, по слухамъ, организовать народные спектакли въ Императорскихъ театрахъ. Въ совѣщаніяхъ по этой интригѣ участвуютъ, вмѣстѣ съ Афанасьевымъ, съ одной стороны, помощникъ Зубатова — Сазоновъ, съ другой — гг. профессора Озеровъ и К°. Проф. Денъ уже устранился отъ общества.

По поводу Зубатовской политики изданный харьковскими соціалистами-революціонерами листокъ говоритъ:

„Въ Москвѣ Зубатовъ (начальникъ охраннаго отдѣленія) разставилъ свои тенета въ рабочей средѣ. Въ качествѣ загонщиковъ изъявили свои услуги гг. московскіе профессора. Мануиловъ студентамъ на лекціи объявилъ громогласно: „Нѣтъ болѣе у насъ ни народниковъ, ни марксистовъ, а есть соціально-политическое направленіе, которое стремится улучшить бытъ рабочихъ и народа на почвѣ существующаго строя“. И вотъ стала примѣняться на русской почвѣ система бернштейніанства подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Зубатова. Дѣйствительно, творится въ Россіи что-то небывалое. Открывается настоящій рабочій парламентъ. Мануиловъ, Денъ и К° дебатируютъ о насущныхъ нуждахъ трудящагося народа, забывая поднимать лишь одинъ самый насущный вопросъ русскаго рабочаго люда: значеніе самодержавнаго деспотическаго правительства для русскаго рабочаго. Мудрые лекторы сразу превратились въ неучей: они моментально забываютъ основные вопросы всякой живой общественной жизни; они, конечно, не внушаютъ рабочимъ, что безъ свободы совѣсти, свободы слова и печати немыслимъ прогрессъ общественный. Такія же сѣти разставляются и въ непокорной студенческой средѣ. Въ газетахъ и въ университетскихъ совѣтахъ все лѣто трудились надъ новымъ университетскимъ уставомъ. Открывается дѣйствительно заманчивая перспектива: въ самодержавной, раболѣпной, угнетенной Россіи рабочимъ предоставлено будетъ открыто, свободно дебатировать о своихъ нуждахъ, что, скажемъ кстати, упроститъ

трудъ агентовъ Зубатова. Рядомъ съ рабочимъ парламентомъ откроется и студенческій парламентъ, въ которомъ тоже агенты Зубатова будутъ почерпать нѣкоторыя свѣдѣнія".

Иркутскъ. Въ концѣ прошлаго года иркутскимъ ген.-губернаторомъ назначенъ бывшій помощникъ шефа жандармовъ — Пантелѣевъ. Первый дебютъ его по управленію краемъ состоялъ въ томъ, что онъ призвалъ иркутскаго городского голову Жарникова и потребовалъ, чтобы дума постановила ассигновать извѣстную сумму на постройку памятника Александру III. Въ засѣданіи думы по этому поводу никто изъ гласныхъ, конечно, не дерзнулъ ничего возразить противъ этого предложенія. Вся оппозиція выразилась лишь въ томъ, что 3-4 гласныхъ предложили почтить Сибирь памятникомъ царя-миротворца не въ видѣ статуи, а учебнаго заведенія или моста черезъ р. Ангару, въ чемъ городъ такъ нуждается. Но трусливое большинство всецѣло подчинилось требованію Пантелѣева.

Затѣмъ ген.-губ. пригласилъ къ себѣ всѣхъ именитыхъ гражданъ и предложилъ имъ сдѣлать пожертвованіе на памятникъ, а самъ ушелъ въ свои комнаты. Адъютантъ его подалъ подписной листъ, и „граждане" подписали, — кто тысячныя, кто сотенныя суммы. Когда листъ былъ подписанъ, ген.-губ. не удостоилъ выйти, чтобы поблагодарить и попрощаться съ имъ же приглашенными лицами.

Таковы уже нравы нашихъ помпадуровъ, не перестающихъ смотрѣть на наше „третье сословіе", на наше купечество, какъ на дойныхъ коровъ, у которыхъ можно на что вздумается требовать деньги, третируя ихъ при этомъ какъ лакеевъ. Хороша и наша буржуазія, безмолвно переносящая подобнаго рода обращеніе.

Далѣе пошла такъ-называемая добровольная подписка, т.-е. начальникамъ разныхъ учрежденій предложено произвести подписку на памятникъ среди подчиненныхъ. Недовольство было всеобщее, и Александръ III не разъ переворачивался въ своемъ гробу отъ сыпавшихся на его голову проклятій. Подписка дала уже 100 тысячъ руб. Изъ купцовъ нашелся одинъ — Замятинъ, который отказался подписать. Всѣхъ удивилъ его героизмъ. Но и онъ сдался, послѣ того какъ у него былъ произведенъ обыскъ и Пантелѣевъ пригрозилъ выслать его въ Колымскъ.

Замѣчательнѣе всего то, что крестьянскимъ начальникамъ предписано было собирать на памятникъ среди крестьянъ, и предписаніе это немедленно было исполнено. Не трудно представить себѣ, какимъ бременемъ легъ этотъ новый налогъ на сибирскихъ крестьянъ въ голодный годъ и при разореніи населенія, вызванномъ прошлогодней мобилизаціей. Ничто такъ не подорвало монархизма среди сибирскаго населенія, какъ эта исторія съ памятникомъ. Нужно за это сказать большое спасибо ген. Пантелѣеву.

Дальнѣйшимъ его подвигомъ по части революціонизированія сибиряковъ явилась его борьба съ городскимъ самоуправленіемъ. Началось оно съ того, что дума отказалась построить казарму для войскъ. По приказу Пантелѣева, губернаторъ не утвердилъ постановленія думы. Послѣдняя обжаловала это постановленіе въ сенатъ и выиграла дѣло. Тогда Пантелѣевъ пришелъ въ ярость и послалъ въ Питеръ докладъ объ упраздненіи выборнаго начала въ городскомъ самоуправленіи, ссылаясь на неурядицы и бездѣйствіе иркутской думы. Что выйдетъ изъ этого представленія, пока еще неизвѣстно. Но очистка Думы отъ неудобныхъ для Пантелѣева гласныхъ уже началась. Считая почему-то главой оппозиціи секретаря думы Кларка (вѣроятно, потому, что онъ былъ во времена Очакова и покоренія Крыма политическимъ ссыльнымъ), ген.-губ. потребовалъ отъ городского головы его увольненія. Жарниковъ попросилъ изложить это требованіе на бумагѣ, просьба его была удовлетворена. И вотъ Кларкъ безъ малѣйшей вины уволенъ, на основаніи лишь упраздняющаго всѣ законы постановленія объ охранѣ. Правда, дума рѣшила выдать Кларку денежную субсидію, но нашелся такой лакей Пантелѣева, какъ гласный Бѣлоголовый, который на протоколѣ думскаго же постановленія написалъ свой протестъ, мотивируя его тѣмъ, что пособіе это опредѣлено подъ давленіемъ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ гласныхъ, радѣющихъ „своему человѣчку" (ковычки Бѣлоголоваго).

Мелочность Пантелѣева не ограничилась вышеописаннымъ. Онъ велѣлъ немедленно выслать Кларка изъ города, и только благодаря ходатайству губернатора Малеріуса, указавшаго на многочисленность семьи Кларка и на нелегкость скоро ликвидировать хозяйство (Кларкъ — домовладѣлецъ), высылка его была отложена на мѣсяцъ.

Инциденту съ Кларкомъ предшествовало нашествіе жандармовъ на думскій архивъ и квартиру секретаря. Ничего, конечно, не было найдено, тѣмъ не менѣе дѣлопроизводителя и другихъ служащихъ тягали на допросъ въ жандармское правленіе, при чемъ никто изъ допрашиваемыхъ не могъ понять, за что и про что ихъ тягаютъ. На ихъ вопросы о причинѣ они получали одинъ отвѣтъ: на основаніи закона объ охранѣ. Задаваемые имъ вопросы заключались исключительно въ выясненіи вліянія на городскія дѣла нѣкоторыхъ лицъ: Кларка, Корнилова, Попова, Замятнина. Всѣ эти лица почитаются неудобными лишь потому, что они принадлежатъ къ интеллигенціи и въ своей дѣятельности они руководятся закономъ, а не желаніями Пантелѣева. Въ этомъ и только въ этомъ вся ихъ неблагонадежность.

Но далѣе. Вмѣсто удаленнаго Кларка ген.-губернаторъ хотѣлъ навязать въ секретари думы проворовавшагося жандарма Телешова. Господинъ этотъ пользуется такой нечистой репутаціей даже въ синей средѣ, что думцы осмѣлились вѣжливо отклонить этого кандидата. Вообще, Пантелѣевъ большой жандармофилъ. Такъ, въ иркутскіе губернаторы онъ тоже прочитъ жандармскаго генерала Демидова и на парадахъ и смотрахъ является не иначе, какъ въ жандармскомъ мундирѣ, что вызываетъ большое неудовольствіе среди военныхъ. Возмущаетъ многихъ также его полное пренебреженіе къ публикѣ. Просителей онъ принимаетъ на задахъ своего дома, гдѣ ихъ заставляетъ ждать себя въ грязномъ, тѣсномъ и холодномъ помѣщеніи. Ждутъ его по многу часовъ и въ заключеніе является адъютантъ и заявляетъ, что „Ихъ Высокопревосходительство не выйдутъ". Въ послѣднее время онъ вовсе не выходитъ, и просьбы принимаются полицейскимъ чиновникомъ. Пантелѣевъ полагаетъ, что послѣ убійства Боголѣпова и покушенія на Побѣдоносцева имѣть объясненія съ просителями безразсудная смѣлость и рѣшилъ передъ публикой не показываться. Но онъ совершенно напрасно труситъ, такъ какъ смерть такого правителя края была бы чувствительной потерей для антиправительственныхъ слоевъ: его система правленія и отношеніе къ управляемымъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ дискредитируетъ монархію Николая II, и за это ему нужно сказать большое спасибо, но никакъ не подвергать участи Боголѣпова.

Вопросъ о розгѣ въ государственномъ совѣтѣ. Намъ сообщаютъ, что въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о введеніи въ сибирскихъ областяхъ института земскихъ начальниковъ. Въ законоположеніи объ этихъ начальникахъ есть статья о тѣлесномъ наказаніи; въ названныхъ же мѣстахъ проживаютъ инородцы: якуты, бурята, тунгусы и др., которые такого наказанія не вѣдаютъ, — оно у нихъ никогда не практиковалось. И вотъ въ Государственномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ быть съ инородцами: отмѣнить для нихъ тѣлесное наказаніе — значитъ, поставить инородцевъ въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ въ какомъ находится господствующая народность; ввести же его — конфузно для культурной миссіи россіянъ. Тогда стали раздаваться голоса о всеобщемъ уничтоженіи этого гнуснаго наказанія, и въ такомъ смыслѣ высказалось большинство. Но Побѣдоносцевъ заявилъ, что Государственный Совѣтъ не въ правѣ обсуждать эту мѣру, такъ какъ ему не принадлежитъ право иниціативы. Ему возразили, что дѣло идетъ пока только о ходатайствѣ передъ царемъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ концѣ дебатовъ вопросъ пошелъ на голоса, и большинство высказалось за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Только Побѣдоносцевъ и два-три его прихвостня остались за продолженіе господства розги надъ крестьянами. Теперь вопросъ, съ чьимъ мнѣніемъ согласится Ник. II?

Нижній-Новгородъ. Читатели „Искры" еще не забыли корреспонденцію изъ Нижняго съ описаніемъ бывшаго тамъ весной набѣга жандармовъ на мѣстную интеллигенцію. Выдающаяся роль въ этомъ событіи безусловно принадлежитъ г. прокурору мѣстнаго суда. Подобно щедринскому прокурору, сей ретивый чиновникъ рѣшилъ найти въ Нижнемъ крамолу и этимъ сразу выдвинуться въ глазахъ начальства. Какъ помнятъ читатели, замыслы г. Утина оказались безнадежными. Какъ ни старался, какъ ретиво ни искалъ, собственными руками лазя по всѣмъ щелямъ, дѣйствительной, сколько-нибудь существенной крамолы ему не удалось найти. Несчастнаго, не по разуму усерднаго прокурора ожидала печальная участь, выговоръ со стороны начальства и насмѣшки со стороны сослуживцевъ и жандармовъ, его конкурентовъ въ разыскиваніи крамолы. Обманутый въ лучшихъ своихъ надеждахъ, г. Утинъ рѣшилъ начать гоненіе противъ юнцовъ, гимназистовъ и гимназистокъ. Дѣло въ томъ, что послѣдніе образовали общество для совмѣстнаго чтенія и завели свою библіотеку изъ легальныхъ книгъ. Часть этого кружка, наиболѣе горячая, вздумала заняться пропагандой. Поймали какого-то отставного солдата, впослѣдствіи оказавшагося сыщикомъ, и занялись имъ. Послѣдній и далъ о библіотекѣ свѣдѣнія Утину. Наконецъ-то г. Утинъ разыскалъ давно желанную крамолу!.. Юнцовъ начали таскать на допросы, а троихъ даже засадили въ острогъ. Въ мин. вн. дѣлъ было послано Утинымъ подробное донесеніе съ ясными доказательствами, что крамола поймана и уничтожена, что г. Утинъ принесъ колеблющемуся престолу не малую услугу, за что-де слѣдуетъ...

14 чел. гимназистовъ VIII, VII, VI, V и даже IV класса ожидали казни.

Наконецъ, изъ Питера пришла бумага, вручающая судьбу гимназистовъ ихъ гимназическому начальству. Министерство, конечно, поступило весьма умно, съ одной стороны, оно умывало руки въ избіеніи младенцевъ, а съ другой — болѣе исполнительныхъ палачей оно найти не могло. Страшно перепуганное гимназическое начальство рѣшило доказать, что оно благонадежно, что всей душой готово исполнять волю начальства. Директоръ собралъ совѣтъ и предложилъ всѣхъ 14 чел. исключить безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе. Часть педагоговъ, во главѣ съ законоучителемъ, попыталась было возражать и доказывать всю несправедливость, жестокость и нетактичность такой мѣры, но директоръ съ помощью другихъ болѣе покорныхъ педагоговъ настоялъ на своемъ. Укажемъ, между прочимъ, фамиліи этихъ особенно усердныхъ педагоговъ: директоръ Самойловичъ, педагоги Песковъ и Юшковъ. Бѣдныхъ юнцовъ ожидала печальная судьба. Но округъ смягчилъ наказаніе. Только троихъ рѣшено было исключить, остальнымъ же сдѣлать предупрежденіе на будущее; одного же, кончившаго теперь гимназію, не приняли ни въ одинъ университетъ. Какъ видите, вся исторія кончилась еще не такъ плохо, могло бы, конечно, быть и хуже.

Нижегородское общество сильно взволновано всей этой исторіей; обыватели начинаютъ понимать свое безпомощное, безправное положеніе. Спасибо за это господамъ Утинымъ, Самойловымъ, Юшковымъ, Пусковымъ и проч.

Кишиневъ. Остроумный документъ представляетъ постановленіе кишиневскаго жандарма о привлеченіи къ дознанію лицъ, арестованныхъ за участіе въ демонстраціи 11 сентября. Приводимъ его полностью:

„Постановленіе № 3. 1901 г. сентября 19 дня въ г. Кишиневѣ я, отдѣльнаго корпуса жандармовъ штабъ-ротмистръ Барбашевъ, принимая во вниманіе, что 1) 5 сентября въ г. Кишиневѣ издана была отъ имени „Группы объединеннаго протеста" и распространена гектографированная прокламація, въ которой порицается существующій въ Россіи государственный порядокъ и говорится о необходимости рабочихъ волненій, крестьянскихъ бунтовъ и студенческихъ движеній, какъ о желательной формѣ протеста противъ правительственнаго режима. „Молодая Россія, говорится въ прокламаціи, такимъ путемъ 4 марта вырвала у правительства побѣду, но послѣднее только надавало обѣщаній, а ничего не исполнило и снова проявило себя изданіемъ такихъ циркуляровъ, какъ напр.: „Объ уменьшеніи процентной нормы поступленія евреевъ въ высшія учебныя заведенія" и о „прикрѣпленіи студентовъ къ округамъ", въ виду этого „Гр. объединеннаго протеста" обращается ко всѣмъ съ призывомъ: объединитесь всѣ и заявите правительству, что гражданское чувство, пробужденное выстрѣлами послѣдняго года, не спитъ, — что оно не исполнилось(?) его лживыми обѣщаніями, что оно требуетъ удовлетворенія" и, пользуясь каждымъ случаемъ, „требуйте политической свободы". Наконецъ, особой припиской къ прокламаціи „Группа объединеннаго протеста" анонсируетъ о томъ, что „11 сентября въ 6 час. 34 мин. вечера изъ г. К. отправляютъ товарища Домбровскаго въ административную ссылку" и приглашаетъ воспользоваться этимъ случаемъ для демонстративнаго протеста на вокзалѣ противъ этого распоряженія властей, тѣмъ болѣе, что „безъ боя" съ правительствомъ, какъ заключаетъ „Группа объединеннаго протеста" свою прокламацію, „мы не отвоюемъ у него ни одной пяди".

„2) 10 сентября та же „Группа объединеннаго протеста" издала вторую прокламацію, въ которой говоритъ о необходимости свободы слова и протеста противъ такихъ органовъ печати, какъ „Новое Время", „Южный Край", „Московскія Вѣд.", „Бессарабецъ" и редактора этой газеты Крушевана, который, какъ сказано въ прокламаціи, „душитъ" своихъ типографскихъ рабочихъ „вычетами". Народъ проситъ хлѣба, а правительство даетъ ему „камень", а „Бессарабецъ", „когда Толстой говоритъ о хлѣбѣ для народа", порицаетъ Толстого „за разрушеніе иллюзій и обмана" и „всему, что ищетъ свободу, онъ кричитъ свое грязное: въ клѣтку!": этимъ прокламація, очевидно, указываетъ на статьи въ „Бессарабцѣ" о Толстомъ и объ убійствѣ Мак-Кинлея: послѣдняя озаглавлена была: „Въ клѣтку" и заключала въ себѣ энергическое осужденіе анархизма. Прокламація эта, подобно первой, имѣетъ въ виду защиту евреевъ; это видно какъ изъ того, что послѣ заявленія о преслѣдованіи иновѣрцевъ перечисляются вышеприведенныя газеты, извѣстныя своими разоблаченіями относительно евреевъ, такъ и изъ того, что на редактора Крушевана возводится обвиненіе въ принятіи имъ подкупа отъ какого-то „магната", почему онъ и „облилъ грязью" одно изъ уѣздныхъ земствъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ „Бессарабцѣ" были напечатаны обличительныя статьи только противъ оргѣевской земской управы и евреевъ, поставщиковъ голодающему населенію испортившейся, гнилой и вообще недоброкачественной кукурузы, за что нѣкоторые изъ поставщиковъ-евреевъ уже приговорены судомъ къ наказанію.

„3) Такимъ образомъ, уже изъ содержанія этихъ двухъ прокламацій можно было видѣть, что въ г. Кишиневѣ готовятся политическія демонстраціи: на вокзалѣ, при отъѣздѣ бывшаго студента Домбровскаго, противъ существующаго въ государствѣ порядка, и въ городѣ, противъ редактора газеты „Бессарабецъ" Крушевана за разоблаченіе еврейскихъ злоупотребленій, за критику ученія Толстого и за строгое осужденіе анархизма.

„4) 11 сентября около 7 часовъ вечера, ко времени отхода поѣзда, на кишиневскомъ вокзалѣ собралась толпа молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, около 100-120 чел., въ подавляющемъ большинствѣ — евреи, сгруппировавшихся у того вагона, въ которомъ находился отъѣзжающій Домбровскій, при чемъ въ числѣ руководителей толпы были замѣчены слѣд. лица: Антонина Глоба, Полина Фукельманъ, Хава Ханжи, Раиса Баръ, Песя Шрифтеликъ, Глафира Кубаркина, Израиль Гельманъ, Фортунатъ Каминскій, Василій Ендржіевскій, Владиміръ Пржецлавскій, Аронъ и Самуилъ Мичникъ, Мойсей Вассеръ и др. въ числѣ около 20 чел. Первымъ изъ толпы выдѣлился Вассеръ и сказалъ Домбровскому нѣсколько словъ, послѣ чего одна изъ женщинъ поднесла Домбровскому букетъ, потомъ еще кто-то изъ толпы произнесъ нѣсколько словъ, и толпа закричала: „ура!" Затѣмъ къ вагону подошелъ Гельманъ и громко воскликнулъ: „Прощай, товарищъ, обидѣла тебя Держава(?!), не безпокойся, единство у насъ есть,

---

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ.

Фабричный феодализмъ*)

Въ ряду самыхъ колоссальныхъ промышленныхъ предпріятій въ Зап. Европѣ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ фирмѣ „пушечнаго короля" Круппа.

Круппу принадлежатъ: сталелитейный заводъ въ г. Эссенѣ, такой же заводъ въ Анненѣ, заводъ панцырныхъ броней въ Букау возлѣ Магдебурга, 4 доменныя печи въ Дюисбургѣ, Энгерсѣ, Нейвидѣ и Рейнгаузенѣ (изъ нихъ три производятъ ежедневно 28 тыс. пудовъ), далѣе чугунно плавильный заводъ съ машиностроительнымъ отдѣленіемъ въ Сайнѣ, 5 угольныхъ копей (кромѣ того, Круппъ участвуетъ, какъ акціонеръ, во многихъ другихъ угольныхъ предпріятіяхъ), 500 желѣзныхъ рудниковъ въ Германіи, нѣсколько рудниковъ въ Испаніи, три морскихъ парохода, плацъ для стрѣльбы въ Меппенѣ (15 верстъ слишкомъ въ длину), каменоломни и т. д. Наконецъ, фирма Круппа сняла по контракту корабельное и машиностроительное предпріятіе „Германія" въ Берлинѣ и Килѣ.

Главное предпріятіе Круппа — его фабрика въ Эссенѣ — состоитъ изъ различныхъ мастерскихъ для производства пушекъ и снарядовъ, приготовленія рельсовъ и прочихъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, далѣе, изъ газового завода съ двумя газоёмами, вмѣстимостью въ 60,700 куб. метр., фабрики для производства огнеупорнаго камня, брикетовъ и кокса, нѣсколькихъ кирпичныхъ заводовъ, литографскихъ и фотографическихъ заведеній, переплетной, щетинной фабрики, фабрики для производства льда, собственнаго полицейскаго учрежденія и пожарной команды (100 чел.), затѣмъ изъ портняжной и сапожной мастерскихъ, мясной, множества портерныхъ и харчевыхъ лавокъ и т. д.

До 1 апрѣля 1901 г. эта фабрика изготовила 39.006 пушекъ. Въ 1900 г. во всѣхъ заведеніяхъ Круппа потреблено 95 мил. пуд. угля, изъ нихъ 56 мил. на одной его фабрикѣ въ Эссенѣ. Въ день потребляется 320 тыс. пудовъ угля. Воды употреблено въ 1900 г. 16 милліоновъ куб. метровъ, свѣтильнаго газа 19 мил. метровъ, т. е. больше, чѣмъ потребилъ цѣлый городъ Бреславль, одинъ изъ крупнѣйшихъ въ Германіи.

Къ фабрикѣ въ Эссенѣ принадлежатъ еще рабочія „колоніи" (кварталы съ домами для рабочихъ), въ которыхъ имѣются 4853 семейныя квартиры, больница съ бараками для заразныхъ больныхъ, рабочая казарма, ночлежные дома, два клуба, четыре ремесленныя школы, книжный магазинъ и двѣ часовни.

*) Neue Zeit, 1901 г. № 4, статья Дювелля.

По переписи 1 апрѣля 1901 г. во всѣхъ заведеніяхъ Круппа было занято 46.077 чел., въ томъ числѣ 3823 служащихъ (остальные — рабочіе). Изъ этого числа 25.925 приходится на фабрику въ Эссенѣ, 2968 на заводъ панцырныхъ броней, 4731 на заводъ „Германія" въ Берлинѣ и Килѣ, 6291 на угольныя копи, 6162 на прочія заведенія. Сверхъ того, 150 чел. заняты постоянно въ „усадьбѣ" г. Круппа.

Передъ нами, такимъ образомъ, громадный производительный организмъ, обнимающій самыя разнообразныя отрасли производства, самые разнообразные виды человѣческаго труда — отъ портного и сапожника до матроса и углекопа. И всѣ эти разнородныя отрасли производства соединены въ одномъ предпріятіи, котораго неограниченнымъ, самодержавнымъ владыкой является одинъ человѣкъ — Круппъ. 50.000 чел., населеніе цѣлаго города, работаетъ изо дня въ день на этого одного человѣка, работаетъ съ помощью самыхъ усовершенствованныхъ орудій, по „послѣднему слову науки", создавая колоссальныя богатства, создавая во много разъ больше, чѣмъ могло создавать такое же количество людей, работавшихъ въ доброе старое время на какого-нибудь могущественнаго помѣщика-феодала.

Но, что самое интересное, этотъ владыка труда 50.000 чел., этотъ господинъ колоссальнаго предпріятія, является совершенно неважнымъ винтикомъ въ этомъ громадномъ механизмѣ. Круппъ совершенно не заботится о технической сторонѣ своего предпріятія, не вмѣшивается въ его администрацію. Вся его „работа" состоитъ въ томъ, чтобы подсчитывать свой ежегодный барышъ, доходящій до 15 и болѣе милліоновъ марокъ (8 и болѣе милліоновъ руб.) И если бы даже его сіятельство Круппъ былъ геніальнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ (чего о немъ нельзя сказать), онъ бы не могъ самолично управлять своимъ предпріятіемъ. Оно уже давно переросло контроль одного человѣка. Фабрика Круппа въ Эссенѣ раздѣлена на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ, которые объединяются центральнымъ управленіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ директоровъ. Эти директора, не г. Круппъ, управляютъ заводомъ.

И вотъ, представьте себѣ, что этотъ ненужный для дѣла Круппъ будетъ устраненъ отъ предпріятія. Оно пойдетъ тѣмъ же ходомъ, какъ шло раньше. Никакой перемѣны въ технической сторонѣ дѣла не произойдетъ. Только тѣ милліоны, которые Круппъ кладетъ въ карманъ въ видѣ „честно заработаннаго" дохода, останутся въ рукахъ производителей этого богатства. Существованіе собственника-капиталиста, такимъ образомъ, излишне для хода производства. Завѣдующіе производствомъ люди съ спеціальными техническими знаніями могутъ съ такимъ же успѣхомъ служить организованному обществу. Въ самомъ дѣлѣ, если устранить совершенно ненужнаго собственника, развѣ этотъ громадный производительный механизмъ не будетъ представлять собой, въ миніатюрѣ, организованное соціалистическое общество?

Но зло теперешнихъ гигантскихъ промышленныхъ предпріятій, въ родѣ Крупповскаго, далеко не исчерпывается тѣмъ, что производители должны львиную долю продукта своего труда отдавать капиталисту. Круппъ не только присваиваетъ ежегодно десятки милліоновъ, онъ въ то же время является по отношенію къ служащимъ почти полновластнымъ господиномъ; его подданные зависятъ отъ него, какъ люди и какъ граждане, почти въ такой степени, какъ крѣпостные зависѣли отъ своего феодала. Прежде всего эта зависимость выражена въ правилахъ внутренняго распорядка. „Кто участвуетъ въ агитаціи или въ союзахъ, стремящихся къ низверженію существующаго порядка, получаетъ разсчетъ". А, между тѣмъ, германская конституція предоставляетъ всѣмъ гражданамъ свободу собраній и союзовъ. Когда въ 1893 г. въ Эссенѣ былъ основанъ отдѣлъ германскаго союза рабочихъ по металлу, который вскорѣ сталъ насчитывать довольно много членовъ, правленіе произвело однажды обыскъ въ мастерскихъ, у многихъ рабочихъ была найдена газета „Союза", и „бунтовщики" были разсчитаны массами. Этотъ порядокъ остается въ ситѣ до сихъ поръ, и всякій, заподозрѣнный въ революціонныхъ стремленіяхъ, выбрасывается за порогъ завода.

Какими же средствами достигаетъ фирма Круппа возможности въ свободной странѣ лишать признанныхъ конституціей правъ цѣлыя сотни тысячъ людей? Это самая интересная сторона дѣла. Круппъ прославился не только какъ производитель знаменитыхъ пушекъ, не только, какъ архимилліонеръ и какъ ненавистникъ рабочаго движенія, но и какъ великій благотворитель. Благотворительныя учрежденія фирмы Круппъ знамениты во всемъ мірѣ. Это — верхъ того, что царями капитала сдѣлано для своихъ наемныхъ рабовъ. Но эти-то благотворительныя учрежденія и служатъ къ тому, чтобы „свободныхъ" рабочихъ превратить въ безвольныхъ рабовъ. Благодаря имъ, интеллигентные рабочіе крупной промышленности попадаютъ въ болѣе тяжелую зависимость отъ хозяина, чѣмъ иной неразвитой сельскій батракъ — отъ своего помѣщика. Посмотримъ же, какъ на практикѣ буржуазная „благотворительность" служитъ цѣлямъ закрѣпощенія рабочаго.

Какъ уже сказано, 4853 рабочихъ семейства пользуются квартирами. Рабочій, уволенный съ завода, долженъ немедленно очистить квартиру. А такъ какъ квартиры въ фабричномъ городкѣ дороги, а въ Крупповскихъ домахъ плата ниже обычной, то

да здравствуетъ свобода, ура!“ Въ это время кто-то, когда поѣздъ сталъ уже отходить, произнесъ фразу, окончивъ ее словами: „помни единство(?), да здравствуетъ свобода и единство“. Кто-то изъ толпы началъ было пѣть, почему багажный Рачко, по распоряженію полиціи, хотѣлъ-было задержать его, но въ тотъ же моментъ получилъ отъ одного изъ толпы ударъ палкой по головѣ, а затѣмъ Антонина Глоба и Полина Фукельманъ безпорядочно затянули пѣсню, подхваченную другими. Когда Гельманъ былъ задержанъ, то Каминскій, обозрѣвая толпу, сталъ махать руками, какъ бы давая знакъ, и толпа, вслѣдъ за нимъ, кричала: „Да здравствуетъ свобода! Ура!“ Жандармамъ и багажнымъ ранѣе замѣтившимъ тѣхъ лицъ, которые руководили толпой, удалось, хотя съ большимъ трудомъ, подъ ударами палокъ, зонтиковъ и кулаковъ, задержать восемь человѣкъ и для установленія личности увезти въ комнату для дежурныхъ жандармовъ, тогда нѣкоторые изъ участниковъ демонстраціи стали возбуждать толпу ложными(?) сообщеніями о томъ, будто жандармы и багажные бьютъ арестованныхъ и будто избили нѣкоторыхъ изъ публики такъ сильно, что одну женщину свезли въ больницу, при чемъ агитаторы кричали, чтобы присутствовавшіе записывались въ свидѣтели. Смѣшавшись, такимъ образомъ, съ нѣкоторыми изъ публики, введенными въ заблужденіе относительно случившагося, они ворвались въ дежурную для жандармовъ комнату, потребовали записать ихъ въ свидѣтели, что и было исполнено.

„5) Выполняя намѣченную въ приведенныхъ выше прокламаціяхъ программу демонстраціи, толпа съ крикомъ: „Идемъ къ губернатору! Ура!“ направилась съ вокзала въ городъ, распѣвая революціонныя пѣсни, крича „ура!“, остановилась возлѣ типографіи „Бессарабца“. Здѣсь кто-то изъ толпы произнесъ рѣчь и затѣмъ стали раздаваться крики: „Долой Крушевана! Смерть Крушевану, ура!“ Не встрѣтивъ сочувствія у наборщиковъ, толпа, оглашая воздухъ криками, двинулась къ губернаторскому дому, у воротъ коего, встрѣтивъ отпоръ со стороны полиціи, распалась на нѣсколько группъ, при чемъ болѣе значительная по численности направилась въ городской садъ, гдѣ нѣсколькимъ городовымъ нанесла побои, и затѣмъ съ криками: „Да здравствуетъ свобода печати, долой произволъ, ура!“ направилась къ ред. газеты „Бессарабецъ“ и квартирѣ редактора ея Крушевана, гдѣ выбила палками стекла, а затѣмъ, увидѣвъ приблизившихся наборщиковъ типографіи, въ безпорядкѣ разбѣжалась.

„6) 14 сентября с. г. та же „Группа объединеннаго протеста“ издала третью прокламацію, которая начинается фразой: „Тяжело живется русскому человѣку, а если онъ къ тому еще рабочій, то ему приходится гнуть спину по 16-18 часовъ въ сутки, если еврей, то его презираютъ, на него натравляютъ голодныхъ людей, а онъ — онъ долженъ прятать свое лицо, чтобы на немъ не видѣли ненависти къ притѣснителямъ“. Описывая въ тенденціозномъ и извращенномъ видѣ проводы Домбровскаго, утверждая, будто жандармы и багажные набросились на публику съ обнаженными шашками и палками и избили такъ сильно, что одного раненаго отвезли даже въ больницу, тогда какъ въ дѣйствительности участники безпорядковъ сами избили жандармовъ, причинивъ двумъ даже раны на головѣ, прокламація устанавливаетъ, что участники безпорядковъ принадлежатъ къ „Группѣ объединеннаго протеста“, шли по городу для протеста и для того, чтобы у горожанъ „вызвать духъ протеста“, а къ губернатору они направились „не жаловаться, не правды искать у него — у полиціи“. Заканчивается прокламація утвержденіемъ „Группы объединеннаго протеста“, что демонстранты разошлись по домамъ съ тѣмъ, чтобы начать „подпольную борьбу съ жгучей, непримиримой ненавистью ко всему режиму и со стремленіемъ къ свободѣ“.

„7) При обыскѣ квартиры В. Пржецлавскаго и Ф. Каминскаго найдены были: черновикъ проэкта устава организаціи противозаконнаго сообщества для политической пропаганды среди рабочихъ и письмо нѣкоего Авдѣя къ Пржецлавскому, изъ коего видно, что Авдѣй принадлежитъ къ какому-то противозаконному сообществу, къ которому въ прошломъ принадлежалъ также и Пржецлавскій, но его первый дебютъ въ роли члена этого сообщества былъ такъ неудаченъ, что сообщество осудило его и готово было поступить съ нимъ жестоко(?). Авдѣй беретъ Пр. подъ свое покровительство въ надеждѣ на исправленіе его въ будущемъ; изъ дальнѣйшаго содержанія этого письма видно, что авторъ его. Авдѣй, состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Каминскимъ и находится съ нимъ въ перепискѣ, — на основаніи постановленія Бес. Губ. Жандармскаго Управленія отъ 16-18 сентября за № 1 по соглашенію съ тов. прокурора Кишиневскаго Окружнаго Суда С. П. Шелухинымъ постановилъ: вышеперечисленныхъ А. Глобу, Полину Фукельманъ, Х. Ханджи, Раису Баръ, Песю Шрифтеликъ, Глафиру Кубаркину, Израиля Гельманъ, Ф. Каминскаго, Василія Ендржіевскаго, Вл. Пржецлавскаго, Арона и Самуила Мичникъ и Мойсея Вассера привлечь къ настоящему дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, о чемъ имъ и объявить.

Барбашевъ. С. П. Шелухинъ.“

Москва. Московскіе товарищи сообщаютъ намъ слѣдующія подробныя свѣдѣнія о Михаилѣ Афанасьевѣ — предсѣдателѣ „собранія механическихъ рабочихъ“, о которомъ мы писали въ предыдущихъ номерахъ „Искры“.

Михаилъ Афанасьевъ, по профессіи модельщикъ, работалъ до 1898 г. на разныхъ заводахъ и въ мастерскихъ гор. Москвы. Въ 1898 г. онъ просидѣлъ двѣ недѣли въ предварительномъ заключеніи; въ то же время и по тому же дѣлу сидѣли въ тюрьмѣ нѣсколько интеллигентовъ и рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были высланы до разбора дѣла изъ Москвы, двое же оставшихся по разсмотрѣніи дѣла отбыли двухмѣсячное заключеніе и на неопредѣленное время лишены права проживать въ Москвѣ и Петербургѣ. Послѣ разбора дѣла Афанасьевъ въ тюрьмѣ не сидѣлъ и не былъ высланъ: „я выбралъ для житья себѣ Москву“, говорилъ онъ одному рабочему, спрашивавшему его о снискожденіи къ нему правительства. Но что бы ни говорилъ Афанасьевъ, съ трудомъ вѣрится, что недреманное око Москвы — Зубатовъ — оставилъ въ Москвѣ товарища людей, гонимыхъ правительствомъ, да при этомъ допустилъ его стать во главѣ рабочихъ собраній. Зимой 1900 г. Афанасьевъ жилъ на заводѣ Листа за Бутырской заставой; весной на заводѣ вышло недоразумѣніе изъ-за расцѣнка между модельщиками и администраціей завода. Былъ вызванъ фабричный инспекторъ, для переговоровъ съ которымъ рабочими былъ выбранъ Афанасьевъ; послѣ этого его разсчитали съ завода, и онъ съ разрѣшенія Охраннаго отдѣленія уѣхалъ искать работу въ Кіевъ. Воротясь въ Москву, онъ поступилъ на фабрику Прохорова и усиленно началъ хлопотать о кассѣ взаимопомощи, чему содѣйствовали во многомъ интеллигенты, относившіеся къ нему, какъ къ порядочному человѣку.

За образецъ устава взятъ былъ уставъ харьковскаго общества безъ всякихъ измѣненій. Подъ проэктомъ устава подписалось 12 чел., въ томъ числѣ и Афанасьевъ. 9 февраля уставъ былъ поданъ на разрѣшеніе „хозяина Москвы“, а оттуда перешелъ къ Трепову и Зубатову. Въ рукахъ послѣднихъ уставъ былъ въ деталяхъ подвергнутъ измѣненіямъ и въ такомъ видѣ возвращенъ учредителямъ, которые за такую заботливость поблагодарили начальство и рѣшили, что ихъ уставъ гораздо содержательнѣе харьковскаго: большинство не понимало значенія измѣненій, сдѣланныхъ Зубатовымъ. Интеллигенты протестовали противъ урѣзокъ и старались оказать вліяніе на рабочихъ въ этомъ направленіи, за что они — по доносу Афанасьева — были арестованы.

На собраніяхъ Афанасьевъ предсѣдательствуетъ и имѣетъ себѣ подобныхъ помощниковъ: секретаря Слѣпова, слесаря отъ Прохорова, и старшаго контролера Красивскаго, папиросника, работающаго на дому, агента Зубатова, допускаемаго на собранія съ разрѣшенія Афанасьева.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Общество трезвости въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Въ статьѣ „Отвѣтъ г. Дадонову“ (см. прилож. къ № 9) былъ затронутъ вопросъ объ обществахъ трезвости и было высказано, что эти общества въ послѣднее время играютъ очень странную роль. Здѣсь мы намѣрены обрисовать Орѣховское „Общество трезвости“ и его дѣятельность. Считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что эта вновь изобрѣтенная язва, навѣрное, не ограничится однимъ Орѣховымъ. Харьковскій преосвященный Амвросій выразилъ опасеніе, не къ соціализму-ли ведутъ общества трезвости? и такъ какъ не былъ вполнѣ въ этомъ увѣренъ, то прибавилъ: „Дай Богъ, чтобы мы ошиблись!“ Поэтому мы совѣтуемъ харьковскому архиплуту, то-бишь архіерею, прочесть нижеслѣдующее и убѣдиться, что онъ ошибся и ошибся очень порядочно*).

Въ минувшемъ 1900 г. 6-го августа возникло Орѣховское „Общество трезвости“ по иниціативѣ петербургскаго священника А. Рождественскаго (сына) и при содѣйствіи мѣстнаго священника В. Рождественскаго (отца), церковнаго старосты инженеръ-технолога С. Назарова (завѣдующій отбѣльно-красильнымъ заведеніемъ Саввы Морозова) и служащаго той же фабрики технолога Хрѣнникова. Изъ этихъ почтенныхъ лицъ С. Назаровъ особенно извѣстенъ тѣмъ, что заперъ на двѣ недѣли обитателей Орѣховской фабричной богадѣльни и заставилъ ихъ все это время молиться за умершаго отпрыска его рода.

Нужно сказать, что пріѣзжавшій изъ Петербурга о. Рождественскій, хорошо знакомый со взглядами высшаго духовнаго начальства, заранѣе опредѣлилъ направленіе дѣятельности этого общества, а, слѣдовательно, взглядъ на рабочихъ, какъ на людей, съ которыми нечего церемониться... Основатели отнеслись къ своему четырехголовому дѣтищу очень серьезно и рѣшили не на шутку уничтожить пьянство. И вотъ одинъ сталъ дѣйствовать молебномъ съ акафистами, другой — штрафами, третій — разсчетами, а четвертый уѣхалъ въ Питеръ и шлетъ оттуда писульки съ совѣтами. И, можно сказать, двинули свое дѣло на столько хорошо, что ни одно подобное общество въ Россіи не имѣетъ, пожалуй, такого количества членовъ, какъ Орѣховское.

Первоначально охотниковъ записаться въ трезвенники было очень мало; записывались только тѣ, которые и до существованія общества пили очень мало или совсѣмъ не употребляли спиртныхъ напитковъ. Видя такое равнодушіе къ своему дѣтищу, основатели принялись вербовать себѣ членовъ своеобразными средствами. Такъ, напр., Назаровъ предлагаетъ рабочему, съ котораго слѣдуетъ взыскать за прогулъ смѣны, записаться въ члены общества, за что его вознаграждаютъ, не записывая прогула. Но горе рабочему, если онъ не согласится идти въ трезвенники: его сгоняютъ со станка, ставятъ въ простые рабочіе или дѣлаютъ скидку съ поденной платы въ 5-10 коп. Или тотъ же Назаровъ предлагаетъ рабочему, замѣченному въ ссорѣ съ сосѣдомъ по хозяйской квартирѣ, либо выбираться изъ казармы, либо стать членомъ общества. Разумѣется, навербованные такими средствами члены оказываются „трезвенниками“ пьющими. Тѣмъ не менѣе, поведеніе такихъ господъ, какъ Назаровъ, носитъ еще джентельментскій характеръ, а вотъ управляющій фабрики Викулы Морозова, Свѣшниковъ, тотъ прямо кричитъ, какъ щедринскій генералъ: „раззорю“. „Ступай, запишись въ трезвенники или сейчасъ получи разсчетъ“.

При такихъ условіяхъ понятно, на сколько симпатично рабочимъ „общество трезвости“, какъ они выполняютъ обѣтъ трезвости и какъ быстро ростетъ текущій номеръ, выражающій число записавшихся. Въ настоящее время этотъ номеръ доходитъ до 3000; если дѣло пойдетъ такъ хорошо, то года черезъ два на Морозовскихъ фабрикахъ не будетъ ни одного пьющаго рабочаго. Но что въ этомъ случаѣ будетъ дѣлать цѣловальникъ Витте?

Не смотря на столь внушительное число членовъ общества, на лицо нѣтъ никакихъ внѣшнихъ проявленій его дѣятельности: ни чайной лавки, ни читальни, ни библіотеки, ни сада, ни гуляній, словомъ, ничего изъ того жалкаго запаса, которымъ дышутъ вообще такія общества. Управляется общество безъ всякихъ выборовъ тѣми же учредителями да еще Свѣшниковымъ, которые придумываютъ для членовъ общества разныя обязанности. Первая обязанность — не пить водки, что на дѣлѣ, конечно, выполняется немногими; вторая — посѣщать обѣдню и вечерню, послѣ которыхъ бываетъ постоянно молебенъ съ акафистомъ Николаю угоднику и неизбѣжный сборъ съ большой тарелкой съ бѣдняковъ-рабочихъ въ пользу городныхъ и богатыхъ поповъ. Третья обязанность — ходить на чтенія, на которыхъ рабочихъ угощаютъ все тою-же Демьяновой ухой, т. е. говорятъ о любви къ ближнему и о вредѣ пьянства. Практическій урокъ любви къ ближнему даютъ ежедневно своимъ рабочимъ гг. Назаровы и Свѣшниковы, упражняясь въ штрафованіи, разсчитываніи и грубой ругани.

6 августа этого года „Общество трезвости“ праздновало годовщину своего существованія. Кромѣ обычной обѣдни и вечерни, было устроено собраніе общества въ училищѣ Саввы Морозова подъ предсѣдательствомъ вышеупомянутыхъ заправилъ. На обсужденье былъ поставленъ вопросъ: „куда употребить имѣющійся наличный капиталъ общества“? Нѣкоторые рабочіе предложили удѣлить часть капитала для выдачи заболѣвшимъ трезвенникамъ, другіе — для выдачи сиротамъ умершихъ трезвенниковъ. То и другое предложеніе было отклонено, а по предложенію Назарова рѣшили „благодарить священника В. Рождественскаго, какъ основателя этого общества“. Отблагодарили поднесеніемъ креста въ 500 руб. Тогда домовладѣльцы-трактирщики Бобровъ и Татариновъ предложили благодарить Назарова иконой (въ 65 руб.). Принято и это. На покупку креста и иконы израсходовали весь капиталъ, да еще остались должны 100 руб. Впрочемъ, можетъ быть, должны и больше: никакой отчетности не производится. Такимъ образомъ, сироты и больные остались ограбленными въ пользу основателей „Общества трезвости“.

Въ прошломъ году передъ Рождествомъ нашлись чудаки, которые просили у священника Рождественскаго разрѣшенія выпить по рюмкѣ „для праздника“. Онъ имъ разрѣшилъ. Большинство же „трезвенниковъ“ пили съ своего собственнаго разрѣшенія во славу Божію. Разумѣется, есть много проказниковъ, которые пользуются „обществами трезвости“ для своихъ цѣлей: такъ, понадобятся деньги просто, чтобъ гульнуть, но достать ихъ трудно; запишешься въ трезвенники, получаешь отъ Назарова разрѣшеніе на выдачу денегъ. Орѣховскіе не-трезвенники.

*) Къ сожалѣнію, харьковскій владыка не можетъ послѣдовать совѣту нашего товарища, такъ какъ онъ недавно умеръ. Спѣшимъ отмѣтить, что въ некрологѣ, посвященномъ памяти покойнаго, „Моск. Вѣдомости“ подчеркнули его постоянную борьбу съ соціализмомъ и всякими вообще вредными движеніями. Ред.

Саратовъ. 14 августа на гвоздильномъ заводѣ Б. Гантке вывѣсили новыя правила внутренняго распорядка и новую табель штрафовъ. Первыя отмѣняли десять праздниковъ, а послѣдняя устанавливала штрафы за всякую мелочь. Рабочіе рѣшили дать отпоръ. Неудача вспыхнувшей въ то время стачки на желѣзной дорогѣ поколебала рѣшимость рабочихъ. Только 29 августа они бросили работу. Въ ночь съ 22 на 23 были распространены прокламаціи, требовавшія отмѣны штрафовъ, возстановленія старыхъ праздниковъ, увеличенія расцѣнковъ на 25%, увольненія директора Тиле, выборныхъ депутатовъ отъ каждаго цеха и пр. Сверхъ того, требовали, чтобы никто не былъ уволенъ за стачку.

Какъ только полиція узнала о прокламаціяхъ, на заводъ прибылъ исправникъ, но увѣщанія его оказались напрасны. Администрація обѣщала удовлетворить требованія рабочихъ.

Изъ Литвы. Въ Сморгони (Виленской губ.) въ началѣ октября вспыхнула стачка 1000 кожевниковъ (поляковъ и евреевъ). Ближайшимъ поводомъ послужилъ набѣгъ въ Сморгонь виленскихъ и минскихъ жандармовъ, которые по доносу фабрикантовъ произвели аресты среди мѣстныхъ рабочихъ и интеллигентовъ. Когда арестованныхъ ночью повели на вокзалъ, собралась толпа любопытныхъ. Сопровождавшіе арестованныхъ казаки ударили въ нагайки, вообразивъ, что толпа собирается отбивать плѣнниковъ. Послѣ этого рабочіе забастовали, требуя освобожденія

рабочій соглашается молча терпѣть всякій гнетъ, лишь бы не потерять разомъ работу и кровъ.

Потребительныя лавки, устроенныя Круппомъ, продаютъ только за наличныя деньги и по обычнымъ цѣнамъ. Но ежегодно покупателямъ возвращается 6-7% дивиденда. Выдача дивиденда производится въ декабрѣ; если рабочій разсчитанъ въ теченіе года, онъ теряетъ право на его полученіе. Новая причина молча сносить прижимки мастеровъ.

Но всего лучше „благотворительныя кассы“, которыя всячески расхваливались разными проповѣдниками „мира между классами“, какъ высшее проявленіе „попеченія“ о рабочихъ. Платя въ эти кассы, рабочіе не принимаютъ никакого участія въ управленіи. Пособія выдаются по усмотрѣнію дирекціи; протекція играетъ здѣсь главную роль.

Но на заводѣ имѣются, между прочимъ, и больничныя кассы, учрежденныя на основаніи закона, требующаго, чтобы рабочіе принимали участіе въ ихъ управленіи. Но удивительное дѣло: стоитъ только выбранному въ правленіе рабочему заявить какія-нибудь претензіи на веденіе дѣла, какъ онъ тотчасъ же оказывается „ненужнымъ“ на заводѣ и получаетъ разсчетъ, теряя тѣмъ самымъ право быть членомъ кассы. Естественно, что представители рабочихъ хорошо помнятъ объ этой опасности и ведутъ себя, какъ шелковые.

Вѣнецъ „благотворительности“ Круппа это — пенсіонная касса. При вступленіи въ нее (а вступленіе обязательно) рабочій платитъ 6 марокъ (3 рубля) и ежегодно взноситъ въ среднемъ около 35 марокъ (17 руб.). Если онъ, проработавъ не менѣе 20 лѣтъ (а при особо-тяжелыхъ работахъ не менѣе 15 лѣтъ), подрядъ окажется совершенно негоднымъ къ труду, и если это засвидѣтельствуютъ два врача, тогда онъ получаетъ пенсію. Но при вычисленіи этого срока не принимаются въ разсчетъ ни годы работы до 18-лѣтняго возраста (хотя съ него все-таки и въ эти годы вычитаютъ въ кассу), ни время болѣзни, если она длилась болѣе 13 недѣль, ни то время, въ теченіе котораго рабочій, будучи полу-инвалидомъ, получалъ пособіе.

Зато если рабочій, платившій въ пенсіонную кассу хотя бы 19½ лѣтъ, будетъ разсчитанъ, какъ „ненужный“, онъ лишается всѣхъ правъ на помощь и не получаетъ обратно ни копѣйки изъ того, что взнесъ (а иногда этихъ взносовъ накопляется до 1000 марокъ). А между тѣмъ, число увольняемыхъ Круппомъ рабочихъ не мало! Въ послѣдніе два года ежегодно увольнялось 7-8 тыс. чел. И такъ какъ изъ увольняемыхъ очень не мало такихъ, которые проработали по 10 лѣтъ, то нельзя не признать, что пенсіонная касса не безвыгодное дѣло для фирмы Круппъ.

За 1900 годъ въ завѣдываніе кассы поступило 2.250.000 мар. а израсходовано 1.108.000. Половина взносовъ рабочихъ остается въ рукахъ завода, а сами вкладчики тысячами выбываютъ, теряя всѣ свои права!

Понятно, что рабочій, который нѣсколько лѣтъ платилъ въ кассу, не станетъ рисковать потерей всѣхъ своихъ надеждъ на пенсію. Всякій ожидаетъ, что за свое терпѣніе и покорность онъ будетъ награжденъ когда-нибудь пенсіей. Но — много званныхъ, мало избранныхъ. Дослуживаются до своего „счастья“ немногіе, но за то всѣ почти изъ кожи лѣзутъ, чтобы не потерять право на это „счастье“. А для этого: проявляй безусловную покорность, сноси грубое обращеніе, терпи постоянные вычеты изъ заработка. Совсѣмъ недавно съ завода уволенъ рабочій, прослужившій у Круппа болѣе 20 лѣтъ, за то, что на кассовомъ собраніи внесъ предложеніе объ измѣненіи устава.

Прибавимъ, что для того, чтобы не проглядѣть среди своихъ рабовъ самаго малѣйшаго недовольства, Круппъ содержитъ цѣлую армію шпіоновъ изъ числа самихъ рабочихъ. Каждый долженъ быть вѣчно на сторожѣ, чтобы по доносу шпіона не получить разсчета. Каждый таитъ про себя свое мнѣніе, каждый сторонится отъ товарищей и годами такой іезуитской муштровки превращается въ безвольную машину.

При такихъ условіяхъ, когда производимая за счетъ самихъ рабочихъ „благотворительность“ держитъ ихъ въ самой надежной кабалѣ, Круппъ можетъ уже не бояться умственнаго развитія своихъ рабочихъ. Читальня, устроенная для рабочихъ Круппомъ, превосходна, выборъ книгъ громадный. Обезпечивъ себя отъ опасности какого бы то ни было протеста, Круппъ заботится объ умственномъ развитіи рабочихъ, зная хорошо, что интеллигентность рабочаго повышаетъ производительность его труда, т.-е доходность затраченнаго на его наемъ капитала.

Такова картина современнаго „фабричнаго феодализма“ въ свободной странѣ. Русскій читатель невольно сопоставитъ эту картину со сходными явленіями фабричнаго быта на нашей родинѣ: систему пенсій въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, квартиры для рабочихъ на Брянскомъ заводѣ, у Морозовыхъ и у другихъ тузовъ, тѣ же потребительныя хозяйскія лавки и т. п. Разница лишь та, что безправное по закону положеніе русскаго рабочаго позволяетъ русскимъ Круппамъ не прикрашивать свои „благодѣянія“ даже той прозрачной дымкой, которой прикрываютъ ихъ Круппы нѣмецкіе. Голое насиліе и произволъ выступаютъ у насъ откровеннѣе. Но безправіе русскаго народа рано или поздно прекратится. Политическая свобода будетъ завоевана, и тогда — тогда система „благодѣяній“ въ рукахъ нашихъ Морозовыхъ послужитъ къ тому, чтобы права, признанныя за рабочимъ на бумагѣ, онъ не могъ осуществить на дѣлѣ.

Какъ бороться рабамъ современнаго фабричнаго феодализма противъ этого гнета, лишающаго ихъ всякой возможности сопротивленія? Профессіональная организація рабочимъ Круппа недоступна: она убивается въ зародышѣ удаленіемъ всякаго „агитатора“. Если другой капиталистъ позволитъ себѣ посягнуть на право рабочихъ организоваться, нѣмецкіе рабочіе отвѣтятъ ему стачкой и принудятъ уважать свое право. У Круппа, благодаря могуществу его капитала и развратну, который сѣетъ его „благотворительность“, такой протестъ невозможенъ. Что же дѣлать?

Германскіе рабочіе владѣютъ однимъ правомъ, противъ котораго, въ концѣ концовъ, безсиленъ и Круппъ. Это — всеобщее тайное избирательное право. Тайна голосованія даетъ возможность даже рабочимъ Крупповскихъ заводовъ работать надъ своимъ освобожденіемъ. Лишенный возможности открыто организоваться, рабочій можетъ на выборахъ поддержать кандидата соціалдемократической партіи. Соціалдемократическая рабочая партія, достигнувъ извѣстной силы, съумѣетъ заставить государственную власть вмѣшаться въ „патріархальные“ порядки Крупповскаго царства для огражденія законныхъ правъ рабочихъ. Государство, которое въ настоящее время такъ заботливо охраняетъ интересы частной собственности, сможетъ — если захочетъ — обуздать всевластіе современныхъ фабричныхъ феодаловъ. Оно сможетъ взять подъ свой контроль Крупповскія „благотворительныя“ кассы и оградить ихъ членовъ отъ самодержавія „хозяина“, отъ его обирательствъ; оно можетъ оградить права рабочихъ, какъ съемщиковъ хозяйскихъ квартиръ; оно можетъ воспретить произвольное увольненіе рабочаго за то, что онъ пользуется законнымъ правомъ принадлежать къ какому-либо союзу или партіи.

Но все это государство захочетъ сдѣлать только тогда, когда его къ этому принудитъ рабочій классъ, соціалдемократическая рабочая партія. Пользуясь правомъ голоса на выборахъ, Крупповскіе рабочіе могутъ содѣйствовать усиленію этой партіи.

Гдѣ экономическая борьба обречена на неудачу, тамъ приходится прибѣгать къ борьбѣ политической. Завоевывая себѣ вліяніе на государство, рабочій классъ можетъ освободить отъ крѣпостного гнета рабовъ г. Круппа. Завоевавъ окончательно это государство, онъ сможетъ устранить Круппа отъ того колоссальнаго промышленнаго механизма, въ которомъ онъ является пятой спицей въ колесницѣ, и тѣмъ самымъ сдѣлать работу этого механизма источникомъ благосостоянія и свободнаго развитія для его теперешнихъ жертвъ.

арестованныхъ и введенія 12 час. раб. дня. 30 октября изъ Вильны отправлена въ Сморгонь вторая сотня казаковъ. Польской соціалдемократіей выпущена прокламація къ стачечникамъ.

Одесса. Въ „Вѣд. Одес. Градоначальства" былъ напечатанъ приказъ одесскаго градоначальника объ арестованіи (на основаніи положенія объ охранѣ) нѣсколькихъ рабочихъ-заготовщиковъ за то, что они силой не давали рабочимъ идти на работу. На дѣлѣ никто изъ арестованныхъ не работалъ въ той мастерской, въ которой была стачка, но завѣдующій мастерской Турьянскій, подкупивъ предварительно полицію, оговорилъ первыхъ попавшихся и далъ ложное показаніе, будто они работали въ его мастерской и избили Менделя Вейцмана и Бронштейна. Конечно, пострадавшіе отъ побоевъ могли обратиться въ судъ, но, вѣдь, обвиняемые могли бы оправдаться тѣмъ, что Вейцманъ (здоровенный парень) первый затѣялъ драку, да, кромѣ того, поди устанавливай на судѣ, кто былъ въ толпѣ. Куда проще обратиться „къ усиленной охранѣ"! Тяжело за невинно-страдающихъ отъ полицейскаго произвола, но гг. Турьянскіе и Вейцманы и съ ними и полиція роютъ себѣ сами яму. При такомъ способѣ дѣйствій трудно удержать массу отъ насильственныхъ поступковъ, отъ самозащиты и мести. Пока удастся внушить массѣ спокойствіе, она, пожалуй, станетъ расправляться съ провокаторами по свойски. Мендель Вейцманъ — типичный штрейкбрехеръ (такъ въ Германіи называютъ тѣхъ, кто измѣняетъ стачкѣ), уже давно ненавидимый рабочими и безконечно дорогой для хозяевъ. Не довольствуясь тѣмъ, что мѣшаетъ стачкѣ заготовщиковъ, онъ недавно избилъ безъ всякаго повода двухъ стачечниковъ, что и вызвало его собственное избіеніе толпой. Изъ арестованныхъ по доносу этого негодяя трое семейныхъ, семьи ихъ обречены на голоданіе.

Въ послѣднее время здѣсь стали практиковаться рабочими демонстраціи при похоронахъ товарищей, умершихъ отъ непосильной работы. Въ августѣ и сентябрѣ было три случая такихъ демонстрацій, которыя оказываютъ хорошее вліяніе на раб. массу.

Кишиневъ. Въ апрѣлѣ н. г. арестованъ былъ здѣсь рецидивистъ Яневичъ за пропаганду среди рабочихъ. Держатъ его еще до сихъ поръ. Потомъ жандармы успокоились на все лѣто. Въ концѣ августа мѣсяца произошелъ рядъ стачекъ. Первыми забастовали переплетчики въ 8 мастерскихъ, въ количествѣ 26 чел. взрослыхъ рабочихъ и 14 мальчиковъ. Они выставили требованіе о сокращеніи рабочаго дня до установленной закономъ нормы (раньше они работали по 16-18 час. въ сутки) и о повышеніи заработной платы. Описывать всѣ перепетіи этой стачки, продолжавшейся семь недѣль, не стоитъ: слишкомъ извѣстны уже всѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ хозяева и ихъ вѣрные защитники — жандармы и полиція. Были тутъ и доносы, было и застращиваніе рабочихъ, были и аресты нѣсколькихъ рабочихъ (ихъ, впрочемъ, черезъ двѣ недѣли выпустили), но... рабочіе стойко держались и требовали своего. Тогда одинъ изъ крупныхъ хозяевъ, Идельманъ, у котораго, кстати сказать, хуже всего живется рабочимъ, привезъ изъ маленькихъ окрестныхъ мѣстечекъ рабочихъ. „Лучше говорилъ Идельманъ, переплачу другимъ, чѣмъ уступлю этой дряни". Вновь привезенныхъ рабочихъ къ стачкѣ склонить не удалось. Тогда рабочіе частью сдались, а частью разъѣхались. Не ожидая окончанія стачки переплетчиковъ, забастовали и шорники, условія работы которыхъ были ужасны: они работали съ 5 час. утра до 12 час. ночи, а иногда и цѣлыя ночи на пролетъ, получая за это жалкую плату отъ 12 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдъ за шорниками, забастовали и токари (26 чел., стачка продолжалась 4 недѣли). Какъ тѣ, такъ и другіе добились удовлетворенія требованій (тѣ же, что и у переплетчиковъ).

Интересна попытка хозяевъ-токарей составить товарищество для совмѣстной работы, съ цѣлью обойтись безъ рабочихъ. Попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчалась успѣхомъ, и хозяева, перессорившись, уступили своимъ рабочимъ. Хозяева же шорники, уступивъ рабочимъ, попытались было ввести поштучную плату, и, такимъ образомъ, удлинивъ рабочій день, свести стачку на нѣтъ, но рабочіе вновь забастовали, и черезъ два дня хозяева окончательно сдались. Такова исторія здѣшнихъ стачекъ. Весной этого года была здѣсь еще крупная стачка булочниковъ. Забастовали они въ количествѣ 200 человѣкъ во всѣхъ имѣющихся здѣсь мастерскихъ. Требованія ихъ сводились все къ тому же: сокращеніе рабочаго дня до 12 час., повышеніе заработной платы, лучшія помѣщенія. Стачка длилась всего три дня и окончилась частичной побѣдой булочниковъ. Въ теченіе этихъ трехъ дней нѣкоторыхъ рабочихъ заманивали подъ видомъ обѣщанія работы въ полицію и арестовывали ихъ, а полиціймейстеръ, который во время стачки обѣщалъ рабочимъ позаботиться о нихъ, послѣ стачки перемѣнилъ фронтъ и ругалъ рабочихъ площадной бранью.

Стачка въ Якутской области. Забастовало на Ленской системѣ 1700 чел., стачка длилась со 2 по 9 января; на Бодойбинѣ 800 чел. съ 9 по 16 января. Ленскія требованія: 1) выдача ежемѣсячно $^2/_3$ выписки деньгами и $^1/_3$ припасами (выиграно: раньше выдавали 5 руб., послѣ стачки — не меньше 8 руб.); 2) разрѣшеніе свободной торговли хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, овощами (выиграно частью: рыбой, овощами, молокомъ — добились, хлѣбомъ не разрѣшили, а мясомъ, смотря по запасамъ мяса); 3) смѣна завѣдующаго полицейской частью казачьяго урядника Селиванова и замѣны нѣкоторыхъ служащихъ другими (выиграна: Селиванова перевели, избрана коммиссія изъ трехъ рабочихъ-посредниковъ; эти выборные-рабочіе получаютъ жалованье во время работы); 4) устраненіе неправильностей въ подсчетѣ заработка (обѣщано быстро провѣрить претензію); 5) никого изъ рабочихъ не разсчитывать (обѣщано).

Петиція Бодойбинской команды въ Управленіе Бодойбинской золотопромышленной компаніи: „Команда Бодойбинской компаніи, уполномачиваетъ изъ своей среды депутатовъ для доклада о нижеслѣдующемъ: 1) подсчеты за забойную работу въ ортахъ весьма обидны, не смотря на подаваемую выработку въ просѣчкахъ отъ 10 до 12 верстъ, а въ... до 16 верстъ. Въ общей сложности пріемъ работы производится очень недобросовѣстно и слишкомъ обидно, а также не принятъ въ разсчетъ грунтъ забоевъ, не прибавляется плата за скалистыя и мокрыя работы. Команда, кромѣ того, проситъ правленіе выдавать на отрядныя работы книжки для выработки забойной работы, въ каковыхъ бы записывалась выработка забойной работы смотрителями ортъ съ приложеніемъ именного штемпеля: выработка такая же, какъ и въ журналѣ. Если же правленіе не желаетъ продолжать выработку отрядными работами, то команда проситъ подсчета окладнымъ хозяйскимъ жалованьемъ.

„2) Уволить совсѣмъ отъ должности помощника инженера Оправеднева за слишкомъ пристрастную его службу, ибо всѣ его распоряженія на столько чувствительны у всякаго рабочаго въ горбу, что мы не въ силахъ дальше выносить ни его присутствія, ни его распоряженій по работѣ, а потому просимъ замѣнить его мѣсто другимъ лицомъ. Еще просимъ смѣнить фельдшера Ивана У. и замѣнить его другимъ лицомъ. Причина — его страшно грубое обращеніе съ больными рабочими. Грубость его настолько велика, что даже обращающихся къ нему больныхъ онъ обноситъ матерными словами. Просимъ смѣнить И. Коташевцева и Р. Александрова. Еще проситъ команда окончательно смѣнить старосту Верхне-станской артельной кухни за всѣ его неправильныя выдачи съѣстныхъ припасовъ командѣ. Команда желаетъ совмѣстно съ правленіемъ избрать изъ своей среды старосту.

„3) Команда проситъ правленіе удешевить по возможности цѣны на съѣстные продукты и товары и при томъ при выпискѣ на книжку выдавать часть деньгами и часть — провіантнымъ продуктомъ.

„4) Команда проситъ правленіе безъ уважительныхъ причинъ, безъ согласія на то каждаго рабочаго безвременно не увольнять."

Весьма отраднымъ фактомъ представляется это спокойное и достойное отстаиваніе своихъ интересовъ со стороны самыхъ отверженныхъ слоевъ русскаго пролетаріата. Напомнимъ, что это уже второй случай организованной стачки рабочихъ на золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири (первый былъ въ 1900 г.)

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мѣстная соціалдемократическая агитація продолжаетъ развиваться во всѣхъ концахъ Россіи, захватывая новые и новые слои рабочаго класса. Возникаютъ новыя с.-д. группы, проявляющія дѣятельность въ листкахъ, обращенныхъ къ рабочимъ массамъ. Такъ, во время майской агитаціи появилась впервые прокламація къ рабочимъ въ Перми (кстати сказать, опредѣленно-политическаго направленія). Впервые въ этомъ году появились мѣстныя соціалдемократическія прокламаціи въ Воронежѣ, Курскѣ, Пензѣ, Полтавѣ, Кишиневѣ, въ Сибири. Въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣстная группа приняла названіе Комитета Партіи и издала недавно новое воззваніе къ ремесленникамъ. Лѣтомъ издана прокламація отъ имени Костромской с.-д. группы, обращенная ко всѣмъ пострадавшимъ рабочимъ. Въ Ригѣ возникла „русская с.-д. группа", впервые начавшая широкую агитацію среди многочисленныхъ здѣсь русскихъ рабочихъ. Въ прокламаціи, изданной этой группой, русскіе рабочіе призываются къ политической борьбѣ и къ соединенію съ рабочими другихъ національностей, обитающихъ Россію. Саратовская группа выпустила №№ 6 и 7 своей „Рабочей Газеты". Въ Кременчугѣ образовался „Комитетъ партіи", издавшій воззваніе ко всѣмъ мѣстнымъ рабочимъ. Изъ старыхъ особенно правильную агитаціонную дѣятельность ведетъ Кіевскій комитетъ. Какъ можно судить по двумъ десяткамъ листковъ, имѣющимся у насъ и вышедшимъ за пять мѣсяцевъ (іюнь-октябрь), агитація эта распространилась на самыя разнообразныя профессіи. Здѣсь и булочники, и обойщики, и рабочіе спиртоочистительныхъ заводовъ, и кровельщики, и мебельщики, и машиностроительные рабочіе, и портные, и служащіе въ гостинницѣ „Гранд-Отель", къ которымъ Комитетъ выпустилъ прокламацію 18 октября.

Столько же энергична агитаціонная дѣятельность Тифлисскаго комитета, которому приходится вести трудное дѣло агитаціи среди разноплеменнаго рабочаго населенія. Изъ присланнаго намъ комитетомъ сообщенія заимствуемъ слѣдующія данныя о размѣрахъ этой агитаціонной дѣятельности. Съ января по октябрь комитетомъ издано 16 прокламацій въ 19800 экз., изъ нихъ 7 на русскомъ, 8 на грузинскомъ и 1 на армянскомъ языкахъ. Одна изъ послѣднихъ прокламацій комитета обращена къ солдатамъ и издана по поводу маневровъ. Всѣ изданія — печатныя.

Другая прокламація по поводу милитаризма распространена недавно центральнымъ комитетомъ „Бунда" (на еврейскомъ яз.) къ евреямъ-новобранцамъ. Въ Лодзи вышелъ № 1-й еврейской газеты „Колоколъ свободы" (органъ мѣстнаго комитета „Бунда".

Петербургскій комитетъ продолжаетъ изданіе листковъ на политическія темы (о фабричныхъ законахъ, о свободѣ печати и проч.). Въ Одесскомъ комитетѣ партіи произошелъ расколъ: выдѣлилась изъ него „южная революціонная группа соціалдемократовъ", которая особымъ воззваніемъ сообщаетъ о мотивахъ своего рѣшенія работать отдѣльно отъ комитета. На сколько можно судить изъ этого воззванія, которое мы надѣемся помѣстить въ слѣдующемъ №, главной причиной раскола является различное отношеніе къ вопросу о политической борьбѣ: одесскій комитетъ, исходя изъ представленія, что „русскій царизмъ, какъ и всякое правительство, есть не болѣе, какъ равнодѣйствующая силъ, существующихъ въ обществѣ", считаетъ нашъ царизмъ простымъ политическимъ выраженіемъ интересовъ имущихъ классовъ. Напротивъ, новая группа (и мы съ ней въ этомъ вполнѣ согласны) полагаетъ, что царизмъ является врагомъ рабочаго класса не только какъ защитникъ интересовъ буржуазіи, но и какъ режимъ, опирающійся на господство бюрократіи надъ всѣми вообще гражданами. Поэтому, приписываемый новой группой одесскому комитету тотъ взглядъ, что „возможно добиться при абсолютизмѣ расширенія политическихъ правъ рабочихъ", возвращающій насъ къ самому крайнему „экономизму", дѣлаетъ безусловно невозможной совмѣстную работу для тѣхъ, кто считаетъ низверженіе абсолютизма первымъ условіемъ нормальнаго развитія рабочаго класса и сколько-нибудь существеннаго улучшенія положенія пролетаріата. Было бы желательно, чтобы одесскій комитетъ, съ своей стороны, систематически изложилъ свои принципіальные взгляды. Открытая полемика по программнымъ вопросамъ — лучшее средство достиженія прочнаго объединенія, которое должно покоиться на общности программы и тактики.

Въ центральномъ районѣ основанъ „Сѣверно-русскій рабочій союзъ", въ который, какъ мы слышали, вошелъ и Кв.-Вознесенскій комитетъ партіи. Волжскія соц.-дем. группы также объединились въ „Приволжскій с.-д. союзъ".

Въ Сибири образовался „соціалдемократическій союзъ", объявляющій о своемъ возникновеніи особымъ воззваніемъ, напечатаннымъ въ собственной типографіи. Какъ указывается въ воззваніи, въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Сибири возникли организаціи, ставящія себѣ цѣлью революціонную пропаганду среди рабочихъ. Эта пропаганда ведется весьма успѣшно, но разрозненно; задачей сибирскаго союза является объединить усилія отдѣльныхъ мѣстныхъ группъ и расширить рамки ихъ дѣятельности. Въ этихъ видахъ Союзъ, между прочимъ, предполагаетъ издавать періодическій органъ: „Сибирскій рабочій".

Образованіе Сибирскаго союза показываетъ, что и среди дѣятелей еще молодого сибирскаго движенія назрѣла потребность раздвинуть рамки агитаціонно-организаторской дѣятельности за предѣлы мѣстной, „кустарной" работы. Эта потребность, судя по получаемымъ нами свѣдѣніямъ, начинетъ теперь сознаваться въ самыхъ широкихъ кругахъ партіи. Можно только радоваться этому явленію, какъ показателю того, что пѣсенка стараго „экономизма", воспитавшагося на преувеличенномъ почитаніи „мѣстной" дѣятельности, уже спѣта.

Привѣтствуя, поэтому, объединеніе сибирскихъ соц.-д. группъ, мы считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что полезный результатъ этого объединенія могъ бы быть значительно парализованъ стремленіемъ объединившихся группъ обособиться отъ общерусскаго движенія въ какую-то самодовлѣющую силу. Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что въ воззваніи Союза говорится: „Когда въ Россіи окончательно сформируется соц.-дем. партія, Союзъ войдетъ съ ней въ возможно тѣсное соприкосновеніе". Почему же не просто вступить въ нее, какъ одна изъ составныхъ частей? Общеклассовые интересы русскаго и сибирскаго пролетаріата одинаковы; одинаковы и ближайшія политическія задачи того и другого, — мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ особыхъ политическихъ задачъ сибирскаго пролетаріата, да и Союзъ въ своей майской прокламаціи ихъ формулировалъ не иначе, какъ формулируются политическія задачи русскихъ рабочихъ. Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ желаніе Союза сохранить свое отдѣльное существованіе на ряду съ Россійской партіей?

Съ другой стороны, почему Союзъ говоритъ объ „окончательномъ сформированіи" россійской партіи, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ самъ какъ бы не намѣренъ принимать участіе? Общерусская рабочая партія сформируется только въ результатѣ параллельныхъ усилій всѣхъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ организацій, и въ этой общерусской партіи найдутъ себѣ мѣсто и сибирскія группы. И только такая окончательно сформированная общерусская партія позволитъ нашему движенію безповоротно выйти изъ стадіи младенчества и избавитъ его отъ риска промѣнять пережитую уже узость мѣстной обособленности и кустарничества на столь же нежелательную узость обособленности областной.

Съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія мы смотримъ и на новыя попытки основанія новыхъ „областныхъ" органовъ. Какъ показатель недовольства прежнимъ типомъ „мѣстныхъ", по большей части, узко-экономическихъ листковъ и газетъ, эти попытки знаменуютъ ростъ политическаго движенія. Но онѣ рискуютъ задержать дальнѣйшее развитіе движенія на сравнительно низкомъ уровнѣ, если, поглощая главныя силы новыхъ слагающихся организацій, ослабятъ ихъ интересъ къ активному содѣйствію правильной постановкѣ общепартійной политической печати. Послѣдняя можетъ стать тѣмъ, чѣмъ она должна быть — важнымъ средствомъ общеполитической борьбы организованнаго пролетаріата — только въ томъ случаѣ, если въ ея изданіи и распространеніи примутъ участіе соединенныя силы всѣхъ районовъ.

„Группой саратовскихъ рабочихъ" намъ прислано обстоятельное письмо въ отвѣтъ на замѣтку въ № 7 о помѣщенномъ въ мѣстной „Рабочей Газетѣ" заявленіи саратовскихъ рабочихъ. Объясняя, почему саратовскіе рабочіе не хотѣли принять опубликованнаго впослѣдствіи протеста противъ тактики петербургскаго „Союза борьбы", авторы заявленія приводили мотивы, съ которыми мы не могли согласиться и по поводу которыхъ мы выразили свое удивленіе. Въ теперешнемъ своемъ письмѣ саратовцы заявляютъ, что они продолжаютъ считать, что поступили бы „мальчишески", если бы согласились заняться критикой дѣйствій петербургскаго комитета. Въ свою очередь, мы остаемся при своемъ мнѣніи, что эта скромность неумѣстна и вредна. Единой рабочей партіи у насъ не сложится до тѣхъ поръ, пока всѣ группы и кружки не будутъ стремиться принимать активное участіе въ партійной жизни. А въ это участіе входитъ, между прочимъ, и обсужденіе тактическихъ пріемовъ дѣятельности той или другой организаціи.

Далѣе, авторы письма очень обстоятельно сообщаютъ исторію злополучнаго „отвѣта Союзу борьбы". Изъ этого разсказа ясно, что этотъ „отвѣтъ" былъ принятъ всего двумя пятыми участниковъ собранія. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что тѣ, кто опубликовали „отвѣтъ", какъ „мнѣніе саратовскихъ рабочихъ", поступили неправильно. Но столь же неправильно поступили и сами саратовскіе рабочіе, когда заявляли въ „Раб. Газетѣ": „Саратовскіе рабочіе тутъ совершенно не при чемъ. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ отвѣтѣ". Оказалось, что участвовало и подписалось подъ отвѣтомъ меньшинство. Правда, авторы письма далѣе говорятъ, что это меньшинство состояло изъ не вполнѣ сознательныхъ людей, но такъ какъ, по ихъ же словамъ, такой же упрекъ дѣлаетъ имъ противная сторона, то ясно, что мы не можемъ вдаваться въ разборъ этихъ пререканій.

Намъ кажется, что изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать одинъ только выводъ: товарищи, заинтересованные въ огражденіи газеты отъ шаговъ, которые имъ кажутся неправильными, должны были бы своевременно сноситься съ редакціей и сообщать ей тѣ (не для печати предназначенныя) свѣдѣнія, которыя позволили бы намъ судить о дѣлѣ съ бо́льшей освѣдомленностью. Пока этого нѣтъ, мы обязаны считаться съ печатными документами и только съ ними. Надѣемся, что саратовцы признаютъ справедливость нашихъ словъ и что полученное нами письмо послужитъ первымъ шагомъ къ болѣе тѣсному сближенію между нами.

Въ заключеніе письма, „группа" касается еще эпизода съ рабочимъ Трусовымъ, о которомъ у насъ (въ № 7) было сообщено, что онъ выступилъ передъ сѣрыми рабочими въ роли „попа-увѣщевателя". Группа высказываетъ по этому поводу, что нелегальный органъ долженъ сообщать только „безусловно достовѣрные факты, потому что этимъ фактамъ... приходится безусловно вѣрить въ виду невозможности провѣрить ихъ на мѣстѣ". Но если на мѣстѣ нельзя провѣрить факта, то какъ же это сдѣлать намъ? Мы думаемъ, что при условіи нелегальной дѣятельности такихъ средствъ нѣтъ, и отъ насъ можно лишь требовать, чтобы мы щекотливыя извѣстія принимали только отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Такъ было и въ этомъ случаѣ: замѣтку о Трусовѣ прислало то самое лицо, которое насъ связало съ „Рабочей Газетой" и которому вполнѣ довѣряемъ какъ мы, такъ и послѣдняя. Но если бы и при такихъ условіяхъ вышли ошибки, то заинтересованнымъ въ раскрытіи истины остается прислать фактическое опроверженіе. Такого опроверженія авторы письма не даютъ. Заявляя, что „осуждаютъ помѣщеніе въ № 7 „Искры" письма о рабочемъ Трусовѣ", они прибавляютъ: „фактъ этотъ даже здѣсь, на мѣстѣ, недостаточно провѣренъ и изъ имѣющихся на лицо данныхъ можно заключить развѣ только о неопытности Трусова, но нельзя обвинять въ чемъ-либо, противномъ общественной совѣсти. А, между тѣмъ, „Искра", не провѣривъ факта, помѣщаетъ, можно сказать, смертный приговоръ(!) рабочему, зарекомендовавшему себя съ хорошей стороны". Такъ какъ саратовскіе товарищи не поясняютъ, какія изъ сообщенныхъ въ нашей замѣткѣ подробностей фактически невѣрны или сомнительны, то ихъ опроверженіе остается бездоказательнымъ. Поэтому, ихъ „осужденія" мы не можемъ принять ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ нашему корреспонденту.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Существуетъ въ Петербургѣ литераторъ Петръ Эммануиловичъ Панкратьевъ, сотрудникъ „Права", „Сѣв. Курьера", „Петерб. Вѣд.", „Жизни" и другихъ органовъ и бывшій членъ В.-Э. Общ. Оказывается, что, сверхъ того, онъ еще является членомъ... департамента полиціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій перехваченный кое-кѣмъ подлинный документъ:

„Его Высокородію, г. Начальнику отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка.

Агента 1-ой степени Петра Эмануиловича Панкратьева

РАПОРТЪ:

„Симъ честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, что согласно распоряженію Начальника Деп. Полиціи, я прибылъ 10 іюня въ Одессу. П. Панкратьевъ".

Просятъ пропечатать провокатора рабочаго Соркина въ СПБ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Семенова, и его шпіонской дѣятельности обязаны своимъ арестомъ многіе, взятые въ апрѣлѣ. Намъ извѣстно, что Соркинъ сыгралъ роль провокатора еще въ первомъ дѣлѣ „Рабочаго Знамени" лѣтомъ 1898 г. (дѣло Арона Лурье, Ромма и другихъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Южнымъ отдѣломъ „Искры" получено:

За іюль: отъ путешественника 100 р., отъ него же 170 р., отъ инженера 300 руб., изъ Х-ва отъ молодежи 37 руб. 50 коп., отъ читателей 13 руб. 50 к. Всего 621 руб.

За августъ и сентябрь: отъ NN 16 р., отъ марксистки 100 р., отъ профессора 50 р., за З. и С. 15 р., отъ сочувствующей 5 р. 50 к., отъ читательницы 3 р., за чтеніе черезъ В. 6 р. 75 к., отъ читателей изъ Х. 20 р., изъ Кіева за литературу 10 р., отъ доктора 5 р., собрано 6 р. 50 к., отъ С. за „Искру" 5 р. Всего 242 р. 75 к.

Кіевскимъ представителемъ получено: изъ СПБ. 50 р., кредитный билетъ сер. АВ № 39315 и 10 р., отъ Кіевскаго Комитета на изд. „Искры" 50 р. и за литературу 135 р.; собранные „геніемъ Дегерра" 100 р., за чтеніе 5 р. Всего 350 р.

Л. Л. получено: изъ А. 240 р., изъ Волжской столицы 90 р., всего 330 р.

Московскимъ представителемъ получено: отъ „Провинціалки" 30 р.

Черезъ Кольцова получено: 10 фр. отъ Гамма, 15 фр. собранныхъ имъ же, 5 фр. 75 с. за литературу, 330 фр. переданы револ. организаціей „Соціалдемократъ". — Изъ С. получено 38 р., оттуда же 50 р., отъ скептика получено 37 р. 50 к., изъ Сибири 144 р., остатокъ отъ мартовскихъ сборовъ; изъ Ф. 100 мар.; черезъ редакцію „Зари": изъ О. 25 р., отъ „Харьковца" 93 руб.

Черезъ Г. Плеханова 292 фр.

Черезъ Б—скую группу поступило: отъ Злаго 11 р. 82 к., отъ студента Востока 20 р., изъ тайги 28 р., съ вечеринки и сбора гимназистки 21 р. 18 к. Всего 82 р. Кромѣ того, поступило на покупку библіотеки 30 р., 20 р. и 15 р. Итого 65 р. За литературу (прод. въ Томскѣ, кромѣ сбора) 9 р. 50 к.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 12 6-го ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА. № 12

ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

И вотъ на площади соборной
Въ столицѣ русскаго царя
„Земли и Воли“ флагъ народный
Вавился шестого декабря,

Изъ революціонной пѣсни того времени „Красное Знамя“.

6-го декабря минетъ 25 лѣтъ со времени первой соціально-революціонной демонстраціи въ Россіи — демонстраціи на Казанской площади въ Петербургѣ 6 декабря 1876 г. Первая попытка открытаго народнаго протеста разыгралась на той площади, которая до сихъ поръ служитъ какъ бы общепризнаннымъ революціоннымъ сборнымъ пунктомъ столицы.

Казанская демонстрація 1876 г. произошла въ моментъ перелома въ направленіи дѣятельности революціонеровъ того времени. Въ 1874 г. разгромлены были пропагандисты, ушедшіе „въ народъ“, въ деревню, чтобы поднимать крестьянство. Тысячи людей заполнили тюрьмы и казематы, и въ ожиданіи грандіознаго процесса 193-хъ (1877-1878 гг.) происходили одинъ за другимъ процессы пропагандистовъ отдѣльныхъ кружковъ. Массовое движеніе революціонеровъ въ деревню было подорвано въ корнѣ; если еще то тамъ, то сямъ устраивались „поселенія“ революціонеровъ и велась болѣе или менѣе успѣшная пропаганда, то, во всякомъ случаѣ, прежняго беззавѣтнаго увлеченія этимъ движеніемъ въ массѣ революціонеровъ уже не было. Остатки разбитыхъ кружковъ собрались въ крупныхъ городскихъ центрахъ, въ той лабораторіи, гдѣ непрерывно продолжался процессъ воспитанія новыхъ и новыхъ революціонеровъ. Политическое недовольство толкало въ ряды революціонной партіи лучшіе элементы учащейся молодежи, а рядомъ съ ней уже формировались отряды привлеченныхъ пропагандой рабочихъ. Оправившись отъ понесенныхъ жестокихъ ударовъ, революціонеры, обогащенные опытомъ послѣднихъ лѣтъ, снова организовались, готовясь къ новому походу. Только теперь сила событій — вопреки теоріи — перемѣстила главное мѣсто войны изъ деревни въ городъ. И въ городѣ же разыгралась первая попытка примѣненія новой „бунтарской“ тактики, разсчитанной на революціонное воспитаніе народныхъ массъ при помощи всякаго рода открытыхъ протестовъ.

Зимой 1876 г. петербургскіе рабочіе кружки захотѣли выйти изъ тѣсныхъ рамокъ подпольной кружковщины и тѣмъ сообщить сильный толчокъ дальнѣйшему развитію соціалистическаго дѣла. Интеллигенты-бунтари сильно упирались, не желая растрачивать свои силы на работу въ городѣ: по ихъ тогдашнимъ взглядамъ „бунтарское“ дѣло должно было начаться въ деревнѣ. Но рабочіе настояли на своемъ, и было рѣшено устроить демонстрацію на площади передъ Казанскимъ соборомъ во имя „Земли и Воли“.

Демонстрація вышла менѣе внушительной, чѣмъ предполагали ея устроители. Рабочіе явились, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на то разсчитывали. Явилась и учащаяся молодежь. Однимъ изъ „бунтарей“, Г. В. Плехановымъ, была произнесена рѣчь, было развернуто красное знамя... Послѣ этого произошло нападеніе полиціи на безоружную толпу, жестокая схватка и множество арестовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ процессъ. На первую революціонную демонстрацію правительство отвѣтило суровымъ, до тѣхъ поръ небывалымъ приговоромъ. Пятеро изъ демонстрантовъ — Гервасій, Боголюбовъ, Бочаровъ, Чернявскій и Бибергаль — были приговорены къ каторжнымъ работамъ (на 15 лѣтъ!), десять другихъ — на поселеніе въ Сибирь.

За Казанской демонстраціей послѣдовало еще нѣсколько открытыхъ протестовъ. Демонстраціи устраивала, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, но и рабочіе принимали въ нихъ участіе.

Но революціонное движеніе не удержалось на пути открытыхъ массовыхъ протестовъ. Революціонныя силы были еще слишкомъ незначительны, чтобы заставить правительство отказаться отъ всѣхъ тѣхъ средствъ подавленія „бунтовъ“, которыми оно владѣетъ. Драконовскіе приговоры противъ революціонеровъ и пассивное отношеніе широкихъ народныхъ слоевъ къ открытымъ протестамъ заставили тогдашнихъ революціонеровъ отказаться отъ этого пути. Революціонная борьба пала всецѣло на плечи организованнаго передового отряда движенія, и эта борьба была поведена самыми отчаянными средствами. Настала пора террора, истощившаго въ неравной борьбѣ организованныя революціонныя силы. А на смѣну ей пришла пора полнаго затишья.

Вмѣстѣ съ новымъ широкимъ размахомъ революціоннаго движенія недовольные общественные элементы вновь почувствовали потребность вылить свой протестъ въ формѣ уличной демонстраціи. Не прошло и года послѣ знаменитой петербургской стачки, какъ 4 марта 1897 г. Казанская площадь снова увидѣла демонстрантовъ, протестовавшихъ противъ правительственнаго произвола, замучившаго въ тюрьмѣ Марію Вѣтрову.

Демонстрація эта, произведшая громадное впечатлѣніе повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенціей. Рабочія организаціи считали себя еще слишкомъ слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочія массы. Но что послѣднія не отнеслись равнодушно къ протесту учащейся молодежи, — это видно изъ того, напр., факта, что въ Кіевѣ власти приняли рядъ энергическихъ мѣръ, чтобы помѣшать рабочимъ идти на подобную же демонстрацію, устроенную мѣстными студентами вслѣдъ за петербургскими.

Студенты и студентки, участвовавшія въ „Вѣтровской“ демонстраціи, пострадали очень легко. Правительство Николая II еще не сочло возможнымъ бросить вызовъ солидному „обществу“, стоявшему рѣшительно на сторонѣ протестовавшихъ. Съ тѣмъ большей поспѣшностью оно бросилось наказывать невольную попустительницу столькихъ „безпорядковъ“ — соборную площадь. Градоначальникъ внесъ въ думу „предложеніе“ (читай — приказъ) разбить на революціонной площади садъ, который, правда, долженъ былъ исказить своеобразную красоту этой площади (самодержавію не нужны широкія перспективы!), но за то, предполагалось, насажденныя мощной рукой помпадура Клейгельса деревья затруднятъ движеніе будущихъ демонстрантовъ.

Но — гнилыя деревья реакціи ростутъ медленнѣе, чѣмъ молодые побѣги революціоннаго движенія. Прошло ровно четыре года, и 4-го марта 1901 г. многія тысячи демонстрантовъ явились на Казанскую площадь протестовать передъ заранѣе собраннымъ царевымъ воинствомъ противъ новаго проявленія произвола. И въ этотъ разъ главную массу демонстрантовъ составляла интеллигенція, среди которой терялись кучки рабочихъ. Но уже за этимъ протестомъ „общества“ явственно слышался шумъ приближающихся „рабочихъ батальоновъ“, и въ то время, какъ на Казанской площади готовилась Клейгельсомъ бойня, на окраинахъ города принимались „предупредительныя мѣры“ противъ могущихъ явиться пролетаріевъ.

На этотъ разъ Казанская площадь увидѣла ужасное побоище. Расправа 4-го марта превзошла по своей хладнокровной жестокости и гнусности все доселѣ проявленное царскими башибузуками. И точно также небывалой по количеству жертвъ была послѣдовавшая затѣмъ кара, постигшая — въ видѣ высылки или ареста — сотни людей. — Интересная подробность: въ числѣ высланныхъ за демонстрацію учащихся находилась курсистка Бибергаль, дочь того самаго Бибергаля, который 25 лѣтъ тому назадъ былъ высланъ на каторгу за участіе въ Казанской демонстраціи 6-го декабря. Такъ, второе поколѣніе протестующихъ проходитъ уже мимо могучихъ колоннъ Казанскаго собора... Суждено-ли этому поколѣнію сдѣлать то, чего не могли сдѣлать его отцы?

Демонстрація 4-го марта, благодаря стараніямъ башибузуковъ Клейгельса, вызвала новый рядъ протестовъ по всей Россіи. Эта волна разлилась по всей странѣ вплоть до Сибири и Кавказа, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ наполняла революціоннымъ шумомъ ея сонную жизнь. Прошло два мѣсяца, и по улицамъ Петербурга и Тифлиса рабочіе показали Россіи, какъ они умѣютъ умирать за свободу.

Предстоитъ-ли нынѣшнему демонстраціонному движенію истощить свои силы такъ, какъ это было 25 лѣтъ тому назадъ и уступить мѣсто единоличной борьбѣ организованныхъ революціонеровъ? Мы увѣрены, что нѣтъ. Мы увѣрены, что тысячи передовыхъ рабочихъ и студенческой молодежи поддержатъ это движеніе и съумѣютъ не дать ему угаснуть до тѣхъ поръ, пока его подхватятъ десятки и сотни тысячъ. А втянувъ въ себя народныя массы, это движеніе станетъ непобѣдимымъ, оно станетъ непосредственнымъ прологомъ революціи.

„Земля и Воля“ — писали на своемъ знамени демонстранты 6-го декабря 1876 г. При всей туманности этого девиза на него откликнулись и революціонная молодежь, и сознательные рабочіе: революціонное чувство недовольства побуждало протестовать независимо отъ того, насколько выставленный девизъ выражалъ положительныя стремленія пролетаріата.

„Долой временныя правила!“ — таковъ былъ девизъ демонстраціи 4-го марта 1901 г. Мѣсто широкой, но нѣсколько туманной формулы 70-хъ годовъ заняло узкое, „практическое“ требованіе, которая столь же мало, какъ и былая туманная формула, могло выразить дѣйствительныя стремленія всѣхъ протестующихъ и тѣхъ, кто готовится ихъ поддержать.

Русскимъ соціалдемократамъ предстоитъ теперь усиленно работать надъ тѣмъ, чтобы начавшееся вновь демонстраціонное движеніе принимало все болѣе массовый, народный характеръ. Но роль наша не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы „втянуть“ рабочую массу въ противуправительственное движеніе, начатое тѣми или другими угнетенными царизмомъ группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сдѣлали не болѣе того, что дѣлали при подобныхъ условіяхъ въ З. Европѣ буржуазно-демократическія партіи. Намъ предстоитъ сдѣлать нѣчто гораздо большее. Рабочія массы должны не только придать демонстраціямъ физическую силу численности и нравственную силу народности, — нѣтъ, онѣ должны усилить революціонный характеръ самого движенія, должны положительно выразить въ немъ политическую программу и соціальные интересы своего класса. Поверхъ частныхъ поводовъ протеста противъ самодержавнаго произвола онѣ могутъ и должны поставить общій лозунгъ борьбы за низверженіе самодержавія и за установленіе демократіи. И если рабочія массы подъ руководствомъ организованной пролетарской партіи выставятъ этотъ боевой лозунгъ, онъ удесятеритъ революціонную силу движенія; и въ то же время онѣ, ставъ общепризнаннымъ революціоннымъ авангардомъ, достигнутъ того, что въ моментъ окончательной развязки общенародной борьбы съ самодержавіемъ, окажутся дѣйствительной политической силой, способной сознательно отстаивать свои классовые интересы противъ кого бы то ни было.

„Земля и Воля“ было написано на знамени соціалистовъ-интеллигентовъ 70-хъ годовъ. „Политическая свобода для борьбы за соціализмъ“ — подъ этимъ знаменемъ рабочіе займутъ окончательно свое мѣсто въ общедемократической борьбѣ съ царизмомъ.

Эта задача будетъ выполнена лишь въ томъ случаѣ, если русская соціалдемократія станетъ дѣйствительно организованной боевой политической партіей.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Безгрѣшные доходы нашихъ министровъ. Намъ сообщаютъ изъ Москвы: Правленіе О-ва Московско-Кіево-Воронежской ж. д., предсѣдателемъ которой состоитъ г. Коковцевъ, сдѣлало заказъ на доставку для дороги 50 мил. пуд. каменнаго угля организующемуся обществу разработки каменноугольныхъ копей, однимъ изъ устроителей и главныхъ пайщиковъ котораго является другой г. Коковцевъ, товарищъ министра финансовъ и братъ предсѣдателя правленія названной дороги. Заказъ долженъ быть выполненъ въ теченіе 8 лѣтъ по цѣнѣ $6^3/_4$ коп. за пудъ (рыночная цѣна угля въ настоящее время $6^1/_2$ коп. пудъ). Такъ какъ образующемуся обществу требуются, надо полагать, не малыя деньги для того, чтобы приступить къ будущимъ операціямъ по добыванію угля, то правленіе дороги любезно выдало обществу копей (товарищу министра финансовъ г. Коковцеву?) авансъ въ размѣрѣ 500 тыс. руб. Такимъ образомъ, несмотря на то, что уголь на рынкѣ стоитъ $6^1/_2$ коп., г. Коковцевъ-предсѣдатель даетъ г. Коковцеву-товарищу министра по $6^3/_4$ коп. (на 50 мил. пудовъ разница составитъ, если не считать %% на авансъ, 125 тыс. руб.). Далѣе, — не смотря на то, что у О-ва М. К. В. ж. д. нѣтъ денегъ, и для обновленія и пополненія подвижного состава (плохихъ паровозовъ своихъ и проч.) дорога вынуждена была прибѣгнуть къ облигаціонному займу, — г. Коковцевъ даетъ г. Коковцеву кругленькій авансъ въ полмилліона рублей.

Не знаемъ, выгодна-ли будетъ эта сдѣлка акціонерамъ дороги, братцы же во всякомъ случаѣ врядъ-ли останутся въ накладѣ. Ну, а что же министерство финансовъ? Министерство финансовъ (гг. Витте и Коковцевъ) сдѣлку (продѣлку гг. Коковцевыхъ?) разрѣшило.

Еще о деревенскихъ прокламаціяхъ. Въ одномъ изъ селъ —скаго уѣзда бѣднымъ и неграмотнымъ крестьяниномъ было получено письмо. За прочтеніемъ письма крестьянинъ обратился къ учителю. „Прочитайте, сдѣлайте милость. Въ первый разъ въ жизни получилъ — откуда и отъ кого придумать не могу“. Письмо было прочитано учителемъ, и содержаніе его произвело на чтеца и слушателя столь сильное впечатлѣніе, что съ общаго согласія было рѣшено отправиться къ о. дьякону и у него еще разъ прочитать диковинное посланіе.

Къ о. дьякону гости попали весьма кстати: по какому-то дѣлу у него оказалось чел. десять мужиковъ.

Посланіе было громогласно прочитано о. дьякономъ и, разумѣется, произвело сенсацію, впрочемъ, далеко не одинаковаго характера. Дьяконъ съ письмомъ отправился къ попу, крестьяне же разбрелись по селу, каждый по своему уразумѣвъ письмо „отъ добрыхъ людей“. Въ результатѣ — попъ отправилъ письмо къ властямъ „въ губернію“, мужички же стали толковать, что „царь отъ податей ослобоняетъ“. Когда поступокъ священника сдѣлался извѣстенъ на деревнѣ, къ сказанной фразѣ стали прибавлять: „царь не велѣлъ, а попы съ господами скрываютъ: коли бъ не добрые люди, и по сейчасъ бы платили“. Въ этой мысли человѣкъ десять такъ укрѣпились, что простодушные люди и становому заявили: „свобода отъ податей вышла — по доброй волѣ платить не станемъ. Ото царя приказъ вышелъ!“ Разслѣдовать смуту умовъ были командированы жандармы. Произвели, какъ водится, обыскъ у учителя, но ничего предосудительнаго не нашли. Тѣмъ не менѣе, въ предотвращеніе развитія заразы, въ селѣ оставленъ представитель царской власти — жандармъ, который и по сей день проживаетъ въ „зараженномъ“ селеніи.

Начальникомъ —ской губерніи данъ по полиціи приказъ слѣдующаго содержанія: „Строго предписываю волостнымъ и сельскимъ властямъ при полученіи противозаконныхъ сочиненій, не читая ихъ, не медля доставлять оныя мѣстному начальству. При этомъ ставится на видъ то, что до сихъ поръ означенныя власти не только сами читали противозаконныя воззванія злонамѣренныхъ лицъ, но созывали цѣлые сходы, на которыхъ разбиралось, довести-ли о нихъ начальству или же нѣтъ“.

Еще циркуляръ о борьбѣ съ крамолой. Мин. Вн. Дѣлъ разосланъ нижеслѣдующій конфиденціальный циркуляръ (за точность передачи содержанія и отдѣльныхъ выраженій ручаемся; точной же копіи достать, къ сожалѣнію не удалось).

Нѣкоторыя злонамѣренныя лица, получивъ заграничные виды на жительство, успѣваютъ нѣсколько разъ побывать заграницей, вернуться въ Россію, привезти съ собой противозаконныя воззванія и брошюры и распространить таковыя, причемъ о выдачѣ означенныхъ видовъ Департ. полиціи узнаетъ только черезъ девять мѣсяцевъ.

Въ виду изложеннаго предлагается Вашему Превосходительству съ особой осторожностью и вниманіемъ относиться къ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ и своевременно увѣдомлять отомъ Деп. полиціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ Департаментъ не въ состояніи принять необходимыхъ мѣръ для борьбы съ преступной дѣятельностью означенныхъ лицъ.

Одесса. Въ изданномъ одесскимъ комитетомъ партіи воззваніи сообщается слѣдующій фактъ:

„Въ субботу 20-го октября на Розумовской улицѣ состоялось сіонистское собраніе для избранія делегатовъ на конгрессъ сіонистовъ. Дѣло самое невинное, къ потрясенію основъ никакого касательства не имѣющее. Но не такъ показалось царской полиціи, у которой отъ страха глаза велики. Пронюхавъ про собраніе, полиція направилась туда. Пом. пристава Соколовъ приказалъ всѣмъ сѣсть и пригрозилъ въ случаѣ сопротивленія призвать казаковъ. Затѣмъ присутствовавшихъ переписали и въ ожиданіи высшаго начальства продержали до 4 час. утра, когда пріѣхали Чебановъ и Головинъ. Послѣ насмѣшекъ и издѣвательства надъ собравшимися ихъ начали выпускать по одиночкѣ изъ залы. Но при выходѣ ихъ встрѣчали городовые и надзиратели, которые обрушивались на ничего не подозрѣвавшихъ людей съ кулаками и шашками и нещадно били ихъ, не щадя ни пола, ни возраста. Это возмутительное проявленіе безшабашнаго самоуправства полиціи должно вызвать чувство негодованія во всѣхъ, кто еще способенъ возмущаться надругательствомъ надъ человѣческой личностью“. Обращаясь ко всѣмъ, терпящимъ отъ правительственнаго произвола, комитетъ приглашаетъ ихъ присоединиться къ борьбѣ за политическую свободу.

Происшествія, подобныя описаннымъ въ прокламаціи, неизбѣжны въ странѣ, гдѣ законъ не ограждаетъ правъ личности. Но если они неизбѣжны, то было бы желательно, чтобы они дѣйствовали просвѣщающимъ образомъ на тѣхъ, кто, какъ гг. сіонисты, воображаютъ, будто бы внѣ политической борьбы можно разрѣшить какой-нибудь (въ данномъ случаѣ еврейскій) общественный вопросъ. Отвлекая еврейскую интеллигенцію и еврейскую рабочую массу отъ борьбы вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ за свободу, сіонисты играютъ въ руку тому политическому режиму, который въ періодическихъ припадкахъ самодурскаго бѣшенства подвергаетъ дикому насилію самыхъ мирныхъ обывателей.

Изъ Ярославля пишутъ: Положеніе Ярославля довольно выгодное вслѣдствіе близости его къ обѣимъ столицамъ. Каза-

лось бы, эта близость должна отзываться на культурномъ состояніи города. На дѣлѣ этого нѣтъ. Мы всѣмъ богаты: богаты торговыми рядами, богаты церквами, различными обществами велосипедистовъ, вольной пожарной дружиной и проч., но умственной культурной жизни нѣтъ. Благодаря отсутствію умственной жизни, извѣстныхъ культурныхъ традицій, у насъ могутъ происходить грустныя вещи. Въ ред. „Сѣвернаго Края“, газеты очень почтенной, возлѣ которой группируется вся соль г. Ярославля, служитъ нѣкто Леоновъ, исторія котораго слѣдующая. Леоновъ — бывшій студентъ Петербургскаго университета, привлекавшійся въ 1898 г. по дѣлу соц.-революціонеровъ, сдѣлалъ полное признаніе и выдалъ своихъ товарищей по дѣлу. Одна колонія ссыльныхъ, гдѣ ему пришлось жить до рѣшенія дѣла, порвала съ нимъ товарищескія сношенія. Вотъ исторія этого господина. И что же мы видимъ! Несмотря на то, что исторія извѣстна всѣмъ, съ нимъ водятъ знакомство, сживаются и т. д. Эта нравственная притупленность, нравственный индиферентизмъ все болѣе и болѣе распространяется среди либеральнаго общества. „Моя хата съ краю“, хотя бы эта хата стояла на навозѣ! Заключеніе въ свою „ячейку“, въ свое дѣло (статистика, земская служба), боязнь высовывать носъ на общественную улицу, хотя бы пришлось жить и работать со всякимъ сбродомъ, настолько въѣлись въ плоть и кровь русскаго либерала, что можно считать это явленіе хроническимъ и безнадежнымъ въ смыслѣ исцѣленія. Въ Ярославлѣ Леоновъ служитъ въ редакціи и принимаетъ участіе въ ярославскомъ обществѣ распространенія народнаго образованія, этомъ дѣтищѣ мѣстной либеральной публики. А въ Перми не менѣе конфортабельно устроился еще болѣе вредный человѣкъ — Рума. Какъ извѣстно, Рума былъ провокаторомъ по дѣламъ 1896-97-1900 гг. (московскимъ). Когда часть пермской радикальной публики подняла свой голосъ противъ Рума, либеральная публика взяла его подъ свою защиту. Товарищи, мы должны горячо возставать противъ такого индиферентизма, который терпитъ въ своей средѣ такихъ негодяевъ! Не такъ ведетъ себя народъ, тотъ „мужичекъ“, который такъ дорогъ либералу. Онъ прямо говоритъ мерзавцу, что онъ мерзавецъ. Такъ Ѳедору Дорофееву, предателю по дѣлу Носкова въ 1898 г. и по послѣднему ярославскому дѣлу 1901 г. — который уже снова работаетъ на одной изъ ярославскихъ фабрикъ, рабочіе въ глаза говорятъ, что онъ шпіонъ и не здороваются съ нимъ. Пора бы нашимъ либераламъ поближе присмотрѣться къ ихъ „идеалу“ — народу и кой-чему у него научиться.

Екатеринославъ. Врядъ-ли кто-либо изъ „просвѣщенныхъ“ администраторовъ, которыми правительство отъ времени до времени осчастливливаетъ и нашъ городъ, былъ предметомъ такихъ разнузданныхъ прощальныхъ овацій со стороны „общества“, какъ князь Святополкъ-Мирскій, когда его изъ узкой сферы губернаторскаго воздѣйствія призвали на широкое поле дѣятельности всероссійскаго шефа жандармовъ. Путь отъ губернаторскаго дома до клуба, гдѣ отъѣзжающему былъ данъ прощальный обѣдъ, украшенъ былъ массой арокъ съ разноцвѣтными плошками, которыя должны были освѣщать, иллюминовать и, конечно, опозорить всѣхъ тѣхъ, которые послѣ торжественныхъ застольныхъ рѣчей торжественно проводятъ новаго жандарма домой. Отъ избытка чувствъ наши отцы города и избранные представители мѣстнаго общества пришли въ совершенное неистовство, а ихъ и безъ того не сильные умы до того омрачились, что въ своемъ позорномъ адресѣ они пожелали даже новому шефу жандармовъ всякихъ успѣховъ на его новомъ посту. И лишь послѣ того, какъ улегся этотъ избытокъ чувствъ, дипломированный представитель общества, хлопнувъ себя по мѣдному лбу, сообразилъ, что вѣдь пожелать шефу жандармовъ всякихъ успѣховъ — значитъ пожелать нагайкѣ побольше спинъ. Этимъ, конечно, не кончилось дѣло, и позоръ довершенъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что шефу жандармовъ поднесенъ былъ адресъ и отъ мѣстной коммиссіи народныхъ чтеній, подъ каковымъ адресомъ подписался весь распорядительный комитетъ коммиссіи, въ полномъ его составѣ.

Тотъ, въ комъ еще циркулируетъ хоть одна капля благородной крови, пойметъ, что всякіе комментаріи тутъ совершенно излишни. Гораздо важнѣе уяснить себѣ причины этой позорной эпопеи, и здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ курсомъ, который взялъ въ послѣднее время нашъ судорожно приспособляющійся абсолютизмъ. Курсъ этотъ можно кратко охарактеризовать въ двухъ-трехъ словахъ: не препятствовать и даже поощрять въ культурныхъ промышленныхъ центрахъ общественную иниціативу на почвѣ просвѣтительной дѣятельности (конечно, въ предписанныхъ цензурой и городовымъ предѣлахъ), объявивъ въ то же время эти самые центры внѣ закона, даже закона россійскаго. Для культурнаго обывателя получается, такимъ образомъ иллюзія самодѣятельности на почвѣ просвѣщенія рабочаго люда, — иллюзія, которая, конечно, на каждомъ шагу разбивается о нагайку сбировъ, призванныхъ безконтрольно и безотвѣтственно охранять царство временныхъ правилъ и усиленной охраны, гдѣ первый встрѣчный бандитъ въ полицейскомъ мундирѣ значитъ больше, чѣмъ десятки лучшихъ сыновъ Россіи.

Какъ только нашъ городъ сдѣлался однимъ изъ центровъ рабочаго движенія въ Россіи, какъ только движеніе это приняло характеръ вполнѣ сознательнаго политическаго движенія, — на сцену рѣзко выступилъ новый курсъ и далъ здѣсь свою иллюстрацію, настолько характерную, что она могла бы послужить прекраснымъ матеріаломъ для картины переживаемаго нами момента.

Святополкъ-Мирскій, дѣйствительно, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, не только не препятствовалъ, но даже всячески поощрялъ мѣстное общество въ его стремленіяхъ къ культурной дѣятельности. Когда нѣкая г-жа Журавская задумала учредить вечерніе классы для взрослыхъ рабочихъ, онъ всячески покровительствовалъ ей. Ласково принималъ какъ ее самое, такъ и ея сотрудниковъ, и даже обѣщалъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ устройства народнаго дома, который одно время всецѣло овладѣлъ умами нашихъ культурниковъ. Мало того. Онъ лично посѣщалъ народные балы, т. е. два-три вокально-музыкально-инструментальные вечера, устроенные той же г-жей Журавской для рабочихъ, ремесленниковъ и домашней прислуги. Здѣсь онъ въ антрактѣ появлялся на эстрадѣ, благодарилъ исполнителей-рабочихъ и въ дружеской любезной бесѣдѣ съ Журавской и ея кружкомъ изложилъ свои положенія и виды на будущее. Правда, едва только лекторы вечернихъ классовъ попытались выйти за предѣлы грамоты, рисованія, Закона Божьяго и другой незатѣйливой культуры, на мѣсто происшествія прискакалъ лекторъ отъ полиціи и жандармскаго управленія и прочелъ лекцію о томъ, что́ собственно должно понимать подъ словомъ просвѣщеніе „съ точки зрѣнія видовъ правительства“. Но этотъ непріятный инцидентъ какимъ-то образомъ растворился въ розовомъ маслѣ диктатуры сердца, какъ растворилась и вся оборотная сторона этой диктатуры, завершившаяся, какъ извѣстно, Маріупольской кровавой баней, которую будущій шефъ жандармовъ задалъ рабочимъ, при первой же серьезной попыткѣ отстоять свои самые примитивные матеріальные интересы, свои самыя примитивныя права личности.

А на этой оборотной сторонѣ выгравирована фигура Делло, жандармскаго полковника изъ кантонистовъ, представляющаго собою удивительную смѣсь старческой болтливости, глупости, невѣжества, непроходимаго безсердечія и заплечныхъ дѣлъ мастерства. Первыя три качества служатъ для общества матеріаломъ увеселительныхъ анекдотовъ, а его безсердечіе и заплечныхъ дѣлъ мастерство до того терроризовали и деморализовали то же общество, что его обычная гражданская трусость и животный страхъ за свою шкуру выродилось въ ежечасную и ежеминутную панику. До момента всемилостивѣйшаго призванія Святополка-Мирскаго на его нынѣшній постъ, это общество серьезно было убѣждено, что положеніе послѣдняго крайне шатко, такъ какъ, молъ, старый кантонистъ осаждаетъ высшія сферы доносами на его неблагонадежное послабленіе и благоволеніе къ „революціонной“ коммиссіи народныхъ чтеній. Понятно, что когда Свят.-Мирскій получилъ постъ шефа жандармовъ, то всѣ облегченно вздохнули: теперь ужъ старикъ получитъ отставку и наступитъ конецъ террору. И Делло, дѣйствительно, получилъ... генерала.

Методъ Делло столь же простъ, сколь просты пріемы управленія безправной страной. Въ ночь съ 14 на 15 апрѣля 1900 г. онъ въ погонѣ за типографіей „Южнаго Рабочаго“ устроилъ настоящую облаву въ Екатеринославѣ, Кременчугѣ и Полтавѣ, при этомъ не пощадилъ ни пола, ни возраста, ни болѣзни, ни беременности, ни даже относительно высокаго общественнаго положенія. Во многихъ случаяхъ жандармы даже не знали фамиліи лицъ, у которыхъ они дѣлаютъ обыскъ и которыхъ даже арестуютъ, какъ это было, напр., при арестѣ помощника прис. пов. Чуйкова. Не знали они также фамиліи одного изъ служащихъ въ матеріальной службѣ Екатеринославской жел. дор., который никогда, кромѣ трепета передъ начальствомъ, ничего не испытывалъ, а между тѣмъ здѣсь разыгралась слѣдующая сцена: ворвавшись ночью въ его квартиру, они застали тамъ обезумѣвшую отъ страха беременную жену его и мальчика лѣтъ шести, которымъ не дали даже одѣться. На грозный вопросъ ротмистра, гдѣ ея мужъ, она едва въ состояніи была пролепетать, что онъ уѣхалъ на линію и вернется съ девятичасовымъ поѣздомъ. Тогда, перерывъ все вверхъ дномъ и, конечно, ничего не найдя, они объявили ее подъ домашнимъ арестомъ до пріѣзда мужа и отправились продолжать свою работу, приставивъ къ квартирѣ городового. Часа черезъ два, когда она уже успѣла уснуть послѣ испытаннаго страха, опять раздается громовый стукъ въ двери: явился жандармскій унтеръ-офицеръ, при видѣ котораго несчастная женщина упала въ обморокъ. Долго, вкупѣ съ приставленнымъ городовымъ, этотъ новый посланецъ Делло возился съ ней, пока привелъ ее въ чувство, и тогда дѣло разъяснилось: ротмистръ забылъ заставить ее расписаться на протоколѣ обыска. Ну, какже! Вѣдь мы живемъ въ странѣ, во всемъ управляемой благодѣтельными законами, какъ съ циничной ироніей просвѣщаетъ г. Витте г. Горемыкина!

Нужно-ли прибавить, что когда на другой день мужъ этой облагодѣтельствованной закономъ женщины явился въ жандармское правленіе, то Делло, даже не глядя на него, съ эпическимъ спокойствіемъ заявилъ: „насъ мало, васъ цѣлая пропасть... дѣло наше большое, и недоразумѣнія неизбѣжны“. Буквально той же фразой онъ отдѣлался тутъ же и отъ прис. пов. Лаврова, который своимъ трусливымъ запросомъ объ обыскѣ, вѣроятно, хотѣлъ просто напросто реабилитировать себя.

Такъ какъ при такой грандіозной облавѣ не хватило даже околодочныхъ надзирателей, то въ дѣло пущены были жандармскіе „ундерцеры“, которые при просвѣщенномъ содѣйствіи прикомандированныхъ къ нимъ городовыхъ самостоятельно производили обыски. Одинъ изъ такихъ „ундерцеровъ“ съ двумя городовыми и былъ отряженъ произвести обыскъ у массажистки Скудиной-Энгель. Послѣ перваго же удара въ дверь она проснулась, какъ проснулась и ея четырехлѣтняя дѣвочка, поднявшая неистовый плачъ. Не успѣла она накинуть на себя и нижнюю юбку, какъ раздался второй громовый ударъ и угроза: „двери выломаемъ“. Пришлось выбѣжать въ одной сорочкѣ, въ каковой она вынуждена была пробыть во все время обыска, такъ какъ ей приказали не шевелиться (таковы, конечно, были инструкціи Делло). А каковъ былъ этотъ обыскъ, видно изъ того, что даже пришитое къ новой кофточкѣ клеймо съ оттиснутымъ тамъ „Екатеринославъ. Магазинъ Рашинскаго“ было отпито и приложено ко всему прочему, что имѣлось въ комнатѣ печатнаго или писаннаго.

На слѣдующій день, час. въ 10 утра, въ губернскую земскую больницу является одинъ изъ бравыхъ ротмистровъ Делло съ требованіемъ указать ему палату, гдѣ находится больной рабочій такой-то. Послѣднему наканунѣ ампутировали большой палецъ на правой ногѣ, и ему даже еще не успѣли сдѣлать временныхъ костылей. Обыскали его лично, обыскали его вещи въ цейхгаузѣ, не нашли ничего, но тѣмъ не менѣе его положили на носилки и повезли въ тюрьму. Къ стыду и позору русскаго общества, ни смотритель больницы Щетинскій, ни главный врачъ Бутаковъ, ни хирургъ Веберъ ни однимъ словомъ не протестовали противъ этого разбоя.

На протяженіи полутора мѣсяцевъ Екатеринославъ пережилъ три такія облавы, и трудно было бы отдать какой-нибудь изъ нихъ первенство въ смыслѣ проявленія жандармами безпардонности. Делло не стѣсняется прибѣгать и къ ударамъ изъ-за угла. Такъ, напр., встрѣтившись съ однимъ изъ учредителей мѣстной зубоврачебной школы, Львовымъ, онъ, словно невзначай, сообщаетъ ему, что мужъ одной изъ ученицъ школы, г-жи Волошкевичъ, арестованъ. Понятно, что отнюдь не нужно быть такимъ жалкимъ трусомъ, какимъ является затерроризованный екатеринославскій обыватель, чтобы понять это сообщеніе Делло въ смыслѣ приказанія удалить г-жу Волошкевичъ, что́ и было сдѣлано на другой же день.

Мы ограничивались только вполнѣ провѣренными фактами, но изъ нихъ мы не привели и десятой доли. Замѣтимъ въ заключеніе, что „курсъ“, господствовавшій при „диктатурѣ сердца“ г. Святополкъ-Мирскаго, не измѣнился и при г. Келлерѣ, который, въ свою очередь, тоже покровительствуетъ просвѣтительной дѣятельности, по скольку она не выходитъ за предѣлы терпимаго нашимъ абсолютизмомъ культуртрегерства. Напримѣръ. Воспользовавшись Пушкинскими днями, нѣкоторые представители мѣстнаго общества задумали обратиться съ ходатайствомъ о разрѣшеніи основать „Пушкинское общество любителей наукъ и искусствъ“. Два года ходатайство оставалось безъ отвѣта. Наконецъ, Келлеръ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ членовъ-учредителей общества и предлагаетъ имъ составить „Екатеринославское ученое общество“. Въ числѣ приглашенныхъ ученыхъ оказался и Делло, который, так. образ., на почвѣ безпристрастной науки лично встрѣтился съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, чью политическую благонадежность провѣряли во время облавъ его компетентные „ундерцеры“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кострома. Какой пищей костромскіе помѣщики кормятъ своихъ рабочихъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Костромы находится усадьба Караваева, принадлежащая генеральшѣ Усовой; генеральша ведетъ хозяйство и держитъ 8-10 земледѣльческихъ раб., которыхъ кормитъ совершенно невозможной пищей. Работники уже нѣсколько разъ пробовали протестовать противъ подобныхъ харчей, но экономка въ отвѣтъ на это совѣтовала ѣсть, что даютъ, и быть этимъ довольнымъ, и пища нисколько не улучшилась; пробовали и жаловаться исправнику, но послѣдній, будучи хорошо знакомъ съ генеральшей, прогонялъ жалобщиковъ и даже обѣщалъ засадить ихъ, если они еще разъ вздумаютъ жаловаться, въ холодную. Наконецъ, однажды на обѣдъ было подано такое мясо, что несмотря на сильный голодъ, рабочіе совсѣмъ не могли его ѣсть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собакѣ, которая, съѣвши его, въ тотъ же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли въ землю. Это происшествіе съ мясомъ ужасно возмутило рабочихъ, они думаютъ снова идти въ Кострому съ жалобой, но на этотъ разъ думаютъ уже обращаться не къ полиціи, такъ какъ судьба предъидущихъ жалобъ ясно показала имъ, что послѣдняя держитъ сторону хозяевъ (это убѣжденіе глубоко вкоренилось теперь въ умахъ караваевскихъ рабочихъ), а къ прокурору окружнаго суда. Го-

---

БЕСѢДА СЪ ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Приводимъ цѣликомъ присланное намъ однимъ изъ нашихъ представителей.

Письмо въ русскіе соціалдемократическіе органы.

„Въ отвѣтъ на предложеніе нашихъ товарищей по ссылкѣ высказаться по поводу „Искры“ мы рѣшили заявить о причинахъ нашего несогласія съ этимъ органомъ.

„Признавая вполнѣ своевременнымъ появленіе особаго с.-дем. органа, спеціально посвященнаго вопросамъ политической борьбы, мы не думаемъ, чтобы „Искра“, взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрѣшила. Основной ея недостатокъ, красной нитью проходящій черезъ всѣ ея столбцы и обусловливающій всѣ ея остальные крупные и мелкіе недостатки, заключается въ томъ, что „Искра“ отводитъ весьма видное мѣсто идеологамъ движенія въ смыслѣ ихъ вліянія на то или иное его направленіе. Въ то же время „Искра“ мало считается съ тѣми матеріальными элементами движенія и той матеріальной средой, изъ взаимодѣйствія которыхъ создается извѣстный тишъ рабочаго движенія и опредѣляется его путь, совлечь съ котораго его не въ состояніи всѣ усилія идеологовъ, хотя бы и вдохновленныхъ самыми лучшими теоріями и программами.

„Этотъ недостатокъ „Искры“ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея съ „Южнымъ Рабочимъ“, который, поднимая, подобно „Искрѣ“, знамя политической борьбы, ставитъ ее въ связь съ предыдущимъ фазисомъ южнорусскаго рабочаго движенія. Такая постановка вопроса совершенно чужда „Искрѣ“. Ставя своею цѣлью создать „изъ искры большой пожаръ“, она забываетъ, что для этого необходимъ подходящій горючій матеріалъ и благопріятныя внѣшнія условія. Обѣими руками открещиваясь отъ „экономистовъ“, „Искра“ упускаетъ изъ виду, что ихъ дѣятельность подготовила то участіе рабочихъ въ февральскихъ и мартовскихъ событіяхъ, которое она съ особеннымъ стараніемъ подчеркиваетъ и по всей видимости значительно преувеличиваетъ. Отрицательно относясь къ дѣятельности соц.-дем. конца 90-хъ годовъ, „Искра“ игнорируетъ отсутствіе условій въ то время для иной работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія, и то громадное воспитательное значеніе, которое имѣла эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оцѣнивая этотъ періодъ и это направленіе дѣятельности русскихъ соц.-дем., „Искра“ отожествляетъ ихъ тактику съ тактикой Зубатова, не видя разницы между „борьбой за мелкія требованія“, расширяющей и углубляющей рабочее движеніе, и „мелкими уступками“, имѣющими цѣлью парализовать всякую борьбу и всякое движеніе.

„Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологовъ младенческаго періода соціальныхъ движеній, „Искра“ всякое разногласіе съ нею готова заклеймить не только какъ отступленіе отъ соц.-дем. принциповъ, но даже какъ переходъ во враждебный лагерь. Такова ея крайне неприличная и заслуживающая самаго строгаго и безпощаднаго осужденія выходка противъ „Рабочей Мысли“, которой она посвятила статью о Зубатовѣ и вліянію которой приписала его успѣхи среди нѣкоторой части рабочихъ. Отрицательно относясь къ другимъ соціалдемократическимъ организаціямъ, иначе, чѣмъ она, смотрящимъ на ходъ и задачи русскаго рабочаго движенія, „Искра“ въ пылу полемики съ ними забываетъ подчасъ истину и, придираясь къ отдѣльнымъ дѣйствительно неудачнымъ выраженіямъ, приписываетъ своимъ противникамъ взгляды, имъ не принадлежащіе, подчеркиваетъ пункты разногласія, часто мало существенные, и упорно замалчиваетъ многочисленныя точки соприкосновенія во взглядахъ: мы имѣемъ въ виду отношеніе „Искры“ къ „Рабочему Дѣлу“.

„Эта чрезмѣрная склонность ея къ полемикѣ вытекаетъ прежде всего изъ переоцѣнки ею роли „идеологіи“ (программъ, теорій...) въ движеніи, отчасти же является отголоскомъ междуусобной брани, которая возгорѣлась на Западѣ среди русскихъ эмигрантовъ и о которой они поспѣшили повѣдать міру въ рядѣ полемическихъ брошюръ и статеекъ. На нашъ взглядъ, всѣ эти ихъ разногласія не имѣютъ почти никакого вліянія на фактическій ходъ русскаго соціалдемократическаго движенія; развѣ только вредятъ ему, внося нежелательный расколъ въ среду дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, а потому мы не можемъ не отнестись отрицательно къ полемическому задору „Искры“, особенно когда она выходитъ изъ допускаемыхъ приличіемъ рамокъ.

„Тотъ же основной недостатокъ „Искры“ является причиной ея непослѣдовательности въ вопросѣ объ отношеніяхъ соціалдемократіи къ различнымъ общественнымъ классамъ и направленіямъ. Рѣшивъ посредствомъ теоретическихъ выкладокъ задачу о немедленномъ переходѣ къ борьбѣ противъ абсолютизма и чувствуя, вѣроятно, всю трудность этой задачи для рабочихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, но не имѣя терпѣнія ждать дальнѣйшаго накопленія ими силъ для этой борьбы, „Искра“ начинаетъ искать союзниковъ въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи и въ своихъ поискахъ нерѣдко сходитъ съ классовой точки зрѣнія, затушевывая классовыя противорѣчія и выдвигая на первый планъ общность недовольства правительствомъ, хотя причины и степень этого недовольства у „союзниковъ“ весьма различны. Таковы, напр., отношенія „Искры“ къ земству. Фрондирующія выходки его, вызываемыя нерѣдко недостаточной по сравненію съ промышленностью защитой правительствомъ аграрныхъ вожделѣній гг. земцевъ, „Искра“ старается раздуть въ пламя политической борьбы и обѣщаетъ неудовлетворенными правительственными подачками дворянамъ помощь рабочаго класса, ни словомъ при этомъ не обмолвившись о классовой розни этихъ слоевъ населенія. Мы можемъ допустить, что говорить о пробужденіи земщины и указывать на земство, какъ на элементъ, борющійся съ правительствомъ, можно, но только въ ясной и отчетливой формѣ, которая не оставляла бы сомнѣній о характерѣ нашего возможнаго соглашенія съ подобными элементами. „Искра“ же ставитъ вопросъ объ отношеніи къ земству такъ, что это, по нашему мнѣнію, можетъ только затемнять классовое сознаніе, такъ какъ здѣсь она наравнѣ съ проповѣдниками либерализма и различныхъ культурныхъ начинаній ставитъ противовѣсъ основной задачѣ соціалдемократической литературы, задачѣ, заключающейся въ критикѣ буржуазнаго строя и выясненіи классовыхъ интересовъ, а не въ затемнѣніи ихъ антагонизма. Таково же отношеніе „Искры“ и къ студенческому движенію. Между тѣмъ, въ другихъ статьяхъ „Искра“ рѣзко осуждаетъ всякіе „компромиссы“ и выступаетъ, напр., на защиту нетерпимаго поведенія гедистовъ.

„Не останавливаясь на другихъ менѣе важныхъ недостаткахъ и промахахъ „Искры“, мы въ заключеніе считаемъ долгомъ замѣтить, что мы своей критикой отнюдь не хотимъ умалить того значенія, которое можетъ имѣть „Искра“, и не закрываемъ глазъ на ея достоинства. Мы привѣтствуемъ ее, какъ политическую соціалдемократическую газету въ Россіи. Мы считаемъ ея крупной заслугой удачное выясненіе вопроса о террорѣ, которому она своевременно посвятила нѣсколько статей. Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить столь рѣдкій въ нелегальныхъ изданіяхъ образцовый литературный языкъ „Искры“, регулярность ея выхода въ свѣтъ и обиліе свѣжаго и интереснаго матеріала“.

„Сентябрь 1901 г. Товарищи.“

Замѣтимъ прежде всего по поводу этого письма, что мы отъ всей души привѣтствуемъ прямоту и откровенность его авторовъ. Давно пора перестать играть въ прятки, скрывая свое экономическое „credo“ (какъ это дѣлаетъ часть одесскаго комитета, отъ котораго отдѣлились „политики“) или заявляя, точно въ насмѣшку надъ истиной, что въ настоящее время „рѣшительно ни одна с.-д. организація въ экономизмѣ не повинна“ (изд. „Раб. Дѣломъ“ брошюра „Два съѣзда“, стр. 32). — А теперь къ дѣлу.

Основная ошибка авторовъ письма — совершенно та же, въ какую впадаетъ и „Раб. Дѣло“ (см. особенно № 10). Они путаются въ вопросѣ о взаимоотношеніи между „матеріальными“ (стихійными, по выраженію „Раб. Дѣла“) элементами движенія и идеологическими (сознательными, дѣйствующими „по плану“). Они не понимаютъ, что „идеологъ“ только тогда и заслуживаетъ названія идеолога, когда идетъ впереди стихійнаго движенія, указывая ему путь, когда онъ умѣетъ раньше другихъ разрѣшать всѣ теоретическіе, политическіе, тактическіе и организаціонные вопросы, на которые „матеріальные элементы“ движенія стихійно наталкиваются. Чтобы дѣйствительно „считаться съ матеріальными элементами движенія“, надо критически относиться къ нимъ

ворятъ, что не лучше караваевской пища у работниковъ и во многихъ другихъ усадьбахъ Костромскаго уѣзда. Скоро-ли настанетъ пора, когда живущіе продажей своей рабочей силы крестьяне поймутъ, что ихъ интересы одинаковы съ интересами городскихъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними, подъ знаменемъ Россійской соціалдемократіи, выступятъ на борьбу за лучшую долю?

Рига. У насъ страшная безработица, на главныхъ заводахъ работаютъ только четверть рабочихъ, и то — отъ 8 до 4 пополудни. Оставшіеся безъ работы рабочіе уѣзжаютъ или въ деревню къ роднымъ или ищутъ какого-нибудь занятія за одно пропитаніе только, и то напрасно. Настроеніе въ массахъ нерѣшительное и удрученное. Кое-кто поговариваетъ, что нужно было бы идти толпой къ губернатору и требовать хлѣба и работы, но до осуществленія этого плана, кажется, теперь еще далеко. Недавно было здѣшней группой распространены въ небольшомъ количествѣ гектографированныя воззванія къ здѣшнимъ рабочимъ въ видѣ брошюрокъ.

Въ октябрѣ въ Царскомъ Саду, гдѣ каждый годъ засѣдаетъ призывная коммиссія и гдѣ происходитъ осмотръ новобранцевъ, были расклеены воззванія къ новобранцамъ на латышскомъ яз., но, къ сожалѣнію, только въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Москва. Машино-строительный и чугунно-литейный заводъ Бр. Бромлей. У насъ на заводѣ въ литейной часто разыгрываются драматическія исторіи между рабочими и мастеромъ Рунтомъ. Отлилъ-ли литейщикъ бракъ, плеснулъ-ли нечаянно расплавленнымъ чугуномъ на землю, наступилъ-ли нечаянно рабочій на формовку — бѣда, если увидитъ Рунтъ; у мастера на этотъ счетъ строгія карательныя мѣры; послѣ предварительной ругани — пускаетъ въ ходъ и кулаки — дѣло оканчивается штрафомъ.

Расцѣнокъ литейныхъ работъ, исключая крупныхъ, поразительно низокъ; частенько литейщику средней и мелочной работы за двухнедѣльный тяжелый и продолжительный трудъ приходится получить всего 7-8 руб. Работаютъ въ день по 10 час., но по случаю литья ежедневно опаздываютъ на полчаса, а такъ какъ всѣ литейщики работаютъ сдѣльно, то за сверхъ-урочное время платы не получаютъ. Ежели литейщикъ не выработаетъ поденнаго жалованья (которое очень низко и которое все-таки несмотря на это, частенько не вырабатываютъ), то ему добавляютъ до таковаго, но въ слѣдующій мѣсяцъ надбавку вычитаютъ изъ сдѣльной платы, если она превышаетъ поденную.

Рабочіе же подъ страхомъ остаться подъ открытымъ небомъ переносятъ безнравственныя выходки Рунта и ежедневныя сбавки жалованья. Бывали случаи, что рабочіе, дорожащіе свою честью, отвѣчали на плюху плюхой. Но всегда верхъ бралъ произволъ; такихъ смѣльчаковъ тотчасъ же требовали къ заводскому полицейскому и, предварительно прочитавъ нотацію, давали разсчетъ; тѣмъ же, которые протестовали противъ неправильнаго разрыва договора и требовали за двѣ недѣли впередъ, говорили: „иди, ищи защиты". Ходили къ инспектору, — а извѣстное дѣло, эти господа всегда тянутъ руку фабрикантовъ — имъ и царь-батюшка такъ приказываетъ, да и сами они не глупы, что понимаютъ: на фракъ и на брюки съ бѣднаго рабочаго не получишь. Такъ гдѣ же твое право, рабочій?

Москва (письмо ткача). Кто не знаетъ фабрики Бутюгина, расположенной по Кирочному переулку Лефортовской части? На этой фабрикѣ производятся ткацкія работы. Работающіе на фабрикѣ люди — всѣ, безъ исключенія, деревенскіе крестьяне. Жизнь этихъ рабочихъ такъ тяжела и угнетена, что и выразить трудно; кто только мало знакомъ съ фабричной жизнью, тому не мѣшало бы узнать, какъ здѣсь тѣснитъ рабочаго фабричная администрація. Въ корпусѣ тѣснота, страшная пыль, вредно дѣйствующая на здоровье рабочихъ, и отсутствіе вентиляціи; въ проходахъ навалены груды основъ, грозящихъ паденіемъ; въ трехъ этажахъ только одно отхожее мѣсто, тѣсное и грязное; во время работы отперта только одна дверь, что не безопасно на случай пожара. Рабочіе сами наставляютъ утокъ на воронки, что продолжается съ полчаса, и за это ничего не получаютъ; къ тому же еще сами сдаютъ товаръ, что тоже отнимаетъ минутъ 20-30. Въ субботу, по правиламъ, чистка машинъ должна производиться за пять мин. до остановки машинъ, а у насъ производится послѣ остановки въ теченіе около получаса, за что тоже не платится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. На обѣдъ и на чай полагается по получасу, но во время обѣда машины не останавливаются, и онѣ продолжается не болѣе 15 мин., то же самое и съ чаемъ: пока слазишь на 5-й этажъ за чайникомъ, да потомъ опять внизъ, чтобы заварить чай, такъ измучаешься больше, чѣмъ на работѣ.

Дѣвушки отъ 15 лѣтъ таскаютъ пряжу вѣсомъ до трехъ пуд. на 4-й этажъ, что для нихъ очень трудно.

Спальныя казармы грязны и темны, нары сплошныя очень неудобны, полы никогда не моются, много паразитовъ, воздухъ тяжелый, такъ какъ помѣщеніе разсчитано не по числу людей. Въ четвертомъ этажѣ на столько сыро, что съ потолка течетъ и если повѣсишь одежду, то черезъ день появляется плѣсень; то опять, въ виду экономіи, нефти очень мало. Послѣ работы за ворота пускаютъ только съ ярлыкомъ, выданнымъ изъ конторы, каковой выпросить очень трудно, да и неудобно просить каждый день: можно попасть на замѣчаніе. На фабрику проведенъ водопроводъ и за это вычитаютъ съ рабочихъ 30 руб. въ годъ, а въ то же время остатками рабочаго обѣда кормятъ двухъ коровъ и пять лошадей, и за это платятъ рабочимъ только пять руб. Сторожъ при спальныхъ казармахъ нанимается отъ артели, освѣщеніе въ кухнѣ тоже артельное, вообще, стараются вездѣ и на всемъ сорвать. И даже если захотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ, то и это съ разрѣшенія администраціи, если позволитъ, а то и нѣтъ. — Вотъ какова жизнь Бутюгинскаго ткача.

Свѣта, воздуха желаютъ
За тяжелый, честный трудъ;
Отчего ткачи болѣютъ,
Отъ чахотки часто мрутъ?

Москва. Раменская мануфактура Милютина. Лѣтомъ рабочимъ удалось добиться мирнымъ путемъ сокращенія рабочаго времени съ $11^1/_2$ до 9 час., которое обѣщано администраціей ввести постепенно. Расцѣнки остались прежніе. Причины успѣха: 1) промышленный кризисъ, 2) объединенность рабочихъ. Въ связи съ движеніемъ рабочихъ стоитъ увольненіе фабричнаго врача Руднева; поводомъ къ его увольненію послужило то обстоятельство, что онъ „дѣлалъ много пенсіонеровъ", т. е. заставлялъ администрацію фабрики расплачиваться за увѣчья рабочихъ.

(По недостатку мѣста откладываемъ до слѣд. № письма съ булочныхъ и кондитерскихъ фабрикъ. Ред.)

Кіевъ. Отголосокъ агитаціи среди вагоновожатыхъ. 8 ноября въ кіевскомъ съѣздѣ мировыхъ судей разбиралось интересное дѣло на нелегальной подкладкѣ. Какъ извѣстно, весной этого года среди вагоновожатыхъ конки началось броженіе. Въ одной изъ соц.-дем. прокламацій указывалось, между прочимъ, на взяточничество высшей администраціи конки. Сообщеніе это вызвало раздоры среди представителей администраціи: воры перессорились! Стаховичъ (начальникъ мастерскихъ кузнечнаго цеха) утверждалъ, что Лашевскій (старшій контролеръ) за взятки переводитъ кондукторовъ въ первый разрядъ, что онъ часто видитъ, какъ т. Лашевскому „таскаютъ гусей, куръ, утокъ, индюковъ и яйца и что онъ видѣлъ, какъ кондукторъ Утвенко принесъ ему четырехъ куръ". На судѣ Стаховичъ побоялся доказывать правдивость сообщеннаго въ прокламаціи, отказался отъ своихъ словъ и былъ приговоренъ къ аресту на 7 дней.

Стачка портныхъ. Въ настоящее время (20 октября) идетъ стачка крещатицскихъ портныхъ. Началась она самопроизвольно и ведется неорганизованно: рабочіе изъ разныхъ мастерскихъ выставили разныя требованія, начали стачку неодновременно и заканчиваютъ въ разное время съ неодинаковымъ успѣхомъ.

Вниманію рабочихъ Гретера! Намъ достовѣрно извѣстно, что мастеръ Щепановскій былъ вынужденъ притѣсненіями и угрозами заводской администраціи принять на себя шпіонскія обязанности. За это ему значительно увеличили жалованье.

Тифлисъ. Рабочее движеніе съ января по октябрь 1900 г. 1900 годъ окончился большой стачкой въ жел.-дор. мастерскихъ гдѣ 4000 раб., прекративъ работу, потребовали отъ правительства сокращенія рабочаго времени до 8 час., увеличенія заработной платы и улучшенія условій труда. Стачка длилась 15 дней, но рабочіе, подавленные царскимъ правительствомъ, которое окружило полгорода войскомъ, арестовало свыше 1500 чел. рабочихъ и большинство изъ нихъ повысылало „на родину", сгоняло насильно на работу нѣкоторыхъ рабочихъ и проч. и проч. — приступили къ работѣ. Съ этого времени жандармы начинаютъ хватать и сажать въ тюрьмы встрѣчнаго и поперечнаго. Напустивъ на городъ цѣлую свору шпіоновъ, выписанныхъ изъ Россіи, наполнивъ мастерскія и фабрики провокаторами, жандармы готовы были думать, что имъ наконецъ-то удалось въ корнѣ подточить всякую возможность развитія рабочаго движенія. Но имъ пришлось скоро убѣдиться, что рабочее движеніе въ Тифлисѣ „развивается вглубь и вширь", какъ заявили они шефу своему, мин. внутр. дѣлъ, испрашивая у него новый кредитъ на усиленіе корпуса шпіоновъ.

Въ началѣ 1901 г. Тифлискій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ прокламацію на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ яз., призывая всѣхъ рабочихъ возобновить прерванныя временно занятія и продолжать упорную борьбу съ угнетателями трудящихся массъ — капиталистами и царскимъ правительствомъ. Рабочіе съ радостью откликнулись на призывъ Комитета, и закипѣла работа. Возобновились старые кружки, организовались новые, усилилась агитація какъ устная, такъ и литературная. Не заставили себя долго ждать и стачки; въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ имѣло мѣсто до 15 стачекъ (въ табачныхъ фабрикахъ Энфіанжанца 600 раб., „Миръ" 700 раб., Самарова 200 раб. и Бутулова 100 раб., въ типографіяхъ Либермана 140, Козовскаго 40, Грузинскаго издат. товарищества 150, въ восточныхъ баняхъ Мирзоева, Бубутова и „Ираклій II", въ механ. маст. Котрини, Рукса и проч.). Всѣ стачки, за исключеніемъ одной-двухъ, окончились въ пользу стачечниковъ. Нѣкоторыя же изъ нихъ имѣли громадное значеніе для отдѣльныхъ категорій рабочихъ. Такъ, напр., стачки въ восточныхъ баняхъ, гдѣ забастовали банщики или терщики, неграмотные и забитые персы и армяне, пробудили чувство классового самосознанія въ рабочихъ этихъ національностей. Кромѣ того, тѣ же стачки показали стачечникамъ, за кого стоитъ правительство. Когда арендаторы бань принуждены были сдаться на требованія стачечниковъ, то пріѣхалъ полицмейстеръ, собралъ всѣхъ арендаторовъ и хозяевъ и заявилъ, что если они уступятъ рабочимъ въ чемъ-нибудь, то будутъ считаться подстрекателями бунтовщиковъ и съ ними будетъ поступлено „по закону". Такое „покровительство" полиціи, конечно, было оцѣнено рабочими въ должной степени, и они усиленно настаивали на своихъ требованіяхъ и побѣдили. Стоитъ отмѣтить еще одну стачку, показывающую, что нѣкоторые хозяева тянутъ свою лямку и числятся въ спискѣ „хозяевъ" до тѣхъ поръ, пока рабочіе не выйдутъ изъ положенія вьючныхъ животныхъ. На табачной фабрикѣ Бутулова забастовали набивщики, требуя увеличенія платы на 20%. Стачка длилась двѣ недѣли и послѣ всевозможныхъ усилій сломить солидарность рабочихъ, хозяинъ открыто заявилъ, что въ виду конкурренціи съ другими фабрикантами онъ не можетъ уступить рабочимъ, а такъ какъ рабочіе знать не хотѣли никакой конкурренціи, то онъ принужденъ былъ ликвидировать свое предпріятіе.

Не дремали, конечно, и жандармы. Почти ни одной стачки не обошлось безъ ихъ вмѣшательства. Были большіе аресты на табачныхъ фабрикахъ, въ типографіяхъ и т. п., но это не мѣшало успѣшному ходу стачекъ. Въ февралѣ пошли повальные обыски среди интеллигенціи; было арестовано нѣсколько человѣкъ, но освобождены за недостаткомъ уликъ. Были обыски у нѣсколькихъ гимназистовъ и учениковъ института. Одинъ изъ гимназистовъ, взятый за храненіе прокламацій, указалъ на лицо, передавшее ему прокламаціи (фамилія гимназиста Стан. Сарповскій).

Студенческое движеніе въ центрахъ отозвалось и на мѣстной жизни. Всякаго рода литература (нелегальная), листки, воззванія, брошюры, каррикатуры ходили изъ рукъ въ руки. Чувствовалось всеобщее оживленіе. Выстрѣлы Карповича и Лаговскаго пронеслись и надъ Кавказомъ, и на время развязались языки, начали говорить, хотя и не громко, но съ одушевленіемъ, съ проблескомъ пробудившагося гражданскаго чувства. Приближался майскій праздникъ.

Жандармы теряли головы, не знали, чѣмъ предотвратить надвигающуюся бурю. Начали сажать въ тюрьмы безъ всякаго разбора рабочихъ, интеллигентовъ, учениковъ, мужчинъ, женщинъ. Такъ какъ Комитетъ началъ выпускать одну за другой прокламаціи, отпечатанныя довольно чисто, то жандармы направили все свое вниманіе на типографіи. Каждая типографія была осаждена шпіонами; еженедѣльно обыскивали наборщиковъ, но все безуспѣшно: при обыскахъ ничего не находили. Тогда начали арестовывать типографскихъ рабочихъ безъ всякаго повода. Закрыли одну типографію, хотя ничего въ ней не нашли. Былъ обыскъ въ ред. „Нов. Обозрѣнія" и грузинской газеты „Квали", и хотя тамъ ничего не нашли, тѣмъ не менѣе арестовали нѣсколькихъ сотрудниковъ — И. Франческо и С. Джибладзе. Изъ арестованныхъ называли: рабочихъ Цервадзе, Бинановъ, Вадачкорія, Хуціевъ, Алшевскій, Петровъ, Хатисовъ, Егоровъ, Сулхановъ Шарадзе, Флегентовъ, Яшвили, Чантладзе, Майсурадзе, Абрамчишвили (15-лѣтній мальчикъ), Никаноровъ, Крыловъ, Березняковъ (выдавалъ), Гогуа, Стуруа и проч. и проч.; изъ интел.: Простосердовъ, Домостроевъ, Мещеринъ, Пушкаревъ, Перетцъ, Курнатовскій, Скорняковъ, Комадзе (2 брата), Каландадзе (2 бр.), Жардинія (сотруд. „Квали"), Командаришвили, Цулукидзеи и пр.

Майскій праздникъ прошелъ удачно. Арестованные по дѣлу демонстраціи 70 чел., кромѣ одного, Мамаладзе, были выпущены къ 20 октября. Въ маѣ и іюнѣ имѣли мѣсто стачки на механическихъ заводахъ Ярослава и К° (500 раб.), Рукса (200 раб.), Котрини (150 раб.), Гауфа (50 раб.). Во всѣхъ стачкахъ было выставлено требованіе сокращенія рабочаго дня съ $10^1/_2$ час. до 10, увеличеніе заработной платы на 10-20%, улучшеніе положенія учениковъ и урегулированія получки платы. Кромѣ завода Яролова, стачки окончились въ пользу рабочихъ, а на заводѣ Яролова проиграли благодаря насилію жандармовъ! согнали до 30 чел. въ мастерскія и заставили работать; остальные поддались. Стачки эти продолжались 17 дней; розданы были по этому случаю прокламаціи Комитета на грузинскомъ и русскомъ яз.

18 августа забастовали 250 чел. кучеровъ и кондукторовъ трамвая. Конка не выходила до 10 час. Видя такое упорство рабочихъ, администрація конки посадила конторщиковъ и контролеровъ вмѣсто кондукторовъ и кучеровъ и выпустила десять вагоновъ. Подоспѣли жандармы и казаки и стачечниковъ заставили насильно работать. Каждый вагонъ сопровождали двое городовыхъ. Стачка проиграна на половину. Требовали сокращенія рабочаго дня съ 14 до 8 час. съ оставленіемъ той же платы. Рабочій день былъ сокращенъ до 9 час., но плату понизили на 10%.

Въ августѣ же забастовали на кожевенномъ заводѣ Аделханова войлочники до 300 чел. (на всемъ заводѣ до 2000 раб.); тре

надо умѣть указывать опасности и недостатки стихійнаго движенія, надо умѣть поднимать стихійность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могутъ совлечь движенія съ пути, опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ среды и элементовъ, — это значитъ забывать ту азбучную истину, что сознательность участвуетъ въ этомъ взаимодѣйствіи и этомъ опредѣленіи. Католическіе и монархическіе рабочіе союзы въ Европѣ — тоже необходимый результатъ взаимодѣйствія среды и элементовъ, но только участвовала въ этомъ взаимодѣйствіи сознательность поповъ и Зубатовыхъ, а не сознательность соціалистовъ. Теоретическіе взгляды авторовъ письма (какъ и „Раб. Дѣла") представляютъ изъ себя не марксизмъ, а ту пародію на него, съ которой носятся наши „критики" и бернштейніанцы, не понимающіе, какъ связать стихійную эволюцію съ сознательной революціонной дѣятельностью.

Это глубокое теоретическое заблужденіе необходимо приводитъ, въ переживаемый нами моментъ, къ величайшей тактической ошибкѣ, которая уже причинила и причиняетъ неисчислимый вредъ русской соціалдемократіи. Дѣло въ томъ, что стихійный подъемъ и рабочей массы и (благодаря ея вліянію) другихъ общественныхъ слоевъ происходитъ въ послѣдніе годы съ поразительной быстротой. „Матеріальные элементы" движенія выросли гигантски даже по сравненію съ 1898 г., но сознательные руководители (соціалдемократы) отстаютъ отъ этого роста. Въ этомъ — основная причина переживаемаго русской соціалдемократіей кризиса. Массовому (стихійному) движенію не достаетъ „идеологовъ", настолько подготовленныхъ теоретически, чтобы быть застрахованнымъ отъ всякаго шатанія, не достаетъ руководителей, обладающихъ такимъ широкимъ политическимъ кругозоромъ, такой революціонной энергіей, такимъ организаторскимъ талантомъ, чтобы создать на базисѣ новаго движенія боевую политическую партію.

Все это, однако, было бы еще полъ-бѣды. И теоретическія знанія, и политическій опытъ, и организаторская ловкость, — все это вещи наживныя. Была бы только охота учиться и вырабатывать въ себѣ требуемыя качества. Но вотъ съ конца 1897 г. и особенно съ осени 1898 г. подняли въ русской соціалдемократіи голову такіе люди и такіе органы, которые не только закрывали глаза на этотъ недостатокъ, но и объявили его особой добродѣтелью, которые возвели въ теорію преклоненіе и раболѣпство передъ стихійностью, которые стали проповѣдывать, что соціалдемократы должны не идти впереди, а тащиться въ хвостѣ движенія. (Къ этимъ органамъ принадлежала не только „Раб. Мысль", но и „Раб. Дѣло", начавшее съ „теоріи стадій" и кончившее принципіальной защитой стихійности, „полноправности движенія въ настоящемъ", „тактики-процесса" и проч.).

Вотъ это уже была настоящая бѣда. Это было образованіемъ особаго направленія, которое принято называть экономизмомъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и котораго основная черта состоитъ въ непониманіи и даже защитѣ отсталости, т. е., какъ мы уже объяснили, отсталости сознательныхъ руководителей отъ стихійнаго подъема массъ. Это направленіе характеризуется: въ принципіальномъ отношеніи — опошленіемъ марксизма и безпомощностью передъ современной „критикой", этой новѣйшей разновидностью оппортунизма; въ политическомъ отношеніи — стремленіемъ съузить или размѣнять на мелочи политическую агитацію и политическую борьбу, непониманіемъ того, что, не взявъ въ свои руки руководства общедемократическимъ движеніемъ, соціалдемократія не сможетъ свергнуть самодержавіе; въ тактическомъ отношеніи — полной неустойчивостью („Раб. Дѣло" весной въ недоумѣніи остановилось передъ „новымъ" вопросомъ о террорѣ и только полгода спустя, послѣ ряда колебаній, высказалось въ очень двусмысленной резолюціи противъ него, волочась, какъ и всегда, въ хвостѣ движенія); въ организаціонномъ отношеніи — непониманіемъ того, что массовый характеръ движенія не только не ослабляетъ, а, напротивъ, усиливаетъ нашу обязанность создать крѣпкую и централизованную организацію революціонеровъ, способную руководить и подготовительной борьбой и всякимъ неожиданнымъ взрывомъ и, наконецъ, послѣднимъ рѣшительнымъ нападеніемъ.

Съ этимъ направленіемъ мы вели и будемъ вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами къ нему принадлежатъ. Они указываютъ намъ, что экономическая борьба подготовила участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ. Да, и именно мы раньше всѣхъ и глубже всѣхъ оцѣнили эту подготовку, когда высказались еще въ декабрѣ 1900 г. (№ 1) противъ теоріи стадій, когда въ февралѣ (№ 2), тотчасъ послѣ отдачи студентовъ въ солдаты и еще до начала демонстрацій, звали рабочихъ идти на помощь студентамъ. Февральскія и мартовскія событія не „опровергли страхи и опасенія Искры" (какъ думаетъ — „Раб. Дѣло", № 10, стр. 53 — Мартыновъ, обнаруживающій этимъ полное непониманіе дѣла), а всецѣло подтвердили ихъ, ибо руководители оказались позади стихійнаго подъема массъ, оказались неподготовленными къ исполненію своихъ обязанностей какъ руководителей. Подготовка эта и въ настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякіе толки о „переоцѣнкѣ роли идеологіи" или роли сознательнаго элемента по сравненію съ стихійнымъ и т. п. продолжаютъ оказывать самое вредное практическое вліяніе на нашу партію.

Такое же вредное вліяніе оказываютъ толки о томъ, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрѣнія, поменьше подчеркивать общность недовольства правительствомъ разныхъ слоевъ населенія. Напротивъ, мы гордимся тѣмъ, что „Искра" пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ слояхъ населенія, и жалѣемъ только, что намъ не удается дѣлать это въ еще болѣе широкомъ размѣрѣ. Неправда, что мы затушевываемъ при этомъ классовую точку зрѣнія: ни одного конкретнаго примѣра такого затушевыванія авторы письма не указали и указать не смогутъ. Но, какъ передовой борецъ за демократію, соціалдемократія должна — вопреки мнѣнію „Раб. Дѣла", № 10, стр. 41 — руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, разъяснять имъ общее политическое значеніе ихъ частныхъ и профессіональныхъ столкновеній съ правительствомъ, привлекать ихъ къ поддержкѣ революціонной партіи, должна вырабатывать въ своей средѣ такихъ вождей, которые бы умѣли политически вліять на всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Всякій отказъ отъ этой роли, въ какія бы пышныя фразы о тѣсной, органической связи съ пролетарской борьбой и т. п. онъ ни облекался, равносиленъ новой „защитѣ отсталости" соціалдемократовъ, отсталости отъ подъема демократическаго общенароднаго движенія, равносиленъ передачѣ руководящей роли въ руки буржуазной демократіи. Пусть авторы письма пораздумаютъ надъ тѣмъ, почему это весеннія событія вызвали такое оживленіе революціонныхъ несоціалдемократическихъ направленій, вмѣсто того, чтобы вызвать усиленіе авторитета и престижа соціалдемократіи!

Мы не можемъ не возстать также противъ поразительной близорукости, которую обнаруживаютъ авторы письма по вопросу о полемикѣ и междуусобной брани среди эмигрантовъ. Они повторяютъ старые пустяки о „неприличіи" посвященія статьи о Зубатовѣ „Раб. Мысли". Не вздумаютъ-ли они отрицать того, что распространеніе экономизма облегчаетъ задачу гг. Зубатовымъ? Только это мы и говоримъ, отнюдь не „отождествляя" тактику экономистовъ и тактику Зубатова. А что касается „эмигрантовъ" (если бы авторы письма не были такъ непростительно беззаботны на счетъ преемственности идей въ русской соціалдемократіи, то имъ было бы извѣстно, что предостереженія „эмигрантовъ", именно группы „Осв. Труда", на счетъ экономизма оправдались самымъ блистательнымъ образомъ!), то вотъ послушайте, какъ судилъ дѣйствовавшій въ 1852 г. среди рейнскихъ рабочихъ Лассаль о спорахъ въ лондонской эмиграціи:

„Едва-ли — писалъ онъ Марксу — со стороны полиціи встрѣтятся затрудненія къ изданію твоего сочиненія противъ „великихъ людей", Кинкеля, Ругэ и др... Правительство, я полагаю, даже радо появленію такихъ сочиненій, ибо оно думаетъ, что „революціонеры перегрызутъ сами себя". Что партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, что величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, что партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя, — этого чиновническая логика не подозрѣваетъ и не опасается" (Изъ письма Лассаля къ Марксу, 24 іюня 1852 г.).

Къ свѣдѣнію всѣхъ, столь многочисленныхъ нынѣ, прекраснодушныхъ противниковъ рѣзкости, непримиримости, полемическаго задора и проч.! — — —

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы могли здѣсь только бѣгло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору ихъ мы посвятимъ особую брошюру, которая выйдетъ въ свѣтъ, мы надѣемся, мѣсяца черезъ полтора.

бовали увеличенія рабочей платы на 25% и улучшенія условій труда. Стояли шесть дней. Кончилась стачка въ пользу рабочихъ. Арестовъ не было. Въ августѣ же забастовали набивщики и мундштучники табачной фабрики Базардоніанца (всего 500 раб., забастовало 100 чел.), требовали увеличенія платы и улучшенія матеріала для папиросъ (требовали, чтобы табакъ выдавался не сильно крошенный). Стачка проиграна; стояли шесть дней. Были аресты.

Аресты продолжаются и въ послѣднее время; съ арестантами обращаются скверно. Прокуроръ не присутствуетъ на допросахъ. Рабочихъ ругаютъ, покрикиваютъ, даже бьютъ (особенно отличается звѣрскими выходками ротмистръ Лавровъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХЪ РАБОЧИХЪ ПО ОБРАБОТКѢ СТАЛИ (STEELWORKERS).

Когда наши радикалы изъ буржуазной среды, апостолы мирныхъ реформъ и другіе благодѣтели рода человѣческаго трактуютъ о томъ, что въ Америкѣ, молъ, нѣтъ классовъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно, никто изъ насъ больше этому не удивляется, — вѣдь затѣмъ эти господа и существуютъ, чтобы не знать и не понимать, что́ вокругъ нихъ происходитъ. Но очень страннымъ и непонятнымъ покажется всякому, если сказать, что и въ рабочей средѣ очень долго эта легенда находила и, пожалуй, еще и въ настоящее время находитъ благопріятную почву. Ведя почти не прекращающуюся борьбу противъ своихъ непосредственныхъ враговъ — капиталистовъ, американскіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, въ многочисленныхъ мелкихъ стычкахъ своихъ съ капиталистами не замѣчаютъ классового характера своей борьбы, не въ состояніи подняться на высоту его пониманія. Этимъ можно объяснить, почему въ Америкѣ, странѣ крупнаго капитала и гигантскихъ трэдъ-юніоновъ, политическая организація пролетаріата лишь теперь начинаетъ выходить изъ своего зародышеваго состоянія. Но прогрессъ капиталистическаго развитія, сильно измѣняющій характеръ отношеній и борьбы рабочихъ съ капиталистами, безпощадно разрушаетъ вредныя иллюзіи рабочихъ. Теперь чуть-ли не каждая стачка расширяетъ ихъ кругозоръ и будитъ классовое сознаніе.

Стачки рабочихъ у насъ самое заурядное явленіе. Но бываютъ разныя стачки. Десятки и сотни ихъ проходятъ совершенно незамѣтно, не возбуждая ни въ комъ, кто непосредственно не заинтересованъ въ нихъ, никакого рѣшительно интереса. Другое дѣло — крупныя стачки; онѣ не только привлекаютъ къ себѣ всеобщій интересъ, но и отодвигаютъ на задній планъ всѣ другіе вопросы общественной жизни и политики, о нихъ только и пишутъ и говорятъ. И не мудрено — въ этихъ стачкахъ экономическая борьба рабочихъ проявляется въ самой рѣзкой своей формѣ; въ нихъ втягиваются въ сферу борьбы рабочіе разныхъ профессій; въ этой борьбѣ ставится на карту благосостояніе десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ семействъ; а съ другой стороны, отъ нея сильно страдаютъ интересы крупнаго капитала. Каждая такая стачка нѣкоторымъ образомъ потрясаетъ основы капиталистическаго общества.

Очень понятно, что такого рода стачки и на рабочія массы оказываютъ свое вліяніе. Съ одной стороны, организація помощи стачечникамъ скрѣпляетъ узы солидарности рабочихъ, а съ другой — ревъ и вой капиталистической прессы, проявленіе враждебности къ борющимся рабочимъ со стороны всѣхъ капиталистовъ и, наконецъ, вмѣшательство власти не могутъ не вліять на развитіе классового сознанія рабочихъ.

Стачка рабочихъ по обработкѣ стали (**Steelworkers**) и была одной изъ такихъ крупныхъ стачекъ. Хотя она ни количествомъ участвовавшихъ въ ней рабочихъ, ни продолжительностью, ни своимъ результатомъ не отличалась многимъ отъ такихъ же бывшихъ до нея стачекъ, тѣмъ не менѣе она возбудила больше толковъ и обратила на себя болѣе сильное вниманіе какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что въ этой стачкѣ столкнулись лицомъ къ лицу, съ одной стороны, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и хорошо-организованныхъ трэдъ-юніоновъ — соединененная ассоціація рабочихъ по обработкѣ стали (**Amalgamated steelworkers association**), а съ другой — самая могущественная и богатая въ Америкѣ, а, пожалуй, и въ мірѣ, капиталистическая организація — такъ-наз. „трэстъ*) съ двумя билліонами долларовъ“ (**two biilion dol. trust**), во главѣ котораго стоитъ самый крупный финансовый дѣятель Пierронтъ Морганъ и въ которомъ участвуютъ самые крупные капиталисты Америки. Это была схватка, въ которой мѣрялись силой на полѣ экономической борьбы пролетаріатъ и капиталисты Америки въ лицѣ самыхъ сильныхъ своихъ отрядовъ.

Поводомъ къ стачкѣ послужилъ вопросъ болѣе принципіальнаго, чѣмъ экономическаго свойства — „Ассоціація“ требовала себѣ права организовать всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, работающихъ на заводахъ трэста. Дѣло въ томъ, что, когда всѣ заводы по обработкѣ стали, желѣза и жести соединились въ трэстъ, рабочіе не всѣхъ заводовъ принадлежали къ рабочей организаціи. Пока заводы эти принадлежали отдѣльнымъ кампаніямъ, „Соединенная Ассоціація“ имѣла дѣло съ каждой изъ нихъ, независимо отъ того, каковы ея отношенія къ другимъ заводамъ: одни заводы были юніонистскими, другіе — нѣтъ. Съ соединеніемъ же всѣхъ отдѣльныхъ компаній въ одну положеніе вещей значительно измѣнилось. Выходило, что одинъ и тотъ же работодатель по отношенію къ одной части своихъ рабочихъ признаетъ организацію, по отношенію къ другой — нѣтъ. Вожди рабочей организаціи справедливо опасались, что такого рода двойственное отношеніе скверно отразится на ихъ организаціи. Трэстъ можетъ воспользоваться неорганизованными рабочими, чтобы постепенно замѣщать ими организованныхъ; съ другой стороны, совмѣстная работа организованныхъ съ неорганизованными можетъ деморализующимъ образомъ вліять на самую организацію, ослабляя узы солидарности ея членовъ. Такъ или иначе, но „Соединенная Ассоціація“ должна была предпринять что-нибудь въ этомъ направленіи. Всѣ попытки организовать неорганизованныхъ рабочихъ ни къ чему не привели, хотя послѣдніе этого очень желали: трэстъ этого не допускалъ. Начались переговоры, которые капиталисты умышленно затягивали, но изъ всѣхъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Во время переговоровъ на одномъ изъ заводовъ трэста нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ отказали отъ работы за то, что они присоединились къ юніону. Этимъ была брошена перчатка „Ассоціаціи“ — и она послѣ этого не могла молчать. Была созвана конференція ея представителей и тамъ рѣшили, что „Ассоціація“ должна добиваться, чтобы всѣмъ рабочимъ были даны одинаковыя права организоваться и чтобы скала поденной платы, установленная „Ассоціаціей“ и принятая трэстомъ, одинаково примѣнялась на всѣхъ безъ исключенія заводахъ трэста. Это былъ сигналъ къ битвѣ.

Рабочіе прекрасно понимали, что, объявляя стачку, они затѣваютъ очень серьезную и трудную борьбу, — борьбу, которая при томъ можетъ продолжаться очень долго, можетъ истощить всѣ средства ихъ боевой кассы, сломить и ослабить самую организацію. Зная все это, рабочіе все-таки шли въ битву, и рѣдко стачка начиналась здѣсь съ такой рѣшительностью и энтузіазмомъ, какъ въ этотъ разъ.

Впослѣдствіи, во время полнаго разгара битвы, капиталисты, чтобы свалить съ себя отвѣтственность за стачку, утверждали, что имъ невозможно было удовлетворить требованія рабочихъ, такъ какъ неорганизованные рабочіе сами не имѣли никакого желанія присоединиться къ Ассоціаціи. Это чисто голословное, ни на чемъ не основанное утвержденіе. И капиталисты сами знаютъ, что это не такъ. Когда еще до начала стачки, во время переговоровъ, нѣчто подобное было сказано представителямъ Ассоціаціи, то въ отвѣтъ на это почти всѣ неорганизованные рабочіе изъявили желаніе присоединиться къ Ассоціаціи. Въ одной своей рѣчи во время стачки президентъ Ассоціаціи, Шэферъ, коротко и ясно формулировалъ требованія рабочихъ: „Мы никогда не просили предпринимателей, заявилъ онъ, заставлять своихъ неорганизованныхъ рабочихъ организоваться. Наша организація вообще не желала бы имѣть среди своихъ членовъ людей, которые присоединились къ ней по принужденію. Пусть предприниматели вычеркнутъ изъ контракта, который они навязываютъ своимъ неорганизованнымъ рабочимъ, ту его часть, которая обязываетъ послѣднихъ не поступать въ юніоны, и мы будемъ вполнѣ удовлетворены, мы отъ нихъ ничего больше не потребуемъ“. Но именно этого капиталисты не хотѣли; для нихъ это требованіе сводилось къ слѣдующему: должны-ли предприниматели управлять своими заводами, или рабочіе будутъ имъ диктовать, какъ себя тамъ вести?

Стачка была формально объявлена 15 іюля. Администрація рабочихъ выслала для начала лишь нѣсколько отрядовъ своей арміи въ томъ разсчетѣ, что капиталисты будутъ готовы на уступки, какъ только увидятъ, что рабочіе начинаютъ серьезную борьбу. Сначала показалось бы, что соображенія рабочихъ довольно основательны — капиталисты сейчасъ же изъявили согласіе на конференцію съ представителями рабочихъ. Но и эта конференція ни къ чему не привела. Соглашаясь на нѣкоторыя мелкія уступки въ частностяхъ, капиталисты въ основномъ пунктѣ — въ признаніи за Ассоціаціей права организовать рабочихъ — не сдавались. Ничего не оставалось, такимъ образомъ, какъ продолжать стачку. Послѣ неудавшейся конференціи съ капиталистами энтузіазмъ и охота къ борьбѣ еще въ большей степени охватили рабочихъ, и не только тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ Ассоціаціи, но и членовъ другихъ рабочихъ юніоновъ. Въ тотъ моментъ стачка могла бы распространиться и на другія отрасли производства, связанныя съ производствомъ стали. Если бы, напр., рабочіе на другихъ заводахъ и фабрикахъ отказались обрабатывать сталь, желѣзо и жесть, получаемыя на заводахъ трэста, или, если бы желѣзно-дорожные рабочіе отказались перевозить матеріалы трэста, — несомнѣнно, это обстоятельство заставило бы управленіе трэста серьезнѣе призадуматься и — кто знаетъ — можетъ быть, оно проявило бы большую уступчивость. Но Шеферу неудобно было до такой степени утилизировать симпатіи другихъ рабочихъ организацій въ виду того, что къ тому времени еще не всѣ рабочіе собственной организаціи, „Соединенной Ассоціаціи по обработкѣ стали“, были призваны къ стачкѣ. Всѣ ждали со дня на день, что вотъ забьютъ общую тревогу и всѣ до единаго члены ассоціаціи будутъ вызваны къ фронту. Но Ассоціація медлила, разсчитывая, очевидно, болѣе на силу своихъ дипломатическихъ переговоровъ, чѣмъ на активную борьбу рабочихъ. Драгоцѣнное время пока проходило, а съ нимъ значительно уменьшались шансы рабочихъ. Энтузіазмъ борьбы, который первоначально охватилъ такимъ яркимъ пламенемъ рабочія массы, началъ порядкомъ остывать. Когда пару недѣль спустя президентъ Ассоціаціи, Шэферъ, выпустилъ прокламацію, въ которой объявлялась генеральная стачка Ассоціаціи, она не имѣла уже большого эффекта. Ясно было, что стачка потеряна. Рабочіе, однако, долго еще не складывали оружія, долго еще боролись, не желая сдаться. Черезъ три мѣсяца послѣ начала стачки была опять созвана конференція капиталистовъ и рабочихъ, гдѣ сошлись на такъ-наз. компромисѣ, равносильномъ полному пораженію рабочихъ. Какъ и на первой конференціи, капиталисты уступили въ мелочахъ, а въ вопросѣ о правѣ рабочихъ организоваться они настаивали на своемъ.

Стачка эта охватила всю отрасль производства стали, желѣза и жести и была распространена въ районѣ нѣсколькихъ штатовъ: Пенсильванія, Висконсинъ, Огайо, Иллинойсъ и др. Число участвовавшихъ въ стачкѣ рабочихъ едва-ли превышало сто тысячъ.

По окончаніи стачки очень рѣзко нападали на Шэфера, считая его отвѣтственнымъ за ея пораженіе. Теперь, конечно, легче и удобнѣе находить недостатки и критиковать, чѣмъ совершить самое дѣло. Тѣмъ не менѣе, надо признать, что упреки, которые дѣлались ему, не совсѣмъ лишены основанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шэферъ вполнѣ честный и въ высшей степени преданный дѣлу рабочихъ человѣкъ. Но этого недостаточно для веденія крупныхъ стачекъ; для этого еще требуется болѣе серьезное пониманіе силы и характера своего противника и, главное, болѣе рѣшительности. Вообще говоря, побѣда рабочихъ въ чисто экономической борьбѣ становится тѣмъ менѣе возможной, чѣмъ крупнѣе капиталистическое предпріятіе, съ которымъ они сталкиваются, и шансы ея достигаютъ крайняго своего минимума, когда борьба происходитъ между рабочими и трэстами, монополизировавшими извѣстное производство. Помимо того, что такого рода крупныя предпріятія и трэсты имѣютъ въ запасѣ громадныя средства и очень мало опасаются конкурренціи въ своей отрасли производства, въ каждой крупной стачкѣ на исходъ борьбы рѣшающее вліяніе имѣютъ факторы, выходящіе изъ узкихъ предѣловъ чистой „экономики“. Капиталисты признаютъ „политику“, и въ ихъ рукахъ она является самымъ могущественнымъ оружіемъ въ борьбѣ, хотя бы „чисто“ экономической, противъ рабочихъ. Какъ только здѣсь начинается крупная стачка, сейчасъ же на сцену является армія спеціально назначенныхъ полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, за ней слѣдуетъ милиція, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр., въ знаменитой стачкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Чикаго въ 1894 г., и регулярная армія Союза. Все это обыкновенно дѣлается подъ предлогомъ оберегать собственность предпринимателей, а на самомъ дѣлѣ съ исключительной цѣлью провоцировать рабочихъ къ необдуманнымъ поступкамъ. Если же рабочіе все-таки не подаютъ повода для вмѣшательства властей и крутыхъ мѣръ, то на сцену являются услужливые судьи, которые цѣлымъ рядомъ совершенно произвольныхъ спеціальныхъ рѣшеній запрещаютъ рѣшительно все, что имъ необходимо для болѣе или менѣе успѣшной борьбы съ капиталистами. Имъ запрещаютъ, напр., имѣть на улицахъ своихъ представителей, на обязанности которыхъ лежитъ внушать вновь пріѣзжающимъ рабочимъ не занимать мѣста стачечниковъ; запрещаютъ имъ собираться въ извѣстныхъ мѣстахъ, арестовываютъ ихъ лидеровъ (вожаковъ, ораторовъ на сходкахъ и т. п.). Вести при такихъ условіяхъ стачку, особенно если она очень затягивается, очень и очень не легко.

Во всякомъ случаѣ рабочіе больше выиграли бы, если бы Шэферъ менѣе полагался бы на силу своей дипломатіи и добрую волю противниковъ, а сразу, безъ всякихъ околичностей и затяжекъ, вызвалъ бы всѣхъ своихъ рабочихъ на стачку. Эффектъ былъ бы громадный. Это сразу остановило бы все производство въ данной отрасли. Капиталистамъ невозможно было бы наскоро найти столькихъ рабочихъ и при томъ настолько знающихъ свое дѣло, чтобы поставить ихъ на мѣсто стачечниковъ. Если бы удары рабочей организаціи были нанесены съ такой быстротой и рѣшительностью, энтузіазмъ и симпатіи другихъ рабочихъ организацій могли бы быть больше утилизированы и — кто знаетъ, исходъ стачки, быть можетъ, былъ бы нѣсколько иной.

Мѣсто не позволяетъ описать здѣсь всѣ детали этой стачки. Она велась съ настойчивостью и энергіей съ обѣихъ сторонъ, не смотря на громадныя денежныя потери съ одной, и обиліе жертвъ и всяческихъ лишеній, — съ другой стороны.

Наши рабочіе еще далеки отъ вѣрнаго и яснаго пониманія отношенія между ихъ экономической борьбой и независимой политической дѣятельностью рабочаго класса. Организовывая гигантскіе трэдъ-юніоны, ведя жестокую, почти не прекращающуюся чисто экономическую борьбу противъ своихъ эксплуататоровъ, они съ какой-то непонятной дѣтской наивностью отбиваются руками и ногами отъ соціалистической политики своего собственнаго класса. И потребуется еще, вѣроятно, не мало назидательныхъ уроковъ и много жертвъ, пока американскіе рабочіе поймутъ, что безсмысленно и преступно рабочимъ выбирать мэрами, губернаторами, судьями, законодателями и президентами людей, рекомендуемыхъ капиталистическими партіями, людей, которые пользуются своею властью лишь для того, чтобы обезпечить за капиталистами господство надъ рабочимъ классомъ.

Послѣдняя, описанная мною, стачка не мало будетъ способствовать выясненію этой истины въ головахъ рабочихъ, и въ этомъ отношеніи она далеко не потеряна для нихъ.

Политическая свобода — могучее оружіе въ рукахъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами, но только въ томъ случаѣ, когда рабочіе хотятъ и умѣютъ имъ пользоваться. С. И.

*) Трэстъ — то же, что синдикатъ (или картель), организація фабрикантовъ для совмѣстнаго установленія размѣровъ производства, цѣнъ продуктовъ и проч. Ред.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Изъ Сибири. Въ концѣ мая черезъ Красноярскъ прошла партія политическихъ каторжанъ: М. Лаговскій (8 л.) и осужденные по дѣламъ объ убійствѣ шпіоновъ въ Польшѣ: Езіоровскій (вѣчн.), Гервинскій (20 л.), Глинскій (20 л.), Мрозикъ, Карчъ и Кравчикъ (по 15 л.). — Въ серединѣ лѣта въ Енисейскую губ. прибыла партія въ 18 чел. политическихъ ссыльныхъ: Девеншинскій изъ Вильно и М. Вальденбургъ, жена его — оба въ с. Тасѣево, Канскаго уѣзда; Як. Пескинъ изъ Двинска туда же; В. Булкинъ, изъ Вильно, въ Троицко-Заозерское, Канскаго уѣзда; М. Закъ, В. Рубинштейнъ, Эстеръ Лясcъ, изъ Вильно, въ с. Ирбейское, Канскаго у.; Іосифъ Ленскій, изъ Вильно, Ис. Гольдинъ, изъ Двинска, туда же; Шифра Рабиновичъ, изъ Двинска, въ с. Рыбинское, Канскаго у.; Т. Аркусская, изъ Вильно, Хана Коганъ, изъ Двинска, въ село Ужуру, Ачинскаго у.; М. Екельчикъ, изъ Ковно, въ с. Маклаковское, Енисейскаго у.; Б. Мерклингъ и Ш. Блюменфельдъ, изъ Ковно, въ с. Казачинское, Енисейскаго у.; Ш. Аксельродъ, изъ Двинска, въ село Пинчугу, Енисейскаго у.; Алта Зильберштейнъ, изъ Двинска, въ с. Анцыферо, Енис. у. и В. Вайнштейнъ, изъ Двинска, въ с. Богучаны, Енисейскаго у. Всѣ сосланы въ „охранномъ“ порядкѣ на два-три года. Дѣло начато было арестами въ Минскѣ, ок. новаго года; послѣ аресты были въ Двинскѣ, Ковно, Вильнѣ и Варшавѣ. У 18 товарищей, нынѣ сосланныхъ, была найдена нелег. литература, у нѣкоторыхъ взяты письма. На основаніи этихъ данныхъ и шпіонскихъ показаній обвиняемые причислены къ „Еврейскому Союзу“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой партіи прошла еще одна въ составѣ 5 человѣкъ: Ш. Коганъ, Аб. Мельниковъ, Б. Дейчъ, О. Левинъ и О. Рудеикъ. Черезъ Верхоленскъ въ концѣ іюля прошла партія въ 13 чел.: 1) купецъ Баневуръ изъ Вильно съ женой на 4 года въ Верхоленскъ (дѣло „Бунда“ 1898 г.); 2) прикащикъ Блюмбергъ изъ Вильны за демонстрацію, на 6 лѣтъ въ Якутскъ; 3) кровельщикъ Берканъ, съ женой и ребенкомъ, за ту же демонстрацію, на 6 лѣтъ въ Якутскъ; 4) Гальперинъ, на 5 лѣтъ въ Знаменку, Иркутской губ. (страдаетъ маніей преслѣдованія и почти слѣпой); 5) акушерка Розенбергъ, на 5 лѣтъ въ Олекминскъ по уральскому соц.-дем. дѣлу; 6) садовникъ Королевскій, на 5 лѣтъ въ Знаменку (по дѣлу объ убійствѣ шпіона въ Ченстоховѣ); 7) красильщикъ Клобуковскій, съ женой и ребенкомъ, на 5 лѣтъ туда же (дѣло объ убійствѣ шпіона въ Варшавѣ); 8) Пекаржъ, съ жен. и ребенк., въ Макаровскую вол. Киренск. у. на 4 года (по тому же дѣлу); 9) Бергеръ на 5 л. въ Бирюльскъ (Ченст. дѣло); 10) Клиневскій (изъ Польши) на 6 лѣтъ въ Киренскій округъ; 11) Русиновъ въ Бирюльскъ; 12) Смирновъ, въ Чечуйскъ и 13) Лысикъ, въ Ишимскъ, — всѣ на пять лѣтъ по дѣлу о покушеніи на ограбленіе кассы съ политическими цѣлями (послѣ 1 года предварительнаго заключенія въ „Крестѣ“).

У политическихъ ссыльныхъ К. Солодухо (дѣло съѣзда Рос. партіи) и литератора П. Теплова произведены обыски по доносу одного уголовнаго. Найдены паспорта и нелегальная литература. Обыски были по дорогѣ въ Вилюйскъ.

Саратовъ. Въ ночь съ 25 на 26 октяря были обыски и аресты среди рабочихъ и интеллигенціи: 12 обысковъ, 5 арестовъ.

Обысканы: рабочіе Ефимовъ Александръ, Зайцевъ, Тимашевъ, Конатчивъ Семенъ, Морозовъ, Муриновъ, Шепелевъ С. П., Шамбаровъ, Кирѣевъ, Романовъ, В. П. Ефимовъ (перевелся изъ Вятки), Алабинъ и еще двое.

Арестованы: С. П. Шепелевъ, Романовъ, Кирѣевъ, Шамбаровъ, В. П. Ефимовъ (чертежникъ въ управленіи Р. У. Общ.). Обыски произошли совершенно случайно: Романовъ, Шамбаровъ, Кирѣевъ, изъ-за недоразумѣнія, возникшаго между ними, были препровождены въ участокъ, гдѣ обысканы, и у одного изъ нихъ. Романова, найденъ номеръ „Раб. Газ“. Шамбарова освободили и потомъ тотчасъ же накрыли дома и нашли 5 ном. „Раб. Газ.“ Кирѣева взяли за то, что былъ въ компаніи. Вслѣдъ за этимъ были произведены обыски на основаніи собранныхъ полиціей свѣдѣній (В. П. Ефимовъ, Алабинъ, С. П. Шепелевъ были поднадзорными, а потому полиціи, конечно, было извѣстно, кто куда ходилъ и къ кому). Всѣ эти аресты, впрочемъ, какъ намъ сообщаютъ, нисколько не отразились на редакціи и рабочемъ комитетѣ „Раб. Газеты“.

8-го октября на русской границѣ въ Вержболовѣ арестована В. М. Величкина и отвезена въ Д. П. З. въ СПБ.

Въ Томскѣ арестованъ докторъ Павловъ, начальникъ переселенческаго участка, его жена и еще чел. 5-6. Одновременно съ этимъ шли аресты по всей линіи Сиб. ж. д. Всѣхъ арестованныхъ свозятъ въ Томскъ. Держатъ очень строго, не даютъ даже свиданій съ родными.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Вяткѣ и Слободскомъ былъ рядъ обысковъ. Между прочимъ, въ Слободскомъ у Фельдмана (ссыльн.), К. Мельницкаго (ссыльн.) и Василевскаго; въ Вяткѣ — у Бушена (стат.), Фіорарова, студ. Дубова, фельдш. слушат. Макаровой, Сазонова, студ. А. Вертячихъ, раб. ссыльныхъ Бортько и Вильямсона, земск. чертежника Семенова. Изъ нихъ Дубовъ, Фіораровъ и Макарова сидятъ въ тюремномъ замкѣ. Создано дѣло

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: изъ Волжской столицы 50 руб., изъ Н.-Новг. чер. С. 50 руб. — Нашимъ сѣверо-западнымъ представителемъ собр.: отъ М. 75 р. и 7 р. 50 к.; за лит.: 20 руб., 13 р. 85 к., 2 р. 50 к. и 10 р., отъ группы содѣйствія 27 р. 50 к. (въ томъ числѣ отъ NN. 15 р.), итого 171 р. 88 к. — Московскимъ представителемъ получено за сентябрь: изъ Москвы 47 р. 50 к., изъ Вятки 65 руб., изъ стол. Поволжья 30 р., изъ Н.-Новг. 55 р., итого 197 р. 50 к. — Южнымъ отдѣломъ организаціи получено отъ Харьковскаго комитета 25 руб., за литературу 12 руб.

Кольцовымъ получено: изъ Миттв. за лит. 15 фр., изъ Льежа 10.70 фр., за „Искру“ отъ инженера 13.50, на изд. Туна (съ реферата) 9 фр., отъ д-ра Б. за литер. 25 фр., изъ Вѣны 10.50 фр., всего 83.70 фр. — Отъ парижской группы 395 фр. — Изъ Л. 12.50 фр., изъ Цюриха 30.70 фр., изъ Dr. 50 мар., изъ Дармштадта „отъ не-соціалдемократовъ“ 8 марокъ.

Редакція „Зари“ проситъ насъ сообщить, что 3 (16) декабря выходитъ № 2-3 „Зари“ слѣдующаго содержанія:

Что же дальше? Г. Плеханова. — Почему мы не хотимъ идти назадъ? Ортодокса. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. — Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова. — Соціаль-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія. Ю. Невзорова. — Всегда въ меньшинствѣ. О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи. Л. Мартова. — Cant противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Г. Плеханова. — Современная весталка. (Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.) Ст. — Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ. Н. Ленина. — Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ. — Библіографія. — Внутреннее обозрѣніе. Т. Х. — Любекскій партейтагъ германской соціаль-демократіи. Ignotus. — Обращеніе соціалистическаго международнаго секретаріата. — Стр. 428. Цѣна 3 рубля.

„Искра“ будетъ теперь выходить два раза въ мѣсяцъ (разумѣется, если не встрѣтится непредвидимыхъ препятствій) въ объемѣ отъ одного до полутора печатныхъ листовъ.

Слѣдующій номеръ выйдетъ 20-го декабря.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ ...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 13 20 ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА. № 13

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦІЙ.

Двѣ недѣли тому назадъ мы отмѣчали 25-лѣтіе первой соціально-революціонной демонстраціи въ Россіи 6 декабря 1876 г. на Казанской площади въ Петербургѣ и указывали на громадный подъемъ демонстраціоннаго движенія въ началѣ истекающаго года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить болѣе опредѣленный политическій лозунгъ, чѣмъ „Земля и Воля“ (1876 г.), — болѣе широкое требованіе, чѣмъ „отмѣна Временныхъ Правилъ“ (1901 г.). Такимъ лозунгомъ должна быть политическая свобода, такимъ общенароднымъ требованіемъ должно быть требованіе созыва народныхъ представителей.

И вотъ мы видимъ уже, что демонстраціи возобновляются по самымъ различнымъ поводамъ и въ Нижнемъ, и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ. Возбужденіе повсюду растетъ, и необходимость объединить его въ одинъ потокъ противъ самодержавія, сѣющаго вездѣ произволъ, угнетеніе и насиліе, становится все настоятельнѣе. Въ Нижнемъ небольшая, но удачно сошедшая демонстрація 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горькаго. Европейски знаменитаго писателя, все оружіе котораго состояло — какъ справедливо выразился ораторъ Нижегородской демонстраціи — въ свободномъ словѣ, самодержавное правительство высылаетъ безъ суда и слѣдствія изъ его родного города. Башибузуки обвиняютъ его въ дурномъ вліяніи на насъ, — говорилъ ораторъ отъ имени всѣхъ русскихъ людей, въ комъ есть хоть капля стремленія къ свѣту и свободѣ, — а мы заявляемъ, что это было хорошее вліяніе. Опричники безчинствуютъ тайно, а мы сдѣлаемъ ихъ безчинства публичными и открытыми. У насъ бьютъ рабочихъ, отстаивающихъ свои права на лучшую жизнь, у насъ бьютъ студентовъ, протестующихъ противъ произвола, у насъ давятъ всякое честное и смѣлое слово! — Демонстрація, въ которой участвовали и рабочіе, закончилась торжественной декламаціей студента: „падетъ произволъ, и возстанетъ народъ, могучій, свободный и сильный!“

Въ Москвѣ Горькаго ждали на вокзалѣ сотни учащихся, и перепуганная полиція арестовала его среди пути въ вагонѣ, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрѣшеніе) въѣздъ въ Москву и заставила прямо проѣхать съ Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрація по поводу высылки Горькаго не удалась, но 18 числа произошла, безъ всякой подготовки, небольшая демонстрація студентовъ и „постороннихъ лицъ“ (какъ выражаются наши министры) передъ домомъ генералъ-губернатора по поводу запрещенія вечера въ память Н. А. Добролюбова, со дня смерти котораго минуло 17 ноября 40 лѣтъ. Представитель самодержавной власти въ Москвѣ былъ освистанъ людьми, которымъ, какъ и всей образованной и мыслящей Россіи, дорогъ писатель, страстно ненавидѣвшій произволъ и страстно ждавшій народнаго возстанія противъ „внутреннихъ турокъ“ — противъ самодержавнаго правительства. Исполнительный Комитетъ московскихъ студенческихъ организацій справедливо указывалъ въ своемъ бюллетенѣ отъ 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрація служитъ яснымъ показателемъ недовольства и протеста.

Въ Харьковѣ демонстрація, вызванная студенческими дѣлами, перешла уже въ настоящую уличную свалку, въ которой приняли участіе и не одни студенты. Опытъ прошлаго года не прошелъ для студентовъ даромъ. Они убидѣли, что только поддержка народа и главнымъ образомъ поддержка рабочихъ можетъ обезпечить имъ успѣхъ, а для пріобрѣтенія такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковскій Союзный Совѣтъ студенческихъ организацій прямо выразилъ это уже въ своей октябрьской прокламаціи. Да и студенты Петербурга, Москвы, Кіева, Риги и Одессы, какъ видно изъ ихъ листковъ и прокламацій, начали понимать всю „безсмысленность мечтаній“ объ академической свободѣ при безпросвѣтномъ рабствѣ народа. Гнусная рѣчь ген. Ванновскаго въ Москвѣ, опровергавшаго „слухи“, будто онъ что-то когда-то обѣщалъ; невиданная наглость сыщика въ Петербургѣ (схватившаго студента въ Электротехническомъ институтѣ, чтобы отнять у него полученное имъ черезъ посыльнаго письмо); дикое избіеніе полиціей ярославскихъ студентовъ на улицѣ и въ участкѣ, — всѣ эти и тысячи другихъ фактовъ вопіяли о борьбѣ, борьбѣ и борьбѣ противъ всего самодержавнаго строя. Чашу терпѣнія переполнилъ случай съ харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицію объ удаленіи проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношеніе къ дѣлу, на невыносимую грубость, доходившую до бросанія программы въ лицо студентамъ! Правительство, не разобравъ дѣла, отвѣтило тѣмъ, что выбросило изъ института весь курсъ, да еще оболгало студентовъ въ своемъ сообщеніи, заявивъ, будто они требуютъ себѣ права назначать профессоровъ. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацію. 28 ноя. — 2 дек. Харьковъ второй разъ въ этомъ году превратился въ поле сраженія „внутреннихъ турокъ“ съ протестовавшимъ противъ самодержавнаго произвола народомъ. Клики: „долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода!“, съ одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтанье народа лошадьми — съ другой стороны. Полиція и казаки, нещадно избивавшіе всѣхъ и каждаго, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали побѣду надъ безоружными и торжествуютъ...

Неужели мы дадимъ имъ торжествовать?

Рабочіе! Вамъ слишкомъ хорошо знакома та вражья сила, которая измывается надъ русскимъ народомъ. Эта вражья сила связываетъ васъ по рукамъ и ногамъ въ вашей ежедневной борьбѣ съ хозяевами за лучшую жизнь и за человѣческое достоинство. Эта вражья сила выхватываетъ сотни и тысячи вашихъ лучшихъ товарищей, бросая ихъ въ тюрьмы, отправляя въ ссылку и, точно въ издѣвку, объявляя еще ихъ „лицами порочнаго поведенія“. Эта вражья сила 7 мая стрѣляла въ обуховскихъ рабочихъ въ Петербургѣ, поднявшихся съ кликомъ: „намъ нужна свобода!“ — а потомъ еще устроила комедію суда, чтобы закатать на каторгу тѣхъ героевъ, которыхъ не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентовъ, завтра бросится съ еще большимъ озвѣрѣніемъ избивать васъ, рабочихъ. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякій протестъ и борьбу противъ башибузуковъ самодержавнаго правительства! Старайтесь всѣми средствами войти въ соглашеніе съ демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи свѣдѣній и распространенія воззваній; разъясняйте всѣмъ и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здѣсь и тамъ начинаютъ вспыхивать огоньки народнаго возмущенія и открытой борьбы, — всего прежде и всего болѣе нуженъ сильный притокъ свѣжаго воздуха, чтобы эти огоньки могли разгорѣться въ широкое пламя!

ПРАЗДНОВАНІЕ 25-ЛѢТІЯ ДЕМОНСТРАЦІИ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ И РЕВОЛЮЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ уже сообщено было, что въ этомъ мѣсяцѣ минуло 25 лѣтъ со времени первой большой манифестаціи, состоявшейся 6(19) декабря 1876 г. въ СПБ. на Казанской площади. Съ этимъ событіемъ совпало и 25-лѣтіе выступленія на широкую политическую арену нашего товарища и учителя — Георгія Валентиновича Плеханова. По иниціативѣ группъ, сочувствующихъ „Лигѣ революціонной русской соціалдемократіи“, въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ Швейцаріи эта двойная годовщина была отпразднована собраніями. Разскажемъ вкратцѣ о женевскомъ праздникѣ, на которомъ присутствовалъ и самъ Г. В. Плехановъ.

Первая половина вечера, на который собралось около двухъсотъ человѣкъ, была посвящена почти исключительно воспоминаніямъ о демонстраціи 6(19) декабря 1876 г. и лицамъ, пострадавшимъ за участіе въ ней. Предсѣдатель Д. Кольцовъ, открывъ собраніе краткой рѣчью о цѣли вечера, закончилъ его предложеніемъ почтить память всѣхъ участниковъ Казанской демонстраціи общимъ вставаніемъ. Когда присутствовавшіе послѣдовали этому предложенію хоръ запѣлъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“. Затѣмъ членомъ „Лиги русской revol. соц.-дем.“ былъ прочитанъ довольно обстоятельный рефератъ о демонстраціи, имѣвшей мѣсто на Казанской площади 25 лѣтъ тому назадъ. Предпославъ краткій очеркъ пропагандистскаго движенія начала 70-хъ годовъ, референтъ изложилъ потомъ причины, вызвавшія эту демонстрацію и упомянулъ о послѣдовавшихъ за нею наиболѣе крупныхъ революціонныхъ фактахъ, вплоть до событій, происшедшихъ весной настоящаго года; въ заключеніе онъ указалъ на разницу въ характерѣ первой демонстраціи и послѣдней, состоявшейся спустя 25 лѣтъ на той же площади.

Рефератъ смѣнило пѣніе разныхъ революціонныхъ пѣсенъ. Послѣ непродолжительнаго перерыва, на піанино былъ сыгранъ грустный мотивъ въ память борцовъ „Народной Воли“. Затѣмъ послѣдовали рѣчи, главнымъ образомъ посвященныя роли Г. В. Плеханова, какъ въ демонстраціи 6 декабря 1876 г., такъ и въ послѣдующихъ событіяхъ русскаго революціоннаго движенія, вплоть до нашихъ дней. Горячо, съ большимъ чувствомъ и искренностью говорили два представителя мѣстной учащейся молодежи, а также болгарскій студентъ и одинъ армянскій соц.-демократъ. Всѣ эти лица довольно подробно останавливались на указаніи того огромнаго значенія, какое Г. Плехановъ имѣлъ и продолжаетъ теперь имѣть на развитіе соц.-демократическихъ идей и революціоннаго рабочаго движенія не только въ Россіи, но и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представила рѣчь молодого болгарина, говорившаго отъ имени болгарскаго кружка. Онъ довольно подробно разсказалъ собравшимся о томъ громадномъ значеніи, какое имѣли сочиненія Г. Плеханова на умственное развитіе передовой интеллигеніи его родины, и въ этомъ отношеніи онъ сравнилъ роль Плеханова съ ролью наиболѣе выдающихся дѣятелей Болгаріи.

Рѣчи всѣхъ ораторовъ публика покрывала долго не смолкавшими апплодисментами, а также онѣ часто прерывались ими, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорившіе касались значенія и заслугъ Г. В. въ революціонномъ движеніи. Чѣмъ дальше раздавались поздравленія и привѣтствія Г. В., тѣмъ болѣе и болѣе воодушевлялась, замѣтно, публика. Видно было, что собравшіеся, отбросивъ разные мелкіе счеты, искренно цѣнятъ плодотворную дѣятельность Г. В., признаютъ въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ и непоколебимыхъ борцовъ за торжество соціализма не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

По окончаніи рѣчи болгарина, говорившаго послѣднимъ, раздались голоса, просившіе, чтобы Г. В. Плеханова взялъ слово. Бурными апплодисментами собраніе встрѣтило его согласіе. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ изъ-за этихъ привѣтствій не могъ начать. Когда же онъ заговорилъ, то въ громадной залѣ воцарилась полнѣйшая тишина. Произнесенную имъ рѣчь мы, за отсутствіемъ мѣста, передадимъ лишь въ немногихъ словахъ.

Упомянувъ вначалѣ, что до этого вечера ему приходилось на собраніяхъ слышать одни лишь нападки, и поблагодаривъ говорившихъ и публику за выраженныя чувства и отношеніе къ нему теперь, Г. В. замѣтилъ, что сдѣланная здѣсь оцѣнка его личности преувеличенна, такъ какъ онъ дѣйствовалъ не одинъ, а совмѣстно съ другими. Затѣмъ онъ перешелъ на общую почву и подробно разсмотрѣлъ причины, вызывающія въ послѣднее время разногласія въ средѣ соціалдемократовъ не только дѣйствующихъ въ Россіи, но и въ разныхъ странахъ Зап. Европы. Главную причину этихъ разногласій Г. В. видитъ въ чрезвычайно быстромъ ростѣ соц.-демократической партіи, привлекающемъ въ ея ряды разные оппозиціонные и радикальные элементы. Теоретическими выразителями этихъ элементовъ и являются разные „критики“ и „исправители“ Маркса. Въ дѣйствительности же они доказываютъ, что не въ теоріи научнаго соціализма наступилъ кризисъ, а лишь то, что разнаго рода оппортюнистамъ чуждо пониманіе марксизма. Сдѣланный имъ, въ заключеніе, энергическій призывъ къ соединенію „науки съ рабочими“, былъ покрытъ громомъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій.

Затѣмъ предсѣдатель прочелъ нѣкоторыя изъ полученныхъ по почтѣ и телеграфу изъ разныхъ городовъ Зап. Европы поздравленій и привѣтствій, а затѣмъ прочитанъ былъ отъ группы сочувствующихъ адресъ, который вмѣстѣ съ портфелемъ и былъ поднесенъ Г. В. на память. Въ заключеніе хоръ спѣлъ нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ и, когда въ часъ ночи предсѣдатель закрылъ собраніе, молодежь, поднявъ Г. В., вынесла его на рукахъ.

Полученная подъ конецъ вечера телеграмма изъ Берна передавала привѣтствія и поздравленія Г. В. отъ собранія, на которомъ присутствовало 300 человѣкъ. Присутствовавшіе на этомъ собраніи старожилы русской колоніи утверждаютъ, что они не запомнятъ такого дружнаго и веселаго собранія. Аналогичнымъ образомъ прошло чествованіе 25-лѣтней дѣятельности Г. В. въ Парижѣ; въ Цюрихѣ же въ чествованіи приняли участіе только русскіе соціалдемократы.

Все вышеизложенное заставляетъ насъ думать, что для значительнаго контингента русскихъ уже наступило время безпристрастной оцѣнки роли наиболѣе выдающагося представителя русскаго революціоннаго соц.-демократизма. Мы надѣемся, поэтому, что не далекъ уже и тотъ моментъ, когда признаніе громадныхъ неоцѣнимыхъ заслугъ нашего товарища, Г. В. Плеханова, въ русскомъ революціонномъ движеніи, независимо отъ личныхъ счетовъ и партійныхъ соображеній, станетъ столь же всеобщимъ и единодушнымъ въ передовой части нашего общества, какимъ оно уже теперь сдѣлалось среди всѣхъ искреннихъ сторонниковъ рабочаго класса въ Россіи и въ зап.-европейскихъ странахъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Нижній-Новгородъ. Демонстрація по поводу высылки Максима Горькаго. 7-го ноября вечеромъ уѣзжалъ изъ Нижняго на Москву Максимъ Горькій, высылаемый полиціей. „Въ виду вреднаго его вліянія на общество“ (оффиціальная мотивировка) ему приказно было выѣхать въ Арзамасъ, маленькій уѣздный городокъ, но онъ, какъ человѣкъ, страдающій туберкулезомъ, просилъ разрѣшить ему поселиться въ Ялтѣ. Вмѣсто Ялты ему позволили поселиться въ какой-нибудь деревнѣ въ Крыму. 7 ноября въ городѣ была выпущена гектографированная прокламація за подписью „защитники народа противъ его угнетателей“, которая начиналась словами: „Мы собрались здѣсь проводить знаменитаго, любимаго писателя М. Горькаго и выразить наше крайнее негодованіе по поводу того, что его высылаютъ изъ родного города“. „У насъ бьютъ нагайками студентовъ — говорилось, между прочимъ, въ прокламаціи, — которые заступаются за простой народъ, бьютъ рабочихъ, которые хотятъ улучшить свое положеніе. У насъ преслѣдуютъ писателей, которые говорятъ правду и обличаютъ начальство. Мы хотимъ и будемъ бороться противъ такихъ порядковъ!“... Прокламація была распространена въ большомъ количествѣ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ города и во время проводовъ разбрасывалась на вокзалѣ.

„Провожать Горькаго — пишетъ одинъ очевидецъ — на вокзалъ явились, главнымъ образомъ, студенты, реалисты (преобладали), одинъ гимназистъ (я видѣлъ одного), одинъ институтецъ (мальчуганъ), семинаристы, довольно много земской интеллигенціи; по обыкновенію, не обошлось безъ случайной, сѣрой глазѣющей публики, которая, впрочемъ, всегда бываетъ небезучастна къ тому, при чемъ присутствуетъ, какъ и въ этотъ разъ. Представителей солидной, патентованной интеллигенціи было совсѣмъ мало (разъ-два, и обчелся). Эта „интеллигенція“ чествовала Горькаго по своему — за печкой, съ тостами, рѣчами и закуской. Само собою разумѣется, въ качествѣ непремѣнныхъ, почетныхъ провожатыхъ присутствовали жандармы, въ бо́льшемъ противъ обыкновенія числѣ, сразу бросавшемся въ глаза. Кучку участниковъ проводовъ, т. е. тѣхъ, что стояли плотной группой, можно опредѣлить числомъ не меньше 60 чел. (Нашъ нижегородскій корреспондентъ опредѣляетъ число провожавшихъ приблизительно въ 150 человѣкъ. Ред.). Нужно замѣтить, что проводамъ не благопріятствовала погода — страшно бурная; на Окѣ вѣтеръ (вокзалъ черезъ Оку), снѣжный съ вихремъ, рвалъ и рѣзалъ; идти было трудно, никакой переправы еще не было: Ока не совсѣмъ стала.

„Я пришелъ на вокзалъ часовъ около пяти вечера. Горькій шелъ въ вагонъ, за нимъ плотная толпа съ пѣснями и напутствіями. До отхода поѣзда осталось не меньше получасу. Провожавшіе пѣли пѣсни: „Отречемся отъ стараго міра“, „Смѣло, друзья, не теряйте бодрость въ неравномъ бою“, „Дубинушку“, „Депутатамъ отъ сословій“, „Вы жертвою пали борьбы роковой“, „Назови мнѣ такую обитель“, „Изъ страны, страны далекой“ и др. Слышались возгласы: „Да здравствуетъ М. Горькій! да здравствуетъ свободное слово! Да погибнетъ деспотизмъ! Проклятіе темнымъ силамъ!“ и многое другое въ этомъ родѣ. Каждый возгласъ покрывался дружнымъ „ура!“. Горькій многократно раскланивался, просто и сердечно прощаясь съ молодежью. Публика увлеклась, стараясь пѣніемъ и криками подчеркнуть то, что ее привело на вокзалъ въ этотъ бурный, непогодный вечеръ.

„Довольно, господа! — говорилъ Горькій — прошу не пѣть... Я совершенно не ожидалъ... я крайне растроганъ... Но меня безпокоитъ: вы все-таки рискуете...“ — „Мы васъ любимъ! Да здравствуетъ хорошій человѣкъ, извѣстный писатель М. Горькій!“ Горькій со многими цѣлуется. Онъ то уходитъ въ вагонъ, то выходитъ, прощаясь, привѣтствуемый бурными криками. Публика машетъ фуражками и шапками. „До свиданья, господа!“ — „До свиданья! Вы вернетесь!.. Онъ вернется на зарѣ новой жизни...“ „NN, пожмите отъ меня руки вашимъ товарищамъ студентамъ!“ Восторженные крики: „да здравствуетъ!“... пѣніе.

„Простолюдинъ, лѣтъ 45, все время принимавшій живое участіе, его самого занимавшее, кричитъ: „Мы, слава Богу, считаемъ васъ хорошимъ человѣкомъ!“ Публика радостно смѣется.

„О!на еврейка начинаетъ говорить рѣчь: „Алексѣй Максимовичъ Примите привѣтъ отъ еврейскаго общества, къ которому Вы всегда такъ хорошо относились“... Конецъ не слышенъ. Послѣдній свистокъ. Гулъ прощаній, и публика, затянувъ пѣсню: „Вы жертвою пали борьбы роковой“, трогается за поѣздомъ“.

„Вокзальная жандармерія, — сообщаютъ намъ изъ другого источника, — не ожидавшая ничего подобнаго, не знала, что дѣлать. Городская полиція, на запросъ, обращенный къ ней жандармами, отвѣчала: „не наше дѣло“. Проводивъ Горькаго, толпа безпрепятственно вышла съ вокзала и направилась къ городу, а вокзальная жандармерія принуждена была лишь озлобленно созерцать спины уходящихъ. Ей ничего не оставалось, какъ составлять протоколъ о произведенныхъ безпорядкахъ!

„Между тѣмъ толпа, перейдя Оку, вышла на Большую Покровку (главная улица города) и прошла ее всю съ пѣніемъ тѣхъ же пѣсенъ. Въ шествіи участвовало — пишетъ вышеупомянутый очевидецъ — до 150 200 чел. Преобладала сѣрая, ремесленная, мастеровая публика. Время — восьмой часъ. Черезъ короткіе промежутки, въ толпѣ кричали: „М. Горькій сосланъ, сосланъ за правду! Да здравствуетъ М. Горькій!“ Крики „ура!“ и пѣніе. Трамваи останавливались, и пассажирамъ объясняли, въ чемъ дѣло. Противъ театра, на площади, возобновились крики изъ толпы: „М. Горькаго выслали!“. Съ панели отчетливый громкій голосъ: „за что?“ — „За свободное слово! За правду! Да погибнетъ весь существующій порядокъ“ и т. д. Въ концѣ Покровки, противъ зданія думы, шествіе остановилось. Здѣсь была сказана бойкая рѣчь, выслушанная при глубокой, торжественной тишинѣ и покрытая неистовыми криками: „Да здравствуетъ М. Горькій!“ Свѣжій молодой голосъ оратора смѣло бросалъ слова, звонко отдававшіяся въ этомъ, богатомъ резонансомъ, мѣстѣ. Ораторъ обращался къ рабочимъ и мастеровымъ, которые были въ толпѣ. Онъ объяснялъ имъ, по какому поводу произошла демонстрація. Горькій сосланъ за то же — говорилъ ораторъ, — за что вотъ ужъ 40 лѣтъ гибнутъ въ тюрьмахъ, на каторгѣ, въ ссылкѣ тысячи лучшихъ людей: за правду, за обличеніе безобразныхъ условій нашей жизни. У него было одно оружіе — перо, одна сила — мысль, высказываемая въ свободномъ словѣ, — и за это свободное слово онъ высланъ. Тѣ, которые заставили его удалиться отсюда, считаютъ, что Горькій оказывалъ дурное вліяніе на здѣшнее общество, на молодое поколѣніе. А мы говоримъ, что это было хорошее вліяніе, и нашей демонстраціей мы показываемъ, какъ мы любимъ Горькаго за его свободное слово. Мы любимъ и чтимъ его за тотъ живой, бодрый, какъ бы зовущій къ свободѣ духъ, которымъ проникнуты всѣ его произведенія. М. Горькій высланъ безъ суда, безъ слѣдствія, тайно ото всѣхъ. Но мы сдѣлали публичнымъ, открытымъ этотъ произволъ, мы приглашаемъ васъ всѣхъ: говорите повсюду, говорите всѣмъ и вездѣ, что извѣстный писатель М. Горькій сосланъ, сосланъ хорошій человѣкъ. Да здравствуетъ Горькій!“. Толпа бурно повторяетъ этотъ возгласъ. Студентъ громко декламируетъ: „падетъ произволъ, и возстанетъ народъ могучій, свободный и сильный!“ Ораторъ объявляетъ демонстрацію законченной и предлагаетъ разойтись.

„Рабочій въ огромной мохнатой шапкѣ, фигура à la Горькій, все время демонстрировавшій съ другими въ первомъ ряду, обнажаетъ голову, кланяется студентамъ: „Спасибо, господа, за Горькаго. Спасибо. Въ первый разъ приходится видѣть это...“ Тотъ же рабочій, при возгласѣ оратора: „Да здравствуетъ Горькій!“ развернулъ надъ головами всѣхъ свой бѣлый шарфъ, какъ знамя.

„Я оставилъ вокзалъ въ то время, какъ жандармы оцѣпили пѣвцовъ, но потомъ ихъ выпустили.

„Все время до отхода поѣзда жандармы относились совершенно безучастно къ тому, что происходило на ихъ глазахъ, а въ городѣ я наблюдалъ такую высоко комическую картину: при звукахъ Марсельезы, доносившейся издалека, пристава и околодочные попарно садились на извощиковъ — и удирали... По всей Покровкѣ не было ни одной сѣрой шинели. Передъ театромъ, гдѣ было представленіе и всегда бываетъ много полиціи — въ этотъ моментъ ни души. Даже и тогда, когда все было кончено и все разошлось, чиновная полиція, какъ ошалѣлая, металась по Ильинской, по Лыковой дамбѣ ближе къ базару, лишь бы подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ дерзко нарушались общественная тишина и спокойствіе“.

Полицію за ея невмѣшательство начальство, конечно, не поблагодарило: кое-кто изъ приставовъ посидѣлъ подъ арестомъ, полицмейстеръ же вышелъ въ отставку и, какъ слышно, отставка связана съ демонстраціей. Жандармами теперь поднято дѣло о демонстраціи, и многихъ изъ бывшихъ на вокзалѣ вызывали уже на допросъ, — впрочемъ, въ качествѣ свидѣтелей.

Демонстрація, не смотря на свои скромные размѣры, сильно всколыхнула нижегородцевъ; вездѣ и всюду идутъ о ней толки, и людей, сочувствующихъ ей, особенно среди „низовъ“, встрѣтишь чаще, чѣмъ осуждающихъ.

„9-го ноября — сообщаютъ намъ изъ другого источника — въ городскомъ театрѣ, передъ началомъ представленія, когда свѣтъ былъ уже потушенъ, раздался рѣзкій, сильный голосъ: „Господа, Максимъ Горькій не доѣхалъ до Москвы; онъ былъ высаженъ на одной изъ станцій, и гдѣ онъ теперь — неизвѣстно. Въ Москвѣ же на вокзалѣ его ожидала двухъ-тысячная толпа!“ Полиція бросилась къ говорившему, вспыхнулъ свѣтъ, но было уже поздно: говорившій исчезъ въ толпѣ.

На это заявленіе послышалось изъ публики отъ одной изъ дѣвицъ возраженіе, что это невѣрно, что она знаетъ, что Горькій самъ сошелъ со станціи Обираловка*). Черезъ нѣсколько дней эта дѣвица, узнавъ, что Горькій дѣйствительно былъ задержанъ, и что она въ своемъ возраженіи была неправа, заявила объ этомъ опять во время антракта въ театрѣ, за что сейчасъ же была арестована; продержали ее около недѣли и выпустили ожидать приговора за произнесеніе краткой рѣчи съ демонстративною цѣлью.

Въ этихъ же числахъ шелъ водевиль „Золотой телецъ“, и публика, оставшись недовольной его антисемитической тенденціей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шикала, свистала, кричала: „стыдно“. Эти случаи дали поводъ мѣстной газетѣ „Волгарю“ помѣстить замѣтку, въ которой редакція возмущалась тѣмъ, что театръ избранъ мѣстомъ демонстраціи, и рекомендовала надлежащимъ властямъ обратить на это вниманіе. Старалась она въ этомъ случаѣ совершенно напрасно, вниманія обращено даже черезчуръ много, теперь на галлереѣ чуть не на каждаго посѣтителя приходится по тайному и явному шпіону, и чтобы отъ ихъ зоркихъ очей нарушитель порядка какъ-нибудь не скрылся, верхній рядъ свѣчей люстры во время дѣйствія не тушится. Нѣкоторые изъ нижегородцевъ, возмущенные тономъ этой замѣтки, выразили въ письмахъ г. Жукову, редактору и издателю газ. „Волгарь“, свое неодобреніе. Г. Жуковъ собралъ эти письма и снесъ ихъ въ жандармское управленіе, съ цѣлью дать, такимъ образомъ, возможность по почеркамъ опредѣлить кое-кого изъ сочувствующихъ демонстраціи въ театрѣ.

* * *

Изъ Москвы сообщаютъ отъ 8-го ноября:

„Горькаго выслали изъ Нижняго административно въ Крымъ. Вчера появились прокламаціи, что 8-го въ 9 час. утра онъ будетъ здѣсь; желающіе встрѣтить приглашались на вокзалъ. Въ 8 час. утра я отправилась. На платформѣ стояла толпа учащихся, человѣкъ въ 400, преобладали студенты, курсистокъ было мало, большинство педагогички, съ Высшихъ было меньше, чѣмъ съ другихъ курсовъ. Горькому былъ приготовленъ адресъ (подъ которымъ тутъ же подписывались) и портретъ Л. Н. Толстого. Вскорѣ вся толпа двинулась на вторую платформу, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ подойти туда. Заранѣе просили встрѣтить молча, такъ чтобы всѣмъ былъ слышенъ адресъ. Жандармы изрѣдка сновали, но не вмѣшивались и какъ-то торжествующе посматривали; вскорѣ это объяснилось: пришелъ поѣздъ — Горькаго нѣтъ, разнесся слухъ, что его высадили въ Рогожской заставѣ. Всѣ страшно заволновались, закричали, двинулись въ вокзалъ. Здѣсь было рѣшено отправить въ Рогожскую заставу делегатовъ для справокъ, и если окажется, что Горькій тамъ, то всей толпой идти туда. Делегаты вернулись: Горькаго тамъ не было; такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ долженъ прійти еще поѣздъ, то всѣ опять двинулись на платформу, но и этотъ послѣдній поѣздъ снова не привезъ Горькаго. Опять заговорили, что его высадили въ Рогожской заставѣ, и послѣ немногихъ совѣщаній всѣ двинулись туда; жандармы завершали шествіе, но проводили только до выхода съ вокзала. Шли тихо, плотной толпой. Въ Рогожской заставѣ около вокзала уже стоялъ цѣлый отрядъ полицейскихъ и околодочныхъ, а по обѣ стороны входа въ вокзалъ стояли жандармы. Миновавъ отрядъ, всѣ остановились, нѣсколько человѣкъ вошли на вокзалъ, и, такъ какъ Горькаго тамъ не оказалось, то всѣ направились обратно. Затянули было пѣсню, но болѣе благоразумные остановили. На Покровкѣ, когда уже шла кучка чел. въ 20, насъ остановила г-жа NN. Она разсказала, что ѣхала вмѣстѣ съ нимъ и его женой, но его высадили, не довозя до Москвы (станцію она не назвала), и что онъ просилъ не встрѣчать его, потому что въ такомъ случаѣ его не пустятъ въ Москву...“

*) На самомъ же дѣлѣ было такъ: на стан. Обираловка Горькій вышелъ самъ, желая во что бы то ни стало попасть въ Москву, и поѣхалъ со слѣдующимъ поѣздомъ, но на Рогожской заставѣ его встрѣтилъ жандармскій офицеръ и до поѣзда на Севастополь Горькій былъ отправленъ въ Подольскъ. Отъ Москвы до Севастополя ему дали въ провожатые двухъ жандармовъ.

Москва. Демонстрація по поводу неразрѣшенія вечера въ память Добролюбова (изъ бюл. Исп. Ком. объедин. землячествъ.).

18 ноября въ Москвѣ случилось происшествіе, которое И. К. считаетъ нужнымъ отмѣтить. Толпа чел. до 150 (преимущественно студентовъ), не знавшихъ объ отмѣнѣ концерта, назначеннаго на 18, но не разрѣшеннаго полиціей, собралась у Романовскаго зала и отправилась оттуда съ пѣснями по Тверскому бульвару къ памятнику Пушкина. Здѣсь толпа, сильно увеличившаяся въ числѣ благодаря присоединившейся къ ней публикѣ, пропѣла вѣчную память Добролюбову, сорокалѣтіе со дня смерти котораго приходилось на этотъ день. Отсюда, не смотря на сопротивленіе полиціи, уже въ числѣ 500 чел., двинулись на Тверскую и дошли со студенческими пѣснями до дома Ген.-Губернатора (толпа — какъ сообщаютъ намъ изъ другого источника — съ пѣніемъ и свистомъ стояла мин. 20 передъ домомъ ген.губ. Ред.). Здѣсь, уже раздѣленная полиціей на нѣсколько частей, толпа была оттѣснена въ Столешниковъ переулокъ; при этомъ полиція старалась отдѣлить студентовъ отъ остальной публики. Это имъ удалось, и чел. 50 студентовъ, оказавшись совершенно отдѣленными отъ остальной толпы, дошли до Кузнецкаго моста, — какъ вдругъ изъ пассажа Джамгаровыхъ по командѣ „нарядъ впередъ!“ бросились жандармы и, не смотря на заявленіе студентовъ, что они пойдутъ не сопротивляясь, куда имъ будетъ указано, жандармы стали имъ наносить побои. Особенно пострадали два студента (техникъ и универсантъ) — братья Котельниковы; съ остальными тоже не стѣснялись. Арестованные 27 чел. отправлены въ участокъ, гдѣ приставомъ Новиковымъ былъ составленъ протоколъ, по которому эти 27 лицъ обвинялись: 1) въ нарушеніи общественной тишины и порядка, 2) въ сопротивленіи приказаніямъ полиціи, 3) въ подстрекательствѣ и предводительствѣ толпой болѣе, чѣмъ въ 500 чел. Послѣдній пунктъ обвиненія, являясь вымысломъ полиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собой наибольшее наказаніе. По удостовѣренію личности, при чемъ нѣкоторыхъ съ этою цѣлью возили въ учебныя заведенія, арестованные были отпущены. На слѣдующій день они были призваны въ участокъ, гдѣ имъ объявили, что они будутъ судиться не мировымъ судьей, а высшей администраціей на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. По поводу этого факта 19 ноября въ техническомъ училищѣ собралась сходка; на ней постановлено ходатайствовать, чтобы обвиняемые судились мировымъ судьей, раздѣлить расходы по веденію дѣла между всѣми студентами, и въ случаѣ, если ходатайство не будетъ удовлетворено, не оставлять этого дѣла безъ послѣдствій.

Студенческое движеніе опять начинаетъ принимать боевой характеръ. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. Въ виду этого ознакомленіе съ ходомъ развитія движенія пріобрѣтаетъ особую важность.

Начнемъ съ Москвы, гдѣ пресловутый генералъ Ванновскій лично отвѣтилъ на студенческія требованія.

Броженіе студентовъ началось еще раньше пріѣзда Ванновскаго. Гнусная статья въ „Гражданинѣ“, бросавшая грязью въ учащуюся молодежь, вызвала двѣ сходки въ октябрѣ (первая — 15 октября, въ 1500 чел., вторая — до 3000), выразившія презрѣніе кн. Мещерскому. Но студенты чувствовали, что за Мещерскимъ скрывается нѣчто большее. Была выбрана коммиссія изъ профессоровъ (Тимирязева, — котораго, кстати сказать, восторженно привѣтствовали студенты по поводу его рѣшенія остаться въ университетѣ; по рукамъ ходилъ проектъ адреса ему, отдававшій должное человѣку независимому и убѣжденному; Умова, Ключевскаго и др.) и изъ делегатовъ отъ курсовъ для выработки формы протеста. Но когда пріѣхалъ Ванновскій, попечитель

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Прошло 40 лѣтъ со смерти Добролюбова. Въ нашихъ легальныхъ газетахъ о немъ печатаются статьи. Всегда вѣрныя себѣ „Московскія Вѣдомости“ пытаются ругаться надъ его памятью, утверждая, что Добролюбовъ проповѣдывалъ, „что лгать, измѣнять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всякомъ случаѣ, лучше и пріятнѣе, чѣмъ умирать за вѣрность этому и всякому другому долгу“, что онъ... „вообще разрѣшалъ своимъ послѣдователямъ на все и на вся“. А доказательство: онъ не признавалъ въ мірѣ ничего абсолютнаго (въ Бога не вѣровалъ) и былъ „утилитаристомъ“.

Такой способъ уничтоженія революціонеровъ давно въ обычаѣ. „Моск. Вѣд.“ полѣнились придумать для этого случая что-нибудь новое. Но Добролюбовъ былъ вліятельнымъ и страстнымъ врагомъ всего того, чему служитъ эта газета. Почтить его память какимъ-нибудь, хотя бы самымъ затасканнымъ ругательствомъ, она была обязана. Большинство же органовъ нашей легальной печати отнеслись и относятся къ памяти Добролюбова очень почтительно. Но о самыхъ завѣтныхъ его убѣжденіяхъ, о самой сущности его взглядовъ они говорить не будутъ. Промолчитъ — цензуры ради — даже тотъ, кто помнитъ, а большинство его поклонниковъ давнымъ давно забыло его завѣты, многіе же, вѣроятно, и никогда ихъ не понимали. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только эти революціонныя, недоступныя легальной прессѣ мысли Добролюбова, которыми черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ послѣ своей смерти онъ неизмѣримо сильнѣе вліялъ на текущую жизнь, чѣмъ живые публицисты 70-хъ годовъ, ежемѣсячно печатавшіе свои статьи въ журналахъ. Немного страницъ занимаютъ эти мысли въ полномъ собраніи сочиненій Добролюбова. Нужно было счастливое вдохновеніе, подходящій сюжетъ, наконецъ, просто удача, чтобы провести свои революціонныя мысли сквозь цензурныя рогатки, но эти немногія страницы объясняютъ и освѣщаютъ настоящимъ свѣтомъ всѣ остальныя произведенія Добролюбова.

„Современникъ“ неуклонно преслѣдовалъ злыми сарказмами „безсмысленныя мечтанія“ того времени, относительно водворенія всеобщаго благополучія путемъ мирнаго прогресса при системѣ „самодурства“ (читай: самодержавія). Самодовольный восторгъ прессы передъ дарованной ей „свободой“ обличать тѣхъ мелкихъ воришекъ, которыхъ городовой уже взялъ за шиворотъ, и критиковать тѣ учрежденія, которыя въ правительственныхъ канцеляріяхъ обречены на сломъ, возбуждалъ въ Добролюбовѣ величайшее отвращеніе, и онъ не уставалъ осмѣивать и освистывать его на всѣ лады. Но во имя чего? Благонамѣренные поклонники Добролюбова иногда пытаются увѣрить насъ, что, осмѣивая громкія фразы и пустую болтовню, онъ проповѣдывалъ скромную, „положительную работу“. Какую? Въ серьезныхъ критическихъ статьяхъ онъ всячески подчеркивалъ полнѣйшую невозможность при нашей системѣ не потонуть въ грязи, если примешь участіе въ „положительной работѣ“, и глупую жестокость преслѣдовать въ унисонъ съ высшимъ начальствомъ грубыя формы беззаконія на низшихъ ступеняхъ той системы, при которой „чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ“. Высшій начальникъ (въ „Доходномъ мѣстѣ“) „говоритъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть“, тѣмъ не менѣе онъ-то и есть настоящій самодуръ, а за нимъ уже и всѣ другіе. Въ его вѣдомствѣ „законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ“, да она и невозможна тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли начальства и „главною добродѣтелью признаютъ смиреніе передъ этой волей“.

„Гдѣ же выходъ?“, спрашиваетъ Добролюбовъ отъ имени читателя? „Мы остаемся при неразрѣшимой диллемѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, — или же убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою“. — „Печально, правда“, соглашается Добролюбовъ со своимъ огорченнымъ читателемъ, но отказывается утѣшить его указаніемъ выхода. „Впрочемъ, — говоритъ онъ, заканчивая рядъ статей о „Темномъ царствѣ“ — тѣ выводы и заключенія, которыхъ мы не досказали здѣсь, должны сами собою придти на мысль читателю“.

Должны, конечно... но эти статьи, въ которыхъ Добролюбовъ стремился внушить читателямъ непримиримую вражду къ самодержавію, какія бы „благообразныя и величавыя“ формы оно ни принимало, нерѣдко хвалятъ какъ талантливыя обличенія дореформенныхъ порядковъ и нравовъ, отъ которыхъ остались, правда, слѣды... Въ первые годы литературной дѣятельности Добролюбова въ немъ можно лишь угадывать революціонера. Но въ 60-мъ, предпослѣднемъ году своей недолгой жизни ему удалось въ яркихъ символахъ выразить свою вѣру въ близкое народное возстаніе („Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“) и написать съ недопускающей сомнѣній ясностью свое революціонное завѣщаніе подрастающей молодежи образованныхъ классовъ. Въ послѣднемъ ему помогъ Тургеневъ своею повѣстью „Наканунѣ“. Озаглавивъ статью объ этой повѣсти вопросомъ: „Когда же придетъ настоящій день?“ Добролюбовъ взялъ эпиграфомъ къ ней стихъ Гейне: „Стучи въ барабанъ и не бойся!“ Герой Тургенева, Инсаровъ, — болгаринъ, заговорщикъ, ѣдущій на родину поднимать возстаніе противъ турокъ. Сочувствовать угнетаемымъ турками христіанамъ у насъ всегда разрѣшалось. Добролюбовъ къ тому же заранѣе подчеркнулъ всѣ обстоятельства, отличающія насъ отъ болгаръ. Они — завоеванный народъ, а мы, наоборотъ, еще другихъ завоевываемъ. У болгаръ отнимаютъ церкви, а у насъ не только не отнимаютъ, а еще поощряютъ ревность къ обличенію заблудшихъ. Въ Болгаріи у всѣхъ одна цѣль, одно желаніе — освобожденіе. „Такой монотонности нѣтъ въ русской жизни... при существующемъ у насъ благоустройствѣ общественномъ, каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной общей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи“. Наконецъ, русскій Инсаровъ оказался бы просто на просто бунтовщикомъ, „представителемъ противуобщественнаго элемента“, знакомаго публикѣ по изслѣдованіямъ г. Соловьева. Отъ такого героя съ ужасомъ убѣжитъ всякая благовоспитанная барышня, а въ Инсарова влюбилась Елена. Показавши, такимъ образомъ, невозможность русскаго Инсарова, Добролюбовъ тѣмъ съ большимъ жаромъ проповѣдуетъ его необходимость.

Инсаровъ страстно желаетъ освободить свою родину: въ этомъ цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью. Напротивъ, онъ потому-то и стремится къ свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое счастье. У него, говоритъ Елена въ своемъ дневникѣ, „оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ“.

Есть и среди русскихъ отважные люди, энергическія натуры способные выступать на защиту угнетенныхъ, но они растрачиваютъ силы на борьбу съ частными, мелкими проявленіями зла, не думая о его источникѣ. „Намъ разсказывали — говоритъ Добролюбовъ — объ одномъ подобномъ героѣ“. Онъ еще въ гимназіи проявлялъ склонность обличать неправду. Кончивши медицинскій факультетъ, онъ былъ назначенъ въ госпиталь, но не смогъ спокойно прописывать лѣкарствъ, видя, что больные не доѣдаютъ и не допиваютъ, благодаря экономіи тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ продовольствіе. Онъ говорилъ, уличалъ, жаловался — его перевели на худшее мѣсто. Онъ и тамъ продолжалъ упорно отстаивать голодающихъ по милости начальства, былъ, наконецъ, разжалованъ въ фельдшерскіе помощники и, не выдержавъ нарочито звѣрскаго обращенія съ нимъ, застрѣлился. „Во всѣхъ его поступкахъ, говоритъ Добролюбовъ, нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать такимъ образомъ, нужна рѣшимость гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше-ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не сознаетъ надобности и возможности такого дѣла... не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами“... Русскіе герои ограничиваются мизерными частностями, „тогда какъ Инсаровъ, напротивъ, частное всегда подчиняетъ общему, въ увѣренности, что и то не уйдетъ“.

Героевъ, какъ этотъ докторъ, немного, ими являются въ Россіи лишь люди не размышляющіе. Въ нашемъ образованномъ обществѣ многочисленнѣе другой разрядъ людей, дошедшихъ, путемъ долгихъ размышленій, до той же ясности идеи, какъ и Инсаровъ. Они не пойдутъ на службу. Что имъ тамъ дѣлать? „Починивать кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемногу разные дрязги общественнаго устройства? Да не противно-ли у мертваго зубы вырывать и къ чему это поведетъ?“

„Эти люди понимаютъ, гдѣ корень зла, знаютъ, что надо дѣлать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконецъ. Но въ нихъ нѣтъ силы для практической дѣятельности“.

Въ другихъ статьяхъ того-же 60-го года Добролюбовъ сурово относится къ этимъ знающимъ и не дѣйствующимъ людямъ. Онъ отказывается признать ихъ знанія, ихъ убѣжденіе истинными. Истинное убѣжденіе, говоритъ онъ въ статьѣ „Благонамѣренность и дѣятельность“, „когда оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой въ безводной равнинѣ и вдругъ вижу ручеекъ, то я брошусь къ нему, не смотря на то, что онъ окруженъ колючими кустами, изъ которыхъ выглядываютъ змѣи. Самое худое, что я могу потерпѣть въ этихъ кустахъ, — это смерть; но вѣдь я все равно умру же отъ жажды, стало быть, я ничѣмъ не рискую“...

Но въ статьѣ по поводу „Наканунѣ“ онъ допускаетъ искренность убѣжденій этихъ „лишнихъ“ людей, которымъ „рвать у мертваго зубы противно“, а на революціонную иниціативу не хватаетъ рѣшимости. Берсеньевъ (лучшій изъ русскихъ, выведенныхъ въ „Наканунѣ“) готовъ отказаться отъ личнаго счастья въ пользу родины, свободы, справедливости, но онъ смотритъ на это какъ на долгъ и противопоставляетъ этотъ долгъ своему счастью. Онъ похожъ, по мнѣнію Добролюбова, на великодушную дѣвушку, которая рѣшается для спасенія отца на бракъ безъ любви. Она будетъ рада, если что-нибудь помѣшаетъ браку.

выставилъ ему это дѣло либеральной затѣей, и министръ, вызвавъ Виноградова, „поговорилъ съ нимъ нелюбезно“ (какъ выражается авторъ одного письма). Коммиссія прекратила занятія; профессора, участвовавшіе въ ней, перестали читать лекціи „по болѣзни“ (Виноградовъ, Кирпичниковъ и др.), ходили слухи о выходѣ ихъ въ отставку. Броженіе среди студенчества сильно возрасло.

А „лукавый царедворецъ“ еще подлилъ масла въ огонь, когда (4 ноября) отвѣтилъ категорическимъ отказомъ на требованія, предъявленныя ему депутаціей студентовъ (въ числѣ 21 студента, пришедшихъ къ Ванновскому въ Лоскутную гостинницу) Эти — общестуденческія, какъ увидимъ ниже — требованія состояли въ допущеніи женщинъ въ университетъ; въ уничтоженіи ограниченія въ пріемѣ евреевъ; въ отмѣнѣ прикрѣпленія къ округамъ; въ уничтоженіи инспекціи; въ разрѣшеніи всякихъ организацій и т. п. Отказъ министра и его наглыя заявленія о невѣрности „слуховъ“(!), будто онъ весной что-то обѣщалъ, возмутили и самыхъ мирныхъ. На совѣтъ министра-лакея „успокоиться“ депутаты „отвѣтили гробовымъ молчаніемъ“. „Вечеромъ того же дня „состоялось“ — иронически пишетъ одинъ москвичъ — совѣщаніе 63 студентовъ, по 3 чел. отъ курса, съ коммиссіей профессоровъ. Было заранѣе постановлено прямо потребовать отъ профессоровъ признанія сходки и ея постановленій. Тогда предсѣдатель отвѣтилъ, что министръ уже высказался противъ этого, и делегаты, по полученной отъ сходки инструкціи, немедленно оставили залу. Въ результатѣ этихъ бесѣдъ получилась прокламація, въ которой студенты призываютъ къ болѣе широкой борьбѣ уже не за академическую свободу, которая несовмѣстима съ деспотизмомъ, а за свободу политическую.“

На этомъ заканчиваются полученныя нами свѣдѣнія. Отмѣтимъ только, что „Исполнительный Комитетъ объединенныхъ землячествъ и организацій“ началъ изданіе бюллетеней.

Въ Петербургѣ рядъ сходокъ тоже протестовалъ еще въ октябрѣ противъ „Гражданина“. 8 ноября въ Электротехническомъ институтѣ произошелъ небывалый фактъ: сыщикъ хотѣлъ отнять у студента полученное имъ черезъ посыльнаго письмо и уже потащилъ-было его вмѣстѣ съ дворникомъ за руку!! Студенты едва не избили негодяя-„агента“, котораго съ трудомъ вырвали у нихъ и, хотя директоръ и увѣрялъ, что Клейгельсъ обѣщалъ „взыскать“ съ сыщика, но студенты настоятельно продолжали требовать отставки инспектора (сходка 13 ноября). Того же числа были сходки въ университетѣ (668 чел. — требуютъ свободы слова, личности и организацій. Протестуютъ противъ политики Ванновскаго), въ Лѣсномъ институтѣ и въ Технологическомъ. Союзный Совѣтъ СПБ. университета сообщаетъ, что петербургское студенчество ждетъ общаго движенія и готово примкнуть къ нему. Добавимъ, что въ СПБ. ходилъ слухъ, будто Сипягинъ нарочно распространялъ слухъ о смерти Л. Н. Толстого, ища повода для репрессалій надъ протестующими студентами! Въ Гос. Совѣтѣ будто бы „троица“: Побѣдоносцевъ, Сипягинъ и Витте — рѣшительно возстали противъ университетской реформы.

Въ Кіевѣ студенчество сразу проявило болѣе политической сознательности. Уже 11 окт. сходка въ 900-1000 чел. протестуетъ противъ политики Ванновскаго, такъ явно водящаго всѣхъ за носъ, и повторяетъ главныя изъ общестуденческихъ (см. выше) требованій (ср. № 10 „Искры“) „Сходка вполнѣ опредѣленно выяснила связь академической жизни съ жизнью политической... установила необходимость политической борьбы“, заявлялъ Кіевскій Союзный Совѣтъ въ листкѣ отъ 12 октября. „Студенчество не попалось на удочку правительства!“ — повторилъ онъ въ сильно написанной прокламаціи 15-го октября. „Нашему самодержавію нужны дипломированные холопы, а не мыслящіе граждане... Мы не боролись до сихъ поръ съ самодержавіемъ непосредственно“... и онъ энергично призывалъ студентовъ къ такой борьбѣ. „Студенчество должно быть готово къ такой борьбѣ... Организуйтесь же, товарищи!“

Многолюдная сходка политехниковъ 24 октября указываетъ (листки организаціоннаго комитета) на всю лживость „испытанной системы“ самодержавія и служащихъ ему „реформаторовъ“ и повторяетъ общестуденческія требованія. „Наши академическія требованія могутъ быть удовлетворены лишь путемъ политической борьбы!“ „Студенчество поневолѣ сталкивается съ самодержавіемъ“. И Кіевскій Союзный Совѣтъ (листокъ конца октября) присоединяется къ политехникамъ: „Никакія увѣренія нашихъ „доброжелательныхъ“ профессоровъ... не въ состояніи сдѣлать студентовъ пассивными зрителями... Единственно вѣрный путь — путь борьбы, которой до сихъ поръ не могли остановить тюрьмы, штыки, нагайки и которой не остановятъ и „реформы“ Ванновскаго. Пусть же голосъ протеста раздается все громче и громче, пусть скорѣе грянетъ буря!“ 1 ноября, по приглашенію Союзнаго Совѣта, состоялась сходка съ участіемъ болѣе 1000 чел., обнаружившая, по словамъ листка С. С. отъ 5 ноября, „несомнѣнный ростъ политическаго самосознанія русскаго студенчества“ за послѣднее время. „Между реакціонной прессой (Мещерскій и К°) и самодержавіемъ существуетъ самая тѣсная связь“. И резолюція этого внушительнаго собранія выражаетъ „протестъ противъ того политическаго режима, который, подавляя свободное слово, покровительствуетъ реакціонной печати“. А 11 нояря, по поводу рѣчи Ванновскаго въ Москвѣ, С. С. восклицаетъ: „Свершилось! Маска сброшена! Г. министръ, Вы заявляете, что всѣ уволенные возвращены. Сколько безстыдной и циничной лжи въ этихъ словахъ!... Гдѣ десятки нашихъ товарищей (имена)?... Они томятся въ захолустьяхъ“. И С. Сов., заклеймивъ ограниченіе пріема евреевъ, кончаетъ: „изъ сердца Россіи прозвучали слова Ванновскаго, а эхо, отдавшись въ сердцахъ каждаго, пронесется надъ всей Россіей раскатами грома и вихремъ надвигающейся грозы!“ Мы перейдемъ сейчасъ къ описанію начала грозы въ Харьковѣ, но сначала отмѣтимъ хотя бы парой словъ происшествіе 17 ноября. Дипломированные холопы кіевскаго университета ввели въ „храмъ науки“ одного изъ прихвостней самодержавія, г. Вергуна, который въ издаваемой имъ въ Вѣнѣ на полицейскія деньги газетѣ „Славянскій вѣкъ“ агитируетъ за „объединеніе всѣхъ славянъ подъ скипетромъ россійскаго самодержца“. Оглушительные свистки встрѣтили этого гнуснаго „лектора“, и хотя націоналисты (съ директоромъ 5-ой гимназіи, г. Петромъ, во главѣ) со стульями въ рукахъ бросились на протестовавшихъ, все же демонстранты заставили г. Вергуна, не кончивъ лекціи, удалиться и разошлись сами съ пѣніемъ пѣсенъ: „Смѣло, друзья!“, „Дубинушка“ и „Шалыте“.

Переходимъ къ Харькову. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ привести полностью превосходное воззваніе Харьковскаго Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій отъ 16 октября. С. С. указываетъ, что только благодаря „активной поддержкѣ со стороны борющагося пролетаріата“ прошлогоднее движеніе вынудило уступки у правительства, и заявляетъ: „Только выведенное изъ узкихъ рамокъ борьбы за академическую свободу и поставленное на широкую арену политической борьбы, студенческое движеніе можетъ разсчитывать на энергическую поддержку со стороны прогрессивнаго слоя населенія; и только тѣсный союзъ съ этимъ прогрессивнымъ и революціонно-настроеннымъ слоемъ дѣлаетъ студенчество политической силой“... „Для успѣха движенія необходимо не только единодушіе и организованность, но и поддержка другихъ слоевъ населенія, и прежде всего рабочаго класса. Но такую поддержку студенчество будетъ получать лишь тогда, когда цѣлью борьбы будетъ для него не только академическая или какая-нибудь иная свобода, а прямо и рѣзко поставленное требованіе полной политической свободы“. И высказываясь противъ близорукости либераловъ, осуждая рѣшительно пессимизмъ и апатію части харьковскихъ студентовъ, С. С. зоветъ студенчество „работать рука объ руку съ другими общественными элементами для завоеванія широкой политической свободы“. Вскорѣ послѣ того, на празднованіи юбилея ветеринарнаго института, читалась прокламація, указывавшая на невозможность процвѣтанія науки при существующемъ полицейскомъ строѣ, и пѣлись революціонныя пѣсни. „Въ воздухѣ вольнѣй, чѣмъ раньше“, замѣчаетъ сообщающій это харьковецъ. „По всей вѣроятности, въ исторіи студенческихъ движеній 1902 г. займетъ свое мѣсто“.

Отмѣтимъ, что правительство употребляло въ Харьковѣ свое испытанное средство раздѣлить студентовъ, натравляя одну народность на другую, поддерживая компанію студентовъ-антисемитовъ(!!) и т. п. Но ни происки этой шайки позорныхъ прихвостней реакціи, ни стремленіе націоналистовъ-евреевъ отшатнуться отъ всякаго движенія не могли разрушить преобладающей струи. Сходка 13 ноября въ университетѣ (300-400 чел.) „носила вполнѣ политическій характеръ“, какъ пишетъ одинъ корреспондентъ, и повторила общестуденческія требованія, въ томъ числѣ и требованіе отмѣны процентовъ для евреевъ.

15 ноября, какъ извѣстно уже и изъ правительственнаго сообщенія, студенты перваго курса ветеринарнаго института подали петицію объ отставкѣ проф. Лагермарка. Они нисколько не требовали себѣ права назначать профессоровъ — какъ старалось представить дѣло лживое правительственное сообщеніе, убоявшееся привести цѣликомъ студенческую петицію, — они говорили прямо, что только „невыносимое“ положеніе вынудило ихъ къ протесту, жаловались на „мертвую рутину и казенное отношеніе къ наукѣ“, въ связи съ грубостью профессора, доходящей до грубыхъ окриковъ и бросанія программъ въ лицо студенту(!) и требовали его удаленія (см. текстъ петиціи, изданной 25 ноября въ видѣ гектографированнаго листка Союзнымъ Совѣтомъ по просьбѣ студ.-ветеринаровъ). Правительство отвѣтило на это лживымъ сообщеніемъ и, безъ всякаго разслѣдованія, выбросило изъ института весь первый курсъ! Въ отвѣтъ на это новое насиліе были устроены сходки (въ университетѣ около 200 чел. въ техн. инст. — 400). Постановлено было прибѣгнуть къ забастовкѣ съ обструкціей и поддержать уличную демонстрацію студентовъ-ветеринаровъ. Но предоставимъ слово очевидцамъ:

„У насъ здѣсь такое возбужденное состояніе, что невозможно было взяться за перо. Вотъ уже четвертый день, какъ живемъ на улицѣ, ибо она имѣетъ очень оригинальный видъ. 28 ноября во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки, гдѣ была рѣшена обструкція. Студенты университета, выйдя со сходки въ количествѣ ок. 70 чел., двинулись по Сумской къ Вет. Инст. съ цѣлью встрѣтиться съ ветеринарами, которые тоже послѣ сходки должны были идти по улицѣ. Когда универсанты проходили мимо театра, то совершенно незамѣтно ихъ оцѣпили казаки, появившіяся изъ переулка; тутъ же произошло соединеніе съ ветеринарами (вмѣстѣ ихъ было ок. ста чел.). Всю эту компанію казаки погнали въ бурсацкую часть во дворъ, куда явился губернаторъ и сказалъ, что послѣдній разъ избавляетъ ихъ отъ казаковъ, на что студенты закричали: „а, такъ это вы на насъ казаковъ посылаете!“ и начали свистать. Губернаторъ уѣхалъ, студентовъ отпустили. Около части ихъ ожидала толпа товарищей. Затѣмъ всѣ разошлись. 29 ноября въ 9 ч. утра въ Ветер. Инст. была сходка, чел. 30 студентовъ были въ это время въ курилкѣ. Вдругъ появляется директоръ въ сопровожденіи пристава и указываетъ по просьбѣ послѣдняго студентовъ, которыхъ полиція намѣтила арестовать (ихъ полиція намѣтила раньше, но не могла арестовать только потому, что они не ночевали 2-3 ночи дома). Это возмутило студентовъ, и они рѣшили не отдавать товарищей. Тогда ворвались городовые (чел. 20), оцѣпили всю компанію и повели въ часть, при чемъ на улицѣ у института ихъ окружили еще и казаки. Послѣ этого толпа студентовъ чел. въ 300 собралась у театра (въ 3 часа) съ пѣніемъ „Дубинушки“. Была масса полиціи. „Южный Край“ охранялъ рядъ городовыхъ (такъ какъ наканунѣ студенты опять побили ему окна) и во дворѣ „Южнаго Края“ были казаки. Затѣмъ студенты разошлись до вечера. Въ 6 час. веч. Сумская улица носила необыкновенно живой видъ. Была масса гуляющихъ, при чемъ большинство студенты. Въ $6^1/_2$ час. толпа студентовъ и молодежи собралась на одномъ углу противъ театра и затянула „Дубинушку“ (я была въ этой толпѣ). Не успѣли они пропѣть до конца, какъ раздались крики: „казаки ѣдутъ“.

„На студентовъ количествомъ не больше 200 чел. выпустили свору казаковъ не меньше 150 чел. Моментально толпа была оцѣплена. Когда я и еще нѣсколько чел. хотѣли выскочить между лошадьми, то околодочный дернулъ за рукавъ и толкнулъ въ середину. Не успѣли опомниться, какъ вся эта масса взбѣшенныхъ казаковъ взлетѣла на троттуары съ лошадьми и начала хлестать толпу нагайками. Нечего и говорить, что, попавъ въ такое безвыходное положеніе, публика только и думала, какъ бы спастись и поэтому бѣжала, какъ только возможно было (шелъ мокрый снѣгъ и было очень скользко). Къ счастью, я наткнулась на крыльцо и взобралась на него. Мимо меня неслись студенты, которыхъ настигшіе казаки лупили во-всю нагайками, а городовые тащили отдѣльныхъ лицъ и толкали къ казакамъ. Меня городовой ухватилъ за руку, сволокъ съ крыльца, не знаю, что было бы дальше, если бы на мой крикъ не подскочили двое студентовъ, которые отбили меня у него и поколотили его. Когда я оглянулась, толпы какъ не бывало, только разбросанныя кучки торопились удрать подальше, а толстый самодовольный полисменъ съ пошлымъ смѣхомъ замѣтилъ во всеуслышаніе: „ага, храбрецы, разбѣжались?!“ Затѣмъ публика очистила улицу совершенно. Всѣ перекрестки Сумской были заняты солдатами. Николаевская площадь полна казаковъ. Со-

---

Инсаровъ, напротивъ, дня своей дѣятельности „ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой“. Поэтому, именно Берсеньевъ „можетъ многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не съумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль“. Для этого нужны люди, такъ относящіеся къ своему дѣлу, какъ Инсаровъ. Но отъ русскаго героя для этого требуется больше, чѣмъ отъ болгарина. „Инсаровъ именно тѣмъ и беретъ, что... притѣснители его отечества турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго... Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освободить Болгарію отъ турокъ“. Этотъ сынъ аги долженъ былъ бы „отречься ужъ отъ всего, что связывало его съ турками: — и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія“. „Не много легче дается геройство и русскому образованному человѣку“, и ему необходимо „отреченіе отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми онъ связанъ съ общественной средой“. Такихъ людей не было среди современниковъ Добролюбова, но онъ былъ убѣжденъ, что ихъ выставитъ подростающее поколѣніе.

„На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая — мирныя...“ Но общественная атмосфера мѣняется, еще недавно она подавляла развитіе личностей, подобныхъ Инсарову, но скоро она сама же поможетъ этому развитію. „Въ повѣсти Тургенева сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ-называемое образованное“... „Теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго... Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе“ (Соч. Добролюбова, изд. пятое, т. III, стр. 275-299).

Ближайшая задача, которую возлагаетъ Добролюбовъ на это подростающее поколѣніе, была помощь народному возстанію, въ близость котораго онъ глубоко вѣрилъ. Народъ страдаетъ непосредственно, ему не нужно никакихъ идей, никакихъ разсужденій, чтобы почувствовать невыносимость страданія. Онъ могъ еще терпѣть, пока не слыхалъ о возможности удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей, но теперь (т. е. съ началомъ реформы) онъ уже не удовлетворится кое-какими уступками и облегченіями, онъ возьметъ все. Его инстинктивное возстаніе будетъ неодолимо, какъ разливъ рѣки, встрѣтившей препятствіе въ своемъ теченіи. Добролюбовъ боялся только, что крестьяне возстанутъ раньше, чѣмъ подростетъ поколѣніе, способное пріити имъ на помощь въ городахъ, въ центрахъ. Это опасеніе онъ выражаетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ революціи:

О подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподнимутъ рукъ.

Возстанія ждали въ то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаемъ теперь, что эти надежды и опасенія оказались напрасными. Крестьяне терпѣли и терпѣли, вытерпѣть къ несчастію, и нынѣшній годъ, голодая подъ бдительнымъ надзоромъ начальства, тщательно охраняющаго ихъ отъ всякой помощи, не прошедшей черезъ казенный карманъ.

Вѣра въ крестьянъ обманула Добролюбова. Но его завѣтъ и вмѣстѣ предвидѣніе относительно подростающаго поколѣнія образованнаго общества оправдалось вполнѣ. Оно выросло революціоннымъ и выдѣлило изъ себя контингентъ людей, всецѣло отдавшихся своему дѣлу. Жажда дѣятельности была въ нихъ неизмѣримо сильнѣе личныхъ соображеній относительно ядовитости жандармскихъ и полицейскихъ змѣй, выглядывающихъ изъ-за колючихъ кустовъ, но та же жажда дѣйствовать какъ можно дольше и успѣшнѣе научила ихъ соединяться въ нелегальныя организаціи и тѣмъ самымъ „отрекаться уже отъ всего, что ихъ связывало съ турками... отъ круга родныхъ и друзей, отъ житейскихъ выгодъ своего положенія“ и отъ всякихъ разсчетовъ когда-либо вернуться въ ту среду, гдѣ, чтобы жить и дѣйствовать, „нужно убить въ себѣ мысль, волю и нравственное достоинство“. Они ошиблись въ надеждѣ разбудить своею проповѣдью крестьянскія массы и погибли, дорого продавъ свою жизнь царскимъ змѣямъ, и послѣ ихъ гибели ночь, отдѣлявшая Россію отъ „настоящаго дня“, стала еще темнѣе.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое не только поклонниками „благообразнаго“ самодержавія, но даже такимъ сторонникомъ конституціи, какъ авторъ „Россіи наканунѣ XX-го столѣтія“, что именно „Современникъ“ виноватъ въ реакціи, быстро смѣнившей мимолетное „благообразіе“. Своей отрицательной проповѣдью Чернышевскій и Добролюбовъ раздражали правительство и посѣяли сѣмена дальнѣйшихъ поводовъ къ раздраженію. Выходитъ, что если бы не раздражать самодержавное правительство, оно не только не отняло бы дарованныхъ послабленій, а еще, пожалуй, прибавило бы. Странное это мнѣніе. Да, разумѣется, не отняло бы, если бы оказалось, что реформы никому не нужны, что послабленіями рѣшительно никто не пользуется. Если бы вся пресса всегда придерживалась направленія, охарактеризованнаго Щедринымъ въ названіи газеты: „Чего изволите“?, пресса не подвергалась бы періодическимъ избіеніямъ оппозиціонныхъ органовъ и, чего добраго, даже цензура была бы уничтожена. Если бы какъ присяжные, такъ и мировые судьи всегда постановляли приговоры, сообразуясь не со своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, а съ видами начальства, компетенція суда присяжныхъ не была бы сокращена, а судъ присяжныхъ — почти уничтоженъ. Если бы всѣ наши учебныя заведенія никогда не выпускали людей другого типа, кромѣ Молчалинскаго, они не были бы превращены въ какія-то полицейско-исправительныя учрежденія и т. д. и т. д. Но для такого „единенія царя съ народомъ“ нужно было бы, чтобы Россія была населена не людьми, а существами какой-то низшей, нигдѣ и никогда не существовавшей породы. Нигдѣ и никогда — такъ какъ для мирнаго существованія деспотій чисто азіатскаго типа нужно совсѣмъ другое. Азіатскій деспотъ можетъ учинять частныя злодѣйства: отнять жену или понравившуюся часть имущества, но отъ его произвола въ общественныхъ дѣлахъ гарантируетъ стародавняя руина застывшей полуварварскій цивилизаціи, неподвижность одинаковыхъ сверху до низу понятій о добрѣ и злѣ, о дозволенномъ и недозволенномъ, занесенныхъ въ какое-нибудь „священное писаніе“. Тамъ „единеніе“ дѣйствительно существуетъ, и службу начальству, пока оно не знаетъ ничего кромѣ „Корана“, трудно отличить отъ службы отечеству.

Но въ Россіи, которую два вѣка само правительство дергаетъ взадъ и впередъ, гдѣ вырабатываемыя въ канцеляріяхъ реформы и контръ-реформы безпрерывно слѣдуютъ однѣ за другими; гдѣ весь экономическій строй страны находится въ интенсивномъ процессѣ измѣненія; куда уже два вѣка, спускаясь сверху внизъ, проникаютъ всѣ идеи, вырабатываемыя европейской цивилизаціей, — чтобы въ такой странѣ всѣ подданные сообразовались съ волею начальства, — вмѣсто религіозной неподвижности восточной нравственности — необходимо ея полнѣйшее отсутствіе, полнѣйшее равнодушіе къ тому, добро или зло повелѣваетъ начальство — лишь бы деньги платило.

Чтобы въ такой странѣ никто не „раздражалъ“ правительства, недостаточно, чтобы люди „убивали въ себѣ мысль и волю и нравственное достоинство“, — это дѣлается въ громадныхъ размѣрахъ. Надо, чтобы имъ убивать-то было нечего.

Многіе изъ волнующихся студентовъ дѣлаются потомъ „раболѣпными исполнителями чужой воли для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою“. Даже изъ людей, принимавшихъ участіе въ „политическихъ преступленіяхъ“, иные дослуживаются потомъ до „степеней извѣстныхъ“. Но и этимъ людямъ, мысль, воля и нравственность которыхъ не живучи и могутъ быть убиты отдѣльно отъ остальныхъ функцій организма, на убійство все же нужно время, а пока что, — будущій сановникъ „раздражаетъ“ правительство.

* * *

За послѣднее время правительство снова подвергается самымъ усиленнымъ раздраженіямъ. Снова у значительнаго процента образованной молодежи жажда честной дѣятельности пересиливаетъ благоразумныя соображенія объ ядовитости и бдительности мундирныхъ змѣй. Но рядомъ съ вторично поднявшимся слоемъ образованныхъ разночинцевъ встаетъ теперь нѣчто, чего не предвидѣлъ Добролюбовъ. Въ горячей „атмосферѣ надеждъ и ожиданій“ выростаетъ теперь все большій и большій кругъ рабочей молодежи. Ей не отъ чего отрекаться. У нея, какъ у Инсарова, никогда не было ничего общаго съ нашими внутренними турками. Рабочіе непосредственно страдаютъ отъ произвола въ его самой грубой формѣ, они сами — просыпающаяся часть того „простонародья“, на инстиктивное возстаніе котораго разсчитывалъ Добролюбовъ. Но въ то же время они рвутся къ знанію, они вырабатываютъ въ себѣ тѣ „истинныя убѣжденія“, которыя толкаютъ къ дѣятельности, не смотря на всѣхъ „змѣй“. Ихъ непосредственное возмущеніе, соединяясь съ знаніемъ, можетъ только развиваться все шире и шире.

Свою статью „Когда же придетъ настоящій день?“ Добролюбовъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ революціонному подъему, къ „русскому Инсарову“! „Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, а служитъ только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!“

Ночь была страшно длинна. Революціонное движеніе разночинцевъ, освѣщавшее ее своими молніями, было только очищавшей воздухъ ночной грозой, безъ которой мы задохлись бы въ міазмахъ „темнаго царства“. Лишь теперь наступаетъ разсвѣтъ „настоящаго дня“, но теперь ужъ — „Стучи въ барабанъ и не бойся!“ — ночь не можетъ вернуться.

бравшуюся вслѣдъ за этимъ толпу на Московской улицѣ и продержавшуюся четверть часа съ пѣніемъ и криками: „Долой самодержавіе“, требованіями „политической свободы“, „8-час. рабочаго дня“ и проч постигла та же участь (избіеніе нагайками), затѣмъ около собор тоже, а народъ все-таки не расходился и подвигался все дальше и чуть только гдѣ скоплялась кучка и запѣвала, какъ казаки налетали и разгоняли. Так. обр. масса улицъ была захвачена движеніемъ. Только къ 12 ч. все улеглось. 30-го къ вечеру опять появилась масса народа по обѣимъ сторонамъ Сумской, при чемъ замѣтно было большое количество рабочихъ, особенно подростковъ. Казаки ѣздили взадъ и впередъ, но не къ чему было придраться. Только къ 10 час., когда въ одномъ мѣстѣ, на Николаевской площади, собралась порядочная группа и запѣла, то налетѣли башибузуки и моментально разогнали. Возбужденіе страшное. Масса толковъ. Есть раненые“.

Другой корреспондентъ замѣчаетъ:

„Казаки дошли до такого озвѣрѣнія, что топтали толпу лошадьми, били всѣхъ; раздавались стоны и душу раздирающіе крики. Описываю всѣ эти ужасы, какъ свидѣтель. Въ стѣнахъ университета царитъ страшное возбужденіе. Было избіеніе педелей и стычки съ оппозиціей, при чемъ многіе студенты падали въ обморокъ, пришлось посылать за докторами и лекарствомъ“.

Третій очевидецъ сообщаетъ:

„29-го ноября, къ 6 час. вечера, предложено было являться на Сумскую. Публика стала собираться. Ждали рабочихъ. У театра толпа студентовъ начала демонстрацію съ пѣніемъ. Но тутъ началась катавасія, которая живо напомнила 19-ое февраля. Началось жестокое избіеніе. Воздухъ огласился воплями, стонами и истериками. Хватали и таскали въ участокъ. Били шашками (тупымъ концомъ), нагайками, кулаками. Эту толпу избили и разогнали. Появилась масса конныхъ и пѣшихъ войскъ, которыя сновали по всѣмъ направленіямъ. Въ разныхъ мѣстахъ происходили небольшія демонстраціи и избіенія. Избіенія были на Московской, гдѣ особенно пострадали женщины, и на Екатеринославской. Вездѣ одна и та же картина. Крики, вопли о помощи. Скоро центральныя улицы были заняты войсками и очищены. Городъ обратился въ военный лагерь. Вездѣ отряды конницы и пѣхоты. Положеніе грозное. Рабочихъ было мало, такъ какъ, говорятъ, заводы оцѣплены. Волненія длились отъ 6 до 12 ночи. Настроеніе страшно возбужденное. Обѣ стороны озлоблены, остервенились, и, повидимому, этимъ не окончится. Кулакъ и нагайка царятъ“.

Четвертый корреспондентъ, изложивъ вышеописанныя событія, кромѣ того, сообщаетъ:

„29-го вечеромъ была такъ же, какъ и на Сумской, энергичная свалка на Жандармской площади между войсками и желѣзнодорожными рабочими, которые рѣшили послѣ дневныхъ работъ пристать къ демонстрантамъ. Войсками рабочіе разсѣяны и на Сумскую не допущены“.

Приводимъ также присланныя намъ выдержки изъ одного письма посторонняго лица (Харьковъ, 29 ноября):

„29 ноября съ 10 час. утра Вет. Инст. снова былъ окруженъ войсками, ред. „Юж. Края“ ограждена 15 городовыми, а во дворѣ редакціи размѣщенъ эскадронъ казаковъ. Въ теченіе всего дня вся Сумская была занята народомъ, и къ вечеру тамъ собралось 6-7 тысячъ. Въ 6 час. веч. противъ драматическаго театра собрался хоръ студентовъ и пропѣлъ „Дубинушку“. Затѣмъ хоръ перешелъ на панель Госуд. Банка и былъ численно увеличенъ подошедшей публикой. Въ это время полиція, въ лицѣ многихъ и многихъ ея представителей, появилась на панели и предложила публикѣ, не участвующей въ демонстраціи, сойти съ панели, добавивъ, что оставшіеся на панели будутъ оцѣплены войсками и арестованы. Публика начала перебѣгать съ панели Банка къ театру и въ скверъ; вслѣдъ за словами полиціи выѣхали со двора „Юж. Края“ казаки и оцѣпили публику (студентовъ), оставшуюся на панели, которой еще разъ было предложено раздѣлиться на демонстрантовъ и недемонстрантовъ и послѣднимъ выйти за тѣсную цѣпь казаковъ. Вышли за цѣпь „всѣ до одного“, и казаки остались въ дуракахъ, выѣхавъ на самую панель, гдѣ никого не было. Тогда казаки разбились на три группы: одна погналась за публикой, которая хлынула въ Театральный переулокъ, другая — за публикой, направившейся параллельно къ скверу, и третья — за публикой по Сумской къ ред. „Юж. Края“. По дорогѣ хлестали плетками, но сравнительно мало, и публика почти не защищалась, а стремилась, главнымъ образомъ, улепетнуть. Вся эта стычка протекла въ какихъ-нибудь 5-7 минутъ. Все это сопровождалось ужасающимъ крикомъ, свистомъ, визгомъ, шиканьемъ и самыми энергичными движеніями и суетой какъ со стороны усмирителей, такъ и со стороны публики. Затѣмъ казаки быстро возвратились въ домъ Юзефовича, и все на нѣсколько минутъ разбѣжалось въ прилегающіе къ театру переулки, а затѣмъ черезъ 5-10-минутъ всѣ опять выплыли на Сумскую. Въ это время прибыли еще два эскадрона казаковъ, изъ нихъ эскадронъ расположился противъ театра, эскадронъ разъѣзжалъ взадъ и впередъ по Сумской. Когда все успокоилось (черезъ полчаса), пришла пѣхота и оцѣпила Сумскую, не разрѣшая пѣшеходамъ направляться къ Драматическому театру, а публику, которая была у театра и внизъ по Сумской, пѣхота вмѣстѣ съ казаками начала медленно оттискивать къ Николаевской площади и затѣмъ внизъ на Московскую. Публика, спустившись на Московскую, попыталась-было подняться до Николаевской площади; ее сначала допустили, а затѣмъ опять оттиснули внизъ; публика опять попробовала подняться на площадь, благодаря приливу къ публикѣ рабочихъ; ее допустили на самую средину площади и здѣсь опять набросились на нее казаки и начали хлестать плетьми уже по настоящему, разгоняя публику къ собору, Сумской, Московской и прилегающимъ переулкамъ. Эта расправа опять сопровождалась крикомъ, гиканьемъ, воплями и чортъ его знаетъ еще чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что заставляло колыхаться грудь до острой физической боли. Арестовано въ этотъ вечеръ было мало. Я видѣлъ только, какъ удалось полиціи увести двухъ человѣкъ, одного студента и одного штатскаго. Арестовъ и обысковъ передъ демонстраціей тоже было немного. Этимъ фактическимъ изложеніемъ я закончу письмо, которое пишу сейчасъ какъ пришелъ домой съ Сумской“.

Наконецъ, еще одинъ корреспондентъ такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ 29 ноября.

„Къ 6 час. было около 5 тысячъ. Къ этому времени кончилась сходка технологовъ, и они тоже (400 челов.) высыпали на улицу. Толпа тянулась отъ Астраханской гостинницы до Мироносицкаго сквера. Въ смежныхъ переулкахъ бродили кучки студентовъ и лихорадочно возбужденныхъ обывателей. Отрядъ городовыхъ растянулся отъ Астраханской гостинницы до Мироносицкаго сквера. Противъ театра выстроились спѣшившіеся казаки. Конный отрядъ ихъ демонстративно (во всю ширину улицы, по обоимъ троттуарамъ и мостовой) разъѣзжали взадъ и впередъ. Вдругъ возлѣ Юзефовича собралась кучка студентовъ и въ сопровожденіи толпы съ „Дубинушкой“ бросилась вверхъ по Сумской. Мгновенно съ обѣихъ сторонъ изъ дворовъ выскочили казаки и городовые и безъ предупрежденія, съ гикомъ и свистомъ бросились на толпу. Началась нещадная бойня. Охваченная паникой, толпа съ криками: „Казаки! Коллеги, насъ бьютъ!“ бросилась внизъ. Слышались истерическіе крики женщинъ, плачъ, ругательства, свистъ, проклятія. Въ свалкѣ одна барышня бросилась поднимать упавшаго къ ея ногамъ студента, и вдругъ разразилась страшнымъ истерическимъ крикомъ: „подлецы, мерзавцы! Бейте ихъ!“ Куча городовыхъ набросилась на нее, но толпа оттѣснила, и ей удалось скрыться. Студенты съ окровавленными лицами бѣжали въ разсыпную. Одинъ студентъ по слухамъ, ударилъ пристава въ лицо. Другой вырвалъ у казака нагайку и хлестнулъ его. Сейчасъ же схвачено было человѣкъ пять и отвезено въ полицію. Ужасъ, охватившій толпу увеличивался темнотой, гикомъ наѣхавшихъ на толпу конныхъ казаковъ, свистками полиціи и т. д. Пока происходила свалка, на углу Николаевской площади (противъ женевскаго магазина) появилась кучка рабочихъ, человѣкъ въ 50 Вѣсть объ этомъ мгновенно пробѣжала по всей толпѣ. То здѣсь, то тамъ слышался таинственный шопотъ: „Рабочіе пришли! Рабочіе!“ Около ¾ 7-го рабочіе и небольшая группка студентовъ дружно и весело запѣли „Нагаечку“. Послѣ второго куплета пѣсня оборвалась, потому что показались казаки. Начался страшный свистъ, громкіе крики, улюлюканье. Кто-то затянулъ „Дубинушку“. Толпа подхватила и бросилась съ пѣніемъ и свистками на встрѣчу казакамъ. Они наскакали въ карьеръ, по тротуарамъ, смяли толпу и бросились въ Николаевскій скверъ, гдѣ столпились студенты и пестрая публика. Топотъ лошадей, крики бѣгущей толпы, пронзительный свистъ, неожиданность нападенія конныхъ казаковъ нагнали панику. Толпа въ ужасѣ разсыпалась по разнымъ направленіямъ. Студенты прорвали цѣпь казаковъ, окружавшихъ скверъ, и бросились бѣжать. Съ этого момента демонстрація разсыпается по всему городу и превращается въ рядъ уличныхъ схватокъ съ казаками. На Сумскую вызвана рота солдатъ, оцѣпившая ее во всю длину, пропуская только экипажи къ театру. Конка не шла. Схватки студентовъ, рабочихъ и просто толпы были на Слесарномъ пер., на Екатеринославской подъ Университетской Горкой. Казаки набрасывались даже на мирно стоявшія толпы, били, не разбирая. Избито много женщинъ. Стегали нагайками по головамъ, били упавшихъ, сбившихся въ кучу. Въ отдѣльныхъ схваткахъ раздавались крики: „Да здравствуетъ пролетаріатъ, да здравствуетъ 8-часовый рабочій день! Долой самодержавіе!“ и т. д. Къ 12 часамъ по улицамъ бродили лишь отдѣльныя кучки. На Николаевской площади выстроились солдаты. На перекресткахъ конные патрули. На углахъ улицъ городовые и ночные сторожа съ обнаженными палашами. Возбужденіе охватило весь городъ. На окраинахъ гдѣ никого не было, извозчики, обыватели знаютъ о происшедшемъ. Всюду на улицахъ, на конкахъ горячіе споры и толки“.

О дальнѣйшихъ событіяхъ нашъ корреспондентъ пишетъ:

„Первое декабря прошло спокойно на улицѣ и очень бурно въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ университетѣ было собесѣдованіе студентовъ съ профессорами по просьбѣ первыхъ, при чемъ студенты говорили пылкія рѣчи, въ которыхъ ярко обрисовали весь ужасъ современнаго положенія и просили профессоровъ не читать лекцій, такъ какъ это чтеніе будетъ сопровождаться трупами, ибо возмущеніе растетъ съ каждымъ часомъ; съ нѣкоторыми студентами дѣлались истерики, обмороки. Профессора держали себя въ общемъ прилично. Забастовка полная во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. 2 дек. съ утра Сумская улица кишѣла народомъ; большинство студенты, публика и небольшое количество городскихъ пролетаріевъ, т. е. ремесленниковъ; изрѣдка были видны и заводскіе типы. Повсюду — полицейскіе чины. Вся эта масса народу ходила по Сумской улицѣ взадъ и впередъ по троттуару. Всѣ какъ будто чего-то ждали, но это ничѣмъ не разрѣшилось. Къ 3 час. улица опустѣла (погода была убійственная, снѣгъ растаялъ отъ дождя, образовалась гололедица). Къ вечеру, не смотря на дождь, съ 6 час. набралась масса народу. Толпа чел. въ 200 прошла по Сумской отъ театра на Московскую улицу съ краснымъ знаменемъ (на которомъ было написано: 8-час. раб. день и политическая свобода) и пѣніемъ. Не успѣла она остановиться на Московской улицѣ, какъ налетѣли казаки, начали стегать; ошеломленные люди бросились въ ближайшій переулокъ, и тутъ имъ здорово досталось. Вообще городовые и казаки, очевидно, получили право распоряжаться по своему усмотрѣнію, и наглость ихъ доходила до необыкновенныхъ размѣровъ. За ихъ дѣйствіями никто не слѣдитъ. Какъ только гдѣ-нибудь замѣчаютъ стоящую толпу, сейчасъ налетаютъ и бьютъ нагайками, а городовые шашками. Въ 8 час. небольшая толпа перебралась незамѣтно на Екатеринославскую и прошлась свободно со знаменемъ и пѣніемъ, съ криками: „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“, привлекая массу народа, затѣмъ была разогнана налетѣвшими казаками. До 10 час. продолжалось движеніе. Съ 8 час. театральная площадь была занята казаками и войскомъ и по Сумской отъ Николаевской площади прекращено конное и пѣшее движеніе. Съ понедѣльника 3-го улицы приняли обыкновенный видъ.

„Во всѣхъ уличныхъ движеніяхъ принимали участіе изъ рабочихъ только ремесленники, большею частью подростки, а изъ заводскихъ отдѣльныя лица“.

Въ дополненіе къ этому приводимъ еще два описанія событій 2 декабря. Одинъ очевидецъ пишетъ (Харьковъ, 4 декабря):

„Къ вечеру толпа все увеличивалась. Между 5-6 час. Сумская улица была буквально напружена народомъ, съ трудомъ можно было двигаться. Въ толпѣ преобладали студенты и рабочіе. Около 7 час. вся масса съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ хлынула внизъ по Сумской. Развернулось красное знамя. Толпа шла впередъ и впередъ. Вскорѣ, почти одновременно, появились войска; пѣхота, казаки и масса полиціи. Началась расправа. Били не только нагайками, пускали въ ходъ шашки и кулаки. Толпа не отступала. У многихъ въ рукахъ были кастеты, гайки, палки, безоружные защищались кулаками. Наконецъ, раздался выстрѣлъ. Кто стрѣлялъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Но толпа не расходилась и снова, поднявъ красное знамя, двинулась по Екатеринославской улицѣ. Началось новое, страшное избіеніе. Университетъ оффиціально закрытъ, а съ 3 декабря также и Технолог. и Ветер. Институты“.

Другой корреспондентъ сообщаетъ:

2 декабря была назначена организаціоннымъ комитетомъ студентовъ Технологическаго Института демонстрація на 12 ч. дня Сумской улицѣ. Къ этому времени на Сумскую стеклось тысячъ 12-15 разнаго званія людей, въ этомъ же числѣ находилось и много студентовъ. Настроеніе было настолько вялое, что о демонстраціи не приходилось и думать, и къ часу дня былъ выпущенъ тѣмъ же комитетомъ плакатъ, который раздавался здѣсь же, на улицѣ, что демонстрація откладывается на 6 час. веч. Публика все время не оставляла Сумской. Къ 6 час. веч. численность ея значительно увеличилась. Сумская улица, отъ ред. „Юж. Края“, Николаевская площадь и Николаевскій скверъ, Московская и прилегающіе къ этимъ мѣстностямъ переулки были заполнены народомъ. Народъ этотъ, ничѣмъ активно себя не заявляя, на просьбы большого наряда городовыхъ — разойтись переходилъ съ одного мѣста на другое. Въ 7 час. среди публики появились войска во всемъ вооруженіи (говорятъ, что каждый солдатъ снабженъ былъ 24 боевыми патронами). Войска заняли слѣд. пункты: во дворѣ „Юж. Края“ эскадронъ казаковъ, противъ Драмат. театра и въ переулкахъ эскадронъ казаковъ, по Сумской разъѣзжалъ эскадронъ казаковъ, противъ Николаевской церкви эскадронъ казаковъ и двѣ роты пѣхоты, на Московской улицѣ рота пѣхоты, въ Петровскій переулокъ рота пѣхоты. Помимо этого, вездѣ разъѣзжали небольшіе отряды казаковъ. Въ части города, прилегающей къ Конной площади, и около паровозостроительнаго завода расположился полкъ драгуновъ, вызванный къ этому дню изъ гор. Чугуева. До 8 час. стычекъ съ войсками не происходило, а были только „передвиженія“ какъ войскъ, такъ и публики; гдѣ-нибудь, напр., на Московской ул. раздавалось пѣніе, туда усиленно двигались казаки, пѣхота, а за ними публика. Пѣніе прекращалось, прекращалась демонстрація, и нахлынувшимъ войскамъ нечего было дѣлать, и они принимались разсѣивать вообще публику. Рота пѣхоты всходила на панель и тѣснила публику; публика уходила впередъ, обходила пѣхоту, становилась ей въ затылокъ, въ концѣ концовъ тѣснила пѣхоту и т. д. и т. д. Получалась какая-то мѣшанина, которую увеличивали извозчики, конка.

Въ 9 час. вечера полиція узнала, что въ городѣ движутся на мѣсто демонстраціи рабочіе паровозостроительнаго завода; на встрѣчу имъ понеслись казаки, побѣжала пѣхота, а вслѣдъ за ними и большая часть публики, которая до того находилась на Сумской и Московской. Непріятели встрѣтились на Харьковскомъ мосту; побѣдителемъ оказалось христолюбивое воинство, вооруженное съ ногъ до головы, которое въ этотъ разъ пустило въ ходъ нагайки; рабочіе были отброшены и разсѣяны; побѣдители долго преслѣдовали, дѣйствуя плетьми; воротившись съ мѣста битвы, воинство начало болѣе энергично разсѣивать публику; отрѣзывалась часть толпы сомкнутымъ строемъ казаковъ, энергично оттискивалась въ темную улицу и тамъ пускались въ ходъ плети и кулаки; конечно, не разбиралось, на кого обрушивались плети, такъ что въ нѣсколькихъ мѣстахъ были избиты и изувѣчены (напр., выбитъ глазъ молодой дѣвушкѣ) старики, старухи и малолѣтніе, случайно проходившіе въ это время по улицамъ города. Окончательно публика оставила мѣсто демонстраціи въ 11½ час. вечера.

Въ заключеніе добавимъ, что Харьковскій Комитетъ Рос. С.-Д. Рѣб. Партіи выпустилъ послѣ 29 ноября хорошо написанное воззваніе: „Ко всѣмъ харьковскимъ рабочимъ“, въ которомъ справедливо говорится: „Борьба студентовъ давно уже перестала быть дѣломъ однихъ студентовъ, потому что она сдѣлалась борьбой за политическую свободу... Мы всѣ задыхаемся въ тискахъ безграничнаго произвола“... Прокламація заканчивается словами: „мы привѣтствуемъ борящихся студентовъ и восклицаемъ: долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“

Рига. 24 ноября у насъ въ институтѣ была неразрѣшенная сходка въ 500 чел. Рѣчи на этой сходкѣ характерно отличались отъ прошлогоднихъ рѣчей. Говорили, что студентами мы будемъ только нѣсколько лѣтъ, а гражданами цѣлую жизнь. Поэтому для насъ важно выставить требованія общегражданскаго характера, какъ свободу слова, совѣсти, печати, нежели узко-академическія требованія. Говорили даже о томъ, что, пожалуй, придется намъ силой брать эти права, выйти на улицу и драться. Послѣ сходки чел. 100 пошли по Суворовской улицѣ мимо жандармскаго управленія, пѣли „Дубинушку“ и „Марсельезу“.

Рига. Приводимъ цѣликомъ только-что полученную нами прокламацію (оригиналъ гектографированъ и сопровождается текстомъ на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

„Граждане! Сегодня, 7 декабря въ 7½ час. веч. состоялась демонстрація передъ редакціей „Rig. Rundschau“, при чемъ были выбиты стекла. Демонстрація была вызвана статьей, помѣщенной въ № 268 отъ 26 ноября 1901 г., въ которой рекомендуется правительству неумолимая строгость по отношенію къ протестующимъ студентамъ и указываются извѣстныя слова Лютера, сказанныя имъ по поводу крестьянскихъ бунтовъ (бейте ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ).

„Мы, студенты Рижскаго Политехническаго Института, заявляемъ, что, не имѣя возможности протестовать открыто при существующемъ гоненіи на свободное слово, мы принуждены подобнымъ образомъ отвѣчать на такого рода выходки реакціонной печати“.

Ярославль. Приводимъ присланныя намъ подробныя свѣдѣнія о возмутительномъ случаѣ избіенія студентовъ:

20 октября въ 12 часу ночи изъ пивной Адамецъ по Власьевой улицѣ шла небольшая группа студентовъ, чел. 6-7. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ у мирового судьи, выяснилось, что студенты не были пьяны, шли спокойно, не пѣли, только разговаривали между собой. Дойдя до гостинницы „Европа“, они неожиданно подверглись нападенію вооруженной толпы, чел. 15. Эта толпа состояла изъ 3-4 чел. ночныхъ сторожей, 2 трамвайныхъ служителей, вооруженныхъ дубинами, жгутами, нѣсколькихъ городовыхъ съ шашками. При приближеніи студентовъ, изъ толпы раздалось: „мы имъ покажемъ“. Студенты были быстро окружены, нѣкоторые сбиты съ ногъ, и на нихъ посыпались безконечные удары шашками, дубинами, кулаками. Перепуганные студенты взывали о помощи и кричали: „Да за что вы насъ бьете? За что бьете?“ Разбѣжаться студенты не могли, такъ какъ всѣ выходы съ небольшой площади, 4 угла гостинницы „Европа“ были предусмотрительно заняты сторожами съ дубинами въ рукахъ, которые нападали какъ на избиваемыхъ студентовъ, такъ и на спѣшившихъ на помощь. Посторонніе лица, проходившіе мимо мѣста побоища и желавшіе узнать причину происходившаго, подвергались нападеніямъ или угрозамъ. Это удостовѣрено показаніями свидѣтелей у мирового судьи. Во время побоища, полицейскій надзиратель Домбровскій, производившій обходъ въ эту ночь, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ побоища и, повидимому, наслаждался созерцаніемъ этой картины.

Нѣкоторые изъ пострадавшихъ студентовъ отправились тотчасъ же въ участокъ и требовали составленія протокола о случившемся, вызова полицмейстера или губернатора. Но здѣсь студенты изъ потерпѣвшихъ внезапно превратились въ обвиняемыхъ. Полиція составила протоколъ о нарушеніи тишины и спокойствія и на слѣдующее утро угрозами заставили студентовъ подписаться подъ нимъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что студентъ Александровскій былъ такъ слабъ, избитъ и потрясенъ всѣмъ случившимся, что, по показанію экспертизы, былъ близокъ къ истерическому припадку и, придя въ участокъ, упалъ внизъ лицомъ безъ чувствъ. Студентъ Морисовъ, пострадавшій больше всего (такъ какъ по освидѣтельствованіи врача у него оказалось переломленное ребро, не говоря уже о многочисленныхъ слѣдахъ побоевъ, судя по опухоли и синякамъ всего туловища, рукъ, ногъ; на шеѣ ясные слѣды удушенія), чувствуя боль въ боку, стѣсненное дыханіе, былъ крайне нервно возбужденъ и особенно увидѣвъ Александрова въ такомъ положеніи, срывалъ рубашку, сюртукъ, инстинктивно освобождая свою грудь, требовалъ врача (между прочимъ, срывая сюртукъ, онъ нечаянно опрокинулъ лампу; это полиція, конечно, не преминула поставить въ особую вину, какъ явное безобразное и пьяное буйство студентовъ). Требованіе его не только не было удовлетворено, наоборотъ, вмѣстѣ съ другими студентами, Александровскимъ и Бѣлокрылинымъ, въ обнаженномъ видѣ онъ былъ препровожденъ въ кутузку. По пути въ кутузку, студенты подвергались побоямъ и оскорбленіямъ полицейскихъ: ихъ толкали въ бока, въ спину, драли за волосы, сдавливали горло, чтобы заглушить крики. На слѣдующій день они были освобождены и освидѣтельствованы земскимъ врачемъ Алексинскимъ, который нашелъ у трехъ студентовъ свѣжіе слѣды тяжкихъ побоевъ, нанесенныхъ тупымъ орудіемъ. Послѣдствіемъ ихъ было даже кровохарканье у Морисова, а по свидѣтельству врача — это человѣкъ крѣпкаго сложенія. У другихъ сильные ушибы головы, спины, рукъ и ногъ. Въ ту же ночь нѣсколько студентовъ были избиты въ другихъ пунктахъ города.

Дѣло разбиралось у мирового судьи въ теченіе четырехъ дней. Полиція держала себя на судѣ недостойнымъ образомъ: подсказывала свидѣтелямъ, какъ во время суда, такъ и во время перерывовъ, что было подмѣчено многими лицами изъ публики, а также и защитниками, о чемъ и было заявлено судьѣ. Судья приговорилъ студента Бѣлокрылина къ 5 днямъ ареста, а остальныхъ оправдалъ, дѣйствія же полиціи призналъ незаконными, но ему не подсудными. Дѣло возбуждено у судебнаго слѣдователя. Для характеристики здѣшней администраціи не лишнее указать на то, что губернаторъ оказывалъ сильное давленіе на судью, чтобы онъ обвинилъ студентовъ. Врачъ же Алексинскій, производившій освидѣтельствованіе, впалъ въ немилость, и циркулируютъ слухи, что онъ не удержится на мѣстѣ.

Краткій отчетъ о судебномъ разбирательствѣ былъ помѣщенъ въ мѣстной газетѣ „Сѣверный Край“, но этотъ номеръ не былъ пропущенъ цензурой и совсѣмъ не появился на свѣтъ божій. Въ слѣдующемъ номерѣ редакція помѣстила заявленіе, что „такой-то номеръ не вышелъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.“ Говорятъ, что за это редакторъ получилъ внушеніе свыше.

Вызванная этими событіями студенческая сходка 24 октября потребовала у губернатора черезъ директора лицея, чтобы впредь студентовъ не брали въ участокъ, а въ случаѣ какихъ нибудь недоразумѣній требовали студенческій билетъ, или доставляли ихъ въ лицей.

По поводу этого избіенія была выпущена студентами лицея прокламація.

Вильна. Новый виленскій помпадуръ фон-Валь съ первыхъ же дней принялся за искорененіе „корней и нитей“, заявивъ въ

своей рѣчи представлявшимся ему должностнымъ лицамъ и такъ называемымъ „представителямъ общества“, что возникшія со смертью ген.-губернатора Троцкаго среди виленскихъ обывателей „мечтанія“ о смягченіи режима — безсмыслены и неосновательны, что правительство не измѣнило своего взгляда на край, что созданные для него исключительные законы остаются въ силѣ, однимъ словомъ, что не можетъ быть и рѣчи объ уменьшеніи „твердости власти“. Такъ говорилъ г. Валь и сейчасъ же сталъ подтверждать свое слово дѣломъ. Сюда онъ пріѣхалъ 31 октября, какъ разъ въ разгаръ всеобщей стачки кожевниковъ въ Сморгони (до 1300 чел.), главными требованіями выставившихъ — освобожденіе арестованныхъ передъ тѣмъ въ Сморгони 31 чел. и уменьшеніе рабочаго дня. Фон-Валь прежде всего послалъ туда сотню казаковъ, потомъ расклеилъ объявленіе, что расправится съ рабочими „предоставленными ему для прекращенія рабочихъ безпорядковъ мѣрами“; когда это не помогло, объявилъ, что не вставшіе на работу до понедѣльника 5 ноября, будутъ высланы по этапу. Не помогло и это. Тогда началась высылка и выслано до 10 ноября до 600 съ лишнимъ человѣкъ. Свыше 70 арестованы и сидятъ въ Вильнѣ и Вилейкѣ. Въ ночь на 5 ноября въ самой Вильнѣ тоже были обыски и аресты; взято 16 чел., преимущественно рабочихъ, сидятъ въ 14 номерѣ.

Но, кромѣ мѣръ строгости, г. Валь, очевидно, имѣетъ въ своемъ прейскурантѣ, также и „начальственныя увѣщанія“. Созваны были на дняхъ еврейскіе раввины и представители еврейскаго купечества и предпринимательскаго общества. Валь началъ съ того, что лучше сора изъ избы не выметать, возникшую въ своей средѣ смуту подавить самимъ, не заставляя правительственную власть вмѣшаться и прибѣгнуть къ репрессіямъ, тяжело отзывающимся на всемъ еврействѣ. Съ соціализмомъ должно бороться пріобрѣтеніемъ вліянія на молодежь, распространеніемъ вновь религіозности и проч. и проч. Это говорилось тѣмъ самымъ людямъ, которые не задолго до этого хлопотали въ жандармскомъ управленіи въ Вильнѣ о введеніи военнаго положенія, которые на этихъ же дняхъ выклянчили у Валя расквартированіе въ новомъ городѣ казаковъ, начавшихъ уже свои безчинства. Виленскій соц.-дем. комитетъ выпустилъ на русскомъ языкѣ печатный „Отвѣтъ виленскому губернатору“, бичующій „холопскія традиціи еврейской буржуазіи“ и зовущій рабочихъ, которые за 10-15 лѣтъ превратились изъ тихихъ, забитыхъ еврейчиковъ въ сознательныхъ пролетаріевъ-борцовъ, къ неутомимой борьбѣ рука объ руку съ русскимъ, польскимъ, литовскимъ и латышскимъ пролетаріатомъ за сверженіе русскаго самодержавія.

Къ числу возложенныхъ на фон-Валя многотрудныхъ обязанностей относится также борьба съ „польской крамолой“. И тутъ Валь съ перваго дня началъ „искоренять“. Проѣхавъ по Георгіевскому просп. и увидѣвъ, что на какомъ-то строющемся дому поставленъ бюстъ Яна Собѣсскаго, онъ велѣлъ немедленно его убрать. Будучи въ дворянскомъ клубѣ и услыхавъ польскій разговоръ, Валь потребовалъ завѣдующаго и спросилъ у него объясненій, всегда-ли тамъ такъ говорятъ? Тотъ отвѣтилъ, что какъ кому угодно, тотъ такъ и говоритъ. А какъ говоритъ прислуга? — На какомъ языкѣ говорятъ съ ней, на такомъ и она отвѣчаетъ. — „Чтобы этого больше не было. Если прислуга будетъ говорить по польски — я закрою клубъ“. Но этого мало: Валь счелъ нужнымъ бороться не только съ поляками, но и съ... малороссами. Пріѣхалъ сюда Сусловъ съ малорусской труппой, гастролировавшей здѣсь все лѣто. Валь не разрѣшилъ ему спектаклей. Суслову пришлось ѣхать къ министру и удалось выхлопотать разрѣшеніе лишь на шесть спектаклей.

Въ своей вышеупомянутой рѣчи чиновникамъ Валь распространялся о необходимости „нравственныхъ началъ и справедливости“ для представителей власти. Не знаемъ, какъ понималъ нравственность и справедливость г. Валь, прославившійся своими дикими выходками въ бытность курскимъ и витебскимъ губернаторомъ и петербургскимъ градоначальникомъ, но странно понимаетъ онъ ихъ теперь. На дняхъ ѣдутъ на извозчикѣ двое почтовыхъ чиновниковъ, встрѣчается имъ Валь и останавливаетъ ихъ. — Почему вы не сдѣлали фронта? — Потому что отъ дѣланія фронта освобождаются ѣдущіе верхомъ, на извозчикахъ и проч. — А почему вы не поклонились? — Потому что мы съ вами не знакомы; мы вамъ не представлялись...

На другой день по настоянію фон-Валя оба чиновника были уволены въ отставку.

Нравственность же понимается ближайшимъ помощникомъ Валя, вице-губернаторомъ Баляснымъ, довольно оригинально. Является онъ недѣли двѣ назадъ въ одно изъ самыхъ злачныхъ мѣстъ Вильны — ресторанъ и кафэ-шантанъ Шумана. Спрашиваетъ, кто завѣдываетъ „женской“ частью. Приходитъ завѣдующій, и Балясный заявляетъ ему слѣд: „Знайте, что вы отъ меня зависите. Хочу — вы существуете, захочу — закрою ваше заведеніе“... и заказываетъ ужинъ съ винами, закусками и проч. Этого мало, г. Балясный сталъ весьма недвусмысленно намекать на необходимость взятки деньгами и натурой. Но рестораторъ оказался неподатливымъ и заявилъ, что не боится его, такъ какъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ губернскаго правленія, по закону не зависитъ.

Валь привезъ съ собой изъ СПБ. нѣкоего Станкевича, который остановился на Вокзальной улицѣ въ гост. „Дагмара“. Этотъ Станкевичъ посѣтилъ нѣсколько фабрикъ и мастерскихъ, отрекомендовался и потребовалъ, согласно распоряженію Валя, чтобы при возникновеніи стачекъ, волненіи и т. п., ему немедленно давали знать. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ онъ забралъ всѣ рабочія книжки.

СТОЛѢТІЕ РУССКАГО ШТЫКА ВЪ ГРУЗІИ.

Еще за годъ до окончанія столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи, грузинское дворянство въ лицѣ заслуженныхъ генераловъ-грузинъ возбудило вопросъ о чествованіи такого, по ихъ мнѣнію, важнаго и радостнаго событія. Рѣшено было на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ выработкѣ программы чествованія, устроить трехдневныя празднества въ г. Тифлисѣ, угостить стоящія въ Тифлисѣ войска (ихъ къ юбилею набралось несмѣтное количество) виномъ и закуской, иллюминовать городъ и окрестности, устроить тріумфальныя арки, пригласить предводителей дворянства внутреннихъ губерній Россіи и министровъ, а также учредить на счетъ Грузіи стипендіи въ кадетскихъ корпусахъ для дѣтей грузинъ. Конечно, небольшая сознательная часть грузинскаго дворянства, присутствовавшая на этихъ засѣданіяхъ, относилась съ затаеннымъ отвращеніемъ къ подобному способу чествованію присоединенія Грузіи къ Россіи, но, не имѣя возможности выразить свое недовольство, ограничилась молчаніемъ.

Наконецъ, настали 26, 27 и 28 сентября — дни торжествъ. Николай, зацуганный донесеніями фельдфебеля стараго закала кн. Голицына, что за кавказцевъ онъ не ручается, прислалъ вмѣсто себя своего дядюшку Михаила, съ которымъ пріѣхала греческая королева, его и ея дѣти. Мѣстная жандармерія и полиція, отлично зная, на сколько сочувственно относится большая часть грузинъ и армянъ къ этимъ торжествамъ, и желая показать Михаилу все въ розовомъ свѣтѣ, объявила, что 26, 27 и 28 сентября должны праздновать всѣ, надѣясь, такимъ образомъ, достигнуть большаго скопленія толпы на улицахъ; кромѣ того, приказано было собраться въ Тифлисѣ всѣмъ сельскимъ старшинамъ. Нѣсколько молодыхъ ишютовъ-князей грузинъ, заложивши или продавши послѣдніе клочки земли, разодѣли себя и своихъ коней въ золото и бархатъ и составили почетный караулъ. Нужно было видѣть, съ какимъ нескрываемымъ отвращеніемъ публика, особенно армяне, относились къ ихъ гарцованію на улицахъ. „Угодники“ городского муниципалитета сообразили устроить тріумфальныя арки, одна изъ которыхъ на главной улицѣ изображала съ одной стороны браво выглядящую русскую крѣпость, а съ другой — разрушенную грузинскую башню: это было выраженіе низкопоклонническихъ чувствъ.

Къ полудню 26 сентября улицы, по которымъ должны были проѣхать гости, были переполнены народомъ, но добрую половину его составляли войска, городовые и учащіеся, разставленные шпалерами. Долгое томительное ожиданіе разражается то тамъ, то сямъ смѣхомъ и остротами. Къ тріумфальной аркѣ второпяхъ прибиваютъ послѣднія фитифлюшки, какъ вдругъ подъѣзжаетъ конный и объявляетъ: „ѣдутъ“. Работа моментально брошена, войска вытягиваются въ струнку, ученики лѣниво занимаютъ свои мѣста, толпа колышется, головы вытягиваются впередъ и видятъ: летитъ, стоя на фаэтонѣ, полицмейстеръ, неистово размахивая руками и требуя знаками, чтобы народъ кричалъ „ура“. Но народъ молчитъ. Мало того: кто-то свистнулъ, другой, третій и — общій свистъ огласилъ воздухъ. Гости въ недоумѣніи, не зная, отвѣчать поклонами на подобное привѣтствіе или нѣтъ. Если кто кричалъ ура, такъ только солдаты и полиція. И такая восторженная встрѣча продолжалась всѣ три дня.

Въ первый день, 26-го, по городу разнесся слухъ, что 27-го будетъ объявлена радостная вѣсть для туземнаго населенія. Дворяне ожидали великихъ благъ для своего сословія, крестьяне — сложенія недоимокъ и облегченія податей, малосознательная часть интеллигенціи — открытія одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а рабочіе классы, конечно, ничего не ожидали. „Радостная вѣсть“, объявленная 27-го, заключала въ себѣ явную насмѣшку надъ грузинами, такъ какъ, кромѣ самыхъ незначительныхъ облегченій и грошовыхъ подарковъ грузинскому дворянству, ничего въ ней не было.

Грузиская либеральная интеллигенція, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшила выразить свой протестъ такъ: не выходить изъ дому въ дни торжествъ и выпустить прокламацію, обращенную безъ различія ко всѣмъ грузинамъ, что и было исполнено. Прокламація, написанная очень слабо, содержала въ себѣ общія мѣста о томъ, что грузины притѣснены русскимъ правительствомъ и т. п. Вся прокламація била на узко-патріотическія чувства и никакого впечатлѣнія не произвела.

Совершенно другимъ и гораздо болѣе энергичнымъ характеромъ отличался протестъ, выраженный мѣстной рабочей организаціей. Первая прокламація, выпущенная рабочими на грузинскомъ языкѣ, заключала въ себѣ краткую исторію присоединенія Грузіи къ Россіи, характеристику русскаго царизма и плодовъ его управленія на Кавказѣ и обращеніе къ рабочимъ съ призывомъ сплотиться для сверженія позорнаго ига царизма. По одному экземпляру этой прокламаціи было разослано всѣмъ, начиная съ Михаила (бывшаго тогда въ Боржомѣ), высокопоставленнымъ особамъ, во всѣ общественныя учрежденія. Прокламаціи были расклеены въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на дверяхъ учебныхъ заведеній и разбрасываемы въ народѣ. Эта прокламація вышла около 23 сентября. 26 сентября была выпущена краткая, но сильная прокламація на русскомъ языкѣ въ формѣ діалога между Николаемъ II и грузинскимъ дворянствомъ, гдѣ послѣднее обнадеживаетъ царя, что оно — его вѣрный слуга и если случаются такія непріятныя явленія въ Грузіи, какъ 22 Апрѣля, такъ это дѣло рабочихъ, а дворяне тутъ не при чемъ. Эти прокламаціи были разбросаны въ лагерѣ, стоящемъ близь рабочаго квартала, въ громадномъ количествѣ, а также распространены среди народа. Но самое важное было то, что мѣстная рабочая организація ознаменовала столѣтіе выпускомъ въ свѣтъ перваго революціоннаго грузинскаго періодическаго изданія, подъ названіемъ „Борьба“. Органъ этотъ предполагается выпускать по мѣрѣ накопленія матеріала въ видѣ фактовъ изъ борьбы мѣстной рабочей организаціи съ буржуазіей и жандармеріей. Первый номеръ заключалъ въ себѣ нѣсколько статей принципіальнаго характера, прокламаціи и хрон. стачекъ на Кавказѣ (особенно въ Тифлисѣ).

Интересно было, какъ перемѣнила фронтъ грузинская либеральная интеллигенція послѣ объявленія манифеста о дарованіи грузинскому дворянству жалкихъ крохъ со стола Николая II. Послѣ обнародованія этого манифеста, она выпустила другую прокламацію, гдѣ тонъ былъ совершенно измѣненъ и обращеніе ко всѣмъ грузинамъ исчезло.

До юбилея жандармерія произвела настоящую облаву и всѣхъ, когда-нибудь бывшихъ подъ надзоромъ, сторожила, чтобы они не вышли изъ дому. Арестовали рабочихъ Гагуа и Джибладзе и интеллигентовъ Каландарашвили и Цулукидзе. Помимо арестованныхъ 22 апрѣля 41 чел. рабочихъ (въ томъ числѣ нѣсколько студентовъ), еще раньше были арестованы Джибладзе, братья Каладзе (интеллигенты), рабочій Гоглидзе и нѣсколько другихъ рабочихъ. Арестовали и черезъ двѣ недѣли выпустили интеллигента Махарадзе, который въ настоящее время снова арестованъ. Арестовали лѣтомъ Жорданія. Обыски не прекращаются, штатъ шціоновъ сильно увеличенъ. Учрежденная съ 4 сентября усиленная охрана пока ничего новаго не принесла, такъ какъ гнетъ всегда былъ, и до охраны и послѣ. Усиленная охрана это просто — пыль въ глаза для постаковъ.

Псковскіе земцы въ заботахъ о псковскихъ крестьянахъ. Псковское уѣздное земское собраніе недавно рѣшило хлопотать передъ правительствомъ о воспрещеніи крестьянамъ переселенія въ Сибирь. Оно находитъ, что переселенія „крайне нежелательны въ интересахъ экономическаго благосостоянія уѣзда“ и признало „необходимымъ принятіе энергическихъ мѣръ борьбы съ этимъ крупнымъ явленіемъ мѣстной хозяйственной жизни“, иначе говоря, высказалось за „энергичныя мѣры борьбы“ съ непокорными крестьянами, убѣгающими въ Сибирь отъ привольной жизни въ Псковскомъ уѣздѣ.

Да, отъ привольной! По крайней мѣрѣ, такъ полагаютъ земцы. Они считаютъ, что „переселеніе... представляется въ общемъ необоснованнымъ и не вызываемымъ дѣйствительной потребностью“. Но мужики, надо думать, считаютъ ито ихъ переселенія вызываются „дѣйствительной потребностью“, ибо иначе зачѣмъ бы они стали переселяться? Гласный изъ крестьянъ, печерскій старшина, заявилъ, что переселенія объясняются плохимъ качествомъ крестьянской земли. Но псковскіе земцы думаютъ, что они лучше знаютъ „дѣйствительныя потребности“ крестьянъ, чѣмъ сами крестьяне. Псковскіе земцы находятъ, что мужику и дома хорошо. Если земли у него мало, то, вѣдь, „при обиліи пустопорожнихъ земель и невысокой арендной платѣ за землю пользованіе земельными угодьями для занятія сельскимъ хозяйствомъ является для крестьянства въ достаточной мѣрѣ обезпеченнымъ“.

Далѣе, и въ отношеніи заработковъ „крестьяне Псковскаго уѣзда находятся въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ самое расположеніе уѣзда на нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ и близость къ столь крупнымъ рабочимъ рынкамъ, какъ Петербургъ и Рига, гарантируютъ крестьянству выгодныя работы, а нахожденіе въ предѣлахъ уѣзда Псковского озера и значительныхъ по размѣрамъ алебастровыхъ ломокъ на ряду съ существованіемъ разныхъ кустарныхъ производствъ изъ мѣстныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и глины доставляютъ населенію обильные и прибыльные заработки чисто мѣстнаго характера“.

Бѣдный мужичекъ бѣжитъ въ Сибирь подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ „злонамѣренными лицами“. А въ Сибири ему грозятъ новыя бѣдствія. „Приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни при переходѣ изъ климата съ морскимъ характеромъ въ климатъ рѣзко континентальный, изъ своеобразныхъ почвенныхъ условій оказывается непосильнымъ для мало подвижного и неразвитаго населенія Псковской губ.“. Поэтому, для блага мужика воспретить ему двигаться съ мѣста и ходатайствовать о принятіи въ интересахъ населенія экстренныхъ мѣръ къ временному прекращенію переселенческаго движенія“.

Такими-то пошло-лицомѣрными рѣчами о „пользѣ“ мужика псковскіе земцы прикрываютъ свою боязнь потери той дешевой рабочей силы, которая имъ доставляется крестьянами, не могущими прокормиться со своего надѣла! Крестьянинъ бѣжитъ отъ „прадѣдовской“ земли, надѣясь стать въ Сибири „заправскимъ“ хозяиномъ, а его удерживаютъ, увѣщевая, что онъ долженъ во вѣки оставаться полу-хозяиномъ, полу-наемникомъ, что онъ долженъ быть прикрѣпленъ къ тѣмъ „пустопорожнимъ землямъ“ гг. помѣшиковъ, къ тѣмъ каменоломнямъ и мѣстнымъ промысламъ, въ которыхъ къ его труду уже присосалась цѣлая туча пьявокъ-кулаковъ.

Земства созданы для заботы „о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ“. Изгнавъ изъ земства положеніемъ 1890 г. выборныхъ отъ крестьянъ, правительство стремилось превратить земство въ учрежденіе, заботящееся о „нуждахъ и пользахъ“ мѣстныхъ помѣщиковъ. И земцы, слѣдуя желаніямъ правительства, подъ флагомъ „интересовъ населенія“, проводятъ самыя крѣпостническія затѣи. Но такой политикой земство само роетъ себѣ могилу. Въ настоящее время правительство готовится къ новому походу противъ земскаго, самоуправленія. Въ борьбѣ противъ самодержавнаго самодурства земство сможетъ отстоять свои права лишь въ томъ случаѣ, если въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія будетъ представлять не одни классовые интересы помѣщиковъ, но и нѣкоторые обще-народные интересы. Превращаясь въ органъ грубо-классовой политики крѣпостниковъ-помѣщиковъ, земство лишается всякаго сочувствія со стороны не-привиллегированныхъ классовъ, его борьба противъ правительства теряетъ всякое общенародное значеніе. Если въ „интересахъ населенія“ земство будетъ хлопотать объ усиленіи полицейскаго произвола царизма надъ населеніемъ, то это послѣднее съ полнымъ равнодушіемъ будетъ присутствовать при той расправѣ, которую произведутъ надъ земствомъ гг. Витте и Сипягины, и эту расправу, поверьте, гг. псковскіе земцы! — министры царя съумѣютъ также совершить подъ предлогомъ... „интересовъ населенія“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка портныхъ въ Кіевѣ (изъ матер. Летуч. Л. № 3). 4 ноября въ Кіевѣ началась стачка портныхъ, работающихъ въ мелкихъ портяжныхъ мастерскихъ, главнымъ образомъ, на Крещатикѣ и на Подолѣ. Условія работы въ этихъ мастерскихъ до крайности тяжелы, и можно только удивляться, что рабочіе могли мириться съ ними до сихъ поръ. Пользуясь тѣмъ, что въ большинствѣ мастерскихъ работаетъ чел. 3-4 и лишь въ болѣе крупныхъ — чел. 6-8 и что, слѣд., рабочіе, въ виду ихъ малочисленности, не могутъ поставить серьезныхъ препятствій кулаческой дѣятельности владѣльцевъ, хозяева эксплуатируютъ своихъ рабочихъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Работы производились съ ранняго утра до поздней ночи, работали по 18 час. въ сутки за самое ничтожное вознагражденіе. Въ послѣднее время, однако, среди портныхъ началось броженіе, закончившееся стачкой. Сначала оставлены были работы лишь въ нѣсколькихъ мастерскихъ, но уже къ вечеру перваго дня стачки число стачечниковъ значительно увеличилось, а на третій день дошло до 300 чел. Работы оставлены были приблизительно въ 60 мастерскихъ. Требованія рабочихъ сводились къ уменьшенію рабочаго дня до 12 час. и къ увеличенію заработной платы на 50%. Къ работающимъ въ мастерскихъ примкнули даже нѣкоторые изъ портныхъ, берущихъ работу сдѣльно на домъ, и потребовали увеличенія поштучной платы. Нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ хозяевъ рѣшили пойти на уступки уже въ первые дни стачки, большая же часть не соглашалась удовлетворить требованія рабочихъ. Въ концѣ концовъ, однако, большинство хозяевъ уступило, удовлетворивъ, хотя и не полностью, выставленныя требованія (такъ, между прочимъ, хозяева согласились лишь на 13-часовый рабочій день). Чрезвычайно интереснымъ результатомъ стачки является то обстоятельство, что многіе изъ хозяевъ, хотя и крайне неохотно, выдали своимъ рабочимъ домашнія условія, въ которыхъ точно обозначены часы начала и окончанія работы, чего до сихъ поръ въ мелкихъ мастерскихъ не бывало. Не смотря на крайній недостатокъ въ средствахъ, забастовка тянулась болѣе недѣли. За время стачки нѣсколько (чел. 15) рабочихъ была арестованы; въ настоящее время часть арестованныхъ уже выпущена. Чел. 40 рабочихъ были разсчитаны хозяевами. Стачка въ данное время уже окончилась. Были прокламаціи: на русскомъ языкѣ (Комитета) и на еврейскомъ (изданная группой портныхъ).

Стачка на черкасскомъ сахаро-рафинадномъ заводѣ. Насколько вѣрно, что „идеи съ вѣтромъ носятся“, доказываетъ стачка на сахаро-рафинадномъ заводѣ, расположенномъ около г. Черкассъ (Кіевской губ.). „Постороннихъ вліяній“ не могъ обнаружить даже посланный изъ Кіева съ спеціальной цѣлью раскрытія „корней и нитей“ жандармъ (кажется, г. Беклемишевъ), а между тѣмъ, рабочіе выставили требованіе, которое стало уже однимъ изъ лозунговъ всемірнаго рабочаго движенія- они потребовали 8-часоваго рабочаго дня.

Въ среднихъ числахъ октября была стачка на Смѣлянскомъ заводѣ графовъ Бобринскихъ, а 2 ноября стачка вспыхнула на Черкасскомъ заводѣ. Этотъ заводъ построенъ всего лишь мѣсяца два, при чемъ имѣлось въ виду возможно скорѣе начать работы на заводѣ и вовсе не имѣлись въ виду даже самыя элементарныя удобства рабочихъ. Дѣло началось съ того, что часть рабочихъ отказалась 2 ноября работать на прежнихъ условіяхъ и потребовала введенія 8-часоваго рабочаго дня, такъ какъ при двухъ смѣнахъ въ сутки они слишкомъ истощаются, а также вѣжливаго обращенія съ рабочими со стороны администраціи и служащихъ. Требованія эти, какъ намъ достовѣрно извѣстно, выставлены были рабочими совершенно самостоятельно, безъ всякой агитаціи со стороны „разныхъ соціалистовъ“, какъ говоритъ директоръ завода, инженеръ-технологъ Олтаржевскій, которому инженерское званіе не мѣшаетъ быть человѣкомъ полуинтеллигентнымъ. Узнавъ объ отказѣ отъ работъ, Олтаржевскій послалъ къ рабочимъ своего помощника, а потомъ явился въ казармы для переговоровъ собственною персоною. Кричалъ, ругалъ, уговаривалъ, но толку не вышло никакого: рабочіе крѣпко стояли на своемъ. На слѣдующій день забастовали почти всѣ рабочіе (ок. 500 чел.). Явился фабричный инспекторъ Пархоменко. Онъ попробовалъ-было дѣйствовать крикомъ, но сразу же осѣкся, увидѣвъ себя окруженнымъ толпою изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ. Рабочіе предъявили слѣдующія требованія: уменьшеніе рабочаго дня до 8 час., увеличеніе заработной платы, уменьшеніе количества вывариваемыхъ аппаратовъ съ 11 до 8 въ смѣну, увеличеніе числа рабочихъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ работа наиболѣе тяжела и т. д. Г. Пархоменко попробовалъ дѣйствовать „изъ-подъ политики“ и началъ убѣждать рабочихъ начать работы, а потомъ-де онъ „все разберетъ“. Но хитрость не удалась: рабочіе стояли на своемъ. 3 ноября на заводѣ работало всего 16 человѣкъ.

Но и полиція не дремала. Еще 2 ноября исправникъ, появившійся на заводѣ, приказалъ арестовать одного рабочаго. Но товарищи отбили его, при чемъ влетѣло и полицейскому надзирателю, арестовавшему рабочаго вмѣстѣ съ сотскими. Полиція удвоила „строгости“, исправникъ кричалъ и ругался, какъ извощикъ, — и въ концѣ концовъ администрація добилась совокупными усиліями того, что рабочіе, что называется, озвѣрѣли и начали буйствовать: перебили окна въ квартирахъ служащихъ, выгнали исправника, который сунулся-было и въ казармы „убѣждать“ рабочихъ, а затѣмъ начали поговаривать даже, что недурно было бы разрушить и самый заводъ. Вызвавъ безпорядки, исправникъ струсилъ за свою шкуру и телеграфировалъ губернатору, что на заводѣ „бунтъ“, для усмиренія котораго и требуется вооруженная сила. Войска были высланы и явились 4 ноября, когда озлобленные наглымъ поведеніемъ полиціи рабочіе направлялись съ криками къ заводу. Безоружные рабочіе были разогнаны по казармамъ, а затѣмъ началась расправа... Изъ 500 чел. потребовали разсчета 150. Ихъ выпускали по одиночкѣ въ контору, а оттуда въ цѣпь изъ солдатъ. Паспортовъ имъ не выдали, а сдѣлали на нихъ отмѣтку красными чернилами, что они не имѣютъ права выѣзда изъ своей губерніи и вообще не могутъ быть приняты ни на какой заводъ. Затѣмъ ихъ подъ военнымъ конвоемъ, отдѣльнымъ пароходомъ отправили въ Могилевскую и Смоленскую губ. 30 чел. взято въ тюрьму.

Но оставшіеся на заводѣ твердо помнятъ то, чего требовали ихъ товарищи: увеличеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго дня до 8 час. Дѣло передано теперь судебному слѣдователю. На заводъ пріѣзжалъ даже самъ прокуроръ Кіевскаго окружнаго суда Цомшъ и разыскивалъ вмѣстѣ съ жандармами — „преступную пропаганду“ но таковой не оказалось...

Какъ живутъ московскіе булочники и кондитеры? (Письмо изъ Москвы).

На фаб. Эйнемъ берутъ обыкновенно пришлыхъ раб., прямо изъ деревни — мужчинъ и женщинъ. Рабочихъ, которые бы учились съ малолѣтства, мало. На первый годъ кладутъ жалованья 6-7 руб. въ мѣсяцъ на всемъ хозяйскомъ, исключая стирки и бани. Дѣвушки получаютъ 40 коп. на всемъ на своемъ. Работа продолжается съ 7 утра до 7 вечера, съ перерывомъ на одинъ часъ на обѣдъ. Много штрафовъ и вычетовъ за куреніе въ мастерской, за опаздываніе и прогулъ. Управляющіе-нѣмцы очень грубы. На фабрику предпочитаютъ брать женщинъ, какъ народъ болѣе сговорчивый; въ дренажномъ отдѣленіи, напр., на одного мастера приходится 25 дѣвушекъ. Сильно развита спеціализація труда, каждый все время исполняетъ только одну небольшую часть работы, а потому труднѣе отыскивать работу при потерѣ мѣста, что, въ свою очередь, заставляетъ больше дорожить мѣстомъ и ради этого переносить оскорбленія.

Фаб. Филиппова. Положеніе такъ наз. мальчиковъ или, точнѣе, подростковъ старше 16 лѣтъ — прямо ужасное. Получаютъ они 5 руб. на хозяйскихъ харчахъ и квартирѣ. Спальни помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, въ помѣщеніи безъ вентиляціи, гдѣ ночуетъ до 300 чел., и температура очень высока. Койки стоятъ очень тѣсно, воздухъ удушливый, и если войти съ улицы, то просто задыхаешься. Спятъ въ повалку по 3-4 чел. на двухъ койкахъ. Обращеніе мастеровъ грубое, бьютъ чѣмъ попало по лицу со всего размаха. На фабрикѣ работаютъ день и ночь, двумя смѣнами; денная $11^1/_2$ час., ночная, по правиламъ, должна работать 10 час., а противъ правилъ и безъ всякой доплаты работаетъ $10^1/_2$ час. Подростки работаютъ съ 12 ночи до 1-2 ч. дня, и такъ за 13-14 ч. непрерывнаго труда получаютъ 5 руб. съ придачей тухлой говядины и кулачной и палочной расправы. Взрослые рабочіе получаютъ очень низкую плату, которая доходитъ иногда до 9 р. — Дѣвушки-конфетницы — въ томъ же положеніи: мастера и съ ними обращаются грубо и бьютъ по щекамъ. Работницъ обыскиваетъ сторожъ-мужчина. Управляющіе произвольно разсчитываютъ рабочихъ изъ вражды другъ къ другу, когда, напр., одинъ найметъ безъ спроса другого. По окончаніи работы заставляютъ иногда разносить хлѣбъ.

Фабрика Реноме. Дѣвушки старше 16 лѣтъ получаютъ 30-45 коп. на своихъ харчахъ и квартирѣ. Обращаются съ работниками и работницами крайне грубо. По окончаніи работъ дѣвушки обыскиваются сторожами-татарами, которые особенно усердно ихъ обыскиваютъ и позволяютъ по отношенію къ нимъ всевозможныя грубыя выходки. Обыскъ у воротъ наглядно показываетъ полное ихъ безправіе; этотъ обыскъ — просто наглое надругательство надъ ихъ честью и совершенно излишенъ, такъ какъ еще ранѣе при выходѣ изъ мастерской они обыскиваются „мадамой“. Приказчики обыкновенно соблазняютъ молоденькихъ обѣщаніемъ болѣе легкой и выгодной работы. — „Мальчики“ 16-21 года получаютъ 11-12 руб. на своихъ харчахъ и квартирѣ. Взрослые умѣлые рабочіе получаютъ 13-25 руб.: за прогулъ вычитаютъ заработокъ и, кромѣ того, штрафуютъ. Обращаются приказчики скверно, а въ шоколадномъ отдѣленіи мастеръ Боярскій, не задумываясь, пускаетъ въ ходъ кулачную расправу.

На фаб. С. Сіу и К°. порядки тоже нисколько не лучше. Та же низкая плата, тѣ же возмутительные обыски и проч.

На фаб. Филиппова распространены фабр. правила; правила эти вводятъ только болѣе строгіе штрафы за прогулы и опаздываніе. Законъ 2 іюня 1897 года, поскольку онъ теперь вводится въ булочныхъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть для рабочаго никакого значенія, такъ какъ онъ сведенъ къ нулю циркуляромъ министра Витте (отъ 5 января 1898 года за № 219). На основаніи этого циркуляра, хлѣбопекарни и булочныя по отношенію къ праздничному отдыху и продолжительности рабочаго времени могутъ быть подчинены правиламъ о непрерывныхъ работахъ, при чемъ для означенныхъ заведеній можетъ быть допущено неограниченное число сверхурочныхъ часовъ въ годъ.

§ 13 закона обязываетъ давать при непрерывныхъ производствахъ отдыхъ рабочимъ въ 24 часа три раза въ мѣсяцъ при 8-часовой работѣ; 4 раза при работѣ болѣе 8 ч. Но циркуляръ отъ 24 февраля 1898 года за № 5107 гласитъ: вслѣдствіе затруднительности его соблюденія при нѣкоторыхъ непрерывныхъ работахъ, правило о предоставленіи рабочимъ опредѣленнаго числа свободныхъ сутокъ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ установлена 8-час. трехкомплектная работа, необязательно.

Итакъ, законъ отмѣненъ циркулярами министра!! Не пора-ли булочникамъ и кондиторамъ самимъ составить свои „циркуляры“ для хозяевъ и для правительства?

Орѣхово-Зуево. Фабрика Саввы Морозова. Какія безобразія дѣлаются на нашихъ фабрикахъ, — показываетъ описываемый нашимъ корреспондентомъ случай поддѣлки рабочихъ разсчетныхъ книжекъ. Одинъ ткачъ просилъ мастера Горбунова (въ отсутствіе завѣдующаго Гусева) перевести его больную жену на другую пару станковъ, такъ какъ ей не подъ силу было работать на двухарщинномъ станкѣ. Горбуновъ не только не исполнилъ его просьбы, но прогналъ съ фабрики и ткача и его жену, при чемъ послѣднюю толкнулъ такъ сильно, что она слегла въ больницу, и докторъ опасался преждевременныхъ родовъ. Ткачъ ходилъ къ фабричному инспектору, но тотъ отказался его защитить. Разсчетъ же рабочему предложили получить черезъ пристава. И вотъ приставъ выдалъ ткачу двѣ разсчетныя книжки: на его имя и на имя его жены. Удивленный ткачъ отказался получить деньги, ибо настоящія разсчетныя книжки находились у него. Приставъ попросилъ у ткача его книжки, но ткачъ, разумѣется, отказался ихъ выдать, хотя приставъ и заявлялъ, что отправитъ книжки жандармскому ротмистру — онъ-де не похвалитъ за поддѣлку книжекъ! Получивъ отъ пристава фальшивыя книжки, ротмистръ пригласилъ фабричнаго инспектора и Гусева. Но Гусевъ сказалъ, что онъ былъ въ отсутствіи, а фабричный инспекторъ самымъ безстыднымъ и наглымъ образомъ отрекся, говоря, что ткачъ къ нему не обращался. Затѣмъ въ конторѣ ткача тоже упрашивали выдать старыя книжки и даже обѣщали ему деньги за окончаніе дѣла миромъ, но ткачъ не согласился. Послѣ этого ткачъ принужденъ былъ уѣхать домой въ деревню, и ему никто не помогъ, хотя на словахъ сулили помочь и Гусевъ, и приставъ, и ротмистръ. Ротмистръ особенно старается войти въ довѣріе къ рабочимъ, но это ему не удается. „Всѣ мы, развитые рабочіе, не вѣримъ ротмистру, потому что кто желаетъ добра и защиты рабочимъ, тотъ не будетъ затирать преступные пріемы фабричной администраціи, не будетъ смотрѣть сквозь пальцы на всевозможныя злоупотребленія. Да и не можетъ быть, чтобы истинный защитникъ рабочихъ согласился быть жандармскимъ офицеромъ“. „Одно несомнѣнно, — заканчиваютъ свое сообщеніе орѣхово-зуевцы, — что Горбуновъ и другіе остались безнаказанными и, слѣд., будутъ продолжать дѣлать разные фальшивые документы во вредъ рабочимъ“.

30 октября въ Зуевѣ у уборщика Агафонова въ его отсутствіи былъ произведенъ обыскъ. Явившись въ четвергъ 1 ноября домой, онъ былъ арестованъ. Отсутствовалъ же онъ, какъ удалось узнать, по случаю отбытія воинской повинности.

Послѣ ареста Агафонова, орѣховскій приставъ такъ выражался: „Намъ теперь ничего не нужно, теперь весь Петербургъ узнаетъ, что тутъ идетъ агитація“. Хотѣлъ-ли онъ этимъ сказать, что они открыли Америку, или то, что ему накинутъ лишній чинъ? Или то, что вотъ теперь-то пріѣдутъ изъ Петербурга ловкіе жандармы и вырвутъ съ корнемъ агитацію? Не знаемъ, потому что трудно было понять езоповскій языкъ пристава. Да и откуда узналъ приставъ, что идетъ агитація? Мы вполнѣ надѣемся, что взять что-либо у Агафонова имъ не удалось по той простой причинѣ, что тамъ ничего не могло быть. А впрочемъ, можетъ, онъ (Агафоновъ) кое-что и нашелъ, какъ это и было съ нѣкоторыми. Орѣхово-Богородская организація.

Въ Витебскѣ 24 ноября въ субботу была манифестація 700 рабочихъ по поводу отправки ссыльныхъ рабочихъ въ Сибирь. Въ Двинскѣ были также двѣ манифестаціи. Одна на похоронахъ одного прикащика, а другая — при высылкѣ рекрутовъ, въ числѣ которыхъ были многіе организованные. На одной изъ нихъ былъ арестованъ 15-лѣтній мальчикъ, котораго высѣкли въ части. Была также здѣсь разбросана печатная прокламація къ рабочимъ и работницамъ фабрики Закса (спичечной). Въ прокламаціи описываются тяжелыя условія труда (15-16-часовый рабочій день, грошевая плата, особенно дѣвушекъ, разрушающая здоровье работа, грубость управляющаго и т. д.) и рабочіе приглашаются требовать 12 часоваго рабочаго дня и повышенія расцѣнка. Въ Сморгони, говорятъ, арестованы 200 чел., которыхъ также били.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГЕРМАНІЯ.

6 ноября (24 октября по старому стилю) въ Берлинѣ происходили выборы въ городскую думу. Избирателямъ третьяго класса (обнимающаго наименѣе состоятельную часть плательщиковъ налоговъ) предстояло избрать 16 гласныхъ (городская дума обновляется по частямъ). Выборы пріобрѣли большой политическій интересъ въ виду событій, разыгравшихся въ городской думѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Большинство въ думѣ до сихъ составляли либералы (свободомыслящіе); благодаря тому, что при городскихъ выборахъ рабочіе не пользуются всеобщимъ и равнымъ правомъ голоса, соціалдемократы имѣли всего 22 представителей въ думѣ. Либеральное большинство почти постоянно находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ правительствомъ и, въ частности, съ императоромъ Вильгельмомъ. Проникнутый до мозга костей военно-аристократической кичливостью, императоръ не можетъ спокойно перенести, что въ „его“ столицѣ хозяйничаютъ представители свободомыслящей буржуазіи. И хотя либералы дѣлаютъ все возможное, чтобы угодить императору и не пропускаютъ ни одного случая, чтобы не подчеркнуть свою „вѣрноподданическую“ благонадежность, хотя они и пресмыкаются передъ „верховной властью“ по доброму обычаю буржуазныхъ либераловъ всего міра, тѣмъ не менѣе императоръ всегда испытываетъ потребность задирать берлинскую думу, пользуясь предоставленнымъ ему конституціей правомъ не утверждать то или другое постановленіе выборныхъ берлинскаго населенія. Такъ, Вильгельмъ II въ свое время не утвердилъ постановленія думы о постановкѣ памятника на могилахъ павшихъ въ 1848 г. борцовъ революціи. И берлинская дума во всѣхъ такихъ столкновеніяхъ проявляла самую постыдную трусость. Храбрые на словахъ либералы при всякой враждебной выходкѣ императора тотчасъ же сдавались и оставляли безъ протеста распоряженія Вильгельма, не всегда согласовавшіяся съ закономъ. Въ послѣднее время Вильгельмъ опять бросилъ вызовъ думскимъ либераламъ, не утвердивъ выбраннаго ими въ званіе бургомистра Кауфмана за то только, что онъ очень давно выдвинулся въ борьбѣ съ правительствомъ и былъ за это уволенъ изъ военной службы по настоянію „вѣрноподданныхъ“ офицеровъ. Дума осмѣлилась выбрать Кауфмана вторично, правительство объявило выборъ незаконнымъ. Либералы опять потеряли мужество и, хотя и обжаловали въ законномъ порядкѣ распоряженіе правительства, но уже въ ихъ рѣчахъ послышалась нотка о томъ, что необходимо считаться съ волей государя, что надо держаться въ предѣлахъ почтенія къ верховной власти и т. п. Еще постыднѣе вели себя либералы, когда Вильгельмъ, на этотъ разъ уже совершенно противозаконно, потребовалъ передѣлки плана одного сооружаемаго думой фонтана. Предложеніе соціалдемократовъ, чтобы дума отстаивала свои права, не было принято.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ между думой и правительствомъ, соціалдемократы всегда отстаивали точку зрѣнія полной свободы городского самоуправленія и рѣзко критиковали тактику буржуазныхъ либераловъ, которые приносятъ интересы населенія въ жертву самовластнымъ притязаніямъ правительства. Съ этимъ же паролемъ явились соціалдемократы и на нынѣшнихъ выборахъ, приглашая избирателей протестовать противъ безхарактерной дряблости либераловъ. И избиратели послѣдовали призыву соціалдемократовъ. Изъ числа 16 округовъ, въ которыхъ происходили выборы, соціалдемократы избраны въ 13, тогда какъ либералы всего въ 3 округахъ. До сихъ поръ эти округи были были представлены всего 7 соціалдемократами, 8 либералами и однимъ антисемитомъ. Такимъ образомъ, соціалдемократы выиграли 6 мѣстъ. Теперь въ городской думѣ будетъ 28 соц.дем.

Берлинское населеніе показало своимъ голосованіемъ 6 ноября, что оно всецѣло стоитъ на сторонѣ соціалдемократіи, какъ единственной честной защитницы правъ населенія въ борьбѣ съ правительственнымъ произволомъ. Громадный ростъ числа поданныхъ за партію голосовъ заставляетъ предполагать, что за соціалдемократовъ голосовали многіе, не вполнѣ согласные съ ихъ программой, но считающіе нужнымъ ихъ поддерживать, какъ единственно-надежныхъ представителей городскихъ интересовъ. Такъ, рабочая партія постепенно становится общепризнаннымъ политическимъ вождемъ всего народа, вождемъ, которому различные слои населенія, не всегда сознающіе вполнѣ ясно ея программу, поручаютъ представительство своихъ интересовъ. Такъ, черезъ посредство своей соціалдемократической партіи рабочій классъ въ Германіи становится той политической силой, на которую возлагаютъ всѣ свои надежды тѣ, кто недоволенъ нынѣшнимъ хозяйничаньемъ въ государствѣ буржуазіи и дворянства. И только ставъ такимъ политическимъ центромъ для всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ, рабочій классъ можетъ разсчитывать въ недалекомъ будущемъ перенять въ свои руки государственную власть, ускользающую изъ рукъ нынѣшнихъ „высшихъ классовъ“, утратившихъ всякую способность пользоваться этой властью въ интересахъ большинства народа.

Въ борьбѣ за свободу, гдѣ бы она ни попиралась, соціалдемократія быстро усиливаетъ свое политическое вліяніе, чтобы его использовать въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата съ ея конечной цѣлью — торжествомъ соціализма.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Одинъ изъ нашихъ представителей проситъ насъ помѣстить слѣдующее воззваніе:

Вниманію революціонеровъ!

Въ послѣднее время стало вновь извѣстно нѣсколько печальныхъ случаевъ, когда обыски и аресты были вызваны непростительною оплошностью революціонеровъ или лицъ, сочувствующихъ революціонной дѣятельности. „Къ намъ пріѣхалъ такой-то, очень интересный господинъ, благодаря ему у насъ замѣтно оживленіе, появились кружки, литература...“ или „У насъ, къ сожалѣнію, никого нѣтъ, всѣ интересные люди разъѣхались, такой-то туда-то, такой-то туда-то“ и т. п. Какъ часто приходится читать подобныя письма и какъ часто такія письма попадаются въ руки жандармовъ! По нашему мнѣнію, въ частной, не шифрованной перепискѣ, никто изъ революціонеровъ и лицъ, сочувствующихъ революціонному движенію, ничего не долженъ упоминать ни объ именахъ, ни объ адресахъ, ни о кружкахъ, а только развѣ объ общеизвѣстныхъ событіяхъ, какъ демонстраціи, стачки и т. п.

Можетъ быть, возразятъ, что трудно не писать близкому чел. о томъ, что тебя волнуетъ въ данную минуту, чѣмъ занимаешься, — но къ чорту всѣ сантиментальности! — Революціонеръ порываетъ съ семьей, отказывается отъ матеріальнаго довольства, идетъ въ тюрьму, въ ссылку, можно же ради дѣла отказаться и отъ этой духовной потребности..

Далѣе, приходится констатировать тотъ печальный фактъ, что нѣкоторые революціонеры, посылая письма окказіей или инымъ конспиративнымъ путемъ, не считаютъ нужнымъ ничего шифровать. Между тѣмъ, такое письмо можетъ затеряться или вообще какъ-нибудь попасть въ руки жандармовъ. Въ Россіи мы отъ этого никогда не гарантированы. Поэтому, всякій революціонеръ и сочувствующій революціонному движенію обязанъ, по нашему мнѣнію, непремѣнно шифровать адреса, имена и конспиративныя порученія, какимъ бы путемъ письмо ни посылалось.

Не является-ли это вообще скандальнымъ явленіемъ, что такъ часто при обыскахъ находятъ конспиративные адреса? Неужели революціонеры все еще считаютъ возможнымъ записывать у себя адреса иначе, какъ шифромъ? Для избѣжанія такихъ оплошностей, намъ кажется необходимымъ обязать каждаго революціонера никому не давать конспиративныхъ адресовъ иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы тотъ или тутъ же выучилъ его наизусть или при немъ же записалъ шифромъ. Царское правительство и такъ окружаетъ насъ цѣлою сѣтью преградъ и ловушекъ, а потому мы ни на іоту не должны отступать отъ необходимыхъ конспиративныхъ предосторожностей. Пусть каждый революціонеръ и сочувствующій революціонной дѣятельности подумаетъ, какую тяжелую нравственную отвѣтственность онъ беретъ на свою совѣсть, если своею непростительною халатностью содѣйствуетъ разстройству революціонныхъ рядовъ, и безъ того находящихся подъ безпрестаннымъ огнемъ царскихъ башибузуковъ.

(Добавимъ, съ своей стороны, что шифръ — оружіе обоюдоострое, ибо жандармы легко съумѣютъ раскрыть всякій шифръ, если не примѣнять при шифрованіи особыхъ предосторожностей. Безусловно необходимо: 1) не отдѣлять слова отъ слова; 2) не повторять часто одинаковыхъ знаковъ, особенно знаковъ для наиболѣе употребительныхъ буквъ; 3) писать шифръ такъ, чтобы нельзя было узнать системы шифра; 4) не употреблять слишъ извѣстныхъ стихотвореній и книгъ. Безъ соблюденія этихъ правилъ шифръ прямо-таки недопустимъ. Ред.).

Мы получили письмо „рабочихъ съ юга“, привѣтствующихъ усиленіе революціоннаго направленія въ русской соціалдемократіи и поручающихъ намъ передать ихъ привѣтствіе „заграничной лигѣ русской революціонной соціалдемократіи“. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ помѣстить это письмо цѣликомъ. Мы вполнѣ согласны съ авторами письма, что „прокламаціонный способъ, который практикуется у насъ въ Россіи для проведенія революціонныхъ идей въ широкую массу, не въ состояніи воспитать массу политически сознательно“, что „необходимо создать спеціальную литературу для политическаго воспитанія русскаго пролетаріата“. Но едва-ли практиченъ проектъ авторовъ письма издавать съ этою цѣлью популярныя брошюры въ 3-4 стр. и распространять ихъ „одновременно по всей Россіи“. Мы думаемъ, что русскій пролетаріатъ вполнѣ созрѣлъ уже и для такого рода литературы, какимъ пользуются всѣ остальные классы, т. е. для газеты. Только политическая газета можетъ дѣйствительно воспитывать массу политически сознательно и освѣщать, по выраженію авторовъ письма, „всю нашу общественную жизнь, начиная съ четвертаго сословія и кончая крупной буржуазіей“. Только общерусская газета можетъ, при условіи активной поддержки ея всѣми комитетами и мѣстными кружками, распространяться болѣе или менѣе „одновременно по всей Россіи“ и выходить настолько часто, чтобы заслуживать названія газеты. И только прочная постановка такого революціоннаго органа ознаменуетъ окончательный переходъ нашего движенія „отъ стачечно-экономической борьбы къ широкой революціонной борьбѣ съ русскимъ самодержавнымъ правительствомъ“.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Когда настоящій номеръ былъ уже совсѣмъ законченъ, мы прочитали въ нашихъ газетахъ рядъ сообщеній изъ СПБ., Риги, даже Могилева, даже Олонецкой губ., о повтореніи градоначальниками и губернаторами запрещенія сходбищъ и собраній. Правительство готовится! Въ г. Екатеринославѣ губернаторъ расклеиваетъ 14 декабря объявленіе, что онъ „не остановится передъ самыми крайними мѣрами“ противъ „затѣваемыхъ („группою людей неблагонамѣренныхъ“) на 15 и 16 дек. уличныхъ демонстраціи“. Поблагодаримъ же правительство за оповѣщеніе всего населенія о готовящейся демонстраціи и не будемъ же отставать со своими собственными приготовленіями!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Уфѣ были обыски у поднадзорныхъ Леоновича и Поповой (Юліи). Были арестованы: Квятковскій (поднадз.), Сазоновъ (студ.), Ахтямовъ (студ.). Въ Симскомъ заводѣ арестованы студентъ горнаго института и двое рабочихъ. Въ настоящее время всѣ арестованные выпущены.

Въ Нижнемъ числа 10-12 ноября арестованъ по приказу изъ СПБ. бывшій студентъ Томскаго политехникума Евгеній Колосовъ. 3 декабря арестованы бывшій студ. С. Корсакъ и бывшій гимназ. Свердловъ по подозрѣнію въ участіи въ демонстраціи 7 ноября.

Въ Петербургѣ съ 3 на 4 декабря были аресты. Въ числѣ арестованныхъ называютъ студ. Никонова, Долгушенко (мужъ и жена, оба медики), Мандельштамъ, Рубинчикъ, Севрюкъ и друг.

Въ тѣхъ же числахъ, по распоряженію изъ СПБ., были обыски и аресты въ Вильно и Ковно.

Около 13 ноября въ Вяткѣ были арестованы трое ссыльныхъ, а передъ этимъ были обыски у учащихся.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Z. Очень просимъ присылать корреспонденціи такого же характера, какъ присланная. „Искра“ задается цѣлью освѣщать съ соц.-демократической точки зрѣнія всѣ явленія русской общественной жизни, а потому она заинтересована въ полученіи корреспонденцій не только изъ „пролетарской“ жизни.

„Россія. Дзету“. Письмо Ваше напечатано въ № 10. Статью (въ сокращеніи) тоже постараемся помѣстить. Благодаримъ и просимъ сотрудничать. Дайте намъ тѣмъ же путемъ знать, какъ доставлять Вамъ „Искру“.

2аЗб. Почему отъ Васъ нѣтъ ни писемъ, ни корреспонденцій? Ваше молчаніе очень тревожитъ насъ.

За октябрь и ноябрь московскимъ представителемъ получено: по мелочамъ 33 р. 75 к., изъ Нижняго 15 р., изъ Курска 10 р.

Отъ Башкирки 200 рублей, изъ Х. на спеціальную цѣль 50 р., изъ дальняго востока 35 р.

Отъ Б. 75 фр., отъ стараго соціалдемократа 50 фр., черезъ посредство Рудинкова изъ Б—а 54 фр. 65 с. отъ Б. К. Ф., отъ Б—ской гр. 45 фр. 35 с.

Изъ Дармштадта 140 м. 10 пф. (изъ нихъ 44 марки по листку 8а), отъ парижской группы 395 и 250 фр., изъ Л. 12,50 фр., изъ Цюриха 30,70 фр., по листкамъ: 39а 8,35 ф., 36а 4 ф., 33а 3 ф., за литературу изъ Ц. 20,25 фр., Сч... 10 ф., лотерея 20,25, отъ общ. раб. 4 ф., за лит. въ Женевѣ 20 ф., отъ женевской группы 72.25, изъ Ц. 9,80, отъ сытаго буржуа 40 ф., изъ Вѣны 10.50, по листку 1а 21.40 (21 шил.), за лит. въ Жен. 15 ф., изъ Льежа 14.50 и 50 ф., по листку 26а 9 фр. Изъ М. 200 мар.

Въ пользу обуховцевъ: изъ Сибирской кассы 100 ф., въ Женевѣ на вечерѣ по поводу 25 лѣтія Казанской демонстраціи собрано 58,35, по листку 33 22.50, первый сб. въ Парижѣ 127,30, въ Берлинѣ отъ Г. Р. И. 3 марки.

Вышло второе изданіе номера десятаго „Искры“, выпущенное нами (по просьбѣ товарищей) въ другомъ форматѣ и на болѣе плотной бумагѣ.

Вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ (изъ № 9 „Искры“) съ приложеніемъ статьи: „Новое побоище“ (изъ № 5 „Искры“). Цѣна 10 коп. (15 стр.).

Типографія „Искры“.